25556

А. Добровольскій и Н. Беръ

ПРАКТИКА
Правительств. Сената
ПО ТОРГОВЫМЪ ДѢЛАМЪ

съ 1889 г. по 1913 г. включительно

т. II.

37143

БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета Мин. Фин. *

Изданіе Юридическаго Книжнаго Магазина
И. И. ЗУБКОВА подъ фирмою „ЗАКОНОВѢДѢНІЕ“
КОММИССІОНЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ
С.-Петербургъ, Литейный просп., 53.
1914

25556

Изданіе неоффиціальное.

ПРАКТИКА

бывшаго 4-го и Судебнаго Департаментовъ, а также 2-го Общаго Правительствующаго Сената Собранія и (частью) Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената

ПО ТОРГОВЫМЪ ДѢЛАМЪ

39.193

съ 1889 г. по 1913 г. включительно.

Приказчики. Довѣренность. Представитель. Агентъ. Комиссія. Фирма. Товарищества. Акціонерныя общества. Артель. Договоръ. Купля-продажа. Поставка. Ссуда. Наемъ помѣщеній. Торговыя книги. Текущій счетъ. Банкирскія операціи. Проценты. Храненіе. Перевозка. Лоцмана. Бодмерея. Морское страхованіе. Аварія. Крушеніе. Пограничная стража. Диспаша.

СОСТАВИЛИ:

А. Добровольскій,

Сенаторъ, бывшій Оберъ-Прокуроръ Судебнаго Департамента Правительствующаго Сената, и

Н. Беръ,

состоящій за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ въ Судебномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, исполняющій обязанности Товарища Оберъ-Прокурора того-же Департамента.

Томъ II.

Изданіе 3-е, исправленное и дополненное.

БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета Мин. фин. *

ИЗДАНІЕ ЮРИДИЧЕСКАГО КНИЖНАГО МАГАЗИНА
Ив. Ив. ЗУБКОВА подъ фирмою „ЗАКОНОВѢДѢНІЕ“
КОММИССІОНЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.
С.-Петербургъ, Литейный просп. № 53.
1914.

39

Библиотека ОКИФ СССР

81251

Типографія Ив. Ив. Зубкова, Загородный 10.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Распродажа обѣихъ частей „Практики Правительствующаго Сената по торговымъ дѣламъ“, изданныхъ мною, Добровольскимъ, и Помощникомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта В. Ф. Гребнеромъ, вызвала необходимость новаго изданія этихъ книгъ (4-го изданія для первой части и 3-го для второй части). Форма изложенія, система и составныя части остались тѣ же, причемъ въ новое изданіе для полноты его внесены и выписки изъ рѣшеній Гражданскаго Касс. Д-та Прав. Сената за позднѣйшее (съ 1903 г.) время, а также ссылки на рѣшенія, помѣщенныя въ сборникахъ Сенаторовъ: В. И. Вильсона (2 тома) и Д. А. Носенко (5 томовъ). Въ виду появленія въ свѣтъ въ 1913 г. Устава Торговаго, изданія Добровольскаго, заключающаго въ себѣ ссылки на „практику по торговымъ дѣламъ“ первоначальныхъ изданій,—въ новомъ ея изданіи, для удобства справокъ помѣщены двѣ нумераціи, изъ которыхъ первая обозначаетъ №№ по порядку, а вторая (нижняя)—соотвѣтствующіе №№ сборниковъ прежняго изданія.

Сборникъ снабженъ указателями: постатейнымъ и алфавитнымъ.

А. Добровольскій.

Н. Беръ.

ЗНАЧЕНІЕ СОКРАЩЕНІЙ.

Сборникъ Вильсона томъ I или II . . . . . сб. В. I и II.

Сборникъ Носенко . . . . . „ Н. I—V.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
1. Приказчики	1
2. Довѣренность	52
3. Представитель	57
4. Агентъ	61
5. Комиссія	64
6. Фирма	98
7. Товарные знаки	113
8. Товарищество полное и на вѣрѣ	125
9. Общества акціонерныя и товарищества на паяхъ	252
10. Артель	275
11. Договоръ	349
12. Купля-продажа	372
13. Поставка	418
14. Ссуда подъ залогъ товаровъ въ оборотѣ	433
15. Наемъ помѣщенія	438
16. Торговыя книги	451
17. Контокуррентъ	452
18. Спеціальный текущій счетъ (on call)	472
19. Банкирскія операціи	528
а) Разныя сдѣлки этого рода	—
б) Чеки и переводы	561
в) Реверсная сдѣлка	574
20. О процентахъ по договорамъ и обязательствамъ	577
21. Храненіе	578
22. Перевозка	586
23. Лоцмана	696
24. Бодмерея	702
25. Морское страхованіе	708
26. Аварія	764
27. Столкновеніе судовъ на рѣкѣ	813
28. Спасеніе при крушеніи	814
29. Пограничная стража	829
30. Вознагражденіе карабельнаго маклера	832
31. Диспаша	835

I.

ПРИКАЗЧИКИ.

а) Общее понятіе.

1. Подъ приказчиками, права и обязанности которыхъ опредѣляются въ I разд. I-й книги Уст. Торг. слѣдуетъ понимать тѣхъ торговыхъ дѣятелей, которые производятъ торговыя дѣйствія отъ имени хозяина и дѣятельность которыхъ, нося юридическій характеръ, направлена къ установленію или измѣненію правъ хозяина; если ихъ дѣятельность, не заключая подобныхъ признаковъ, направлена къ содѣйствію торговлѣ лишь путемъ техническимъ, то они подъ понятіе приказчиковъ подведены быть не могутъ (1892 г., № 1708).

2. Правила, касающіяся приказчиковъ, составляютъ изъятіе изъ общихъ правилъ о договорѣ личнаго найма. Поэтому нѣтъ основанія дѣйствіе этихъ спеціальныхъ нормъ, имѣющихъ въ виду опредѣленную категорію служащихъ, распространять на тѣхъ лицъ, которымъ, какъ напр., управляющимъ отдѣленіями банка и ихъ товарищамъ, по закону (отд. V прил. къ ст. 368 и прил. къ ст. 427 Уст. о Прям. Налогахъ, изд. 1903 г.) не надлежитъ имѣть приказчичьихъ свидѣтельствъ (1910 г., № 340).

Гражд. Касс. Деп. въ рѣшеніи 1909 г., № 36, обсуждая вопросъ о подсудности иска директора банка о вознагражденіи по должности директора, призналъ, что директоръ акціонернаго банка является приказчикомъ онаго.

б) О договорѣ найма приказчиковъ и взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ хозяевъ и приказчиковъ.

3. При отсутствіи приказчичьяго договора приказчикъ не вправѣ искать съ хозяина рядной платы. Для

требованія отъ приказчика отчета хозяинъ обязанъ доказать, что приказчикъ состоялъ у него на отчетѣ.

Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что согласно апелляціонной жалобѣ Сутугина обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно-ли Ком. Судъ: 1) отказалъ ему въ искѣ съ Маслова заслуженнаго въ качествѣ приказчика жалованья и денегъ, израсходованныхъ имъ на надобности булочнаго заведенія Маслова, и 2) призналъ его, Сутугина, обязаннымъ дать Маслову отчетъ по торговлѣ съ 14 марта по 19 декабря 1891 г. Относительно требованія Сутугина заслуженнаго жалованья, Прав. Сенатъ находитъ, что по точной силѣ ст. 7 Уст. Торг. „срокъ служенія приказчиковъ, ихъ жалованье и рядная плата, также жилище и содержаніе зависятъ отъ взаимнаго ихъ съ хозяевами условія и опредѣляются письменнымъ о наймѣ ихъ договоромъ“. По статьѣ же 8 того же Устава, „если такового письменнаго договора заключено не было, или если въ ономъ насчетъ рядной платы и содержанія ничего не сказано, то приказчикъ не вправѣ того законно требовать“. Въ виду буквальнаго смысла приведенныхъ законовъ и принимая во вниманіе: 1) что между Сутугинымъ и Масловымъ никакого письменнаго договора о наймѣ послѣднимъ перваго приказчикомъ заключено не было; 2) что причины, по которымъ заключенія такого договора не послѣдовало, представляются для дѣла совершенно безразличными, ибо ни въ чемъ не могутъ измѣнить безусловнаго постановленія приведенной ст. 8 Уст. Торг., а потому и допросъ по сему предмету свидѣтелей является излишнимъ,—Прав. Сенатъ признаетъ требованіе Сутугина съ Маслова о жалованьи удовлетворенію не подлежащимъ. Равнымъ образомъ не можетъ быть признано уважительнымъ и второе требованіе Сутугина съ Маслова денегъ, израсходованныхъ имъ, по его объясненію, за Маслова, какъ не подкрѣпленное рѣшительно никакими доказательствами. Хотя въ подтвержденіе этого своего требованія Сутугинъ и сослался на запись въ одной изъ представленныхъ Масловымъ книгъ, но содержаніе таковой ссылки его не подтвердило. Что же касается ходатайствъ его въ апелляціи объ истребованіи отъ Маслова еще другой книги, о существованіи которой имъ однако на судѣ ничего заявлено не было, а равно и о допросѣ по сему предмету свидѣтелей, то таковыя не подлежатъ удовлетворенію, первое—за силою ст. 617 Уст. Торг., а второе—за силою ст. 284 Уст. Суд. Торг. Признавая посему отказъ суда въ искѣ Сутугина съ Маслова обѣихъ вышеозначенныхъ суммъ вполнѣ правильнымъ и переходя къ обсужденію той части рѣшенія суда, коею судъ обязалъ Сутугина дать Маслову отчетъ, Прав. Сенатъ находитъ, что, предъявляя къ Сутугину искъ о дачѣ отчета, Масловъ, какъ истецъ, долженъ былъ прежде всего доказать то обстоятельство, что Сутугинъ дѣйствительно состоялъ у него приказчикомъ на отчетѣ, т. е. самостоятельно завѣдывалъ его торговлею. Между тѣмъ при полномъ отрицаніи этого обстоятельства со стороны

отвѣтчика, Масловъ въ подтвержденіе сего никакихъ доказательствъ—каковымъ могъ бы, впрочемъ, служить только тотъ же приказчичій договоръ—не представилъ, а потому и означенное требованіе его, въ противность заключенія Спб. Ком. Суда, удовлетворенію подлежать не можетъ (1892 г., № 1710; 1897 г., № 1143).

4|3. Лицо, служившее бухгалтеромъ Общества безъ письменнаго договора, на точномъ основаніи ст. 7 и 8 Уст. Торг., лишено права на взысканіе съ Общества вознагражденія какъ въ видѣ заслуженнаго жалованія, такъ и въ видѣ убытковъ отъ досрочнаго и неправильнаго увольненія, такъ какъ этотъ существенный недостатокъ (отсутствіе письменнаго договора, не можетъ быть восполненъ, какъ это дѣлаетъ Ком. Судъ, ни указаніемъ на смѣту Общества, въ которой годовой окладъ жалованья бухгалтера опредѣленъ въ 1.900 р., ни ссылкою на торговый обычай, въ силу котораго увольненіе служащихъ въ торговыхъ учрежденіяхъ лицъ безъ предварительнаго увѣдомленія или безъ вознагражденія не допускается, ибо, во 1-хъ, соображеніе суда, что смѣта Общества является какъ бы двухстороннимъ договоромъ, въ силу коего Общество приняло на себя обязанность выплачивать данному лицу содержаніе бухгалтера въ полномъ размѣрѣ, опредѣленномъ въ смѣтѣ, неосновательно, такъ какъ статьи, опредѣленныя въ смѣтѣ, представляютъ собою суммы, установленныя на содержаніе извѣстной должности, а не того или другого лица, занимающаго оную, а, во 2-хъ, по силѣ ст. 1 Уст. Торг. права и обязанности, проистекающія изъ сдѣлокъ и отношеній, торговлѣ свойственныхъ, опредѣляются законами торговыми и лишь въ случаѣ недостатка этихъ законовъ примѣняются законы гражданскіе и принятые въ торговомъ быту обычаи, въ виду чего и такъ какъ настоящее дѣло вполнѣ разрѣшается ст. 7 и 8 Уст. Торг., примѣненіе къ нему какого-либо несогласнаго съ сими законами обычая не можетъ имѣть мѣста (1895 г., № 1091).

5|4. Въ опредѣленіи 1902 г., № 742, по дѣлу Ульянова Прав. Сенатъ призналъ недопустимымъ, за силою 8 (7) ст. Уст. Торг. и 284 (260) ст. Уст. Суд. Торг., допросъ свидѣтелей въ подтвержденіе размѣра жалованья приказчика, условленнаго по договору найма его, такъ какъ размѣръ жалованья является существеннымъ условіемъ договора найма приказчика *).

*) Гражд. Касс. Деп. въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ своихъ признавалъ, что Уставъ Торговый не исключаетъ возможности найма приказчиковъ безъ письменнаго договора (1868 г., № 584 и 824; 1869 г., № 948; 1870 г., № 300; 1873 г., № 1076), но въ другихъ рѣшеніяхъ 1869 и 1871 г.г. высказанъ былъ взглядъ иной, согласный съ практикою 4-го Департамента.

6|5. Договоръ найма прекращается, коль скоро трудъ нанявшагося по независящимъ отъ нанимателя причинамъ сдѣлался, хотя бы и на нѣкоторое время, невозможнымъ.

Въ силу договора личнаго найма одно лицо, нанимающійся, обязывается за извѣстное вознагражденіе предоставлять въ распоряженіе другого лица—нанимателя, свой трудъ, на который, слѣдовательно, наниматель и имѣетъ право въ теченіе всего опредѣленнаго договоромъ времени (ст. 2201 т. X ч. 1 Зак. Гражд.). Такимъ образомъ предметъ договора личнаго найма составляетъ опредѣленный въ теченіе условленнаго времени трудъ нанявшагося, эквивалентомъ коего является уплачиваемое ему нанимателемъ вознагражденіе. Посему и такъ какъ однимъ изъ законныхъ основаній къ прекращенію договора является уничтоженіе предмета онаго, то и договоръ личнаго найма долженъ считаться прекратившимся, коль скоро, по тѣмъ или инымъ причинамъ, отъ нанимателя независящимъ, трудъ нанявшагося въ теченіе обусловленнаго времени, т. е. предметъ договора, дѣлается невозможнымъ. Отсюда, въ свою очередь, вытекаетъ, что послѣдующее до истеченія срока договора возстановленіе возможности для нанявшагося исполнить принятыя имъ на себя обязанности не можетъ имѣть никакого значенія для силы договора, уже разъ на законномъ основаніи прекратившагося вслѣдствіе наступившей невозможности труда нанявшагося и, слѣдовательно, не могущаго быть возстановленнымъ иначе, какъ путемъ новаго соглашенія контрагентовъ (1896 г., № 26).

Въ другомъ случаѣ Правительствующій Сенатъ призналъ, что указаніе отвѣтчика на то, что „лишеніе возможности продолжать дѣло, вслѣдствіе разоренія и необходимости его ликвидаціи“, является неопреодолимою силою, освобождающей отвѣтчика отъ принятаго обязательства, привело бы къ неправильному заключенію, что въ торговомъ оборотѣ исполнять договоры обязаны лишь люди богатые, а люди обѣднѣвшіе ipso facto свободны отъ принимаемыхъ ими обязательствъ и къ исполненію ихъ принуждаемы быть не могутъ; указываемыя апелляторомъ послѣдствія русско-японской войны—прекращеніе его дѣла на Дальнемъ Востокѣ, вслѣдствіе „исключительныхъ обстоятельствъ“—не могутъ быть подведены подъ понятіе „народныхъ волненій и непреодолимыхъ силъ“, при коихъ, на время ихъ дѣйствія, отвѣтчикъ, по договору, освобождался бы отъ выполненія принятаго имъ обязательства, почему упомянутыя указанія отвѣтчика не давали ему права на досрочное прекращеніе договора съ истцомъ (1908 г., № 1114).

7|6. Ни открытіемъ несостоятельности хозяина, ни смертью его договоръ найма приказчика не прекращается.

Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что предметъ его составляютъ взаимные иски инженера Плетнера и конкурснаго управленія по дѣламъ общества Восточно-Сибирскихъ чугунно-плавильныхъ и механическихъ заводовъ. Исковыя требованія Плетнера, въ суммѣ 5.304 р., составляются: изъ 4.150 р. жалованья на основаніи договора, заключеннаго имъ съ обществомъ 26 августа 1897 г., причитающагося ему со времени объявленія помянутаго общества несостоятельнымъ должникомъ, 4 декабря 1900 г.—по 19 мая 1901 г., когда конкурсное управленіе извѣстило Плетнера о томъ, что оно не считаетъ его на службѣ въ оном, 404 р. по счету, поданному присяжному попечителю, 360 р. суточныхъ съ 15 декабря 1900 г. по 21 января 1901 г. и 750 р. суточныхъ денегъ во время командировокъ его съ 4 февраля по 20 апрѣля 1901 г. Конкурсное управленіе не признало иска Плетнера правильнымъ, но Московскій Коммерческій Судъ удовлетворилъ искъ Плетнера. Обсудивъ апелляцію конкурснаго управленія, Прав. Сенатъ нашелъ, что главный доводъ апеллятора заключается въ указаніи на то, что въ силу объявленія несостоятельности хозяина, заключенные ранѣе съ этимъ несостоятельнымъ должникомъ договоры личнаго найма сами собою прекращаются и что поэтому и Плетнеръ, съ коимъ былъ заключенъ договоръ 26 августа 1897 г. не могъ считать себя на службѣ общества со времени объявленія послѣдняго несостоятельнымъ и въ виду сего не имѣетъ права требовать за это время условленнаго жалованья. Такое свое утвержденіе апелляторъ основываетъ на ст. 2330 п. 5 и ст. 1544 т. X ч. I Св. Зак. Но съ этимъ Прав. Сенатъ не призналъ возможнымъ согласиться. Прежде всего слѣдуетъ указать, что въ законахъ нѣтъ прямого постановленія о прекращеніи договоровъ личнаго найма фактомъ открытія несостоятельности. Въ ст. 2238 т. X ч. I Зак. Гражд. выражено общее начало, что договоры найма исполняются сторонами до наступленія срока оному и только въ случаѣ смерти хозяина до срока обязанность нанявшагося прекращается. Равнымъ образомъ и въ Уст. о Торг. Несост. не выражено о прекращеніи договора найма открытіемъ несостоятельности. Что же касается указываемыхъ апелляторомъ статей, то ст. 2330 Зак. Гражд. не имѣетъ отношенія къ настоящему случаю, какъ содержащая правило о прекращеніи лишь силы довѣренности съ момента открытія несостоятельности, и такимъ образомъ установляющая лишь то начало, что съ этого момента не могутъ быть совершены по довѣренности сдѣлки съ юридическими послѣдствіями, но вовсе не касающаяся отношеній и въ особенности разсчетовъ по договору личнаго найма; къ тому же Плетнеръ, какъ указываетъ самъ апелляторъ, довѣренности отъ общества вовсе не имѣлъ. Распространять выраженное въ этой статьѣ правило и на договоры другого характера, личнаго найма, не представляется правильнаго основанія. Ссылка же апеллятора на ст. 1544 т. X ч. I Зак. Гражд., устанавливающую, что договоры о дѣйствіяхъ личныхъ, какъ договоры найма, не распространяются на потомство лица нанявшагося, равнымъ образомъ является

не имѣющей значенія, тавъ какъ съ объявленіемъ лица несостоятельнымъ ни физическая, ни юридическая его личность не прекращаются и по ст. 459 и 477 Уст. Суд. Торг. конкурсное управленіе принимаетъ въ свое распоряженіе все имущество несостоятельнаго, къ составу котораго принадлежатъ и договоры, заключенные несостоятельнымъ, но съ той и другой стороны еще не исполненные, а, слѣдовательно, и договоры личнаго найма, коимъ срокъ еще не истекъ и отъ исполненія которыхъ конкурсное управленіе еще не отказалось. Къ сему слѣдуетъ добавить, что, если принять во вниманіе общій смыслъ постановленій закона о личномъ наймѣ, то нельзя не придти къ выводу, противоположному указываемому апелляторомъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что обязанность, принятая на себя Плетнеромъ по договору отъ 26 августа 1897 г. въ такомъ предпріятіи, какъ общество Восточно-Сибирскихъ чугунно-плавильныхъ и механическихъ заводовъ, если не вполнѣ, то въ разсматриваемомъ отношеніи подходитъ къ обязанностямъ приказчиковъ; поэтому и постановленія закона о приказчикахъ являются примѣнимыми къ настоящему случаю. Согласно же этимъ законоположеніямъ, вопреки мнѣнію апеллятора, даже смерть не прекращаетъ договора найма приказчика. Именно по ст. 19 прил. ст. 1013 (прим.) X т. I ч. „послѣ смерти хозяина торговаго предпріятія, всѣ служащіе при немъ конторщики, приказчики обязаны непремѣнно оставаться при должностяхъ своихъ, впредь до представленія кому слѣдуетъ отчетовъ“, т. е. опекуну или наслѣдникамъ. Что касается случаевъ объявленія несостоятельнымъ, то въ Уставѣ о Несостоятельности имѣются постановленія (ст. 424, 426 Уст. Суд. Торг., изд. 1903 г.), приводящія къ тому выводу, что съ открытіемъ несостоятельности договоры личнаго найма (приказчиковъ, служащихъ и проч.) не прекращаются, и что всѣ эти лица остаются при своихъ обязанностяхъ, конечно, подъ условіемъ полученія по истеченіи договорнаго срока условленнаго вознагражденія, если конкурсное управленіе или лица, завѣдующія конкурсной массой, отъ договоровъ этихъ не отказались и не предоставили симъ лицамъ искать на массѣ наравнѣ съ другими заимодавцами (ст. 477 Уст. Суд. Торг.). Изложенный взглядъ подтверждается и практикою Прав. Сената (по Касс. Деп.), согласно разъясненію котораго ни смерть хозяина, ни объявленіе его несостоятельнымъ не могутъ быть признаны моментомъ прекращенія служенія приказчика, а за начало теченія срока для разсчетовъ хозяина и приказчика долженъ считаться день дѣйствительнаго прекращенія служенія приказчика, а не день открытія несостоятельности. Такимъ образомъ первый, основной доводъ апеллятора представляется неуважительнымъ. Слѣдующія соображенія его, заключающіяся въ указаніи на то, что послѣ обращенія учрежденной по дѣламъ общества администраціи въ конкурсъ не было уже необходимости въ услугахъ Плетнера, что по дѣлу не доказана польза ихъ для общества, что, по мнѣнію пов. конкурса, исполнялись онѣ въ силу нравственной обязанности, какъ бывшаго служащаго общества,—не могутъ заслуживать уваженія уже въ силу

того, что никто не можетъ быть принужденъ къ безвозмездному оказанію услугъ. Кромѣ того въ договорѣ отъ 26 августа 1897 г., вовсе не предусмотрѣно, чтобы уменьшеніе или отсутствіе особыхъ порученій, даваемыхъ обществомъ Плетнеру по его должности, прекращало договоръ найма. Найденный конкурсомъ безпорядокъ въ дѣлахъ, помѣшавшій будто бы своевременно усмотрѣть письмо Плетнера присяжному попечителю отъ 31 января 1901 г. съ заявленіемъ между прочимъ о томъ, что онъ считаетъ себя состоящимъ на службѣ (хотя при состояніи отчасти тѣхъ же лицъ, какъ въ правленіи общества, такъ и въ администраціи и, наконецъ, въ конкурсномъ управленіи, трудно допустить наличность какого-либо сомнѣнія относительно службы Плетнера), могло повести только къ болѣе позднему отказу Плетнеру въ продолженіи службы, но никакъ не къ заявленію, что конкурсъ не считаетъ его на службѣ уже со времени открытія несостоятельности. Признавая въ силу всѣхъ приведенныхъ соображеній, что самымъ фактомъ открытія несостоятельности общества Восточно-Сибирскихъ заводовъ 4 декабря 1900 г. договоръ найма Плетнера прекращенъ не былъ, что, вопреки мнѣнію повѣреннаго конкурса, въ возобновленіи его конкурсомъ надобности не представлялось, что договоръ долженъ быть признанъ прекращеннымъ лишь въ моментъ прямого отказа отъ службы, послѣдовавшаго со стороны конкурса, по неоспоримому заявленію Плетнера, 19 мая 1901 г.,—Прав. Сенатъ находитъ, что за истцомъ надлежитъ признать право на требованіе обусловленнаго договоромъ 26 августа 1897 г. вознагражденія по службѣ. Переходя къ указанію на недоказанность размѣра требуемаго вознагражденія и останавливаясь на первомъ требованіи жалованья въ суммѣ 4.150 р., Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ установлено выше, общество было объявлено несостоятельнымъ 4 декабря 1900 г., отказъ отъ службы послѣдовалъ 19 мая 1901 г., т. е. черезъ $5^1/_2$ мѣс., по договору же отъ 26 августа 1897 г. общество обязано уплачивать Плетнеру жалованья 9.000 р. въ годъ, что за $5^1/_2$ мѣс. составитъ 4.125 р. Обращаясь ко второй цифрѣ 404 р., оказывается, что она слагается, какъ видно изъ заверенной предсѣдателемъ конкурса фонъ-Штейномъ копіи письма Плетнера присяжному попечителю, отъ 31 января 1901 г., изъ 44 р. за проѣзды и 360 р. суточныхъ съ 15 декабря 1900 г. по 21 января 1901 г. Первая сумма не подлежитъ удовлетворенію, какъ ничѣмъ не подтвержденная, вторая же, какъ въ размѣрѣ (10 р. въ сутки) предусмотрѣнная п. 4 договора 26 августа 1897 г., при отсутствіи спора противъ необходимости этой поѣздки, должна быть признана доказанной. Что касается, наконецъ, послѣдней части иска въ 750 р. по командировкѣ съ 4 февраля по 20 апрѣля 1901 г., то, хотя Фалькъ и споритъ противъ необходимости ея, но принимая во вниманіе, что, какъ видно изъ переписки предсѣдателя конкурса фонъ-Штейна съ Плетнеромъ, Плетнеръ исполнялъ порученія фонъ-Штейна и доставлялъ ему свѣдѣнія по дѣламъ общества, причемъ переписка между ними началась, по заявленію самого Фалька, послѣ образованія

конкурса, слѣдуетъ заключить, что со времени образованія конкурса 2 февраля 1901 г. командировка Плетнера должна быть признана одобренной конкурсомъ. Послѣднимъ днемъ ея, согласно указанію истца, является 20 апрѣля, хотя въ дѣйствительности такимъ днемъ представляется, по содержанію телеграммы фонъ-Штейна отъ 21 апрѣля,—22 апрѣля. Продолжительность этой командировки оказывается такимъ образомъ 75 дней, а вознагражденіе за нее 750 р. (по 10 р. въ день, согласно п. 4 договора 26 апрѣля 1897 г.). Подводя итогъ всѣмъ суммамъ, подлежащимъ присужденію, Прав. Сенатъ нашелъ, что искъ долженъ быть удовлетворенъ въ суммѣ 5.235 р. съ % (1904 г., № 902).

8|7. Если въ договорѣ о наймѣ приказчика рядная плата опредѣлена въ извѣстномъ размѣрѣ, то въ предѣлахъ этого только размѣра приказчикъ и вправѣ искать съ хозяина таковую, хотя бы онъ фактически получалъ болѣе; но то, что имъ ранѣе съ согласія хозяина болѣе уже получено, возврату не подлежитъ. Послѣдующія дѣйствія приказчика не могутъ лишить его права на полученіе назначенной ему хозяиномъ за истекшій годъ награды. Переговоры приказчика относительно новаго мѣста служенія не могутъ быть признаны дѣйствіемъ неправильнымъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло и останавливаясь прежде всего на обсужденіи первоначальнаго иска Соколова къ Зайцевскому въ суммѣ 1.401 р. 68 к., Прав. Сенатъ находитъ, что таковой слагается изъ двухъ частей: 1) 901 руб. 68 к. недополученнаго имъ жалованья, и 2) 500 руб. наградныхъ, обѣщанныхъ, но не выданныхъ ему Зайцевскимъ. Обращаясь къ обсужденію первой части иска Соколова, Прав. Сенатъ признаетъ необходимымъ остановиться на слѣдующихъ соображеніяхъ. По закону (ст. 7 Уст. Торг.) при наймѣ приказчика заключается письменный договоръ, коимъ опредѣляются существенныя условія найма, а въ томъ числѣ и положенное ему жалованье или рядная плата и содержаніе: буде же такого письменнаго условія хозяиномъ и приказчикомъ заключено не было, или если въ ономъ относительно рядной платы и содержанія ничего не сказано, то приказчикъ не вправѣ того законно требовать (ст. 8). Отсюда вытекаетъ тотъ выводъ, что если въ договорѣ о наймѣ приказчика жалованье или рядная плата опредѣлены въ извѣстномъ размѣрѣ, то этотъ именно размѣръ только и является имѣющимъ юридическое значеніе и потому, если приказчикъ фактически и получалъ отъ хозяина жалованье въ размѣрѣ большемъ, чѣмъ опредѣлено въ договорѣ, то тѣмъ не менѣе обстоятельство это, не

имѣя по точному смыслу закона юридическаго значенія, не можетъ быть принято судомъ во вниманіе при разрѣшеніи требованія приказчикомъ съ хозяина жалованья, а обязательными для суда могутъ и должны быть только и исключительно постановленія въ семъ отношеніи договора. Примѣняя эти соображенія къ наст. дѣлу и принимая во вниманіе, что въ договорѣ о наймѣ Зайцевскимъ Соколова въ приказчики при Мещеринскомъ Подворьѣ, отъ 23 января 1891 г., жалованье Соколову опредѣлено 150 р. въ годъ, и потому то обстоятельство, получалъ ли Соколовъ въ дѣйствительности жалованье въ большемъ размѣрѣ и именно въ размѣрѣ, какъ онъ утверждаетъ 1.200 р., какъ противорѣчащее прямому постановленію договора, для суда никакого значенія имѣть не можетъ,— Прав. Сенатъ признаетъ основанный исключительно на противоположномъ сему выводѣ искъ Соколова къ Зайцевскому о недополученомъ жалованіи незаслуживающимъ уваженія. Въ отношеніи затѣмъ иска его 500 р. наградныхъ Прав. Сенатъ находитъ, что таковой основанъ на собственноручномъ письмѣ Зайцевскаго къ Соколову отъ 16 апрѣля 1891 г., коимъ Зайцевскій извѣщаетъ, что въ благодарность за полезную и усердную службу Соколова онъ назначаетъ ему награду „за истекшій годъ“ 500 р. А такъ какъ въ письмѣ прямо сказано, что награда назначается „за истекшій 1890—1891 торговый годъ“, а не на будущее время и притомъ не условно, какъ неправильно заявляетъ Зайцевскій, и слѣдовательно назначеніе этой награды несомнѣнно свидѣтельствуетъ о полномъ одобреніи Зайцевскимъ дѣйствій Соколова за предшествовавшее время, то послѣдующее поведеніе послѣдняго, даже если бы оно дѣйствительно чѣмъ нибудь и нарушало интересы Зайцевскаго, не будучи въ состояніи опорочить прежнюю полезную дѣятельность Соколова, не можетъ, по вполнѣ правильному заключенію Ком. Суда, служить основаніемъ къ лишенію Соколова права на 500 руб. наградныхъ, заслуженныхъ имъ за прежнее время и предоставленныхъ ему Зайцевскимъ вполнѣ сознательно и добровольно. Независимо сего, ближайшее разсмотрѣніе обстоятельствъ дѣла вовсе не приводитъ, вопреки мнѣнію Зайцевскаго, къ заключенію, что Соколовъ съ теченіемъ времени сталъ дѣйствовать противъ интересовъ хозяина. Такъ нельзя признать такими дѣйствіями переговоры Соколова съ Мещеринымъ о поступленіи къ нему на службу, ибо, какъ видно изъ дѣла (показаніе свидѣтеля Мещерина), переговоры эти имѣли мѣсто именно въ виду предстоящаго прекращенія службы Соколова у Зайцевскаго за переходомъ самого Мещеринскаго Подворья, въ которомъ договорился служить Соколовъ, отъ Зайцевскаго къ Мещерину, о чемъ между послѣдними переговоры начались еще въ іюлѣ 1891 г. и Подворье это не осталось за Зайцевскимъ на 1892 г., по показанію того же свидѣтеля, исключительно потому, что онъ не хотѣлъ давать за него прежнюю плату, а слѣд. вовсе не по винѣ Соколова. Признавать же за приказчикомъ право вести переговоры о новой службѣ не ранѣе, какъ по полномъ прекращеніи старой, а тѣмъ самымъ приводить приказчика въ хотя

и временное положеніе отсутствія всякихъ занятій, не находило бы себѣ основаній. Относительно затѣмъ части встрѣчнаго иска Зайцевскаго въ суммѣ 895 р., полученныхъ Соколовымъ сверхъ причитавшагося ему по договору жалованья, Прав. Сенатъ нашелъ, что, какъ то установлено Ком. Судомъ въ рѣшеніи его по сему дѣлу, полученіе Соколовымъ фактически жалованья 200 р., а не 150 р., какъ значится въ договорѣ, подтверждается счетомъ Соколова за время съ 10 февраля 1891 г. по 10 февраля 1892 г., имѣющимся въ книгѣ, веденной самимъ Зайцевскимъ по содержанію имъ меблированныхъ комнатъ въ Мещеринскомъ Подворьѣ. Въ виду сего и такъ какъ: 1) рѣшеніе суда въ этой части доказательно ничѣмъ со стороны апеллятора не опровергнуто; 2) законъ (ст. 7 и 8 Уст. Торг.), лишая приказчика права *требовать* съ хозяина судебнымъ порядкомъ жалованье въ размѣрѣ сверхъ установленнаго по договору, отнюдь однако не ограничиваетъ хозяина въ правѣ по доброй волѣ выдавать приказчику жалованье въ размѣрѣ, высшемъ противъ договореннаго; 3) что таковое жалованье, разъ оно уже дѣйствительно получено приказчикомъ, становится несомнѣнно собственностью его, какъ поступившее къ нему вполнѣ правильно, согласно волѣ и желанію хозяина, а потому и обратное взысканіе его съ приказчика въ пользу хозяина представлялось бы лишеннымъ законнаго основанія,— Прав. Сенатъ призналъ искъ Зайцевскаго въ суммѣ 895 р. незаслуживающимъ уваженія (1894 г., № 172; тоже, 1912 г., № 558).

9. *Гражданскій Кассаціонный Департаментъ* въ рѣшеніи 1909 г., № 70, остановился на вопросѣ: *вправѣ ли приказчикъ, имѣющій по договору съ хозяиномъ право на полученіе за свою службу извѣстной части чистой прибыли отъ предпріятія, отыскивая причитающееся ему по договору вознагражденіе, требовать представленія хозяиномъ торговыхъ книгъ въ разъясненіе размѣра принесенной предпріятіемъ чистой прибыли* (ст. 681 Уст. Торг.) и нашелъ, что соображеніе ст. 681 Уст. Торг. и ст. 442 и 449 Уст. Гражд. Суд. въ связи съ обстоятельствами дѣла приводитъ къ заключенію, что означенный вопросъ подлежитъ разрѣшенію *въ утвердительномъ смыслѣ*. По силѣ ст. 681 Уст. Торг., предъявленіе въ судъ торговыхъ книгъ обязательно въ случаяхъ спора о наслѣдствѣ или по торговому товариществу. Внѣ же этихъ случаевъ предъявленіе торговыхъ книгъ отдается въ полную волю хозяина. Но воспользоваться или не воспользоваться этимъ льготнымъ правиломъ каждый хозяинъ, очевидно, воленъ, по своему усмотрѣнію, причемъ, отказъ отъ этой льготы въ пользу того или другого лица можетъ быть выраженъ всякимъ дозволеннымъ въ законѣ способомъ. Такой именно отказъ отъ сохраненія въ тайнѣ торговыхъ книгъ нельзя не усмотрѣть въ самомъ фактѣ заключенія хозяиномъ договора, подобнаго тому, который положенъ въ основаніе исковыхъ требованій. По этому договору А.

обязался платить С. за его службу въ должности приказчика, сверхъ ежегоднаго жалованья, 5% чистой прибыли отъ предпріятія. Важнѣйшимъ, а въ иныхъ случаяхъ даже единственнымъ показателемъ факта принесенія даннымъ предпріятіемъ чистой прибыли и размѣра этой послѣдней могутъ служить относящіяся къ этому предпріятію торговыя книги. Заключая съ приказчикомъ договоръ, по которому ему предоставляется получить за его службу часть чистой прибыли отъ предпріятія, хозяинъ тѣмъ самымъ впередъ изъявляетъ согласіе свое на открытіе торговыхъ книгъ, поскольку это необходимо для опредѣленія размѣра причитающагося приказчику вознагражденія по договору. Иная точка зрѣнія представлялась бы невозможною, ибо она ставила бы приказчика въ весьма затруднительное, а во многихъ случаяхъ прямо въ безвыходное положеніе осуществить свое право на полученіе условленнаго договоромъ процентнаго отъ чистой прибыли вознагражденія, въ виду чего всѣ подобнаго рода договоры, весьма обычные въ торговомъ быту и направленные къ поощренію приказчиковъ къ болѣе энергичному исполненію служебныхъ ихъ обязанностей, лишены были бы въ дѣйствительности всякаго практическаго значенія. По приведеннымъ соображеніямъ слѣдуетъ признать, что отказъ въ удовлетвореніи ходатайства истца объ истребованіи отъ отвѣтчика торговыхъ книгъ представляется неправильнымъ.

10. Значеніе издаваемыхъ хозяиномъ циркуляровъ, устанавливающихъ новыя условія службы. Хотя циркуляръ и является одностороннимъ заявленіемъ, но юридическая конструкція подобныхъ заявленій сводится къ договору, въ которомъ хозяинъ путемъ циркуляра предлагаетъ извѣстныя условія службы, а служащіе принимаютъ это предложеніе фактомъ продолженія службы. Поэтому коль. скоро служащій не потребовалъ разсчета на основаніи прежнихъ условій, то фактъ продолженія службы долженъ быть истолкованъ въ смыслѣ согласія подчиниться новымъ условіямъ (1910 г., № 1929; ср. *Гражд. Касс.* 1880 г., № 135).

11|8 доп. Приказчикъ, уклонившійся отъ исполненія обращенныхъ къ нему законныхъ требованій хозяина (въ данномъ случаѣ требованія отсчитаться), долженъ быть признанъ нарушившимъ свои по отношенію къ хозяину обязанности, а потому и вызванный этими его дѣйствіями отказъ ему отъ должности въ вину хозяину поставленъ быть не можетъ, а засимъ не можетъ подлежать взысканію съ послѣдняго и неустойка за досрочное увольненіе, установленная лишь на случай такого увольненія *по винѣ* хозяина (1896 г., № 153).

12|9. Приказчикъ, которому предоставлено продолженіе торговыхъ дѣлъ умершаго хозяина, въ отношеніи

своихъ обязанностей ни въ чемъ не отличается отъ приказчика, управляющаго дѣлами своего хозяина, хотя бы онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наслѣдникомъ въ оставшемся имуществѣ, а потому къ нему должны имѣть примѣненіе и постановленныя въ законѣ относительно приказчиковъ правила, а въ частности и правила ст. 29 и 31 Уст. Торг. (1891 г., № 868).

13|10. При отсутствіи въ договорѣ условія о срокѣ служенія, искъ объ убыткахъ за досрочное увольненіе не можетъ имѣть мѣста. Толкованіе документовъ принадлежитъ суду и разъясненіе смысла ихъ посредствомъ свидѣтелей не можетъ быть допущено.

Разсмотрѣвъ наст. дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Ком. Судъ отказалъ истцу Фаринскому къ искѣ его съ Пароходнаго Общества по Волгѣ убытковъ, понесенныхъ имъ вслѣдствіе преждевременнаго увольненія его Обществомъ отъ службы? Въ отношеніи сего вопроса Прав. Сенатъ находитъ, что, предъявляя искъ объ убыткахъ за преждевременное, досрочное увольненіе его Обществомъ отъ службы, Фаринскій, какъ истецъ, долженъ былъ прежде всего доказать то обстоятельство, что время его службы въ Обществѣ дѣйствительно было опредѣлено извѣстнымъ срокомъ и что увольненіе его имѣло мѣсто именно до истеченія этого срока. Какъ на единственное въ этомъ отношеніи доказательство Фаринскій ссылается на письмо Правленія Пароходнаго Общества отъ 19 декабря 1887 г. Но письмо это, по самому содержанію своему, приписываемаго ему апелляторомъ значенія не имѣетъ. Въ означенномъ письмѣ Правленіе, увѣдомляя Фаринскаго, что оно признало справедливымъ въ видахъ поощренія его служебной дѣятельности увеличить получаемое имъ содержаніе, и рѣшило „взамѣнъ получаемаго Фаринскимъ до сего времени“, согласно разновременнымъ постановленіямъ Правленія содержанія, опредѣлить ему съ 1 января 1887 г. слѣдующее содержаніе: гарантированнаго содержанія 7.200 р.; съ годовой прибыли 1% и на проѣзды и биржевые расходы 1.500 руб. Такимъ образомъ буквальный смыслъ этого письма не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что рѣчь въ немъ идетъ лишь о размѣрѣ получаемаго Фаринскимъ содержанія, причемъ выраженіе „гарантированнаго содержанія“ 7.200 руб. употреблено лишь, какъ опредѣленіе одного изъ видовъ вознагражденія (постояннаго и неизмѣннаго), входящаго въ составъ назначаемаго ему содержанія въ отличіе отъ другихъ, не могущихъ быть въ точной цифрѣ гарантированными,

какъ, напр., процентное вознагражденіе съ прибыли, а засимъ въ письмѣ этомъ никакихъ данныхъ по отношенію къ вопросу о срокѣ служенія Фаринскаго въ Обществѣ, равно какъ и по отношенію къ другимъ, помимо одного только размѣра содержанія, условіямъ этого служенія, не заключается. Что же касается ходатайства апеллятора о допросѣ въ разъясненіе смысла и значенія этого письма свидѣтелей, то таковое вполнѣ правильно оставлено Ком. Судомъ безъ удовлетворенія, такъ какъ толкованіе представленныхъ сторонами къ дѣлу документовъ принадлежитъ исключительно только самому суду, дополненіе же содержанія письменнаго договора незаключающимися въ ономъ условіями посредствомъ свидѣтельскихъ показаній, за силою ст. 284 Уст. Суд. Торг., не можетъ имѣть мѣста. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что, кромѣ ссылки на вышеприведенное письмо Правленія Общества, истецъ Фаринскій въ подтвержденіе договоренной срочности его служенія въ Обществѣ никакихъ доказательствъ не представилъ; 2) что, между тѣмъ, какъ выше объяснено, письмо это въ этомъ именно отношеніи никакого значенія имѣть не можетъ; 3) что посему и за отсутствіемъ такимъ образомъ всякихъ со стороны истца доказательствъ о заранѣе условленной срочности его служенія въ Обществѣ, это послѣднее не можетъ быть обвинено въ досрочномъ увольненіи его отъ службы, а потому и основанныя на противоположномъ сему выводѣ исковыя требованія истца о вознагражденіи его Обществомъ за досрочное увольненіе отъ службы, какъ въ основаніи своемъ не доказанныя, вполнѣ правильно признаны Спб. Ком. Судомъ не подлежащими удовлетворенію,—Прав. Сенатъ состоявшееся по сему дѣлу рѣшеніе Ком. Суда утвердилъ (1891 г., № 1451).

14|11. То же. Выдача на извѣстный срокъ довѣренности не доказываетъ срочности самаго договора о наймѣ.

Предметъ иска Моргулева къ Обществу Пароходныхъ Сообщеній составляетъ требованіе 2.000 руб., причитающагося ему, какъ управляющему конторою Правленія Общества, съ 1 мая 1892 г. по 1 января 1893 г. жалованья, котораго онъ лишился вслѣдствіе досрочнаго увольненія его Обществомъ (въ апрѣлѣ 1892 г.) отъ названной должности. Предъявляя такой искъ, Моргулевъ, какъ истецъ, обязанъ былъ прежде всего доказать, что онъ принятъ былъ на службу Обществомъ именно на извѣстный, указанный имъ срокъ—по 1 января 1893 г., ибо въ противномъ случаѣ Общество, не будучи связаннымъ по отношенію къ службѣ Моргулева никакимъ срокомъ, очевидно, могло всегда отказать ему отъ должности, не являясь при этомъ вовсе обязаннымъ удовлетворить его жалованіемъ за время послѣ такого отказа. Какъ на доказательство тому, что срокъ его служенія въ Обществѣ опредѣленъ былъ дѣйствительно, какъ онъ утверждаетъ, по 1 января 1893 г., Моргулевъ ссылается на то: 1) что довѣренность на веденіе дѣлъ Общества была выдана ему на цѣлый 1893 г., и 2) что на-

значенное ему жалованіе было опредѣлено въ 3.000 руб. въ годъ. Но первое указаніе не можетъ имѣть приписываемаго ему просителемъ значенія уже по одному тому, что въ самой довѣренности, выданной ему Обществомъ, выражено, что она выдана Моргулеву на 1892 годъ „для оффиціальныхъ сношеній по дѣламъ Общества", съ указаніемъ на то, что Моргулевъ назначенъ управляющимъ конторою Правленія, на условіяхъ, изложенныхъ въ особой инструкціи; въ инструкціи же этой, опредѣляющей права и обязанности Моргулева, никакого условія о срокѣ служенія его въ Обществѣ не имѣется. Равнымъ образомъ не заслуживаетъ уваженія и второе указаніе Моргулева на то, что жалованіе назначено ему 3.000 руб. въ годъ, ибо опредѣленіе размѣра жалованія никакого отношенія къ продолжительности самаго служенія не имѣетъ, тѣмъ болѣе, что въ протокольномъ постановленіи Общества, на которое въ этомъ отношеніи ссылается Моргулевъ, значится, что минимумъ его содержанія (составляющаго 1% валового дохода) долженъ достичь 250 руб. въ мѣсяцъ или 3.000 руб. въ годъ. Наконецъ, лишено основанія и объясненіе апеллятора о томъ, что управляющій такого обширнаго предпріятія, какъ предпріятіе Общества, не приглашается на одинъ мѣсяцъ,—ибо, какъ видно изъ дѣла, Моргулевъ служилъ въ Обществѣ съ 23 августа 1889 г. по апрѣль 1892 г. По симъ соображеніямъ Прав. Сенатъ находитъ, что Правленіе Общества, уволивъ Моргулева 22 апрѣля 1892 г., не нарушило тѣмъ заключеннаго съ нимъ условія и что посему Одесскій Ком. Судъ вполнѣ правильно отказалъ Моргулеву въ его искѣ (1893 г., № 160).

15|12. Право хозяина на досрочное, согласно условіямъ договора, увольненіе управляющаго его фабрикою, въ случаѣ, если изобрѣтенія послѣдняго окажутся непрактичными и не стоющими дальнѣйшей эксплоатаціи.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Спб. Ком. Судъ удовлетворилъ исковыя требованія Данишевскаго съ Каблукова 50.000 руб. съ %, составляющіе выговоренную по договору 4 февраля 1888 г. неустойку на случай неправильнаго и преждевременнаго отказа Данишевскому со стороны Каблукова отъ должности химика и управляющаго фабрикою послѣдняго для обработки по изобрѣтенному Данишевскимъ способу непромокаемости разнаго рода тканей? Въ договорѣ этомъ, заключенномъ сторонами на пятилѣтній срокъ, имѣются, между прочимъ, слѣдующія постановленія: Данишевскій получаетъ за исполненіе своихъ обязанностей химика и управляющаго заводомъ Каблукова ежегодное жалованье въ 1.500 руб. и 10% чистой годовой прибыли (п. 1); договоръ сохраняетъ свою силу во все время эксплоатаціи изобрѣтеннаго Данишевскимъ способа обработки тканей въ непромокаемость, даже и въ томъ случаѣ, если Каблуковъ продастъ

кому-либо дѣло или образуетъ товарищество (п. II); договоръ можетъ быть нарушенъ Каблуковымъ въ томъ только случаѣ, если изобрѣтеніе Данишевскаго окажется непрактичнымъ или вообще неудовлетворительнымъ настолько, что Каблуковъ принужденъ будетъ прекратить у себя на фабрикѣ эксплоатацію этого изобрѣтенія (п. III); нарушившій условія договора уплачиваетъ, кромѣ стоимости причиненныхъ тѣмъ убытковъ, неустойку въ размѣрѣ 5.000 руб. (п. VII). Засимъ въ договорѣ условлено, что по подписаніи его Данишевскій обязанъ тотчасъ же передать Каблукову письменное описаніе открытыхъ имъ способовъ обработки, въ которые не должны однако входить ни сода, ни свинцовый сахаръ, Каблуковъ же съ своей стороны обязался никогда никому и ни при какихъ обстоятельствахъ не открывать переданнаго ему Данишевскимъ способа обработки тканей въ непромокаемость. Точный смыслъ приведенныхъ постановленій договора 4 февраля 1888 г. не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что обязательная для сторонъ сила этого договора поставлена въ зависимость отъ наличности двухъ главныхъ условій—практичности или вообще удовлетворительности изобрѣтенія Данишевскаго и стоящаго въ непосредственной связи съ этимъ продолженія эксплоатаціи этого изобрѣтенія заводомъ Каблукова. Обращаясь посему къ обсужденію вопроса о томъ, насколько, по обстоятельствамъ дѣла, можетъ быть признанъ правильнымъ отказъ Каблукова отъ дальнѣйшаго продолженія дѣйствія договора его съ Данишевскимъ, Прав. Сенатъ, прежде всего, находитъ, что договоръ этотъ, предоставляя Каблукову право нарушить его въ случаѣ непрактичности или вообще неудовлетворительности изобрѣтенія Данишевскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ не указываетъ вовсе способа опредѣленія степени такой неудовлетворительности и непрактичности, а выставляетъ лишь условіемъ, чтобы Каблуковъ вслѣдствіе этого принужденъ былъ прекратить у себя на фабрикѣ эксплоатацію этого изобрѣтенія. А потому и такъ какъ отъ Данишевскаго зависѣло оградить себя въ этомъ отношеніи болѣе точными опредѣленіями, одно то указываемое истцомъ обстоятельство, что обработанная имъ въ непромокаемость парусина удовлетворяла требованіямъ какъ Главнаго Интендантскаго Управленія, такъ и С.-Петербургскаго Мѣстнаго Арсенала и частныхъ заказчиковъ, не могло еще, само по себѣ, лишить Каблукова по смыслу договора права признать изобрѣтеніе Данишевскаго нестоющимъ дальнѣйшей эксплоатаціи по другимъ соображеніямъ и даннымъ, а затѣмъ и прекратить таковую эксплоатацію на своей фабрикѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что стороны, заключая договоръ на предметъ разработки въ непромокаемость разнаго рода тканей исключительно и именно по способу Данишевскаго, имѣли въ виду получить отъ эксплоатаціи этого способа болѣе благопріятные результаты, чѣмъ какіе давала таковая же обработка тканей по другимъ, уже существующимъ, способамъ. Между тѣмъ, то указываемое Каблуковымъ обстоятельство, что самый способъ Данишевскаго обработки въ непромокаемость ткани весьма мало отличался отъ другихъ извѣстныхъ подобныхъ

же способовъ, и что парусина обработки Данишевскаго, какъ и парусина, обработанная другими способами, обладала лишь относительною непромокаемостью, а именно теряла это свойство при прилеганіи къ какому-либо твердому тѣлу, напримѣръ къ прикрываемой поклажѣ,—представляется вполнѣ по дѣлу установленнымъ произведенною на судѣ экспертизою. Такъ эксперты, давая заключеніе свое по поводу осмотра обработанной Данишевскимъ парусины, заявили, что новаго, самостоятельнаго изобрѣтенія способъ Данишевскаго не представляетъ, а онъ является лишь видоизмѣненіемъ прежнихъ способовъ; что обработанная Данишевскимъ ткань менѣе промокаетъ, чѣмъ необработанная, и можетъ служить для предохраненія предметовъ отъ дождей и намоканія, но эта ткань, какъ и всякая другая, обработанная по способу Хардина, или по какому-либо другому изъ извѣстныхъ способовъ, полной непромокаемости не достигаетъ, такъ какъ, если вода будетъ скопляться въ углубленіяхъ или мѣшкахъ, образуемыхъ брезентомъ и соприкасающихся съ твердою поверхностью, то влага будетъ всегда просачиваться и на предметахъ подъ брезентомъ будутъ образовываться сперва влажныя мѣста, а затѣмъ и подмочки. Равнымъ образомъ представляется по дѣлу установленнымъ и употребленіе Данишевскимъ, какъ ингредіента въ его составѣ соды, въ прямое нарушеніе принятаго имъ на себя по договору обязательства. Затѣмъ, что указанные Каблуковымъ и вполнѣ подтвержденные судебною экспертизою недостатки парусины, обработанной по способу Данишевскаго, дѣлали этотъ способъ въ дѣйствительности непрактичнымъ и неоправдывающимъ ожиданіе, подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что журналомъ 7 апрѣля 1888 г. Военный Совѣтъ положилъ: брезентную парусину существующаго образца (обработанную глиноземными квасцами) опредѣлить только на обивку боковъ и зада лазаретныхъ линеекъ, ко всѣмъ же интендантскимъ обозамъ, а равно и на покрышку лазаретныхъ линеекъ и для бунтовъ установить озокеритовые брезенты; брезенты же, имѣющіеся въ обозахъ, замѣнять, по приходѣ ихъ въ негодность, брезентами новаго образца,—пропитанными озокеритомъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что замѣна Военнымъ Совѣтомъ брезентовъ, обработанныхъ глиноземными солями, составляющими и основаніе способа обработки Данишевскаго, брезентами озокеритовыми, несмотря на то, что послѣдніе, по свидѣтельству экспертовъ—профессоровъ Пеля и Коновалова,—имѣютъ свойство ломаться и мараться, еще болѣе убѣждаетъ во мнѣніи о непрактичности и неудовлетворительности брезентовъ глиноземныхъ вообще и обработанныхъ по способу Данишевскаго—доставлявшихся военному вѣдомству—въ частности. Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе: 1) что одна возможность сбыта парусины и ткани, изготовленныхъ по способу Данишевскаго, сама по себѣ, не доказываетъ еще вовсе того, чтобы способъ этотъ по практичности и удовлетворительности своей оправдывалъ спеціальное содержаніе для эксплоатаціи онаго завода, напротивъ того, прекращеніе употребленія изготовляемой по этому способу

парусины со стороны военнаго вѣдомства указываетъ скорѣе на противное; 2) что по ничѣмъ доказательно неопровергнутому истцомъ заявленію Каблукова, именно неудовлетворительность изобрѣтеннаго Данишевскимъ способа и заставила его прекратить у себя эксплоатацію онаго, а засимъ закрыть заводъ; 3) что объясненія Данишевскаго о томъ, что Каблуковъ и по прекращеніи съ нимъ договорныхъ отношеній продолжалъ пользоваться его способомъ, представляются ничѣмъ не подтвержденными, ибо, хотя по показанію свидѣтелей Захарова и Бѣлова, Каблуковъ и приглашалъ перваго разъяснить, въ чемъ заключался способъ приготовленія состава, употребленнаго Данишевскимъ, но означенное обстоятельство не можетъ еще служить доказательствомъ, что Каблуковъ дѣйствительно пользовался этимъ способомъ, тѣмъ болѣе, что по показанію свидѣтеля Бѣлова, Захаровъ могъ лишь сказать, сколько берется состава и сколько воды, но не могъ объяснить, изъ чего составъ состоитъ; оставшіеся же послѣ ухода Данишевскаго составы его приготовленія были Каблуковымъ, какъ то показали свидѣтели, вылиты; 4) что засимъ указанія истца на то, что въ удостовѣреніи С.-Петербургскаго Арсенала о принятіи отъ Каблукова 24 мая и 9 іюня (т. е. уже по прекращеніи договора) всего 5691½ арш. парусины значится: „парусина, обработанная глиноземными квасцами“, какъ то значится и въ удостовѣреніи о парусинѣ, обработанной имъ, Данишевскимъ, и сданной 9 и 11 апрѣля, равнымъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ, что и та, и другая парусина обработаны были вполнѣ тождественнымъ способомъ, ибо по мнѣнію даже дававшихъ по сему дѣлу свое заключеніе экспертовъ, произведенное ими изслѣдованіе не дало прямого отвѣта на то, какимъ способомъ обработана изслѣдованная ими ткань, вслѣдствіе чего чисто внѣшнее опредѣленіе способа приготовленія парусины Хозяйственнаго Комитета Арсенала не можетъ имѣть рѣшающаго въ семъ отношеніи значенія, и 5) что такимъ образомъ продолженіе Каблуковымъ обработки тканей въ непромокаемость по способу Данишевскаго и послѣ его удаленія съ фабрики не можетъ быть признано по дѣлу доказаннымъ; продолженіе же или, какъ утверждаетъ Каблуковъ, одно лишь окончаніе принятыхъ работъ по другому какому-либо способу на фабрикѣ Каблукова послѣ прекращенія договорныхъ отношеній его съ Данишевскимъ, договоромъ 4 февраля 1888 г. ему вовсе не возбранялось, и притомъ работы на заводѣ Каблукова вообще прекращены были, по единогласному показанію свидѣтелей, 11 іюня того же 1888 года,—Прав. Сенатъ, руководствуясь смысломъ приведенныхъ выше п. п. 2 и 3 договора 4 февраля 1888 г., не находитъ основаній къ признанію Каблукова незаконно нарушившимъ сей договоръ прекращеніемъ дальнѣйшаго его дѣйствія, а засимъ и немогущимъ подлежать за это взысканію установленной тѣмъ договоромъ неустойки. Признавая посему основанный на противуположномъ сему выводѣ искъ Данишевскаго съ Каблуковымъ 5 т. р. съ % не подлежащимъ удовлетворенію,—Прав. Сенатъ состоявшееся по настоящему дѣлу

8251

рѣшеніе Спб. Ком. Суда отмѣнилъ и въ искѣ Данишевскому съ Каблукова отказалъ (1891 г., № 725).

16|13. Хозяинъ, уволившій приказчика до истеченія срока договора безъ законныхъ къ тому основаній, обязанъ уплатить неустойку за такое досрочное увольненіе. Удовлетвореніе приказчика установленнымъ въ договорѣ вознагражденіемъ не стоитъ въ зависимости отъ дачи имъ хозяину отчета.

Изъ дѣла видно, что по договору отъ 15 марта 1891 г. Ремпенъ нанялъ Эренбаума приказчикомъ 1-го класса срокомъ по 1 января 1892 г., съ жалованьемъ по 125 руб. въ мѣсяцъ, причемъ въ этомъ договорѣ условлено было, что, въ случаѣ нерадѣнія или неспособности Эренбаума, Ремпенъ вправѣ отказать ему отъ должности во всякое время, уплативъ ему жалованье по срокъ договора. Въ случаѣ же, если Эренбаумъ пожелаетъ оставить должность ранѣе окончанія срока договора или не поступитъ на должность, то онъ обязался уплатить Ремпену неустойку въ 1.000 р. Основываясь на этомъ договорѣ и объясняя, что 16 іюня 1891 г. Ремпенъ отказалъ ему отъ мѣста, Эренбаумъ и предъявилъ составляющій предметъ настоящаго дѣла искъ къ Ремпену о взысканіи съ него за досрочное удаленіе его отъ должности слѣдующаго по срокъ договора, въ видѣ неустойки, жалованья за 5 мѣсяцевъ по 125 руб.—625 руб. и кромѣ того 43 руб. причитающагося ему жалованья за время его службы до 16 іюля 1891 г. Не оспаривая самаго размѣра исковыхъ требованій Эренбаума, Ремпенъ не признаетъ за нимъ вообще права требовать выговоренной по договору отъ 15 марта 1891 г. за досрочное удаленіе его отъ должности неустойки въ виду того, что означенный договоръ былъ прекращенъ по обоюдному ихъ соглашенію вслѣдствіе письма самого Эренбаума отъ 9 іюля 1891 г., въ коемъ послѣдній выразилъ желаніе оставить службу у Ремпена до срока договора, а именно къ 1 августу 1891 г., и просилъ на то у Ремпена согласія, заявивъ при этомъ, что въ такомъ случаѣ съ своей стороны никакихъ къ нему, Ремпену, претензій по договору имѣть не будетъ, на каковой уходъ Эренбаума Ремпенъ и согласился. Но это объясненіе Ремпена не можетъ быть признано заслуживающимъ уваженія по слѣдующимъ соображеніямъ: изъ точнаго смысла письма Эренбаума отъ 9 іюля 1891 г. видно, что послѣдній согласился отказаться отъ требованія выговоренной по договору отъ 19 марта 1891 г. въ его пользу неустойки, въ видѣ платежа ему жалованья по срокъ договора, лишь при соблюденіи Ремпеномъ слѣдующихъ условій: 1) при заявленіи имъ согласія на увольненіе его отъ службы съ 1 августа 1891 г., и 2) при производствѣ съ нимъ разсчета до 1 августа 1891 г. Такимъ образомъ оказывается, что Рем-

пенъ могъ бы быть признанъ свободнымъ отъ обязанности выполнить условія договора отъ 15 марта 1891 г. лишь въ томъ случаѣ, если бы по дѣлу было доказано, что имъ въ точности были соблюдены условія, предложенныя Эренбаумомъ въ письмѣ его отъ 9 іюля 1891 г. Между тѣмъ, хотя апелляторъ, повѣренный Ремпена, и объясняетъ, что на слѣдующій же день по полученіи упомянутаго письма Ремпенъ, придя въ магазинъ, объявилъ Эренбауму въ присутствіи Линземана о своемъ согласіи на его предложеніе, но самъ же онъ утверждаетъ, что Ремпенъ, усмотрѣвъ недочетъ въ кассѣ и пополненіе недостачи наличности неправильною записью въ книгахъ, не выжидая 1 августа, приказалъ Эренбауму немедленно же оставить службу, и при этомъ апелляторъ не только не утверждаетъ, что разчетъ съ Эренбаумомъ по 1 августа произведенъ, но напротивъ того изъ дѣла видно, что имъ возбуждено было противъ Эренбаума уголовное преслѣдованіе въ растратѣ. Такимъ образомъ уже изложенное вполнѣ указываетъ на то, что Ремпеномъ не были соблюдены въ точности условія письма Эренбаума отъ 9 іюля 1891 г. и что если имъ и было въ дѣйствительности выражено согласіе на предложеніе Эренбаума (что впрочемъ апелляторомъ ничѣмъ не доказано), то это согласіе было имъ уничтожено послѣдующими его дѣйствіями и самая сдѣлка, предложенная Эренбаумомъ въ письмѣ отъ 9 іюля 1891 г., не осуществилась. А потому Прав. Сенатъ находитъ, что договоръ отъ 15 марта 1891 г. долженъ быть признанъ оставшимся въ своей силѣ и что посему къ освобожденію Ремпена отъ обязанности уплатить Эренбауму въ силу сего договора неустойку, въ видѣ жалованья по срокъ договора, за досрочное удаленіе его отъ службы, не представляется основаній. Что же касается указанія апеллятора на то, что Ремпенъ вынужденъ былъ уволить Эренбаума, не выжидая 1 августа 1891 г., въ виду того, что послѣдній, въ противность требованій ст. 12 Уст. Торг., не исполнялъ прямыхъ приказаній хозяина и оказался даже недобросовѣстнымъ, то таковое указаніе, какъ ничѣмъ не подкрѣпленное, не можетъ быть вовсе принято во вниманіе, тѣмъ болѣе, что какъ видно изъ дѣла, возбужденное Ремпеномъ у мирового судьи дѣло по обвиненію Эренбаума въ растратѣ было имъ прекращено; само же по себѣ ослушаніе Эренбаума по точному смыслу договора отъ 15 марта 1891 г., если бы таковое и было установлено, не давало еще Ремпену права на его удаленіе, безъ платежа ему жалованья по срокъ договора. А потому и принимая во вниманіе, что ходатайство апеллятора о допросѣ свидѣтеля Линземана въ подтвержденіе дачи Ремпеномъ своего согласія на предложеніе Эренбаума отъ 9 іюля 1891 г., а также обстоятельствъ увольненія Эренбаума 16 іюня 1891 г. отъ должности, въ виду изложенныхъ соображеній, не можетъ имѣть для дѣла рѣшающаго значенія, а потому и къ удовлетворенію его не представляется достаточныхъ основаній, Прав. Сенатъ находитъ состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе СПБ. Ком. Суда въ обжалованной части—о присужденіи съ Ремпена въ

пользу Эренбаума 668 руб. жалованья—правильнымъ и отмѣнѣ не подлежащимъ. Что же касается указанія апеллятора на то, что судъ неправильно присудилъ Эренбауму его требованіе о жалованьѣ ранѣе дачи имъ Ремпену отчета, къ чему онъ присужденъ тѣмъ же рѣшеніемъ суда, то таковое не заслуживаетъ уваженія, ибо совокупный смыслъ ст. 7, 27 и 35 Уст. Торг. показываетъ, что удовлетвореніе приказчика причитающимся ему по договору вознагражденіемъ ни въ какой зависимости отъ дачи имъ отчета хозяину не стоитъ. По всѣмъ симъ основаніямъ Прав. Сенатъ состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе СПБ. Ком. Суда въ обжалованной части утвердилъ (1892 г., № 1602).

17. По вопросу *о послѣдствіяхъ досрочнаго увольненія нанимателемъ нанявшагося* отъ службы, Правительствующій Сенатъ въ прежнихъ своихъ рѣшеніяхъ придерживался того взгляда, что при увольненіи нанявшагося безъ законнаго повода, нанявшійся вправѣ получить съ нанимателя условленное вознагражденіе за все время, на которое заключенъ договоръ (Гражд. Касс. 1874 г., № 857; 1875 г., № 933; ср. б. IV Деп. 1877 г., № 177). Въ позднѣйшихъ рѣшеніяхъ однако Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что послѣдствіемъ досрочнаго увольненія лишь въ томъ случаѣ можетъ явиться присужденіе всей обусловленной договоромъ по срокъ договора наемной платы, если въ договорѣ положительно указано, что нанявшійся, въ случаѣ досрочнаго его увольненія, имѣетъ право на такое требованіе, въ качествѣ неустойки, а при отсутствіи подобнаго условія нанявшемуся, уволенному до срока, принадлежитъ лишь право взысканія убытковъ, имъ дѣйствительно понесенныхъ (опр. 2-го Общ. Собр. Прав. Сената 21 февраля 1909 г., по д. Петсона съ Ефимовой и Суд. Деп. 1910 г., № 340).

18|14. Управляющій заводомъ, оказавшійся неудовлетворяющимъ возложеннымъ на него договоромъ требованіямъ, не вправѣ претендовать на досрочное его увольненіе и отыскивать причитающееся ему по срокъ договора вознагражденіе и неустойку.

Изъ дѣла видно, что по договору 12 сентября 1889 г., заключенному Воше съ довѣреннымъ Дары Вайнштейнъ, Воше вступилъ на ея нефтяно-масляный заводъ подъ фирмою „вдова М. Э. Вайнштейнъ“ въ качествѣ химика и директора, срокомъ съ 15 октября 1889 г. на три года, на слѣдующихъ, между прочимъ, условіяхъ: Воше обязуется и принимаетъ на себя отвѣтственность въ томъ, что, поступивъ на заводъ, будетъ продолжать производство безъ остановки работъ и безъ переустройства въ существующихъ приспособленіяхъ завода, причемъ качество товара никоимъ образомъ не должно быть хуже настоящаго типа

масла, приготовляемаго на заводѣ, и стоимость переработки никакъ не должна быть дороже нынѣшняго техническаго разсчета производствъ. Въ случаѣ малѣйшаго нарушенія со стороны Воше сего пункта договора, Вайнштейнъ предоставляется право удалить Воше отъ должности химика и директора завода, уничтожить настоящій договоръ, и Воше лишается права предъявлять какія бы то ни было претензіи о вознагражденіи. Исполненіе настоящаго пункта должно считаться дѣйствительнымъ послѣ результатовъ экспертизы, принятой обѣими сторонами (п. 2). Воше обязуется всѣ усовершенствованія и улучшенія, которыя ему извѣстны въ этой отрасли промышленности, а также и тѣ, которыя имъ будутъ изобрѣтены во время службы на заводѣ, внести въ дѣло и они составятъ собственность Вайнштейнъ (п. 3). Съ того момента, какъ Воше вступитъ въ дѣло, онъ обязуется принять всѣ мѣры и обратить все свое вниманіе на преуспѣяніе завода, чтобы работы на заводѣ велись правильно и аккуратно безъ излишнихъ тратъ и расходовъ, чтобы во всемъ соблюдался порядокъ и экономія и чтобы работа вообще велась безостановочно, успѣшно и цѣлесообразно (п. 5). Точный смыслъ приведенныхъ постановленій договора, въ связи съ самою цѣлью его заключенія—пріобрѣтеніе для завода Вайнштейнъ опытнаго директора и химика, долженствовавшаго не только поддерживать прежнее производство завода въ томъ видѣ, какъ оно до него существовало, но и развивать и усовершенствовать таковое, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что если даже такія нарушенія договора, какъ малѣйшія несоотвѣтствія продуктовъ, выработанныхъ Воше, по качеству или по стоимости ихъ заготовленія должны были влечь за собою уничтоженіе договора и удаленіе Воше отъ должности химика и директора завода безъ права съ его стороны на претензіи о какомъ-либо вознагражденіи, то тѣмъ болѣе такія послѣдствія должны имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, если Воше вообще окажется, по незнанію или неопытности во взятомъ имъ на себя дѣлѣ, неудовлетворяющимъ качествамъ директора завода. А потому и принявъ во вниманіе: 1) что это послѣднее обстоятельство—что Воше не удовлетворялъ возложеннымъ на него договоромъ 12 сентября 1889 г. требованіямъ по управленію заводомъ Вайнштейнъ—установляется почти единогласными показаніями допрошенныхъ судомъ подъ присягою, неотведенныхъ Воше свидѣтелей; 2) что засимъ не подлежитъ удовлетворенію ходатайство Воше о вытребованіи книгъ завода и о выдачѣ ему свидѣтельствъ на полученіе свѣдѣній изъ управленій разныхъ обществъ о количествѣ поставленнаго имъ масла, такъ какъ свѣдѣнія эти ни въ чемъ не могли бы умалить ту установленную свидѣтелями неопытность, нецѣлесообразность и невыгодность пріемовъ при управленіи дѣломъ, которыя проявлялъ Воше за время его директорства, и которыя уже сами по себѣ по смыслу и значенію договора 12 сентября 1889 г., освобождали Вайнштейнъ отъ дальнѣйшей обязанности держать у себя въ качествѣ управителя ея завода Воше,—Прав. Сенатъ находитъ отказъ Одесскаго Ком. Суда въ искѣ

Воше къ Вайнштейнъ о признаніи договора 12 сентября 1889 г. для нея обязательнымъ и о присужденіи съ нея въ виду этого договоренной наемной платы по день рѣшенія и неустойки правильнымъ (1891 г., № 230).

19|15. Нарушеніе нанявшимся условій договора открываетъ нанимателю право на его увольненіе до срока безъ всякаго вознагражденія за недослуженное время.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что предметъ его заключается въ требованіи Клее о взысканіи съ Правленія Акціонернаго Общества Европейской Гостинницы 5.000 р. съ %, составляющихъ причитающееся ему со дня удаленія его отъ занимаемой имъ должности (11 мая 1890 г.) по срокъ заключеннаго имъ съ означеннымъ Правленіемъ контракта (11 мая 1891 г.) жалованье. Не признавая этого иска правильнымъ, Правленіе Общества Европейской Гостинницы объясняетъ, что Клее былъ удаленъ отъ должности за нарушеніе имъ условій контракта, а именно за неправильный заборъ вина для личнаго своего употребленія и для своихъ гостей и знакомыхъ и что посему, по силѣ § 14 означеннаго контракта, онъ имѣлъ право на полученіе жалованья лишь по день увольненія, каковымъ жалованьемъ онъ и былъ удовлетворенъ. СПБ. Ком. Судъ, признавъ, что увольненіе Правленіемъ Общества Европейской Гостинницы Клее отъ занимаемой имъ должности произошло по собственной винѣ послѣдняго, въ искѣ Клее отказалъ. Приступая вслѣдствіе принесенной повѣреннымъ Клее апелляціонной жалобы къ обсужденію правильности такого рѣшенія, Прав. Сенатъ находитъ, что по договору отъ 10 мая 1888 г., заключенному Правленіемъ Общества Европейской Гостинницы съ Клее, на Клее возложена была, между прочимъ, обязанность завѣдыванія винными погребами гостинницы и веденія по онымъ надлежащей отчетности (§ 8), причемъ вознагражденіе Клее опредѣлено было въ 5.000 р., уплачиваемыхъ по истеченіи каждаго мѣсяца, и кромѣ того выговорено было, что Клее пользуется даровою квартирою, даровымъ столомъ съ ежедневною бутылкою столоваго вина для себя и жены своей; если же у Клее будутъ гости, то за потребованное для нихъ кушанье онъ обязанъ уплатить по цѣнамъ гостинницы, за вино же по покупной цѣнѣ гостинницы (§ 12). При точномъ исполненіи Клее принятыхъ имъ на себя по сему контракту обязанностей, Правленіе Общества не имѣетъ права отказать ему отъ службы до истеченія срока договора (11 мая 1891 г.), въ противномъ случаѣ оно обязано уплатить Клее жалованье сполна за время срока договора. Если же Клее до истеченія срока договора самъ откажется отъ принятыхъ имъ на себя обязанностей или по его винѣ будетъ уволенъ Правленіемъ Общества, то онъ получаетъ вознагражденіе только по день отказа или увольненія его отъ должности (§ 14). Изъ заявленія самого Клее въ Правленіе

Общества Европейской Гостинницы отъ 25 апрѣля 1890 г. видно, что онъ забиралъ изъ погреба гостинницы вино не только для своего личнаго употребленія и для угощенія своихъ гостей, какъ это предоставлено ему было договоромъ, но и для близкихъ своихъ родныхъ, знакомыхъ и отчасти, какъ услуга за услугу, для нѣкоторыхъ нужныхъ для дѣла лицъ, и притомъ не на наличныя деньги, а безвозмездно, какъ это видно изъ того же заявленія и изъ признанія, сдѣланнаго Клее на судѣ о томъ, что онъ дѣйствительно состоитъ должнымъ Правленію Общества за забранное вино до 500 р. Такой же образъ дѣйствій Клее, несомнѣнно составляя нарушеніе договорныхъ его съ Обществомъ отношеній, уже самъ по себѣ давалъ означенному Обществу право уволить Клее отъ занимаемой имъ должности до истеченія срока договора. Что же касается указанія апеллятора на то, что разъ по договору право Клее требовать вино для своихъ гостей по покупной цѣнѣ гостинницы не ограничено какимъ-либо количествомъ, то интересъ гостинницы нисколько не страдалъ отъ перемѣны мѣста потребленія вина, т. е. отъ того, что вино потреблялось не въ квартирѣ Клее, а отсылалось на домъ его знакомымъ и роднымъ,—то оно не заслуживаетъ уваженія, ибо хотя предоставленный Клее по договору заборъ вина по покупной цѣнѣ и не составляетъ прямого ущерба для гостинницы, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не представляетъ для таковой и никакой выгоды, къ полученію которой стремится всякое коммерческое предпріятіе; къ тому же предоставленное Клее по договору право требовать изъ погреба по покупной цѣнѣ вино для своихъ гостей, очевидно, не можетъ быть признано равнозначащимъ разрѣшенію отпускать вино изъ гостинницы роднымъ и знакомымъ Клее; то же указываемое апелляторомъ обстоятельство, что такимъ же способомъ отпускалось вино директорамъ, бывшему управляющему и нѣкоторымъ акціонерамъ, если бы оно даже дѣйствительно и имѣло мѣсто, по отношенію къ Клее, пользующемуся только тѣми правами, которыя предоставлены ему договоромъ, никакого значенія имѣть не можетъ, вслѣдствіе чего и къ особому констатированію этого факта по книгамъ гостинницы не представляется необходимости. Равнымъ образомъ не заслуживаетъ уваженія и объясненіе апеллятора о томъ, что, будто бы, Правленію Общества былъ извѣстенъ образъ дѣйствій Клее и что Правленіе, не протестуя противъ онаго, какъ бы давало свое на то согласіе,—ибо, какъ то констатировано на судѣ, вино, забираемое Клее для своихъ знакомыхъ и родныхъ, не вносилось ни въ книгу малаго погреба, въ которой должно было именно обозначаться, куда и кому отпущено вино, ни въ долговую книгу гостинницы, ни, наконецъ, въ личный счетъ Клее, а, слѣдовательно, объ этомъ заборѣ лицамъ, ревизующимъ книги могло быть и неизвѣстно; хотя же засимъ апелляторъ и объясняетъ, что производимый имъ заборъ вина отмѣчался на отдѣльныхъ записочкахъ, хранившихся въ комнатѣ Правленія, но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ничѣмъ не доказалъ, чтобы эти записочки составляли одинъ изъ способовъ возложенной на него по договору (§ 8)

отчетности по винному погребу, а равно чтобы онѣ когда-либо просматривались членами Правленія или принимались бы во вниманіе при ревизіи книгъ гостинницы, а потому это его объясненіе и не можетъ быть вовсе принято во вниманіе; констатировать же утверждаемый имъ нынѣ фактъ переноса значащихся на ежедневныхъ запискахъ отпусковъ вина Клее въ книгу малаго погреба ситель, очевидно, имѣлъ полную возможность при разсмотрѣніи этихъ книгъ судомъ, который, однако, по обозрѣніи ихъ нашелъ, что въ книгѣ малаго погреба вино, отпущенное Клее сверхъ положеннаго по договору и отправленное по его приказанію разнымъ лицамъ, не значится. Наконецъ, не можетъ быть признано заслуживающимъ уваженія и указаніе апеллятора на то, что Клее могъ бы быть уволенъ Правленіемъ только въ случаѣ уклоненія его отъ исполненія распоряженій Правленія о воспрещеніи ему забора винъ вышеуказаннымъ способомъ, какового распоряженія, однако, со стороны Правленія не было сдѣлано,—такъ какъ по смыслу договора фактъ нарушенія Клее условій онаго уже самъ по себѣ давалъ Правленію право уволить его отъ занимаемой должности безъ всякихъ предостереженій или какихъ-либо предварительныхъ распоряженій. Признавая въ виду изложеннаго, что Клее уволенъ былъ Правленіемъ Общества Европейской Гостинницы по своей собственной винѣ и что посему, въ силу § 14 договора Правленія съ Клее, сей послѣдній долженъ быть признанъ лишеннымъ права требовать удовлетворенія его содержаніемъ со времени увольненія по срокъ контракта,—Прав. Сенатъ находитъ постановленное въ этомъ смыслѣ обжалованное повѣреннымъ Клее рѣшеніе Спб. Ком. Суда отмѣнѣ не подлежащимъ (1891 г., № 1709).

20. Право приказчика отказаться отъ службы въ случаѣ понужденія его хозяиномъ къ совершенію незаконныхъ дѣйствій.

Письмомъ отъ 29 января 1904 г. П. увѣдомилъ С. о продажѣ имъ всего дѣла своего другому лицу и предложилъ ему, какъ главному приказчику, принять цѣлый рядъ мѣръ, которыя являются ничѣмъ инымъ, какъ прикрытіемъ состоявшейся во вредъ интересовъ кредиторовъ П. фиктивной продажи всего дѣла и въ то же время содѣйствіемъ С. къ успѣшному созданію умышленной неоплатности П. Наличность подобнаго образа дѣйствій хозяина даетъ несомнѣнно полное право приказчику отказаться не только отъ участія въ такомъ дѣлѣ, но и вообще отъ всякой дальнѣйшей службы у хозяина и работы у него, въ чемъ бы и гдѣ бы таковыя ни состояли, а посему нарушившимъ договоръ о личномъ наймѣ, заключенный между хозяиномъ и приказчикомъ, можетъ при такихъ условіяхъ считаться только хозяинъ и притомъ совершенно независимо отъ того, всю-ли свою торговлю и свое имущество фиктивно переукрѣпилъ хозяинъ, или только часть. Въ силу этихъ соображеній Прав. Сенатъ

призналъ, что ссылка повѣреннаго П. въ его апелляціонной жалобѣ на то, что хотя С. имѣлъ право отказаться отъ управленія проданнымъ торговымъ дѣломъ, но онъ не имѣлъ права оставить вовсе службу у П., является неуважительной. Въ силу изложенныхъ соображеній, Правительствующій Сенатъ утвердилъ рѣшеніе Коммерческаго Суда, коимъ въ пользу приказчика была присуждена неустойка, обусловленная договоромъ за нарушеніе такового (1910 г., № 6).

21. Толкованіе ст. ст. 11 и 12 Уст. Торг. въ томъ направленіи, что договоръ найма не можетъ быть нарушенъ хозяиномъ въ случаѣ невѣжливости или нетрезвости нанятаго имъ управляющаго, и что ему, будто бы по этому поводу принадлежало бы право лишь домашнею строгостью унять служащаго и принести на него жалобу въ судъ, представляется неправильнымъ. Постановленія ст. 12 должны быть толкуемы въ смыслѣ примѣненія ихъ лишь къ тѣмъ случаямъ, когда хозяинъ, не намѣреваясь уволить служащаго, желаетъ лишь упорядочить его поведеніе. Затѣмъ, изъ сопоставленія ст. ст. 7 и 11 Уст. Торг. со статьями 569 и 2230 X т. 1 ч., необходимо вывести то заключеніе, что грубое обращеніе съ хозяиномъ и нетрезвое поведеніе приказчика представляютъ собою достаточный законный поводъ для досрочнаго увольненія служащаго, какъ нарушителя договора, такъ какъ нельзя признать хозяина торговаго заведенія или гостинницы обязаннымъ продолжать держать у себя такого управляющаго, который, имѣя на рукахъ и всю выручку и завѣдываніе отвѣтственнымъ дѣломъ, ведетъ нетрезвую жизнь и не признаетъ самъ, а равно указываетъ и слугамъ не признавать владѣльца предпріятія за хозяина (1908 г., № 389; тоже 1909 г., № 2278).

22|16. Расходы приказчика, на производство которыхъ не имѣется разрѣшенія въ договорѣ и не послѣдовало позднѣйшаго одобренія со стороны хозяина, не могутъ быть отнесены на счетъ послѣдняго. Понятіе чистой прибыли предпріятія.

Разрѣшенію Прав. Сената подлежали слѣдующіе, между прочимъ, вопросы: правильно ли Ком. Судъ: 1) отказалъ Швареву въ удовлетвореніи части его встрѣчнаго къ Иконникову иска съ Иконникова суммы, израсходованной по его объясненію, изъ собственныхъ средствъ на пріобрѣтеніе покупателей для завѣдываемаго имъ пивного склада Иконникова, и 2) опредѣлилъ размѣръ чистой прибыли по торговлѣ въ пивномъ складѣ Иконникова за время завѣдыванія онымъ Шваревымъ въ суммѣ 8785 р. 99 к. и сообразно съ этимъ призналъ, что выговоренное по договору 25%-ое вознагражденіе Шварева за управленіе имъ складомъ должно выразиться въ суммѣ 2196 р. 50 к.? Относительно перваго вопроса Прав. Сенатъ нашелъ, что при существованіи письменнаго договора

между Иконниковымъ и Шваревымъ права и обязанности послѣдняго прежде всего должны обсуждаться на основаніи этого документа. Въ означенномъ же договорѣ о правѣ Шварева, въ качествѣ управляющаго пивнымъ складомъ Иконникова, производить за счетъ хозяина склада расходы по пріобрѣтенію покупателей ни словомъ не упоминается; равнымъ образомъ Шваревъ не представилъ никакихъ доказательствъ и послѣдующаго одобренія Иконниковымъ такого его образа дѣйствій, а потому, какъ правильно призналъ Ком. Судъ, и не представляется основаній къ возложенію этихъ расходовъ на Иконникова. Что же касается указанія Шварева въ апелляціи на то, что расходъ на одареніе и угощеніе покупателей представляется расходомъ необходимымъ, неразрывно связаннымъ съ успѣшнымъ веденіемъ торговли въ пивномъ складѣ, то таковое, если бы даже и признать его справедливымъ, не могло бы еще, само по себѣ, служить основаніемъ къ признанію за Шваревымъ права на производство указанныхъ выше расходовъ за счетъ Иконникова, безъ спеціальнаго съ его стороны на то уполномочія, въ виду того, что Шваревъ, какъ видно изъ дѣла, управлялъ складомъ Иконникова не за опредѣленное жалованье, а получалъ извѣстный процентъ съ чистой прибыли отъ предпріятія, былъ слѣдовательно лицомъ заинтересованнымъ въ ходѣ дѣла, а потому и признаваемые имъ необходимые расходы съ цѣлью поднятія доходности предпріятія, произведенные имъ какъ въ интересахъ хозяина, такъ и въ личныхъ своихъ интересахъ, могли бы быть отнесены имъ за счетъ хозяина только въ томъ случаѣ, еслибы на принятіе этихъ расходовъ на себя было изъявлено согласіе Иконниковымъ. А такъ какъ это Шваревымъ, какъ уже сказано, ничѣмъ не доказано, то засимъ и къ удовлетворенію ходатайства апеллятора о спросѣ свѣдущихъ людей какъ о необходимости расходовъ на пріобрѣтеніе покупателей, такъ и о нормальности размѣра ихъ, не представляется основаній. Перейдя засимъ ко второму вопросу, Прав. Сенатъ нашелъ, что вопросъ этотъ сводится къ тому, какимъ образомъ слѣдуетъ опредѣлить размѣръ чистой прибыли по торговлѣ въ пивномъ складѣ Иконникова за время завѣдыванія онымъ Шваревымъ; слѣдуетъ ли, какъ того домогается Иконниковъ согласно съ мнѣніемъ, высказаннымъ однимъ изъ экспертовъ, разсматривавшихъ вопросъ о чистой прибыли, къ расходамъ, подлежащимъ исключенію изъ валового дохода, отнести: 1) извѣстный % на погашеніе части капитала, затраченнаго Иконниковымъ на пріобрѣтеніе разнаго имущества для обзаведенія склада, на предварительныя работы и устройство склада, и 2) расходы, показанные Иконниковымъ въ вѣдомостяхъ, но не записанные въ книгахъ, или же, согласно съ мнѣніемъ большинства экспертовъ и суда, этихъ расходовъ въ разсчетъ не принимать. Въ этомъ отношеніи Прав. Сенатъ находитъ, что принятіе или непринятіе во вниманіе расходовъ на обзаведеніе склада и проч. можетъ зависѣть исключительно лишь отъ условій договора сторонъ, въ которомъ порядокъ опредѣленія чистой прибыли предпріятія изложенъ весьма ясно и точно.

А именно въ п. 2 заключеннаго между Иконниковымъ и Шваревымъ 26 мая 1890 г. договора постановлено, что „для опредѣленія чистой прибыли должны быть исключены изъ валового дохода всѣ вообще расходы по пивной операціи, какъ то: найму помѣщенія, жалованію служащимъ и т. п.“. Начавъ примѣрное перечисленіе подлежащихъ исключенію изъ валового дохода расходовъ прямо съ найма помѣщенія и не упомянувъ о расходахъ, предшествующихъ сему дѣйствію—на устройство и обзаведеніе склада, и опредѣливъ далѣе въ томъ же пунктѣ договора время полученія Шваревымъ %-го вознагражденія по истеченіи каждаго мѣсяца и по сдачѣ имъ за это время полнаго отчета, контрагенты должны быть признаны, какъ совершенно правильно заключилъ Ком. Судъ, имѣвшими въ виду лишь текущіе во время производства торговли изъ склада расходы, а потому и къ исключенію изъ валового дохода расходовъ, предшествовавшихъ началу дѣятельности склада, не представляется основаній. Такое заключеніе представляется вполнѣ согласнымъ и съ самымъ положеніемъ контрагентовъ: Шваревъ былъ не болѣе какъ приказчикъ Иконникова, получавшій извѣстное вознагражденіе, а не компаньонъ его, имѣющій какое-либо право на имущество предпріятія, а потому и судьба этого имущества, затраты на его пріобрѣтеніе и утрата имъ своей цѣнности его вовсе касаться не могли. Наконецъ и самое условіе о производствѣ ему вознагражденія по мѣсяцамъ исключаетъ всякую возможность предположенія, чтобы стороны имѣли въ виду ежемѣсячно разсчитывать соотвѣтствующій на амортизацію капиталъ; того же, чтобы онъ подлежалъ вычету по окончаніи операціоннаго года, въ договорѣ вовсе не постановлено. Затѣмъ относительно расходовъ, показанныхъ въ вѣдомостяхъ Иконникова, но въ торговыхъ книгахъ не записанныхъ, Прав. Сенатъ нашелъ, что эти расходы не могутъ быть признаны подлежащими вычету изъ валового дохода предпріятія, такъ какъ дѣйствительное производство ихъ Иконниковымъ, кромѣ имъ же самимъ составленной вѣдомости, для Шварева никакой обязательной силы не имѣющей, ничѣмъ не доказано; утвержденіе же его въ апелляціи, будто эти расходы признаны Шваревымъ, не находитъ себѣ подтвержденія въ дѣлѣ. А потому и принявъ во вниманіе, что Иконниковъ собственно противъ размѣра опредѣленной судомъ по принятому имъ способу чистой прибыли отъ находившагося въ завѣдываніи Шварева пивного склада въ суммѣ 8785 р. 99 к. не споритъ, Прав. Сенатъ призналъ, что причитающееся Швареву съ Иконникова процентное вознагражденіе (согласно договору 25% съ чистой прибыли) правильно опредѣлено СПБ. Ком. Судомъ въ суммѣ 2196 р. 50 к. (1894 г., № 254).

23|17. Коль скоро хозяинъ приметъ въ свою лавку товаръ, купленный приказчикомъ, и имъ воспользуется, то онъ уже не можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтствен-

ности передъ продавцемъ товара подъ предлогомъ, что товаръ купленъ приказчикомъ въ кредитъ безъ наличности на то полномочія.

Разсмотрѣвъ наст. дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что разрѣшенію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Ком. Судъ присудилъ съ Андреева въ пользу Александрова 4929 р. 75 к. Изъ дѣла видно, что сумма эта взыскивается Александровымъ съ Андреева, какъ стоимость отпущеннаго имъ въ лавку послѣдняго товара, причемъ въ основаніе иска представлены фактуры на доставленный приказчику Андреева на отчетѣ—Бѣгунову товаръ на означенную сумму, подписанныя одна—Бѣгуновымъ, а другая служащимъ въ лавкѣ Скороспѣловымъ. Сущность возраженій отвѣтчика противъ этого иска заключается въ томъ, что хотя обстоятельствами дѣла и установлено, что товаръ Александрова доставленъ въ его, отвѣтчика, лавку и въ спискѣ Бѣгунова значатся нѣкоторые изъ доставленныхъ Александровымъ товаровъ, но дѣйствительно ли поступило въ его лавку все то количество и по той цѣнѣ, какъ это значится въ накладныхъ,—ему неизвѣстно, такъ какъ Бѣгуновъ умеръ, оставивъ лавку въ полномъ безпорядкѣ, истецъ же этого ничѣмъ не доказалъ; что по договорамъ, заключеннымъ имъ съ Бѣгуновымъ, послѣднему было воспрещено покупать товаръ въ кредитъ, вслѣдствіе чего онъ, Андреевъ, и не можетъ отвѣчать за дѣйствія Бѣгунова, учиненныя имъ внѣ предѣловъ даннаго полномочія; что накладныя написаны на имя Бѣгунова, а не на имя его, Андреева, лавки, причемъ на одной изъ накладныхъ Бѣгуновъ росписался не какъ его приказчикъ, а какъ личный покупатель, и что если и возможно считать его, Андреева, отвѣтственнымъ за товаръ, поступившій въ его лавку, то единственно за товаръ, принятый самимъ Бѣгуновымъ, бывшимъ у него приказчикамъ на отчетѣ, а никакъ не за товаръ, въ принятіи котораго росписался какой-то Скороспѣловъ. Обращаясь къ разсмотрѣнію изложенныхъ доводовъ апеллятора, Прав. Сенатъ находитъ, что представленныя въ основаніе иска накладныя, удостовѣряющія какъ количество, такъ и цѣну отпущеннаго истцомъ товара, подписаны—одна изъ нихъ бывшимъ приказчикомъ Бѣгуновымъ, а другая — Скороспѣловымъ, торговавшимъ, какъ это видно изъ даннаго имъ по наст. дѣлу показанія, апелляторомъ неоспариваемаго, въ лавкѣ его, Андреева, куда доставленъ былъ Александровымъ товаръ, по найму Бѣгунова, которому, согласно представленнымъ къ дѣлу договорамъ, было предоставлено Андреевымъ право нанимать необходимыхъ для лавки служащихъ, вслѣдствіе чего указаніе апеллятора на то, что онъ лично Скороспѣлова не нанималъ, никакого значенія имѣть не можетъ. По закону же (ст. 279 Уст. Суд. Торг.) счетъ, подписанный пріемщикомъ или должникомъ и возвращенный поставщику или вѣрителю, составляетъ совершенное доказательство въ пользу послѣдняго, если подпись не будетъ опротестована. А потому

и такъ какъ никакого спора собственно противъ подписей на фактурахъ апелляторъ не заявляетъ, Прав. Сенатъ находитъ, что какъ количество поступившаго въ лавку Андреева товара, такъ и стоимость его, нынѣ и взыскиваемая Александровымъ, должны быть признаны вполнѣ установленными, равно какъ за нахожденіемъ въ рукахъ истца подписанныхъ представителями отвѣтчика—его приказчиками Бѣгуновымъ и Скороспѣловымъ (послѣдній, какъ уже указано, былъ нанятъ Бѣгуновымъ, согласно предоставленному ему на то Андреевымъ праву)—счетовъ и непредставленіемъ Андреевымъ доказательствъ производства по нимъ платежа, должно быть признано за истцомъ и самое право на искъ, тѣмъ болѣе, что фактъ поступленія въ лавку Андреева товара, отпущеннаго Александровымъ именно на сумму, отыскиваемую послѣднимъ нынѣ, помимо самыхъ фактуръ, доказывается также и показаніемъ свидѣтеля Петрова, удостовѣрившаго, что Бѣгунову было отпущено Александровымъ товара на сумму около 5.000 р. При такихъ же условіяхъ не можетъ имѣть никакого значенія дѣлаемое апелляторомъ указаніе на то, что Бѣгуновъ оставилъ его лавку въ полномъ безпорядкѣ, чѣмъ лишилъ его возможности провѣрить по книгамъ количество поступившаго къ нему товара. Что же касается указанія апеллятора на то, что Бѣгуновъ не былъ уполномоченъ на заборъ товара въ кредитъ, то это обстоятельство не можетъ служить основаніемъ къ освобожденію апеллятора отъ отвѣтственности за поступившій въ его лавку товаръ. По закону (ст. 24 Уст. Торг.) хозяинъ отвѣчаетъ за дѣйствія приказчиковъ во всемъ томъ, что въ силу его порученія, приказанія или съ его вѣдома и воли учинено будетъ. А по ст. 28 Уст. Торг. хозяинъ не можетъ отказаться отъ законной за приказчика отвѣтственности подъ предлогомъ, что онъ торговалъ за свой счетъ или на занятыя деньги. Точный смыслъ приведенныхъ законовъ показываетъ, что отвѣтственность хозяина за дѣйствія приказчика обусловливается согласіемъ хозяина на таковыя дѣйствія; такое же согласіе хозяина будетъ и въ томъ случаѣ, когда хозяинъ приметъ или обратитъ въ свою пользу возникшія отъ дѣйствій приказчика послѣдствія. Посему, когда хозяинъ приметъ въ лавку свою товаръ, купленный приказчикомъ, и имъ воспользуется, то уже не можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности передъ продавцемъ товара подъ тѣмъ предлогомъ, что товаръ купленъ приказчикомъ въ кредитъ, безъ наличности на то уполномочія. А такъ какъ въ наст. случаѣ какъ самый фактъ поступленія въ лавку Андреева товара, отпущеннаго Александровымъ приказчику его Бѣгунову, такъ и количество и стоимость его представляются по дѣлу установленными, написаніе же фактуръ на имя Бѣгунова, а не на имя Андреева, само по себѣ, никакого значенія имѣть не можетъ, такъ какъ Бѣгуновъ, какъ видно изъ дѣла, былъ полнымъ распорядителемъ въ лавкѣ Андреева, дѣлавшимъ, по показанію свидѣтелей, заказы на товаръ отъ своего имени и самъ Андреевъ, не отрицая вовсе принадлежности торговли въ лавкѣ ему, а не Бѣгунову, признаетъ, что по свѣдѣніямъ,

у него имѣющимся, значится поступленіе къ нему въ лавку части этого товара,—то и къ освобожденію Андреева отъ отвѣтственности въ платежѣ за этотъ товаръ лишь по одному возраженію его о превышеніи Бѣгуновымъ при покупкѣ этого товара даннаго ему полномочія, не представляется достаточныхъ основаній. По тѣмъ же самымъ соображеніямъ не можетъ быть Андреевъ освобожденъ отъ отвѣтственности въ платежѣ за поступившій къ нему въ лавку отъ Александрова товаръ и вслѣдствіе приводимаго имъ, совершенно впрочемъ голословно, предположенія о покупкѣ Бѣгуновымъ означеннаго товара за свой личный счетъ. Въ силу изложенныхъ соображеній Прав. Сенатъ рѣшеніе Спб. Ком. Суда по сему дѣлу утвердилъ (1895 г., № 109).

24|18. Признаніе дѣйствій одного лица (полученіе ссудъ подъ товаръ), совершенныхъ отъ имени другого хотя и безъ особаго письменнаго полномочія, для сего послѣдняго обязательными, вслѣдствіе совершенія ихъ съ доказанныхъ по дѣлу вѣдома и согласія его.

12 августа 1888 года бендерскій купецъ Лейба Полинковскій вошелъ съ Главнымъ Днѣстровскимъ Агентствомъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли въ Одессѣ въ соглашеніе, въ силу котораго Общество приняло на себя обязанность перевести въ періодъ съ открытія навигаціи 1889 года по 1 іюля того же года 300 тысячъ пудовъ принадлежащаго Полинковскому груза (разнаго зерна) изъ Бендеръ и Тирасполя въ Одессу, по цѣнѣ фрахта съ пуда пять коп. Въ соглашеніи этомъ между прочимъ установлено, что Общество предоставляетъ грузителю право доставить весь грузъ или часть онаго раньше времени погрузки и сложить на складѣ Общества, гдѣ онъ будетъ оставаться до погрузки на судно; на грузъ, поступающій на складъ Общества, агентъ будетъ выдавать особую печатную квитанцію (п. 5); Общество согласно выдавать грузителю ссуду подъ обезпеченіе груза на складѣ Общества по соглашенію съ агентомъ и не болѣе $^2/_3$ стоимости на мѣстѣ, если качество груза будетъ одобрено Обществомъ; при полученіи ссуды товаро-хозяинъ долженъ предъявить агенту полученныя имъ квитанціи, и агентъ дѣлаетъ на нихъ соотвѣтствующую надпись: по поступленіи груза на судно, упомянутыя квитанціи возвращаются агенту, который взамѣнъ ихъ, выдаетъ коносаментъ, въ который заносятся ссуда и всѣ прочіе платежи: ссуда и коносаментъ выдаются грузителю лично или третьему лицу, снабженному его письменнымъ удостовѣреніемъ; лицо получающее выдаетъ росписку на ссуду и росписывается на коносаментѣ (п. 6); въ случаѣ порчи товара или паденія цѣнъ Общество имѣетъ право требовать отъ грузителя погашенія части ссуды, а въ случаѣ неудовлетворенія продать весь товаръ или часть онаго для погашенія части слѣдуемой Обществу суммы или всей суммы (п. 14).

Основываясь на этомъ соглашеніи и объясняя: 1) что Лейба Полинковскій въ исполненіе онаго сложилъ въ склады Русскаго Общества Пароходства и Торговли въ Бендерахъ и Тирасполѣ 59.200 пуд. ячменя, 23.000 пуд. пшеницы и 14.000 пуд. кукурузы въ качанахъ, всего на сумму 46.314 руб., подъ каковой грузъ получилъ отъ Общества ссуды всего 15.650 руб., причемъ въ счетъ этого долга имъ уже уплачено 5.495 руб.; 2) что кромѣ того Обществу слѣдуетъ съ Полинковскаго за произведенные за его счетъ расходы по страхованію груза и найму сторожа 390 руб., и такимъ образомъ весь долгъ его Обществу выражается въ суммѣ 10.545 руб.; 3) что между тѣмъ Общество совершенно неосновательно начисляетъ на Полинковскаго ссуду въ излишнемъ противъ указаннаго размѣра на 38.055 руб.,—повѣренный Полинковскаго предъявилъ въ Одесскомъ Коммерческомъ Судѣ искъ къ Русскому Обществу Пароходства и Торговли о понужденіи послѣдняго къ сдачѣ истцу 59.200 пудовъ ячменя, 23.000 пуд. пшеницы и 24.000 пудовъ кукурузы въ качанахъ, свободными отъ ссуды въ суммѣ 38.055 р. съ предоставленіемъ отвѣтчику права на полученіе съ истца 10.545 р. Впослѣдствіи, въ виду того, что поименованный грузъ, за исключеніемъ кукурузы, оказался Обществомъ проданнымъ, повѣренный Полинковскаго просилъ судъ присудить съ Общества разницу между продажной стоимостью груза и признаваемой истцомъ ссудой всего 38.809 р. и кромѣ того обязать Общество сдать Полинковскому 14.000 пуд. кукурузы. Не признавая этого иска правильнымъ на томъ основаніи, что, какъ видно изъ представленныхъ къ дѣлу росписокъ Шмуля Полинковскаго, Обществомъ выдана была подъ грузъ Лейбы Полинковскаго, согласно § 6 договора 12 августа 1888 года, ссуда въ утверждаемомъ Обществомъ размѣрѣ и заявляя, что за неуплатою Лейбою Полинковскимъ лежавшаго на его грузѣ по ссудамъ долга, Общество принуждено было продать этотъ грузъ, результатомъ чего оказалась недовыручка Обществомъ для погашенія всего долга Полинковскаго 5.229 руб. 15 коп., повѣренный Русскаго Общества Пароходства и Торговли просилъ судъ, отказавъ Лейбѣ Полинковскому въ его искѣ, присудить съ него въ пользу Общества 5.229 руб. 15 коп. Противъ этихъ доводовъ отвѣтчикъ повѣренный Полинковскаго первоначально заявилъ споръ о подлогѣ подписей Шмуля Полинковскаго на представленныхъ Обществомъ роспискахъ по полученіи ссудъ, а засимъ, когда въ силу произведеннаго разслѣдованія, споръ этотъ, какъ вполнѣ опровергнутый, оставленъ былъ судомъ безъ уваженія, основалъ свою защиту на томъ, что выданныя Обществомъ подъ росписки Шмуля Полинковскаго ссуды подъ грузъ Лейбы Полинковскаго не могутъ быть признаны для сего послѣдняго обязательными, какъ выданныя ему безъ письменнаго разрѣшенія Лейбы Полинковскаго. Одесскій Коммерческій Судъ, согласившись съ этими послѣдними доводами повѣреннаго истца, призналъ исковыя требованія Лейбы Полинковскаго о взысканіи съ Общества 38.055 руб. и о понужденіи его къ сдачѣ 14.000 пуд. кукурузы подлежащими удовлетворенію,

во встрѣчномъ же искѣ Обществу отказалъ. Приступая вслѣдствіе принесенной на это рѣшеніе суда Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли апелляціонной жалобы къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ прежде всего находитъ, что хотя, какъ то вполнѣ правильно установилъ въ рѣшеніи своемъ Одесскій Коммерческій Судъ, ссуды подъ грузъ Лейбы Полинковскаго и выдавались Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли Шмулю Полинковскому вопреки п. 6 договора 12 августа 1888 г. безъ представленія имъ особыхъ письменныхъ на то полномочій со стороны Лейбы Полинковскаго, вслѣдствіе чего таковыя дѣйствія Общества съ формальной стороны и не могутъ быть признаны правильными, но въ данномъ, частномъ случаѣ одно указанное отступленіе со стороны Общества отъ требованій договора, само по себѣ, не можетъ еще по обстоятельствамъ дѣла служить достаточнымъ основаніемъ къ удовлетворенію исковыхъ къ Обществу требованій Лейбы Полинковскаго по слѣдующимъ соображеніямъ. Прежде всего всѣ объясненія Лейбы Полинковскаго о принципіальной необязательности для него тѣхъ ссудъ, которыя выданы были Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли подъ росписки Шмуля Полинковскаго, не могутъ имѣть въ данномъ случаѣ значенія уже по одному тому, что изъ признаваемыхъ имъ самимъ въ его исковомъ прошеніи полученными отъ Общества ссудъ, всего на сумму 15.650 р., ссуды на 14.150 р. выданы были Обществомъ подъ росписки того же Шмуля Полинковскаго (именно подъ росписки сего послѣдняго отъ 2, 25, 29 и 30 сентября 1888 г.), какихъ же либо не только доказательствъ, но даже и объясненій, почему именно онъ выдѣляетъ приведенныя росписки Шмуля Полинковскаго изъ числа другихъ таковыхъ же его росписокъ, имъ нынѣ, однако, не признаваемыхъ, Лейба Полинковскій вовсе не приводитъ. Между тѣмъ изъ представленной къ дѣлу переписки Лейбы съ Шмулемъ Полинковскимъ усматривается не только то, что вообще самый фактъ полученія Шмулемъ Полинковскимъ дальнѣйшихъ ссудъ отъ Общества подъ хлѣбный грузъ былъ вполнѣ извѣстенъ истцу Лейбѣ Полинковскому, но и то, что послѣдній принималъ дѣятельное участіе въ хлопотахъ объ этихъ ссудахъ и что высылка денегъ для выдачи таковыхъ изъ Одессы въ Бендеры имѣла мѣсто благодаря его усиленнымъ ходатайствамъ въ Главномъ Агентствѣ Общества Пароходства и Торговли въ Одессѣ. Такъ въ письмѣ отъ 12 октября 1888 г. Лейба Полинковскій пишетъ Шмулю: „Сегодня мнѣ Гессенъ (агентъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, заключившій съ Полинковскимъ договоръ 12 августа 1888 г.) обѣщалъ послать завтрашній день въ Бендеры отъ 10—15 тысячъ руб.; полагаю, что это все будетъ для насъ“; 29 того же октября: „Сегодня получено отъ Главной Конторы распоряженіе, чтобы послать въ Бендеры 10 тыс. руб.; полагаю, что они сегодня же послали... Было бы справедливо, чтобы ты забралъ всѣ деньги“; 30 октября: „Вчера они не послали, потому что въ Главной Конторѣ не было наличныхъ денегъ, и на завтра сомнѣваюсь, пошлютъ ли они... Но за всѣмъ тѣмъ усилю стараніе и хлопотать

буду, чтобы завтра выслали денегъ". 3 ноября: „Германъ сказалъ мнѣ, что въ Главной Конторѣ ему обѣщали послать въ субботу 10 тыс. руб. и я постараюсь, быть можетъ удастся, послать еще завтра", и 12 ноября: „Вчера послали Г. Вайнштейну 2.000 руб., хотя Гессенъ мнѣ обѣщалъ исхлопотать полностью 5.000 руб., но вѣроятно директоръ не хотѣлъ послать больше, хорошо и это". Независимо отъ изложеннаго, существованіе согласія Лейбы Полинковскаго на полученіе ссуды подъ его грузъ Шмулемъ Полинковскимъ подтверждается и слѣдующимъ соображеніемъ: въ силу § 6 соглашенія 12 августа 1888 г. необходимымъ условіемъ полученія ссуды подъ находящійся въ складахъ Общества грузъ является предъявленіе агенту выданныхъ въ пріемѣ груза квитанцій. Если же, какъ нынѣ утверждаетъ повѣренный Лейбы Полинковскаго, Шмуль Полинковскій никакого участія въ операціяхъ его по договору 12 августа не принималъ (что впрочемъ вполнѣ опровергается признаніемъ имъ для себя обязательными указанныхъ выше росписокъ Шмуля Полинковскаго на 14.150 р.), то въ такомъ случаѣ не находило бы себѣ никакого объясненія нахожденіе квитанцій на грузъ, выданныхъ Лейбѣ Полинковскому, въ рукахъ Шмуля Полинковскаго и представленіе таковымъ послѣднихъ при полученіи ссудъ агенту Общества, ибо, съ одной стороны, безъ представленія квитанцій не могла бы имѣть вовсе мѣста самая выдача ссуды, а съ другой, на противозаконное присвоеніе себѣ Шмулемъ этихъ квитанцій Лейба Полинковскій вовсе не указываетъ. Признавая въ виду изложеннаго споръ Лейбы Полинковскаго противъ обязательности для него выданныхъ Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли ссудъ лишеннымъ основанія, Прав. Сенатъ признаетъ основанныя на противоположномъ сему выводѣ исковыя требованія Полинковскаго о взысканіи съ Общества 38.809 руб., уваженныя судомъ въ суммѣ 38.055 руб., удовлетворенію не подлежащими. Что же касается требованій Полинковскаго о понужденіи Общества помимо уплаты означенной суммы къ сдачѣ ему 14.000 пуд. кукурузы, то таковое, не говоря уже объ отсутствіи въ дѣлѣ относящихся до означеннаго количества кукурузы квитанцій, какъ представляющее собою увеличеніе первоначально заявленныхъ имъ исковыхъ требованій (цѣна всего иска въ исковой опредѣлена была въ 38.055 руб., а слѣдовательно увеличивать ее впослѣдствіи, требуя помимо уплаты ея еще сдачи 14.000 пуд. кукурузы, истецъ не могъ) уже въ силу одного этого удовлетворенію въ предѣлахъ настоящаго производства не подлежитъ. Переходя засимъ къ обсужденію встрѣчнаго иска Русскаго Общества Пароходства и Торговли съ Полинковскаго 5.229 р. 15 к., недовыученныхъ Обществомъ отъ продажи груза до полнаго погашенія выданныхъ подъ оный ссудъ и произведенныхъ расходовъ, и принимая во вниманіе, что единственное приводимое Полинковскимъ противъ этого иска возраженіе сводится къ тому, что такъ какъ ссуды были выданы не ему, а Шмулю Полинковскому, онъ за непокрытіе таковыхъ не отвѣчаетъ, каковое возраженіе, однако, въ силу изло-

женныхъ уже выше соображеній должно быть признано неосновательнымъ, и что засимъ никакого спора противъ этого иска въ цифровомъ отношеніи Полинковскій не приводитъ, Прав. Сенатъ признаетъ требованіе Русскаго Общества Пароходства и Торговли въ указанной выше суммѣ 5.229 руб. 15 коп. подлежащимъ удовлетворенію. По всѣмъ симъ основаніямъ Прав. Сенатъ отмѣнилъ состоявшееся по сему дѣлу рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда и въ искѣ Лейбѣ Полинковскаго съ Русскаго Общества Пароходства и Торговли отказалъ, а съ Лейбы Полинковскаго присудилъ въ пользу Русскаго Общества Пароходства и Торговли 5.229 руб. 15 коп. (1892 г., № 510).

25|19. О правахъ приказчиковъ, дѣйствующихъ отъ имени хозяевъ безъ формальной довѣренности.

Возникшій по дѣлу споръ тяжущихся сторонъ сводился къ вопросу о томъ, можетъ ли быть признана дѣйствительною сдѣлка купли-продажи товара, заключенная при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Андрей Егоровъ, служившій въ лавкѣ матери своей П. Ф. Егоровой приказчикомъ перваго класса безъ договора найма и безъ довѣренности на производство торга, продалъ Николаю Егорову отъ имени П. Ф. Егоровой по пяти счетамъ въ теченіе одного мѣсяца товаръ всего на сумму 30.684 р., каковой товаръ и былъ переданъ Н. Егорову. Въ полученіи денегъ за этотъ товаръ росписался на счетахъ Андрей Егоровъ въ такой формѣ: „деньги получилъ сполна по довѣрію П. Ф. Егоровой А. Егоровъ“.

Обращаясь къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какими правами при производствѣ торга пользуются приказчики, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что приказчики, раздѣляясь на два класса, или управляютъ торговыми дѣлами хозяина, или исполняютъ его порученія въ теченіе опредѣленнаго времени, причемъ торговыя порученія они исполняютъ по договору о наймѣ и притомъ, по усмотрѣнію хозяевъ, снабжаются довѣренностями и кредитными письмами (ст. ст. 3, 4 и 5 Уст. Торг.). Членамъ же семейства торговца дозволяется заниматься торговыми дѣлами и исполнять обязанности приказчиковъ у главы семейства безъ договора найма, но при условіи записи въ одно съ начальникомъ семейства купеческое свидѣтельство и выдачи имъ довѣренности (ст. 9 прим.). Но предоставляя усмотрѣнію хозяевъ выдачу приказчикамъ довѣренности на производство торга, т. е. и на заключеніе сдѣлокъ купли-продажи, законъ въ то же время, въ ст. 1385 X т. I ч. Св. Зак. Гражд., установляетъ правило, по коему продажа можетъ быть совершена самимъ владѣльцемъ или его законно уполномоченнымъ, по довѣренности. Такимъ образомъ приведенными статьями Уст. Торг. законодатель имѣлъ намѣреніе нѣсколько ограничить въ видахъ практической пользы и быстроты совершенія сдѣлокъ безусловное примѣненіе ст. 1385 въ тѣхъ случаяхъ, когда купля-продажа производится чрезъ посредство приказчиковъ, не снабженныхъ по усмотрѣнію хозяевъ надлежащею довѣренностью.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что приказчикъ, являясь по порученной ему торговлѣ представителемъ хозяина, его довѣреннымъ, вступаетъ въ сдѣлки съ третьими лицами не отъ своего имени, а отъ имени хозяина, въ виду чего только послѣдній по таковымъ сдѣлкамъ пріобрѣтаетъ право и принимаетъ обязанности. Но для сего является необходимымъ, чтобы сдѣлка была заключена дѣйствительно приказчикомъ, на то уполномоченнымъ, такъ какъ только въ такомъ случаѣ юридическія послѣдствія представительства получаютъ свою силу (ст. 24 Уст. Торг.). Отсюда вытекаетъ необходимость для третьяго лица, вступающаго въ сдѣлку съ приказчикомъ, удостовѣриться въ томъ, что послѣдній дѣйствительно на заключеніе такой сдѣлки хозяиномъ уполномоченъ.

Если хозяинъ по ст. 24 Уст. Торг. отвѣчаетъ за дѣйствія приказчиковъ во всемъ томъ, что въ силу его порученія, приказанія и съ его вѣдома и воли учинено будетъ, то, какъ показываетъ самый смыслъ этой статьи и какъ это вытекаетъ изъ самаго существа отношеній, порождаемыхъ отправленіемъ торговли, объемъ полномочія можетъ быть опредѣленъ, прежде всего, самою довѣренностью, если таковая была выдана приказчику, или, при отсутствіи ея, всею обстановкою и всѣми обстоятельствами, способствующими уясненію предоставленныхъ приказчику правъ. Поэтому, если приказчику поручено управленіе магазиномъ, то третье лицо, вступающее въ сдѣлку, вправѣ считать его уполномоченнымъ на производство дѣйствій и заключеніе сдѣлокъ, обыкновенно соединяемыхъ съ подобною торговлею. При заключеніи же сдѣлокъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, въ кругѣ данной торговли, порученной приказчику, третье лицо обязано требовать предъявленія приказчикомъ довѣренности или согласія на заключеніе сдѣлки самого хозяина. Какія торговыя дѣйствія могутъ быть предметомъ формальной, письменной довѣренности,—явствуетъ изъ обозрѣнія ст. ст. 43 и 44 Уст. Торг.; такъ: по общей довѣренности приказчику предоставляется право управлять торговымъ предпріятіемъ, вообще отправлять торговыя дѣла вѣрителя и „входить во всѣ съ оными сопряженныя соотношенія“; частною довѣренностью—предоставляется приказчику единовременно отправлять извѣстное какое-либо, въ самой довѣренности означенное, порученіе или цѣлую торговую операцію. Изъ содержащихся въ этихъ статьяхъ указаній и примѣровъ видно, что въ случаяхъ, касающихся управленія всѣми торговыми дѣлами, исполненія единовременнаго торговаго порученія, значительной сдѣлки, цѣлой торговой операціи,—имѣющихъ характеръ оптовой торговли, закупки и продажи товара партіями, законъ указываетъ, что уполномочіе на такого рода дѣйствія приказчика должно быть выражено посредствомъ формальной довѣренности; въ другихъ же случаяхъ, при отправленіи обыкновенныхъ, входящихъ въ кругъ торговли, торговыхъ дѣйствій, напр., при розничной торговлѣ,—выдача довѣренности не необходима, а предоставляется на усмотрѣніе хозяина, такъ какъ приказчикъ, въ силу своего званія, считается на это хозяиномъ уполномоченнымъ. Такимъ образомъ третьи

лица, вступающія въ сдѣлку съ приказчиками, дѣйствующими отъ имени хозяина, могутъ не удостовѣряться въ существованіи у приказчика формальной, письменной довѣренности лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ установляетъ предположеніе о наличности уполномочія устнаго или формальнаго, напр., при розничной торговлѣ въ лавкахъ, магазинахъ и т. п., или, напр., у агента, о порученіи которому агентства были помѣщены публичныя объявленія; въ остальныхъ же случаяхъ третьи лица сами обязаны охранять себя отъ невыгодныхъ послѣдствій, напр., требованіемъ поручительства (ст. 1511 X т. I ч.). Примѣняя эти общія соображенія къ обстоятельствамъ дѣла, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что Андрей Егоровъ, имѣвшій приказчичье свидѣтельство 1-го класса и завѣдывавшій торговлею въ лавкѣ матери своей П. Егоровой, производившей торговлю по свидѣтельству 2-й гильдіи,—безъ довѣренности отъ нея не имѣлъ права продавать, безъ вѣдома и согласія Егоровой, но отъ ея имени, товара изъ лавки послѣдней на такую значительную сумму какъ 30.000 р., а тѣмъ болѣе росписываться въ полученіи денегъ по довѣрію П. Егоровой.

Что же касается Николая Егорова, то, явившись, по объясненію его повѣреннаго, въ магазинъ, гдѣ производилась торговля въ розницу, съ цѣлью заключить съ П. Егоровою, въ лицѣ приказчика ея, сдѣлку купли-продажи на цѣлую партію товара (болѣе чѣмъ на 30.000 р.), принадлежащаго Егоровой, ему надлежало удостовѣриться въ правѣ Андрея Егорова на продажу такой значительной по торговлѣ Егоровой партіи товара и существованіи у него довѣренности, въ особенности при платежѣ денегъ.

На основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній, въ виду отсутствія довѣренности у Андрея Егорова и за недоказанностью согласія покойной П. Егоровой на таковую продажу, Правительствующій Сенатъ пришелъ къ заключенію, что настоящая сдѣлка купли-продажи, какъ совершенная незаконно, подлежитъ признанію недѣйствительною по отношенію къ П. Егоровой и замѣнившему ее нынѣ конкурсу, а Николай Егоровъ, по своей винѣ вступившій въ сдѣлку съ лицомъ, на оную не уполномоченнымъ, долженъ подвергнуться невыгоднымъ послѣдствіямъ незаконнаго совершенія сдѣлки,—обязанности возвратить, согласно 609 ст. X т. I ч. Св. Зак. Гражд., товаръ настоящему собственнику, не лишаясь въ то же время права искать убытки на продавцѣ Андреѣ Егоровѣ (1901 г., № 1794).

26. Объ отвѣтственности хозяевъ за дѣйствія приказчиковъ. Хозяинъ, уполномочившій служащаго выписывать и выдавать коносаменты на переводимый товаръ, отвѣтственъ предъ 3-ми лицами по поводу выписки служащимъ коносаментовъ на несуществующій товаръ.

По ст. 19 Уст. Торг., хозяинъ отвѣчаетъ за дѣйствія своихъ служащихъ во всемъ томъ, что послѣдними будетъ учинено въ силу его порученія, приказанія или съ его вѣдома и воли. По содержанію означенной статьи, хозяинъ не можетъ быть признанъ отвѣтственнымъ только за такія дѣйствія своего служащаго, которыя не входили въ кругъ полномочій послѣдняго, почему, въ такихъ случаяхъ, предъ третьими лицами, вошедшими въ сношеніе со служащимъ по такимъ именно его дѣйствіямъ, этотъ послѣдній и является единственно отвѣтственнымъ лицомъ. Въ отношеніи однакожъ дѣйствій, совершенныхъ служащимъ, въ предѣлахъ даннаго ему порученія, хозяинъ отвѣчаетъ имущественно за правильность таковыхъ, какъ за свои собственныя дѣйствія, почему если служащій, совершая дѣйствіе, на которое онъ уполномоченъ хозяиномъ, вводитъ кого-либо, отъ имени послѣдняго, въ заблужденіе или обманъ, совершитъ упущеніе или даже дѣяніе преступное, то передъ этимъ третьимъ лицомъ, въ имущественномъ ущербѣ, отъ обманнаго дѣйствія служащаго происшедшемъ, отвѣтственнымъ является хозяинъ послѣдняго, которому и предоставляется засимъ самому вѣдаться со своимъ служащимъ. Въ виду изложенныхъ соображеній и принимая во вниманіе, что въ настоящемъ случаѣ, какъ это безспорно установлено, на агента, выдавшаго спорные документы, именно и была возложена отвѣтчикомъ обязанность выписывать и выдавать коносаменты, Правительствующій Сенатъ признаетъ отвѣтчика отвѣтственнымъ и по предъявленнымъ истцомъ документамъ, хотя и выданнымъ обманно, на несуществующій товаръ и въ прямое нарушеніе данныхъ отвѣтчикомъ полномочій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Правительствующій Сенатъ признаетъ, что большая или меньшая осторожность отвѣчика въ выборѣ служащаго или даже совершенное отсутствіе таковой, какъ личное его дѣло, не можетъ вліять на обсуждаемыя въ настоящемъ дѣлѣ отношенія, почему и всѣ разсужденія апеллятора по этому предмету должны быть признаны лишенными значенія. Останавливаясь засимъ на томъ соображеніи апеллятора, что убытки по настоящему дѣлу должны быть возложены на самого истца въ виду недостаточно внимательнаго съ его стороны отношенія къ предъявленнымъ ему документамъ, Правительствующій Сенатъ, равнымъ образомъ, признаетъ его незаслуживающимъ уваженія. Банкъ не обязанъ и не можетъ производить подробной экспертизы предъявленныхъ ему документовъ и долженъ почитаться выполнившимъ свою обязанность, если, при оплатѣ таковыхъ, слѣдитъ, чтобы они, по внѣшнему виду и именно съ перваго взгляда, представлялись тождественными съ подлинниками и снабжены были подлинными подписями и печатями. Въ данномъ же случаѣ, печать Общества и подпись его агента, знакомыя служащимъ истца, были на предъявленныхъ документахъ подлинныя, а самые документы были выписаны на бланкахъ, по заключенію эксперта, на первый взглядъ совершенно тождественныхъ съ подлинными коносаментами. По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ утвердилъ рѣшеніе суда,

комъ на хозяина возложена отвѣтственность за дѣйствія агента (1910 г., № 510).

27. Гражд. Касс. Деп., въ засѣданіи 19 сентября 1912 г., по д. Климова призналъ, что одно то обстоятельство, что дѣйствіе слуги или повѣреннаго, совершенное имъ при исполненіи порученія хозяина или довѣрителя и причинившее кому либо вредъ или убытокъ, является преступленіемъ или проступкомъ, не влечетъ за собою безусловнаго освобожденія хозяевъ и довѣрителей отъ отвѣтственности по 687 ст. 1 ч. X т. въ гражданскомъ порядкѣ. Въ этомъ же рѣшеніи изложены общія соображенія по вопросу о примѣненіи ст. 687 т. X ч. 1 (отвѣтственность за чужія дѣйствія).

в) Отчетность приказчиковъ.

28|20. Дача приказчикомъ отчетовъ по востребованію не освобождаетъ его отъ обязанности дачи хозяину общаго отчета во всемъ, въ теченіе года ему ввѣренномъ и производимомъ.

Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что въ силу договора 19 января 1890 г. Мейлансонъ поступилъ къ Нарбутъ приказчикомъ по торговлѣ ея шорнымъ товаромъ для завѣдыванія, главнымъ образомъ, кассою и веденіемъ торговыхъ книгъ, срокомъ отъ 25 января 1890 г. на одинъ годъ. При этомъ Мейлансонъ обязался торговлю производить правильно, торговыя книги вести аккуратно и вырученныя отъ торговли деньги, равно и отчетъ давать Нарбутъ по первому ея требованію. По закону, (ст. 27 Уст. Торг.) приказчики обязаны давать своимъ хозяевамъ въ торговыхъ порученіяхъ надлежащіе отчеты по востребованію, а по прошествіи каждаго года съ ними разсчитаться во всемъ, въ теченіе года имъ ввѣренномъ или производимомъ. Такимъ образомъ изъ точнаго смысла приведенной статьи слѣдуетъ, что законъ безусловно обязываетъ приказчика къ дачѣ своему хозяину не только отчетовъ по его востребованію, но и общаго отчета во всемъ, въ теченіе года ему ввѣренномъ и производимомъ. А такъ какъ по содержанію договора 19 января 1890 г. Мейлансонъ завѣдывалъ вообще всею торговлею Нарбутъ въ лавкѣ по Лиговкѣ и въ особенности кассою и веденіемъ торговыхъ книгъ, то и возраженіе его о необязательности для него дачи Нарбутъ отчета во всемъ ему ввѣренномъ и

производимомъ за время его у послѣдней служенія въ теченіе 1890 г., какъ противныя прямому требованію закона, должны быть признаны неосновательными. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что то указываемое апелляторомъ обстоятельство, что 22 декабря 1890 г. былъ заключенъ договоръ о продажѣ ему Нарбутъ ея лавки, какъ обстоятельство побочное (ст. 1536 т. X ч. I), по отношенію къ обязанностямъ его, вытекающимъ изъ договора 19 января 1890 г., никакого значенія имѣть не можетъ и не можетъ, само по себѣ, освободить его отъ обязанности отчетности предъ Нарбутъ за время управленія имъ на правахъ приказчика ея торговлею, т. е. отъ 25 января 1890 г. до продажи лавки 22 декабря 1890 г., и 2) что засимъ объясненіе просителя о ненахожденіи у него торговыхъ книгъ по лавкѣ не можетъ быть признано уважительнымъ, такъ какъ книги эти, въ силу договора 19 января 1890 г. находились въ его вѣдѣніи, тому же, чтобы таковыя были переданы имъ Нарбутъ, никакихъ доказательствъ къ дѣлу не представлено,—Прав. Сенатъ признаетъ состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе Спб. Ком. Суда о понужденіи Мейлансона къ дачѣ Нарбутъ отчета по торговлѣ въ лавкѣ ея по Лиговкѣ за время состоянія его приказчикомъ отмѣнѣ не подлежащимъ, съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что, за состоявшеюся продажею 22 декабря 1890 г. лавки Нарбутъ, отчетъ долженъ быть ограниченъ временемъ до 22 декабря 1890 г. (1892 г., № 237).

29|21. Недача приказчикомъ отчетовъ за прежніе годы и то обстоятельство, что какъ во время служенія приказчика, такъ и по окончаніи онаго счетъ товаровъ производился безъ его участія, не служатъ основаніемъ къ освобожденію приказчика отъ лежащей на немъ по договору и закону обязанности представить хозяину отчетъ по его востребованію за опредѣленное договоромъ время (1893 г., № 435).

30|22. Приказчикъ, не давшій своему хозяину отчета обвиняется во всемъ, на него хозяиномъ показанномъ. Вся тяжесть доказательства неправильности сдѣланнаго на него хозяиномъ начета лежитъ на приказчикѣ.

По ст. 30 Уст. Торг. „если приказчикъ по прошествіи года въ теченіе одного мѣсяца не дастъ отчета за годъ, не имѣя въ извиненіе законныхъ причинъ, и на него будетъ жалоба отъ хозяина, то онъ во всемъ на него показанномъ обвиняется“. Изъ смысла этого закона, какъ то неоднократно и разъясняемо уже было Прав. Сенатомъ, вытекаетъ, что истецъ хозяинъ, вслѣдствіе

недачи ему приказчикомъ отчета, освобождается отъ обязанности представлять доказательства показанной имъ на приказчика суммы и если затѣмъ приказчикъ считаетъ требованіе хозяина неправильнымъ, то вся тяжесть доказыванія падаетъ исключительно уже на него, какъ на лицо и по закону и въ силу самаго существа отношеній приказчика къ хозяину обязанное отсчитаться передъ послѣднимъ съ представленіемъ всѣхъ необходимыхъ доказательствъ. Обязанность эта, очевидно, не можетъ измѣниться вслѣдствіе неисправности самого же приказчика—уклоненія его отъ дачи своему хозяину отчета—и обстоятельство это не можетъ создать для него положенія болѣе по отношенію къ хозяину выгоднаго возложеніемъ на послѣдняго тяжести доказывать правильность обнаруженнаго недочета, тогда какъ самъ приказчикъ прежде всего долженъ оправдать себя въ этомъ недочетѣ, на что ему и указанъ въ самомъ законѣ путь—дача установленнаго отчета (1894 г., № 586).

31. Отчетность, по самому существу ея, должна заключаться не только въ составленіи баланса о положеніи порученнаго дѣла, но главнымъ образомъ въ оправданіи приказчика представленіемъ документовъ и сдачею наличности кассы, товара и долговыхъ обязательствъ. Въ виду сего, обязанность представленія отчета, съ вытекающими изъ сего невыгодными, въ случаѣ неисполненія, послѣдствіями можетъ быть признана лишь при томъ условіи, что хозяиномъ предоставленъ приказчику необходимый для сего матеріалъ и если своими дѣйствіями онъ не лишилъ его возможности отсчитаться (1912 г., № 1007).

32|23. Лицо, обязанное отчетностью (приказчикъ, компаніонъ и т. п.) можетъ быть обвинено *„во всемъ показанномъ“* согласно ст. 25 Уст. Торг. (опр. Прав. Сената въ разъясненіе этой статьи 1883 г., № 273 и др.) лишь въ томъ случаѣ, если вовсе не дастъ требуемаго отъ него отчета; если же оно дало отчетъ лишь оспариваемый со стороны получившаго его истца, то на истцѣ лежитъ обязанность доказать утверждаемыя имъ положенія, касающіяся дѣйствительнаго размѣра актива и пассива по отчетности имъ оспариваемой и выяснить размѣръ дѣйствительной фактической прибыльности или убыточности предпріятія (1903 г. № 243).

33. Хотя ст. 25 Уст. Торг., по изд. 1903 г., не содержитъ постановленія, что не представившій отчета приказчикъ, долженъ быть обвиненъ „во всемъ на него показанномъ“, а говоритъ лишь объ „отвѣтственности“, которой подвергается приказчикъ за непредставленіе отчета, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ имѣть въ виду, что ст. 25 Уст. Торг., по изд. 1903 г., соотвѣтствуетъ ст. 30 прежняго изданія, въ которой и содержалось вышеуказанное ближайшее опредѣленіе размѣра отвѣтственности приказчика въ случаѣ непредставленія въ уста-

новленный срокъ отчета. А такъ какъ статья 30 въ законодательномъ порядкѣ не отмѣнена, то полученная ею въ изданіи 1903 г. новая редакція должна быть разсматриваема лишь какъ кодификаціонное измѣненіе, которое по этой причинѣ рѣшающаго значенія при истолкованіи этой статьи имѣть не можетъ (1908 г., № 2544).

34|24. Ст. 29 Уст. Торг. установляетъ мѣсячный срокъ для добровольной дачи приказчикомъ отчета, а не для иска хозяина объ отчетѣ.

Какъ то неоднократно уже разъясняемо было Прав. Сенатомъ, изъ точнаго смысла ст. 29 и 31 Уст. Торг. съ несомнѣнностью явствуетъ, что указанный въ первой изъ приведенныхъ статей мѣсячный срокъ установленъ закономъ не для требованія хозяиномъ отъ приказчика отчета, а для добровольной дачи такового приказчикомъ своему хозяину; окончательный же срокъ для понужденія приказчика къ дачѣ отчета и вообще для разсчетовъ хозяевъ съ приказчиками полагается годичный по минованіи срока служенія приказчика (1893 г., № 434).

35|25. Къ понятію обязаннаго отчетностью приказчика.

Подъ *приказчиками*, права и обязанности которыхъ опредѣляются въ I раздѣлѣ 1 книги Уст. Торг., слѣдуетъ понимать лишь тѣхъ торговыхъ дѣятелей, которые производятъ торговыя дѣйствія отъ имени другого лица—хозяина, дѣятельность которыхъ носитъ юридическій характеръ и направлена къ установленію или измѣненію правъ этого лица. Если же дѣятельность ихъ не заключаетъ въ себѣ подобныхъ признаковъ, направлена къ содѣйствію торговлѣ лишь путемъ техническимъ, они уже подъ понятіе приказчиковъ подведены быть не могутъ, а засимъ не могутъ имѣть къ нимъ примѣненія и спеціальные, установленные для торговыхъ приказчиковъ законы, въ томъ числѣ и ст. 31 Уст. Торг. (1892 г., № 1708).

См. также № 3.

36|26. Въ силу ст. 27 Уст. Торг., приказчикъ обязанъ давать своему хозяину отчетъ во всякое время по его о томъ требованію. Засимъ, очевидно, приказчикъ долженъ быть признанъ и обязаннымъ отвѣчать по каждому истребованному отъ него хозяиномъ отчету и вызванной таковымъ провѣркѣ торговли, хотя бы послѣ этого онъ и продолжалъ свое служеніе у хозяина. Отъ отвѣтственности по такому отчету, произведенному не по поводу окончанія служенія и не вызвавшему такового, приказчикъ могъ бы считать себя свободнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы доказалъ, что въ продолженіе послѣдующей службы

онъ покрылъ всѣ обнаруженные тѣмъ отчетомъ недочеты въ товарѣ и по кассѣ (1897 г., № 536).

См. также, сб. Нос. I, 211, 214, 216, 223; III, 103; IV, 105.

37|27. Приказчикъ не вправѣ отказываться отъ дачи отчета за послѣдній годъ службы подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ товара не принималъ, если за предшествующіе годы далъ хозяину отчеты; представленіе хозяину ежедневныхъ отчетовъ не избавляетъ отъ обязанности представить отчетъ за цѣлый годъ (Сб. Вильсона №№ 70 и 71).

г) Выдача увольнительныхъ свидѣтельствъ.

38|28. Предметъ настоящаго дѣла составляетъ споръ повѣреннаго дворянина Счастнева противъ рѣшенія Московскаго Коммерческаго Суда отъ 10 апрѣля 1901 г., коимъ Счастневу отказано въ предъявленномъ имъ къ администраціи по дѣламъ Сѣвернаго лѣсопромышленнаго общества требованіи о выдачѣ установленнаго ст. 22 Уст. Торг., изд. 1903 г. свидѣтельства. Основаніемъ къ отказу Счастневу въ искѣ послужило для Коммерческаго Суда то соображеніе, что Счастневъ не доказалъ, что имъ выполнены условія, при наличности которыхъ ст. 22 Уст. Торг. обязываетъ хозяина выдать приказчику свидѣтельство, а именно не доказалъ, что имъ представленъ администраціи отчетъ по службѣ и учиненъ полный съ нею разсчетъ. Обращаясь къ обсужденію сего спора Правительствующій Сенатъ прежде всего находитъ, что указаніе суда на непредставленіе Счастневымъ администраціи отчета по службѣ не соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ дѣла. Въ представленномъ въ Правительствующій Сенатъ и пріобщенномъ къ настоящему дѣлу производствѣ Московскаго Коммерческаго Суда по иску Счастнева къ администраціи 474 руб. 48 коп. (изъ нихъ 410 р. 33 к. недополученнаго жалованія за срокъ съ 1 мая 1899 г. по 8 января 1900 г.) и по встрѣчному иску администраціи о 518 р. 85 к. (изъ нихъ 383 р. 43 к., которые въ числѣ другихъ сумъ были даны Счастневу подъ отчетъ, но въ которыхъ онъ, по утвержденію администраціи, отчета не представилъ)—имѣется цѣлый рядъ кассовыхъ отчетовъ по находившемуся въ завѣдываніи Счастнева Сокольничьему лѣсному складу за время съ мая 1899 г. по 18 ноября того же года. Всѣ эти отчеты содержатъ точное перечисленіе полученныхъ Счастневымъ отъ хозяина суммъ и подробное обозначеніе произведенныхъ за счетъ хозяина расходовъ съ представленіемъ по каждой статьѣ расхода оправдательныхъ документовъ, причемъ каждый изъ отчетовъ заканчивается сальдо, которое въ видѣ остатка переносится въ отчетъ за слѣдующій мѣсяцъ. При такихъ обстоятельствахъ и принимая вмѣстѣ съ тѣмъ во вниманіе, что фактъ представленія Счастневымъ отчетовъ удостовѣренъ собственнымъ признаніемъ отвѣтчика, ибо въ встрѣчномъ

исковомъ прошеніи по дѣлу о взаимныхъ искахъ Счастнева и администраціи отвѣтчикъ утверждаетъ „что подотчетныхъ суммъ у Счастнева образовалось 5.319 руб. 30 коп., отчетовъ же отъ него получено лишь на сумму 4.935 руб. 87 к.“,—нельзя не признать, что первое изъ условій, опредѣляющихъ право приказчика на требованіе отъ хозяина выдачи свидѣтельства по ст. 22 Уст. Торг., Счастневымъ выполнено. Что же касается того обстоятельства, что стороны не разсчитались окончательно и что, по утвержденію администраціи, у Счастнева осталось на рукахъ 383 руб. 43 коп. подотчетныхъ суммъ, то хотя въ законѣ и не указанъ срокъ, въ теченіе котораго хозяину принадлежитъ право отказывать приказчику въ выдачѣ свидѣтельства при неучиненіи имъ полнаго разсчета съ хозяиномъ, тѣмъ не менѣе изъ сего не можетъ быть выведено заключеніе, что выдача или невыдача свидѣтельства зависитъ отъ произвола хозяина и что всякое несогласіе съ распоряженіями приказчика по расходованію суммъ или малѣйшій споръ противъ той или другой статьи расхода даютъ хозяину право на неопредѣленное время задерживать выдачу свидѣтельства. Напротивъ того, имѣя въ виду, во-первыхъ, что невыдача хозяиномъ приказчику свидѣтельства влечетъ для сего послѣдняго весьма тяжкія послѣдствія (ст. 28 Уст. Торг.) и лишаетъ его права поступить на такую же должность къ другому хозяину, а, во-вторыхъ, что всякій споръ по имущественнымъ отношеніямъ подлежитъ разрѣшенію судебныхъ мѣстъ и не можетъ быть поставленъ въ зависимость отъ произвола и усмотрѣнія частныхъ лицъ,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что хозяинъ можетъ задерживать выдачу свидѣтельства лишь до тѣхъ поръ, пока споръ, служащій основаніемъ къ невыдачѣ, не сдѣлался предметомъ разсмотрѣнія судебныхъ мѣстъ, ибо съ этого момента отношенія хозяина и приказчика должны считаться вполнѣ опредѣлившимися и выяснившимися. Въ настоящемъ случаѣ отвѣтчикъ отказываетъ Счастневу въ выдачѣ свидѣтельства на томъ основаніи, что онъ не отсчитался въ 383 руб. 43 к., которые, по утвержденію Счастнева, ему причитаются въ счетъ выговореннаго жалованія. Но споръ о 383 р. 43 коп. составляетъ, между прочимъ, предметъ тѣхъ взаимныхъ требованій, которыя были предъявлены сторонами въ Московскомъ Коммерческомъ Судѣ, почему съ момента принятія судомъ дѣла по означеннымъ требованіямъ къ производству Счастневъ и пріобрѣлъ право на требованіе отъ администраціи свидѣтельства согласно ст. 22 Уст. Торг. На основаніи изложеннаго и принимая во вниманіе: 1) что хотя ко дню предъявленія даннаго иска дѣло по взаимнымъ искамъ тяжущихся о денежныхъ разсчетахъ было прекращено производствомъ по опредѣленію суда, но это обстоятельство, какъ случайное и притомъ не имѣющее рѣшающаго въ дѣлѣ значенія, не колеблетъ правильности сдѣланнаго выше вывода, 2) что притомъ опредѣленіе Коммерческаго Суда по вопросу о прекращеніи дѣла было Счастневымъ обжаловано и отмѣнено Правительствующимъ Сенатомъ, послѣ чего дѣло разсмотрѣно и разрѣшено Коммерческимъ Судомъ

по существу въ опредѣленіи 7 іюля 1902 г., и 3) что прекращеніе судомъ дѣла по взаимнымъ требованіямъ сторонъ, какъ обстоятельство случайное, рѣшающаго значенія при обсужденіи настоящаго иска Счастнева имѣть не можетъ,—Правительствующій Сенатъ нашелъ отказъ Коммерческимъ Судомъ Счастневу въ искѣ къ администраціи лишеннымъ законнаго основанія, а потому въ отмѣну рѣшенія Московскаго Коммерческаго Суда по настоящему дѣлу отъ 10 апрѣля 1901 г. обязалъ администрацію по дѣламъ Сѣвернаго лѣсопромышленнаго общества выдать Счастневу, согласно ст. 22 Уст. Торг.—свидѣтельство (1904 г., № 468).

39|29. Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ обжалованное рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда отъ 21 іюня 1902 г., какъ неправильное, подлежащимъ отмѣнѣ, а исковыя требованія Зачурскаго о понужденіи Московскаго Товарищества Резиновой Мануфактуры къ выдачѣ ему, по службѣ бухгалтеромъ на фабрикѣ Товарищества, установленнаго 28 ст. Уст. Торг. увольнительнаго свидѣтельства подлежащими удовлетворенію, по слѣдующимъ основаніямъ. Отказывая истцу въ выдачѣ ему установленнаго 28 ст. Уст. Торг. увольнительнаго свидѣтельства взамѣнъ выданнаго ему при увольненіи отъ службы недостаточнаго, по его содержанію, удостовѣренія,—отвѣтчикъ основывается на томъ, что истецъ, ни при оставленіи имъ службы, ни понынѣ не далъ ему, отвѣтчику, отчета по службѣ. Между тѣмъ изъ дѣла не видно и отвѣтчикъ вовсе не утверждаетъ, что истецъ, состоявшій на службѣ при фабрикѣ бухгалтеромъ, имѣлъ на рукахъ кассу, или иное имущество и при увольненіи отъ службы уклонился отъ сдачи денегъ, имущества, либо книгъ и тѣмъ не исполнилъ своихъ служебныхъ обязанностей въ отношеніи дачи надлежащаго отчета хозяину, что въ особенности существенно въ виду указанія истца въ нотаріальномъ заявленіи его и въ апелляціи на то, что онъ періодически ежемѣсячно представлялъ отчеты бухгалтеру Правленія и послѣ провѣрки ихъ составлялъ годовой балансъ. Изъ имѣющейся въ дѣлѣ переписки вовсе и не видно, что отвѣтчикъ требовалъ отъ истца представленія отчета при увольненіи его отъ службы, а въ нотаріальномъ заявленіи своемъ отвѣтчикъ требовалъ лишь явки истца въ правленіе для полнаго выясненія всѣхъ неправильностей по счетоводству. Когда же истецъ, видимо не понимая, что именно отъ него требуется, послалъ съ своей стороны отвѣтчику нотаріальное заявленіе, прося указать, какія свѣдѣнія желательно отъ него получить, за какой періодъ требуются разъясненія и въ чемъ заключаются приписываемыя ему неправильности, то на это заявленіе отвѣтчикъ никакого отзыва не далъ и, оставляя вопросъ истца безъ всякаго отвѣта, никакого иска къ нему объ отчетѣ не предъявлялъ и, наконецъ, за истеченіемъ давностнаго срока, утратилъ и право на искъ о томъ. При такихъ обстоятельствахъ нельзя не признать неосновательными, какъ обвиненіе истца въ недачѣ отчета по службѣ его фабричнымъ бухгалтеромъ въ

товариществѣ, такъ и отказъ отвѣтчика въ выдачѣ истцу установленнаго 28 ст. Уст. Торг. свидѣтельства, необходимаго ему по закону для поступленія на службу къ другому хозяину. По симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ обжалованное рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда и обязалъ Московское Товарищество Резиновой Мануфактуры выдать истцу Доминику Загурскому установленное 28 ст. Уст. Торг. (изд. 1903 года) увольнительное свидѣтельство (1905 г., № 1323).

40. Къ толкованію ст. 22 Уст. Торг.

По иску П. къ страховому обществу „Волга“ объ обязаніи отвѣтчика выдать П. аттестатъ съ указаніемъ тѣхъ служебныхъ обязанностей, которыя онъ добросовѣстно выполнялъ, какъ помощникъ бухгалтера, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что въ законѣ вообще не установлено вовсе обязанности хозяевъ выдавать когда-либо уходящимъ отъ нихъ служащимъ аттестатъ того или другого содержанія и только въ ст. 22 Уст. Торг., указано на право приказчиковъ въ томъ случаѣ, когда они разсчитаются съ хозяевами во всемъ имъ ввѣренномъ и произведенномъ, требовать отъ послѣдняго увольнительнаго въ томъ свидѣтельства. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что въ настоящемъ случаѣ П. требуетъ отъ страхового общества „Волга“ выдачи ему не такого увольнительнаго свидѣтельства, а аттестата, какъ указано выше, совершенно иного содержанія; 2) что при такомъ положеніи дѣла выясненіе того спорнаго обстоятельства, былъ ли П. по существу исполнявшихся имъ служебныхъ обязанностей приказчикомъ и потому имѣлъ-ли онъ, въ силу названной статьи 22 Уст. Торг., право на требованіе отъ общества вышеозначеннаго увольнительнаго свидѣтельства, не можетъ уже имѣть какого-либо значенія при разрѣшеніи настоящаго дѣла,—Правительствующій Сенатъ призналъ искъ П. не подлежащимъ удовлетворенію (1911 г., № 2586).

41. *Гражд. Касс. Деп.*, въ засѣданіи 19 сентября 1912 г., по д. Юргенса разъяснилъ, что выдача аттестата о службѣ въ конторѣ—всецѣло завися отъ свободнаго усмотрѣнія хозяина конторы,—не можетъ быть вмѣнена ему въ обязанность судебнымъ рѣшеніемъ по требованію бывшаго служащаго этой конторы, хотя бы такое требованіе и основывалось на мѣстномъ обычаѣ.

д) Давность исковая.

42|30. Срокъ для разсчетовъ хозяина съ приказчикомъ годовой по мининованіи срока служенія. Если на

каждый годъ служенія заключаемы были отдѣльные договоры, то указанный срокъ исчисляется по каждому договору отдѣльно. Выдача общей довѣренности на исчисленіе такихъ сроковъ значенія не имѣетъ.

Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Ком. Судъ отказалъ Корельскому въ искѣ его съ Попова, какъ съ бывшаго его приказчика, 778 руб. незаприходованныхъ имъ въ отчетахъ за 1886 и 1887 г. г. и 1.737 р. стоимости розданнаго имъ безъ приказа Корельскаго въ кредитъ разнымъ лицамъ товара. По закону (ст. 29 Уст. Торг.) срокъ для разсчетовъ хозяевъ съ приказчиками и приказчиковъ съ хозяевами полагается одинъ годъ по минованіи срока служенія приказчика, причемъ, по неоднократнымъ разъясненіямъ Прав. Сената, если между хозяиномъ и приказчикомъ заключались контракты на каждый годъ отдѣльно, то указанный выше годовой срокъ для окончательнаго разсчета долженъ считаться отдѣльно по каждому контракту; если же хозяева съ приказчиками или приказчики съ хозяевами въ теченіе цѣлаго года по минованіи срока служенія совершенно не разочтутся, то какъ тѣ, такъ и другіе теряютъ право иска по могущимъ впослѣдствіи возникнуть между ними о томъ спорамъ (ст. 31 того же Уст.). Примѣняя эти законоположенія къ настоящему дѣлу и имѣя въ виду, что срокъ служенія Попова въ качествѣ приказчика у Корельскаго ограничивался, по объясненію самихъ же тяжущихся, ежегодно возобновляемыми приказчичьими договорами; что Поповъ по истеченіи каждаго года служенія представлялъ Корельскому, какъ то признано повѣреннымъ послѣдняго, надлежащіе отчеты по завѣдуемой имъ торговлѣ, противъ правильности каковыхъ отчетовъ со стороны Корельскаго своевременно (до предъявленія въ 1890 г. настоящаго иска) никакихъ возраженій дѣлаемо не было,—Прав. Сенатъ находитъ, что Корельскій долженъ быть признанъ потерявшимъ нынѣ право на оспариваніе правильности представленныхъ ему Поповымъ отчетовъ за 1886 и 1887 г. г. и на требованіе съ него причитающихся, будто бы, съ него за это время суммъ. Что же касается указанія апеллятора на то, что взаимныя отношенія сторонъ опредѣлялись выданною Попову общею довѣренностью и что окончаніе срока служенія Попова слѣдуетъ считать съ момента прекращенія этой довѣренности, съ какового времени до момента предъявленія настоящаго иска годовой срокъ не истекъ, то указаніе это не заслуживаетъ уваженія, ибо по закону (ст. 5 Уст. Торг.) отношенія хозяевъ съ приказчиками опредѣляются договоромъ найма, выдача же приказчику довѣренности предоставлена лишь усмотрѣнію хозяина, что и имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ, такъ какъ, помимо выданной Корельскимъ Попову общей довѣренности, имъ заключаемы были съ нимъ ежегодно договоры о наймѣ его на годичный срокъ; независимо отъ сего слѣдуетъ замѣтить, что по окон-

чательномъ оставленіи Поповымъ службы у Корельскаго, послѣднимъ потребованъ былъ отъ него не общій отчетъ за все время служенія Попова, а лишь отчетъ за послѣдній годъ служенія, т. е. за 1888 г. А потому Прав. Сенатъ находитъ, что Ком. Судъ, не войдя вовсе въ разсмотрѣніе требованій Корельскаго въ суммѣ 778 р. 8 к., какъ вытекающихъ изъ своевременно представленныхъ Поповымъ и Корельскимъ во время неоспоренныхъ отчетовъ за 1886 и 1887 г. г., поступилъ правильно. Что же касается требованія Корельскаго въ суммѣ 1.737 р., выражающей собою стоимость отданнаго Поповымъ въ кредитъ разнымъ лицамъ товара, то таковое, равнымъ образомъ, не подлежитъ удовлетворенію, во-первыхъ, потому, что по буквальному смыслу имѣющагося въ дѣлѣ приказчичьяго договора Попову предоставлено было отпускать товары въ кредитъ „извѣстнымъ лицамъ“ *и* „по приказу“, изъ чего слѣдуетъ, что Поповъ вправѣ былъ отпускать товаръ въ кредитъ не только по приказамъ Корельскаго, но и безъ таковыхъ приказовъ извѣстнымъ лицамъ, а, во-вторыхъ, потому, что хотя апелляторъ и объясняетъ, что долгъ въ этой суммѣ образовался за послѣдній годъ служенія Попова приказчикомъ,—въ каковомъ только случаѣ, какъ выше объяснено, Корельскій только и вправѣ былъ бы взыскивать оставшійся за его приказчикомъ долгъ,—однако, никакихъ сему доказательствъ не представляетъ. По симъ основаніямъ Прав. Сенатъ рѣшеніе Архангельскаго Ком. Суда по настоящему дѣлу утвердилъ (1892 г., № 1268).

43|31. Постановленіе ст. 31 Уст. Торг. о годичномъ срокѣ для разсчетовъ хозяевъ съ приказчиками не примѣнимо къ искамъ о недополученномъ жалованіи вслѣдствіе досрочнаго увольненія приказчика. Несостоятельность нанявшагося освобождаетъ нанимателя отъ продолженія договора найма.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что составляющій предметъ онаго искъ конкурса Янпольскаго къ Штейну заключается въ требованіи вознагражденія за убытки, понесенные вслѣдствіе преждевременнаго и безпричиннаго отказа Штейномъ Янпольскому отъ должности управляющаго его фототипическимъ заведеніемъ, въ каковой должности Янпольскій состоялъ у него по договору 25 іюня 1885 г., и опредѣленные истцомъ въ 10.300 руб., составляющихъ сумму всего недополученнаго Янпольскимъ по срокъ договора жалованья. Останавливаясь прежде всего на заявленіи апеллятора о пропускѣ конкурсомъ установленнаго закономъ (ст. 31 Уст. Торг.) для предъявленія подобныхъ настоящему исковъ срока, Прав. Сенатъ находитъ, что ст. 31 Уст. Торг., устанавливающая годичный срокъ по мииованіи срока служенія, для разсчетовъ приказчиковъ съ хозяевами, съ истеченіемъ котораго какъ тѣ, такъ и другіе

теряютъ право иска другъ на другѣ по могущимъ возникнуть впослѣдствіи между ними спорамъ,—относится только къ такимъ разсчетамъ между хозяевами и приказчиками, которые представляются послѣдствіемъ служенія приказчика у хозяина и распоряженія ввѣреннымъ ему имуществомъ послѣдняго, т. е. къ такимъ, которые возникаютъ при исполненіи сторонами договора о наймѣ, а не изъ отказа одной стороны отъ исполненія его. А потому, такъ какъ настоящій искъ конкурса Янпольскаго заключается не въ требованіи установленнаго вознагражденія за прослуженное Янпольскимъ у Штейна время, въ каковомъ случаѣ могла бы имѣть примѣненіе ст. 31 Уст. Торг., а въ требованіи возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ отказомъ Штейна Янпольскому отъ мѣста, причемъ способъ опредѣленія убытковъ по количеству причитающагося Янпольскому по договору жалованья, очевидно, ни въ чемъ существа этого иска измѣнить не можетъ, то таковой, хотя и основанный на договорѣ о наймѣ приказчика, можетъ быть ограниченъ только общею земскою давностью, а не годовымъ срокомъ, установленнымъ для разсчетовъ хозяевъ съ приказчиками. Обращаясь за симъ къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла по существу, Прав. Сенатъ находитъ, что одно изъ главныхъ возраженій, приводимыхъ апелляторомъ Штейномъ въ опроверженіе правильности присужденія судомъ съ его довѣрителя отыскиваемой конкурсомъ суммы, заключается въ томъ, что Штейнъ вынужденъ былъ отказать Янпольскому отъ должности 29 декабря 1885 г., такъ какъ къ этому времени послѣдній былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ, а потому выданная ему на основаніи договора 25 іюля 1885 г. довѣренность сдѣлалась недѣйствительною. Изъ дѣла видно, что въ силу п. 2 означеннаго договора Янпольскій принялъ на себя обязанность по завѣдыванію техническою, искусственною и исполнительною частями въ мастерскихъ Штейна „согласно выдаваемой ему Штейномъ довѣренности“. Такимъ образомъ оказывается, что дѣятельность Янпольскаго, какъ завѣдывающаго техническою, искусственною и исполнительною частями въ мастерскихъ Штейна, должна была быть опредѣляема особою довѣренностью, выдаваемою Янпольскому Штейномъ, въ силу самаго договора 25 іюля 1885 г.; поэтому указаніе истца на то, что по ст. 48 Уст. Торг. выдача хозяевами приказчикамъ особой довѣренности не обязательна и что Янпольскій могъ исполнять возложенныя на него, какъ на приказчика, обязанности въ силу одного договора о личномъ его наймѣ отъ 25 іюля 1885 г., какъ противорѣчащее прямому смыслу его договора, никакого значенія имѣть не можетъ. Принимая же во вниманіе: 1) что согласно п. 5 ст. 2330 т. X ч. 1 признаніемъ повѣреннаго несостоятельнымъ прекращается дѣйствіе выданной ему довѣренности; 2) что посему за послѣдовавшимъ объявленіемъ Янпольскаго несостоятельнымъ должникомъ должна быть признана прекратившею свое дѣйствіе и выданная ему Штейномъ, въ силу договора 25 іюля 1885 г. довѣренность на завѣдываніе мастерскими послѣдняго; за прекращеніемъ же дѣйствія означенной довѣренности должна была

вмѣстѣ съ симъ прекратиться и дѣятельность Янпольскаго у Штейна, условленная упомянутымъ договоромъ, такъ какъ Штейнъ не можетъ быть признанъ обязаннымъ, вслѣдствіе наступившей несостоятельности Янпольскаго, измѣнять ранѣе сего обозначенныя въ договорѣ съ нимъ соглашенія; 3) что засимъ указаніе апеллятора на несоотвѣтствіе прежде выданной Штейномъ Янпольскому довѣренности требованіямъ ст. 43—48 Уст. Торг. не можетъ имѣть при разрѣшеніи настоящаго дѣла никакого значенія,—Прав. Сенатъ находитъ, что на Штейна въ силу приведенныхъ законовъ и соображеній не можетъ быть возложена отвѣтственность за досрочное прекращеніе заключеннаго имъ съ Янпольскимъ договора личнаго найма и что посему основанныя на противоположномъ сему выводѣ исковыя требованія конкурса Янпольскаго къ Штейну не подлежатъ удовлетворенію, а потому Прав. Сенатъ состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе Спб. Ком. Суда отмѣнилъ и въ искѣ конкурсу Янпольскаго съ Штейна 10.300 р. съ % отказалъ (1890 г., № 253; 1903 г., № 2150).

44. По увольненіи отъ службы на обязанности приказчика лежитъ представить хозяину, во избѣжаніе невыгодныхъ, указанныхъ въ законѣ послѣдствій, въ мѣсячный срокъ отчетъ, который по существу является одностороннимъ изложеніемъ положенія ввѣренныхъ приказчику торговыхъ дѣлъ. Кромѣ того хозяинъ и приказчикъ въ теченіе года должны затѣмъ сосчитаться и составить разсчетъ, иначе говоря, совмѣстно выяснить и установить ихъ взаимныя претензіи и вывести изъ сего итогъ, показывающій сколько кому изъ нихъ что окончательно причитается. При этомъ взамѣнъ и въ удостовѣреніе слѣдуемаго по окончательному разсчету могутъ быть выданы долговыя или иного рода обязательства. Хозяева и приказчики, не составившіе такого разсчета въ теченіе года теряютъ право иска по спорамъ, касающимся разсчета, а равнымъ образомъ лишаются права и вообще требовать что либо другъ отъ друга. Однако въ тѣхъ случаяхъ когда разсчетъ былъ выведенъ, право искать по нему не ограничивается уже годичнымъ срокомъ, а подчиняется дѣйствію общей земской давности, такъ какъ здѣсь основаніемъ иска является не обязанность дать отчетъ или произвести разсчетъ, а обязательство уплатить слѣдуемое по разсчету (1909 г., № 2340).

45|32. Законъ (ст. 35 Уст. Торг.), установляя мѣсячный послѣ срока служенія періодъ для предъявленія приказчикомъ требованія къ хозяину заслуженныхъ денегъ, имѣетъ въ виду исключительно установленное договоромъ жалованье и никоимъ образомъ этотъ срокъ не можетъ быть примѣненъ къ процентному комиссіонному вознагражденію, такъ какъ только по производствѣ разсчетовъ между хозяиномъ и приказчикомъ-комиссіонеромъ можетъ быть установленъ самый размѣръ такового, а для производства

подобнаго разсчета законъ, ст. 31 Уст. Торг., представляетъ годовой, по минованіи служенія, срокъ (1896 г., № 194).

46|33 Односторонній отказъ хозяиномъ приказчику отъ службы путемъ уничтоженія довѣренности не можетъ обусловливать теченіе срока 29 и 31 ст. Уст. Торг. со дня уничтоженія довѣренности (1901 г., № 1917).

47|34. Предъявленіе гражданскаго иска въ уголовномъ судѣ (ст. 5—7 Уст. Гражд. Суд.) прерываетъ теченіе сроковъ, установленныхъ въ 29 и 31 ст. Уст. Торг. (1902 г., № 759).

48|35. Правило о годичномъ срокѣ для разсчетовъ между хозяевами и приказчиками, являющееся исключеніемъ изъ общаго правила о десятилѣтнемъ срокѣ для всякаго рода разсчетовъ и требованій, не можетъ быть толкуемо распространительно, въ законѣ же (ст. 29, 31 и 53 Уст. Торг., изд. 1893 г.) установленъ годичный срокъ со дня окончанія срока службы для взаимныхъ разсчетовъ хозяина съ наемными приказчиками и съ тѣми лицами, кои отъ купцовъ уполномочены особыми довѣренностями на производство торга и управленіе торговыми дѣлами; но срокъ этотъ не можетъ имѣть примѣненія къ разсчетамъ наслѣдниковъ съ тѣми лицами, которыя уполномочиваются судомъ, на основаніи 14 и слѣд. пункт. прил. къ ст. 1238, т. X, ч. 1, на продолженіе дѣлъ умершаго купца (1904 г., № 289).

49. О договорѣ личнаго найма въ отличіе отъ приказчичьяго договора.

Разсмотрѣвъ дѣло, Второе Общее Собраніе Правительствующаго Сената признаетъ необходимымъ прежде всего обратиться къ той части апелляціонной жалобы, въ коей повѣренный отвѣтчицы Ефимовой ссылается на недопустимость присужденія истцу Петсону жалованія за будущее время, которая, по мнѣнію апеллятора, видна уже изъ того, что убытокъ для истца въ моментъ предъявленія иска еще не наступилъ и можетъ вовсе не наступить, если истецъ пріищетъ себѣ другія занятія. По сему поводу надлежитъ имѣть въ виду нижеслѣдующее: истецъ былъ нанятъ отвѣтчицею на должность садовника по 10 апрѣля 1909 г., такъ что срокъ найма не истекъ еще и до настоящаго времени; уволенъ истецъ былъ 10 іюня 1905 года и по этотъ день удовлетворенъ платою, которая, согласно договору сторонъ, причиталась ему за каждый мѣсяцъ отдѣльно, причемъ на то, чтобы плата должна была производиться впередъ, истецъ не указывалъ; тѣмъ не менѣе, искъ его предъявленъ былъ 29 іюня того же 1905 года, то есть спустя всего 19 дней послѣ своего увольненія и, слѣдовательно, ранѣе перваго платежа, который ему могъ по договору причитаться

съ отвѣтчицы; несмотря на это, истецъ требовалъ себѣ единовременно 4.600 р., то есть сумму всѣхъ платежей до конца наемнаго срока. Коммерческій Судъ не счелъ возможнымъ удовлетворить такое требованіе, но присудилъ истцу единовременно 1.000 р. какъ сумму платежей, слѣдовавшихъ ему къ моменту постановленія рѣшенія, а остальныя 3.600 руб. призналъ подлежащими уплатѣ ежемѣсячно по 100 руб. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что искъ Петсона, не принадлежавшій къ числу исковъ, предъявляемыхъ къ хозяевамъ приказчиками въ собственномъ смыслѣ этого слова и стоящихъ обособленно за силою ст. 28 Уст. Торг., могъ быть удовлетворенъ въ томъ видѣ, какъ его формулировалъ истецъ, лишь при наличности въ договорѣ сторонъ условія о правѣ нанявшагося, въ случаѣ досрочнаго его увольненія, на единовременное требованіе наемной платы по срокъ найма въ качествѣ неустойки, а потому и, за отсутствіемъ ссылки истца на что либо подобное, Коммерческій Судъ правильно отвергъ домогательство Петсона получить всѣ 4.600 руб. сразу. Но и въ измѣненномъ видѣ, который допущенъ былъ судомъ, искъ Петсона долженъ быть признанъ преждевременнымъ, такъ какъ истецъ, обращаясь къ суду еще въ 1905 г. высказалъ желаніе получить наемную плату почти за четыре года впередъ: если принять во вниманіе, что, оставаясь на службѣ у отвѣтчицы истецъ всѣ четыре года былъ бы принужденъ за получаемое имъ помѣсячно вознагражденіе работать по своей должности садовника и что отвѣтчица освободилась бы отъ обязанности уплачивать ему по срокъ договора, какъ только онъ въ силу какой-либо причины (напримѣръ, за смертью, за тяжкою и неизлѣчимою болѣзнью или за поступленіемъ въ услуженіе къ другому лицу) пересталъ бы у нея работать, то нельзя не признать, что присужденіе хотя бы ежемѣсячныхъ платежей за время, текущее уже по предъявленіи иска, было бы равносильно обогащенію истца на счетъ отвѣтчицы, закрѣпляя за нимъ или за его наслѣдниками ежемѣсячное поступленіе наемной, за трудъ его условленной платы, несмотря ни на смерть его, которая могла бы случиться до срока найма, ни на болѣзнь, которая могла бы лишить его работоспособности, ни на занятія его въ другомъ мѣстѣ. Отсюда вытекаетъ съ несомнѣнностью, что искъ Петсона, предъявленный за нѣсколько лѣтъ до окончанія договора сторонъ и ранѣе перваго причитавшагося истцу послѣ 10 іюня 1905 г. платежа, является преждевременнымъ. По изложеннымъ соображеніямъ и не входя нынѣ въ обсужденіе вопроса о томъ, была ли отвѣтчица вправѣ уволить истца до срока найма, разрѣшеніе какового вопроса должно принадлежать суду, къ которому Петсонъ обратится, буде пожелаетъ, со своимъ искомъ впослѣдствіи, Второе Общее Правительствующаго Сената Собраніе опредѣляетъ: въ отмѣну опредѣленія Судебнаго Департамента Правительствующаго Сената отъ 29 ноября 1907 г., въ искѣ Георгу Петсону 4.600 руб. съ %, по преждевременности онаго, отказать (опр. 2 Общ. Собр. 21 февраля 1909 г., № 121).

ДОВѢРЕННОСТЬ.

50|36. Торговая довѣренность, въ которой не обозначено срока, недѣйствительна.

Правительствующій Сенатъ находитъ, что по закону (ст. 37, 42 и 43 Уст. Торг., изд. 1903 г.) общая довѣренность выдается повѣренному, приказчику или комиссіонеру, для отправленія торговыхъ дѣлъ вѣрителя въ продолженіе извѣстнаго опредѣленнаго въ довѣренности срока; всякая довѣренность отъ купцовъ повѣреннымъ, приказчикамъ и комиссіонерамъ должна быть писана по установленной формѣ (ст. 36 и 37); довѣренность, данная безъ соблюденія формы (ст. 36—37) или въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, недѣйствительна. Изъ этихъ положеній закона видно, что законъ категорически требуетъ отъ торговой довѣренности установленія въ ней точно опредѣленнаго срока и признаетъ довѣренности, выданныя съ нарушеніемъ этой формальности, недѣйствительными. Примѣняя эти соображенія къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что представленная къ дѣлу довѣренность Кулешова, на основаніи которой имъ были выданы векселя, представленные Возжинскимъ въ подтвержденіе своего иска, выдана была Софіей Шульцъ *безъ обозначенія въ ней срока;* 2) что по дѣлу установлено, что Кулешовъ состоялъ приказчикомъ Шульцъ, ведя ея торговое предпріятіе, почему къ его довѣренности должны быть предъявлены требованія Устава Торговаго; 3) что поэтому и за силою ст. 43 Уст. Торг. довѣренность, выданная Софіей Шульцъ на имя Кулешова, должна быть признана *недѣйствительной.* Что же касается указанія апеллятора Возжинскаго на то обстоятельство, что обозначеніе срока въ торговой довѣренности относится къ несущественнымъ формальностямъ, несоблюденіе коихъ не можетъ имѣть какого-либо вліянія на силу и значеніе довѣренности, такъ какъ законъ знаетъ довѣренности безсрочныя, для коихъ давностный срокъ установленъ въ ст. 41 Уст. Торг., изд. 1903 г., а именно трехлѣтній, почему составляющая предметъ спора между сторонами довѣренность, какъ выданная безъ указанія въ ней срока ея дѣйствія, должна приниматься за довѣренность, срокъ дѣйствія которой, согласно той же 41 ст. Уст. Торг., долженъ быть принятъ трехлѣтній, то таковое указаніе Правительствующій Сенатъ находитъ незаслуживающимъ уваженія, потому что, какъ это видно изъ подстатейныхъ ссылокъ подъ опредѣляющими правила и порядокъ выдачи торговыхъ довѣренностей статьями закона (ст. ст. 37, 38, 39, 41, 42 и 43 Уст. Торг.) законъ проводитъ строго и послѣдовательно требованіе объ указаніи точнаго срока, на который довѣренность выдана (Сенатскій указъ 14 марта 1744 года, № 8896 о запискѣ въ Таможнѣ купцомъ приказчиковъ и сидѣльцевъ своихъ и о дачѣ имъ кредитныхъ писемъ;

таможенный уставъ отъ 1 декабря 1755 г., № 10486; и дополнительное постановленіе объ устройствѣ гильдій и о торговлѣ прочихъ состояній 14 ноября 1824 г., № 30115, въ § 151 коего, помѣщенномъ въ ссылкѣ подъ статьею 41 Устава Торговаго, на которую указываетъ жалобщикъ, приведено даже основаніе для установленія въ довѣренности срока, такъ какъ срокъ таковой долженъ совпадать со срокомъ, за который хозяиномъ уплачены гильдейскія подати). По силѣ всего вышеизложеннаго Правительствующій Сенатъ призналъ обжалованное рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда, отказавшаго Возжинскому въ его искѣ съ Софіи Шульцъ, правильнымъ (1904 г., № 1916).

Гражданскій Касс. Деп. Прав. Сената въ рѣшеніи 1906 года, № 30 разрѣшилъ этотъ вопросъ въ иномъ смыслѣ. Правительствующій Сенатъ нашелъ, что хотя въ ст. 37 (по изд. 1903 г.) сказано: „общею довѣренностью предоставляется повѣренному, приказчику или комиссіонеру, въ продолженіе извѣстнаго опредѣленнаго въ ней срока, вообще отправлять торговыя дѣла вѣрителя“, а по ст. 43 „довѣренность, данная безъ соблюденія формы (ст. 43 и 44) или въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, недѣйствительна“, но это послѣднее правило относится не къ одному какому-либо условію, не соблюденному въ довѣренности, а къ нарушенію вообще формы, которая установлена для отличія частной довѣренности отъ общей. Одно-же неуказаніе срока дѣйствія довѣренности, которая, по силѣ 48 (нынѣ 41) ст., можетъ быть выдаваема на одинъ годъ, на два и на три года, не должно быть принимаемо за основаніе къ признанію полной ея недѣйствительности въ теченіе крайняго изъ означенныхъ сроковъ и притомъ по возраженію лица, выдавшаго такую довѣренность. Между тѣмъ, съѣздомъ, въ нарушеніе ст. 142 Уст. Гражд. Суд., не установлено того, чтобы во время выдачи Бараковымъ векселя трехлѣтній срокъ дѣйствія выданной ему Максимовымъ общей торговой довѣренности истекъ.

Въ рѣшеніи 1910 г., № 38 *Гражданскій Кассаціонный Департаментъ* Правительствующаго Сената вновь подтвердилъ, что торговая довѣренность, выданная безъ обозначенія въ ней срока, дѣйствительна въ теченіе трехъ лѣтъ со времени совершенія ея.

51|37. Лицо, дѣйствующее въ торговомъ помѣщеніи въ качествѣ приказчика отъ имени владѣльца сего помѣщенія тѣмъ самымъ по отношенію къ третьимъ лицамъ должно считаться на то уполномоченнымъ и одно это обстоятельство освобождаетъ сихъ (3-хъ) лицъ отъ обязанности справляться о его уполномочіи, такъ какъ таковое явствуетъ уже изъ того, что лицо это допущено хозяиномъ къ распоряженію въ его торговомъ помѣщеніи въ качествѣ приказчика (1885 г., № 1414). См. также №№ 23, 25.

52|38. Лицо, о коемъ оповѣщено въ циркулярахъ торговаго дома какъ о *представителѣ* послѣдняго, съ указаніемъ на тѣ дѣйствія, которыя ему предоставлены, является для третьихъ лицъ въ предѣлахъ этихъ дѣйствій законноуполномоченнымъ торг. дома, пока о перемѣнѣ уполномочій не послѣдуетъ надлежащаго же оповѣщенія. *Понятіе полной довѣренности.* Обозначеніе въ векселѣ, выданномъ по довѣренности, „повиненъ я заплатить", вмѣсто „повиненъ довѣритель мой заплатить", не освобождаетъ довѣрителя отъ отвѣтственности по оному.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что исковое требованіе Федора Спориди къ Вильгельму Санценбахеру основано на двухъ протестованныхъ векселяхъ, суммами въ 4.000 р. каждый, выданныхъ 20 ноября 1889 г. истцу Спориди по довѣренности Одесскаго купца Вильгельма Ивановича Санценбахера, Эмиліемъ Вильгельмовичемъ Санценбахеромъ, сроками по предъявленіи; въ подтвержденіе же права Эмиля Санценбахера на выдачу векселей отъ имени Вильгельма Санценбахера Спориди сослался на циркуляръ В. Санценбахера отъ 1 декабря 1886 г., въ коемъ онъ объявилъ о принятіи въ участники его торговли своихъ двухъ сыновей Адольфа и Эмилія Санценбахера, съ выдачею каждому изъ нихъ полной довѣренности и о томъ, что Адольфъ Санценбахеръ будетъ подписывать: „по довѣренности В. Санценбахера, А. Санценбахеръ", а Эмиль Санценбахеръ: „по довѣренности В. Санценбахера, Эмиль Санценбахеръ". Одесскій Ком. Судъ, разсмотрѣвъ, въ связи съ представленными отвѣтчикомъ противъ этого иска возраженіями, дѣло и принявъ во вниманіе, что Эмиля Санценбахера слѣдуетъ признать законноуполномоченнымъ Вильгельма Санценбахера и послѣдняго отвѣтственнымъ по представленнымъ векселямъ, 13 мая 1891 г., опредѣлилъ: взыскать съ Вильгельма Санценбахера въ пользу Спориди 8.000 р. съ $^0/_0$ съ 9 октября 1890 г. и $2^0/_0$ съ капитальной суммы вознагражденіемъ. На это рѣшеніе суда принесена апелляціонная жалоба Вильгельмомъ Санценбахеръ, который проситъ объ отказѣ въ искѣ Спориди. Останавливаясь на объясненіи апеллятора о томъ, что онъ не считаетъ себя отвѣтственнымъ по векселямъ, выданнымъ Спориди Эмилемъ Санценбахеромъ, такъ какъ послѣдній не былъ имъ уполномоченъ на выдачу векселей довѣренностью, замѣнить которую ни въ какомъ случаѣ не можетъ представленный къ дѣлу циркуляръ отъ 1 декабря 1886 г., Прав. Сенатъ находитъ, что объясненія эти не заслуживаютъ уваженія по слѣдующимъ основаніямъ: по точному содержанію циркуляра отъ 1 декабря 1886 г. В. Санценбахеръ возвѣстилъ, что онъ принялъ въ участники своей торговли сына своего Эмиля Санценбахера съ выдачею ему

полной довѣренности и что Эмиль Санценбахеръ будетъ подписывать: „по довѣренности В. Санценбахера, Эмиль Санценбахеръ“. Обстоятельство это, за отсутствіемъ въ дѣйствующемъ Торговомъ Уставѣ правилъ, опредѣляющихъ силу и значеніе обвѣщеній или циркуляровъ, разсылаемыхъ торговыми домами, обществами или купцами, какъ при открытіи торговли, такъ и при какой либо перемѣнѣ въ составѣ фирмы или въ управленіи и завѣдываніи ею, должно быть обсуждено, примѣняясь къ 352 ст. Уст. Суд. Торг., на основаніи существующихъ въ торговомъ быту обычаевъ. По установившимся же въ торговомъ быту правиламъ лицо, о коемъ объявлено въ циркулярахъ торговаго дома, общества или купца, въ силу публичныхъ объявленій о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя ему предоставлены, является для всѣхъ третьихъ лицъ, вступающихъ съ нимъ именно какъ съ представителемъ его довѣрителя въ сдѣлки, несомнѣнно уполномоченнымъ на совершеніе всѣхъ дѣйствій, возвѣщенныхъ въ оффиціальныхъ объявленіяхъ, пока о перемѣнѣ, происшедшей засимъ по указаннымъ предметамъ во время существованія фирмы, не послѣдовало тоже надлежащее оповѣщеніе. Для третьяго лица, вступающаго въ сдѣлку съ такимъ уполномоченнымъ, уже не можетъ быть признаваемо обязательнымъ удостовѣряться въ существованіи у уполномоченнаго довѣренности и пространствѣ ея полномочія, такъ какъ обязанность слѣдить за нарушеніемъ со стороны уполномоченнаго дѣйствительно предоставленныхъ ему полномочій лежитъ на хозяинѣ предпріятія, а не на третьихъ лицахъ, не говоря уже о томъ, что предъявленіе довѣренности при заключеніи каждой сдѣлки представляется дѣломъ почти и невыполнимымъ. Признавая по симъ соображеніямъ, что Вильгельмъ Санценбахеръ несомнѣнно долженъ отвѣчать за всѣ операціи, совершенныя Эмилемъ Санценбахеромъ въ предѣлахъ публичныхъ объявленій о предоставленныхъ ему правахъ и принимая затѣмъ во вниманіе: 1) что по циркуляру, разосланному 1 декабря 1886 г., В. Санценбахеръ публично объявилъ, что онъ принимаетъ Эмиля Санценбахера въ участники своей торговли, передавъ ему полную довѣренность; 2) что по буквальному смыслу ст. 45 Уст. Торг. полною или неограниченною торговою довѣренностью признается такая, которая дана въ общихъ выраженіяхъ и безъ опредѣленія условій и которою предоставляется повѣренному дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ по собственному усмотрѣнію; 3) что, какъ усматривается изъ представленныхъ истцомъ въ Прав. Сенатъ довѣренностей Вильгельма Санценбахера, послѣдній дѣйствительно вслѣдъ за разсылкою циркуляра 1 декабря 1886 г. выдалъ Эмилю Санценбахеру на 1887 г. довѣренность на управленіе и завѣдываніе всѣми его дѣлами, заводами и фабриками, въ коей онъ уполномочилъ его, между прочимъ, кредитоваться на его счетъ безъ ограниченія, выдавать и подписывать векселя и долговыя обязательства на сроки по его усмотрѣнію, каковое уполномочіе подтверждено было Вильгельмомъ Санценбахеромъ и на 1888 г.; 4) что хотя засимъ въ довѣренности, данной на 1889 г., спеціально о предоставленіи Эмилю Санценбахеру права на

выдачу векселей и не упомянуто, но о сокращеніи первоначально данныхъ послѣднему уполномочій, т. е. о перемѣнѣ въ оповѣщенномъ распорядкѣ дѣлъ его, Вильгельмомъ Санценбахеромъ не было сдѣлано своевременное оповѣщеніе, и 5) что, какъ видно изъ дѣла, объявленіе В. Санценбахера объ устраненіи Эмиля Санценбахера съ 1 іюля 1890 г. изъ его завода и отъ всѣхъ его торговыхъ дѣлъ и о признаніи довѣренностей, выданныхъ ему по его дѣламъ, недѣйствительными послѣдовало лишь 25 іюля 1890 г., т. е. много послѣ выдачи спорныхъ въ настоящемъ дѣлѣ векселей,—Прав. Сенатъ находитъ, что при такихъ условіяхъ не представляется законныхъ основаній къ освобожденію Вильгельма Санценбахера отъ отвѣтственности по векселямъ, выданнымъ по довѣренности его Эмилемъ Санценбахеромъ въ то время, когда за циркуляромъ 1 декабря 1886 г. должна быть признана полная сила. Относительно засимъ второго довода апеллятора о томъ, что въ циркулярѣ В. Санценбахера было объявлено, что Эмиль Санценбахеръ будетъ подписываться: „по довѣренности В. Санценбахера, Эмиль Санценбахеръ“, на векселяхъ же, нынѣ представленныхъ ко взысканію, сдѣлана подпись въ слѣдующемъ видѣ: „по довѣр. Одесскаго купца Вильгельма Ивановича Санценбахера, Эмиль Вильгельмовичъ Санценбахеръ“,—Прав. Сенатъ находитъ, что если подпись на векселяхъ сдѣлана Эмилемъ Санценбахеромъ не вполнѣ тождественно съ циркуляромъ, то изъ этого еще не вытекаетъ, чтобы одно это обстоятельство имѣло вліяніе на вопросъ объ обязательности векселей для Вильгельма Санценбахера, отъ имени и по довѣренности котораго они выданы, такъ какъ подпись въ означенномъ видѣ представляетъ собою несомнѣнно ту же подпись указаннаго въ циркулярѣ повѣреннаго Вильгельма Санценбахера, хотя и въ болѣе подробномъ видѣ, а потому подпись эта и должна быть признана для послѣдняго вполнѣ обязательною. Обращаясь затѣмъ къ обсужденію третьяго и послѣдняго возраженія апеллятора Санценбахера о томъ, что самая форма векселей, выданныхъ Эмилемъ Санценбахеромъ по довѣренности Вильгельма Санценбахера, не соотвѣтствуетъ установленной въ приложеніи къ ст. 1 Уст. о Векс. формѣ для выдачи векселей отъ имени повѣренныхъ, такъ какъ въ означенныхъ векселяхъ сказано: „повиненъ я заплатить“, а не „повиненъ вѣритель мой заплатить“,—Прав. Сенатъ находитъ, что изъ сопоставленія приложенныхъ къ примѣчанію къ ст. 1 Уст. о Векс. форм. векселей со статьями вексельнаго устава, устанавливающими порядокъ составленія векселей и опредѣляющими существенныя и несущественныя принадлежности оныхъ, относительно векселей, выдаваемыхъ повѣренными, обнаруживается, что тогда какъ въ текстѣ приложеннаго къ ст. 1 Уст. о Векс. образца векселя (№ 10), выдаваемаго повѣреннымъ отъ имени своего довѣрителя, именно означено, что лицомъ, по таковому векселю обязаннымъ, является довѣритель, ст. 2 Уст. о Векс. относитъ къ существеннымъ принадлежностямъ векселя, выдаваемаго повѣреннымъ, лишь подпись сего послѣдняго, не требуя въ самомъ текстѣ сего обязательства обозначенія лица довѣрителя. Въ виду сего

и принимая во вниманіе, что въ законѣ нигдѣ нѣтъ указанія на то, чтобы при точномъ соблюденіи существенныхъ принадлежностей векселя, одно отступленіе отъ образцовъ, приложенныхъ къ ст. 1 Уст. о Векс., лишало бы вексель силы вексельнаго права и что выраженіе, употребленное въ текстѣ векселей, выданныхъ по довѣренности Вильгельма Санценбахера Эмилемъ Санценбахеромъ „повиненъ я заплатить“, не можетъ возлагать отвѣтственности по симъ векселямъ лично на Эмиля Санценбахера, такъ какъ они выданы послѣднимъ не отъ своего имени лично, а по довѣренности—Прав. Сенатъ находитъ, что необозначеніе въ текстѣ означенныхъ векселей, что лицомъ обязаннымъ по нимъ является довѣритель Эмиля Санценбахера Вильгельмъ Санценбахеръ, не освобождаетъ Вильгельма Санценбахера отъ обязанности уплаты по симъ векселямъ, какъ лица, отъ имени коего они выданы. По всѣмъ симъ основаніямъ Прав. Сенатъ призналъ всѣ приведенныя апелляторомъ Санценбахеромъ доводы противъ правильности рѣшенія Ком. Суда незаслуживающими уваженія (1892 г., № 40).

53|39. Для признанія повѣреннаго переступившимъ предѣлы полномочія недостаточно установленія факта, что въ довѣренности не упомянуто о предоставленіи повѣренному права на совершеніе извѣстнаго дѣйствія, оспореннаго впослѣдствіи вѣрителемъ, но необходимо обратиться къ разсмотрѣнію того, не слѣдуетъ ли оспоренное дѣйствіе, хотя въ довѣренности буквально не указанное, отнести къ числу такихъ, которыя вытекаютъ сами собою изъ дѣйствій, на которыя повѣренный довѣренностью уполномоченъ и которыя потому не могутъ быть признаны выходящими изъ предѣловъ полномочія. Такъ напр., уполномочіе въ довѣренности безъ всякихъ оговорокъ на веденіе извѣстныхъ работъ, безъ наличности угля неисполнимыхъ, содержитъ въ себѣ и уполномочіе на закупку необходимаго для нихъ угля (1897 г., № 388).

54. *Гражданскій Кассаціонный Департаментъ* Правительствующаго Сената въ рѣшеніи 1908 г., № 36 призналъ, что заключеніе договора путемъ почтовой корреспонденціи, не исключая возможности повѣрки полномочія, не устраняетъ примѣненія общаго правила, выраженнаго въ ст. 2326 т. X ч. I и не освобождаетъ контрагента, получающаго договоръ за подписью повѣреннаго, отъ обязанности удостовѣриться въ объемѣ полномочія сего послѣдняго.

Понятіе о представителяхъ.

55|40. Предметъ настоящаго дѣла составляетъ искъ торговаго дома „Пуриць и Рубинштейнъ“ къ торговому дому „Сіу и К°“ о 3.068 р. 88 к. съ % съ 18 іюля 1897 года, каковая сумма складывается изъ слѣдующихъ:

1) комиссіонное вознагражденіе въ суммѣ 1.991 руб. 91 коп. по счету торговаго дома „А. Сіу и К°“ отъ 23 іюля 1897 г.; 2) такое же вознагражденіе по дополнительному счету—„А. Сіу и К°“ отъ 18 августа 1897 года въ суммѣ 221 руб. 97 коп., и 3) такое же вознагражденіе по пропущеннымъ А. Сіу счетамъ 855 руб. Возраженія торговаго дома А. Сіу сводятся къ тому: во 1-хъ, что торговый домъ „Пуриць и Рубинштейнъ“ имѣетъ право на полученіе комиссіоннаго вознагражденія лишь за тѣ заказы, которые *имъ непосредственно приняты* и сданы торговому дому А. Сіу; съ тѣхъ же заказовъ, которые приняты непосредственно самимъ торговымъ домомъ А. Сіу, хотя бы и изъ района представительства торговаго дома „Пуриць и Рубинштейнъ“, сей послѣдній не имѣетъ права на полученіе какого-либо вознагражденія и, во 2-хъ, что по принятому торговымъ домомъ „Пуриць и Рубинштейнъ“ на себя обязательству „del credere“ въ размѣрѣ 33% платежа по всѣмъ продажамъ, учиненнымъ при его посредствѣ,—торговый домъ „Пуриць и Рубинштейнъ“ обязанъ возмѣстить А. Сіу за условленное „del-credere“ 1.274 руб. 58 коп. Затѣмъ, произведя эти вычеты, А. Сіу призналъ искъ торговаго дома „Пуриць и Рубинштейнъ“ всего лишь въ суммѣ 939 руб. 30 коп. и признаетъ себя обязаннымъ уплатить изъ суммъ, удерживаемыхъ имъ по обязательству „del-credere“ только 52 руб. 38 коп., а всего признаетъ себя обязаннымъ уплатить истцу 991 руб. 78 коп. Московскій Коммерческій Судъ удовлетворилъ искъ торговаго дома „Пуриць и Рубинштейнъ“ въ суммѣ 2.213 руб. 88 коп. съ % съ 26 марта 1898 года. Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла,—Правительствующій Сенатъ нашелъ, что по договору между тяжущимися, изложенному въ рядѣ писемъ между ними, торговый домъ „Пуриць и Рубинштейнъ“ принялъ на себя представительство торговаго дома „А. Сіу и К°“ въ извѣстномъ районѣ на югѣ Россіи, за опредѣленное комиссіонное вознагражденіе и принялъ на себя отвѣтственность (del-credere), заключающуюся въ ручательствѣ за вѣрность платежа въ 33% платежной суммы. По обстоятельствамъ настоящаго дѣла въ немъ подлежатъ разрѣшенію слѣдующіе два вопроса: 1) имѣетъ ли право торговый домъ „Пуриць и Рубинштейнъ“ на полученіе комиссіоннаго вознагражденія со всѣхъ заказовъ, полученныхъ торговымъ домомъ „А. Сіу и К°“ изъ района, на который распространялось представительство торговаго дома „Пуриць и Рубинштейнъ“, несмотря на то, получены ли эти заказы непосредственно торговымъ домомъ А. Сіу или чрезъ посредство истца торговаго дома „Пуриць и Рубинштейнъ“, и 2) обязанъ ли торговый домъ „Пуриць и Рубинштейнъ“, въ силу состоявшагося условія о „del-credere“ въ размѣрѣ 33% отвѣчать за срочность платежей со стороны покупателей, или эта отвѣтственность падаетъ на торговый домъ „Пуриць и Рубинштейнъ“ лишь въ томъ случаѣ, если покупатель окажется совершенно несостоятельнымъ къ платежу. Обращаясь къ разсмотрѣнію перваго вопроса, Правительствующій Сенатъ находитъ, что торговый домъ „Пуриць и Рубинштейнъ“

принялъ на себя не только обязанности комиссіонера, но и *обязанности представителя торговаго дома* „А. Сіу и К°“, функціи же представителя заключаются не только въ совершеніи сдѣлокъ съ товарами своего коммитента, но и въ распространеніи его товара путемъ рекламъ, или иными какими-либо способами почему появленіе заказовъ изъ района представителя непосредственно къ самому производителю можетъ послѣдовать, какъ результатъ труда представителя, который ознакомилъ съ преимуществами товара потребителя, чѣмъ и могло бы объясняться то, что затѣмъ потребитель самъ непосредственно обратился къ предпринимателю. Поэтому представляется несправедливымъ лишать представителя вознагражденія за заказы, сдѣланные помимо его, но изъ ввѣреннаго ему района, тѣмъ болѣе, что отвѣтчикъ, А. Сіу, даже и не ссылается на то, что это—его старые кліенты, а, напротивъ, въ дѣлѣ есть данныя, что А. Сіу собиралъ свѣдѣнія о ихъ кредитоспособности чрезъ посредство истца, о чемъ къ нему неоднократно обращался съ запросами и справками, удовлетворять которые истецъ вовсе и не былъ бы обязанъ безплатно, что, повидимому, признавалъ и самъ отвѣтчикъ, ибо сообщилъ Пурицу и Рубинштейну списокъ заказовъ, исполненныхъ имъ непосредственно. Признавая такимъ образомъ, что поставленный выше вопросъ подлежитъ разрѣшенію въ томъ смыслѣ, что комиссіонное вознагражденіе слѣдуетъ торговому дому „Пурицъ и Рубинштейнъ“ за всѣ заказы, послѣдовавшіе изъ ввѣреннаго ему района,—Правительствующій Сенатъ обращается къ разсмотрѣнію второго изъ поставленныхъ выше вопросовъ и находитъ, что принявъ на себя обязательство „del-credere“ за вѣрность платежа, торговый домъ „Пурицъ и Рубинштейнъ“ не принималъ никакого участія въ вексельныхъ сдѣлкахъ, совершавшихся торговымъ домомъ „А. Сіу и К°“ съ рекомендованными ему истцомъ кліентами, не устанавливалъ ему никакихъ сроковъ для платежей и не уполномочивалъ А. Сіу на окончаніе дѣлъ съ неисправными должниками какими-либо соглашеніями. Всѣ эти операціи производились торговымъ домомъ А. Сіу безъ вѣдома и участія истца и не могутъ быть возложены на его отвѣтственность, какъ выходящія за предѣлы принятой имъ на себя отвѣтственности за вѣрность платежа, а для привлеченія торговаго дома „Пурицъ и Рубинштейнъ“ къ отвѣтственности торговый домъ „А. Сіу и К°“ долженъ доказать, что лица, за которыхъ Пурицъ и Рубинштейнъ принялъ отвѣтственность, оказались несостоятельными къ платежу, для чего онъ долженъ исчерпать всѣ мѣры, предоставленныя ему закономъ, для побужденія своихъ кліентовъ къ платежу и для установленія ихъ неспособности къ оному, а не ограничиться однимъ лишь протестомъ векселей, который ничего кромѣ неисправности въ платежѣ на срокъ, не доказываетъ. Поэтому Правительствующій Сенатъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Коммерческаго Суда, приходитъ къ тому заключенію, что торговый домъ „Пурицъ и Рубинштейнъ“ можетъ отвѣчать за свое del-credere въ томъ только случаѣ, когда торговый домъ А. Сіу докажетъ, что рекомендованные истцомъ

покупатели оказались къ платежу несостоятельными, каковое обстоятельство въ настоящемъ случаѣ со стороны торговаго дома „А. Сіу и К°“ не доказано, почему возраженія отвѣтчика противъ иска о вознагражденіи, основанныя на удержаніи части этого вознагражденія для немедленнаго погашенія 33% отвѣтственности по „del-credere“ должны быть признаны *преждевременными*. Примѣняя эти положенія къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла и имѣя въ виду, что искъ торговаго дома „Пурицъ и Рубинштейнъ“ въ цифровомъ отношеніи (суммы 1.991 руб. 91 коп. и 221 р. 97 коп. признаны отвѣтчикомъ) не возбуждаетъ никакихъ возраженій со стороны отвѣтчика и находя возраженія торговаго дома „А. Сіу и К°“ ввиду вышеизложеннаго неуважительными,—Правительствующій Сенатъ признаетъ искъ торговаго дома „Пурицъ и Рубинштейнъ“ въ полномъ его объемѣ—подлежащимъ присужденію (1904 г., № 1572; тоже, опр. 1912 г., по д. Корабельникова съ Сіу и К°).

См. также № 52.

56. Приглашеніе представителя создаетъ для приглашающаго извѣстныя обязанности и если пригласившій представителя не принимаетъ отъ него заказовъ не по ихъ непригодности, а по неготовности завода для ихъ изготовленія, то труды и расходы представителя по пріисканію заказовъ должны быть возмѣщены (1909 г., № 186).

57. Гражд. Касс. Деп. въ рѣшеніи 2 мая 1912 г., по дѣлу Серебрійскаго призналъ, что сдѣлка, по которой представитель по продажѣ товара другого лица принимаетъ на себя отвѣтственность предъ послѣднимъ за платежи будущихъ покупателей товара,—представляется сдѣлкою sui generis, и на нее не могутъ быть распространены правила т. X ч. I о поручительствѣ (ст. 1555 и слѣд.).

АГЕНТЪ.

58|41. Признакомъ, отличающимъ агента отъ комиссіонера, является то, что агентъ самостоятельно въ сдѣлкѣ имъ заключаемой не участвуетъ, а является лишь представителемъ своего препоручителя, не только *за счетъ* котораго, но и *именемъ* котораго онъ дѣйствуетъ, тогда какъ комиссіонеръ, дѣйствуя за счетъ коммитента, сдѣлку заключаетъ самостоятельно, отъ своего имени, являясь поэтому по этой сдѣлкѣ передъ контрагентомъ своимъ отвѣтственнымъ и имѣя самъ, въ свою очередь, право самостоятельнаго требованія къ этому контрагенту, а равно и къ коммитенту, въ сдѣлкѣ съ контрагентомъ комиссіонера неучаствующему (1893 г., № 1426).

59|42. Агентъ есть посредникъ по ремеслу и въ этомъ качествѣ заключаетъ сдѣлки чужимъ именемъ и за чужой счетъ по довѣренности или приказу; выраженіе *„купили съ предоставленіемъ себѣ права назвать покупщика“* служитъ доказательствомъ дѣятельности лица въ качествѣ агента-посредника; главная обязанность агента—вѣрная передача взаимной воли и намѣренія сторонъ (1880 г., № 978, сб. Н. V, № 110).

60|43. Акціонерное общество отвѣчаетъ только за тѣ дѣйствія своихъ агентовъ, которыя совершены согласно уставу общества (1877 г., № 1517, сб. Н. Ш., № 174; 1904 г., № 971). См. храненіе, № 383.

61. Лицо, принявшее на себя *экспедиторскія* обязанности (очистку товара таможенными пошлинами), не обязано кредитовать хозяина отпускомъ собственныхъ денегъ на уплату пошлинъ, необходимую для выпуска товара изъ таможни и если на это затратило свои деньги, то вправѣ само удержать ихъ изъ другихъ суммъ, съ него слѣдующихъ или изъ стоимости товара, поставленнаго въ его распоряженіе.

Обстоятельства настоящаго дѣла заключаются въ слѣдующемъ: письмомъ отъ 10 сентября 1908 г. Сибирскій Торговый Банкъ препроводилъ акціонерному обществу „Гергардъ и Гей“ коносаментъ на 100 кипъ хлопка марка „В. Р.“, прося Общество „сдѣлать должное“, и по полученіи соотвѣтствующихъ желѣзнодорожныхъ дубликатовъ на предъявителя, таковые немедленно доставить Банку. Расходы, по утвержденію Банка въ письмѣ, имѣетъ возмѣстить Обществу

торговый домъ „Андрей Колли“. Письмомъ отъ 11 сентября 1908 г. Общество подтвердило полученіе письма Банка отъ 10 сентября 1908 г. вмѣстѣ съ коносаментомъ на 10 кипъ хлопка марка „В. Р.“, добавляя, что означенныя кипы оставлены въ распоряженіи Банка. 25 октября 1908 г. Банкъ предложилъ отвѣтчику отправить вышеупомянутыя 100 кипъ хлопка на ст. Келарева и желѣзнодорожные дубликаты на предъявителя доставить Банку. Общество изъявило на это свое согласіе, но потребовало представленія около 6000 р. для очистки товара пошлиной. Банкъ, заявляя чрезъ нотаріуса протестъ противъ этого требованія, препроводилъ отвѣтчику 6000 р., а впослѣдствіи еще 393 р. 75 к., послѣ чего распоряженіе Банка Обществомъ „Гергардъ и Гей“ было исполнено. Въ своемъ искѣ Банкъ и проситъ объ обратномъ взысканіи съ Общества „Гергардъ и Гей“ 6393 р. 75 коп. съ %, находя, что по содержанію обмѣненной сторонами корреспонденціи Общество „Гергардъ и Гей“ приняло на себя обязательство предоставить Сибирскому Банку хлопокъ оплаченнымъ таможенною пошлиною и свободнымъ отъ всякихъ расходовъ, а всѣ свои затраты на товаръ получить непремѣнно исключительно отъ Колли. Съ своей стороны отвѣтчикъ, отвергая такое толкованіе посланнаго имъ Банку письма отъ 11 сентября 1908 г., указываетъ, что по уставу Общества „Гергардъ и Гей“ всѣ расходы произведенные имъ на поручаемые ему товары, лежатъ на послѣднихъ и должны быть возмѣщены тѣмъ, кто товарами желаетъ распоряжаться. Коммерческій Судъ въ искѣ отказалъ.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что весь споръ сводится къ тому, что представленною къ дѣлу перепискою тяжущихся какъ по данной сдѣлкѣ, выразившейся въ письмахъ 10 и 11 сентября 1908 г., такъ и по предшествующимъ аналогичнымъ экспедиторскимъ сдѣлкамъ, отвѣтчикъ будто бы отказался отъ своего обычнаго экспедиторскаго права залога на товаръ временно для очистки таможенныхъ пошлинъ, довѣренный въ его распоряженіе товарохозяиномъ или его замѣстителемъ и что онъ выразилъ свое согласіе, очищая товары пошлиною изъ своихъ личныхъ средствъ, получать пошлины послѣ выпуска товаровъ путемъ контокуррентныхъ отношеній съ товарохозяиномъ Колли. Но ничего подобнаго изъ представленной къ дѣлу переписки не видно и затѣмъ указаніе апеллятора относительно толкованія словъ „сдѣлать должное“ рѣшающаго значенія не имѣетъ. Подъ этими словами конечно можно и должно разумѣть какъ предварительныя досмотровыя дѣйствія, предусмотрѣнныя ст. 392 Уст. Тамож. и притомъ срочныя съ послѣдствіями просрочки, такъ и самую очистку пошлиною и отсылку товара по назначенію коммитента. Но даже ставъ на точку зрѣнія апеллятора, нельзя придти къ выводу о правильности иска по обстоятельствамъ дѣла и перепискѣ сторонъ, изъ которой вытекаетъ лишь то, что отвѣтчикъ долженъ былъ выполнить всѣ экспедиторскія обязанности за исключеніемъ однако отпуска своихъ собственныхъ денегъ на уплату пошлинъ въ та-

можнѣ, необходимую для выпуска товара, какового обязательства онъ на себя не бралъ. Деньги на взносъ пошлины имѣлъ уплатить Андрей Колли, на что отвѣтчикъ дѣйствительно и согласился, но такъ какъ по дѣлу безспорно установлено, что Колли этихъ денегъ не уплатилъ и уплатить не могъ, такъ какъ требованіе Банка о высылкѣ товара послѣдовало 25 октября 1908 г., когда торговый домъ „Андрей Колли“ былъ уже объявленъ несостоятельнымъ должникомъ, то въ силу того отвѣтчикъ лишенъ былъ возможности очистить товаръ пошлиною и сдѣлать должное, а затѣмъ если при такихъ обстоятельствахъ для выполненія обязанностей экспедитора по взносу пошлинъ коммитентъ—истецъ уплатилъ деньги, послѣ чего отвѣтчикъ, поставившій товаръ въ его распоряженіе, всѣ прочія свои обязанности исполнилъ, то обращеніе къ нему съ требованіемъ о возвратѣ денегъ, употребленныхъ на уплату таможенныхъ пошлинъ именно за этотъ товаръ, никакого ни законнаго, ни справедливаго основанія не имѣетъ, а если отвѣтчикъ по аналогичнымъ сдѣлкамъ когда либо оплачивалъ таможенныя пошлины при очисткѣ товаровъ до взноса ихъ со стороны Колли и лишь послѣ выпуска товара представлялъ о томъ Андрею Колли контокурренты и притомъ въ то время, когда Колли еще былъ исправнымъ плательщикомъ, то это была добрая на то воля отвѣтчика, а вовсе не обязанность его поступать такимъ образомъ и на будущее время, да еще при прекращеніи платежей со стороны Колли. Такое требованіе истца несомнѣнно равносильно желенію обогатиться безъ законнаго къ тому основанія на счетъ отвѣтчика-экспедитора. Въ виду вышеизложеннаго Привительствующій Сенатъ рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда оставилъ въ силѣ (1910 г., № 951).

КОМИССІЯ *).

62|44. Коммитентъ, принимая безъ оговорокъ посылаемые ему комиссіонеромъ счета и продолжая высылать ему на тѣхъ же условіяхъ дальнѣйшія партіи товара, долженъ быть признанъ одобрившимъ означенные счета и показанные въ нихъ цѣны и расходы. Комиссіонеръ обязанъ заботиться о ввѣренномъ ему товарѣ и фактъ неуплаты ему коммитентомъ своего долга не даетъ ему права оставлять товаръ на произволъ судьбы.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что по содержанію апелляціонной жалобы Бакинова, обсужденію его въ ономъ подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли СПБ. Коммерческій Судъ удовлетворилъ искъ Кинлоха съ Бакинова 2.486 руб. 80 коп. по комиссіонной сдѣлкѣ о продажѣ первымъ въ Лондонѣ принадлежащей послѣднему дичи. Въ основаніе этого иска Кинлохомъ представлены контокоррентный, веденный имъ по означенной сдѣлкѣ счетъ Бакинова, по каковому счету на 16 августа 1889 г. опредѣлено сальдо въ пользу Кинлоха въ 211 ф. ст. 18 ш. 9 п. и добавочный счетъ отъ 16 января 1891 г., въ которомъ къ этому сальдо прибавлены проценты на него съ 16 августа 1889 г. по 31 декабря 1890 г. 14 ф. 17 ш. 10 п. и уплаченныя Кинлохомъ Обществу Холодильниковъ въ Лондонѣ послѣ заключенія текущаго счета 36 ф. 6 ш. 4 п. Всѣ эти суммы и составляютъ по принятому истцомъ и отвѣтчикомъ не оспоренному курсу (9 р. 45 к. за ф. ст.) присужденные судомъ Кинлоху 2.486 р. 89 к. Не признавая этого иска правильнымъ, Бакиновъ предъявилъ сперва къ Кинлоху встрѣчный искъ въ суммѣ 3.200 руб., оставленный Коммерческимъ Судомъ безъ удовлетворенія, но затѣмъ въ апелляціи отъ этого встрѣчнаго иска своего отказался, ограничиваясь возраженіемъ о необязательности для него счета Кинлоха и объ отсутствіи у Кинлоха права на какое-либо взысканіе съ него денегъ, въ виду неправильныхъ его дѣйствій съ высланнымъ товаромъ, принесшихъ ему, Бакинову, значительные убытки, далеко покрывающіе цифру настоящаго его взысканія. Первое свое возраженіе—о необязательности для него

*) *Примѣчаніе составителей.* Нѣкоторыя изъ рѣшеній, помѣщенныхъ въ этомъ отдѣлѣ, утратили *отчасти свое первоначальное значеніе* съ изданіемъ закона 21 апрѣля 1910 г. о договорѣ торговой комиссіи (см. Уставъ Торговый по неофиц. изд. А. Добровольскаго, 1911 г. подъ ст. 46, и по новѣйшему изданію 1913 г.—подъ ст. 541 (по Прод. свода). Въ этомъ Уставѣ указаны тѣ рѣшенія, которыя понынѣ сохранили свое значеніе или замѣнены закономъ, которому они соотвѣтствуютъ).

счета Кинлоха—Бакиновъ основываетъ главнымъ образомъ на томъ, что кредитъ означеннаго счета, составляющій итоги посылавшихся ему Кинлохомъ счетовъ по отдѣльнымъ продажамъ товара, является неправильнымъ, потому что съ одной стороны показанныя Кинлохомъ въ его счетахъ продажныя цѣны товара ниже существовавшихъ на лондонскомъ рынкѣ и тѣхъ, по которымъ продавали свой товаръ другіе торговцы, а съ другой стороны расходы по этимъ продажамъ показаны частью въ преувеличенномъ размѣрѣ, частью же не могутъ быть вовсе имъ, Бакиновымъ, признаны для себя обязательными (такъ, напр., расходы на желѣзную дорогу при отправкѣ товара въ провинцію, расходы рыночные и маклерскіе). Обращаясь къ обсужденію этихъ указаній апеллятора, Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ видно изъ представленной сторонами къ дѣлу переписки, Кинлохъ по каждой отдѣльной продажѣ высланной ему на комиссію партіи товара посылалъ Бакинову особые подробные счета съ поясняющими ихъ письмами, въ коихъ подробно указывалъ какъ цѣны, по которымъ каждый отдѣльный сортъ товара имъ продавался, такъ и всѣ понесенные имъ отдѣльные расходы. Получая эти счета и сообщая о томъ Кинлоху, Бакиновъ, хотя и жаловался на невыгодность и убыточность для него операцій при продажѣ его товара, но, однако, ни разу не указывалъ при этомъ ни на то, что товаръ проданъ былъ ниже цѣны, опредѣленной имъ, какъ предѣльной, или ниже существовавшей на лондонскомъ рынкѣ, между тѣмъ какъ объ этой послѣдней цѣнѣ Кинлохъ ставилъ Бакинова въ извѣстность каждымъ своимъ письмомъ, ни на чрезмѣрность или излишество произведенныхъ Кинлохомъ расходовъ; напротивъ того, получая отъ Кинлоха означенные счета, выражая за нихъ даже благодарность (письмо его 23/3 января 1889 г.) и прося только постараться хотя послѣдующими партіями покрыть его убытки (письмо 9/21 февраля), Бакиновъ продолжалъ безъ всякихъ оговорокъ посылать Кинлоху слѣдующія партіи товара, отказывая даже предложеніямъ другихъ комиссіонеровъ (письмо 9/21 февраля). Такъ, послѣ полученія отъ Кинлоха счета по продажѣ партіи товара подъ № 1, Бакиновымъ отправлены были ему на комиссію 29 ноября 8, 16 и 22 декабря 1888 г. новыя партіи товара подъ № 5, 6, 7 и 8; послѣ счета на партію подъ № 2, 3 Бакиновъ отправилъ ему 3, 5 и 11 января 1889 г. партіи № 9 (двѣ) и № 10 послѣ получки 16 января счета на партію № 5 и текущаго счета за 1888 г. съ сальдо въ пользу Кинлоха 56 ф. 2 ш. 3 п., а 22 января 1889 г. счета по продажѣ № 6 и 7; Бакиновъ 28 и 30 того же января отправляетъ Кинлоху партіи товара подъ № 10 и 11; 9 февраля Бакиновъ получаетъ отъ Кинлоха счетъ на партіи подъ № 4 и 8, а 13 и 22 того же мѣсяца отправляетъ новыя партіи за № 12 и 13, 22 февраля счетъ на партію № 10, а 24 того же февраля и 4 и 7 марта отправка партій товара подъ № 13, 14 и 15, и, наконецъ, 12 марта счетъ Кинлоха по продажѣ партіи подъ № 9, а 13 марта отправка партіи № 16. Принимая во вниманіе: 1) что того обстоятельства, чтобы от-

носительно отдѣльныхъ условій полученной Кинлоху комиссіонной продажи товаровъ Бакинова между ними состоялось особое соглашеніе, Бакиновъ не только ничѣмъ не доказалъ, но даже вовсе не утверждаетъ; 2) что посему, получивъ отъ Кинлоха первый же, а засимъ и послѣдующіе счета по продажѣ его товара, въ коихъ подробно показаны были какъ цѣны, вырученныя за товаръ, такъ и относимые Кинлохомъ на счетъ Бакинова расходы, сей послѣдній, буде признавалъ таковые неправильными и несоотвѣтствующими его интересамъ, обязанъ былъ немедленно же указать на то Кинлоху, дабы предотвратить на будущее время возможность такихъ же неправильностей, ибо при несогласіи Бакинова на его условія, Кинлохъ могъ отъ дальнѣйшей комиссіи и отказаться; 3) что не исполнивъ сего, а принимая безъ всякихъ оговорокъ посылаемые ему Кинлохомъ счета и продолжая высылать ему на тѣхъ же условіяхъ дальнѣйшія партіи товара, Бакиновъ долженъ быть признанъ одобрившимъ означенные счета и показанные въ нихъ цѣны и расходы и согласившимся на выражаемыя ими условія продажи, вслѣдствіе чего и лишилъ себя въ настоящее время, по окончаніи уже операціи, права оспаривать таковые (въ послѣднихъ счетахъ Кинлоха никакихъ новыхъ, особыхъ отъ прежнихъ расходовъ не заключается). Прав. Сенатъ признаетъ согласное съ этимъ выводомъ заключеніе Ком. Суда, находящее себѣ къ тому же подтвержденіе и въ освященномъ многократными рѣшеніями Прав. Сената торговомъ обычаѣ, вполнѣ правильнымъ. Но и независимо отъ сего, споръ Бакинова въ настоящемъ производствѣ противъ счетовъ Кинлоха относительно убыточности продажныхъ цѣнъ и чрезмѣрности расходовъ долженъ быть признанъ неуважительнымъ, какъ вполнѣ голословный и неподтверждающійся даже показаніемъ выставленнаго имъ самимъ свидѣтеля. А именно свидѣтель этотъ (Филипповъ) показалъ, что торговлю дичью съ Англіей онъ хотя и считаетъ прибыльною, но отъ нея бываютъ и убытки (по показанію свидѣтеля Дурнякина, онъ, Дурнякинъ, на товарѣ, посланномъ въ Англію на 16.000 руб., понесъ убытка 4.000 руб., кромѣ сгнившаго товара) и что хотя расходы на товарѣ Бакинова и болѣе значительные, чѣмъ на его товарѣ, но лишь въ соотвѣтствіи съ вырученною за нихъ суммою, а вовсе, слѣдовательно, не по ихъ существу; вырученная же за товаръ сумма, очевидно, могла зависѣть и исключительно отъ качества товара, который у Филиппова могъ быть лучше, чѣмъ у Бакинова. Что же касается въ частности объясненія Бакинова о томъ, что онъ не давалъ Кинлоху разрѣшенія хранить его товаръ въ лондонскихъ ледникахъ и о чрезмѣрной величинѣ расходовъ по найму этихъ ледниковъ, то таковое представляется не заслуживающимъ уваженія въ виду того: 1) что изъ письма Бакинова отъ 12 марта 1889 г. видно, что онъ самъ совѣтовалъ Кинлоху помѣстить его товаръ въ ледники, для выжиданія болѣе благопріятныхъ цѣнъ; изъ содержанія же писемъ Бакинова отъ 25 іюля и Кинлоха отъ 5 и 28 іюня и 2 и 16 августа, слѣдуетъ, что Бакинову было извѣстно нахожденіе его товара

въ ледникахъ, противъ чего онъ, однако, своевременно не возражалъ; 2) что относительно чрезмѣрности этихъ расходовъ Бакиновъ никакихъ указаній, изъ чего таковая имъ выводится, не даетъ, огульное же отрицаніе этихъ расходовъ во вниманіе принято быть не можетъ. По симъ соображеніямъ Прав. Сенатъ признаетъ споръ Бакинова противъ отдѣльныхъ разсчетовъ, а засимъ и общаго счета Кинлоха въ 211 ф. 18 ш. 9 п. неуважительнымъ. Принимая засимъ во вниманіе, что противъ исчисленныхъ Кинлохомъ на эту сумму по 31 декабря 1890 г. процентовъ 14 ф. 17 ш. 10 п. Бакиновъ спора не заявляетъ, и переходя къ обсужденію вопроса о правѣ Кинлоха требовать отъ Бакинова уплаты ему этого сальдо, Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ устанавливается изъ имѣющихся въ дѣлѣ переписки и объясненій сторонъ, Кинлохъ всѣ необходимыя по операціи продажи высланныхъ ему Бакиновымъ товаровъ дѣйствія совершалъ вполнѣ самостоятельно, покрывая произведенные имъ расходы изъ вырученной отъ продажи данной партіи суммы, причемъ непосредственнаго участія Бакинова въ этихъ расходахъ, равно какъ и въ дѣйствіяхъ своихъ по продажѣ товара отъ него не требовалъ. Не требовалъ онъ такого участія отъ Бакинова и въ письмѣ своемъ отъ 16 августа 1884 г., при коемъ препровожденъ былъ имъ общій счетъ, и въ письмѣ отъ 30 августа, при коемъ онъ возвратилъ письмо, посланное ему Бакиновымъ 8/20 того же августа. Обстоятельство это въ связи съ приписку Кинлоха въ письмѣ отъ 12 августа 1889 г. о томъ, что денегъ выслать Бакинову до продажи остатка товара ему не придется, указываетъ, что отношенія сторонъ и по оставшемуся не проданнымъ къ тому времени, т. е. ко времени подачи общаго счета товару, оставались прежнія; буде же Кинлохъ признавалъ въ виду неуплаты ему Бакиновымъ по посланному счету сальдо необходимымъ въ чемъ либо измѣнить эти отношенія и перемѣнить свой образъ дѣйствій съ оставшимся у него на комиссіи товаромъ, то, очевидно, ему слѣдовало предувѣдомить о томъ своевременно Бакинова. Между тѣмъ никакихъ подобныхъ увѣдомленій Кинлохъ Бакинову не дѣлалъ и лишь въ письмѣ своемъ отъ 12 марта 1890 г. заявилъ Бакинову объ отказѣ своемъ уплатить изъ своихъ средствъ, какъ это прежде имъ дѣлалось, по счету общества лондонскихъ ледниковъ, у котораго сберегался, по его же собственному распоряженію, товаръ Бакинова, а въ письмѣ отъ 16 января 1891 г. сообщилъ, что товаръ Бакинова, будучи задержанъ названнымъ обществомъ вслѣдствіе неуплаты слѣдовавшихъ за храненіе денегъ, наконецъ сгнилъ. Въ виду таковыхъ обстоятельствъ и принимая во вниманіе: 1) что на обязанности Кинлоха, какъ комиссіонера, лежала прежде всего забота о порученномъ ему товарѣ, который, по собственному объясненію Кинлоха въ письмѣ отъ 12 августа 1889 г., нельзя было держать въ ледникахъ болѣе 2—3 недѣль; 2) что между тѣмъ, этотъ товаръ держался имъ въ ледникахъ гораздо дольше, пока совершенно не сгнилъ, причемъ какъ на основаніе къ такомъ нехозяйственному держанію товара въ лед-

никахъ Кинлохъ не указываетъ вовсе на представившуюся невозможность продать таковой по той или другой причинѣ, а ссылается лишь на то, что до уплаты долга по найму ледниковъ (всего 34 ф. 6 ш. 4 п.), общество ледниковъ выпускать товаръ не соглашалось; 3) что между тѣмъ требованіе общества, согласно указанному выше принятому сторонами порядку выполненія состоявшейся между ними сдѣлки, должно было быть, какъ и прежде, исполнено своевременно самимъ Кинлохомъ, объ отказѣ своемъ отъ этого не предупредившимъ вовсе Бакинова,—Прав. Сенатъ находитъ, что вся отвѣтственность какъ за порчу оставшагося у Кинлоха товара Бакинова послѣ передачи послѣднему текущаго счета на 16 августа 1888 г., такъ и за излишнее храненіе на ледникахъ сего товара, оставленнаго Кинлохомъ съ того времени совершенно на произволъ судьбы, должна пасть исключительно на сего послѣдняго, какъ самовольно нарушившаго свои комиссіонерскія обязанности, не предувѣдомивъ о томъ коммитента и необходимости такого долгаго храненія товара въ ледникахъ вовсе не доказавшаго; одинъ же фактъ неуплаты Бакиновымъ своего долга не открывалъ еще, самъ по себѣ, Кинлоху права съ своей стороны нарушать соглашеніе и оставлять ввѣренный ему товаръ безхозяйнымъ. Посему и такъ какъ согласно списку, представленному Кинлохомъ, товара Бакинова оставалось у него 32 ящика, которые, по заявленію отвѣтчика Бакинова, неоспоренному Кинлохомъ, стоили по оцѣнкѣ сего же послѣдняго 1.727 р. 25 к., не производительно же уплачено за храненіе этого товара въ ледникахъ 34 ф. 6 ш. 4 п.,—что по курсу 9,45 составитъ 324 р. 30 к., то изъ причитающихся Кинлоху съ Бакинова и присужденныхъ ему Коммерческимъ Судомъ по его контокорренту 2.486 р. 80 к. должны быть исключены вышеуказанныя суммы, какъ причитающіяся съ него Бакинову, и такимъ образомъ Кинлоху можетъ причитаться всего 435 р. 25 к., каковая сумма и подлежитъ присужденію ему съ % со дня предъявленія иска. По всѣмъ симъ основаніямъ Прав. Сенатъ въ измѣненіе состоявшагося по дѣлу рѣшенія Спб. Ком. Суда присудилъ съ Бакинова въ пользу Кинлоха 435 руб. 25 коп. съ % со дня предъявленія иска (1895 г., № 257).

63|45. Комиссіонеръ можетъ примѣнять свое право удержанія товара коммитента только къ такому количеству онаго, которое является необходимымъ для обезпеченія или покрытія путемъ реализаціи его непроизведенныхъ ему коммитентомъ платежей. При существованіи письменнаго соглашенія права и обязанности сторонъ опредѣляются этимъ соглашеніемъ, обычай же къ нимъ не примѣнимъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Одесс. Ком. Судъ отказалъ Павлу Пилиди въ предъявленномъ имъ къ торговому дому „Ф. П. Родоконаки“ искѣ въ суммѣ 33.493 р. 95 к. Означенный искъ Пилиди, въ основаніи своемъ имѣющій состоявшуюся между Пилиди и отвѣтчикомъ въ 1879 г. сдѣлку о комиссіонной продажѣ послѣднимъ табаковъ перваго, состоитъ изъ требованія отъ торговаго дома Родоконаки: во 1-хъ, уплаты 32.307 р. 85 к. за оставшіяся непроданными партіи табаку, которыя неправильно, по мнѣнію истца, удерживались торговымъ домомъ, вслѣдствіе чего товаръ этотъ потерялъ всякую цѣнность; во 2-хъ, уплаты 1.186 р. 10 к., вырученныхъ торговымъ домомъ по состоявшимся продажамъ табаку, и въ 3-хъ, обязаніи торговаго дома исходатайствовать для него, Пилиди, въ Одесской таможнѣ свидѣтельства о всѣхъ партіяхъ табаку, высланныхъ торговому дому на комиссію. Обращаясь къ первому изъ этихъ требованій Пилиди, Прав. Сенатъ находитъ, что таковое основывается истцомъ на томъ обстоятельствѣ, что торговый домъ Родоконаки, не взирая на неоднократныя требованія его, Пилиди, не сдавалъ ему оставшихся непроданными отданныхъ ему на комиссію табаковъ, незаконно удерживая ихъ впредь до уплаты ему его по онымъ расходовъ, каковые расходы представлялись, однако, чрезмѣрно преувеличенными, вслѣдствіе чего онъ, Пилиди, и не считалъ себя обязаннымъ возмѣстить таковые; отъ такой же задержки въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ табаки утратили всякую цѣнность, въ виду чего торговый домъ Родоконаки и обязанъ возмѣстить ему, Пилиди, происшедшіе для него отъ сего убытки, опредѣляемые имъ въ размѣрѣ первоначальной стоимости табаковъ. Такимъ образомъ разрѣшеніе вопроса о правильности разсматриваемаго искового требованія Пилиди зависитъ отъ разрѣшенія вопроса о правильности удержанія торговымъ домомъ Родоконаки, вопреки требованіямъ Пилиди, табаковъ послѣдняго. Въ семъ отношеніи изъ обстоятельствъ настоящаго дѣла усматривается слѣдующее: въ отвѣтъ на предложеніе Пилиди отъ 15 октября 1879 г. торговый домъ Родоконаки, письмомъ отъ 22/4 того же октября, сообщилъ ему, что принимаетъ его смирнскіе табаки на комиссію съ тѣмъ, что за расходы по нагрузкѣ, перевозкѣ, объявленіямъ, на полежалое въ пользу таможни и за все время, сколько табаки будутъ оставаться въ помѣщеніи Родоконаки, на свидѣтельства о недостачѣ, страховку отъ огня за одинъ годъ, въ суммѣ 75 руб. за пудъ (50 руб. стоимость табаку и 25 руб. таможенной пошлины) и за проценты на эти расходы торговый домъ получаетъ 1 р. 75 к. съ пуда; расходы же по фрахту, куртажу и недостачѣ и на удостовѣренія при продажѣ табаковъ за границу падаетъ на счетъ Пилиди. Засимъ, комиссія 2% и 1% за магазинъ (складочныхъ) съ продажной цѣны, прибавляя къ ней 14 руб. на пудъ за пошлину. Согласившись на эти условія, Пилиди выслалъ Родоконаки въ концѣ 1879 г. и въ теченіе 1880 г. 714 пуд. табаку—288 пуд. 25 ф. басмы, стои-

мостью пуда, по указанію Пилиди, въ 39 руб. (112 п. 26 ф.), 28 руб. (89 п. 15 ф.) и 26 р. (86 п. 24 ф.) и 425 п. 15 ф. дюбеку по 74 руб. (182 п. 35 ф.) и 52 руб. (242 п. 20 ф.) пудъ. Во исполненіе принятой имъ на себя комиссіи, Родоконаки продалъ 26 п. 26 ф. дюбеку по 74 руб. (письма Родоконаки отъ 12/24 и 26/8 мая 1880 г.) и 13 п. 25 ф. дюбеку по 90 руб. (письмо отъ 1 іюля 1880 г.) безъ пошлины. Засимъ письмомъ отъ 4 іюня 1881 г. Пилиди заявилъ, что вслѣдствіе отказа Родоконаки въ кредитованіи ему подъ табаки отъ 10 до 15 тысячъ рублей изъ 7—8% годовыхъ, онъ, Пилиди, принужденъ взять свои табаки обратно. Не возражая противъ такого рѣшенія Пилиди, торговый домъ Родоконаки, письмомъ отъ 29 іюня 1881 г., просилъ указать лицо, которому могутъ быть сданы его табаки. Вслѣдствіе сего Пилиди сообщилъ Родоконаки, что поручаетъ принять табаки нѣкоему Цимбопуло, который и долженъ уплатить торговому дому Родоконаки дѣйствительные его расходы. Торговый домъ нотаріальнымъ заявленіемъ отъ 4 октября 1883 г. пригласилъ Цимбопуло принять отъ него табаки, уплативъ предварительно по препровожденному имъ счету 1.656 р. 23 к. Въ счетѣ этомъ значилось, что торговому дому слѣдуетъ получить съ Пилиди за слѣдующіе расходы: заявленія, выгрузку, перевозку, складочныя таможни и друг. по 1 р. 75 к. съ пуда—1.133 р. 23 к., страховка съ 1 іюня 1881 г. по 4 октября 1883 г.—1.132 р. 21 к., наемъ склада 1%—323 р. 78 к., всего 2.589 р. 22 к., а за вычетомъ остатка въ пользу Пилиди по текущему счету его на 31 декабря 1881 г.—932 р. 99 к.—1.656 р. 23 к. Получивъ чрезъ Цимбопуло этотъ счетъ, Пилиди, письмами отъ 17/29 и 26/8 октября 1883 г., заявилъ Родоконаки что онъ не можетъ таковой признать правильнымъ, а считаетъ торговый домъ вправѣ требовать лишь 1 коп. съ пуда за мѣсячный наемъ въ складахъ таможни и возмѣщенія расходовъ, исчисленныхъ по правиламъ Одесской таможни, и рѣшительно требовалъ сдачи ему табаковъ, которые имъ уже запроданы за границею, предупреждая, что въ противномъ случаѣ на Родоконаки падетъ вся отвѣтственность за удержаніе имъ таковыхъ въ обезпеченіе незначительныхъ и притомъ неправильно показанныхъ расходовъ. Не смотря на это категорическое требованіе Пилиди, торговый домъ Родоконаки сдать табаки отказался, требуя предварительнаго возмѣщенія ему показанныхъ въ счетѣ расходовъ, и, въ виду прекращенія операцій съ табаками, перевезъ ихъ въ складъ торговаго дома „Георгій Вучина“ на свое имя (письма Родоконаки отъ 20 декабря 1883 г. и 24/5 февраля 1884 г.). Наконецъ, письмомъ отъ 24 и нотаріальнымъ заявленіемъ отъ 26 декабря 1887 г., торговый домъ Родоконаки увѣдомилъ Пилиди, что въ виду необходимости, согласно циркуляра Министра Финансовъ отъ 3 декабря 1884 г., оплатить табаки его, находящіеся у Вучина, пошлиною и неимѣнія отъ него, Пилиди, на то приказанія, онъ, торговый домъ, принужденъ былъ переслать ему таковые въ Константинополь, наложивъ на нихъ платежъ

въ суммѣ должныхъ ему, Родоконаки, и торговому дому Вучина, расходовъ—всего 3.298 р. 52 к. и фрахта 406 р. 84 к. Затѣмъ, какъ видно изъ письма агента Русс. Общ. Парох. и Торг. на имя Родоконаки отъ 13 февраля 1892 г., за № 463, высланный Родоконаки табакъ былъ проданъ администраціею Режи Оттоманъ, причемъ по наложенному Родоконаки платежу поступило всего 939 р. 66 к. Изъ изложенныхъ обстоятельствъ прежде всего усматривается, что съ момента полученія торговымъ домомъ Родоконаки въ отвѣтъ на его счетъ отъ 4 октября 1883 г. писемъ Пилиди отъ 17 и 26 того же октября какъ для того, такъ и для другого взаимное ихъ положеніе по комиссіонной, по поводу табаковъ Пилиди, сдѣлкѣ представлялось вполнѣ выяснившимся: съ одной стороны категорическое требованіе Пилиди сдачи ему табаковъ, съ другой требованіе Родоконаки, какъ непремѣнное условіе для исполненія требованія Пилиди, уплаты ему за произведенные имъ расходы въ выведенной по счету отъ 4 октября 1883 г. суммѣ, при обоюдномъ желаніи покончить дальнѣйшія комиссіонныя отношенія, такъ что съ этого времени для нихъ наступило право и обязанность осуществить ихъ вытекающія изъ существовавшихъ между ними отношеній права. Обращаясь въ виду сего къ оцѣнкѣ въ семъ отношеніи дѣйствій Родоконаки, Прав. Сенатъ прежде всего находитъ, что, согласно обычаю, освященному судебною практикою, и какъ то прямо признается впрочемъ и обѣими тяжущимися въ семъ дѣлѣ сторонами, комиссіонеръ, производившій при исполненіи даннаго ему коммитентомъ порученія извѣстные расходы и имѣющій получить за сіе опредѣленное вознагражденіе, имѣетъ право удержанія, впредь до уплаты ему таковыхъ коммитентомъ, составляющаго предметъ комиссіонной сдѣлки товара, который и служитъ, такимъ образомъ, для комиссіонера обезпеченіемъ причитающихся ему отъ коммитента платежей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это право комиссіонера въ предѣлахъ осуществленія своего можетъ и должно опредѣляться исключительно размѣромъ предъявляемыхъ комиссіонеромъ къ хозяину-коммитенту требованій: другими словами, комиссіонеръ можетъ примѣнять свое право удержанія товара только къ такому количеству онаго, которое является необходимымъ для обезпеченія или покрытія, путемъ реализаціи его, непроизведенныхъ ему коммитентомъ платежей, а потому всякое распространеніе комиссіонеромъ этого его права за границы, указываемыя необходимостью, въ отношеніи количества ли или качества удерживаемаго товара, какъ дѣйствіе произвольное и противорѣчащее основной обязанности комиссіонера во всемъ соблюдать интересы своего коммитента до тѣхъ поръ, пока товаръ находится у него въ рукахъ, является, очевидно, неправильнымъ и посему должно влечь за собою на основаніи ст. 684 т. X ч. I для комиссіонера обязанность отвѣчать за послѣдствія, симъ дѣйствіемъ созданныя. Согласно сему, торговый домъ Родоконаки, не получая отъ Пилиди удовлетворенія за понесенные имъ на товарѣ послѣдняго расходы, имѣлъ несомнѣнное право на удержаніе и засимъ реализа-

цію продажею табаковъ Пилиди, но лишь въ той части ихъ, которая оправдывалась бы суммою сказанныхъ его требованій. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что требованія Родоконаки по подлежавшему возвращенію Пилиди табаку составляли 4 октября 1883 г. сумму въ 1.656 р. 23 к.; 2) что между тѣмъ всѣ оставшіеся непроданными табаки Пилиди представляли по оцѣнкѣ Пилиди, принимаемой и Родоконаки за основаніе его разсчетовъ, стоимость въ 32.307 р. 85 к., и во всякомъ случаѣ не менѣе 21.658 р. 85 к., ибо, по заявленію самого Родоконаки въ письмѣ его отъ 16/28 октября 1882 г., эта сумма была предложена за нихъ нѣкіимъ Богдановымъ (288 пуд. 25 ф. басмы по 15 руб.—4.329 р. 38 к., и 385 пуд. 4 ф. дюбеку по 45 руб.—17.329 р. 50 к.),—Прав. Сенатъ находитъ, что удержаніе торговымъ домомъ Родоконаки, фактъ коего имъ вовсе не отрицается, вопреки требованіямъ Пилиди, всѣхъ его табаковъ, остававшихся непроданными, на удовлетвореніе вышеупомянутаго требованія его къ Пилиди, какъ не находящее себѣ законнаго оправданія, должно быть признано неправильнымъ и, какъ таковое, должно влечь за собою, въ силу вышеприведенной ст. 684 т. X ч. I, отвѣтственность Родоконаки предъ Пилиди за послѣдствія такого незаконнаго удержанія имъ его табаковъ, тѣмъ болѣе въ виду невозможности допустить, чтобы торговый домъ не зналъ, что отъ долгаго лежанія табаки теряютъ свою цѣнность. Неправильность сказаннаго дѣйствія торговаго дома Родоконаки усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что послужившій основаніемъ разногласія сторонъ счетъ отъ 4 октября 1883 г. дѣйствительно представляется преувеличеннымъ по слѣдующему основанію. Если первыя двѣ статьи означеннаго счета—1.133 р. 23 к., составляющія по 1 р. 75 к. съ пуда за выгрузку, перевозку, складочные и друг., и 1.132 р. 21 к. за страховку табаковъ съ 1 іюня 1880 г. и должны быть признаны основательными, такъ какъ первая изъ нихъ вполнѣ оправдывается буквальнымъ содержаніемъ письма Родоконаки отъ 22 октября 1879 г., а вторая—тѣмъ, что страхованіе табаковъ вызывалось правиломъ закона (прим. 2 къ ст. 996 Уст. Тамож.), въ силу котораго истребленіе товара пожаромъ не освобождаетъ собственника онаго отъ уплаты пошлины, и тѣмъ, что желаніе Пилиди страховать его табаки не только въ суммѣ пошлины, но и по стоимости ихъ выражено было въ принятыхъ имъ условіяхъ письма 22 октября 1879 г., въ числѣ коихъ предусмотрѣны страховка и пошлины и стоимости табаковъ, а слѣдовательно, страхуя табаки Пилиди, Родоконаки дѣйствовалъ въ интересахъ сего же послѣдняго,—то третья статья—323 руб. 78 коп. однопроцентнаго вознагражденія, исчисленнаго торговымъ домомъ со всего количества высланнаго на комиссію табаку по оцѣнкѣ Пилиди, не можетъ быть признана правильною въ виду того, что по буквальному содержанію письма отъ 22 октября 1879 г. означенный 1% за магазинъ подлежалъ исчисленію въ пользу торговаго дома лишь съ *продажной* цѣны, а слѣдовательно лишь съ проданнаго количества та-

баку; внѣ же продажи вознагражденіе Родоконаки за складъ табаковъ Пилиди за все время нахожденія ихъ у торговаго дома входило въ общее вознагражденіе его по 1 руб. 75 коп. съ пуда. Признавая такимъ образомъ торговый домъ Родоконаки обязаннымъ отвѣчать предъ Пилиди за убытки, причиненные неправильнымъ удержаніемъ табаковъ послѣдняго, и обращаясь къ вопросу относительно самаго размѣра этихъ убытковъ, Прав. Сенатъ находитъ, что таковые должны выражаться въ утраченной Пилиди стоимости этихъ табаковъ, такъ какъ по произведенной впослѣдствіи черезъ Русское Общество Пароходства и Торговли продажѣ оныхъ не могъ быть покрытъ въ преимущественной суммѣ даже наложенный на нихъ торговымъ домомъ Родоконаки платежъ. Но стоимость сихъ табаковъ не можетъ, однако, опредѣляться оцѣнкою ихъ, заявленною Пилиди при сдачѣ ихъ на комиссію, потому что таковая, какъ обнаруживается по дѣлу, дѣйствительно оказалась слишкомъ высокою и по ней табаки проданы быть не могли, какъ о томъ неоднократно, хотя и безуспѣшно, извѣщалъ торговый домъ Родоконаки Пилиди, вслѣдствіе чего и самъ Пилиди собирался для избѣжанія сего открыть въ Россіи свою фабрику (письма Пилиди отъ 6/18 сентября 1880 г. и 3 мая 1881 г.). Посему и такъ какъ съ другой стороны изъ дѣла видно, что Родоконаки предлагалъ Пилиди продать всѣ оставшіеся у него табаки послѣдняго нѣкоему Богданову по 15 руб. за пудъ басмы и 45 р. за пудъ дюбеку, что всего составляло бы, какъ выше указано, 21.658 руб. 88 коп., и Родоконаки, возражая противъ заявляемаго Пилиди размѣра его убытка, не указываетъ болѣе низкой оцѣнки, которою бы опредѣлялась дѣйствительная стоимость табаковъ во время, относящееся къ прекращенію ихъ комиссіонныхъ отношеній, Прав. Сенатъ находитъ, что первое исковое требованіе Пилиди должно быть признано подлежащимъ удовлетворенію въ суммѣ 21.658 р. 88 к. Обращаясь засимъ ко второму требованію Пилиди въ суммѣ 1.186 руб. 10 коп. и принимая во вниманіе: 1) что таковое заключается въ требованіи съ торговаго дома Родоконаки остатка отъ вырученныхъ имъ отъ продажи части его табаковъ суммъ, за вычетомъ изъ сихъ послѣднихъ надлежащихъ расходовъ; 2) что между тѣмъ кромѣ признаваемыхъ истцомъ Пилиди суммъ расходовъ, произведенныхъ Родоконаки, за симъ послѣднимъ должно быть признано право и на возмѣщеніе первыхъ двухъ показанныхъ въ счетѣ его отъ 4 октября 1883 г. статей—1.133 руб. 23 коп. общаго вознагражденія и 1.132 р. 21 к. за страховку табаковъ, Прав. Сенатъ находитъ, что, такъ какъ эти двѣ послѣднія суммы поглощаютъ отыскиваемую Пилиди вырученную отъ продажи части его табаковъ торговымъ домомъ сумму, то таковая и не подлежитъ уплатѣ ему со стороны торговаго дома. Что же касается спора Пилиди относительно доказанности статьи расхода 1.132 руб. 21 коп. за страхованіе его табаковъ, то таковой не заслуживаетъ уваженія потому, во 1-хъ, что, по неоспоренному Пилиди заявленію Родоконаки, табаки его находились въ таможенномъ складѣ его,

Родоконаки, при домѣ Боченскаго по Польскому спуску № 19, и что по этому мѣсту нахожденія значатся и застрахованные табаки въ представленныхъ Родоконаки къ дѣлу страховыхъ полисахъ, обнимающихъ весь почти, за незначительными пробѣлами, указанный въ счетѣ 4 октября 1883 г. періодъ страхованія, и, во 2-хъ, что споръ Пилиди противъ самой цифры представляется огульнымъ отрицаніемъ таковой, между тѣмъ какъ таковая легко могла бы быть имъ самимъ исчислена. Переходя наконецъ къ третьему исковому требованію Пилиди объ обязаніи торговаго дома Родоконаки исходатайствовать для него въ Одесской Таможнѣ свидѣтельства о его табакахъ, Прав. Сенатъ находитъ, что обязанность Родоконаки исполнить это его требованіе Пилиди основываетъ на существующемъ въ семъ отношеніи обычаѣ. Принимая же во вниманіе, что комиссіонныя отношенія сторонъ опредѣлены были между ними письменнымъ актомъ—письмомъ отъ 22 октября 1879 г., которое только и можетъ служить для нихъ источникомъ взаимныхъ правъ и обязанностей, а потому пополненіе означенной письменной сдѣлки обычаемъ съ цѣлью установленія новыхъ правъ и обязанностей, въ письменномъ ихъ договорѣ не предусмотрѣнныхъ, не можетъ имѣть мѣста, Прав. Сенатъ находитъ, что разсматриваемое требованіе Пилиди, въ обязательности своей отвѣтчикомъ вполнѣ отрицаемое, какъ не вытекающее изъ заключенной имъ съ торговымъ домомъ сдѣлки, не подлежитъ удовлетворенію. По всѣмъ симъ соображеніямъ и принимая во вниманіе, что торговый домъ Родоконаки самостоятельнаго требованія къ Пилиди по поводу понесенныхъ имъ при исполненіи комиссіи послѣдняго расходовъ не предъявляетъ, Прав. Сенатъ находитъ, что въ удовлетвореніе предъявленнаго Павломъ Пилиди къ торговому дому Родоконаки иска должно присудить Пилиди съ Родоконаки 21.658 руб. 88 коп. съ % со дня предъявленія иска. А потому признавая несогласное съ симъ выводомъ рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда, отказавшаго Пилиди во всемъ объемѣ его иска, подлежащимъ отмѣнѣ,—Прав. Сенатъ присудилъ съ торговаго дома „Ф. П. Родоконаки“ въ пользу Пилиди 21.658 р. 88 коп. съ % со дня предъявленія иска, въ остальной же части иска Пилиди отказалъ (1894 г., № 1294).

64|46. Коммитентъ, поручившій продажу своего товара по опредѣленной цѣнѣ, включая въ нее всѣ расходы по доставкѣ товара за границу, отвѣчаетъ за всѣ произведенные по сему предмету комиссіонеромъ неизбѣжные и доказанные расходы. Комиссіонеръ, обязавшись продать товаръ по опредѣленной цѣнѣ, не вправѣ ставить на счетъ коммитента сдѣланныя покупателями скидки съ этой цѣны. Право комиссіонера на полученіе процентовъ на выданные коммитенту авансы.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, могутъ-ли въ отмѣну рѣшенія Спб. Ком. Суда, отказавшаго Канторовичу въ искѣ съ торговаго дома „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ 2.661 руб. 82 коп., быть присуждены въ настоящее время Канторовичу съ названнаго торговаго дома 1.657 руб. 16 коп., причитающіеся ему, по его объясненію, по операціи комиссіонной продажи отвѣтчикомъ принадлежавшаго истцу ячменя. Оспаривая правильность представленнаго отвѣтчикомъ счета по продажѣ сказаннаго ячменя, по коему отвѣтчику, въ окончательномъ выводѣ, причитается съ него къ 22 мая 1890 г. съ начисленіемъ соотвѣтствующихъ процентовъ 1.316 руб. 74 коп., Канторовичъ въ подтвержденіе права своего на взысканіе отыскиваемыхъ имъ нынѣ 1.657 руб. 16 к., взамѣнъ первоначально заявленной на судѣ суммы 2.661 руб. 82 коп., въ апелляціонной жалобѣ и дополнительномъ прошеніи своихъ ссылается на слѣдующія три основанія: 1) торговый домъ „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ не вправѣ былъ относить на счетъ Канторовича излишніе расходы, вызванные отправкою ячменя черезъ гор. Ревель всего въ суммѣ 525 руб. 20 коп., такъ какъ ячмень подлежалъ отправкѣ на пароходѣ изъ Петербурга, расходы по каковой отправкѣ истецъ опредѣляетъ всего по 12 к. съ пуда; 2) такъ какъ установленная между нимъ и „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ цѣна ячменя была опредѣлена въ 122 мар. за 1.000 кило, то торговый домъ не имѣлъ права при разсчетахъ съ нимъ, Канторовичемъ, относить на его счетъ сдѣланную любекскими покупателями Лихенгеймомъ и Фалькомъ, на основаніи рѣшенія третейскаго суда хлѣботорговцевъ въ Любекѣ, признавшаго ячмень несоотвѣтствующаго качества, скидку по 9 марокъ за каждые 1.000 кило, и причитающуюся за его ячмень сумму разсчитывать, вопреки соглашенія, уже не изъ 122 мар. за кило, а по 113 мар., и 3) торговый домъ неправильно поставилъ въ контокуррентахъ своихъ отъ 28 марта 1889 г. и 22 мая 1890 г. въ дебетъ Канторовича проценты въ размѣрѣ 254 р. 43 к. и 123 руб. 78 коп., каковыхъ ему вовсе не причиталось. Обращаясь къ разсмотрѣнію перваго изъ приведенныхъ указаній апеллятора, Прав. Сенатъ находитъ, что письмомъ отъ 13 октября 1888 г., Канторовичъ увѣдомилъ торговый домъ „Ферстеръ, Рутманъ и К°“, что „желалъ бы полученные уже торговымъ домомъ 17 вагоновъ ячменя и имѣющіе прибыть 5 вагоновъ, всего 22 вагона, продать за границу, а потому если „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ могутъ получить для него, Канторовича, за таковые 122 герм. мар. за вывѣшенные 1.000 кило cif Любекъ, то онъ уполномочиваетъ ихъ этимъ письмомъ на продажу 22 вагоновъ; ихъ расходы на фрахтъ, издержки и комиссію по продажѣ онъ, Канторовичъ, принимаетъ всѣ, конечно, на свой счетъ“. Буквальное содержаніе этого письма, опредѣляющаго взаимныя права и обязанности сторонъ по заключенной ими сдѣлкѣ комиссіонной продажи ячменя, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Канторовичъ поручилъ „Ферстеръ, Рутманъ и К°“, а сей по-

слѣдній принялъ на себя продажу 22 вагоновъ ячменя не ниже 122 мар. за 1.000 кило, включая въ эту сумму всѣ расходы по доставкѣ товара въ Любекъ, какъ это вполнѣ ясно подтверждается, какъ выраженіемъ въ письмѣ „cif Любекъ", такъ и конечною фразою письма: „расходы на фрахтъ, издержки и комиссію по продажѣ, онъ, Канторовичъ, принимаетъ всѣ, конечно, на себя". Въ виду сего слѣдуетъ признать, что произведенные „Ферстеръ, Рутманъ и К°" расходы по доставкѣ ячменя въ Любекъ, насколько таковые представляются по существу сдѣлки неизбѣжными и доказанными, должны быть отнесены на счетъ Канторовича, вслѣдствіе чего и споръ его по сему предмету долженъ быть признанъ неуважительнымъ. Что же касается указанія просителя на то, что онъ употребленному въ письмѣ его выраженію „cif Любекъ" не придавалъ значенія, и ссылки его на отвѣтъ повѣреннаго „Ферстеръ, Рутманъ и К°" на его, Канторовича, нотаріальное заявленіе, въ которомъ говорится, что Канторовичъ просилъ „Ферстеръ, Рутманъ и К°" продать ячмень, если удастся получить цѣну, изъ которой, исключивъ всѣ расходы, получились бы 122 мар. за 1.000 кило „франко Любекъ", то первое изъ нихъ не заслуживаетъ уваженія уже по одной невозможности допустить, чтобы лицо, заключающее торговую сдѣлку, не придавало столь существенному, помѣщенному въ ней, условію никакого значенія, тѣмъ болѣе, что въ концѣ письма Канторовичъ еще яснѣе выразилъ, что всѣ расходы по фрахту и издержки онъ принимаетъ на себя, а вторая лишена приписываемаго ей просителемъ значенія, ибо приведенное имъ мѣсто нотаріальнаго отвѣта повѣреннаго „Ферстеръ, Рутманъ и К°" заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе: съ одной стороны, „исключая расходы", а съ другой, „франко Любекъ", т. е. включая расходы, и, являясь лишь изложеніемъ самой заключенной между сторонами сдѣлки, очевидно, должно быть толкуемо согласно содержанію сей послѣдней, изъясненному уже выше. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что въ письмѣ Канторовича отъ 13 октября 1888 г. никакихъ условій относительно способа и мѣста отправки ячменя до Любека не содержится; 2) что засимъ, если „Ферстеръ, Рутманъ и К°", продавъ, во исполненіе даннаго имъ Канторовичемъ порученія, ячмень съ доставкою въ октябрѣ Лихенгейму и Фальку въ Любекѣ, вслѣдствіе ранняго, какъ то установлено по дѣлу, прекращенія навигаціи въ с.-петербургскомъ портѣ (послѣдній пароходъ отошелъ въ Любекъ 20 октября), принуждены были отправить ячмень черезъ ревельскій портъ, то обстоятельство это не можетъ быть поставлено имъ въ вину съ одной стороны, какъ отъ нихъ не зависящее, а съ другой, какъ вызванное дѣйствіями самого Канторовича, доставившаго послѣдніе вагоны ячменя, какъ видно изъ дѣла, лишь 19 и 20 октября 1888 г.; 3) что при такихъ условіяхъ отправка торговымъ домомъ ячменя Канторовича черезъ ревельскій портъ не можетъ быть сочтена за нарушеніе заключенной имъ съ послѣднимъ

сдѣлки, а потому Канторовичъ, согласно точному смыслу этой сдѣлки, и не можетъ быть освобожденъ отъ возмѣщенія торговому дому всѣхъ приведенныхъ имъ, сопряженныхъ съ этою отправкою, расходовъ; 4) что ни дѣйствительности этихъ расходовъ, ни показанной торговымъ домомъ цифры таковыхъ Канторовичъ вовсе не оспариваетъ,—Прав. Сенатъ признаетъ споръ Канторовичъ противъ обязательности для него таковыхъ расходовъ неуважительнымъ, а за симъ и согласное съ такимъ выводомъ заключеніе Спб. Ком. Суда отмѣнѣ не подлежащимъ. Переходя затѣмъ ко второму спорному въ настоящемъ дѣлѣ вопросу объ обязательности для Канторовича сдѣланной любекскими покупателями на его товаръ скидки, Прав. Сенатъ находитъ, что вышеприведеннымъ письмомъ 13 октября 1888 г. Канторовичъ уполномочилъ торговый домъ „Ферстеръ, Рутманъ и Ко“ продать его ячмень за границу, подъ условіемъ „если торговый домъ можетъ получить для него, Канторовича, за этотъ товаръ 122 герм. марки за вывѣшенные 1.000 кило „cif Любекъ“. Принявъ безоговорочно это предложеніе, торговый домъ, очевидно, принялъ на себя обязательство продать ячмень Канторовича съ тѣмъ, чтобы послѣдній получилъ за него не менѣе 122 мар. за 1.000 кило, исключая изъ этой суммы расходы, ибо только подъ этимъ условіемъ Канторовичъ и поручилъ имъ учинить эту продажу, другими словами, онъ обязался продать этотъ ячмень не дешевле, какъ по цѣнѣ 122 мар. за 1000 кило. А такъ какъ по закону (ст. 1536 т. X ч. 1) договоры должны быть исполняемы по точному ихъ разуму, не уважая побочныхъ обстоятельствъ, ячмень же Канторовичемъ былъ отданъ „Ферстеръ, Рутманъ и Ко“ для продажи безъ пробы, то то обстоятельство, что любекскіе покупатели впослѣдствіи признали этотъ ячмень несоотвѣтствующимъ цѣнѣ 122 мар. за 1.000 кило, до Канторовича относиться не можетъ и не можетъ сложить съ торговаго дома принятаго имъ на себя по отношенію къ Канторовичу обязательства разсчитаться съ нимъ за ячмень по договорной между ними цѣнѣ не ниже 122 мар. на 1.000 кило, исключая расходы, вслѣдствіе чего и требованіе о томъ Канторовича должно быть признано вполнѣ законнымъ и подлежащимъ удовлетворенію. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что торговымъ домомъ „Ферстеръ, Рутманъ и Ко“, какъ показано имъ въ представленныхъ къ дѣлу счетахъ, выгружено было въ Любекѣ ячменя 170.185 кило, изъ коихъ, по исключеніи тары за мѣшки (согласно условію 13 октября 1888 г. цѣна 122 мар. опредѣлена за вывѣшенные 1.000 кило) ячменя оказалось 168.095 кило; 2) что неправильно поставленная отвѣтчикомъ въ счетѣ Канторовича скидка любекскихъ покупателей съ покупной цѣны ячменя 9 мар. за 1.000 кило, исчисленная съ указанныхъ 168.095 кило (а не съ вѣса брутто, какъ то дѣлаетъ апелляторъ, ибо такое исчисленіе прямо противорѣчило бы условію соглашенія 13 октября 1888 г. „за вывѣшенные 1.000 кило“), составляетъ 1.512 мар. 85 пф., а по принятому Канторовичемъ въ составленномъ имъ счетѣ отъ 22 мая 1890 г. курсу

45,75 марка—692 руб. 13 коп., Прав. Сенатъ находитъ, что въ этой послѣдней суммѣ исковое требованіе Канторовича по этой статьѣ должно быть признано подлежащимъ удовлетворенію. Обращаясь наконецъ къ третьей спорной въ настоящемъ дѣлѣ статьѣ относительно начисленныхъ торговымъ домомъ на Канторовича процентовъ, Прав. Сенатъ находитъ, что Канторовичъ не признаетъ за торговымъ домомъ „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ права на показанные послѣднимъ въ контокоррентныхъ его, Канторовича, счетахъ проценты съ 31 октября 1888 г. по 22 мая 1890 г. на томъ основаніи, что таковыхъ ему вовсе не причиталось и что таковые наросли главнымъ образомъ во время производства настоящаго дѣла въ Коммерческомъ Судѣ. Имѣя въ виду: 1) что право торговаго дома, какъ комиссіонера, на начисленіе процентовъ на выданные имъ своему коммитенту Канторовичу авансы со дня выдачи таковыхъ впредь до учиненія окончательнаго разсчета по состоявшейся между ними комиссіонной сдѣлкѣ представляется вполнѣ согласнымъ какъ съ установившимся въ семъ отношеніи торговымъ обычаемъ, такъ и съ самымъ характеромъ отношеній по авансу, какъ отношеній кредитныхъ; 2) что за указанный окончательный между сторонами разсчетъ, который прекращалъ бы теченіе на выданные авансы процентовъ, очевидно, не можетъ быть признано одно предъявленіе коммитентомъ къ комиссіонеру иска, Прав. Сенатъ находитъ основанный на противномъ сему выводѣ споръ Канторовича по этой статьѣ неуважительнымъ. Сводя же на основаніи приведенныхъ выше соображеній взаимные разсчеты тяжущихся, Прав. Сенатъ находитъ, что исключая изъ сальдо въ пользу торговаго дома „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ по представленному имъ текущему счету Канторовича на 22 мая 1890 г. въ суммѣ 1.316 руб. 74 коп. указанные 692 руб. 13 коп., причитающіеся ему по статьѣ продажи ячменя, сальдо въ пользу названнаго торговаго дома получится въ суммѣ всего лишь 624 руб. 61 коп. А такъ какъ Канторовичу кромѣ того причитается съ торговаго дома за ячмень, проданный заводу „Новая Баварія“, 1.232 руб. 15 коп., удерживаемые торговымъ домомъ, какъ то показано въ счетахъ его отъ 28 марта 1889 г. и 22 мая 1890 г., впредь до учиненія Канторовичемъ окончательнаго съ ними разсчета, по коему, какъ видно изъ изложеннаго, съ Канторовича должно причитаться въ пользу „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ 624 руб. 61 коп., то по сведеніи взаимныхъ между сторонами разсчетовъ окажется, что Канторовичу причитается съ торговаго дома 607 руб. 54 коп. (1.232 руб. 15 к.—624 руб. 61 коп.). Что же касается наконецъ ходатайства апеллятора, повѣреннаго Канторовича, объ обязаніи „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ возвратить его довѣрителю мѣшки и вѣялку, то таковое, какъ признанное отвѣтчикомъ какъ въ нотаріальномъ заявленіи его Канторовичу отъ 3 февраля 1889 г., въ коемъ онъ приглашалъ Канторовича получить означенныя вещи, такъ и въ настоящемъ судебномъ производствѣ, должно быть признано подлежащимъ удовлетворенію, вопросъ же о томъ, на-

сколько имѣющіе быть сданными Канторовичу торговымъ домомъ мѣшки и вѣялка окажутся соотвѣтствующими тѣмъ, кои были сданы торговому дому, въ предѣлахъ настоящаго производства обсужденію подлежать не можетъ. На основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній Прав. Сенатъ отмѣнилъ состоявшееся по сему дѣлу рѣшеніе Спб. Ком. Суда и присудилъ съ торговаго дома „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ въ пользу Канторовича, въ окончательный разсчетъ по сдѣлкѣ съ ячменемъ послѣдняго, 607 руб. 54 коп. съ % со дня предъявленія иска; призналъ торговый домъ „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ обязаннымъ сдать Канторовичу отыскиваемые имъ мѣшки и вѣялку (1893 г., № 345).

65|47. Назначенный коммитентомъ *„лимитъ“* безусловно обязателенъ для комиссіонера. Комиссіонеръ не вправѣ самовольно измѣнять условія порученныхъ ему продажъ. Расходы, необходимость которыхъ комиссіонеромъ не доказана, не подлежатъ возмѣщенію со стороны коммитента. Комиссіонеръ, принявъ къ исполненію и выполнивъ порученную ему продажу, не можетъ впослѣдствіи ссылаться на то, что коммитентомъ нарушены были по этой сдѣлкѣ первоначальныя условія высылки товара на комиссію.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что по содержанію апелляціонной жалобы повѣреннаго купца Наума Гуровича обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Спб. Ком. Судъ присудилъ съ Гуровича въ пользу Рубина Кабалкина 5.740 р. 45 к. съ процентами со дня предъявленія иска. Означенная сумма состоитъ изъ отдѣльныхъ, признанныхъ Коммерческимъ Судомъ основательными статей разсчета Кабалкина съ Гуровичемъ по комиссіонной продажѣ послѣднимъ разныхъ хлѣбныхъ продуктовъ истца, а именно: 1) 669 р. 85 к.—разницы между заявленною Кабалкинымъ въ телеграммѣ отъ 14 іюля 1890 г. цѣною на рожь, проданную Гуровичемъ торговому дому „Блессигъ и К°“ въ количествѣ 100 вагоновъ, или 6698½ четвертей, 6 р. 20 к. за четверть и тою, по которой Гуровичъ разсчитался съ Кабалкинымъ за эту рожь по счетамъ его—6 р. 10 к. (6698½ четв. по 10 к.—669 р. 85 к.); 2) 566 р. 40 к., стоимости 157½ четв., 944 пуд. овса, оказавшихся въ недостачѣ при выполненіи сдѣлки о продажѣ торговому дому „Леонъ и К°“ 10.000 четв. овса, считая по 3 р. 60 к. за четверть; 3) 444 р. 65 к. расходовъ по очисткѣ на элеваторѣ проданной торговому дому „Леонъ и К°“ ржи въ количествѣ 6.635 четв., поставленныхъ Гуровичемъ на счетъ Кабалкина; 4) 250 р. 10 к., недополученной уплаты тарифа за подвозку 82 вагоновъ вышеупомянутыхъ, проданныхъ

„Леонъ и К°“, овса и ржи отъ станціи въ С.-Петербургѣ на Калашниковской пристани къ Новому Порту, изъ разсчета по 3 р. 5 к. за вагонъ; 5) 384 р., неправильно поставленныхъ Гуровичемъ на счетъ Кабалкина расходовъ по найму сдатчиковъ товара изъ вагоновъ (384 вагона по 1 р. съ вагона); 6) 1.247 р. 57 к., недополученныхъ Кабалкинымъ отъ Гуровича по особой сдѣлкѣ купли послѣднимъ у перваго 50 вагоновъ ячменя, и 7) 2.177 р. 88 к. не уплаченнаго Гуровичемъ сальдо по общему счету Кабалкина отъ 28 октября 1890 г. Обращаясь къ разсмотрѣнію каждой изъ этихъ статей спора сторонъ въ порядкѣ ихъ послѣдовательности,—Прав. Сенатъ находитъ, что по поводу первой изъ нихъ апелляторъ въ настоящее время ни противъ факта указанія Кабалкинымъ лимита для продажи принадлежащей ему ржи (6 р. 20 к.), ни противъ учиненія съ нимъ тѣмъ не менѣе разсчета Гуровичемъ по 6 р. 10 к. не споритъ, но указываетъ лишь на то, что получающаяся такимъ образомъ разница въ 10 коп. на четверть, или 669 р. 85 к. на все количество проданной „Блессигу и К°“ ржи, составляетъ скидку по 1 к. съ пуда за то, что означенный хлѣбъ проданъ былъ безъ гарантіи за добротность товара въ 120 золотниковъ голландскаго вѣса, каковое условіе сдѣлки купли-продажи считается выгодною въ пользу продавца именно въ размѣрѣ 10 к. на четверть, въ подтвержденіе чего апелляторъ ссылается на представленный имъ въ Коммерческій Судъ бюллетень биржевого маклера въ Ревелѣ, Фогеля, отъ 12 января 1891 г. въ коемъ указана цѣна ржи, на основаніи 120 фунт. голл. вѣса, т. е. выше 120 фунт. до 122 фунт., приплата по $^1/_2$ к. за каждый пудъ и фунтъ голландскаго вѣса, ниже до 115 ф. скидка по $^1/_2$ к.; при гарантіи 120 фун. одною коп. на пудъ дороже. Но это объясненіе апеллятора, независимо даже отъ вопроса о доказанности именно такихъ условій сдѣлки Гуровича съ „Блессигъ и К°“, не можетъ заслуживать уваженія по слѣдующимъ соображеніямъ: лимитъ, то есть крайняя цѣна, по которой коммитентъ поручаетъ комиссіонеру продать его товаръ или пріобрѣсти таковой для него, какъ-то вытекаетъ изъ самаго его понятія, представляетъ изъ себя ту сумму, менѣе которой не можетъ быть выручено или болѣе которой не можетъ быть израсходовано комиссіонеромъ, разъ онъ приступилъ къ исполненію возложенной на него комиссіи, другими словами, выражаетъ ту обязательную цѣну, по которой комиссіонеръ обязанъ разсчитаться съ коммитентомъ по порученной ему куплѣ или продажѣ, изъ которой никакія уже дальнѣйшія сбавки съ цѣны по сдѣлкамъ съ третьими лицами не возможны. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что на телеграмму Гуровича отъ 14 іюля 1890 г. Кабалкину: „продалъ Блессигу 100 вагоновъ ржи на сентябрь, сдать квитанціи шесть рублей“, отъ послѣдняго былъ отвѣтъ телеграммою того же числа: „Рига рожь 69 дешевле 620 продать нельзя, жду отвѣта“, каковой послѣдній былъ: „продалъ шесть ровно нужно сдать; разницу пополню“, на что Кабалкинъ увѣдомилъ: „продажу Блессигу сдамъ“; 2) что засимъ на существованіе какихъ-либо

другихъ сношеній Гуровича съ Кабалкинымъ по поводу цѣны на проданную Блессигу рожь, коими устанавливались бы другія условія этой продажи, апелляторъ не указываетъ и таковыя изъ дѣла не усматриваются, Прав. Сенатъ находитъ, что поставленіе Гуровичемъ Кабалкину въ счетъ указаннаго лимита его, 6 р. 20 к. за четверть, 10 к. съ четверти, за отсутствіемъ въ сдѣлкѣ Гуровича съ Блессигомъ условія о гарантіи 120 золотн. голландскаго вѣса, согласіе Кабалкина на какового рода условія ничѣмъ не доказано, должно быть признано, какъ несогласное съ обстоятельствами дѣла, произвольнымъ. А такъ какъ никакихъ другихъ основаній, по коимъ Гуровичъ произвелъ разсчетъ съ Кабалкинымъ за проданную „Блессигу и К°“ рожь изъ разсчета 6 р. 10 к. за четверть, вмѣсто 6 р. 20 к., апелляторъ не указываетъ, присужденіе Коммерческимъ Судомъ Кабалкину образовавшейся вслѣдствіи этого недополучки на все количество въ суммѣ 669 р. 85 к. представляется вполнѣ правильнымъ. Переходя къ слѣдующей статьѣ—566 р. 40 к. стоимости 157½ четвертей, оказавшихся въ недостачѣ при продажѣ овса торговому дому „Леонъ и К°“, Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ то видно изъ дѣла, маклерскими записками отъ 31 іюля и 9 августа 1890 г. Гуровичъ продалъ названному торговому дому 10 тысячъ четвертей овса обыкновеннаго съ Грязе-Царицынской линіи, сухого, безъ запаха и поврежденій со сдачею въ С.-Петербургѣ съ вагоновъ квитанціями. Засимъ, согласно показанія свидѣтеля Леона, по прибытіи и до сдачи этотъ овесъ, оказавшійся съ примѣсью разныхъ негодныхъ веществъ, былъ имъ, свидѣтелемъ, съ согласія Гуровича отданъ въ очистку на элеваторъ, такъ какъ иначе этотъ товаръ принятъ быть не могъ; послѣ очистки имъ, Леономъ, принято было 3084½ четверти, остальное же количество Гуровичъ счелъ выгоднымъ не сдавать, уплативъ разницу по 7½ к. за четверть, всего 518 р. 18 к. По показанію же свидѣтеля Чернякова, сдатчика со стороны Кабалкина овса, онъ, въ виду требованія Леона и Гуровича доставки овса со станціи въ С.-Петербургѣ въ Новый Портъ на элеваторъ, каковыя условія противорѣчили условіямъ сдѣлки, спросилъ Кабалкина телеграммою, какъ поступить, на что послѣдній отвѣтилъ, чтобы сдать овесъ, если путевыя издержки изъ С.-Петербурга на элеваторъ будутъ приняты Гуровичемъ и „Леонъ и К°“ на свой счетъ и вѣсъ овса для разсчета будетъ принятъ при поступленіи на элеваторъ; когда же Леонъ сталъ очищать и шастать овесъ, то онъ, Черняковъ, хотѣлъ отказаться отъ сдачи, но Гуровичъ сказалъ, что его, Чернякова, дѣло только сдать товаръ на элеваторъ, а съ принятымъ уже на элеваторъ овсомъ Леонъ можетъ дѣлать, что ему угодно. Изложенныя условія маклерскихъ записокъ—сдача съ вагоновъ по квитанціямъ, указаніе, что овесъ продается обыкновенный съ Грязе-Царицынской линіи и обусловленность лишь такихъ качествъ овса, коихъ отсутствіе или наличность не могутъ быть урегулированы очисткой на элеваторѣ,—въ совокупности съ показаніемъ свидѣтеля Чернякова, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что

право „Леонъ и К°“ на очистку купленнаго имъ у Кабалкина овса при заключеніи разсматриваемой сдѣлки не имѣлось въ виду и что на таковое и впослѣдствіи согласія отъ Кабалкина не послѣдовало. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что на комиссіонерѣ прежде всего лежитъ обязанность въ точности слѣдовать указаніямъ коммитента; 2) что, буде „Леонъ и К°“ не желали принять овса безъ очистки, вопреки условіямъ ихъ съ Гуровичемъ, то въ виду того, что на это ихъ требованіе Кабалкинъ не согласился, Гуровичъ долженъ былъ или потребовать отъ „Леонъ и К°“ принять на себя послѣдствія и расходы по сказанной очисткѣ, или не сдавать проданнаго товара, предоставивъ „Леонъ и К°“ вѣдаться съ коммитентомъ его Кабалкинымъ, но никакъ не самовольно соглашаться, вопреки даннаго ему коммитентомъ порученія, на предложенныя ему „Леонъ и К°“ условія и вообще распорядиться овсомъ по своему усмотрѣнію (показаніе свидѣтеля Леона),—Прав. Сенатъ находитъ требованіе Кабалкина отъ Гуровича принятія имъ на себя сказанныхъ послѣдствій, выразившихся суммою убытка для него, Кабалкина, въ 566 р. 40 к., правильнымъ. А потому и такъ какъ, ссылаясь на продажу оказавшагося отбоя, вырученная отъ которой сумма поставлена въ кредитъ Кабалкина по счету отъ 28 октября 1890 г., апелляторъ размѣра этой суммы относительно овса именно „Леонъ и К°“ вовсе не опредѣляетъ,—Прав. Сенатъ находитъ, что Коммерческій Судъ, присудивъ Кабалкину эти 566 руб. 40 коп., поступилъ вполнѣ правильно. Равнымъ образомъ правильнымъ должно быть признано присужденіе Коммерческимъ Судомъ Кабалкину и 444 р. 65 к. расходовъ по очисткѣ ржи, проданной тому же „Леонъ и К°“ Кабалкинымъ по письму безъ числа. Изъ означеннаго письма видно, что Кабалкинъ продалъ „Леонъ и К°“ 100 вагоновъ ржи натурою 120 золотн. голландскаго вѣса, цѣною по 6 р. за каждые 9 пуд. съ доставкою вагонами на Калашниковскую пристань, причемъ сдача должна производиться съ вагона. Принимая во вниманіе: 1) что такимъ образомъ никакихъ уговоровъ объ очисткѣ ржи при заключеніи этой сдѣлки Кабалкинымъ съ „Леонъ и К°“, равно какъ и впослѣдствіи, при передачѣ первымъ выполненія этой сдѣлки Гуровичу не послѣдовало, сдача же товара, какъ сказано выше, обусловлена была съ вагоновъ; 2) что посему Гуровичъ, на которомъ, какъ на комиссіонерѣ, лежала обязанность, разъ онъ принялъ на себя исполненіе разсматриваемой сдѣлки Кабалкина съ „Леонъ и К°“, блюсти интересы его поручителя и исполнять въ точности его указанія, не имѣлъ права допускать покупателя, вопреки заключенному имъ договору, къ очисткѣ хлѣба на элеваторѣ и тѣмъ увеличивать цѣнность товара на счетъ его количества,—Прав. Сенатъ находитъ притязаніе Кабалкина на возмѣщеніе ему этихъ расходовъ, указанныхъ въ счетѣ Гуровича № 41, отъ сего послѣдняго, какъ неисполнившаго комиссіонерскихъ своихъ обязанностей, вполнѣ основательнымъ. По тѣмъ же основаніямъ, а именно, что какъ въ маклерскихъ запискахъ отъ 31 іюля и

9 августа 1890 г. сдача овса, такъ и въ помянутомъ письмѣ сдача ржи торговому дому „Леонъ и Ко“ условлены въ С.-Петербургѣ, что затѣмъ доставка Кабалкинымъ этихъ товаровъ въ Новый Портъ послѣдовала вслѣдствіе письма Гуровича отъ 26 іюля 1890 г., въ которомъ онъ писалъ Кабалкину, что Блессигъ проситъ адресовать вагоны въ Новый Портъ съ тѣмъ, что онъ уплатитъ за излишній тарифъ, и что Леонъ также проситъ адресовать вагоны въ Новый Портъ, и что того, чтобы Кабалкинъ относительно овса и ржи „Леонъ и К°“ согласился принять излишній тарифъ за доставку въ Новый Портъ на себя, апелляторъ ничѣмъ не доказалъ,—Прав. Сенатъ находитъ, что Гуровичъ долженъ былъ получить за счетъ Кабалкина съ „Леонъ и К°“ за доставленные ему 82 вагона овса и ржи въ Новый Портъ стоимость тарифа изъ С.-Петербурга въ этотъ пунктъ, а если онъ этого не сдѣлалъ, то долженъ самъ отвѣтствовать за это упущеніе въ неоспоренной имъ суммѣ 280 р. 80 к. Что же касается указанія апеллятора на то, что означенныя сдѣлки были заключены съ „Леонъ и К°“ самимъ Кабалкинымъ, то таковое не можетъ имѣть какого-либо значенія, ибо обстоятельство это не освобождало, очевидно, Гуровича отъ исполненія всѣхъ лежавшихъ на немъ обязанностей комиссіонера, разъ онъ принялъ отъ Кабалкина приведеніе въ исполненіе означенныхъ сдѣлокъ на себя. Обращаясь къ объясненіямъ апеллятора относительно показанныхъ Гуровичемъ по счетамъ расходовъ на наемъ артельщиковъ для сдачи прибывавшаго въ вагонахъ товара Кабалкина изъ разсчета по 1 р. за вагонъ, всего 384 р., и принимая во вниманіе: 1) что, какъ то видно изъ представленнаго апелляторомъ въ судъ письма Кабалкина отъ 24 августа 1890 г., послѣдній предоставилъ въ распоряженіе Гуровича, согласно его просьбѣ, для помощи въ сдачѣ товара какъ въ Новомъ Портѣ, такъ и въ С.-Петербургѣ служащаго своего Чернякова; 2) что указаніе апеллятора на то, что помощь сего послѣдняго была недостаточна, такъ какъ приходилось сдавать товаръ одновременно въ разныхъ мѣстахъ, голословно, а другихъ объясненій необходимости найма артельщиковъ для этой цѣли, для которой въ распоряженіи Гуровича находился Черняковъ, апелляторъ не даетъ,—Прав. Сенатъ находитъ, что Кабалкинъ вправѣ оспаривать поставленіе ему Гуровичемъ на счетъ расхода на артельщиковъ въ суммѣ 384 р., и присужденіе ему этой суммы Ком. Судомъ должно быть признано правильнымъ. Затѣмъ споръ свой противъ удовлетвореннаго Ком. Судомъ требованія Кабалкина отъ Гуровича уплаты остальныхъ, причитающихся ему за 50 вагоновъ ячменя, купленныхъ Гуровичемъ, какъ то видно изъ дѣла, у Кабалкина путемъ обмѣна писемъ 17 августа 1890 г., денегъ—1.247 р. 57 к., апелляторъ основываетъ на томъ, что Кабалкинъ самъ нарушилъ условія сказанной сдѣлки, а именно, выславъ хлѣбъ въ большей части насыпью, а не въ мѣшкахъ, вмѣсто того, чтобы сдать товаръ въ складахъ Полежаевыхъ, прислалъ Гуровичу дубликаты квитанцій съ наложеннымъ на товаръ платежемъ, и притомъ выслалъ сразу 55 вагоновъ, вмѣсто

высылки партіями 50 вагоновъ. Но всѣ эти указанія апеллятора, какъ то правильно призналъ и Коммерческій Судъ, не могутъ заслуживать уваженія въ виду того: 1) что, по объясненію самого Гуровича, онъ означенный товаръ, несмотря на указанныя нарушенія Кабалкина, принялъ и продалъ третьимъ лицамъ, и тѣмъ выразилъ свое согласіе на выполненіе Кабалкинымъ въ такомъ видѣ сдѣлки; 2) что ссылка апеллятора въ объясненіе этого обстоятельства на то, что иначе, т. е. если бы Гуровичъ не принялъ товара, высланнаго съ нарушеніемъ условій соглашенія, пришлось бы платить полежалое и нести другіе расходы, не заслуживаетъ уваженія, ибо, если Кабалкинъ являлся дѣйствительно нарушителемъ принятыхъ на себя по договору обязательствъ то, очевидно, на него бы и легли всѣ эти расходы, и 3) что въ настоящее время за продажею товара не представляется никакой возможности провѣрить заявленіе Гуровича относительно недоброкачественности онаго. При такихъ же условіяхъ къ сложенію съ Гуровича обязанности уплатить Кабалкину остальныя деньги за принятый отъ него и перепроданный имъ ячмень не представляется никакихъ основаній. Обращаясь, наконецъ, къ послѣдней статьѣ апелляціонной жалобы, Прав. Сенатъ находитъ, что по составленному и переданному Гуровичемъ Кабалкину счету отъ 28 октября 1890 г. въ пользу послѣдняго оказывается остатокъ въ суммѣ 2.178 р. 80 к.; что эта цифра долга Гуровича Кабалкину, какъ то вполнѣ правильно указываетъ Ком. Судъ, установляется и письмомъ самого Гуровича отъ 24 ноября 1890 г., въ которомъ онъ признаетъ, что долженъ 1.603 р. 25 к., и кромѣ того за Блессигомъ осталось неполученныхъ Гуровичемъ 575 р. 63 к., каковой долгъ, очевидно, для Кабалкина представляется долгомъ комиссіонера Гуровича. Что же касается дѣлаемаго Гуровичемъ вычета изъ этихъ суммъ 920 р. 6 к. и 68 р. 33 к. процентовъ, то таковой не можетъ быть признанъ правильнымъ, такъ какъ эти суммы представляются требованіемъ за ячмень въ основаніи своемъ, какъ указано при разборѣ предыдущей статьи, недоказаннымъ. Наконецъ, ссылка Гуровича на росписку Кабалкина отъ 18 августа 1890 г. въ полученіи 2.000 р. не заслуживаетъ уваженія на томъ основаніи, что эти 2.000 р. занесены уже въ дебетъ счета 28 октября 1890 г., а потому вошли уже въ разсчетъ при опредѣленіи долга Гуровича Кабалкину по означенному счету. Такимъ образомъ, присужденіе Коммерческимъ Судомъ Кабалкину съ Гуровича и по этой статьѣ 2.178 р. 88 к. должно быть признано, какъ согласное съ данными дѣла, правильнымъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ,—Прав. Сенатъ состоявшееся по дѣлу рѣшеніе СПБ. Ком. Суда въ части, коею присуждено Кабалкину съ Гуровича 5.740 р. 45 к. съ процентами со дня предъявленія иска утвердилъ (1894 г., № 585).

66|48. Комиссіонеръ, утверждающій, что ему дано было коммитентомъ право продавать товаръ съ значительно

большими, чѣмъ признаетъ коммитентъ, уступками, долженъ доказать это обстоятельство.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что разрѣшенію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли СПБ. Ком. Судъ отказалъ Залкинду въ искѣ его съ Виссендорфа, опредѣленномъ имъ первоначально въ суммѣ 6.339 р. 98 к. и уменьшенномъ въ апелляціонной жалобѣ до 4.195 р. 74 к., и взыскалъ съ него въ пользу Виссендорфа, по встрѣчному иску послѣдняго, 1.341 р. 35 к., обязавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, Виссендорфа передать Залкинду долговые документы разныхъ лицъ на сумму 1.091 р. 52 к. Изъ дѣла видно, что искъ свой Залкиндъ основываетъ на слѣдующемъ: въ силу состоявшагося между нимъ и Виссендорфомъ соглашенія имъ послано было послѣднему на комиссію для продажи товара (плюшъ, атласъ и саржа) на сумму, за вычетомъ возвращеннаго, 14.978 руб. 43 коп., въ коихъ Виссендорфъ обязанъ былъ отсчитаться, между тѣмъ представленнаго ему Виссендорфомъ отчета онъ признать не можетъ, ибо показанныя въ немъ цѣны продажъ его товаровъ чрезмѣрно низки. По его, Залкинда, разсчету за товаръ, дѣлая съ него даже общую скидку въ 10%, слѣдовало получить 13.480 руб. 59 коп., получено же имъ отъ Виссендорфа наличными деньгами лишь 7.576 руб. и товаромъ на 591 руб., а такъ какъ кромѣ того подлежатъ удержанію Виссендорфомъ произведенные имъ расходы въ суммѣ 82 руб. 50 коп., пятипроцентная комиссія съ суммы проданнаго имъ товара—673 руб. 95 коп. и проценты 361 руб. 39 коп., то оказывается, что Виссендорфъ отсчитался передъ нимъ всего въ суммѣ 9.284 руб. 84 коп., остальная же до 13.480 руб. 59 коп. сумма—4.195 руб. 74 коп. остается, такимъ образомъ, за нимъ въ долгу и составляетъ предметъ исковыхъ его требованій. Отвѣтчикъ Виссендорфъ, не признавая иска правильнымъ и ссылаясь на представленный имъ Залкинду отчетъ по комиссіонной продажѣ его товара, объясняетъ, что товара, за вычетомъ возвращеннаго, получено имъ отъ Залкинда всего на сумму 14.462 руб. 47 коп., что ему предоставлено было право продавать товаръ съ гораздо большей скидкою, чѣмъ 10%, которые признаетъ нынѣ истецъ, каковое обстоятельство, по его мнѣнію, доказывается тѣмъ, что на нѣкоторыхъ накладныхъ, при которыхъ доставленъ былъ товаръ, сдѣланы были надписи: „цѣны не обязательны“, въ подтвержденіе чего онъ ссылается на свидѣтелей; что, пользуясь этимъ правомъ, онъ продалъ товаръ всего за 9.461 руб. 75 коп. и кромѣ того осталось въ долгу за покупателями, купившими товаръ въ кредитъ, 1.091 р. 52 коп.; что расходовъ произведено имъ за счетъ Залкинда не на 82 руб. 50 коп., какъ признаетъ послѣдній, а на 202 руб. 89 коп., и что процентовъ ему причитается не 361 руб. 39 коп., какъ считаетъ истецъ, а 718 руб., и изъ этихъ объясненій выводитъ, что не только онъ Залкинду ничего не состоитъ должнымъ, но напротивъ, послѣдній

долженъ ему 1.341 руб. 35 коп., каковою суммою Виссендорфъ и опредѣляетъ окончательно свой встрѣчный искъ, предоставляя Залкинду право получить долговые документы покупателей на сумму 1.091 руб. 52 коп. Такимъ образомъ оказывается, что споръ въ настоящемъ дѣлѣ сторонъ касается четырехъ статей, а именно: стоимости полученнаго на комиссію Виссендорфомъ товара; цѣны, за которую онъ могъ быть проданъ; количества расходовъ, и суммы процентовъ. Останавливаясь, прежде всего, на вопросѣ о томъ, какова должна быть признана стоимость переданнаго Залкиндомъ Виссендорфу на комиссію для продажи товара, Прав. Сенатъ находитъ, что хотя первоначально повѣренный Залкинда и спорилъ противъ выведенной Виссендорфомъ стоимости товара въ суммѣ 14.462 руб. 47 к., утверждая, что таковой стоилъ свыше 14.900 руб., но впослѣдствіи, а именно въ засѣданіи суда 16 марта 1893 г., заявилъ, что споръ относительно количества (стоимости) товара прекращаетъ, уменьшая искъ на ту сумму, на которую въ этомъ отношеніи была разница въ указаніяхъ истца и отвѣтчика, и поддерживаетъ споръ лишь о томъ, вправѣ ли былъ отвѣтчикъ продавать товаръ по тѣмъ цѣнамъ, которыя показаны въ его отчетѣ. А потому въ настоящее время Залкиндъ уже не вправѣ выводить стоимость отданнаго имъ Виссендорфу на комиссію товара въ большемъ, противъ показаннаго послѣднимъ, размѣрѣ, какъ онъ это дѣлаетъ въ своей апелляціонной по настоящему дѣлу жалобѣ, и стоимость этого товара должна быть принята, согласно вычисленію Виссендорфа, въ суммѣ 14.462 руб. 47 к. Равнымъ образомъ должна быть исправлена въ разсчетѣ Залкинда, согласно съ разсчетомъ Виссендорфа, и сумма признанныхъ имъ расходовъ, ибо самъ же повѣренный Залкинда въ томъ же засѣданіи суда 16 марта 1893 г., для устраненія существовавшаго несогласія въ показаніяхъ истца и отвѣтчика о количествѣ расходовъ (Залкиндъ признавалъ первоначально расходы въ суммѣ 82 руб. 50 коп., а Виссендорфъ исчислялъ ихъ въ суммѣ 202 руб. 89 коп.), согласился увеличить сумму признаваемыхъ имъ расходовъ на 120 руб. 39 коп. Что же касается вопроса о томъ, по какимъ цѣнамъ Виссендорфъ вправѣ былъ продавать товаръ, Прав. Сенатъ находитъ, что комиссіонеръ Виссендорфъ, утверждая, что въ силу состоявшагося между нимъ и его коммитентомъ Залкиндомъ соглашенія, симъ послѣднимъ, однако, вполнѣ отрицаемаго, онъ имѣлъ право продавать ввѣренный ему на комиссію товаръ съ значительно большими, чѣмъ признаетъ нынѣ Залкиндъ (10% о) уступками, что и выражено въ надписяхъ на нѣкоторыхъ квитанціяхъ—„цѣны не обязательны“, очевидно долженъ былъ доказать существованіе такого соглашенія. Въ доказательство сего онъ и сослался на указанныхъ имъ свидѣтелей. Между тѣмъ свидѣтели эти, допрошенные судомъ подъ присягою, сдѣланной на нихъ ссылки не только не подтвердили, но дали показанія для Виссендорфа неблагопріятныя, а именно: свидѣтель Николай Семеновъ показалъ, что однажды Виссендорфъ потребовалъ отъ Залкинда сдѣлать надпись на на-

кладныхъ, что цѣны не обязательны; тогда же между ними шли переговоры о томъ, чтобы Виссендорфу было разрѣшено сдѣлать незначительныя скидки на товаръ противъ тѣхъ цѣнъ, которыя показаны въ накладныхъ. Залкиндъ тогда согласился на это, тѣмъ болѣе, что Виссендорфъ убѣдилъ Залкинда, что если на нѣкоторые сорта имъ будетъ сдѣлана незначительная скидка, то другой сортъ можетъ быть проданъ дороже; онъ, свидѣтель, убѣжденъ былъ, что переговоры эти касались лишь незначительной скидки, такъ какъ Виссендорфъ говорилъ Залкинду о скидкѣ примѣрно отъ 5 до 10 коп. съ рубля, но не болѣе. Другой свидѣтель—Рефельдъ, хотя и не могъ удостовѣрить, въ какомъ именно размѣрѣ предоставлено было Залкиндомъ Виссендорфу дѣлать скидку на товаръ при его продажѣ, тѣмъ не менѣе показалъ, что при немъ, свидѣтелѣ, Залкиндъ нѣсколько разъ напоминалъ Виссендорфу о продажѣ его товара по возможности выгодно. Наконецъ, свидѣтель Василій Семеновъ показалъ, что онъ, свидѣтель, по порученію Виссендорфа, ходилъ къ Залкинду спрашивать, можно ли продавать товаръ по тѣмъ цѣнамъ, которыя предлагались покупателями; на это Залкиндъ согласія не далъ, а отвѣтилъ: „такъ какъ Виссендорфъ не возвращаетъ ему товаръ, то можетъ продавать его, какъ угодно“. Изъ показаній этихъ свидѣтелей, такимъ образомъ, несомнѣнно вытекаетъ, что хотя Виссендорфу при продажѣ товара Залкинда и предоставлено было право не руководствоваться строго цѣнами, указанными ему Залкиндомъ, но не безусловное, какъ утверждаетъ Виссендорфъ, а лишь въ извѣстныхъ размѣрахъ — до 10% съ означенныхъ цѣнъ, какъ то и признается нынѣ самимъ Залкиндомъ, и во всякомъ случаѣ, устраиваясь такъ, чтобы въ конечномъ результатѣ по возможности выручить нормальную стоимость всего товара. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что за непредставленіемъ Виссендорфомъ никакихъ другихъ въ семъ отношеніи доказательствъ, слѣдуетъ признать объясненіе его относительно права на уступку болѣе 10% съ цѣнъ товара Залкинда незаслуживающимъ уваженія; 2) что независимо отъ сего, какъ можно вывести изъ показаній допрошенныхъ по дѣлу свидѣтелей, по качеству своему товаръ Залкинда въ общемъ не могъ вызывать необходимости въ чрезмѣрныхъ скидкахъ, такъ какъ въ общемъ былъ хорошъ, а если иногда и обладалъ нѣкоторыми недостатками, то зависѣвшими не отъ фабричной его выдѣлки, а отъ болѣе или менѣе небрежнаго храненія его въ складѣ Виссендорфа; 3) что сами по себѣ цѣны, проставленныя въ отчетѣ комиссіонера, безъ подтвержденія ихъ надлежащими оправдательными документами, никакого обязательнаго значенія для коммитента имѣть не могутъ,—Прав. Сенатъ находитъ, что продажныя цѣны на товаръ, показанныя Залкиндомъ въ его разсчетѣ, съ которыхъ имъ сдѣлана нынѣ общая скидка въ 10%, за непредставленіемъ никакихъ противныхъ сему со стороны Виссендорфа доказательствъ, должны быть признаны для сего послѣдняго обязательными. А такъ какъ Виссендорфъ не отрицаетъ того, что въ настоящее время товаръ имъ весь проданъ, права же своего на продажу товара

въ кредитъ, вопреки объясненію Залкинда о томъ, что ему разрѣшено было продавать товаръ лишь за наличныя деньги, онъ ничѣмъ не доказалъ, то онъ и долженъ быть признанъ обязаннымъ уплатить Залкинду исчисленную имъ продажную цѣну товара со сдѣланной съ этой цѣны 10% скидкой въ полной суммѣ. Наконецъ, относительно процентовъ, Прав. Сенатъ находитъ, что таковые за сдѣланные Виссендорфомъ авансы вычтены Залкиндомъ въ его разсчетѣ изъ той суммы, которую долженъ былъ Виссендорфъ выручить за товаръ; того же, чтобы проценты эти слѣдовали ему въ большемъ противъ исчисленія Залкинда размѣрѣ, Виссендорфъ въ предѣлахъ настоящаго производства ничѣмъ не доказалъ. Въ силу изложенныхъ соображеній и такъ какъ никакихъ доказательствъ тому, чтобы Залкиндомъ получено былъ отъ него наличными деньгами и товарами болѣе утверждаемыхъ послѣднимъ суммъ Виссендорфъ не представилъ, то разсчетъ Залкинда, приведенный имъ въ апелляціонной жалобѣ, со внесеніемъ въ него вышеуказанныхъ поправокъ, выразится въ слѣдующихъ цифрахъ: доставлено Виссендорфу товара, за вычетомъ возвращеннаго, на 14.462 руб. 47 к.; вычитается 10% скидки—1.446 руб. 20 к.; остатокъ 13.016 руб. 27 к.; получено деньгами 7.576 руб.; признано расходовъ Виссендорфа на 202 руб. 89 к.; получено товаромъ 591 руб.; комиссія 5% суммы 13.016 руб. 27 к. — 650 руб. 81 к.; проценты 361 руб. 39 к., а всего 9.382 руб. 09 к.; вычитая же эту сумму изъ 13.016 руб. 27 к., получается 3.634 руб. 18 к., въ каковой суммѣ искъ Залкинда, какъ надлежащимъ образомъ Виссендорфомъ не опровергнутый, и долженъ быть признанъ подлежащимъ удовлетворенію. За таковымъ же разрѣшеніемъ первоначальнаго иска Залкинда отпадаетъ самъ собою основанный на противоположномъ сему выводѣ встрѣчный искъ Виссендорфа, не говоря уже о томъ, что не только изъ представленныхъ Виссендорфомъ, имъ самимъ составленныхъ и потому для Залкинда, какъ уже указано, вовсе не обязательныхъ отчетовъ не видно, откуда онъ выводитъ отыскиваемую имъ съ Залкинда сумму 1.341 руб. 32 к., но онъ даже не объяснилъ, изъ чего именно эта сумма слагается, вслѣдствіе чего не представляется возможности даже и провѣрить правильность искового его требованія. По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ Прав. Сенатъ рѣшеніе Спб. Ком. Суда отмѣнилъ и присудилъ съ Виссендорфа въ пользу Залкинда 3.634 руб. 18 к. съ процентами со дня предъявленія иска; во встрѣчномъ искѣ Виссендорфа съ Залкинда отказалъ (1895 г., № 328).

67|49. Собственникомъ отданнаго на комиссію для продажи товара до воспослѣдованія продажи его комиссіонеромъ остается коммитентъ, который и несетъ рискъ по этому товару. Комиссіонеръ, не будучи въ состояніи продать товаръ по назначенной цѣнѣ, можетъ, отказа-

вшись отъ дальнѣйшаго исполненія комиссіи, возвратить его обратно коммитенту.

Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что искъ свой съ Россійскаго Торговаго и Комиссіоннаго Банка 9.625 руб. стоимости 35 акцій названнаго Банка Брусницынъ основываетъ на томъ, что Банкъ, принявъ отъ него въ январѣ 1891 г. на комиссію для продажи сказанныя 35 акцій, порученія сего не исполнилъ и въ настоящее время акціи эти Брусницыну возвращаетъ. Ссылаясь на то, что по постановленію общаго собранія акціонеровъ Банка отъ 9 декабря 1890 г. неоплаченныя до 28 февраля 1891 г. установленнымъ дополнительнымъ взносомъ въ 62 р. 50 к. акціи, къ числу каковыхъ принадлежатъ и упомянутыя его, Брусницына, 35 акцій, признаны недѣйствительными и замѣнены новыми, Брусницынъ, признавая Банкъ виновнымъ въ обезцѣненіи его акцій, и взыскиваетъ съ Банка, какъ съ своего комиссіонера, нанесшаго ему своими дѣйствіями имущественный ущербъ, стоимость этихъ акцій, какую онѣ имѣли во время дачи имъ Банку порученія о ихъ продажѣ. Такимъ образомъ, основаніемъ иска Брусницына къ Банку, въ томъ видѣ, какъ онъ формулируется истцомъ, служатъ комиссіонныя его отношенія къ послѣднему по продажѣ процентныхъ бумагъ. При такомъ своемъ основаніи искъ этотъ несомнѣнно долженъ быть признанъ неподлежащимъ удовлетворенію по слѣдующимъ соображеніямъ: прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что опредѣленіе извѣстныхъ юридическихъ отношеній сторонъ и возникающихъ изъ нихъ правъ и обязанностей зависитъ исключительно и только отъ самаго существа этихъ отношеній, а не отъ того или другого случайнаго положенія личности самихъ контрагентовъ, вслѣдствіе чего для разрѣшенія настоящаго иска Брусницына къ Банку, какъ коммитента къ комиссіонеру, совершенно безразлично, что комиссіонеромъ Брусницына въ данномъ случаѣ былъ именно Россійскій Торговый и Комиссіонный Банкъ, акціи котораго были поручены Брусницинымъ Банку для продажи, а не какой либо другой контрагентъ. Изъ самаго же существа комиссіонныхъ отношеній вытекаетъ, съ одной стороны, что собственникомъ отданнаго на комиссію для продажи имущества,—въ данномъ случаѣ процентныхъ бумагъ,—до воспослѣдованія самой продажи ихъ комиссіонеромъ остается коммитентъ, а потому и рискъ за всѣ случайныя и независящія отъ воли комиссіонера измѣненія, которыя по свойству своему можетъ претерпѣть отданное на комиссію имущество, лежитъ исключительно на немъ одномъ, а съ другой, что комиссіонеръ, не будучи въ состояніи продать порученные ему товары или процентныя бумаги по назначенной цѣнѣ, можетъ, отказавшись отъ дальнѣйшаго исполненія комиссіи, возвратить таковые обратно коммитенту, и сей послѣдній въ такомъ случаѣ очевидно не вправѣ требовать отъ комиссіонера уплаты ему той стоимости таковыхъ, которую они имѣли во время дачи порученія, ибо комиссіонеръ не купилъ ихъ у него по опредѣ-

ленной цѣнѣ, а принялъ только порученіе продать третьему лицу, и противное сему толкованіе шло бы прямо въ разрѣзъ съ самымъ существомъ комиссіонныхъ отношеній. Засимъ въ случаѣ, если бы комиссіонеръ нерадивостью или упущеніемъ своимъ по продажѣ порученнаго имущества нанесъ коммитенту какіе-либо убытки, то сей послѣдній могъ бы отыскивать лишь таковые, очевидно, доказавъ притомъ, что убытки эти произошли отъ дѣйствій или упущеній именно его комиссіонера. Примѣняя эти общія положенія къ настоящему дѣлу, слѣдуетъ признать: 1) что за представившеюся для Банка, какъ комиссіонера Брусницына, невозможностью продать порученныя ему 35 акцій по назначенной цѣнѣ, вслѣдствіе утраты ими ихъ первоначальной стоимости и притомъ по совершенно случайному и отъ Банка, какъ комиссіонера, вовсе независѣвшему обстоятельству—постановленію общаго собранія акціонеровъ—Банкъ былъ вправѣ возвратить эти акціи своему коммитенту, и 2) что такъ какъ Брусницынъ, по собственному заявленію его повѣреннаго въ апелляціонной жалобѣ, убытковъ съ Банка отъ непродажи этихъ акцій вовсе не взыскиваетъ, онъ не вправѣ и простирать къ Банку по бывшимъ между ними комиссіоннымъ отношеніямъ никакихъ требованій. Если же засимъ Брусницынъ, какъ собственникъ 35 акцій Россійскаго Торговаго и Комиссіоннаго Банка, считаетъ права свои нарушенными постановленіемъ общаго собранія акціонеровъ Банка отъ 9 декабря 1890 г. относительно дополнительнаго на каждую акцію взноса и послѣдствій неисполненія сего со стороны владѣтелей акцій, и такимъ образомъ права свои на составляющую предметъ его иска сумму выводитъ изъ незаконности и необязательности для него этого постановленія, ничего общаго съ дѣятельностью Банка, какъ его бывшаго комиссіонера, не имѣющаго,—то, очевидно, это будетъ уже совершенно самостоятельное основаніе его иска, правильность котораго должна обсуждаться уже не на основаніи комиссіонныхъ отношеній, а на основаніи отношеній Брусницына къ Россійскому Торговому и Комиссіонному Банку, какъ акціонера, владѣющаго извѣстнымъ количествомъ акцій, къ акціонерному обществу, а по сему въ предѣлахъ настоящаго производства по иску Брусницына къ Банку, какъ комиссіонера къ коммитенту, разсмотрѣнію не подлежитъ. Признавая по изложеннымъ соображеніямъ отказъ Спб. Ком. Суда Брусницыну въ его настоящемъ искѣ съ Россійскаго Торговаго и Комиссіоннаго Банка 9.625 руб. съ % вполнѣ правильнымъ,—Прав. Сенатъ состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе Спб. Ком. Суда утвердилъ (1892 г., № 1514).

68|50. Коммитентъ, какъ собственникъ отданныхъ комиссіонеру для продажи товаровъ, имѣетъ право во всякое время, до воспослѣдованія продажи ихъ комиссіонеромъ, требовать возврата ему таковыхъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Ком. Судъ удовлетворилъ искъ Мысакова объ обязаніи отвѣтчика Кондо возвратить ему отданные имъ послѣднему въ концѣ 1891 г. на комиссію для продажи 4 вагона аниса, приблизительно 2.400 пуд. и симъ послѣднимъ однако до настоящаго времени (октябрь 1892 г.) еще не проданные. Обращаясь къ обсужденію этого вопроса, Прав. Сенатъ находитъ, что такъ какъ каждый договоръ комиссіи (препорученія) заключается главнымъ образомъ въ интересахъ коммитента и таковой его характеръ нисколько не измѣняется отъ того обстоятельства, что комиссіонеръ за свой трудъ по исполненію данной ему комиссіи получаетъ извѣстное вознагражденіе, ибо право на такое вознагражденіе принадлежитъ комиссіонеру только послѣ дѣйствительнаго исполненія всей или части комиссіи, то коммитенту, какъ безусловному притомъ собственнику отданныхъ комиссіонеру для продажи товаровъ, должно принадлежать несомнѣнно право во всякое время взять обратно данную ему комиссію и требовать возврата переданныхъ ему по этой комиссіи вещей, разъ таковыя комиссіонеромъ еще не проданы и находятся въ его распоряженіи. Признавая посему противные изложеннымъ, вытекающимъ изъ самаго существа договора комиссіи, соображеніямъ доводы апеллятора не заслуживающими уваженія и принимая во вниманіе: 1) что утверждаемый отвѣтчикомъ Кондо фактъ продажи уже имъ отыскиваемыхъ съ него истцомъ 4 вагоновъ около 2.400 п. аниса, данныхъ ему, какъ видно изъ его же счета, на комиссію, рѣшительно ничѣмъ съ его стороны не доказанъ, тогда какъ это лежало на прямой его, въ силу ст. 139 т. XVI ч. 2, обязанности и таковыя доказательства, если бы продажа эта дѣйствительно уже имѣла мѣсто, должны находиться у него въ наличности и даже помимо иска подлежали представленію коммитенту; 2) что засимъ если у Кондо, какъ комиссіонера Мысакова, имѣлись какія-либо къ послѣднему по этой комиссіи требованія, то онъ всегда могъ таковыя, надлежащимъ образомъ однако доказанныя, противупоставить предъявленному къ нему Мысаковымъ иску, заключался ли таковой въ требованіи возврата отданнаго на комиссію товара или во взысканіи стоимости такового, безразлично; 3) что между тѣмъ и объясненія Кондо о наличности у него подобныхъ требованій къ Мысакову равнымъ образомъ вполнѣ голословны и не подкрѣплены никакими доказательствами,—Прав. Сенатъ признаетъ при такихъ условіяхъ составляющій предметъ дѣла искъ Мысакова къ Кондо, какъ ничѣмъ со стороны послѣдняго доказательно неопровергнутый, подлежащимъ удовлетворенію, а засимъ и постановленное въ этомъ смыслѣ рѣшеніе Таганрогскаго Ком. Суда отмѣнѣ не подлежащимъ (1894 г., № 351).

69 51. Торговыя книги хотя бы и умершаго купца могутъ быть истребованы судомъ лишь въ случаяхъ, въ

ст. 617 Уст. Торг. указанныхъ. Правила о наемныхъ приказчикахъ простираются только на такихъ комиссіонеровъ, которые уполномочиваются довѣренностью на производство торга. Годичный срокъ на предъявленіе исковъ о разсчетахъ къ комиссіонерамъ не примѣнимъ.

По закону (ст. 617 Уст. Торг.) предъявленіе торговыхъ книгъ, составляющихъ ненарушимую коммерческую тайну, въ судъ для разрѣшенія гражданскаго дѣла отдано на полную волю хозяина, изъ какового общаго правила законъ дѣлаетъ исключеніе лишь для случаевъ спора о наслѣдствѣ или по товариществу, составленному на основаніи ст. 67—86 Уст. Торг., или для случая несостоятельности (ст. 618). Примѣненіе сего закона, очевидно, должно имѣть мѣсто не только тогда, когда во главѣ предпріятія находится хозяинъ собственникъ, но и въ томъ случаѣ, когда послѣ смерти купца предпріятіе его переходитъ въ завѣдываніе опекуна, который по управленію имуществомъ умершаго занимаетъ мѣсто хозяина, а, слѣдовательно, отъ него только и зависитъ представить или не представить торговыя книги, относящіяся до опекаемаго имъ имущества, въ судъ по гражданскому дѣлу, тѣмъ болѣе, что торговое предпріятіе умершаго можетъ требовать сохраненія коммерческой тайны не въ меньшей степени, чѣмъ при жизни купца-хозяина. Посему и такъ какъ составляющій предметъ настоящаго дѣла искъ Келеповской къ опекуну надъ имуществомъ Лучича не заключается ни въ спорѣ о наслѣдствѣ, ни въ спорѣ по торговому товариществу, Прав. Сенатъ не можетъ не признать заключеніе Одесскаго Ком. Суда объ отказѣ повѣренному Келеповской въ удовлетвореніи ходатайства его объ истребованіи отъ опеки Лучича торговыхъ книгъ Лучича вполнѣ правильнымъ. Обращаясь засимъ къ разсмотрѣнію существа исковыхъ требованій Келеповской къ опекѣ Лучича, Прав. Сенатъ находитъ, что представленными въ Ком. Судъ письмами Лучича къ Келеповской долженъ быть признанъ установленнымъ тотъ утверждаемый истицею фактъ, что Лучичъ состоялъ комиссіонеромъ Келеповской по операціямъ продажи въ Одессѣ ея зерновыхъ продуктовъ. Хотя повѣренный опеки Лучича и заявляетъ, что послѣдній былъ въ сущности не комиссіонеромъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а лишь комиссіонеромъ-приказчикомъ Келеповской, вслѣдствіе чего послѣдняя, согласно ст. 53 и 31 Уст. Торг. утратила право иска съ Лучича взыскиваемыхъ ею денегъ, за пропускомъ установленнаго для разсчетовъ хозяина съ приказчикомъ годичнаго срока, но такія объясненія просителя представляются неосновательными по слѣдующимъ соображеніямъ: по смыслу ст. 53 Уст. Торг., правила о наемныхъ приказчикахъ простираются на такихъ комиссіонеровъ, кои отъ купцовъ уполномочиваются довѣренностью на производство торга или на управленіе торговыми дѣлами, въ настоящемъ же случаѣ повѣренный опеки Лучича не только ничѣмъ не до-

казалъ, чтобы такого рода довѣренность была выдана Лучичу Келеповскою, но даже вовсе этого не утверждаетъ; но независимо отъ сего, по буквальному содержанію приведенной ст. 53 Уст. Торг. правила о приказчикахъ распространяются на упомянутыхъ въ ней лицъ лишь въ отношеніи отчетовъ, храненія и сбереженія товаровъ, наблюденія выгодъ и предостереженія отъ убытковъ хозяина, но вовсе не въ отношеніи срока для предъявленія взаимныхъ исковъ (ст. 31), каковой срокъ, исчисляясь отъ минованія срока служенія, уже по одной этой причинѣ не можетъ быть примѣняемъ къ комиссіонерамъ, какъ не находящимся въ услуженіи у своихъ коммитентовъ. Признавъ посему объясненія просителя о пропускѣ Келеповскою срока на предъявленіе къ Лучичу составляющаго предметъ дѣла иска неуважительными, а засимъ искъ этотъ по обстоятельствамъ дѣла доказаннымъ,—Прав. Сенатъ удовлетворилъ таковой въ суммѣ 13.142 р. 81 к. (1889 г., № 783).

70|52. Право комиссіонера на полученіе за свои труды, помимо комиссіоннаго вознагражденія, еще особаго вознагражденія въ видѣ разницы на курсѣ, не составляя необходимой принадлежности договора комиссіи, само собою не предполагается, а посему для признанія за комиссіонеромъ подобнаго права необходимо, чтобы существованіе его было точно по дѣлу доказано, тѣмъ болѣе, что разница въ курсѣ и по общему комиссіонному праву, по которому всѣ выгоды отъ заключенныхъ при посредствѣ комиссіонеровъ сдѣлокъ падаютъ на долю коммитента, и по торговому обычаю въ Одессѣ, существованіе коего установлено членами отъ купечества, принимавшими участіе въ разрѣшеніи настоящаго дѣла, принадлежитъ коммитенту. Расходы по складу и помѣщенію принятаго на комиссію товара составляютъ неизбѣжные, сопряженные съ комиссіею расходы, подлежащіе возмѣщенію со стороны коммитента. Несвоевременная высылка комиссіонеромъ денегъ за проданный товаръ не влечетъ за собою лишенія комиссіонера комиссіоннаго вознагражденія, а даетъ коммитенту лишь право взыскивать съ комиссіонера убытки, отъ такой несвоевременной высылки ему денегъ происшедшіе (1888 г., № 126).

71|53. Коль скоро вознагражденіе комиссіонера опредѣлено соглашеніемъ съ „продажныхъ“, а не прейскурантныхъ цѣнъ, то весь полученный противъ этихъ послѣднихъ излишекъ долженъ поступить къ коммитенту, какъ

собственнику товара. Примѣненіе *обычая* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отношенія сторонъ устанавливаются спеціальнымъ договоромъ, не можетъ имѣть мѣста (1893 г., № 806).

72|54. По существующему въ торговомъ быту обычаю плата за провозъ товара не ставится на счетъ коммитента, когда комиссіонеру предоставлено продавать товаръ лишь не ниже тѣхъ цѣнъ, какія указаны коммитентомъ, причемъ комиссіонеръ не лишенъ права продавать его и за высшія цѣны, въ каковыхъ случаяхъ вырученный излишекъ идетъ въ пользу комиссіонера (1890 г., № 768).

73|55. Комиссіонеръ, выдавшій коммитенту подъ порученный ему послѣднимъ товаръ авансъ въ видѣ ссуды или расходовъ, имѣетъ въ силу этихъ кредиторскихъ его къ коммитенту отношеній право удержанія и право заклада на товарѣ коммитента, наличность котораго въ его рукахъ и служитъ для комиссіонера основаніемъ къ выдачѣ коммитенту ссуды. Въ виду сего, если коммитентъ отказывается уплатить комиссіонеру, при требованіи его о томъ, полученный подъ товаръ авансъ, комиссіонеръ имѣетъ право обратить взысканіе по своему требованію на этотъ товаръ. Что же касается *способа осуществленія комиссіонеромъ этого права*, то въ этомъ отношеніи нельзя установить того общаго правила, что комиссіонеръ для удовлетворенія своего требованія изъ обезпечивающаго оное товара коммитента долженъ непремѣнно обратиться съ ходатайствомъ о томъ въ судебное мѣсто, потому что въ иныхъ случаяхъ эта послѣдняя обязанность лишала бы всякаго значенія разсматриваемое право комиссіонера-кредитора, такъ какъ до того, когда право его на обращеніе взысканія по претензіи къ коммитенту на товаръ послѣдняго будетъ установлено судомъ, стоимость этого товара можетъ настолько уменьшиться вслѣдствіе естественной порчи или измѣненія рыночныхъ цѣнъ, что ею не будетъ покрываться претензія комиссіонера, а между тѣмъ эта послѣдняя увеличивалась бы новыми непроизводительными расходами комиссіонера на храненіе товара. Посему, разъ въ отношеніи даннаго товара возможны уменьшеніе его стоимости и увеличеніе лежащихъ на немъ расходовъ, то за комиссіонеромъ должно быть признано право, по предупрежденіи о томъ коммитента и неполученіи отъ него никакихъ дальнѣйшихъ инструкцій, распорядиться своею властью съ товаромъ, обезпечивающимъ выданные имъ коммитенту авансы, причемъ, очевидно, комиссіонеръ является отвѣтственнымъ за всякое свое неправильное дѣйствіе, нанесшее ущербъ коммитенту должнику. За комиссіонеромъ, выдавшимъ авансъ подъ товаръ коммитента, должно быть признано *право страховать* отъ огня за счетъ коммитента этотъ товаръ, служащій обезпеченіемъ

ссуженныхъ имъ коммитенту денегъ. То обстоятельство, что товаръ проданъ комиссіонеромъ по своему усмотрѣнію въ виду отказа коммитента погасить выданный ему авансъ, не можетъ лишить комиссіонера причитающагося ему по этой продажѣ комиссіоннаго *вознагражденія*, ибо эта продажа была учинена имъ все по той же порученной ему комиссіи хотя и ради погашенія долга коммитента, отъ котораго зависѣло, буде не желалъ, не допускать этой продажи путемъ удовлетворенія законнаго требованія его комиссіонера; не исполняя своей обязанности уплатить выданный ему авансъ, коммитентъ, очевидно, не могъ этимъ освободить себя отъ другой своей обязанности уплатить комиссіонеру комиссію (опр. 25 апрѣля 1896 г., № 462, по д. Померанца съ „Фолькманъ и Рунге“). Ср. № 45, сб. Нос. I, 364, 376; относ. страхов. I, 366; относ. возн. V, 115, 119, 120.

74|56. Комиссіонеръ, не будучи вслѣдствіе утверждаемой имъ порчи товара въ пути въ состояніи исполнить порученіе о продажѣ такового по существующимъ на заграничномъ рынкѣ цѣнамъ и продавая товаръ по значительно меньшимъ цѣнамъ, долженъ прежде всего надлежащимъ образомъ, путемъ экспертизы на мѣстѣ прибытія товара, установить какъ самый фактъ порчи его, такъ и степень таковой, сообразно чему только и возможно бы было опредѣлить соотвѣтствіе продажныхъ цѣнъ оказавшемуся на мѣстѣ продажи достоинству товара. Представленіе такихъ доказательствъ лежитъ на прямой обязанности комиссіонера, обязаннаго строгою отчетностью въ своихъ дѣйствіяхъ передъ вѣрителемъ своимъ—коммитентомъ, дабы устранить всякую возможность предположенія о произвольности и несогласіи съ интересами коммитента своихъ операцій съ ввѣреннымъ ему на комиссію товаромъ (1896 г., № 354).

75|57. По буквальному смыслу ст. 53 Уст. Торг., правила о наемныхъ приказчикахъ распространяются на упомянутыхъ въ ней лицъ лишь въ отношеніи отчетовъ, охраненія и сбереженія товаровъ, наблюденія выгодъ и предостереженія отъ убытковъ хозяина, но вовсе не въ отношеніи срока для предъявленія взаимныхъ исковъ (ст. 31), каковой срокъ, исчисляясь отъ минованія срока служенія, уже по одной этой причинѣ не можетъ быть примѣняемъ къ комиссіонерамъ, какъ не находящимся въ услуженіи у своихъ коммитентовъ (опр. 24 октября 1896 г., № 1065). См. сб. Нос. I, 375; IV, 92.

76|58. Коммитентъ, собственникъ товара самовольно заложеннаго комиссіонеромъ, имѣетъ право на полученіе товара отъ ссудодателя безъ взноса

послѣднему выданной комиссіонеру ссуды (Высоч. Утв. мн. Госуд. Сов. 17 окт. 1876 г., сб. Нос. I, № 383).

77|59. Договоръ комиссіи не имѣетъ никакой предписанной для него формы и существованіе его можетъ быть выводимо изъ корреспонденціи, торговыхъ счетовъ, книгъ и доказываемо свидѣтелями. Лицо, отдавшее товаръ на комиссію для продажи, не вправѣ, вопреки существовавшихъ комиссіонныхъ отношеній, отыскивать стоимость товара, а обязано по прекращеніи ихъ принять обратно оставшійся непроданнымъ товаръ. Но комиссіонеръ не доказавшій, что данный ему на комиссію товаръ находится налицо, обязанъ уплатить стоимость, которую таковой имѣетъ во время выполненія комиссіи (1890 г., № 768; сб. Вильсона I, № 150).

78|60. Комиссіонеры, въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ слова, ведутъ собственную торговлю и тѣмъ существенно отличаются отъ комиссіонеровъ-приказчиковъ, ведущихъ торгъ или управляющихъ торговыми дѣлами по довѣренности или договору найма; къ искамъ по дѣламъ между коммитентами и комиссіонерами спеціальная годичная давность не примѣнима, а примѣнима давность общая 10-лѣтняя (1888 г., № 284; 1909 г., № 1195).

79|61. При обыкновенныхъ комиссіонныхъ отношеніяхъ del credere (ручательство комиссіонера за платежеспособность контрагентовъ по покупкѣ комиссіоннаго товара передъ коммитентомъ) *не предполагается* (1889 г., № 419).

80|62. Коммитентъ хотя и можетъ требовать отъ комиссіонера отчета предварительно предъявленія къ нему опредѣленнаго иска, но можетъ этимъ правомъ и не воспользоваться, а предъявить искъ непосредственно о томъ, что ему причитается съ комиссіонера, причемъ вовсе не обязанъ указывать наряду съ этимъ, что съ него причитается комиссіонеру, такъ какъ предъявленіе о томъ требованія встрѣчнаго зависитъ отъ комиссіонера (1887 г., № 325; 1909 г., № 847).

81. *Гражданскій Кассаціонный Департаментъ* въ рѣшеніи 1911 г., № 26 установилъ слѣдующія общія положенія: 1) находящіеся въ распоряженіи комиссіонера товары, какъ данные ему препоручителемъ, такъ и купленные за его счетъ, составляютъ собственность препоручителя; 2) страхованіе комиссіоннаго имущества и вызываемыя имъ издержки

не обусловливаются самимъ исполненіемъ порученія, даннаго комиссіонеру; страхованіе имѣетъ въ виду снять рискъ съ препоручителя, обезпечить ему вознагражденіе за гибель или поврежденіе его имущества. Поэтому, если препоручитель находитъ это необходимымъ и желаетъ понести сопряженныя съ этимъ издержки, онъ долженъ поручить комиссіонеру застраховать данный ему на комиссію товаръ; 3) комиссіонеръ отвѣчаетъ за гибель или поврежденіе находящагося у него товара препоручителя, при недоказанности имъ происхожденія сего вреда отъ непредвидѣнныхъ или непредотвратимыхъ обстоятельствъ, и несетъ отвѣтственность также за убытки въ случаѣ незастрахованія имъ товара вопреки распоряженію препоручителя. Тоже: Гражд. Касс. 1912 г., № 32.

82. *Гражданскій Кассаціонный Деп.*, въ томъ же рѣшеніи 1912 г., № 32, разъяснилъ, что комиссіонеръ можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности за утрату ввѣреннаго ему имущества лишь при томъ условіи, если имъ доказана наличность такихъ обстоятельствъ, которыя подтверждаютъ отсутствіе всякой съ его стороны вины въ утратѣ означеннаго имущества.

Въ томъ же рѣшеніи *Гражд. Касс. Департаментъ* Правительствующаго Сената разрѣшилъ въ *утвердительномъ* смыслѣ вопросъ о томъ, вправѣ ли собственникъ утраченнаго банкомъ (комиссіонеромъ) долгового обязательства, не обратившись предварительно къ должнику съ требованіемъ объ уплатѣ долга по этому обязательству, предъявить къ этому банку непосредственно искъ о возмѣщеніи истцу означенной въ утраченномъ обязательствѣ суммы.

83. *Гражд. Касс. Деп.* въ рѣшеніи 19 сентября 1912 г., по дѣлу Кролика, разъяснилъ, что совершеніе кражи у лица, проживающаго въ чужой квартирѣ, прислугою квартирохозяина, не даетъ сему лицу права на искъ объ убыткахъ къ владѣльцу конторы для найма прислуги, рекомендовавшему хозяину квартиры прислугу, совершившую кражу.

ФИРМА.

84|63. Фирма есть внѣшнее названіе или имя, даваемое лицомъ, производящимъ торговлю, своему торговому дѣлу или предпріятію и которое обыкновенно принято прилагать и къ отдѣльнымъ предметамъ производства, по качеству которыхъ слагается между потребителями то или другое мнѣніе о самомъ производствѣ— его торговая репутація. Поэтому принятіе кѣмъ-либо по предпріятію однородному фирмы, по однозвучію или внѣшнему виду тождественной съ фирмою уже существующею, нарушаетъ интересы владѣльца этой фирмы, исключительное право пользованія которою подлежитъ возстановленію путемъ судебной защиты (4 Деп. Прав. Сената 1883 г. Дурунча, сб. Вильсона I, № 96, сравни въ томъ же сборникѣ № № 97 и 99 рѣш. Спб. Ком. Суда).

85|64. Право отдѣльнаго лица торговать подъ извѣстною фирмою можетъ быть предметомъ договора и притомъ не только письменнаго, но и словеснаго. Право на безусловное и безсрочное пользованіе фирмою должно быть вполнѣ точно по дѣлу доказано.

Разсмотрѣвъ наст. дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что кромѣ производства торговли на общемъ основаніи подъ собственнымъ именемъ и фамиліею торговый бытъ знаетъ и торговлю „подъ фирмою“, т. е. или подъ извѣстнымъ названіемъ или подъ какимъ-либо именемъ и фамиліей, независящими отъ имени или фамиліи хозяина торговаго предпріятія. Это явленіе, выработанное въ торг. быту и соотвѣтствующее его потребностямъ, закономъ не воспрещается, но вмѣстѣ съ тѣмъ торговое законодательство преподаетъ болѣе точныя правила для производства торговли „подъ фирмою“ лишь на тотъ случай, когда она производится товариществомъ въ той или другой его формѣ, на случай же производства торговли подъ фирмою единичнымъ лицомъ никакихъ спеціальныхъ постановленій

торговые законы въ себѣ не заключаютъ. Изъ сего слѣдуетъ заключить, что торговля единичнаго лица подъ какою-либо фирмою допускается закономъ настолько, насколько она не противна общимъ началамъ торговаго и гражданскаго быта, а засимъ и пріобрѣтеніе права торговать подъ какою-либо фирмою,—права, имѣющаго безъ сомнѣнія извѣстную имущественную цѣнность въ торговомъ мірѣ—можетъ совершаться всѣми тѣми способами, коими по закону вообще пріобрѣтаются права на движимое имущество, а въ томъ числѣ и путемъ договорнаго соглашенія. Признавая такимъ образомъ, что право отдѣльнаго лица торговать подъ извѣстною фирмою, какъ таковое, по нашему законодательству можетъ быть предметомъ договора частныхъ лицъ и притомъ, такъ какъ для пріобрѣтенія движимаго имущества вообще закономъ не установлено обязательной письменной формы договора,—не только въ письменной, но и въ словесной формѣ, Прав. Сенатъ вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ однако не обратить вниманія на то, что право торговать подъ фирмою представляется по самому существу своему правомъ не простымъ, а составнымъ, заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ весьма разнообразныхъ отдѣльныхъ правомочій, которыя иногда и не дозволено передавать путемъ одного словеснаго соглашенія контрагентовъ; далѣе, съ пріобрѣтеніемъ права на торговлю подъ чужою фирмою, почти неминуемо связано принятіе на себя многочисленныхъ обязательствъ по отношенію къ третьимъ лицамъ, что въ большей части случаевъ ведетъ къ необходимости изложенія сдѣлки о переходѣ фирмы письменно, по меньшей мѣрѣ въ формѣ оповѣщенія заинтересованныхъ лицъ или учрежденій; наконецъ нельзя упустить изъ виду, что при громадномъ значеніи, которое въ торговомъ быту, основанномъ въ значительной мѣрѣ на кредитѣ и личномъ довѣріи, имѣетъ торговая репутація, сдѣлкамъ о передачѣ права на торговлю „подъ фирмою“ присущъ не только имущественный, но и личный элементъ, вслѣдствіе чего лишь пріобрѣвшій право на фирму окончательно, безусловно и безсрочно можетъ быть признанъ лицомъ, имѣющимъ самостоятельное и независящее отъ прежняго собственника фирмы право на оную. Всѣ эти соображенія приводятъ Прав. Сенатъ къ заключенію, что во всѣхъ случаяхъ передачи однимъ лицомъ другому права на торговлю подъ его фирмою, а въ особенности, когда сдѣлка о семъ заключена лишь словесно, а слѣдовательно установленіе въ точности всѣхъ отдѣльныхъ условій уступки сопряжено съ значительными затрудненіями,—слѣдуетъ приступать съ величайшей осторожностью и строгостью къ провѣркѣ доказательствъ передачи права на фирму и условій этой передачи. Обращаясь съ этой точки зрѣнія къ обсужденію обстоятельствъ наст. дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что истецъ Робертъ Амлонгъ заявилъ требованіе о понужденіи отвѣтчика Л. Форштрема къ снятію съ своего магазина вывѣски съ его, истца, именемъ и фамиліею. Такъ какъ на общемъ основаніи Амлонгъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ исключительное право пользоваться своимъ именемъ и фамиліею, между прочимъ и на поприщѣ торго-

выхъ дѣйствій, а отвѣтчикъ могъ бы торговать подъ именемъ и фамиліею истца лишь съ согласія послѣдняго, или вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ тѣмъ или другимъ способомъ пріобрѣтенныхъ правъ по сему предмету, то очевидно, что исковое требованіе Амлонга, само по себѣ, представляется уважительнымъ и затѣмъ уже отъ отвѣтчика зависитъ подлежащими доказательствами подкрѣпить оспариваемое этимъ искомъ право свое на употребленіе имени и фамиліи истца на вывѣскѣ его, отвѣтчика, магазина; требовать же, наоборотъ, отъ истца доказательства отсутствія подобнаго права отвѣтчика немыслимо, ибо это значило бы требовать доказательства отрицательныя. Отвѣтчикъ Форштремъ право свое на употребленіе имени и фамиліи Амлонга на вывѣскѣ своего кофейнаго магазина основываетъ: а) на пріобрѣтеніи сего права безсрочно вмѣстѣ съ самимъ магазиномъ у Амлонга его, отвѣтчика, отцомъ Ю. Форштремомъ, и б) на томъ, что послѣ смерти сего послѣдняго, онъ, Л. Форштремъ, является по духовному завѣщанію наслѣдникомъ кофейнаго заведенія покойнаго, а слѣдовательно и права на употребленіе вывѣски сего заведенія „Робертъ Амлонгъ“; при этомъ въ доказательство продажи Амлонгомъ Ю. Форштрему кофейнаго заведенія вмѣстѣ съ правомъ на употребленіе фирмы „Робертъ Амлонгъ“ сослался на свидѣтелей Мейстера и Фехнера и на содержаніе поданнаго Амлонгомъ 19 апрѣля 1889 г. Московскому оберъ-полиціймейстеру прошенія. Приступая къ оцѣнкѣ сихъ доказательствъ, Прав. Сенатъ находитъ, что по показанію свидѣтеля Мейстера, Амлонгъ въ 1882 г., пригласивъ его къ себѣ, въ присутствіи Ю. Форштрема сказалъ ему: „я продаю Форштрему, Юлію Васильевичу, мое кофейное заведеніе со всею обстановкою, съ товаромъ и фирмою, и такъ какъ мы не заключаемъ никакого письменнаго условія, то я желаю, чтобы ты былъ свидѣтелемъ этой продажи“; въ концѣ своего показанія свидѣтель добавилъ, что подъ фирмою онъ и договорившіеся понимали названіе заведенія по фамиліи Амлонга, и что продажа фирмы не была сдѣлана на срокъ и не была поставлена въ зависимость отъ какого-либо условія. Затѣмъ свидѣтельница Фехнеръ показала, что при продажѣ кофейнаго заведенія (въ коемъ она служила) Ю. Форштрему, Амлонгъ просилъ ее остаться на время, причемъ добавилъ, что онъ оставляетъ при торговлѣ и свою фамилію. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что эти показанія хотя и говорятъ о передачѣ Амлонгомъ Ю. Форштрему вмѣстѣ съ кофейнымъ заведеніемъ и „фирмы“ его, т. е. вывѣски съ означеніемъ имени и фамиліи „Робертъ Амлонгъ“, однако, сами по себѣ, не могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ пріобрѣтенія Ю. Форштремомъ безсрочнаго и безусловнаго права на эту фирму, ибо въ тѣхъ словахъ Амлонга по поводу продажи магазина, которыя цитируетъ свидѣтель Мейстеръ, указанія на такое право нѣтъ, равно какъ и въ показаніи свидѣтельницы Фехнеръ; заявленіе же Мейстера, что „продажа фирмы не была сдѣлана на срокъ и не была поставлена въ зависимость отъ какого-либо условія“, представляется скорѣе заключеніемъ свидѣтеля, чѣмъ показаніемъ въ

точномъ смыслѣ слова, т. е. удостовѣреніемъ свидѣтеля о происшествіяхъ, имъ видѣнныхъ или слышанныхъ. Затѣмъ, что касается указываемаго отвѣтчикомъ прошенія Амлонга Московскому оберъ-полиціймейстеру отъ 19 апрѣля 1889 г., то и оно не доказываетъ передачи Амлонгомъ Ю. Форштрему права на употребленіе вывѣски съ фамиліей Амлонга безусловно и безсрочно, ибо заключаетъ въ себѣ лишь признаніе Амлонга, что онъ дозволилъ Форштрему употреблять на вывѣскѣ его фирму и медаль лишь до перваго его, Амлонга, требованія о снятіи ея. Выясняющееся же изъ сего прошенія обстоятельство о дозволеніи Ю. Форштрему лишь временно пользоваться фирмою Амлонга находитъ себѣ подтвержденіе и въ имѣющихся въ дѣлѣ письмѣ Ю. Форштрема Амлонгу отъ 20 іюля 1887 г. и прошеніи Амлонга въ Моск. почтамтъ отъ 31 мая 1886 г., такъ какъ въ первомъ Форштремъ проситъ Амлонга подачею надлежащаго заявленія въ почтамтъ устранить препятствія въ полученіи имъ корреспонденціи, адресованной въ магазинъ подъ фирмою Амлонга, причемъ, однако, не ссылается на какое-либо пріобрѣтенное имъ, Форштремомъ, самостоятельное право на фирму Амлонга, а жалуется лишь на недостатокъ довѣрія къ нему Амлонга, въ прошеніи же своемъ въ почтамтъ Амлонгъ проситъ корреспонденцію, адресованную въ магазинъ на его имя, выдавать по случаю его отъѣзда Л. Форштрему (а не Ю. Форштрему, купившему магазинъ) лишь до 1 сентября 1886 г. Между тѣмъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что при передачѣ Ю. Форштрему окончательно и безвозвратно права на торговлю подъ фирмою „Р. Амлонгъ“ однимъ изъ первыхъ распоряженій должно бы было быть заявленіе въ почтамтъ о выдачѣ впредь корреспонденціи на имя фирмы, и притомъ безъ срока Ю. Форштрему, а равно третьи лица, состоящія съ фирмою въ какихъ-либо торговыхъ и дѣловыхъ сношеніяхъ, должны бы были быть извѣщены о перемѣнѣ хозяина фирмы, о каковыхъ оповѣщеніяхъ, однако, не только нѣтъ доказательствъ въ дѣлѣ, но и со стороны Л. Форштрема даже и не упоминается. Такимъ образомъ, главное и основное положеніе отвѣтчика, а именно, что покойный отецъ и наслѣдодатель его Ю. Форштремъ пріобрѣлъ отъ истца Амлонга самостоятельное, безусловное и безсрочное право на употребленіе его фирмы „Р. Амлонгъ“ представляется по дѣлу неподкрѣпленнымъ надлежащими доказательствами, въ виду чего, очевидно, нѣтъ правильнаго основанія входить въ оцѣнку доказательствъ перехода подобнаго права по завѣщанію отъ Ю. къ отвѣтчику Л. Форштрему. На основаніи всего изложеннаго и принимая во вниманіе: 1) что данныя настоящаго дѣла указываютъ на то, что дозволеніе Амлонга Ю. Форштрему пользоваться на вывѣскѣ фирмою „Р. Амлонгъ“ было лишь временное, безъ точнаго опредѣленія срока пользованія уступленнымъ правомъ; 2) что при выразившемся въ наст. искѣ нежеланіи Амлонга допустить и впредь подобное дозволеніе настоящему владѣльцу купленнаго Ю. Форштремомъ кофейнаго магазина, отвѣтчику Л. Форштрему, послѣдній не вправѣ уже про-

должать торговать подъ вывѣскою „Робертъ Амлонгъ“,—Прав. Сенатъ приходитъ къ заключенію, что Моск. Ком. Судъ вполнѣ правильно обязалъ Форштрема снять съ его магазина вывѣску фирмы „Р. Амлонгъ“ (1891 г., № 1526).

86. Хотя фирма является прежде всего имущественнымъ правомъ, но несомнѣнно ей присущъ и элементъ личный, въ особенности когда она состоитъ въ одномъ фамильномъ имени. Соотвѣтственно сему нельзя безусловно отрицать права носителя фамиліи принять мѣры къ огражденію своего добраго имени на случай неблаговидной дѣятельности подъ его фирмою пріобрѣтателя таковой; мѣры эти должны, однако, выразиться въ требованіи прекратить такого рода дѣятельность, а не въ отрицаніи самаго права на пользованіе фирмою (1908 г., № 801).

87|65. Предоставленіе права пользованія фирмою не равносильно передачѣ права собственности на оную; отсутствіе при этомъ оговорки о сохраненіи этого послѣдняго права за собственникомъ не имѣетъ значенія.

Разсмотрѣвъ наст. дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что разрѣшенію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Моск. Ком. Судъ призналъ, что право собственности на спорную фирму „Е. О. Бавастро“ принадлежитъ отвѣтчикамъ Мигачеву и Круглову. Какъ видно изъ дѣла, заключеніе свое по сему предмету Ком. Судъ основываетъ на выданной истицею Элькенъ (по первому мужу Бавастро) 29 іюня 1881 г. роспискѣ на имя Кутюрье, полагая, согласно объясненіямъ отвѣтчиковъ, что роспискою этою удостовѣряется фактъ перехода права собственности не только на магазины, но и на спорную фирму. Между тѣмъ въ роспискѣ 29 іюня 1881 г. значится, что Элькенъ (Бавастро) выдала означенную росписку Кутюрье въ томъ, что при продажѣ ею Арнштаму движимаго имущества (магазиновъ) по явочному акту отъ 1 февраля 1878 г., она понимала и понимаетъ, что продала Арнштаму по тому акту не только движимое имущество, но и предоставила ему пользоваться означенными въ роспискѣ (а въ числѣ ихъ и спорною) фирмами, а также въ томъ, что для перехода этого права пользованія фирмами ея отъ Арнштама къ Кутюрье съ ея стороны препятствій не имѣется. Изъ точнаго смысла сей росписки явствуетъ, что Элькенъ по акту 1 февраля 1878 г. предоставила Арнштаму лишь право пользоваться фирмою ея, но не право собственности на эту фирму и что затѣмъ при продажѣ магазиновъ Арнштамомъ Кутюрье, выразила свое согласіе и на переходъ лишь того же права пользованія и къ Кутюрье. Повѣренный отвѣтчиковъ, Трутовскій, въ противность точному смыслу означенной росписки, полагаетъ, что содержаніе ея должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что

Элькенъ передала фирму Арнштаму въ собственность; такое толкованіе Трутовскій основываетъ на томъ, что Элькенъ не оговорила права своего распоряжаться фирмою и выражать согласіе на переходъ ея отъ одного лица къ другому и что въ теченіе 13 лѣтъ она ничѣмъ, будто бы, не проявила своего права собственности на эту фирму. Но эти соображенія Трутовскаго не могутъ быть признаны основательными. Спорная фирма представляетъ собою имя истицы и поэтому уже одному, доколѣ не будетъ доказано противное, фирма эта должна быть признаваема ея принадлежностью. Если же отвѣтчики Мигачевъ и Кругловъ утверждаютъ, что фирма эта принадлежитъ имъ, то не Элькенъ (Бавастро) обязана доказать, что ею сохранено право пользоваться фирмою своего имени, а отвѣтчики должны установить, что она отъ этого права отказалась и что фирма ея перешла въ ихъ собственность. Въ виду сего и при отсутствіи въ дѣлѣ точныхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ того, что Элькенъ передала право собственности на свою фирму, одно лишь то обстоятельство, что она, уступая только право пользованія этою фирмою, не оговорила принадлежащаго ей, какъ собственницѣ, и безъ всякой оговорки права распоряженія этою фирмою, не можетъ имѣть никакого значенія. Указаніе же Трутовскаго на то, будто Элькенъ въ теченіе 13 лѣтъ не проявляла своего права собственности на фирму—прямо опровергается фактомъ выдачи истицею Элькенъ той самой росписки отъ 29 іюня 1881 г., на которую ссылаются отвѣтчики. Очевидно, что если бы Арнштаму спорная фирма принадлежала въ собственность, то на передачу права пользованія ею Кутюрье не требовалось бы согласія Элькенъ и, наоборотъ, уже самый тотъ фактъ, что Кутюрье и Арнштамъ признали необходимымъ заручиться согласіемъ Элькенъ на этотъ переходъ, доказываетъ, что они, Кутюрье и Арнштамъ, не считали фирму собственностью послѣдняго. Въ виду сихъ соображеній признавая, что при недоказанности права собственности на спорную фирму Арнштама, должно быть признано недоказаннымъ право собственности на эту фирму и правопріемниковъ его, Кутюрье, а за нимъ и отвѣтчиковъ Мигачева и Круглова, и останавливаясь, наконецъ, на указаніи Трутовскаго на то, будто искъ Элькенъ къ Круглову и Мигачеву долженъ быть признанъ преждевременнымъ даже и въ томъ случаѣ, если признать, что Арнштамъ и Кутюрье имѣли лишь право пользованія, ибо въ такомъ случаѣ хозяиномъ является Кутюрье, Прав. Сенатъ находитъ, что это указаніе повѣреннаго отвѣтчиковъ не можетъ быть признано уважительнымъ, ибо съ одной стороны Элькенъ предоставила пользованіе фирмою не Мигачеву и Круглову, а только Кутюрье, какъ замѣстителю Арнштама, не давая ему, Кутюрье, права передавать пользованіе это третьимъ лицамъ, а съ другой и по отношенію къ Кутюрье Элькенъ не связала себя никакимъ срокомъ, и потому не можетъ быть лишена права во всякое время пользованіе это прекратить. По силѣ всего изложеннаго признавая искъ Элькенъ подлежащимъ удовлетворенію,—Прав. Сенатъ рѣшеніе Моск. Ком. Суда

отмѣнилъ и обязалъ Мигачева и Круглова снять съ торговаго ихъ помѣщенія вывѣску фирмы „Е. О. Бавастро“ (1892 г., № 191).

88|66. Пріобрѣтавшееся на основаніи срочныхъ договоровъ объ арендѣ торговаго заведенія право пользованія его фирмою права собственности на фирму установить не можетъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло Прав. Сенатъ находитъ, что разрѣшенію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Спб. Ком. Судъ призналъ Москвина неимѣющимъ права пользоваться фирмою „Иванъ Гладковъ“. Повѣренный Москвина, оспаривая правильность этого рѣшенія, основывается исключительно на томъ, что фирма „Иванъ Гладковъ“ пріобрѣтена Москвинымъ въ собственность отъ самого Гладкова по договору отъ 10 октября 1867 г. Но это объясненіе апеллятора не представляется уважительнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: какъ видно изъ дѣла, 20 апрѣля 1867 г. Иванъ Гладковъ заключилъ съ купцомъ Трофимомъ Ивановымъ и мѣщаниномъ Михаиломъ Москвинымъ договоръ, по коему отдалъ послѣднимъ въ арендное содержаніе, впредь на шесть лѣтъ, т. е. по 20 апрѣля 1873 г., съ платою по 4 т. руб. въ годъ, лавку въ Гостиномъ дворѣ подъ № 30, по Зеркальной линіи, для производства торговли чаемъ, сахаромъ и кофе, причемъ предоставилъ имъ пользоваться его, Гладкова, фирмою по торговлѣ, которая заключается въ вывѣскѣ, бланкахъ и счетахъ. Затѣмъ между тѣми же лицами было заключено 10 октября 1867 г. условіе, названное самими контрагентами „дополнительнымъ къ контракту, совершенному 20 апрѣля 1867 г.“, по которому Гладковъ продалъ Иванову и Москвину чайный товаръ, находящійся въ лавкѣ № 30 въ Гостиномъ дворѣ, по Зеркальной линіи и вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ фирму свою. Этимъ условіемъ контрагенты постановили, что всѣ требованія иногородныхъ покупателей, адресованныя на магазинъ Гладкова, равно повѣстки почтамта о явкѣ за полученіемъ денегъ, подлежатъ выдачѣ Иванову и Москвину, какъ новымъ владѣльцамъ магазина фирмы Гладкова, также адресованныя деньги и посылки на магазинъ Гладкова должны быть получаемы изъ Спб. почтамта самими Ивановымъ и Москвинымъ, или ихъ уполномоченными, безъ всякаго со стороны Гладкова участія. Такимъ образомъ буквальное содержаніе условія 10 октября 1867 г. показываетъ, что въ немъ собственно о передачѣ фирмы „Иванъ Гладковъ“ упоминается лишь въ поясненіе содержанія того договора, въ дополненіе коего оно заключено, т. е. договора 20 апрѣля 1867 г., а потому это послѣднее условіе отъ 10 октября 1867 г., само по себѣ, никакихъ новыхъ правъ противъ договора отъ 20 апрѣля 1867 г., въ отношеніи пріобрѣтенія фирмы для Иванова и Москвина установить вовсе не могло, а имѣло своею цѣлью слу-

жить лишь разъясненіемъ правъ, пріобрѣтенныхъ ими по договору отъ 20 апрѣля 1867 г., а именно разъясненіемъ того, что вслѣдствіе аренды у Гладкова лавки подъ № 30 вся переписка и всѣ требованія, а также деньги, адресованныя на магазинъ подъ фирмою Гладкова, должны быть получаемы не Гладковымъ, а ими, Ивановымъ и Москвинымъ, и при томъ не какъ новыми владѣльцами фирмы Гладкова, а какъ владѣльцами „магазина“ фирмы. Магазинъ же Гладкова былъ переданъ въ аренду Москвину и Иванову по договору 20 апрѣля 1867 г. на 6 лѣтъ, а, слѣдовательно, и предоставленное имъ однимъ изъ условій этого договора право пользованія фирмою магазина, очевидно, должно ограничиваться тѣмъ же срокомъ, на который заключенъ и весь договоръ. Оттого-то собственно и не предстояло контрагентамъ, вопреки мнѣнію апеллятора, никакой надобности упоминать въ условіи 10 октября о какомъ-либо срокѣ пользованія фирмою, такъ такъ срочность эта вытекаетъ уже изъ главнаго договора. Напротивъ того, если этимъ дополнительнымъ условіемъ установлялось безсрочное право пользованія фирмою, вопреки срочности всего главнаго договора, то обстоятельство это было бы несомнѣнно оговорено. Но лучшимъ подтвержденіемъ того, что и самъ Москвинъ послѣ совершенія условія 10 октября 1867 г. не считалъ себя собственникомъ означенной фирмы служитъ то обстоятельство, что въ 1881 г. (20 апрѣля), при возобновленіи аренднаго контракта на лавку въ Гостиномъ дворѣ № 30, Москвинъ при заключеніи на сей предметъ условія съ вдовою въ то время уже умершаго Гладкова, Любовью Ивановною Гладковою, коей по духовному завѣщанію покойнаго означенная лавка оставлена была въ пожизненное владѣніе, въ 8 пунктѣ означеннаго условія опять-таки выговорилъ себѣ право пользованія фирмою магазина, къ чему, очевидно, ему не предстояло бы никакой надобности, еслибы фирма уже была разъ навсегда пріобрѣтена имъ въ собственность съ 10 октября 1867 г., какъ это старается нынѣ доказать его повѣренный. Что же касается ссылки апеллятора на то, что въ заключенномъ Москвинымъ съ Ивановымъ 3 марта 1880 г. договорѣ, коимъ Ивановъ отказался отъ дальнѣйшаго участія въ общей его съ Москвинымъ торговлѣ въ магазанѣ № 30, контрагенты называютъ себя собственниками фирмы Гладкова, то таковая, очевидно, никакого для дѣла значенія имѣть не можетъ, тѣмъ болѣе, что, какъ уже указано, самъ Москвинъ при совершеніи новаго на аренду магазина договора въ 1881 г. себя собственникомъ фирмы вовсе не считалъ. Равнымъ образомъ не заслуживаетъ уваженія и объясненіе апеллятора о томъ, что будто бы самъ Гладковъ при жизни своей сознавалъ, что фирму свою онъ передалъ уже въ собственность Ивану Москвину, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ сдѣлалъ бы о ней распоряженіе въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Одно отсутствіе въ духовномъ завѣщаніи Гладкова какого-либо распоряженія на счетъ его фирмы, какъ принадлежности торговаго предпріятія вообще, завѣщаннаго имъ своимъ прямымъ наслѣдникамъ,

никоимъ образомъ не можетъ еще служить какимъ-либо доказательствомъ того, чтобы фирма была Гладковымъ отчуждена еще при жизни тому же именно Москвину. Напротивъ того, выраженное въ духовномъ завѣщаніи Гладкова желаніе, чтобы лавки его въ Гостиномъ дворѣ, а въ томъ числѣ и лавку подъ № 30, преимущественно пріобрѣли Москвинъ и Ивановъ, какъ лица признаваемыя имъ, вѣроятно, достойными продолжать его собственное торговое предпріятіе, скорѣе указываетъ на то, что фирма его въ то время никому отчуждена не была, и что Гладковъ именно желалъ видѣть Москвина и Иванова собственниками его фирмы, такъ какъ продолженіе торговаго предпріятія заключается, очевидно, не въ одномъ только продолженіи торговли въ томъ же помѣщеніи, хотя бы и подъ другою фирмою, а именно въ поддержаніи прежней фирмы. Наконецъ, представляется неосновательнымъ и послѣдній доводъ апеллятора о томъ, что Москвинъ пользуется фирмою на правѣ собственности уже болѣе 20 лѣтъ и такое пользованіе, согласно закону, дѣлаетъ Москвина собственникомъ оной, ибо все время, съ самаго 1867 г., Москвинъ, сперва совмѣстно съ Ивановымъ, а съ 3 марта 1880 г. одинъ, пользовался этою фирмою на основаніи срочныхъ договоровъ объ арендѣ принадлежавшей Гладкову лавки въ Гостиномъ дворѣ подъ № 30, предоставлявшихъ ему право пользованія этою фирмою въ теченіе срока каждаго изъ договоровъ, подобнаго же рода пользованіе, очевидно, никогда права собственности установить не можетъ. Признавая по всѣмъ симъ соображеніямъ право собственности Москвина на фирму „Иванъ Гладковъ“ ничѣмъ по дѣлу недоказаннымъ, а потому и помѣщенную Пискаревымъ въ договорѣ его съ Шубиной-Поздѣевой оговорку о передачѣ ей фирмы Ивана Гладкова „если таковая не передана самимъ Гладковымъ въ собственность кому-либо другому“, не имѣющею для настоящаго дѣла никакого значенія, Прав. Сенатъ рѣшеніе Спб. Ком. Суда, коимъ Москвинъ признанъ неимѣющимъ права пользоваться фирмою „Иванъ Гладковъ“, оставилъ въ силѣ (1890 г., № 871).

89. По иску Г. къ С. о признаніи недѣйствительнымъ договора въ части, касающейся передачи въ собственность и предоставленія С. права пользоваться фирмою Г. и о воспрещеніи С. пользоваться означенной фирмой,— Правительствующій Сенатъ принявъ во вниманіе: 1) что право пользоваться фирмою представляетъ въ торговомъ быту извѣстную имущественную цѣнность; 2) что, поэтому, право это можетъ быть предметомъ всякаго рода соглашеній, лишь бы послѣднія не были противны общимъ началамъ торговаго и гражданскаго быта, и 3) что обсуждаемое соглашеніе сторонъ, согласно которому С. лишается права пользоваться фирмою въ случаѣ неоплаты имъ одного изъ векселей, выданныхъ за проданныя ему предпріятіе и фирму, придало праву пользоваться фирмою характеръ цѣнности, которая должна служить неустойкою,

на случай неисправности отвѣтчика, — пришелъ къ выводу, что требованіе о лишеніи отвѣтчика права пользоваться фирмою можетъ быть предметомъ самостоятельнаго иска, внѣ требованія объ уничтоженіи сдѣлки полностью (1911 г., № 2207).

90|67. Правительствующій Сенатъ призналъ, что *доказательствомъ права пользованія фирмою могутъ служить лишь документы, удостовѣряющіе пріобрѣтеніе правъ на фирму отъ перваго ея владѣльца.* Находя, затѣмъ, отсутствіе у Александра Мари права пользоваться фирмою „Поль Мари“—установленнымъ по дѣлу, Правительствующій Сенатъ находитъ незаслуживающимъ уваженія указаніе апеллятора на то, что фирма, предоставленная имъ товариществу, существенно отличается отъ прежней фирмы „Paul Marie“ вслѣдствіе прибавленія „fils et C-ie“, что при такихъ условіяхъ кліенты общества не могутъ быть введены въ заблужденіе и что ему, апеллятору не можетъ быть воспрещено именоваться сыномъ своего отца. Эти указанія не могутъ быть приняты во вниманіе, потому что прибавка словъ „fils et C-ie“ къ словамъ „Paul Marie“ во всякомъ случаѣ должна, чего не отрицаетъ и апелляторъ, обозначать, что сынъ Поля Мари съ компаніономъ представляются продолжателями прежней фирмы „Поль Мари“, тогда какъ въ дѣйствительности законнымъ продолжателемъ этой фирмы является не Александръ Мари съ компаніей, а общество Россійскихъ паровыхъ красильныхъ фабрикъ; при этомъ, по удостовѣренію суда, прибавка „fils et C-ie“ на вывѣскахъ написана такимъ мелкимъ шрифтомъ въ сравненіи со словами „Paul Marie“, что отъ этихъ послѣднихъ словъ только и получается впечатлѣніе, каковое обстоятельство несомнѣнно можетъ ввести кліентовъ Общества въ заблужденіе относительно того, что употребляемая отвѣтчикомъ фирма и есть та самая фирма „Paul Marie“, которая существуетъ уже много лѣтъ (1898 г., № 1035).

91|68. Предметомъ торговой сдѣлки, налагающей права и обязанности, можетъ быть въ качествѣ денежной стоимости право исключительнаго пользованія фирмою, но право помѣщенія на вывѣскѣ и этикетахъ государственнаго герба, а равно и другія награды (наприм., медали), какъ составляющіе личное достояніе тѣхъ, кому они даны, не могутъ быть предметомъ гражданскаго оборота (2 Общ. Собр. 1890 г., № 206).

92|69. Право на медаль, предоставленное торговому дому, не принадлежитъ послѣ уничтоженія торговаго дома, отдѣльнымъ участникамъ этого дома лично, при продолженіи ими торговли отъ своего имени.

Правительствующій Сенатъ обсуждалъ споръ бывшихъ товарищей торговаго дома Райхъ и Фридъ, во 1-хъ, о правѣ Фрида пользоваться изображеніемъ полученной торговымъ домомъ серебряной медали Императорскаго техническаго общества и, во 2-хъ, о правѣ Фрида употреблять на вывѣскахъ и въ объявленіяхъ наименованіе: „бывшій Райхъ и Фридъ“. По первому вопросу Прав. Сенатъ нашелъ, что разрѣшеніе его находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о томъ, прекратилъ ли свое существованіе торговый домъ Райхъ и Фридъ или нѣтъ? По закону (ст. 79 Уст. Торг. и 2133 X. т. I ч.) товарищество прекращается уничтоженіемъ товарищескаго договора. Уничтоженіе же такого договора, согласно ст. ст. 2132, 2133 и 1545 X т. I ч., зависитъ отъ воли сторонъ и соглашеніе ихъ можетъ быть выражено или въ письменной формѣ, или въ такихъ дѣйствіяхъ, изъ которыхъ можно ясно усмотрѣть намѣреніе отказаться отъ договорныхъ правъ; при этомъ договоръ можетъ окончиться ликвидаціей предпріятія, или выходомъ всѣхъ товарищей. Въ настоящемъ случаѣ, какъ видно изъ рѣшенія третейскаго суда, къ которому обратились Фридъ и Райхъ, судъ, установивъ ихъ взаимные товарищескіе разсчеты, постановилъ также ликвидировать дѣло, какъ о томъ просили сами товарищи. Затѣмъ, однако, признавая ликвидацію самого дѣла обоюдно невыгодною, товарищи заключили договоръ, по которому Фридъ всѣ права свои, вытекающія изъ рѣшенія третейскаго суда, передалъ и уступилъ Райху, къ которому перешло и все имущество фирмы, съ тѣмъ, чтобы изъ названія фирмы было навсегда исключено имя Фрида. Этимъ соглашеніемъ стороны выразили намѣреніе уничтожить товарищескій договоръ, а засимъ прекратило свое существованіе и самое товарищество, а съ прекращеніемъ товарищества, очевидно, прекратились и всѣ принадлежавшія ему въ качествѣ юридическаго лица права и преимущества. Обращаясь съ этой точки зрѣнія къ обсужденію вопроса о правѣ на изображеніе медали,—Прав. Сенатъ нашелъ, что, какъ видно изъ исковыхъ прошеній сторонъ, серебряная медаль была присуждена торговому дому Райхъ и Фридъ, слѣдовательно и право ея изображенія принадлежало только тому, кому она была дана, т. е. торговому дому въ образѣ товарищества подъ данною фирмою (ст. 249 Уст. Пром.), а не отдѣльнымъ лицамъ, составлявшимъ это товарищество. Если же торговый домъ и фирма юридически прекратили свое существованіе, то тѣмъ самымъ прекратилось и право пользованія изображеніемъ этой медали со стороны кого бы то ни было. Поэтому ни за Райхомъ, ни за Фридомъ не можетъ быть признано право на изображеніе этой медали. Однако въ виду того, что право пользова-

нія этой медалью, какъ сказано, Райху не принадлежитъ, и такъ какъ онъ можетъ отыскивать только принадлежащія ему права и просить о возстановленіи его нарушенныхъ правъ (ст. 693 X т. I ч.), то за нимъ не можетъ быть признано право на искъ о запрещеніи Фриду пользоваться изображеніемъ медали и означенное исковое его требованіе оказывается правильно оставленнымъ со стороны Коммерческаго Суда безъ удовлетворенія. Переходя ко второй части иска Райха,—о признаніи Фрида неимѣющимъ права употреблять названіе „бывшій Райхъ и Фридъ“,—Правительствующій Сенатъ нашелъ, что по договору сторонъ Фридъ отказался отъ всѣхъ своихъ товарищескихъ правъ и все предпріятіе, со всѣмъ имуществомъ прекратившаго свое существованіе торговаго дома Райхъ и Фридъ, перешло всецѣло къ Райху. Но предъявляя требованіе о признаніи Фрида неимѣющимъ права пользоваться названіемъ „бывшій Райхъ и Фридъ“, Райхъ не представилъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе того, что Фридъ дѣйствительно пользовался въ объявленіяхъ и на вывѣскахъ названіемъ „бывшій Райхъ и Фридъ“, между тѣмъ какъ согласно ст. 366 Уст. Гражд. Суд. истецъ прежде всего долженъ доказать свой искъ. По объясненію повѣреннаго Фрида довѣритель его указывалъ на вывѣскахъ и въ объявленіяхъ лишь то, что онъ тотъ самый Фридъ, который состоялъ участникомъ торговаго дома Райхъ и Фридъ. При отсутствіи доказательствъ противнаго со стороны Райха нельзя не признать, что такое указаніе вовсе не представляетъ собою пользованія Фридомъ названіемъ „бывшій Райхъ и Фридъ“ и ничѣмъ интересовъ Райха не нарушаетъ, что же касается объявленія Фрида, помѣщеннаго въ представленномъ имъ № газеты „Одесскій Листокъ“, то въ немъ Фридъ, извѣщая заказчиковъ о пріемѣ имъ съ 15 августа 1899 г. заказовъ лично, совершенно правильно указываетъ, что фирма Райхъ и Фридъ болѣе не существуетъ, прекращеніе каковой фирмы и было въ дѣйствительности установлено въ договорѣ сторонъ. Такимъ образомъ оказывается, что искъ Райха о неправильномъ указаніи Фридомъ на преемство имъ предпріятія бывшей фирмы Райхъ и Фридъ, какъ въ самомъ существѣ не доказанный, вполнѣ правильно оставленъ судомъ безъ уваженія (1902 г., № 738).

93|70. Права исключительнаго пользованія фирмою должны быть признаны нарушенными со стороны 3-хъ лицъ, коль скоро они пользуются въ торговлѣ наименованіями на торговыхъ этикетахъ, сходными или тождественными съ наименованіями данной фирмы; но если названіе фирмы ни личнаго, ни спеціальнаго значенія не имѣетъ, а выражаетъ извѣстное качество товара („Босфоръ“ особый сортъ табака), то употребленіе на этике-

тахъ этого слова, съ прибавленіемъ имени владѣльца товара („Босфоръ фабрики братьевъ Шапшалъ"), правъ владѣльца фирмы этого названія не нарушаетъ (1898 г., № 628, Іоаниди и Шапшалъ).

94. Разсмотрѣвъ дѣло по жалобѣ Серебрякова на рѣшеніе Коммерческаго Суда, коимъ ему воспрещено пользоваться названіемъ „Зингеръ" какъ на вывѣскахъ, такъ и на бланкахъ и т. п. при производствѣ торговли швейными машинами, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что возраженія отвѣтчика сводятся, во-первыхъ, къ утвержденію, что слово „Зингеръ" служитъ какъ бы нарицательнымъ наименованіемъ продаваемаго предмета, называемаго такъ по его свойствамъ, а не по происхожденію, и, во вторыхъ, къ ссылкѣ на существованіе особаго типа швейныхъ машинъ, запатентованнаго подъ названіемъ машинъ „Зингеръ". Обсудивъ первое возраженіе, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что изобрѣтателемъ швейной машины, какъ это установлено по дѣлу, былъ Эліасъ Гоу, 2) что Зингеръ никакой машины не изобрѣлъ, и 3) что, слѣдовательно, и не можетъ быть такой машины, которая бы, по имени изобрѣтателя, могла называться машиною „Зингеръ". Переходя ко второму возраженію, Правительствующій Сенатъ усматриваетъ: 1) что отвѣтчикомъ не доказано, чтобы какая бы то ни было машина была запатентована подъ названіемъ машины „Зингеръ", 2) что отвѣтчикомъ не указано точно, какія именно техническія особенности характеризуютъ тѣ машины, которыя, въ виду наличности въ нихъ этихъ именно особенностей, называются, по утвержденію отвѣтной стороны, машинами „Зингеръ", и 3) что, при такихъ условіяхъ, приводимое отвѣтчикомъ возраженіе, само по себѣ взятое, лишено значенія. Останавливаясь на ходатайствѣ отвѣтчика о допущеніи экспертизы по этому предмету, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что, по точному смыслу ст. 311 Уст. Суд. Торг., экспертиза не можетъ имѣть своею цѣлью лишь облегченіе стороны въ собираніи доказательнаго по дѣлу матеріала, а допустима только для провѣрки такихъ опредѣленныхъ утвержденій стороны, которыя, для правильной оцѣнки ихъ, требуютъ спеціальныхъ знаній, 2) что, въ настоящемъ случаѣ, отвѣтчикъ не указалъ точно особенностей того, по его словамъ спеціальнаго типа машинъ, на существованіе котораго онъ ссылается, 3) что, поэтому, сохраняетъ силу и значеніе доказательно подтвержденное объясненіе истца о томъ, что продаваемыя имъ машины многоразличныхъ видовъ и родовъ, не имѣя спеціальнаго типа, будто бы нарицательно называемаго „Зингеръ", именуются именно такъ потому только, что истецъ, ихъ продающій, пріобрѣлъ по актамъ право пользоваться наименованіемъ „мануфактурной компаніи Зингеръ". Въ виду изложеннаго, Правительствующій Сенатъ рѣшеніе Коммерческаго Суда оставилъ въ силѣ (1910 г., № 794).

95. Опредѣленіемъ отъ 8 марта 1912 г., № 1058, по дѣлу Кейхера съ Краснокутской Правительствующій Сенатъ призналъ, что выраженіе „Institut de Beauté“, какъ не содержащее въ себѣ ничего индивидуально отличающаго одно предпріятіе отъ другого такого же рода, не можетъ быть признано фирмою.

96. Присоединеніе къ наименованію предпріятія фамиліи собственника однороднаго предпріятія составляетъ нарушеніе правъ на фирму сего послѣдняго. Условія пріобрѣтенія правъ на фирму путемъ давностнаго владѣнія.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что указаніе апеллятора на то, что прибавленіе къ фамиліи собственника предпріятія словъ „бывш. Феррейна“ не есть присвоеніе чужой фирмы и имѣло цѣлью лишь точное обозначеніе мѣстонахожденія, не основательно. Самое понятіе фирмы заключается въ наименованіи предпріятія или особымъ названіемъ, или по имени его владѣльца, отличающемъ его отъ названій однородныхъ предпріятій; пользованіе же фирмой состоитъ въ воспроизведеніи этого названія на всѣхъ предметахъ и во всѣхъ случаяхъ, касающихся дѣлъ даннаго предпріятія. Изъ сего слѣдуетъ, что нарушеніе правъ на фирму можетъ, между прочимъ, выражаться въ употребленіи названія однородными предпріятіями въ какихъ бы то ни было цѣляхъ, но въ формѣ, способной ввести потребителей предметовъ производства въ заблужденіе относительно настоящаго владѣльца предпріятія. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ признать, что хотя бы изображеніе Брауштейномъ на предметахъ его аптеки и аптекарскаго магазина имени бывшаго владѣльца и названія фирмы производилось наряду съ его, Брауштейна, собственной фамиліей, и хотя бы это имѣло цѣлью исключительно точное указаніе адреса, такой образъ дѣйствій во всякомъ случаѣ является нарушеніемъ правъ Феррейна въ виду того, что допускалось это однороднымъ предпріятіемъ и въ формѣ, способной вызвать у покупателей сомнѣніе о владѣльцѣ торговаго дѣла. Заявленіе же апеллятора, что слова „бывш. Феррейна“ печатались мелкимъ сравнительно съ словами „А. Брауштейнъ“ шрифтомъ, опровергается представленными рецептами, сигнатурками, билетами на лѣкарство и счетами, на большей части которыхъ слова „бывш. Феррейна“ напечатаны болѣе крупнымъ шрифтомъ. Равнымъ образомъ не основательно мнѣніе апеллятора о пріобрѣтеніи имъ права пользованія фирмой путемъ давностнаго владѣнія. Безспорное и непрерывное владѣніе въ теченіе давностнаго срока предполагаетъ пользованіе со стороны одного лица или, какъ указываетъ самъ апелляторъ, преемство владѣнія на договорныхъ или какихъ либо иныхъ законныхъ основаніяхъ (рѣш. Гражд. Касс.

Деп. 1881 г., № 154; 1880 г., № 41 и др.). Вполнѣ понятно, что договорныя отношенія въ этомъ случаѣ должны касаться не только передачи предпріятія въ смыслѣ правъ на помѣщеніе, обстановку, товаръ и т. п., но также и правъ на пользованіе фирмой, хотя бы для перваго владѣльца оно и не являлось правомѣрнымъ. Между тѣмъ преемство владѣнія со стороны Брауштейна не подтверждено доказательствами, владѣльцы же предпріятія, по собственному заявленію Брауштейна, перемѣнялись. По изложеннымъ соображеніямъ, Правительствующій Сенатъ рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда, коимъ Брауштейну воспрещено пользоваться именемъ и фирмою „Феррейнъ“, оставилъ въ силѣ (1911 г., № 973).

ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ.

97 | 71. По вопросу о неправильномъ пользованіи товарными знаками (клеймами и этикетами), сходными по внѣшнему виду съ торговыми знаками другой фирмы, производящей однородныя издѣлія.

Разсмотрѣвъ дѣло по жалобѣ отвѣтчика Соскина на рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда (которымъ, по иску торговаго дома „Кларкъ и К°“ къ Соскину, сему послѣднему воспрещено выставлять на своихъ издѣліяхъ клейма и этикеты, имъ употребляемые), Прав. Сенатъ остановился на утвержденіи апеллятора о томъ, что, согласно п. 5 ст. 160 Уст. о Пром. (т. XI, ч. 2), неправильное пользованіе товарными знаками не можетъ касаться интересовъ частныхъ лицъ, а относится къ вѣдѣнію подлежащихъ учрежденій Министерства Финансовъ — Прав. Сенатъ нашелъ: 1) что ст. 160 Уст. о Пром., возлагавшая на Министерство Финансовъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы предъявляемый къ утвержденію товарный знакъ въ достаточной степени отличался отъ знаковъ, уже утвержденныхъ и предоставленныхъ въ исключительное пользованіе другому торговцу, — должна считаться отмѣненной Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 26 февраля 1896 г. (о товарныхъ знакахъ), изданнымъ въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей Устава о Промышленности; по смыслу же закона 26 февраля 1896 г. на Министерство Финансовъ возложены только утвержденіе и регистрація товарныхъ знаковъ, а огражденіе владѣльцевъ зарегистрированныхъ этикетовъ отъ недобросовѣстной конкуренціи другихъ торговцевъ, выпускающихъ свои издѣлія подъ этикетами завѣдомо ложными или имѣющими цѣлью ввести покупателей въ заблужденіе,—возложено на судебныя мѣста (ст. 17 п. 4 и ст. 19); 2) что неподвѣдомственность Министерству Финансовъ дѣлъ о возстановленіи правъ исключительнаго пользованія товарнымъ знакомъ признается и Министерствомъ Финансовъ, какъ это видно изъ представленнаго къ дѣлу отношенія департамента торговли и мануфактуръ. По существу дѣла, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что споръ свой апелляторъ основываетъ на томъ соображеніи, что Соскинъ помѣщаетъ на своихъ издѣліяхъ именно тотъ знакъ, который утвержденъ за нимъ департаментомъ торговли и мануфактуръ (нынѣ отд. торговли), въ виду чего пользованіе имъ этикетами, имѣющими отдаленное сходство съ этикетами фирмы „Кларкъ и К°“, не можетъ быть разсматриваемо, какъ злоупотребленіе товарнымъ знакомъ. Это возраженіе Правительствующій Сенатъ призналъ неуважительнымъ за силою Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 26 февраля 1896 года, согласно постановленіямъ коего запрещается выставленіе товарныхъ знаковъ съ надписями и изображеніями, завѣдомо ложными или имѣющими цѣлью ввести покупателей въ

заблужденіе (п. 2 ст. 3 отд. 1), воспрещается употребленіе надписей на иностранныхъ языкахъ (отд. 1 ст. 6) и не могутъ быть предметомъ исключительнаго пользованія и не принимаются къ заявкѣ, между прочимъ, товарные знаки, недостаточно отличающіеся отъ знаковъ, предоставленныхъ въ исключительное пользованіе другимъ торговцамъ для однородныхъ товаровъ (отд. 1 ст. 8). Такимъ образомъ цѣль закона 26 февраля 1896 года заключается въ охраненіи правъ этикетовладѣльцевъ на исключительное пользованіе утвержденными за ними товарными знаками. Между тѣмъ, сопоставляя этикетъ, утвержденный за фирмою „Кларкъ и К°“ свидѣтельствами департамента торговли и мануфактуръ на право исключительнаго пользованія имъ,—съ этикетомъ, который былъ утвержденъ за Соскинымъ въ 1891 году и тѣмъ, которымъ онъ въ настоящее время въ дѣйствительности пользуется, нельзя не признать, что Соскинъ въ отношеніи деталей этикета допустилъ цѣлый рядъ отклоненій отъ утвержденнаго образца, которыя въ своей совокупности настолько приближаютъ его къ этикету „Кларкъ и К°“, что исключаютъ предположеніе о ненамѣренномъ характерѣ этихъ отступленій и даютъ твердое основаніе для вывода, что Соскинымъ преслѣдовалась цѣль создать товарный знакъ, сходственный съ этикетомъ истца и способный ввести покупателей въ заблужденіе. Какъ видно изъ рисунка зарегистрованнаго этикета Соскина, таковой этикетъ представляетъ собою рыбу, держащую во рту раздвоенный крючекъ для рыбной ловли: на рисункѣ надписи на русскомъ языкѣ: „Д. А. Соскинъ. Москва“. Какихъ либо другихъ надписей на утвержденномъ этикетѣ не имѣется. На этикетѣ же, которымъ онъ теперь пользуется, имѣется цѣлый рядъ надписей, вполнѣ тождественныхъ съ надписями, присвоенными этикетамъ Кларка, и расположенныхъ притомъ въ томъ же порядкѣ и въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и на этикетахъ фирмы „Кларкъ и К°“. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи пріобрѣтаетъ тотъ фактъ, что произвольно заимствованныя Соскинымъ надписи значатся не на русскомъ языкѣ, а вопреки точному смыслу ст. 6 отд. I Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 26 февраля 1896 г.,—на *иностранномъ*. Значеніе этого факта не только не ослабляется указаніемъ апеллятора на то, что фирма „Кларкъ и К°“, употребляя надписи на иностранномъ языкѣ, нарушаетъ тотъ же законъ, нарушеніе котораго ставится въ вину Соскину, а, напротивъ, усиливается, такъ какъ право исключительнаго пользованія товарнымъ знакомъ съ тѣми именно надписями на иностранномъ языкѣ, которыя значатся на этикетахъ, утверждено за торговымъ домомъ „Кларкъ и К°“ по свидѣтельству департамента торговли и мануфактуръ отъ 26 іюля 1897 г. Приведенныя обстоятельства въ связи тѣмъ: 1) что этикетъ Соскина приближается къ этикету „Кларкъ и К°“ также по формату, краскѣ и шрифту надписей; 2) что, какъ правильно указываетъ судъ, масштабъ этикета Соскина уменьшенъ не равномѣрно во всѣхъ частяхъ, а въ сторону сходства съ этикетомъ „Кларкъ и К°“, и 3) что упаковка издѣлій Соскина въ точности

воспроизводитъ упаковку издѣлій „Кларкъ и К°“,—привели Правительствующій Сенатъ къ заключенію, что со стороны Соскина допущена недозволенная закономъ конкуренція съ фирмою „Кларкъ и К°“ путемъ выставленія на своихъ издѣліяхъ товарныхъ знаковъ, имѣющихъ цѣлью ввести покупателей въ заблужденіе. По этимъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ утвердилъ рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда (1903 г., № 1959).

98. Товарные знаки учреждены для отличія товара одного фабриканта отъ товаровъ другого; они не должны быть *ложными*, несоотвѣтствующими товару, и не должны вводить покупателя въ заблужденіе сходствомъ со знаками, которые присвоены собственнику товарныхъ знаковъ.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ апелляціонной жалобѣ Правительствующему Сенату повѣренный Великобританскаго подданнаго Герберта Силлемъ ходатайствуетъ объ отмѣнѣ рѣшенія С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда отъ 15 мая 1906 г. по дѣлу его довѣрителя съ товариществомъ пиво-медоваренаго завода Ивана Дурдина, и о воспрещеніи отвѣтчику пользоваться именемъ торговаго дома истца, обязавъ его прекратить выпускъ портера въ бутылкахъ съ тисненіями „A. Le Coq London“. Не признавая требованій истца-апеллятора, отвѣтчикъ ссылается на то, что Силлемъ не доказалъ, что онъ владѣлецъ фирмы „А. Ле-Кокъ и К°“, а также на то, что Силлемъ не имѣетъ исключительнаго права на пользованіе товарнымъ знакомъ фирмы. Первое указаніе отвѣтчика находится въ прямомъ противорѣчіи съ представленными истцомъ документами, а именно—двумя удостовѣреніями Лондонскаго нотаріуса Джона Веннъ, коими нотаріусъ удостовѣряетъ, что Силлемъ единственный владѣлецъ фирмы „А. Ле-Кокъ и К°“; кромѣ того, это возраженіе отвѣтчика опровергается соображеніями, ничѣмъ не оспоренными и подробно развитыми въ обжалованномъ рѣшеніи Коммерческаго Суда. Въ виду сего слѣдуетъ признать, какъ то правильно полагалъ Коммерческій Судъ, что владѣльцемъ фирмы „А. Ле-Кокъ и К°“ является апелляторъ. Переходя засимъ къ вопросу, вправѣ ли апелляторъ требовать воспрещенія заводу Ивана Дурдина выпускать бутылки съ тисненіемъ „A. Le Coq London“, и обращаясь для разрѣшенія этого вопроса къ закону о товарныхъ знакахъ (Высочайше утвержденное 26 февраля 1896 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта по проекту правилъ о товарныхъ знакахъ С. У. и Р. Пр. 1896 г., № 31, ст. 395), Правительствующій Сенатъ находитъ, что законъ этотъ устанавливаетъ слѣдующія существенныя для дѣла положенія: 1) по пункту первому правилъ о торговыхъ знакахъ послѣдними признаются всякаго рода знаки, выставленные промышленниками на товарахъ для отличія оныхъ отъ товаровъ другихъ промышленниковъ; 2) по пункту третьему этихъ правилъ запрещается

выставленіе товарныхъ знаковъ съ надписями и изображеніями завѣдомо ложными или имѣющими цѣлью ввести покупателя въ заблужденіе; 3) по пункту пятому этихъ правилъ промышленники пользуются товарными знаками безъ всякой заявки ихъ, когда знаки эти состоятъ изъ обозначенія имени, отчества и фамиліи владѣльца фирмы и мѣстонахожденія фирмы, и 4) что по пункту восьмому тѣхъ же правилъ не принимаются къ заявкѣ товарные знаки, несоотвѣтствующіе требованіямъ вышеприведенной третьей статьи этого закона. Изъ этого видно, что товарные знаки учреждены для отличія товара одного фабриканта отъ товаровъ другого, что знаки эти не могутъ быть ложными, несоотвѣтствующими товару и не должны вводить покупателя въ заблужденіе; въ виду сего, если по дѣлу установлено, что товарный знакъ, выставляемый отвѣтчикомъ, не соотвѣтствуетъ товару, то для дѣла безразлично, когда былъ заявленъ истцомъ въ Департаментѣ Торговли и Мануфактуръ его товарный знакъ и былъ ли заявленъ таковой, и истецъ вправѣ по точному смыслу вышеприведеннаго закона требовать воспрещенія продажи товара со знаками, похожими на его товарный знакъ и явно не соотвѣтствующими продаваемому товару. Обращаясь къ обстоятельствамъ дѣла, нельзя не признать, что вытисненная надпись на бутылкахъ портера товарищества Дурдинъ „А. Ле-Кокъ Лондонъ“ не соотвѣтствуетъ продаваемому продукту: портеръ товарищества Ивана Дурдина производится въ Россіи, а не въ столицѣ Англіи—Лондонѣ, причемъ онъ производится фирмой Дурдина, а не „A. Le Coq London“, какъ это значится въ тисненіи бутылокъ. Въ виду сего, на точномъ основаніи правилъ 26 февраля 1896 г., товарищество Ивана Дурдина не вправѣ продавать портеръ въ бутылкахъ съ тисненіями „A. Le Coq London“; при этомъ для разрѣшенія дѣла не можетъ имѣть какого-либо значенія то обстоятельство, что этикетъ на бутылкахъ фирмы апеллятора печатный, а знаки на бутылкахъ завода Ивана Дурдина тисненые, такъ какъ знакъ этотъ, хотя и тисненый, не соотвѣтствуетъ продаваемому товару, а потому и не можетъ употребляться на немъ. Выводъ этотъ не опровергается тѣмъ, что нынѣ существующая фирма въ Англіи имѣетъ товарный знакъ „A. Le Coq et C-ie“, и что только на этотъ знакъ выдана ей привилегія въ Россіи, такъ какъ, согласно вышеизложенному, законъ запрещаетъ промышленникамъ пользоваться ложными надписями на продаваемыхъ продуктахъ совершенно независимо отъ того, выдана ли на этотъ знакъ привилегія или нѣтъ. Также не существенно для дѣла указаніе повѣреннаго отвѣтчика, что продажа бутылокъ съ тисненіемъ „A. Le Coq London“ явленіе случайное, такъ какъ по показанію допрошенныхъ свидѣтелей Михаила и Константина Позенъ, на заводѣ коихъ выдѣлывались эти бутылки, отвѣтчикъ выбиралъ ихъ въ годъ отъ 250 тысячъ до 300 тысячъ; поэтому, хотя въ настоящее время заводъ Дурдина, по показанію свидѣтелей, уже пять-шесть лѣтъ не принимаетъ отъ нихъ таковыя бутылки, тѣмъ не менѣе, благодаря огромному количеству ранѣе принятыхъ Дур-

динымъ бутылокъ, несомнѣнно продажа портера съ тисненіемъ „A. Le Coq London“ не можетъ быть признана случайнымъ, единичнымъ явленіемъ; почему продажа эта, какъ нарушающая требованія закона, подлежитъ запрещенію. По симъ соображеніямъ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: въ отмѣну рѣшенія С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда отъ 15 мая 1906 г. обязать товарищество пиво-медоваренаго завода Ивана Дурдина прекратить выпускъ портера въ бутылкахъ съ тисненіемъ „A. Le Coq London“ (1910 г. № 594).

99. Предметъ дѣла составляетъ искъ владѣльцевъ полнаго товарищества подъ фирмою „уксусный заводъ Г. Ф. Штурмъ“ къ Гансу Гревенъ объ обязаніи прекратить пользованіе означеннымъ товарнымъ знакомъ. С.-Петербургскій Коммерческій Судъ удовлетворилъ полностью исковыя требованія истцовъ. Разсмотрѣвъ дѣло по жалобѣ отвѣтчика Ганса Гревена, Правительствующій Сенатъ остановился, между прочимъ, на указаніи жалобщика о томъ, что Гревенъ правильно выставляетъ на своихъ товарахъ имя „Я. Штурмъ“, законно пріобрѣтенное, согласно договору отъ 27 августа 1907 г., отъ Ревельскаго мѣщанина Якоба Штурма. Съ этимъ указаніемъ Правительствующій Сенатъ не можетъ согласиться, ибо вполнѣ раздѣляетъ доводы суда о томъ, что этотъ договоръ заключенъ съ исключительною цѣлью ввести въ заблужденіе потребителей товара и тѣмъ самымъ гарантировать ему лучшій спросъ и сбытъ, а затѣмъ по дѣлу вовсе не установлено и отвѣтчикъ даже не утверждаетъ, что фирма Якоба Штурма существовала до вступленія отвѣтчика съ Якобомъ Штурмомъ въ товарищество, тогда какъ истецъ напротивъ утверждаетъ, что Якобъ Штурмъ, служащій досмотрщикомъ при Ревельской таможнѣ и нежившій въ С.-Петербургѣ никогда, никакой торговлею не занимался. Затѣмъ Штурмъ вышелъ тотчасъ же изъ товарищества послѣ его учрежденія и изъ приложенныхъ двухъ писемъ Якоба Штурма на имя истцовъ видно, ради чего Штурмъ понадобился Гревену. Но кромѣ сего отвѣтчикъ Гревенъ не имѣлъ права выпускать свой товаръ на рынокъ съ этикетомъ: „уксусный заводъ Я. Штурмъ“, во 1-хъ, потому, что какъ видно изъ удостовѣренія С.-Петербургской городской управы отъ 3 мая 1908 г., Гревену было выдано свидѣтельство на право открытія уксуснаго завода, безъ упоминанія въ разрѣшительномъ свидѣтельствѣ фирмы „уксусный заводъ Якобъ Штурмъ“, во 2-хъ, на томъ основаніи, что требуемыя согласно 59 и 60 ст. Уст. Торг. выписки изъ взаимныхъ между собой постановленій и оповѣщеній купечеству Гревеномъ до сего времени въ управу сдѣланы не были (удостовѣреніе купеческой управы отъ 5-го августа 1909 г.), и въ 3-хъ, на этикетахъ отвѣтчика указано, что складъ уксуса завода „Я. Штурмъ“ находится въ гор. Ревелѣ по Коцебуской ул. д. № 6, между тѣмъ изъ справки податного инспектора гор. Ревеля отъ 8 мая 1908 г. видно что такового склада въ гор. Ревелѣ не имѣется. Признавъ затѣмъ тождественность этикетовъ истцовъ и отвѣт-

чика,—Правительствующій Сенатъ оставилъ въ силѣ рѣшеніе Коммерческаго Суда (1909 г., № 2253).

100|72. Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что предметъ его составляетъ споръ купца Константинова противъ рѣшенія Московскаго Коммерческаго Суда, коимъ искъ торговаго дома „Сіу и К°“ объ обязаніи отвѣтчика къ изъятію изъ обращенія товарнаго знака, изображающаго бюстъ женщины, признанъ подлежащимъ удовлетворенію. Останавливаясь на соображеніи апеллятора о томъ, что право исключительнаго пользованія товарнымъ знакомъ по нашимъ законамъ можетъ быть признано нарушеннымъ лишь въ томъ случаѣ, когда уголовный судъ установитъ фактъ поддѣлки, и что поэтому истцу, предварительно предъявленія настоящаго иска, надлежало возбудить противъ Константинова уголовное преслѣдованіе на основаніи ст. 1354 Улож. о Нак., Правительствующій Сенатъ находитъ, что согласно п. 2 ст. 3 отд. I закона 26 февраля 1896 г. о товарныхъ знакахъ, запрещается выставленіе знаковъ съ надписями и изображеніями, завѣдомо ложными или имѣющими цѣлью ввести покупателей въ заблужденіе. Далѣе, ст. 8 отд. I устанавливаетъ то положеніе, что не могутъ быть предметомъ исключительнаго пользованія, между прочимъ, товарные знаки, недостаточно отличающіеся отъ знаковъ, предоставленныхъ въ исключительное пользованіе другимъ торговцамъ для однородныхъ товаровъ. Наконецъ, и постановленія раздѣла III того же закона, изданныя „въ измѣненіе и дополненіе главы 14 разд. VIII Улож. о Нак.“, предусматриваютъ и караютъ по жалобѣ потерпѣвшихъ и иные способы неправильнаго пользованія товарными знаками, помимо поддѣлки. Изъ сего вытекаетъ, что цѣль закона 26 февраля 1896 г. о товарныхъ знакахъ заключается не только въ огражденіи этикето-владѣльцевъ отъ явныхъ поддѣлокъ, но и въ охраненіи ихъ правъ на исключительное пользованіе утвержденными за ними знаками, хотя бы воспослѣдовавшее нарушеніе права исключительнаго пользованія и не подходило вполнѣ подъ понятіе „поддѣлки“.—Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать, что неправильное пользованіе товарнымъ знакомъ, составляя по смыслу закона 26 февраля 1896 г. вторженіе въ имущественную сферу лицъ, которымъ предоставлено право исключительнаго пользованія знакомъ, и являясь, такимъ образомъ, нарушеніемъ права гражданскаго,—создаетъ для этикето-владѣльца основаніе требовать возстановленія нарушеннаго права не только въ порядкѣ уголовнаго преслѣдованія, но и на общемъ основаніи въ судѣ гражданскомъ, почему указаніе апеллятора на необходимость предварительнаго установленія въ уголовномъ судѣ факта поддѣлки торговаго знака является неуважительнымъ. Переходя затѣмъ къ обсужденію спора апеллятора по существу рѣшенія Коммерческаго Суда, Правительствующій Сенатъ находитъ, что на основаніи свидѣтельства отъ 16 февраля 1899 г., № 5541, торговому дому „Сіу и К°“ пре-

доставлено право исключительнаго пользованія товарнымъ знакомъ, предназначеннымъ для мыла, съ изображеніемъ женской фигуры (бюстъ) съ надписью „Глицеро-Вазелиновое мыло молодости, Секретъ Красоты“. Сопоставляя этотъ товарный знакъ съ тѣмъ, которымъ пользуется Константиновъ для упаковки мыла и который равнымъ образомъ изображаетъ бюстъ женщины, нельзя не придти къ заключенію, что хотя въ положеніяхъ изображенныхъ фигуръ, цвѣтѣ волосъ, цвѣтѣ и покроѣ платья и существуютъ нѣкоторыя различія, тѣмъ не менѣе помѣщеніе на обложкѣ надписи „Глицерино-Вазелиновое мыло молодости“ и вообще общій характеръ обложки (одинаковый цвѣтъ бумаги, одинаковое расположеніе надписей какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкахъ, сходство шрифта, сочетаніе красокъ и т. п.) настолько приближаютъ употребляемую Константиновымъ обложку къ зарегистрированному товарному знаку „Сіу и К⁰“, что даютъ достаточное основаніе для вывода, что принятый отвѣтчикомъ товарный знакъ, сходный съ этикетомъ „Сіу и К⁰“, способенъ ввести покупателей въ заблужденіе и что, слѣдовательно, со стороны Константинова допущена недозволенная закономъ 26 февраля 1896 г. конкуренція съ фирмою „Сіу и К⁰“, нарушающая право сей послѣдней на исключительное пользованіе утвержденнымъ за ней товарнымъ знакомъ и вполнѣ обосновывающая исковое требованіе объ изъятіи изъ обращенія неправильнаго товарнаго знака. Что же касается указанія апеллятора на то, что онъ раньше „Сіу и К⁰“ началъ пользоваться товарнымъ знакомъ съ изображеніемъ женскаго бюста и надписью „мыло молодости“, то это указаніе значенія по дѣлу имѣть не можетъ, такъ какъ этикеты, заявленные и въ надлежащемъ порядкѣ зарегистрированные, пользуются охраной закона преимущественно предъ незарегистрированными этикетами, Константиновъ же своего товарнаго знака за собою не утвердилъ и спора противъ утвержденія этикета за фирмой „Сіу и К⁰“ въ установленный закономъ 26 февраля 1896 г. срокъ не заявилъ. По изложеннымъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ оставилъ рѣшеніе суда въ силѣ (1906 г., № 313).

Гражданскій Касс. Деп., основываясь на 15 ст. закона 26 февраля 1896 г. (Собр. узак. за 1896 г. ст. 395) разрѣшилъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о томъ: можетъ ли фабрикантъ, не имѣющій установленнаго свидѣтельства на право исключительнаго пользованія опредѣленнымъ товарнымъ знакомъ, оспаривать въ судебномъ порядкѣ право исключительнаго пользованія тѣмъ же знакомъ у такого лица, которому право это предоставлено по свидѣтельству, выданному въ установленномъ порядкѣ изъ Департамента Торговли и Мануфактуръ (1906 г., № 19).

101. Предметомъ дѣла является споръ истцовъ Глешке и Шенкъ, торгующихъ подъ фирмою „Глешке и Виднеръ“ противъ рѣшенія, коимъ отказано въ

искѣ означенной фирмы къ отвѣтчику Левинскому о признаніи послѣдняго неимѣющимъ права на пользованіе упаковкою и товарнымъ знакомъ и объ обязаніи его изъять изъ обращенія ароматическія лепешки своего издѣлія и уничтожить наборъ для этого знака и этикета. Указанія апелляціонной жалобы сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) признавъ, что истцы не имѣютъ права на настоящій искъ въ виду того, что этикетъ не зарегистрированъ надлежащимъ порядкомъ, судъ нарушилъ ст. 161^{15} Уст. Пром. (по Прод. 1906 г.), коей предусматривается возможность иска противъ владѣльцевъ охранительныхъ свидѣтельствъ; 2) зарегистрированный за правопредшественникомъ отвѣтчика этикетъ тождественъ съ этикетомъ, которымъ истцы пользуются свыше 20 лѣтъ, почему требованіе истцовъ объ изъятіи изъ обращенія этикетовъ отвѣтчика слѣдуетъ считать доказаннымъ. Правительствующій Сенатъ, останавливаясь на первомъ изъ приведенныхъ доводовъ, находитъ, что по закону (ст. 161^{15} Уст. Пром. по Прод. 1906 г.) выдача кому-либо свидѣтельствъ на товарный знакъ не лишаетъ другихъ лицъ права въ теченіе 3 лѣтъ со дня публикаціи о выдачѣ свидѣтельства оспаривать судебнымъ порядкомъ принадлежность права исключительнаго пользованія упомянутымъ знакомъ. Точный смыслъ приведенной статьи не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что разрѣшеніе въ отрицательномъ смыслѣ вопроса о правѣ лицъ, не заявившихъ своего товарнаго знака, на возбужденіе спора по поводу исключительнаго пользованія этимъ знакомъ лицомъ, получившимъ надлежащимъ порядкомъ установленное охранительное свидѣтельство на этотъ знакъ, представляется неправильнымъ. Это положеніе, вопреки мнѣнію Коммерческаго Суда, отнюдь не находится въ противорѣчіи съ рѣшеніемъ Судебнаго Департамента Прав. Сената 1906 г., № 313, по дѣлу „Сіу и К°“. Въ упомянутомъ дѣлѣ искъ былъ предъявленъ фабрикантомъ, получившимъ охранительное свидѣтельство, къ лицу, охранительнаго свидѣтельства не имѣвшему и не заявившему притомъ въ установленный въ законѣ срокъ спора противъ утвержденія знака за истцомъ. При наличности же такихъ именно условій Правительствующій Сенатъ не могъ не признать, что ссылка отвѣтчика на то, что онъ раньше истца пользовался этикетомъ, значенія имѣть не можетъ. Въ настоящемъ же дѣлѣ положеніе совершенно иное: по существу своему искъ фирмы „Глешке и Виднеръ“ и есть тотъ споръ противъ исключительнаго пользованія знакомъ, право на который законъ представляетъ всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ, ограничивая возможность предъявленія этого спора лишь трехлѣтнимъ со дня публикаціи о выдачѣ свидѣтельства срокомъ, а такъ какъ срокъ этотъ истцомъ не пропущенъ, то слѣдуетъ признать, что истецъ вправѣ былъ предъявить настоящій искъ, а потому мнѣніе суда о томъ, что въ виду незаявленія фирмою „Глешке и Виднеръ“ надлежащимъ порядкомъ своего товарнаго знака, она не можетъ оспаривать право фабрики, имѣющей охранительное свидѣтельство, представляется неосновательнымъ. Правильность вывода сего подтверждается, между

прочимъ, и тѣмъ соображеніемъ, что законъ 26 февраля 1896 г. не вмѣняетъ Министерству Торговли и Промышленности въ обязанность удостовѣриться въ томъ, дѣйствительно ли заявленный ему знакъ принадлежитъ лицу, предъявившему таковой, а не другому лицу, выставляющему уже этотъ знакъ на своихъ издѣліяхъ, а потому возможны случаи выдачи свидѣтельствъ на право исключительнаго пользованія такимъ знакомъ, коимъ фактически пользуются уже другія лица, не успѣвшія заявить объ этомъ Министерству. Это упущеніе не можетъ лишать ихъ права домогаться судебнымъ порядкомъ огражденія своихъ интересовъ. Признавая въ виду изложеннаго, что С.-Петербургскій Коммерческій Судъ не имѣлъ законнаго основанія уклониться отъ обсужденія исковыхъ требованій фирмы „Глешке и Виднеръ“ по существу,—Правительствующій Сенатъ рѣшеніе Коммерческаго Суда отмѣнилъ (1911 г., № 212).

102. Наименованіе товара словомъ, производнымъ отъ фамиліи, не даетъ права пользоваться, этимъ этикетомъ въ качествѣ нарицательнаго, хотя бы среди публики и распространено было употребленіе этого слова для наименованія извѣстнаго товара.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что предметомъ иска являются требованія: 1) объ обязаніи Б. Шварца не пользоваться названіемъ „Клингеритъ“ по отношенію къ товару, не выдѣлываемому на заводѣ Клингера, товаръ котораго снабженъ этимъ охраняемымъ товарнымъ знакомъ, и 2) о признаніи за истцомъ права на вознагражденіе происходящихъ отъ сего убытковъ. С.-Петербургскій Коммерческій Судъ, рѣшеніемъ отъ 27 сентября 1905 г., искъ этотъ присудилъ, на что повѣреннымъ Шварца принесена Правительствующему Сенату апелляціонная жалоба. Останавливаясь на доводѣ апеллятора о томъ, что названіе товара по товарному знаку, независимо отъ формы изображенія его, не можетъ быть по закону предметомъ исключительнаго пользованія, Правительствующій Сенатъ находитъ, что доводъ этотъ не можетъ быть признанъ уважительнымъ. Обращаясь, въ видахъ правильнаго разрѣшенія спора сторонъ по сему предмету, къ выясненію, на основаніи закона, того, какого рода изображенія могутъ быть предметомъ товарнаго знака, подлежащаго охранѣ, а затѣмъ, въ чемъ заключается и въ какихъ предѣлахъ допускается право исключительнаго пользованія такимъ знакомъ,—Правительствующій Сенатъ въ отношеніи перваго находитъ, что по постановленіямъ закона о товарныхъ знакахъ (Уст. Пром. по Прод. 1906 г. т. XI ч. II ст. 161^{1}—161^{21}) товарными знаками признаются знаки, выставленные на товарахъ для отличія: клейма, печати, пломбы, виньетки, девизы, рисунки (ст. 161^{1}). Что касается содержанія изображенія, то оно можетъ заключаться по смыслу ст. 161^{3}, 161^{5}, 161^{6}, 161^{8}: 1) въ рисункѣ, т. е. изображеніи какого-либо предмета съ присоединеніемъ

надписи или нѣтъ, 2) въ отдѣльныхъ цифрахъ, буквахъ, воспроизведенныхъ извѣстнымъ отличительнымъ образомъ, и 3) въ изображеніи словъ, представляющихъ по сочетанію въ нихъ буквъ отличительный знакъ. Въ зависимости отъ содержанія товарнаго знака, само собою разумѣется, и существо его, какъ отличительнаго знака, заключается въ различныхъ особенностяхъ. Такъ въ первомъ случаѣ отличительная особенность товарнаго знака лежитъ, главнымъ образомъ, въ опредѣленномъ изображеніи или вообще въ изображеніи извѣстнаго предмета; во второмъ—въ формѣ и порядкѣ цифръ или буквъ, наконецъ, въ третьемъ—не столько въ формѣ написанія, сколько въ *сочетаніи* извѣстныхъ буквъ, составляющихъ слово, не вошедшее еще во всеобщее употребленіе для отличія товаровъ извѣстнаго рода. Соотвѣтственно этому и предоставляемое охранительнымъ свидѣтельствомъ право исключительнаго пользованія и выставленія товарнаго знака на товарахъ, объявленіяхъ, бланкахъ и т. п. (ст. 161^{10}) и возможность нарушенія этого права могутъ находить себѣ выраженіе въ различныхъ обстоятельствахъ. Въ настоящемъ случаѣ относительно товарнаго знака, выданнаго Клингеру, слѣдуетъ заключить, что, какъ видно изъ описанія его самимъ апелляторомъ, отличительная его особенность заключается, главнымъ образомъ, въ сочетаніи извѣстныхъ буквъ, дающихъ въ цѣломъ, непредставляющееся общеупотребительнымъ, слово „Клингеритъ“, произведенное отъ фамиліи фабриканта Клингера. Поэтому и право исключительнаго пользованія симъ знакомъ можетъ выражаться какъ въ выставленіи его на различныхъ предметахъ, въ цѣляхъ торговыхъ, такъ и въ употребленіи этого слова исключительно въ отношеніи товаровъ, снабженныхъ такимъ знакомъ,—нарушеніе же его,—въ примѣненіи этого слова къ товарамъ такого же рода, но носящимъ другой товарный знакъ. Въ настоящемъ дѣлѣ, отвѣтчикъ, какъ видно изъ письма отъ 1 февраля 1905 г., не только считалъ себя свободнымъ продавать схожій товаръ, называя его „Клингеритомъ“, избѣгая только выставленія утвержденнаго товарнаго знака, но и выставлялъ это слово на бланкахъ фирмы, въ цѣляхъ очевидно рекламы, продавая однако товаръ, не снабженный такимъ товарнымъ знакомъ. Согласно изложенному выше, въ такого рода дѣйствіяхъ нельзя не усмотрѣть нарушенія правъ Клингера. Что касается указанія апеллятора, приводимаго имъ въ свое оправданіе, на то, что слово „Клингеритъ“ сдѣлалось уже нарицательнымъ и стало названіемъ для извѣстнаго сорта прокладочныхъ матеріаловъ, въ подтвержденіе чего онъ проситъ допросить въ качествѣ свидѣтелей представителей указанныхъ имъ фирмъ, то оно не можетъ заслуживать уваженія, прежде всего потому, что согласно ст. 161^{8} свидѣтельство на товарные знаки не выдается, между прочимъ, если они вошли во всеобщее употребленіе для отличія товаровъ извѣстнаго рода (п. 3) и если сочетаніе буквъ или словъ не представляетъ отличительнаго знака. Выдача однако такого свидѣтельства Клингеру должна быть признана доказательствомъ того, что слово „Клингеритъ“ не сдѣлалось общеупотребительнымъ

названіемъ прокладочныхъ матеріаловъ извѣстнаго рода. Употребленіе этого слова со стороны публики, какъ нарицательнаго и для наименованія извѣстнаго товара, не можетъ служить подтвержденіемъ общеупотребительности названія, въ виду, зачастую, неосвѣдомленности публики о различіи товарныхъ знаковъ, не обращающей на нихъ вниманія. Такое же примѣненіе этого слова торговыми фирмами составляетъ ничто иное, какъ нарушеніе правъ владѣльца товарнаго знака, ибо свидѣтельство на право исключительнаго пользованія таковымъ выдается именно съ цѣлью огражденія интересовъ промышленника или торговца, прежде всего и главнымъ образомъ, среди также промышленниковъ и торговцевъ. Признавая, въ силу всѣхъ приведенныхъ соображеній, право истца нарушеннымъ со стороны отвѣтчика Б. Шварца и принимая во вниманіе, что согласно ст. 684 т. X ч. I и ст. 161^{19} Уст. Пром. (Прод. 1906 г., т. XI ч. II), послѣдствіемъ сего является право требовать судомъ воспрещенія пользоваться товарнымъ знакомъ и возмѣщенія убытковъ, о чемъ истецъ и проситъ, Правительствующій Сенатъ оставилъ въ силѣ рѣшеніе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда (1908 г., № 2451).

103. *Гражданскій Кассаціонный Департаментъ* въ рѣшеніи 1911 г., № 1, установилъ слѣдующія положенія: 1) ст. 165^{5} т. XI ч. 2 Уст. Пром. подтверждаетъ за предпринимателями (промышленниками и торговцами), какъ изначально имъ принадлежащее, право исключительнаго пользованія собственнымъ общегражданскимъ или торговымъ именемъ на товарныхъ знакахъ безъ правительственной санкціи, но обусловливаетъ это право непремѣннымъ означеніемъ и мѣста нахожденія предпріятія въ цѣляхъ точнаго указанія на происхожденіе товара. Поэтому, вопросъ о томъ, устанавливаетъ-ли ст. 161^{5} Уст. Пром. право исключительнаго пользованія въ товарныхъ знакахъ названіемъ мѣстонахожденія предпріятія (подобнаго праву исключительнаго пользованія своими именемъ и фамиліей) долженъ быть разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ; 2) *коль скоро названіе мѣстности стало нарицательнымъ въ смыслѣ означенія свойства, качества, сорта или способа производства соотвѣтствующаго товара, то помѣщеніе на товарныхъ знакахъ названія мѣстности въ значеніи имени нарицательнаго для отличія товаровъ извѣстнаго рода* (3 п. 161^{8} ст. Уст. Пром.) *представляется допустимымъ*.

104. Гражданскій Кассаціонный Департаментъ, въ рѣшеніи 1907 г., № 89, остановился на слѣдующемъ вопросѣ: *если при покупкѣ привилегированной вещи не было заключено условія о томъ, что сверхъ покупной цѣны покупщикъ обязанъ платить собственнику привилегіи особое вознагражденіе за пользованіе этою вещью, то вправѣ ли собственникъ привилегіи требовать такого вознагражденія отъ покупщика*. По этому вопросу Правительствующій Сенатъ нашелъ, что по законамъ

о привилегіяхъ (т. XI ч. 2 Уст. о Пром. ст. 167 и слѣд.), всякое открытіе, изобрѣтеніе или усовершенствованіе какого-либо общеполезнаго предмета или способа производства въ искусствахъ, мануфактурахъ и ремеслахъ есть собственность того лица, кѣмъ оное сдѣлано, и сіе лицо, для обезпеченія правъ своихъ на свою собственность, можетъ испросить себѣ отъ правительства исключительную привилегію (ст. 167). Привилегія есть актъ, выданный отъ правительства поименованному лицу, или лицамъ, свидѣтельствующій, что описанное въ оном открытіе, изобрѣтеніе или усовершенствованіе было въ свое время предъявлено правительству, и предоставляющій тому лицу, или тѣмъ лицамъ исключительное право пользоваться сдѣланнымъ открытіемъ, изобрѣтеніемъ или усовершенствованіемъ въ продолженіе означеннаго времени, какъ своею собственностью (ст. 168). Получившій привилегію имѣетъ слѣдующія права: 1) онъ одинъ можетъ въ опредѣленное привилегіею время пользоваться открытіемъ, изобрѣтеніемъ или усовершенствованіемъ, какъ неотъемлемою и исключительною своею собственностью, и вслѣдствіе того вводить, употреблять, продавать, дарить, завѣщать и инымъ образомъ уступать другому на законномъ основаніи какъ предметъ, на который выдана привилегія, такъ и самую привилегію, или же дозволить другому употребленіе оной на все предоставленное изобрѣтателю время или на меньшій срокъ, и 2) преслѣдовать судомъ всякую поддѣлку и искать удовлетворенія въ понесенныхъ отъ того убыткахъ (ст. 171). Такимъ образомъ, права собственника привилегіи сводятся къ исключительному пользованію извѣстнымъ открытіемъ, изобрѣтеніемъ или усовершенствованіемъ и преслѣдованію всякихъ поддѣлокъ; пользованіе же заключается въ употребленіи и продажѣ или иной уступкѣ какъ предмета привилегіи, такъ и самой привилегіи. Но нигдѣ въ законѣ не говорится о правѣ собственника привилегіи, послѣ продажи привилегированной вещи, требовать отъ покупщика вещей особой платы за пользованіе этою вещью. Конечно отъ собственника привилегіи зависитъ войти, при продажѣ привилегированнаго предмета, съ покупщикомъ въ соглашеніе относительно уплаты особаго вознагражденія за пользованіе симъ предметомъ, но, при отсутствіи такого соглашенія, продажею привилегированнаго предмета право собственника привилегіи по отношенію къ этому предмету должно почитаться исчерпаннымъ, и покупщикъ, какъ собственникъ купленнаго предмета, вправѣ пользоваться имъ вполнѣ самостоятельно, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства и безъ обязанности платить что либо за такое пользованіе, такъ какъ никакихъ ограниченій въ правѣ пользованія пріобрѣтенными на законномъ основаніи привилегированными предметами законы о привилегіяхъ не установляютъ. Въ виду всего вышеизложеннаго Правительствующій Сенатъ призналъ, что поставленный вопросъ разрѣшается *отрицательно*.

ТОВАРИЩЕСТВО
полное и на вѣрѣ.

105 | 73. Для образованія товариществъ полнаго и на вѣрѣ, не говоря уже о компаніяхъ на акціяхъ, необходимо заключеніе письменнаго договора; наличность такового не требуется лишь для разнаго рода другихъ, не подходящихъ подъ указанные роды товариществъ, соединенія лицъ для производства общаго предпріятія. Состояніе лица вкладчикомъ въ товариществѣ на вѣрѣ предполагаетъ наличность денежнаго вклада или денежную же оцѣнку въ договорѣ личнаго труда. Участіе въ прибыляхъ отъ предпріятія не доказываетъ еще права на участіе въ имуществѣ товарищества и на участіе въ его реализаціи, хотя бы оказался къ оному и извѣстный приростъ.

Изъ дѣла видно, что С.-Петербурскій купецъ Александръ Богдановъ, владѣя въ С.-Петербургѣ табачною фабрикою, до конца 1877 г. велъ дѣло въ товариществѣ съ А. Петрококино подъ фирмою „А. Н. Богдановъ и К°“, на каковой предметъ заключенъ былъ между ними формальный товарищескій договоръ; затѣмъ въ концѣ 1877 г. означенное товарищество, по обоюдному соглашенію товарищей, прекратилось, и все дѣло перешло въ единоличную собственность Александра Богданова, продолжавшаго фабричное производство и торговлю подъ прежнею фирмою „А. Н. Богдановъ и К°“, о чемъ товарищи и составили между собою договоръ 24 марта 1878 г., извѣстивъ, вмѣстѣ съ симъ, объ этомъ обстоятельствѣ и кліентовъ фирмы, циркуляромъ отъ того же 24 марта 1878 года. Нуждаясь, однако, въ помощникахъ, Александръ Богдановъ въ томъ же году пріобщилъ къ своему дѣлу брата своего Николая Богданова и Симонова, состоявшаго до того времени у бывшаго товарищества на жалованьѣ, но никакого формальнаго договора съ ними не заключилъ. Такъ дѣло продолжалось до 1884 г., въ теченіе какового времени получавшіяся отъ предпріятія прибыли распредѣлялись между Александромъ Богдановымъ, получавшимъ половину изъ нихъ, и между Николаемъ Богдановымъ и Симоновымъ, получавшими по одной четверти изъ прибылей; независимо отъ сего, Александръ Богдановъ получалъ ежегодно отчисляемыя изъ прибылей 10.000 руб. за фирму и 8% на

внесенный имъ въ дѣло капиталъ; что же касается Николая Богданова и Симонова, то денежнаго вклада ими вносимо не было и участвовали они въ дѣлѣ однимъ трудомъ. Въ 1884 г. Александръ Богдановъ продалъ все дѣло Высочайше утвержденному товариществу на паяхъ, подъ тою же фирмою „А. Н. Богдановъ и К°“, за сумму 1.860.677 р. 89 к.; въ томъ числѣ, какъ сказано въ балансѣ, „за движимость и фирму 500.000 руб.“. Указывая на это послѣднее обстоятельство и утверждая, что онъ состоялъ товарищемъ Александра Богданова и что ему принадлежала четвертая часть предпріятія, истецъ Симоновъ предъявилъ къ наслѣдникамъ нынѣ умершаго Александра Богданова составляющій предметъ настоящаго дѣла искъ о присужденіи съ нихъ четвертой части изъ означенной выше суммы 500.000 руб., т. е. 125.000 руб., признанный С.-Петерб. Ком. Судомъ подлежащимъ удовлетворенію въ капитальной суммѣ 93.750 руб. Обращаясь вслѣдствіе принесенной на это рѣшеніе суда наслѣдниками умершаго Александра Богданова апелляціонной Прав. Сенату жалобы, къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что право свое на искъ Симоновъ основываетъ на томъ, что онъ вступилъ вкладчикомъ въ товарищество подъ фирмою „А. Н. Богдановъ и К°“, которому Александръ Богдановъ уступилъ свое имущество, въ каковомъ товариществѣ онъ, Симоновъ, участвовалъ въ $^1/_4$ части, т. е. другими словами: Симоновъ считаетъ себя участникомъ товарищества на вѣрѣ и находитъ, что права его должны обсуждаться на основаніи установленныхъ въ законѣ для этого рода товариществъ правилъ, въ чемъ согласился съ нимъ и Ком. Судъ. По дѣйствующимъ у насъ законамъ о товариществахъ (ст. 2126 и слѣд. т. X ч. I Зак. Гражд. и 63 и слѣд. ст. XI т. 2 ч. Уст. Торг.) подъ товариществомъ разумѣется соединеніе двухъ или нѣсколькихъ лицъ въ одномъ составѣ, дѣйствующихъ въ ономъ подъ единымъ общимъ именемъ—фирмою. Товарищества бываютъ слѣдующихъ видовъ: товарищество полное, товарищество на вѣрѣ и товарищество или компанія на акціяхъ. Не говоря уже объ этомъ послѣднемъ видѣ товарищества, составляющемъ самостоятельное юридическое лицо, учреждающемся по сему только съ разрѣшенія правительства (2140) и дѣйствующемъ на основаніи утвержденнаго подлежащею властью устава (ст. 2158), и полное товарищество и товарищество на вѣрѣ образовываются по закону (ст. 2132 т. X ч. I и ст. 67, 72 и 82 Уст. Торг.) на основаніи письменнаго товарищескаго договора, который представляетъ изъ себя не только удостовѣреніе о взаимномъ согласіи договаривающихся сторонъ, но въ то же время и самый актъ объ учрежденіи товарищества. Поэтому, какъ то и признавалось всегда судебною практикою, для означенныхъ видовъ товарищества письменная форма договора представляется безусловно необходимою, и только письменнымъ договоромъ могутъ быть въ такихъ случаяхъ опредѣляемы какъ условія дѣятельности такихъ товариществъ, такъ и взаимныя въ оныхъ права и обязанности товарищей, составляющихъ это „единое цѣлое“—

товарищество. Но, помимо означенныхъ выше трехъ видовъ товариществъ закономъ (ст. 45 Уст. Суд. Торг.) предусматриваются и въ торговомъ быту дѣйствительно встрѣчаются разнаго рода другія соединенія двухъ или нѣсколькихъ лицъ для производства общаго предпріятія, которыя, какъ и прочія, не заключающія въ себѣ ничего законамъ противнаго сдѣлки, подлежатъ судебной, въ случаѣ спора, защитѣ сообразно ихъ содержанію, представляющемуся по условіямъ, зависящимъ отъ свободной воли контрагентовъ, весьма разнообразнымъ. За неимѣніемъ въ законѣ для подобнаго рода товариществъ или сообществъ какихъ-либо дальнѣйшихъ опредѣленій, судебною практикою допускалось, что такія товарищества, но именно и только такія, могутъ возникать и безъ письменнаго договора, а слѣдовательно, и признаніе ихъ возможно на основаніи всякихъ другихъ, допускаемыхъ закономъ, доказательствъ. Въ данномъ случаѣ по дѣлу представляется безспорно установленнымъ, что Симоновъ, не внеся въ дѣло подъ фирмою „А. Н. Богдановъ и К°“ никакого капитала, участвовалъ въ немъ своимъ трудомъ и пользовался 1/4 частью изъ прибылей отъ предпріятія, какого рода участіе и приравнивается Симоновымъ къ участію вкладчика въ товариществѣ на вѣрѣ. Но такъ какъ письменнаго договора, представляющагося, какъ выше объяснено, при этомъ видѣ товарищества обязательнымъ и существенно необходимымъ, между Симоновымъ и Александромъ Богдановымъ заключено не было, то и права Симонова, вытекающія изъ вступленія его въ означенное дѣло, должны обсуждаться и быть выводимы не на основаніи правилъ о товариществѣ на вѣрѣ, въ законѣ имѣющихся, а лишь на основаніи того спеціальнаго соглашенія, которое въ данномъ случаѣ между ними состоялось, насколько таковое представляется по дѣлу выясненнымъ и доказаннымъ. При этомъ нельзя однако не указать на то, что по закону въ товариществѣ на вѣрѣ участіе товарища въ прибыляхъ, а равно и убыткахъ, получаемыхъ отъ реализаціи товарищескаго имущества, опредѣляется исключительно его денежнымъ вкладомъ (ст. 83 и 85 Уст. Торг.); поэтому, если вкладчикъ, вносящій въ дѣло исключительно свой трудъ, и можетъ быть приравненъ относительно своихъ товарищескихъ правъ и обязанностей къ вкладчику, сдѣлавшему денежный или имущественный взносъ, то только въ томъ случаѣ, если его трудъ подвергся при вступленіи его въ товарищество особой денежной оцѣнкѣ,—что въ подобныхъ случаяхъ, какъ показываетъ практика, и оговаривается въ самомъ соглашеніи—и если ему предоставлено договоромъ право участія соразмѣрно этой оцѣнкѣ въ имуществѣ товарищества. Участіе же въ прибыляхъ отъ предпріятія, само по себѣ, не доказываетъ еще права на участіе въ имуществѣ товарищества, а слѣдовательно, и права на участіе въ его реализаціи, даже въ томъ случаѣ, если бы оказался къ оному нѣкоторый приростъ, ибо приростъ капитала естественно принадлежитъ его собственнику. А такъ какъ Симоновъ является собственникомъ лишь своего труда, опредѣленною суммою не оцѣненнаго, за который соб-

ственно и предоставлено ему было право участія въ опредѣленной долѣ прибыли отъ предпріятія, то онъ и не можетъ быть признанъ, безъ особаго на то соглашенія, участникомъ въ полученномъ при реализаціи имущества торговаго дома подъ фирмою „А. Н. Богдановъ и К°“ приростѣ на имущество и капиталъ, чѣмъ собственно и является сумма 500.000 руб., полученная Александромъ Богдановымъ, какъ значится въ представленномъ учредителямъ Высочайше утвержденнаго товарищества балансѣ на 27 декабря 1883 г., „за движимость и фирму“, на часть каковой суммы Симоновъ и простираетъ свое требованіе. Для признанія за Симоновымъ права на часть этой суммы необходимо, чтобы съ его стороны представлены были положительныя доказательства въ подтвержденіе того, что, независимо отъ прибылей, Александръ Богдановъ сдѣлалъ его участникомъ и въ своемъ капиталѣ, а слѣдовательно и въ приростѣ на оный. Переходя къ разсмотрѣнію представленныхъ Симоновымъ въ подтвержденіе сего доказательствъ, Прав. Сенатъ находитъ, что Симоновъ ссылается въ этомъ отношеніи на торговыя книги фирмы, которыя названы книгами „торговаго дома „А. Н. Богдановъ и К°“, въ коихъ употребляется выраженіе „состоитъ въ долгу за нами“ и значится, что отчисленіе изъ прибылей извѣстнаго процента въ пользу служащихъ происходило каждый разъ съ согласія компаніоновъ, каковыя обстоятельства, по мнѣнію Симонова, свидѣтельствуютъ уже сами по себѣ о наличности товарищества и о принадлежности имущества его всѣмъ участникамъ такового. Первое утвержденіе Симонова—о наличности товарищества—представляется вполнѣ справедливымъ: дѣйствительно, извѣстный видъ товарищества существовалъ, такъ какъ Александръ Богдановъ пригласилъ брата своего Николая Богданова и Симонова къ участію въ своемъ дѣлѣ личнымъ трудомъ за извѣстное вознагражденіе, въ видѣ доли прибылей отъ предпріятія; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы означенное товарищество существовало на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и въ бытность Петрококино. Изъ дѣла видно, что при выходѣ Петрококино изъ товарищества на вѣрѣ подъ фирмою „А. Н. Богдановъ и К°“, образованнаго на законномъ основаніи путемъ заключенія письменнаго товарищескаго договора, Александръ Богдановъ пріобрѣлъ по договору въ свою единоличную собственность все дѣло съ фирмою, движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, о чемъ и объявилъ кліентамъ фирмы въ циркулярѣ отъ 24 марта 1878 г., объяснивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что фабричное производство и торговлю будетъ продолжать онъ подъ прежнею фирмою „А. Н. Богдановъ и К°“. Если бы Александръ Богдановъ смотрѣлъ на брата своего Николая и на Симонова, какъ на продолжателей правъ и обязанностей Петрококино, то несомнѣнно счелъ бы нужнымъ обновить съ ними договоръ товарищества на вѣрѣ; а такъ какъ онъ этого не сдѣлалъ, то уже одно это обстоятельство не даетъ права дѣлать предположеніе о предоставленіи имъ одинаковыхъ правъ съ Петрококино. Засимъ, еслибы, не смотря на отсутствіе письмен-

наго договора, Александръ Богдановъ принялъ въ свое дѣло Николая Богданова и Симонова, какъ вкладчиковъ по закону, то въ своихъ же собственныхъ интересахъ (ибо вкладчикъ по закону, пользуясь прибылями предпріятія, въ то же время участвуетъ и въ убыткахъ онаго) не преминулъ-бы объявить объ этомъ обстоятельствѣ своимъ кліентамъ; между тѣмъ, объявляя въ циркулярѣ отъ 24 марта 1878 г. о переходѣ къ нему въ единоличную собственность всего торговаго дѣла подъ фирмою „А. Н. Богдановъ и К°“, онъ ограничился въ томъ же циркулярѣ сообщеніемъ лишь о томъ, что, вмѣсто уничтоженной довѣренности Петрококино, имъ выданы довѣренности Николаю Богданову и Симонову, изъ чего слѣдуетъ вывести заключеніе, что, по сознанію самого Александра Богданова, въ моментъ пріобщенія ихъ къ своему дѣлу они не были участниками дѣла въ смыслѣ частичныхъ собственниковъ онаго. Въ силу изложенныхъ соображеній указываемыя Симоновымъ особенности торговыхъ книгъ фирмы „А. Н. Богдановъ и К°“ не могутъ имѣть приписываемаго имъ истцомъ значенія. То обстоятельство, что торговыя книги и послѣ ухода изъ дѣла Петрококино и по вступленіи въ него Николая Богданова и Симонова продолжаютъ называться книгами торговаго дома подъ фирмою „А. Н. Богдановъ и К°“, находитъ себѣ объясненіе въ установленномъ фактѣ, что Александръ Богдановъ вмѣстѣ со всѣмъ дѣломъ пріобрѣлъ отъ Петрококино въ собственность и самую фирму, подъ которою, слѣдовательно, онъ и вправѣ былъ продолжать дѣло, завѣдуя имъ уже единолично; присоединеніе же къ фирмѣ названія „торговый домъ“ объясняется какъ тѣмъ, что, какъ видно изъ дѣла, при вступленіи въ дѣло Николая Богданова и Симонова новыхъ книгъ заведено не было, а продолжалось веденіе старыхъ книгъ съ прежнимъ названіемъ, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ видно изъ имѣющагося въ дѣлѣ заявленія Богданова отъ 7 августа 1878 года въ купеческую управу, вмѣсто выбывшаго вкладчика Петрококино въ дѣло принятъ вкладчикъ, не пожелавшій быть поименованнымъ, со взносомъ въ 1.000 руб. Но во всякомъ случаѣ такой внѣшній признакъ, какъ оглавленіе торговыхъ книгъ, какъ книгъ „торговаго дома А. Н. Богдановъ и К°“, самъ по себѣ, не можетъ служить основаніемъ къ опредѣленію существа взаимныхъ отношеній сторонъ, какъ членовъ именно торговаго дома, основаніемъ чему, согласно вышеприведеннымъ законамъ, могъ служить единственно письменный договоръ. Далѣе употребленное въ книгахъ выраженіе „состоитъ въ долгу за нами“, вмѣсто „за мною“, стоитъ въ непосредственной зависимости отъ пользованія Александромъ Богдановымъ прежнею фирмою и лучшимъ доказательствомъ того, что такому выраженію фирмы имъ не придавалось никакого спеціальнаго значенія, направленнаго къ характеристикѣ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, служитъ то, что даже въ циркулярѣ отъ 24 марта 1878 г. (по поводу прекращенія товарищества съ Петрококино), говоря безспорно только лично о себѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, выражается во множе-

ственномъ числѣ только потому, что подписывается „А. Н. Богдановъ и К°“, „*мы* выдали довѣренности...“, пишетъ онъ въ этомъ циркулярѣ, вмѣсто того, чтобы написать *я* выдалъ довѣренности. Наконецъ и имѣющіяся въ книгахъ записи о томъ, что отчисленіе отъ ежегодной прибыли извѣстнаго процента въ пользу служащихъ происходило съ согласія компаніоновъ, не могутъ служить какимъ-либо доказательствомъ права Симонова на что-либо иное, кромѣ прибылей, получаемыхъ собственно отъ эксплоатаціи предпріятія; записи эти представляются вполнѣ правильными и логичными, такъ какъ съ одной стороны Николай Богдановъ и Симоновъ были дѣйствительно компаніонами Александра Богданова, какъ участвовавшіе вмѣстѣ съ нимъ въ прибыляхъ отъ предпріятія, а съ другой—когда уже прибыль выведена—распоряженіе ею, измѣняющее въ чемъ-либо первоначально установленное ея назначеніе, можетъ принадлежать только всѣмъ, въ ней участвующимъ, а не кому-либо изъ нихъ въ отдѣльности. Такимъ образомъ оказывается, что ссылка Симонова на торговыя книги фирмы въ подтвержденіе правъ своихъ какъ вкладчика по закону въ товариществѣ на вѣрѣ подъ фирмою „А. Н. Богдановъ и К°“ представляется неуважительною. Напротивъ того, подробное разсмотрѣніе существа содержащихся въ означенныхъ книгахъ записей, въ связи съ другими имѣющимися въ дѣлѣ документами, должно привести къ заключенію совершенно обратному, а именно: Александръ Богдановъ, пріобрѣтя отъ Петрококино въ свою собственность все дѣло, въ томъ числѣ и имущество и фирму, никогда ни означеннаго имущества, ни фирмы товариществу не передавалъ, участниками въ таковыхъ Николая Богданова и Симонова не дѣлалъ, а до самаго момента продажи всего дѣла вновь учрежденному товариществу продолжалъ оставаться единоличнымъ собственникомъ таковыхъ. Дѣйствительно, во исполненіе требованія 606 ст. Уст. Торг., въ главной книгѣ открытъ былъ счетъ капитала и имущества предпріятія; въ дебетѣ этого счета помѣщено было все то имущество, которое пріобрѣтено было Александромъ Богдановымъ отъ Петрококино, причемъ отдѣльныхъ частей участниковъ предпріятія не показано, какъ это должно было бы имѣть мѣсто, если бы Николай Богдановъ и Симоновъ были дѣйствительно вкладчиками по закону, а весь капиталъ и все имущество цѣликомъ перенесены изъ главной книги въ личный счетъ одного Александра Богданова; изъ дѣла не видно, чтобы такой пріемъ вызвалъ своевременно какой-либо протестъ со стороны Николая Богданова и Симонова; что же касается стоимости фирмы, то она, какъ то и слѣдовало,—ибо во время дѣйствія предпріятія фирма представляетъ собою лишь идеальную, зависимую отъ самаго хода предпріятія цѣнность,—въ счетъ не была вовсе включена, а потому уже въ силу этого одного обстоятельства не можетъ считаться переданною Александромъ Богдановымъ товариществу. Далѣе изъ дѣла усматривается, что за предоставленіе въ пользованіе имущества своего Александръ Богдановъ получалъ отъ прочихъ участниковъ въ дѣлѣ по 8% ежегодно, а за предоставленіе въ пользованіе своей фирмы

получалъ отъ нихъ ежегодно 10% изъ общей прибыли. Всѣ эти обстоятельства, почерпнутыя изъ торговыхъ книгъ, вмѣстѣ взятыя, явно показываютъ, что единственнымъ собственникомъ всего предпріятія подъ фирмою „А. Н. Богдановъ и К°“ былъ Александръ Богдановъ, ничего изъ него ни брату своему, ни Симонову не уступившій, кромѣ части прибылей, получаемыхъ во время эксплоатаціи имъ этого предпріятія. Доказательствомъ же того, что такой порядокъ вещей никогда не измѣнялся и существовалъ до самаго перехода всего предпріятія къ вновь учрежденному товариществу, служитъ то, что на продажу означеннаго предпріятія товариществу Александръ Богдановъ не испрашивалъ разрѣшенія у своихъ компаніоновъ, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ доказательствъ тому не имѣется и самъ истецъ не утверждаетъ противнаго. Засимъ въ протоколѣ засѣданія учредителей товарищества отъ 11 января 1884 г., подписанномъ въ числѣ прочихъ лицъ и Симоновымъ, Александръ Богдановъ названъ *единоличнымъ* владѣльцемъ фабрики; такимъ же образомъ называется Александръ Богдановъ и въ протоколахъ отъ 24 іюня 1884 г. общаго собранія владѣльцевъ паевъ товарищества и Правленія товарищества; наконецъ и въ Высочайше утвержденномъ уставѣ означеннаго товарищества фабрика показана опять-таки принадлежавшею одному Александру Богданову. Если бы Николай Богдановъ и Симоновъ въ то время считали себя участниками въ имуществѣ предпріятія, то несомнѣнно не допустили бы Александра Богданова до самовольнаго распоряженія его судьбою и во всякомъ случаѣ приняли бы соотвѣтствующія мѣры къ огражденію своихъ правъ; непринятіе же ими такихъ мѣръ, въ особенности въ виду отсутствія письменнаго между ними договора, и признаніе ими на бумагѣ Александра Богданова единоличнымъ собственникомъ всего дѣла, уже само собою служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что въ нихъ самихъ въ то время такого убѣжденія еще не существовало. Посему и такъ какъ 500.000 руб., полученные Александромъ Богдановымъ отъ Правленія вновь учрежденнаго товарищества, составляютъ часть всего актива предпріятія, а именно стоимость движимости со включеніемъ въ нее фирмы (другой статьи „движимости“ въ балансѣ на 27 декабря 1883 г. не имѣется), то и эта сумма, на часть которой Симоновъ простираетъ свои требованія, должна быть признана принадлежащею исключительно одному Александру Богданову. Второе доказательство существованія товарищества съ участіемъ членовъ его и въ имуществѣ онаго истецъ усматриваетъ въ перепискѣ съ нимъ Александра Богданова, которая, съ одной стороны, велась имъ на бланкахъ табачной фабрики товарищества „А. Н. Богдановъ и К°“, а съ другой стороны, содержитъ въ себѣ такія обращенія, которыя употребляются только между лицами по положенію равными. Но и это доказательство Симонова не можетъ быть признано подтверждающимъ его взглядъ. Не говоря уже о томъ, что на такихъ чисто внѣшнихъ признакахъ не представляется вообще возможнымъ строить сужденіе о внутреннихъ отношеніяхъ между собою товарищей,

въ сущности пользованіе Александромъ Богдановымъ въ своей перепискѣ бланками съ фирмою товарищества „А. Н. Богдановъ и К°“ находитъ себѣ логическое объясненіе въ томъ, что право на это пріобрѣтено было Богдановымъ отъ Петрококино, вмѣстѣ съ покупкою имъ отъ него права на фирму, а также отчасти и въ томъ, что въ дѣйствительности товарищество существовало, но только товарищество изъ прибылей, а не въ томъ видѣ, въ какомъ добивается его представить Симоновъ. Что же касается употребляемыхъ Александромъ Богдановымъ въ своихъ письмахъ обращеній, какъ-то: „Милостивый Государь“... „остаюсь съ почтеніемъ Вашимъ покорнымъ слугою“ и прочія, то въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго, если принять въ соображеніе, что Симоновъ былъ компаніономъ Богданова по прибыли и что таковымъ Богдановъ всегда его и признавалъ, доказательствомъ чего могутъ служить торговыя книги фирмы, гдѣ это званіе Симонову постоянно присвоивалось. Третьимъ доказательствомъ общности товарищескаго имущества служатъ, по мнѣнію Симонова, юбилейная книга, озаглавленная: „двадцатипятилѣтіе табачной фабрики „А. Н. Богдановъ и К°“ 30 апрѣля 1864—1889 г.г.“, въ которой при описаніи постепеннаго хода дѣлъ табачной фабрики, между прочимъ, упомянуто, что Николай Богдановъ и Симоновъ были приглашены Александромъ Богдановымъ товарищами по дѣлу, и объясненіе, представленное Александромъ Богдановымъ въ Экспертную Комиссію всероссійской промышленно-художественной выставки 1882 г. въ Москвѣ, въ коемъ онъ, между прочимъ, рекомендовалъ вниманію экспертовъ своихъ вкладчиковъ Николая Богданова и Симонова, бывшаго до 1878 г. его управляющимъ, благодаря дѣятельному участію коихъ и могли быть только приведены къ осуществленію всѣ поставленныя имъ себѣ задачи. Этимъ двумъ документамъ Симоновъ придаетъ особенно большое значеніе, какъ выразителямъ сознанія самого Александра Богданова. Но и эти доказательства равнымъ образомъ не могутъ быть признаны подтверждающими мнѣніе истца. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что съ внѣшней стороны ни первому, ни второму документу серьезнаго значенія вообще придавать нельзя; первый изъ нихъ, какъ приноровленный къ извѣстному случаю, написанный по поводу извѣстнаго, чисто семейнаго празднества—25-лѣтію фабрики, имѣлъ, очевидно, единственною своею цѣлью выставить въ наилучшемъ свѣтѣ какъ самое дѣло, такъ и всѣхъ въ немъ участвовавшихъ и къ тому же врядъ-ли составленъ самимъ Богдановымъ; если же, въ подтвержденіе чего Симоновымъ представлены доказательства, означенная книжка и представлена была впослѣдствіи Министру Финансовъ въ видѣ записки при испрошеніи наградъ участникамъ въ табачной фабрикѣ „А. Н. Богдановъ и К°“, то самая цѣль, съ которой эта книжка была представлена, даетъ уже основаніе къ тому, чтобы критически относиться къ употребленнымъ въ ней выраженіямъ. Точно такимъ же образомъ слѣдуетъ отнестись и ко второму документу, какъ составленному Александромъ Богдановымъ и представленному имъ исключительно съ цѣлью по-

лученія наградъ за выставку. Но если даже придать этимъ документамъ серьезное значеніе и обратиться къ ихъ содержанію, то и въ такомъ случаѣ они ничего не доказываютъ. Правда, въ первомъ документѣ Симоновъ названъ товарищемъ, во второмъ—вкладчикомъ, что въ дѣйствительности и имѣло мѣсто: Симоновъ былъ товарищемъ изъ прибылей и вкладчикомъ своего труда, денежной оцѣнкѣ не подвергавшагося, но въ чемъ же именно состояли его права, выясненіе чего собственно и представляется для дѣла существеннымъ, отвѣта на этотъ вопросъ въ означенныхъ выше документахъ не содержится. Послѣдній доводъ Симонова, направленный къ тому, чтобы доказать общность имущества товарищей, заключается въ ссылкѣ на примѣръ, а именно на то обстоятельство, что Александръ Богдановъ выплатилъ своему брату Николаю за фирму 90.000 руб., т. е. сумму приблизительно равную той, на которую онъ въ дѣйствительности имѣлъ бы право, если бы въ силу соглашенія ему предоставлено было право участія и въ товарищескомъ имуществѣ, изъ чего истецъ выводитъ заключеніе о сознаніи Александромъ Богдановымъ своей обязанности къ платежу этой суммы и о правѣ своемъ, какъ лицѣ, находившемся съ Николаемъ Богдановымъ въ одинаковомъ положеніи, требовать отъ Александра Богданова уплаты ему такой же суммы по тому же основанію. Но указываемому Симоновымъ обстоятельству нельзя, однако, придать значенія выгоднаго для него прецедента. Дѣйствительно, изъ дѣла видно, что Александръ Богдановъ по представленіи ему послѣдняго личнаго счета собственноручно его исправилъ и показалъ, между прочимъ, выдачу Николаю Богданову 90.000 руб. за фирму. Но дѣло въ томъ, что хотя по дѣлу и не доказано, чтобы въ правахъ Николая Богданова и Симонова, какъ участниковъ въ товариществѣ, существовало какое-либо различіе, тѣмъ не менѣе въ глазахъ самого Александра Богданова различіе между ними должно было существовать уже въ силу одного того обстоятельства, что Симоновъ являлся для него лицомъ постороннимъ, а Николай Богдановъ—его близкимъ родственникомъ—братомъ. А потому и имѣя въ виду, что, какъ изложено выше, всѣ данныя дѣла показываютъ, что Александръ Богдановъ никогда своимъ имуществомъ, въ томъ числѣ и фирмою, въ пользу товарищества не поступался и владѣлъ имъ единолично до самаго перехода дѣла къ вновь учрежденному товариществу, а слѣдовательно, и не могъ сознавать своей обязанности удѣлить кому-либо часть вырученной отъ продажи предпріятія суммы, уплата имъ Николаю Богданову 90.000 руб. скорѣе всего можетъ быть объяснена желаніемъ наградить своего брата за оказанное ему по дѣлу содѣйствіе; то же обстоятельство, что онъ остановился именно на суммѣ 90.000 руб., а не на какой-либо иной суммѣ, большей или меньшей, и наградилъ его этою суммою подъ видомъ уплаты за фирму, въ свою очередь, можетъ найти себѣ объясненіе въ томъ, что съ одной стороны, онъ ощущалъ потребность руководствоваться въ этомъ отношеніи какою-либо опредѣленною нормою и воспользовался тѣмъ, что было налицо, въ данномъ случаѣ согла-

шеніе относительно участія брата въ 1/4 прибылей, а съ другой тѣмъ, что сумма, изъ которой онъ удѣлилъ извѣстную часть своему брату, была въ дѣйствительности получена имъ отчасти и за фирму; лучшимъ же доказательствомъ того, что самъ Александръ Богдановъ не придавалъ серьезнаго значенія данному имъ этой выдачѣ наименованію—за фирму—служитъ то, что въ сущности слѣдовало бы обозначить эту выдачу подлежащею производству „за движимость и за фирму", за что собственно и получена была имъ сумма 500.000 р., подѣленная имъ съ братомъ, ибо, какъ указано уже выше, сумма 500.000 руб. проведена по всѣмъ балансамъ, какъ стоимость движимости фабрики, а въ томъ числѣ и фирмы. Нѣтъ ничего невозможнаго допустить также и то предположеніе, что Александръ Богдановъ уплатилъ брату своему означенную сумму вслѣдствіе даннаго ему на то или при вступленіи его въ дѣло (Николай Богдановъ прекратилъ для этого свою торговлю въ Москвѣ) или впослѣдствіи обѣщанія; но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ уже одно то обстоятельство, что Александръ Богдановъ, исправляя свой счетъ, удѣлилъ изъ полученныхъ имъ 500.000 руб. извѣстную сумму лишь въ пользу одного Николая Богданова, остальную же сумму оставилъ на счетъ себѣ самому, доказываетъ, что онъ никакой обязанности своей въ отношеніи къ Симонову не сознавалъ; а такъ какъ Симоновъ своего самостоятельнаго права на такую же получку, какъ явствуетъ изъ всего вышеизложеннаго, ничѣмъ не доказалъ, то выводить это право исключительно лишь на основаніи сравненія поступка Александра Богданова съ своимъ братомъ не представляется достаточныхъ основаній. По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ Прав. Сенатъ находитъ, что по дѣлу должно быть признано установленнымъ, что Симоновъ былъ въ предпріятіи подъ фирмою „А. Н. Богдановъ и К°" лишь товарищемъ изъ прибылей, получаемыхъ отъ эксплоатаціи означеннаго предпріятія, и что все участіе его въ ономъ, какъ чисто личное, должно быть признано полученіемъ такой прибыли исчерпаннымъ, вслѣдствіе чего и составляющій предметъ настоящаго дѣла искъ его, простирающійся за предѣлы прибылей собственно отъ эксплоатаціи предпріятія и заключающійся въ требованіи о предоставленіи ему извѣстной доли изъ реализованнаго имущества предпріятія, какъ въ основаніи своемъ ничѣмъ не доказанный, представляется не подлежащимъ удовлетворенію, постановленное же въ обратномъ смыслѣ Коммерческимъ Судомъ по сему дѣлу рѣшеніе, какъ неправильное, подлежитъ отмѣнѣ. А потому Прав. Сенатъ состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе Спб. Ком. Суда отмѣнилъ и въ искѣ Симонову съ наслѣдниковъ умершаго Александра Богданова 125.000 руб. съ процентами съ 20 іюня 1884 г. отказалъ (1895 г., № 1327).

106. При наличности въ договорѣ товарищества отдѣльныхъ противныхъ закону условій судъ вправѣ, не

уничтожая всего соглашенія, ограничиться исключеніемъ изъ него таковыхъ противозаконныхъ условій *лишь тогда, если этимъ не видоизмѣняется въ корнѣ то юридическое отношеніе, которое имѣлось въ виду сторонами при заключеніи соглашенія о товариществѣ.*

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что рѣшительнымъ опредѣленіемъ отъ 8/22 августа 1908 г., Московскій Коммерческій Судъ, по иску потомственнаго гражданина Томилина постановилъ признать незаконнымъ и недѣйствительнымъ заключенный Томилинымъ, Шишовымъ, Цыркинымъ и Бочарниковымъ 16 января 1908 г. договоръ объ учрежденіи товарищества на вѣрѣ, подъ фирмою „Вязовское Углепромышленное Общество". Основаніемъ для означеннаго рѣшенія послужило то соображеніе, что, съ одной стороны, въ товарищескомъ договорѣ не опредѣленъ съ точностью размѣръ складочнаго капитала и что, съ другой стороны, договоръ этотъ, *допуская существованіе паевъ на предъявителя*, устанавливаетъ передачу паевыхъ свидѣтельствъ безъ всякихъ формальностей, *т. е. съ нарушеніемъ правилъ Гербоваго Устава.* Въ апелляціонныхъ жалобахъ, принесенныхъ на рѣшеніе Коммерческаго Суда однимъ изъ отвѣтчиковъ, вкладчикомъ Бочарниковымъ и—въ качествѣ третьяго лица, пайщикомъ товарищества Стефановымъ, первое изъ приведенныхъ выше соображеній суда опровергается указаніемъ на то, что въ представленной учредителями товарищества въ Московскую купеческую управу, при заявленіи отъ 28 января 1908 г., выписи изъ фирменнаго договора имѣется точное опредѣленіе размѣра складочнаго капитала въ 20.000 рублей. Что же касается второго изъ положенныхъ въ основаніе судебнаго рѣшенія соображеній, то, по мнѣнію апеллятора Бочарникова, въ самомъ товарищескомъ договорѣ не заключалось никакого нарушенія Гербоваго Устава, и таковое оказалось бы налицо только въ томъ случаѣ, если бы дѣйствительно послѣдовалъ выпускъ паевъ на предъявителя; во всякомъ случаѣ, незаконность включенныхъ въ товарищескій договоръ правилъ о паяхъ на предъявителя могла бы повести только къ устраненію изъ договора соотвѣтствующихъ статей, съ сохраненіемъ договора въ силѣ въ остальныхъ его частяхъ. Обращаясь къ оцѣнкѣ высказанныхъ въ апелляціонной жалобѣ Бочарникова сужденій, Правительствующій Сенатъ не можетъ не согласиться съ заявленіемъ апеллятора о томъ, что, при наличности въ договорѣ отдѣльныхъ, противныхъ закону условій, можно, не уничтожая всего соглашенія ограничиться исключеніемъ изъ него таковыхъ противозаконныхъ условій. Указанный пріемъ можетъ, однако, получить примѣненіе лишь при томъ условіи, если этимъ не видоизмѣняется въ корнѣ то юридическое отношеніе, которое имѣлось въ виду сторонами при заключеніи соглашенія. Затѣмъ, не можетъ быть рѣчи объ измѣненіи судомъ договора въ томъ слу-

чаѣ, когда незаконность его обусловливается отсутствіемъ въ немъ тѣхъ или иныхъ, требуемыхъ закономъ, опредѣленій. Примѣняя приведенныя общія соображенія къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ считаетъ необходимымъ остановиться, прежде всего, на заключеніи Коммерческаго Суда о незаконности составляющаго предметъ спора товарищескаго договора, въ виду неуказанія въ немъ размѣра складочнаго капитала. Въ опроверженіе указаннаго заключенія суда апелляторомъ Бочарниковымъ была представлена въ Правительствующій Сенатъ, поданная учредителями товарищества 28 января 1908 г. въ Московскую купеческую управу, выписка изъ фирменнаго договора товарищества, въ которой дѣйствительно значится, что основной капиталъ торговаго дома полныхъ товарищей Томилина и Шишова и вкладчиковъ Бочарникова и Цыркина составляетъ по 5.000 руб. на каждаго, а всего 20.000 руб. Однако, разсматриваемый документъ едва ли имѣетъ рѣшающее для настоящаго дѣла значеніе, да вообще не можетъ считаться выпискою изъ фирменнаго договора товарищества, какъ заключающій въ себѣ свѣдѣнія, которыхъ въ самомъ договорѣ не имѣется. Дѣйствительно, въ § 6 товарищескаго договора выяснено, что „размѣръ основного или складочнаго капитала въ настоящее время не опредѣляется, и таковой имѣетъ быть опредѣленъ въ теченіе шести мѣсяцевъ обоюднымъ соглашеніемъ учредителей, о чемъ составляется особый актъ“. Между тѣмъ, въ дѣлѣ не имѣется никакихъ указаній, чтобы предусмотрѣнный § 6 фирменнаго договора дополнительный актъ былъ составленъ, а въ засѣданіи Коммерческаго Суда 8 августа 1908 г., отвѣтчикъ—полный товарищъ Шишовъ—удостовѣрилъ, что не только никакихъ суммъ въ кассу товарищества не поступало, но и акта, устанавливающаго размѣръ взноснаго капитала не существуетъ. Мало того, въ настоящемъ дѣлѣ встрѣчаются указанія, которыми опровергается помѣщенныя въ такъ называемую „выписку“ свѣдѣнія о размѣрѣ, какъ всего капитала товарищества, такъ и вкладовъ отдѣльныхъ товарищей. А именно принесшій апелляціонную жалобу пайщикъ Стефановъ утверждаетъ, что товарищество уже выпустило паи на 600.000 рублей, которые частью уже передало, частью же обязалось передать третьимъ лицамъ. Затѣмъ, изъ представленнаго Коммерческому Суду объясненія отвѣтчика-вкладчика Цыркина усматривается, что его вкладъ состоялъ въ арендномъ договорѣ на землю съ залежами угля и колчедана въ Богородицкомъ уѣздѣ, Тульской губерніи и что у него имѣется ордеръ на выдачу 25 паевъ товарищества (по 1.000 руб.). Въ виду всего изложеннаго, нельзя не придти къ выводу, что принятое Коммерческимъ Судомъ для расторженія товарищескаго договора основаніе—неуказаніе въ договорѣ размѣра складочнаго капитала—остается непоколебленнымъ, восполненіе же этого пробѣла судомъ представляется, конечно, невозможнымъ. Второе усматриваемое въ договорѣ отъ 16 января 1908 года нарушеніе закона, на которое указывалъ на судѣ истецъ Томилинъ, но которое обойдено молчаніемъ въ судебномъ рѣшеніи,

заключается въ предоставленіи вкладчикамъ участія въ распоряженіи дѣлами товарищества. Законъ (Уст. Торг. ст. 73) совершенно опредѣленно указываетъ, что „вкладчики участвуютъ въ товариществѣ однимъ только опредѣленнымъ вкладомъ и не входятъ въ распоряженіе дѣлами онаго". Между тѣмъ, въ фирменный договоръ Вязовскаго Углепромышленнаго Общества было включено правило (§ 18), согласно которому правленіе торговаго дома образуется изъ двухъ пожизненныхъ директоровъ учредителей, Томилина и Шишова, и четырехъ избираемыхъ общимъ собраніемъ пайщиковъ—директоровъ, причемъ (прим. 2) на первое трехлѣтіе выборными директорами признаются вкладчики Бочарниковъ и Цыркинъ. Незаконность приведеннаго правила стоитъ внѣ сомнѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно не могло бы быть исключено судомъ изъ товарищескаго договора, такъ какъ это въ самомъ существѣ измѣнило бы тѣ отношенія, на установленіе которыхъ была направлена воля вступившихъ въ договоръ лицъ. Къ тому же заключенію нельзя не придти, по мнѣнію Правительствующаго Сената, въ отношеніи правилъ товарищескаго договора, устанавливающихъ выпускъ товариществомъ паевъ, не только именныхъ, но и на предъявителя, и опредѣляющихъ порядокъ передачи таковыхъ паевъ. Означенныя правила противорѣчатъ самому понятію товарищества на вѣрѣ и уподобляютъ Вязовское Углепромышленное Общество такъ называемымъ товариществамъ по участкамъ. Между тѣмъ, учрежденіе сихъ послѣднихъ товариществъ не можетъ состояться иначе, какъ съ разрѣшенія подлежащей правительственной власти, а таковое въ настоящемъ случаѣ испрошено не было, вслѣдствіе чего разсматриваемый договоръ долженъ быть признанъ незаконнымъ. По симъ соображеніямъ и имѣя въ виду, что, вопреки высказанному апелляторомъ опасенію, расторженіе оспариваемаго истцомъ договора, не можетъ невыгодно отразиться на третьихъ лицахъ, въ смыслѣ ограниченія ихъ правъ по отысканію понесенныхъ ими убытковъ съ учредителей товарищества,—Правительствующій Сенатъ оставилъ въ силѣ обжалованное рѣшеніе Коммерческаго Суда (1912 г., № 258).

107. Гражданскій Кассаціонный Департаментъ, въ рѣшеніи 1907 г., № 14 остановился на вопросѣ о томъ, *можетъ ли отказъ нѣсколькихъ лицъ отъ подписанія договора полнаго товарищества имѣть своимъ послѣдствіемъ необязательность означеннаго договора для другихъ подписавшихъ его лицъ, если послѣдствія неподписанія его не опредѣлены въ самомъ текстѣ договора.* По этому вопросу, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что договоръ, составляющій предметъ спора по настоящему дѣлу, есть договоръ полнаго товарищества, который, согласно ст. 2132 т. X ч. 1 Зак. Гражд. и разъясненіямъ Правительствующаго Сената (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1871 г., № 162; 1872 г., № 617) долженъ быть облеченъ въ письменную форму, при коей, на основаніи 919 ст. Зак. Гражд.,

требуется наличность подписи всѣхъ вступающихъ въ договоръ лицъ; отсутствіе подписей кого-либо изъ нихъ дѣлаетъ подобный договоръ не осуществимымъ. Правительствующимъ Сенатомъ было уже разъяснено, что договоръ, облеченный въ письменную форму, можетъ считаться совершившимся только по подписаніи его всѣми участвующими въ совершеніи его лицами (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1871 г., № 794; 1879 г., № 151), или же когда лица его не подписавшія, не спорятъ противъ его дѣйствительности и приняли его къ исполненію (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1872 г., № 94; 1875 г., № 805; 1880 г., № 135; 1887 г., № 70); въ частности, по отношенію къ договору товарищества полнаго, отсутствіе подписи одного изъ товарищей, согласившихся на устройство подобнаго товарищества, представляется далеко не безразличнымъ для другихъ лицъ, предположившихъ вступить въ такой договоръ, какъ основанный на взаимныхъ обязательствахъ всѣхъ товарищей и устанавливающій отвѣтственность ихъ за долги товарищества по силѣ 2134 ст. т. X ч. I, каковыя условія для успѣшнаго ихъ выполненія находятся въ прямой зависимости какъ отъ личныхъ свойствъ, такъ и отъ имущественнаго положенія каждаго изъ лицъ, вступающихъ въ подобный договоръ; такимъ образомъ отсутствіе подписи одного изъ лицъ, вошедшихъ въ составъ полнаго товарищества, указываетъ на измѣненіе этого состава, а, слѣдовательно, и на измѣненіе условій подобнаго договора, дѣлающихъ его необязательнымъ для другихъ, хотя бы и подписавшихъ его лицъ. *Въ виду сего, поставленный выше вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.* То обстоятельство въ данномъ дѣлѣ, что лица, согласившіяся на образованіе товарищества, въ особомъ предварительномъ договорѣ условились о послѣдствіяхъ неподписанія товарищескаго договора кѣмъ-либо изъ его участниковъ,—не можетъ имѣть значенія, ибо означенное условіе не было включено въ товарищескій договоръ; равнымъ образомъ, не можетъ имѣть значенія и замѣна впослѣдствіи новыми лицами тѣхъ, которыя, не подписавъ того договора, отказались отъ принятія участія въ немъ.

108|74. Въ силу самаго существа товарищескихъ отношеній, по открытіи товарищества, каждому товарищу принадлежитъ лишь извѣстная опредѣленная часть всего общаго имущества, опредѣляемая сочетаніемъ къ данному времени актива и пассива его, а никакъ не то или другое внесенное имъ въ товарищество имущество, сдѣлавшееся уже достояніемъ самого товарищества. Въ виду сего и внесенныя товарищами по учредительскому договору въ цѣляхъ дѣятельности товарищества суммы при выходѣ товарища или прекращеніи товарищества ни въ какомъ

случаѣ не могутъ служить единственнымъ мѣриломъ причитающейся каждому товарищу части, ибо съ одной стороны выгодами такихъ взносовъ пользовались всѣ товарищи сообща, а съ другой взносы эти могли быть въ цѣломъ или въ части поглощены долгами или убытками товарищества (1893 г., № 1).

109 **75**. Если общее торговое предпріятіе нѣсколькихъ лицъ возникло помимо письменнаго договора, то участникъ такого предпріятія все-таки не лишенъ права требовать отъ прочихъ участниковъ своей части въ силу самаго факта общности предпріятія, причемъ если не установлено, что доли участія были разныя, то онѣ предполагаются равными (1886 г., № 1136).

110. Юридическія отношенія сторонъ по общему торговому предпріятію, возникшему безъ письменнаго о томъ договора.

Моск. Ком. Судъ отказалъ Домбровскому въ искѣ къ дв. Подпалому о возвратѣ истцу половинной доли изъ имущества, значащагося въ описи его отъ 12 мая 1903 г., или же, въ случаѣ отсутствія указаннаго имущества у Подпалаго,—о взысканіи съ него 10 тыс. руб. Основаніемъ къ отказу послужило для суда то соображеніе, что существованіе между сторонами договора товарищества не установлено надлежащими доказательствами, а содержаніемъ надписи на описи отъ 12 мая 1903 г. право Домбровскаго на половину показаннаго въ ней имущества опровергается. Съ этимъ заключеніемъ Ком. Суда Прав. Сенатъ не счелъ возможнымъ согласиться, по слѣдующимъ основаніямъ: Прав. Сенатъ неоднократно разъяснялъ, что возникновеніе и существованіе общаго торговаго предпріятія нѣсколькихъ лицъ допустимо и помимо письменнаго договора (1893 г., № 1383; 1886 г., № 1136 и др.). Исходя на основаніи этихъ разъясненій изъ того положенія, что существованіе товарищества допустимо и на основаніи словеснаго соглашенія и принимая во вниманіе: 1) что въ счетѣ прихода и расхода, подписанномъ Подпалымъ, показана въ приходѣ статья: „въ долгахъ намъ“, каковое выраженіе не можетъ быть иначе толкуемо какъ „въ долгахъ Подпалому и Домбровскому“, такъ какъ изъ того же счета дальше видно, что полученная прибыль раздѣлена названными лицами пополамъ; 2) что представленная къ дѣлу книжка расходовъ озаглавлена Подпалымъ: „Книжка расходовъ по стекло-рисованію Ф. А. Подпалаго съ Рихардомъ Домбровскимъ съ февраля 1900 г.“; 3) что въ рекламныхъ карточкахъ, въ которыхъ обозначе-

ны работы, исполняемыя фирмою, поставлены имена какъ Подпалаго, такъ и Домбровскаго; 4) что заказы неоднократно принимались Домбровскимъ наряду съ Подпалымъ; 5) что корреспонденція заграничныхъ заказчиковъ была нерѣдко направлена на имя одного Домбровскаго, причемъ изъ переписки явствуетъ, что личность Подпалаго не всегда была извѣстна корреспондентамъ; 6) что показаніями допрошенныхъ по дѣлу свидѣтелей установлено, что самъ Подпалый неоднократно называлъ Домбровскаго своимъ компаніономъ и говорилъ о предстоящемъ съ нимъ раздѣлѣ въ равныхъ доляхъ; что Домбровскій принималъ заказы; что на архитектурной выставкѣ издѣлія мастерской были обозначены въ качествѣ издѣлій Подпалаго и Домбровскаго,—Прав. Сенатъ находитъ, что имѣющіяся въ дѣлѣ данныя убѣждаютъ въ томъ, что съ 1900 г. по 12 мая 1903 г. Подпалый и Домбровскій имѣли общее торговопромышленное предпріятіе, которое они эксплоатировали на равныхъ правахъ. А такъ какъ по разъясненію Прав. Сената (1886 г., № 1136), если общее торговое предпріятіе нѣсколькихъ лицъ возникло помимо письменнаго договора, то участникъ такого предпріятія всетаки не лишенъ права требовать отъ прочихъ участниковъ своей части въ силу самаго факта общности, причемъ если не установлено, что доли участія были разныя, то онѣ предполагаются равными,—надлежитъ признать, что Домбровскому, пока противное не доказано, принадлежитъ при ликвидаціи право на половинную долю въ имуществѣ, принадлежащемъ къ составу товарищества, которое, какъ установлено цѣлымъ рядомъ свидѣтелей, а косвеннымъ образомъ и документами, дѣйствительно существовало между тяжущимися въ отношеніи даннаго предпріятія. На основаніи изложеннаго и принимая затѣмъ во вниманіе, что коль скоро срокъ дѣйствія вышеупомянутаго соглашенія отъ 12 мая 1903 г. истекъ, и оно потому утратило свое обязательное для сторонъ значеніе, то оно и не можетъ быть вовсе положено въ основаніе разсчета тяжущихся по ликвидаціи ихъ общаго дѣла,—Прав. Сенатъ пришелъ къ выводу о томъ, что Ком. Судъ неправильно отказалъ Домбровскому въ искѣ, какъ въ основѣ своей правильномъ, но лишь въ настоящее время въ цифровыхъ данныхъ не установленномъ, а потому Прав. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе Моск. Ком. Суда и опредѣлилъ: обязать дворянина Подпалаго въ 2-хъ мѣсячный срокъ отсчитаться передъ прусскимъ подданнымъ Домбровскимъ въ отношеніи половинной доли изъ имущества по ихъ общему товарищескому стекольному предпріятію подъ фирмою „Подпалый и Домбровскій“ за время ко дню предъявленія даннаго иска (1908 г., № 73).

111|76. Договоръ товарищества становится обязательнымъ для лицъ, его заключившихъ, со времени подписанія ими письменнаго изложенія предмета и взаимныхъ условій договора, если въ самомъ договорѣ не обусловленъ другой срокъ, съ котораго означенный договоръ долженъ воспріять силу;

уклоненіе товарища отъ участія въ товариществѣ, выразившееся въ нежеланіи совмѣстно въ другимъ товарищемъ исполнить требованія закона объ оглашеніи товарищества и произвести взносъ, влечетъ за собою взысканіе неустойки (1893 г., сб. Вильсона I, № 101).

Гражданскій Касс. Деп. Прав. Сената въ рѣшеніи за 1907 г., № 14 призналъ, что отказъ нѣсколькихъ лицъ отъ подписанія договора полнаго товарищества *можетъ* имѣть своимъ послѣдствіемъ необязательность означеннаго договора для другихъ подписавшихъ его лицъ, если послѣдствія неподписанія его не опредѣлены въ самомъ текстѣ договора. Ср. № 107.

112|77. Высылка товарища по распоряженію правительства изъ мѣста нахожденія товарищества влечетъ за собою прекращеніе товарищества и разсчетъ на основаніяхъ, въ договорѣ указанныхъ (Спб. к. с. 87, сб. Вильсона I, № 122).

113| 78. Смерть товарища, не указавшаго себѣ преемника, прекращаетъ существованіе торговаго дома, если нѣтъ соглашенія товарищей съ наслѣдниками умершаго; оставшіеся въ живыхъ могутъ продолжать дѣло безъ предпринятія новыхъ спекуляцій, причемъ ликвидація въ такомъ случаѣ является единственнымъ исходомъ; оставшіеся въ живыхъ товарищи могутъ предъявлять иски ко всѣмъ должникамъ торговаго дома и къ имуществу умершаго товарища, если онъ остался въ долгу у торговаго дома (1883 г., № 737).

114. Включеніе въ договоръ полнаго товарищества условія о томъ, что по смерти одного изъ товарищей его мѣсто заступаетъ второй товарищъ, который и управляетъ всѣмъ дѣломъ единолично, не можетъ быть признано незаконнымъ и не служитъ основаніемъ для предъявленія наслѣдниками умершаго товарища иска о ликвидаціи предпріятія.

Въ товарищескій договоръ Д. и П. были между прочимъ включены слѣдующія условія: п. 11. „Въ случаѣ смерти одного изъ товарищей оставшійся въ живыхъ имѣетъ право продолжать предпріятіе торговаго дома единолично подъ тою же фирмою, не прибѣгая къ охранительнымъ мѣрамъ по отношенію къ имуществу, въ торговомъ домѣ умершему товарищу принадлежащему“; п. 12: „По смерти одного изъ товарищей составляется подробный и точный отчетъ и балансъ, и торговый домъ, по провѣркѣ наслѣдниками умершаго товарища того

баланса съ бухгалтерскими книгами и оправдательными документами, выдѣляетъ имъ принадлежащую умершему часть, производя уплату таковой въ теченіе пяти лѣтъ со дня смерти наслѣдодателя по равной части ежегодно, причемъ участіе наслѣдниковъ въ прибыляхъ и убыткахъ торговаго дома совершенно устраняется, и по выдѣлѣ наслѣдниковъ оставшійся въ живыхъ товарищъ также продолжаетъ дѣло подъ тою же фирмою". Ссылаясь на незаконность этихъ условій, наслѣдники умершаго П. предъявили къ Д. требованіе о ликвидаціи предпріятія.

Правительствующій Сенатъ нашелъ, что требованіе истца о ликвидаціи предпріятія всецѣло противорѣчитъ п. п. 11 и 12 товарищескаго договора, а потому могло бы подлежать удовлетворенію, лишь при условіи признанія этихъ пунктовъ договора незаконными, а слѣдовательно, для сторонъ необязательными. Противорѣчіе этихъ пунктовъ договора закону истецъ видитъ въ томъ, что ст. 62 Уст. Торг. требуетъ участія по крайней мѣрѣ 2-хъ лицъ для составленія товарищества (торговаго дома), а ст. 64 Уст. Торг. возлагаетъ на каждаго изъ товарищей обязанность назначить лицо, „долженствующее заступить, въ случаѣ смерти, его мѣсто для продолженія общей торговли". Между тѣмъ, согласно договору П. съ Д., по смерти одного изъ товарищей, его мѣсто заступаетъ второй товарищъ, который засимъ и управляетъ всѣмъ дѣломъ единолично. Правительствующій Сенатъ однако въ этомъ противорѣчія закону не усматриваетъ. Въ договорѣ сторонъ предусмотрѣно прекращеніе товарищества со дня смерти одного изъ товарищей безъ всякаго права наслѣдниковъ вступать въ права умершаго въ товариществѣ и въ фирмѣ, а съ правомъ лишь требовать выдѣла принадлежавшей умершему части, при этомъ не путемъ ликвидаціи, а лишь уплатою остающимся товарищемъ по балансу на день смерти. Наслѣдники, посему, за долги, со дня смерти наслѣдодателя сдѣланные, не отвѣчаютъ *и законы о товариществѣ къ нимъ не примѣнимы вовсе, а Д. предоставлено право торговать одному*, пользуясь только прежнею фирмою (1912 г., № 485).

115. Условія выдѣла участника въ товариществѣ и ликвидаціи торговаго дома.

По договору, заключенному 18 іюля 1896 г. между Гавріиломъ, Федоромъ, Семеномъ и Степаномъ Петровыми образовано было товарищество на вѣрѣ подъ фирмою „Степана Петрова сынъ и К°", въ которомъ Гавріилъ полный товарищъ, а остальные участники—вкладчики, капиталъ которыхъ опредѣленъ (на основаніи взаимныхъ ихъ разсчетовъ) въ 12.000 р. для каждаго; срокъ существованія товарищества не опредѣленъ, а въ 9 и 10 п.п. договора указаны условія выдѣла изъ дѣла его участниковъ. Въ 1902 г. вкладчики товарищества Семенъ и Степанъ Петровы предъявили въ Московскомъ Коммерческомъ Судѣ къ Гавріилу и Федору Петровымъ искъ, прося, во-первыхъ, о признаніи договора 18 іюля

1896 г. ничтожнымъ, во-вторыхъ, о понужденіи отвѣтчиковъ къ ликвидаціи сего товарищества и въ третьихъ, о взысканіи съ Гавріила Петрова по 12.000 въ пользу каждаго изъ истцовъ.

Моск. Ком. Судъ въ этомъ искѣ всецѣло отказалъ. Въ принесенной на это рѣшеніе суда апелляціонной жалобѣ истцы просили обязать отвѣтчиковъ представить для производства экспертизы торговыя книги товарищества, а затѣмъ признать договоръ товарищества подлежащимъ уничтоженію и взыскать съ Гавріила Петрова въ ихъ пользу по 12.000 р. въ пользу каждаго. Послѣ разрѣшенія дѣла въ судѣ и во время апелляціоннаго производства учреждена администрація по дѣламъ торговаго дома „Гавріилъ Петровъ и К°“, вступившая въ дѣло въ лицѣ повѣреннаго ея, а изъ числа истцовъ умеръ Семенъ Петровъ, о вступленіи въ права котораго по тяжбѣ никакихъ бумагъ къ дѣлу не поступило. При слушаніи дѣла въ засѣданіи Прав. Сената повѣренный Степана Петрова поддерживалъ просьбу о ликвидаціи товарищества, противъ чего возражалъ повѣренный отвѣтчиковъ, указывая между прочимъ на то, что требованіе о понудительной ликвидаціи является само по себѣ неправильнымъ. Обсудивъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ обжалованное рѣшеніе суда не подлежащимъ отмѣнѣ, какъ въ окончательномъ выводѣ правильное, по нижеслѣдующимъ соображеніямъ:

1) Домогаясь признанія товарищескаго договора 18 іюля 1896 г. ничтожнымъ и возстановленія истцовъ, значащихся по этому договору вкладчиками съ капиталомъ по 12.000 руб. у каждаго изъ нихъ, въ первоначальное положеніе (in integrum restitutio), истцовая сторона въ основаніе къ тому ссылается на то, что полный товарищъ Гавріилъ Петровъ не исполнилъ обусловленныхъ упомянутымъ договоромъ и сопровождающимъ его особымъ соглашеніемъ тѣхъ же участниковъ договора требованій относительно замѣны закладной сестрамъ Маріи и Акулинѣ Петровымъ векселями торговаго дома въ суммѣ 10.000 руб. срокомъ на 10 лѣтъ и разсрочки долга Павлу Трусову. Но оба эти указанія, сами по себѣ взятыя, не могутъ служить основаніемъ къ признанію договора товарищества не состоявшимся и, какъ видно изъ дѣла, этимъ обстоятельствамъ сами участники договора столь существеннаго значенія и не придавали, такъ какъ товарищеское предпріятіе воспріяло силу и дѣйствіе по договору, послѣ чего были составляемы балансы его, утвержденные всѣми участниками, не исключая и истцовъ.

Конечно, истцы по указываемому ими поводу неисполненія Гавріиломъ Петровымъ условій договора товарищества и особаго соглашенія, вызваннаго раздѣломъ наслѣдства послѣ ихъ отца, не лишены права предъявлять притязанія свои, но не въ формѣ просьбы объ уничтоженіи товарищескаго договора, а въ иной формѣ требованія замѣны закладной и взысканія убытковъ отъ неисполненія договора, если таковые имъ причинены.

2) Просьба о понудительной ликвидаціи товарищества не подлежитъ удовлетворенію по слѣдующимъ основаніямъ. Ни въ Уставѣ Торговомъ, ни въ Законахъ Гражданскихъ (X т. 1 ч.) не содержится постановленій о томъ, что каждый полный товарищъ или даже вкладчикъ въ товариществахъ полномъ и на вѣрѣ можетъ, при нежеланіи по тѣмъ или другимъ причинамъ хотя бы и вполнѣ основательнымъ оставаться въ товариществѣ,—требовать принудительной ликвидаціи товарищескаго предпріятія, въ которомъ кромѣ него имѣются другіе товарищи, вовсе не желающіе ликвидировать дѣло, а наоборотъ желающіе продолжать его, какъ прибыльное и жизнеспособное. Напротивъ того изъ совокупнаго смысла ст. 70 Уст. Торг. и ст. ст. 548, 2133 и 2136 X т. 1 ч., а также 18 п. приложенія къ ст. 1238 X т. 1 ч. слѣдуетъ вывести то заключеніе, что коль скоро изъ числа товарищей торговаго дома двое или болѣе не согласны на ликвидацію, а желаютъ продолженія дѣла торговаго товарищества, то внѣ случаевъ признанія торговаго дома несостоятельнымъ несомнѣнно влекущаго ликвидацію его дѣлъ, принудительная ликвидація наступаетъ въ силу закона лишь въ случаѣ, предусмотрѣнномъ 18 пунктомъ прил. къ 1238 ст. X т. 1 ч. (смерть товарища не имѣющаго себѣ законнаго замѣстителя), а внѣ этого она наступаетъ лишь при условіи согласія на то всѣхъ соучастниковъ торговаго дома, либо за истеченіемъ срока дѣйствія товарищескаго договора, либо, наконецъ, на основаніи постановленій о томъ договора товарищества. Между тѣмъ въ данномъ дѣлѣ ко дню предъявленія иска въ Моск. Ком. Судѣ всѣ участники товарищества подъ фирмою Гавріилъ Петровъ и К° были въ живыхъ и двое изъ нихъ, являющіеся отвѣтчиками по этому иску, на ликвидацію согласія не изъявили, а въ договорѣ товарищества о ликвидаціи дѣла постановленій не содержится и срокъ существованія товарищества тоже не опредѣленъ. Что же касается наконецъ учрежденія администраціи по дѣламъ этого препріятія, то оно послѣдовало послѣ предъявленія иска и рѣшенія его въ судѣ, а засимъ, само по себѣ взятое, не обусловливаетъ наступленія ликвидаціи, такъ какъ цѣль администраціи заключается именно въ возстановленіи дѣлъ, а не въ прекращеніи предпріятія. При такихъ обстоятельствахъ просьба о ликвидаціи удовлетворенію не подлежитъ.

3) Третье исковое требованіе о присужденіи истцамъ съ Гавріила Петрова по 12 т. руб. каждому всецѣло основано на томъ, что договоръ товарищества подлежитъ уничтоженію, какъ несостоявшійся за невыполненіемъ нѣкоторыхъ условій при его заключеніи, и засимъ стороны должны быть возстановлены въ первоначальное ихъ положеніе. Но выше уже разъяснено, что такого рода основаніе для иска объ уничтоженіи товарищескаго договора недопустимо и потому какъ необходимое послѣдствіе сего должно быть отвергнуто и требованіе о присужденіи съ Гавріила Петрова 24.000 руб. въ виду тѣхъ соображеній, которыя приведены въ пунктѣ первомъ. Что же касается требованія истцовъ о выдѣлѣ

имъ ихъ вкладовъ по договору товарищества отъ 18 іюля 1896 г., то, не говоря уже о томъ, что за силою 75 ст. Уст. Торг. вкладчики въ товариществѣ на вѣрѣ, какъ отвѣтственные за долги торговаго дома своими вкладами, не могутъ требовать свои вклады въ размѣрѣ произведенныхъ ими при учрежденіи товарищества взносовъ безъ соображенія съ положеніемъ торговыхъ дѣлъ товарищества, опредѣляемымъ балансомъ его,—необходимо замѣтить, что такого именно требованія, т. е. о производствѣ выдѣла по условіямъ товарищескаго договора 18 іюля 1896 г. (указаннымъ въ 9 и 10 п.п. этого договора) при предъявленіи даннаго иска въ судѣ заявлено не было, а, какъ видно изъ объясненія на апелляцію, подобное требованіе ими заявлено было Гавріилу Петрову лишь въ порядкѣ нотаріальномъ и на него послѣдовалъ отвѣтъ Гавріила Петрова о согласіи его на выдѣлъ по послѣднему балансу. По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ Прав. Сенатъ оставилъ въ силѣ рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда (1908 г., № 1).

116. Участникъ торговаго дома, фактически выбывшій изъ товарищества, не можетъ претендовать на производство ликвидаціи, а можетъ осуществить свои права путемъ предъявленія иска объ отчетѣ или иска въ опредѣленной денежной суммѣ.

Требованія истца Д. сводятся къ просьбѣ объ изъятіи изъ владѣнія Ц. всего имущества товарищества и передачѣ его истцу для составленія ликвидаціоннаго баланса. Однако въ такомъ видѣ искъ Д. удовлетворенію подлежать не можетъ въ виду того, что истецъ выбылъ изъ товарищества, а отвѣтчикъ продолжаетъ вести предпріятіе, и потому, если бы дѣло и дошло до ликвидаціи предпріятія, то таковая должна была быть поручена тому изъ товарищей, который находится въ дѣлѣ, а не тому, который выбылъ. Послѣдній имѣлъ бы лишь право контроля надъ дѣйствіями перваго. Что же касается просьбы о назначеніи попечителя для производства ликвидаціи, то таковая не подлежитъ удовлетворенію, какъ не основанная на законѣ. Но такъ какъ истецъ, какъ одинъ изъ двухъ товарищей, хотя во всякомъ случаѣ и имѣетъ право на половинную долю имущества, однако удовлетвореніе требованій его *въ томъ видѣ, какъ они нынѣ формулированы*, сводилось бы къ изъятію изъ владѣнія отвѣтчика и той доли имущества, которая является не его, а отвѣтчика, собственностью, что не можетъ быть признано допустимымъ, то единственно правильнымъ являлся бы искъ объ отчетѣ въ опредѣленный для того срокъ, провѣренномъ надлежащими документами, и въ случаѣ непредставленія отчета, Д. могъ-бы предъявить искъ въ опредѣленной суммѣ. Въ виду изложеннаго Правительствующій Сенатъ рѣшеніе Коммерческаго Суда оставилъ въ силѣ (1910 г., № 2582).

117. Предъявляя къ товарищу по общему торговому предпріятію искъ о дачѣ отчета, нельзя одновременно требовать и выдѣла и передачи какой-либо доли въ общемъ имуществѣ; такое требованіе преждевременно (1910 г., № 150).

118. Товарищъ, усиливший оборотныя средства товарищескаго предпріятія путемъ открытія ему кредита, не вправѣ начислять на внесенныя имъ суммы проценты, коль скоро другой товарищъ не изъявилъ согласіе на производство подобной операціи (1908 г., № 800).

119. Коль скоро компаніоны въ отдѣльномъ торговомъ предпріятіи (не заключившіе между собою формальнаго договора т-ва), дѣйствуя заодно и принявъ на себя совмѣстно обязательство передъ третьимъ лицомъ, не указали доли отвѣтственности каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, то отвѣтственность предполагается солидарною, такъ какъ хотя статья 68 Уст. Торг. говоритъ объ отвѣтственности товарищей въ торговомъ домѣ, но кромѣ товарищества въ образѣ торговаго дома наше законодательство признаетъ еще товарищества для отдѣльныхъ, опредѣленныхъ дѣлъ и предпріятій (42 ст. Уст. Суд. Торг. 1903 г.) которыя, какъ и торговый домъ, составляются изъ лицъ, соединенныхъ въ одинъ составъ, но не для производства постоянной торговли въ томъ или другомъ видѣ, а для производства или эксплоатаціи отдѣльнаго предпріятія торговаго свойства и которыя, по существу компанейскихъ договоровъ, могутъ быть полными товариществами, или на вѣрѣ, и обладаютъ всѣми признаками и свойствами сихъ товариществъ. Не распространять на товарищей или компаніоновъ такихъ отдѣльныхъ предпріятій солидарной отвѣтственности по выданнымъ ими по дѣламъ таковыхъ предпріятій обязательствамъ, противорѣчило бы не только духу, но и смыслу законовъ о товариществахъ (1908 г., № 1724).

120|79. Надпись полнаго товарища на товарищескомъ договорѣ относительно его уничтоженія, сдѣланная въ ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей, должна быть признана ничтожною, а договоръ долженъ считаться въ силѣ за время до формальнаго признанія учинившаго эту надпись лица безумнымъ, а съ того времени договоръ долженъ считаться расторгнутымъ, коль

скоро о замѣнѣ выбывшаго товарища его наслѣдникомъ нѣтъ постановленія въ договорѣ (1902 г., Закса).

121|80. Утвержденіе въ правахъ наслѣдства къ имуществу умершаго лица, состоявшаго въ товариществѣ съ 3-мъ лицомъ, само по себѣ взятое, не создаетъ для наслѣдника права на личное участіе въ товариществѣ, если въ договорѣ о товариществѣ о томъ не упомянуто, а даетъ наслѣдникамъ лишь право требовать по такому товариществу отчета (въ правахъ наслѣдодателя) и ликвидаціи товарищества, если за смертью наслѣдодателя въ немъ осталось лишь одно лицо (1897 г., № 1024).

122|81. По совокупному смыслу ст. 65 и 66, торговля, производимая не на складочный, а на общій унаслѣдованный капиталъ, должна производиться независимо отъ того, былъ ли заключенъ установленнымъ порядкомъ договоръ о полномъ товариществѣ (торговымъ домомъ), т. е. въ такой формѣ, при которой интересы постороннихъ лицъ, вступившихъ въ сношенія съ такою совокупностью лицъ, ведущихъ заедино торговое дѣло, обезпечиваются солидарною неограниченною отвѣтственностью сихъ послѣднихъ по общему дѣлу.

Разсмотрѣвъ наст. дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ искъ купеческаго брата Михаила Кузнецова къ московскому купцу Сергѣю Кузнецову. Михаилъ Кузнецовъ, объясняя, что ему, отвѣтчику, и ихъ брату Дмитрію Кузнецову по духовному завѣщанію отца ихъ, Ивана Степановича Кузнецова, досталось въ собственность въ равныхъ доляхъ бѣлильно-красильно-печатно-аппретурная фабрика въ Москвѣ, и что отвѣтчикъ Сергѣй Кузнецовъ, пользуясь тѣмъ, что торговое свидѣтельство и билетъ брались всегда на его имя, не допускаетъ его, истца, къ участію въ означенномъ предпріятіи,— проситъ объ обязаніи Сергѣя Кузнецова допустить его, истца, къ участію въ управленіи и распоряженіи наслѣдственнымъ предпріятіемъ на равныхъ съ нимъ правахъ и о понужденіи отвѣтчика дать ему, Михаилу Кузнецову, отчетъ по этому предпріятію за указанное имъ время. Домогаясь отмѣны рѣшенія Московскаго Коммерческаго Суда, признавшаго Сергѣя Кузнецова обязаннымъ допустить Михаила Кузнецова къ управленію и распоряженію названной фабрикою на правахъ полнаго товарища и дать истцу въ трехмѣсячный срокъ отчетъ по оной за упомянутое выше время, и оспаривая искъ Михаила Кузнецова, отвѣтчикъ Сергѣй Кузнецовъ указываетъ прежде всего

на то, что таковой долженъ быть оставленъ безъ разсмотрѣнія въ виду неправильности предъявленія его къ нему, Сергѣю Кузнецову, одному, такъ какъ искъ этотъ, по мнѣнію отвѣтчика, долженъ быть предъявленъ одновременно и къ другому ихъ, тяжущихся, совладѣльцу—Дмитрію Кузнецову. Засимъ, споръ повѣренныхъ отвѣтчика по существу исковыхъ требованій сводится къ слѣдующимъ доводамъ: а) Сергѣй Кузнецовъ, не оспаривающій правъ собственности братьевъ своихъ на бѣлильно-аппретурную фабрику, какъ наслѣдственное имущество, вправѣ считать себя единственнымъ хозяиномъ этой фабрики въ смыслѣ торговопромышленнаго предпріятія на томъ основаніи, что въ теченіи всего времени съ 1876 г. онъ велъ все дѣло исключительно на свои средства, на свой кредитъ и своимъ единоличнымъ трудомъ; б) признаніе Коммерческимъ Судомъ за Михаиломъ Кузнецовымъ права на участіе въ управленіи и распоряженіи предпріятіемъ на правахъ полнаго товарища представляется неправильнымъ на томъ основаніи, что, по закону (ст. 67, 68, 72, 74, 79 и 80 Уст. Торг. т. XI, ч. 2) полное товарищество можетъ быть учреждаемо и признаваемо только на основаніи письменнаго договора и послѣ исполненія по оному договорившимися формальностей, предписанныхъ закономъ въ отношеніи образованія торговыхъ товариществъ, между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ такого договора между братьями Кузнецовыми заключаемо не было и потому означенное постановленіе Коммерческаго Суда является утвержденіемъ дальнѣйшаго существованія торговаго дома безъ письменнаго договора и внѣ порядка, установленнаго на сей предметъ закономъ; в) по приведеннымъ же основаніямъ должно быть признано неправильнымъ и требованіе истца объ отчетѣ; но независимо отъ сего, это требованіе не можетъ подлежать удовлетворенію настолько, насколько оно простирается за предѣлы десятилѣтней давности. Въ отношеніи перваго указанія, Правительствующій Сенатъ находитъ, что указаніе отвѣтчика на другое лицо, какъ отвѣтственное по требованіямъ истца, можетъ служить основаніемъ къ оставленію предъявленнаго иска безъ разсмотрѣнія лишь тогда, когда такою ссылкою дѣйствительно слагается съ отвѣтчика отвѣтственность по предъявленному къ нему иску и притомъ во всей его цѣлости (ст. 571 п. 3 Уст. Гражд. Суд. т. XVI, ч. 1); въ настоящемъ случаѣ жалобщикъ, настаивая на томъ, что съ составляющими предметъ дѣла требованіями Михаилу Кузнецову надлежитъ обратиться одновременно и къ Дмитрію Кузнецову, не указываетъ на тѣ основанія, по которымъ онъ ссылается на Дмитрія Кузнецова въ отношеніи отвѣтственности довѣрителя его Сергѣя Кузнецова по настоящему иску. Въ виду сего и такъ какъ всякое лицо, считающее свое право нарушеннымъ, можетъ предъявить требованіе о признаніи и возстановленіи своего права къ тому именно отвѣтчику, котораго онъ признаетъ нарушителемъ этого права, и на обязанности суда въ этомъ случаѣ лежитъ установить, дѣйствительно ли нарушеніе послѣдовало и было ли оно совершено указаннымъ отвѣтчикомъ; по объясненію же самихъ повѣренныхъ отвѣт-

чика, Дмитрій Кузнецовъ никакого участія въ распоряженіи спорнымъ предпріятіемъ не принималъ, а потому не могъ нарушать интересовъ истца, составляющихъ предметъ разсматриваемаго его иска, Правительствующій Сенатъ находитъ указаніе отвѣтчика на неправильность предъявленія настоящаго иска къ нему одному лишеннымъ основанія, а построенное на этомъ указаніи ходатайство отвѣтчика объ оставленіи означеннаго иска безъ разсмотрѣнія, не заслуживающимъ уваженія. Переходя засимъ къ обсужденію исковыхъ требованій Михаила Кузнецова по существу, Правительствующій Сенатъ находитъ: завѣщавъ сыновьямъ своимъ Сергѣю, Михаилу и Дмитрію Кузнецовымъ, въ числѣ прочаго имущества, отбѣльную фабрику въ собственность въ равныхъ доляхъ, Иванъ Кузнецовъ относительно этой фабрики сдѣлалъ распоряженія слѣдующаго содержанія: „Такъ какъ главное мое предпріятіе заключается въ бѣлильномъ заведеніи, которое, полагаю, должно продолжаться и послѣ смерти моей дѣтьми моими, но въ случаѣ нежеланія котораго-либо изъ сыновей моихъ заниматься этимъ заведеніемъ, то, не разстраивая онаго, остающіеся обязаны выдать таковому за слѣдующую ему часть всего движимаго имущества по оцѣнкѣ стоимости вещей половину стоимости, то есть по пятидесяти копѣекъ за рубль и выдачу эту произвести въ теченіе трехъ лѣтъ и затѣмъ все таковое имущество остается собственностью того, кто будетъ продолжать это заведеніе... Но если бы всѣ сыновья мои вообще пожелали прекратить это заведеніе, то раздѣлить имъ все поровну... Душеприказчиками по сему моему духовному завѣщанію назначаю московскихъ 2-й гильдіи купцовъ И. Ф. Каретникова и Д. Т. Прохорова, которыхъ прошу содѣйствовать наслѣдникамъ въ веденіи дѣлъ, продолжавшихся послѣ моей смерти, въ теченіе пяти лѣтъ, а до того времени безъ участія душеприказчиковъ и безъ ихъ согласія сыновья мои дѣлать раздѣлъ или прекращать производимое дѣло не должны“. По силѣ приведенныхъ завѣщательныхъ распоряженій не только право собственности на бѣлильную фабрику, но и эксплоатація ея, какъ предпріятія, предоставлены были всѣмъ братьямъ Кузнецовымъ совмѣстно на равныхъ правахъ; засимъ общее веденіе этого предпріятія могло бы быть прекращено или путемъ выдѣла пожелавшаго, на выше прописанныхъ условіяхъ, или путемъ раздѣла между всѣми братьями фабрики, какъ наслѣдственнаго имущества, причемъ, какъ въ отношеніи выдѣла, такъ и въ отношеніи раздѣла наслѣдники Кузнецовы въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ связаны были согласіемъ назначенныхъ завѣщателемъ душеприказчиковъ. Такимъ образомъ, духовнымъ завѣщаніемъ Ивана Кузнецова наслѣдники его были соединены въ одинъ составъ для выполненія перешедшаго къ нимъ въ собственность, въ равныхъ частяхъ, торговопромышленнаго предпріятія, какъ такового, впредь до добровольнаго выхода отдѣльныхъ сонаслѣдниковъ или до общаго между ними раздѣла. И это обязательное для братьевъ Кузнецовыхъ постановленіе (ст. 18 прил. къ ст. 1238 Св. Зак. Гражд. т. X ч. 1) было принято ими къ исполненію,

какъ это видно изъ того, что въ отчетахъ за 1876, 1877 и 1878 г.г., представленныхъ въ Московскій Сиротскій Судъ по опекѣ надъ малолѣтнимъ Дмитріемъ Кузнецовымъ, подписанныхъ Сергѣемъ Кузнецовымъ въ качествѣ опекуна и Михаиломъ Кузнецовымъ, какъ совершеннолѣтнимъ сонаслѣдникомъ, значится причитающаяся на долю малолѣтняго чистая прибыль, полученная съ отбѣльной фабрики за данный годъ, и показаны расходы по оной въ падающей на малолѣтняго одной третьей части (по приходорасходнымъ тетрадямъ за 1876, 1877 и 1878 г.г.—на ремонтъ фабричныхъ строеній и машинъ и на гильдейскія повинности); повѣренный же отвѣтчика въ апелляціонной своей жалобѣ, между прочимъ, объясняетъ, что „Сергѣй Кузнецовъ велъ свое дѣло подъ фирмою „Ивана Степановича Кузнецова С-я“, т. е. подъ фирмою, которую это предпріятіе носило въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ послѣ смерти Ивана Кузнецова-отца, когда оно, по смыслу завѣщанія, должно было продолжаться въ интересахъ всѣхъ трехъ сыновей“, изъ какового объясненія явствуетъ, что послѣ смерти Ивана Кузнецова оставшемуся послѣ него предпріятію присвоена была фирма „Ивана Степановича Кузнецова Сыновья“, какъ предпріятію, которое должно продолжаться въ интересахъ всѣхъ трехъ наслѣдниковъ, которая и соотвѣтствовала вполнѣ составу владѣльцевъ предпріятія. На основаніи указанныхъ обстоятельствъ Правительствующій Сенатъ находитъ: а) что объясненіе апеллятора о томъ, что Сергѣй Кузнецовъ велъ спорное предпріятіе за свой счетъ и страхъ съ 1876 г., представляется неправильнымъ, и б) что, настаивая на правѣ считаться единственнымъ хозяиномъ означеннаго предпріятія, Сергѣй Кузнецовъ долженъ доказать, что право единоличнаго владѣнія и пользованія онымъ перешло къ нему или однимъ изъ способовъ, предусмотрѣнныхъ духовнымъ завѣщаніемъ Кузнецова—отца, или на общемъ основаніи вслѣдствіе уступки ему совладѣльцами по фабрикѣ правъ на владѣніе и распоряженіе оною (ст. 513 и 514 Св. Зак. Гражд.). Между тѣмъ не только доказательствъ, но и объясненій относительно основаній единоличнаго владѣнія Сергѣя Кузнецова фабрикою, составляющею общую его съ братьями собственность, какъ торговопромышленнымъ предпріятіемъ, а равно относительно момента возникновенія этого владѣнія повѣренные Сергѣя Кузнецова не представили. Что же касается факта единоличнаго владѣнія и пользованія Сергѣя Кузнецова этимъ предпріятіемъ, то таковой, если бы и былъ по дѣлу установленъ, самъ по себѣ, права Сергѣя Кузнецова на такое владѣніе и пользованіе не доказываетъ, а напротивъ того, не будучи оправданъ тѣмъ или другимъ правильнымъ основаніемъ, составляетъ нарушеніе правъ другихъ собственниковъ предпріятія, которое и лежитъ въ основаніи составляющаго предметъ дѣла иска Михаила Кузнецова. Участіе Михаила Кузнецова въ наслѣдственномъ предпріятіи подтверждается удостовѣреніемъ старшаго фабричнаго инспектора Московской губерніи отъ 26 марта 1898 г., № 708, о томъ, что Михаилъ Кузнецовъ съ 1886 года подписывалъ документы по фаб-

рикѣ, какъ-то: правила внутренняго распорядка, табели взысканій, расцѣнки на работы и др., за „И. С. Кузнецова Сыновья“, причемъ въ дѣлахъ фабричной инспекціи не имѣется свѣдѣній о томъ, что Михаилъ Кузнецовъ подписывался въ указанныхъ случаяхъ въ качествѣ лишь завѣдующаго фабрикою „Ивана Степановича Кузнецова Сыновей“. Что же касается того обстоятельства, что торговые документы выправлялись на имя одного Сергѣя Кузнецова, то таковое не можетъ имѣть рѣшающаго значенія по вопросу объ участіи Михаила Кузнецова въ наслѣдственномъ предпріятіи въ виду того, что Михаилъ Кузнецовъ, состоя въ одномъ купеческомъ свидѣтельствѣ съ отвѣтчикомъ, не былъ обязанъ, согласно ст. 298 и 289 (п. 5) Уст. о Прям. Нал. т. V, изд. 1893 г.—ст. 68 и 77 Пол. о Пошл. Торг. т. V, изд. 1886 и 1857 г.г., брать такое же свидѣтельство на свое имя для производства торговаго дѣла подъ фирмою „Ивана Кузнецова Сыновья“. На основаніи вышеизложеннаго слѣдуетъ придти къ слѣдующему выводу: въ силу духовнаго завѣщанія Кузнецова-отца, принятаго наслѣдниками къ исполненію, сыновья его Сергѣй, Михаилъ и Дмитрій Кузнецовы составляли торговый домъ подъ фирмою „И. С. Кузнецова Сыновья“ для продолженія общаго ихъ предпріятія—содержанія отбѣльной фабрики отъ имени всѣхъ, подъ однимъ наименованіемъ въ качествѣ фирмы. Засимъ въ дѣлѣ не имѣется никакихъ данныхъ о томъ, что бы какъ означенное предпріятіе, такъ и фирма онаго перешли въ единоличное владѣніе Сергѣя Кузнецова однимъ изъ предусмотрѣнныхъ духовнымъ завѣщаніемъ способовъ или на общемъ установленномъ гражданскимъ закономъ основаніи; вслѣдствіе сего и такъ какъ Сергѣй Кузнецовъ въ настоящее время присваиваетъ себѣ право на единоличную эксплоатацію сказаннаго предпріятія, за Михаиломъ Кузнецовымъ должно быть признано право на участіе въ этомъ предпріятіи на равныхъ съ Сергѣемъ Кузнецовымъ правахъ. Переходя засимъ къ разсмотрѣнію вопроса о правильности опредѣленія этихъ правъ истцомъ и Коммерческимъ Судомъ, какъ правъ полнаго товарища, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ ст. 1238 т. X ч. I Зак. Гражд. и ст. 18 приложенія къ той же статьѣ законъ допускаетъ послѣ смерти содержателей фабрикъ и разныхъ мануфактурныхъ заведеній продолженіе торговыхъ ихъ предпріятій наслѣдниками ихъ, причемъ установляетъ, что по вступленіи наслѣдниковъ или опекуновъ въ права свои отъ обоюднаго ихъ согласія зависитъ выдѣлъ, раздѣлъ или продолженіе торговаго предпріятія на прежнемъ или новомъ основаніи, но во всякомъ случаѣ постановленный покойнымъ договоръ о торговомъ товариществѣ или духовное его завѣщаніе суть акты, коихъ наслѣдники или опекуны сами по себѣ нарушать не должны; засимъ по совокупному смыслу ст. 74 и 75 Уст. Торг. и 289 ст. (п. 5) Уст. о Прям. Нал. торговля, производимая не на складочный, а на общій унаслѣдованный капиталъ, должна производиться, независимо отъ того, былъ ли о томъ заключенъ установленный закономъ формальный договоръ по правиламъ полнаго товарищества,

торговымъ домомъ подъ именемъ участниковъ (ст. 71 Уст. Торг.), то есть въ такой формѣ, при которой интересы постороннихъ лицъ, вступающихъ въ сношеніе съ такою совокупностью лицъ, ведущихъ заедино торговое дѣло, обезпечиваются солидарно и имущественно неограниченною отвѣтственностью сихъ послѣднихъ по общему дѣлу въ качествѣ полныхъ товарищей (ст. 77 Уст. Торг.). Согласно сему и такъ какъ спорное по настоящему дѣлу предпріятіе представляется учрежденнымъ въ силу духовнаго завѣщанія Кузнецова-отца между Сергѣемъ, Михаиломъ и Дмитріемъ Кузнецовыми, состоящими въ одномъ купеческомъ свидѣтельствѣ, то и взаимныя права и обязанности по оному Сергѣя и Михаила Кузнецовыхъ должны разсматриваться, какъ правоотношенія между полными товарищами. Что же касается того, что въ настоящемъ случаѣ, вопреки указанію закона, не былъ составленъ между тяжущимися письменный договоръ и не были исполнены формальности, установленныя закономъ въ отношеніи образованія полныхъ товариществъ или торговыхъ домовъ, то оба эти обстоятельства не могутъ умалять правъ истца по спорному предпріятію, какъ участника въ торговомъ дѣлѣ, по слѣдующимъ соображеніямъ: законоположенія т. X ч. 1 и Уст. Торг. (т. XI ч. 2) о товариществахъ установляютъ въ отношеніи правъ и обязанностей полныхъ товарищей, какъ участниковъ въ товарищескомъ предпріятіи, лишь слѣдующія два положенія: а) полные товарищи отвѣтствуютъ за всѣ долги товарищества или торговаго дома вообще и порознь всѣмъ своимъ имуществомъ (ст. 77 Уст. Торг. и 2134 Зак. Гражд.), и б) товарищъ одного торговаго дома не можетъ въ одно и то же время быть товарищемъ другого дома (ст. 78 Уст. Торг.); затѣмъ никакихъ указаній относительно правъ и обязанностей товарищей между собою законъ не даетъ, предоставляя опредѣленіе оныхъ соглашенію вступившихъ въ товарищество. По сущности же своей внѣ зависимости отъ особенностей, которыя могутъ быть установлены договоромъ, права и обязанности полнаго товарища представляютъ изъ себя права и обязанности участника въ общей собственности, къ которому, какъ указано выше, въ интересахъ третьихъ лицъ законъ прибавляетъ лишь солидарную и неограниченную отвѣтственность за долги общаго предпріятія, и участіе въ одно и то же время въ одномъ только торговомъ домѣ. Посему, если по производству лицами, состоящими въ одномъ купеческомъ свидѣтельствѣ, торговли (ст. 74 Уст. Торг.) не былъ составленъ договоръ и не были исполнены требованія закона относительно заявленія надлежащимъ установленіямъ объ учрежденіи торговаго дома и оповѣщенія купечества (ст. 67, 68 и 80 Уст. Торг.), то это обстоятельство не можетъ, само по себѣ, имѣть рѣшающаго значенія, какъ основаніе къ отрицанію наличности товарищества или торговаго дома, коль скоро такое значеніе соединенія лицъ воедино для производства общей торговли явствуетъ изъ условій его возникновенія и обстоятельствъ, въ которыхъ выразилась дѣятельность его, какъ это, согласно вышеизложенному, и имѣетъ мѣсто въ настоящемъ случаѣ; въ

отношеніи засимъ взаимныхъ правъ и обязанностей между участниками въ общемъ предпріятіи отсутствіе договора можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ лишь примѣненіе соотвѣтствующихъ общихъ правилъ закона, въ настоящемъ случаѣ въ связи съ правами тяжущихся, вытекающими изъ духовнаго завѣщанія Кузнецова-отца отъ 27 октября 1872 г. Наконецъ, условія существованія предпріятія наслѣдниковъ Кузнецова въ дальнѣйшемъ будутъ зависѣть, очевидно, отъ усмотрѣнія ихъ и, между прочимъ, отъ отвѣтчика Сергѣя Кузнецова; предметъ же настоящаго дѣла составляетъ установленіе взаимныхъ правъ и обязанностей тяжущихся на основаніи условій и данныхъ, опредѣлившихся къ моменту предъявленія Михаиломъ Кузнецовымъ настоящаго иска, въ виду чего указаніе апелляторовъ на то, что рѣшеніемъ Коммерческаго Суда утверждается существованіе на будущее время товарищества между тяжущимися безъ составленія письменнаго договора и внѣ порядка, закономъ на сей предметъ установленнаго, является неосновательнымъ. Переходя засимъ къ требованію Михаиломъ Кузнецовымъ отъ Сергѣя Кузнецова отчета по наслѣдственной фабрикѣ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что право истца на это требованіе вытекаетъ изъ того: а) что, согласно вышеизложенному, за нимъ должно быть признано право на участіе въ эксплоатаціи таковой на правахъ полнаго товарища, и б) что, по объясненію самого отвѣтчика, онъ былъ единственнымъ распорядителемъ предпріятія, а потому является обязаннымъ отсчитаться предъ равноправнымъ своимъ товарищемъ. Что же касается срока, который долженъ обнимать означенный отчетъ, то въ этомъ отношеніи Правительствующій Сенатъ находитъ, что по каждому торговому дѣлу долженъ составляться ежегодно балансъ, которымъ бы опредѣлялись капиталъ предпріятія, имущество, наличность денегъ и денежныхъ документовъ, товаровъ и проч., и наконецъ, прибыль или убытокъ (ст. 614 и 616 Уст. Торг.); съ момента заключенія такого баланса для каждаго участника въ общемъ предпріятіи наступаетъ право на все то, что ему на основаніи онаго можетъ причитаться, и товарищъ можетъ получить падающій на его долю доходъ. Засимъ, по смыслу ст. 565 и 1549 Зак. Гражд. т. X ч. 1, по правоотношеніямъ и обязательствамъ, по которымъ для участвующаго въ оныхъ лица возникаетъ въ извѣстные сроки право по отношенію къ другому участнику, осуществленіе котораго не зависитъ уже въ моментъ его возникновенія отъ дальнѣйшаго продолженія правоотношеній между сторонами, съ наступленія такого права начинается и теченіе общей десятилѣтней давности, по истеченіи которой должна прекратиться отвѣтственность обязанной стороны. Въ этомъ именно смыслѣ должно пониматься выраженіе ст. 1549 т. X ч. 1: „если отъ срока для окончательнаго дѣйствія договора“... такъ какъ нѣтъ основаній относить оное исключительно къ договору во всей его совокупности или къ общей продолжительности данныхъ правоотношеній, но оно должно примѣняться и къ такимъ отдѣльнымъ статьямъ договора или отдѣльнымъ осуществленіямъ правоотношеній,

для которыхъ назначенный или предполагаемый срокъ будетъ, по смыслу договора или по характеру правоотношеній, окончательнымъ и слѣдовательно подходящимъ подъ указаніе разсматриваемой статьи закона. По симъ соображеніямъ и принимая во вниманіе, что законъ—ст. 262 Уст. Суд. Торг. — присваиваетъ торговымъ книгамъ силу доказательства въ теченіе только десятилѣтней давности и тѣмъ освобождаетъ лицо, ведущее торговлю, отъ сохраненія этихъ книгъ за время, съ котораго прошло болѣе десяти лѣтъ,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что за Михаиломъ Кузнецовымъ можетъ быть признано право требовать отъ Сергѣя Кузнецова отчетъ по наслѣдственной отбѣльной фабрикѣ лишь за послѣднія предшествующія предъявленію имъ настоящаго иска десять лѣтъ, а обязаніе Коммерческимъ Судомъ Сергѣя Кузнецова къ отчету за время съ 15 іюля 1876 г. должно быть признано неправильнымъ. Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: въ измѣненіе состоявшагося по сему дѣлу 27 октября 1898 г. рѣшенія Московскаго Коммерческаго Суда, признать Сергѣя Кузнецова обязаннымъ дать Михаилу Кузнецову въ трехмѣсячный срокъ отчетъ по бѣлильно-красильно-печатно-аппретурной фабрикѣ „Ивана Степановича Кузнецова Сыновей“ за послѣднія предшествующія предъявленію Михаиломъ Кузнецовымъ настоящаго иска, послѣдовавшему 24 февраля 1898 г., десять отчетныхъ лѣтъ (1900 г., № 607).

123|82. Совершивъ договоръ о раздѣлѣ имущества, товарищи отвѣтственны за долги фирмы на основаніи условій заключеннаго о томъ договора (1878 г., № 119, сб. Н. III, № 127).

124|83. Полноотвѣтственный товарищъ въ товариществѣ на вѣрѣ вправѣ, вслѣдствіе прекращенія товарищества и завладѣнія другимъ товарищемъ товарищескимъ имуществомъ, предъявить къ нему требованіе о возвратѣ внесеннаго имъ въ предпріятіе изъ своихъ личныхъ средствъ капитала; записи въ книгахъ, веденныхъ самимъ полнымъ товарищемъ объ одолженныхъ имъ товариществу суммахъ, сами по себѣ не доказательство (2 Общ. Собр. 1892 г., Мейеровича, сб. Вильс. I, № 118).

125|84. Выходъ одного изъ полныхъ товарищей не прекращаетъ существованія товарищества на вѣрѣ; выйдя изъ товарищества на вѣрѣ съ полученіемъ вклада въ то время, когда долги товарищества превышали складочный капиталъ, вкладчикъ отвѣтственъ предъ кредиторами товарищества; въ товариществѣ на вѣрѣ вкладчикъ не имѣетъ права скупать паи вкладчиковъ: получивъ % за время, когда предпріятіе давало убытки, вкладчикъ обязанъ ихъ возвратить (1881 г., № 207, сб. Н. V, № 76. Высочайше утвержденное 19 февраля 1885 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта).

126|85. Выдача вкладчику его вклада въ то время, когда былъ уже дефицитъ, а затѣмъ послѣдовала и несостоятельность товарищества, неправильна и не освобождаетъ вкладчика отъ отвѣтственности предъ кредиторами; возможна передача другому лицу лишь права на участіе въ дѣлахъ товарищества въ качествѣ пайщика; покупка полнымъ товарищемъ пая равносильна выплатѣ пая изъ кассы товарищества, такъ какъ уменьшаетъ имущественную обезпеченность товарищества, %% могутъ быть выдаваемы лишь при условіи, если составляютъ чистую прибыль; всякаго рода негласныя и домашнія сдѣлки лицъ, входящихъ въ товарищество между собою, направленныя ко вреду 3-хъ лицъ, для сихъ послѣднихъ необязательны (1887 г., № 134).

127|86. Вкладчикъ въ товариществѣ на вѣрѣ, подпавшемъ подъ администрацію, не имѣя права требовать возврата вклада до полнаго удовлетворенія кредиторовъ, имѣетъ, однако, право требовать представленія отчета съ открытіемъ книгъ и документовъ.

Предметъ настоящаго дѣла составляетъ искъ купеческой вдовы Родіоновой къ потомственнымъ почетнымъ гражданкамъ Грачевой и Зыбиной, урожденнымъ Рожновымъ, о понужденіи ихъ къ дачѣ Родіоновой въ двухнедѣльный срокъ отчета о ликвидаціи дѣлъ банкирской конторы Степана Николаевича Рожнова, съ представленіемъ оправдательныхъ документовъ по торговымъ книгамъ, въ основаніи какового иска лежатъ выданныя нынѣ умершимъ наслѣдодателемъ отвѣтчицъ двѣ росписки о принятіи отъ истицы, какъ вкладчицы, для торговаго оборота банкирской конторы около 48 т. рублей. Обращаясь къ обсужденію сего иска, Правительствующій Сенатъ прежде всего находитъ, что истица Родіонова, какъ это установлено опредѣленіемъ Правительствующаго Сената отъ 29 октября 1898 г. по предшествовавшему дѣлу ея съ Рожновыми и Грачевой о 45.900 руб.,— изложеннымъ въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 14 декабря 1898 г., № 1195, является вкладчицею въ торговое предпріятіе умершаго Степана Рожнова, перешедшее въ 1886 году къ его наслѣдникамъ, отвѣтчикамъ по настоящему иску, по дѣламъ коихъ впослѣдствіи (14 марта 1890 г.) была учреждена администрація, въ настоящее время, въ силу мировой сдѣлки съ кредиторами, закрытая. При такомъ положеніи дѣла истица Родіонова, какъ вкладчица въ торговое предпріятіе Степана Николаевича Рожнова, не имѣла права во все время существованія администраціи требовать возврата внесеннаго ею капитала до полнаго удовлетворенія всѣхъ кредиторовъ товарищества и не имѣетъ права и теперь, какъ разъяснено въ приведенномъ выше опредѣленіи Правительствующаго

Сената, требовать непосредственнаго возврата ей вклада до выясненія положенія торговыхъ дѣлъ предпріятія, по которому состояла товарищемъ на вѣрѣ, но требовать представленія ей отчета съ открытіемъ торговыхъ книгъ и представленіемъ оправдательныхъ документовъ она и при существованіи администраціи могла на общемъ основаніи закона (2130 ст. X т. ч. 1), какъ лицо, ввѣрившее управленіе дѣла другому, заинтересованное въ успѣшномъ ходѣ дѣла и не имѣющее права само распоряжаться дѣломъ (ст. 83 Уст. Торг.) и направлять его въ своихъ интересахъ. Тѣмъ болѣе не можетъ быть никакой рѣчи о лишеніи ея такого права при настоящемъ положеніи дѣла, послѣ прекращенія администраціи, бывшей до того времени хозяиномъ предпріятія, которая передала наслѣдникамъ Степана Николаевича Рожнова, отвѣтчицамъ по настоящему иску, оставшееся за погашеніемъ претензій кредиторовъ имущество наслѣдодателя Степана Николаевича Рожнова, которыя, слѣдовательно, стали хозяевами торговаго предпріятія Степана Николаевича Рожнова, хотя уже и прекратившаго къ тому времени свое существованіе въ виду ликвидаціи. Поэтому они должны считаться отвѣтчиками по настоящему иску, въ силу чего и согласно ст. 1259 т. X ч. 1 на нихъ лежитъ обязанность, ввиду неотрицаемаго факта невозврата понынѣ вкладчицѣ Родіоновой ея вклада по роспискамъ, выданнымъ наслѣдодателемъ отвѣтчицамъ, представить истицѣ отчетъ по ликвидаціи унаслѣдованнаго ими торговаго предпріятія Степана Николаевича Рожнова и указать, на что пошелъ внесенный истицею вкладъ въ это предпріятіе. Признавая, такимъ образомъ, отвѣтчицъ Грачеву и Зыбину обязанными дать Родіоновой отчетъ по ликвидаціи торговаго предпріятія (банкирской конторы), принадлежавшаго Степану Николаевичу Рожнову, а обжалованное истицею рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда объ отказѣ въ этомъ искѣ несоотвѣтствующимъ ни обстоятельствамъ дѣла, ни содержанію указа Правительствующаго Сената отъ 14 декабря 1898 г., № 1195, которымъ, въ виду прямого отношенія его къ данному дѣлу, судъ обязанъ былъ руководствоваться,— Правительствующій Сенатъ въ отмѣну рѣшенія Московскаго Коммерческаго Суда по настоящему дѣлу $^{3}/_{15}$ января 1900 г. обязалъ Александру Грачеву и Марію Зыбину представить Родіоновой въ двухмѣсячный срокъ отчетъ по ликвидаціи дѣлъ банкирской конторы С. Н. Рожнова (1901 г., № 2227).

По тому же вопросу Прав. Сенатъ высказалъ въ другомъ опредѣленіи слѣдующія соображенія: разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что инженеръ Шнубертъ какъ вкладчикъ въ торговомъ домѣ „С. И. Шабаровъ и К°“, заявивъ о своемъ выходѣ изъ дѣла, предъявилъ, на основаніи товарищескаго договора, къ Шабарову искъ объ обязаніи послѣдняго составить генеральный счетъ и балансъ предпріятія на 1 января 1903 г. Московскій Коммерческій Судъ искъ этотъ удовлетворилъ. Признавая въ представленныхъ, во исполненіе этого рѣшенія, генеральномъ счетѣ и балансѣ статьи и оцѣнку имущества произвольными и несоотвѣтствующими книгамъ товарищества, Шнубертъ

настоящимъ искомъ проситъ объ обязаніи Шабарова представить для провѣрки счета и баланса торговыя книги, въ виду отказа въ этомъ со стороны Шабарова. Рѣшеніемъ отъ 21 февраля 1905 г. судъ въ искѣ Шнауберту отказалъ на томъ, согласно съ возраженіями, основаніи, что Шнаубертъ уже болѣе участникомъ товарищества не состоитъ, на что и принесена повѣреннымъ Шнауберта Правительствующему Сенату апелляціонная жалоба. Сообразивъ изложенныя обстоятельства дѣла и принимая во вниманіе, что по рѣшенію Московскаго Коммерческаго Суда отъ 24 февраля 1903 г., Шабаровъ былъ обязанъ представить Шнауберту генеральный счетъ и балансъ товарищескаго предпріятія, что по самому существу своему генеральный счетъ и балансъ, являясь видоизмѣненіемъ отчета, представляются болѣе общей сводкою записей въ торговыхъ книгахъ, на основаніи и въ соотвѣтствіи съ которыми они должны быть составлены, что при возникшемъ сомнѣніи въ правильности отчета, таковой подлежитъ повѣркѣ по торговымъ книгамъ и оправдательнымъ къ нимъ документамъ,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что разъ рѣшеніемъ суда Шабаровъ былъ обязанъ представить Шнауберту генеральные счетъ и балансъ на 1 января 1903 г., то тѣмъ самымъ, какъ необходимое послѣдствіе, онъ долженъ быть признанъ обязаннымъ доказать, что представленные счетъ и балансъ, составлены на основаніи торговыхъ книгъ или представить для провѣрки ихъ самыя книги. Между тѣмъ, доказательствъ того, что счетъ и балансъ соотвѣтствуютъ торговымъ книгамъ товарищества, со стороны Шабарова не только не представлено, но повѣренный его, во время объясненій въ засѣданіи суда заявилъ, что оцѣнка имущества въ балансѣ уменьшена, по указаннымъ имъ основаніямъ. Такимъ образомъ, независимо отъ приводимыхъ повѣреннымъ истца указаній на неправильности статей счета и баланса, они оказываются, по объясненію самого отвѣтчика, несоотвѣтствующими торговымъ книгамъ. Поэтому, по мнѣнію Правительствующаго Сената нельзя не признать, что Шабаровъ обязанъ представить Шнауберту, для провѣрки представленнаго ему генеральнаго счета и баланса, тѣ торговыя книги товарищества, на основаніи которыхъ долженъ былъ составляться генеральный счетъ и балансъ на 1 января 1903 г. Такого права требовать представленія книгъ не можетъ лишить Шнауберта заявленное отвѣтчикомъ возраженіе, съ которымъ согласился въ рѣшеніи и судъ, что онъ со времени составленія баланса на 1 марта 1902 г. и покрытія убытка товарищами ихъ основными вкладами по 3000 р. каждымъ, уже не можетъ быть признанъ участникомъ товарищества, а потому не вправѣ требовать представленія торговыхъ книгъ, такъ какъ подобное возраженіе могло бы имѣть значеніе при производствѣ иска объ обязаніи Шабарова представить генеральный счетъ и балансъ на 1 января 1903 г., но въ настоящее время, когда искъ этотъ рѣшеніемъ суда отъ 24 февраля 1903 г., вступившимъ въ законную силу, признанъ подлежащимъ удовлетворенію, оно является запоздалымъ, и вовсе не подлежитъ разсмотрѣнію, ибо

требованіе представленія книгъ является несамостоятельнымъ притязаніемъ, а, какъ изложено выше, необходимымъ выводомъ и послѣдствіемъ присужденія иска объ обязаніи Шабарова составить генеральный счетъ и балансъ по предпріятію на 1 января 1903 г., и представить таковые Шнауберту. Въ силу изложеннаго Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе Коммерческаго Суда и обязалъ С. И. Шабарова представить Б. Н. Шнауберту отчетъ (1908 г., № 2449).

128|87. Если по договору о товариществѣ веденіе дѣла и отчетность возложены на 2 полныхъ товарищей, то вкладчикъ можетъ предъявить искъ объ отчетѣ къ обоимъ.

Принимая во вниманіе: 1) что въ силу п. 4 товарищескаго договора отъ 5 іюня 1901 года, заключеннаго между полными товарищами Моргулевымъ и Эпштейномъ и товарищами на вѣрѣ Радловскимъ и Гржималовскимъ веденіе „корреспонденціи, торговыхъ книгъ, отчетность и т. д. принадлежатъ двумъ полнымъ товарищамъ Моргулеву и Эпштейну или одному изъ нихъ по довѣренности другого полнаго товарища“, а „г.г. Радловскій и Гржималовскій имѣютъ право лично и чрезъ повѣренныхъ слѣдить за правильностью хода дѣла по книгамъ и инвентарямъ“, 2) что посему Радловскій имѣлъ право вчинить искъ о дачѣ отчета по товариществу къ обоимъ полнымъ товарищамъ Моргулеву и Эпштейну и Одесскій Коммерческій Судъ, примѣняясь къ 68 ст. Уст. Торг. и присудивъ исковое требованіе съ обоихъ отвѣтчиковъ солидарно, поступилъ правильно, 3) что возраженіе апеллятора Эпштейна о томъ, что давать отчетъ по товариществу обязанъ только одинъ товарищъ-распорядитель, не имѣетъ въ данномъ дѣлѣ рѣшающаго значенія, такъ какъ п. 9 договора отъ 5 іюня 1901 г., въ коемъ Моргулевъ названъ главнымъ завѣдующимъ предпріятія, не лишаетъ силы п. 4 договора, по которому отчетность лежитъ на обязанности обоихъ полныхъ товарищей, 4) что равнымъ образомъ не заслуживаетъ уваженія указаніе Эпштейна на то, что онъ, состоя въ разладѣ съ Моргулевымъ, лишенъ фактически возможности дать отчетъ и не располагаетъ для того матеріаломъ, находящимся въ рукахъ Моргулева,—такъ какъ это обстоятельство не можетъ умалять правъ истца, вытекающихъ изъ договора, а если Эпштейнъ не можетъ дать отчета по винѣ Моргулева, то отъ него самого зависитъ предъявить съ своей стороны искъ къ Моргулеву и при такихъ обстоятельствахъ ходатайство Эпштейна о допросѣ свидѣтелей для выясненія степени фактическаго участія Моргулева въ завѣдываніи предпріятіемъ, въ предѣлахъ даннаго производства является излишнимъ. По симъ соображеніямъ,—Правительствующій Сенатъ, находя апелляціонную жалобу инженера Эпштейна не заслуживающей уваженія и руководствуясь ст. 569 и 570 X т. I ч. Св. Зак., рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда по сему дѣлу оставилъ въ силѣ (1906 г., № 136).

129|88. Для признанія за однимъ изъ соучастниковъ общаго предпріятія права на требованіе отъ другого отчета, необходимо, чтобы отношенія ихъ были таковы, что вызывали необходимость отчетности одного передъ другимъ. Если веденіе по товарищескому предпріятію книгъ происходило подъ наблюденіемъ обоихъ товарищей, то товарищъ не можетъ ссылаться на необязательность для него этихъ книгъ въ виду неправильнаго ихъ веденія и долженъ представить доказательства въ опроверженіе оспариваемыхъ имъ статей. Счетъ инвентаря, отдѣльно взятый, не можетъ служить основаніемъ къ опредѣленію причитающейся товарищу суммы. Книга, веденная самимъ товарищемъ, доказательствомъ въ пользу его служить не можетъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что предметъ его составляютъ взаимные иски опеки надъ имуществомъ умершаго купца Арона Штейнберга и опеки надъ имуществомъ умершаго купца Герша Имаса по товарищеской торговлѣ Штейнберга и Имаса мебелью въ городѣ Кишиневѣ на основаніи состоявшагося между ними 7 апрѣля 1872 г. договора. Объясняя, что въ силу означеннаго договора и по ходу вещей Имасъ былъ единственнымъ распорядителемъ всею товарищескою торговлею и въ семъ качествѣ къ нему поступали всѣ выручавшіяся по оной деньги, въ томъ числѣ и доходъ съ дома, купленнаго на имя Штейнберга, и имъ же, Имасомъ, велись приходо-расходныя книги, что товарищи не считали необходимымъ производить періодическіе разсчеты между собою, и что кромѣ ничтожныхъ выдачъ въ размѣрѣ 12 руб. въ недѣлю на прожитокъ, Штейнбергъ ничего отъ Имаса не получалъ, между тѣмъ какъ въ силу договора онъ долженъ былъ получить 30% прибыли, что незадолго до смерти Штейнберга, Имасъ совсѣмъ устранилъ его отъ управленія торговлею и не допускалъ его до просмотра и провѣрки приходо-расходныхъ книгъ,— опекуны надъ имуществомъ Штейнберга, вдова его Гитля Штейнбергъ и мѣщанинъ Іось-Лейба Фойгель обратились въ Коммерческій Судъ съ исковою просьбою: 1) объ обязаніи опеки надъ имуществомъ Герша Имаса представить въ судъ всѣ приходо-расходныя книги за всѣ года по товарищеской съ Штейнбергомъ торговлѣ мебелью; 2) объ обязаніи той же опеки представить погодичный общій балансъ по этой торговлѣ, и 3) о взысканіи съ имущества Имаса въ пользу имущества Штейнберга 75.000 руб. съ % со дня предъявленія иска. Возражая противъ этого иска опеки Штейнберга, что ни по договору, ни фак-

тически Имасъ не былъ единственнымъ распорядителемъ товарищеской торговли, а таковая велась сообща, по обоюдному согласію, что Имасъ и Штейнбергъ періодически считались и сводили счеты между собою, и что въ маѣ мѣсяцѣ 1891 г. Штейнбергъ и Имасъ, прекративъ общую торговлю, окончательно раздѣлились, каковое обстоятельство подтверждается счетомъ товару на 3 мая 1891 г. и представленными книгами, по которымъ счеты сведены и выведены итоги къ тому же маю мѣсяцу, и что потому Имасъ не былъ обязанъ какою-либо отчетностью предъ Штейнбергомъ,—опека Имаса, указывая на то, что по взаимнымъ счетамъ Имаса и Штейнберга съ послѣдняго причитается первому 4.680 руб. 24 к., въ каковой суммѣ ею и предъявляется встрѣчный искъ, просила Коммерческій Судъ опекѣ Штейнберга въ первоначальномъ искѣ отказать, а по встрѣчному иску присудить съ имущества Штейнберга въ пользу имущества Имаса 4.680 руб. 24 к. съ % со дня предъявленія иска. При этомъ опекою Имаса представлены были суду, между прочимъ, три книги на еврейскомъ языкѣ, заключающія въ себѣ счетъ полученныхъ Имасомъ и Штейнбергомъ денегъ съ ноября 1873 г. по май 1891 г., счетъ долговъ Штейнберга и Имаса и счетъ мебели на 3 мая 1891 г., подписанный обоими товарищами. Приступая вслѣдствіе апелляціонныхъ жалобъ обѣихъ сторонъ на рѣшеніе Коммерческаго Суда, присудившаго въ пользу имущества Штейнберга по первоначальному иску съ имущества Имаса на основаніи счета мебели отъ 3 мая 1891 г. 2.505 руб. 68 к. съ % со дня предъявленія иска и отказавшаго опекѣ Имаса во встрѣчномъ искѣ, къ разсмотрѣнію взаимныхъ требованій тяжущихся и обращаясь къ первоначальному иску опеки Штейнберга, Прав. Сенатъ находитъ необходимымъ прежде всего остановиться на слѣдующемъ соображеніи. Общее понятіе о товарищескомъ предпріятіи естественно заставляетъ предполагать взаимныя права и обязанности по такому предпріятію участниковъ въ ономъ одинаковыми, равноправными во всѣхъ отношеніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сообразно закону (ст. 1530, 2133 т. X ч. I и ст. 79 т. XI ч. 2 Уст. Торг.), договаривающіеся могутъ установить различное между собою участіе въ товарищескомъ предпріятіи по отношенію къ имуществу, управленію его дѣлами, веденію счетоводства и т. п. Такимъ образомъ для признанія, между прочимъ, за однимъ изъ соучастниковъ общаго предпріятія права требовать отчета по оному отъ другого и сего послѣдняго обязаннымъ представить таковой, недостаточно одной общности предпріятія, ибо эта общность, согласно сказанному, предполагаетъ одинаковую извѣстность положенія дѣлъ каждому соучастнику, но необходимо, если о томъ не имѣется особыхъ постановленій въ товарищескомъ договорѣ, чтобы отношенія по общему предпріятію были таковы, чтобы установляли и оправдывали необходимость отчетности одного передъ другимъ, какъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда веденіе дѣла лежитъ всецѣло на одномъ изъ соучастниковъ, такъ что другой помимо отчетности перваго лишенъ возможности ознакомиться съ ходомъ всего

дѣла. Примѣняя изложенныя соображенія къ иску опеки Штейнберга въ части объ истребованіи отъ опеки Имаса погодичнаго и общаго баланса по товарищеской торговлѣ Имаса и Штейнберга мебелью, Прав. Сенатъ находитъ, что на истцѣ при предъявленіи такого требованія лежитъ обязанность доказать, что единственно на Имаса были возложены производство общей торговли и веденіе книгъ, словомъ, что Имасъ былъ единственнымъ полнымъ распорядителемъ дѣла, и что Штейнбергъ со дня заключенія договора 7 апрѣля 1872 г. до смерти своей, т. е. въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ, не могъ принимать участія въ предпріятіи и ознакомиться съ таковымъ. Между тѣмъ изъ договора, заключеннаго Имасомъ и Штейнбергомъ 7 апрѣля 1872 г., коимъ, по объясненію первоначальнаго истца, должны опредѣляться взаимныя ихъ права и обязанности по торговлѣ мебелью, оказывается, что онъ содержитъ въ себѣ слѣдующія постановленія: въ первомъ пунктѣ опредѣлена стоимость наличнаго въ магазинѣ и складѣ товара (22.425 руб. 25 к), во второмъ указаны доли участія договаривавшихся, какъ въ указанной суммѣ, такъ и въ прибыли и убыткахъ отъ дѣла, а именно: Имасъ 70%, Штейнбергъ 30%; въ пунктѣ третьемъ говорится о правѣ каждаго, въ случаѣ желанія раздѣлиться и оставить товарищество, получить вложенный капиталъ и опредѣленные выше проценты, и наконецъ, 4-й пунктъ гласитъ: „для отвращенія всякаго недоразумѣнія должна быть между нами заведена книга для записки прихода и расхода за обоюдными подписями, которая имѣетъ находиться при лавкѣ“. На основаніи такого содержанія договора 7 апрѣля 1872 г. можно придти лишь къ тому заключенію, что кромѣ долей имущественнаго участія въ сказанной торговлѣ, Имасъ и Штейнбергъ являются равноправными хозяевами дѣла, одинаково обязанными вести приходо-расходныя книги, такъ что усматривать въ этомъ договорѣ какія-либо основанія къ признанію Имаса единственнымъ распорядителемъ общею торговлею и обязаннымъ потому представить Штейнбергу отчетъ и отвѣчать за правильное веденіе книгъ не представляется возможнымъ. Такимъ образомъ ссылка опекуна Штейнберга на договоръ его съ Имасомъ отъ 7 апрѣля 1872 г., какъ на основаніе къ обязанію сего послѣдняго, а за его смертью опеки надъ его имуществомъ, представить имъ, какъ представителямъ интересовъ Штейнберга, погодичный и общій балансъ по товарищеской ихъ торговлѣ мебелью, какъ стоящая въ прямомъ противорѣчіи съ буквальнымъ содержаніемъ этого договора, представляется лишенною всякаго значенія, а потому не можетъ заслуживать уваженія. Что же касается объясненія первоначальнаго истца о томъ, что Имасъ сдѣлался полнымъ распорядителемъ общаго дѣла по самому ходу вещей, то таковое равнымъ образомъ не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ опровергается собственными же объясненіями истца. Въ исковомъ своемъ прошеніи опекуны объясняютъ, и то, впрочемъ, вполнѣ голословно, что лишь незадолго до смерти Штейнберга Имасъ устранилъ его отъ управленія мебельною торговлею и не допускалъ его

къ просмотру и провѣркѣ приходо-расходныхъ книгъ. Логическимъ же выводомъ изъ этого заявленія опекуновъ Штейнберга является то, что еще незадолго до его смерти, т. е. до 15 января 1893 г., Штейнбергъ управлялъ мебельною торговлею и просматривалъ и провѣрялъ книги. И правильность этого вывода дѣйствительно находитъ себѣ полное подтвержденіе въ томъ: 1) что, какъ оказывается изъ представленныхъ опекою Имаса книгъ, по этимъ книгамъ періодически производились подсчеты и опредѣлялись итоги получавшимся товарищами деньгамъ и опредѣлялось каждый разъ положеніе ихъ относительно кассы магазина, каковые разсчеты составлялись часто посторонними лицами, приглашенными для того бухгалтерами, самыя же книги велись, какъ о томъ заявляютъ сами опекуны Штейнберга, особо нанятыми для того лицами; 2) что Штейнбергъ подписалъ 3 мая 1891 г. счетъ наличному товару и долгамъ, чего, конечно, онъ бы не сдѣлалъ, если бы онъ, вопреки договору, былъ устраненъ отъ дѣла и не получалъ бы въ теченіе 20 лѣтъ причитающейся ему прибыли; 3) что на общія деньги былъ купленъ домъ на имя Штейнберга, каковому обстоятельству прямо противорѣчитъ заявленіе опекуновъ его, что онъ ничего изъ предпріятія не получилъ, и наконецъ, 4) что доходъ съ дома Штейнберга въ продолженіе болѣе чѣмъ 12 лѣтъ поступалъ въ общую кассу, ибо едва ли Штейнбергъ далъ бы на это свое согласіе, если бы онъ, вопреки договора, устранялся Имасомъ отъ дѣла и получалъ изъ онаго лишь ничтожныя, какъ утверждаетъ нынѣ опека, суммы на прожитокъ. Что же касается объясненія повѣренныхъ опекуновъ Штейнберга о томъ, что представленныя опекою Имаса книги, какъ неправильно и невѣдомо, будто, кѣмъ веденныя, не могутъ служить источникомъ для опредѣленія взаимныхъ отношеній Штейнберга и Имаса, хотя въ исковомъ прошеніи на эти книги истецъ прямо ссылается и просилъ ихъ истребовать, а наличность другихъ какихъ-либо книгъ имъ не только не доказана, но и не утверждается, то таковое не можетъ быть признано заслуживающимъ уваженія по слѣдующимъ соображеніямъ. Во 1-хъ, какъ то признаютъ опекуны Штейнберга, книги велись не самимъ Имасомъ, а нанятыми для того лицами, причемъ въ нѣкоторыхъ книгахъ, по неоспоренному указанію отвѣтной стороны, имѣются записи самого Штейнберга; во 2-хъ, въ спорахъ по товариществу, если завѣдываніе счетоводствомъ по договору не было, какъ въ данномъ случаѣ, возложено на одного изъ товарищей, который по этому обязанъ другому отчетностью, товарищескія книги при неимѣніи другихъ документовъ, разъясняющихъ денежныя отношенія сторонъ, не могутъ быть лишаемы всякаго значенія доказательствъ, единственно вслѣдствіе одного голословнаго отрицанія отвѣтчикомъ правильности записанныхъ въ нихъ статей и указанія на неправильный способъ ихъ веденія, хотя бы книги дѣйствительно не удовлетворяли всѣмъ требованіямъ, установленнымъ на сей предметъ закономъ. Напротивъ того, въ подобномъ случаѣ на товарищѣ, оспаривающемъ доказательную противъ него силу товарище-

скихъ книгъ, за правильнымъ веденіемъ которыхъ онъ былъ обязанъ наблюдать въ свое время настолько же, какъ и другіе соучастники, лежитъ обязанность доказать суду неправильность записей въ книгахъ и подтвердить свой споръ ясными доказательствами, представленіемъ другихъ источниковъ для опредѣленія взаимныхъ ихъ разсчетовъ. Въ настоящемъ случаѣ, какъ указано, по договору 7 апрѣля 1872 г. завѣдываніе дѣлами и наблюденіе за приходо-расходными книгами лежало на обязанности обоихъ участниковъ предпріятія, въ виду сего если книги дѣйствительно и велись неправильно и не были Штейнбергомъ, вопреки требованію о томъ договора, скрѣплены, то вина въ этомъ должна въ одинаковой степени падать и на самого Штейнберга, ибо отъ него зависѣло принять своевременно мѣры къ пресѣченію такого неправильнаго веденія книгъ, чего имъ однако до самой смерти своей сдѣлано не было, и въ настоящее время опека Штейнберга уже не можетъ на такой неправильности основывать права свои въ ущербъ интересамъ противной стороны. Признавая посему, что утвержденіе опекуновъ Штейнберга о томъ, что Имасъ былъ единственнымъ распорядителемъ общей торговлей, обязаннымъ вслѣдствіе этого отчетностью передъ Штейнбергомъ, является ничѣмъ по дѣлу недоказаннымъ, противорѣчащимъ какъ самому договору 1872 г., такъ и представленнымъ отвѣтчикомъ книгамъ, кои велись по общей торговлѣ и въ коихъ значатся записи полученныхъ Штейнбергомъ суммъ, и наконецъ невѣроятнымъ, ибо нельзя допустить, чтобы Штейнбергъ дѣйствительно до самой смерти своей въ теченіе болѣе 20 лѣтъ ни разу не потребовалъ отъ Имаса ни отчета, ни слѣдовавшихъ ему прибылей, опредѣленныхъ по смерти обоихъ товарищей опекою въ столь громадной относительно суммѣ—75.000 руб., Прав. Сенатъ признаетъ исковое требованіе опеки Штейнберга объ обязаніи опеки Имаса къ представленію погодичныхъ и общаго баланса за время товарищеской ихъ торговли, за 20 слишкомъ лѣтъ, какъ въ основаніи своемъ недоказанное, удовлетворенію неподлежащимъ. Хотя же въ подтвержденіе вышеразсмотрѣнныхъ объясненій опекуны Штейнберга и ссылаются на свидѣтелей, но эта ссылка ихъ не можетъ быть признана подлежащею удовлетворенію въ виду того, что таковая сдѣлана частью въ опроверженіе и дополненіе содержанія письменнаго договора 7 апрѣля 1872 г., частью для установленія отрицательнаго факта неучиненія Штейнбергомъ съ Имасомъ разсчетовъ и для подтвержденія факта для дѣла безразличнаго — веденія книгъ безъ надзора Штейнберга, ибо, какъ указано, вина въ томъ должна быть возложена, въ виду 4 п. договора, на самого же Штейнберга, и наконецъ для доказательства факта устраненія Штейнберга Имасомъ отъ управленія общею торговлею незадолго до его смерти,—обстоятельства, еслибы оно и подтвердилось свидѣтельскими показаніями, не могущаго оказать какого-либо вліянія на разрѣшеніе составляющихъ предметъ настоящаго дѣла исковыхъ требованій опеки Штейнберга, такъ какъ и отчетъ и опредѣленная

сумма требуются ею не за время отъ сказаннаго устраненія Штейнберга отъ дѣла, а за все время существованія товарищеской по договору 1872 г. торговли. Переходя засимъ къ исковому требованію опекуновъ Штейнберга о взысканіи съ имущества Имаса 75.000 руб. и принимая во вниманіе: 1) что право Штейнберга на эту сумму основывается истцами исключительно на приведенныхъ выше объясненіяхъ ихъ относительно взаимныхъ правъ и обязанностей Штейнберга и Имаса по общей ихъ мебельной торговлѣ, въ силу которыхъ опекуны Штейнберга считаютъ опеку Имаса уклоняющеюся отъ лежащей на ней обязанности отчета, каковыя объясненія, какъ уже указано, оказываются несогласными съ данными дѣла и потому уваженія не заслуживаютъ; 2) что засимъ рѣшительно никакихъ доказательствъ или данныхъ въ подтвержденіе правильности отыскиваемой ими суммы истцами не представлено, Прав. Сенатъ находитъ и это исковое требованіе опеки надъ имуществомъ Штейнберга удовлетворенію неподлежащимъ. Что же касается присужденія Бесс. Ком. Судомъ въ пользу имущества Штейнберга съ имущества Имаса суммы 2.505 р. 68 коп., то, принимая во вниманіе: 1) что эта сумма опредѣлена судомъ по счету товара на 3 мая 1891 г. на томъ основаніи, что счетъ этотъ признанъ судомъ за окончательный по товариществу разсчетъ Штейнберга и Имаса; 2) что между тѣмъ опекою Штейнберга отрицаются, какъ самый фактъ производства товарищами окончательнаго разсчета, такъ и какое-либо значеніе этого счета для опредѣленія взаимныхъ правъ и обязанностей Штейнберга и Имаса, а отыскиваются въ случаѣ непредставленія отчета опекою Имаса за все время существованія общей торговли 75.000 руб., какъ сумма причитавшихся Штейнбергу прибылей, каковое требованіе признано выше неправильнымъ; 3) что счетъ 3 мая 1891 г., опредѣляя лишь состояніе инвентаря и не касаясь опредѣленія ни того, что каждымъ товарищемъ было получено и что за нимъ въ долгу, т. е. не касаясь собственно отношенія къ этому инвентарю личныхъ счетовъ товарищей, за основаніе для опредѣленія слѣдующихъ одному товарищу отъ другого суммъ принятъ вовсе быть не можетъ, — Прав. Сенатъ находитъ присужденіе Ком. Судомъ имуществу Штейнберга 2.505 руб. 68 коп., какъ несоотвѣтствующее объясненіямъ опеки Штейнберга и ея исковымъ требованіямъ и недостаточно обоснованное, неправильнымъ и подлежащимъ отмѣнѣ. Переходя засимъ къ встрѣчному иску опеки Имаса и имѣя въ виду: 1) что составляющая предметъ онаго сумма 4.680 руб. 24 коп. отыскивается опекою Имаса на основаніи составленнаго ею баланса; 2) что балансъ этотъ и показанныя въ немъ статьи между прочимъ получекъ Штейнберга оспариваются опекою послѣдняго, а потому, сами по себѣ, какъ исходящія отъ самого истца, безъ подтвержденія ихъ какими-либо другими данными за доказательства правильности иска приняты быть не могутъ; 3) что между тѣмъ никакихъ другихъ доказательствъ правильности отыскиваемой съ опеки Штейнберга суммы истцомъ

не представлено, а слѣдовательно, искъ этотъ, какъ надлежаще недоказанный, удовлетворенію подлежать не можетъ, Прав. Сенатъ находитъ отказъ Бесс. Ком. Суда опекѣ надъ имуществомъ Имаса во встрѣчномъ искѣ къ имуществу Штейнберга 4.680 руб. 24 коп. въ окончательномъ выводѣ правильнымъ и отмѣнѣ неподлежащимъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ Прав. Сенатъ въ измѣненіе состоявшагося по сему дѣлу рѣшенія Бесс. Ком. Суда, во взаимныхъ искахъ опекамъ надъ имуществомъ умершихъ Арона Штейнберга и Герша Имаса отказалъ (1894 г., № 957; тоже: опр. 2 Общ. Собр. 16 мая 1909 г., по д. Чернышева съ Гусевымъ).

Гражданскій Касс. Деп. Прав. Сената въ рѣшеніи 1904 г., № 118 призналъ, что отдѣльнымъ товарищамъ не принадлежитъ право требовать отчета отъ остальныхъ сотоварищей по распоряженію имуществомъ и управленію дѣлами образованнаго ими торговаго дома „при отсутствіи въ договорѣ указанія на право отдѣльнаго товарища требовать отчета отъ другихъ сотоварищей“, такъ какъ подобное право не принадлежитъ имъ по смыслу торговыхъ узаконеній, опредѣляющихъ веденіе отчетности торговыхъ товариществъ и предпріятій.

130. По смыслу торговыхъ узаконеній, опредѣляющихъ веденіе отчетности торговыхъ товариществъ и предпріятій, право товарищей на требованіе отчета другъ у друга не предполагается. Требуется, чтобы въ договорѣ содержалось такое указаніе на право отдѣльнаго товарища требовать отчетъ отъ другихъ сотоварищей. Если таково положеніе *товарищей* торговаго предпріятія, то тѣмъ меньшее существуетъ основаніе къ возложенію на *вкладчика* обязательной отчетности предъ полнымъ товарищемъ, если относительно сего не установлено какихъ-либо особыхъ соглашеній между этими лицами (1909 г., № 1199).

Въ опр. 26 ноября 1909 г., по д. Петрова съ Платоновымъ, признано, что владчикъ вправѣ требовать отъ полнаго товарища и его правопреемниковъ отчетъ по операціямъ торговаго дѣла независимо отъ того, велись ли полнымъ товарищемъ торговыя книги и составлялся ли балансъ.

131. Признаніе за однимъ изъ соучастниковъ общаго предпріятія права на требованіе отъ другого отчета влечетъ за собою для сего послѣдняго обязанность допустить къ осмотру книгъ и дѣлъ не только самого истца, но и его повѣреннаго.

Предметъ дѣла въ настоящее время ограничивается требованіемъ со стороны члена торг. дома „Анны Прибыловой С-я“, Елены Стеценко, объ обязаніи

другого члена того же торг. дома Косупко допустить ея повѣреннаго къ осмотру торговыхъ книгъ и оправдательныхъ къ отчету документовъ торг. дома. Обращаясь къ первому указанію апеллятора на то, что искъ въ той формѣ, какъ онъ заявленъ, т. е. на основаніи фирменнаго договора, не можетъ быть предъявленъ къ нему одному, такъ какъ по фирменному договору онъ, Косупко, не является отвѣтственнымъ за весь торговый домъ, Правительствующій Сенатъ находитъ это возраженіе лишеннымъ существеннаго въ дѣлѣ значенія, такъ какъ изъ дѣла видно, что отвѣтчикъ былъ распорядителемъ дѣлъ въ торговомъ домѣ и его образъ дѣйствій именно и обусловилъ невозможность для истицы обойтись безъ предъявленія иска, почему она и направила его именно къ нему, минуя остальныхъ членовъ торговаго дома, стоявшихъ въ сторонѣ отъ дѣла и въ распоряженіи имъ участія не принимавшихъ. Что же касается затѣмъ указанія апеллятора на то, что торговыя книги составляютъ тайну фирмы, а потому, повѣренный Стеценко не можетъ быть допущенъ къ осмотру книгъ, то его нельзя признать основательнымъ, такъ какъ ст. 681 Уст. Торг., на которую ссылается апелляторъ, относится исключительно къ лицамъ, постороннимъ торговому предпріятію. Между тѣмъ повѣренный, уполномоченный спеціально на осмотръ торговыхъ книгъ лицомъ, несомнѣнно имѣющимъ на то право, является по точному смыслу ст. 2326 т. X ч. I Св. Зак. Гражд. представителемъ своего довѣрителя, замѣняя при совершеніи указанныхъ въ довѣренности дѣйствій его личность. Поэтому если отъ совершенія повѣреннымъ этихъ дѣйствій произойдутъ какой-либо вредъ и убытокъ для третьихъ лицъ, то отвѣтственнымъ за то лицомъ на общемъ основаніи долженъ быть признанъ довѣритель. Въ настоящемъ случаѣ Стеценко, имѣющая, какъ признается Косупко, право осмотра книгъ т-ва „А. Прибыловой С-я“ въ качествѣ участницы его, уполномочила на это Федосѣева, который и долженъ быть допущенъ, согласно изложенному, къ осмотру съ отвѣтственностью Стеценко за дѣйствія своего повѣреннаго (1909 г., № 297).

132. Наслѣдникъ лица, состоявшаго фактическимъ участникомъ въ общей торговлѣ на товарищескихъ основаніяхъ съ другими лицами, вправѣ требовать отъ сихъ послѣднихъ открытія торговыхъ книгъ и отчета.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что истецъ, Леонардъ Іоганнъ Энгбертсъ, требуетъ отъ отвѣтчика Фридриха Энгбертса отчета по счету наслѣдодателя истца, Яна (Ивана Яковлевича) Энгбертса, и представленія всѣхъ торговыхъ книгъ, и 2) что, основывая означенныя требованія на фактѣ совмѣстной торговли покойнаго съ отвѣтчикомъ, истецъ, въ подтвержденіе этого факта, сослался на свидѣтелей. Останавливаясь на показа-

ніяхъ свидѣтелей, допрошенныхъ по ссылкѣ истца, Правительствующій Сенатъ усматриваетъ: 1) что, что по удостовѣренію всѣхъ этихъ свидѣтелей, совладѣльцами торговаго дома „Бр. Энгбертсъ и К°“, въ теченіи многихъ лѣтъ, приблизительно съ 1875 г. по 1896 г., были Гергардтъ (Герасимъ) и Андрей Андреевичи и Иванъ (Янъ) Яковлевичъ Энгбертсъ, торгуя сообща на товарищескихъ началахъ, 2) что, по удостовѣренію тѣхъ же свидѣтелей, Янъ Энгбертсъ являлся равноправнымъ хозяиномъ въ дѣлѣ, хотя на его имя, а также и на имя Андрея Энгбертса, выбирались приказчичьи свидѣтельства, тогда какъ торговыя права были выбираемы на имя одного Гергардта Энгбертса, и 3) что, по словамъ двухъ изъ допрошенныхъ свидѣтелей, дѣло было семейное и между сохозяевами, какъ разсказывали тогда служащіе, существовало частное письменное соглашеніе семейнаго характера. Въ виду содержанія означенныхъ показаній, вполнѣ ясныхъ и опредѣленныхъ, Правительствующій Сенатъ признаетъ, что ими въ достаточной степени устанавливается: а) наличность въ данномъ случаѣ веденія нѣсколькими лицами общей торговли на товарищескихъ основаніяхъ (товарищества для опредѣленнаго предпріятія), и б) участіе въ таковомъ Яна (Ивана Яковлевича) Энгбертса вплоть до 1896 г. Переходя къ документамъ, которые представляетъ отвѣтчикъ, въ подтвержденіе послѣдующаго перехода исключительнаго права собственности на торговое предпріятіе къ Гергардту Энгбертсу, какъ его праводателю, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что представленное къ дѣлу промысловое свидѣтельство на имя отвѣтчика не можетъ служить доказательствомъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ оно отнюдь не исключаетъ возможности участія въ дѣлѣ праводателя истца, Яна Энгбертса, на правахъ товарища, особенно въ виду установленнаго по дѣлу обычая Энгбертсовъ выбирать права на имя одного изъ товарищей, независимо отъ фактическаго положенія дѣла, 2) что, равнымъ образомъ, лишена доказательнаго по дѣлу значенія и мировая сдѣлка отъ 14 апрѣля 1898 г., т. к. она не удостовѣряетъ ухода изъ предпріятія Яна Энгбертса, а представляетъ лишь ликвидацію разсчетовъ между фирмою и Альбертомъ Энгбертсомъ, и 3) что въ отношеніи фактовъ отъ 2 декабря 1902 г. показаніями всѣхъ допрошенныхъ по дѣлу свидѣтелей единогласно удостовѣрено, что въ магазинѣ всегда находилось товара свободнаго отъ долговъ на сумму отъ 150 до 200 тысячъ рублей, почему и продажа его за 4.000 рублей не можетъ возбуждать довѣрія. Обращаясь, наконецъ, къ показаніямъ свидѣтелей, допрошенныхъ по ссылкѣ отвѣтной стороны, Правительствующій Сенатъ признаетъ, что таковымъ не можетъ быть придаваемо рѣшающаго значенія, такъ какъ выводы свидѣтелей о томъ, „что Янъ не былъ хозяиномъ“, основаны на чисто внѣшнихъ данныхъ, какъ напр., выборка правъ на имя Гергардта, причемъ въ самыхъ показаніяхъ содержится много такихъ указаній, которыя колеблютъ правильность этихъ выводовъ. Въ виду вышеизложеннаго и принимая во вниманіе: 1) что отвѣтная сторона, въ опроверженіе

иска, ссылается на приказчичій характеръ отношеній Яна Энгбертса къ фирмѣ, 2) что подобнаго рода отношенія должны быть удостовѣряемы письменнымъ договоромъ, 3) что отвѣтчикъ, ссылаясь на такой именно характеръ этихъ отношеній, подобнаго удостовѣренія не представляетъ, и 4) что, наоборотъ, наличность у Яна Энгбертса особаго текущаго счета по книгамъ фирмы, въ связи со всѣми вышеизложенными данными, обосновываетъ въ достаточной степени, если не совладѣніе въ торговомъ дѣлѣ, то во всякомъ случаѣ право его на долю въ барышахъ, Правительствующій Сенатъ призналъ за его наслѣдникомъ право требовать открытія книгъ и посему опредѣлилъ: въ отмѣну рѣшенія С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда по настоящему дѣлу, признать Фридриха Энгбертса обязаннымъ представить торговыя книги съ оправдательными документами, а равно дать отчетъ по счету покойнаго Яна Энгбертса, назначивъ ему для того 2-хъ мѣсячный срокъ (1911 г., № 246).

133 89. Подъ причитающеюся товарищу на его долю при выдѣлѣ изъ товарищества частью складочнаго капитала не можетъ пониматься сумма внесеннаго имъ вклада, а должно разумѣть ту часть изъ общаго капитала товарищества въ деньгахъ или имуществѣ, которая можетъ причитаться товарищу, какъ вкладчику, по дѣйствительному состоянію этого общаго капитала, причемъ размѣръ внесеннаго товарищемъ вклада можетъ служить лишь опредѣлителемъ самой части, а не суммы складочнаго капитала, слѣдующей товарищу-вкладчику. Поэтому возвращеніе товарищу при извѣстныхъ условіяхъ вклада его полностью, т. е. въ той суммѣ, въ которой онъ былъ внесенъ, можетъ послѣдовать лишь въ двухъ случаяхъ: когда этотъ вкладъ имѣется въ наличности вслѣдствіе неизрасходованія складочнаго капитала товарищества или вслѣдствіе отчисленія изъ прибылей по предпріятію на погашеніе затратъ изъ вкладовъ товарищей, или когда стоимостью всего наличнаго товарищескаго имущества покрывается сумма всѣхъ сдѣланныхъ товарищами вкладовъ (1896 г., № 1270; см. №№ 122, 129, 137).

134 90. Законъ, опредѣляя въ ст. 85 Уст. Торг. отвѣтственность пайщика въ товариществѣ на вѣрѣ въ случаѣ разрушенія торговаго дома, лишь наличнымъ его вкладомъ, имѣетъ своею цѣлью установить размѣръ отвѣтственности вкладчика лишь передъ третьими лицами, взаимныя же права и обязательства между товарищами и имущественная отвѣтственность ихъ другъ предъ другомъ зависятъ отъ дѣйствія ихъ договора, обязательнаго для нихъ съ момента его заключенія и налагающаго на нихъ обязанность его исполнить во всемъ томъ, что въ ономъ постановлено (1890 г., № 394).

135|91. Установленныя ст. 67 (59) и др. Уст. Торг. оповѣщеніе купечества и заявленіе въ купеческую управу безусловно необходимы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ товариществѣ на вѣрѣ происходятъ измѣненія въ составѣ и въ размѣрѣ его капитала. До учиненія такого оповѣщенія вкладчикъ не вправѣ получить свой вкладъ обратно.

Входя въ обсужденіе настоящаго дѣла, Общее Собраніе Прав. Сената находитъ, что соблюденіе правилъ относительно оповѣщенія купечества и заявленія въ купеческую управу при учрежденіи торговаго товарищества и въ частности товарищества на вѣрѣ, изложенныхъ въ ст. ст. 67, 68, 80 и 86 Уст. Торг., безусловно необходимо и въ томъ случаѣ, когда въ составѣ товарищества на вѣрѣ и въ размѣрѣ его капитала происходитъ измѣненіе, вслѣдствіе выбытія вкладчика и его капитала, какъ это вполнѣ выяснено подробными соображеніями, приведенными въ опредѣленіи 4-го Деп. Прав. Сената. Не оспаривая правильности означеннаго положенія, Кленовъ во всеподданѣйшей жалобѣ своей противъ заключенія Прав. Сената о томъ, что искъ его представляется преждевременнымъ, возражаетъ, что обязанность заявить въ купеческую управу и оповѣстить купечество о выходѣ его изъ состава товарищества лежала на полныхъ участникахъ товарищества, т. е. на Ананьевыхъ, а не на немъ, Кленовѣ, и потому неисполненіе этого требованія закона со стороны Ананьевыхъ не можетъ вліять на право его, просителя, получить обратно свой вкладъ, согласно фирменнаго договора, и что, какъ видно изъ книгъ торг. дома, братья Ананьевы записали его кредиторомъ, т. е. исключили его какъ вкладчика изъ состава торг. дома въ то время, когда активъ торг. дома превышалъ еще пассивъ, въ виду чего администрація, являющаяся преемницею правъ и обязанностей должниковъ Ананьевыхъ, не имѣетъ никакого основанія удерживать вкладъ его, Кленова. По закону, товарищество на вѣрѣ составляется изъ одного или многихъ товарищей, пріобщеніемъ одного или многихъ вкладчиковъ, которые ввѣряютъ первымъ извѣстныя суммы своихъ капиталовъ; вкладчики участвуютъ въ товариществѣ однимъ только опредѣленнымъ вкладомъ и не входятъ въ распоряженіе дѣлами товарищества (ст. 81 и 83 Уст. Торг.); въ товариществѣ на вѣрѣ товарищи подчиняются правиламъ, постановленнымъ, между прочимъ, въ ст. 67, 68 и 80 (ст. 82), предусматривающихъ обязанность оповѣщать купечество объ открытіи товарищества и представлять въ подлежащее управленіе выписку изъ товарищескаго договора съ обозначеніемъ именъ товарищей и количества капитала, ими составленнаго, причемъ (ст. 86) вкладчики могутъ быть поименованы въ такомъ только случаѣ, когда сами того пожелаютъ, но количество вносимаго ими капитала должно быть заявлено. Но, если на основаніи буквальнаго смысла

приведенныхъ статей закона и надо признать, что въ товариществѣ на вѣрѣ, составляющемся изъ двухъ видовъ участниковъ, товарищей и вкладчиковъ, соблюденіе обязанности оповѣщенія, установленной въ ст. ст. 67, 68 и 80 Уст. Торг., возлагается на товарищей, а не на вкладчиковъ, которые не входятъ въ распоряженіе дѣлами товарищества, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы неисполненіе товарищами при выбытіи изъ товарищества вкладчика означеннаго требованія закона объ оповѣщеніи, не могло, будто бы, какъ утверждаетъ Кленовъ, имѣть вліянія на право вкладчика получить свой вкладъ обратно, внѣ установленнаго порядка. Законъ (ст. 69 Уст. Торг.), угрожая за неисполненіе правилъ, изложенныхъ въ ст. 67 и 68, взысканіемъ, опредѣленнымъ въ Улож. о Нак., несомнѣнно придаетъ столь существенное значеніе соблюденію этихъ правилъ въ виду того, что каждому лицу, вступающему въ сношенія по торговлѣ съ товариществомъ, необходимо знать дѣйствительное положеніе и условія существованія товарищества; этимъ и объясняется то, что ст. 68 и 86 Уст. Торг., допуская, что въ оповѣщеніи могутъ быть не поименованы тѣ вкладчики, которые того не пожелаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ однако, чтобы капиталъ, вносимый каждымъ вкладчикомъ, былъ обозначенъ. Такимъ образомъ, даже совершенно независимо отъ того, на чьей обязанности, т. е. однихъ только товарищей или также вкладчиковъ лежитъ по закону соблюденіе установленнаго ст. 66 и др. порядка оповѣщенія, допущеніе возможности того, чтобы вкладчикъ имѣлъ право получить свой капиталъ, вложенный въ товарищество, обратно безъ предварительнаго выполненія означеннаго требованія, не достигало бы указанной закономъ цѣли, т. е. не ограждало бы нисколько правъ и интересовъ третьихъ лицъ, которыя, не зная о происшедшихъ уменьшеніяхъ въ капиталѣ товарищества, оказывали бы послѣднему при такомъ положеніи дѣла кредитъ несоразмѣрно тому капиталу, который былъ объявленъ при учрежденіи товарищества. По объясненію Кленова, о желаніи получить свой вкладъ обратно имъ было сообщено товариществу 5 декабря 1890 г., въ подтвержденіе чего онъ представилъ письмо бр. А. и П. Ананьевыхъ отъ 14 того же декабря, въ коемъ они извѣщаютъ, что они письмо его отъ 5 декабря получили. Хотя указанное Кленовымъ число, въ которое имъ было сдѣлано заявленіе товариществу о своемъ выходѣ, нельзя принять за достовѣрное, въ виду обнаруженнаго при осмотрѣ Ком. Судомъ безпорядочнаго веденія копирной книги, въ которой записано представленное Кленовымъ письмо Ананьевыхъ отъ 14 декабря, но съ другой стороны, изъ инвентарной книги торг. дома видно и отвѣтчикомъ, т. е. администраціею, не оспаривается, что Кленовъ, состоявшій ранѣе вкладчикомъ торг. дома на 10.000 руб., показанъ по балансу на 31 декабря 1890 г. уже кредиторомъ торг. дома въ этой суммѣ, изъ чего слѣдуетъ придти къ заключенію, что къ означенному времени Кленовымъ дѣйствительно было заявлено Ананьевымъ о желаніи его выбыть изъ товарищества, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, для

Ананьевыхъ не было основанія перечислять его изъ вкладчиковъ въ кредиторы. Засимъ, такъ какъ по договору съ Ананьевыми отъ 14 апрѣля 1890 г. Кленову было предоставлено право получить свой вкладъ обратно и до истеченія срока договора, но не ранѣе, какъ по прошествіи 6 мѣсяцевъ со дня заявленія имъ о желаніи выдѣлиться (причемъ такое заявленіе было сдѣлано Кленовымъ въ то время, когда активъ, какъ удостовѣряетъ тотъ же балансъ на 31 декабря 1890 г., значительно превышалъ пассивъ, болѣе чѣмъ на 40.000 руб.) означенный установленный формальнымъ договоромъ срокъ на полученіе своего вклада истекалъ для Кленова въ іюлѣ мѣсяцѣ, т. е. ранѣе учрежденія (въ сентябрѣ того же года) по дѣламъ торг. дома администраціи. Но такъ какъ со стороны товарищей торг. дома, т. е. братьевъ Ананьевыхъ не было сдѣлано требуемыхъ 67 и др. ст. Уст. Торг. оповѣщенія купечества и заявленія въ купеческую управу о желаніи вкладчика товарищества Кленова получить свой капиталъ обратно и послѣдній, какъ онъ самъ не отвергаетъ, даже не принималъ съ своей стороны никакихъ мѣръ къ тому, чтобы настоять на исполненіи товарищами означеннаго требованія закона, то Общее Прав. Сената Собраніе находитъ, что за Кленовымъ не можетъ быть признано при настоящемъ положеніи дѣла, право на обратное полученіе въ качествѣ вкладчика внесеннаго имъ въ товарищество капитала, но что съ другой стороны, въ качествѣ кредитора, онъ можетъ получить своевременно ту часть этого капитала, которая при разверсткѣ между кредиторами имущества товарищества причтется на его долю. По симъ основаніямъ, признавая опредѣленіе 4-го Деп. Прав. Сената объ отмѣнѣ рѣшенія Моск. Ком. Суда, коимъ присуждено возвратить Кленову весь внесенный имъ въ торг. домъ „Бр. А. и П. Ананьевы и К°“ вкладъ въ суммѣ 10.000 съ %, въ окончательномъ выводѣ правильнымъ, Второе Общее Собраніе Прав. Сената опредѣленіе 4-го Деп. Прав. Сената оставило въ силѣ (2-го Общ. Собр. 1895 г., № 31).

136|92. Несоблюденіе товарищами формальныхъ требованій, указанныхъ въ ст. 67 (59) и 68 (60) Уст. Торг., по отношенію къ взаимнымъ правамъ и обязанностямъ товарищей значенія не имѣетъ, и таковыя (права и обязанности) воспринимаютъ для нихъ свою силу съ момента подписанія договора. Во время существованія товарищества вкладчикъ не вправѣ требовать возврата ему вклада. Незаконное и несоотвѣтствующее цѣли товарищества употребленіе вклада даетъ право требовать ликвидаціи дѣла и выдачи причитающейся по оной суммы.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно-ли Спб. Ком. Судъ, по опредѣленію 10 ноября 1892 г., отказалъ надворному совѣтнику Евгенію Зеленкову въ искѣ съ австро-венгерскаго подданнаго Игнатія Костовича и коллежскаго ассесора Евгенія Рогозина 12.000 руб., составляющихъ сумму внесеннаго имъ въ товарищество „Костовичъ, Рогозинъ и К°“ вклада. Изъ дѣла видно, что основаніемъ къ отказу Зеленкову въ означенномъ искѣ послужило для Ком. Суда то соображеніе, что названное товарищество, въ которое Зеленковъ вступилъ въ качествѣ вкладчика, представляется вполнѣ осуществившимся; во время же существованія товарищества вкладчикъ не имѣетъ права требовать возвращенія внесеннаго имъ вклада, а можетъ требовать или отчета въ дѣйствіяхъ товарищества, или понужденія полнаго товарища къ исполненію договора, или наконецъ просить объ уничтоженіи товарищескаго договора и ликвидаціи предпріятія. Въ принесенной на это рѣшеніе суда апелляціонной жалобѣ Зеленковъ указываетъ на то, что вполнѣ правильныя по существу соображенія суда о томъ, что товарищество на вѣрѣ не можетъ быть уничтожено по произволу вкладчика, непримѣнимы однако къ настоящему дѣлу, ибо самого товарищества вовсе не существовало и не существуетъ, а онъ былъ вовлеченъ въ якобы существовавшее товарищество обманными дѣйствіями и ложными увѣреніями отвѣтчиковъ Рогозина и Костовича. Но доводы апеллятора не могутъ быть признаны уважительными по слѣдующимъ основаніямъ: 20 декабря 1890 г. Костовичъ, Рогозинъ, Кашменскій и Ергинъ заключили договоръ товарищества на вѣрѣ, въ коемъ точно опредѣлили организацію и условія открытія, дѣятельности и прекращенія товарищества: къ этому договору присоединился впослѣдствіи, въ качествѣ вкладчика, и Зеленковъ, внеся 8 мая 1891 г., какъ вкладъ въ дѣло товарищества, 12.000 руб.; затѣмъ того же 8 мая 1891 г. состоялся протоколъ участниковъ товарищества, полныхъ товарищей и вкладчиковъ, въ томъ числѣ Зеленкова, коимъ введены дополненія и измѣненія нѣкоторыхъ §§ означеннаго договора отъ 20 декабря 1890 г. Это участіе Зеленкова въ дополненіи и измѣненіи первоначальнаго текста товарищескаго договора уже вполнѣ и несомнѣнно опровергаетъ заявленіе апеллятора, будто въ основаніи вступленія Зеленкова въ договоръ товарищества лежала ошибка относительно предмета договора, такъ какъ Зеленковъ, очевидно, не могъ бы принимать участія въ измѣненіи договора отъ 20 декабря 1890 г., если бы не былъ основательно знакомъ съ содержаніемъ онаго. Въ договорѣ же этомъ, какъ учредительномъ, вовсе не трактуется, да и не могло трактоваться о товариществѣ уже установившемся, а говорится о товариществѣ образующемся, учреждаемомъ, которое должно открыть свои дѣйствія при наступленіи опредѣленныхъ условій, а именно, по взносѣ полнымъ товарищемъ Рогозинымъ и вкладчиками, а въ томъ числѣ и Зеленковымъ, извѣстныхъ суммъ (п. 6). Въ виду сего указаніе апеллятора, что Зеленковъ

приглашенъ былъ въ существующее товарищество, капиталъ для открытія дѣйствій котораго уже собранъ, является совершенно голословнымъ. Равнымъ образомъ неосновательнымъ должно быть признано объясненіе о томъ, что Зеленковъ предполагалъ вступить уже въ организованное дѣло, какъ опровергающееся подписаннымъ самимъ Зеленковымъ постановленіемъ участниковъ товарищества отъ 8 мая 1891 г. о пріобрѣтеніи для товарищества принадлежащаго Костовичу Рыбацкаго завода, о заключеніи съ Яблонскимъ договора на аренду дома, и объ арендѣ у Костовича Спасскаго завода, причемъ при точномъ опредѣленіи имѣющихся производиться для сего уплатъ, между прочимъ, сказано, что Костовичу часть денегъ (3.865 р. 35 к.) будетъ уплачена по образованіи полнаго капитала товарищества. Изъ постановленія этого лучше всего обнаруживается, что только по вступленіи Зеленкова въ дѣло товарищество начало организовывать свое дѣло, чего Зеленковъ, подписавшій этотъ протоколъ, очевидно, не могъ не знать. Но независимо отъ сего, если бы даже и допустить, какъ то продолжаетъ утверждать апелляторъ, что Зеленковъ былъ вовлеченъ въ товарищество путемъ выставленія Костовичемъ и Рогозинымъ всего предпріятія въ ложномъ свѣтѣ, то и такое несвободное вступленіе въ договоръ товарищества не могло бы имѣть въ семъ дѣлѣ значенія, въ виду именно послѣдующаго участія Зеленкова въ дѣлахъ товарищества, какъ то видно, напримѣръ, изъ протоколовъ 19 іюля 1891 г. и 9 марта 1892 г., въ чемъ уже окончательно и вполнѣ сознательно выразилось признаніе Зеленковымъ товарищескаго договора, къ которому онъ присоединился, для себя вполнѣ обязательнымъ. Въ этомъ отношеніи особенное вниманіе заслуживаетъ протоколъ отъ 19 іюля 1891 г., состоявшійся послѣ нотаріальнаго заявленія 13 іюля 1891 г., коимъ вкладчики: Болинъ, Дицъ и Зеленковъ, признавали дѣйствія полныхъ товарищей Костовича и Рогозина по производству расходовъ незаконными и требовали отъ нихъ обезпеченія внесенныхъ вкладчиками капиталовъ. А именно въ этомъ протоколѣ, подписанномъ вкладчиками, въ томъ числѣ и по довѣренности Зеленкова, эти послѣдніе, между прочимъ, единогласно постановили: изъ имѣющихся у товарищества 14.000 руб. ассигновать 1.500 руб. на расходы по текущему дѣлу, 1.500 руб. на поѣздку Костовича, 6.000 руб. на покупку и установку машинъ и 5.000 руб. на оборотный капиталъ. Этимъ же постановленіемъ участниковъ товарищества, равно какъ и прочими представленными къ дѣлу протоколами, безусловно доказывается и то отрицаемое апелляторомъ обстоятельство, что договоръ товарищества въ дѣйствительности получилъ между участниками свое осуществленіе, причемъ, какъ видно изъ дѣла, завѣдываніе кассою и денежными операціями товарищества поручено было даже не полнымъ товарищамъ, а вкладчику Болину (протоколъ и росписка Болина отъ 8 мая 1891 г., нотаріальное заявленіе полныхъ товарищей Болину отъ 16 мая 1892 г.). Что же касается указаній апеллятора на несоблюденіе формальныхъ для открытія товарищества требованій, указан-

ныхъ въ ст. 67 и 68 Уст. Торг., то не говоря уже о томъ, что какъ видно изъ надписи отъ 1 августа 1891 г., на гильдейскихъ свидѣтельствахъ, взятыхъ одно Костовичемъ, другое Рогозинымъ, объ учрежденіи товарищества на вѣрѣ подъ фирмою „Костовичъ, Рогозинъ и К°“ было заявлено въ Спб. купеческую управу, а затѣмъ и купечество было оповѣщено объ открытіи товарищества установленными циркулярами, образецъ коихъ представленъ къ дѣлу повѣреннымъ отвѣтчиковъ,—обстоятельство это, имѣя значеніе лишь для третьихъ вступающихъ въ сношенія съ товариществомъ лицъ, на взаимныя вытекающія изъ договора права и обязанности товарищей, контрагентомъ которыхъ въ семъ отношеніи является не самое товарищество, а отдѣльные же товарищи, никакого вліянія имѣть не можетъ и таковыя (права и обязанности) воспринимаютъ для нихъ свою силу съ момента подписанія договора. Это послѣднее положеніе оправдывается безусловно уже тѣмъ соображеніемъ, что по договору товарищи нерѣдко принимаютъ на себя такія именно обязательства, какъ напр., внесеніе вкладовъ и т. п., которыя только и могутъ быть выполнены до формальнаго образованія товарищества, а потому и лишать такія постановленія договора обязательной силы для лицъ, договоръ заключившихъ, очевидно не представляется возможнымъ. Но независимо отъ сего, какъ видно изъ представленныхъ къ дѣлу, заключенныхъ товариществомъ 11 мая 1892 г. съ Половцевою, а 21 мая 1892 г. съ Спб. Окружн. Интенд. Управленіемъ договоровъ, товарищество представляется, вопреки мнѣнію апеллятора, не только вполнѣ осуществившимся, но и проявившимъ ту дѣятельность, для осуществленія которой оно было учреждено. При доказанности же такимъ образомъ факта существованія товарищества „Костовичъ, Рогозинъ и К°“ и установленія обязательности для Зеленкова товарищескаго договора отъ 20 декабря 1890 г., искъ Зеленкова съ полныхъ товарищей Костовича и Рогозина 12.000 руб., внесенныхъ истцомъ какъ вкладъ въ дѣло товарищества, долженъ быть признанъ лишеннымъ законнаго основанія и не подлежащимъ удовлетворенію, ибо по смыслу 82 и 85 ст. Уст. Торг. и 2135 ст. X т. I ч. и по вполнѣ правильному заключенію Ком. Суда, которое не оспаривается и самимъ апеллятором, во время существованія товарищества вкладчику не принадлежитъ право требовать возвращенія внесеннаго имъ вклада, какъ составляющаго достояніе уже товарищества и долженствующаго идти на обороты сего послѣдняго и отвѣчающаго за убытки товарищества. Если же проситель находитъ употребленіе распорядителями товарищества,—коимъ, какъ указано уже выше, былъ даже относительно денежныхъ суммъ не Костовичъ, а Болинъ,—его вкладомъ—незаконнымъ и несоотвѣтствующимъ цѣлямъ товарищества, то отъ него зависитъ, предварительно установивъ это обстоятельство путемъ истребованія отчета, какъ того добивался, между прочимъ, и самъ Зеленковъ въ собраніи 9 марта 1892 г.,—просить затѣмъ о ликвидаціи дѣла и выдачѣ причитающейся ему по оной суммы. По симъ соображеніямъ и принимая

во вниманіе: 1) что, въ виду такой подтверждающейся представленными къ дѣлу документами неосновательности иска Зеленкова о возвратѣ ему вклада, внесеннаго въ товарищество „Костовичъ, Рогозинъ и К°“, не представляется достаточныхъ данныхъ къ удовлетворенію и ходатайства апеллятора о допросѣ свидѣтелей; 2) что всѣ соображенія повѣреннаго Зеленкова о внутреннихъ безпорядкахъ, существовавшихъ, по его утвержденію, въ дѣятельности товарищества, коего Зеленковъ состоялъ вкладчикомъ, могли бы подлежать разсмотрѣнію Прав. Сената лишь по иску Зеленкова о признаніи товарищескаго договора отъ 20 декабря 1890 г. недѣйствительнымъ, въ предѣлахъ же настоящаго производства по иску о возвратѣ Зеленкову внесеннаго въ товарищество вклада какого-либо значенія имѣть не могутъ,—Прав. Сенатъ рѣшеніе Ком. Суда утвердилъ (1893 г., № 1383).

137|93. Право одного товарища требовать отъ другого возвращенія внесеннаго вклада и возмѣщенія произведенныхъ расходовъ можетъ возникнуть лишь по прекращеніи товарищества; такому требованію должна предшествовать ликвидація товарищескаго дѣла для опредѣленія причитающейся каждому изъ товарищей суммы. Произведенные однимъ товарищемъ расходы еще не ставятъ его относительно суммъ этихъ расходовъ въ положеніе кредитора другого товарища.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что разсмотрѣнію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Одесскій Ком. Судъ отказалъ въ удовлетвореніи какъ первоначальнаго иска Гольцмана съ Мазуровскаго 3.552 руб. 66 коп. съ % по преждевременности, такъ и встрѣчнаго иска Мазуровскаго къ Гольцману о дачѣ послѣднимъ первому отчета по завѣдыванію Одесскою казенною почтовою станціею за время съ 31 октября 1889 г. по 1 января 1891 г.. а равно и о взысканіи съ Гольцмана 3.404 руб. 47 к. убытковъ. Обращаясь, прежде всего къ первоначальному иску Гольцмана къ Мазуровскому, Прав. Сенатъ находитъ, что таковой заключается въ требованіи о возвратѣ ему всѣхъ тѣхъ суммъ, которыя имъ вложены въ товарищеское предпріятіе по содержанію имъ вмѣстѣ съ Мазуровскимъ на товарищескихъ началахъ, опредѣленныхъ заключеннымъ между ними 31 октября 1889 г. договоромъ, Одесской казенной конной почтовой станціи. Право одного товарища требовать отъ другого возвращенія внесеннаго имъ въ товарищество вклада и возмѣщенія произведенныхъ имъ по товарищескому предпріятію расходовъ, возникаетъ лишь или по окончаніи срока договора, или же по уничтоженіи такового добровольнымъ соглаше-

ніемъ сторонъ или судомъ; при этомъ такому требованію товарища должна предшествовать ликвидація товарищескаго дѣла, для опредѣленія причитающейся каждому изъ товарищей суммы, каковая необходимость вытекаетъ уже изъ того, что доля участія товарищей въ каждомъ товариществѣ не опредѣляется единственно сдѣланными ими вкладами, а постоянно измѣняется сообразно со степенью доходности и убыточности предпріятія и количествомъ получаемыхъ товарищами, согласно договору доходовъ и производимыхъ ими, на основаніи того же договора, расходовъ, и что произведенные однимъ товарищемъ расходы по предпріятію, сами по себѣ, еще не ставятъ его относительно суммъ этихъ расходовъ въ положеніе кредитора другого; для опредѣленія же того, что именно изъ товарищества каждому изъ товарищей причитается, прежде всего необходимо привести въ извѣстность самый результатъ дѣятельности товарищества, его активъ и пассивъ, доходъ и расходъ, и участіе въ каждомъ изъ нихъ каждаго изъ товарищей, ибо лишь при такихъ условіяхъ возможно будетъ опредѣлить, что каждому изъ товарищей будетъ слѣдовать изъ товарищескаго имущества. Отсюда же сама собою вытекаетъ необходимость, предварительно предъявленія однимъ товарищемъ къ другому требованія въ какой-либо опредѣленной суммѣ, производства между товарищами разсчета, съ опредѣленіемъ сколько каждый изъ нихъ внесъ изъ своихъ денегъ въ предпріятіе, сколько производилъ расходовъ и сколько въ концѣ концовъ каждому изъ нихъ причтется. Примѣняя эти соображенія къ настоящему дѣлу и имѣя въ виду: 1) что изъ дѣла видно, и апелляторъ не оспариваетъ, что срокъ товарищескаго договора, заключеннаго Гольцманомъ и Мазуровскимъ 31 октября 1889 г. на предметъ совмѣстнаго содержанія Одесской казенной почтовой станціи, еще не окончился, а истекаетъ лишь 1 мая 1893 г., равнымъ образомъ договоръ этотъ не уничтоженъ ни добровольнымъ соглашеніемъ о томъ обѣихъ сторонъ, ни судомъ, по просьбѣ о томъ кого-либо изъ контрагентовъ, а потому долженъ быть признанъ въ отношеніи лицъ, его заключавшихъ, сохранившимъ по настоящее время свою обязательную силу; 2) что хотя Прав. Сенатъ въ опредѣленіи своемъ по дѣлу между тѣми же лицами (указъ Ком. Суду 23 марта 1892 г.) и призналъ дѣйствительно, какъ на то указываетъ апелляторъ, что Гольцманъ неправильно былъ удаленъ Мазуровскимъ отъ завѣдыванія дѣлами и кассою товарищескаго предпріятія, но это признаніе повело не къ уничтоженію договора отъ 31 октября 1889 г., о чемъ ни съ чьей стороны и не было заявляемо требованія, а напротивъ того, къ возстановленію нарушенныхъ правъ Гольцмана, признаніемъ требованія Гольцмана о вмѣненіи Мазуровскому въ обязанность допустить его вновь къ завѣдыванію дѣлами и кассою почтовой станціи подлежащимъ удовлетворенію, въ настоящее же время опять-таки Гольцманомъ предъявленъ искъ не объ уничтоженіи договора отъ 31 октября 1889 г. по случаю усматриваемаго имъ нарушенія такового со стороны Мазуровскаго, а о возвратѣ ему произведенныхъ имъ

на товарищеское предпріятіе расходовъ, каковой искъ, въ силу изложенныхъ выше соображеній, удовлетворенію до учиненія разсчета между товарищами подлежать не можетъ; 3) что приводимыя апелляторомъ объясненія о невозможности для него продолженія товарищескаго дѣла могли бы имѣть значеніе лишь при разсмотрѣніи ходатайства о признаніи договора отъ 31 октября 1889 г. потерявшимъ для него обязательную силу и объ уничтоженіи такового, въ настоящемъ же производствѣ, имѣющемъ своимъ предметомъ, какъ уже указано, лишь ходатайство о возвратѣ внесенныхъ въ товарищество денегъ, таковыя объясненія не могутъ быть вовсе приняты въ уваженіе; 4) что засимъ недача Мазуровскимъ Гольцману отчета, къ коему онъ присужденъ былъ Прав. Сенатомъ, можетъ породить для послѣдняго лишь право на взысканіе съ Мазуровскаго убытковъ, произошедшихъ отъ неправильныхъ, по его мнѣнію, дѣйствій Мазуровскаго, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ создать для него такихъ правъ, которыхъ онъ по самому существу товарищескихъ отношеній не имѣетъ, именно на требованіе возврата своего вклада до ликвидаціи и опредѣленія положенія дѣлъ товарищества,—Прав. Сенатъ находитъ, что Одесскій Ком. Судъ вполнѣ правильно отказалъ Гольцману въ удовлетвореніи его иска. Переходя засимъ къ встрѣчному иску Мазуровскаго, Прав. Сенатъ находитъ, что таковой заключается въ требованіи: 1) объ обязаніи Гольцмана къ дачѣ отчета по завѣдыванію Одесскою казенною конною почтовою станціею за время съ 31 октября 1889 г. по 1 января 1891 г., и 2) о взысканіи съ Гольцмана 3.404 руб. 47 к., падающихъ на долю его, какъ товарища, согласно договору, убытковъ отъ предпріятія, за время единоличнаго завѣдыванія имъ, Мазуровскимъ, таковымъ, съ 1 января 1891 г. по 1 іюля 1892 г. Относительно перваго требованія Мазуровскаго Прав. Сенатъ находитъ, что самъ Мазуровскій, какъ видно изъ дѣла по иску его къ Немировскому, объ отчетѣ за время завѣдыванія послѣднимъ дѣлами и кассою почтовой станціи, въ исковой своей по этому дѣлу запискѣ объяснилъ, что Немировскій завѣдывалъ станціею, начиная съ 29 декабря 1889 г. по 15 января 1891 г., что подтверждается также и выданными ему на этотъ предметъ въ 1890 и 1891 г.г. довѣренностями, и какъ судъ, такъ и Прав. Сенатъ признали этотъ искъ подлежащимъ удовлетворенію. Такимъ образомъ этимъ его объясненіемъ вполнѣ опровергается дѣлаемое имъ нынѣ указаніе, что будто бы Гольцманъ завѣдывалъ дѣлами товарищескаго предпріятія въ теченіе всего 1890 г., вслѣдствіе чего и ходатайство апеллятора о допросѣ по сему предмету указываемыхъ имъ свидѣтелей не подлежитъ удовлетворенію. А потому, такъ какъ не только по дѣлу ничѣмъ не установлено, чтобы Гольцманъ завѣдывалъ почтовою станціею въ указываемый Мазуровскимъ періодъ времени—съ 31 октября 1889 г. по 1 января 1891 г.,—но напротивъ того, обстоятельство это опровергается раньше даннымъ объясненіемъ самого же Мазуровскаго, подкрѣпленнымъ къ тому же документами, Прав. Сенатъ находитъ, что требованіе

Мазуровскаго о дачѣ Гольцманомъ отчета за этотъ періодъ времени (объ обязаніи же Гольцмана къ дачѣ отчета за меньшій періодъ времени апелляторъ не проситъ) не подлежитъ удовлетворенію. Что же касается указаній апеллятора на то, что Гольцманъ никогда не былъ удаляемъ отъ завѣдыванія дѣлами станціи и самъ устранился отъ такого завѣдыванія, удаленъ же былъ сынъ Гольцмана, и что одновременно завѣдывали станціею и Гольцманъ и Немировскій, первый въ качествѣ компаніона, а второй въ качествѣ его, Мазуровскаго, повѣреннаго, то эти указанія не заслуживаютъ уваженія, ибо, во-первыхъ, фактъ удаленія отъ завѣдыванія дѣлами Шмуля Гольцмана—отвѣтчика по настоящему встрѣчному иску Мазуровскаго, подвергался по дѣлу по иску Гольцмана къ Мазуровскому и Немировскому о возстановленіи нарушенныхъ его правъ обсужденію и Ком. Суда и Прав. Сената и въ то время, какъ видно изъ дѣла, Мазуровскій вовсе не заявлялъ, что Гольцманъ самъ устранился отъ дѣла и что удаленъ былъ не Шмуль Гольцманъ, а его сынъ, а ограничился лишь возраженіемъ, что Шмуль Гольцманъ удаленъ былъ за то, что онъ, какъ еврей, не имѣлъ права завѣдывать станціею, вслѣдствіе чего Прав. Сенатъ и возстановилъ нарушенныя права именно Шмуля Гольцмана, а не кого-либо другого, а, во-вторыхъ, изъ самаго текста выданныхъ Мазуровскимъ Немировскому довѣренностей видно, что послѣдній вовсе не былъ замѣстителемъ лишь перваго, въ границахъ предоставленныхъ ему договоромъ правъ, какъ объясняетъ апелляторъ, а полнымъ управляющимъ дѣлами и кассою станціи. Что же касается второго требованія Мазуровскаго о взысканіи съ Гольцмана упадающихъ на его долю убытковъ по товарищескому предпріятію съ 1 января 1891 г. по 1 іюня 1892 г., опредѣляемыхъ имъ въ суммѣ 3.404 руб. 47 к., то таковое равнымъ образомъ не подлежитъ удовлетворенію помимо приведенныхъ судомъ соображеній о неправильности веденныхъ Мазуровскимъ торговыхъ книгъ, на которыхъ это требованіе основано, главнымъ образомъ и потому, что нельзя требовать взысканія съ товарища убытковъ (если бы таковые и были доказаны) за произвольно выдѣленный изъ всего времени существованія товарищества, къ тому же еще не прекращеннаго, періодъ безъ принятія въ разсчетъ всѣхъ предшествовавшихъ оборотовъ товарищества, отъ представленія каковыхъ разсчетовъ самъ истецъ однако уклоняется. Признавая посему отказъ суда и Мазуровскому въ его искѣ къ Гольцману вполнѣ правильнымъ, Прав. Сенатъ состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда утвердилъ (1893 г., № 255).

138. Если на уничтоженіи товарищескаго договора настаиваютъ всѣ члены товарищества, кромѣ одного, то должна наступить ликвидація торговаго дома, хотя бы

въ договорѣ и былъ предусмотрѣнъ порядокъ выдѣла членовъ, не желающихъ оставаться въ товариществѣ.

Обсужденію Правительствующаго Сената въ настоящемъ дѣлѣ подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Московскій Коммерческій Судъ оставилъ безъ уваженія искъ, предъявленный Степановымъ, Виноградовымъ и Сидоровымъ къ Крутову о признаніи фирменнаго договора отъ 13 мая 1906 г. и дополнительнаго къ нему договора отъ 25 октября 1910 г., какового числа истцами былъ полученъ отъ отвѣтчика отрицательный отвѣтъ на выраженное ими по сему предмету требованіе, прекратившимися. Обращаясь для разрѣшенія сего вопроса къ имѣющимся въ дѣлѣ даннымъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что 13 мая 1906 г. Степановъ и Крутовъ заключили между собой договоръ объ учрежденіи для производства торговли цвѣтами, растеніями, издѣліями изъ нихъ и другими товарами торговаго дома на правахъ полнаго товарищества подъ фирмою „В. Степановъ и Н. Крутовъ“, причемъ сторонами условлено было, что „главою торговаго дома будетъ состоять Василій Степановичъ Степановъ“. Засимъ 25 октября 1910 г. названныя лица заключили вмѣстѣ съ Виноградовымъ и Сидоровымъ дополнительный къ прежнему договоръ, по коему, между прочимъ, эти два послѣдніе вошли въ названный торговый домъ въ качествѣ полныхъ товарищей. При этомъ ни въ одномъ изъ этихъ договоровъ срокъ дѣйствія ихъ обозначенъ не былъ, а включено лишь было условіе (п. 7 послѣдняго договора, замѣнившій собою п. 9 договора отъ 13 мая 1906 г.), опредѣлявшее порядокъ выхода изъ дѣла отдѣльныхъ членовъ товарищества и ихъ обязанности по отношенію къ остальнымъ товарищамъ. Въ настоящемъ случаѣ отвѣтчикъ, возражая противъ предъявленнаго къ нему иска, ссылается на то, что истцы вообще не имѣютъ права требовать уничтоженія вышеозначенныхъ договоровъ, а могутъ лишь, если не желаютъ оставаться въ общемъ ихъ съ отвѣтчикомъ предпріятіи, выдти изъ него въ порядкѣ и съ соблюденіемъ условій, въ п. 7 договора отъ 25 октября 1910 г. установленныхъ. Съ приведеннымъ соображеніемъ отвѣтной стороны Правительствующій Сенатъ не признаетъ возможнымъ согласиться, такъ какъ вышеупомянутый пунктъ 7 договора 25 октября 1910 г. къ настоящему случаю, въ коемъ объ уничтоженіи договоровъ ходатайствуютъ всѣ члены товарищества, кромѣ одного, не можетъ имѣть примѣненія какъ въ виду содержанія самаго его текста, въ коемъ говорится не объ одномъ, а о нѣсколькихъ остающихся товарищахъ, такъ и по нижеслѣдующимъ соображеніямъ общаго характера: 1) предметомъ договора отъ 13 мая 1906 г. было учрежденіе полнаго товарищества; 2) по точному смыслу ст. 62 Уст. Торг., полное товарищество должно состоять изъ двухъ или болѣе лицъ; 3) между тѣмъ, въ настоящемъ случаѣ съ уходомъ истцовъ изъ торговаго дома въ послѣднемъ уже не осталось бы двухъ товарищей, т. е. не было бы налицо условія, необходи-

маго для существованія полнаго товарищества; 4) что такимъ образомъ, съ прекращеніемъ полнаго товарищества не существовало бы болѣе самаго предмета заключеннаго между сторонами договора. По изложеннымъ соображеніямъ и принимая засимъ во вниманіе: 1) что, по смыслу ст. 70 и согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Правительствующаго Сената (опр. 1880 г., № 157 и др.) товарищескій договоръ, признанный за неустановленіемъ срока дѣйствія его безсрочнымъ, можетъ подлежать уничтоженію по требованію одного изъ товарищей; 2) что посему составляющее предметъ настоящаго дѣла требованіе истцовъ объ уничтоженіи договоровъ отъ 13 мая 1906 г. и 25 октября 1910 г., въ виду необозначенія въ нихъ срока и за невозможностью примѣненія въ настоящемъ случаѣ п. 7 послѣдняго изъ этихъ договоровъ, должно быть признано подлежащимъ уваженію; 3) что при нежеланіи истцовъ по настоящему дѣлу продолжать общее ихъ съ отвѣтчикомъ предпріятіе, веденіе такового представляется невыполнимымъ, и такое положеніе дѣлъ должно будетъ привести къ фактической ликвидаціи торговаго дома, т. е., слѣдовательно, имѣть тотъ же самый результатъ, къ коему направлено въ сущности исковое требованіе, составляющее предметъ настоящаго дѣла; 4) что моментомъ прекращенія дѣйствія вышеупомянутыхъ договоровъ слѣдуетъ считать 17 декабря 1910 г., такъ какъ предварительно предъявленія иска, истцы въ нотаріальномъ заявленіи на имя отвѣтчика это именно число указали въ качествѣ срока, съ котораго товарищескій договоръ подлежитъ уничтоженію,—Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда отъ 3 февраля 1911 г. и призналъ фирменный договоръ отъ 13 мая 1906 г. и дополнительный къ нему договоръ отъ 25 октября 1910 г. утратившими свое дѣйствіе отъ 17 декабря 1910 г. (1911 г., № 2587; тоже, 31 января 1913 г., по д. Филипповыхъ).

Ликвидація торговаго дома.

139. Разсчеты товарищей съ торговымъ домомъ и ликвидація торговаго дома. Ликвидаторами въ полномъ товариществѣ должны быть прежде всего лица, избранныя всѣми товарищами для этой цѣли. Если такого избранія не послѣдовало, то право на ликвидацію принадлежитъ лицамъ, которыя управляли дѣлами товарищества непосредственно передъ обращеніемъ его къ ликвидаціи.

Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что предметомъ его является искъ крестьянина Ивана Моргунова къ братьямъ его Михаилу, Сергѣю и Василію Моргуновымъ о признаніи: 1) что Михаилъ Моргуновъ

изъ товарищества вышелъ съ 13 декабря 1901 г. и имѣетъ право на полученіе изъ имущества товарищества лишь 1/4 доли по балансу на 13 декабря 1901 г.; 2) что товарищество ткацкой фабрики И. И. Моргунова въ гор. Шуѣ свои дѣйствія прекратило и что Иванъ Моргуновъ имѣетъ право получить одну треть изъ общаго имущества по балансу на 19 іюля 1903 г.; 3) признать товарищество ткацкой фабрики въ Шуѣ Ивана Моргунова подлежащимъ ликвидаціи съ 19 іюля 1903 г. и предоставить ему, Ивану Моргунову, какъ распорядителю товарищества, ликвидировать таковое; 4) обязать отвѣтчиковъ въ недѣльный срокъ со дня вручения имъ повѣстки объ исполненіи передать истцу на предметъ ликвидаціи, составленія балансовъ и разсчета, все имущество фабрики, всѣ торговыя книги и оправдательные документы, и 5) признать за Иваномъ Моргуновымъ право на полученіе денегъ съ должниковъ товарищества и, какъ слѣдствіе сего, его обязанность платить кредиторамъ товарищества, претензіи коихъ возникли до 19 іюля 1903 г. Московскій Коммерческій Судъ опредѣленіемъ своимъ призналъ, согласно 3 п. искового прошенія, товарищество ткацкой фабрики въ Шуѣ братьевъ Моргуновыхъ подлежащимъ ликвидаціи съ 19 іюля 1903 года и возложилъ самое производство ликвидаціи на Ивана и Михаила Моргуновыхъ, остальныя же требованія, предъявленныя Иваномъ Моргуновымъ призналъ до окончанія ликвидаціи преждевременными. Въ принесенныхъ на рѣшеніе суда апелляціонныхъ жалобахъ Иванъ Моргуновъ признаетъ неправильнымъ, во 1-хъ, отказъ суда въ прочихъ требованіяхъ, особенно заявленныхъ въ 1 и 2 п.п. его искового прошенія и, во-2-хъ, возложеніе судомъ производства ликвидаціи дѣлъ товарищества не на одного его, а совмѣстно съ Михаиломъ Моргуновымъ; а Михаилъ, Сергѣй и Василій Моргуновы, соглашаясь съ постановленіемъ суда о производствѣ ликвидаціи товарищества, возражаютъ лишь противъ назначенія ликвидаторомъ Ивана Моргунова, и указывая на разнаго рода неправильныя дѣйствія послѣдняго во время завѣдыванія дѣлами товарищества, на устраненіе его отъ такого завѣдыванія по общему желанію прочихъ товарищей, на недовѣріе ихъ къ нему и на нецѣлесообразность при такомъ положеніи дѣла назначать Ивана Моргунова ликвидаторомъ общаго товарищескаго предпріятія,—просятъ предоставить производство ликвидаціи одному Михаилу Моргунову.

Обсудивъ дѣло въ предѣлахъ апелляціи и останавливаясь на вопросѣ: правильно ли судъ отказалъ Ивану Моргунову, по преждевременности, въ его исковыхъ требованіяхъ, заявленныхъ въ 1 и 2 п.п. его искового прошенія, Прав. Сенатъ находитъ, что заключеніе суда о преждевременности означенныхъ требованій Ивана Моргунова представляется неправильнымъ. Очевидно, что установленіе судебнымъ рѣшеніемъ фактовъ, признанія которыхъ требуетъ Иванъ Моргуновъ, именно о выходѣ Михаила Моргунова изъ товарищества съ 13 декабря 1901 года, а также о томъ, что товарищество ткацкой фабрики прекратило свое дѣйствіе съ 19 іюля 1903 г. и что Иванъ Моргуновъ имѣетъ право

получить 1/3 изъ общаго имущества по балансу на 19 іюля 1903 г. имѣетъ существенную важность именно до ликвидаціи дѣла товариществомъ для принятія этого въ соображеніе при производствѣ самой ликвидаціи. Обращаясь посему къ разсмотрѣнію вышеозначенныхъ требованій Ивана Моргунова (п.п. 1 и 2 искового прошенія) Прав. Сенатъ находитъ, что Михаилъ Моргуновъ не только никакихъ возраженій противъ указанія истца на выходъ его, Михаила Моргунова, изъ товарищества съ 13 декабря 1901 г. не сдѣлалъ, но, какъ видно изъ апелляціонной его жалобы, принесенной имъ по дѣлу о взысканіи съ Ивана Моргунова 95.740 р., разрѣшенному Прав. Сенатомъ вмѣстѣ съ настоящимъ дѣломъ, утверждаетъ, что онъ съ декабря 1901 года вышелъ изъ состава товарищества бр. Моргуновыхъ, о чемъ нотаріальнымъ порядкомъ увѣдомилъ братьевъ Ивана, Сергѣя и Василія и довелъ о семъ до всеобщаго свѣдѣнія циркулярами. При такомъ положеніи дѣла и въ виду представленной къ настоящему дѣлу публикаціи Михаила Моргунова въ Моск. вѣдом. о томъ, что онъ съ 13 декабря 1901 г. вышелъ изъ числа участниковъ фабричнаго дѣла подъ фирмою братья С. В. М. и Н. Моргуновы въ Шуѣ, исковое требованіе Ивана Моргунова о признаніи Михаила Моргунова вышедшимъ изъ товарищества съ 13 декабря 1901 г. и имѣющимъ право на полученіе изъ имущества товарищества лишь 1/4 части по балансу на 13 декабря 1901 г. слѣдуетъ признать подлежащимъ удовлетворенію. Что касается затѣмъ искового требованія Ивана Моргунова, изложеннаго во второмъ пунктѣ искового прошенія, именно о признаніи, что товарищество прекратило свои дѣйствія съ 19 іюля 1903 г. и что онъ, Иванъ Моргуновъ имѣетъ право на полученіе 1/3 части изъ общаго имущества по балансу на 19 іюля 1903 г., то эти требованія представляются не подлежащими удовлетворенію. Въ отношеніи перваго слѣдуетъ указать, что никакихъ доказательствъ тому, что товарищество ткацкой фабрики въ Шуѣ съ означеннаго числа дѣйствительно прекратило свои дѣйствія, со стороны истца не предоставлено, напротивъ того, самъ апелляторъ, Иванъ Моргуновъ, утверждаетъ, что фактически товарищество продолжаетъ свои дѣйствія, хотя и безъ его участія и въ исковомъ прошеніи онъ указываетъ, что 20 іюля 1903 г. братья М. С. и В. Моргуновы захватили въ свои руки предпріятіе и фактически удалили отъ дѣла его, Ивана Моргунова, послѣ чего оповѣстили циркулярами о томъ, что съ 19 іюля 1903 года они Ивана Моргунова единогласно отъ распоряженія фабрикой и дѣломъ устранили, противъ какового устраненія отъ веденія дѣла Иванъ Моргуновъ однако не протестовалъ до предъявленія настоящаго иска. Такимъ образомъ товарищество продолжало существовать и послѣ 19 іюня 1903 г. Что касается затѣмъ требованія о признаніи за нимъ права на выдѣлъ по балансу на 19 іюля 1903 года, то оно должно быть признано не подлежащимъ удовлетворенію на томъ основаніи, что, какъ указано выше, самъ Иванъ Моргуновъ признаетъ, что съ этого числа онъ былъ лишь устраненъ отъ веденія дѣла то-

варищества, какъ распорядитель, но не вышелъ вовсе изъ товарищества. Независимо отъ сего для признанія товарища вышедшимъ изъ товарищества необходимо не только фактическое устраненіе остальными товарищами или выходъ изъ дѣла, но и соблюденіе указанныхъ въ законѣ формальностей въ видѣ обвѣщенія циркулярами и т. п.; между тѣмъ на то, чтобы какія-либо формальности въ настоящемъ дѣлѣ были соблюдены Иваномъ Моргуновымъ и не указывается. Наконецъ, всѣ остальныя требованія Ивана Моргунова стоятъ въ зависимости отъ того, на кого изъ товарищей по обстоятельствамъ дѣла должно быть возложено производство самой ликвидаціи. Обращаясь къ обсужденію и разрѣшенію этого послѣдняго вопроса, Прав. Сенатъ находитъ, что ликвидаторами въ полномъ товариществѣ должны быть прежде всего лица, спеціально избранныя всѣми товарищами для этой цѣли. Если же такого избранія почему либо не послѣдовало, то право на ликвидацію должно быть признано *за тѣмъ лицомъ или лицами, которыя управляли дѣлами товарищества непосредственно передъ обращеніемъ его къ ликвидаціи,* такъ какъ характеръ обязанностей ликвидатора и распорядителя и требованія къ нимъ, предъявляемыя относительно добросовѣстности, вниманія, знанія дѣла и проч., одни и тѣ же. Въ настоящемъ дѣлѣ, какъ видно изъ объясненій сторонъ, прежде бывшій распорядителемъ дѣлъ товарищества Иванъ Моргуновъ въ іюлѣ 1903 г., по общему желанію остальныхъ братьевъ товарищей, былъ устраненъ отъ дальнѣйшаго завѣдыванія дѣлами предпріятія и въ послѣднее предъ разрѣшеніемъ сего дѣла въ Коммерческомъ Судѣ время распорядительство дѣлами товарищества сосредоточено было, по желанію двухъ другихъ товарищей, въ рукахъ Михаила Моргунова, который хотя и вышелъ изъ товарищества 13 декабря 1901 г., но затѣмъ въ 1903 г. вновь вошелъ въ него. Въ апелляціи Михаилъ, Сергѣй и Василій Моргуновы, приводя цѣлый рядъ фактовъ, указывающихъ, по ихъ мнѣнію, насколько самовольно и противозаконно распоряжался Иванъ Моргуновъ дѣлами, имуществомъ и денежными суммами предпріятія, выражаютъ полное свое къ нему недовѣріе и указываютъ, что оставленіе Ивана Моргунова ликвидаторомъ вызоветъ рядъ процессовъ между ликвидаторами и сдѣлаетъ невозможною самую ликвидацію. Въ виду вышеизложеннаго и принимая во вниманіе, что при отсутствіи общаго согласія товарищества относительно устраненія ликвидатора, за остальными товарищами, настаивающими на устраненіи, должно быть признано право требовать этого при наличности уважительныхъ на то причинъ; что въ настоящемъ дѣлѣ апелляторы Михаилъ, Сергѣй и Василій Моргуновы настаиваютъ на устраненіи отъ ликвидаціи Ивана Моргунова, приводя къ тому причины, представляющіяся уважительными и противъ которыхъ со стороны Ивана Моргунова никакихъ опроверженій не представлено,—Прав. Сенатъ, при такомъ положеніи находитъ цѣлесообразнымъ устранить Ивана Моргунова отъ участія въ производствѣ ликвидаціи дѣлъ товарищества. Но имѣя въ то же время въ виду, что

Иванъ Моргуновъ, какъ товарищъ, не можетъ быть вовсе устраненъ отъ участія въ дѣлѣ при ликвидаціи и за нимъ должно быть признано право слѣдить за производствомъ ликвидаціи для огражденія своихъ имущественныхъ интересовъ, что между тѣмъ по личнымъ отношеніямъ его съ Михаиломъ Моргуновымъ, на что указываетъ Иванъ Моргуновъ, между ними возможны разногласія и что по заявленію обѣихъ сторонъ, они ничего не имѣютъ противъ Сергѣя Моргунова,—Прав. Сенатъ находитъ полезнымъ для дѣла назначить сверхъ допущеннаго судомъ Михаила, вторымъ ликвидаторомъ Сергѣя Моргунова. Въ силу вышеизложеннаго Прав. Сенатъ опредѣлилъ: въ измѣненіе рѣшенія Московскаго Коммерческаго Суда по настоящему дѣлу, во 1-хъ, признать, что Михаилъ Моргуновъ вышелъ изъ товарищества съ 13 декабря 1901 г. и имѣетъ право на полученіе изъ имущества сего товарищества $^1/_4$ доли по балансу на 13 декабря 1901 г. во-2-хъ, производство ликвидаціи дѣлъ прекратившагося товарищества ткацкой фабрики бр. Моргуновыхъ въ г. Шуѣ предоставить Михаилу и Сергѣю Моргуновымъ, въ 3-хъ, требованіе Ивана Моргунова о предоставленіи ему одному ликвидировать дѣла упомянутаго товарищества, а также означенныя въ п.п. 2, 4 и 5 его искового прошенія оставить безъ удовлетворенія (1907 г., № 1067).

140. Тоже. Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что оно имѣетъ предметомъ своимъ требованіе купца Александра Фишера съ торговаго дома „Ф. А. Фишеръ С-я“ на основаніи баланса и отчета на 14 апрѣля 1901/2 г.—12.799 руб. съ $^0/_0$. Сумма эта слагается изъ двухъ суммъ: 10.666 руб. 66 коп., являющихся долгомъ торговаго дома истцу, какъ наслѣднику послѣ умершаго отца его, Фердинанда Фишера и—2.133 р. 33 к. составляющихъ $^1/_5$ часть изъ 10.666 руб. 66 коп., долга торговаго дома матери истца, Аннѣ Фишеръ и слѣдующихъ ему, какъ наслѣднику въ этой долѣ послѣ матери. Моск. Ком. Судъ, признавъ, что изъ исковой суммы лишь 2.133 руб. 33 коп. дѣйствительно являются долгомъ торговаго дома истцу, а 10.666 р. 66 коп. значатся въ счетѣ капитала Александра Фишера не какъ кредитора, а какъ полнаго товарища и, слѣдовательно, составляютъ часть складочнаго капитала, выдѣла изъ котораго истецъ требовать безъ согласія другого товарища не вправѣ,—удовлетворилъ искъ лишь въ суммѣ 2.133 руб. 33 коп. Въ принесенныхъ на рѣшеніе это апелляціяхъ обѣ стороны ходатайствуютъ объ отмѣнѣ рѣшенія; истецъ объ удовлетвореніи иска въ полной суммѣ, а отвѣтчикъ Фердинандъ Фишеръ или о прекращеніи дѣла въ виду смѣшенія двухъ исковъ изъ разныхъ основаній, или объ отказѣ Александру Фишеру въ искѣ. Обсудивъ дѣло и останавливаясь на ходатайствѣ отвѣтчика о прекращеніи дѣла въ виду смѣшенія истцомъ въ одномъ исковомъ прошеніи двухъ исковъ съ разными основаніями,—Прав. Сенатъ не усматриваетъ основаній къ удовлетворенію означеннаго ходатайства. Какъ видно изъ искового прошенія оно заключаетъ въ

себѣ требованіе наслѣдственныхъ долей, доставшихся истцу какъ отъ отца, такъ и отъ матери, каковыя доли въ показанныхъ суммахъ остались въ торговомъ домѣ и истцомъ почитаются долгомъ торговаго дома ему, а слѣдовательно основаніе иска той или другой суммы—одно, именно долгъ торговаго дома истцу. Переходя къ разсмотрѣнію существа исковыхъ требованій, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ подтвержденіе правильности ихъ истецъ ссылается на балансъ—отчетъ торговаго дома, составленный на 14 апрѣля 1901/2 г. и изъ содержанія его выводитъ, что торговый домъ состоитъ ему должнымъ 10.666 руб. 66 коп., какъ наслѣднику послѣ отца его, Фердинанда—Вольдемара Фишера и кромѣ того ему причитается, какъ наслѣднику послѣ матери, $^1/_5$ часть изъ 10.666 руб. 66 коп. или 2.133 руб. 33 коп. Сущность возраженій отвѣтчика въ лицѣ другого члена торговаго дома Фердинанда Фишера, заключается въ томъ, что требованіе наслѣдственной доли послѣ отца неправильно, такъ какъ означенная доля Александра Фишера, значившаяся ранѣе въ счетѣ капитала, *занятаго* съ согласія его, истца, выразившагося въ его подписи на балансѣ на 14 апрѣля 1901/2 г. причислена была къ *складочному* капиталу торговаго дома, а требованіе $^1/_5$ доли изъ оставшагося капитала послѣ матери не доказано по размѣру, такъ какъ капиталъ этотъ есть долгъ товарищества, находящагося въ ликвидаціи, членомъ котораго состоитъ и истецъ, на обязанности котораго лежитъ доказать размѣръ своей отвѣтственности и кромѣ того, согласно волѣ покойной и договору между сонаслѣдниками отъ 1 іюня 1902 г. имъ, Фердинандомъ Фишеромъ, были уплачены слѣдуемые изъ капитала матери брату, Владиміру Фишеру, 5.000 руб., а также затрачено на погребеніе матери 2.015 руб., каковая сумма записана въ расходъ по торговымъ книгамъ товарищества и которая тоже должна быть вычтена и затѣмъ остальная сумма раздѣлена на 5 частей, такъ что вся сумма, которая могла бы причитаться на долю истца, равняется не болѣе 730 руб. 33 коп., каковая сумма, однако, не можетъ быть предметомъ требованій истца *до ликвидаціи дѣлъ торговаго дома* и истецъ, какъ полный товарищъ, не вправѣ требовать выплаты ему долга другимъ товарищемъ. Въ отношеніи *перваго* указанія отвѣтчика на *причисленіе 10.666 руб. 66 коп.*, слѣдуемыхъ истцу изъ капитала отца, *къ складочному капиталу*, Прав. Сенатъ находитъ, что вопросъ о правильности такого причисленія долженъ быть разрѣшенъ въ соображеніи съ условіями товарищескаго договора; въ п. 8 договора отъ 18 января 1861 г., объ учрежденіи товарищества постановлено: „для расширенія торговыхъ дѣлъ фирмы предоставляется намъ, товарищамъ, *подъ условіемъ общаго каждый разъ согласія на то*, увеличить свои капиталы въ дѣлѣ, приписывая таковое увеличеніе въ книгахъ торговаго дома къ капиталу товарищества, дѣлающаго взносъ“. Такимъ образомъ, этимъ пунктомъ договора, если не опредѣленъ точно порядокъ или способъ выраженія согласія товарищемъ на уве-

личеніе капитала, то тѣмъ не менѣе, однако, вполнѣ опредѣленно выражена цѣль увеличенія капитала каждаго изъ товарищей, именно „для расширенія торговыхъ дѣлъ фирмы“. Во всякомъ случаѣ, согласіе по сему предмету должно быть выражено настолько ясно, чтобы не оставалось сомнѣнія именно въ намѣреніи увеличить складочный капиталъ. Въ настоящемъ дѣлѣ, какъ на выраженіе такого согласія со стороны Александра Фишера отвѣтчикъ и согласившійся съ нимъ Коммерческій Судъ ссылаются на подпись Александра Фишера подъ балансомъ на 14 апрѣля 1901/2 г., въ которой послѣдній выразилъ, что съ настоящимъ отчетомъ и балансомъ согласенъ, кромѣ распредѣленія чистой прибыли и т. д. Но нельзя не признать, что такое истолкованіе подписи истца подъ балансомъ, отчетомъ представляется неправильнымъ потому, что согласіе товарища на увеличеніе капитала должно быть выражено ясно, въ настоящемъ же случаѣ въ подписи Александра Фишера не означено опредѣленно согласія на увеличеніе капитала, но выражено признаніе правильнымъ отчета и баланса, за указанными далѣе исключеніями, причемъ Александръ Фишеръ, указывая, что прибыль должна быть распредѣлена пропорціонально находящагося въ дѣлѣ и принадлежащаго каждому изъ товарищей капитала, свой капиталъ исчисляетъ въ 86,975 р. 49 к., изъ чего нельзя выводить согласія на причисленіе доли изъ наслѣдства отца къ его складочному капиталу, такъ какъ въ балансѣ въ рубрикѣ счетъ 10.666 р. 66 коп. означены отдѣльно, какъ $^1/_6$ доли наслѣдства изъ капитала 64 т. р. и не прибавлены къ капиталу Александра Фишера, значащемуся въ суммѣ 86.975 р. 49 к., съ коего только и исчислены 6% годовыхъ, въ виду чего и подпись послѣдняго подъ балансомъ можетъ быть разсматриваема только какъ утвержденіе правильности отдѣльныхъ цифръ, но не какъ согласіе на увеличеніе складочнаго капитала, чего въ сущности и сдѣлано не было. Кромѣ того по обстоятельствамъ дѣла оказывается невозможнымъ допустить, чтобы въ намѣренія истца, домогавшагося болѣе полутора года передъ составленіемъ баланса ликвидаціи дѣла, входило и желаніе увеличенія складочнаго капитала, послѣ того какъ 9 февраля 1902 г. онъ получилъ извѣщеніе другого товарища о томъ, что 15 апрѣля имъ будетъ приступлено къ ликвидаціи дѣлъ товарищества. Объясненіе отвѣтчика, что перенесеніе наслѣдственныхъ долей изъ счета капитала, занятаго въ счетъ складочнаго капитала, послѣдовало въ виду учрежденія ими товарищества на паяхъ, для упрощенія разсчетовъ, указываетъ, что это было лишь бухгалтерскимъ пріемомъ, не имѣвшимъ значенія дѣйствительнаго увеличенія капитала складочнаго. Принимая засимъ во вниманіе: 1) что отыскиваемая истцомъ сумма 10.666 руб. 66 коп. до самаго послѣдняго времени передъ составленіемъ баланса на 14 апрѣля 1901/2 г. значилась по книгамъ въ счетѣ капитала „занятаго“; 2) что по дѣлу не установлено, чтобы на перечисленіе этой суммы со счета капитала „занятаго“ на счетъ складочнаго капитала истца послѣдовало его согласіе; 3) что такимъ

образомъ сумма эта должна быть признана долгомъ товарищества истцу, и 4) что *въ законѣ не установлено какого-либо изъятія во взысканіи съ имущества товарищества для лицъ, состоящихъ полными товарищами и въ то же время кредиторами товарищества,* — Прав. Сенатъ не усмотрѣлъ основаній къ отказу истцу, въ этой части его требованій. Переходя засимъ ко второй части иска, именно къ суммѣ 2.133 руб. 33 коп., являющейся долгомъ товарищества истцу, какъ наслѣднику Анны Фишеръ и останавливаясь на указаніяхъ, сдѣланныхъ отвѣтчикомъ въ его апелляціонной жалобѣ на то, что изъ суммы капитала, оставшагося въ торговомъ домѣ послѣ матери ихъ Анны Фишеръ, подлежатъ исключенію 5.000 руб., уплаченные имъ согласно договору между сонаслѣдниками брату Владиміру и, кромѣ того 2.015 руб., израсходованные изъ суммъ торговаго дома на погребеніе матери, Прав. Сенатъ находитъ, что настоящій искъ Александра Фишера имѣетъ предметомъ своимъ не разсчетъ товарищей между собою, но искъ, предъявленный *къ торговому дому „Ф. А. Фишеръ С-я“* о присужденіи истцу, какъ кредитору, извѣстной суммы, слѣдуемой ему изъ должнаго торговымъ домомъ капитала, оставшагося послѣ матери и значащагося въ балансѣ торговаго дома; поэтому, если отвѣтчикъ уплатилъ подъ особую росписку 5.000 руб. Владиміру Фишеру въ счетъ слѣдуемаго послѣднему наслѣдства послѣ матери, то въ этой суммѣ наслѣдники послѣ матери должны разсчитаться между собой, но взаимные ихъ разсчеты по этому наслѣдству не могутъ имѣть мѣста въ настоящемъ дѣлѣ по иску Александра Фишера къ торговому дому; что же касается до 2.015 руб., израсходованныхъ на погребеніе матери изъ суммъ торговаго дома, то эта сумма должна войти въ общій разсчетъ товарищей между собой по ликвидаціи товарищества и, слѣдовательно, также не можетъ подлежать въ настоящемъ дѣлѣ вычету изъ суммы, присужденія которой требуетъ Александръ Фишеръ, какъ слѣдуемой имъ доли *изъ долга торговаго дома матери истца.* Поэтому и въ этой части исковыя требованія должны быть признаны подлежащими удовлетворенію. Наконецъ, что касается указанія отвѣтчика, что слѣдуемую изъ наслѣдства послѣ матери сумму истецъ не имѣетъ права требовать потому, что ликвидаціонный балансъ еще не составленъ и что первымъ источникомъ погашенія долговъ торговаго дома является активъ онаго, а не рессурсы отдѣльныхъ владѣльцевъ предпріятія и что недостаточность актива торговаго дома еще не установлена, то въ этомъ отношеніи Прав. Сенатъ находитъ, что въ настоящемъ случаѣ вопросъ заключается не въ опредѣленіи того, изъ какого источника и какъ должны быть покрыты долги товарищества, а исключительно въ установленіи того, являются ли исковыя суммы долгами торговаго дома „Ф. А. Фишеръ С-я“ истцу и въ какомъ размѣрѣ они должны быть истцу присуждены съ торговаго дома. По симъ основаніямъ Прав. Сенатъ въ измѣненіе рѣшенія Моск. Ком. Суда присудилъ въ

пользу Александра Фишера съ торговаго дома „Ф. А. Фишеръ С-я“ 12.799 р. 99 к. (1907 г., № 102).

141. Отвѣтственность одного товарища предъ другимъ при ликвидаціи и прекращеніи товарищества допустима, въ видѣ общаго правила, только изъ общаго имущества товарищества.

Изъ дѣла видно: московскій купецъ Александръ Фишеръ предъявилъ въ Коммерческомъ Судѣ искъ къ Фердинанду Фишеру, причемъ просилъ: 1) признать согласно ликвидаціонному балансу его, истца, часть по активу баланса равной 159.940 р. 16 коп., 2) присудить эту сумму съ % съ 1 января 1903 г. съ отвѣтчика Ф. Фишера, предоставивъ истцу право это взысканіе обратить на имущество, принадлежавшее торговому дому „Ф. А. Фишеръ Сыновья“, 3) въ случаѣ недостаточности того имущества признать часть, неудовлетворенную продажей товарищескаго имущества, подлежащей взысканію изъ личныхъ средствъ Ф. Фишера. Коммерческій Судъ взыскалъ въ пользу А. Фишера съ Фердинанда Фишера 103.111 р. 62 коп. съ %% съ 29 октября 1905 г., а въ остальныхъ требованіяхъ истцу отказалъ. Рѣшеніе обжаловано обѣими тяжущимися сторонами.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, хотя на основаніи условій договора товарищества и по сущности договорныхъ отношеній товарищей въ полномъ товариществѣ выходъ изъ товарищества и окончательный разсчетъ одного товарища съ другимъ можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ путемъ ликвидаціи общаго дѣла, а слѣдовательно, желая выйти изъ товарищества, А. Фишеръ могъ бы требовать лишь понужденія Ф. Фишера къ ликвидаціи дѣла, а не взысканія непосредственно съ Ф. Фишера какой либо денежной суммы,—но однако необходимо замѣтить, что требованіе о ликвидаціи торговаго ихъ предпріятія было уже предъявлено А. Фишеромъ къ брату его Фердинанду путемъ иска въ Московскомъ Коммерческомъ Судѣ въ февралѣ 1903 г. и дѣло о томъ восходило на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, который утвердилъ состоявшееся по этому иску рѣшеніе суда, причемъ въ этомъ рѣшеніи установлено и признано было, что Ф. Фишеръ уклоняется отъ ликвидаціи общаго предпріятія, и предоставлено было А. Фишеру составить для ликвидаціи балансъ, что А. Фишеръ и сдѣлалъ. Данное дѣло является такимъ образомъ ничѣмъ инымъ, какъ фактическимъ продолженіемъ уже начатаго дѣла о понудительной ликвидаціи и, слѣдовательно, въ новомъ требованіи по тому же предмету не предстояло и не предстоитъ надобности. При такихъ обстоятельствахъ требованіе А. Фишера о денежномъ взысканіи по поводу уклоненія Ф. Фишера отъ ликвидаціи не можетъ быть признано ни преждевременнымъ, ни неумѣстнымъ. Но предъявляя къ

Ф. Фишеру денежное требованіе о стоимости доли участія своего въ товариществѣ, А. Фишеръ вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ, въ случаѣ если отыскиваемая имъ сумма 162.806 р. 72 коп. при обращеніи взысканія на арестованное имущество товарищества не будетъ покрыта, то обратить взысканіе на имущество, принадлежащее лично Ф. Фишеру. Такое требованіе представляется явно неправильнымъ и противорѣчащимъ сущности товарищескихъ отношеній по договору товарищества. На основаніи ст. 68 Уст. Торг., личнымъ имуществомъ своимъ полный товарищъ отвѣчаетъ только за долги товарищества *предъ третьими лицами*, о чѣмъ въ данномъ дѣлѣ вопроса не возникаетъ. Что же касается отвѣтственности одного товарища предъ другимъ при ликвидаціи и прекращеніи товарищества, то она, въ видѣ общаго правила, допустима только изъ общаго имущества товарищества. Въ видѣ исключенія возможна была бы иная отвѣтственность, т. е. собственнымъ своимъ имуществомъ лишь въ томъ единственномъ случаѣ, если бы истцомъ было бы незыблемо установлено то обстоятельство, что отвѣтчикъ—полный товарищъ—забралъ изъ имущества товарищества не только свою долю, но самовольно и часть доли своего товарища—истца. Ссылка истца на право взысканія недополученной части изъ личнаго имущества отвѣтчика могла бы подлежать удовлетворенію, если бы имъ было доказано, что оставшимися въ распоряженіи отвѣтчика цѣнностями, принадлежащими торговому дому, всецѣло покрыта доля отвѣтчика въ имуществѣ торговаго дома и кромѣ того еще оставалась въ незаконномъ владѣніи часть доли, принадлежащей истцу. Между тѣмъ со стороны истца доказано лишь то, что вся сумма претензій на третьихъ лицъ почти получена отвѣтчикомъ и что изъ этой суммы почти погашены долги товарищества третьимъ лицамъ (собственное признаніе отвѣтчика, относящееся къ 1903 г.); если же принять во вниманіе, что всѣхъ претензій торговаго дома къ третьимъ лицамъ было на сумму около 242.000 р., не считая сомнительныхъ долговъ, а долговъ торговаго дома было приблизительно на 114.000 р., то о какомъ либо незаконномъ захватѣ отвѣтчикомъ принадлежащихъ истцу суммъ не можетъ быть рѣчи, коль скоро самъ истецъ въ балансѣ, поданномъ имъ, призналъ уже на 14 апрѣля 1902 г. долю отвѣтчика равною 168.000 р. При такомъ положеніи дѣла и за силою ст. 366 Уст. Гражд. Суд., Правительствующій Сенатъ находитъ указанія истца А. Фишера о значительномъ захватѣ товарищескаго имущества недоказанными и потому ничѣмъ не оправданною данную постановку иска въ отношеніи взысканія какой либо суммы изъ личнаго имущества Ф. Фишера. Поэтому Правительствующій Сенатъ признаетъ, что А. Фишеръ, при уклоненіи Ф. Фишера отъ добровольной ликвидаціи, можетъ взыскивать свою долю деньгами лишь изъ имущества товарищества. Останавливаясь засимъ на указаніи отвѣтчика въ апелляціи, что истцу можетъ причитаться лишь та сумма, которая по реализаціи имущества торговаго дома изъ вырученной суммы окажется принадлежащей истцу, соотвѣтственно

долѣ его участія въ дѣлѣ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что подобнымъ путемъ не можетъ быть опредѣлено удовлетвореніе истца по настоящему дѣлу, ибо предметомъ иска Александра Фишера является требованіе опредѣленной денежной суммы въ качествѣ эквивалента доли участія его въ дѣлѣ, а не требованіе раздѣла имущества торговаго дома путемъ его продажи, каковое обстоятельство было категорически подтверждено въ засѣданіи Правительствующаго Сената повѣреннымъ истца, заявившимъ, что онъ въ предѣлахъ настоящаго иска не просилъ и не проситъ объ обращеніи дѣла къ ликвидаціи. Въ виду сего и такъ какъ отвѣтчикомъ встрѣчнаго иска объ обращеніи дѣла къ ликвидаціи въ настоящемъ дѣлѣ не заявлено, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ предѣлахъ исковыхъ требованій Александра Фишера можетъ быть обсуждаемъ лишь вопросъ о присужденіи истцу той или другой опредѣленной денежной суммы изъ имущества товарищества, а не вопросъ о раздѣлѣ имущества въ натурѣ, а засимъ указанія отвѣтчика по этому предмету могутъ разсматриваться какъ лишь возраженія отвѣтчика противъ права истца на искъ въ денежной формѣ. Но независимо отъ этихъ возраженій формальнаго свойства, надлежитъ еще замѣтить, что удовлетвореніе истца путемъ отчисленія на его долю суммы, соотвѣтствующей его участію въ дѣлѣ изъ наличнаго имущества торговаго дома (осеквестрованнаго) представлялось неправильнымъ и потому еще, что нынѣ имущество товарищества не сохранилось въ томъ полномъ и цѣломъ видѣ, въ какомъ оно состояло ко времени заявленія истцомъ ребованія о ликвидаціи, такъ какъ значительная доля актива предпріятія (претензія торговаго дома на третьихъ лицъ на сумму около 240.000 р., рисунки и т. д.) уже не можетъ подлежать реализаціи, какъ поступившая въ единоличное распоряженіе отвѣтчика, а засимъ и цѣнность имущества за время производства дѣла измѣнилась и при томъ не по винѣ истца, заявившаго о желаніи своемъ выйти изъ дѣла въ 1902 г. и не выдѣленнаго по сіе время,—а по винѣ отвѣтчика, уклонившагося отъ ликвидаціи. По изложеннымъ соображеніямъ нельзя не признать, что настоящій искъ въ той формѣ, въ которой онъ заявленъ, иного разрѣшенія получить не можетъ, какъ путемъ присужденія какой либо опредѣленной суммы. Что же касается размѣровъ, въ коихъ настоящій искъ подлежитъ удовлетворенію, то въ этомъ отношеніи Правительствующій Сенатъ находитъ обжалованное рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда въ отношеніи размѣра присужденнаго взысканія въ окончательномъ выводѣ правильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: истецъ, опредѣляя размѣры исковыхъ требованій въ суммѣ 159.940 р. 15 коп., обосновываетъ ихъ тѣмъ, что въ предыдущемъ балансѣ на 14 апрѣля 1902 г. обязательномъ для отвѣтчика, какъ имъ подписанномъ, значатся очень значительныя скидки на погашеніе имущества и кромѣ того, за время по 1 января 1903 г. доля истца въ имуществѣ торговаго дома увеличилась еще на сумму около 13.000 руб. Однако эти соображенія истца

не могутъ быть признаны правильными, ибо, если, какъ правильно призналъ судъ, отвѣтчикомъ доля истца въ торговомъ домѣ въ суммѣ 103.111 р. признана подписью его на балансѣ, то въ равной мѣрѣ балансъ этотъ представляется обязательнымъ и для истца, ибо онъ въ нотаріальной своей надписи призналъ его, за исключеніемъ раздѣла прибыли, правильнымъ; а посему и принимая во вниманіе: 1) что признаніе не можетъ быть дробимо и, слѣдовательно, если на немъ основываться, въ отношеніи отвѣтчика, то слѣдуетъ остановиться на суммѣ баланса, имъ признанной безъ всякихъ оговорокъ и прибавокъ, 2) что кромѣ того увеличеніе доли истца за счетъ скидки на погашеніе неправильно, такъ какъ вся сумма скидокъ около 109.000 р. образовалась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и 3) что, равнымъ образомъ, истцомъ не доказано и то обстоятельство, чтобы за премежутокъ времени до 1 января 1903 г. доля его участія въ торговомъ домѣ увеличилась на сумму около 13.000 р.,—Правительствующій Сенатъ признаетъ по всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ исковыя требованія подлежащими удовлетворенію изъ имущества торговаго дома въ суммѣ 103.111 р. 62 коп., а потому опредѣляетъ: состоявшееся рѣшеніе Коммерческаго Суда признать въ отношеніи суммы, присуждаемой истцу въ окончательномъ выводѣ, отмѣнѣ не подлежащимъ, съ тѣмъ, чтобы эта сумма была взыскана изъ имущества торговаго дома Фишеръ (1910 г., № 1475).

142. Въ силу самаго факта вступленія въ товарищество полный товарищъ отвѣчаетъ предъ третьими лицами по правиламъ ст. 68 Уст. Торг. за всѣ, какъ новые, такъ и до вступленія его въ товарищество возникшіе долги торговаго дома.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Второе Общее Правительствующаго Сената Собраніе находитъ, что предметъ его составляетъ искъ С.-Петербургскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка о взысканіи безраздѣльно съ потомственнаго почетнаго гражданина Ребикова, торговой мануфактуры „Ф. И. Коровинъ наслѣдники“ и пот. поч. гражданина Петра Федоровича Коровина—30.000 р. съ % по выданному Ребиковымъ на имя торговой мануфактуры „Ф. И. Коровина наслѣдники“, срокомъ 6 августа 1904 г., векселю, снабженному бланковыми надписями „торговая мануфактура Ф. И. Коровина наслѣдники“, П. Коровинъ и „заплатите приказу С.-Петербургскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка Петръ Федоровичъ Коровинъ“.—С.-Петербургскій Коммерческій Судъ, рѣшеніемъ отъ 19 мая 1905 г. присудилъ въ пользу истца искомую сумму съ процентами, на каковое рѣшеніе принесъ апелляціонную жалобу повѣренный Александра Коровина, присяжный стряпчій Тиктинъ. Обращаясь, въ виду послѣдовавшаго при разрѣшеніи сего дѣла разногласія между сенаторами Судебнаго Департамента

Правительствующаго Сената, къ обсужденію правильности рѣшенія С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда въ отношеніи Александра Коровина, въ связи съ доводами, приводимыми повѣренными послѣдняго и останавливаясь прежде всего на указаніи, что на положенномъ въ основаніе иска векселѣ надпись сдѣлана П. Коровинымъ лично, въ качествѣ владѣльца фирмы „Ф. И. Коровина наслѣдники“ и поэтому всякій векселепріобрѣтатель долженъ считаться какъ съ должникомъ только съ Петромъ Коровинымъ, бывшимъ владѣльцемъ предпріятія подъ указанною фирмою, а не съ товариществомъ, наличность коего надпись вовсе не указывала, Общее Собраніе находитъ такое указаніе неправильнымъ. На представленномъ ко взысканію векселѣ имѣются двѣ надписи: первая: „торговая мануфактура Ф. И. Коровина наслѣдники“, и вторая—„Петръ Федоровичъ Коровинъ“. Вторая надпись очевидно представляется личною надписью Петра Коровина и ею онъ обязывался лично. Что же касается первой надписи, то хотя въ ней не указано, что „торговая мануфактура Ф. И. Коровина наслѣдники“ есть фирма товарищества, но, какъ видно изъ удостовѣренія СПБ. купеческой управы, объ учрежденіи товарищества на вѣрѣ подъ этою фирмою Петромъ Коровинымъ 3 декабря 1902 г., было заявлено СПБ. купеческой управѣ, съ представленіемъ выписокъ изъ учредительнаго договора отъ 20 ноября 1902 г. и циркулярныхъ писемъ купечеству. По этому договору править и распоряжаться дѣлами товарищества, въ томъ числѣ подписывать за фирму чеки, векселя, обязательства и договоры предоставлялось Петру Коровину, какъ полному товарищу. Съ исполненіемъ указанныхъ въ законѣ (ст. 59, 60 и 76 Уст. Торг., изд. 1903 г.) формальныхъ требованій объ оглашеніи учрежденнаго товарищества и о подписи полнаго товарища, распоряжающагося его дѣлами отъ имени товарищества, товарищество подъ указанною выше фирмою получило, какъ говоритъ законъ, „свое гражданское и торговое знаменованіе“ и сдѣлалось отдѣльнымъ отъ товарищей субъектомъ имущественныхъ правъ и обязанностей. При такомъ положеніи слѣдуетъ признать, что при учетѣ служащаго основаніемъ настоящаго иска векселя, выданнаго на имя „торговой мануфактуры Ф. И. Коровина наслѣдники“, съ указанною выше надписью банкъ имѣлъ право считать, что надпись заключаетъ въ себѣ фирменную подпись представителя упомянутаго товарищества и такимъ образомъ создаетъ вексельную сдѣлку не съ Петромъ Коровинымъ лично, но съ товариществомъ, торгующимъ подъ указанною фирмою. Сдѣлки же, заключенныя представителемъ товарищества „на общее имя товарищества“ обязываютъ послѣднее. Затѣмъ, такъ какъ по закону (ст. 68 и 72 Уст. Торг., изд. 1903 г.) товарищи торговаго дома отвѣтствуютъ за всѣ долги онаго вообще и порознь всѣмъ своимъ имуществомъ, то возникла, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отвѣтственность за этотъ вексельный долгъ и всѣхъ товарищей торговаго дома. Переходя къ обсужденію другого основного довода повѣренныхъ Александра Коровина, именно, что учрежденное по договору отъ 20 ноября

1902 г., товарищество на вѣрѣ въ составѣ Петра и Сергѣя Коровиныхъ прекратило свое существованіе съ 1 мая 1904 г., вслѣдствіе заявленія, согласно съ договоромъ, вкладчика Сергѣя Коровина о выходѣ его изъ товарищества съ этого числа и что поэтому Александръ Коровинъ въ дѣйствительности не вступилъ въ товарищество, такъ какъ таковое прекратилось, а пріобрѣлъ отъ Петра Коровина, на извѣстныхъ, опредѣленныхъ въ договорѣ, условіяхъ, лишь принадлежащее послѣднему лично торговое предпріятіе съ извѣстной фирмой, Общее Собраніе находитъ, что при обсужденіи послѣдствій подобныхъ заявленій товарищей слѣдуетъ строго различать отношенія, возникающія въ виду сего съ одной стороны между товарищами взаимно, а съ другой стороны между товариществомъ и третьими лицами, вступившими въ сдѣлки съ товариществомъ. Въ предѣлахъ настоящаго дѣла обсужденію и разрѣшенію подлежитъ лишь второй вопросъ о томъ, какія послѣдствія должно имѣть для третьихъ лицъ заявленіе одного изъ товарищей о выходѣ изъ товарищества согласно съ условіями товарищескаго договора. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ установить, что хотя законъ, признавая безусловно обязательнымъ оглашеніе объ учрежденіи товарищества и существенныхъ условій учредительнаго о немъ договора (ст. 59 и 60 Уст. Торг.), умалчиваетъ объ оглашеніи послѣдующихъ измѣненій его, равно какъ и прекращенія, но нельзя не признать, что для третьихъ лицъ, вступающихъ въ сдѣлки съ товариществомъ, весьма важно располагать точными свѣдѣніями и о всѣхъ послѣдующихъ измѣненіяхъ въ товариществѣ, какъ то: въ личномъ его составѣ, распорядительствѣ дѣлами, капиталѣ товарищества и т. п., такъ какъ только обладая подобными свѣдѣніями, третье лицо можетъ заключить съ товариществомъ сдѣлку, не рискуя понести убытки вслѣдствіе недоразумѣнія. Въ виду сего практикою Правительствующаго Сената въ цѣломъ рядѣ рѣшеній твердо установлено то положеніе, что, по разуму закона, такія существенныя для третьихъ лицъ обстоятельства, какъ измѣненія въ личномъ составѣ товарищества или прекращеніе его, должны быть установлены въ томъ же порядкѣ, какой установленъ для оглашенія объ учрежденіи торговаго дома, и что товарищъ, или вкладчикъ, впредь до оглашенія надлежащимъ образомъ его выхода, продолжаетъ считаться по отношенію къ третьимъ лицамъ участникомъ товарищества, хотя бы между нимъ и остальными товарищами состоялись соглашенія о выходѣ его изъ товарищества (рѣш. 4 Деп. Прав. Сената 1876 г., по дѣлу дома призрѣнія Тименькова-Фролова съ бр. Туяковыми; рѣш. 4 Деп. 30 апрѣля 1881 г., по дѣлу Спартали и К°; рѣш. 2 Общ. Собранія 1895 г., № 31, по дѣлу Кленова и др.). Въ настоящемъ дѣлѣ, хотя Сергѣй Коровинъ 1 мая 1904 г. заявилъ Петру Коровину о выбытіи своемъ изъ вкладчиковъ товарищества, но однимъ такимъ заявленіемъ существованіе товарищества, объ учрежденіи котораго сдѣлано было надлежащее заявленіе и доведено до всеобщаго свѣдѣнія, не могло прекратиться. Никакого оповѣщенія о выходѣ

Сергѣя Коровина, какъ это признается самимъ отвѣтчикомъ, сдѣлано не было ни со стороны Петра Коровина, ни самимъ Сергѣемъ Коровинымъ, вслѣдствіе чего, согласно вышеизложеннымъ соображеніямъ, слѣдуетъ признать, что Сергѣй Коровинъ оставался, по отношенію къ третьимъ лицамъ, участникомъ товарищества, которое продолжало, такимъ образомъ, существовать въ прежнемъ видѣ и составѣ до послѣдовавшихъ 20 мая 1904 г. оповѣщеній купечества циркулярами отъ Александра, Сергѣя и Петра Коровиныхъ о выбытіи послѣдняго изъ ихъ фирмы и о принятіи Александромъ и Сергѣемъ Коровиными всѣхъ дѣлъ торговаго дома. Что касается этихъ циркуляровъ, то общій ихъ смыслъ равнымъ образомъ не обнаруживаетъ намѣренія товарищей оповѣстить купечество о прекращеніи существовавшаго товарищества, а лишь о совершившихся перемѣнахъ въ личномъ составѣ его, именно, что Петръ Коровинъ, полный товарищъ, выбываетъ изъ фирмы, вслѣдствіе передачи всѣхъ дѣлъ по фирмѣ своимъ племянникамъ, принявшимъ на себя продолженіе того же товарищескаго предпріятія и подъ тою же фирмою на равныхъ правахъ. Кромѣ того и въ надписи отъ 10 мая 1904 г., сдѣланной на учредительскомъ договорѣ отъ 20 ноября 1902 г., выражено, что Александръ Коровинъ покупаетъ дѣло товарищества во всемъ его составѣ „становясь единственнымъ полнымъ товарищемъ при вкладчикѣ, братѣ Сергѣѣ Александровичѣ Коровинѣ, и принимая на себя всѣ обязательства, принятыя на себя Петромъ Федоровичемъ Коровинымъ отъ имени товарищества и т. д.“. Всѣ эти данныя несомнѣнно доказываютъ, что Александръ Коровинъ желалъ лишь вступить и вступилъ въ существующее товарищество въ качествѣ замѣстителя въ ономъ Петра Коровина. Въ виду разрѣшенія вопроса о значеніи заявленія Сергѣя Коровина отъ 1 мая 1904 г. о своемъ выходѣ изъ товарищества и циркуляровъ 20 мая 1904 г. въ изложенномъ смыслѣ, возбуждаемый сторонами вопросъ о томъ, представляется ли полное товарищество юридическимъ лицомъ или нѣтъ, получаетъ второстепенное для дѣла значеніе. Въ отношеніи сего нельзя все-таки не замѣтить, что хотя въ дѣйствующихъ законахъ не выражено опредѣленно такого признанія, но изъ совокупности отдѣльныхъ постановленій закона въ связи съ разъясненіями Правительствующаго Сената, нельзя не придти къ заключенію, что наше законодательство устанавливаетъ за товариществомъ многочисленные признаки, придающіе ему свойство и приближающіе его къ понятію юридическаго лица. Такъ, товарищество составляется изъ лицъ, соединенныхъ въ одинъ составъ (или торговый домъ) торгующихъ заедино, подъ однимъ общимъ именемъ (ст. 62 и 72 Уст. Торг.); обязательства съ посторонними лицами заключаются на общее имя товарищества (ст. 70 Уст. Торг.); товарищъ, уполномоченный по договору товарищества непосредственно управлять дѣлами торговаго дома, можетъ по дѣламъ сего дома искать и отвѣчать на судѣ безъ особой довѣренности (ст. 26 Уст. Гражд. Суд.); товарищество имѣетъ собственный капиталъ (ст. 64, 65 и

76 Уст. Торг.); товарищества могутъ пріобрѣтать всякаго рода права по движимымъ и недвижимымъ имуществамъ (ст. 415 и 698 т. X ч. 1); товарищества могутъ имѣть особое мѣсто пребыванія, отличное отъ мѣста жительства участниковъ (ст. 35, 220 Уст. Гражд. Суд. и ст. 158 Уст. Суд. Торг.). Между тѣмъ, существенный признакъ всякаго юридическаго лица состоитъ не въ зависимости его существованія отъ перемѣнъ въ его личномъ составѣ, не въ раздѣльности имущества товарищества отъ имущества товарищей, а въ томъ, что оно является самостоятельнымъ субъектомъ имущественныхъ правъ и обязанностей,—отвѣтственность же товарищей личнымъ имуществомъ по обязательствамъ товарищества не можетъ лишать товарищество свойства юридическаго лица, въ виду того, что отвѣтственность товарищей есть лишь дополнительная, на случай недостаточности имущества самаго товарищества. Наша судебная практика также высказывается въ пользу признанія торговаго товарищества юридическимъ лицомъ (собр. рѣш. Общ. Собр., изд. 1864—1866 г. г. т. I № 234; сборн. рѣш. Прав. Сената по торговымъ дѣламъ Носенко, т. I вып. 2 № 250; рѣш. 2 Общ. Собр. по д. Борисовскихъ, вѣд. 26 апрѣля 1893 г.). Юридическая природа товарищества допускаетъ перемѣны въ личномъ его составѣ въ смыслѣ выхода прежнихъ товарищей и вступленія новыхъ, но самое существованіе товарищества не ставляется въ безусловную зависимость отъ наступленія этихъ событій, такъ какъ товарищество и при измѣнившемся личномъ составѣ его и даже самаго рода товарищества можетъ, при желаніи на то участниковъ и при соблюденіи извѣстныхъ требованій, продолжаться въ составѣ новыхъ участниковъ, со всѣми прежними правами и обязательствами, какъ это и было въ настоящемъ дѣлѣ. Обращаясь, наконецъ, къ указаніямъ повѣренныхъ Александра Коровина, что объемъ правъ и обязательствъ, перешедшихъ съ переходомъ фирмы къ Александру Коровину, долженъ опредѣляться исключительно договоромъ, по коему переходъ этотъ совершился, т. е. что Александръ Коровинъ принимаетъ на себя лишь тѣ долги фирмы, которые значатся въ торговыхъ книгахъ товарищества по 8 мая 1904 г., вексель же, служащій основаніемъ иска, въ книгахъ товарищества не значится, и что, поэтому, Александръ Коровинъ по такому векселю не можетъ быть признанъ отвѣтственнымъ, Общее Собраніе находитъ, что эти указанія не могутъ быть признаны уважительными. Какъ выше разъяснено, Александръ Коровинъ вступилъ въ права полнаго товарища, взамѣнъ Петра Коровина, поэтому слѣдуетъ признать, что отвѣтственность по обязательствамъ, лежащимъ на товариществѣ, падаетъ на всѣхъ товарищей, входящихъ въ его составъ, включая и тѣхъ, которые вступили въ товарищество послѣ возникновенія обязательствъ. Такая отвѣтственность основывается на томъ, что каждый товарищъ, вступая въ товарищество, которому принадлежатъ извѣстныя права, и на которомъ лежатъ извѣстныя обязательства, дѣлается участникомъ правъ и обязательствъ, которыя существуютъ уже въ моментъ вступленія его въ товари-

щество. Въ нашихъ законахъ хотя это положеніе не выражено въ вполнѣ опредѣленной формѣ, но оно вытекаетъ изъ смысла ст. 68 Уст. Торг., устанавливающей вообще отвѣтственность всѣхъ товарищей торговаго дома за всѣ долги онаго. Повидимому и Александръ Коровинъ сознавалъ, что, вступая въ товарищество подъ фирмою „торговая мануфактура Ф. И. Коровина наслѣдники“ на правахъ полнаго товарища, онъ долженъ принять на себя и отвѣтственность по долгамъ этого товарищества, возникшимъ до его вступленія, такъ какъ въ надписи отъ 10 мая 1904 г. на товарищескомъ договорѣ выражено имъ, что онъ принимаетъ на себя всѣ обязательства, принятыя на себя Петромъ Коровинымъ отъ имени товарищества. Хотя затѣмъ къ этимъ послѣднимъ словамъ и прибавлено „и занесенныя въ торговыя книги товарищества по 8 мая сего 1904 г.“, но такая оговорка не можетъ ограничивать отвѣтственность Александра Коровина предъ третьими лицами только тѣми обязательствами товарищества, которыя занесены въ его торговыя книги. Отвѣтственнымъ по долгамъ товарищества является прежде всего товарищество, какъ отдѣльный субъектъ правъ и обязанностей, совершенно независимо отъ личнаго состава товарищей съ дополнительной отвѣтственностью отдѣльныхъ товарищей лично въ силу спеціальнаго постановленія закона. Поэтому отвѣтственность вновь вступившаго въ товарищество полнаго товарища по прежнимъ долгамъ товарищества предъ третьими лицами совершенно одинакова съ отвѣтственностью по этимъ долгамъ прежнихъ товарищей и возникаетъ не въ силу какихъ-либо по сему предмету соглашеній товарищей между собою, а въ силу самаго факта вступленія новаго товарища въ товарищество. Какія же либо ограниченія и вообще условія этой отвѣтственности, установленныя въ соглашеніи, заключенномъ между прежними и новыми товарищами, несомнѣнно должны имѣть силу между договаривающимися лицами и значеніе при послѣдующихъ взаимныхъ разсчетахъ, но не для третьихъ лицъ, вступившихъ въ сдѣлку до сего соглашенія или незнавшихъ о его существованіи. Поэтому и отвѣтственность Александра Коровина предъ кредиторами товарищества по всѣмъ обязательствамъ его, независимо отъ того, занесены ли таковыя своевременно въ торговыя книги товарищества, возникла не въ силу договора, заключеннаго имъ по сему предмету съ Петромъ Коровинымъ, а вслѣдствіе факта вступленія его въ товарищество въ качествѣ полнаго товарища. Что касается объясненій повѣренныхъ Александра Коровина, что внѣ условій договорнаго соглашенія невозможно оградить себя какимъ бы то ни было способомъ отъ отвѣтственности по такимъ долгамъ, которыя могутъ появляться вновь (заднимъ числомъ) или быть скрыты отъ вступающаго въ дѣло товарища, то въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что возможность злоупотребленій и недобросовѣстныхъ поступковъ одинаково можетъ имѣть мѣсто какъ со стороны вышедшаго, такъ и вновь вступившаго товарища, но во всякомъ случаѣ возможность злоупотребленій не можетъ имѣть вліянія на права добросовѣстнаго кредитора, доколѣ не будетъ

доказано его участіе или знаніе имъ о характерѣ обязательства. Между тѣмъ на то, чтобы истецъ, С.-Петербургскій Учетный и Ссудный Банкъ, допустилъ подобное дѣйствіе, отвѣтчикомъ даже не указывается. При такомъ положеніи въ силу всѣхъ изложенныхъ соображеній слѣдуетъ признать Александра Коровина отвѣтственнымъ по представленному въ основаніе иска векселю. Признавая рѣшеніе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда правильнымъ, Второе Общее Правительствующаго Сената Собраніе опредѣляетъ: рѣшеніе СПБ. Коммерческаго Суда отъ 19 мая 1904 г. по сему дѣлу оставить въ силѣ, а апелляціонную жалобу повѣреннаго Александра Коровина, прис. стр. Тиктина, безъ послѣдствій (опр. 2 Общаго Правительствующаго Сената Собранія 1 марта 1908 г., по д. Коровина).

Относительно иска вкладчика въ товариществѣ на вѣрѣ къ администраціи по дѣламъ этого товарищества объ отчетѣ и выдѣлѣ—см. сборникъ, т. I № 695.

143|94. По векселямъ, выданнымъ отъ имени товарищества послѣ того, какъ одинъ изъ полныхъ товарищей выбылъ, оповѣстивъ купечество циркуляромъ о томъ, что выходитъ изъ полныхъ товарищей, а остается лишь вкладчикомъ, этотъ послѣдній во время существованія товарищества не отвѣтственъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что повѣренный германскаго подданнаго Альфреда Гервига въ апелляціи ходатайствуетъ объ отмѣнѣ состоявшагося 4 мая 1906 года рѣшенія С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда, коимъ постановлено взыскать съ него, Гервига, торгующаго подъ фирмою „Гервигъ и Шнейдеръ“, 4.393 р. съ %. Неправильность обжалованнаго рѣшенія апелляторъ усматриваетъ въ томъ, что судъ, несмотря на то, что въ его виду имѣлись какъ объявленія купечества, такъ и выписка изъ постановленія о товариществѣ, удостовѣренныя купеческой управой, изъ коихъ видно, что торговый домъ подъ фирмою „Гервигъ и Шнейдеръ“ состоитъ изъ полнаго товарища Шнейдера, при участіи вкладчика, не пожелавшаго себя назвать,—основалъ свое рѣшеніе на неправильномъ толкованіи товарищескаго договора.—Въ объясненіи на апелляцію повѣренный истца, Азовскаго Банка, опровергая доводы апеллятора, приводимые къ отмѣнѣ обжалованнаго рѣшенія, между прочимъ, указываетъ, что, какъ видно изъ сравненія циркулярнаго письма съ договоромъ, Гервигъ вмѣстѣ съ Шнейдеромъ вводилъ въ заблужденіе третьихъ лицъ относительно подписи представителя фирмы и ходатайствуетъ: 1) о допросѣ свидѣтеля Стенге въ подтвержденіе того, что Гервигъ выступалъ и послѣ выхода изъ полныхъ товарищей всюду какъ полный това-

рищъ торговаго дома подъ фирмою „Гервигъ и Шнейдеръ“, и 2) объ истребованіи отъ общества взаимнаго кредита С.-Петербургскаго уѣзднаго земства обязательства, подписаннаго Гервигомъ, какъ представителемъ торговаго дома „Гервигъ и Шнейдеръ“ отъ 29 іюля 1903 года за № 8982. Обращаясь къ обсужденію доводовъ апеллятора, въ связи съ представленными противъ нихъ возраженіями противной стороны, Правительствующій Сенатъ находитъ, что основаніемъ настоящаго иска Азовско-Донского Коммерческаго Банка къ Альфреду Гервигу служатъ бланковыя надписи: „Гервигъ и Шнейдеръ“ на векселяхъ, выданныхъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1904 г. Мейзе на имя „Гервигъ и Шнейдеръ“. Такимъ образомъ настоящій искъ является искомъ векселедержателя къ лицу, котораго истецъ считаетъ отвѣтственнымъ по векселю въ качествѣ бланконадписателя. Въ виду того, что вексельный искъ о платежѣ по векселю можетъ быть обращенъ только къ тому лицу, для кого является обязательною (лично или по представительству, или по преемству) та или другая изъ подписей на векселѣ (ст. 7 и 18 Уст. о Векс.),—въ настоящемъ дѣлѣ разрѣшенію представляется вопросъ: можетъ-ли имѣющаяся на векселяхъ бланковая надпись „Гервигъ и Шнейдеръ“ быть признана надписью обязательною для Гервига, влекущей за собой его отвѣтственность по векселю. Въ этомъ отношеніи прежде всего слѣдуетъ установить, что указаніе повѣреннаго Гервига на то, что имѣющіяся на векселяхъ бланковыя надписи сдѣланы не Гервигомъ, не оспаривалось истцомъ предъ Правительствующимъ Сенатомъ и слѣдовательно Гервигъ могъ бы быть привлеченъ къ отвѣтственности по симъ векселямъ только въ томъ случаѣ, если бы по дѣлу было доказано, что онъ, Гервигъ, тѣмъ или другимъ образомъ выразилъ свою волю отвѣчать по такого рода надписямъ. Повѣренные истца, какъ видно изъ представленныхъ ими словесныхъ и письменныхъ объясненій, привлекая Гервига къ отвѣтственности по представленнымъ въ основаніе иска векселямъ, указываютъ на то, что Гервигъ долженъ быть признанъ полнымъ товарищемъ фирмы „Гервигъ и Шнейдеръ“ и основываютъ его отвѣтственность на общемъ основаніи отвѣтственности полныхъ товарищей по обязательствамъ ихъ торговаго дома. Обращаясь къ обсужденію сихъ указаній повѣренныхъ истца, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, какъ видно изъ дѣла по договору, заключенному 2 марта 1901 г., Гервигъ состоялъ полнымъ товарищемъ въ торговомъ домѣ подъ фирмою „Гервигъ и Шнейдеръ“, затѣмъ 28 іюня 1901 г. Гервигъ вышелъ изъ полныхъ товарищей, а другой товарищъ Шнейдеръ принялъ на себя весь пассивъ и активъ фирмы и продолженіе предпріятія, въ образѣ товарищества на вѣрѣ подъ прежней фирмой, при участіи Гервига, какъ вкладчика, не желающаго быть оглашеннымъ. О такомъ измѣненіи состава и образа товарищества была тогда сдѣлана соотвѣтствующая надпись на договорѣ и были сдѣланы надлежащія сообщенія С.-Петербургской купеческой управѣ и С.-Петербургскому биржевому комитету, причемъ въ этихъ оповѣщеніяхъ

точно было указано, что Гервигъ вышелъ изъ полнаго товарищества, что продолжать дѣло подъ фирмою „Гервигъ и Шнейдеръ“ будетъ Шнейдеръ и что Гервигъ перестанетъ подписывать: Альфредъ Гервигъ, торгующій подъ фирмою „Гервигъ и Шнейдеръ“. Затѣмъ черезъ нѣсколько времени Гервигъ вступилъ полнымъ товарищемъ въ торговый домъ подъ фирмой „Павелъ Форостовскій“, о чемъ тоже сдѣланы были надлежащія оповѣщенія. Таково было положеніе Гервига, какъ участника товарищества на вѣрѣ подъ фирмою „Гервигъ и Шнейдеръ“, и какъ полнаго товарища въ товариществѣ подъ фирмою „Павелъ Форостовскій“, во время выдачи векселей Мейзе и перехода ихъ къ Азовско-Донскому Коммерческому Банку. Изъ изложеннаго, такимъ образомъ, несомнѣнно обнаруживается, что *во время возникновенія вексельныхъ обязательствъ не только не было со стороны Гервига выражено передъ третьими лицами согласія его на принятіе на себя отвѣтственности за надпись „Гервигъ и Шнейдеръ“, но напротивъ того, формально выражено противное.* Не можетъ быть установлена отвѣтственность Гервига по векселямъ съ указанными надписями и на основаніи начала объ отвѣтственности полныхъ товарищей по обязательствамъ ихъ торговаго дома. Какъ выше указано, Гервигъ формально вышелъ изъ полныхъ товарищей подъ фирмою „Гервигъ и Шнейдеръ“, оставаясь только вкладчикомъ въ этомъ товариществѣ на вѣрѣ.—Хотя въ законѣ и нѣтъ прямого указанія на то, кто изъ лицъ, входящихъ въ составъ торговаго дома, существующаго въ образѣ товарищества на вѣрѣ, долженъ отвѣчать по обязательствамъ, выданнымъ отъ имени этого торговаго дома, однако изъ содержанія законоположеній о товариществахъ на вѣрѣ нельзя придти къ иному заключенію,—что отвѣтственными являются лишь полные товарищи, входящіе въ его составъ, такъ какъ вкладчики не могутъ обязываться „на лицо торговаго дома“ (ст. 74 Уст. Торг.) и въ случаѣ его „разрушенія“, отвѣтствуютъ только наличнымъ своимъ вкладомъ (ст. 75). Въ виду такого характера отвѣтственности вкладчиковъ, законъ (ст. 76) и предоставилъ вкладчикамъ право не именовать себя въ представленныхъ въ подлежащее управленіе выпискахъ и въ обвѣщеніяхъ по купечеству, а обязалъ лишь ихъ объявлять о количествѣ вносимаго ими капитала, каковыя выписки и обвѣщенія и должны, по духу ст. 59 и 60 Уст. Торг., служить для третьихъ лицъ единственнымъ основаніемъ и руководствомъ въ сношеніяхъ и сдѣлкахъ съ торговымъ домомъ. Положеніе это, твердо установленное разъясненіями Правительствующаго Сената (рѣш. 4-го Деп. 1878 г., № 1841; 1877 г., № 882; 1893 г., № 1583 г. и др.), покоится на томъ основаніи, что нѣтъ никакой возможности ставить въ обязанность лицамъ, вступающимъ въ сдѣлки съ торговыми домами, требовать при совершеніи каждой торговой операціи предъявленія документовъ, на основаніи которыхъ торговый домъ учрежденъ и въ которыхъ опредѣлялось бы, кто состоитъ отвѣтственнымъ товарищемъ и кому и на какихъ основаніяхъ предоставлено распоряженіе дѣлами

его; въ виду чего и въ огражденіе интересовъ третьихъ лицъ, вступающихъ съ товариществомъ въ сдѣлки, законъ и установилъ формальности, въ ст. 59, 60 и 67 Уст. Торг. предусмотрѣнныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что внесеніе въ подлежащія учрежденія выписки изъ взаимныхъ постановленій товарищей и оглашеніе путемъ циркулярныхъ оповѣщеній разрушаетъ товарищество по отношенію къ третьимъ лицамъ и освобождаетъ товарищей отъ круговой отвѣтственности (рѣш. 4-го Деп. 12 января 1876 г., по д. Туляковыхъ). Равнымъ образомъ не только уничтоженіе, но и всякое измѣненіе въ личномъ составѣ товарищества должно пройти тотъ же путь оглашенія, безъ чего вышедшій товарищъ остается отвѣтственнымъ передъ третьими лицами (рѣш. 4-го Деп. 30 апрѣля 1881 г., по д. торг. дома Спартали и К°). Примѣняя изложенныя соображенія къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что при учрежденіи торговаго дома „Гервигъ и Шнейдеръ“ были соблюдены формальныя условія учрежденія товарищества на вѣрѣ указанными въ законѣ способами—оповѣщеніями по купечеству и представленіемъ требуемой ст. 60 выписки въ купеческую управу, въ которыхъ Гервигъ не значится даже вкладчикомъ; 2) что, слѣдовательно, третьи лица, входившія въ сдѣлки съ торговымъ домомъ, не должны были имѣть какихъ бы то ни было основаній къ предположенію объ отвѣтственности, въ случаѣ неоплаты обязательствъ торговаго дома полнымъ товарищемъ Шнейдеромъ, кого либо другого, а тѣмъ болѣе Гервига, который съ 28 іюня 1901 г. пересталъ быть полнымъ товарищемъ торговаго дома „Гервигъ и Шнейдеръ“ и во время возникновенія векселей, представленныхъ къ настоящему дѣлу, былъ таковымъ въ торговомъ домѣ „Павелъ Форостовскій“, о чемъ третьи лица тоже были своевременно обвѣщены циркуляромъ послѣдняго, имѣющимся въ копіи въ производствѣ суда; 3) что постановленія, содержащіяся въ товарищескомъ договорѣ, являются обязательными для товарищей въ ихъ внутреннихъ отношеніяхъ, но отношенія товарищей къ третьимъ лицамъ опредѣляются единственно содержаніемъ оглашенной выписки изъ товарищескаго договора и циркулярныхъ оповѣщеній; 4) что указанія повѣренныхъ истцовъ и Коммерческаго Суда на слѣдующія постановленія товарищескаго договора между участниками торговаго дома „Гервигъ и Шнейдеръ“: а) что для подписанія векселей и торговыхъ обязательствъ торговаго дома должно быть получено согласіе Гервига, б) что могущая получиться прибыль по договору подлежала раздѣленію между Гервигомъ и Шнейдеромъ пополамъ, в) что Гервигомъ въ договорѣ были сдѣланы распоряженія на случай смерти, и г) что въ наименованіи торговаго дома имѣется фамилія „Гервигъ“,—независимо отъ высказанныхъ уже соображеній, не могутъ быть признаны основательными и служить къ признанію Гервига полнымъ товарищемъ по слѣдующимъ основаніямъ: въ п. 5 договора Гервига съ Шнейдеромъ указано, что если Шнейдеръ не выполнитъ указаннаго въ немъ условія о согласіи

Гервига на выдачу обязательствъ, то долженъ выкупать такія обязательства изъ своихъ средствъ; изъ такого постановленія ясно обнаруживается характеръ участія Гервига въ дѣлѣ именно какъ вкладчика, въ виду того, что этимъ пунктомъ договора устанавливается полная возможность единоличнаго распоряженія Шнейдеромъ дѣлами торговаго дома, притомъ самыми существенными, и въ то же время неотвѣтственность Гервига по обязательствамъ торговаго дома, выданнымъ безъ его согласія. Поэтому помѣщеніе этого постановленія въ договоръ можетъ свидѣтельствовать лишь о признаніи соучастниками даннаго торговаго дома необходимости установленія нѣкотораго контроля вкладчика надъ дѣйствіями полнаго товарища, что не можетъ быть признано противорѣчащимъ законоположеніямъ о роли вкладчиковъ въ товариществѣ на вѣрѣ, такъ какъ законъ въ ст. 73 устанавливаетъ лишь, что вкладчики не входятъ въ распоряженіе дѣлами товарищества, но не лишаетъ вкладчиковъ ни права контроля распоряженій товарищей, ни права требованія отчета, ни тому подобныхъ правъ участника въ общемъ предпріятіи. Далѣе ссылка на то, что раздѣленіе чистой прибыли поровну между Гервигомъ и Шнейдеромъ также свидѣтельствуетъ объ участіи Гервига въ дѣлѣ въ качествѣ полнаго товарища, не имѣетъ за собой никакой почвы, такъ какъ ни въ одномъ изъ законоположеній о товариществахъ на вѣрѣ не встрѣчается указаній на то, чтобы товарищъ имѣлъ какое-либо преимущество передъ вкладчикомъ при распредѣленіи прибылей, а слѣдовательно всякія о семъ постановленія должны быть отнесены къ тѣмъ внутреннимъ отношеніямъ, которыя ставятся въ зависимость отъ условій фирменнаго договора. Указаніе на сдѣланное Гервигомъ въ договорѣ распоряженіе на случай смерти, равнымъ образомъ, не имѣетъ приписываемаго ему судомъ значенія; законъ (ст. 64), обязывая каждаго вступившаго въ товарищество назначить лицо, долженствующее заступить его мѣсто на случай смерти, нигдѣ не лишаетъ вкладчика права сдѣлать то же самое, въ виду чего и сдѣланное Гервигомъ распоряженіе въ фирменномъ договорѣ, о порядкѣ выплаты его наслѣдникамъ принадлежащаго ему въ торговомъ домѣ „Гервигъ и Шнейдеръ“ вклада, никоимъ образомъ не можетъ служить указаніемъ на „свойство“ его участія въ торговомъ домѣ. Наконецъ, помѣщеніе въ наименованіи торговаго дома фамиліи „Гервигъ“ могло бы служить основаніемъ къ признанію на основаніи ст. 71 Гервига полнымъ товарищемъ въ вышеуказанномъ торговомъ домѣ, если бы домъ этотъ былъ учрежденъ по договору отъ 28 іюня 1901 г., между тѣмъ какъ этимъ договоромъ торговый домъ, существовавшій ранѣе, подъ тѣмъ же наименованіемъ въ образѣ полнаго товарищества, при участіи полныхъ товарищей Гервига и Шнейдера, превращенъ былъ въ товарищество на вѣрѣ, съ участіемъ въ качествѣ полнаго товарища одного Шнейдера, оставаясь при прежней фирмѣ, что является формою наименованія торговыхъ домовъ, предусмотрѣнною прим. къ ст. 60 Уст. Торг. Въ нашихъ законахъ не содержится правила, чтобы лицо, фамилія

Ученаго Комитета Мин. Фин.

котораго осталась въ фирмѣ, признавалось вслѣдствіе сего полнымъ отвѣтственнымъ товарищемъ; допущеніе же продолженія товарищества съ прежней фирмой, если на то согласенъ выбывшій товарищъ, составляетъ постоянно практикуемый обычай, причемъ интересы третьихъ лицъ, какъ на то уже указано выше, ограждаются оглашеніемъ свѣдѣній о личномъ составѣ товарищества и о лицахъ, отвѣтственныхъ за фирменную подпись. Что же касается до указанія на несоотвѣтствіе между подписью Шнейдера, установленной договоромъ и подписью его же, Шнейдера, по циркулярному письму, на которое указываетъ въ своемъ объясненіи на апелляцію повѣренный истца, то въ этомъ отношеніи Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ договорѣ вовсе не указано, чтобы подписью Шнейдера на обязательствахъ была непремѣнно „Гервигъ и Шнейдеръ“, а указывается лишь, что Шнейдеръ имѣетъ право, гдѣ окажется нужнымъ, подписаться именемъ фирмы „Гервигъ и Шнейдеръ“, о чемъ въ циркулярѣ и обвѣщено по купечеству, съ указаніемъ, что подпись Шнейдера будетъ „Шнейдеръ“, торгующій подъ фирмой „Гервигъ и Шнейдеръ“, въ виду чего нельзя усмотрѣть ни несоотвѣтствія между договоромъ и циркуляромъ, ни какого-либо введенія въ заблужденіе третьихъ лицъ. Во всякомъ случаѣ при несоотвѣтствіи постановленій взаимнаго договора съ оглашенною выпискою изъ онаго и циркулярными обвѣщеніями, предпочтеніе должно быть дано послѣдней,—при разрѣшеніи отношеній товарищества къ третьимъ лицамъ. Въ заключеніе Правительствующій Сенатъ считаетъ необходимымъ остановиться на ходатайствахъ истца, заявленныхъ въ объясненіи на апелляцію, а именно о допросѣ свидѣтеля, относительно дѣйствительной роли Гервига въ товариществѣ на вѣрѣ „Гервигъ и Шнейдеръ“ и объ истребованіи изъ общества взаимнаго кредита данной въ 1903 г. Гервигомъ подписки по поводу торговаго дома,—причемъ Правительствующій Сенатъ находитъ, что ходатайства эти не подлежатъ удовлетворенію въ виду того, что, какъ выше указано, характеръ товарищескаго участія лица, входящаго въ составъ торговаго дома, опредѣляется единственно договоромъ, а по отношенію къ третьимъ лицамъ, каковымъ въ настоящемъ дѣлѣ является банкъ, главнымъ образомъ, оповѣщеніями и выпискою изъ договора, предусмотрѣнными въ ст. 59 и 60 Уст. Торг., т. е. тѣми способами, которые именно для сего установлены, свидѣтельскія же показанія по сему предмету допущены быть не могутъ. Всѣ указанія повѣреннаго Банка на дѣйствія Гервига, на участіе его въ дѣлахъ товарищества подъ фирмою „Гервигъ и Шнейдеръ“ никакого значенія въ отношеніи распространенія на него, Гервига, отвѣтственности по векселямъ имѣть не могутъ, ибо сія отвѣтственность зависитъ отъ формальныхъ данныхъ, а не отъ тѣхъ или другихъ дѣйствій, или распоряженій привлекаемаго лица въ торговомъ товариществѣ, фирмою котораго выданы или надписаны векселя. Поэтому не имѣетъ значенія и указаніе повѣреннаго истца на подписку, данную Гервигомъ Обществу взаимнаго кредита; во всякомъ случаѣ она могла бы быть при-

знана доказательствомъ принятія Гервигомъ на себя отвѣтственности по обязательству развѣ предъ этимъ обществомъ, но не по всѣмъ обязательствамъ торговаго дома и это еще не влечетъ за собой признанія его отвѣтственнымъ и по векселямъ, служащимъ основаніемъ иска Азовско-Донского Коммерческаго Банка. На основаніи всего изложеннаго Правительствующій Сенатъ отказалъ въ искѣ съ Гервига по векселямъ, выданнымъ Мейзе и дошедшимъ къ Азовско-Донскому Банку по надписямъ „Гервигъ и Шнейдеръ“, а рѣшеніе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда отмѣнилъ (1906 г., № 2190).

144|95. При разрѣшеніи вопроса объ открытіи несостоятельности, въ предѣлахъ частнаго о томъ производства не можетъ быть разрѣшаемъ, какъ подлежащій обсужденію лишь въ исковомъ порядкѣ, спорный вопросъ о томъ, является ли данное лицо товарищемъ на вѣрѣ или товарищемъ полнымъ (1905 г., № 793), см. т. I № 800.

145|96. Договоръ товарищества предполагаетъ непремѣнно установленіе общности имущества (товарищеская складчина), опредѣленіе доли каждаго товарища и участіе сообразно долѣ каждаго товарища не только въ выгодахъ, но и въ убыткахъ по предпріятію. Предоставленіе собственникомъ предпріятія другому лицу лишь участія въ выгодахъ отъ этого предпріятія, при извѣстномъ со стороны послѣдняго трудѣ по эксплоатаціи предпріятія, является ни чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ способовъ вознагражденія за трудъ или услуги этого лица и не влечетъ за собою признанія такого участника въ выгодахъ отъ предпріятія товарищемъ, а самаго предпріятія общею ихъ собственностью (1888 г. Сабинкова и Джульяни, сб. Вильсона I, № 104).

146|97. Если въ товарищескомъ договорѣ обусловлено, что изъ вклада одного изъ товарищей возвращается ему въ теченіе опредѣленнаго времени извѣстная сумма, на которую вкладъ этого товарища превышалъ вкладъ другого товарища, съ начетомъ % за время до окончательнаго возврата означенной суммы, и что по возвращеніи этой суммы товарищъ продолжаетъ участвовать въ товариществѣ въ равныхъ частяхъ съ другимъ товарищемъ, то такое условіе указываетъ на заимообразный характеръ принятія товариществомъ той суммы, которая подлежитъ возврату товарищу (1889 г. Лобрисъ Генстремъ, сб. Вильсона I, № 106).

147|98. Если въ товарищескомъ договорѣ обусловлено, что товарищъ обязуется внести для эксплоатаціи предпріятія „по мѣрѣ надобности“ извѣстную

сумму, то невзносъ симъ товарищемъ опредѣленной суммы сполна, не можетъ служить основаніемъ для другого товарища къ требованію о признаніи договора потерявшимъ обязательную для него силу, когда такое требованіе предъявляется при приведеніи предпріятія въ исполненіе и при отсутствіи данныхъ, изъ коихъ можно было бы вывести заключеніе, что товарищеское предпріятіе требовало производства расходовъ, превышающихъ внесенныя товарищами суммы. Если въ договорѣ обусловлено точно, какимъ именно порядкомъ производится по окончаніи предпріятія разсчетъ между товарищами, то требованію товарища отъ другого товарища, завѣдывающаго дѣломъ платежей, слѣдуемой на его долю прибыли по составленному имъ истцомъ разсчету, должно предшествовать истребованіе отъ товарища, завѣдывавшаго дѣломъ, отчета на основаніяхъ, предусмотрѣнныхъ договоромъ (1893 г. Бахирева съ Осѣчкинымъ, сб. Вильсона I, № 107).

148|99. Вкладчики, какъ отвѣтствующіе по долгамъ товарищества своимъ вкладомъ, не имѣютъ права на полученіе изъ товарищества какой-либо части вклада, не только до истеченія срока договора, но и по истеченіи, въ случаѣ потери товариществомъ складочнаго капитала. Никакія сдѣлки лицъ, входящихъ въ составъ товарищества, клонящіяся къ уменьшенію складочнаго капитала и къ освобожденію товарищей и вкладчиковъ отъ отвѣтственности по дѣламъ товарищества, не могутъ ограничивать и стѣснять правъ третьихъ лицъ, въ сихъ сдѣлкахъ не участвовавшихъ. Пріобрѣтеніе полнымъ товарищемъ у вкладчика пая имѣетъ такое же значеніе какъ уплата вклада изъ кассы товарищества и одинаково уменьшаетъ имущественное обезпеченіе товарищества въ размѣрѣ уплаченной суммы. Поэтому кредиторы товарищества или, въ случаѣ объявленія товарищества несостоятельнымъ, законный ихъ представитель—конкурсъ, вправѣ требовать отъ бывшихъ вкладчиковъ товарищества полученные ими отъ товарищества вклады, каковое право для кредиторовъ считается наступившимъ со дня объявленія несостоятельности товарищества (1887 г. Баймакова съ Розенталемъ, сб. Вильсона I, № 110).

149|100. Товарищъ, требуя признанія за нимъ права при производствѣ ликвидаціи дѣлъ товарищества на вѣрѣ реализовать для покрытія долговъ товарищества недвижимое имущество, входившее въ составъ вклада вкладчика, долженъ доказать, что ликвидація дѣлъ товарищества необходимо требуетъ реализаціи указаннаго имущества. Отвѣтственность вкладчика соразмѣрно внесенному имъ вкладу простирается лишь по долгамъ самого товарищества, а не по личнымъ долгамъ полноотвѣтственнаго товарища (1885 г. Мейеровича съ Серебряковымъ, сб. Вильсона I, № 116).

150|101. Со времени открытія товариществомъ своихъ дѣйствій, каждому товарищу принадлежитъ только извѣстная опредѣленная часть всего общаго имущества, составляющая товарищескую складчину. Для опредѣленія части, причитающейся каждому изъ товарищей при ликвидаціи товарищескаго предпріятія, долженъ быть прежде всего составленъ разсчетъ, которому въ тѣхъ случаяхъ, когда отдѣльныя, входившія въ составъ операціи предпріятія, дѣйствія совершались обоими товарищами, независимо другъ отъ друга, долженъ предшествовать отчетъ каждаго изъ товарищей другому въ дѣйствіяхъ, имъ совершенныхъ. Предъявленіе однимъ изъ товарищей къ другому денежнаго иска о причитающейся ему изъ товарищескаго предпріятія части, впредь до учиненія между товарищами упомянутаго выше разсчета, признается преждевременнымъ (1891 г. Келера съ Шимкевичемъ, сб. Вильсона I, № 117).

Въ виду того, что составленіе совмѣстнаго разсчета, обязательнаго для обоихъ товарищей, можетъ оказаться невозможнымъ, вслѣдствіе уклоненія товарища отъ ликвидаціи,—фактомъ подобнаго отказа создается право другого товарища уже самостоятельно, единолично, составить разсчетъ и, какъ результатъ его, въ случаѣ правильности такового, требовать затѣмъ опредѣленную денежную сумму, опроверженіе которой лежитъ уже на обязанности отвѣтчика представленіемъ доказательствъ неправильности разсчета. Само собою разумѣется, что разсчетъ долженъ показывать положеніе даннаго товарищескаго предпріятія, быть произведенъ по документамъ, относящимся къ веденію его и составленъ во всемъ на законномъ, для подобныхъ актовъ, основаніи. Что касается самой ликвидаціи, то она должна быть производима способомъ и въ порядкѣ, опредѣленномъ самими товарищами, въ формѣ-ли товарищескаго договора, при учрежденіи товарищества, или путемъ соглашенія при приступѣ къ ликвидаціи, а при отсутствіи сего, согласно съ существомъ товарищескихъ отношеній, какъ они основаны и вытекаютъ изъ постановленій по сему предмету закона (1910 г., № 286). Ср. № 139.

151|102. Кредиторъ одного изъ участниковъ торговаго дома, несостоящій самъ въ числѣ членовъ этого торговаго дома, лишенъ, въ качествѣ третьяго лица, права требовать ликвидаціи торговаго дома для удовлетворенія своего взысканія, но, при неуспѣшности взысканія инымъ путемъ, можетъ ходатайствовать объ учрежденіи конкурса надъ дѣлами неисправнаго должника, каковой конкурсъ въ качествѣ представителя личности несостоятельнаго, можетъ приступить и къ ликвидаціи торговаго дома.

Предметъ настоящаго дѣла составляетъ искъ, предъявленный въ Московскомъ Коммерческомъ Судѣ купцомъ Добычинымъ къ торговому дому „В. Г. Сходневъ съ сыновьями“ и заключающійся въ требованіи о понужденіи означеннаго торговаго дома къ ликвидаціи его дѣлъ для удовлетворенія долга одного изъ членовъ торговаго дома, Григорія Сходнева, взыскиваемаго Добычинымъ въ суммѣ 6.375 рублей съ процентами и судебными и за веденіе дѣла издержками по исполнительному листу. Разсмотрѣвъ дѣло, Коммерческій Судъ Добычину въ искѣ отказалъ. На это рѣшеніе Суда истецъ принесъ Правительствующему Сенату апелляціонную жалобу, въ которой проситъ объ удовлетвореніи его исковыхъ требованій, основываясь на томъ соображеніи, что обращеніе кредиторомъ взысканія на долю, причитающуюся должнику въ имуществѣ товарищества, членомъ коего состоитъ должникъ, должно вообще считаться законнымъ способомъ удовлетворенія кредитора, а такъ какъ опредѣлить долю товарища въ товарищескомъ имуществѣ возможно лишь по ликвидаціи самаго предпріятія, то кредиторъ и не можетъ быть лишенъ права понужденія товарищества къ ликвидаціи его дѣлъ, какъ единственнаго способа получить удовлетвореніе. Обращаясь къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, можетъ-ли доля въ товарищескомъ предпріятіи въ видѣ торговаго дома являться средствомъ къ удовлетворенію претензіи личнаго кредитора одного изъ членовъ товарищества, и при какихъ условіяхъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, хотя доли участниковъ въ товарищескомъ предпріятіи въ видѣ торговаго дома и входятъ въ составъ всего имущества ихъ собственника, однако эта часть его имущества отличается отъ остального особымъ характеромъ, обусловливаемымъ существомъ самихъ сихъ торговыхъ товариществъ. Сущность же торговаго товарищества въ видѣ торговаго дома заключается въ тѣсномъ единеніи товарищей „положившихъ дѣйствовать заедино общимъ именемъ всѣхъ“ (ст. 2129 I ч. X т. Св. Зак. Гражд.) и отвѣтствующихъ за всѣ долги онаго вообще и порознь всѣмъ имуществомъ своимъ движимымъ и недвижимымъ (ст. 2134 той-же I ч. X т.), единеніи, отражающемся также и на вносимомъ товарищами въ общее дѣло имуществѣ, такъ какъ послѣднее въ значительной степени выдѣляется изъ состава остального имущества товарища и поступаетъ для служенія особой цѣли товарищества въ общее владѣніе всѣхъ товарищей. Это тѣсное единеніе товарищей между собою не должно быть разрушено третьими лицами и когда при учрежденіи товарищества опредѣляются взаимныя отношенія товарищей, т. е. упорядочивается внутреннее устройство торговаго дома, вытекающія отсюда права и обязанности, не исключая также и права на товарищеское имущество составляютъ только личныя права и обязанности самихъ товарищей и не могутъ быть осуществляемы третьими лицами. Такимъ образомъ относительно предмета соглашенія товарищей при заключеніи товарищескаго договора слѣдуетъ строго различать между внутреннимъ устройствомъ торговаго дома, къ коему относятся, напримѣръ: количество вкла-

довъ, участіе въ прибыляхъ и убыткахъ по предпріятію, порядокъ и условія ликвидаціи его и такъ далѣе, и отношеніями товарищества, какъ единаго цѣлаго, къ третьимъ лицамъ, какъ напримѣръ, порядокъ его представительства и тому подобное, и, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что внѣшнее положеніе товарищества должно отразиться также на товарищескомъ союзѣ и что въ частности, въ случаѣ невозможности удовлетворить кредиторовъ самого товарищества, крушеніе послѣдняго влечетъ за собою распаденіе товарищескаго союза, однако такое вліяніе внѣшняго положенія товарищества на внутреннее устройство его сказывается лишь косвеннымъ путемъ, замѣщеніе-же одного изъ товарищей въ осуществленіи принадлежащихъ ему въ качествѣ товарища правъ третьимъ лицомъ, какъ указано выше, противорѣчитъ самому существу торговаго дома, а поэтому не допустима въ частности и ликвидація товарищескаго предпріятія по требованію третьяго лица, хотя-бы и кредитора одного изъ товарищей, не обладающаго другимъ имуществомъ, такъ какъ и право требованія ликвидаціи касается внутренняго устройства товарищества и является личнымъ правомъ самихъ товарищей. Отсюда однако не слѣдуетъ, чтобы кредиторъ былъ вовсе лишенъ возможности получить удовлетвореніе отъ должника, все имущество котораго заключается въ правѣ на часть въ товарищескомъ предпріятіи торговаго дома; напротивъ того, нельзя не признать, что кредиторъ лишенъ права требовать ликвидаціи торговаго дома лишь въ качествѣ третьяго лица, но засимъ ему не возбраняется ходатайствовать объ учрежденіи конкурса надъ дѣлами неисправнаго должника, самъ же конкурсъ, въ качествѣ представителя личности несостоятельнаго, можетъ приступить, какъ на то имѣется ясное указаніе въ ст. 570 Уст. Суд. Торг., хотя бы и къ ликвидаціи торговаго дома, членомъ коего состоитъ неисправный должникъ. Примѣняя эти общія соображенія къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что искъ Добычина къ торговому дому „В. Г. Сходневъ съ сыновьями“ о ликвидаціи послѣдняго съ цѣлью покрытія изъ причитающейся одному изъ товарищей означеннаго торговаго дома, Григорію Сходневу, доли въ товарищескомъ имуществѣ долга его Добычину по исполнительному листу, какъ это правильно призналъ Московскій Коммерческій Судъ, не подлежитъ удовлетворенію, такъ какъ является лишь искомъ третьяго лица, а не искомъ товарища или законнаго представителя его личности—конкурса (1899 г., № 265).

152|103. Товарищъ, подписавъ составленные при участіи его балансъ по товарищескому предпріятію и раздѣльный актъ товарищескаго имущества и получивъ опредѣленную по сему акту въ его пользу сумму, не вправѣ, безъ законныхъ къ тому основаній, оспаривать означенный раздѣлъ и требовать составленія новаго баланса. Законными основаніями для оспариванія составленнаго товарищами баланса и раздѣльнаго акта могутъ быть признаны, на общемъ

основаніи, лишь отсутствіе свободы произвола и согласія, составляющей непремѣнное условіе для признанія дѣйствительности всякой сдѣлки. Обычная въ коммерческомъ быту оговорка и. о. (исключая ошибокъ) при подписаніи сложныхъ разсчетовъ имѣетъ отношеніе лишь къ ариѳметическимъ погрѣшностямъ въ частныхъ и общихъ итогахъ, а не къ самому существу записей или статей разсчета (1891 г. Тріандифилидиса съ Шапшалъ—сб. Вильсона I, № 119).

153|104. Если товарищъ при окончательномъ разсчетѣ по товарищескому предпріятію согласился принять въ основаніе такого разсчета не положеніе дѣлъ предпріятія ко дню прекращенія товарищества, но балансъ, составленный за предыдущій періодъ времени и согласно этому балансу получилъ отъ другого товарища векселя, то за ними не можетъ быть признано право домогаться производства между ними новаго разсчета по другимъ основаніямъ, такъ какъ это составляло бы прямое нарушеніе соглашенія, добровольно товарищами между собою заключеннаго (1887 г. Гринбергъ и Вальтеръ—сб. В. I, № 120).

154|105. Внесенныя товарищами по учредительскому договору, въ цѣляхъ дѣятельности товарищества, суммы при прекращеніи товарищества не могутъ служить мѣриломъ причитающейся каждому товарищу части. Непредставленіе товарищемъ отчета наслѣднику умершаго товарища о положеніи дѣлъ товарищества не можетъ служить основаніемъ для наслѣдника умершаго товарища къ требованію о взысканіи съ пережившаго товарища внесенной умершимъ товарищемъ при существованіи товарищества суммы на покрытіе общаго лежащаго на товарищахъ долга по пріобрѣтенію товарищескаго предпріятія (1893 г. Эскадафаль съ Пенаръ—сб. В. I, № 121).

155|106. Одинъ фактъ производства общей торговли двумя лицами не создаетъ еще, самъ по себѣ, для одного соучастника безусловнаго права на какую-либо часть всякаго оказавшагося у другого соучастника по прекращеніи ихъ предпріятія имущества. Для установленія такового права необходимо учиненіе между сторонами предварительнаго разсчета. Коль скоро истецъ былъ равноправнымъ съ отвѣтчикомъ хозяиномъ дѣла, то обязанность представить разсчетъ и доказать правильность его лежитъ уже на немъ самомъ.

Разсмотрѣвъ наст. дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что составляющій предметъ онаго искъ Михаила Шумилина къ Николаю и Александру Шумилинымъ, а за смертью послѣдняго къ опекѣ надъ имуществомъ его, въ томъ видѣ, какъ

онъ окончательно формулированъ былъ истцомъ, заключается въ требованіи объ обязаніи отвѣтчиковъ представить отчетъ по общему его, истца, и наслѣдодателя отвѣтчиковъ Алексѣя Шумилина торговому дѣлу за время со дня смерти матери ихъ и бабки отвѣтчиковъ Е. Шумилиной или по крайней мѣрѣ со дня смерти Алексѣя Шумилина, а въ случаѣ непредставленія означеннаго отчета о взысканіи съ отвѣтчиковъ 20.000 руб. на томъ основаніи, что перешедшее къ Николаю и Александру Шумилинымъ состояніе создавалось общими трудами братьевъ Михаила и Александра Шумилиныхъ по общей ихъ торговлѣ, а потому за смертью послѣдняго первый имѣетъ право на половину всего оставшагося послѣ него имущества, унаслѣдованнаго сыновьями его, отвѣтчиками по настоящему дѣлу. Моск. Ком. Судъ, признавъ требованіе истца о понужденіи отвѣтчиковъ къ дачѣ отчета за смертью самого Алексѣя Шумилина, производившаго собственно общую съ истцомъ, по его объясненію, торговлю, неподлежащимъ удовлетворенію, присудилъ однако Михаилу Шумилину съ Николая Шумилина и съ опеки надъ имуществомъ Александра Шумилина безраздѣльно 16.884 р. 50 к., какъ половину стоимости оставшагося и унаслѣдованнаго ими послѣ Алексѣя Шумилина имущества. Съ такимъ рѣшеніемъ суда не представляется возможнымъ согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ. Искъ съ отвѣтчиковъ опредѣленной суммы (20.000 руб.) предъявленъ былъ истцомъ условно, на случай неудовлетворенія отвѣтчиками основного его требованія о дачѣ отчета по бывшей общей между нимъ, истцомъ, и отцомъ и наслѣдодателемъ отвѣтчиковъ торговлѣ, причемъ самое требованіе 20.000 руб. основано на томъ, что результаты этой общей торговли были таковы, что ко времени прекращенія оной обоимъ соучастникамъ, т. е. истцу Михаилу Шумилину и отцу и наслѣдодателю отвѣтчиковъ Алексѣю Шумилину причиталось по равной части изъ всего оставшагося у послѣдняго имущества. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что одинъ фактъ производства общей торговли двумя лицами не можетъ еще, самъ по себѣ, создать для одного соучастника безусловнаго права на какую либо часть всякаго, оказавшагося у другого соучастника по прекращеніи ихъ предпріятія, имущества,— слѣдуетъ признать, что для признанія за нимъ такого права необходимо прежде всего установить: во 1-хъ, что данное имущество представляется именно общимъ, ибо, несомнѣнно, оно могло быть пріобрѣтено однимъ изъ соучастниковъ на свои собственныя, отдѣльныя отъ общихъ, средства, хотя бы напр. на деньги, составлявшія причитающуюся на его долю часть прибыли изъ общаго предпріятія въ качествѣ личной своей собственности, безъ всякаго участія въ ней другого, который въ свою очередь могъ дать своей части прибыли иное назначеніе, и, во 2-хъ, что заявляющій притязанія на это имущество соучастникъ при прекращеніи предпріятія никакого равняющагося стоимости онаго эквивалента на свою долю не получилъ и что причитающаяся ему въ такомъ случаѣ часть въ общемъ предпріятіи, опредѣляемая его вкладами, за вычетомъ всѣхъ его получекъ, т. е. ре-

зультатъ сопоставленія всего того, что онъ въ предпріятіе внесъ и изъ него получилъ, дѣйствительно равняется отыскиваемой имъ съ другого соучастника суммѣ. Такія же данныя, очевидно, могутъ быть установлены лишь путемъ выясненія дѣйствительнаго состоянія взаимныхъ по предпріятію разсчетовъ каждаго изъ соучастниковъ, а потому безъ предварительнаго учиненія таковыхъ разсчетовъ о взысканіи по онымъ какой-либо суммы не можетъ быть и рѣчи. Въ виду сего Прав. Сенатъ находитъ, что устраненіе Ком. Судомъ въ его рѣшеніи необходимости учиненія между сторонами предварительнаго разсчета и принятіе имъ за основаніе къ присужденію Михаилу Шумилину съ наслѣдниковъ А. Шумилина 16.884 р. 50 к. исключительно стоимости оставшагося послѣ послѣдняго и унаслѣдованнаго отвѣтчиками имущества должно быть признано безусловно неправильнымъ и выходящимъ за предѣлы заявленныхъ ему истцомъ требованій, имѣющихъ своимъ основаніемъ именно разсчеты по общей торговлѣ, а не право половинной собственности на наслѣдуемое послѣ А. Шумилина имущество, какъ таковое. Но признавая такимъ образомъ по существу исковыхъ въ наст. дѣлѣ требованій Мих. Шумилина къ Н. Шумилину и опекѣ А. Шумилина необходимость учиненія между ними предварительнаго разсчета по бывшей между истцомъ и А. Шумилинымъ общей торговлѣ, Прав. Сенатъ однако находитъ, что домогательство истца о возложеніи обязанности представить этотъ разсчетъ на отвѣтчиковъ, подъ страхомъ взысканія съ нихъ, въ случаѣ непредставленія такового, отыскиваемой суммы, должно быть признано въ основаніи своемъ неуважительнымъ. Для признанія за однимъ соучастникомъ общаго предпріятія права требовать отчета по оному отъ другого, а сего послѣдняго обязаннымъ представить таковой, необходимо, чтобы отношенія ихъ по этому общему дѣлу были именно таковы, чтобы вызывали необходимость отчетности одного передъ другимъ. Такая обязательная односторонняя отчетность предполагается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда веденіе дѣла лежитъ всецѣло на одномъ изъ соучастниковъ, когда, слѣдовательно, другой соучастникъ помимо отчетности лишенъ возможности ознакомиться съ ходомъ всего дѣла. Но, очевидно, о такой отчетности не можетъ быть рѣчи въ тѣхъ случаяхъ, когда оба соучастника являются равноправными хозяевами дѣла, когда и тотъ и другой принимали одинаковое участіе въ веденіи онаго, такъ что весь ходъ дѣла долженъ быть одинаково извѣстенъ и тому и другому; здѣсь взаимный разсчетъ въ одинаковой мѣрѣ можетъ быть составленъ каждымъ изъ соучастникомъ, а слѣд. отпадаетъ и самое основаніе къ требованію отчетности—выясненіе неизвѣстнаго хода общаго дѣла. Такимъ-то именно равноправнымъ хозяиномъ—соучастникомъ общаго его съ покойнымъ А. Шумилинымъ дѣла и является Михаилъ Шумилинъ, такимъ выставляютъ его и допрошенные по его ссылкѣ свидѣтели, показавшіе, что вообще какъ покупка, такъ и продажа товаровъ производилась и Михаиломъ и А. Шумилинымъ, что имѣвшіе сношенія съ Шумилиными по торговой ихъ дѣятельности считали

ихъ обоихъ равноправными хозяевами общаго дѣла, вслѣдствіе чего разсчеты производились, хотя за счетъ обоихъ, то съ однимъ, то съ другимъ, всѣ же разсчеты Губониными велись почти исключительно съ Михаиломъ Шумилинымъ. И дѣйствительно, изъ представленныхъ къ дѣлу истцомъ въ копіи и подлинникахъ документовъ: перевода, квитанціи и счетовъ усматривается, что истцомъ Михаиломъ Шумилинымъ получено было всего денегъ 17.832 руб. 36 коп. При такихъ же условіяхъ веденія М. и А. Шумилиными общаго дѣла, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что истцомъ не только ничѣмъ не доказано, но даже и не утверждается, чтобы покойный А. Шумилинъ въ теченіе долголѣтней ихъ общей торговли когда-либо давалъ ему какіе бы то ни было отчеты, предъявленіе М. Шумилинымъ въ настоящее время требованія отчета по всей торговлѣ, бывшей какъ видно изъ дѣла весьма разнообразною и обширною, отъ наслѣдниковъ А. Шумилина, которымъ таковая во всякомъ случаѣ менѣе извѣстна, чѣмъ самому истцу, лично въ ней, какъ видно изъ вышеизложеннаго, участвовавшаго, должно быть признано лишеннымъ законнаго основанія. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что если, какъ то утверждаетъ истецъ М. Шумилинъ, ему что-нибудь причитается по бывшей общей его съ А. Шумилинымъ торговлѣ, то на немъ, какъ истцѣ, и лежала обязанность это доказать путемъ представленія соотвѣтствующаго разсчета, который бы выяснилъ, между прочимъ, насколько онъ дѣйствительно участвовалъ „въ трудахъ созиданія оставшагося послѣ покойнаго Алексѣя Шумилина (отца тяжущихся) и перешедшаго по наслѣдству къ отвѣтчикамъ имущества“, куда употреблены имъ полученныя имъ лично по предпріятію суммы, на какія средства и какимъ образомъ, если все достояніе ихъ было общее, пріобрѣтена имъ самостоятельная однако торговля въ селѣ Мячковѣ (показаніе свидѣтелей Протопопова и Климова), словомъ выяснилъ бы все то, что имъ въ предпріятіе было внесено и что отъ него получено; 2) что истецъ рѣшительно никакихъ въ семъ отношеніи данныхъ къ дѣлу не представилъ, не указавъ даже, какія именно были у него съ А. Шумилинымъ общія предпріятія и торговля, по коимъ онъ требуетъ отчета, а возложилъ всю обязанность представленія таковыхъ на отвѣтчиковъ, что, однако, какъ объяснено выше, лишено всякаго основанія; 3) что между тѣмъ унаслѣдованное отвѣтчиками послѣ А. Шумилина имущество, притязаніе на половину котораго косвенно заявляетъ истецъ, какъ видно изъ опредѣленія Моск. Окружнаго Суда, заключается: въ землѣ съ домомъ и строеніями при сельцѣ Семеновскомъ, пріобрѣтенной А. Шумилинымъ отъ Баулиныхъ за 21.000 руб. по купчей крѣпости 24 мая 1878 г.; въ землѣ при с. Островцахъ, пріобрѣтенной А. Шумилинымъ отъ Кузьмина за 200 руб. по купчей крѣпости 24 янв. 1875 г.; въ двухъ векселяхъ Шориныхъ на имя А. Шумилина суммою въ 4.000 руб.; въ членскомъ взносѣ А. Шумилина 1889 г. въ Общество Вз. Кредита въ суммѣ 1.000 руб.; въ трехъ билетахъ 1-го вн. съ выигр. займа; временныхъ приспособленіяхъ для скота и движимости при оныхъ

на землѣ, арендованной А. Шумилинымъ, оцѣненныхъ въ 5.760 руб. и наконецъ въ разной движимости въ с. Островцахъ на 1.000 руб., т. е. въ имуществѣ, пріобрѣтенномъ исключительно однимъ А. Шумилинымъ; возлагать же на отвѣтчиковъ еще и обязанность представленія какихъ-либо доказательствъ тому, что въ пріобрѣтеніи этого имущества М. Шумилинъ не участвовалъ, т. е. доказательствъ факта отрицательнаго, не представляется возможнымъ,—Прав. Сенатъ признаетъ исковыя въ наст. дѣлѣ требованія М. Шумилина, какъ не доказанныя, удовлетворенію не подлежащими, противное же сему выводу рѣшеніе Московскаго Ком. Суда о присужденіи М. Шумилину половины стоимости перешедшаго къ Н. и А. Шумилинымъ отъ отца ихъ имущества 16.884 руб. 50 к. неправильнымъ и подлежащимъ отмѣнѣ (1894 г. № 436).

156|107. Если согласно договору управленіе и завѣдываніе товарищескимъ дѣломъ, завѣдываніе кассою, правильное веденіе книгъ и пр. лежало на обязанности безраздѣльно обоихъ товарищей, то одинъ изъ нихъ, являясь такимъ же полновластнымъ распорядителемъ и хозяиномъ предпріятія, какъ и другой, на требованіе отъ послѣдняго какихъ-либо отчетовъ права не имѣетъ. Незаконное въ такихъ случаяхъ устраненіе однимъ изъ товарищей другого отъ завѣдыванія и распоряженія дѣломъ можетъ служить лишь основаніемъ къ ходатайству о возстановленіи нарушенныхъ правъ и о признаніи его обязаннымъ допустить истца къ совмѣстному веденію дѣла, но не можетъ, само по себѣ, восполнить то право на требованіе отчета, которое по договору не установлено (1893 г., № 1534).

157|108. Требованіе товарища о возвратѣ ему внесеннаго въ дѣло вклада до учиненія окончательнаго разсчета преждевременно. Вкладчикъ, утверждая, что данное имущество, внесенное имъ въ общее товарищеское дѣло, тѣмъ не менѣе составляетъ его исключительную собственность, долженъ доказать это обстоятельство.

Разсмотрѣвъ наст. дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно-ли Одесс. Ком. Судъ отказалъ Балихову въ искѣ къ Далласу и Бовшику: 1) о взысканіи съ Далласа 5.990 р. 40 к., внесенныхъ имъ въ общее ихъ предпріятіе по изготовленію консервовъ; 2) о признаніи за нимъ, Балиховымъ, права собственности на поставленныя имъ на

фабрику товарищества машины и объ изъятіи оныхъ изъ владѣнія Далласа и Бовшика, по предварительномъ признаніи совершенной послѣдними закладной на означенныя машины недѣйствительною. Изъ дѣла видно, что по условію отъ 24 февраля 1888 г. Балиховъ вошелъ въ дѣло по производству на фабрикѣ Далласа сухихъ овощей, обязуясь внести въ первый годъ 3.000 руб. по частямъ и во второй годъ, если понадобится, еще 2.000 руб., для поддержанія предпріятія, причемъ вся польза отъ предпріятія должна дѣлиться между ними, Балиховымъ и Далласомъ, пополамъ. Засимъ изъ объясненій сторонъ по сему дѣлу выяснилось, что представителемъ товарищества и полнымъ распорядителемъ предпріятія оставался одинъ Далласъ. Такимъ образомъ по дѣлу установлено, что отношенія Балихова и Далласа были товарищескія по общему ихъ предпріятію, въ которое Балиховъ съ своей стороны вложилъ извѣстный вкладъ. По самому же существу подобнаго рода товарищескихъ отношеній внесенные товарищами въ общее дѣло денежные вклады должны быть употреблены, согласно ихъ назначенію, на обороты товарищества и составляютъ уже достояніе не того или другого товарища, а самаго товарищескаго предпріятія, а потому и не могутъ быть потребованы обратно, ибо каждому товарищу принадлежитъ въ общемъ предпріятіи только извѣстная часть въ инвентарѣ, наличныхъ деньгахъ и вообще во всемъ томъ, что составляетъ общее имущество товарищества, и эти части товарищей могутъ требоваться послѣдними, при прекращеніи ихъ товарищескихъ отношеній, лишь по учиненіи между соучастниками окончательнаго разсчета, т. е. по опредѣленіи того, что дѣйствительно по состоянію актива и пассива предпріятія тому или другому участнику, сообразно его долѣ участія, можетъ причитаться. А такъ какъ истецъ Балиховъ вовсе не утверждаетъ того, чтобы причитающіяся на долю каждаго изъ нихъ, Балихова и Далласа, части во всемъ томъ, что составляетъ имущество ихъ товарищества, опредѣлены были какимъ либо окончательномъ разсчетомъ,—Прав. Сенатъ находитъ требованіе въ настоящее время Балиховымъ возврата ему внесенныхъ въ дѣло 5.990 р. 40 к., а равно и поставленныхъ на фабрику машинъ лишеннымъ основанія. Что же касается указанія апеллятора на то, что машины эти не составляли вовсе его вклада въ товарищеское дѣло и оставались все время личною его собственностью, то таковое представляется неуважительнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: вкладчикъ въ общемъ дѣлѣ, желая получить обратно данныя имъ въ оное деньги или орудія производства, какъ не составляющія части его вклада, долженъ прежде всего доказать, что требуемое имъ имущество внесено было въ товарищеское дѣло лишь съ условіемъ, что оно остается его исключительною собственностью, могущею быть потребованною обратно во всякое время, такъ какъ ограниченіе такого рода условіемъ участія въ товарищескомъ дѣлѣ даннымъ имуществомъ не вытекаетъ изъ самаго понятія о товарищескомъ вкладѣ и не можетъ быть потому доказываемо правами вкладчика. Между тѣмъ такого

рода доказательства относительно требуемыхъ имъ машинъ Балиховъ не представилъ, то же обстоятельство, что согласно договору онъ обязался внести всего только 5.000 руб., которые имъ и были внесены, таковымъ доказательствомъ служить не можетъ, ибо послѣдовавшее со стороны вкладчика увеличеніе тѣмъ или инымъ способомъ своего вклада какимъ либо противорѣчіемъ понятію вкладчика въ товариществѣ, само по себѣ, вовсе не является. Напротивъ того, состоя уже вкладчикомъ и внося въ предпріятіе извѣстное, соотвѣтствующее цѣли его, имущество, на какомъ либо иномъ основаніи, вкладчикъ, очевидно, долженъ это особо оговорить и тѣмъ или другимъ путемъ установить свое исключительное, несмотря на внесеніе въ товарищество, право на это имущество. Независимо отъ изложеннаго, то обстоятельство, что и самъ Балиховъ смотрѣлъ на поставленныя имъ на товарищескую фабрику машины какъ на его вкладъ въ товарищеское дѣло, опредѣляемый имъ и стоимостью машинъ, усматривается и изъ письма его къ Далласу отъ 16 ноября 1889 г., въ коемъ онъ, между прочимъ, пишетъ, что онъ болѣе „садить денегъ“ въ общее дѣло не намѣренъ и что вмѣсто шести тысячъ по обязательству онъ внесъ уже до 9.000 руб. (наличными же деньгами имъ внесено было всего 6.000 руб.). Признавая посему объясненія Балихова объ исключительномъ правѣ его на отыскиваемыя имъ машины ничѣмъ недоказанными и обращаясь засимъ къ требованію Балихова о признаніи закладной отъ 25 мая 1890 г., совершенной Далласомъ на имя Бовшика, по которой долгъ перваго послѣднему обезпечивается составляющими предметъ дѣла машинами, недѣйствительною, Прав. Сенатъ находитъ, что такъ какъ машины эти находились на фабрикѣ Далласа, распорядителемъ и представителемъ которой являлся Далласъ же, и такъ какъ исключительное право собственности на эти машины Балихова, какъ объяснено уже выше, симъ послѣднимъ ничѣмъ по дѣлу не доказано, то и закладъ машинъ, совершенный Далласомъ третьему лицу, не можетъ быть отнесенъ къ предусмотрѣнному въ п. 1 ст. 1664 т. X ч. 1 случаю; если же апелляторъ находитъ сдѣланный подъ оныя заемъ нарушающимъ въ чемъ либо интересы товарищества, то отъ него зависитъ съ требованіемъ о возмѣщеніи происшедшихъ для него отъ таковыхъ неправильныхъ, по его мнѣнію, дѣйствій Далласа убытковъ обратиться къ нему отъ дѣла сего особо. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ и принимая во вниманіе, что если Балиховъ считаетъ товарищескія его съ Далласомъ отношенія по общему ихъ предпріятію подлежащими прекращенію, то отъ него зависитъ требовать отъ послѣдняго, какъ распорядителя предпріятія, ликвидаціи онаго и учиненія съ нимъ окончательнаго разсчета по добровольному соглашенію или черезъ посредство суда, настоящія же его требованія вполнѣ правильно признаны Ком. Судомъ удовлетворенію не подлежащими,—Прав. Сенатъ рѣшеніе суда объ отказѣ Балихову въ искѣ его къ Далласу и Бовшику оставилъ въ силѣ (1892 г., № 1513).

158|109. Невнесеніе однимъ изъ товарищей всего условленнаго договоромъ вклада полностью, не лишаетъ его права требованія отъ другого товарища отчета. Несоблюденіе формальныхъ требованій ст. 67, 68 и 80 Уст. Торг. не лишаетъ товарищескій договоръ силы и значенія по отношенію къ самимъ товарищамъ.

Предметъ настоящаго дѣла составляетъ искъ Тобурна къ Пулю, въ которомъ истецъ Тобурнъ, объясняя, что 8 апрѣля 1886 г. заключенъ былъ между нимъ и отвѣтчикомъ Пулемъ договоръ полнаго товарищества для производства болтовъ и гаекъ подъ фирмою „Невская болтовая и гаечная фабрика“, и что всѣ торговыя книги и оправдательные документы находятся въ рукахъ Пуля—проситъ о признаніи послѣдняго обязаннымъ дать ему отчетъ по операціямъ товарищества за время съ 8 апрѣля 1886 г. по 8 апрѣля 1888 г. Оспаривая правильность постановленнаго по настоящему дѣлу рѣшенія Ком. Суда, признавшаго исковыя требованія Тобурна подлежащими удовлетворенію, повѣренный Пуля приводитъ слѣдующіе доводы: 1) Тобурнъ ни условленныхъ въ договорѣ вкладовъ (въ суммѣ 4.000 руб.), не внесъ, ни лично въ дѣлахъ товарищества не участвовалъ, а потому за нимъ и не можетъ быть признано право требовать какого-либо отчета по операціямъ товарищества, и 2) за невзносомъ Тобурномъ капитала не могли быть исполнены предписанныя ст. 80 Уст. Торг. формальности, вслѣдствіе чего самое товарищество не можетъ почитаться состоявшимся. Но приведенные доводы апеллятора не могутъ быть признаны уважительными. Изъ представленной истцомъ къ дѣлу росписки Пуля, апелляторомъ не оспариваемой, усматривается полученіе имъ отъ Тобурна въ самый день подписанія договора 1.000 руб., а изъ удостовѣренія судебнаго пристава Спб. Мироваго Съѣзда отъ 1 февраля 1888 г. видно, что Тобурномъ внесено въ погашеніе долга Пуля, и его, Тобурна, Сергѣеву 177 р. 50 к. Въ виду уже этого нельзя не признать фактъ участія Тобурна своимъ капиталомъ въ дѣлахъ товарищества вполнѣ по дѣлу установленнымъ. Что же касается того утверждаемаго апелляторомъ обстоятельства, что Тобурномъ не были внесены всѣ условленные по договору 4.000 р., то таковое могло бы открывать для отвѣтчика, согласно ст. 570 т. X ч. I Зак. Гражд., лишь право требовать отъ него внесенія въ товарищество остальной договоренной суммы и возмѣщенія понесенныхъ отъ неисполненія сего убытковъ, но не можетъ служить основаніемъ къ признанію самаго договора, при отсутствіи прямого въ немъ о томъ постановленія, недѣйствительнымъ и къ освобожденію Пуля отъ исполненія принятыхъ имъ на себя по договору обязанностей. Засимъ указаніе апеллятора на то, что истецъ Тобурнъ лично въ дѣлахъ товарищества никакого участія не принималъ, опро-

вергается собственнымъ объясненіемъ его, Пуля, на судѣ, что у него имѣются двѣ книги по предпріятію, веденныя истцомъ. Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе, что ссылка апеллятора на несоблюденіе товарищами требованій ст. 80 Уст. Торг. для разрѣшенія настоящаго дѣла, имѣющаго своимъ предметомъ споръ не между товариществомъ и третьими лицами, а между самими товарищами, никакого значенія имѣть не можетъ, такъ какъ, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Прав. Сената, неисполненіе указанныхъ въ 67, 68 и 80 ст. Уст. Торг. формальныхъ правилъ установленныхъ исключительно въ интересахъ третьихъ лицъ, не лишаетъ товарищескій договоръ силы и значенія въ отношеніи постановленій, касающихся взаимныхъ правъ и обязанностей самихъ участниковъ товарищества между собою,—Прав. Сенатъ не находитъ основаній къ отмѣнѣ постановленнаго по настоящему дѣлу рѣшенія Спб. Ком. Суда о признаніи Пуля обязаннымъ дать Тобурну требуемый отъ него послѣднимъ по ихъ товарищескому предпріятію отчетъ (1890 г., № 393).

159|110. По ст. 208 Уст. Суд. Торг. въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены въ дѣйствіе Судебные Уставы, по дѣламъ торговымъ относительно третейскаго разбирательства примѣняются правила, изложенныя въ ст. 1367—1400 Уст. Гражд. Суд., по этимъ же послѣднимъ правиламъ существуетъ только добровольное третейское разбирательство, обязательная же подсудность дѣлъ третейскому суду не имѣетъ уже мѣста. Производство двумя или нѣсколькими лицами общаго торговаго предпріятія на товарищескихъ началахъ можетъ имѣть мѣсто и безъ образованія формальнаго товарищества полнаго или на вѣрѣ, вслѣдствіе чего и указаніе на несоблюденіе въ такихъ случаяхъ предписанныхъ закономъ исключительно для этихъ послѣднихъ видовъ товарищества формальныхъ требованій лишено значенія. Веденіе общими средствами извѣстнаго предпріятія по самому существу своему предполагаетъ *отчетность* одного изъ участниковъ онаго, завѣдывающаго дѣлами, передъ другими (1891 г., № 93).

160|111. Искъ товарища о разсчетахъ долженъ быть предъявленъ не къ товариществу, а къ отдѣльнымъ товарищамъ. Передача однимъ товарищемъ своихъ правъ внѣ постановленій договора и безъ согласія даннаго товарища не можетъ быть признана для послѣдняго и его наслѣдниковъ обязательною. За предоставленіемъ товарищемъ условленнаго имущества въ распоряженіе товарищества, одно несоставленіе на оное купчей крѣпости не

лишаетъ его права на участіе въ прибыляхъ соразмѣрно этому, фактически внесенному имъ вкладу. Подъ понятіе прибыли должна быть подведена и разница между первоначальною и оказавшеюся ко времени выдѣла стоимостью имущества. Опредѣленіе такой разницы (прибыли) по оцѣнкамъ имущества Городской Управы. Отвѣтственность товарищей по иску товарища каждаго въ своей, по числу товарищей, части.

Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно-ли Спб. Ком. Судъ присудилъ съ купцовъ Тимофея Александрова, Ивана Болотова и Ильи Кирпичникова, въ лицѣ наслѣдницы вдовы его Анны Кирпичниковой, въ пользу вдовы инженеръ-технолога Петра Ильина, Анны Ильиной, 55.868 руб. 13 коп., стоимость принадлежащаго мужу истицы пая, съ прибылью на него и процентами, въ учрежденномъ имъ съ отвѣтчиками товариществѣ на вѣрѣ подъ фирмою „П. Т. Ильинъ и К°“, для производства оптовой торговли хлѣбнымъ виномъ, водками, пивомъ и медомъ въ г. Лугѣ и во всѣхъ уѣздахъ С.-Петербургской губерніи. Изъ дѣла видно, что, учреждая вышесказанное товарищество, Ильинъ, Болотовъ, Александровъ и Кирпичниковъ заключили 12 іюня 1874 г. между собою договоръ, коимъ участіе ихъ въ семъ товариществѣ опредѣлено слѣдующимъ образомъ: полнымъ товарищемъ состоитъ Ильинъ, а Кирпичниковъ, Александровъ и Болотовъ вкладчиками на вѣрѣ (п. 3). Складочный капиталъ товариществомъ опредѣленъ въ 80.000 руб., въ коихъ Ильинъ и Кирпичниковъ участвуютъ по 28.000 руб. каждый, Александровъ въ 16.000 руб., и Болотовъ 8.000 руб.; въ счетъ этихъ долей складочнаго капитала включены доли каждаго пайщика въ прежнемъ товариществѣ подъ фирмою „Ильинъ и К°“, уничтоженномъ съ учрежденія новаго, каковыя доли составляютъ 50.000 руб., включая въ эту сумму принадлежавшіе прежней фирмѣ и переходящіе въ собственность новой водочный заводъ и складъ со всѣми заведеніями, устройствомъ, приспособленіями и землею (п. 4), причемъ Ильинъ обязался совершить на имя фирмы новаго товарищества купчую крѣпость на означенное недвижимое имущество по вводѣ его во владѣніе таковымъ (п. 1 прим. 2). Каждому товарищу предоставляется право во всякое время ревизовать книги, кассу и вообще всѣ операціи товарищества (п. 9). Ежегодно въ теченіе іюля мѣсяца торговыя книги должны быть заключены и составленъ подробный балансъ; отчетъ и балансъ товарищества за истекшій годъ представляются полнымъ товарищемъ общему собранію не позже 1 сентября наступившаго торговаго года, причемъ каждый участникъ получаетъ копію (п. 10). Годовой отчетъ, противъ котораго никѣмъ изъ товарищей не будетъ предъявлено

никакихъ возраженій въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня предъявленія его общему собранію, считается признаннымъ правильнымъ и затѣмъ никакіе уже споры противъ него впослѣдствіи не допускаются (п. 11). Чистая прибыль распредѣляется между участниками пропорціонально ихъ долямъ въ складочномъ капиталѣ (п. 12). Существованіе товарищества не ограничено никакимъ срокомъ, а также, какъ и измѣненіе самыхъ условій договора, зависитъ отъ общаго собранія (п. 14). Передача которымъ-либо изъ участниковъ товарищескихъ его правъ постороннему лицу можетъ послѣдовать не иначе, какъ по постановленію общаго собранія и по совершеніи вновь узаконеннаго на то договора (п. 15). Въ случаѣ смерти полнаго товарища или вкладчика, капиталъ умершаго выдѣляется его наслѣдникамъ въ теченіе одного года со дня смерти, со всѣми на то число прибылями и убытками и съ указанными съ того времени по день выдѣла процентами (п. 20). Для предохраненія торговаго предпріятія отъ разстройства въ случаѣ смерти полнаго товарища, на мѣсто его, для продолженія торговли подъ тою же фирмою, поступаетъ одинъ изъ вкладчиковъ по выбору большинства остальныхъ; для безостановочнаго же хода дѣла до выдѣла наслѣдниковъ, какъ полный товарищъ, такъ и каждый вкладчикъ назначаютъ, на случай своей смерти, въ запечатанныхъ пакетахъ, хранящихся при дѣлахъ фирмы, тѣхъ лицъ, которыя должны заступить мѣсто умершаго для наблюденія за ходомъ дѣла въ интересахъ ихъ наслѣдниковъ (п. 21). Основываясь на этомъ договорѣ и объясняя, что 19 іюля 1886 г. Петръ Ильинъ умеръ и все свое движимое и недвижимое имущество завѣщалъ ей, Ильиной, между тѣмъ вышепоименованные товарищи, захвативъ принадлежавшій ея, Ильиной, мужу пай, отказываютъ вопреки п. 20 договора 12 іюня 1874 г. въ выдачѣ ей такового, Ильина обратилась въ Спб. Ком. Судъ съ составляющимъ предметъ настоящаго дѣла искомъ. Оспаривая правильность рѣшенія Коммерческаго Суда, признавшаго этотъ искъ подлежащимъ удовлетворенію, повѣренный отвѣтчиковъ Александрова, Болотова и Кирпичниковой прежде всего указываетъ на то, что самое предъявленіе Ильиною настоящаго иска къ его довѣрителямъ, какъ къ самостоятельнымъ лицамъ, а не къ товариществу, неправильно, такъ какъ послѣднее продолжаетъ существовать подъ тою же фирмою и въ силу того же договора 12 іюня 1874 г. (п.п. 14 и 21), а потому требуемый Ильиной на основаніи 20 п. того же договора пай можетъ быть выдѣленъ ей именно и только товариществомъ въ лицѣ полнаго товарища Николая Кирпичникова, и что, независимо отъ сего, Анна Кирпичникова не можетъ быть привлечена къ отвѣтственности по иску Ильиной въ виду того, что она не унаслѣдовала отъ мужа своего, Ильи Кирпичникова, права на участіе въ товариществѣ подъ фирмою „П. Т. Ильинъ и К°“, вслѣдствіе передачи имъ, на основаніи 15 п. товарищескаго договора, обязательнаго и для Петра Ильина, права этого еще при жизни своей, а именно 20 января 1888 г., сыну Николаю Кирпичникову. Въ

отношеніи этихъ указаній апеллятора Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ слѣдуетъ изъ понятія о всякомъ договорѣ и обязательствѣ и буквальнаго смысла ст. ст. 569 и 570 т. X ч. 1, осуществленіе тѣхъ или другихъ правъ и обязанностей, договоромъ установленныхъ, возможно лишь между договорившимися, а потому и такъ какъ права и обязанности участниковъ товарищества полнаго или на вѣрѣ опредѣляются договоромъ, заключеннымъ между собою согласившимися на учрежденіе сего товарищества (ст. 79 Уст. Торг. и ст. 2132 т. X ч. 1), то и всякіе споры и требованія по поводу этихъ правъ и обязанностей могутъ предъявляться товарищами исключительно другъ къ другу, какъ контрагентамъ, принявшимъ на себя выполненіе опредѣленныхъ договоромъ обязанностей, а не къ товариществу, ими самими въ совокупности составляемому и съ ними ни въ какихъ договорныхъ правоотношеніяхъ не состоящему; отсюда очевидно, что и всякія требованія участниковъ товарищества подъ фирмою „П. Т. Ильинъ и К°“, въ качествѣ именно таковыхъ, основанныя на заключенномъ ими между собою 12 іюня 1874 г. договорѣ, могутъ быть предъявляемы ими лишь другъ къ другу, какъ взаимнымъ контрагентамъ, а не къ товариществу, какъ таковому, имѣющему самостоятельное юридическое значеніе лишь для третьихъ лицъ. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что предметъ искового требованія Ильиной составляетъ выдѣленіе ей, какъ наслѣдницѣ полнаго товарища Петра Ильина, принадлежавшаго ему въ названномъ товариществѣ пая съ причитающимися на оный прибылью и процентами; 2) что такое обязательство выдѣла наслѣдникамъ умершаго товарища пая его принято другъ передъ другомъ всѣми участниками въ означенномъ товариществѣ при заключеніи ими между собою договора 12 іюня 1874 г., каковое обязательство изложено въ п. 20 сего договора, Прав. Сенатъ находитъ, что предъявленіе означеннаго иска къ товарищамъ и контрагентамъ Ильина по помянутому договору должно быть признано вполнѣ правильнымъ, противные же сему доводы апеллятора незаслуживающими уваженія. Что же касается ссылки его на продолженіе существованія товарищества подъ тою же фирмою въ силу товарищескаго договора, а равно на то, что настоящій искъ затрагиваетъ и интересы этого товарищества, то таковая не можетъ имѣть какое-либо значеніе въ виду того, что постановленіе договора о безсрочности существованія товарищества и о замѣнѣ умершаго полнаго товарища для продолженія предпріятія подъ тою же фирмою имѣютъ значеніе лишь для оставшихся налицо товарищей и, очевидно, не освобождаютъ послѣднихъ отъ возложенной на нихъ приведеннымъ 20 п. договора обязанности предъ наслѣдниками умершаго; то же обстоятельство, что искъ Ильиной затрагиваетъ интересы нынѣ существующаго товарищества, должно быть признано для разрѣшенія вопроса о правильности этого иска безразличнымъ, такъ какъ онъ основаніемъ своимъ имѣетъ, какъ выше указано, договорныя отношенія наслѣдодателя истицы съ контрагентами его по

учрежденію товарищества—отвѣтчиками по настоящему дѣлу, а не съ нынѣ дѣйствующимъ товариществомъ. Равнымъ образомъ, неосновательнымъ является и указаніе апеллятора на неправильное, будто бы, привлеченіе къ настоящему дѣлу, въ качествѣ отвѣтчицы, Анны Кирпичниковой, по слѣдующимъ соображеніямъ. Какъ выше установлено, въ силу договора 12 іюня 1874 г. отвѣтственнымъ предъ наслѣдницею Ильина по выдѣлу ей пая послѣдняго, вмѣстѣ съ другими сотоварищами, долженъ быть признанъ и Илья Кирпичниковъ. Засимъ, какъ видно изъ содержанія п.п. 20 и 21 означеннаго договора, за смертью товарища, участіе его въ товариществѣ ограничивается правомъ наслѣдниковъ его на полученіе въ теченіе одного года всего того, что ему можетъ изъ общаго предпріятія причитаться, и правомъ имѣть въ теченіе этого времени своего представителя для наблюденія за операціями товарищества. Такимъ образомъ, для Петра Ильина и наслѣдницы его такая только передача которымъ-либо изъ его товарищей своихъ товарищескихъ правъ постороннему лицу могла бы быть признана обязательною, которая была бы совершена или при жизни его, Ильина, съ его согласія, или въ теченіе указаннаго въ 20 и 21 пунктахъ годового срока для выдѣла его пая съ согласія его замѣстителя. А потому и принимая во вниманіе, что на наличность въ данномъ случаѣ ни того, ни другого согласія апелляторъ вовсе не указываетъ, соглашеніе же участниковъ товарищества, въ коемъ Ильинъ за смертію, участія уже не принималъ, никакого значенія для преемниковъ правъ его имѣть, очевидно, не можетъ, Прав. Сенатъ приходитъ къ заключенію, что отвѣтственность Ильи Кирпичникова по договору 12 іюня 1874 г. должна быть возложена, за силою ст. 1259 т. X ч. 1, именно на наслѣдницу его Анну Кирпичникову, какъ-то вполнѣ правильно и призналъ Спб. Ком. Судъ. Признавая посему указанія апеллятора на неправильное предъявленіе Ильиною иска къ тремъ вышепоименованнымъ отвѣтчикамъ, какъ отдѣльнымъ лицамъ, незаслуживающими уваженія и переходя засимъ къ спору апеллятора по существу исковыхъ требованій Ильиной, Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ видно изъ дѣла, требованія эти слагаются изъ слѣдующихъ статей: 1) 28.000 руб. внесеннаго П. Т. Ильинымъ въ товарищество складочнаго капитала; 2) 130 р. 91 к., оставшихся на текущемъ счетѣ Ильина; 3) проценты за пользованіе товариществомъ причитавшимися Ильину прибылями за 1885 и 1886 г., выданными уже истицѣ, по день выдачи 494 р. 14 к.; 4) разность между увеличившейся и первоначальной стоимостью земли и построекъ, занятыхъ заводомъ и складомъ товарищества, въ размѣрѣ 35% общей суммы 10.430 руб.; 5) недополученная плата за пользованіе товариществомъ представленными П. Т. Ильинымъ залогами на сумму 19.325 руб. за время съ 1 іюля 1886 г. по день освобожденія таковыхъ 10 ноября 1887 г., 1.574 руб. 99 коп.; 6) проценты на указанныя выше суммы (1.574 руб. 99 к. и 130 руб. 91 коп.) по день предъявленія иска (22 іюня 1892 г.) изъ 6% го-

довыхъ 482 руб. 53 коп., и 7) суммы, уплаченныя Ильиною за страхованіе ею, какъ наслѣдницею П. Т. Ильина, $^{19}/_{49}$ частей означеннаго недвижимаго имущества съ 1887 по 1892 г.—599 руб. 28 коп., и за государственныя, городскія и другія повинности—500 руб. 83 коп. Не признавая изложеннаго разсчета истицы правильнымъ, отвѣтчики представили въ судъ свой разсчетъ, по которому, опредѣляя активъ П. Т. Ильина въ товариществѣ въ суммѣ 44.350 руб. 57 коп., показываютъ въ дебетѣ его 76.872 руб. 10 коп. Въ основаніе этого своего разсчета отвѣтчики указываютъ, что въ силу прим. 2 къ п. 1 договора 12 іюня 1874 г. Ильинъ обязался совершить на имя учреждавшагося симъ договоромъ товарищества купчую крѣпость на принадлежащіе ему заводъ со складомъ и постройками и землею подъ оными, вошедшіе въ счетъ стоимости его вклада 28.000 руб. въ суммѣ 11.742 руб. 75 коп., между тѣмъ, означенной купчей крѣпости Ильинъ, несмотря на вводъ его во владѣніе тѣмъ имуществомъ, не совершилъ, и имущество это, какъ родовое, перешло, по праву наслѣдства къ законнымъ его наслѣдникамъ, въ числѣ коихъ и къ истицѣ по настоящему дѣлу въ $^{19}/_{49}$ частяхъ. Въ виду этого обстоятельства отвѣтчики уменьшаютъ цифру вклада Ильина на 11.742 руб. 75 коп. и считаютъ таковой въ суммѣ 16.257 руб. 25 коп., составляющихъ уже не 35% общаго вкладочнаго капитала, а 23,82%, въ каковомъ послѣднемъ процентномъ отношеніи считаютъ и оставшуюся невыданною Ильину прибыль. Засимъ, соотвѣтственно указанному уменьшенію складочнаго капитала Ильина, отвѣтчики ставятъ ему въ дебетъ излишекъ полученной за тотъ же періодъ времени прибыли, исчислявшейся изъ разсчета 35%, а не 23,82%, въ суммѣ 54.517 руб. 11 коп. Далѣе, въ тотъ же дебетъ отвѣтчики ставятъ Ильину, пропорціонально наслѣдственной долѣ истицы, стоимость всѣхъ произведенныхъ товариществомъ на сказанное имущество затратъ по ремонту зданій, постройкѣ новыхъ, страхованію и по уплатѣ разнаго рода повинностей и налоговъ за время съ 1 іюля 1874 г. по 19 іюля 1886 г., всего на сумму 18.136 руб. 87 коп. Независимо сего, оспаривая права Ильина на полученіе съ товарищества 6% по представленнымъ имъ залогамъ вмѣсто 200 руб. въ годъ, которые имъ уплачивались истицѣ по настоящему дѣлу за тѣ же залоги, отвѣтчики дебетуютъ его на разницу въ суммѣ 2.184 руб. 79 коп. и наконецъ ставятъ въ дебетъ Ильина стоимость пріобрѣтеннаго имъ на свое имя, хотя и за счетъ товарищества, участка земли близъ станціи „Преображенское“ съ 6% за время съ 3 іюня 1882 г. по 19 октября 1892 г. 2.033 р. 33 коп. Обращаясь къ разсмотрѣнію спора апеллятора по первому предмету, Прав. Сенатъ находитъ, что таковой сводится къ обвиненію наслѣдодателя истицы П. Т. Ильина въ неисполненіи принятой имъ на себя по договору 12 іюня 1874 г. обязанности совершить купчую крѣпость, изъ чего отвѣтчики въ свою очередь выводятъ, что Ильинымъ внесенъ въ товарищество не весь обусловленный договоромъ вкладъ 28.000 руб., а на 11.742 руб. 75 коп. (стоимость земли,

завода и склада) меньшій. Но подобное обвиненіе могло бы имѣть подъ собою какую-нибудь почву лишь въ томъ случаѣ, если бы несовершеніемъ купчей крѣпости на заводъ и склады товарищество дѣйствительно лишилось бы возможности владѣть, пользоваться и распоряжаться этимъ имуществомъ, ибо въ данномъ случаѣ значеніе имѣютъ, очевидно, не формальное право собственности, а именно указанныя матеріальныя составныя части его. А такъ какъ товарищество съ самаго его возникновенія вступило въ пользованіе, владѣніе и распоряженіе упомянутымъ недвижимымъ имуществомъ и продолжаетъ пользоваться, владѣть и распоряжаться имъ и понынѣ, чего даже и не пытается отрицать апелляторъ, то о невнесеніи означеннаго имущества въ товарищество, въ видѣ вклада со стороны Ильина, не можетъ быть и рѣчи, и всѣ приводимыя по сему предмету объясненія отвѣтчикомъ должны быть признаны лишенными всякаго основанія. Впрочемъ, и сами отвѣтчики при жизни Ильина не придавали собственно несовершенію имъ купчей крѣпости никакого значенія, такъ какъ, не взирая на это, всегда признавали за Ильинымъ право на участіе въ прибыляхъ товарищества въ размѣрѣ именно 35% и ни книгъ, ни годовыхъ отчетовъ товарищества, въ коихъ причитавшаяся Ильину прибыль постоянно исчислялась по этому пропорціональному отношенію, въ установленный на то п. 11 договора 12 іюня 1874 г. срокъ никогда не оспаривали, да и оспаривать такового права Ильина не могли, ибо, только благодаря пользованію этимъ предоставленнымъ Ильинымъ товариществу имуществомъ, они и могли получать свои по товарищескому предпріятію выгоды, которыхъ помимо эксплоатаціи товариществомъ земли, завода и складовъ, очевидно, и существовать не могло. Что же касается заявленія апеллятора о томъ, что товарищи Ильина по предпріятію, будто бы, не знали того, что купчая крѣпость на имя товарищества не совершена, вслѣдствіе чего никакихъ протестовъ не заявляли, то таковое, по явной невѣроятности своей, не можетъ быть принято во вниманіе. Имѣя засимъ въ виду: 1) что въ настоящее время земля, заводъ и склады находятся въ исключительномъ распоряженіи товарищества, того же, чтобы къ такому безпрепятственному распоряженію этимъ имуществомъ встрѣчались какія-либо затрудненія, наносящія имъ матеріальный ущербъ, отвѣтчики вовсе не утверждаютъ; 2) что засимъ, хотя апелляторъ и заявляетъ, что послѣ смерти Ильина товариществу пришлось пріобрѣсти означенное имущество въ $^{30}/_{49}$ частяхъ отъ прочихъ, кромѣ истицы Ильиной, наслѣдниковъ его, но однако отъ представленія объясненій о томъ, на какихъ именно основаніяхъ состоялось это пріобрѣтеніе упорно уклоняется и никакихъ самостоятельныхъ по сему предмету требованій, которыя могли бы подлежать зачету въ исковыя требованія Ильиной, въ настоящемъ дѣлѣ къ сей послѣдней не предъявляетъ; 3) что отъ совершенія съ своей стороны безвозмездно купчей крѣпости на перешедшія формально къ ней $^{19}/_{49}$ частей имущества Ильина вовсе не отказывается, если только товарищами будутъ относительно выдѣла ея во всемъ

соблюдены постановленія договора, о чемъ ею и предъявленъ настоящій искъ, Прав. Сенатъ признаетъ, при такихъ условіяхъ, споръ отвѣтчиковъ противъ иска Ильиной, поскольку этотъ споръ основанъ на неисполненіи Ильинымъ обязанности совершить купчую крѣпость, а засимъ и обусловленное этимъ споромъ поставленіе ими въ дебетъ счета Ильина излишне якобы полученной Ильинымъ по предпріятію изъ разсчета 35% прибыли и всѣхъ затратъ по ремонту и возведенію новыхъ зданій, выгодою изъ коихъ, какъ уже указано, пользовались и продолжаютъ пользоваться отвѣтчики, незаслуживающими уваженія, вслѣдствіе чего и искъ Ильиной, въ части требованія складочнаго капитала 28.000 руб., оставшейся на текущему счету Ильина суммы—130 руб. 91 к., и процентовъ за пользованіе отвѣтчиками прибылями Ильина за 1885 и 1886 г. по день выдачи ихъ истицѣ 494 руб. 14 коп., какъ основанный на прямомъ постановленіи договора (п. 20), долженъ быть признанъ подлежащимъ удовлетворенію. Буде же Ильина, вопреки настоящему положенію вещей и собственнымъ ея заявленіямъ, впослѣдствіи заявитъ на имущество товарищества, составляющее въ силу самаго договора и фактически достояніе товарищества, какія-либо притязанія, то отъ товарищества будетъ зависѣть предъявить къ ней требованіе о понужденіи ея къ совершенію формальной купчей крѣпости или къ уплатѣ стоимости имущества, нынѣ находящагося однако въ спокойномъ и безпрепятственномъ владѣніи его. Переходя засимъ къ разсмотрѣнію четвертой статьи иска Ильиной—требованія 35% разницы между первоначальною и современною стоимостью внесеннаго Ильинымъ въ товарищество недвижимаго имущества, Прав. Сенатъ находитъ, что 20 п. договора 12 іюня 1874 г. установленъ выдѣлъ наслѣдникамъ умершаго товарища изъ товарищескаго предпріятія капитала со всѣми прибылями и убытками. Подъ понятіемъ же „прибыли“ должно разумѣть всякое приращеніе къ имуществу общаго предпріятія, въ видѣ ли результата торговаго оборота, или въ видѣ повышенія стоимости товарищескаго имущества и т. п., подобно тому, какъ къ числу убытковъ относилась бы, очевидно, убыль этого имущества, утрата имъ своей цѣнности,—а посему къ числу подлежащихъ выдѣлу наслѣдникамъ умершаго товарища согласно договору прибылей должна быть отнесена и разница между стоимостью принадлежащаго товариществу недвижимаго имущества, въ который таковое было принято какъ вкладъ одного изъ товарищей и стало общимъ достояніемъ всего товарищества, и дѣйствительною стоимостью онаго ко времени выдѣла, буде такая разница въ стоимости этого имущества дѣйствительно окажется. Обогащеніе же такою наросшею ко дню смерти товарища стоимостью имущества однихъ оставшихся въ живыхъ товарищей, безъ выдѣла соотвѣтствующей доли наслѣдникамъ умершаго, не находило бы себѣ достаточнаго оправданія, тѣмъ болѣе, что, по словамъ самого апеллятора, увеличеніе стоимости товарищескаго имущества, т. е. собственно вклада Ильина, произошло отъ затратъ на улучшеніе онаго, произведенныхъ со

стороны самого товарищества, въ затратахъ же этихъ, чего не отрицаетъ и апелляторъ, несомнѣнно, наряду съ прочими товарищами участвовалъ, соотвѣтственно его долѣ, и Ильинъ, а потому, соотвѣтственно этой же долѣ (какъ того только и добивается Ильина), онъ и долженъ участвовать въ результатѣ этихъ затратъ, т. е. въ образовавшемся вслѣдствіе оныхъ увеличеніи стоимости товарищескаго имущества. Въ виду сего Прав. Сенатъ находитъ, что СПБ. Ком. Судъ, признавъ за истицею Ильиною право требовать пропорціонально долѣ участія мужа и наслѣдодателя ея въ товариществѣ „П. Т. Ильинъ и К°“ образовавшагося на стоимости предоставленнаго послѣднимъ товариществу имущества (земли, завода и склада) излишка, поступилъ вполнѣ правильно. Что же касается ссылки апеллятора на то, что означенное имущество находится во владѣніи Ильиной, какъ собственницы онаго, то таковая не заслуживаетъ уваженія, какъ противорѣчащая дѣйствительности, ибо, какъ уже указано, имущество это со дня учрежденія товарищества подъ фирмаю „П. Т. Ильинъ и К°“ по настоящее время находится въ полномъ и безпрепятственномъ владѣніи и пользованіи товарищества, со стороны Ильиной ничѣмъ фактически не нарушаемомъ, и служило и служитъ источникомъ получаемой товариществомъ прибыли, отказа же отъ совершенія купчей крѣпости на ея часть въ семъ имуществѣ со стороны Ильиной не заявлялось и не заявляется. Переходя засимъ къ опредѣленію самаго размѣра исковыхъ по этой статьѣ требованій Ильиной, Прав. Сенатъ находитъ, что самый фактъ возрастанія стоимости недвижимаго имущества товарищества долженъ почитаться вполнѣ по дѣлу установленнымъ представленнымъ истицею удостовѣреніемъ Лужской городской управы отъ 5 ноября 1892 г. за № 1020, изъ котораго видно, что означенное имущество по книгамъ управы значилось оцѣненнымъ съ 1874 по 1881 г. въ 12.000 руб., а валовая доходность въ 2.000 руб., а съ 1881 г. по 1887 г. оцѣнка увеличилась до 20.000 р., а доходность въ 4.000 руб. Что же касается дѣйствительной стоимости сего имущества ко времени смерти Ильина, то таковая опредѣлена Коммерческимъ Судомъ посредствомъ капитализаціи валовой доходности онаго въ послѣдніе года (4.000 руб.), по исключеніи изъ нея расходовъ на повинности, страхованіе и ремонтъ, изъ 6% годовыхъ въ 37.000 руб., а самый излишекъ противъ оцѣнки сего имущества въ договорѣ (7.197 р. 75 к.), въ 29.802 руб., 35% каковой суммы, причитающіеся Ильину, составляютъ 10.430 руб. Противъ этого разсчета апелляторъ возражаетъ, что исчисленная судомъ стоимость товарищескаго имущества 37.000 руб. не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ, согласно книгамъ товарищества, имущество это, оцѣненное при заключеніи товарищескаго договора вмѣстѣ съ принадлежностями завода въ 11.742 руб. 75 коп., возросло въ стоимости ко дню смерти Ильина всего только до 11.749 руб., такъ что излишекъ стоимости выражается лишь въ суммѣ 6 руб. 20 коп., и что независимо отъ сего, должно быть признано неправильнымъ исключеніе судомъ изъ

установленной имъ стоимости имущества 37.000 руб., лишь первоначальной оцѣнки самаго завода со складомъ и землею подъ оными 7.197 руб. 75 коп., а не стоимости сего имущества въ полномъ его составѣ, въ совокупности съ аппаратами и приспособленіями, оцѣненными тогда же въ 4.545 руб. Обращаясь къ первому возраженію апеллятора, Прав. Сенатъ находитъ, что ссылка его на товарищескія книги не можетъ имѣть рѣшающее въ разсматриваемомъ вопросѣ значеніе уже потому, что, по объясненію самого апеллятора, по книгамъ и отчетамъ товарищества стоимость имущества всегда показывалась въ первоначальной оцѣнкѣ его, какъ вклада Ильина, съ присоединеніемъ лишь расходовъ товарищества на ремонтъ, возведеніе новыхъ построекъ и улучшеніе аппаратовъ, которые затѣмъ однако погашались изъ доходовъ предпріятія; такимъ образомъ, очевидно, эти книги и отчеты не могутъ выражать дѣйствительной стоимости имущества, разница между каковою стоимостью и первоначальною оцѣнкою и составляетъ предметъ искового требованія Ильиной. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что противъ правильности самаго способа исчисленія судомъ доходности означеннаго имущества и капитализаціи таковой апелляторъ не споритъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не указываетъ на какой-либо другой, кромѣ книгъ товарищества, способъ установленія дѣйствительной стоимости имущества, Прав. Сенатъ находитъ, что эта послѣдняя должна быть принята, какъ то и сдѣлано Ком. Судомъ, въ 37.000 руб., тѣмъ болѣе, что принятая за основаніе этого разсчета оцѣнка этого имущества городскою управою, во всякомъ случаѣ, по вполнѣ правильному заключенію суда, не можетъ быть признана преувеличенною, а скорѣе ниже дѣйствительной. Что же касается вопроса о томъ, входитъ ли въ эту сумму 37.000 руб. одна недвижимость въ тѣсномъ смыслѣ слова, или въ ней заключаться должна и та движимость, которая составляетъ необходимую принадлежность водочнаго завода (очистительные аппараты, резервуары, желѣзный кубъ, холодильники съ приборами и проч.), то въ этомъ отношеніи Прав. Сенатъ находитъ, что, согласно точнаго смысла ст. 37 и 42 т. V Уст. о Прям. Налогахъ, изд. 1893 г., государственные налоги и городскія и земскія повинности, подлежащіе взиманію съ даннаго недвижимаго имущества, опредѣляются въ соображеніи относительной стоимости онаго и приносимой имъ выгоды. Изъ сего слѣдуетъ, что при опредѣленіи налога и повинностей, причитающихся съ фабрики или завода, имѣетъ мѣсто не оцѣнка ихъ только какъ недвижимости, а оцѣнка относительная, т. е. какъ учрежденій, могущихъ приносить данный доходъ именно и только въ качествѣ таковыхъ, а потому полученная отъ капитализаціи опредѣленной для взиманія налога и повинностей доходности сумма выражаетъ стоимость фабрики или завода въ цѣломъ составѣ, т. е. вмѣстѣ съ принадлежностями ихъ, указанными въ ст. 388 т. X ч. I. Въ виду сего соображенія, Прав. Сенатъ находитъ, что изъ вышеуказанной, установленной Ком. Судомъ оцѣнки переданнаго Ильинымъ товариществу недви-

жимаго имущества—37.000 руб., должна быть исключена не только опредѣленная при учрежденіи товарищества стоимость зданій и склада и земли подъ оными, но установленная тогда же стоимость заводскихъ аппаратовъ и приспособленій, и такимъ образомъ подлежащій за смертью Ильина раздѣлу между оставшимися въ живыхъ товарищами и наслѣдницею Ильина, истицею по настоящему дѣлу, излишекъ въ стоимости товарищескаго недвижимаго имущества, какъ прибыли, опредѣлится въ суммѣ 25.257 руб. 25 коп. (37.000 р.—11.742 р. 75 к., т. е. 7.197 р. 75 к. заводъ, складъ и земля и 4.545 р. очистительные аппараты и др. приспособленія), а слѣдовательно на долю Петра Ильина придется 35% изъ 25.257 р. 25 к.=8.840 р. 4 к., въ каковой суммѣ искъ Ильиной по этой статьѣ и долженъ быть признанъ подлежащимъ удовлетворенію. Обращаясь затѣмъ къ спору отвѣтчиковъ относительно требованія Ильиной уплаты процентовъ на представленные ея наслѣдодателемъ товариществу залоги на сумму 19.325 руб. за время съ 1 іюля 1886 г. по 10 ноября 1887 г., когда таковые были ей возвращены, изъ разсчета 6% годовыхъ, Прав. Сенатъ находитъ, что основаніемъ этого спора служитъ то обстоятельство, что Ильинъ, получая съ товарищества 6% годовыхъ за сказанные залоги, платилъ за оные женѣ своей всего лишь по 200 руб. въ годъ, каковую сумму отвѣтчики и признаютъ только себя обязанными возмѣстить Ильиной. Въ отношеніи этого вопроса Прав. Сенатъ прежде всего находитъ, что, какъ то признано самими отвѣтчиками, товарищество согласилось платить Ильину по представленнымъ имъ за товарищество залогамъ 6% годовыхъ, каковая уплата и производилась ему съ 1 января 1883 г. по 17 іюля 1886 г. и проводилась по книгамъ и всѣмъ не оспаривавшимся отчетамъ товарищества, вслѣдствіе чего уже одного, въ виду п. 11 договора 12 іюня 1874 г., всякіе по сему предмету споры представляются неуважительными. Но, независимо отъ сего, разсматриваемый споръ отвѣтчиковъ не заслуживаетъ уваженія и потому, что договоръ Ильина съ своею женою объ уплатѣ ей за пользованіе принадлежащими ей процентными бумагами, въ качествѣ залога, 200 р. въ годъ, никакого значенія въ смыслѣ размѣра %, уплачиваемыхъ по залогамъ Ильину со стороны товарищества, имѣть не можетъ, ибо отношенія Ильина къ товариществу опредѣлялись не соглашеніемъ Ильина съ его женою, а вышеуказаннымъ соглашеніемъ его съ товариществомъ. Что же касается ссылки апеллятора на выданную Ильину товариществомъ 16 февраля 1883 г. довѣренность на пріобрѣтеніе залоговъ, то таковая не заслуживаетъ уваженія въ виду того, что апелляторомъ вовсе не доказано, чтобы именно этою довѣренностью, выданною ему къ тому же уже послѣ представленія товариществу залоговъ, Ильинъ воспользовался для полученія помянутыхъ процентныхъ бумагъ отъ своей жены. По изложеннымъ соображеніямъ Прав. Сенатъ находитъ дебетованіе Ильина отвѣтчиками въ представленномъ суду разсчетѣ на 2.181 р. 79 к. разницы между платою, произведенною товариществомъ Ильину

по залогамъ по разсчету изъ 6% годовыхъ и тою, которую послѣдній производилъ своей женѣ, истицѣ по настоящему дѣлу, неправильнымъ, исковое же требованіе Ильиной по этой статьѣ—объ уплатѣ ей, какъ наслѣдницѣ Ильина, за пользованіе товариществомъ означенными залогами съ 1 іюля 1886 г. по 10 ноября 1887 г., когда таковые были ей возвращены, 6% годовыхъ, всего 1.674 руб. 99 коп., какъ основательное, подлежащимъ удовлетворенію. Переходя засимъ къ шестой статьѣ исковыхъ требованій Ильиной относительно процентовъ на вышеразсмотрѣнныя и признанныя правильными суммы иска ея—130 р. 91 к. и 1.574 р. 99 к.,—на первую, оставшуюся на текущемъ счету Ильина, съ 19 іюля 1886 г., т. е. со дня его смерти по день предъявленія настоящаго иска, а на вторую со дня возвращенія залоговъ 10 ноября 1887 г. по тотъ же срокъ, въ размѣрѣ 46 р. 52 к. и 436 р. 1 к., всего 482 р. 53 к., Прав. Сенатъ находитъ, что противъ этой части иска Ильиной апелляторомъ заявляется споръ лишь постольку, поскольку эти цифры стоятъ въ зависимости отъ вопроса о суммѣ складочнаго капитала Ильина и правильности ея требованія относительно вознагражденія за залоги, а потому и за разрѣшеніемъ сихъ послѣднихъ вопросовъ въ пользу истицы, и это ея требованіе должно быть признано подлежащимъ удовлетворенію. Обращаясь, наконецъ, къ послѣдней статьѣ исковыхъ требованій Ильиной, а именно о возвратѣ ей уплатъ, произведенныхъ съ 1887 по 1892 г. за страхованіе завода и склада—599 руб. 28 коп. и по взносу государственныхъ налоговъ, городскихъ и земскихъ сборовъ 500 руб. 83 коп., Прав. Сенатъ находитъ, что, не говоря уже о томъ, что предметъ исковыхъ въ настоящемъ дѣлѣ требованій Ильиной составляютъ причитающіяся ей, какъ наслѣдницѣ Ильина, въ силу 28 п. товарищескаго договора ко дню его смерти къ выдѣлу изъ товарищества „П. Т. Ильинъ и К°“ суммы съ % на оныя, между тѣмъ только что приведенныя суммы представляютъ расходъ, произведенный истицею лично послѣ смерти Ильина и притомъ не въ качествѣ даже правопреемницы его по участію въ товариществѣ, означенное требованіе является неосновательнымъ и по существу, такъ какъ, по заявленію истицы, она почитала унаслѣдованное ею въ части недвижимое имущество принадлежащимъ отвѣтчикамъ и на таковое за собою никакихъ правъ не признавала, а потому производство ею сказанныхъ расходовъ на это имущество должно быть признано неоправдывающимся необходимостью и произвольнымъ, вслѣдствіе чего и къ возложенію на отвѣтчиковъ обязанности возмѣстить ей таковые не представляется основаній. По всѣмъ симъ соображеніямъ и принимая во вниманіе: 1) что послѣдняя статья счета Ильиной—проценты на капиталъ Ильина за срокъ со дня смерти послѣдняго—19 іюля 1886 г. по день предъявленія иска—22 іюня 1892 г., т. е. за 5 л. 11 м. 2 дня изъ 6% годовыхъ въ суммѣ 13.655 руб. 45 коп., въ основаніи ея отвѣтчиками не оспариваемая и вполнѣ согласная съ п. 20 договора 12 іюня 1874 г., выведена изъ разсчета на складочный капи-

талъ Ильина 28.000 р. + образовавшійся излишекъ въ стоимости недвижимаго имущества, составляющій, по мнѣнію истицы, на долю Ильина 10.430 рублей., между тѣмъ въ силу вышеприведенныхъ основаній этотъ излишекъ долженъ быть опредѣленъ въ 8.840 руб. 4 коп.; 2) что посему означенные проценты за тотъ же срокъ должны быть начислены на 36.840 руб. 4 коп. (28.400 + 8.840 руб. 4 коп.), что составитъ всего 13.090 руб. 50 коп., Прав. Сенатъ находитъ, что исковыя требованія Ильиной должны быть признаны подлежащими удовлетворенію въ суммѣ 52.613 руб. 11 коп. Что же касается затѣмъ объясненій отвѣтчиковъ относительно 2.033 руб. 33 коп. стоимости участка земли близъ ст. „Преображенское“, купленнаго Ильинымъ хотя и за счетъ товарищества, но на свое имя и засимъ товариществу непереданнаго, Прав. Сенатъ прежде всего находитъ, что всѣ приведенныя выше, показанныя отвѣтчиками статьи пассива отчета Ильина, а въ томъ числѣ и настоящая, не составляютъ встрѣчнаго искового требованія отвѣтчиковъ, заявленнаго ими съ цѣлью допущенія зачета или присужденія образовавшейся въ ихъ пользу по ихъ счету разницы, а представлены лишь въ видѣ возраженія противъ иска, какъ доказательство того, что Ильиной ничего съ нихъ причитаться не можетъ, въ виду того, что пассивъ счета ея наслѣдодателя превышаетъ активъ его. Между тѣмъ, за признаніемъ, согласно вышеизложеннымъ соображеніямъ, того обстоятельства, что Ильиной, какъ правопреемницѣ покойнаго Ильина, причитается съ отвѣтчиковъ всего 52.613 р. 11 к., а съ тѣмъ вмѣстѣ, съ признаніемъ и самаго начета отвѣтчиковъ на Ильина по дебету его счета 74.838 руб. 77 коп. и уменьшенія ими цифры складочнаго его капитала на 11.742 р. 75 к. неправильными, о превышеніи пассивомъ счета Ильина его актива не можетъ быть уже и рѣчи, а потому и такъ какъ означенные выше 2.033 р. 33 к., отдѣльно взятые, даже и поставленные въ дебетъ счета, никакого рѣшающаго значенія имѣть не могутъ, Прав. Сенатъ находитъ, что статья эта не требуетъ обсужденія въ предѣлахъ настоящаго производства, а потому и оставленіе ея безъ разсмотрѣнія Ком. Судомъ должно быть признано вполнѣ правильнымъ. Признавая такимъ образомъ отвѣтчиковъ Александрова, Болотова и Кирпичникову обязанными уплатить Ильиной 52.613 р. 11 к. и обращаясь къ вопросу о порядкѣ этой отвѣтственности, Прав. Сенатъ находитъ: 1) что согласно закону (ст. 1548 т. X ч. I), если нѣсколько лицъ приняли на себя обязательство по одному и тому же договору, не постановивъ, что при исполненіи договора отвѣтствуютъ каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго, то каждый отвѣчаетъ лишь за себя въ падающей на него долѣ обязательства; 2) что въ договорѣ 12 іюня 1874 г. о солидарной другъ за друга отвѣтственности товарищей по отношенію къ исполненію принятыхъ ими на себя другъ передъ другомъ обязательствъ не установлено, а потому къ возложенію таковой на отвѣтчиковъ по составляющему предметъ настоящаго дѣла иску Ильиной не представляется основаній;

3) что засимъ отвѣтственность эта не можетъ опредѣляться и размѣрами вкладовъ отвѣтчиковъ въ товарищество „П. Т. Ильинъ и К°“, какъ указываетъ апелляторъ, такъ какъ отвѣтственность наличнымъ вкладомъ (ст. 83 Уст. Торг.) установлена закономъ, а равно и договоромъ 12 іюня 1874 г. по отношенію къ операціямъ товарищества, какъ самостоятельнаго контрагента третьихъ лицъ, а не по отношенію къ взаимнымъ между собою обязательствамъ товарищей; 4) что посему отвѣтчики Александровъ, Болотовъ и Кирпичникова должны отвѣтствовать передъ Ильиной по настоящему ея иску каждый въ своей части, т. е. въ одной трети присужденной ей исковой суммы. По всѣмъ симъ основаніямъ и принимая во вниманіе, что если, вслѣдствіе несовершенія Ильинымъ купчей крѣпости на переданное имъ товариществу имущество, отвѣтчики дѣйствительно понесли какіе-либо убытки, вызванные представившеюся необходимостью пріобрѣтенія ими этого имущества отъ наслѣдниковъ Ильина на имя товарищества, то отъ нихъ зависитъ предъявить о томъ къ Ильиной самостоятельный искъ отъ дѣла сего особо,—Прав. Сенатъ въ измѣненіе рѣшенія Спб. Ком. Суда присудилъ съ Тимофея Александрова, Ивана Болотова и Анны Кирпичниковой 52.613 р. 11 к. съ % со дня предъявленія иска въ одной трети съ каждаго (1894 г., № 64).

Тоже—при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Предметомъ дѣла является искъ одного пайщика къ другому пайщику золотопромышленной компаніи о присужденіи капитала и %, составляющихъ часть расходовъ, произведенныхъ по объясненію истца имъ однимъ изъ собственныхъ его средствъ на нужды паевого товарищества; упомянутая часть расходовъ опредѣлена истцомъ соотвѣтственно долѣ участія отвѣтчика (1905 г., № 515).

161. Исходя изъ того положенія, что въ товариществѣ на вѣрѣ, состоящемъ изъ одного полнаго товарища и нѣсколькихъ вкладчиковъ, личность товарищества сосредоточивается въ одномъ товарищѣ, который является распорядителемъ и собственникомъ предпріятія и отвѣтственнымъ, слѣдовательно, лицомъ, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что предъявленіе иска о признаніи товарищескаго договора нарушеннымъ полнымъ товарищемъ къ товариществу, а не къ полному товарищу, представляется безразличнымъ, дѣлая отвѣтственнымъ лишь одного этого товарища (1911 г., № 2026).

162|112. Признаніе въ предѣлахъ уголовнаго производства имущественной отвѣтственности одного лица не исключаетъ права требовать признанія подобной же отвѣтственности и за другими лицами, разъ отношенія ихъ таковы, что отвѣтственность эта можетъ быть установлена.

Если между лицами, входившими въ составъ фирмы, не было заключено особаго письменнаго договора, то обстоятельство это не можетъ снимать съ нихъ отвѣтственности передъ третьими лицами, вступившими въ сдѣлку именно съ фирмою. Коль скоро установленіе между наслѣдниками полнаго товарищества подъ извѣстною фирмою и всѣхъ условій его опредѣлено духовнымъ завѣщаніемъ наслѣдодателя, принятымъ наслѣдниками къ исполненію, въ особомъ учредительскомъ товарищескомъ договорѣ не представляется надобности.

Управляющимъ банкирскою конторою подъ фирмою „Е. Казаринъ“, С.-Петербургскимъ купцомъ Иваномъ Казаринымъ, приняты были въ означенной конторѣ отъ тайнаго совѣтника Мезенцова подъ квитанціи за №№ 1326, 1341 и 1345 процентныя бумаги, заключающіяся въ облигаціяхъ 6% золотой ренты на 55.000 руб. номинальныхъ, банковыхъ билетахъ 2-го выпуска на 150.000 руб. номинальныхъ и 4½% закладныхъ листахъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита на 60.000 р. частью для обмѣна мелкихъ листовъ на крупные, частью для внесенія ихъ въ Государственный Банкъ на храненіе. Съ цѣнностями этими Иванъ Казаринъ не поступилъ, однако, согласно приказу Мезенцова, а внесъ ихъ на особый текущій счетъ конторы „Е. Казаринъ“ въ Волжско-Камскій Банкъ и С.-Петербургское Отдѣленіе Сибирскаго Банка. Привлеченный за эти дѣйствія къ уголовному суду и признанный присяжными засѣдателями виновнымъ въ присвоеніи означенныхъ выше % бумагъ, Иванъ Казаринъ приговоренъ С.-Петербургскимъ Окружнымъ Судомъ по лишеніи всѣхъ особыхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ къ заключенію на 2 года въ тюрьму, предъявленный же къ нему со стороны опеки Мезенцова гражданскій искъ признанъ судомъ подлежащимъ удовлетворенію въ суммѣ 338.075 руб. Основываясь на изложенныхъ обстоятельствахъ и ссылаясь на то, что покойный Мезенцовъ по операціямъ съ % бумагами имѣлъ дѣло не съ Иваномъ Казаринымъ лично, а какъ съ управляющимъ банкирскою конторою подъ фирмою „Е. Казаринъ“; что фирму эту, согласно завѣщанію умершаго Егора Казарина, составляли совмѣстно съ Иваномъ Казаринымъ вдова его Агриппина и сыновья Василій и Георгій Казарины, которые и производили банкирскія операціи конторы на общій капиталъ; что, посему, означенныя лица, какъ полные товарищи фирмы, незаконно обогатившіеся принадлежавшимъ Мезенцову имуществомъ, обязаны возвратить наслѣдникамъ его стоимость такового, отвѣчая въ этомъ отношеніи другъ за друга солидарно, повѣренный наслѣдницъ Мезенцова—княгинь Наталіи Оболенской-Нелединской-Мелецкой и Софіи Масальской, присяжный стряпчій

Денъ, предъявилъ въ С.-Петербургскомъ Ком. Судѣ искъ къ Агриппинѣ, Василію и Георгію Казаринымъ о взысканіи съ нихъ съ солидарною отвѣтственностью и безраздѣльно съ Иваномъ Казаринымъ въ пользу истицъ остальныхъ, за поступившими уже уплатами, 332.126 руб. 58 коп. съ % съ 22 сентября 1888 г. Приступая вслѣдствіе апелляціонной жалобы повѣреннаго Агриппины, Василія и Георгія Казариныхъ, присяжнаго стряпчаго Измайлова, къ обсужденію правильности постановленнаго по настоящему дѣлу рѣшенія Спб. Ком. Суда, признавшаго исковыя требованія наслѣдницъ Мезенцова подлежащими удовлетворенію, Прав. Сенатъ находитъ, что апелляторъ, не оспаривая факта принятія Иваномъ Казаринымъ отъ Мезенцова бумагъ, стоимость коихъ нынѣ отыскивается съ его довѣрителей, и взноса ихъ на особый текущій счетъ банкирской конторы „Е. Казаринъ“ въ Волжско-Камскій Коммерческій Банкъ и въ С.-Петербургское Отдѣленіе Сибирскаго Банка, противъ настоящаго иска наслѣдницъ Мезенцова и состоявшагося по сему дѣлу рѣшенія С.-Петербургскаго Ком. Суда приводитъ слѣдующія возраженія: 1) преступное дѣяніе, послужившее основаніемъ настоящему иску наслѣдницъ Мезенцова, было дѣломъ лично одного только Ивана Казарина, безъ всякаго соучастія другихъ совладѣльцевъ фирмы: Агриппины, Василія и Георгія Казариныхъ, не привлеченныхъ къ уголовному дѣлу ни по обвиненію ихъ въ растратѣ принадлежащихъ Мезенцову цѣнностей, ни по обвиненію ихъ въ укрывательствѣ слѣдовъ преступленія, вслѣдствіе чего эти послѣдніе и не могутъ быть признаны отвѣтственными въ причиненныхъ означеннымъ преступленіемъ убыткахъ, тѣмъ болѣе, что сумма этихъ убытковъ присуждена уголовнымъ судомъ съ одного Ивана Казарина; 2) банкирская контора „Е. Казаринъ“ никогда не была полнымъ товариществомъ, такъ какъ между владѣльцами ея не было вовсе заключено товарищескаго договора, какъ того требуетъ ст. 757 т. XI ч. 2, а слѣдовательно не могло быть сдѣлано и оповѣщенія купечества и внесенія выписи изъ договора въ магистратъ или думу (ст. 766 тѣхъ же законовъ), напротивъ того, всѣ права на производство торга въ означенной конторѣ брались на имя одной только Агриппины Казариной и несовершеннолѣтніе Василій и Георгій Казарины ни лично, ни чрезъ своихъ законныхъ представителей не принимали никакого участія въ веденіи дѣла; хотя же въ купеческую управу и была представлена копія съ духовнаго завѣщанія Егора Казарина, но таковая, очевидно, не можетъ замѣнить собою требуемое закономъ представленіе товарищескаго договора, какъ и вообще означенное завѣщаніе не можетъ установить торговаго дома. Отвѣтчики по настоящему дѣлу были не болѣе какъ участниками права общей собственности и права общаго владѣнія, о которомъ говорится въ ст. 543 т. X ч. 1, и, какъ таковые, могли бы быть признаны отвѣтственными по настоящему иску лишь по соразмѣрности принадлежащихъ имъ частей, а никакъ не солидарно, но и то лишь въ томъ случаѣ, если бы дѣйствія Ивана Казарина, за которыя они привлекаются къ отвѣтственности, были совершены съ общаго ихъ

согласія, чего въ данномъ случаѣ, очевидно, не имѣется; 3) цѣнностями, принадлежавшими Мезенцову и внесенными на текущіе счета конторы „Е. Казаринъ“ въ Волжско-Камскій Коммерческій Банкъ и С.-Петербургское Отдѣленіе Сибирскаго Банка, въ дѣйствительности воспользовался одинъ Иванъ Казаринъ, который вообще распоряжался открытыми конторѣ въ банкахъ счетами безъ всякаго участія другихъ совладѣльцевъ конторы; 4) на одной изъ представленныхъ къ дѣлу квитанцій конторы отъ 17 іюня 1888 г., № 1345 вычеркнуто слово „пятьсотъ“ и внизу вырѣзана тонкая полоска бумаги, почему квитанція эта за силою 249 ст. Уст. Суд. Торг. какой-либо доказательной силы имѣть не можетъ, и, наконецъ, 5) несовершеннолѣтніе Василій и Георгій Казарины во всякомъ случаѣ не могутъ быть признаны отвѣтственными за дѣйствія, ими не совершенныя и на совершеніе которыхъ они не уполномочивали Ивана Казарина, тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ о продолженіи торговли, послѣ смерти Егора Казарина, не имѣется ни одной бумаги, подписанной ихъ опекунами, или хотя бы даже одною Агриппиною Казариною въ качествѣ опекунши. Обращаясь къ обсужденію этихъ возраженій апеллятора въ приведенномъ порядкѣ ихъ послѣдовательности, Прав. Сенатъ относительно перваго изъ нихъ находитъ, что сущность настоящаго иска наслѣдницъ Мезенцова заключается именно въ установленіи того, насколько за дѣйствія, учиненныя хотя непосредственно и однимъ только Иваномъ Казаринымъ, но въ качествѣ управляющаго и участника конторы подъ фирмою „Е. Казаринъ“, могутъ быть признаны имущественно отвѣтственными и остальные участники этой фирмы. А потому и не касаясь уголовной стороны дѣла, не имѣющей къ настоящему производству никакого отношенія, если въ порядкѣ уголовнаго производства къ отвѣтственности за учиненное имъ присвоеніе чужой собственности и былъ привлеченъ лично одинъ только Иванъ Казаринъ, то обстоятельство это, само по себѣ, никакого значенія для разрѣшенія настоящаго дѣла имѣть не можетъ, ибо признаніе имущественной отвѣтственности одного лица, очевидно, не исключаетъ права требовать признанія подобной же отвѣтственности и за другими лицами, разъ отношенія ихъ таковы, что отвѣтственность эта можетъ быть установлена. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что отвѣтчиками по настоящему дѣлу вовсе не оспаривается ни то обстоятельство, что спорныя процентныя бумаги были переданы Мезенцовымъ Ивану Казарину именно какъ управляющему конторою подъ фирмою „Е. Казаринъ“ и приняты именно означенною конторою, на управленіе дѣлами которой Иванъ Казаринъ дѣйствительно былъ уполномоченъ, ни то, что они состоятъ соучастниками этой фирмы,—Прав. Сенатъ не можетъ не признать спора апеллятора противъ права истицъ на предъявленіе составляющаго предметъ настоящаго дѣла иска къ Агриппинѣ, Василію и Георгію Казаринымъ, какъ владѣльцамъ фирмы „Е. Казаринъ“, неуважительнымъ. Переходя засимъ къ обсужденію второго возраженія апеллятора о томъ, что

владѣльцы банкирской конторы „Е. Казаринъ“ не составляли вовсе изъ себя торговаго дома или товарищества, такъ какъ между ними не было заключено товарищескаго договора, а являлись лишь участниками общей собственности и права общаго владѣнія,—Прав. Сенатъ находитъ, что если между лицами, входившими въ составъ фирмы „Е. Казаринъ“, дѣйствительно и не было заключено особаго письменнаго товарищескаго договора, то обстоятельство это, во всякомъ случаѣ, не можетъ вредно отразиться на интересахъ третьихъ лицъ, вступавшихъ въ сдѣлки именно съ фирмою, какъ таковою, и снимать съ участниковъ этой фирмы законную передъ сими послѣдними отвѣтственность, разъ по дѣлу будетъ установлено, что они по операціямъ фирмы дѣйствительно состояли между собою въ товариществѣ, были соединены воедино для производства общей торговли подъ общею фирмою, отъ имени которой и вступали въ сдѣлки съ третьими лицами посредствомъ уполномоченнаго на то представителя. Въ настоящемъ дѣлѣ въ подтвержденіе существованія между отвѣтчиками такого именно товарищества подъ фирмою „Е. Казаринъ“ повѣренный истицъ княгинь Оболенской-Нелединской-Мелецкой и Масальской, ссылается на духовное завѣщаніе умершаго Егора Казарина, утвержденное 28 мая 1882 г. С.-Петербургскимъ Окружнымъ Судомъ къ исполненію и принятое наслѣдниками Агриппиною, Василіемъ и Георгіемъ Казариными къ выполненію, въ коемъ Егоръ Казаринъ все свое недвижимое имущество и банкирскую свою контору, находящуюся въ С.-Петербургѣ въ большомъ Гостиномъ Дворѣ по Невскому пр., д. № 23, со всѣмъ активомъ и пассивомъ и устройствомъ завѣщалъ въ полную собственность женѣ своей Агриппинѣ въ 20% съ рубля, брату своему Ивану тоже въ 20%, а въ остальныхъ частяхъ дѣтямъ своимъ по равнымъ долямъ каждому. Въ третьемъ пунктѣ означеннаго духовнаго завѣщанія постановлено, что тотчасъ по смерти его, Егора Казарина, жена его Агриппина Казарина, назначенная и опекуншею надъ малолѣтними Казариными, должна принять въ полное свое распоряженіе и завѣдываніе банкирскую контору и продолжать безостановочно дѣла по конторѣ подъ прежнею фирмою „Е. Казаринъ“ и контора должна быть подъ управленіемъ брата завѣщателя Ивана Казарина, для чего въ случаѣ надобности она, Агриппина Казарина, должна будетъ внести гильдейскія повинности отъ своего имени, отчетъ же по операціямъ банкирской конторы долженъ быть отдаваемъ только опекунамъ, которые, съ своей стороны, обязаны отчетностью предъ сиротскимъ судомъ. Кромѣ того, въ 5 пунктѣ завѣщанія упоминается о причисленіи вырученныхъ отъ продажи недвижимыхъ имѣній денегъ къ общей наслѣдственной массѣ, о сдачѣ ихъ въ контору для оборота по торговлѣ и о томъ, что жена, братъ и сынъ завѣщателя могутъ получить свою часть наслѣдства не ранѣе, какъ по достиженіи младшимъ сыномъ Георгіемъ совершеннолѣтія, послѣ чего фирма должна перейти въ полную собственность къ дѣтямъ, если они этого пожелаютъ, въ противномъ случаѣ должна

остаться за братомъ. Изложенное содержаніе духовнаго завѣщанія Егора Казарина въ связи съ тѣмъ, что повѣренный отвѣтчиковъ Казариныхъ вовсе не отрицаетъ того, что довѣрители его приняли наслѣдство согласно духовному завѣщанію Егора Казарина и что контора подъ фирмою „Е. Казаринъ“ перешла къ нимъ именно на основаніи и на условіяхъ этого завѣщанія,—не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что уже самымъ принятіемъ наслѣдства послѣ Егора Казарина и приведеніемъ его завѣщанія въ исполненіе наслѣдники его, отвѣтчики по настоящему дѣлу, относительно дальнѣйшаго содержанія ими банкирской конторы подъ фирмою „Е. Казаринъ“ до срока, указаннаго въ завѣщаніи, составили изъ себя полное товарищество, и что, кромѣ того, въ особомъ учредительскомъ товарищескомъ договорѣ не предстояло вовсе надобности, такъ какъ всѣ условія существованія этого товарищества опредѣлены въ самомъ завѣщаніи, постановленіямъ котораго отвѣтчики добровольно подчинились. Что въ этомъ именно смыслѣ понимали значеніе духовнаго завѣщанія покойнаго Егора Казарина и сами отвѣтчики, лучше всего подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣ смерти Егора Казарина, въ томъ же 1882 г., Агриппиною Казариною, которой, какъ уже указано, поручено было по завѣщанію завѣдываніе и распоряженіе банкирскою конторою, представлена была въ Спб. купеч. управу, какъ копія съ его духовнаго завѣщанія, утвержденнаго уже судомъ къ исполненію, такъ и подписанное Агриппиною и Иваномъ Казариными—послѣднимъ какъ управляющимъ конторою—печатное обѣщаніе о томъ, что она, Агриппина Казарина, „согласно завѣщанію“ умершаго мужа своего (т. е. съ участіемъ всѣхъ прочихъ наслѣдниковъ), приняла въ полное завѣдываніе и распоряженіе оставшуюся послѣ него банкирскую контору подъ фирмою „Е. Казаринъ“ и что управленіе сказанною конторою, согласно тому же завѣщанію, ввѣрено Ивану Казарину, который и будетъ подписывать всѣ денежные документы и акты, касающіеся дѣлъ фирмы, каковыми дѣйствіями несомнѣнно и выполнено требованіе, преподанное закономъ, въ ст. 80 Уст. Торг., относительно открытія торговаго дома. Признавая посему объясненія повѣреннаго отвѣтчиковъ Казариныхъ о томъ, что между ними не было заключено особаго товарищескаго договора, что они не внесли въ надлежащее учрежденіе выписки изъ своихъ взаимныхъ постановленій и не обвѣстили купечество, въ виду вышеприведенныхъ данныхъ неуважительными, Прав. Сенатъ не можетъ не признать неосновательнымъ и указаніе просителя на то обстоятельство, что всѣ права на производство торговли въ конторѣ подъ фирмою „Е. Казаринъ“ были выправлены на имя одной только Агриппины Казариной, какъ въ виду точнаго постановленія по сему предмету въ самомъ завѣщаніи Егора Казарина о томъ, чтобы гильдейскія повинности были внесены Агриппиною Казариной отъ своего имени, такъ и вслѣдствіе необязательности на основаніи 5 п. 68 ст. Полож. о пошл. для Василія и Георгія Казариныхъ, какъ состоящихъ въ одномъ купечествомъ свидѣтельствѣ

съ Агриппиною Казариною, взятія особаго купеческаго свидѣтельства. По смыслу же 74 ст. Уст. Торг., помѣщенной въ главѣ „о полномъ товариществѣ", лица, имѣющія право состоять въ одномъ купеческомъ свидѣтельствѣ, производящія торговлю на правахъ товарищества, вполнѣ приравниваются къ полнымъ товарищамъ. Затѣмъ одно то обстоятельство, что билетъ на торговое заведеніе на 1888 г. выданъ былъ не на имя торговаго дома „Е. Казаринъ", а на имя Агриппины Казариной, торгующей подъ фирмою „Е. Казаринъ", само по себѣ, очевидно, еще не можетъ служить основаніемъ къ признанію товарищества, учреждавшагося согласно духовному завѣщанію Егора Казарина, о коемъ своевременно извѣщены были Купеч. Управа и купечество, несуществующимъ. Что же касается указанія апеллятора на незаконность 3 п. духовнаго завѣщанія Егора Казарина, коимъ распоряженіе банкирскою конторою подъ фирмою „Е. Казаринъ" предоставлено Агриппинѣ Казариной, а управленіе дѣлами ея Ивану Казарину, то въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что, если бы Казарины признавали означенный пунктъ завѣщанія незаконнымъ, то отъ нихъ же самихъ зависѣло не приступать къ его исполненію, не говоря уже о томъ, что противузаконность вообще какого-либо условія завѣщанія не дѣлала бы еще завѣщаніе ничтожнымъ и во всѣхъ прочихъ частяхъ. По всѣмъ приведеннымъ основаніямъ и принимая во вниманіе, что объясненіе повѣреннаго Казариныхъ о непринятіи Василіемъ и Георгіемъ Казариными никакого участія въ веденіи дѣлъ фирмы опровергается собственнымъ признаніемъ его на судѣ о томъ, что отчеты по операціямъ банкирской конторы „Е. Казаринъ" представлялись Иваномъ Казаринымъ опекунамъ, назначеннымъ надъ имуществомъ и личностью Василія и Георгія Казариныхъ, которые въ свою очередь представляли таковые сиротскому суду,—Прав. Сенатъ не можетъ не признать, что объясненія повѣреннаго Агриппины, Василія и Георгія Казариныхъ о томъ, что довѣрители его не были полными товарищами фирмы „Е. Казаринъ", а были участниками права общей собственности или права общаго владѣнія (ст. 543 т. X ч. 1), должны быть признаны несоотвѣтствующими обстоятельствамъ дѣла, изъ которыхъ вполнѣ ясно обнаруживается, что наслѣдники Егора Казарина, продолжая торговлю въ банкирской конторѣ подъ общею фирмою, образовали такую совокупность лицъ и имуществъ, которая составляла одно цѣлое и могла выступать въ качествѣ самостоятельнаго субъекта правъ и обязанностей,—особенность, владѣльцамъ правъ общей собственности или владѣнія вовсе не свойственная. Признавая по сему вполнѣ по дѣлу установленнымъ, что отвѣтчики Казарины въ дѣлахъ фирмы „Е. Казаринъ" участвовали на правахъ полныхъ товарищей, и что вслѣдствіе этого, возложеніе на нихъ, какъ на полныхъ товарищей, солидарной отвѣтственности по сдѣлкамъ, заключеннымъ представителемъ означенной фирмы отъ имени послѣдней, т. е. отъ имени всѣхъ ея товарищей, представляется въ виду 77 ст. Уст. Торг. вполнѣ правильнымъ, и переходя засимъ къ обсужденію

вопроса о томъ, можетъ ли фирма „Е. Казаринъ“, а слѣдовательно и всѣ входящіе въ составъ оной товарищи быть признаны въ данномъ, частномъ случаѣ отвѣтственными по сдѣлкѣ Мезенцова съ управляющимъ конторою фирмы—Иваномъ Казаринымъ, Прав. Сенатъ находитъ, что возраженія отвѣтчиковъ противъ возложенія на нихъ такой отвѣтственности сводятся къ тому: а) что внесенными Мезенцовымъ въ контору цѣнностями воспользовался одинъ Иванъ Казаринъ, безъ всякаго въ томъ участія другихъ совладѣльцевъ конторы, и б) что квитанція конторы за № 1345 не можетъ служить, за силою 249 ст. Уст. Суд. Торг., доказательствомъ количества принятыхъ по оной отъ Мезенцева бумагъ. Но первое изъ приведенныхъ возраженій отвѣтчиковъ представляется не только ничѣмъ по дѣлу недоказаннымъ, но прямо опровергается имѣющимися въ дѣлѣ данными, указывающими на поступленіе внесенныхъ Мезенцовымъ °/о бумагъ въ активъ банкирской конторы „Е. Казаринъ“: а именно, изъ удостовѣренія СПБ. Окружнаго Суда за № 511 усматривается, что принадлежащія Мезенцову °/о бумаги, принятыя для обмѣна и внесенія ихъ въ Госуд. Банкъ на храненіе Иваномъ Казаринымъ въ качествѣ управляющаго банкирскою конторою подъ фирмою „Е. Казаринъ“, были внесены симъ послѣднимъ въ Волжско-Камскій Коммерческій Банкъ и въ Спб. Отдѣленіе Сибирскаго Банка на текущій счетъ не лично его, Ивана Казарина, а фирмы „Е. Казаринъ“. Засимъ, какъ это установлено въ рѣшеніи Ком. Суда по настоящему дѣлу и апелляторомъ ничѣмъ не опровергнуто, означенныя бумаги были получены съ текущихъ счетовъ и разсчеты по нимъ сведены съ банками послѣ арестованія Ивана Казарина, а слѣдовательно уже непосредственно самою фирмою. Въ виду этихъ обстоятельствъ и принимая во вниманіе, что, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Прав. Сената, хозяинъ, принявшій въ свою торговлю вещи, ему не принадлежащія, не можетъ отказаться отъ возврата ихъ или возмѣщенія ихъ стоимости подъ тѣмъ предлогомъ, что приказчикъ не имѣлъ права на принятіе ихъ, или что онъ, по принятіи, ихъ растратилъ, а можетъ отыскивать только съ самого приказчика вознагражденіе за произошедшіе для него отъ сего убытки, Прав. Сенатъ не можетъ не признать домогательство отвѣтчиковъ о сложеніи съ нихъ отвѣтственности по данной операціи съ бумагами Мезенцова лишеннымъ всякаго основанія. Что же касается объясненія апеллятора о томъ, что Иванъ Казаринъ единолично распоряжался текущими счетами въ банкахъ безъ всякаго участія другихъ совладѣльцевъ фирмы, то обстоятельство это не можетъ имѣть для настоящаго дѣла никакого значенія, такъ какъ право управлять дѣлами фирмы вообще предоставлено было Ивану Казарину духовнымъ завѣщаніемъ Егора Казарина, а слѣдовательно и подчинившимися оному прочими товарищами фирмы, и подтверждено кромѣ того заявленіемъ, сдѣланнымъ Купеческой Управѣ, отъ отвѣтчиковъ же зависѣло ограничить такое его право установленнымъ въ законѣ порядкомъ. Относительно затѣмъ спора апеллятора противъ доказательной силы

квитанціи за № 1345, въ коей вычеркнуто слово „пятьсотъ“ и вырѣзана внизу подъ подписью Ивана Казарина тонкая полоска бумаги, Прав. Сенатъ находитъ, что споръ этотъ могъ бы имѣть какое-либо значеніе въ случаѣ отрицанія отвѣтчиками самаго факта поступленія въ контору „Е. Казаринъ“ означеннаго въ этой квитанціи незачеркнутаго количества (на 50.000 руб. номин.) бумагъ. А такъ какъ отвѣтчики вовсе этого обстоятельства не отрицаютъ,—Иванъ же Казаринъ въ показаніи, данномъ судебному слѣдователю, прямо его признаетъ, причемъ объясняетъ и причину, почему слово пятьсотъ зачеркнуто,—и не утверждаютъ того, чтобы бумаги эти были возвращены Мезенцову, то и споръ апеллятора противъ квитанціи за № 1345 слѣдуетъ признать не заслуживающимъ уваженія. По всѣмъ симъ соображеніямъ и находя объясненія апеллятора о безусловной неотвѣтственности Василія и Георгія Казариныхъ въ виду несовершеннолѣтія ихъ лишеннымъ основанія, такъ какъ согласно вышеизложенному, они состояли полными товарищами фирмы „Е. Казаринъ“, а по сему и за силою 77 ст. Уст. Торг. отвѣчаютъ всѣмъ своимъ имуществомъ за долги означенной фирмы,—Прав. Сенатъ призналъ всѣ приведенные апелляторомъ доводы противъ правильности постановленнаго по сему дѣлу рѣшенія С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда, удовлетворившаго исковыя требованія наслѣдницъ Мезенцова къ Агриппинѣ, Василію и Георгію Казаринымъ не заслуживающими уваженія. А потому и имѣя въ виду, что въ засѣданіи Правительствующаго Сената при слушаніи настоящаго дѣла повѣренный княгинь Оболенской-Нелединской-Мелецкой и Масальской уменьшилъ требованія его довѣрительницъ къ Казаринымъ на сумму 29.272 р. 29 к., вслѣдствіе чего означенная сумма подлежитъ исключенію изъ присужденныхъ Коммерческимъ Судомъ съ послѣднихъ 332.126 руб. 58 коп.,—Прав. Сенатъ присудилъ въ пользу княгини Наталіи Оболенской-Нелединской-Мелецкой и княгини Софіи Масальской съ Агриппины, Василія и Георгія Казариныхъ безраздѣльно между ними и съ Иваномъ Казаринымъ 302.854 руб. 29 коп. съ процентами съ 22 сентября 1888 г. (1890 г., № 313).

163|113. Лица, названныя въ разосланныхъ купечеству циркулярахъ товарищами торг. дома и уполномоченныя подписываться фирмою, должны считаться по отношенію къ вступившимъ съ ними въ сдѣлку третьимъ лицамъ членами торг. дома, хотя бы между ними и не было заключено формальнаго договора.

Приступая къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ признаетъ необходимымъ остановиться прежде всего на разсмотрѣніи того довода апелляторовъ, что искъ Азовско-Донскаго Банка неправильно предъявленъ къ торговому дому „Мавро и К°“ въ лицѣ его членовъ С. И. Мавро и Д. Д. Алексо-

пуло, ибо Мавро и Алексопуло не состояли членами торговаго дома на правахъ полнаго товарищества. Въ доказательство существованія торговаго дома „Мавро и К°“, состоящаго изъ двухъ полныхъ товарищей Мавро и Алексопуло, повѣренный Азовско-Донского Банка представилъ въ Ком. Судъ циркуляръ Мавро отъ 15/27 іюня 1890 г., въ коемъ онъ извѣщаетъ купечество о томъ, что Д. Д. Алексопуло входитъ съ сего числа въ дѣла его, Мавро, товарищемъ, и что они будутъ продолжать агентскія и комиссіонныя дѣла подъ общею фирмою „Мавро и К°“; въ концѣ сего циркуляра находятся образчики подписей какъ Мавро, такъ и Алексопуло, изъ коихъ усматривается, что какъ Мавро, такъ и Алексопуло одинаково подписывались фирмою „Мавро и К°“. Повѣренные Мавро и Алексопуло, оспаривая значеніе сего циркуляра и ссылаясь на ст. 71—86 Уст. Торг., заявляютъ, что торговаго дома, въ смыслѣ ст. 71—86 Уст. Торг., Мавро и Алексопуло учреждено не было, ибо никакого договора объ учрежденіи упомянутыми лицами торговаго дома въ видѣ полнаго товарищества въ купеческую управу представляемо не было. Останавливаясь въ виду такого довода апелляторовъ на разсмотрѣніи вопроса о силѣ и значеніи циркуляровъ, Прав. Сенатъ находитъ, что хотя въ законахъ (ст. 67, 68, 80 Уст. Торг.) не содержится положительныхъ постановленій относительно силы и значенія извѣщеній или циркуляровъ, разсылаемыхъ купечеству торговыми домами при ихъ открытіи, но и за отсутствіемъ подробныхъ, положительныхъ по сему предмету законоположеній нѣтъ основанія придавать такимъ циркулярамъ значеніе лишь простой формальности, ибо, по словамъ закона, торговый домъ не иначе можетъ быть открытъ и не иначе получаетъ гражданское и торговое знаменованіе, какъ по предварительномъ извѣщеніи о томъ купечества печатными листами и по внесеніи въ управу выписки изъ своихъ взаимныхъ постановленій; въ выпискѣ этой должно быть означено, между прочимъ, имя, отчество и прозваніе товарищей и подписи тѣхъ изъ нихъ, которые уполномочены непосредственно править и распоряжаться дѣлами. Все это показываетъ, что законъ придаетъ акту извѣщенія важное значеніе. Практическое значеніе этого акта убѣждаетъ въ томъ, что онъ представляетъ собою необходимое условіе для открытія дѣйствій каждаго торговаго дома и вступленія его въ торговыя дѣла. Торговые дома производятъ многочисленныя ежедневныя операціи съ разными лицами и другими домами, причемъ нѣтъ никакой возможности ставить въ обязанность лицамъ, вступающимъ съ ними въ сдѣлки, требовать предъявленія документовъ, на основаніи которыхъ торговый домъ учрежденъ и въ которыхъ опредѣлялось бы, кому и на какихъ правахъ предоставлено управленіе домомъ или завѣдываніе дѣлами его. Предъявленіе представителями торговаго дома при заключеніи каждой сдѣлки и при совершеніи каждой торговой операціи своей довѣренности или другого акта полномочія, а тѣмъ болѣе товарищескаго договора объ учрежденіи фирмы, представляется дѣломъ положительно невыполни-

мымъ. Поэтому и требуется извѣщеніе купечества со стороны товарищества, въ которомъ означается составъ вновь учреждаемаго товарищества и представляются образчики подписей членовъ товарищества или другихъ лицъ, уполномоченныхъ на подпись фирмы. На основаніи изложеннаго, очевидно, лица, названныя въ циркулярѣ товарищами торговаго дома и уполномоченныя подписываться фирмою, должны считаться членами торговаго дома по отношенію къ третьимъ лицамъ, вступающимъ въ сдѣлки съ торговымъ домомъ; заключеніе же формальнаго товарищескаго договора и внесеніе выписки изъ сего договора въ купеческую управу имѣютъ значеніе главнымъ образомъ для фискальныхъ интересовъ и во всякомъ случаѣ упущенія при учрежденіи товарищества въ послѣднемъ отношеніи не могутъ уничтожать отвѣтственности передъ третьими лицами тѣхъ участниковъ торговаго дома, кои поименованы товарищами въ разосланныхъ циркулярахъ. Примѣняя эти общія соображенія къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что циркуляромъ отъ 15/27 іюня 1890 г. С. И. Мавро извѣстилъ купечество о томъ, что Д. Д. Алексопуло входитъ въ его, Мавро, дѣла товарищемъ и что они будутъ продолжать операціи подъ общею фирмою „Мавро и К°“ съ одинаковымъ правомъ каждаго подписывать за названную фирму, а потому нельзя не признать, что Азовско-Донской Коммерческій Банкъ, какъ третье лицо, вступившее съ фирмою „Мавро и К°“ въ сдѣлки, вполнѣ правильно считалъ фирму „Мавро и К°“ торговымъ домомъ, а Д. Д. Алексопуло членомъ сего торговаго дома и, такимъ образомъ, искъ, учиненный противъ торговаго дома „Мавро и Ко“ въ лицѣ членовъ его С. И. Мавро и Д. Д. Алексопуло, долженъ быть признанъ предъявленнымъ правильно, буде же Мавро и Алексопуло, вступая въ товарищескія отношенія, не заключили по сему предмету законнаго договора, или же сдѣлали упущеніе относительно доставленія выписки договора съ надлежащими свѣдѣніями въ купеческую управу, то это нисколько не умаляетъ отвѣтственности ихъ предъ истцомъ, какъ контрагентомъ, вступившимъ съ ними въ торговыя сдѣлки на основаніи циркуляра. Къ тому же нельзя не указать на то, что производство торговли подъ фирмою „Мавро и К°“ собственно ни Мавро, ни Алексопуло не отрицаютъ, а представленными ими же къ дѣлу документами (напр., довѣренностями Петрову и Браславскому, подписанными обоими отвѣтчиками отдѣльно, въ качествѣ „торгующаго подъ фирмою Мавро и К°) это обстоятельство даже прямо подкрѣпляется; при такомъ же положеніи дѣла разбираемый доводъ апелляторовъ въ сущности сводится къ заявленію, что искъ банка долженъ былъ быть предъявленъ не къ „торговому дому Мавро и К° въ лицѣ товарищей Мавро и Алексопуло“, а къ Мавро и Алексопуло, торгующимъ подъ фирмою „Мавро и К°“, а какъ производство двумя лицами торговыхъ операцій подъ общею фирмою, при отсутствіи всякихъ оговорокъ о мѣрѣ участія и отвѣтственности каждаго, является, очевидно, точно также торговлею полнаго товарищества сихъ лицъ, какъ и производство ими

торговли въ качествѣ „торговаго дома“ подъ общею фирмою,—то доводъ апелляторовъ о несуществованіи торговаго дома „Мавро и К°“ по особому товарищескому договору не можетъ имѣть значенія при разрѣшеніи настоящаго дѣла, въ коемъ отвѣтчиками во всякомъ случаѣ являются и Мавро, и Алексопуло (1893 г., № 207).

164|114. Личное имущество товарища торговаго дома не отождествляется и не сливается съ имуществомъ торг. дома, а потому и не должно поступать въ распоряженіе учрежденной по дѣламъ послѣдняго *администраціи*. Торговый домъ, какъ самостоятельное юридическое лицо, можетъ являться должникомъ отдѣльнаго товарища, вслѣдствіе чего претензія послѣдняго къ торг. дому не можетъ быть признана погашенною вслѣдствіе сліянія въ одномъ лицѣ кредитора и солидарнаго должника.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Общее Собраніе Прав. Сената находитъ, что истецъ, Иванъ Борисовскій, состоитъ полнымъ товарищемъ торговаго дома „Мартіанъ Борисовскій съ сыновьями“, по дѣламъ котораго учреждена въ 1884 г. администрація, въ числѣ же кредиторовъ этого торговаго дома состояла мать Ивана Борисовскаго, Марія Борисовская, умершая въ 1885 г. и завѣщавшая ему третью часть своей претензіи къ торговому дому, простирающейся на сумму около 600.000 руб. Настоящій искъ Ивана Борисовскаго, предъявленный къ администраціи по дѣламъ упомянутаго торговаго дома, заключается въ требованіи о признаніи его, истца, кредиторомъ торговаго дома по претензіи, завѣщанной ему Маріею Борисовскою, имѣющимъ право распорядиться причитающимся на эту претензію изъ администраціи вторымъ дивидендомъ, въ суммѣ 48.924 руб. 84 коп. Искъ Борисовскаго оставленъ былъ безъ удовлетворенія, между прочимъ, потому, что онъ, какъ полный товарищъ торговаго дома, отвѣчаетъ въ силу 77 ст. Уст. Торг. т. XI ч. 2, изд. 1887 г. безусловно всѣмъ своимъ имуществомъ за долги торговаго дома; что эта отвѣтственность не могла ни въ чемъ измѣниться при учрежденіи администраціи по дѣламъ торговаго дома и что, въ виду сего, унаслѣдованная Борисовскимъ, послѣ открытія администраціи, претензія къ торговому дому не даетъ ему права на полученіе, наравнѣ съ другими кредиторами, дивиденда, а должна поступить на погашеніе долговъ торговаго дома вслѣдствіе сліянія въ лицѣ Борисовскаго кредитора и солидарнаго должника. Такія основанія, принятыя къ отказу въ искѣ Ивана Борисовскаго, Второе Общее Собраніе Сената не можетъ признать правильными по слѣдующимъ соображеніямъ: по ст. 493 Уст. Суд. Торг., изд. 1887 г., при учре-

жденіи администраціи кредиторы избираютъ администраторовъ и уполномочиваютъ ихъ особымъ актомъ, какимъ образомъ дѣйствовать. Изъ дѣла видно, что администрація по дѣламъ „торговаго дома М. Борисовскаго съ сыновьями“ учреждена по акту отъ 25 октября 1884 г. на слѣдующихъ основаніяхъ: администраторы должны принять отъ членовъ фирмы долговыя обязательства, условія, контракты и довѣренности, данныя ими по торговлѣ и дѣлопроизводству, всѣ документы, конторскія и фабричныя книги, всѣ крѣпостные акты и все принадлежащее торговому дому движимое и недвижимое имущество (п. 2); товары и другія движимости фирмы продавать (п. 5), а относительно принадлежащаго торговому дому недвижимаго имущества предоставляется администраторамъ продолжать на заводахъ и фабрикахъ производство (п. 8). Такимъ образомъ, на основаніи администраціоннаго акта, администрація по дѣламъ торговаго дома „М. Борисовскій съ сыновьями“ была уполномочена принять въ свое распоряженіе только то имущество, которое принадлежало торговому дому, но не частное имущество, лично принадлежавшее каждому члену торговаго дома. Затѣмъ самъ законъ различаетъ имущество товарищеское, принадлежащее торговому дому, и имущество, принадлежащее лично товарищамъ, отдѣльное отъ имущества торговаго дома, какъ это видно изъ ст. 68 Уст. Торг., требующей, чтобы въ выпискѣ, представляемой торговымъ домомъ въ городскую управу, было обозначено количество капитала, который они вложили въ торговый домъ, а не того, которымъ обладаютъ сами товарищи въ отдѣльности. Поэтому, хотя въ ст. 77 Уст. Торг. и постановлено, что товарищи торговаго дома отвѣчаютъ за всѣ долги онаго вообще и порознь всѣмъ имуществомъ своимъ, но, очевидно, законъ подразумѣваетъ такую отвѣтственность членовъ *лишь въ томъ случаѣ взысканія долговъ торговаго дома, когда бы на покрытіе этого взысканія не оказалось у самого торговаго дома достаточнаго имущества и потому потребовалось бы обратить на удовлетвореніе кредиторовъ личное имущество товарищей*, т. е. только въ случаѣ необходимости ликвидаціи дѣлъ самого торговаго дома, при учрежденіи по дѣламъ его конкурснаго управленія. Такимъ образомъ, изъ точнаго смысла обѣихъ вышеприведенныхъ статей Уст. Торг. слѣдуетъ придти къ заключенію, что личное имущество товарищей, не обозначенное въ товарищескомъ договорѣ и потому не вошедшее въ составъ имущества торговаго дома, вовсе не отождествляется и не сливается съ имуществомъ самого торговаго дома, въ томъ смыслѣ, чтобы за долги торговаго дома могло быть обращено безусловно, т. е. во всякомъ случаѣ, взысканіе и на личное имущество отдѣльныхъ его членовъ. Притомъ не признавать такого различія между имуществомъ самой фирмы и отдѣльныхъ ея членовъ невозможно уже потому, что всякій личный кредитъ, какъ кредитъ торговый, непремѣнно обусловливается предположеніемъ о наличности у должника собственнаго имущества, на которое, въ случаѣ надобности, могла бы быть обращена отвѣтственность по взысканію долга, и, слѣдовательно,

при отсутствіи этого условія, затруднялся бы личный кредитъ для лицъ, вступающихъ въ торговое товарищество. Такой отвѣтственности личнаго имущества отдѣльныхъ товарищей за долги торговаго дома не наступаетъ и въ случаѣ учрежденія по дѣламъ торговаго дома администраціи. По точному смыслу ст. 495 и прим. къ ней Уст. Суд. Торг., администрація только продолжаетъ управлять имуществомъ и всѣми дѣлами должника и задача ея заключается въ возстановленіи торговаго положенія должника; при невозможности же со стороны администраціи поправить дѣла должника изъ собственныхъ его средствъ, послѣдній объявляется несостоятельнымъ. Если же администрація, въ отличіе отъ конкурснаго управленія, учреждается не съ цѣлью ликвидаціи имущества должника, а для возстановленія посредствомъ управленія его имуществомъ и дѣлами торговаго его положенія, то отсюда слѣдуетъ, что администрація вправѣ распоряжаться только имуществомъ, принадлежащимъ торговому дому, но не можетъ касаться имущества, принадлежащаго отдѣльнымъ товарищамъ. Такимъ образомъ какъ по закону, такъ и въ силу акта объ учрежденіи администраціи отъ 25 октября 1884 г., имущество отдѣльныхъ членовъ торговаго дома „М. Борисовскій съ сыновьями“ не могло поступить въ распоряженіе учрежденной по дѣламъ торговаго дома администраціи. Этому выводу нисколько не противорѣчитъ и приводимый отвѣтчиками пунктъ 13 администраціоннаго акта о томъ, что движимость, составляющая домашнее обзаведеніе членовъ фирмы, оставляется въ полномъ ихъ распоряженіи и на содержаніе назначается имъ всѣмъ вмѣстѣ по 4.500 руб. въ мѣсяцъ, такъ какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ этомъ пунктѣ говорится о той движимости, принадлежащей членамъ торговаго дома, которая находится на принятыхъ администраціею въ свое распоряженіе фабрикахъ и заводахъ торговаго дома, и что упомянутая сумма была назначена имъ изъ доходовъ съ имущества торговаго же дома, поступавшихъ до учрежденія администраціи въ пользу отдѣльныхъ членовъ торговаго дома, что подтверждается и тѣмъ, что въ означенномъ пунктѣ администраціоннаго акта ничего болѣе не говорится о движимомъ имуществѣ отдѣльныхъ членовъ торговаго дома и вовсе не упоминается о капиталахъ, принадлежащихъ каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Принимая засимъ во вниманіе, что со стороны администраціи по дѣламъ торговаго дома „Мартиніанъ Борисовскій съ сыновьями“ не указывается, чтобы положеніе дѣлъ должника вызывало необходимость объявленія его несостоятельнымъ и что до такого объявленія Иванъ Борисовскій, по соображеніямъ, изложеннымъ выше, не обязанъ отвѣчать за долги торговаго дома своимъ собственнымъ имуществомъ,—Общее Собраніе Прав. Сената находитъ, что удержаніе администраціею капиталовъ, слѣдующихъ Ивану Борисовскому, какъ правопреемнику его матери, кредитора означеннаго торговаго дома, Маріи Борисовской, представляется неправильнымъ и несогласнымъ съ закономъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду и то, что для администраціи явилась возможность фактически удерживать у себя капи-

талы Ивана Борисовскаго и отстаивать судебнымъ порядкомъ право свое на такое удержаніе только потому, что означенные капиталы унаслѣдованы имъ послѣ матери его, какъ кредитора торговаго дома, и находятся въ долгу за торговымъ домомъ, и что, слѣдовательно, при отсутствіи этого случайнаго обстоятельства, т. е. если бы эти капиталы непосредственно поступили въ распоряженіе Ивана Борисовскаго по наслѣдству отъ матери и не состояли въ долгу за торговымъ домомъ, то вовсе не могло бы имѣть мѣсто удержаніе ихъ со стороны администраціи. Наконецъ объясненіе повѣренныхъ администраціи о томъ, что Иванъ Борисовскій, являющійся въ качествѣ члена торговаго дома, отвѣтственнымъ за долги фирмы, не можетъ быть одновременно и кредиторомъ этой фирмы, хотя бы и въ правахъ третьяго лица, матери его Маріи Борисовской, должно быть признано не заслуживающимъ никакого уваженія. Означеннный доводъ повѣренные отвѣтчиковъ основываютъ на томъ, что полное товарищество, будто бы, не представляетъ собою юридическаго лица, а составляетъ лишь совокупность отдѣльныхъ лицъ, вступившихъ въ товарищество, и въ подтвержденіе этого положенія ссылаются, главнымъ образомъ, на то, что въ полномъ товариществѣ всѣ дѣйствія совершаются не отъ имени юридическаго лица, а отъ имени отдѣльныхъ лицъ, которыя входятъ въ составъ товарищества. Между тѣмъ, по точному смыслу 26 и 27 ст. Уст. Гражд. Суд., товарищу, уполномоченному по договору товарищества распоряжаться дѣлами торговаго дома, принадлежитъ право представлять послѣдній на судѣ и безъ довѣренности, выданной на то отдѣльными членами торговаго дома. Соображеніе же этихъ статей со ст. 71 Уст. Торг., по которой полное товарищество составляется изъ двухъ или многихъ товарищей, положившихъ заедино торговать подъ общимъ названіемъ всѣхъ, а также съ тѣмъ, что законъ (ст. 68 Уст. Торг.) положительно отличаетъ, какъ указано выше, имущество, принадлежащее товариществу, отъ частнаго имущества отдѣльныхъ членовъ товарищества, приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію въ томъ, что полное товарищество является само по себѣ представителемъ и обладателемъ извѣстныхъ имущественныхъ правъ, отдѣльныхъ отъ правъ, принадлежащихъ лично каждому изъ товарищей торговаго дома, т. е. что оно представляетъ собою юридическое лицо. Если же полному товариществу, какъ юридическому лицу, принадлежатъ извѣстныя имущественныя права, отдѣльныя отъ имущественныхъ правъ тѣхъ физическихъ лицъ, которыя входятъ въ составъ его, то естественно, что товарищество, какъ фирма, можетъ явиться и должникомъ отдѣльнаго члена товарищества, а изъ сего слѣдуетъ, что претензія Ивана Борисовскаго къ торговому дому „Мартиніанъ Борисовскій съ сыновьями“, унаслѣдованная имъ отъ матери его, Маріи Борисовской, не можетъ быть признана погашенною вслѣдствіе сліянія въ одномъ лицѣ кредитора и солидарнаго должника по ней, какъ члена того же товарищества. Приходя къ такому выводу, слѣдуетъ признать, что разрѣшеніе въ томъ или другомъ смыслѣ возбужденнаго

тяжущимися спора о томъ, признавала ли или не признавала сама администрація,—отвѣтчикъ по настоящему дѣлу,—право Ивана Борисовскаго, какъ кредитора торговаго дома, имѣть личную собственность, отдѣльную отъ имущества торговаго дома, не можетъ имѣть никакого значенія для настоящаго дѣла и что, посему, не представляется надобности входить въ обсужденіе всѣхъ тѣхъ доводовъ и письменныхъ доказательствъ, которые представлены сторонами по этому предмету. По симъ основаніямъ и имѣя въ виду, что Иванъ Борисовскій ходатайствуетъ о признаніи его кредиторомъ торговаго дома въ завѣщанной ему матерью его, Маріею Борисовскою, суммѣ, съ обращеніемъ правъ его на причитающійся ему по этому наслѣдству изъ администраціи торговаго дома второй дивидендъ для пріобрѣтенія для него 49 паевъ Товарищества Переяславской Мануфактуры на сумму 49.000 р., Второе Общее Собраніе Прав. Сената, въ отмѣну опредѣленія 4-го Департамента Прав. Сената, признало Ивана Борисовскаго самостоятельнымъ кредиторомъ торговаго дома „Мартиніанъ Борисовскій съ сыновьями“ въ размѣрѣ тѣхъ правъ, которыя перешли къ нему по завѣщанію матери его, Маріи Борисовской, и засимъ право его обратить причитающійся на его долю по наслѣдству изъ администраціи торговаго дома второй дивидендъ на пріобрѣтеніе лично для него 49 паевъ Товарищества Переяславской Мануфактуры на сумму 49.000 руб. (1893 г., № 35).

165. *Гражданскій Кассаціонный Департаментъ* въ рѣшеніи 1907 г., № 48, остановился на вопросѣ: *въ какой моментъ возникаетъ отвѣтственность отдѣльныхъ членовъ полнаго товарищества, одновременно-ли съ отвѣтственностью самаго товарищества или только съ момента, когда обнаружится неуспѣшность взысканія съ самаго товарищества.* По сему предмету, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что всякаго рода товарищества, въ томъ числѣ и торговыя полныя товарищества, признаются закономъ самостоятельными лицами, отличными отъ частныхъ, физическихъ лицъ, составляющихъ эти товарищества. Торговый домъ полнаго товарищества, по соблюденіи особыхъ формальностей, имѣетъ свое отдѣльное отъ товарищей, его составляющихъ, имущество, свое особое названіе или фирму и вступаетъ въ самостоятельныя договорныя отношенія съ третьими лицами по дѣламъ, касающимся торговаго дома (ст. ст. 59, 60, 62 и 70 Уст. Торг., изд. 1903 г.). Отсюда слѣдуетъ, что долги товарищества не являются собственно, въ строгомъ смыслѣ, долгами товарищей, какъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ отъ товарищества лицъ. Если же товарищи, тѣмъ не менѣе, отвѣчаютъ за долги товарищества, то таковая ихъ обязанность проистекаетъ изъ особаго, спеціальнаго о томъ закона, изображеннаго въ ст. 2134 т. X ч. 1 и ст. 68 Уст. Торг., изд. 1903 г., по силѣ коихъ въ товариществѣ полномъ всѣ товарищи отвѣчаютъ за всѣ долги онаго вообще и порознь всѣмъ имуществомъ своимъ, дви-

жимымъ и недвижимымъ. Какъ явствуетъ изъ буквальнаго смысла этого закона, имъ устанавливается солидарная отвѣтственность за долги товарищества только между товарищами, но въ этихъ статьяхъ закона вовсе не говорится, чтобы товарищи отвѣчали за долги товарищества солидарно съ самимъ товариществомъ. А такъ какъ, по общему правилу, солидарная отвѣтственность нѣсколькихъ лицъ не предполагается, въ законѣ же не имѣется прямого указанія на солидарную отвѣтственность товарищей вмѣстѣ съ самимъ товариществомъ за долги послѣдняго и подобная отвѣтственность товарищей не можетъ быть выведена и изъ существа юридическихъ отношеній между товариществомъ и товарищами, то и нѣтъ достаточнаго основанія для признанія солидарности между товарищами съ одной стороны, и товариществомъ—съ другой въ отношеніи отвѣтственности ихъ за долги товарищества. Повѣренный Таганрогскаго отдѣленія Государственнаго Банка полагаетъ, что товарищи отвѣчаютъ за долги товарищества въ качествѣ простыхъ, несрочныхъ поручителей и что посему отвѣтственность ихъ за долги товарищества можетъ возникать лишь послѣ полной ликвидаціи дѣлъ товарищества или по окончаніи конкурснаго по его дѣламъ производства, но это мнѣніе не можетъ быть признано правильнымъ, ибо если бы законодатель желалъ возложить на товарищей отвѣтственность за долги товарищества какъ на простыхъ поручителей, то это и было бы, несомнѣнно, выражено въ законѣ, а, между тѣмъ, въ 2134 ст. X т. 1 ч. и въ 68 ст. Уст. Торг. никакого указанія на подобную отвѣтственность товарищей не содержится; посему и законы о поручительствѣ не могутъ быть примѣняемы къ случаямъ отвѣтственности товарищей за долги товарищества. Если же товарищи отвѣчаютъ за долги товарищества не въ качествѣ поручителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неодинаково съ главнымъ должникомъ, т. е. товариществомъ, то отсюда долженъ быть сдѣланъ тотъ выводъ, что товарищи отвѣчаютъ за долги товарищества хотя и въ качествѣ должниковъ, но не главныхъ; ихъ отвѣтственность за долги товарищества представляется дополнительною, вспомогательною, которая возникаетъ только съ того момента, когда обнаружится неуспѣшность взысканія съ самаго товарищества. А отсюда слѣдуетъ, что кредиторы товарищества не вправѣ съ своими взысканіями, помимо товарищества, обратиться непосредственно къ товарищамъ. Долги товарищества, прежде всего, подлежатъ удовлетворенію изъ товарищескаго имущества, какъ главнаго должника, а на лично принадлежащее товарищамъ имущество взысканіе можетъ быть обращено не только въ случаѣ формальной несостоятельности товарищества или ликвидаціи его дѣлъ, но и въ случаѣ фактической его несостоятельности, какъ только обнаружится безуспѣшность взысканія, обращеннаго на товарищеское имущество то же Суд. Деп. 1913 г., №860, д. Селиверстовыхъ).

166. *Гражданскій Кассаціонный Департаментъ* въ рѣшеніи 1908 г., № 49 установилъ слѣдующія положенія:

Во всякомъ товариществѣ, независимо отъ числа его участниковъ, имущество торговаго дома не отождествляется и не сливается съ личнымъ имуществомъ торговаго дома. Личный кредиторъ товарища не вправѣ обращать взысканіе на общее имущество товарищества. Личный кредиторъ товарища, хотя и не имѣетъ права требовать прекращенія товарищескаго договора и ликвидаціи торговаго дома въ качествѣ третьяго лица, не лишенъ однако возможности ходатайствовать объ учрежденіи конкурса надъ дѣлами неисправнаго должника; конкурсъ же, въ качествѣ представителя личности несостоятельнаго, можетъ приступить къ ликвидаціи торговаго дома, какъ это слѣдуетъ заключить изъ 477 ст. Уст. Суд. Торг. Приведенныя правила распространяются и на такое товарищество на вѣрѣ, которое состоитъ изъ одного товарища и одного вкладчика.

167|115. При наличности обоюднаго согласія между наслѣдниками умершаго товарища и оставшимся въ живыхъ товарищемъ на продолженіе товарищества во всемъ на основаніи и условіяхъ прежде дѣйствовавшаго договора, безусловной, не вызываемой какими-либо особыми затрудненіями необходимости въ заключеніи по тому же предмету новаго договора не представляется, тѣмъ болѣе, когда въ самомъ прежнемъ договорѣ подробно опредѣлены права и обязанности вступающихъ на мѣсто умершаго товарища его наслѣдниковъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ, находитъ, что по содержанію апелляціонной жалобы повѣреннаго вдовы и остальныхъ наслѣдниковъ купца Романа Дидерихса, обсужденію прежде всего подлежитъ вопросъ о томъ, должно ли быть признано по закону обязательнымъ заключеніе оставшимся въ живыхъ товарищемъ съ наслѣдниками умершаго товарища новаго товарищескаго договора для установленія взаимныхъ ихъ правъ и обязанностей по товарищескому дѣлу, или же сказанныя лица могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, ограничиться въ семъ отношеніи прежнимъ договоромъ о товариществѣ. По общимъ правиламъ, договоры объ имуществѣ имѣютъ равное дѣйствіе какъ для обязавшагося лица,

такъ и для его наслѣдниковъ (ст. 1543 т. X ч. 1) и потому переходятъ къ симъ послѣднимъ вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ имуществомъ (ст. 1259 тамъ же); договоры же о дѣйствіяхъ личныхъ почитаются обязательными единственно для лицъ, заключившихъ оные, и не распространяются на ихъ потомство (ст. 1544). Договоры о товариществахъ полныхъ, которыя суть соединеніе двухъ или многихъ товарищей, положившихъ заедино дѣйствовать общимъ именемъ всѣхъ (ст. 2129 т. X), заедино торговать подъ общимъ названіемъ (ст. 71 Уст. Торг. т. XI ч. 2), содержатъ въ себѣ оба вышеуказанныхъ элемента, какъ предметъ соглашенія, т. е. имущественный и личный, и порождаютъ посему собою взаимныя права и обязанности участниковъ въ товариществѣ не только по имуществу, но и по личнымъ дѣйствіямъ. Благодаря этой особенности полныхъ товариществъ—значенію личности участниковъ въ договорѣ—законъ, въ предохраненіе торговыхъ товариществъ отъ разстройства вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, смерти одного изъ участниковъ,—съ одной стороны (ст. 73 Уст. Торг.) обязываетъ каждаго товарища при составленіи договора о полномъ товариществѣ назначать лицо, долженствующее заступить, въ случаѣ смерти, его мѣсто для продолженія торговли до раздѣла или прекращенія товарищества на основаніи законовъ, а съ другой (ст. 13 и 14 прил. къ ст. 1238 прим. 1 Зак. Гражд. т. X ч. 1) возлагаетъ на оставшагося въ живыхъ товарища торговаго предпріятія обязанность объявить подлежащему суду о положеніи установленныхъ по разряду торговыхъ книгъ, а засимъ безостановочно продолжать ходъ торговаго предпріятія съ разрѣшенія суда впредь до вступленія наслѣдниковъ умершаго товарища въ свои права по закону. Что же касается основаній, на которыхъ эти наслѣдники вступаютъ за мѣсто умершаго товарища въ товарищество, то вопросъ этотъ разрѣшается ст. 18 прил. къ ст. 1238 т. X ч. 1, которая гласитъ, что „по вступленіи наслѣдниковъ или опекуновъ въ права свои, отъ обоюднаго ихъ съ оставшимися товарищами согласія зависѣть будетъ выдѣлъ, раздѣлъ или продолженіе торговаго предпріятія на прежнемъ или новомъ основаніи, но во всякомъ случаѣ постановленный покойнымъ договоръ о торговомъ товариществѣ или духовное его завѣщаніе суть акты, коихъ наслѣдники или опекуны сами собою нарушать не должны“. Буквальный смыслъ приведенной статьи закона не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что при наличности обоюднаго согласія между наслѣдниками умершаго товарища или опекунами ихъ и оставшимся въ живыхъ товарищемъ на продолженіе товарищества, т. е. когда такимъ образомъ личный элементъ товарищества этимъ соглашеніемъ возстановленъ (названныя лица желаютъ быть товарищами по данному предпріятію), они могутъ опредѣлить взаимныя свои права и обязанности по оному и дальнѣйшую судьбу его на условіяхъ или прежняго договора или новаго, причемъ въ первомъ случаѣ, т. е. при желаніи продолжать товарищество во всемъ на основаніи и условіяхъ уже прежде дѣйствовавшаго договора, въ за-

ключеніи по тому же предмету новаго договора, очевидно, не представляется и необходимости, ибо въ такомъ случаѣ наслѣдники прямо вступаютъ въ договоръ за мѣсто ихъ наслѣдодателя, принимая на себя всѣ установленныя тѣмъ договоромъ права и обязанности сего послѣдняго, соблюденія же какихъ-либо особыхъ формальныхъ требованій для дѣйствительности и обязательности договора товарищества въ отношеніи самихъ товарищей законъ нигдѣ не выставляетъ. Но если при подобной замѣнѣ лица умершаго товарища его наслѣдниками, т. е. при вступленіи въ товарищество вмѣсто одного лица—полнаго товарища—нѣсколькихъ лицъ, и могутъ въ иныхъ случаяхъ встрѣтиться затрудненія, нуждающіяся въ особомъ договорномъ опредѣленіи, то въ данномъ случаѣ и они мѣста имѣть не могутъ въ виду ясности постановленій по сему предмету заключеннаго между Андреемъ и Романомъ Дидерихсами договора 19 іюля 1878 г. А именно: въ договорѣ этомъ въ пунктѣ 8 постановлено: „въ случаѣ смерти котораго-либо изъ (двухъ) товарищей всѣ права его по настоящему товариществу переходятъ къ его законнымъ наслѣдникамъ, но съ тѣмъ, чтобы послѣдніе въ теченіе трехъ мѣсяцевъ избрали изъ среды своей одного замѣняющаго всѣхъ представителя, снабженнаго формальною довѣренностью. До уничтоженія довѣренности представитель этотъ признается въ одинаковыхъ правахъ съ оставшимся въ живыхъ товарищемъ, пользуется всѣми преимуществами настоящаго договора, которому вполнѣ подчиняется вмѣстѣ со своими довѣрителями и принимаетъ на себя тѣ обязанности, которыя настоящимъ договоромъ постановлены“; въ пунктѣ же 14-мъ особо упоминается: „договоръ этотъ хранить свято и нерушимо какъ самимъ договорившимся, такъ и наслѣдникамъ ихъ“. Въ виду сего и такъ какъ въ данномъ случаѣ и оставшійся въ живыхъ товарищъ—Андрей Дидерихсъ, и наслѣдники умершаго другого товарища Романа Дидерихса, въ лицѣ Викторіи Дидерихсъ, обоюдными нотаріальными заявленіями изъявили желаніе продолжать между собою товарищество на основаніи договора 19 іюля 1878 г. и именно восьмого его пункта, то и требованіе Викторіи Дидерихсъ о признаніи Андрея Дидерихса обязаннымъ совершить для эксплоатаціи торговаго предпріятія „братья Р. и А. Дидерихсъ“ товарищескій договоръ теряетъ всякое значеніе, ибо сказанными нотаріальными заявленіями вполнѣ возстановлено обязательное дѣйствіе для сторонъ по эксплоатаціи предпріятія „братья Р. и А. Дидерихсъ“ договора 19 іюля 1878 г., на необходимость же измѣненія относительно самихъ теперешнихъ товарищей какихъ-либо постановленій сего договора просительница не только не указываетъ, но какъ въ своемъ нотаріальномъ заявленіи, такъ и нынѣ на судѣ выражаетъ желаніе продолжать дѣло именно на условіяхъ помянутаго договора. Принятое судомъ въ мотивахъ его рѣшенія положеніе, что со смертью одного изъ товарищей, въ виду личнаго отчасти характера товарищества, прежній договоръ теряетъ свое значеніе и не можетъ потому служить опредѣлителемъ взаимныхъ правъ и обязанностей наслѣдниковъ и остав-

шагося въ живыхъ товарища, можетъ быть признано вѣрнымъ лишь настолько, насколько на это не послѣдуетъ обоюднаго согласія этихъ лицъ; коль скоро же таковое согласіе имѣется налицо, то положеніе это теряетъ уже свое основаніе. Такое именно продолженіе товарищескаго дѣла является желательнымъ и въ глазахъ закона, стремящагося предохранить разстройство товарищескихъ дѣлъ вслѣдствіе смерти товарища, путемъ вступленія въ таковое, за мѣсто покойнаго, назначеннаго имъ лица или наслѣдника, и заботящагося именно о безостановочномъ продолженіи товарищескаго дѣла. Что же касается формальныхъ требованій закона, выставленныхъ въ ст. 67 и слѣд. и 80 Уст. Торг., то таковыя, какъ установленныя исключительно въ интересахъ третьихъ лицъ, на существо взаимныхъ правъ и обязанностей самихъ товарищей, опредѣляемыхъ исключительно по усмотрѣнію самихъ сторонъ (ст. 79 Уст. Торг. и 2133 т. X ч. 1) никакого вліянія оказывать не могутъ, да и самое соблюденіе ихъ возможно лишь по признаніи уже товарищескаго договора обязательнымъ для участниковъ товарищества. Признавая посему дѣйствіе товарищескаго договора 19 іюля 1878 г. вполнѣ между сторонами установившимся, а потому и уклоненіе Андрея Дидерихса отъ заключенія по сему предмету новаго, во всемъ сходнаго съ прежнимъ, договора—чего только и добивается просительница—не имѣющимъ для интересовъ ея и ея дѣтей никакого значенія, и принимая, кромѣ того, во вниманіе, что признаніе извѣстнаго лица обязаннымъ совершить договоръ, по вполнѣ правильному заключенію Ком. Суда, не можетъ быть вовсе предметомъ судебнаго рѣшенія, Прав. Сенатъ находитъ исковое о томъ въ настоящемъ дѣлѣ требованіе Викторіи Дидерихсъ не подлежащимъ удовлетворенію. Что же касается указаній апеллятора на то, что самый характеръ товарищества измѣнился, потому что наслѣдники Романа Дидерихса участвуютъ въ товариществѣ по договору 19 іюля 1878 г. не непосредственно, а чрезъ одного представителя, замѣняющаго ихъ всѣхъ, и что размѣръ вклада товарищей со времени учрежденія такового увеличился, то эти указанія должны быть признаны неуважительными. Первое потому, что не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, ибо какъ въ силу пункта 8 договора 19 іюля 1878 г., такъ и въ силу обоюдныхъ нотаріальныхъ заявленій сторонъ, участіе наслѣдниковъ Романа Дидерихса въ товариществѣ, хотя и чрезъ одно лицо, ими избранное, имѣетъ мѣсто, именно на правѣ полнаго товарища, каковымъ былъ и ихъ наслѣдодатель, а второе потому, что размѣръ вклада не можетъ имѣть никакого значенія въ отношеніи спорнаго въ семъ дѣлѣ вопроса о договорѣ, на основаніи котораго участвуютъ истцы въ товариществѣ „братья Р. и А. Дидерихсъ“. По всѣмъ симъ соображеніямъ и имѣя въ виду: 1) что на умаленіе или нарушенія со стороны Андрея Дидерихса въ чемъ-либо принадлежащихъ ей и ея дѣтямъ правъ полнаго товарища фирмы „Р. и А. Дидерихсъ“ истица вовсе не указываетъ; 2) что засимъ исполненіе установленныхъ закономъ въ указанныхъ выше статьяхъ формальныхъ относи-

тельно товариществъ требованій, можетъ послѣдовать, буде стороны того пожелаютъ, и независимо отъ заключенія новаго между ними договора, и 3) что вслѣдствіе признанія, въ силу изложенныхъ выше соображеній, товарищества „Р. и А. Дидерихсъ“ между нынѣ тяжущимися продолжающимся на законномъ основаніи, всѣ остальныя въ настоящемъ дѣлѣ требованія истицы должны быть признаны лишенными основанія,—Прав. Сенатъ призналъ согласное съ этимъ въ конечномъ выводѣ рѣшеніе Спб. Ком. Суда отмѣнѣ не подлежащимъ (1895 г., № 921).

168|116. Завѣдываніе общимъ имуществомъ со стороны участника въ ономъ не предполагается платнымъ.

Разсмотрѣвъ наст. дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что апелляторъ, Владиміръ Алексѣевъ, не отрицая факта недоплаты имъ при учиненіи разсчета съ наслѣдниками его брата 5.000 руб., право свое на удержаніе означенной суммы въ видѣ вознагражденія за труды свои по завѣдыванію общимъ имуществомъ основываетъ не на какомъ-либо съ истцами на сей предметъ соглашеніи, а лишь на томъ юридическомъ положеніи, что никто не можетъ обогащаться на чужой счетъ, безразлично, будетъ ли такое обогащеніе заключаться въ присвоеніи чужого имущества или въ пользованіи чужимъ трудомъ. Но означенный доводъ апеллятора не можетъ быть признанъ заслуживающимъ уваженія, такъ какъ насколько высказываемый имъ принципъ представляется правильнымъ по отношенію къ тѣмъ случаямъ, когда трудъ прилагается къ дѣлу чужому, настолько таковой оказывается непримѣнимъ къ случаямъ, подобнымъ настоящему, гдѣ трудъ прилагается къ общему дѣлу, въ наилучшей эксплоатаціи коего и въ полученіи съ него наибольшей прибыли непосредственно заинтересованъ самъ трудящійся—собственникъ дѣла, работающій, слѣдовательно, въ свою же пользу; въ такомъ случаѣ, какъ вполнѣ правильно заключилъ Ком. Судъ, трудъ не предполагается платнымъ, доколѣ противное не доказано. А потому, такъ какъ никакого соглашенія между участниками дѣла на счетъ вознагражденія В. Алексѣева за трудъ его по управленію предпріятіемъ не было, самовольное удержаніе имъ себѣ въ видѣ вознагражденія совершенно произвольно опредѣленной суммы 5.000 руб. должно быть признано неправильнымъ, требованіе же съ него Алексѣевыми этой суммы подлежащимъ удовлетворенію. Что касается указанія апеллятора на то, что онъ могъ бы отказаться отъ управленія дѣломъ и тогда половина расходовъ на управляющаго обязательно падала бы на истцовъ Алексѣевыхъ, то и таковое не заслуживаетъ уваженія, ибо съ одной стороны взятіе особаго управляющаго безъ согласія на то другихъ совладѣльцевъ не могло бы имѣть мѣста и во всякомъ случаѣ было бы для нихъ необязательнымъ, а съ другой—вопросъ о томъ, что было бы въ томъ случаѣ, если бы апелля-

торъ отказался отъ завѣдыванія общимъ дѣломъ, ни въ чемъ не можетъ измѣнить того правильнаго положенія, что пока *онъ* завѣдываетъ этимъ дѣломъ, безъ спеціальнаго соглашенія съ прочими участниками относительно вознагражденія, полагая свой трудъ на свою же пользу, онъ не можетъ быть приравниваемъ къ управляющему и ни на какое вознагражденіе, помимо получаемой имъ отъ дѣла доли въ прибыляхъ, претендовать не вправѣ. По всѣмъ симъ основаніямъ Прав. Сенатъ состоявшееся по дѣлу рѣшеніе Спб. Ком. Суда утвердилъ (1895 г., № 1328).

169. О товариществѣ въ построеніи, покупкѣ и содержаніи судовъ. Начальный товарищъ обязанъ отвѣчать по искамъ, касающимся судна.

Хотя въ ст. 160 Уст. Торг., опредѣляющей права и обязанности начальнаго товарища въ товариществѣ по содержанію судовъ, и не заключается прямого указанія на обязанность начальнаго товарища отвѣчать на судѣ, однако эта обязанность не подлежитъ сомнѣнію, если сопоставить смыслъ ст. 160, согласно коей товарищъ начальный является товарищемъ-распорядителемъ судна, съ буквальнымъ содержаніемъ ст. 26 Уст. Гражд. Суд., устанавливающей право искать и отвѣчать на судѣ товарищей-распорядителей по дѣламъ полнаго товарищества (1910 г., № 568).

ОБЪ АКЦІОНЕРНЫХЪ ОБЩЕСТВАХЪ И ТОВАРИЩЕСТВАХЪ НА ПАЯХЪ.

170|117. Искъ одного пайщика къ другимъ, см. № 160.

171|118. Постановленія большинства общаго собранія акціонеровъ товарищества объ учрежденіи посредствомъ отчисленія изъ чистой прибыли предпріятія, подлежащей согласно уставу распредѣленію въ дивидендъ, непредусмотрѣнныхъ уставомъ особаго резервнаго дивиденднаго фонда, съ правомъ общаго собранія употреблять его и на иныя потребности товарищества, и особаго капитала пожертвованій, не могутъ быть признаны обязательными для несогласившагося съ онымъ акціонера. Искъ о выдачѣ недополученнаго за прежнее время дивиденда можетъ быть предъявленъ акціонеромъ и послѣ продажи имъ акцій третьему лицу *).

Предметъ настоящаго спора составляетъ встрѣчный искъ, предъявленный опекою надъ имуществомъ малолѣтной Анны-Рахиль Бродской къ Александровскому Товариществу сахарныхъ заводовъ въ суммѣ 131.331 руб. 60 к. недополученнаго дивиденда. Изъ дѣла видно, что, согласно постановленіямъ общихъ собраній акціонеровъ означеннаго товарищества за 1890 по 1892 г.г., акціонерамъ, въ томъ числѣ Аннѣ-Рахиль Бродской, выдавалась за этотъ періодъ времени въ дивидендъ не вся чистая прибыль по предпріятію, остававшаяся свободною за производствомъ изъ нея указанныхъ въ уставѣ товарищества отчисленій, а часть ея отчислялась кромѣ того въ особый „резервный дивидендный фондъ“ и на „пожертвованія имени Израиля Бродскаго“, вслѣдствіе чего Анна-Рахиль Бродская, по разсчету ея опеки, получила на свои 360 акцій дивиденда менѣе на сумму 131.331 р. 60 к. Возраженія Александровскаго Товарищества противъ предъявленнаго къ нему иска сводятся главнымъ образомъ къ тому, что товарищество не ограничено въ правѣ распоряжаться своимъ дивидендомъ, а потому постановленія акціонеровъ въ общемъ ихъ собраніи о порядкѣ пользованія прибылями, о распредѣленіи этихъ прибылей, объ отчисленіи изъ нихъ извѣстной

*) *Примѣчаніе составителей.* См. рѣшеніе Гражд. Касс. Деп. 18 января 1906 г., № 3, помѣщенное ниже, въ концѣ № 178.

части на дѣла благотворительности и проч., не могутъ быть признаваемы незаконными, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ установленный общимъ собраніемъ акціонеровъ отъ 17 февраля 1890 года резервный дивидендный фондъ ничѣмъ не отличается отъ предусмотрѣннаго уставомъ, въ § 39 онаго, запасного капитала; что требованіе о возвратѣ части образованнаго капитала пожертвованія не подлежитъ удовлетворенію, кромѣ того, потому, что этотъ капиталъ уже вышелъ изъ обладанія товарищества, онъ уже имъ розданъ; что опека надъ имуществомъ малолѣтной Анны-Рахиль Бродской со времени продажи акцій 10 мая 1893 г. никакого иска къ товариществу предъявлять не вправѣ, такъ какъ вмѣстѣ съ акціями проданы и всѣ права на имущество товарищества, а въ томъ числѣ, слѣдовательно, и право на резервный дивидендный фондъ, которое и перешло къ новому пріобрѣтателю акцій; что, наконецъ, вообще опека не вправѣ оспаривать указываемыхъ ею постановленій общихъ собраній, такъ какъ она въ нихъ участвовала въ лицѣ своихъ законныхъ представителей. Обращаясь, вслѣдствіе принесенныхъ повѣренными правленія Александровскаго Товарищества и опеки надъ имуществомъ малолѣтной Анны-Рахиль Бродской апелляціонныхъ жалобъ на состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда, признавшаго искъ опеки подлежащимъ удовлетворенію лишь въ суммѣ 49.441 р. 21 к., составляющей упадающую на долю малолѣтной часть удержаннаго изъ дивиденда капитала пожертвованія,—къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ необходимымъ остановиться на слѣдующихъ соображеніяхъ: одно изъ самыхъ существенныхъ правъ акціонера, неразрывно связанное съ владѣніемъ акціею, это право на полученіе причитающагося на его акцію дивиденда, т. е. той части чистой по балансу прибыли, которая въ силу договора—устава общества—на акцію упадаетъ. Для полученія такой именно прибыли, порядокъ опредѣленія которой урегулированъ самимъ уставомъ, акціонеръ и вноситъ въ дѣло свой капиталъ. Этому праву акціонера соотвѣтствуетъ обязанность общества, лежащая на немъ въ силу того же договора-устава, произвести акціонеру уплату причитающагося ему на основаніи устава дивиденда, въ суммѣ котораго, такимъ образомъ, акціонеръ является обыкновеннымъ кредиторомъ общества. Посему, коль скоро эти его кредиторскія права со стороны общества нарушены невыдачею ему вовсе причитающагося дивиденда или уменьшеніемъ не предусмотрѣннымъ въ уставѣ способомъ размѣра такового, то акціонеръ, несомнѣнно, вправѣ на общемъ основаніи (ст. 691 и 693 т. X ч. 1 Зак. Гражд.), возстановлять свои нарушенныя права судомъ, хотя бы такое ограниченіе его акціонерскихъ правъ послѣдовало и по единогласному постановленію общаго собранія. Если воля единичнаго акціонера и подчиняется волѣ большинства, то именно и только подъ условіемъ, что большинство это дѣйствуетъ въ предѣлахъ права, предоставленнаго ему уставомъ—этимъ единственнымъ опредѣлителемъ правъ, обязанностей и отвѣтственности вступающихъ въ компанію акціо-

неровъ (ст. 2118 и п. 10 ст. 2191 т. X ч. I), въ одинаковой степени, очевидно, обязательнымъ какъ для единичнаго акціонера, такъ и для большинства. Въ данномъ случаѣ, какъ указано, причитавшійся на акціи малолѣтной Рахили Бродской, согласно уставу товарищества, по балансу дивидендъ за 1889, 1890, 1891 и 1892 г.г. былъ уменьшенъ общимъ собраніемъ акціонеровъ отчисленіемъ изъ него извѣстнаго процента въ резервный капиталъ и капиталъ пожертвованія. А такъ какъ, не говоря уже о томъ, что постановленіе о капиталѣ пожертвованій, какъ несогласующееся съ самою цѣлью учрежденія промышленнаго товарищества, не можетъ быть вообще по роду своему признано согласнымъ и съ законами о товариществахъ и съ уставомъ, спеціально объ этомъ ничего не упоминающимъ,—ни то, ни другое отчисленіе уставомъ Александровскаго Товарищества не предусмотрѣно—уставъ, § 39, знаетъ лишь отчисленія на погашеніе стоимости строеній и машинъ, въ запасный и пенсіонный капиталы, за каковыми отчисленіями съ присоединеніемъ къ нимъ вознагражденія директору-распорядителю и членамъ правленія вся остальная остающаяся чистая прибыль подлежитъ по уставу распредѣленію въ дивидендъ, то, согласно изложеннымъ соображеніямъ, отчисленія эти и не могутъ быть признаны обязательными для неподчинившейся онымъ малолѣтной Бродской. Независимо отъ сего, если и нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Коммерческаго Суда о томъ, что образованіе особаго резервнаго дивиденднаго фонда представляется весьма цѣлесообразнымъ и желательнымъ, то, очевидно, лишь въ томъ случаѣ, если и употребленіе его исключительно и всецѣло на предназначенную и сообразную съ уставомъ цѣль оставалось бы дѣйствительно строго неизмѣннымъ и гарантированнымъ; въ данномъ же случаѣ о такомъ неизмѣнномъ назначеніи резервнаго дивиденднаго фонда Александровскаго Товарищества не можетъ быть и рѣчи уже потому, что въ томъ же, его учредившемъ, постановленіи общаго собранія сему послѣднему предоставлено право употреблять этотъ капиталъ *по его усмотрѣнію и на иныя какія-либо потребности товарищества*. Кромѣ того, добиться права установленія такого резервнаго фонда товарищество всегда можетъ путемъ соотвѣтствующаго дополненія по сему предмету своего устава въ установленномъ закономъ (ст. 2153 т. X ч. 1) порядкѣ. Что же касается указанія повѣреннаго товарищества на то, что приведенныя отчисленія ничего противозаконнаго въ себѣ не заключаютъ, то таковое не имѣетъ для разрѣшенія настоящаго дѣла значенія: вопросъ не въ противозаконности вообще сдѣланныхъ общимъ собраніемъ отчисленій, а въ обязательности ихъ въ силу устава для неизъявившаго на нихъ въ предѣлахъ своего права согласія акціонера. Большинство, какъ и каждый въ отдѣльности акціонеръ, очевидно, не стѣснено, въ распоряженіи принадлежащимъ ему дивидендомъ по своему усмотрѣнію, а слѣдовательно, ни законъ, ни уставъ, не могутъ ему воспрепятствовать отказаться отъ части причитающагося ему дивиденда и предоставить его для извѣстныхъ цѣлей въ распоряженіе общества, если оно при-

знаетъ это нужнымъ. Въ такихъ случаяхъ, слѣдовательно, можетъ идти рѣчь о дѣйствительности такихъ постановленій общаго собранія акціонеровъ и объ обязательности ихъ только для даннаго разсматриваемаго лица; обязательными же эти постановленія, въ отличіе отъ постановленій, совершаемыхъ въ предѣлахъ устава, могутъ быть признаны для каждаго акціонера лишь въ томъ случаѣ, когда самъ акціонеръ добровольно и положительно изъявилъ на нихъ свое согласіе, ибо, очевидно, никто чужимъ имуществомъ распоряжаться не вправѣ, а слѣдовательно при такого рода постановленіяхъ, не только большинство голосовъ не можетъ имѣть перевѣса надъ меньшинствомъ, но даже единогласная воля участвовавшихъ въ общемъ собраніи акціонеровъ не можетъ быть признана обязательною для несогласнаго съ ней акціонера. Переходя засимъ къ возбужденному отвѣтчикомъ вопросу о томъ, имѣетъ ли опека Бродской послѣ продажи принадлежавшихъ малолѣтной акціи вообще право предъявлять къ товариществу какія либо требованія, Правительствующій Сенатъ находитъ, что дѣйствительно, какъ правильно замѣчаетъ отвѣтчикъ, передача акцій не есть лишь передача однихъ имущественныхъ правъ, связанныхъ со свойствомъ акціонера, а есть передача самого свойства акціонера; изъ этого слѣдуетъ, что цессіонарій вступаетъ во всѣ права цедента, и эти права онъ осуществляетъ, какъ самостоятельный обладатель. Вмѣстѣ съ акціей цессіонарій получаетъ право и на всѣ связанныя съ нею выгоды, но только на выгоды въ будущемъ, ибо на покупателя вещи переходитъ лишь право на тѣ выгоды,—за исключеніемъ случаевъ, когда между продавцомъ и покупателемъ условлено иначе,—которыя возникаютъ *послѣ* сдѣлки купли-продажи, а потому бывшій акціонеръ не вправѣ простирать своихъ требованій на выгоды, полученныя товариществомъ уже послѣ продажи имъ своихъ акцій, какъ на выгоды, всецѣло принадлежащія цессіонарію; но если онъ считаетъ, что имъ получено не все изъ товарищества по бывшимъ его акціямъ за время его бытности акціонеромъ, до момента уступки акцій, то онъ, очевидно, не можетъ быть лишенъ права требовать отъ товарищества выдачи ему недополученнаго, какъ ему одному только причитаться и могущаго. А такъ какъ въ настоящемъ случаѣ опека надъ имуществомъ малолѣтной Анны-Рахиль Бродской ищетъ съ Александровскаго Товарищества недополученнаго малолѣтною, по ея разсчету, дивиденда за время, именно предшествующее продажѣ ею акцій, то, въ силу изложенныхъ соображеній, за нею и должно быть признано вообще право на такого рода искъ. Что же касается указанія отвѣтчика на то, что съ переходомъ къ покупщику отъ малолѣтной Анны-Рахиль Бродской акцій, къ нему перешло и связанное съ этими акціями право на основанный акціонерами резервный дивидендный фондъ, составляющій часть товарищескаго имущества, такъ какъ въ покупную цѣну этихъ акцій вошелъ, будто бы, и эквивалентъ за означенное право, то не говоря уже о томъ, что самое значеніе образованнаго Александровскимъ Товариществомъ резервнаго фонда, какъ ука-

зано уже выше, подрывается возможностью употребленія его и на иныя потребности товарищества по усмотрѣнію большинства въ общемъ собраніи акціонеровъ, указаніе это не можетъ быть принято во вниманіе, ибо такого рода возраженіе могло бы исходить только отъ самого покупщика акцій и быть предметомъ обсужденія суда лишь при разсмотрѣніи спора, который могъ бы возникнуть изъ сдѣлки купли-продажи акцій, но никакъ не въ настоящемъ производствѣ, имѣющемъ своимъ предметомъ искъ, возникшій изъ факта нарушенія, по мнѣнію истца, его имущественныхъ интересовъ самимъ товариществомъ, до котораго имѣвшіе мѣсто между продавцомъ и покупщикомъ акцій разсчеты касаться вовсе не могутъ. Признавъ затѣмъ указаніе просителя на то, что малолѣтная Бродская должна почитаться участвовавшею въ общемъ собраніи въ лицѣ своихъ опекуновъ неуважительнымъ, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что послѣдствіемъ признанія вышеозначенныхъ постановленій акціонеровъ Александровскаго Товарищества по отношенію къ малолѣтной Бродской недѣйствительными и для нея необязательными, должно быть, какъ уже указано, возстановленіе малолѣтной въ ея правахъ, нарушенныхъ этими постановленіями, признаніемъ товарищества обязаннымъ возвратить ей всю ту сумму, которая помимо ея на то согласія удержана была имъ изъ причитавшагося ей къ полученію дивиденда, какъ на предметъ образованія резервнаго дивиденднаго фонда, такъ и въ капиталъ пожертвованій. Что же касается объясненія отвѣтчика о томъ, что судъ долженъ только ограничиться признаніемъ вышеозначенныхъ постановленій для малолѣтной необязательными и не вправѣ присуждать ей какой либо опредѣленной суммы, такъ какъ опредѣленіе размѣра причитающагося по акціямъ дивиденда принадлежитъ исключительно общему собранію акціонеровъ, то оно не заслуживаетъ уваженія, ибо никакой необходимости въ передѣлѣ дивиденда между всѣми акціонерами признаніе для малолѣтной Бродской оспоренныхъ ею постановленій необязательными за собою не влечетъ; акціонеры, какъ видно изъ протоколовъ ихъ общихъ собраній, каждый разъ сами опредѣляли, какой именно дивидендъ подлежитъ вообще, согласно уставу, выдачѣ акціонерамъ и только уже послѣ этого приступали къ производству изъ общей суммы дивиденда различныхъ, непредусмотрѣнныхъ уставомъ, отчисленій; слѣдовательно, размѣръ причитавшагося ежегодно къ полученію, согласно уставу, дивиденда представляется величиною вполнѣ опредѣленною, а потому судъ не только вправѣ, но и обязанъ удовлетворить искъ опеки надъ имуществомъ малолѣтной Бродской въ опредѣленной суммѣ, такъ какъ вся его задача сводится въ этомъ отношеніи къ простому математическому разсчету, т. е. къ опредѣленію разницы между двумя, вполнѣ опредѣленными суммами полученнаго и подлежавшаго, по опредѣленію самого же отвѣтчика, къ полученію дивиденда. Равнымъ образомъ, не заслуживаетъ уваженія и указаніе отвѣтчика на то, что искъ опеки не можетъ подлежать удовлетворенію какъ потому, что резервный дивидендный фондъ

ничѣмъ не отличается отъ предусмотрѣннаго уставомъ запаснаго фонда, такъ и потому, что капиталъ пожертвованій уже израсходованъ товариществомъ, ибо первое соображеніе опровергается уже тѣмъ, что сами акціонеры для осуществленія задуманной ими цѣли не сочли достаточнымъ увеличить посредствомъ опредѣленныхъ отчисленій изъ дивиденда запасный капиталъ, а сочли нужнымъ образовать для этого особый капиталъ, по ихъ же собственнымъ понятіямъ уставомъ непредусмотрѣнный и притомъ исчисленный не въ порядкѣ, для запаснаго капитала установленномъ (именно не до, а послѣ опредѣленія вознагражденія членамъ правленія и директору),—фактъ же израсходованія отвѣтчикомъ капитала пожертвованій ни въ чемъ правъ истца умалить не можетъ. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ и принимая во вниманіе, что противъ приводимаго истцомъ разсчета причитающейся ему къ возврату суммы отвѣтчикъ вообще не споритъ,—Правительствующій Сенатъ въ измѣненіе состоявшагося по настоящему дѣлу 16 апрѣля 1896 г. рѣшенія Одесскаго Коммерческаго Суда по встрѣчному иску опеки надъ имуществомъ малолѣтной Анны-Рахиль Бродской къ Александровскому Товариществу сахарныхъ заводовъ присудилъ съ Александровскаго Товарищества въ пользу Анны-Рахиль Бродской сверхъ присужденныхъ судомъ 49.441 руб. 21 к. еще 81.889 руб. 69 к. съ % со дня предъявленія встрѣчнаго иска (1896 г., № 1269).

172|119. То обстоятельство, что при принятіи новыхъ пайщиковъ не были соблюдены формальныя правила оповѣщенія, ни въ чемъ не можетъ измѣнить обязанностей, вытекавшихъ для новыхъ пайщиковъ изъ договора о вступленіи ихъ въ дѣло товарищества и не можетъ уменьшить денежной отвѣтственности вкладчиковъ; исковая давность для кредиторовъ въ отношеніи исковъ къ пайщикамъ, вышедшимъ изъ товарищества, начинается не со времени полученія стоимости пая и % изъ кассы товарищества, а со времени открытія несостоятельности товарищества, до которой нельзя обратиться съ искомъ къ пайщику, а лишь къ товариществу (1889 г., № 781).

173|120. Правленіе общества, при сношеніяхъ съ 3-ми лицами, является представителемъ общества; акты имъ совершенные—для общества обязательны и безъ представленія подтверждающихъ его уполномочія постановленій совѣта или общаго собранія акціонеровъ (вопросъ возникъ о силѣ довѣренности правленія на веденіе иска) (1879 г., №№ 1301 и 1354).

174|121. Общее собраніе акціонеровъ можетъ уволить члена правленія или директора отъ должности и до срока, если оно признаетъ дѣятельность его несогласною съ пользою компаніи.

Предметъ дѣла составляютъ: искъ Захарченки къ Товариществу Невской писчебумажной фабрики Бр. Варгуниныхъ о платежѣ условленнаго вознагражденія по договору личнаго найма по 1-е іюля 1901 года и директорскаго жалованья, на основаніи постановленія общаго собранія пайщиковъ, 20 сентября 1899 г., всего 21.650 руб., и встрѣчный искъ Товарищества къ Захарченкѣ о возвратѣ неправильно полученнаго вознагражденія въ суммѣ 9.800 рублей. Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что исковыя притязанія Захарченки слагаются изъ слѣдующихъ частей: 1) требованія вознагражденія по срокъ договора, выраженнаго въ письмѣ Правленія Товарищества отъ 1 декабря 1897 г. по должности *завѣдующаго распорядительною частью* на фабрикѣ Товарищества, заключающагося въ жалованьи, въ размѣрѣ 6.000 руб. въ годъ, и 200 руб. въ мѣсяцъ квартирныхъ, а также въ 2% съ отчисленной пайщикамъ въ дивидендъ прибыли за каждый операціонный годъ, и 2) требованія 5.000 р. директорскаго вознагражденія за 1898—1899 операціонный годъ, опредѣленнаго чрезвычайнымъ общимъ собраніемъ 20 сентября 1899 г. въ 15.000 руб. тремъ директорамъ, и связаннаго съ этимъ требованія о признаніи постановленія того же общаго собранія недѣйствительнымъ относительно увольненія Захарченки. Останавливаясь на первой части иска, Правительствующій Сенатъ находитъ, что письмомъ отъ 1 декабря 1897 г. Правленіе Товарищества Невской писчебумажной фабрики Бр. Варгуниныхъ пригласило истца Захарченко поступить на должность завѣдующаго распорядительною частью Товарищества, срокомъ по 1 іюля 1901 г. за точно опредѣленное въ томъ же письмѣ вознагражденіе, причемъ письмо это подписано всѣми тремя директорами, изъ коихъ, согласно уставу Товарищества, состоитъ Правленіе. Имѣя въ виду, что по § 23 устава Товарищества, Правленіе распоряжается всѣми дѣлами Товарищества, причемъ къ обязанностямъ его относится, между прочимъ, „опредѣленіе необходимыхъ для службы по Товариществу лицъ съ назначеніемъ имъ предметовъ занятій и содержанія“ (п. в.) и „заключеніе всѣхъ договоровъ по предпріятію“ (п. е.), что „переписка по дѣламъ Товарищества производится отъ имени Правленія за подписью одного изъ директоровъ“, а „двумя директорами должны быть подписаны“, между прочимъ, „довѣренности, договоры и условія“ (§ 25), и что выраженный въ письмѣ Правленія отъ 1 декабря 1897 г. договоръ о личномъ наймѣ Захарченки завѣдующимъ распорядительною частью Товарищества, какъ это видно изъ дѣла и чего не отрицаютъ тяжущіяся стороны, былъ принятъ къ исполненію обоими контрагентами,—нельзя не придти къ выводу, что договоръ этотъ, какъ заключенный со стороны Товарищества законнымъ его представителемъ и принятый къ исполненію, долженъ считаться, по силѣ ст. 569 и 570 т. X ч. 1, безусловно обязательнымъ для Товарищества, тѣмъ болѣе, что даже независимо отъ Правленія, и само Товарищество, въ лицѣ общаго собранія пайщиковъ, знало объ этомъ договорѣ, одобрило, и приняло его безъ оговорки къ исполненію,

какъ это видно изъ постановленія общаго собранія пайщиковъ отъ 27 іюня 1898 г., въ каковомъ собраніи изъ явившихся пайщиковъ съ 143 голосами, пайщики съ 135 голосами постановили утвердить представленный отчетъ и балансъ за 15 мѣсяцевъ 1897—1898 года, т. е. такой отчетъ, въ коемъ въ числѣ расходовъ помѣщено было и уплаченное завѣдующему распорядительною частью Захарченкѣ вознагражденіе за время съ 1 декабря 1897 г., до конца отчетнаго періода. Затѣмъ, изъ дѣла видно, что въ томъ же общемъ собраніи пайщиковъ 27 іюня 1898 г. Захарченко былъ избранъ въ кандидаты директора Правленія, причемъ общее собраніе, не обусловливая это избраніе отказомъ отъ должности завѣдующаго распорядительною частью, тѣмъ самымъ признало съ своей стороны совмѣстимость названныхъ двухъ должностей. Несмотря на это повѣренный Товарищества, возражая противъ иска Захарченки, заявляетъ, что Захарченко, при избраніи его въ кандидаты директора Правленія, долженъ считаться сложившимъ съ себя обязанности по найму его письмомъ 1 декабря 1897 г. въ должность *завѣдующаго распорядительною частью*, такъ какъ, по мнѣнію апеллятора, и по закону и съ практической точки зрѣнія званіе кандидата директора, или директора несовмѣстимо съ исполненіемъ обязанностей по службѣ въ Товариществѣ; однако, такое заявленіе повѣреннаго отвѣтчика не можетъ быть признано уважительнымъ: въ уставѣ Товарищества, которымъ прежде всего надлежитъ руководствоваться, какъ закономъ спеціальнымъ для Товарищества, возможность и право избранія въ директора и кандидаты къ нимъ, поставлена въ зависимость лишь отъ одного условія, что „въ директора и кандидаты къ нимъ избираются лица, имѣющія не менѣе десяти паевъ“, которые и хранятся въ кассѣ Товарищества. Никакихъ дальнѣйшихъ ограниченій права быть избраннымъ въ директора и кандидаты, ни въ уставѣ Товарищества, ни въ общихъ законахъ (т. X Св. Зак. Гражд. о товар. по уч. и комп. на акціяхъ) не содержится; такимъ образомъ, законныхъ препятствій къ дальнѣйшему исполненію со стороны Захарченки обязанностей завѣдующаго распорядительною частью по найму, послѣ избранія его въ кандидаты директора и поступленія затѣмъ на освободившуюся вакансію въ комплектѣ директоровъ Правленія не усматривается. Затѣмъ, что касается препятствій въ этомъ отношеніи съ точки зрѣнія практической, то по сему предмету Правительствующій Сенатъ находитъ, что несомнѣнно не всякая безъ исключенія должность по найму въ Товариществѣ на паяхъ можетъ быть совмѣщаема съ званіемъ директора или кандидата въ директора Товарищества, а вопросъ о совмѣстимости подлежитъ разрѣшенію въ каждомъ данномъ случаѣ по обстоятельствамъ дѣла: такъ напр., нельзя не признать, что простой рабочій, сторожъ, цѣлый рядъ мелкихъ служащихъ, по самому своему положенію не могутъ быть одновременно директорами Правленія или кандидатами въ директора; равнымъ образомъ нѣкоторые служащіе по особому свойству и характеру возложенныхъ на нихъ обязанностей не могутъ состоять одновре-

менно директорами, какъ напр., кассиръ или бухгалтеръ, дѣятельность коихъ представляется взаимно другъ друга контролирующею и подлежащею совмѣстному контролю со стороны Правленія. Однако, подобныхъ препятствій къ совмѣщенію обязанностей служащаго съ званіемъ директора или кандидата въ директора нельзя усмотрѣть въ настоящемъ случаѣ относительно Захарченки, ни по служебному его положенію въ Товариществѣ, ни по особому свойству возложенныхъ на него обязанностей по этой службѣ: Захарченко былъ нанятъ письмомъ отъ 1 декабря 1897 г. „завѣдующимъ распорядительною частью", т. е. на должность, близко подходящую къ понятію директора-распорядителя, функціи котораго лишь въ деталяхъ отличаются отъ обязанностей директора Правленія вообще и въ дѣйствительности весьма часто въ акціонерныхъ и паевыхъ предпріятіяхъ возлагаются на одного изъ директоровъ Правленія за особое вознагражденіе; единственная практическая разница занятія должности директора-распорядителя особымъ постороннимъ лицомъ, или однимъ изъ директоровъ Правленія заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ контроль дѣйствій директора-распорядителя принадлежитъ Правленію въ полномъ составѣ, а въ послѣднемъ,—остальнымъ членамъ Правленія помимо исполняющаго обязанности директора-распорядителя,—но эта практическая разница, ни по значенію своему, ни въ дѣйствительности не можетъ быть признана достаточнымъ основаніемъ къ воспрещенію членамъ Правленія или кандидатамъ исполненія обязанностей директора-распорядителя или, какъ въ данномъ случаѣ, завѣдующаго распорядительною частью. Къ тому же нельзя не указать и на то, что возложенныя на Захарченко особыя обязанности, какъ онѣ выясняются изъ дѣла, вовсе не представляются столь всеобъемлющими, чтобы онѣ, какъ заявляетъ апелляторъ, при совмѣщеніи ихъ съ званіемъ директора Правленія давали ему возможность безконтрольнаго распоряженія всѣмъ имуществомъ и дѣлами Товарищества; изъ дѣла видно, что Захарченко былъ занятъ спеціально урегулированіемъ вопроса о переоцѣнкѣ недвижимости и другого имущества Товарищества въ связи съ обложеніемъ его казенною пошлиною, т. е. такимъ предметомъ, который вовсе не сосредоточивалъ въ его рукахъ всѣ дѣла Товарищества; если же впослѣдствіи, въ 1899 г., Захарченко, вслѣдствіе выхода нѣкоторыхъ директоровъ и отказа кандидатовъ занять ихъ мѣсто, временно явился единственнымъ представителемъ Правленія, то это фактическое положеніе, имѣвшее притомъ мѣсто помимо вины Захарченки, не можетъ служить матеріаломъ и имѣть какое-либо значеніе при обсужденіи вопроса о томъ, совмѣстимо ли исполненіе возложенныхъ на него письмомъ 1 декабря 1897 г. обязанностей по найму съ званіемъ кандидата директора по избранію общаго собранія пайщиковъ 1898 г. Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе: 1) что между истцомъ и отвѣтчикомъ состоялся, какъ это удостовѣряется письмомъ Правленія отъ 1 декабря 1897 г., договоръ личнаго найма на срокъ по 1 іюля 1901 г. съ жалованьемъ въ

6.000 руб. въ годъ и готовой квартирой на фабрикѣ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ,—замѣненной впослѣдствіи, какъ это установлено въ письменномъ объясненіи Правленія общему собранію пайщиковъ отъ 25 іюня 1899 г. и подтверждено показаніемъ свидѣтеля Глинки,—вознагражденіемъ въ размѣрѣ 200 р. въ мѣсяцъ; 2) что въ силу ст. 2228 т. X ч. I договоръ личнаго найма исполняется соблюденіемъ договаривающимися сторонами постановленныхъ въ немъ условій; 3) что отвѣтчикъ ничѣмъ не доказалъ несоблюденія истцомъ этихъ условій; 4) что согласно ст. ст. 2238 и 570 т. X ч. 1 отсылка хозяиномъ нанявшагося до срока производитъ для послѣдняго право требовать отъ лица обязавшагося удовлетворенія во всемъ томъ, что постановлено въ договорѣ,—Правительствующій Сенатъ находитъ требованіе Захарченкою неуплаченнаго ему жалованья и квартирныхъ съ 1 сентября 1899 г. по срокъ договора, т. е. по 1 іюля 1901 г.,—правильнымъ. Въ силу тѣхъ же соображеній представляется правильнымъ въ существѣ своемъ и исковое требованіе Захарченки о присужденіи ему вознагражденія въ размѣрѣ 2% съ чистой прибыли, выдаваемой пайщикамъ въ дивидендъ, каковое вознагражденіе одинаково установлено письмомъ 1 декабря 1897 г. и притомъ никакими особыми условіями (личная дѣятельность, большая или меньшая ея успѣшность) не ограничено. По симъ основаніямъ слѣдуетъ присудить истцу въ качествѣ 2% съ чистой прибыли за 1898—1899 операціонный годъ 1.250 руб., ибо изъ дѣла видно, что во вторичномъ общемъ собраніи пайщиковъ отъ 20 сентября 1899 г. было постановлено изъ чистой прибыли въ 67.219 р. 48 к. выдать въ дивидендъ пайщикамъ 5%,—то есть на весь основной капиталъ Товарищества въ 1.250.000 р., всего 62.500 р.,—2% съ каковой суммы и составляютъ 1.250 руб. Затѣмъ 2% вознагражденіе съ чистой прибыли Товарищества за 1899—1900 операціонный годъ не можетъ быть присуждено истцу лишь потому, что согласно печатному отчету, представленному къ дѣлу самимъ истцомъ, Товарищество за 1899—1900 годъ имѣло не прибыль, а убытокъ, а за 1900—1901 операціонный годъ, если Товарищество за это время имѣло чистую прибыль, Захарченко долженъ получить условленные 2% съ суммы, выданной пайщикамъ въ дивидендъ, какъ это вполнѣ правильно признано Коммерческимъ Судомъ; наконецъ, что касается требованія 2% вознагражденія съ чистой прибыли за первые три (3) мѣсяца,—съ 1 апрѣля по 1 іюля, 1901—1902 операціоннаго года, то таковое не можетъ быть присуждено Захарченкѣ потому, что по договору 1 декабря 1897 г. Товарищество обязалось уплачивать Захарченкѣ 2% съ тѣхъ суммъ, „которыя могутъ быть выданы въ дивидендъ пайщикамъ и будутъ въ дѣйствительности выданы“, между тѣмъ суммы, выдаваемыя въ дивидендъ пайщикамъ, ежегодно отчислялись на общемъ собраніи за весь операціонный годъ, безотносительно къ тому, дали ли операціи Товарищества чистую прибыль и въ какомъ размѣрѣ за тотъ или другой отдѣльный мѣсяцъ сего года, а засимъ не усматривается пра-

вильнаго основанія къ исчисленію отдѣльно чистой прибыли за первые три мѣсяца 1901—1902 операціоннаго года и къ присужденію согласно сему разсчету Захарченкѣ 2% вознагражденія за данный періодъ времени. Такимъ образомъ первая часть иска Захарченки подлежитъ удовлетворенію: а) въ суммѣ 15.400 р., какъ жалованье и квартирныя деньги за время съ 1 сентября 1899 г. по 1 іюля 1901 г.; б) въ суммѣ 1.250 руб. какъ 2% вознагражденіе съ чистой прибыли, выданной въ дивидендъ за 1898—1899 операціонный годъ, и в) признаніемъ за истцомъ права на 2% съ той суммы, которая будетъ выдана въ дивидендъ пайщикамъ Товарищества за 1900—1901 операціонный годъ. Обращаясь наконецъ къ соображеніямъ апеллятора о томъ: 1) что присужденіе Захарченкѣ нынѣ полнаго вознагражденія по срокъ, означенный въ договорѣ 1 декабря 1897 г., лишаетъ Товарищество возможности требовать съ своей стороны исполненія сего договора истцомъ и освобождаетъ истца отъ представленія доказательствъ, что онъ предлагалъ свою службу, но таковая не была принята Товариществомъ, и 2) о томъ, что истцомъ преждевременно требуется вознагражденіе по договору 1 декабря 1897 г. за время послѣ предъявленія иска (16 ноября 1899 г.),—Правительствующій Сенатъ находитъ эти соображенія неосновательными, ибо прежде всего изъ дѣла видно, что Захарченко до предъявленія своего иска, предлагалъ Товариществу продолжать свою службу, но Товарищество письмомъ Правленія отъ 12 октября 1899 г. за № 6 отъ этого отказалось, а при такомъ положеніи дѣла не можетъ быть уже рѣчи ни о нарушеніи въ чемъ-либо правъ Товарищества, какъ контрагента по договору 1 декабря 1897 г., присужденіемъ Захарченкѣ условленнаго симъ договоромъ вознагражденія, ни о преждевременности иска по сему предмету Захарченки, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время, во всякомъ случаѣ, уже истекъ срокъ сего договора (1 іюля 1901 г.) и засимъ наступила, безъ сомнѣнія, обязанность Товарищества къ выдачѣ Захарченкѣ выговореннаго договоромъ вознагражденія. Переходя затѣмъ ко второй части иска Захарченки—къ требованію директорскаго вознагражденія въ суммѣ 5.000 р.—и останавливаясь сперва на спорѣ сторонъ о правѣ общаго собранія увольнять директоровъ Правленія до срока, на который они избраны, Правительствующій Сенатъ считаетъ необходимымъ установить характеръ тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между *акціонернымъ* обществомъ или паевымъ товариществомъ и лицами, состоящими по выборамъ директорами или членами правленія даннаго общества или товарищества. Отношенія эти по свойству и существу своему не могутъ быть подведены всецѣло подъ отношенія хозяина къ приказчику, т. е. подъ отношенія по договору личнаго найма, а должны быть уподобляемы скорѣе отношеніямъ довѣрителя къ уполномоченному, т. е. отношеніямъ по договору довѣренности и порученія. Въ виду сего слѣдуетъ придти къ заключенію, что акціонерныя и паевыя товарищества вообще не могутъ быть лишены права, въ лицѣ общихъ собраній пай-

щиковъ или акціонеровъ, смѣнять избранныхъ директоровъ или членовъ правленія и до срока, на который они избраны. Хотя общіе законы объ акціонерныхъ обществахъ, изложенные въ Зак. Гражд. т. X ч. 1, и значительная часть уставовъ отдѣльныхъ обществъ, особенно за прежнее время, не содержатъ въ себѣ никакихъ постановленій по сему предмету, но цѣлый рядъ уставовъ акціонерныхъ обществъ, изданныхъ за послѣднее время, начиная съ 1883 г., а также Высоч. утв. 21 декабря 1901 г. Пол. Ком. Министровъ объ измѣненіи и дополненіи узаконеній относительно общихъ собраній и ревизіонной части акціонерныхъ компаній, а равно состава правленій оныхъ, обнаруживаетъ взглядъ законодателя по данному вопросу именно въ изложенномъ выше направленіи, заключая въ себѣ постановленія о правѣ общаго собранія акціонеровъ смѣнять и устранять директоровъ или членовъ правленія независимо отъ истеченія срока ихъ выбора. При этомъ нельзя не признать, однако, за смѣненнымъ директоромъ права доказывать неосновательность отмѣны существующихъ между нимъ и товариществомъ договорныхъ отношеній и требовать въ такомъ случаѣ отъ товарищества, хотя и не возстановленія этихъ договорныхъ отношеній, но возмѣщенія понесенныхъ убытковъ, т. е. между прочимъ, уплаты причитающагося ему,—по уставу или по постановленію общаго собранія,—содержанія. Приступая съ этой точки зрѣнія къ обсужденію права истца Захарченки на полученіе директорскаго вознагражденія, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ чрезвычайномъ общемъ собраніи пайщиковъ отъ 20 сентября 1899 г. было постановлено единогласно, за выраженнымъ директору Захарченкѣ недовѣріемъ, считать его уволеннымъ, но такъ какъ въ этомъ постановленіи не указано никакихъ фактическихъ данныхъ, которыя обнаруживали бы какія-либо неправильныя дѣйствія или вину Захарченки при исполненіи имъ обязанностей директора,—оправдывающія его увольненіе, а при производствѣ настоящаго дѣла по иску Захарченки къ Товариществу равнымъ образомъ такихъ данныхъ со стороны отвѣтчика не доказано, то постановленіе общаго собранія пайщиковъ объ увольненіи директора Захарченки должно быть признано неосновательнымъ, а засимъ согласно вышеизложеннымъ началамъ за истцомъ, Захарченко, могло бы быть признано право на возмѣщеніе понесенныхъ имъ убытковъ въ видѣ того директорскаго вознагражденія, котораго онъ лишился вслѣдствіе досрочнаго увольненія. Однако это положеніе, по обстоятельствамъ дѣла, не можетъ повести къ признанію правильнымъ опредѣленія Коммерческаго Суда о присужденіи въ пользу Захарченко 5.000 рублей директорскаго вознагражденія за 1898—1899 г., въ теченіе коего онъ фактически исполнялъ обязанности директора, собственно на томъ основаніи, что за 1898—1899 г. директорскаго вознагражденія, которое по § 22 устава зависѣло всецѣло отъ назначенія общаго собранія пайщиковъ, вовсе назначено не было, а то вознагражденіе въ 15.000 руб., которое по постановленію чрезвычайнаго общаго со-

бранія пайщиковъ 20 сентября 1899 г. назначено „въ распоряженіе трехъ директоровъ согласно § 22 устава“, относилось,—какъ это видно изъ совокупнаго смысла постановленій сего общаго собранія и чего не отрицаютъ обѣ тяжущіяся стороны,—къ 1899—1900 г., и къ тремъ директорамъ,—вновь избраннымъ въ сказанномъ общемъ собраніи. При такомъ положеніи дѣла присужденіе Коммерческимъ Судомъ Захарченкѣ третьей части изъ спхъ 15.000 руб. въ качествѣ директорскаго вознагражденія за 1898—1899 г. не можетъ быть признано правильнымъ и подлежитъ отмѣнѣ. На основаніи всего вышеизложеннаго, Правительствующій Сенатъ пришелъ къ заключенію, что исковыя требованія Захарченки подлежатъ удовлетворенію въ суммѣ 16.650 руб. Встрѣчный же искъ Товарищества къ Захарченкѣ о возвратѣ излишне полученныхъ, будто, 9.800 рублей, въ виду разрѣшенія первоначальнаго иска въ изложенномъ смыслѣ, не можетъ подлежать удовлетворенію (1902 г., № 412, см. также сб. Н. У № 77).

175|122. Даваемая правленіемъ товарищества директору-распорядителю инструкція опредѣляетъ отношенія сего послѣдняго лишь къ товариществу, но не къ третьимъ лицамъ; для третьихъ лицъ удостовѣреніемъ правоспособности директора-распорядителя къ совершенію сдѣлокъ отъ имени товарищества во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые относятся до ближайшаго завѣдыванія дѣлами товарищества, является уже самый тотъ фактъ, что данное лицо состоитъ директоромъ-распорядителемъ. Если же при совершеніи сдѣлки съ третьимъ лицомъ директоръ-распорядитель выйдетъ изъ предѣловъ инструкціи или причинитъ убытокъ товариществу, то это обстоятельство, давая основаніе къ требованію товарищества къ нарушителю инструкціи, не можетъ служить сему товариществу основаніемъ къ оспариванію обязательности этой сдѣлки для себя (1892 г., № 93).

176|123. О значеніи дѣйствій директора-распорядителя по отношенію къ третьимъ лицамъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что предметъ его составляетъ искъ крестьянина Радаева къ обществу пароходства и торговли Волжскаго бассейна 43.362 руб. 32 к. убытковъ отъ недоставленія послѣднимъ различныхъ минеральныхъ маслъ, въ количествѣ и по цѣнамъ, установленнымъ въ письмѣ правленія общества отъ 7 августа 1899 г. № 49. Требуя возмѣщенія убытковъ, истецъ опредѣляетъ ихъ въ видѣ разницы цѣнъ, стоявшихъ на рынкѣ въ періодъ времени, опредѣленный для исполненія договора и указанныхъ въ письмѣ 7 августа, причемъ при разсчетѣ принимаетъ во вниманіе среднюю какъ изъ стоявшихъ въ теченіе года цѣнъ, такъ и обу-

словленнаго къ доставкѣ въ мѣсяцъ количества маслъ. Въ большей части искъ Радаева Московскимъ Коммерческимъ Судомъ удовлетворенъ, именно въ суммѣ 36.080 руб. 32 коп., на что и принесена апелляціонная жалоба повѣреннымъ общества. Послѣдній въ своей жалобѣ, не приводя новыхъ данныхъ къ отмѣнѣ рѣшенія суда, поддерживаетъ возраженія, заявленныя имъ въ Коммерческомъ Судѣ и заключающіяся главнымъ образомъ въ указаніи на необязательность для общества положеннаго въ основаніе иска договора, выраженнаго въ письмѣ правленія общества, подписанномъ директоромъ-распорядителемъ Де-Кейперомъ отъ 7 августа 1899 г., прежде всего потому, что этотъ договоръ, вопреки требованію устава общества (§ 51) подписанъ *однимъ* лишь директоромъ-распорядителемъ, вмѣсто двухъ членовъ правленія, а затѣмъ на томъ основаніи, что договоръ этотъ не былъ принятъ къ исполненію обществомъ, а исполнялся однимъ директоромъ-распорядителемъ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ товаръ покупался Радаевымъ сперва у фирмы Черепъ-Спиридовичей, а затѣмъ у общества Волжскаго бассейна, причемъ во всѣхъ письмахъ и контокуррентномъ счетѣ нѣтъ никакого указанія на существованіе сдѣлки о продажѣ Радаеву минеральныхъ маслъ по договору 7 августа 1899 г. Останавливаясь на доводѣ апеллятора о томъ, что сдѣлка, выраженная въ письмѣ отъ 7 августа 1899 г., подписанномъ директоромъ-распорядителемъ, необязательна для общества, такъ какъ письмо это, вопреки § 51 уст. общ., подписано однимъ лишь директоромъ-распорядителемъ Де-Кейперомъ, не имѣвшимъ по объясненію апеллятора ни довѣренности, ни инструкціи отъ правленія (§ 53), Правительствующій Сенатъ признаетъ этотъ доводъ апеллятора незаслуживающимъ уваженія. Для оцѣнки основательности возраженій апеллятора противъ обязательности для общества сдѣлки продажи минеральныхъ маслъ, выраженной въ письмѣ на имя Радаева отъ 7 августа 1899 г., прежде всего необходимо коснуться значенія въ акціонерномъ обществѣ и для третьихъ лицъ—директора-распорядителя. По уставамъ многихъ акціонерныхъ обществъ, въ томъ числѣ и общества пароходства и торговли Волжскаго бассейна, предоставляется Правленію общества, съ утвержденія общаго собранія акціонеровъ, избрать не только изъ своей среды, но и изъ стороннихъ лицъ особаго директора-распорядителя для ближайшаго, т. е. непосредственнаго завѣдыванія дѣлами общества и дѣйствующаго по инструкціи, утверждаемой и измѣняемой общимъ собраніемъ акціонеровъ; кромѣ того онъ можетъ быть снабженъ и довѣренностью отъ правленія. Такой избранный и утвержденный общимъ собраніемъ акціонеровъ директоръ-распорядитель является посему лицомъ, коему правленіе общества передаетъ свои полномочія какъ по представительству акціонернаго товарищества, такъ и по завѣдыванію и управленію его дѣлами, причемъ, управляя дѣлами сего товарищества, онъ созываетъ Правленіе лишь по тѣмъ дѣламъ, разрѣшеніе которыхъ не предоставлено ему по инструкціи. Такимъ образомъ директоръ-распорядитель, являясь уполномоченнымъ акціонернаго общества, замѣстителемъ его

правленія, несомнѣнно обязанъ подчиняться лишь тѣмъ ограниченіямъ своего полномочія, которыя будутъ указаны общимъ собраніемъ акціонеровъ въ выданной ему инструкціи. Но это ограниченіе въ инструкціи, какъ и ограниченія въ довѣренности, выдаваемой правленіемъ, не могутъ имѣть обязательнаго значенія для добросовѣстныхъ третьихъ лицъ, заключившихъ договоръ съ директоромъ-распорядителемъ, по ввѣреннымъ ему операціямъ, не зная о существующихъ ограниченіяхъ его полномочій. Въ настоящемъ дѣлѣ, по объясненію апеллятора, избранный изъ среды директоровъ правленія директоръ-распорядитель общества пароходства и торговли Волжскаго бассейна Де-Кейперъ не былъ вовсе снабженъ ни инструкціями, ни довѣренностью правленія и такимъ образомъ оказывается, что онъ, Де-Кейперъ, завѣдывалъ всѣми дѣлами общества безъ всякаго ограниченія. О назначеніи Де-Кейпера директоромъ-распорядителемъ было доведено до всеобщаго свѣдѣнія циркуляромъ правленія общества отъ іюля 1899 г., экземпляръ коего представленъ къ дѣлу и, слѣдовательно, съ этого времени Де-Кейперъ являлся уполномоченнымъ на заключеніе отъ имени правленія сдѣлокъ, входящихъ въ кругъ операцій общества (§ 46 п. X), причемъ заключенныя имъ сдѣлки являлись обязательными для общества (ст. 2181 т. X ч. I Зак. Гражд.). Значеніе подобнаго рода циркуляровъ разъяснено было въ Высочайше утвержденномъ 12 марта 1874 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта по дѣлу Колосовскаго съ С.-Петербургскимъ Международнымъ Коммерческимъ Банкомъ въ томъ смыслѣ, что предъявленіе управляющимъ торговымъ предпріятіемъ, указаннымъ въ обвѣщеніяхъ (циркулярахъ) данной ему довѣренности или другого акта уполномочія, при заключеніи каждой сдѣлки и при совершеніи каждой операціи, представляется дѣломъ, положительно невыполнимымъ, что каждый, вступающій въ сдѣлку, имѣетъ полное основаніе вѣрить подписи лица, о которомъ объявлено въ обвѣщеніяхъ (циркулярахъ), какъ подписи самаго торговаго товарищества, хотя бы это лицо и не было снабжено довѣренностью. Исходя изъ вышеизложенныхъ соображеній, нельзя не признать, что указаніе апеллятора на то, что сдѣлка, выраженная въ письмѣ директора-распорядителя отъ 7 августа 1899 г. заключена, вопреки § 51 устава общества, имъ однимъ,—теряетъ всякое значеніе, и заключеніе Московскаго Коммерческаго Суда, что директору-распорядителю принадлежатъ всѣ тѣ права и обязанности, какія предоставлены обществомъ Правленію, за исключеніемъ лишь подписи на акціяхъ, и въ случаѣ невыдачи довѣренности, когда необходимо общее дѣйствіе директоровъ, и что примѣненіе § 51 устава можетъ имѣть мѣсто только тогда, если нѣтъ директора-распорядителя,—представляется вполнѣ правильнымъ. Но, если бы и допустить возможность примѣненія § 51 устава и при участіи директора-распорядителя, то и въ такомъ случаѣ не представляется правильнаго основанія къ признанію письма отъ 7 августа необязательнымъ для общества. По § 51 устава общества, векселя, довѣренности, договоры, условія, купчія крѣпости и другіе акты, равно требованія на обратное полученіе суммъ общества

изъ кредитныхъ установленій, должны быть подписаны, по крайней мѣрѣ, двумя членами Правленія. Сопоставляя приведенное постановленіе устава съ предыдущими §§ (§ 50), по которому вся переписка по дѣламъ общества производится отъ имени Правленія, за подписью одного изъ директоровъ, Правительствующій Сенатъ приходитъ къ заключенію, что по точному смыслу устава, подъ договорами и условіями, о которыхъ говорится въ § 51 наряду съ векселями, довѣренностями, крѣпостями и другими актами, на которыхъ необходима подпись не менѣе двухъ членовъ Правленія, слѣдуетъ, очевидно, разумѣть договоры и обязательства, изложенные въ письменномъ формальномъ актѣ, какъ это понимается закономъ, т. е. или односторонніе акты и обязательства (векселя, довѣренности и т. п.) или акты договорнаго характера, излагающіе взаимныя обязательства и подлежащіе подписанію обѣими договаривающимися сторонами. Иначе и вся переписка по дѣламъ общества,—въ которой отъ имени Правленія могло сообщаться, какъ въ перепискѣ торговаго предпріятія,—о принятіи тѣхъ или другихъ предложеній, о различныхъ условіяхъ и соглашеніяхъ по поводу предпринятыхъ операцій, объ измѣненіи заключенныхъ условій, уступкахъ и т. п. и вообще о такихъ дѣйствіяхъ Правленія, которыя носятъ договорный характеръ, подлежала бы подписанію не иначе, какъ двумя членами, вопреки правила § 50. Что касается настоящаго случая, то, какъ видно изъ содержанія письма директора-распорядителя отъ 7 августа 1899 г., оно представляетъ собою не письменный договоръ въ указанномъ выше смыслѣ, а именно обычное, какъ и во всѣхъ торговыхъ предпріятіяхъ и акціонерныхъ обществахъ, извѣщеніе директоромъ-распорядителемъ отъ имени Правленія о рѣшеніи Правленія принять сдѣлку, основанную на личныхъ переговорахъ, по заключенію договора о продажѣ всей выработки минеральныхъ маслъ завода общества „Гордѣевское товарищество“ въ Нижнемъ-Новгородѣ съ довѣреннымъ Радаева, Д. Ф. Ганинымъ („мы изъявляемъ согласіе“ и т. д.), по согласіи на извѣстныя условія относительно срока сдѣлки, цѣны, качества, времени сдачи проданнаго товара и проч. Въ торговомъ быту обыкновенно продажа и поставка товара не различаются и продажей называется и поставка товара, съ сдачей въ условленные сроки. Правительствующій Сенатъ (рѣш. Касс. Деп. 1886 г., № 83), разграничивая признаки продажи и поставки, высказалъ, что, если въ договорѣ стороны изъяснили, что одна изъ нихъ продала, а другая купила извѣстные предметы, то нѣтъ основанія, вопреки такому изъясненію не признавать сдѣлку куплей-продажей, если въ содержаніи договора не замѣчается признаковъ, не допускаемыхъ при продажѣ. Затѣмъ, хотя наши гражданскіе законы требуютъ письменнаго удостовѣренія о поставкѣ и запродажѣ движимаго имущества (ст. 1690 и прим. къ 1742 т. X ч. 1), но продажу движимаго имущества допускаютъ и по словеснымъ соглашеніямъ. Но, требуя письменнаго удостовѣренія запродажи и поставки, законъ не ставитъ въ зависимость отъ письменной формы самую дѣйствительность договора. По разъ-

ясненію Правительствующаго Сената и на основаніи дѣйствующихъ законовъ, письменная форма договора поставки составляетъ лишь способъ доказательства его на случай спора, такъ что когда ни существованіе договора поставки, ни условія, на коихъ онъ былъ заключенъ, не были установлены или не оспариваются сторонами,—отсутствіе письменнаго договора не можетъ служить поводомъ къ отказу въ искѣ, основанномъ на такомъ словесномъ договорѣ (касс. рѣш. 1874 г., № 604 и др.). Кромѣ того Правительствующимъ Сенатомъ разъяснено, что сдѣлка не теряетъ значенія купли-продажи, хотя бы проданное движимое имущество оставалось временно, послѣ заключенія сдѣлки, на извѣстныхъ условіяхъ въ фактическомъ распоряженіи продавца (касс. рѣш. 1870 г. № 1191; 1877 г., № 222; 1880 г., № 125). Такимъ образомъ, слѣдуетъ допустить, что настоящая сдѣлка, заключенная директоромъ-распорядителемъ Де-Кейперомъ съ довѣреннымъ Радаева, могла быть заключена между ними словесно и въ обычномъ въ торговлѣ порядкѣ подтверждена затѣмъ письмомъ, а подтвержденіе заключенной словесно сдѣлки письменнымъ извѣщеніемъ должно быть отнесено къ предусмотрѣнной § 50 устава перепискѣ, совершаемой за подписью одного директора, который въ данномъ случаѣ являлся, кромѣ того, директоромъ-распорядителемъ, имѣющимъ большія права, сравнительно съ остальными директорами, какъ замѣститель всего Правленія. Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе, что письмо отъ 7 августа 1899 г. написано на бланкѣ Правленія за исходящимъ № 49, въ виду чего указаніе апеллятора на то, что договоръ, заключенный директоромъ-распорядителемъ съ Радаевымъ, не былъ принятъ къ исполненію обществомъ, а исполнялся лишь директоромъ-распорядителемъ,—Правительствующій Сенатъ не можетъ уже по одному этому признать основательнымъ. Такое указаніе апеллятора не можетъ быть признано основательнымъ и потому, что директоръ-распорядитель является органомъ общества, чрезъ который оно дѣйствуетъ и въ виду сего дѣйствія директора-распорядителя въ кругѣ операцій, предоставленныхъ обществу, являются дѣйствіями самого общества. Въ настоящемъ дѣлѣ не представляется никакихъ основаній къ выводу, чтобы заключенная директоромъ-распорядителемъ сдѣлка съ Радаевымъ была заключена скрытно и могла оставаться неизвѣстною Правленію общества. Цѣлый рядъ писемъ Радаева и Правленія, подписанныхъ частью Де-Кейперомъ, частью другимъ директоромъ Черепъ-Спиридовичемъ, скрѣпленныхъ бухгалтеромъ Правленія, сопровождалъ осуществленіе этой сдѣлки; всѣ эти письма зарегистрованы и, слѣдовательно, прошли черезъ регистратуру Правленія; кромѣ того къ дѣлу были представлены торговыя книги общества, найденныя судомъ веденными правильно и въ которыхъ, слѣдовательно, остались какъ копіи письма отъ 7 августа 1899 г., такъ и другихъ писемъ и свѣдѣнія объ отправкѣ Радаеву товара, и изъ которыхъ Правленіе общества могло и должно было узнать о существованіи договора съ Радаевымъ, которому доставлялся товаръ, вырабатываемый обществомъ и

если бы означенный договоръ былъ заключенъ однимъ директоромъ-распорядителемъ безъ вѣдома или вопреки постановленію Правленія, то послѣднее во всякомъ случаѣ надлежащимъ образомъ его опротестовало бы, между тѣмъ, въ дѣлѣ на это отвѣтчикомъ не указывается. Кромѣ письма отъ 7 августа въ дѣлѣ, какъ указано выше, имѣются другія письма Правленія общества и Радаева, еще болѣе убѣждающія въ томъ, что соглашеніе съ Радаевымъ было заключено съ вѣдома Правленія и во всякомъ случаѣ принято имъ къ исполненію. Правительствующій Сенатъ измѣнилъ рѣшеніе суда лишь въ отношеніи цифры присужденныхъ убытковъ (1906 г., № 1058).

177|124. Въ образованіи акціонернаго общества или компаніи на акціяхъ различаются 2 момента: подготовительныя работы, которыя должны создать условія для его возникновенія, и затѣмъ самое возникновеніе общества, которое наступаетъ съ образованіемъ акціонернаго или складочнаго капитала, согласно уставу общества путемъ взноса суммъ для оплаты акцій, послѣ чего только акціонерное общество и можетъ приступить къ дѣйствію (1899 г., № 912).

178|125. Въ биржевую цѣну акцій съ дивидендными купонами (въ отличіе отъ акцій съ купонами процентными) какъ необходимая ея составная часть входитъ и цѣнность имѣющагося получиться по нимъ дивиденда, такъ какъ безъ купона впредь до опредѣленія его стоимости не можетъ быть вовсе опредѣлена и самая биржевая стоимость акціи (1888 г., № 540).

Гражданскій Касс. Деп. Прав. Сената въ рѣшеніи 1905 г., № 49, нашелъ, что акціонерное общество, разъ воспріявшее свое дѣйствіе, *можетъ быть закрыто и подвергнуто ликвидаціи* не иначе, какъ порядкомъ, опредѣленнымъ въ законѣ и въ уставѣ общества. На основаніи 2155 ст. X т. 1 ч. Зак. Гражд., существованіе компаніи прекращается, когда по приговору общаго собранія акціонеровъ признано будетъ невозможнымъ или ненужнымъ продолжать далѣе предпріятіе компаніи, а обязательства, принятыя ею предъ публикою или частными лицами, по свойству своему, не воспрепятствуютъ ея закрытію. По уставу же С.-Петербургскаго общества страхованій, ликвидація общества, вслѣдствіе убытковъ или другихъ причинъ, можетъ быть произведена по рѣшенію по крайней мѣрѣ $^2/_3$ голосовъ присутствующихъ въ общемъ собраніи акціонеровъ, акціи которыхъ составляютъ не менѣе $^1/_2$ части всѣхъ акцій общества. Если по балансу окажется потеря болѣе $^2/_5$ основного капитала, то правленіе немедленно созываетъ въ установленномъ порядкѣ общее собраніе, которое постановляетъ о пополненіи капитала или о прекращеніи дѣлъ общества. Постановленіе о прекращеніи дѣйствій страховыхъ обществъ, сверхъ того, предоставлено закономъ 6 іюня 1894 г. (прил. къ ст. 2200 т. X ч. 1) и страховому комитету,

учрежденному при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ для надзора за дѣятельностью страховыхъ учрежденій и обществъ. Внѣ этого порядка закрытіе и ликвидація страховыхъ обществъ не могутъ быть допущены и, слѣдовательно, отдѣльные акціонеры, не составляющіе опредѣленнаго въ уставѣ большинства, не вправѣ требовать судомъ такой ликвидаціи по какому бы то ни было поводу, ибо это составляло бы нарушеніе правъ большинства акціонеровъ, принадлежащихъ имъ по уставу. Вслѣдствіе сего Прав. Сенатъ нашелъ, что Судебная Палата правильно признала, что исковое требованіе акціонера Балкашина и страхователя Сергѣева о ликвидаціи дѣлъ С.-Петербургскаго общества страхованій не подлежитъ судебному разсмотрѣнію.

Въ *другомъ рѣшеніи* 1906 г., № 3, *Гражд. Касс. Деп.* остановился на вопросѣ о томъ, *могутъ ли быть удовлетворены исковыя требованія акціонера, вытекающія изъ нарушенія постановленіемъ общаго собранія акціонеровъ устава общества, если до окончательнаго разрѣшенія такого иска истецъ продастъ всѣ принадлежащія ему акціи другимъ лицамъ?* При обсужденіи поставленнаго вопроса необходимо имѣть въ виду, что несогласное съ уставомъ постановленіе общаго собранія акціонеровъ можетъ породить требованія, существенно различныя въ самомъ своемъ основаніи. Такимъ постановленіемъ общаго собранія можетъ быть прежде всего причиненъ прямой имущественный ущербъ отдѣльнымъ акціонерамъ и если потерпѣвшее лицо предъявитъ искъ о возмѣщеніи причиненнаго ему такимъ образомъ ущерба, то удовлетвореніе такого требованія не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ того, сохранилъ ли истецъ до окончательнаго разрѣшенія дѣла акціи того общества, къ которому онъ предъявилъ искъ, такъ какъ не можетъ быть лишенъ права на возмѣщеніе ему тѣхъ убытковъ, которые причинены ему незаконными дѣйствіями другого лица. Но возможны случаи, когда постановленіе общаго собранія акціонернаго общества, хотя и несогласное съ уставомъ общества, не причиняетъ однако прямого имущественнаго ущерба отдѣльнымъ акціонерамъ. Такъ, напр., если бы общее собраніе акціонернаго общества, учрежденнаго для точно указанныхъ въ уставѣ цѣлей, постановило обратить часть принадлежащихъ ему оборотныхъ средствъ для эксплоатаціи непредусмотрѣннаго въ уставѣ предпріятія, то такое постановленіе общаго собранія не только не причиняетъ прямого имущественнаго ущерба акціонерамъ, но, напротивъ того, въ случаѣ его осуществленія можетъ даже принести имъ въ будущемъ существенныя выгоды. Тѣмъ не менѣе, каждый акціонеръ имѣетъ неотъемлемое право требовать отмѣны такого постановленія общаго собранія, несогласнаго съ уставомъ общества, такъ какъ въ акціонерныхъ товариществахъ уставъ замѣняетъ собою товарищескій договоръ, точное выполненіе котораго можетъ требовать каждый членъ акціонернаго общества. Право на предъявленіе подобнаго рода исковъ, будучи неразрывно связано съ принадлежностью истца къ составу общества, можетъ, однако, принадлежать ему до тѣхъ только поръ,

пока онъ сохраняетъ принадлежащія ему акціи въ своемъ обладаніи. Вмѣстѣ съ продажей акцій бывшій акціонеръ становится постороннимъ для акціонернаго общества лицомъ и потому, уступивъ свои акціи другимъ лицамъ, онъ не можетъ уже требовать отмѣны такого несогласнаго съ уставомъ постановленія общаго собранія, которое не причинило ему имущественнаго ущерба и ни въ какой мѣрѣ не затрагиваетъ его интересовъ. Такимъ образомъ, для разрѣшенія возбужденнаго по дѣлу вопроса о томъ, сохранилъ-ли истецъ Конъ послѣ продажи принадлежащихъ ему акцій право на искъ, предъявленный имъ къ акціонерному обществу „К. Рудзскій и К°“, необходимо, прежде всего, выяснить, относится-ли этотъ искъ къ категоріи исковъ объ убыткахъ, для взысканія которыхъ не требуется вовсе, чтобы до окончательнаго разрѣшенія дѣла истецъ сохранилъ принадлежавшія ему акціи въ своемъ обладаніи, или-же заявленныя имъ ковыя требованія, по самому свойству своему и характеру, таковы, что они могутъ быть предъявлены къ обществу только дѣйствительнымъ его членомъ, т. е. держателемъ акцій. Какъ видно изъ обжалованнаго рѣшенія Судебной Палаты, въ 1896 году общее собраніе акціонернаго общества „К. Рудзскій и К°“ постановило: изъ чистой прибыли за истекшій годъ выдать акціонерамъ дивидендъ по 75 р. на акцію; остатокъ-же въ 57.400 р. перечислить въ резервный капиталъ, который, подобно складочному и запасному капиталамъ, значится въ пассивѣ общества, какъ долгъ его акціонерамъ. Вслѣдствіе такого постановленія общаго собранія, то имущество общества, которое въ случаѣ ликвидаціи его дѣлъ подлежитъ распредѣленію между акціонерами по числу принадлежащихъ имъ акцій, увеличилось на 57.400 р., но на ту-же сумму уменьшился дивидендъ, подлежавшій выдачѣ на основаніи устава по купонамъ за $189^5/_6$ годъ. Состоявшееся въ этомъ смыслѣ постановленіе общаго собранія признано, однако, акціонеромъ Кономъ не соотвѣтствующимъ его интересамъ, такъ какъ онъ предпочиталъ получить ту часть прибыли, которая была удержана по принадлежавшимъ ему акціямъ, наличными деньгами въ видѣ дивиденда, а не въ формѣ капитала, на который увеличилась принадлежавшая ему доля въ имуществѣ общества. Вслѣдствіе этого истецъ Конъ предъявилъ требованія объ отмѣнѣ несогласнаго съ уставомъ постановленія общаго собранія о распредѣленіи прибылей за $189^5/_6$ годъ и о взысканіи съ общества въ его пользу 2.805 р. 44 к., причитающихся ему по принадлежавшимъ ему акціямъ изъ той суммы въ 57.400 р., которая, на основаніи устава подлежала распредѣленію между всѣми акціонерами въ видѣ дивиденда за упомянутый годъ, но вмѣсто того была неправильно зачислена въ резервный капиталъ общества. Удовлетвореніе такого требованія, какъ это разъяснено уже въ рѣшеніи Правительствующаго Сената 1901 г., № 127, и въ указѣ по настоящему дѣлу, не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ того обстоятельства, въ какой мѣрѣ состоявшееся постановленіе общаго собранія соотвѣтствуетъ

интересамъ предпріятія и выгодамъ акціонеровъ. Коль скоро это постановленіе состоялось въ прямое нарушеніе устава, то всякое заинтересованное лицо имѣетъ право требовать его отмѣны, совершенно независимо отъ того, причиненъ-ли означеннымъ постановленіемъ какой-либо имущественный ущербъ истцу. Такимъ заинтересованнымъ лицомъ не можетъ быть признанъ, однако, истецъ Конъ, если, какъ это установлено Судебною Палатою, онъ не обладаетъ нынѣ акціями общества. Съ продажею тѣхъ акцій, которыя принадлежали ему въ прежнее время, истецъ Конъ уступилъ пріобрѣтателю ихъ всѣ свои права на принадлежавшую ему долю въ имуществѣ и капиталахъ общества, а слѣдовательно, и на ту сумму, которая по постановленію общаго собранія была неправильно включена въ резервный капиталъ общества. Въ покупной цѣнѣ акцій, выражающей собою эквивалентъ всѣхъ уступленныхъ по нимъ правъ, истцу Кону возмѣщена уже отыскиваемая имъ нынѣ сумма, а потому послѣ продажи всѣхъ своихъ акцій истецъ не можетъ требовать уплаты ея обществомъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ получилъ бы ее вдвойнѣ. Если допустить иное рѣшеніе этого вопроса, то надлежало бы признать, что продавецъ, уступившій другому лицу всѣ свои права на опредѣленное имущество, можетъ затѣмъ требовать, чтобы часть этого имущества была признана его собственностью, а не собственностью покупателя. Между тѣмъ, такое заключеніе было бы прямымъ нарушеніемъ 1615, 1626 и 1628 ст. Гражд. Код., такъ какъ, въ силу этихъ статей, продавецъ не только не можетъ оспаривать уступленныхъ имъ покупателю правъ, но, напротивъ того, на немъ лежитъ обязанность гарантировать таковыя. Ср. № 171.

179. Акціонерное общество помимо правленія, давшаго отчетъ общему собранію акціонеровъ общества за время управленія директора-распорядителя, не имѣетъ права требовать отчета непосредственно отъ директора-распорядителя.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, по содержанію словесныхъ объясненій сторонъ въ засѣданіи Правительствующаго Сената, обсужденію подлежитъ прежде всего вопросъ о правѣ истца на искъ. Въ семъ отношеніи Правительствующій Сенатъ останавливается на заявленіи повѣреннаго истца о томъ, что, какъ разъяснено въ рядѣ рѣшеній Гражд. Касс. Деп., акціонерное общество вправѣ требовать отчета отъ директора-распорядителя и что рѣшеніе 1900 г., № 94, по д. Подосскаго, разрѣшившее этотъ вопросъ въ противоположномъ смыслѣ, не можетъ имѣть примѣненія къ настоящему дѣлу, такъ какъ Подосскій былъ директоромъ-распорядителемъ изъ числа постороннихъ лицъ, а не изъ среды правленія, какимъ былъ Франкъ, согласно § 28

устава Сѣв. стекольнаго общества. Однако, съ такими соображеніями Правительствующій Сенатъ согласиться не можетъ, такъ какъ изъ содержанія рѣшенія по дѣлу Подосскаго нельзя придти къ заключенію, чтобы это руководящее разъясненіе Кассаціоннаго Департамента придавало какое-либо значеніе способу избранія Подосскаго въ директора-распорядители. Принимая засимъ во вниманіе: 1) что указаннымъ рѣшеніемъ установлено въ видѣ общаго начала отсутствіе у акціонернаго общества права, помимо правленія, давшаго отчетъ общему собранію акціонеровъ общества за время управленія директора-распорядителя дѣлами общества, требовать отчета непосредственно отъ названнаго директора; 2) что дача правленіемъ Сѣвернаго стекольнаго общества общему собранію акціонеровъ отчета за время, за которое нынѣ требуется отчетъ отъ Франка, сторонами не оспаривается, и 3) что поэтому у истца не имѣется права на предъявленіе настоящаго иска,—Правительствующій Сенатъ утвердилъ рѣшеніе Коммерческаго Суда, коимъ администраціи Сѣвернаго стекольно-промышленнаго общества отказано въ искѣ къ Франку о дачѣ отчета (1909 г., № 530).

180. *Гражд. Касс. Деп.* въ рѣшеніи 1908 г., № 105, разъяснилъ, что непредусмотрѣнныя уставомъ общества операціи могутъ считаться воспрещенными для общества только въ томъ случаѣ, когда эти операціи выходятъ за предѣлы тѣхъ задачъ и цѣлей, для достиженія которыхъ общество учреждено, или когда совершеніе обществомъ такихъ операцій находилось бы въ прямомъ противорѣчіи съ общими постановленіями устава, опредѣляющими правоспособность общества. Независимо отъ указанныхъ случаевъ за акціонернымъ обществомъ не можетъ быть признано право на совершеніе и такихъ непредусмотрѣнныхъ уставомъ его операцій, на совершеніе которыхъ въ силу закона требуется спеціальное дозволеніе въ самомъ уставѣ общества (напр. ст. 15 Уст. Кред.).

181. Кліентъ банка (акціонернаго общества), вступившій съ банкомъ въ сдѣлку, уставомъ не предусмотрѣнную, не вправѣ отказываться отъ послѣдствій этой сдѣлки и добиваться ея уничтоженія. Нарушеніе банкомъ такихъ постановленій устава, цѣль изданія которыхъ заключается въ огражденіи интересовъ банка, могло бы влечь за собою лишь указаніе акціонеровъ банка при ревизіи въ общемъ собраніи операцій банка, а никакъ не споръ кліента банка, который самъ въ этихъ операціяхъ участвовалъ (1909 г., № 2486 *). Ср. также *Гражд. Касс. Деп.* 1908 г., №№ 67 и 105.

---

*) См. ниже № 331.

181а. По объявленіи къ выдачѣ акціонерамъ, согласно законно состоявшагося о томъ постановленія общаго собранія акціонеровъ, опредѣленнаго дивиденда на акціи, составляющаго, согласно уставу общества, неотъемлемую принадлежность владѣльцевъ купоновъ по акціямъ, владѣльцы эти никакими послѣдующими постановленіями ни общаго собранія акціонеровъ, ни администраціи по дѣламъ общества не могутъ быть лишены права на полученіе указаннаго дивиденда (2 Общ. Собр. 1909 г., № 116, Добровыхъ и Набгольцъ съ Колли, помѣщенное въ т. I настоящаго сборника № 696).

АРТЕЛЬ *).

182|126. При обязательности по правиламъ артели оповѣщенія всѣхъ артельщиковъ о подлежащихъ обсужденію общаго собранія артели вопросахъ, созванное безъ соблюденія этого требованія общее собраніе должно быть признано недѣйствительнымъ.

Предметъ настоящаго дѣла составляетъ требованіе Фомина объ отмѣнѣ постановленія общаго собранія Стюартовой биржевой артели отъ 29 октября 1889 г. объ исключеніи его, Фомина, изъ артели и о признаніи его полноправнымъ членомъ означенной артели. Соглашаясь вполнѣ съ заключеніемъ Спб. Ком. Суда, что вопросъ о томъ, насколько данное лицо представляется достойнымъ и благонадежнымъ для состоянія членомъ артели, а равно и о томъ, что вопросъ объ оцѣнкѣ дѣйствій и поведенія артельщика, въ силу самаго принципа артельнаго начала всецѣло долженъ быть предоставленъ усмотрѣнію самой артели и по существу своему ревизіи судебныхъ мѣстъ подлежать не можетъ, Прав. Сенатъ признаетъ, что постановляемые артелью относительно своихъ членовъ приговоры, вслѣдствіе жалобъ на оные со стороны недовольныхъ артельщиковъ, не могутъ быть оставлены судомъ безъ разсмотрѣнія съ ихъ формальной стороны, т. е. по вопросу о томъ, насколько данный приговоръ артели постановленъ въ предѣлахъ существующихъ въ артели правилъ, гарантирующихъ взаимныя другъ къ другу договорныя права и обязанности артели съ одной и артельщика съ другой стороны. Въ настоящемъ случаѣ артельщикъ Фоминъ, оспаривая въ апелляціонной жалобѣ своей законность приговора Стюартовой биржевой артели о его исключеніи, ссылается, между прочимъ, на то, что въ повѣсткахъ, разосланныхъ артельщикамъ съ приглашеніемъ на общее собраніе 29 октября 1889 г., вовсе не было означено, что обсужденію общаго собранія будетъ подлежать вопросъ о его исключеніи, такъ что члены артели до послѣдней минуты объ этомъ ничего не знали. Останавливаясь на этомъ доводѣ просителя, Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ это разъяснено уже Прав. Сенатомъ по однородному съ настоящимъ дѣлу Якунчикова, С.-Петербургская биржевая Стюартова артель въ общемъ своемъ собраніи отъ 1 мая 1885 г., найдя прежде составленное условіе отъ 1832 г. несоотвѣтствующимъ въ настоящее время для руководства

*) См. правила о бирж. артеляхъ въ Москвѣ, утв. правительствомъ въ 1866 г. въ Уст. Торг. неоф. изд. Добровольскаго.

Образцовый уставъ биржевыхъ артелей, см. Собр. Узак. 1906 г. Отд. II № 55 ст. 498.

въ дѣлахъ артели, а также во избѣжаніе между артельщиками споровъ и недоразумѣній, постановила уничтожить прежнее условіе, а вмѣсто него исполнять указанныя въ семъ постановленіи правила. Отсюда слѣдуетъ, что съ 1 мая 1885 г. артель въ дѣйствіяхъ своихъ обязана безусловно руководствоваться постановленіями, принятыми въ общемъ собраніи 1 мая 1885 г., насколько, разумѣется, таковыя не измѣнены или отмѣнены послѣдующими постановленіями. Изложенное въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ § 20 постановленій 1 мая 1885 г. прямо сказано, что на обязанности правленія артели лежитъ „веденіе дѣлопроизводства согласно сихъ постановленій и артельныхъ порядковъ“, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ случаѣ отступленія артели при постановленіи ею приговоровъ отъ существующихъ на сей предметъ правилъ, таковой приговоръ долженъ быть признанъ нарушающимъ договорныя отношенія и интересы артельщиковъ и, открывая на основаніи общихъ законовъ имъ право домогаться возстановленія нарушенныхъ такимъ постановленіемъ правъ ихъ судебнымъ порядкомъ, теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ то обязательное для членовъ артели значеніе, которое онъ имѣлъ бы, будучи постановленъ на точномъ основаніи артельныхъ правилъ. Имѣя же въ виду: 1) что въ § 23 книжки постановленій Стюартовой артели отъ 1 мая 1885 г. значится, между прочимъ, слѣдующее: „какъ для очередныхъ, такъ и чрезвычайныхъ общихъ собраній, а равно и о предметахъ, предстоящихъ ихъ разсмотрѣнію, правленіе увѣдомляетъ всѣхъ артельщиковъ особыми повѣстками за два дня до собранія“; 2) что буквальный смыслъ приведеннаго § постановленій 1 мая 1885 г. съ несомнѣнностью показываетъ, что существеннымъ условіемъ для дѣйствительности всякаго общаго собранія биржевой Стюартовой артели, созваннаго на основаніи правилъ 1 мая 1885 г., является оповѣщеніе всѣхъ артельщиковъ какъ объ имѣющемъ быть собраніи, такъ и о подлежащихъ обсужденію въ ономъ вопросахъ; 3) что между тѣмъ въ повѣсткахъ на явку въ общее собраніе 29 октября 1889 г., разосланныхъ артельщикамъ Стюартовой артели, было указано, какъ это явствуетъ изъ представленной истцомъ въ Прав. Сенатъ повѣстки, лишь на созывъ того собранія для обсужденія текущихъ дѣлъ, о томъ же, что въ означенномъ собраніи будетъ обсуждаться вопросъ объ исключеніи изъ артели Фомина, въ повѣсткахъ ничего упомянуто не было; 4) что посему вопросъ объ исключеніи Фомина не могъ по точному смыслу § 23 постановленій 1 мая 1885 г. вовсе подлежать обсужденію общаго собранія артели, созваннаго на 29 октября 1889 г., Прав. Сенатъ находитъ, что приговоръ биржевой Стюартовой артели объ исключеніи Фомина изъ артели, какъ постановленный въ нарушеніе артельныхъ правилъ въ общемъ собраніи, не созванномъ вовсе для обсужденія сего вопроса, долженъ быть признанъ неимѣющимъ законной силы и значенія, а потому и требованіе Фомина объ отмѣнѣ такового подлежитъ удовлетворенію. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что за признаніемъ этого приговора неимѣющимъ силы и

значенія ходатайство Фомина о признаніи его полноправнымъ членомъ артели не требуетъ уже особаго разрѣшенія,—Прав. Сенатъ, въ отмѣну рѣшенія Спб. Ком. Суда, приговоръ общаго собранія биржевой Стюартовой артели отъ 29 октября 1889 г. объ исключеніи Фомина изъ артели отмѣнилъ со всѣми послѣдствіями (1892 г., № 600).

183|127. Въ другихъ опредѣленіяхъ Прав. Сенатъ призналъ, что по правиламъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ не обязательно извѣщать о собраніяхъ артели повѣстками ни артельщиковъ вообще, ни того артельщика въ частности, дѣйствія котораго предстоитъ обсудить (1900 г., № 1862; 1910 г., № 2047).

184|128. Если артельщикъ и оправданъ судомъ въ томъ преступленіи, о которомъ говорится въ приговорѣ артели, то обстоятельство это не лишаетъ силы постановленіе артели о его исключеніи. Удостовѣренію биржевого комитета о числѣ мѣстъ артели должна быть придана полная вѣра. Судъ не имѣетъ основанія пріостанавливать разрѣшеніе дѣла до установленія въ надлежащемъ порядкѣ указываемыхъ просителемъ безпорядковъ въ артели.

Сообразивъ доводы апеллятора съ обстоятельствами дѣла и законами, Прав. Сенатъ находитъ, что по закону (ст. 96 Уст. Торг., изд. 1887 г.) всякій, вступившій въ артель, даетъ подписку въ томъ, что обязывается повиноваться общимъ оной правиламъ; по правиламъ же, составленнымъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ, артельному собранію предоставляется право исключать изъ артели лицъ, признанныхъ артелью неблагонадежными къ дальнѣйшему исправленію обязанностей артельщика, съ правомъ продать мѣсто исключеннаго и изъ вырученной суммы удержать штрафъ, наложенный на него приговоромъ артельнаго собранія (§§ 38—40). Оцѣнка дѣйствій артельщика и сохраненіе его въ артели или исключеніе изъ состава ея зависятъ, слѣдовательно, отъ усмотрѣнія артельнаго собранія, и потому правильность этой оцѣнки и основаннаго на оной приговора артели не можетъ подлежать повѣркѣ судебнаго мѣста. Если Кашинъ, какъ заявляетъ его повѣренный въ апелляціонной жалобѣ, приговоромъ Московскаго Окружнаго Суда и не признанъ виновнымъ въ кражѣ, о которой говорится въ приговорѣ артели отъ 20 іюля 1889 г., то это обстоятельство не лишало артель права, въ виду предоставленнаго ей артельными правилами полномочія, исключить Кашина изъ артели съ послѣдствіями, указанными въ

§ 40 правилъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ, вслѣдствіе собственнаго убѣжденія артели въ его неблагонадежности и въ томъ, что возведенное на него, хотя и неоправдавшееся, обвиненіе способно подорвать довѣріе къ артели. Такой выводъ подтверждается и сопоставленіемъ §§ 39 и 40 со второю частью §§ 19 и 20 артельныхъ правилъ, такъ какъ съ одной стороны смыслъ § 20 этихъ правилъ указываетъ вообще на послѣдствіе совершенія артельщикомъ тѣхъ правонарушеній, разсмотрѣніе коихъ предоставлено компетенціи самой артели, а съ другой въ § 39 указаны, какъ примѣры, „воровство или утайка“, принадлежащія къ тѣмъ правонарушеніямъ, кои именно могутъ подорвать довѣріе къ артели; слѣдовательно, §§ 39 и 40 и §§ 12 и 20 взаимно другъ друга дополняютъ, но не исключаютъ, такъ что всякое дѣйствіе артельщика, будетъ ли оно подходить подъ случаи, исчисленные въ §§ 39 и 40, или нѣтъ, разъ оно способно подрывать довѣріе къ артели, подлежитъ разсмотрѣнію послѣдней на общемъ основаніи и за совершеніе такового артель, какъ сторона, единственно и могущая судить о нарушеніи къ ней довѣрія вслѣдствіе неправильныхъ дѣйствій артельщика, имѣетъ безусловное право подвергнуть виновнаго штрафу въ пользу артели, съ исключеніемъ изъ состава таковой (§ 20). Такимъ образомъ приговоръ Мазуринской биржевой артели отъ 20 іюня 1889 г., по содержанію своему, не выходитъ за предѣлы компетенціи, предоставленной артельному собранію закономъ и артельными правилами; что же касается того, что по приговору мѣсто постановлено продать главнымъ образомъ на пополненіе убытковъ артели, а судомъ впослѣдствіи эти убытки присуждены артели лишь въ суммѣ 229 р., то это обстоятельство рѣшающаго значенія имѣть не можетъ, ибо по приговору мѣсто постановлено продать лишь отчасти на пополненіе убытковъ, а остатокъ обратить въ штрафъ, въ виду чего за установленіемъ впослѣдствіи убытковъ въ 229 р., остальныя вырученныя деньги и являются штрафомъ, который по приведеннымъ выше §§ правилъ, артель вправѣ налагать на исключеннаго артельщика при продажѣ его мѣста. На основаніи изложеннаго, признавая первый доводъ апеллятора неуважительнымъ и обращаясь затѣмъ къ обсужденію второго его довода о недѣйствительности приговора отъ 20 іюня 1889 г. въ виду того, что онъ подписанъ лишь 156 артельщиками, Прав. Сенатъ находитъ, что указаніе это является неправильнымъ по слѣдующимъ основаніямъ: по §§ 20 и 39 правилъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ, исключеніе артельщика изъ артели и лишеніе его права на артельное мѣсто можетъ послѣдовать не иначе, какъ по приговору о томъ артельнаго собранія, причемъ однако таковое, согласно § 21, признается дѣйствительнымъ въ томъ только случаѣ, если число присутствовавшихъ на ономъ артельщиковъ не менѣе $^2/_3$ всѣхъ членовъ артели и приговоръ подписанъ не менѣе какъ $^2/_3$ присутствовавшихъ. Между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ, какъ видно изъ дѣла, при общемъ составѣ Мазуринской артели къ 20 іюня 1889 г. въ 200 человѣкъ въ собраніи означеннаго числа присутство-

вали 156 артельщиковъ, которые и подписали приговоръ объ исключеніи Кашина. Такимъ образомъ оказывается, что въ этомъ собраніи участвовало и подписало приговоръ болѣе $^2/_3$ всего числа артельщиковъ Мазуринской артели, а потому какъ собраніе это, такъ и состоявшійся въ ономъ приговоръ о Кашинѣ должны быть признаны дѣйствительными; то обстоятельство, что къ 20 іюня 1889 г. въ Мазуринской биржевой артели состояло 200 человѣкъ артельщиковъ, удостовѣрено по дѣлу свидѣтельствомъ Московскаго биржевого комитета отъ 6 октября 1890 г., каковое свидѣтельство не можетъ не быть признано полнымъ и достаточнымъ доказательствомъ, какъ исходящее отъ учрежденія, которому по закону и артельнымъ правиламъ предоставлена блюстительная и дисциплинарная власть надъ биржевыми артелями (§§ 2, 62, 64 и другіе артельныхъ правилъ); въ виду сего не можетъ быть придано никакого значенія и соображеніямъ о томъ, что свѣдѣнія биржевого комитета въ сущности исходятъ отъ самихъ артелей, а послѣднія могутъ быть заинтересованы въ показаніи меньшаго числа артельщиковъ и т. п., ибо съ одной стороны такія соображенія сами по себѣ, очевидно, нисколько не лишаютъ свидѣтельства биржевого комитета достовѣрности, а съ другой стороны, безъ сомнѣнія, полноправнымъ артельщикомъ во всякомъ случаѣ можетъ быть признанъ лишь тотъ, кто значится таковымъ въ спискѣ биржевого комитета; что же касается указанія на то, что въ бывшей въ виду Ком. Суда книгѣ личныхъ счетовъ артели въ 1889 г. значилось въ артели мѣсто № 320, слѣдовательно, мѣстъ въ артели 1889 г. было не менѣе 320, то это указаніе также не опровергаетъ правильности свидѣтельства биржевого комитета, ибо прежде всего изъ дѣла не видно, что мѣсто № 320, если оно даже существовало въ артели, было занято въ 1889 г. именно къ 20 іюня, а кромѣ того во всякомъ случаѣ это еще не доказывало бы, что къ 20 іюня 1889 г. не мѣстъ артельныхъ, а наличныхъ полноправныхъ артельщиковъ было болѣе 200 человѣкъ. Наконецъ, независимо отъ сего, если въ Мазуринской биржевой артели дѣйствительно и имѣются тѣ безпорядки, на которые указываетъ апелляторъ, то во всякомъ случаѣ Ком. Судъ, какъ судебное учрежденіе, не имѣлъ основанія, при разборѣ искового дѣла въ силу указаній одной изъ сторонъ принимать мѣры къ устраненію таковыхъ безпорядковъ и до того пріостанавливать производство, а отъ заинтересованныхъ лицъ зависитъ на безпорядки эти путемъ жалобы обратить вниманіе подлежащаго учрежденія, имѣющаго надзоръ за биржевыми артелями, т. е. биржевого комитета (§§ 2, 62, 67 и 69 и другіе арт. прав.). На основаніи всего изложеннаго, не усматривая законныхъ поводовъ къ признанію приговора Мазуринской биржевой артели 20 іюня 1889 г. недѣйствительнымъ по формальнымъ недостаткамъ и имѣя въ виду, что приговоръ этотъ объ исключеніи Кашина, о продажѣ его мѣста и удержаніи вырученныхъ денегъ какъ на пополненіе присужденныхъ убытковъ артели, такъ и въ штрафъ не можетъ по существу

своему подлежать обжалованію или ревизіи ни Ком. Суда, ни Прав. Сената (§ 22 арт. правилъ)—Прав. Сенатъ рѣшеніе Московскаго Ком. Суда оставилъ въ силѣ (1892 г., № 1013).

185. Прекращеніе уголовнаго преслѣдованія противъ артельщика, само по себѣ взятое, не препятствуетъ постановленію артелью приговора объ исключеніи артельщика изъ артели, причемъ оцѣнка дѣйствій артельщика и сохраненіе его въ артели или исключеніе изъ состава ея зависятъ отъ усмотрѣнія артельнаго собранія; правильность этой оцѣнки не можетъ подлежать повѣркѣ судебнаго мѣста.

Предметъ дѣла—присужденный Московскимъ Коммерческимъ Судомъ искъ бывшаго артельщика Растоскуева къ Усачевской артели о стоимости 2 артельныхъ мѣстъ, на которыя артель оштрафовала его при исключеніи изъ артели по приговору 17 мая 1900 г. въ виду признанія его способствовавшимъ укрывательству сыномъ его (бывшимъ артельщикомъ той же артели) имущества, добытаго путемъ растраты, въ бытность въ качествѣ артельщика кассиромъ страхового общества.

Обсудивъ дѣло, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что по закону (ст. 86 Уст. Торг.) всякій, вступившій въ артель, даетъ подписку въ томъ, что обязывается повиноваться общимъ ея правиламъ. По правиламъ же, составленнымъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ (1866 г.), артельному собранію предоставляется право исключать изъ артели лицъ, признанныхъ артелью неблагонадежными къ дальнѣйшему исправленію обязанностей артельщика, съ правомъ продать мѣсто исключеннаго и изъ вырученной суммы удержать штрафъ, наложенный на него приговоромъ артельнаго собранія (§§ 38—40). Оцѣнка дѣйствій артельщика и сохраненіе его въ артели или исключеніе изъ состава ея зависятъ, слѣдовательно, отъ усмотрѣнія артельнаго собранія и потому правильность этой оцѣнки и основаннаго на ней приговора артели не можетъ подлежать повѣркѣ судебнаго мѣста. Имѣя въ виду эти общія положенія и останавливаясь засимъ на заявленіи прис. пов. Маклакова о противорѣчіи между опредѣленіемъ угол. суда, прекратившаго преслѣдованіе Растоскуева въ укрывательствѣ растраты и приговоромъ Усачевской артели, постановившей оштрафовать Растоскуева и исключить его изъ своей среды именно за это укрывательство, Правительствующій Сенатъ остановился на слѣдующихъ соображеніяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что приговоръ или опредѣленіе уголовнаго суда безусловно обязательны для артели, поскольку ими устанавливаются тѣ или иныя фактическія данныя, и артель никоимъ образомъ не имѣла бы права налагать

взысканіе на своего члена за такіе факты, самое существованіе коихъ отвергнуто уголовнымъ судомъ. Однако, судебное опредѣленіе о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія или оправдательный приговоръ могутъ послѣдовать и въ томъ случаѣ, когда уголовный судъ, не отрицая фактической достовѣрности предъявленнаго обвиненія, находитъ, что въ самыхъ утверждаемыхъ потерпѣвшимъ, либо публичнымъ обвинителемъ событіяхъ не заключается состава уголовнаго преступленія, или что имѣются налицо обстоятельства, устраняющія наказуемость. Затѣмъ и въ случаѣ прекращенія уголовнаго преслѣдованія по недоказанности обвиненія либо недостаточности уликъ, заключеніе по сему предмету суда можетъ быть основано на томъ соображеніи, что приведенныя въ доказательство обвиненія обстоятельства, являясь вполнѣ достовѣрными, не даютъ тѣмъ не менѣе достаточнаго основанія для выводовъ, которые сдѣлалъ изъ нихъ прокуроръ или частный обвинитель. А такъ какъ артели принадлежитъ несомнѣнное право исключать артельщиковъ изъ своей среды не только за преступленіе, но и за другіе предосудительные поступки, то нельзя усмотрѣть противорѣчія между рѣшеніемъ суда и приговоромъ артели, примѣнившей означенную мѣру къ такимъ неоспореннымъ судомъ фактамъ, которые либо признаются судомъ за непреступные или ненаказуемые, либо, по мнѣнію суда, не служатъ достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ приписываемаго артельщику преступнаго дѣянія. Примѣняя приведенныя общія соображенія къ настоящему дѣлу, Прав. Сенатъ нашелъ, что ни въ обжалованномъ опредѣленіи Ком. Суда, ни въ возраженіи на апелляцію не установлено, чтобы Усачевская артель исключила Растоскуева за такія дѣйствія, которыя были опровергнуты окружнымъ судомъ, прекратившимъ дѣло по обвиненію Растоскуева въ прикосновенности къ совершенной его сыномъ растратѣ; то же обстоятельство, что артель неправильно охарактеризовала въ своемъ приговорѣ эти дѣйствія терминомъ уголовнаго закона „укрывательство“, не имѣетъ рѣшающаго значенія, ибо недопустимымъ можетъ считаться только противорѣчіе въ фактической обстановкѣ, а не въ юридической квалификаціи. Переходя засимъ къ указанію истца на недѣйствительность съ формальной стороны приговора артельнаго собранія отъ 17 мая 1900 г., въ коемъ, по его объясненію, присутствовало менѣе $^2/_3$ общаго количества всѣхъ членовъ артели,—Прав. Сенатъ находитъ приведенное указаніе немогущимъ имѣть значеніе при настоящемъ положеніи дѣла, а частное ходатайство истца, направленное къ установленію таковаго формальнаго недостатка приговора артели, незаслуживающимъ уваженія въ виду того, что оспариваемое постановленіе артели объ исключеніи изъ своей среды и оштрафованіи истца было впослѣдствіи пересмотрѣно артелью и оставлено въ силѣ приговоромъ ея отъ 23 сентября 1902 г., причемъ, согласно разъясненію Прав. Сената (въ опредѣленіи 1902 г., № 1938), не можетъ быть придано значеніе тому обстоятельству, что второй изъ вышеупомянутыхъ приговоровъ послѣдовалъ уже послѣ вчиненія Расто-

скуевымъ настоящаго иска. Признавая въ виду изложенныхъ соображеній, что Усачевская артель исключеніемъ изъ своей среды Растоскуева и наложеніемъ на него штрафа, ни въ чемъ не нарушила закона и что посему Моск. Ком. Судъ не имѣлъ основанія присуждать съ артели искъ въ пользу Растоскуева, — Прав. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе Моск. Ком. Суда и въ искѣ Растоскуева съ Усачевской артели отказалъ (1907 г., № 2000).

186|129. Удаленіе артельщика изъ артели и притомъ безъ вывода и разсчета ни въ какой зависимости отъ исхода уголовнаго производства надъ исключеннымъ артельщикомъ не стоитъ. Артельщикъ можетъ быть и совершенно оправданъ уголовнымъ судомъ во взведенномъ на него преступленіи, но обстоятельство это на силу и значеніе постановленнаго артелью въ предѣлахъ ея устава приговора никакого вліянія имѣть не можетъ (1897 г., № 543).

187|130. Оправданіе артельщика уголовнымъ судомъ въ растратѣ не снимаетъ съ артели отвѣтственности за оказавшуюся, благодаря неисполненію артельщикомъ своихъ обязанностей, недостачу въ деньгахъ и товарѣ (1896 г., № 963).

Въ другомъ опредѣленіи Правительствующій Сенатъ, обсуждая тотъ же вопросъ въ предѣлахъ спеціальныхъ параграфовъ устава Россійской биржевой артели, призналъ, что при удостовѣренномъ экспертами отсутствіи какой бы то ни было растраты со стороны артельщика и при наличности постановленія уголовнаго суда объ отсутствіи событія преступленія, одно лишь подписаніе имъ бухгалтерскаго разсчета съ выводомъ о наличности таковой растраты, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ безповоротному удержанію артелью капитала артельщика, въ возмѣщеніе платежа добровольно произведеннаго ею Обществу Путиловскихъ заводовъ, такъ какъ Лоськовъ могъ учинить такую надпись, находясь подъ вліяніемъ заблужденія объ утратѣ или исчезновеніи денегъ изъ кассы и лишь ради того, чтобы констатировать надписью голый фактъ недостачи, не сознаваясь вовсе въ растратѣ. Приводимыя отвѣтчикомъ соображенія, въ подтвержденіе права артели не только исключить Лоскова, но и удержать его капиталъ, въ возмѣщеніе упомянутаго платежа, Правительствующій Сенатъ призналъ лишенными значенія, въ виду того, что, по 75 и 76 §§ артельнаго устава, артельщикъ, даже при дѣйствительной утратѣ цѣнностей, освобождается отъ отвѣтственности передъ артелью, полностью или въ части, если онъ докажетъ свою невиновность или отсутствіе злого умысла (1908 г., № 1916).

188|**131**. Выбытіе артельщика изъ артели ранѣе постановленія ею приговора о его оштрафованіи не дѣлаетъ этого приговора для него необязательнымъ, ибо въ противномъ случаѣ всякій провинившійся передъ артелью членъ ея имѣлъ бы возможность уклониться отъ наложеннаго на него артелью на законномъ основаніи штрафа путемъ заблаговременнаго выхода изъ состава артели (1893 г., № 1157; тоже, 1910 г., № 2047).

189. Постановленный артелью новый приговоръ, при производствѣ дѣла по иску артельщика о признаніи перваго приговора недѣйствительнымъ, не можетъ вліять на исходъ дѣла. Разрѣшеніе вопроса о принадлежности артельщика къ артели не находится въ зависимости отъ факта невзноса за него залога въ биржевой комитетъ.

Въ принесенной Правительствующему Сенату апелляціонной жалобѣ повѣренный биржевой Василія Перлова артели ходатайствуетъ объ отмѣнѣ рѣшенія Коммерческаго Суда, коимъ постановлено: приговоръ артели отъ 18 октября 1907 г. признать уничтоженнымъ и взыскать съ артели въ пользу крестьянина Бронина 3.300 р. съ %%. Обращаясь къ обсужденію доводовъ апеллятора, Правительствующій Сенатъ прежде всего считаетъ необходимымъ установить, что представленный апелляторомъ приговоръ отъ 20 сентября 1908 г., по которому артель вновь оштрафовала Бронина на 3.300 руб. съ исключеніемъ его изъ артели, никакого доказательнаго значенія въ семъ дѣлѣ имѣть не можетъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Какъ видно изъ искового прошенія, поданнаго въ судъ 10 января 1908 г. истецъ просилъ о признаніи приговора артели отъ 18 октября 1907 г., утвержденнаго приговоромъ отъ 6 декабря того же года, недѣйствительнымъ и о высканіи съ артели стоимости его, Бронина, артельнаго мѣста. Этимъ ходатайствомъ опредѣляются предметъ и границы спора сторонъ и выходить изъ этихъ границъ и *устанавливать взаимныя отношенія сторонъ на основаніи данныхъ, созданныхъ одной изъ спорящихъ сторонъ уже послѣ состоявшагося по дѣлу рѣшенія Коммерческаго Суда противорѣчило бы основнымъ началамъ состязательнаго производства и потому допущено быть не можетъ*. Въ виду сего всѣ доводы апеллятора поскольку они основаны на приговорѣ отъ 20 сентября 1908 г., должны быть отвергнуты. Останавливаясь затѣмъ на вопросѣ, правиленъ ли приговоръ артели 18 октября 1907 г. съ формальной стороны, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, коль скоро установлено, что въ составъ артели входило 150 чело-

вѣкъ, а на собраніи 18 октября 1907 г. присутствовало, какъ видно изъ книгъ артели, 75 человѣкъ, то приговоръ по силѣ § 21 артельныхъ правилъ долженъ считаться ничтожнымъ. Опровергая это положеніе апелляторъ указываетъ, что въ моментъ постановленія приговора въ составѣ артели было всего 110 человѣкъ, за которыхъ былъ внесенъ залогъ въ Биржевой Комитетъ, почему только эти 110 человѣкъ и могли считаться артельщиками, имѣвшими право участвовать съ правомъ голоса въ общемъ собраніи. Это соображеніе представляется однако неуважительнымъ, такъ какъ принадлежность артельщика къ артели вытекаетъ изъ факта принятія его артелью въ составъ членовъ и допущеніемъ къ работамъ артели, а никакъ не тѣмъ фактомъ, исполнила ли сама артель возложенную на нее закономъ обязанность сообщать Биржевому Комитету соотвѣтствующія дѣйствительности свѣдѣнія о числѣ входящихъ въ ея составъ членовъ. Въ данномъ случаѣ совершенно очевидно, что артель этой обязанности не исполнила, ибо по книгамъ артели открыты были счета на имя 150 артельщиковъ, тогда какъ по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ артелью въ Биржевой Комитетъ, число артельщиковъ составляло будто бы только 110 человѣкъ. Но отступленія артели отъ законнаго порядка не могутъ служить для артели источникомъ какихъ либо правъ и лишать артельщиковъ тѣхъ гарантій, которыя имъ предоставлены закономъ. Что же касается указанія апеллятора на то, что сумма убытковъ, причиненныхъ Бронинымъ артели, подлежитъ вычету изъ исковой суммы, то это указаніе слѣдуетъ признать неосновательнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: во первыхъ, недоказаны ни фактъ, ни размѣръ убытковъ. Администрація по дѣламъ чайной торговли В. Перлова съ С-ми письмомъ отъ 3 октября 1907 г. истребовала отъ отвѣтчика уплаты 958 руб. 54 коп., но по дѣлу ничѣмъ не установлены, ни точность этой цифры, ни то, что эта сумма дѣйствительно уплачена отвѣтчикомъ администраціи. Во-вторыхъ, и это главное—требованіе артели о возмѣщеніи истцомъ понесенныхъ ею убытковъ должно было быть заявлено путемъ предъявленія встрѣчнаго иска, а не въ видѣ только возраженія (положительно недоказаннаго) на искъ первоначальный. На основаніи вышеизложеннаго Правительствующій Сенатъ рѣшеніе Коммерческаго Суда оставилъ въ силѣ (1910 г., № 2005).

Въ рѣшеніяхъ предшествующаго времени Прав. Сенатъ признавалъ, что во время производства дѣла по иску артельщика, оспаривающаго приговоръ съ формальной стороны, артель не лишена права по тому же вопросу постановить новый приговоръ съ соблюденіемъ правилъ (1902 г., № 1938; 1907 г. № 2000).

190|132. Приговоры артели объ исключеніи артельщика изъ состава артели по существу ихъ обсужденію суда не подлежатъ.

Биржевыя артели, учреждаемыя для работъ и исполненія разнаго рода службъ, составляются по добровольному согласію лицъ, желающихъ вступить въ артель, и управляются на основаніи артельныхъ правилъ, подчиненіе которымъ обязательно для всѣхъ лицъ, артель составляющихъ (ст. 89 и 96 Уст. Торг.). По § же 41 правилъ СПБ. биржевой Стюартовой артели, артельному обществу предоставляется право исключать изъ своей среды артельщика, уличеннаго въ тѣхъ или другихъ преступленіяхъ и проступкахъ и признаннаго артелью неблагонадежнымъ и вреднымъ къ дальнѣйшему отправленію обязанностей артельщика, обязательность какового правила для каждаго члена артели должна быть признана какъ въ силу самаго добровольнаго принятія и подписанія имъ условій артели (§ 26 правилъ СПБ. бирж. Стюарт. арт.), такъ и въ силу самаго закона (ст. 96 Уст. Торг.). Что же касается затѣмъ вопроса объ оцѣнкѣ дѣйствій и поведенія артельщика, то таковой, въ силу самаго принципа артельнаго, а именно, какъ личной, такъ и имущественной солидарности входящихъ въ составъ артели членовъ (ст. 97 Уст. Торг.), всецѣло долженъ быть предоставленъ усмотрѣнію самой артели и по существу своему ревизіи судебнаго мѣста подлежать уже не можетъ. Посему постановляемые артелью относительно своихъ членовъ приговоры, вслѣдствіе жалобъ на оные со стороны недовольныхъ артельщиковъ, могутъ быть предметомъ разсмотрѣнія судебныхъ мѣстъ лишь исключительно съ формальной ихъ стороны, по вопросу о томъ, насколько данный приговоръ общества постановленъ въ предѣлахъ существующихъ въ артели правилъ, т. е. насколько онъ является согласнымъ съ установленными артельнымъ договоромъ взаимными другъ къ другу правами артельщика съ одной и общества (артели) съ другой стороны, ибо, очевидно, только нарушеніе договора одною изъ сторонъ открываетъ противной сторонѣ право требовать себѣ удовлетворенія, а не совершеніе такихъ дѣйствій, на которыя сторона въ силу самаго договора имѣла право (1894 г., № 662; 1898 г., № 892).

191|133. Приговоръ артели объ исключеніи артельщика можетъ подлежать обсужденію суда лишь съ формальной стороны, т. е. по вопросу о томъ, состоялся ли онъ въ дѣйствительномъ собраніи и по установленному большинству голосовъ и не выходитъ ли онъ за предѣлы предоставленной артельному собранію власти, но ни въ какомъ случаѣ судъ не входитъ въ провѣрку правильности приговора по существу, т. е. вопроса о томъ, дѣйствительно ли подвергшійся карѣ артельщикъ оказался виновнымъ въ небрежности и пренебреженіи артельными интересами, или нѣтъ (1897 г. № 485).

192|134. Вопросъ о томъ, подписаны ли приговоры биржевой артели (въ Москвѣ) въ собраніи или подписи

подъ приговоромъ отобраны внѣ и послѣ собранія по мѣсту жительства артельщиковъ, не имѣетъ значенія при разрѣшеніи вопроса о дѣйствительности приговора.

Изъ дѣла видно: приговоромъ Московско-Ярославской желѣзнодорожной биржевой артели отъ 12 апрѣля 1898 года артельщикъ Иванъ Рѣпинъ исключенъ изъ состава этой артели и оштрафованъ на стоимость артельнаго мѣста. Рѣпинъ домогался признанія этого приговора недѣйствительнымъ, основываясь главнымъ образомъ на формальной его неправильности, заключающейся въ томъ, что онъ подписанъ не только присутствовавшими въ собраніи 12 апрѣля артельщиками, но и отсутствовавшими; такъ, подписавшійся подъ приговоромъ 53-мъ Ломтевъ въ день постановленія приговора находился на станціи Александровскъ, въ подтвержденіе какового обстоятельства Рѣпинъ ходатайствовалъ о допросѣ свидѣтелей и самого Ломтева и предлагалъ представить удостовѣреніе начальника станціи „Александровскъ“. Московскій Коммерческій Судъ, признавъ ходатайство о допросѣ свидѣтелей удовлетворенію не подлежащимъ, Рѣпину въ искѣ отказалъ. На это рѣшеніе повѣренный Рѣпина принесъ Правительствующему Сенату апелляціонную жалобу, въ которой поддерживалъ свой искъ. Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ нашелъ: 1) что на основаніи §§ 21, 22 и 25 правилъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ, собраніе артели дѣйствительно, если число присутствующихъ составляетъ не менѣе $^2/_3$ всѣхъ членовъ артели, и артельный приговоръ, подписанный $^2/_3$ присутствовавшихъ въ собраніи артельщиковъ, почитается окончательнымъ и обжалованію по существу не подлежитъ, относительно же мѣста и времени подписанія артельнаго приговора въ правилахъ особыхъ указаній не имѣется, почему приговоры могутъ быть подписаны присутствовавшими и послѣ артельнаго собранія; 2) что оспариваемый приговоръ артели подписанъ 87 лицами, состояніе коихъ на 1 апрѣля 1898 г. артельщиками удостовѣрено спискомъ артельщиковъ Московско-Ярославско-Вологодской биржевой артели, имѣющимся въ дѣлѣ и завѣреннымъ подписью артельнаго старосты, причемъ въ текстѣ самаго приговора значится, что всѣ подписавшіеся артельщики присутствовали на собраніи 12 апрѣля 1898 года, сомнѣнія же въ подлинности этихъ подписей со стороны повѣреннаго Рѣпина не заявлено; 3) что ходатайство о допросѣ свидѣтелей правильно было оставлено, судомъ безъ уваженія, такъ какъ удостовѣряемое въ самомъ приговорѣ, т. е. въ письменномъ актѣ, присутствіе артельщиковъ, подписавшихъ этотъ приговоръ опроверженію путемъ допроса свидѣтелей подлежать не можетъ, и 4) что поэтому заключеніе жалобщика о недѣйствительности всѣхъ подписей, слѣдующихъ за подписью Ломтева, и о неправильности приговора съ формальной стороны представляется неуважительнымъ и не можетъ повести къ отмѣнѣ обжалованнаго опредѣленія. Но независимо отъ сего, если бы даже и допустить на время,

что Ломтевъ не присутствовалъ на артельномъ собраніи 12 апрѣля 1898 года, и исключить его подпись, то и въ такомъ случаѣ правильность оспариваемаго приговора съ формальной стороны не будетъ поколеблена, ибо относительно неприсутствія на артельномъ собраніи остальныхъ 86 артельщиковъ, подписавшихся подъ приговоромъ, жалобщикомъ никакихъ данныхъ, кромѣ своего предположенія не приведено, а Ломтевъ могъ случайно подписаться подъ приговоромъ того собранія, на которомъ не присутствовалъ, такъ какъ въ правилахъ для биржевыхъ артелей нѣтъ требованія о подписаніи приговоровъ въ самомъ артельномъ собраніи; но во всякомъ случаѣ это обстоятельство не вліяетъ на значеніе подписей другихъ артельщиковъ и не опорочиваетъ самаго артельнаго приговора, такъ какъ за исключеніемъ подписи Ломтева приговоръ останется подписаннымъ 86 артельщиками, т. е. болѣе чѣмъ $^2/_3$ всего состава артели. Обращаясь затѣмъ къ указанію жалобщика на то обстоятельство, что, какъ это видно изъ удостовѣренія Московскаго Биржевого Комитета, въ именной книгѣ Московско-Ярославской желѣзнодорожной биржевой артели мѣщанина Ивана Рѣпина не значится, изъ чего жалобщикъ дѣлаетъ то заключеніе, что если Рѣпинъ не числится въ именной книгѣ артели и званіе дѣйствительнаго артельщика за нимъ не узаконено, то онъ, не пользуясь правами и преимуществами дѣйствительнаго артельщика, не долженъ былъ нести обязанностей артельщика и не обязанъ, подчиняясь артельнымъ правиламъ, отвѣчать всѣмъ своимъ состояніемъ, почему жалобщикъ полагаетъ, что и приговоръ артели, постановленный согласно съ правилами для биржевыхъ артелей въ Москвѣ, для Рѣпина, по его мнѣнію, необязательными,—долженъ быть признанъ по отношенію къ исключенію Рѣпина изъ артели недѣйствительнымъ,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что это обстоятельство представляется для настоящаго дѣла безразличнымъ, ибо незанесеніе Рѣпина въ именную книгу артели нисколько не умаляетъ правъ Рѣпина, какъ артельщика вообще и въ частности на артельное мѣсто, право собственности на которое удостовѣряется квитанціею на это мѣсто, представленной къ дѣлу. Если же признать, что Рѣпинъ артельщикомъ вовсе не былъ, то это никакъ не можетъ служить подкрѣпленіемъ иска объ уничтоженіи приговора объ его исключеніи, а засимъ въ настоящемъ дѣлѣ не имѣетъ значенія; если же онъ понесъ убытокъ отъ незаписанія его въ именную книгу, то можетъ отыскивать его отдѣльно, тогда какъ при предъявленіи иска Рѣпинъ право свое основывалъ не на занесеніи его въ именную книгу, а на выданной на его имя квитанціи. Въ самомъ же текстѣ этой квитанціи прописано, что каждый артельщикъ, вступившій въ биржевую артель Московско-Ярославско-Вологодской желѣзной дороги, обязанъ подчиняться правиламъ, изданнымъ съ разрѣшенія Правительства для руководства биржевыхъ артелей въ Москвѣ, а равно и всѣмъ порядкамъ, которые будутъ установлены артельными

приговорами. Правительствующій Сенатъ утвердилъ рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда (1899 г., № 379; 1911 г., № 2585).

193|135. Предметъ настоящаго дѣла составляетъ искъ Желѣзнова къ Московской биржевой фонъ-Мекковской артели о допущеніи Желѣзнова къ участію въ артели съ начетомъ дувана и добавочныхъ денегъ съ 1 іюня 1895 г. Свои исковыя требованія Желѣзновъ основываетъ на томъ, что до 1 іюня 1895 года онъ состоялъ членомъ фонъ-Мекковской артели, а съ 1 іюня 1895 года артель устранила его отъ участія въ артели и прекратила выдачу дивиденда. Въ опроверженіе иска отвѣтчикъ представилъ приговоръ фонъ-Мекковской биржевой артели отъ 9 сентября 1897 года объ исключеніи Желѣзнова изъ артели съ оштрафованіемъ его на стоимость артельнаго мѣста. Разсмотрѣвъ дѣло, Московскій, Коммерческій Судъ пришелъ къ заключенію, что приговоръ артели отъ 9 сентября 1897 года неправиленъ съ формальной стороны, какъ подписанный 162 артельщиками, т. е. менѣе чѣмъ $^2/_3$ всего состава артели на 9 сентября 1897 г., состоявшей, какъ это видно изъ нумераціи мѣстъ артельщиковъ на приговорѣ, изъ 280 артельщиковъ; приступивъ тѣмъ не менѣе къ обсужденію приговора по существу, Коммерческій Судъ нашелъ, что приговоръ представляется основательнымъ, а искъ Желѣзнова не подлежащимъ удовлетворенію, и потому въ искѣ Желѣзнову отказалъ. На это рѣшеніе Желѣзновъ принесъ апелляціонную жалобу и просилъ объ удовлетвореніи его исковыхъ требованій, объясняя: 1) что Коммерческій Судъ не имѣлъ основанія входить въ разсмотрѣніе приговора артели по существу; 2) что приговоръ фонъ-Мекковской артели отъ 9 сентября 1897 г. представляется неправильнымъ съ формальной стороны, какъ потому, что, вопреки соблюдаемому въ фонъ-Мекковской артели обычаю, согласно которому артельщики извѣщаются о днѣ собранія повѣстками, Желѣзновъ не только не былъ оповѣщенъ о днѣ собранія, но даже не былъ оповѣщенъ артелью объ исключеніи его изъ артельщиковъ, такъ и потому, что въ собраніи артельщиковъ 9 сентября не было установленнаго правилами числа членовъ и подписи на приговорѣ были учинены не въ собраніи, а впослѣдствіи. Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что согласно §§ 19, 20, 38, 39 и 40 правилъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ, судъ, въ случаѣ возникновенія спора о дѣйствительности артельнаго приговора, разсматриваетъ таковой только съ формальной стороны—по вопросу о томъ, не вышла ли артель изъ предѣловъ предоставленной ей власти и соблюдены ли всѣ указанныя закономъ или правилами артели требованія при постановленіи приговора, но затѣмъ судъ ни въ какомъ случаѣ не въ правѣ входить въ обсужденіе вопросовъ, относящихся къ существу самаго приговора. Поэтому Коммерческій Судъ, не ограничившись разсмотрѣніемъ приговора отъ 9 сентября 1897 года съ формальной стороны и войдя въ разсмотрѣніе его по существу,

поступилъ неправильно. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако Правительствующій Сенатъ находитъ, что допущенное судомъ въ семъ дѣлѣ отступленіе отъ указаннаго выше порядка разсмотрѣнія артельныхъ приговоровъ само по себѣ не можетъ повести къ отмѣнѣ рѣшенія Коммерческаго Суда и къ признанію иска Желѣзнова подлежащимъ удовлетворенію въ виду того, что вопросъ о правильности приговора съ формальной стороны возбуждается самимъ апелляторомъ и подлежитъ засимъ обсужденію Правительствующаго Сената въ предѣлахъ апелляціонной жалобы. Останавливаясь на вопросѣ о томъ, въ какой степени приговоръ отъ 9 сентября 1897 г. удовлетворяетъ тѣмъ формальнымъ условіямъ, соблюденіемъ коихъ опредѣляется его дѣйствительность, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что на основаніи §§ 21, 22 и 25 правилъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ—собраніе артели считается дѣйствительнымъ, если число присутствующихъ членовъ составляетъ не менѣе $^2/_3$ всѣхъ членовъ артели; затѣмъ артельный приговоръ, подписанный $^2/_3$ присутствующихъ въ собраніи артельщиковъ, почитается окончательнымъ и обжалованію по существу не подлежитъ; относительно же мѣста и времени самаго подписанія присутствовавшими въ собраніи артели артельщиками артельнаго приговора въ правилахъ особыхъ указаній не имѣется, почему слѣдуетъ признать, что состоявшіеся приговоры могутъ быть подписаны и послѣ артельнаго собранія. Равнымъ образомъ въ правилахъ не содержится указаній относительно извѣщенія артельщиковъ о днѣ собранія повѣстками, въ виду какового обстоятельства неизвѣщеніе Желѣзнова о днѣ собранія, несмотря на существованіе, по словамъ апеллятора, въ фонъ-Мекковской артели обычая оповѣщенія членовъ артели повѣстками о днѣ собранія, не можетъ никоимъ образомъ, при существованіи особыхъ установленныхъ правилъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ, имѣть значенія при обсужденіи вопроса о правильности состоявшагося собранія. При такомъ положеніи дѣла и имѣя въ виду: 1) что въ самомъ текстѣ приговора отъ 9 сентября 1897 года значится, что общее собраніе, постановившее сей приговоръ, состоялось при наличности въ собраніи $^2/_3$ членовъ; 2) что въ составъ фонъ-Мекковской артели къ 9 сентября 1897 года входило 280 артельщиковъ, какъ это видно изъ свидѣтельства Московскаго биржевого комитета отъ 22 іюня 1900 г. за № 754; 3) что приговоръ отъ 9 сентября 1897 г., какъ письменный актъ, удостовѣряющій, что въ собраніи присутствовало узаконенное количество артельщиковъ, долженъ быть признанъ полнымъ доказательствомъ содержащихся въ немъ данныхъ и

могъ бы быть опровергнутъ лишь представленіемъ надлежащихъ доказательствъ, каковыхъ однако къ дѣлу не представлено, и апелляторомъ не указано, въ виду чего одно лишь указаніе апеллятора на то, что въ общемъ собраніи 9 сентября 1897 года не было $^2/_3$ членовъ, не можетъ быть принято во вниманіе; 4) что, слѣдовательно, надлежитъ признать установленнымъ, что въ общемъ собраніи фонъ-Мекковской артели 9 сентября 1897 года, состоявшей въ то время изъ 280 членовъ, присутствовало не менѣе 186 артельщиковъ; 5) что засимъ приговоръ артели, какъ подписанный 162 членами, т. е. болѣе чѣмъ $^2/_3$ присутствовавшихъ въ собраніи артельщиковъ, представляется правильнымъ съ формальной стороны; 6) что указаніе на то, что подписи были сдѣланы не въ собраніи, а собирались артельщикомъ Авдонинымъ, который спеціально для собиранія подписей ѣздилъ по городамъ, гдѣ состоятъ на службѣ артельщики,—значенія по дѣлу имѣть не можетъ, ибо, какъ изложено выше, то обстоятельство, что самыя подписи учинены не въ собраніи, а впослѣдствіи, не можетъ повлечь за собою признаніе приговора недѣйствительнымъ; 7) что ходатайство апеллятора о выдачѣ ему свидѣтельства на предметъ полученія изъ Московскаго биржевого комитета удостовѣренія о существованіи въ Московскихъ биржевыхъ артеляхъ обычая оповѣщать артельщиковъ объ имѣющихъ состояться собраніяхъ удовлетворенію не подлежитъ, ибо, какъ изложено выше, въ правилахъ для биржевыхъ артелей гор. Москвы, обязательныхъ для всѣхъ артелей, не установлена обязанность оповѣщать артельщиковъ объ имѣющихъ состояться собраніяхъ, въ виду чего фактъ существованія подобнаго обычая въ фонъ-Мекковской артели и фактъ несоблюденія онаго въ данномъ случаѣ, если бы и были установлены удостовѣреніемъ биржевого комитета, не могли бы повести къ признанію приговора отъ 9 сентября 1897 г. недѣйствительнымъ, тѣмъ болѣе, что Желѣзновъ, очевидно, могъ получить свѣдѣнія о днѣ имѣющагося состояться собранія тѣмъ же путемъ какъ и явившіеся въ собраніе артельщики, которые также не были увѣдомлены повѣстками; 8) что равнымъ образомъ не можетъ подлежать удовлетворенію ходатайство апеллятора о выдачѣ ему свидѣтельства на полученіе справки о томъ, когда былъ представленъ на ревизію въ Московскій биржевой комитетъ приговоръ артели отъ 9 сентября 1897 года, ибо этою справкою имѣется въ виду установить, что подписи на артельномъ приговорѣ учинены не въ собраніи, а впослѣдствіи, каковое обстоятельство, какъ изложено выше, представляется для дѣла безразличнымъ,—Правительствующій Сенатъ рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда оставилъ въ силѣ (1900 г., № 1862).

194|136. Въ другомъ смыслѣ относительно подписанія приговоровъ и вызова артельщиковъ въ собраніе. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что предметъ

его составляетъ споръ истца Иванова противъ рѣшенія Московскаго Коммерческаго Суда, коимъ Иванову отказано въ искѣ о признаніи приговора фонъ-Мекковской биржевой артели отъ 12 декабря 1897 года объ исключеніи его, Иванова, изъ артели, недѣйствительнымъ, и о взысканіи убытковъ въ суммѣ 4.735 руб., слагающихся: а) изъ стоимости артельнаго мѣста—2.000 руб. съ присоединеніемъ причитавшагося на долю Иванова заработка по 50 руб. въ мѣсяцъ съ 1 ноября 1894 года до прекращенія службы при банкѣ 1 іюня 1896 года—950 рублей, и б) изъ суммы заработка, котораго былъ лишенъ Ивановъ вслѣдствіе исключенія изъ состава артели за срокъ съ 1 іюня 1896 года по день предъявленія иска, считая по 35 рублей въ мѣсяцъ—1.785 рублей. Обращаясь къ разсмотрѣнію спора и останавливаясь на указаніи апеллятора о томъ, что при постановленіи приговора 12 декабря 1896 года артель вышла изъ предѣловъ существующихъ для артелей правилъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что согласно § 21 правилъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ, дѣйствительность артельнаго собранія обусловлена присутствіемъ въ оном $^{2}/_{3}$ всего состава артели. Хотя въ представленной при исковомъ прошеніи копіи приговора артели отъ 12 декабря 1896 года за № 113, выданной Иванову фонъ-Мекковской биржевой артелью, согласно его просьбѣ, и удостовѣрено, что въ артельномъ собраніи 12 декабря находились всѣ, подписавшіе приговоръ артельщики въ количествѣ 173 лицъ, и что это количество составляетъ $^{2}/_{3}$ всего состава артели, тѣмъ не менѣе удостовѣреніе это не можетъ считаться безспорнымъ потому, во-первыхъ, что изъ *показаній допрошенныхъ по дѣлу свидѣтелей*: Авдѣева, Пухова, Игнатьева и Савельева, подписавшихся на приговорѣ 12 декабря, усматривается, что они въ собраніи 12 декабря не присутствовали, и что, подобно имъ, многіе другіе изъ подписавшихся артельщиковъ въ собраніи не были и подписывали приговоръ впослѣдствіи, въ мѣстахъ своего служенія, по мѣрѣ доставленія имъ приговора для прочтенія и подписанія однимъ изъ артельщиковъ, а, во-вторыхъ, что оно опровергается представленной отвѣтчикомъ нотаріально удостовѣренной копіей приговора объ исключеніи Иванова изъ артели (отъ того же 12 декабря 1896 года, но за другимъ №), въ коей указано, что приговоръ подписанъ всего 146 артельщиками. При отсутствіи же въ дѣлѣ данныхъ для точнаго установленія состава артельнаго собранія 12 декабря 1896 года, постановившаго приговоръ объ Ивановѣ, на которомъ основываетъ свои возраженія отвѣтчикъ, и при спорѣ истца противъ законности приговора съ формальной стороны, нельзя, за силою 366 ст. Уст. Гражд. Суд., не признать, что отвѣтчикъ не доказалъ того факта, что состоявшійся въ семъ собраніи приговоръ соотвѣтствуетъ требованіямъ § 21 артельныхъ правилъ, относительно подписанія его законнымъ числомъ артельщиковъ; кромѣ того, приговоръ этотъ постановленъ, какъ выяснилось по дѣлу и не оспорено

отвѣтчикомъ, безъ вызова въ собраніе артельщика и дачи ему возможности представить свои объясненія, что тоже существенно, такъ какъ, опираясь на этотъ приговоръ, отвѣтчикъ приписываетъ истцу такія дѣянія, которыя несомнѣнно позорятъ честь и доброе имя его и по поводу которыхъ его затѣмъ привлекли къ отвѣтственности въ порядкѣ уголовномъ. Исходя въ виду изложеннаго изъ того положенія, что приговоръ 12 декабря 1896 года недѣйствителенъ, и останавливаясь на вопросѣ о томъ, въ какой мѣрѣ исковыя требованія Иванова, какъ обусловленныя недѣйствительностью приговора, подлежатъ удовлетворенію, Правительствующій Сенатъ находитъ, что хотя въ поданномъ Московскому Коммерческому Суду исковомъ прошеніи Ивановъ заявлялъ требованіе о признаніи самаго исключенія его, Иванова, изъ артели ничтожнымъ, тѣмъ не менѣе требованіе это, за силою ст. 4 Уст. Суд. Гражд., нынѣ обсужденію не подлежитъ въ виду того, что въ поданномъ въ Правительствующій Сенатъ дополнительномъ прошеніи отъ 12 октября 1904 г. повѣренный истца Иванова ограничилъ свои исковыя требованія просьбою: а) о присужденіи Иванову одного артельнаго мѣста или о взысканіи стоимости артельнаго мѣста; б) о взысканіи процентовъ на стоимость артельнаго мѣста за срокъ съ 12 декабря 1896 г. по день присужденія иска Правительствующимъ Сенатомъ, и в) о взысканіи 853 р. убытковъ за 1894—1896 г.г., составляющихъ заработокъ Иванова за указанный срокъ, зачтенный въ наложенный на Иванова штрафъ. По первому изъ приведенныхъ требованій Правительствующій Сенатъ находитъ, что хотя изъ представленнаго повѣреннымъ Иванова при прошеніи отъ 12 октября 1904 г. удостовѣренія главной конторы фонъ-Мекковской биржевой артели отъ 29 сентября 1903 г., № 4917, и усматривается, что Ивановъ, несмотря на исключеніе изъ артели по приговору 12 декабря 1896 г., продолжалъ состоять владѣльцемъ артельнаго мѣста названной артели подъ № 88, тѣмъ не менѣе это обстоятельство не можетъ повести къ удовлетворенію вышеуказаннаго требованія по слѣдующимъ основаніямъ: владѣніе артельнымъ мѣстомъ, по самому понятію своему, предполагаетъ принадлежность владѣльца къ составу артели и участіе его въ трудахъ артели со всѣми присвоенными дѣйствительнымъ членамъ артели правами и обязанностями. Владѣніе нѣсколькими артельными мѣстами и помѣщеніе вмѣсто себя „довѣренныхъ“ въ правилахъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ не предусмотрѣно и составляетъ злоупотребленіе, которое не можетъ служить источникомъ правъ для Иванова. А такъ какъ, по приговору 12 декабря 1896 года, Ивановъ изъ состава артели исключенъ и спора противъ увольненія его не поддерживаетъ, то присужденію можетъ подлежать въ его пользу лишь стоимость артельнаго мѣста въ размѣрѣ, установленномъ книгами артели, т. е. въ суммѣ 2.000 рублей. Второе требованіе о взысканіи процентовъ съ 2.000 руб. (стоимости артельнаго мѣста) за срокъ съ 12 декабря 1896 г. по день присужденія

иска—является неуважительнымъ по слѣдующимъ основаніямъ: во-первыхъ, оно представляется требованіемъ новымъ, въ исковомъ прошеніи не заявленнымъ, во-вторыхъ, оно сводится къ возложенію на артель обязанности возмѣстить Иванову тѣ выгоды, которыхъ онъ былъ лишенъ вслѣдствіе исключенія его изъ артели, т. е. оно обусловлено только и исключительно фактомъ увольненія его, почему искъ Иванова въ этой части, за отказомъ отъ спора противъ правильности увольненія изъ членовъ артели, является безпочвеннымъ, и, за силою ст. 366 Уст. Гражд. Суд., удовлетворенію подлежать не можетъ. Что касается, наконецъ, третьяго требованія—о взысканіи съ артели въ пользу Иванова причитающагося въ его пользу заработка за срокъ съ 1 ноября 1904 г. по день увольненія изъ артели, то, имѣя въ виду, что, вопреки указу Правительствующаго Сената отъ 20 ноября 1903 г., обязавшаго артель представить въ Коммерческій Судъ для осмотра всѣ тѣ книги, въ которыя занесены суммы, подлежавшія къ выдачѣ на артельное мѣсто Иванова, артель сего требованія не исполнила,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что за силою ст. 210 Уст. Суд. Торг. требованія Иванова по сему предмету должны считаться установленными въ указываемой имъ суммѣ 853 руб. Въ виду всего изложеннаго, Правительствующій Сенатъ призналъ искъ Иванова доказаннымъ въ суммѣ 2.853 р. (1905 г., № 154).

195. Прав. Сенатъ, по 2-му Общему Собранію, пересмотрѣвъ практику по вопросу о допущеніи допроса свидѣтелей въ опроверженіе артельныхъ приговоровъ, призналъ, что допросъ свидѣтелей въ подтвержденіе и разъясненіе того, что приговоръ биржевой артели подписанъ артельщиками, не присутствовавшими на общемъ собраніи и что въ дѣйствительности законнаго числа ихъ на собраніи не было,—допустимъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, Второе Общее Собраніе нашло, что по точному смыслу ст. 260 Уст. Суд. Торг. и ст. 409 и 410 Уст. Гражд. Суд., свидѣтельскія показанія вообще недопустимы въ опроверженіе или дополненіе содержанія заключенныхъ сторонами письменныхъ документовъ; что же касается подтвержденія и разъясненія обстоятельствъ, сопровождавшихъ заключеніе письменныхъ актовъ, то допросъ свидѣтелей недопустимъ лишь относительно событій, для которыхъ по закону требуется письменное удостовѣреніе. Что касается „правилъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ“, то по разсматриваемому вопросу въ нихъ имѣется лишь постановленіе ст. 25, согласно которой артельные приговоры утверждаются подписями присутствующихъ въ собраніи артельщиковъ. Изъ точнаго смысла этого постановленія „правилъ“, съ несомнѣнностью выте-

кается, что дѣлаемыя артельщиками на приговорѣ, по ст. 25, подписи должны и могутъ служить удостовѣреніемъ лишь самаго приговора, иначе говоря, того обстоятельства, что на собраніи состоялось извѣстное постановленіе, но никакъ не какихъ-либо иныхъ событій. Относительно же того, какимъ образомъ долженъ удостовѣряться фактъ присутствованія артельщика на собраніи, ни въ правилахъ, ни въ отдѣльныхъ уставахъ артелей какихъ-либо постановленій не содержится. Въ виду сего, за отсутствіемъ въ законѣ особыхъ указаній на то, какъ должно быть удостовѣрено число присутствовавшихъ въ собраніи артельщиковъ, Общее Собраніе признало допросъ свидѣтелей по сему предмету вообще допустимымъ. Однако, какъ заявлялось и по настоящему дѣлу и какъ Правительствующій Сенатъ неоднократно усматривалъ изъ доходившихъ до его разсмотрѣнія дѣлъ, Московскимъ биржевымъ комитетомъ, въ качествѣ надзирающаго за правильностью дѣйствій артелей учрежденія (ст. 62), было сдѣлано предписаніе,—не разъ, вслѣдствіе неисполненія его, подтверждаемое,—имѣть такъ называемые „входные листы“, которые бы служили удостовѣреніемъ явки росписавшихся на немъ артельщиковъ въ собраніе. Но въ настоящемъ случаѣ, по заявленію повѣреннаго артели, „входного листа“ составлено не было, поэтому, при отсутствіи такого письменнаго акта, къ отказу въ допросѣ свидѣтелей основаній не усматривается и собственное упущеніе артели не можетъ умалить правъ истца-артельщика. По приведеннымъ соображеніямъ и принимая во вниманіе, что Абрамовъ ходатайствуетъ, кромѣ того, о выдачѣ ему свидѣтельства на полученіе справки изъ Московскаго адреснаго стола о непроживаніи артельщиковъ въ Москвѣ, къ неудовлетворенію котораго основаній не имѣется, Второе Общее Собраніе опредѣляетъ: предписать Московскому Коммерческому Суду: 1) допросить указанныхъ истцомъ свидѣтелей по сдѣланной на нихъ ссылкѣ, и 2) выдать истцу просимое свидѣтельство на полученіе справки изъ Московскаго адреснаго стола (1913 г., № 187, д. Абрамова).

196|137. Прав. Сенатъ призналъ недѣйствительнымъ приговоръ артели въ виду того, что онъ былъ подписанъ нѣкоторыми артельщиками (при помощи которыхъ получились $^2/_3$ голосовъ) внѣ собранія и не заключалъ въ себѣ указанія размѣра наложеннаго штрафа.

Не входя въ разсмотрѣніе спора Рогалева по существу обжалованнаго имъ приговора биржевой артели отъ 20 іюня 1899 г. объ исключеніи его изъ артели и оштрафованіи, на томъ основаніи, что такой приговоръ не можетъ подлежать обжалованію со стороны артельщиковъ по существу въ силу §§ 19, 20, 22 артельныхъ правилъ, Правительствующій Сенатъ въ отношеніи указаній Рогалева на формальныя неправильности означеннаго приговора находитъ:

для дѣйствительности артельнаго приговора §§ 21 и 23 правилъ Московскихъ биржевыхъ артелей требуется, чтобы въ собраніи присутствовало $^2/_3$ всѣхъ членовъ артели. Въ настоящемъ случаѣ изъ сопоставленія врученной Рогалеву копіи приговора отъ 20 іюня 1899 года, въ которой показано 40 подписей артельщиковъ, съ подлиннымъ приговоромъ, представленнымъ впослѣдствіи въ судъ, который подписанъ 62 артельщиками, слѣдуетъ заключить, что 20 іюня 1899 г. въ собраніи артели не присутствовало $^2/_3$ всѣхъ членовъ артели (60-ти артельщиковъ), такъ какъ въ противномъ случаѣ въ упомянутой копіи приговора было бы показано то же количество подписей, какъ и на подлинномъ. Ввиду этого обстоятельства, по точному смыслу приведенныхъ параграфовъ артельныхъ правилъ, приговоръ Шуйской артели отъ 20 іюня 1899 г. не можетъ быть признанъ правильно состоявшимся. Означенный приговоръ представляется, кромѣ того, неправильнымъ и въ томъ отношеніи, что, налагая на Рогалева штрафъ, артель не опредѣлила точнаго размѣра его, между тѣмъ, какъ это вытекаетъ изъ содержанія и смысла §§ 39 и 40 артельныхъ правилъ, налагая на артельщика штрафъ, артель должна точно опредѣлить размѣръ такового, ибо при этомъ только условіи возможны тѣ послѣдствія относительно штрафа и зачета его, о которыхъ говоритъ § 40 правилъ. Признавая по симъ основаніямъ, что приговоръ артели отъ 20 іюня 1899 г., какъ состоявшійся съ нарушеніемъ артельныхъ правилъ, не можетъ быть оставленъ въ силѣ, какъ о томъ и ходатайствуетъ Рогалевъ, и принимая во вниманіе, что артель не лишена права войти вновь въ обсужденіе вопроса о дѣйствіяхъ Рогалева и отвѣтственности его за нихъ во время пребыванія его въ артели, съ соблюденіемъ установленныхъ на сей предметъ правилъ,—Правительствующій Сенатъ состоявшееся по дѣлу рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда отмѣнилъ (1902 г., № 1001).

197|138. По дѣйствующимъ для Московскихъ биржевыхъ артелей правиламъ биржевому комитету не предоставлено права отмѣнять приговоры артели объ исключеніи артельщика. Судъ вправѣ разсматривать вопросъ о дѣйствительности приговора лишь съ формальной стороны. Артель имѣетъ безусловное право подвергнуть виновнаго артельщика какъ штрафу въ пользу артели, такъ и исключенію изъ состава оной. Мѣста исключенныхъ артельщиковъ продаются самою артелью и вырученныя деньги обращаются на пополненіе штрафа.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ: 31 января 1882 г. изъ конторы Мазуринской биржевой артели было произведено похищеніе суммы

въ 35.102 р. 70 к., принадлежащихъ Московско-Брестской желѣзной дорогѣ и находившихся на храненіи у артели. Обсудивъ обстоятельства, сопровождавшія означенное похищеніе, артельное собраніе Мазуринской артели признало, между прочимъ, артельщика Глазунова виновнымъ въ небрежности и въ пренебреженіи артельными интересами, имѣвшихъ послѣдствіемъ понесеніе артелью убытка отъ похищенія денегъ, а потому артельное собраніе по приговору отъ 22 марта 1883 г., подписанному 103 артельщиками, постановило: Глазунова изъ артели исключить, оштрафовать его стоимостью принадлежащаго ему артельнаго мѣста, таковое продать и вырученную отъ продажи сумму обратить на пополненіе понесеннаго артелью убытка. На этотъ приговоръ артельнаго собранія повѣреннымъ Глазунова, Чрединымъ, была принесена жалоба въ Московскій биржевой комитетъ, который, разсмотрѣвъ таковую и найдя, что при постановленіи приговора Мазуринская биржевая артель вышла изъ предѣловъ предоставленной ей артельными правилами власти, такъ какъ возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ артельщикомъ, можетъ послѣдовать не иначе, какъ по рѣшенію судебнаго мѣста, по журналу отъ 12 апрѣля 1885 г., означенный приговоръ Мазуринской артели отъ 22 марта 1883 г. отмѣнилъ. Вслѣдствіе сего Мазуринская биржевая артель 5 іюля 1885 г. по вопросу объ исключеніи Глазунова изъ артели постановила новый приговоръ, подписанный 137 артельщиками, коимъ постановила: Глазунова изъ артели исключить, наложить на него штрафъ въ размѣрѣ 2.200 руб. и артельное мѣсто его продать согласно § 40 артельныхъ правилъ. Имѣя въ виду, что въ дѣйствующихъ съ разрѣшенія правительства для Московскихъ биржевыхъ артелей правилахъ не предоставлено биржевому комитету право отмѣнять по жалобамъ заинтересованныхъ лицъ состоявшіеся въ артели приговоры объ исключеніи артельщика изъ состава артели, Прав. Сенатъ находитъ, что Московскій биржевой комитетъ, принявъ вопреки § 22 означенныхъ правилъ жалобу повѣреннаго Глазунова на приговоръ Мазуринской биржевой артели отъ 22 марта 1883 г., поступилъ неправильно и что затѣмъ отмѣна этого приговора биржевымъ комитетомъ не можетъ, сама по себѣ, имѣть какого-либо значенія при обсужденіи силы онаго со стороны суда. Переходя посему къ разрѣшенію вопроса о дѣйствительности состоявшихся по предмету исключенія Глазунова приговоровъ Мазуринской биржевой артели, Прав. Сенатъ считаетъ необходимымъ остановиться на ближайшемъ разсмотрѣніи общаго вопроса о томъ, въ какихъ предѣлахъ вообще правильность приговоровъ Московскихъ биржевыхъ артелей объ исключеніи отдѣльныхъ артельщиковъ и о наложеніи на нихъ штрафа, въ виду существующихъ для сихъ артелей правилъ, можетъ подлежать провѣркѣ со стороны суда при возникшемъ спорѣ о недѣйствительности такихъ приговоровъ. Въ этомъ отношеніи Прав. Сенатъ находитъ, что правила эти (§§ 19, 20, 38, 39 и 40) предоставляютъ артели право карать артельщиковъ за совершенные ими проступки и преступленія исключеніемъ изъ артели и наложеніемъ на виновныхъ

штрафа по приговорамъ артельнаго собранія, причемъ въ §§ 21 и 22 означенныхъ правилъ выражено, что такіе приговоры артельнаго собранія являются окончательными и жалобы на оные нигдѣ не принимаются. Но вмѣстѣ съ тѣмъ означенныя правила установляютъ извѣстные предѣлы такой карательной власти артели по отношенію къ артельщику, указывая, какія именно наказанія и за какого рода проступки и преступленія могутъ быть налагаемы артелью, и затѣмъ установляютъ нѣкоторыя формальныя условія, которымъ должны удовлетворять артельные приговоры, требуя, чтобы таковые состоялись въ собраніи артели, на которомъ присутствовало бы не менѣе $^2/_3$ всѣхъ членовъ артели, чтобы они были утверждены $^2/_3$ голосовъ присутствующихъ членовъ и изложены въ письменной формѣ (§§ 21, 22 и 25). Изъ изложеннаго явствуетъ, что съ одной стороны правило объ окончательности артельныхъ приговоровъ относится лишь къ такимъ приговорамъ, которые соотвѣтствуютъ приведеннымъ постановленіямъ артельныхъ правилъ, а именно, которые не выходятъ изъ предѣловъ компетенціи артельнаго собранія и при постановленіи которыхъ соблюдены указанныя формальныя требованія, и что, съ другой стороны, приговоры, удовлетворяющіе всѣмъ симъ условіямъ, являются окончательными и правильность ихъ не можетъ подлежать провѣркѣ по существу со стороны суда. Отсюда слѣдуетъ, что судъ, въ случаѣ возникновенія спора о дѣйствительности артельнаго приговора, вправѣ разсматривать таковой только съ формальной стороны, по вопросу о томъ, не вышла ли артель изъ предѣловъ предоставленной ей власти и соблюдены ли всѣ указанныя правилами требованія при постановленіи приговора, но затѣмъ судъ ни въ какомъ случаѣ не вправѣ входить въ обсужденіе какихъ-либо вопросовъ, относящихся къ существу самаго приговора, напримѣръ вопросовъ о томъ, дѣйствительно ли артельщикомъ совершены приписываемые ему проступки или преступленія, долженъ ли онъ подвергнуться наказанію за оные и въ какомъ размѣрѣ. Затѣмъ Прав. Сенатъ находитъ, что согласно признанію самого повѣреннаго Мазуринской биржевой артели, приговоръ Мазуринской биржевой артели отъ 22 марта 1883 г. состоялся въ артельномъ собраніи, въ которомъ не присутствовало установленнаго § 21 правилъ большинства $^2/_3$ всѣхъ членовъ артели, а потому этотъ приговоръ, какъ неправильный съ формальной стороны, не можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ и не могъ лишать Глазунова принадлежавшаго ему права на артельное мѣсто. Что же касается указаній повѣреннаго артели на то, что приговоръ 22 марта 1883 г., долженъ быть признанъ дѣйствительнымъ въ виду того: 1) что онъ подписанъ установленнымъ правилами большинствомъ членовъ артели, а именно $^2/_3$ присутствовавшихъ въ артельномъ собраніи артельщиковъ, составлявшихъ въ свою очередь $^2/_3$ общаго числа членовъ артели, и 2) что приговоромъ отъ 20 января 1883 г. Мазуринская артель постановила, чтобы обязательными для артельщиковъ считались не только приговоры, подписанные установленнымъ большинствомъ всѣхъ членовъ артели, но

и тѣ, которые подписаны артельщиками, находящимися въ день составленія приговора въ г. Москвѣ, то Прав. Сенатъ находитъ, что указанія сіи не могутъ въ настоящемъ случаѣ служить достаточнымъ основаніемъ къ признанію приговора отъ 22 марта 1883 г. дѣйствительнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) согласно § 21 артельныхъ правилъ приговоръ артельнаго собранія считается дѣйствительнымъ, какъ указано выше, при томъ лишь условіи, если въ собраніи присутствовало не менѣе $^2/_3$ общаго числа членовъ артели, и если приговоръ будетъ утвержденъ $^2/_3$ голосовъ присутствующихъ въ собраніи членовъ артели. Въ настоящемъ же случаѣ ничѣмъ по дѣлу не доказано, чтобы въ собраніи 22 марта 1883 г. присутствовало установленное большинство ($^2/_3$) всѣхъ членовъ Мазуринской артели, и чтобы вообще въ собраніи этомъ присутствовало большее число членовъ, чѣмъ то, которое подписалось подъ приговоромъ. Въ виду этого и такъ какъ приговоръ этотъ подписанъ лишь 103 артельщиками изъ общаго числа 200 членовъ Мазуринской артели, заявленіе повѣреннаго ея, что въ собраніи 22 марта 1883 г. присутствовало дѣйствительно $^2/_3$ всего числа артельщиковъ, представляется бездоказательнымъ и не можетъ быть принято во вниманіе, какъ противорѣчащее собственному признанію о томъ, что приговоръ 22 марта 1883 г. является недѣйствительнымъ, какъ не принятый установленнымъ правилами большинствомъ членовъ артели. Затѣмъ 2) не касаясь вопроса о томъ, можетъ ли приговоръ 20 января 1883 г. вообще быть признанъ дѣйствительнымъ въ виду несогласія устанавливаемаго имъ порядка составленія артельныхъ приговоровъ съ постановленіями, содержащимися на сей предметъ въ дѣйствующихъ для Московскихъ биржевыхъ артелей съ разрѣшенія правительства правилахъ, Прав. Сенатъ находитъ, что онъ никакого значенія при разрѣшеніи вопроса о дѣйствительности приговора 22 марта 1883 г. имѣть не можетъ уже въ виду того, что по дѣлу ничѣмъ не установлено, чтобы приговоръ этотъ удовлетворялъ условіямъ, установленнымъ для обязательности артельныхъ приговоровъ въ самомъ приговорѣ отъ 20 января 1883 г., а именно, чтобы приговоръ 22 марта былъ подписанъ всѣми тѣми артельщиками, которые въ этотъ день находились въ Москвѣ. Признавая, на основаніи изложеннаго, что приговоръ Мазуринской артели отъ 22 марта 1883 г. не можетъ быть признанъ съ формальной стороны правильнымъ и обязательнымъ для Глазунова, Прав. Сенатъ далѣе усматриваетъ, что, какъ видно изъ дѣла, вслѣдъ за отмѣною этого приговора Московскимъ биржевымъ комитетомъ, Мазуринская биржевая артель въ артельномъ собраніи 5 іюля 1885 г. вновь постановила за тѣ же дѣйствія Глазунова, обсуждавшіяся при постановленіи приговора 22 марта 1883 г., исключить его изъ артели и оштрафовать въ суммѣ 2.200 руб., на покрытіе которыхъ продать его артельное мѣсто. Сей послѣдній приговоръ подписанъ 137 артельщиками изъ общаго числа 200 человѣкъ, состоящихъ артельщиками въ Мазуринской артели, и такимъ образомъ этотъ приговоръ оказывается постано-

вленнымъ надлежащимъ, установленнымъ правилами, большинствомъ. Затѣмъ въ другихъ отношеніяхъ приговоръ этотъ съ формальной стороны представляется правильнымъ и не нарушаетъ установленныхъ правилами предѣловъ карательной власти (§§ 19, 20, 39 и 40), ибо, какъ явствуетъ изъ сопоставленія приведенныхъ §§ 19 и 20 съ §§ 39 и 40, и какъ уже было разъяснено Прав. Сенатомъ по другимъ, однороднымъ съ настоящимъ дѣламъ, всякое дѣйствіе артельщика, будетъ ли оно составлять преступленіе въ общемъ значеніи этого слова, или будетъ только относиться къ разряду проступковъ, указанныхъ въ § 19 (нерадѣніе, небрежность), разъ оно способно подрывать довѣріе къ артели, подлежитъ разсмотрѣнію артели на общемъ основаніи и за совершеніе такового артель, какъ сторона, единственно и могущая судить о нарушеніи къ ней довѣрія вслѣдствіе неправильныхъ дѣйствій артельщика, имѣетъ безусловное право подвергнуть виновнаго какъ штрафу въ пользу артели, такъ и исключенію изъ состава оной. Правильность такого толкованія артельныхъ правилъ подтверждается и § 38 оныхъ, въ которомъ указано одно такое дѣйствіе артельщика, не составляющее преступленія, а именно, невозвращеніе изъ отпуска въ теченіе болѣе одного мѣсяца, которое подвергаетъ артельщика не только наложенію штрафа, но и исключенію изъ артели. Кромѣ того правильность такого заключенія можетъ быть выведена изъ существа артельнаго договора. Артель, согласно ст. ст. 89 и 97 XI т. 2 ч. Уст. Торг., изд. 1887 г., есть общество работниковъ, составленное по взаимному согласію членовъ ея для совмѣстнаго исполненія работъ, ей поручаемыхъ, причемъ она несетъ имущественную отвѣтственность за всѣ дѣйствія каждаго изъ артельщиковъ передъ лицами, давшими ей порученіе. Поэтому, если артельщикъ не исполняетъ возложенныхъ на него работъ, или исполняетъ таковыя небрежно, вслѣдствіе чего артели можетъ грозить имущественный ущербъ, то артель не можетъ быть обязываема по отношенію къ такому артельщику соблюдать съ своей стороны артельный договоръ и держать его въ своей средѣ и потому не лишена права исключить такого артельщика изъ артели, какъ неблагонадежнаго къ исправленію обязанностей артельщика. На основаніи сихъ соображеній Прав. Сенатъ находитъ, что Мазуринская биржевая артель имѣла право исключить Глазунова изъ артели за небрежность и пренебреженіе къ артельнымъ интересамъ, и что затѣмъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли допущены Глазуновымъ означенныя небрежность и пренебреженіе артельными интересами, установленныя приговоромъ, какъ вопросъ, относящійся до существа приговора, согласно изложенному выше, не можетъ подлежать провѣркѣ со стороны суда. На основаніи изложеннаго Прав. Сенатъ находитъ, что второй приговоръ Мазуринской биржевой артели отъ 5 іюля 1885 г. долженъ быть признанъ дѣйствительнымъ и, за исключеніемъ по оному Глазунова изъ состава Мазуринской биржевой артели, требованіе его о признаніи за нимъ права собственности на принадлежавшее ему артельное мѣсто не можетъ подлежать удовлетворенію.

Равнымъ образомъ не можетъ имѣть мѣста присужденіе Глазунову стоимости этого мѣста въ виду того, что по приговору отъ 5 іюля на Глазунова наложенъ штрафъ въ размѣрѣ 2.200 руб. и согласно § 40 артельныхъ правилъ мѣста исключенныхъ артельщиковъ продаются самою артелью, а вырученныя деньги обращаются на пополненіе наложеннаго приговоромъ артели штрафа. Въ виду сего слѣдуетъ признать, что отъ Глазунова будетъ зависѣть впослѣдствіи требовать отъ артели части стоимости его мѣста въ случаѣ, если продажею такового будетъ выручена сумма, превышающая размѣръ наложеннаго на него штрафа. Что касается, наконецъ, второй части иска Глазунова о взысканіи причитающагося на его артельное мѣсто дивиденда, то Прав. Сенатъ усматриваетъ, что таковой дивидендъ присужденъ Глазунову Ком. Судомъ за время отъ окончанія возбужденнаго противъ него уголовнаго дѣла, т. е. съ января мѣсяца 1883 г., по сентябрь 1886 г. Такъ какъ, согласно изложенному выше, приговоръ 22 марта 1883 г. является недѣйствительнымъ и Глазуновъ не можетъ считаться по оному правильно исключеннымъ изъ артели, то за нимъ должно быть признано право на полученіе причитающагося на его артельное мѣсто дивиденда за время до исключенія его изъ артели по приговору отъ 5 іюля 1885 г. Но имѣя въ виду, что искъ предъявленъ Глазуновымъ ранѣе, чѣмъ состоялся этотъ послѣдній приговоръ, а именно 5 мая 1885 г., Прав. Сенатъ находитъ, что въ настоящее время отыскиваемый Глазуновымъ дивидендъ можетъ быть присужденъ ему лишь за время отъ января 1883 г. по май мѣсяцъ 1885 г. Исчисливъ затѣмъ размѣръ слѣдующаго Глазунову за означенное время дивиденда въ суммѣ 1.318 р. 80 к., Прав. Сенатъ опредѣлилъ: въ измѣненіе состоявшагося по настоящему дѣлу рѣшенія Московскаго Ком. Суда въ части, коею присуждено съ Мазуринской артели въ пользу крестьянина Глазунова 4.085 р. съ %: 1) въ искѣ Глазунова о присужденіи ему стоимости артельнаго мѣста за № 26 отказать; 2) взыскать съ Мазуринской биржевой артели въ пользу Глазунова дивидендъ на артельное мѣсто за время съ января 1883 г. по май 1885 г. 1.318 р. 80 к. съ % со дня предъявленія иска (1889 г., № 830; тоже, 1890 г., № 565; 1891 г., № 144; 1895 г., № 549; 1910 г., № 2710).

198. Формою приговора нельзя считать одни только процессуальныя условія его постановленія; къ формѣ относится и соотвѣтствіе приговора закону, уставу артели и соглашенію сторонъ.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что его разрѣшенію подлежитъ, прежде всего, вопросъ о предѣлахъ, въ которыхъ можетъ быть обсуждаемъ искъ, предъявленный Константиновымъ къ Россійской биржевой артели. Истецъ домогается отмѣны постановленій общихъ собраній артели отъ

9 и 17 января и 17 февраля 1902 года, въ силу коихъ онъ былъ смѣненъ съ должности, отписанъ отъ артельныхъ занятій и, наконецъ, исключенъ изъ артели. Между тѣмъ, Правительствующимъ Сенатомъ (опр. 12 мая 1894 г., № 662; 1 мая 1897 г., № 485 и 24 сентября 1898 г., № 892) незыблемо установлено, что подобнаго рода артельные приговоры доступны оцѣнкѣ суда не по существу, а только съ формальной ихъ стороны. Такое воззрѣніе Правительствующаго Сената, всегда и неукоснительно имъ проводимое, покоится на твердомъ основаніи законовъ (ст. 79, 81 и 86 Уст. Торг.), а потому какое либо отъ него отступленіе представляется явно недопустимымъ. Но, отрицая право суда входить въ существо артельныхъ приговоровъ, надлежитъ опредѣлительно указать границы для обсужденія со стороны формальной. Несомнѣнно, было бы неправильно признавать формою приговора одни только процессуальныя условія его постановленія: къ формѣ нельзя не отнести и соотвѣтствіе приговора закону, соглашенію сторонъ и вообще всѣмъ фактамъ, наличность которыхъ установлена тѣмъ же приговоромъ; таковы, какъ извѣстно, предѣлы кассаціоннаго разсмотрѣнія, то есть предѣлы вѣдѣнія суда, по преимуществу формальнаго, а потому достаточно остаться въ нихъ и безъ дальнѣйшаго ограниченія, для того, чтобы не коснуться существа оспариваемыхъ истцомъ постановленій артели. Исходя изъ этого и обращаясь къ выясненію вопроса, согласуются ли упомянутыя постановленія съ закономъ и съ истиннымъ смысломъ отношеній, бывшихъ между артелью и Константиновымъ, и оправдываются ли они обстоятельствами, которыя приведены въ ихъ же текстѣ, Правительствующій Сенатъ считаетъ необходимымъ принять во вниманіе нижеслѣдующія соображенія. Законъ, даруя артелямъ самоуправленіе, не имѣлъ цѣлью освящать артельный произволъ и отдавать отдѣльныхъ артельщиковъ на милость и усмотрѣніе артельныхъ собраній; напротивъ, въ ст. 81 и 86 Уст. Торг. прямо изображено, что внутреннее управленіе артели опредѣляется соглашеніемъ ея членовъ или правилами, утвержденными въ надлежащемъ порядкѣ, и что артельщики, при вступленіи своемъ даютъ подписку подчиняться не волѣ большинства общаго собранія, а общимъ артели правиламъ. Отсюда вытекаетъ, что въ артеляхъ, имѣющихъ утвержденные уставы, таковые обязательны какъ для каждаго артельщика въ отдѣльности, такъ равно для общихъ собраній и для органовъ артельнаго управленія; отсюда вытекаетъ и то, что подписка, даваемая артельщиками при ихъ вступленіи, не должна противорѣчить уставу, въ коемъ нашли себѣ выраженіе общія правила артели, нашло себѣ выраженіе артельное право. У Россійской биржевой артели есть утвержденный уставъ, а потому, чтобы рѣшить, насколько оспоренныя истцомъ постановленія могутъ быть оправданы этимъ уставомъ, надлежитъ обратиться къ тѣмъ его статьямъ, которыя касаются наложенія на артельщиковъ взысканій. Въ семъ отношеніи, по точному смыслу § 73 устава артели, члены ея, оказавшіе неповиновеніе законнымъ требованіямъ правленія и другихъ распорядителей, произ-

вольно оставившіе порученныя имъ дѣла, замѣченные въ нерадѣніи или въ нетрезвомъ поведеніи при исполненіи служебныхъ обязанностей, нарушеніи интересовъ артели и т. п., подвергаются взысканіямъ и выговорамъ по опредѣленію ближайшихъ общихъ собраній, коимъ предоставляется право налагать на виновныхъ денежныя взысканія до 100 руб., временно отписывать отъ артели на срокъ соотвѣтственно сдѣланному проступку, но не менѣе какъ на одинъ мѣсяцъ и не болѣе какъ на 6 мѣсяцевъ; при этомъ, „за повтореніе однородныхъ проступковъ наказаніе налагается въ прогрессивно-увеличивающемся размѣрѣ“, а въ томъ случаѣ, „если взысканія, налагаемыя артелью не будутъ оказывать должнаго воздѣйствія на членовъ артели, и проступками ихъ будетъ нарушаться довѣріе къ артели, и послѣдуетъ потеря заработка, то виновные исключаются, по постановленію общаго собранія изъ артели съ выдачею разсчета“. Что же касается права артели на немедленное исключеніе, то таковое предусмотрѣно въ § 74 того же устава лишь въ 4 случаяхъ: 1) когда членъ артели уличенъ въ растратѣ или присвоеніи ввѣренныхъ ему артелью или довѣрителями ея денегъ, документовъ, имущества и другихъ цѣнностей; 2) когда членъ артели, приговоренъ судомъ къ тюремному заключенію и другимъ высшимъ мѣрамъ наказанія за преступныя дѣянія, совершенныя хотя бы и внѣ артели, но нарушающія довѣріе къ послѣдней; 3) когда членъ артели трижды наказанъ собраніемъ за нетрезвое поведеніе при исполненіи служебныхъ обязанностей; 4) когда будетъ вполнѣ доказано, что кто либо изъ членовъ артели склонялъ довѣрителя къ передачѣ дѣла въ другую артель. Какъ видно изъ дѣла, членъ Россійской биржевой артели Федоръ Константиновъ не совершилъ ни одного изъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ § 74 устава означенной артели и влекущихъ немедленное исключеніе его изъ артели. Посему общее собраніе артели, налагая на Константинова взысканія, должно было, въ силу § 73 устава, руководствоваться правиломъ о наложеніи таковыхъ въ прогрессивно-увеличивающемся размѣрѣ и притомъ не выступать изъ предѣловъ, указанныхъ въ семъ параграфѣ; то есть неуклонно сообразоваться: 1) съ тѣмъ, чтобы караемый проступокъ подходилъ по роду своему къ перечисленнымъ въ параграфѣ примѣрамъ; 2) съ тѣмъ, чтобы повтореніе, влекущее за собою усиленіе наказанія, было признаваемо лишь въ отношеніи проступковъ однородныхъ, и 3) съ тѣмъ, чтобы исключеніе изъ артели, какъ высшая мѣра кары, было примѣняемо лишь въ случаѣ подрыва довѣрія къ артели и потери ея заработка. Между тѣмъ общее собраніе артели: 1) постановленіемъ, состоявшимся 9 января 1902 г., опредѣлило: смѣнить Константинова съ занимаемой имъ должности кассира у бр. Нобель; 2) постановленіемъ, имѣвшимъ мѣсто 17 того же января, отписало его отъ артели и сняло ручательство за него, и 3) постановленіемъ отъ 17 февраля 1902 г. исключило изъ членовъ съ выдачею ему разсчета. Несмотря на видимую постепенность взысканій, всѣ три постановленія не могутъ быть признаны согласными съ упомяну-

тымъ § 73 устава: первымъ постановленіемъ наложено вовсе не предусмотрѣнное уставомъ наказаніе, а такъ какъ въ личности артельщика заинтересованъ прежде всего довѣритель, то, помимо вѣдома и одобренія его, смѣщеніе члена артели съ должности безъ отписанія отъ артели, очевидно, немыслимо,—вслѣдствіе чего и оказалась необходимость во второмъ постановленіи, состоявшемся 17 января. Такимъ образомъ два первыхъ постановленія въ сущности представляютъ собою одно цѣлое; отсюда вытекаетъ, что Константиновъ сразу былъ отписанъ отъ артели, хотя, по смыслу § 73 подобному взысканію должны предшествовать выговоры и денежныя пени. Правда, повѣренный артели утверждалъ, что еще ранѣе Константиновъ подвергался менѣе суровымъ карательнымъ мѣрамъ въ видѣ выговоровъ, лишенія права голоса и исключенія изъ членовъ ревизіонной комиссіи, но означенное утвержденіе не имѣетъ значенія, такъ какъ выговоръ Константинову, наложенный на него постановленіемъ отъ 26 октября 1908 г. былъ снятъ по постановленію общаго собранія артели отъ 8 ноября того же года; о лишеніи же права голоса, хотя и говорится въ постановленіи собранія отъ 17 февраля 1902 г., но никакихъ доказательствъ тому не представлено, и, помимо сего, одно лишеніе права голоса Константинова, если бы таковое и имѣло мѣсто, не можетъ еще служить основаніемъ для примѣненія къ нему сразу одной изъ высшихъ мѣръ, а именно отписанія отъ артели; что же касается двукратнаго исключенія Константинова изъ членовъ ревизіонной комиссіи, о которомъ также говорится въ постановленіи собранія отъ 17 февраля 1902 г., то подобнаго рода исключеніе не составляетъ вовсе наказанія, предусмотрѣннаго уставомъ артели, что является вполнѣ естественнымъ, такъ какъ ревизіонная дѣятельность требуетъ особаго довѣрія, а главное, спеціальной опытности, и артель можетъ поручить ревизію члену артели и затѣмъ отозвать его отъ этой дѣятельности, безъ всякаго ущерба для его чести и достоинства, какъ члена артели.—Сверхъ всего этого, нельзя не отмѣтить и того, что въ первый разъ, по постановленію отъ 26 октября 1898 года, Константиновъ былъ подвергнутъ выговору и исключенъ изъ членовъ ревизіонной комиссіи „за несвоевременное выраженіе своихъ взглядовъ“, а второй разъ, по постановленію отъ 10 декабря 1901 года, Константинова исключили изъ состава той же комиссіи за оскорбленіе правленія артели, выразившееся въ словахъ: „Правленіе говоритъ голословно“. Очевидно, что оба проступка Константинова не только не подходятъ по роду своему къ числу указанныхъ въ § 73 устава, но и вовсе не составляютъ чего бы то ни было такого, что могло бы, даже съ большою натяжкою, быть подведено подъ понятіе дѣйствій, заслуживающихъ какого либо взысканія: заявленіе, если оно несвоевременно, оставляется безъ разсмотрѣнія по существу, а указаніе на голословность объясненій правленія не содержитъ въ себѣ ничего оскорбительнаго, будучи вполнѣ допустимымъ по формѣ и законнымъ по существу возраженіемъ; признавать возможнымъ обложеніе карою такихъ заяв-

вленій и возраженій, значило бы узаконять не общія правила артели, а артельный произволъ. Правда, въ постановленіи отъ 10 декабря есть указанія на заявленіе 41 артельщика о неблаговидныхъ дѣйствіяхъ Константинова, клонящихся ко вреду артели, и упоминаніе о какомъ то дѣлѣ въ городскомъ кредитномъ обществѣ; однако, все это осталось не провѣреннымъ, такъ какъ обсужденіе такихъ дѣйствій Константинова общее собраніе передало въ ревизіонную комиссію, и дальнѣйшая судьба сказаннаго заявленія неизвѣстна, въ силу чего и нѣтъ основанія допустить, чтобы какой либо поступокъ Константинова, который повредилъ бы интересамъ артели, былъ сколько нибудь установленъ по настоящему дѣлу означеннымъ постановленіемъ. Но если бы и признать доказаннымъ, что Константиновъ подвергся ранѣе съ соблюденіемъ всѣхъ требованій устава, всѣмъ высканіямъ, необходимымъ для того, чтобы постановленіями отъ 9 и 17 января 1902 года его возможно было отписать отъ артели, то и въ такомъ случаѣ нельзя не остановиться на самомъ проступкѣ Константинова, обложенномъ такимъ наказаніемъ: Константинова отписали отъ артели за то, что онъ возбудилъ противъ другого артельщика уголовное преслѣдованіе безъ предварительнаго на то согласія общаго собранія и не подчинился требованію собранія прекратить дѣло, передавъ его на разсмотрѣніе артели. Въ этомъ, конечно, опять таки нѣтъ не только проступка, который подходилъ бы къ упомянутымъ въ § 73 устава примѣрамъ, но даже и вообще какого либо проступка; если и допускать, что артель имѣетъ надъ отдѣльными артельщиками самую широкую власть, то переходъ этой власти въ своевластіе не допустимъ, а требованіе артели, чтобы ея членъ сообразовался съ ея желаніями въ отношеніи своей личной жизни и не имѣлъ права обращаться къ уголовному суду, противорѣчитъ существующимъ законамъ и не находитъ себѣ оправданія въ уставѣ артели. Слѣдовательно, Константиновъ, возбуждая уголовное преслѣдованіе противъ лица, которое признавалъ предъ собою виновнымъ, ничьего согласія на это испрашивать не былъ обязанъ, какъ равно не былъ обязанъ и подчиняться въ семъ отношеніи противозаконному требованію общаго собранія, не находящему мѣста въ уставѣ артели, а потому и самое наложеніе на Константинова за это взысканія является недопустимымъ; если же въ постановленіи отъ 17 января и упоминается о какихъ то угрозахъ Константинова и о нежеланіи его сдать ключи отъ кассы бр. Нобель, то оба эти обстоятельства не имѣютъ никакого значенія: о нежеланіи сдать ключи занесено въ постановленіе уже послѣ резолюціи объ отписаніи отъ артели, а самое отписаніе опредѣлено именно „за отказъ отъ предложенія взять изъ суда дѣло“, безъ отношенія къ угрозамъ, о характерѣ которыхъ къ тому же въ постановленіи ничего не приведено, вслѣдствіе чего дозволительно сомнѣваться, дѣйствительно ли Константиновъ угрожалъ и не были ли его угрозы однородны съ оскорбленіемъ, о коемъ упомянуто въ постановленіи отъ 10 декабря 1901 г. Точно также страдаетъ ко-

реннымъ порокомъ и постановленіе отъ 17 февраля 1902 г.: прежде всего, за недѣйствительностью постановленій отъ 9 и 17 января того же года, оно нарушаетъ постепенность взысканій, такъ какъ налагаетъ на Константинова самую высокую кару помимо отписанія отъ артели, а затѣмъ нельзя не обратить вниманія на то, что въ соображеніяхъ своихъ по поводу необходимости исключенія Константинова изъ артели общее собраніе, вопреки § 73 устава, вовсе не указало на потерю заработка и недостаточно объяснило, въ чемъ оно усмотрѣло подрывъ довѣрія къ артели, такъ какъ для того, чтобы сказанное на судѣ повѣреннымъ Константинова, Адамовымъ, при разсмотрѣніи дѣла его мировымъ судьей, поставить въ вину довѣрителю, надлежитъ сперва установить, что оно было сказано съ вѣдома и одобренія послѣдняго, и такъ какъ подрывъ довѣрія, если онъ и былъ дѣйствительно вызванъ разоблаченіями на судѣ неправильныхъ дѣйствій артели, не можетъ быть поставленъ въ вину Константинову: слишкомъ ясно, что уставъ исключеніемъ изъ артели караетъ не тотъ подрывъ довѣрія, который слѣдуетъ за разоблаченіями непорядковъ въ артели, а тотъ, который причиняетъ артели ея членъ своимъ предосудительнымъ поведеніемъ или ложными обвиненіями; иначе уставъ не подлежалъ бы утвержденію, будучи направленъ ко вреду общества, какъ содержащій въ себѣ угрозы лицамъ, не желающимъ прикрывать злоупотребленія и неправильности; на ложность же заявленій повѣреннаго Константинова предъ судомъ и на личные поступки послѣдняго, которые бы вредили артели, взятые сами по себѣ, постановленіе отъ 17 февраля вовсе не указываетъ; что касается ссылки этого постановленія на возможность растраты у бр. Нобель, совершенной Константиновымъ, то общее собраніе признало допустимымъ бросить Константинову столь тяжкое обвиненіе единственно на томъ основаніи, что онъ отказался на предыдущемъ общемъ собраніи, бывшемъ 17 января, передать ключи отъ кассы бр. Нобель и сдалъ кассу только 31 января; между тѣмъ неосновательность такого обвиненія не подлежитъ никакому сомнѣнію: будучи смѣщенъ съ должности, Константиновъ не имѣлъ, конечно, никакого права отдавать артели ключи довѣрителя, безъ сдачи кассы, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы оберечь ни довѣрителя своего Нобеля, протестовавшаго противъ его увольненія, ни себя, вслѣдствіе чего, въ отказѣ Константинова нѣтъ не только признаковъ растраты (не оказавшейся и впослѣдствіи при сдачѣ кассы), но и неповиновенія законнымъ распоряженіямъ артели. Итакъ, три оспоренныхъ истцомъ постановленія общаго собранія артели явно не согласуются съ ея уставомъ; не могутъ они быть оправданы и подпискою, которую далъ Константиновъ при своемъ вступленіи въ артель; въ самомъ дѣлѣ,—въ подпискѣ этой есть п. 5 слѣдующаго содержанія: „если артель найдетъ меня неспособнымъ къ артельнымъ дѣламъ и работамъ, или если я буду вести нетрезвую и порочную жизнь, или буду вредить артельнымъ интересамъ, то артель имѣетъ право исключить меня изъ числа

своихъ членовъ съ разсчетомъ или безъ онаго, смотря по обстоятельствамъ, и я, согласно 2233 и 2234 ст. X т. ч. 1 Св. Зак., обязуюсь рѣшеніе артели исполнить и никакихъ претензій къ оной не имѣть". Выше было уже установлено, что подписка, отбираемая отъ артельщиковъ не можетъ противорѣчить общимъ правиламъ артели, т. е. уставу; не можетъ она противорѣчить и закону, существующему для всѣхъ гражданъ и воспрещающему отказъ отъ судебной защиты въ будущемъ; слѣдовательно, окончаніе п. 5 подписки, данной Константиновымъ, является въ сущности излишнимъ, содержа въ себѣ только указаніе на необходимость подчиниться правильному рѣшенію артели, а отнюдь не всякому; правильность же рѣшенія артели опредѣляется уставомъ, въ силу чего и п. 5 подписки надобно толковать не обособленно, а въ сопоставленіи съ § 73 и 74 названнаго устава, поэтому ни въ какомъ случаѣ нельзя толковать подписку Константинова въ томъ смыслѣ, что онъ отказался отъ предоставляемыхъ ему въ § 73 устава гарантій; но если бы въ отступленіе отъ сказаннаго выше, и признать, что Константиновъ, въ виду его подписки, могъ быть исключенъ изъ артели безъ постепенности наказаній, то и тогда необходимо указать, что въ постановленіи отъ 17 февраля 1902 г. вовсе не приведено какихъ либо данныхъ, которыя бы удостовѣрили неспособность Константинова къ артельнымъ работамъ, нетрезвое или порочное его поведеніе и нарушеніе имъ интересовъ артели (о чемъ уже и было упомянуто въ своемъ мѣстѣ). Окончательный выводъ изъ всего изложеннаго таковъ: законъ не разрѣшаетъ артелямъ произвола и требуетъ соблюденія уставовъ, а уставъ Россійской биржевой артели и подписка Константинова, лежащіе въ основаніи существа отношеній между истцомъ и отвѣтчикомъ и взятые совмѣстно съ поступками истца, поскольку послѣдніе удостовѣрены постановленіями отъ 9 и 17 января и 17 февраля 1902 г., не оправдываютъ резолютивной части ни одного изъ этихъ постановленій. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что и вообще всѣ общества, цѣль и дѣятельность коихъ опредѣляются особыми уставами, могутъ исключать своихъ членовъ лишь въ согласіи съ таковыми (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1904 г., № 34) и что исключеніе кого-либо изъ членовъ общества даетъ исключенному право путемъ иска добиваться возстановленія его нарушенныхъ правъ (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1880 г., № 186),—Правительствующій Сенатъ не считаетъ нужнымъ входить въ обсужденіе прочихъ доводовъ и ходатайствъ обѣихъ сторонъ, а потому опредѣляетъ: рѣшеніе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда по настоящему дѣлу отмѣнить и признать постановленія общихъ собраній Россійской биржевой артели отъ 9 и 17 января и 17 февраля 1902 г., въ чемъ они касаются истца Федора Константинова, недѣйствительными (1909 г., по д. Константинова).

199|139. Въ § 62 правилъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ указано, въ чемъ выражается право надзора биржевого коми-

тета за дѣятельностью артелей; а именно, оно выражается въ томъ, что комитетъ вправѣ дѣлать распоряженія, до артелей относящіяся, которыя должны быть исполняемы сими послѣдними въ точности. Изъ буквальнаго содержанія этого § никакъ не можетъ быть выведено право комитета входить въ обсужденіе вопроса о дѣйствительности или недѣйствительности приговоровъ артели, касающихся имущественныхъ правъ и интересовъ какъ всей артели, такъ и отдѣльныхъ членовъ ея и дѣлать постановленія объ утвержденіи или отмѣнѣ таковыхъ приговоровъ. Пониманіе права надзора бирж. комитета въ семъ послѣднемъ смыслѣ противорѣчило бы какъ постановленіямъ, содержащимся въ тѣхъ же правилахъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ, такъ и закону. А именно, съ одной стороны § 22 арт. прав. положительно установляетъ, что на приговоръ (объ исключеніи артельщика изъ артели и о наложеніи на него штрафа), утвержденный подписями $^2/_3$ присутствующихъ въ собраніи артели членовъ, никакія жалобы отъ артельщика, писаря и сторожей нигдѣ не пріемлются, а съ другой, по закону всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ разсмотрѣнію и разрѣшенію исключительно судебныхъ мѣстъ. Въ виду сего отмѣна приговора биржевымъ комитетомъ никакого значенія при обсужденіи силы онаго судомъ имѣть не можетъ (1890 г., № 565).

200|140. Изъ сопоставленія § 89 съ §§ 17 и 81 арт. прав. для Моск. арт. явствуетъ, что подъ старостою артели слѣдуетъ понимать лицо, ежегодно избираемое цѣлою артелью на эту должность и являющееся представителемъ всей артели; если же въ случаѣ нахожденія части артели для производства работъ внѣ мѣста постояннаго пребыванія цѣлой артели и нахожденія ея правленія, одинъ изъ артельщиковъ будетъ назначенъ старшимъ въ этой части артели, то это обстоятельство не дѣлаетъ еще такого артельщика представителемъ цѣлой артели, хотя бы ему и было присвоено наименованіе старосты, а потому на такое лицо не могутъ быть распространены такія преимущества, которыя въ видѣ изъятія установлены правилами исключительно въ пользу старосты, являющагося представителемъ цѣлой артели и стоящаго во главѣ ея правленія, а въ томъ числѣ непримѣнимо къ нему и то постановленіе правилъ, по которому приговоръ артели объ исключеніи старосты изъ артели до приведенія его въ исполненіе подлежитъ представленію на утвержденіе въ биржевой комитетъ (1889 г., № 1412).

Равнымъ образомъ не имѣетъ это послѣднее правило примѣненія и по отношенію къ *кандидатамъ старосты,* которые, согласно § 92 правилъ, пользуются всѣми правами старосты лишь въ случаѣ отсутствія послѣдняго, въ каковомъ случаѣ они именуются уже исправляющими должность старосты (1891 г., № 468).

201. Постановленія артельныхъ собраній объ удержаніи опредѣленныхъ суммъ съ артельщиковъ, которые пожелаютъ выйти изъ артели, недѣйствительны и для артельщиковъ необязательны.

К. взыскивалъ съ Московской биржевой артели отвѣтственныхъ служащихъ 3000 руб., вырученные отъ продажи его артельнаго мѣста, съ % со дня иска. Артель, признавая, что мѣсто К. продано за 3000 р., и что сумма эта ею получена и не возражая вообще противъ уплаты К. денегъ за проданное мѣсто, указала, что въ силу постановленія общаго собранія артели отъ 31 октября 1910 г. изъ суммы, вырученной отъ продажи его артельнаго мѣста должны быть удержаны въ пользу артели—1200 р. и что по книгамъ артели съ К. слѣдуетъ 250 р. 28 коп. и предъявила встрѣчный искъ о признаніи для К. обязательнымъ постановленія общаго собранія артели отъ 31 октября 1910 г. о взысканіи 1200 р. въ силу этого постановленія и 250 р. 28 коп. по книгамъ артели—всего 1450 р. 28 коп. Коммерческій Судъ, въ разрѣшеніе взаимныхъ исковъ сторонъ постановилъ взыскать съ артели въ пользу К. 2749 р. 72 коп., а въ части встрѣчнаго иска о 1200 р. отказалъ. Разсмотрѣвъ дѣло вслѣдствіе апелляціи артели, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что по существу спора сторонъ разрѣшенію въ настоящемъ дѣлѣ подлежитъ вопросъ о томъ, не заключается ли въ постановленіи артельнаго собранія 31 октября 1910 г. объ удержаніи 1500 р. съ выходящихъ до 1 мая 1911 г. артельщиковъ, сдѣлавшихъ взносъ въ 1000 р., незаконное измѣненіе устава артели, какъ произведенное внѣ установленнаго для сего порядка, а посему необязательное для истца, или разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ предоставлено окончательному постановленію общаго собранія. По правиламъ для биржевыхъ артелей 1905 г. (ст. 82 прил. Уст. Суд. Торг.) представляемые на утвержденіе уставы должны быть согласованы съ общими законоположеніями объ артеляхъ и должны между прочимъ содержать означеніе порядка выбытія или исключенія членовъ артели и основаній производимаго съ ними разсчета (ст. 3, п. 2), срока и условій выдачи причитающихся имъ суммъ (п. 5). Затѣмъ въ ст. 26 опредѣлено, что выбывающему члену выдаются числящіяся на его счету суммы, за вычетомъ слѣдующихъ съ него взысканій и соотвѣтственной доли убытковъ, понесенныхъ артелью. Соотвѣтственно этимъ правиламъ, въ уставѣ артели имѣется § 25, точно устанавливающій порядокъ продажи мѣстъ выбывающихъ членовъ артели и способъ разсчета съ ними, состоящій въ томъ, что артельное мѣсто продается или артелью, за установленную цѣну, или самимъ артельщикомъ за условленную съ покупщикомъ сумму, причемъ выбывающему выдается вырученная отъ продажи сумма, за вычетомъ причитающихся съ него суммъ и соотвѣтственной доли, понесенныхъ артелью убытковъ. Затѣмъ въ § 43

устава перечислены предметы вѣдѣнія общаго собранія артели и среди нихъ не имѣется такихъ, которые бы указывали на возможность измѣненія порядка удовлетворенія выбывающихъ членовъ артели, внѣ измѣненія или дополненія устава (ст. 2 правилъ). Не представляется въ этомъ отношеніи основательною ссылка повѣреннаго артели на § 43 п. II устава, касающійся права артели устанавливать стоимость артельныхъ мѣстъ. Настоящее постановленіе устанавливало новое удержаніе съ артельщиковъ, которое ни въ какой зависимости отъ цѣны артельныхъ мѣстъ не стоитъ, такъ какъ установленная цѣна мѣстъ имѣетъ значеніе лишь въ томъ смыслѣ, что при продажѣ ихъ артелью она обязана продать ихъ не ниже установленной цѣны, въ отношеніи же отдѣльныхъ артельщиковъ не лишаетъ ихъ права продать по какой угодно условленной съ покупщикомъ цѣнѣ (§ 25). Принимая во вниманіе, что по силѣ ст. 2 правилъ для биржевыхъ артелей 1905 г., уставы артелей утверждаются мѣстными биржевыми комитетами и имѣя въ виду общее правило, что разъ уставъ утверждается извѣстнымъ порядкомъ, то и измѣненія его должны быть произведены въ томъ же порядкѣ,—слѣдуетъ придти къ заключенію, что, хотя постановленіе общаго собранія артели 31 октября 1910 г. по своему существу и подлежало вѣдѣнію артельныхъ собраній и состоялось въ установленномъ порядкѣ, однако оно можетъ считаться вступившимъ въ силу и потому обязательнымъ для членовъ артели, только послѣ утвержденія его биржевымъ комитетомъ, въ видѣ измѣненія устава (ст. 2 правилъ). Независимо отъ изложеннаго, если и смотрѣть на постановленіе 31 октября 1910 г. какъ на установленіе лишь новаго вычета съ артельщиковъ, то и въ такомъ случаѣ оно не можетъ быть признано предоставленнымъ окончательному разрѣшенію артельнаго собранія, а потому имѣющимъ силу. Какъ видно изъ встрѣчнаго искового прошенія повѣреннаго артели, неоспореннаго противной стороной, удержаніе съ выходящихъ артельщиковъ было сдѣлано для расширенія дѣлъ артели и пополненія могущихъ быть убытковъ. Между тѣмъ въ уставѣ артели (§§ 28—35 и 43) точно опредѣлены суммы артели, способы составленія капиталовъ и ихъ назначеніе, причемъ нигдѣ не содержится указаній на право артели дѣлать вычеты изъ цѣны артельныхъ мѣстъ для покрытія еще только возможныхъ убытковъ, если же это и допускается § 25, то лишь на покрытіе понесенныхъ уже артелью убытковъ, притомъ въ размѣрѣ соотвѣтственной доли, а не въ заранѣе опредѣленной суммѣ. Признавая по изложеннымъ соображеніямъ постановленіе артельнаго собранія отъ 31 октября 1910 г. для К. не обязательнымъ и удержаніе артелью 1200 р. не имѣющимъ правильныхъ основаній,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что изъ стоимости артельнаго мѣста въ 3000 р. подлежитъ исключенію лишь присужденная судомъ въ пользу артели и необжалованная истцомъ сумма въ 250 р. 28 к., а посему рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда оставилъ въ силѣ (1912 г., № 3498).

202. Имѣя въ виду характеръ правъ и обязанностей артели по отношенію къ своимъ отдѣльнымъ членамъ, вытекающій изъ отвѣтственности ея за ихъ дѣйствія передъ третьими лицами, пользующимися услугами членовъ артели, *Прав. Сенатъ призналъ за артелью полное право на временную отписку артельщика въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ признанъ врачами душевнобольнымъ* и неспособнымъ вести отвѣтственную работу, хотя бы освидѣтельствованіе такого артельщика состоялось и внѣ предусмотрѣннаго въ ст. 368 т. X ч. I Св. Зак. сложнаго порядка (1909 г., № 1001).

203|141. Съ момента вступленія артельщика въ другую артель онъ долженъ почитаться выбывшимъ изъ прежней. Вкупныя деньги выходящему артельщику не выдаются. Полученныя артельщикомъ до выбытія его изъ артели отъ хозяевъ деньги подлежать передачѣ въ артель.

Разсмотрѣвъ дѣло и обращаясь сперва къ апелляціи повѣреннаго Фомина, Прав. Сенатъ находитъ, что въ основаніи жалобы его лежатъ слѣдующія возраженія противъ разсчета, представленнаго Стюартовою артелью: разсчетъ между Фоминымъ и артелью долженъ быть составленъ не по 1 мая 1892 г., какъ то дѣлаетъ артель, а по 1 декабря 1898 г., за каковое время, т. е. съ 1 мая 1892 г. по 1 декабря 1893 г., сумма дувановъ, причитающихся на долю Фомина, за надлежащими вычетами, составляетъ 939 руб. 95 к.; вычетъ съ него, Фомина, артелью въ заживъ 263 руб. 34 к. неправиленъ; кромѣ вывода, неправильно къ тому же опредѣленнаго артелью, въ суммѣ 262 руб. 80 к., вмѣсто 300 руб., Фоминъ долженъ получить вкупъ и зажитые, составляющіе 1.198 руб. 28 к., и наконецъ, банковой суммы причитается Фомину 279 руб. 78 к., т. е. больше, чѣмъ показано отвѣтчикомъ, на 32 руб. 78 к., и новизныхъ на 1 мая 1892 г.,—84 руб., болѣе на 4 руб. Останавливаясь на утвержденіи апеллятора о томъ, что требуемый Фоминымъ отъ Стюартовой артели разсчетъ долженъ быть составленъ не по 1 мая 1892 г., а по 1 декабря 1893 г., Прав. Сенатъ прежде всего находитъ, что постановленіемъ общаго собранія Стюартовой артели Фоминъ былъ исключенъ изъ состава артели; Прав. Сенатъ призналъ это постановленіе артели, по опредѣленію 23 апрѣля 1892 г., недѣйствительнымъ въ виду того, что сказанное собраніе состоялось безъ соблюденія всѣхъ установленныхъ на сей предметъ обрядностей. Между тѣмъ 1 мая 1892 г. Фоминъ поступилъ въ Московскую Сѣверную артель, въ которой находился, по заявленію повѣреннаго отвѣтчика, и во время производства въ Ком. Судѣ настоящаго дѣла. При такихъ обстоятельствахъ и имѣя въ виду, что артельныя правила не допускаютъ, чтобы одно и то же лицо состояло одновремено въ двухъ артеляхъ, Прав. Сенатъ находитъ, что Стюартова артель имѣла полное

основаніе считать Фомина выбывшимъ изъ ея состава добровольно 1 мая 1892 г., вслѣдствіе чего и составленіе ею своего съ Фоминымъ разсчета по это именно число должно быть признано вполнѣ правильнымъ, противное же сему мнѣніе апеллятора не заслуживающимъ уваженія. Хотя въ оправданіе перехода Фомина въ Московскую артель апелляторъ и объясняетъ, что этотъ переходъ не мѣшалъ исполнять работы по Стюартовой артели, для каковой цѣли онъ, отписавшись по Московской артели въ отлучку, и явился 5 іюня 1893 г. къ сборному мѣсту Стюартовой артели, что Фоминъ къ поступленію въ другую артель былъ вынужденъ исключеніемъ его 29 октября 1889 г. изъ Стюартовой артели, и что заработокъ Фомина по Московской артели былъ незначительный, который онъ и предлагаетъ внести въ кассу Стюартовой артели,—но всѣ эти объясненія не могутъ имѣть того значенія, которое имъ приписываетъ апелляторъ, по тому одному соображенію, что ими не умаляется вовсе значеніе разсматриваемаго факта вступленія Фомина въ Московскую артель со внесеніемъ въ оную, по его собственному объясненію, 2.000 руб. вкупа, какъ основанія къ утратѣ Фоминымъ права на дальнѣйшее участіе въ работахъ и прибыляхъ Стюартовой артели, съ точки зрѣнія артельныхъ правилъ. Вслѣдствіе сего и къ допросу свидѣтелей въ подтвержденіе приведенныхъ, указываемыхъ апелляторомъ обстоятельствъ, какъ для дѣла безразличныхъ, не представляется основаній. Что касается указанія апеллятора на то, что съ Фомина по разсчету артели удержаны выводы въ теченіе всего 1892 г., то таковое не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ по представленному артелью разсчету съ Фомина удержаны выводы лишь 1892 г. Вслѣдствіе изложеннаго требованія Фомина по поддерживаемому имъ въ апелляціи разсчету дувановъ за время съ мая 1892 г. по 1 декабря 1893 г. въ суммѣ, какъ упомянуто, 939 руб. 95 коп., не можетъ быть признано правильнымъ. Относительно же спора Фомина противъ удержанія Стюартовою артелью изъ лѣтнихъ дувановъ 1890 и 1891 г.г. въ заживъ 263 руб. 34 к., Прав. Сенатъ находитъ, что вычетъ этотъ, какъ вполнѣ согласный съ буквальнымъ смысломъ §§ 11 и 30 постановленія Стюартовой артели, долженъ быть признанъ правильнымъ. Переходя засимъ къ требованію Фомина выдачи ему, кромѣ вывода (262 руб. 80 к.), вкупа и зажитыхъ денегъ, Прав. Сенатъ находитъ, что § 14 постановленія Стюартовой артели гласитъ, что артельщики, заявившіе желаніе о выходѣ изъ артели, получаютъ слѣдующій разсчетъ: внесшіе или зажившіе полный вкупъ единовременно 300 руб., а незажившіе полнаго вкупа по разсчету этой суммы на сумму вкупа, запасный капиталъ, сколько будетъ значиться по день его заявленія (безъ процентовъ за текущее полугодіе), и новизныя деньги согласно § 32. Сей же послѣдній параграфъ установляетъ, что вкупная сумма, какъ первовзносная, такъ и вычеты изъ заработка въ счетъ вкупа, дѣлятся поровну между состоящими въ артели налицо въ день приписки новичка и пробывшими въ совокупности не менѣе

трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Засимъ въ примѣчаніи къ § 14 установлено, что вкупныя деньги подлежатъ возвращенію (съ удержаніемъ изъ нихъ 50 руб. неустойки) лишь лицамъ, непробывшимъ въ артели первыхъ шести мѣсяцевъ по вступленіи въ оную. Изъ изложенныхъ правилъ, такимъ образомъ, явствуетъ, что вкупныя собственно деньги выходящему артельщику не выдаются (за исключеніемъ только того случая, если лицо, ихъ внесшее, не пробыло въ артели первыхъ шести лѣтнихъ мѣсяцевъ), ибо таковыя дѣлятся поровну между артельщиками согласно § 32. Правильность такого заключенія подтверждается и разсчетомъ самого Фомина, въ коемъ въ сумму лѣтнихъ дувановъ включены имъ и новизныя деньги вновь вступившихъ артельщиковъ. Въ виду сего Прав. Сенатъ находитъ, что требованіе Фомина внесенныхъ и зажитыхъ имъ вкупныхъ денегъ представляется лишеннымъ законнаго основанія и потому не можетъ подлежать удовлетворенію. Что же касается ссылки апеллятора на указъ Прав. Сената отъ 9 іюня 1894 г. по дѣлу Якунчикова съ Стюартовой артелью, то таковая не можетъ имѣть значенія, ибо означеннымъ указомъ разрѣшался вопросъ о правахъ по разсчету артельщика, не добровольно оставляющаго артель, а исключеннаго сею послѣднею изъ своей среды. Обращаясь къ остальнымъ указаніямъ повѣреннаго Фомина противъ разсчета отвѣтчика и принимая во вниманіе: 1) что выводныя деньги, слѣдующія Фомину согласно § 14 биржевыхъ правилъ и постановленію общаго собранія артели отъ 8 апрѣля 1888 г., должны быть опредѣлены въ размѣрѣ 270 руб., а не 262 руб. 80 к., какъ то безъ всякихъ тому оправданій показано въ разсчетѣ артели; 2) что засимъ увеличеніе Фоминымъ банковой суммы (на 32 руб. 78 к.) и причитающихся ему, поступившихъ въ кассу артели новизныхъ на 1 мая 1892 г. (на 4 руб.), не можетъ быть принято во вниманіе въ виду того, что апелляторъ не даетъ точнаго объясненія основаній этого спора; 3) что ходатайство апеллятора, повѣреннаго Фомина, объ обязаніи отвѣтчика представить артельныя книги не заслуживаетъ уваженія потому, что книгами этими не можетъ быть опровергнуто вышеизложенное заключеніе о неправильности споровъ Фомина противъ разсчета артели въ самомъ основаніи ихъ, безотносительно вопроса о цифровой ихъ правильности, Прав. Сенатъ находитъ, что, согласно изложенному, споръ Фомина противъ принятаго Ком. Судомъ разсчета долженъ быть уваженъ лишь относительно суммы 7 руб. 20 к. неправильно исчисленныхъ выводныхъ. Переходя засимъ къ апелляціонной жалобѣ повѣреннаго Стюартовой артели, Прав. Сенатъ находитъ, что предметъ ея состоитъ въ просьбѣ о признаніи за артелью права на вычетъ изъ причитающихся Фомину суммъ заработка его у Броувера со времени исключенія его изъ артели по день оставленія имъ службы у Броувера 1 февраля 1892 г. 810 руб., каковыхъ денегъ (чего не отрицаетъ и самъ Фоминъ) онъ артели не передалъ. Въ этомъ отношеніи Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ объяснено уже выше, Фоминъ долженъ быть признанъ выбывшимъ изъ артели 1 мая 1892 г., а слѣдовательно

до этого времени онъ долженъ почитаться состоявшимъ членомъ ея и, какъ таковой, обязаннымъ между прочимъ (§ 3 и 42 артельныхъ правилъ) передавать артели заработанныя имъ у хозяевъ деньги; если же онъ этого не исполнилъ, то, очевидно, полученная имъ въ свою исключительную пользу, не переданная артели сумма должна подлежать, какъ то и разъяснено уже въ указѣ Прав. Сената по дѣлу Якунчикова, вычету изъ той суммы, которая причитается ему за то же время изъ заработковъ артели, въ которыхъ онъ лично не участвовалъ. Обладая извѣстными за указанное время правами члена артели, Фоминъ не можетъ быть освобожденъ въ то же время отъ соотвѣтствующихъ, лежавшихъ на немъ обязанностей. Въ виду сего слѣдуетъ признать, что полученное Фоминымъ отъ купца Броувера за время по 1 февраля 1892 г. и не переданное артели жалованье, на причитающуюся по разверсткѣ часть котораго на его долю Фоминъ въ настоящемъ дѣлѣ своихъ притязаній не опредѣляетъ, подлежитъ вычету изъ суммы, слѣдуемой ему за то же время съ артели. Что же касается объясненія повѣреннаго Фомина, что изъ полученнаго имъ отъ Броувера вознагражденія по 30 руб. въ мѣсяцъ онъ имѣетъ право удержать въ свою пользу по 15 руб., то таковое, какъ противорѣчащее прямымъ требованіямъ вышеприведенныхъ §§ артельныхъ правилъ, должно быть оставлено безъ уваженія. Признавая по изложеннымъ соображеніямъ, что присужденная Ком. Судомъ съ артели въ пользу Фомина сумма 1.520 руб. 42 к. (выводныя деньги причитаются Фомину въ суммѣ 270, а не 262 руб. 84 к.), а съ другой уменьшенію на 810 руб., заработанныхъ Фоминымъ у Броувера и имъ не переданныхъ артели, и такимъ образомъ причитающаяся Фомину съ артели сумма составитъ 717 руб. 62 к., Прав. Сенатъ въ измѣненіе состоявшагося по сему дѣлу рѣшенія Спб. Ком. Суда присудилъ съ Стюартовой биржевой артели въ пользу Фомина 717 руб. 62 к. (1895 г., № 1236).

204|142. По точной силѣ § 19 и 20 прав. для Моск. бирж. арт. артельнымъ собраніямъ не предоставлено права помимо наложенія на артельщика штрафа собственною властью взыскивать съ него и убытки, понесенные артелью по винѣ артельщика, а засимъ въ этомъ отношеніи артель, если почитаетъ, что понесла убытокъ отъ дѣйствій и упущеній одного изъ своихъ членовъ, должна безъ сомнѣнія съ требованіемъ о вознагражденіи за оный обратиться, на общемъ основаніи, къ суду, доказавъ какъ вину даннаго артельщика въ причиненіи убытковъ, такъ и самый размѣръ сихъ послѣднихъ (1891 г., № 144).

Въ другихъ рѣшеніяхъ за предшествующее время Прав. Сенатъ признавалъ, что, уплативъ убытки, понесенные по винѣ артельщика, артель имѣетъ право

взыскать ихъ путемъ продажи артельнаго мѣста, не предъявляя иска объ убыткахъ (1884 г., № 688 и др.).

205|143. Заявленіе артели о томъ, что она слагаетъ съ себя отвѣтственность за дѣйствія даннаго артельщика, недѣйствительно и не освобождаетъ артель отъ отвѣтственности (1903 г., № 1850).

206|144. Артель отвѣтствуетъ предъ хозяиномъ, у котораго состоитъ артельщикъ на службѣ въ качествѣ завѣдывающаго кассою, за всякіе убытки, понесенные хозяиномъ отъ неосмотрительныхъ или противныхъ данной на то инструкціи дѣйствій артельщика, хотя бы дѣйствія эти не заключали въ себѣ преступленія или проступка, караемаго уголовными законами. Поэтому прекращеніе въ уголовномъ порядкѣ слѣдствія по обвиненію артельщика въ растратѣ не можетъ служить основаніемъ для суда гражданскаго къ отказу хозяину, у котораго служитъ артельщикъ, въ искѣ его съ артели обнаруженнаго въ кассѣ недочета (1890 г., Владимірскаго съ Спасскою биржевою артелью).

207|145. Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Московскій Коммерческій Судъ уважилъ искъ французскаго гражданина Льва Пло къ Кокоревской биржевой артели въ уменьшенной истцомъ суммѣ 6.018 р. 81 коп. съ процентами. Останавливаясь на указаніи жалобщика о томъ, что истецъ Пло не вносилъ въ Московскій биржевой комитетъ установленной правилами для биржевыхъ артелей въ Москвѣ платы за пользованіе услугами Кокоревской биржевой артели, Правительствующій Сенатъ признаетъ его не имѣющимъ значенія въ настоящемъ дѣлѣ, такъ какъ, хотя правила для биржевыхъ артелей въ Москвѣ и требуютъ, чтобы лица, заключающія съ артелью договоры и пользующіяся ея услугами, подавали въ биржевой комитетъ заявленія о зачисленіи ихъ въ число хозяевъ артели, вносили въ биржевой комитетъ установленный сборъ и представляли договоры эти на утвержденіе биржевого комитета,—однако, изъ того же устава видно, что послѣдствіемъ сихъ дѣйствій является лишь пріобрѣтеніе контрагентами артели правъ „хозяевъ артели“, заключающихся, между прочимъ, въ правѣ предъявлять свои требованія къ артели въ биржевой комитетъ и получать удовлетвореніе изъ особаго внесеннаго артелью въ означенный

комитетъ обезпеченія. Отсюда слѣдуетъ заключить, что неисполненіе кѣмъ-нибудь вышеозначенныхъ требованій устава влечетъ за собою лишеніе тѣхъ особыхъ правъ, которыя присвоены хозяевамъ артели. Но изъ сего вовсе не слѣдуетъ, чтобы неисполнившія тѣхъ требованій лица лишены были права входить вообще съ артелью въ какія-либо соглашенія или чтобы въ случаѣ нарушенія артелью состоявшихся договоровъ они лишались бы права обращаться къ таковой съ требованіями въ судебномъ порядкѣ. Переходя засимъ къ указанію апеллятора, что по дѣлу является невыясненнымъ, на какихъ условіяхъ Нестеровъ и Корнетовъ состояли на службѣ у Пло и совершенно не доказаннымъ, чтобы они должны были охранять кассу не только днемъ, но и ночью,—Правительствующій Сенатъ находитъ такое указаніе неосновательнымъ въ виду того, что какъ явствуетъ изъ показанія свидѣтелей и письма Кокоревской биржевой артели Нестеровъ и Корнетовъ состояли на службѣ у Пло въ качествѣ отвѣтственныхъ артельщиковъ, причемъ на обязанности ихъ лежало завѣдываніе и храненіе кассы Пло. Что же касается, наконецъ, указаній апеллятора на то, что не запиралась комната, въ которой стояла касса, что въ комнату былъ легкій доступъ рабочимъ и что самый шкафъ не находился въ исправномъ состояніи, то и эти указанія не заслуживаютъ уваженія, такъ какъ коль скоро Корнетовъ и Нестеровъ были отвѣтственными хранителями кассы, то отъ нихъ зависѣло принять тѣ или иныя мѣры, обезпечивающія сохранность ввѣренной имъ кассы, или заявить своевременно хозяину о неисправности замковъ. Ходатайство апеллятора о допросѣ довѣреннаго Пло Сергѣева въ подтвержденіе того, что артельщики Корнетовъ и Нестеровъ неоднократно говорили Сергѣеву о неисправности замка одной двери шкафа, должно быть оставлено безъ уваженія въ виду того, что для освобожденія артели отъ отвѣтственности предъ Пло недостаточно того, чтобы былъ установленъ лишь этотъ указываемый ими фактъ, а необходимо было бы установить, что артельщики, не пользуясь правомъ сами распорядиться необходимою для охраны денегъ починкою замка шкафа и не достигнувъ успѣха просьбами о починкѣ его, обращенными къ управляющему, подали надлежащее заявленіе либо Пло либо старостѣ артели о такомъ положеніи дѣла. Переходя засимъ къ ходатайству о выдачѣ свидѣтельства на предметъ пересылки производства по дѣлу о произведенной у Пло кражѣ, слѣдуетъ признать такое ходатайство также не подлежащимъ уваженію, такъ какъ артель должна отвѣчать за дѣйствія поставленныхъ ею артельщиковъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда понесенный потерпѣвшимъ лицомъ ущербъ не является слѣдствіемъ непреодолимой силы (наличности которой, однако, по дѣлу не установлено), независимо отъ вопроса о винѣ артельщиковъ въ дѣяніи уголовно наказуемомъ и отвѣтственности за то въ уголовномъ судѣ. Признавая въ виду всего вышеизложеннаго и на основаніи § 30 правилъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ, а также ст. 2233 т. X ч. I Св. Зак., что Кокоревская биржевая артель является передъ Пло отвѣтственной въ искомой имъ съ нея

суммѣ, Правительствующій Сенатъ опредѣленіе Московскаго Коммерческаго Суда по настоящему дѣлу оставилъ въ силѣ (1905 г., № 47).

207а. Артельщикъ, завѣдывавшій товарнымъ складомъ и при складѣ не имѣвшій даже квартиры, а вмѣстѣ съ тѣмъ исполнявшій порученія хозяина, сопряженныя съ отлучками, не отвѣтственъ и артель не отвѣтственна за кражу товара изъ запертаго склада во время его отлучки (1910 г., № 2143).

208. По вопросу о томъ, несетъ ли артель отвѣтственность за цѣнности, не составляющія собственности лица, нанимавшаго артельщика, Правительствующій Сенатъ нашелъ: 1) что большинство цѣнностей, хранящихся въ кассахъ банкирскихъ домовъ, не является собственностью послѣднихъ, и 2) что, тѣмъ не менѣе, отвѣтственность артелей и по этимъ цѣнностямъ не возбуждаетъ сомнѣній. Въ виду изложеннаго, Правительствующій Сенатъ приходитъ къ заключенію: 1) что вопросъ о томъ, являются ли растраченныя цѣнности собственностью лица, нанимавшаго артельщика, не вліяетъ на отвѣтственность артели, и 2) что эта послѣдняя находится въ зависимости отъ другихъ обстоятельствъ. Изъ дѣла Правительствующій Сенатъ усматриваетъ: 1) что, при передачѣ артельщику цѣнностей, безъ согласія и помимо вѣдома лица, его нанимавшаго, артель по таковымъ не отвѣчаетъ, и 2) что безотвѣтственность эта объяснима, если принять въ соображеніе, что при подобной передачѣ, въ сохранности переданныхъ цѣнностей не заинтересовано и лицо, нанимавшее артельщика. На основаніи изложеннаго, Правительствующій Сенатъ приходитъ къ выводу, что артели отвѣтственны по всѣмъ цѣнностямъ, въ коихъ заинтересовано и за возвратъ коихъ отвѣтственно само лицо, нанимавшее артельщика. Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе: 1) что, цѣнности общества вспомоществованія были переданы на храненіе Московскому художественному обществу, и 2) что, поэтому, послѣднее отвѣтственно предъ первымъ за возвратъ этихъ цѣнностей, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ свою очередь, и артель должна почитаться отвѣтственною предъ своимъ контрагентомъ и по этимъ цѣнностямъ. По симъ соображеніямъ и имѣя въ виду: 1) что артель не ограничила своей отвѣтственности извѣстною опредѣленною суммою, 2) что по вопросу о размѣрѣ требованія спора артелью не заявлено, и 3) что рѣчи о какомъ бы то ни было полномочіи со стороны общества вспомоществованія въ настоящемъ случаѣ быть не можетъ, такъ какъ художественное общество защищаетъ по настоящему дѣлу собственный самостоятельный интересъ,—Правительствующій Сенатъ признаетъ отказъ со стороны Коммерческаго Суда въ поддерживаемой истцомъ части иска необоснованнымъ, почему и опредѣляетъ: въ отмѣну обжалованнаго рѣшенія Московскаго Коммерческаго Суда отъ 24 мая 1910 г., обязать Шестовскую биржевую артель возмѣстить Московскому

художественному обществу 634 р. 41 к. наличными деньгами съ % съ 12 марта 1909 г., восемь тысячъ рублей 4½% закладными листами Московскаго Земельнаго Банка съ купономъ на январь 1908 г. и три тысячи рублей 5% облигаціями внутренняго займа 1905 г. съ купономъ на мартъ 1908 г. (1912 г., № 4020).

209. Утвержденіе биржевымъ комитетомъ приговора артели объ исключеніи старосты артели является необходимымъ условіемъ дѣйствительности самаго приговора. Зачетъ штрафа въ вознагражденіе за убытки для артели не обязателенъ.

Предметъ настоящаго дѣла составляютъ взаимные иски Сорокина и Ветошнорядской биржевой артели, именно: искъ Сорокина къ артели о признаніи за нимъ права собственности на артельное мѣсто въ означенной артели, № 9, оцѣниваемое въ 2.650 р. и о взысканіи съ артели въ его пользу дивиденда съ 26 марта 1903 г. 500 р. и жалованья за январь, февраль и мартъ того же года 50 р., всего въ суммѣ 3.200 р. и встрѣчный искъ артели къ Сорокину объ убыткахъ въ суммѣ 4.709 р., пропавшихъ у него изъ ввѣренной ему артельной кассы денегъ. Московскій Коммерческій Судъ, отказавъ въ первоначальномъ искѣ по преждевременности, присудилъ въ пользу артели искомую по встрѣчному иску сумму. Входя въ обсужденіе доводовъ апеллятора, повѣреннаго Сорокина, Правительствующій Сенатъ признаетъ ихъ неправильными. Указаніе повѣреннаго Сорокина на то, что Московскій Коммерческій Судъ долженъ былъ войти въ разсмотрѣніе правильности приговора артели объ исключеніи Сорокина изъ артели и объ оштрафованіи его на все артельное мѣсто съ удержаніемъ причитающагося ему дивиденда и жалованья, независимо отъ разсмотрѣнія этого вопроса Московскимъ биржевымъ комитетомъ, медленность котораго въ этомъ отношеніи именно даетъ основаніе войти въ обсужденіе артельнаго приговора и оцѣнить его по существу,—Правительствующій Сенатъ признаетъ незаслуживающимъ уваженія потому, что Сорокинъ былъ старостою артели, а, какъ это положительно выражено въ правилахъ Московскихъ биржевыхъ артелей (изд. 1866 г.), хотя староста подлежитъ суду артели, которой предоставляется налагать штрафъ по своему усмотрѣнію съ отрѣшеніемъ отъ должности и даже съ исключеніемъ изъ артели, но подобные приговоры артели, ранѣе приведенія ихъ въ исполненіе, подлежатъ представленію въ биржевой комитетъ; послѣднему же предоставляется, по разсмотрѣніи приговора, а въ случаѣ жалобы старосты, по обсужденіи его объясненія, или утвердить приговоръ, или постановить особое рѣшеніе (§§ 47 и 89). Такимъ образомъ, утвержденіе комитетомъ приговора артели объ исключеніи старосты, съ оштрафованіемъ его, является необходимымъ законнымъ условіемъ для дѣйствительности самаго приговора, а до этого, какъ

то признавалось въ подобныхъ дѣлахъ Правительствующимъ Сенатомъ, самый приговоръ не вступаетъ въ законную силу и не создаетъ тѣхъ послѣдствій, которыя бы давали право артельщику-старостѣ обращаться къ суду съ требованіемъ о возстановленіи нарушенныхъ такимъ приговоромъ его имущественныхъ правъ. Указываемая апелляторомъ медленность биржевого комитета въ разсмотрѣніи постановленнаго артелью приговора о Сорокинѣ создаетъ послѣднему, какъ заинтересованному лицу (§ 89), право принять въ биржевомъ комитетѣ соотвѣтствующія мѣры и законные способы къ ускоренію разрѣшенія дѣла и устраненію тѣмъ медленности, но не можетъ служить для Сорокина основаніемъ для обращенія въ судъ съ искомъ къ артели, ибо, какъ это правильно призналъ Коммерческій Судъ, за отсутствіемъ у Сорокина приговора артели, утвержденнаго биржевымъ комитетомъ, судъ лишенъ возможности, до его предъявленія, входить въ разсмотрѣніе онаго и судить о его правильности. При такомъ положеніи дѣла искъ Сорокина о признаніи за нимъ права собственности на артельное мѣсто, котораго онъ, до утвержденія приговора артели, не можетъ еще почитаться лишеннымъ, и о сложеніи съ него оштрафованія на сумму стоимости артельнаго мѣста, причитающагося ему дивиденда и жалованья въ виду ненаступленія условій, необходимыхъ для приведенія въ исполненіе этого приговора, дѣйствительно представляется, какъ и призналъ судъ, преждевременнымъ. Вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ признать не подлежащимъ уже обсужденію указаніе на подписаніе приговора артели ненадлежащимъ числомъ артельщиковъ въ общемъ собраніи и связанное съ этимъ ходатайство повѣреннаго артели объ истребованіи книги для повѣрки числа артельщиковъ. Переходя къ встрѣчному иску артели, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ основаніе его повѣреннымъ артели положены слѣдующія обстоятельства. Сорокинъ былъ въ 1903 г. старостой артели и являлся въ этомъ качествѣ хранителемъ суммъ, которыя онъ держалъ въ сундукѣ, въ конторѣ артели, несмотря на то, что ему неоднократно на артельныхъ собраніяхъ указывалось, что деньги слѣдуетъ класть на текущій счетъ въ какой-либо банкъ, что въ ночь на 25 марта (когда случилась пропажа денегъ), онъ ушелъ изъ конторы, оставивъ послѣднюю безъ всякой охраны, затѣмъ дверь отъ конторы оказалась открытою, также какъ отпертымъ оказался и денежный сундукъ, причемъ никакихъ признаковъ взлома не обнаружено, такъ что неизвѣстно даже, заперъ ли Сорокинъ ихъ съ вечера на ключъ. Повѣренный Сорокина, не возражая вообще противъ указанныхъ повѣреннымъ артели обстоятельствъ, при которыхъ обнаружена была пропажа изъ артельнаго сундука денегъ и противъ размѣра суммы ихъ 4.709 р., объясняетъ, что по ходу артельнаго дѣла храненіе денегъ въ банкѣ является невозможнымъ, что для того имѣется кассовый сундукъ, что безъ приговора артели Сорокинъ не могъ расходовать артельныя деньги на наемъ особыхъ сторожей, что 25 марта, когда Сорокинъ уходилъ къ заутренѣ въ день кражи, въ конторѣ артели оставался артельный

писарь Кленовъ, о чемъ онъ и просилъ допросить его въ качествѣ свидѣтеля, и что по возбужденному уголовному дѣлу о кражѣ денегъ изъ сундука противъ Сорокина не было установлено никакихъ уликъ. Въ подтвержденіе указываемыхъ обстоятельствъ, а также и того, что къ дверямъ конторы, гдѣ стояла касса, оказались подходящими ключи отъ другихъ комнатъ артельщиковъ, апелляторъ проситъ предписать суду допросить бывшаго писаря Кленова и другихъ указываемыхъ имъ артельщиковъ и затѣмъ во встрѣчномъ искѣ артели отказать. Кромѣ того, при словесныхъ объясненіяхъ въ засѣданіи Правительствующаго Сената повѣренный Сорокина возбудилъ два ходатайства: во-первыхъ, о признаніи части встрѣчнаго иска, соотвѣтствующей по суммѣ первоначальному, преждевременной по тѣмъ же основаніямъ, по которымъ признанъ преждевременнымъ и весь первоначальный искъ, т. е. въ виду неутвержденія приговора артели биржевымъ комитетомъ и, во-вторыхъ, о необходимости и обязательности зачета понесенныхъ артелью, по ея заявленію, по винѣ Сорокина убытковъ, представляющихъ предметъ встрѣчнаго иска, съ суммой наложеннаго артелью на Сорокина штрафа. По поводу перваго ходатайства Правительствующій Сенатъ находитъ, что для принятія встрѣчнаго иска и совмѣстнаго его разсмотрѣнія съ первоначальнымъ, необходима лишь подсудность его тому же суду, а изъ какихъ основаній онъ вытекаетъ—это безразлично и затѣмъ по положенію встрѣчнаго иска въ процессѣ онъ имѣетъ цѣлью зачетъ долга первоначальнаго истца, при присужденіи ему удовлетворенія съ отвѣтчика, чѣмъ и вызывается необходимость одновременнаго разсмотрѣнія его съ первоначальнымъ (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1877 г., № 250). Поэтому Правительствующій Сенатъ находитъ, что встрѣчный искъ артели въ суммѣ, равной первоначальному иску, какъ о томъ и ходатайствуетъ повѣренный Сорокина, надлежитъ также признать преждевременнымъ, такъ какъ въ случаѣ неутвержденія приговора артели объ исключеніи истца изъ артели, съ оштрафованіемъ на артельное мѣсто, оба требованія въ суммѣ, равной первоначальному иску, взаимно погашались бы. Такъ какъ, однако, въ данномъ случаѣ встрѣчный искъ по размѣру его (4.709 р. съ %) значительно превышаетъ первоначальный (3.200 р. съ %), то является необходимымъ разсмотрѣніе его по существу. Входя поэтому въ обсужденіе его, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Сорокинъ не принялъ практиковавшіяся ранѣе мѣры предосторожности и потому долженъ нести отвѣтственность за случившуюся покражу артельной суммы. При такомъ положеніи дѣла встрѣчный искъ артели, не оспариваемый въ отношеніи цифровыхъ данныхъ его, долженъ быть признанъ доказаннымъ и по праву и по размѣру. Переходя къ возбуждаемому повѣреннымъ Сорокина вопросу объ обязательности зачета убытковъ артели и наложеннаго на Сорокина штрафа,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что вопросъ о зачетѣ сводится къ тому: *имѣетъ ли право артель, штрафуя исключаемаго изъ артели артельщика за его неправильныя дѣйствія*,

причинившія ущербъ артели, не только наложить на него штрафъ въ размѣрѣ не свыше всего того, что составляетъ достояніе артельщика, находящееся въ непосредственномъ обладаніи артели (стоимость артельнаго мѣста, невыданный ему дивидендъ, жалованье), *но наряду съ этимъ взыскивать съ него свои убытки совершенно самостоятельно, не дѣлая зачета на погашеніе ихъ.* Означенный вопросъ впервые восходитъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, изъ чего нельзя, однако, сдѣлать вывода, что биржевыя артели до настоящаго времени не считали себя вправѣ, одновременно съ оштрафованіемъ виновнаго въ нарушеніи долга артельщика, взыскивать съ него причиненныя его дѣйствіями убытки. Напротивъ того, изъ дѣлъ Правительствующаго Сената усматривается, что артелями и раньше практиковалось одновременное наложеніе штрафа и взысканіе убытковъ (см. напр., опредѣленіе IV Деп. 24 января 1891 г., № 144, по дѣлу Ларина съ Шестовскою артелью), но законность подобнаго образа дѣйствій артели представлялась, повидимому, настолько безспорною, что жалобъ на это въ Правительствующій Сенатъ не поступало. Обращаясь къ разсмотрѣнію поставленнаго выше вопроса по существу,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ нормирующихъ дѣятельность Московскихъ биржевыхъ артелей правилахъ 1866 г. не содержится опредѣленій, непосредственно относящихся къ настоящему предмету. Однако, по мнѣнію Правительствующаго Сената, совокупный смыслъ означенныхъ правилъ, въ связи съ общими нормами права, приводитъ къ заключенію, что артели могутъ, помимо наложенія взысканій на своихъ сочленовъ, требовать возмѣщенія понесенныхъ отъ ихъ дѣйствій убытковъ, безъ зачета таковыхъ взысканій. Въ этомъ отношеніи надлежитъ имѣть въ виду, что денежные штрафы, къ которымъ общія собранія артелей могутъ, на основаніи §§ 19 и 20 правилъ 1866 г., присуждать артельщиковъ, имѣютъ характеръ дисциплинарныхъ и карательныхъ мѣръ, которыя по своей юридической природѣ не имѣютъ ничего общаго съ вознагражденіемъ за воспослѣдовавшіе отъ дѣйствій артельщиковъ вредъ и убытки. На отсутствіе же какой бы то ни было связи между наложеніемъ штрафа и взысканіемъ вознагражденія за убытки, указываетъ между прочимъ то обстоятельство, что, согласно § 19, штрафомъ по приговору артели можетъ быть обложенъ такой исключительно формальный проступокъ артельщика (непослушаніе, нарушеніе порядка), который не повлекъ за собою никакого не только непосредственнаго, но и косвеннаго для артели вреда, въ видѣ, напримѣръ, нарушенія довѣрія къ артели, ибо наличностью этого послѣдняго признака § 20 обусловливается не присужденіе къ штрафу, а исключеніе изъ артели. Между тѣмъ, если, вставъ на противоположную точку зрѣнія, допустить зачетъ штрафа и взысканія за убытки, то карательная власть артелей окажется значительно суженною или совсѣмъ сведенною на нѣтъ, какъ разъ въ примѣненіи къ тѣмъ важнѣйшимъ проступкамъ артельщиковъ, отъ которыхъ артель понесла болѣе или менѣе круп-

ные убытки, а именно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда количество убытковъ достигаетъ высшаго допускаемаго § 40 правилъ размѣра штрафа, артель по производствѣ зачета должна будетъ ограничиться полученіемъ вознагражденія за причиненный ей вредъ, въ каковомъ возмѣщеніи убытковъ совершенно отсутствуетъ всякій элементъ наказанія или кары, такъ что въ этихъ важнѣйшихъ случаяхъ виновный артельщикъ не понесетъ никакой дисциплинарной отвѣтственности. Невозможность принять это послѣднее положеніе убѣждаетъ Правительствующій Сенатъ въ томъ, что заключающееся въ § 24 положенія о трудовыхъ артеляхъ правило о взысканіи съ виновныхъ членовъ артели денежныхъ штрафовъ, „сверхъ отвѣтственности за причиненные убытки“, являясь выраженіемъ общей правовой нормы, должно примѣняться и къ артелямъ биржевымъ. Приведенное заключеніе не опровергается указаніемъ на то, что одновременное, безъ зачета, взысканіе штрафа и убытковъ являлось бы незаконнымъ обогащеніемъ артели на счетъ ея провинившагося члена. По этому поводу слѣдуетъ, прежде всего, замѣтить, что съ такимъ же основаніемъ можно было бы усмотрѣть обогащеніе артели во всякомъ случаѣ наложенія денежнаго штрафа за проступокъ артельщика, никакихъ убытковъ артели не причинившій, что между тѣмъ, какъ было объяснено выше, составляетъ безспорное право артели. Едва-ли, однако, обсуждаемый образъ дѣйствій артели можетъ въ дѣйствительности повести къ ея обогащенію. Дѣло въ томъ, что на основаніи §§ 70 и 71 правилъ 1866 г., взыскиваемыя въ видѣ штрафовъ суммы не обращаются въ общіе доходы артели, а поступаютъ въ особый капиталъ вспоможенія; послѣдній, согласно § 73 правилъ, предназначенъ для выдачи пособій и наградъ выбывшимъ изъ артели по старости или болѣзни артельщикамъ, и только въ совершенно исключительномъ случаѣ недостаточности капитала обезпеченія, для покрытія причиненныхъ артельщикомъ хозяевамъ артели убытковъ, на этотъ предметъ могутъ быть расходуемы и средства капитала вспоможенія (§ 76). Слѣдовательно, никакихъ выгодъ сама артель отъ взыскиваемыхъ въ ея пользу штрафовъ не получаетъ, а таковыми пользуются лица, уже не состоящія артельщиками. Если же принять точку зрѣнія повѣреннаго Сорокина и допустить зачетъ штрафа въ вознагражденіе за убытки, то это повлечетъ за собою одно изъ слѣдующихъ двухъ послѣдствій: либо вся, имѣющая быть взысканною сумма, поступитъ въ кассу артели на возмѣщеніе ея убытковъ и въ такомъ случаѣ капиталъ вспоможенія лишится причитающагося въ его пользу дохода, отъ чего могутъ потерпѣть ущербъ пользующіяся пособіемъ отъ него лица; либо сумма, соотвѣтствующая размѣру штрафа, будетъ обращена въ капиталъ вспоможенія, но тогда понесенный артелью убытокъ фактически останется непокрытымъ. Признавая по приведеннымъ соображеніямъ, что зачетъ убытковъ и штрафа не можетъ имѣть мѣста, и что затѣмъ встрѣчный искъ артели, представляющійся правильнымъ въ полной суммѣ 4.709 рублей, долженъ быть признанъ

преждевременнымъ лишь въ суммѣ первоначальнаго иска 3.200 р.—въ виду возможности сложенія штрафа и ради зачета денежнаго требованія первоначальнаго истца,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда отъ 29 марта 1905 г.: 1) по первоначальному иску Сорокина оставить въ силѣ, 2) въ отношеніи встрѣчнаго иска Ветошнорядской биржевой артели измѣнить, признавъ искъ въ суммѣ 3.200 р. преждевременнымъ, а въ остальной части 1.509 р. съ % со дня иска, подлежащимъ присужденію съ Сорокина (1910 г., по дѣлу Сорокина съ Ветошнорядской биржевой артелью).

210. Обсудивъ дѣло, Прав. Сенатъ усматриваетъ, что спорнымъ въ настоящемъ случаѣ является, прежде всего, *вопросъ о томъ, требуютъ-ли артельные приговоры, налагающіе штрафы за нерачительное исполненіе обязанностей по должности старосты, утвержденія биржевого комитета лишь въ томъ случаѣ, когда провинившееся лицо еще исполняетъ свои обязанности, или же утвержденіе это необходимо, для дѣйствительности подобныхъ приговоровъ, и послѣ перехода провинившагося въ простые артельщики.* Останавливаясь на этомъ вопросѣ, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что дѣятельность старосты, съ присущею ему карательною властью, можетъ создавать отношенія, устраняющія наличность вполнѣ объективной оцѣнки служебныхъ его дѣйствій со стороны артельщиковъ, и 2) что ст. 89 правилъ для Московскихъ биржевыхъ артелей и имѣетъ въ виду гарантировать, заинтересованнымъ въ томъ лицамъ, безпристрастную провѣрку артельныхъ приговоровъ по предмету должностныхъ ихъ дѣйствій. Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе, что гарантія эта, будучи ограничена временемъ нахожденія заинтересованнаго лица въ должности, являлась бы призрачною, такъ какъ сужденіе о дѣйствіяхъ старосты, особенно относящихся къ послѣднему времени, до ухода его съ должности, можетъ происходить послѣ сложенія имъ таковой, Правительствующій Сенатъ приходитъ къ заключенію, что вопросъ о необходимости утвержденія соотвѣтственныхъ приговоровъ артели биржевымъ комитетомъ долженъ разрѣшаться въ зависимости отъ должностного характера провинившагося лица въ моментъ совершенія обсуждаемаго дѣянія, а не въ моментъ самого обсужденія послѣдняго, и что, слѣдовательно, ст. 89 артельныхъ правилъ должна быть понимаема въ томъ смыслѣ, что артельные приговоры, налагающіе взысканія за служебныя дѣйствія по должности старосты, должны восходить на утвержденіе биржевого комитета, независимо отъ того, состоялись ли эти приговоры о старостахъ, еще находящихся при исправленіи своей должности, или же перешедшихъ уже въ простые артельщики. По симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ признаетъ, что приговоръ артели отъ 2 іюня, объ увольненіи Катаева изъ членовъ артели, не можетъ быть приводимъ въ исполненіе до тѣхъ поръ, пока по

его предмету не выскажется биржевой комитетъ. Обращаясь затѣмъ, въ частности, къ возбужденному апелляторомъ спору о дивидендѣ, Правительствующій Сенатъ признаетъ: 1) что, въ случаѣ неутвержденія обжалованнаго приговора биржевымъ комитетомъ, приговоръ этотъ придется признать не существующимъ; 2) что, наоборотъ, при утвержденіи его, приговоръ этотъ придется считать вступившимъ въ силу съ момента его постановленія; 3) что, такимъ образомъ, вопросъ о правѣ на дивидендъ, за время съ 1904 г., разрѣшается въ зависимости отъ того или иного постановленія биржевого комитета, и 4) что, слѣдовательно, требованіе дивиденда въ настоящій моментъ должно быть признано преждевременнымъ. Въ виду изложеннаго Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: признавъ, согласно съ заключеніемъ Коммерческаго Суда, обязательность примѣненія къ настоящему приговору ст. 89 артельныхъ правилъ, признать въ отмѣну обжалованнаго рѣшенія Коммерческаго Суда, требованіе дивиденда за время съ 1904 года преждевременнымъ (1912 г., № 2091а).

211. Не можетъ считаться артельщикомъ лицо, принятіе котораго въ артель не подтверждается артельнымъ приговоромъ.

На основаніи ст. 28 правилъ для биржевыхъ артелей въ г. Москвѣ принятіе въ артель новаго артельщика утверждается приговоромъ артели, а въ силу ст. 64 тѣхъ же правилъ всѣ артельщики, артель составляющіе, вносятся биржевымъ комитетомъ въ именную артельную книгу. По поводу регистраціи артельщиковъ биржевымъ комитетомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что она не имѣетъ значенія простой формальности, а стоитъ въ тѣсной связи съ принадлежащимъ биржевымъ комитетамъ правомъ надзора за дѣятельностью артелей, а также съ производимыми подъ наблюденіемъ комитетовъ отчисленіями въ капиталы обезпеченія артелей. Между тѣмъ къ дѣлу повѣреннымъ Солодова представлено свидѣтельство Московскаго биржевого комитета отъ 21 декабря 1906 г. о томъ, что, какъ видно изъ ведущейся въ комитетѣ именной книги биржевой Василія Перлова артели, Солодовъ въ числѣ артельщиковъ означенной артели не состоялъ. Но если по разсматриваемому вопросу можно принять противоположную точку зрѣнія и допустить, что внесеніе артельщика въ книгу биржевого комитета является формальностью, неисполненіе которой не можетъ лишить силы состоявшееся со стороны артели принятіе новаго члена, то о значеніи пріемнаго приговора артели казалось бы не можетъ быть двухъ мнѣній: принятіе въ артель новаго члена не можетъ послѣдовать иначе какъ съ согласія артели, выраженнаго въ формѣ составленнаго надлежащимъ образомъ приговора, который никакими другими актами или удостовѣреніями замѣненъ быть не можетъ. Соотвѣтственно сему никоимъ образомъ не можетъ считаться артельщикомъ лицо, принятіе котораго не подтверждается артельнымъ приговоромъ; по настоящему же

дѣлу не только повѣреннымъ артели не представлено соотвѣтствующаго приговора, но не сдѣлано даже категорическаго заявленія о томъ, что таковой приговоръ состоялся. Какимъ образомъ Солодову при указанныхъ условіяхъ могла быть выдана квитанція на артельное мѣсто, въ которой говорится о поступленіи его въ число артельщиковъ—по дѣлу осталось не разъясненнымъ; во всякомъ случаѣ надлежитъ признать, что разъ Солодовымъ оспаривается принадлежность его къ артели на правахъ полноправнаго члена оной, квитанція эта является недостаточною для признанія такого спора лишеннымъ основанія. При оцѣнкѣ значенія означенной квитанціи нельзя не замѣтить, что она можетъ служить доказательствомъ лишь того, что въ кассу артели съ Солодова получены вступныя деньги за принятіе въ число артельщиковъ на артельное мѣсто, обозначенное № 130, но непредставленіе отвѣтчикомъ пріемнаго приговора даетъ во всякомъ случаѣ основаніе заключить, что формальное принятіе его въ артельщики не осуществилось. По соображеніи вышеизложеннаго, Правительствующій Сенатъ считаетъ недоказаннымъ, что Солодовъ состоялъ не только работникомъ (§ 31) но и артельщикомъ названной артели, а потому не можетъ не согласиться съ заключеніемъ Коммерческаго Суда о томъ, что принадлежащая артели на основаніи ст. ст. 19, 20, 39 и 40 правилъ дисциплинарная власть не распространялась на Солодова, который не могъ быть оштрафованъ по приговору артели. Вмѣстѣ съ тѣмъ Правительствующій Сенатъ признаетъ, что взысканіе артелью съ Солодова причиненныхъ имъ убытковъ можетъ послѣдовать только посредствомъ предъявленія къ нему соотвѣтствующаго иска (1909 г., № 1416).

212. Въ опредѣленіи 21 февраля 1911 г., № 555, по д. Соболева съ Мазуринской артелью, Правительствующій Сенатъ призналъ неправильнымъ приговоръ артели объ исключеніи С. изъ артели въ виду того, что поступокъ, вмѣняемый С. въ вину, не предусмотрѣнъ правилами о биржевыхъ артеляхъ, дающими артели право на исключеніе члена (С. былъ исключенъ за то, что рекомендовалъ въ члены артели лицо, не оправдавшее довѣріе артели и причинившее ей убытокъ).

213. Для взысканія съ артели убытковъ отъ недостачи денегъ, ввѣренныхъ артельщику, необходимо доказать наличность *вины* артельщика. Артель не отвѣтственна, если деньги похищены во время разбойнаго нападенія, которое артельщикъ предотвратить не могъ.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ рѣшеніе Коммерческаго Суда по настоящему дѣлу, коимъ отказано въ искѣ администраціи по дѣламъ акціонернаго общества вагоностроительнаго завода съ Шестовской биржевой артели 19.000 р., правильнымъ и отмѣнѣ не подлежащимъ, доводы же

апелляціонной жалобы неуважительными по слѣдующимъ основаніямъ. Артель по закону (ст. 79 Уст. Торг.) и согласно правиламъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ (§ 1) представляется обществомъ работниковъ, составленнымъ для исполненія порученій хозяевъ. Договоры, заключаемые хозяевами съ артелью суть договоры личнаго найма, причемъ условія отвѣтственности артели за убытки, понесенные хозяиномъ при существованіи этого договора вслѣдствіе дѣйствій артельщиковъ строго опредѣлены правилами для биржевыхъ артелей въ Москвѣ. Согласно § 52 правилъ „хозяинъ, потерпѣвшій убытокъ по винѣ артельщика, вознаграждается артелью соразмѣрно стоимости утраченнаго или похищеннаго имущества". Изъ этого постановленія съ несомнѣнностью вытекаетъ, что для признанія артели обязанной къ возмѣщенію убытковъ по поводу недостачи ввѣренныхъ ему денегъ, недостаточно доказать одинъ лишь фактъ исчезновенія денегъ, какъ то утверждаетъ апелляторъ. Правила требуютъ наличность вины, а потому коль скоро искъ можетъ быть присужденъ только при наличности вины артельщика, то несомнѣнно, что на истцѣ, домогающемся присужденія иска, лежитъ на общемъ основаніи обязанность установить таковую вину, т. е. установить, что артельщикъ допустилъ при храненіи денегъ небрежность, нерадѣніе или упущеніе. Ничего подобнаго въ настоящемъ дѣлѣ не установлено. Не доказано и даже не утверждается, чтобы артельщикъ Денисовъ, у котораго путемъ разбойнаго нападенія были похищены принадлежавшія администраціи деньги, спалъ или находился въ нетрезвомъ состояніи; не установлено, чтобы самый способъ храненія денегъ могъ навести злоумышленниковъ на мысль о легкой возможности похищенія ихъ; не установлено, наконецъ, чтобы со стороны артельщиковъ были допущены какія либо упущенія въ отношеніи храненія денегъ. Наоборотъ, изъ дѣла видно, что деньги похищены *во время разбойнаго нападенія на артельщика Денисова*, нападенія настолько стремительнаго и внезапнаго, что ни предупредить, ни предотвратить его артельщикъ Денисовъ не могъ. Апелляторъ ставитъ артели въ вину отсутствіе оружія у артельщика. Но картина нападенія, нарисованная самимъ истцомъ, а также то, выяснившееся во время производства дѣла въ Коммерческомъ Судѣ, обстоятельство, что Денисовъ въ самомъ началѣ нападенія былъ раненъ выстрѣломъ изъ револьвера, показываютъ, что если бы у Денисова и было оружіе, то онъ бы имъ воспользоваться не могъ, не говоря уже о томъ, что не можетъ быть рѣчи объ обязательности для артели снабжать своихъ артельщиковъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, коль скоро ношеніе при себѣ оружія воспрещается вообще и въ видѣ исключенія лишь допустимо, не иначе притомъ, какъ съ особаго на то дозволенія подлежащей власти. Не можетъ быть поставлено въ вину артели и то обстоятельство, что Денисовъ большую часть денегъ хранилъ въ сумкѣ, а не спряталъ таковыя въ платье, такъ какъ самъ истецъ (въ исковомъ прошеніи) способъ храненія внутри платья „просто въ карманѣ", признавалъ способомъ ненадежнымъ и ставилъ его даже въ вину

артельщику. При такихъ обстоятельствахъ и такъ какъ апелляторъ не указываетъ ни тѣхъ мѣръ предосторожности, которыя артелью должны были быть приняты и приняты не были, ни въ частности тѣхъ упущеній, которыя были допущены лично Денисовымъ,—присоединеніе къ дѣлу слѣдственнаго производства, возбужденнаго по поводу случая съ Денисовымъ представляется, при отсутствіи спора въ вѣрности изложенія судомъ фактической стороны дѣла, безцѣльнымъ и потому уваженію не подлежащимъ. Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе, что ссылка апеллятора на постановленія закона о поклажѣ (ст. 2105 т. X ч. I Св. Зак.) не можетъ имѣть значенія съ одной стороны потому, что Денисовъ, рисковавшій своею жизнью, проявилъ въ настоящемъ дѣлѣ несомнѣнно такое же попеченіе о ввѣренномъ ему имуществѣ, какъ и „о своемъ собственномъ имуществѣ“, а съ другой потому, что по силѣ той же статьи 2105 т. X ч. I принявшій вещь на сохраненіе не несетъ отвѣтственности, если вещь отнята у него насильно,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда по настоящему дѣлу отъ 9 апрѣля 1907 г. оставить въ силѣ (1909 г., № 849).

214. Основываясь на представленной къ дѣлу роспискѣ артельщика Генералова отъ 23 января 1904 г. въ принятіи, до востребованія, поименованныхъ въ спискѣ процентныхъ бумагъ и квитанцій учетнаго банка и общества взаимнаго кредита на заложенныя бумаги и ссылаясь на то, что этихъ бумагъ и квитанцій не оказалось при ревизіи, произведенной 29 января 1904 г. по поводу внезапнаго исчезновенія изъ Москвы управлявшаго конторою истца, Гульшина, его довѣреннаго, Федорова,—истецъ Гульшинъ предъявилъ къ артели требованіе объ уплатѣ, по поручительству за артельщика Генералова, стоимости показанныхъ въ подписанномъ Генераловымъ спискѣ процентныхъ бумагъ. При этомъ на судѣ, а затѣмъ и въ апелляціи, истецъ Гульшинъ, не утверждалъ вовсе, что артельщикъ Генераловъ растратилъ или присвоилъ себѣ упомянутыя въ спискѣ цѣнности, а равно не указывалъ и на то, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ онѣ пропали, но въ апелляціи заявляетъ, что Генераловъ, если онъ замѣчалъ, что Федоровъ производитъ неправильную операцію или что изъ кассы незаконнымъ образомъ получались цѣнныя бумаги, то онъ, какъ хранитель и лицо, за нихъ отвѣтственное, долженъ былъ принять мѣры къ устраненію неправильностей, а не сдѣлавъ этого, выказалъ нерадивость и халатность въ исполненіи своихъ обязанностей кассира и долженъ быть отвѣтственъ за понесенные, благодаря тому, убытки, а, сообразно съ симъ, за эти убытки должна отвѣчать артель по §§ 30 и 52 артельныхъ правилъ.

По поводу такой неодинаковой постановки иска въ судѣ и въ Правительствующемъ Сенатѣ, повѣренный артели возражалъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, ссылаясь на измѣненіе исковыхъ требованій, недозволяемое во

время процесса, и указывая на ту разницу, которая вытекаетъ изъ постановки иска въ томъ и другомъ случаѣ. Эти указанія Правительствующій Сенатъ признаетъ, съ своей стороны, существенными, такъ какъ несомнѣнно, что если истецъ отыскиваетъ убытки, обусловленные вышеуказанными неправильными дѣйствіями артельщика, то надлежитъ доказать, въ чемъ именно выразились и когда именно произошли эти неправильности и какой именно ущербъ ими причиненъ, чего, однако, не указываетъ и не доказываетъ вовсе истецъ, домогающійся присужденія стоимости бумагъ, недостающихъ противъ списка, подписаннаго артельщикомъ Генераловымъ 23 января 1904 г. Поэтому и за силою 332 ст. Уст. Гражд. Суд., необходимо остановиться на обсужденіи иска въ томъ видѣ, какъ онъ предъявленъ въ судѣ и обоснованъ роспис憂 артельщика Генералова,—которой и касаются затѣмъ доводы, приведенные въ дополненіи къ апелляціи, въ связи съ возраженіями противъ этого иска со стороны отвѣтчика. Первое возраженіе противъ этого иска (на которомъ, впрочемъ, не настаивалъ повѣренный отвѣтчика, при словесныхъ объясненіяхъ въ Правительствующемъ Сенатѣ) заключалось въ томъ, что искъ не можетъ быть разрѣшенъ судомъ гражданскимъ, за неокончаніемъ еще дѣла уголовнаго, возникшаго по обвиненію Федорова въ растратѣ цѣнностей, находившихся въ его завѣдываніи въ конторѣ Гульшина. Но къ удовлетворенію этого ходатайства, сводящагося въ сущности къ примѣненію ст. 8 Уст. Гражд. Суд. о пріостановленіи даннаго дѣла до разрѣшенія вышеупомянутаго уголовнаго дѣла, Правительствующій Сенатъ не усматриваетъ основаній по обстоятельствамъ дѣла, въ виду того, что хотя къ означенному дѣлу, возникшему по обвиненію одного Федорова, могли бы быть привлечены, въ качествѣ обвиняемыхъ, и другія лица, не исключая и артельщика Генералова, но слѣдствіе по этому уголовному дѣлу (какъ видно изъ дѣла слѣдователя) пріостановлено по 27 ст. Уст. Угол. Суд., т. е. до разрѣшенія преюдиціальныхъ вопросовъ судомъ гражданскимъ, и, слѣдовательно, пріостановленіе дѣла въ гражданскомъ судѣ привело бы къ полной пріостановкѣ всякаго отправленія правосудія по спору сторонъ. Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію иска и возраженій противъ него по существу, Правительствующій Сенатъ находитъ, что положенная въ основаніе иска росписка артельщика Генералова отъ 23 января 1904 г. не можетъ быть разсматриваема, какъ безспорное доказательство дѣйствительнаго нахожденія на рукахъ у Генералова тѣхъ цѣнностей и квитанцій, которыя въ ней перечислены, въ виду заявленнаго со стороны отвѣтчика спора о фиктивности этого документа, находящей себѣ подтвержденіе не только въ заключеніи экспертовъ, осматривавшихъ торговыя книги конторы Гульшина, противъ котораго споритъ апелляторъ (стараясь подорвать силу и значеніе этой экспертизы по неполнотѣ матеріала, бывшаго въ распоряженіи экспертовъ),—но и въ показаніяхъ, данныхъ завѣдывавшимъ, по довѣренности Гульшина, его конторою Федоровымъ, а затѣмъ и самимъ Гульшинымъ. Изъ

показаній Федорова точно такъ же, какъ и изъ показаній артельщика Генералова и его сослуживцевъ по конторѣ, видно, что Генераловъ не принималъ дѣятельнаго участія во всемъ томъ, что въ дѣйствительности обычно лежитъ на обязанности отвѣтственнаго кассира, а исполнялъ, находясь въ полной служебной зависимости отъ Федорова, то, что приказывалъ Федоровъ, который въ дѣйствительности и вѣдалъ дѣлами кассы. Федоровъ показалъ, что цѣнности конторы, хотя не растрачены, но потеряны за все время завѣдыванія имъ конторою отъ его собственной неопытности и плохихъ биржевыхъ операцій. Наконецъ, самъ Гульшинъ показалъ, между прочимъ (въ сыскной полиціи 6 февраля 1904 года), что онъ самъ рѣдко бывалъ въ конторѣ, а ею завѣдывалъ Федоровъ и представлялъ ему отчеты о состояніи конторы еженедѣльно, подписанные Генераловымъ; какъ могъ Федоровъ растратить или присвоить цѣнности, ему неизвѣстно; какая дѣйствительно сумма растрачена,—ему неизвѣстно, обнаружена растрата 29 января, когда Федоровъ скрылся; кассу велъ Федоровъ единолично и никто изъ служащихъ конторы провѣрить, правильно ли ведется таковая, не могъ; кассовая книга находилась всегда у Федорова и велась имъ ложно; таковая въ настоящее время находится у него, Гульшина. Засимъ, у слѣдователя Гульшинъ, между прочимъ, показалъ, что, какъ онъ узналъ, дѣла конторы пришли въ разстройство по винѣ Федорова; контора понесла громадный убытокъ, опредѣлить который онъ въ настоящее время не можетъ. Все это случилось благодаря тѣмъ злоупотребленіямъ, которыя допускалъ Федоровъ: „зная, что много бумагъ исчезло, что онъ рискованно игралъ на биржѣ“, долженъ замѣтить (о Генераловѣ), что онъ находился въ полной зависимости отъ Федорова. При такихъ обнаруженныхъ по дѣлу обстоятельствахъ за силою 366 ст. Уст. Гражд. Суд. и на основаніи § 52 правилъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ (обязывающаго артель отвѣчать за артельщика, соразмѣрно стоимости имъ утраченнаго или похищеннаго имущества), истецъ, предъявляя данный искъ о стоимости недостающаго, по его словамъ, имущества, не могъ ограничиться ссылкою на указываемый имъ списокъ бумагъ и квитанцій за подписью артельщика Генералова, а долженъ былъ установить и доказать торговыми книгами и документами, сколько именно и чего въ дѣйствительности у него было налицо ко дню составленія упомянутаго списка. Правильность этого вывода, помимо вышеизложеннаго, подтверждается еще тѣмъ, во-первыхъ, что въ самомъ спискѣ, за подписью Генералова, имѣется относительно значительнѣйшей части бумагъ отмѣтка сбоку „залож.“ (въ копіи „залоги“), дѣйствительное значеніе которой не выяснено по дѣлу, и, во-вторыхъ, что вторая часть списка касается не самыхъ цѣнностей, а квитанцій учетнаго банка и общества взаимнаго кредита. Между тѣмъ, истецъ Гульшинъ не представилъ къ дѣлу тѣхъ именно книгъ своей конторы—„счетъ ссудъ подъ бумаги“, „счетъ заложенныхъ бумагъ, принадлежащихъ конторѣ“, и „счетъ перезалоговъ“, которыя по мнѣнію экспер-

товъ, необходимы были для выясненія наличности кассы и оборотовъ съ бумагами. Указаніе въ этомъ отношеніи истца на то, что этихъ книгъ у него не имѣется, лишено значенія, потому что нельзя отнести къ винѣ отвѣтчика и присуждать съ него убытки недоказанные,—только потому, что истецъ утратилъ свои книги или, по нерадивости, не велъ ихъ,—вся вина за то, конечно, должна упадать на самого истца, и потому невозможно придавать значенія вытекающимъ именно отсюда указаніямъ его на недостатки и неполноту заключенія экспертовъ, осматривавшихъ книги истца и указавшихъ, почему именно ихъ задача исполнена была, поскольку было возможно, а не съ полною точностью, за недостаткомъ матеріала, не даннаго имъ истцомъ. Затѣмъ, если у истца нѣтъ упомянутыхъ книгъ, то остальную часть списка, касающуюся квитанцій учетнаго банка и общества взаимнаго кредита, онъ могъ выяснить, почерпнувъ данныя въ этихъ банкирскихъ учрежденіяхъ, чего онъ тоже не сдѣлалъ, не объяснивъ даже, почему именно. По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, Правительствующій Сенатъ состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда объ отказѣ въ искѣ Гульшину оставилъ въ силѣ (1908 г., № 1112).

215|146. Хозяинъ, вещи котораго были похищены артельщикомъ и заложены, не предъявивъ къ залогодержателю требованія о возвратѣ ему этихъ вещей, не можетъ возлагать на артель отвѣтственность въ размѣрѣ суммы, подлежащей внесенію для выкупа вещей. Случаи половинной отвѣтственности артели при совершеніи похищенія сторожами не подлежатъ распространенію на артельщиковъ.

Приступая къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что Мартыновъ для охраны своей ссудной кассы, по письменному договору отъ 31 декабря 1888 г., нанялъ къ себѣ на службу двухъ артельщиковъ Шестовской биржевой артели, причемъ передалъ послѣднимъ принятыя въ закладъ вещи по описи съ обязательствомъ сдать таковыя обратно въ цѣлости также по описи, причемъ артель обязалась „въ случаѣ утраты принятыхъ вещей, на основаніи § 30 биржевыхъ артельныхъ правилъ, вознаградить за всѣ убытки, понесенные этой утратой“ и далѣе, „если въ случаѣ какого-либо недосмотра произойдетъ кража ввѣреннаго имущества, то отвѣтственность всецѣло падаетъ на артель“. По обнаруженіи 23 сентября 1889 г. растраты, произведенной артельщикомъ Соколовымъ въ ссудной кассѣ, оказалось, между прочимъ, что изъ заложенныхъ въ таковой вещей, сданныхъ артельщику на храненіе по описи и полученныхъ Мартыновымъ обратно, согласно письменному условію, значи-

тельное количество перезаложено въ Московскомъ Обществѣ Кредита подъ закладъ движимости за сумму 13.347 руб. и что Обществу причитается по этой ссудѣ процентовъ 7.426 руб. При такомъ положеніи дѣла означенныя вещи, какъ добытыя Соколовымъ чрезъ преступленіе, подлежали возвращенію Мартынову, какъ хозяину сего имущества, тѣмъ болѣе, что по закону (ст. 1664 т. X ч. 1 Зак. Гражд., изд. 1887 г.) недѣйствителенъ закладъ, между прочимъ, чужого движимаго имущества, заложеннаго безъ позволенія его хозяина; въ семъ случаѣ оно возвращается сему послѣднему, а заимодавцу предоставляется взыскивать деньги по акту заклада съ закладчика. Изъ изложенной статьи закона явствуетъ, что Мартыновъ, по общему правилу, по осужденіи Соколова уголовнымъ судомъ, прежде чѣмъ предъявлять требованіе къ артели о платежѣ суммы, въ которой перезаложены вещи въ Обществѣ Кредита, имѣлъ полную возможность заявить ходатайство о выдачѣ ему его вещей безъ уплаты слѣдующихъ за нихъ денегъ. Обращаясь далѣе къ вопросу о томъ, могъ ли уставъ означеннаго учрежденія служить основаніемъ къ отказу Мартынову въ его подобномъ ходатайствѣ, если бы таковое послѣдовало въ свое время, Прав. Сенатъ находитъ, что спорнымъ въ дѣлѣ является § 55 устава, который редактированъ слѣдующимъ образомъ: „ни въ какомъ случаѣ заложенная въ обществѣ вещь никѣмъ не можетъ быть взята изъ него прежде, нежели заплачены будутъ сполна слѣдующія ему деньги, исключая когда имущество судебнымъ приговоромъ будетъ признано похищеннымъ, а въ такомъ случаѣ общество подчиняется дѣйствію 1664 и 1666 ст. X т. ч. 1“. Сообразивъ § 55 устава и ст. 1664 т. X ч. 1, Прав. Сенатъ находитъ, что смыслъ, цѣль и значеніе существованія этого параграфа въ уставѣ общества заключается не въ томъ, чтобы проводить строгую границу между вещами, *похищенными*, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. добытыми путемъ грабежа, разбоя, кражи и мошенничества, и вещами незаконно добытыми другимъ преступленіемъ, неподходящимъ подъ тѣсное понятіе похищенія, иначе говоря, различить вора домашняго отъ вора посторонняго; въ помѣщеніи такого параграфа въ уставѣ усматривается намѣреніе и желаніе составителей означеннаго устава успокоить все общество, весь кругъ лицъ, могущихъ какимъ бы то ни было образомъ войти въ отношенія съ подобнымъ учрежденіемъ, въ томъ, что таковое, принимающее подъ закладъ вещи и выдающее подъ оныя ссуды, не будетъ вѣрнымъ мѣстомъ для сокрытія имущества, добытаго путемъ преступленія, совершено ли то преступленіе на большой дорогѣ, на улицѣ, въ общественномъ мѣстѣ, или, наконецъ, въ частной квартирѣ, лицомъ даже очень близко стоящимъ къ хозяину вещи, имѣющимъ послѣднюю подъ своимъ надзоромъ и охраной, или, наконецъ, получившимъ ее для своего пользованія, однимъ словомъ, что учрежденіе въ своей дѣятельности не выйдетъ изъ предѣловъ общихъ для всѣхъ гражданскихъ законовъ, близко касающихся таковой дѣятельности. При такомъ положеніи дѣла Прав. Сенатъ не

можетъ не придти къ заключенію, что Мартыновъ, въ случаѣ отказа Общества Кредита возвратить вещи безъ денегъ, имѣлъ полную возможность предъявить искъ къ таковому и что никакихъ юридическихъ препятствій къ подобному иску ни въ законѣ, ни въ уставѣ не существовало; между тѣмъ изъ дѣла обнаруживается, что Мартыновъ не только не дѣлалъ такой попытки, но добровольно отказался отъ ходатайства и даже обязался распискою уплатить ссуду, выданную подъ перезаложенныя вещи, и причитавшіеся за оную проценты. Если же нынѣ, послѣ выдачи подобной росписки, Мартыновъ не считаетъ возможнымъ предъявить требованіе о возвратѣ ему безвозмездно растраченныхъ у него вещей и отъ этого терпитъ убытокъ въ размѣрѣ суммы, подлежащей внесенію для выкупа вещей, то такой убытокъ, какъ не являющійся прямымъ послѣдствіемъ растраты Соколова, а зависящій отъ упущеній или дѣйствій самого Мартынова, онъ уже не вправѣ возлагать на артель, которая съ своей стороны лишена была возможности истребовать тѣ вещи безвозмездно и этимъ отвратить сказанный убытокъ. По силѣ изложенныхъ соображеній Прав. Сенатъ находитъ, что Московскій Ком. Судъ вполнѣ правильно отказалъ Мартынову во взысканіи съ артели 13.347 руб. съ % на нихъ 7.426 руб., подлежащихъ, по заявленію истца, внесенію въ Московское Общество Кредита для выкупа заложенныхъ Соколовымъ вещей, и что засимъ апелляціонная жалоба Мартынова не подлежитъ уваженію. Переходя засимъ къ разсмотрѣнію ходатайства повѣреннаго Шестовской артели, Столповскаго, объ уменьшеніи взысканія съ артели за растраченныя Соколовымъ и неразысканныя вещи на половину, т. е. о взысканіи съ артели по этой статьѣ лишь 2.483 р. 25 к., такъ какъ растрата произведена Соколовымъ при участіи главнаго довѣреннаго Мартынова, Пузина,—Прав. Сенатъ прежде всего находитъ, что въ уставѣ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ (§ 120) половинная отвѣтственность артели передъ хозяиномъ по цѣнности пропавшаго имущества установлена лишь въ томъ случаѣ „если виновнымъ въ похищеніи окажется артельный сторожъ, въ согласіи съ лицомъ, служащимъ у хозяина“. Такое постановленіе устава, какъ опредѣленно и точно указывающее случай половинной отвѣтственности, является правиломъ спеціальнымъ, не допускающимъ распространительнаго толкованія, а засимъ не можетъ повести къ освобожденію артели въ настоящемъ случаѣ отъ половинной отвѣтственности, когда растрата совершена не сторожемъ, а артельщикомъ. Но кромѣ того въ письменномъ договорѣ Шестовской биржевой артели съ Мартыновымъ отъ 31 декабря 1888 г. прямо указано, что артель вознаграждаетъ Мартынова за всѣ убытки отъ утраты ввѣренныхъ артельщику вещей и въ случаѣ кражи ввѣреннаго имущества отвѣтственность всецѣло падаетъ на артель. Въ виду сего Прав. Сенатъ не находитъ основаній къ уменьшенію на половину взысканія съ артели за растраченныя Соколовымъ и неразысканныя вещи. Въ виду изложеннаго, Прав. Сенатъ рѣшеніе Моск. Ком. Суда оставилъ въ силѣ (1894 г., № 399).

216|147. Неисполненіе формальныхъ требованій при заключеніи договора съ артелью влечетъ лишеніе лишь особыхъ правъ, присвоенныхъ хозяевамъ артели.

Хотя уставъ Ростовской на Дону артели (§ 3, 41, 42) и требуетъ чтобы лица, заключающія съ артелью договоры и пользующіяся ея услугами, подавали въ биржевой комитетъ заявленія о зачисленіи ихъ въ число хозяевъ артели, вносили въ биржевой комитетъ установленный сборъ и представляли договоры эти на утвержденіе биржевого комитета (§ 80), однако изъ того же устава видно, что послѣдствіемъ сихъ дѣйствій является лишь пріобрѣтеніе контрагентами артели правъ „хозяевъ артели", заключающихся, между прочимъ, въ правѣ предъявлять свои требованія къ артели въ биржевой комитетъ и получать удовлетвореніе изъ особаго, внесеннаго артелью въ означенный комитетъ капитала обезпеченія. Отсюда слѣдуетъ заключить, что неисполненіе кѣмъ-либо вышеозначенныхъ требованій устава влечетъ за собою лишеніе тѣхъ особыхъ правъ, которыя присвоены хозяевамъ артели. Но изъ сего вовсе не слѣдуетъ, чтобы неисполнившія тѣхъ требованій лица лишены были права входить вообще съ артелью въ какія-либо соглашенія или чтобы въ случаѣ нарушенія артелью состоявшихся договоровъ они лишались бы права обращаться къ таковой съ требованіями въ судебномъ порядкѣ (1892 г., № 452).

217|148. Владѣльцемъ артельнаго мѣста долженъ считаться тотъ, за кѣмъ оно по книгамъ артели значится, независимо отъ договорныхъ соглашеній этого лица съ 3 лицомъ относительно фактической принадлежности правъ на это мѣсто другому лицу; негласные артельщики недопустимы по 87 ст. (97) Уст. Торг. и циркулярамъ биржевого комитета; допросъ свидѣтелей о томъ, кому въ дѣйствительности мѣсто принадлежитъ, тоже недопустимъ (1902 г., № 485).

218|149. Искъ артельщика о суммѣ, вырученной артелью за проданное ею артельное мѣсто и притомъ не обращенной въ пользу артели въ видѣ штрафа, а равно и дивидендѣ на мѣсто подлежитъ разсмотрѣнію суда по существу. Право на дивидендъ принадлежитъ лишь тому артельщику, который лично или чрезъ замѣстителя своего участвуетъ въ артельныхъ работахъ. Артельный дивидендъ по самому существу своему не есть неизмѣнный доходъ съ капитала, а обусловливается различными случайными обстоятельствами и, согласно съ симъ, измѣнчивъ въ своемъ размѣрѣ, а потому средній размѣръ дивиденда за одну часть года не можетъ служить твердою почвою для опредѣленія размѣра

его и за другую часть; доказать же отыскиваемый имъ размѣръ дивиденда обязанъ самъ артельщикъ-истецъ (1890 г., № 1607).

219. Артель, принимая на себя продажу мѣста, можетъ продать его не ниже установленной ею-же цѣны, но не получаетъ какихъ либо правъ на излишекъ. Неучастіе артельщика въ трудахъ артели не можетъ, само по себѣ взятое, служить основаніемъ къ невыдачѣ назначеннаго дивиденда.

Хотя въ § 25 устава артели и содержится указаніе, что артельныя мѣста выходящихъ артельщиковъ продаются артелью за установленную артелью цѣну, но принимая во вниманіе, что, согласно тому же параграфу, артельщикъ можетъ продать свое мѣсто и самъ за условленную плату, и что, въ случаѣ продажи артелью мѣста, она выдаетъ вырученную сумму за вычетомъ лишь причитающихся артели суммъ, слѣдуетъ признать, что артель, принимая на себя продажу мѣста, можетъ продать его не ниже установленной ею же цѣны, но не получаетъ какихъ либо правъ на излишекъ. Къ тому же выводу приводитъ и то соображеніе, что въ уставѣ, опредѣляющемъ распредѣленіе всѣхъ поступающихъ въ артель суммъ, вовсе не содержится указаній на то, чтобы и излишки отъ продажи артельныхъ мѣстъ противъ установленной цѣны ихъ при замѣнѣ однихъ артельщиковъ другими, поступали въ пользу артели. Что же касается § 32, на который ссылаются повѣренный артели и Коммерческій Судъ въ рѣшеніи, то онъ не имѣетъ примѣненія къ настоящему случаю, какъ устанавливающій правила поступленія въ запасный капиталъ излишка, получаемаго отъ продажи еще незанятыхъ артельныхъ мѣстъ при увеличеніи артели съ вновь поступающихъ артельщиковъ, противъ суммы взноса въ капиталъ обезпеченія (§ 29). Принимая затѣмъ во вниманіе, что, какъ признается обѣими сторонами, мѣсто Коробова было продано артелью за 2.000 р., Правительствующій Сенатъ находитъ, что эта сумма и подлежитъ присужденію истцу. Что же касается заявленія истца, что онъ нашелъ покупателя за 2.250 р. и устно заявилъ объ этомъ артельному старостѣ Иванову, въ подтвержденіе чего и проситъ допросить свидѣтелей, то оно не заслуживаетъ уваженія, ибо, коль скоро Коробовъ право продажи своего мѣста передалъ артели письменнымъ заявленіемъ, занесеннымъ въ артельную книгу 6 ноября, то только такимъ же письменнымъ заявленіемъ, поданнымъ притомъ до продажи мѣста артелью, онъ могъ уничтожить свое первое заявленіе. Поэтому допросъ свидѣтелей въ подтвержденіе дѣлаемаго истцомъ указанія Правительствующій Сенатъ не можетъ, въ силу ст. 260 Уст. Суд. Торг., признавать заслуживающимъ уваженія. Переходя къ требованію Коробовымъ дивиденда на свое мѣсто, Правительствующій Сенатъ находитъ, что хотя самое су-

щество трудовыхъ артелей необходимо предполагаетъ участіе въ дѣлѣ членовъ ихъ личнымъ трудомъ, однако одно неучастіе само по себѣ не можетъ служить основаніемъ къ невыдачѣ назначеннаго дивиденда (рѣш. б. 4 Деп. Прав. Сената 1888 г., № 1345; 1902 г., № 485). По § 21 назначеніе артельщиковъ на службу производится артелью и при недостаточности работы артельщикъ можетъ и не получить мѣста. Что же касается заявленія повѣреннаго артели, что Коробовъ не являлся на биржу и уклонялся отъ работы, то это обстоятельство, по силѣ § 21 устава, могло имѣть послѣдствіемъ наложеніе штрафа по § 23 или вовсе исключеніе изъ артели, но отнюдь не лишеніе артельщика права на дивидендъ. Къ тому же заключенію слѣдуетъ придти и на основаніи правила § 53, согласно которому артельщики, занимающіе должности, получаютъ особую плату за свой личный трудъ, независимо отъ дивиденда по § 52. Имѣя затѣмъ въ виду, что мѣсто Воробьева было продано артелью 30 ноября 1907 г., слѣдуетъ придти къ заключенію, что дивидендъ причитается ему съ 1 октября 1906 г. по 30 ноября 1907 г., т. е. за 13 мѣсяцевъ 29 дней, что изъ разсчета 40 р. въ мѣсяцъ, указаннаго самимъ отвѣтчикомъ, составитъ 558 р. 67 коп. Засимъ % на эту сумму, вопреки заявленію повѣреннаго Коробова, подлежатъ присужденію по общему правилу лишь со дня иска, т. е. съ 3 мая 1908 г. По приведеннымъ соображеніямъ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: въ измѣненіе рѣшенія Коммерческаго Суда взыскать съ торгово-промышленной артели въ пользу Коробова 2.558 р. 67 коп. съ процентами на 2.000 р. съ 30 ноября 1907 г. и на 558 р. 67 коп. со дня предъявленія иска (1911 г., № 2024).

220|150. Обязательность для артели распоряженій биржевого комитета. Полноправнымъ артельщикомъ можетъ быть лишь лицо, принимающее участіе въ работахъ артели. Право артели на продажу артельнаго мѣста.

По вопросу о томъ, могъ ли биржевой комитетъ предписать биржевой артели не имѣть въ своей средѣ артельщиками женщинъ, Прав. Сенатъ нашелъ, что за силою ст. 62 правилъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ биржевой комитетъ имѣетъ надзоръ за правильностью дѣйствій всѣхъ биржевыхъ артелей, а потому всѣ его распоряженія, до артели относящіяся, сообщаемыя имъ артелямъ черезъ артельныхъ старостъ словесно или письменно, исполняются артелями въ точности и безпрекословно. Такая безусловная блюстительная власть биржевого комитета надъ артелями не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что вышеозначенное распоряженіе бирж. комитета съ формальной стороны подлежало безпрекословному исполненію со стороны Новогостинодворской артели независимо отъ того, что оно и въ существѣ своемъ представляется вполнѣ правильнымъ и согласнымъ съ сутью и смысломъ общихъ законоположеній объ артеляхъ, ибо

артели, по силѣ ст. 89 Уст. Торг., суть общества работниковъ, составленныя по добровольному условію между собою для отправленія службъ, работъ или промысловъ, силамъ одного человѣка несоразмѣрныхъ, и полноправнымъ владѣльцемъ артельнаго мѣста можетъ быть лишь лицо, принимающее участіе въ работахъ артели, а не внесшее лишь извѣстную сумму въ артельный капиталъ, какъ это, напр., имѣетъ мѣсто въ товариществахъ по участкамъ, въ коихъ отдѣльные товарищи участвуютъ исключительно имуществомъ. Засимъ по вопросу о правѣ артели продать артельное мѣсто Прав. Сенатъ нашелъ, что артельное мѣсто, представляя собою извѣстную имущественную цѣнность, въ качествѣ таковой, при продажѣ наравнѣ со всякимъ другимъ имуществомъ вообще не можетъ быть изъято изъ распоряженія его собственника, какъ это, между прочимъ, установлено и въ § 26 артельныхъ правилъ, согласно коему артельщику предоставлено право выхода изъ артели и продажи своего мѣста другому лицу за условленную между ними плату. Но вмѣстѣ съ тѣмъ самое содержаніе и сущность артельнаго договора съ необходимостью приводятъ къ ограниченію означеннаго права распоряженія выходящимъ артельщикомъ своимъ мѣстомъ, такъ какъ выборъ покупателя не предоставленъ усмотрѣнію продавца, а усмотрѣнію артели, и зависитъ отъ согласія ея принять покупателя въ свою среду, причемъ въ § 28 артельныхъ правилъ, установляющемъ это начало, прямо сказано, что при несогласіи артели на принятіе явившагося покупателя, сама артель ставитъ отъ себя новаго артельщика, которому продаетъ мѣсто выбывающаго съ выдачею послѣднему вырученной отъ продажи мѣста суммы. Но если, такимъ образомъ, артель вправѣ сама продать мѣсто лицу по своему выбору въ случаѣ несогласія на принятіе покупщика, представленнаго выбывающимъ артельщикомъ, то равнымъ образомъ такое право должно быть признано за артелью и въ томъ случаѣ, когда съ одной стороны необходимость передачи мѣста отъ его собственника другому полноправному артельщику установлена обязательнымъ предписаніемъ бирж. комитета, а съ другой стороны лицо, владѣющее мѣстомъ, вопреки означенному предписанію, съ своей стороны, несмотря на сдѣланное ему артелью заявленіе о передачѣ мѣста, вовсе не представляетъ на усмотрѣніе артели желающихъ пріобрѣсти мѣсто лицъ. При такихъ обстоятельствахъ приговоръ артели о продажѣ мѣста, безъ участія артельщика, не можетъ почитаться противнымъ правиламъ артели (1897 г., № 302).

221|151. Владѣльцемъ артельнаго мѣста можетъ быть только лицо, непосредственно въ работахъ артели участвующее и лично артели извѣстное какъ членъ ея. Владѣніе артельнымъ мѣстомъ не можетъ быть приравнено владѣнію паемъ въ товариществѣ.

Обращаясь къ обсужденію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ считаетъ необходимымъ остановиться на слѣдующихъ общихъ соображеніяхъ: по закону (ст. 89 Уст. Торг.) артелями вообще называются общества работниковъ, по добровольному между собою условію составленныя для отправленія службъ, работъ, или промысловъ, силамъ одного человѣка несоразмѣрныхъ; биржевыя артели состоятъ изъ настоящихъ артельщиковъ, новиковъ и мальчиковъ (ст. 93); желающій быть въ артели вноситъ за вступленіе въ оную опредѣленный вкупъ деньгами; а по неимѣнію оныхъ, сей вкупъ удерживается у него ежегодно изъ вырабатываемой платы, при дѣлежѣ изъ общаго дувана (ст. 94), причемъ вступившій въ артель безъ взноса вкупной суммы впредь до заработка ея считается новикомъ или мальчикомъ (ст. 95); затѣмъ, каждый вступившій въ артель даетъ старостѣ подписку въ томъ, что право артели пріемлетъ и обязывается повиноваться общимъ ея правиламъ (ст. 96), наконецъ въ каждой артели всѣ другъ за друга должны быть порукою и за утраченное и поврежденное отвѣтствовать (ст. 97). Сопоставленіе приведенныхъ законоположеній показываетъ, что въ артельныхъ товариществахъ весьма существенное значеніе имѣетъ личный элементъ: артели составляются взаимнымъ соглашеніемъ артельщиковъ, участіе въ заработкѣ обусловлено главнымъ образомъ участіемъ въ работѣ, подписка дается каждымъ артельщикомъ лично, наконецъ, начало круговой поруки необходимо связано съ правомъ артели принимать и исключать своихъ членовъ, смотря по ихъ благонадежности, по своему усмотрѣнію, какъ это установлено, между прочимъ, болѣе подробно правилами для биржевыхъ артелей въ Москвѣ, а равно постоянно признавалось и судебною практикою. Изъ изложеннаго вытекаетъ, что владѣльцемъ артельнаго мѣста, т. е. полноправнымъ артельщикомъ, можетъ быть признано лишь такое лицо, которое участвуетъ въ артельномъ договорѣ, извѣстно артели (а не нѣкоторымъ лишь артельщикамъ), какъ членъ ея, состоитъ таковымъ съ согласія артели и принимаетъ участіе въ работахъ артели, и притомъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ особыхъ случаевъ, лично, а не чрезъ посредство наемнаго работника; владѣніе артельнымъ мѣстомъ именно въ виду присущаго артельному договору личнаго элемента, не можетъ быть приравнено владѣнію паемъ въ товариществѣ по участкамъ, связанному исключительно съ имуществомъ и притомъ съ имуществомъ совершенно обособленнымъ въ имуществѣ даннаго товарищества; владѣлецъ пая можетъ быть и неизвѣстенъ своимъ товарищамъ, владѣлецъ же артельнаго мѣста, артельщикъ, по необходимости, по самому существу артельнаго договора, всегда долженъ быть извѣстенъ артели, какъ ея членъ. Засимъ, хотя и возможны чисто имущественныя отношенія посторонняго лица къ той цѣнности, которую представляетъ артельное мѣсто, однако, они не имѣютъ ничего общаго съ артельнымъ договоромъ, не дѣлаютъ это лицо артельщикомъ и не создаютъ сами по себѣ никакихъ правоотношеній сего лица къ артели, какъ таковой, а засимъ не производятъ и права этого посторонняго

лица простирать къ артели какія-либо требованія по поводу распоряженій артели даннымъ мѣстомъ въ предѣлахъ предоставленной ей закономъ и артельными правилами власти. Переходя отъ сихъ общихъ соображеній къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что по объясненіямъ самого истца, Ивана Дмитріева, онъ уже съ 1868 г. не участвовалъ въ работахъ Шестовской биржевой артели ни лично, ни чрезъ наемнаго работника, а артельное мѣсто за № 29 отдавалъ въ арендное содержаніе за извѣстную плату сначала Сапожникову, затѣмъ Петру Березину и, наконецъ, согласно договору 1 апрѣля 1883 г., Леонтію Березину. Состоялъ ли послѣ 1868 г. и до 1883 г. заявляющій себя собственникомъ артельнаго мѣста за № 29, Иванъ Дмитріевъ, дѣйствительно полноправнымъ артельщикомъ Шестовской биржевой артели, изъ дѣла не видно, повѣренный артели отрицаетъ это, а истецъ этого ничѣмъ не доказалъ, напротивъ того, изъ представленнаго имъ же къ дѣлу удостовѣренія Московскаго биржевого комитета видно, что Иванъ Дмитріевъ состоялъ на мѣстѣ за № 29 лишь по 9 ноября 1868 г., но къ кому затѣмъ перешло это мѣсто и въ силу чего изъ дѣла не обнаруживается. Но затѣмъ относительно времени послѣ 1 апрѣля 1883 г. самъ Иванъ Дмитріевъ въ объясненіяхъ своихъ предъ Ком. Судомъ не отрицалъ, что формально мѣсто за № 29 перешло на имя Леонтія Березина; хотя повѣренный Дмитріева первоначально объяснялъ это злоупотребленіемъ со стороны Березина, который якобы выманилъ у Ивана Дмитріева квитанцію на это мѣсто и переписалъ ее самовольно на свое имя, однако, самъ Иванъ Дмитріевъ, повидимому, отказался отъ сего заявленія своего повѣреннаго, объяснивъ формальную передачу мѣста Березину желаніемъ избѣгнуть платежа 50 руб. въ пользу артели; наконецъ, неосновательность заявленія истца о перепискѣ мѣста на имя Л. Березина безъ согласія Ивана Дмитріева съ несомнѣнностью обнаруживается изъ надписи Леонтія Березина на представленномъ къ дѣлу договорѣ Ивана Дмитріева и Л. Березина по поводу мѣста за № 29, изъ коей видно, что стороны съ самаго начала имѣли въ виду формальную передачу сего мѣста Березину съ выдачей билета на оное, именно на его, Березина, имя. Такимъ образомъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что съ момента заключенія договора 1 апрѣля 1883 г. съ Леонтіемъ Березинымъ Иванъ Дмитріевъ по взаимному съ Березинымъ согласію формально вышелъ изъ числа членовъ Шестовской биржевой артели и на мѣсто его за № 29 поступилъ уже Леонтій Березинъ, который въ свою очередь, какъ это видно изъ выданнаго артелью на его имя билета отъ 1 января 1884 года, былъ принятъ артелью въ число ея членовъ на мѣсто № 29. При такомъ положеніи дѣла Московскій Ком. Судъ вполнѣ правильно отказалъ въ допросѣ свидѣтелей какъ въ подтвержденіе того, что владѣльцемъ мѣста за № 29 до декабря 1885 г. состоялъ Дмитріевъ,—ибо противоположное доказано по дѣлу письменными документами,—такъ и въ подтвержденіе того, что въ

Шестовской биржевой артели состоитъ не мало арендаторовъ артельныхъ мѣстъ,—ибо это обстоятельство, само по себѣ, не имѣетъ значенія при разрѣшеніи настоящаго дѣла. Въ виду всего изложеннаго Прав. Сенатъ находитъ, что Иванъ Дмитріевъ, какъ лицо постороннее, несостоящее артельщикомъ на мѣстѣ № 29, не вправѣ простирать къ Шестовской биржевой артели какія-либо требованія по поводу продажи мѣста № 29 и что засимъ рѣшеніе Московскаго Ком. Суда объ отказѣ въ искѣ Дмитріева къ артели отмѣнѣ не подлежитъ; буде же Дмитріевъ, уступая мѣсто за № 29 Березину, не получилъ отъ послѣдняго за это полнаго вознагражденія и впослѣдствіи, по причинѣ злоупотребленій Березина, какъ артельщика, отъ продажи мѣста за № 29 понесъ какіе-либо убытки, то съ притязаніями по сему предмету могъ бы обратиться лишь къ Березину, съ котораго ему и присуждена Ком. Судомъ стоимость артельнаго мѣста въ опредѣленной самимъ Дмитріевымъ суммѣ 3.700 руб. По всѣмъ симъ основаніямъ и имѣя, кромѣ того, въ виду, что сдѣланныя при производствѣ настоящаго дѣла со стороны истца заявленія о существованіи въ Шестовской биржевой артели незаконнаго порядка владѣнія нѣкоторыми лицами артельными мѣстами, не опровергнутыя со стороны артели, а равно то обнаруживающееся изъ дѣла обстоятельство, что по именной книгѣ Шестовской биржевой артели, согласно удостовѣренія Московскаго биржевого комитета отъ 16 октября 1883 г. на мѣстѣ № 29 съ 9 ноября 1868 г. значится крестьянинъ Григорій Никитинъ, а между тѣмъ на это же мѣсто артелью 1 января 1884 г. выданъ былъ билетъ на имя Леонтія Березина, причемъ данныя Никитинымъ и Березинымъ артели 1 января 1884 г. подписки показываютъ, что Никитинъ значится неправильно артельщикомъ,—указываютъ на необходимость провѣрки внутренняго порядка въ сказанной артели и болѣе строгаго надъ онымъ контроля со стороны Московскаго биржевого комитета, какъ того мѣста, которое согласно § 62 правилъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ имѣетъ надзоръ за правильностью дѣйствій всѣхъ биржевыхъ артелей,—Прав. Сенатъ рѣшеніе Московскаго Ком. Суда оставилъ въ силѣ (1893 г., № 480, тоже: 1908 г., № 2003; 1909 г., № 1483).

222. Отвѣтственность имущества умершаго артельщика за убытки, причиненные артели довѣреннымъ артельщика.

Обсудивъ обстоятельства дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что разрѣшенію его подлежитъ вопросъ о томъ, является ли опека Семена Чибисова отвѣтственною предъ Богоявленской биржевой артелью за убытки, понесенные ею вслѣдствіе растраты, совершенной довѣреннымъ Чибисова, Анисимовымъ—Коммерческій Судъ разрѣшилъ означенный вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ на томъ основаніи, что ко времени обнаруженія недочета въ кассѣ Русскаго О-ва „Шуккертъ и К°“ Анисимовъ состоялъ довѣреннымъ не Чибисова, а самой

артели, вслѣдствіе чего судомъ отказано во встрѣчномъ ея искѣ. Съ своей стороны повѣренный артели, въ принесенной имъ апелляціонной жалобѣ, домогаясь присужденія иска, объясняетъ, что ни истеченіе срока заключеннаго между Анисимовымъ и Чибисовымъ договора найма, ни смерть Чибисова не могли повести къ освобожденію его имущества отъ отвѣтственности предъ артелью за дѣйствія Анисимова, такъ какъ артель имѣла отношенія только къ Чибисову и даже послѣ его смерти продолжала начислять дивидендъ на его пай. По этому поводу Правительствующій Сенатъ считаетъ прежде всего необходимымъ замѣтить что условіе между Семеномъ Чибисовымъ и Анисимовымъ было заключено срокомъ по 7 іюня 1903 г., но послѣ наступленія означеннаго срока Чибисовъ не принялъ лично на себя исполненія обязанностей артельщика, а также не поставилъ на свое мѣсто другое лицо, взамѣнъ Анисимова, изъ чего слѣдуетъ заключить, что стороны—словесною сдѣлкою, или молчаливымъ соглашеніемъ—продлили на неопредѣленное время дѣйствіе вышеозначеннаго условія. При такомъ положеніи вещей истеченіе назначеннаго по первоначальному договору срока не могло повести къ освобожденію Чибисова отъ отвѣтственности за дѣйствія Анисимова. Не могла имѣть такого значенія и смерть Чибисова. По справедливому указанію апеллятора, отношенія Чибисова и Анисимова нельзя уподобить отношенію повѣреннаго къ довѣрителю. Въ виду присущаго имъ торговаго характера ихъ нельзя подвести всецѣло и подъ постановленія законовъ гражданскихъ о личномъ наймѣ, а представляется наиболѣе правильнымъ примѣнить къ нимъ нормы торговаго законодательства о приказчикахъ. Между тѣмъ Правительствующимъ Сенатомъ было разъяснено, что смертью хозяина договоръ найма приказчика не прекращается (24 апрѣля 1904 г., № 902). Да и по существу лежащихъ на Анисимовѣ обязанностей нельзя даже допустить, чтобы онъ въ виду самаго факта смерти Чибисова долженъ былъ бросить ввѣренное ему дѣло, не дождавшись замѣны его другимъ лицомъ. Совсѣмъ иное значеніе имѣло послѣдовавшее со стороны родственниковъ умершаго Чибисова требованіе объ устраненіи Анисимова; послѣ такого заявленія артель могла оставить Анисимова на занимаемомъ имъ мѣстѣ только на свой страхъ. Значеніе указаннаго обстоятельства не опровергается и повѣреннымъ артели, который по этому поводу утверждаетъ только, что заявленіе объ удаленіи Анисимова исходило не отъ законныхъ правопреемниковъ Чибисова. Означенное возраженіе нельзя однако признать убѣдительнымъ. Какъ видно изъ дѣла, наслѣдниками Чибисова являлись его несовершеннолѣтніе дѣти, надъ которыми впослѣдствіи была учреждена опека. До того, однако, времени, когда состоялось назначеніе опекуна, ближайшіе родственники малолѣтнихъ по необходимости фактически несли естественную обязанность охранять интересы малолѣтнихъ и принятыя ими въ семъ отношеніи мѣры отнюдь нельзя считать лишенными всякаго значенія. Такимъ образомъ надлежитъ придти къ заключенію, что наслѣдники Чибисова постольку могутъ считаться отвѣт-

ственными за недочетъ въ ввѣренной Анисимову кассѣ, поскольку послѣдній образовался ранѣе предъявленія ими артели требованія объ удаленіи Анисимова, такъ какъ съ этого времени артель должна была особенно внимательно отнестись къ факту недовѣрія къ Анисимову и если тѣмъ не менѣе допускала его къ занятіямъ артельщика, то могла сдѣлать это лишь на свой рискъ и страхъ. Имѣющіяся въ дѣлѣ свѣдѣнія о времени устраненія Анисимова требуютъ такимъ образомъ обзора и обсужденія. Спрошенный въ качествѣ свидѣтеля управляющій Московскою конторою Шуккертъ, Бедрутъ, показалъ въ Коммерческомъ Судѣ, что по словамъ Анисимова послѣдній присваивалъ ввѣренныя ему суммы въ теченіи болѣе трехъ лѣтъ службы; но не только показаніе это даетъ основаніе признать, что вся растрата была совершена Анисимовымъ ранѣе 18 февраля 1904 г., а напротивъ того, удостовѣренный Бедрутомъ фактъ позаимствованія Анисимовымъ 200 р. изъ кассы наканунѣ обнаруженія растраты (23 февраля) свидѣтельствуетъ, что злоупотребленія его продолжались и послѣ того, какъ родственники Чибисова потребовали его удаленія. Внѣ спора стоитъ лишь тотъ удостовѣренный отношеніемъ Русскаго Общества „Шуккертъ и К°“ отъ 1 ноября 1904 г. фактъ, что Анисимовъ присвоилъ себѣ 1944 р. 41 коп., полученные имъ 28 іюля 1903 г. отъ товарищества Тверской мануфактуры и 937 р. 84 к., поступившіе къ нему 23 декабря 1903 г. отъ Компаніи В. Говарда. Признавая соотвѣтственно сему встрѣчный искъ доказаннымъ въ суммѣ 2882 р. 25 коп., Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: въ измѣненіе рѣшительнаго опредѣленія Московскаго Коммерческаго Суда отъ 10 января 1905 г., взыскать съ опеки надъ имуществомъ и малолѣтними дѣтьми Семена Михайлова Чибисова въ пользу Богоявленской биржевой артели по встрѣчному иску послѣдней 2802 р. 25 к., а въ остальномъ обжалованное опредѣленіе оставить въ силѣ (1910 г., № 24).

223. Обращеніе взысканія штрафа на артельное мѣсто артельщика за такія дѣйствія его довѣреннаго, которыя учинены послѣ смерти артельщика, представляется неправильнымъ, такъ какъ со смертью артельщика довѣренность утратила свою силу (ст. 2238 т. X ч. I Св. Зак.). Исходя изъ этихъ соображеній Правительствующій Сенатъ призналъ, что *наслѣдники артельщика не несутъ имущественной отвѣтственности за дѣйствія довѣреннаго, учиненныя послѣ смерти артельщика* (1911 г., № 522, д. Леонтьевой).

224|**152**. Хотя уставъ артельный (§ 26 уст. Моск. бирж. арт.) и предоставляетъ артельщику право продажи своего мѣста, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ не содержится никакихъ указаній на то, чтобы артельщикамъ воспрещалось по взаимному согласію, буде признаютъ то необходимымъ, отъ такого своего права на время или условно отказаться. Напротивъ того, такое соглашеніе, будучи облечено въ форму законно составленнаго артельнаго приго-

вора, должно быть признано имѣющимъ полную силу на основаніи ст. 91 Уст. Торг., согласно коей, порядокъ внутренняго управленія артелей опредѣляется, между прочимъ, артельными условіями, принятыми по добровольному согласію ея членовъ (1893 г., № 682). Ср. также №№ 197 и 199.

225 | 153. Законно постановленный артелью за время бытности даннаго лица артельщикомъ приговоръ о порядкѣ и размѣрѣ удовлетворенія выбывающаго артельщика за мѣсто, безусловно для него обязателенъ, и, исключенный впослѣдствіи изъ артели, онъ можетъ требовать себѣ удовлетворенія лишь во всемъ согласно съ такимъ приговоромъ.

Приступая къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что Рыжкинъ, вступая въ Ростовскую на Дону биржевую артель, какъ это значится въ текстѣ самой выданной ему 25 января 1887 г. квитанціи, а равно и въ данной имъ уже въ мартѣ 1886 г. конторѣ артели подпискѣ за № 24, обязался подчиняться всѣмъ постановленіямъ и приговорамъ артельнаго собранія; въ виду сего для Рыжкина безусловно обязателенъ, между прочимъ, и приговоръ артельнаго собранія отъ 9 октября 1889 г., какъ состоявшійся за время послѣ вступленія Рыжкина въ артель и до исключенія его изъ оной по приговору 11 ноября 1890 г. и притомъ со стороны Рыжкина не оспоренный въ отношеніи правильности его составленія, тѣмъ болѣе, что приговоръ отъ 9 октября 1889 г., какъ обнаруживается изъ представленнаго въ Прав. Сенатъ при дополнительномъ прошеніи повѣреннаго артели подлинника его, подписанъ самимъ истцомъ, участвовавшимъ такимъ образомъ даже въ его составленіи. Приговоромъ 9 октября 1889 г. между тѣмъ установленъ подробно тотъ порядокъ, въ которомъ артельщики, выходящіе изъ артели добровольно или по приговорамъ артели, получаютъ вознагражденіе за принадлежащія имъ мѣста, а равно и размѣръ сего вознагражденія. Въ виду сего всякое требованіе вышедшаго изъ артели согласно приговора ея отъ 11 ноября 1890 г. Рыжкина о вознагражденіи за принадлежавшее ему мѣсто № 38 можетъ подлежать удовлетворенію не иначе, какъ въ порядкѣ и въ размѣрѣ, установленныхъ приговоромъ 9 октября 1889 г. Посему и принимая во вниманіе: 1) что по означенному приговору выходящій артельщикъ обязанъ сдѣлать заявленіе о внесеніи его въ очередной списокъ продажи мѣстъ и засимъ получаетъ по продажѣ его мѣста по очереди 900 руб. (за неподачу такого заявленія опредѣленъ штрафъ въ 25 руб. ежемѣсячно); желающій получить деньги за мѣсто внѣ очереди получаетъ лишь 700 руб. и притомъ съ разрѣшенія артельнаго собранія, или же долженъ самъ привести въ контору артели покупателя

на свое мѣсто; 2) что истецъ Рыжкинъ не только ничѣмъ не доказалъ, но даже и не утверждаетъ, чтобы онъ записался своевременно въ очередь продажи мѣстъ, или получилъ согласіе артельнаго собранія на вознагражденіе за мѣсто № 38 внѣ очереди, или привелъ въ контору артели покупателя на это мѣсто (ибо онъ лишь голословно заявляетъ, что нашелъ покупателя, который впослѣдствіи отъ покупки отказался), а требуетъ настоящимъ искомъ уничтоженія квитанціи № 38 и уплаты 1.300 руб. за мѣсто, разсчитывая притомъ означенную сумму, на основаніи приговора артели 24 ноября 1890 г., состоявшагося между тѣмъ уже послѣ исключенія Рыжкина и засимъ, очевидно не могущаго имѣть обратной силы и примѣненія къ вознагражденію Рыжкина за мѣсто № 38,—Прав. Сенатъ приходитъ къ заключенію: 1) что первое исковое требованіе Рыжкина о признаніи отношеній его, какъ артельщика, къ Ростовской на Дону биржевой артели нынѣ прекращенными не требуетъ уже разрѣшенія, ибо изъ дѣла видно, что по приговору 11 ноября 1890 г. Рыжкинъ изъ артели исключенъ и засимъ съ сего времени его отношенія, какъ артельщика къ артели прекратились, причемъ возбужденный сторонами въ семъ дѣлѣ въ Ком. Судѣ вопросъ объ имущественной отвѣтственности Рыжкина по разнымъ предъявленнымъ къ артели искамъ,—вопросъ разбираемый и въ апелляціонной жалобѣ, объясненіи на оную и дополнительномъ прошеніи повѣреннаго артели,—вовсе не подлежитъ нынѣ обсужденію, какъ выходящій за предѣлы первоначальнаго иска и не бывшій предметомъ какого-либо встрѣчнаго требованія; 2) что второе исковое требованіе Рыжкина о взысканіи съ артели 1300 р. съ % со дня предъявленія иска, какъ несогласное съ постановленіями артельнаго приговора 9 октября 1889 г., не можетъ подлежать удовлетворенію, причемъ отъ Рыжкина зависитъ объ удовлетвореніи его за мѣсто № 38 въ порядкѣ и размѣрѣ, установленныхъ помянутымъ приговоромъ, обратиться съ требованіемъ по принадлежности отъ дѣла сего особо. На основаніи всего изложеннаго, Прав. Сенатъ, въ отмѣну обжалованнаго рѣшенія Таганрогскаго Ком. Суда, призналъ мѣщанина Владиміра Рыжкина несостоящимъ артельщикомъ Ростовской на Дону биржевой артели съ 11 ноября 1890 г. и въ искѣ Рыжкина съ артели 1.300 руб. съ % со дня предъявленія иска отказалъ (1892 г., № 1361).

226|154. Согласіе на принятіе новаго артельщика должно быть выражено въ письменномъ приговорѣ артели, иначе артель можетъ продать мѣсто новому артельщику; причитающійся на артельное мѣсто дивидендъ представляетъ изъ себя не только вознагражденіе за трудъ артельщика, но и доходъ отъ капитала, выражающагося въ стоимости артельнаго мѣста, почему собственникъ его вправѣ требовать уплаты этого дивиденда, хотя бы самъ лично въ работахъ артели и не участвовалъ (29 сент. 1888 г., № 1345). Въ другихъ опредѣленіяхъ Прав. Сенатъ призналъ, что право на дивидендъ принадлежитъ лишь

тому артельщику, который принималъ лично или чрезъ замѣстителя участіе въ артельныхъ работахъ (1890 г., № 1607; 1902 г., № 1001 и др.).

227|155. Артельное мѣсто.

Въ принесенной Правительствующему Сенату апелляціонной жалобѣ повѣренный крестьянина Уткина оспариваетъ правильность рѣшенія Московскаго Коммерческаго Суда отъ 10 августа 1899 г., коимъ искъ Уткина къ Посольской биржевой артели въ Москвѣ и къ С.-Петербургской компаніи „Надежда“ въ суммѣ 3.300 рублей за проданное артелью артельное мѣсто за № 43 признанъ не подлежащимъ удовлетворенію. Въ основаніе своего спора апелляторъ приводитъ то соображеніе, что мѣсто за № 43, проданное артелью за злоупотребленія артельщика Исаева, никогда сему послѣднему не принадлежало, а составляло собственность Уткина, въ виду чего вырученная отъ продажи артельнаго мѣста сумма подлежитъ возвращенію Уткину, причемъ отвѣтственными лицами по иску Уткина являются, какъ артель, незаконно распорядившаяся его имуществомъ, такъ и компанія „Надежда“, неправильно получившая принадлежащія ему, Уткину, деньги. Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ обращеніе даннаго иска Уткина къ компаніи „Надежда“ лишеннымъ всякаго юридическаго основанія. Какъ видно изъ объясненій сторонъ, компанія „Надежда“ не состояла, по предмету, котораго касается данный искъ, ни въ какихъ правоотношеніяхъ съ Уткинымъ, а приняла къ себѣ на службу Исаева въ качествѣ артельщика Посольской биржевой артели, опредѣливъ условія найма по соглашенію съ артелью безъ всякаго участія въ этомъ соглашеніи Уткина. Поэтому для компаніи „Надежда“ было совершенно безразлично, кому въ дѣйствительности принадлежало артельное мѣсто за № 43 и, сообразно съ тѣмъ, фактъ уплаты артелью компаніи извѣстной суммы, полученной артелью путемъ продажи артельнаго мѣста за № 43, не можетъ создать для Уткина права требовать отъ компаніи возврата уплаченныхъ артелью денегъ. Этотъ выводъ не можетъ быть поколебленъ указаніемъ апеллятора на то, что компанія давала Исаеву порученія, выходящія изъ границъ обязанностей артельщика и что она поэтому сама и должна отвѣчать за послѣдствія совершенныхъ имъ при исполненіи этихъ обязанностей злоупотребленій, ибо вопросъ о томъ, имѣла ли компанія право претендовать на вознагражденіе, касается исключительно разсчетовъ компаніи съ артелью, къ каковымъ разсчетамъ Уткинъ, какъ третье лицо въ договорѣ не участвовавшее, никакого отношенія не имѣетъ, почему, какъ допросъ свидѣтеля Левина въ подтвержденіе того, что недостача принадлежащихъ компаніи денегъ произошла не вслѣдствіе кредита, который Исаевъ оказывалъ кліентамъ съ согласія компаніи, такъ и осмотръ книгъ компаніи являются безцѣльными, а соотвѣтствующія ходатайства апеллятора не подлежащими удовлетворенію. Признавая, такимъ образомъ, что Московскій

Коммерческій Судъ правильно отказалъ Уткину въ искѣ къ компаніи „Надежда“ и переходя къ разсмотрѣнію вопроса о правильности иска Уткина по отношенію къ артели, Правительствующій Сенатъ находитъ, что по смыслу законоположеній, опредѣляющихъ существо и значеніе артельнаго договора (ст. 89, 94, 96 и 97 Уст. Торг.), *владѣльцемъ артельнаго мѣста можетъ быть признанъ, въ силу лежащаго въ основаніи артельнаго договора личнаго элемента,—лишь такое лицо, которое участвуетъ въ артельномъ договорѣ и извѣстно артели какъ дѣйствительный фактическій членъ ея*, состоящій таковымъ съ согласія артели и принимающій участіе въ работахъ лично, а не чрезъ посредство наемнаго работника; затѣмъ, на основаніи имѣющагося при дѣлѣ циркуляра биржевого комитета отъ 12 января 1891 года, который долженъ былъ быть извѣстенъ Уткину, какъ состоявшему въ дѣловыхъ отношеніяхъ съ артелью и какъ видно изъ словесныхъ объясненій его повѣреннаго въ засѣданіи Правительствующаго Сената, дѣйствительно былъ ему хорошо извѣстенъ, нельзя безъ явнаго нарушенія требованій этого циркуляра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постановленій 94 и 97 ст. Уст. Торг. и сущности артельныхъ правилъ, состоять лишь негласнымъ фактическимъ владѣльцемъ артельнаго мѣста, которое по свидѣтельству артели значится на имя другого лица, въ дѣйствительности несущаго обязанности артельщика, такъ какъ это равносильно было бы лишенію артели дѣйствительнаго обезпеченія ея на случай причиненія такимъ ставленникомъ негласнаго артельщика убытковъ, падающихъ на артель, гарантіей для пополненія коихъ служитъ только цѣнность артельнаго мѣста. Между тѣмъ данный искъ Уткина къ артели всецѣло основанъ на томъ, что хотя по свидѣтельству артели владѣльцемъ артельнаго мѣста значится Исаевъ, но эта запись въ свидѣтельствѣ будто бы лишена всякаго значенія, такъ какъ артели хорошо извѣстно было соглашеніе Уткина съ Исаевымъ о томъ, чтобы Исаевъ состоялъ лишь его довѣреннымъ въ артели и работникомъ, самое же мѣсто принадлежало бы фактически Уткину, а при такихъ условіяхъ именно и должно бы было наступить то совершенно нелегальное и выгодное только для одного Уткина, но совершенно ничѣмъ не гарантирующее артель положеніе, когда она, предоставляя частью Уткину, частью Исаеву всѣ выгоды артельнаго заработка, сама однако на случай проступковъ Исаева, причиняющихъ ей убытки, лишена была бы возможности возмѣстить ихъ по правиламъ своего устава, т. е. путемъ продажи артельнаго мѣста, что конечно допустить невозможно. При такихъ обстоятельствахъ и въ виду имѣющагося при дѣлѣ свидѣтельства, по которому собственникомъ артельнаго мѣста значится именно Исаевъ, который, что безспорно установлено, и состоялъ фактически артельщикомъ Посольской артели, поставленнымъ для работъ по соглашенію съ артелью въ компанію „Надежда“, не представляется никакой надобности въ просимыхъ истцомъ повѣрочныхъ дѣйствіяхъ для установленія того, кому должно

считаться принадлежащимъ это артельное мѣсто по соглашенію Уткина съ Исаевымъ и съ артелью, а затѣмъ, за силою 284 ст. Уст. Суд. Торг. и не можетъ быть допущенъ допросъ свидѣтелей для опроверженія письменнаго акта. Всѣ же права свои, по соглашенію съ Исаевымъ, изложенному въ представленномъ къ дѣлу договорѣ, Уткинъ можетъ въ отношеніи Исаева осуществить отъ дѣла сего особо. Соотвѣтственно сему не имѣютъ въ дѣлѣ рѣшающаго значенія, а слѣдовательно и не нуждаются вовсе въ обсужденіи приведенныя въ апелляціи и при словесныхъ объясненіяхъ въ Правительствующемъ Сенатѣ указанія повѣреннаго Уткина на то, что Исаевъ неправильно поставленъ артелью на должность агента, не соотвѣтствующую званію артельщика, что онъ, Исаевъ, не совершалъ проступка, могущаго влечь за собою въ предѣлахъ компетенціи артели исключеніе его изъ артели и продажу артельнаго мѣста, а лишь взысканіе убытка въ общемъ судебномъ порядкѣ и что часть взысканія, за которое продано мѣсто, уже произведена по суду съ третьихъ лицъ, которымъ Исаевъ открылъ кредитъ въ бытность агентомъ компаніи „Надежда“,—такъ какъ всѣ эти вопросы касаются правъ Исаева, которыя Уткинъ не призванъ защищать, а не самого Уткина, не состоявшаго артельщикомъ Посольской артели. Въ виду всего изложеннаго Правительствующій Сенатъ призналъ правильнымъ и не подлежащимъ отмѣнѣ рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда по настоящему дѣлу (1902 г., № 485).

228|156. Обсужденію въ дѣлѣ подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Московскій Коммерческій Судъ отказалъ крестьянину Ермолаеву въ искѣ его къ Ляминской биржевой артели о признаніи за нимъ права собственности на артельное мѣсто за № 155 и о взысканіи дивиденда. На это рѣшеніе суда повѣреннымъ Ермолаева принесена апелляціонная жалоба, въ которой онъ утверждаетъ, что лишеніе артелью Ермолаева принадлежавшаго послѣднему мѣста за № 155 является незаконнымъ въ виду того, что подобное лишеніе представляло изъ себя недопустимую по закону конфискацію чужого имущества, находящуюся въ полномъ противорѣчіи съ содержащимися въ ст. ст. 420, 690, 691 т. X ч. I постановленіями о правѣ собственности; засимъ онъ признаетъ подлежащимъ взысканію съ артели 700 руб. съ % въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ истцомъ по настоящему дѣлу вслѣдствіе неправильнаго и незаконнаго лишенія его заработка; наконецъ апелляторъ указываетъ на то, что въ случаѣ отнятія отъ истца артельнаго мѣста ему должна была быть выплачена Ляминской биржевой артелью сумма не менѣе стоимости мѣста въ 500 руб., причемъ въ доказательство таковой стоимости артельнаго мѣста онъ ходатайствуетъ передъ Прав. Сенатомъ о допросѣ указанныхъ имъ уже въ Коммерческомъ Судѣ свидѣтелей. Разсмотрѣвъ эту апелляціонную жалобу, Прав. Сенатъ прежде всего

находитъ, что ссылка жалобщика на ст. ст. 420, 690 и 691 X т. I ч. должна быть признана неосновательною въ виду того, что право на артельное мѣсто не соотвѣтствуетъ по своему содержанію тому праву собственности на имущество, которое установлено въ ст. 420 и ограждается ст. ст. 690 и 691; оно не есть даже право собственности въ полномъ смыслѣ, а является правомъ на имущество существенно ограниченнымъ, какъ въ сферѣ пользованія (которое имѣетъ непремѣннымъ условіемъ личный трудъ), такъ и въ сферѣ распоряженія (отчужденіе мѣста). Артель вправѣ не только не принимать желающаго поступить въ ея члены, но и исключить въ извѣстныхъ случаяхъ состоящаго ея членомъ (§§ 38, 39 и 40 правилъ для биржевыхъ артелей въ Москвѣ). Лишь при добровольномъ выходѣ артельщикъ можетъ самъ продать свое мѣсто (§§ 26 и 28) и то лишь въ случаѣ согласія артели на принятіе покупщика мѣста въ свою среду; напротивъ того, при отсутствіи этого согласія и во всѣхъ случаяхъ исключенія артельщика, артель продаетъ мѣсто и выбывшему выдаетъ лишь вырученную стоимость. При такомъ положеніи не можетъ быть и рѣчи о признаніи за истцомъ по настоящему дѣлу права собственности на мѣсто за № 155 послѣ исключенія его изъ артели или о присужденіи ему какого-либо дивиденда за время, когда онъ въ артели не участвовалъ. Засимъ признавая заслуживающимъ вниманія указаніе апеллятора на то, что артель не можетъ безъ вѣдома и согласія на то артельщика оставлять его мѣсто за собою по цѣнѣ, артелью одной установленной, а можетъ только его продать согласно § 28 своего устава,—Прав. Сенатъ находитъ, однако, что по этому поводу, и если истецъ считаетъ, что отчисленная въ его пользу артелью за мѣсто № 155 сумма 2.676 руб. не соотвѣтствуетъ дѣйствительной стоимости мѣста, которая причитается согласно § 38,—истецъ можетъ свои убытки по этому предмету, въ виду того, что они не составляютъ предмета настоящаго иска, отыскивать отъ дѣла сего особо, вслѣдствіе чего заявленное въ апелляціонной жалобѣ ходатайство о допросѣ свидѣтелей по вопросу о стоимости принадлежавшаго его довѣрителю мѣста должно быть отклонено. Что касается до указанія апеллятора на неправильность приговора Ляминской биржевой артели о недопущеніи къ личному участію въ ней его довѣрителя Федора Ермолаева, то этотъ приговоръ, какъ формально правильный (§§ 21 и 22 правилъ) не подлежитъ обжалованію и ревизіи по существу; онъ не выходитъ и за предѣлы власти артельнаго собранія, которому по § 19 принадлежитъ сужденіе между прочимъ о нерадѣніи артельщиковъ въ исполненіи своихъ обязанностей и вообще о всѣхъ дѣйствіяхъ ихъ, нарушающихъ благоустройство и существующій порядокъ въ артели, а между прочимъ и вопросъ о томъ, что артельщикъ Федоръ Ермолаевъ, вопреки § 38, уже съ 1 сентября 1897 г., т. е. въ теченіе болѣе 2 лѣтъ, не работалъ въ артели, послѣ того какъ мѣсто его, занятое его довѣреннымъ, стало вовсе свободнымъ за выбытіемъ упомянутаго довѣреннаго и невозможностью замѣстить

его новымъ довѣреннымъ въ силу запрещенія на то биржевого комитета. Вопросъ о томъ былъ ли тогда дѣйствительно боленъ Ермолаевъ или просто не являлся, хотя могъ работать, не подлежитъ провѣркѣ Прав. Сената по существу, а подлежалъ обсужденію артели, которая могла поступить или по § 37 или по § 38, причемъ нельзя не обратить вниманія на то, что артель ограничилась исключеніемъ неявлявшагося работать артельщика не налагая на него даже никакого штрафа. Въ виду вышеизложеннаго, Прав. Сенатъ опредѣленіе Московскаго Коммерческаго Суда оставилъ въ силѣ (1904 г., № 314).

229|157. Опредѣленіе стоимости артельнаго мѣста.

Повѣренный Знаменской биржевой артели признаетъ неправильною и проситъ отмѣнить главную часть рѣшенія Московскаго Коммерческаго Суда отъ 8 декабря 1903 г., которою по иску крестьянина Семена Иванова присуждено ему съ Знаменской биржевой артели 1700 руб. за принадлежащее Иванову артельное мѣсто № 18. Въ апелляціонной жалобѣ своей повѣренный артели прежде всего указываетъ на то, что Московскій биржевой комитетъ не имѣлъ права отмѣнить приговоръ артели отъ 15 мая 1901 г. объ исключеніи Семена Иванова изъ артели съ оштрафованіемъ на все мѣсто, такъ какъ приговоръ этотъ съ формальной стороны не былъ ни въ чемъ опороченъ и что на приговоры объ исключеніи изъ артели жалобы по существу дѣла не пріемлются за силою § 22 арт. правилъ. Но это возраженіе Правительствующій Сенатъ признаетъ неуважительнымъ по слѣдующимъ основаніямъ: указываемый апелляторомъ § 22 правилъ о биржевыхъ артеляхъ въ Москвѣ не можетъ быть примѣненъ къ настоящему дѣлу, такъ какъ относится къ приговорамъ, постановляемымъ по проступкамъ артельщиковъ, тогда какъ въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о дѣйствіяхъ истца Иванова въ бытность его старостой артели, а по § 89 тѣхъ же артельныхъ правилъ приговоры артели, касающіеся нарушенія артельныхъ правилъ старостами артели, должны быть представляемы на разсмотрѣніе биржевого комитета. То обстоятельство, что въ данномъ случаѣ артель расчленила разсмотрѣніе вопроса о дѣйствіяхъ Иванова и постановила сначала приговоръ объ отрѣшеніи его отъ должности старосты, а затѣмъ второй приговоръ объ исключеніи его изъ артели и оштрафованіи,—не измѣняетъ дѣла и не можетъ служить основаніемъ къ примѣненію § 22 правилъ вмѣсто § 89, такъ какъ изъ дѣла видно, что оба приговора артели касаются однихъ и тѣхъ же дѣйствій Иванова, совершенныхъ имъ въ бытность старостою, а не простымъ артельщикомъ, и слѣдовательно распоряженія артели, какъ учиненныя въ нарушеніе правилъ, представляются неправильными, что и призналъ совершенно основательно биржевой комитетъ. Равнымъ образомъ неосновательно и второе возраженіе апеллятора о томъ, что искъ Иванова не вызванъ будто-бы дѣйствіями артели, которая не

отрицала и не оспариваетъ права Иванова на продажу его артельнаго мѣста, но вовсе не обязана пріобрѣтать это мѣсто и не можетъ быть къ тому понуждаема. Изъ дѣла видно, что артель не только до предъявленія иска не подчинялась постановленію биржевого комитета, отмѣнившаго приговоръ артели объ оштрафованіи Иванова на артельное мѣсто, но и теперь въ апелляціи оспариваетъ правильность постановленія биржевого комитета и отстаиваетъ силу своего приговора, что конечно нарушаетъ права Иванова, почему нельзя не признать, что для предъявленія даннаго иска Ивановъ имѣлъ достаточныя основанія.— Не подлежитъ сомнѣнію, что артель не обязана пріобрѣтать мѣста артельщиковъ, желающихъ ихъ продать, но въ данномъ случаѣ поводомъ для предъявленія Ивановымъ иска къ артели о стоимости мѣста, опредѣляемой имъ въ 1.700 р., служитъ вовсе не то лишь обстоятельство, что мѣсто свое въ артели онъ желаетъ продать и считаетъ артель обязанною этимъ вопросомъ заниматься по поводу его исключенія изъ артели, а совсѣмъ иныя причины, именно то, что артель, опираясь на отстаиваемый ею приговоръ свой отъ 15 мая 1901 г., не признавала безспорнымъ право Иванова продать его мѣсто и не допустила его (какъ это установлено показаніемъ свидѣтеля Тимонина) къ безпрепятственному осуществленію этого права его, для чего онъ, однако, безспорно нуждался въ содѣйствіи артели и такимъ образомъ дѣйствій своихъ артель причинила Иванову убытокъ въ размѣрѣ стоимости его мѣста, каковой убытокъ онъ даннымъ искомъ и отыскиваетъ. Что касается стоимости артельнаго мѣста, то нельзя не согласиться съ правильностью указанія апеллятора на то, что стоимость эта можетъ колебаться и что по дѣлу дѣйствительно не установлено показаніями допрошенныхъ свидѣтелей, что стоимость артельнаго мѣста въ Знаменской артели равняется теперь или равнялась ко дню предъявленія иска 1.700 р. Однако изъ показаній свидѣтелей, допрошенныхъ по дѣлу, видно, что никто изъ нихъ не цѣнилъ этого мѣста ниже 1.000 р. и что цѣны мѣста опредѣлялись различно, а именно: 1.000, 1.600, 1.650 и 1.700 р. Принявъ въ соображеніе эти цѣны и взявъ среднюю цѣну, получится сумма въ 1.487 р. 50 к., до которой и можетъ простираться отыскиваемый и подлежащій присужденію Иванову убытокъ отъ неправильныхъ дѣйствій по отношенію къ нему Знаменской артели. По симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: въ измѣненіе рѣшительнаго опредѣленія Московскаго Коммерческаго Суда по настоящему дѣлу присудить Иванову съ артели тысячу четыреста восемьдесятъ семь р. 50 коп. (1905 г., № 1298).

230|158. Такса вознагражденія *дрягилей* при С.-Петербургскомъ портѣ за исполненіе ими возложенныхъ на нихъ обязанностей при выгрузкѣ товаровъ по установленіи ея заинтересованными лицами, утверждается собраніемъ гласныхъ С.-Петербургской биржи (сб. Вильсона I, № 95).

ДОГОВОРЪ.

231|159. Договоръ можетъ быть признанъ состоявшимся лишь съ того момента, какъ опредѣлилось взаимное на таковой согласіе договаривающихся, обнимающее все содержаніе договора, а не отдѣльныя лишь его условія. Заключеніе сдѣлокъ между отсутствующими.

Изъ дѣла видно, что составляющій предметъ его искъ Меммерта къ Бродскому заключается въ требованіи уплаты 3.000 руб. убытковъ, понесенныхъ истцомъ отъ неисполненія отвѣтчикомъ сдѣлки о куплѣ-продажѣ 3000 пуд. шерсти и опредѣляемыхъ истцомъ въ видѣ разницы между цѣною, по которой эта шерсть была ему продана Бродскимъ, и тою, которая затѣмъ существовала на рынкѣ. Отвѣтчикъ Бродскій правильности этого иска не признаетъ на томъ основаніи, что самая сдѣлка между нимъ и истцомъ объ означенной куплѣ-продажѣ не состоялась и предварительные по поводу ея заключенія переговоры не получили вовсе осуществленія. Обращаясь вслѣдствіе этого спора къ вопросу о самой наличности опредѣленной между сторонами сдѣлки относительно сказанной купли-продажи, Прав. Сенатъ прежде всего находитъ, что, какъ то вытекаетъ изъ понятія о всякомъ договорѣ, словесномъ или письменномъ, и смысла закона (ст. 1528 т. X ч. 1 Зак. Гражд.), договоръ можетъ быть признанъ состоявшимся и съ тѣмъ вмѣстѣ для сторонъ обязательнымъ лишь съ того момента, какъ опредѣлилось взаимное на таковой согласіе договаривающихся, обнимающее при этомъ все содержаніе договора, а не отдѣльныя лишь долженствующія войти въ составъ его условія, сами по себѣ, отдѣльно взятыя не могущія порождать какія-либо права и обязанности. Когда оба договаривающіеся во время вступленія въ данныя договорныя отношенія находятся налицо, согласіе это выражается или словесно окончательнымъ согласіемъ на всю совокупность составляющихъ предметъ сдѣлки условій, или подписями обѣихъ сторонъ на договорѣ, который и въ томъ и другомъ случаѣ съ этого момента, т. е. съ момента окончательнаго выраженія и опредѣленія воли обоихъ договорившихся по всѣмъ предметамъ сдѣлки и дѣлается для нихъ обязательнымъ и является для нихъ источникомъ разныхъ правъ и обязанностей. Когда же согласіе на вступленіе въ данную сдѣлку не можетъ быть выражено сторонами одновременно, при заключеніи сдѣлокъ между отсутствующими, посредствомъ переписки, въ формѣ письменнаго предложенія и отвѣтнаго письменнаго принятія такового, взаимное согласіе на эту сдѣлку сторонъ можетъ почитаться опредѣленно выраженнымъ лишь съ момента полученія предложившимъ отвѣтнаго согласія на всѣ предложенныя, долженствующія

создать сдѣлку условія и при томъ необходимо въ томъ именно видѣ, въ какомъ они были предложены, такъ что вполнѣ согласные между собою по содержанію письменные предложенія и отвѣтъ, подписанные каждое однимъ изъ договорившихся и представляютъ собою оформленный такимъ образомъ договоръ. Изъ изложеннаго вытекаетъ, что каждый изъ вступающихъ въ данную сдѣлку можетъ быть признанъ въ чемъ-либо по таковой предъ другимъ обязавшимся лишь съ момента воспослѣдованія указанными выше способами взаимнаго согласія, до этого же момента, т. е. до того момента, когда сдѣлка можетъ почитаться состоявшеюся, договаривающіеся, очевидно, вправѣ не только ставить новыя условія, но видоизмѣнять ранѣе указанныя ими же условія, или вовсе отъ таковыхъ отказаться. Обращаясь съ точки зрѣнія этихъ положеній къ разсмотрѣнію обстоятельствъ настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что въ доказательство наличности между Меммертомъ и Бродскимъ сдѣлки о куплѣ-продажѣ 3000 пуд. шерсти, нарушеніе каковой сдѣлки послѣднимъ является основаніемъ составляющаго предметъ дѣла иска, истецъ Меммертъ ссылается на слѣдующую ихъ между собою переписку: письмомъ 1 мая 1893 г. Меммертъ обратился къ Бродскому съ просьбою: „сообщить ему телеграммою продана ли уже предложенная ему Бродскимъ партія цигейской метисъ и грометисъ шерсти 2500 пуд., если не продана назначить рѣшительную цѣну и слово на 4 дня“; на это отъ Бродскаго 5 того же мая была телеграмма „согласенъ 4 дня 3000 пуд. прежней цѣны кондиціи“. 8 мая Меммертъ телеграфировалъ: „Вашу шерсть продалъ, пріѣзжайте сдѣлать условіе“, каковую телеграмму подтвердилъ письмомъ отъ того же числа. Нарушеніе же со стороны Бродскаго этой сдѣлки Меммертъ усматриваетъ въ томъ, что Бродскій, пріѣхавъ затѣмъ 12 мая въ Одессу, при непосредственныхъ переговорахъ отказался отъ совершенія условія, не соглашаясь на прежнюю цѣну, указанную имъ же въ телеграммѣ отъ 5 мая, т. е. на цѣну, по которой имъ была предложена Меммерту та же шерсть въ февралѣ 1893 г.—9 руб. 25 к., требуя большей—9 руб. 50 к.; по объясненію же Бродскаго отказъ его отъ заключенія сдѣлки послѣдовалъ отъ того, что Меммертъ не желалъ платить задатка до сдачи шерсти въ размѣрѣ 3 руб. на пудъ, каковое условіе заявлялось имъ, Бродскимъ, и при переговорахъ, происходившихъ въ февралѣ мѣсяцѣ. Изъ изложенныхъ обстоятельствъ такимъ образомъ оказывается, что перепискою сторонъ съ точностью обозначился лишь предметъ предстоящей сдѣлки, относительно же стоимости его имѣется лишь ссылка на прежніе переговоры и кромѣ того указаніе на вполнѣ невыясненныя „кондиціи“. Кромѣ того въ перепискѣ не имѣется никакихъ указаній на столь существенныя условія сдѣлки, какъ срокъ и мѣсто сдачи товара (представленный истцомъ, подписанный нѣкіимъ Шейнбергомъ документъ, названный имъ письмомъ, по самому свойству своему, очевидно, никакого значенія имѣть не можетъ) и способъ самаго разсчета, именно и возбуждающій въ настоящее время споръ.

При такихъ же условіяхъ представленная истцомъ переписка, въ виду изложенныхъ выше соображеній, несомнѣнно не можетъ быть признана окончательно установившею тѣ или другія права договорившихся. Что это именно такъ понималось въ то время и самимъ истцомъ, доказательствомъ служитъ послѣднее звено въ указанной перепискѣ—телеграмма и письмо Меммерта отъ 8 мая, которое заканчивается: „пріѣзжайте дѣлать условіе, телеграфируйте когда пріѣдете". Если бы стороны дѣйствительно, какъ нынѣ утверждаетъ истецъ, почитали сдѣлку вполнѣ осуществившеюся и законченною, то о необходимости дѣлать какія-либо еще условія не могло быть и рѣчи. Признавая въ виду сего, что въ предѣлахъ вышеприведенной переписки сторонъ сдѣлка о куплѣ-продажѣ шерсти не можетъ быть сочтена между ними состоявшеюся къ 12 мая 1893 г., когда Бродскій, согласно телеграммѣ и письму Меммерта отъ 8 мая, какъ заявляетъ послѣдній, пріѣхалъ въ Одессу „дѣлать условіе", и что посему разъ стороны въ этихъ условіяхъ, долженствующихъ въ виду всего вышеизложеннаго именно оформить и закончить самую сдѣлку, не сошлись, то обстоятельство это за нарушеніе сдѣлки, еще несостоявшейся, сочтено быть не можетъ, и принимая во вниманіе, что разрѣшеніе спора сторонъ относительно причинъ, вслѣдствіе которыхъ 12 мая 1893 г. не послѣдовало между ними окончательнаго соглашенія, до воспослѣдованія котораго, какъ указано выше, каждая изъ сторонъ могла отъ сдѣлки отступиться, не можетъ имѣть въ настоящемъ дѣлѣ значенія, такъ какъ основаніемъ иска выставлено истцомъ нарушеніе состоявшейся сдѣлки, а не отказъ въ совершеніи таковой, и что посему ссылка апеллятора на свидѣтелей для установленія собственно причинъ, побудившихъ Бродскаго отступить отъ сдѣлки, не заслуживаетъ уваженія, Прав. Сенатъ находитъ, что Меммертъ, предъявляя составляющій предметъ настоящаго дѣла искъ, не представилъ никакихъ данныхъ, которыя доказали бы, что взаимные его съ Бродскимъ переписка и переговоры по поводу предполагавшейся сдѣлки съ 3000 пуд. шерсти привели къ какимъ-либо конечнымъ результатамъ въ смыслѣ дѣйствительнаго заключенія по сему предмету по взаимному соглашенію договора, въ которомъ бы опредѣленно выражались взаимныя ихъ права и обязанности, а слѣдовательно, не доказалъ самаго основанія исковыхъ въ семъ дѣлѣ требованій. Признавая по изложеннымъ соображеніямъ заключеніе Одесс. Ком. Суда о томъ, что сдѣлка между Меммертомъ и Бродскимъ относительно принадлежащей послѣднему шерсти не можетъ почитаться между ними состоявшеюся вполнѣ правильнымъ, а основанное на этомъ заключеніи рѣшеніе суда объ отказѣ Меммерту въ искѣ съ Бродскаго 3.000 руб. съ % убытковъ отъ неисполненія послѣднимъ сказанной сдѣлки отмѣнѣ не подлежащимъ и имѣя въ виду, что за таковымъ разрѣшеніемъ вопроса о самомъ правѣ Меммерта на предъявленіе къ Бродскому настоящаго иска, вопросъ о размѣрѣ помянутыхъ убытковъ отпадаетъ самъ собою, вслѣдствіе чего и къ удовлетворенію ходатайства апеллятора о допросѣ свидѣтелей для установленія

такового не представляется основаній,—Прав. Сенатъ рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда утвердилъ (1894 г. № 583; тоже относительно сдѣлокъ между отсутствующими: 1908 г., № 759).

232|160. Сдѣлка между отсутствующими почитается состоявшеюся съ того момента, когда каждый изъ контрагентовъ узналъ о согласіи другого на ея заключеніе. Оставивъ подтвердительное на предложенную сдѣлку письмо безъ отвѣта, контрагентъ долженъ считаться согласившимся на изложенныя въ письмѣ условія. Сдѣлка о продажѣ хлопка чрезъ агента считается по обычаю заключенною съ момента полученія покупателемъ подтвердительнаго письма отъ агента. Сдѣлка на хлопокъ будущаго урожая не можетъ быть сдѣлкою по образцамъ. Обязанность неустоявшаго покупщика удовлетворить агента причитавшимся ему по сдѣлкѣ вознагражденіемъ.

Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что по содержанію представленныхъ отвѣтчикомъ противъ иска возраженій прежде всего возникаетъ вопросъ о томъ, состоялась ли 27 января 1886 г. чрезъ посредство Блисмера между Балашинскою мануфактурою и Американскимъ Торговымъ Обществомъ сдѣлка о куплѣ-продажѣ 2000 кипъ хлопка на указанныхъ въ письмѣ Блисмера мануфактурѣ отъ означеннаго числа условіяхъ. По отношенію къ сему вопросу Прав. Сенатъ находитъ, что по силѣ ст. 1528 т. X ч. 1 договоры составляются по взаимному согласію договаривающихся лицъ. Изъ точнаго смысла сей статьи видно, что всякая сдѣлка должна быть признана состоявшеюся съ того момента, когда контрагенты изъявили другъ другу свое взаимное согласіе на ея заключеніе. Въ сдѣлкахъ, совершаемыхъ при наличности въ мѣстѣ заключенія обѣихъ сторонъ, согласіе участвующихъ проявляется одновременно, и потому опредѣленіе момента заключенія договора не представляетъ трудности и сомнѣнія; но опредѣленіе сего момента въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны находятся въ разныхъ мѣстахъ и изъявленіе каждымъ изъ нихъ согласія не только не можетъ произойти одновременно, но требуетъ большого промежутка времени, могутъ встрѣтиться значительныя затрудненія. Въ виду того, что заключеніе сдѣлки опредѣляется взаимнымъ заявленіемъ участвующихъ о согласіи, слѣдуетъ признать, что въ случаяхъ нахожденія контрагентовъ въ разныхъ мѣстахъ сдѣлка должна считаться состоявшеюся съ того момента, когда оба контрагента узнали о согласіи противной стороны, т. е. когда до обоихъ ихъ дошло извѣстіе о согласіи контрагента. До тѣхъ же поръ, пока которая либо изъ сторонъ извѣстія о согласіи

контрагента не получила, договоръ долженъ считаться еще не заключеннымъ, а обязательство не возникшимъ и потому сторона, сдѣлавшая предложеніе, какъ обязательствомъ еще не связанная, можетъ отъ предложенія своего отказаться. Со времени же полученія извѣщенія о томъ, что контрагентъ согласился, такого права на отказъ за участвующими признаваемо быть не можетъ и отказъ является уже нарушеніемъ договора. Совершенно согласно съ симъ установился обычаемъ порядокъ заключенія сдѣлокъ по торговлѣ хлопкомъ. Изъ представленнаго къ настоящему дѣлу удостовѣренія СПБ. биржевого комитета (п. 5 и 6) видно, что въ случаяхъ заключенія сдѣлокъ о покупкѣ хлопка въ Россіи чрезъ мѣстнаго агента американскаго продавца, когда покупатель дѣлаетъ агенту предложеніе, то предложеніе это имѣетъ силу въ теченіе 36—48 часовъ (если сторонами не было установлено особаго срока), т. е. въ теченіе срока, необходимаго на полученіе агентомъ отвѣтной телеграммы отъ своего американскаго довѣрителя; при согласіи довѣрителя, агентъ даетъ окончательный отвѣтъ покупщику своимъ подтвердительнымъ письмомъ и сдѣлка считается совершенною съ момента полученія покупщикомъ сего подтвердительнаго письма агента о томъ, что хлопокъ имъ проданъ. Такимъ образомъ и обычаемъ установился такой порядокъ совершенія сдѣлокъ между находящимися въ разныхъ мѣстахъ лицами, при которомъ моментомъ совершенія сдѣлки считается тотъ моментъ, когда одинъ контрагентъ, предложившій сдѣлку и самымъ предложеніемъ выразившій согласіе на ея совершеніе, получитъ увѣдомленіе о согласіи другого контрагента. Переходя отъ сихъ общихъ соображеній къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ усматриваетъ, что повѣренный товарищества Балашинской мануфактуры признаетъ сдѣлку между своимъ довѣрителемъ и Американскимъ Торговымъ Обществомъ несостоявшеюся потому главнымъ образомъ, что Балашинская мануфактура не дала отвѣта на письмо Блисмера отъ 27 января 1886 г. и не подтвердила письмомъ принятія условій, изложенныхъ въ томъ письмѣ Блисмера, изъ чего Коммерческій Судъ вывелъ свое заключеніе объ отсутствіи необходимѣйшаго для заключенія сдѣлки условія—согласія Балашинской мануфактуры. Между тѣмъ изъ дѣла видно, что согласіе Балашинской мануфактуры было уже выражено и потому выражать его вновь для заключенія сдѣлки представлялось совершенно не нужнымъ. Письмо Блисмера мануфактурѣ отъ 27 января 1886 г. не было началомъ дѣла, первоначальнымъ предложеніемъ о продажѣ 2000 кипъ хлопка, которое требовало бы отъ мануфактуры отвѣта о согласіи; письмо это было уже отвѣтомъ на сдѣланное предварительно самою Балашинскою мануфактурою предложеніе и, заключая въ себѣ окончательную формулировку сдѣлки, вполнѣ согласную съ предложеніемъ Балашинской мануфактуры, являлось уже тѣмъ изъявленіемъ согласія Американскаго товарищества, послѣ полученія котораго, по смыслу закона и согласно установившемуся торговому обычаю, сдѣлка должна считаться состоявшеюся, а Балашинская мануфактура, предложившая со-

вершеніе сдѣлки, отказаться отъ предложенія своего не можетъ. Такое значеніе письма 27 января 1886 г. обнаруживается изъ содержанія представленныхъ къ дѣлу повѣреннымъ Блисмера документовъ, со стороны отвѣтчика не оспоренныхъ. Такъ, изъ телеграммы Блисмера Американскому Торговому Обществу отъ $\frac{23 \text{ января}}{4 \text{ февраля}}$ 1886 г. видно, что Балашинская мануфактура сама сдѣлала чрезъ Блисмера означеннному Обществу предложеніе о покупкѣ 2.000 кипъ хлопка и что Блисмеръ послѣ переговоровъ съ Американскимъ Обществомъ далъ мануфактурѣ формальный отвѣтъ на это предложеніе именно письмомъ 27 января 1886 г., излагая въ немъ, что онъ письмомъ этимъ „подтверждаетъ“, что продалъ Балашинской мануфактурѣ 2.000 кипъ хлопка на тѣхъ же, ею самою предложенныхъ условіяхъ. При такихъ обстоятельствахъ, очевидно, не можетъ быть рѣчи объ отсутствіи согласія Балашинской мануфактуры на сдѣлку, которую она же сама предложила, и заявленіе отвѣтчика о томъ, будто для заключенія сдѣлки требовалось подтвержденіе ея со стороны Балашинской мануфактуры должно быть признано неосновательнымъ. Но если такимъ образомъ для заключенія сдѣлки не требовалось подтвердительнаго письма Балашинской мануфактуры, то въ то же время нельзя не признать, что отвѣтъ на письмо Блисмера, и притомъ отвѣтъ немедленный, былъ необходимъ, если Балашинская мануфактура считала, что сдѣлки ею заключаемо не было, или что условія таковой были изложены въ письмѣ Блисмера неправильно. Къ этому обязывало Балашинскую мануфактуру какъ то, что она же сама сдѣлку предложила, такъ и то, что въ письмѣ Блисмера прямо указывалось, что онъ хлопокъ „продалъ“ Балашинской мануфактурѣ и точный смыслъ этого письма не оставлялъ никакого сомнѣнія, что и Американское Общество и Блисмеръ считали заключеніе сдѣлки совершившимся фактомъ. Между тѣмъ Балашинская мануфактура приняла означенное письмо Блисмера молчаливо и оставляла его безъ возраженія въ теченіе цѣлаго мѣсяца, только 25 февраля 1886 г., какъ то можно заключить изъ писемъ Балашинской мануфактуры отъ 3 и 8 марта 1886 г., впервые при личномъ свиданіи своего представителя съ Блисмеромъ возбудивъ вопросъ объ измѣненіи условій продажи. Такое молчаніе Балашинской мануфактуры даетъ основаніе признать, что она была согласна не только на заключеніе сдѣлки, но и на то изложеніе условій ея, которое заключалось въ письмѣ 27 января 1886 г. Повѣренный Балашинской мануфактуры, въ подтвержденіе того, что его довѣритель окончательнаго согласія на заключеніе сдѣлки не давалъ, указалъ въ Коммерческомъ Судѣ, что будто за прежніе годы при заключеніи Балашинскою мануфактурою сдѣлокъ чрезъ Блисмера между ними установился обычай, въ силу коего Балашинская мануфактура подтверждала сдѣлку своими письмами послѣ полученія письма отъ Блисмера. Однако, правильность сего указанія была оспорена повѣреннымъ Блисмера, который возразилъ, что подтвердительныя письма Балашинская мануфактура давала лишь два раза: 26 октября 1882 г. по продажѣ 23 октября

того же года и 23 іюля 1883 г. относительно продажи 21 іюля того же года, послѣ же того всѣ позднѣйшія продажи (6 октября 1884 г. 1.500 кипъ, 4 іюля 1885 г. 1.500 кипъ, 21 сентября 1885 г. 200 кипъ) совершались безъ подтвержденія со стороны Балашинской мануфактуры. Повѣренный послѣдней, представивъ къ дѣлу копіи лишь двухъ подтвердительныхъ писемъ Балашинской мануфактуры отъ 26 октября 1882 г. и 23 іюля 1883 г., возраженія повѣреннаго Блисмера относительно позднѣйшихъ продажъ ничѣмъ не опровергъ и даже противъ правильности ихъ не возражалъ, несмотря на то, что въ апелляціонной жалобѣ указано на ошибку въ первоначальномъ заявленіи и выражена надежда на исправленіе послѣднимъ этой ошибки въ объясненіи на апелляцію; въ виду сего нельзя не признать объясненія объ установившемся, будто бы, между Балашинскою мануфактурою и Блисмеромъ обычаѣ подтвержденія со стороны Балашинской мануфактуры всѣхъ заключенныхъ чрезъ Блисмера сдѣлокъ голословными и уваженія не заслуживающими. Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что главное приводимое со стороны отвѣтчика возраженіе, объ отсутствіи согласія Балашинской мануфактуры на заключеніе сдѣлки 27 января 1886 г., представляется уваженія не заслуживающимъ. Переходя къ разсмотрѣнію указаній повѣреннаго отвѣтчика на то, что сдѣлка 27 января 1886 г. не можетъ быть признана состоявшеюся за неисполненіемъ самимъ Блисмеромъ обязанностей своихъ по доставленію подлиннаго контракта Американскаго Общества и образцовъ хлопка, Прав. Сенатъ находитъ: 1) что неврученіе контракта отъ продавца, Американскаго Общества, не можетъ служить поводомъ къ признанію сдѣлки несостоявшеюся, ибо, какъ видно изъ вышеизложеннаго, и по смыслу закона и согласно обычаю, сдѣлка о продажѣ хлопка чрезъ агента считается заключенною съ момента полученія покупателемъ подтвердительнаго письма агента о томъ, что товаръ имъ проданъ, и подтвержденіе сдѣлки со стороны самого продавца рѣшающаго значенія для сдѣлки не имѣетъ; 2) что основаніемъ къ признанію означенной сдѣлки несостоявшеюся не можетъ служить и непредставленіе Блисмеромъ мануфактурѣ образцовъ проданнаго ей хлопка, ибо совершеніе сдѣлки 27 января 1886 г. вовсе не было и не могло даже быть обусловлено предварительнымъ представленіемъ образцовъ хлопка. Какъ видно изъ представленнаго къ дѣлу удостовѣренія биржевого комитета, продажа хлопка производится или по извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ обычаемъ классамъ, или по образцамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлки на хлопокъ касаются какъ наличнаго товара, такъ и товара будущаго урожая. Въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, продажа можетъ произойти только по классамъ, такъ какъ хлопокъ еще не существуетъ и представить его образцы невозможно. Далѣе изъ того же удостовѣренія биржевого комитета видно, что сдѣлка въ январѣ о продажѣ хлопка съ отправкою въ сентябрѣ—октябрѣ, есть всегда сдѣлка о продажѣ будущаго урожая. Сопоставляя изложенное съ обстоятельствами дѣла, слѣдуетъ признать, что сдѣлка 27 января 1886 г.,

заключенная о продажѣ хлопка съ отправкою въ сентябрѣ—октябрѣ 1886 г., была сдѣлкою на хлопокъ будущаго урожая, а посему не могла быть сдѣлкою по образцамъ, почему предварительнымъ представленіемъ таковыхъ и не могло быть обусловлено самое ея заключеніе ни въ январѣ, ни въ мартѣ. Правильность сего вывода подтверждается какъ тѣмъ обстоятельствомъ, что стороны впередъ опредѣлили всѣ условія сдѣлки относительно качества товара и цѣны его, тогда какъ при продажѣ хлопка по образцамъ до полученія послѣднихъ, очевидно, такое опредѣленіе ни качества товара, ни цѣны его не могло бы имѣть мѣста, такъ и тѣмъ соображеніемъ, что при отдаленности мѣста произрастанія американскаго хлопка отъ Москвы вообще едва ли можно предположить продажу хлопка новаго урожая по образцу съ отправкою изъ американскаго порта въ сентябрѣ. Наконецъ, останавливаясь на указаніи повѣреннаго отвѣтчика на то, будто Блисмеръ не исполнилъ обязанности своей по устройству аккредитива, Прав. Сенатъ находитъ, что такое указаніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Изъ письма Блисмера 27 января 1886 г. не видно, да и отвѣтчикъ того не утверждаетъ, чтобы на устройство аккредитива былъ опредѣленъ между сторонами какой-либо срокъ. Посему требовать устройства аккредитива прежде, нежели того требовало самое свойство сдѣлки, Балашинская мануфактура не вправѣ. По условіямъ же сдѣлки хлопокъ долженъ былъ быть отправленъ изъ Америки въ сентябрѣ—октябрѣ, слѣдовательно, ранѣе этого времени въ самомъ кредитѣ надобности представиться не могло и Балашинская мануфактура могла лишь требовать, чтобы Блисмеръ своевременно увѣдомилъ ее, что то или другое банковое учрежденіе соглашается кредитъ оказать. Эта обязанность Блисмеромъ и была исполнена, ибо всѣ мѣры и были имъ приняты еще 7 и 9 февраля 1886 г., какъ то можно заключить изъ писемъ Германскаго Банка и „Брандта сыновья и К°“: приглашенныя имъ означенныя учрежденія изъявили согласіе на открытіе кредита еще задолго до того времени, когда въ кредитѣ должна была представиться надобность, и затѣмъ оставалось только самой Балашинской мануфактурѣ подтвердить означеннымъ учрежденіямъ о своемъ желаніи кредитоваться. Объ этомъ Балашинская мануфактура и была извѣщена Блисмеромъ письмомъ отъ 7 марта 1886 г. еще до ея отказа отъ исполненія сдѣлки, который, какъ видно изъ точнаго смысла ея письма отъ 8 марта 1886 г., послѣдовалъ вовсе не отъ неустройства аккредитива. Такимъ образомъ, и это послѣднее указаніе Балашинской мануфактуры на неустройство, будто бы, аккредитива не можетъ служить поводомъ къ признанію сдѣлки купли-продажи хлопка несостоявшеюся. По силѣ вышеизложенныхъ соображеній Прав. Сенатъ приходитъ къ заключенію, что изложенная въ письмѣ Блисмера Балашинской мануфактурѣ отъ 27 января 1886 г. сдѣлка должна быть признана состоявшеюся и посему для Балашинской мануфактуры обязательною, въ виду чего самовольный отказъ отъ исполненія ея долженъ, по точному смыслу ст. 684 т. X ч. I, влечь за

собою отвѣтственность за всѣ тѣ убытки, которые самовольный отказъ этотъ повлекъ за собою для лицъ, въ исполненіи означенной сдѣлки заинтересованныхъ. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что Блисмеръ по силѣ сдѣлки, изложенной въ письмѣ 27 января 1886 г., долженъ былъ получить $1^1/_2{}^0/_0$ съ фактурной стоимости проданнаго по той сдѣлкѣ хлопка; 2) что по силѣ условія Блисмера съ Американскимъ Обществомъ, изложеннаго въ письмѣ Общества на его имя отъ 20 октября 1885 г., онъ долженъ былъ получить $^3/_4{}^0/_0$ съ той же стоимости; 3) что сумму слѣдовавшаго ему по означеннымъ условіямъ вознагражденія Блисмеръ опредѣляетъ въ 4.741 руб. 64 коп., размѣръ каковой суммы отвѣтчикомъ не оспоренъ; 4) что противъ иска со стороны Балашинской мануфактуры другихъ, кромѣ разсмотрѣнныхъ выше и признанныхъ неправильными, возраженій не представлено, Прав. Сенатъ находитъ, что искъ Блисмера долженъ быть признанъ подлежащимъ удовлетворенію, а посему Прав. Сенатъ присудилъ въ отмѣну рѣшенія Московскаго Ком. Суда съ Товарищества Балашинской мануфактуры въ пользу купца Ивана Блисмера 4.741 руб. 64 коп. съ $^0/_0$ со дня предъявленія иска (1890 г., № 740).

См. также № 439/297 относительно значенія молчанія лица, получившаго предложеніе.

233|161. Договоръ можетъ быть переданъ третьему лицу лишь съ согласія на то другой договорившейся стороны. Коль скоро сдѣлка оказалась неосуществимою, то стороны должны быть приведены въ первоначальное, до заключенія сдѣлки, положеніе. Потеря права на обратное полученіе внесеннаго по договору *задатка* можетъ имѣть мѣсто лишь когда объ этомъ постановлено въ самомъ договорѣ.

Изъ дѣла видно, что 3 января 1894 г. графъ Гендриковъ, черезъ повѣреннаго своего Крапинскаго, запродалъ Велитченко изъ своего Воскресенскаго сахарнаго завода 10.000 пудовъ сахарнаго песку, со сдачею такового приблизительно равными партіями въ сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1894 г., уплата же денегъ должна была быть произведена Велитченко въ январѣ, февралѣ и маѣ 1894 г., въ каждый срокъ по 10.000 руб., а остальныя деньги по сдачѣ каждой мѣсячной партіи. Согласно сему условію, Велитченко уплатилъ гр. Гендрикову въ первые два срока 20.000 руб. Затѣмъ, 11 апрѣля 1894 г. гр. Гендриковъ свой сахарный заводъ сдалъ въ аренду образовавшемуся товариществу Воскресенскаго сахарнаго завода гр. Гендрикова. Велитченко въ третій срокъ платежа не произвелъ и ни гр. Гендриковъ, ни вновь образовавшееся товарищество, коему, по заявленію гр. Гендрикова, передано исполненіе заказа Велит-

ченко, сахара ему не поставили. Искъ Велитченко къ гр. Гендрикову, составляющій предметъ настоящаго дѣла, заключается въ требованіи возвращенія уплаченныхъ ему 20.000 руб. по случаю неосуществленія сдѣлки. Разсмотрѣвъ дѣло по апелляціонной жалобѣ гр. Гендрикова на рѣшеніе Спб. Ком. Суда, признавшаго искъ къ нему Велитченко подлежащимъ удовлетворенію, и останавливаясь прежде всего на указаніи апеллятора о томъ, что искъ Велитченко неправильно предъявленъ къ нему, такъ какъ сдѣлка отъ 3 января 1894 г. передана имъ для исполненія товариществу Воскресенскаго сахарнаго завода, съ коимъ, слѣдовательно, Велитченко и долженъ производить разсчеты,—Прав. Сенатъ находитъ таковое не заслуживающимъ уваженія, ибо, по вполнѣ правильному заключенію Ком. Суда, договоръ, какъ актъ двухсторонній, въ которомъ выражены права и обязанности каждой стороны, можетъ быть передаваемъ третьему лицу не иначе, какъ съ согласія на то другой договорившейся стороны, что, между прочимъ, выражено и въ § 3 Высочайше утвержденнаго устава товарищества Воскресенскаго свеклосахарнаго завода, въ силу коего переводъ обязательствъ на товарищество обусловленъ согласіемъ кредиторовъ, а потому и такъ какъ передача гр. Гендриковымъ исполненія договора отъ 3 января 1894 г. товариществу (если только означенная передача дѣйствительно состоялась, что, впрочемъ, имъ ничѣмъ не доказано, повѣренный же гр. Гендрикова въ засѣданіи суда 25 января 1895 г. заявилъ, что гр. Гендрикову не было даже извѣстно о заключеніи означеннаго договора), произведена была имъ, чего апелляторъ не отрицаетъ, безъ испрошенія на то согласія у Велитченко, то таковая не можетъ быть для послѣдняго обязательною, вслѣдствіе чего и отвѣтственнымъ по этой сдѣлкѣ лицомъ продолжаетъ быть передъ Велитченко самъ гр. Гендриковъ, а не товарищество, съ которымъ онъ никакого дѣла не имѣлъ и ни въ какія сношенія не входилъ. Что же касается указанія апеллятора на то, что передача имъ исполненія заказа Велитченко товариществу должна быть признана для него обязательною въ виду того, что заказъ переданъ не другому заводу, а тому же самому, дѣйствующему лишь при другомъ хозяинѣ; то таковое представляется неосновательнымъ, ибо въ торговомъ дѣлѣ главную роль играетъ именно личность производителя, а потому Велитченко, заключившій сдѣлку съ гр. Гендриковымъ, ему лично довѣрявшій и знакомый съ качествомъ вырабатываемыхъ имъ продуктовъ, не можетъ быть признанъ обязаннымъ, вопреки своему желанію, продолжать отношенія по той же сдѣлкѣ съ товариществомъ, коему онъ можетъ не довѣрять и качество продуктовъ коего ему неизвѣстно. Переходя засимъ къ разсмотрѣнію существа исковыхъ требованій Велитченко, Прав. Сенатъ находитъ, что съ передачею гр. Гендриковымъ своего сахарнаго завода товариществу отпала для него лично возможность выполнить принятое имъ на себя по сдѣлкѣ отъ 3 января 1894 г. обязательство поставить Велитченко условленное количество пудовъ сахарнаго песку, вырабатываемаго имъ *на его соб-*

ственномъ заводѣ, и самая сдѣлка оказалась неосуществимою, вслѣдствіе чего стороны должны быть признаны подлежащими приведенію въ то первоначальное положеніе, въ которомъ онѣ находились до заключенія сдѣлки, а такъ какъ по дѣлу представляется безспорно установленнымъ, что Велитченко уплатилъ гр. Гендрикову въ счетъ имѣвшей быть произведенною имъ поставки сахарнаго песку 20.000 руб., то присужденіе съ него судомъ этой суммы въ пользу Велитченко представляется вполнѣ правильнымъ. Вслѣдствіе изложенныхъ соображеній утрачиваетъ значеніе взводимое апелляторомъ на Велитченко обвиненіе въ нарушеніи имъ самимъ договора невзносомъ въ третій срокъ условленнаго платежа. Но если даже и согласиться съ апелляторомъ въ томъ, что, несмотря на передачу имъ своего завода въ арендное содержаніе товариществу, Велитченко обязанъ былъ все-таки произвести третій платежъ, не сдѣлавъ же этого, тѣмъ самымъ нарушилъ договоръ, то и въ такомъ случаѣ удержаніе гр. Гендриковымъ въ свою пользу полученныхъ имъ отъ Велитченко 20.000 руб. не находило бы себѣ оправданія, ибо за означенныя деньги, представляющіяся вопреки мнѣнію апеллятора, не задаткомъ, а частнымъ платежемъ въ счетъ будущей поставки, гр. Гендриковъ, съ своей стороны, никакого эквивалента вопреки договора Велитченкѣ не представилъ, вслѣдствіе чего долженъ быть признанъ безвозмездно обогатившимся на счетъ послѣдняго. Наконецъ, если даже и смотрѣть на внесенныя Велитченко деньги какъ на задатокъ, то и въ такомъ случаѣ гр. Гендриковъ не могъ бы быть признанъ правымъ, ибо по закону (ст. 569, 570 и 684 т. X ч. 1) всякій договоръ и всякое обязательство, правильно составленные, налагаютъ на договаривающихся обязанность ихъ исполнить, а въ случаѣ неисполненія порождаютъ право требовать удовлетворенія во всемъ томъ, что въ нихъ постановлено, или же вознагражденія за убытки, нарушеніемъ договора причиненные; поэтому и принимая во вниманіе, что требованіе исполненія договора 3 января 1894 г., за истеченіемъ опредѣленнаго въ немъ срока, не можетъ въ наст. время имѣть уже мѣста; что ни въ гл. V „о правахъ по обязательствамъ“, гдѣ помѣщены ст. 569 и 570, ни въ слѣдующей гл. VI „о правѣ вознагражденія за вредъ и убытки“, не содержится постановленія о томъ, что неисполненіе договора имѣетъ непосредственнымъ и безусловнымъ послѣдствіемъ поступленіе внесеннаго одною стороною задатка въ пользу получившей его другой договорившейся стороны независимо отъ предусмотрѣннаго въ законѣ взысканія за нарушеніе договора убытковъ,—нельзя не признать, что потеря права на полученіе внесеннаго по договору задатка можетъ имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда о томъ въ договорѣ особо постановлено; а такъ какъ въ договорѣ гр. Гендрикова съ Велитченко не содержится постановленія о томъ, что вносимыя въ опредѣленные сроки гр. Гендрикову деньги въ случаѣ нарушенія договора должны поступить въ его пользу, независимо отъ убытковъ, взысканіе коихъ установлено самимъ закономъ и на взысканіе коихъ гр. Гендриковъ, считающій

Велитченко нарушителемъ договора только и имѣлъ бы право, то и къ удержанію имъ этихъ денегъ, даже съ точки зрѣнія апеллятора, не представлялось бы никакихъ основаній. По изложеннымъ соображеніямъ, признавая доводы апеллятора незаслуживающими уваженія,—Прав. Сенатъ рѣшеніе Спб. Ком. Суда утвердилъ (1895 г., № 1329).

234. Условія признанія скрытой сдѣлки недѣйствительною.

Скрытая сдѣлка въ томъ только случаѣ можетъ быть признана недѣйствительною, когда по своей цѣли и содержанію она противорѣчитъ закону, благочинію и общественному порядку, въ противномъ случаѣ сдѣлка не уничтожается, но по обсужденіи ея по правиламъ о томъ договорѣ, которому она по содержанію своему отвѣчаетъ, можетъ сохранить свою обязательную силу. Въ настоящемъ случаѣ скрытая подъ видомъ запродажи, сдѣлка продажи аптеки съ разсрочкою платежа, сама по себѣ, не составляетъ какого-либо договора, по цѣли своей воспрещеннаго закономъ, въ виду чего о недѣйствительности этой сдѣлки не можетъ быть и рѣчи (1909 г., № 1436).

235|162. Въ случаѣ неисполненія однимъ контрагентомъ принятыхъ на себя по договору обязанностей другой контрагентъ не можетъ быть признанъ обязаннымъ съ своей стороны исполнять тѣ дѣйствія, которыя по содержанію договора могли быть лишь послѣдствіемъ исполненія первымъ изъ нихъ своихъ обязанностей.

Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Спб. Ком. Судъ отказалъ Звегинцеву въ признаніи заключенныхъ имъ съ Бардинымъ 16 октября 1888 г. двухъ договоровъ недѣйствительными и для сего послѣдняго необязательными. Въ отношеніи сего вопроса Прав. Сенатъ находитъ, что хотя, по смыслу нашихъ законовъ о договорахъ вообще и о прекращеніи и отмѣнѣ оныхъ въ особенности (ст. 569, 570, 1545 и др. т. X ч. I), нарушеніе договора одною изъ договорившихся сторонъ и не даетъ права другой сторонѣ прекращать дѣйствіе договора, если на это не послѣдовало взаимнаго согласія обѣихъ сторонъ, а открываетъ лишь право требовать удовлетворенія во всемъ томъ, что въ договорѣ постановлено, а также вознагражденія за убытки, но бываютъ и такіе случаи, въ коихъ принятыя на себя договорившимися сторонами обязанности стоятъ между собою въ такой связи и зависимости, что при неисполненіи договора одною изъ сторонъ, другая сторона не можетъ быть признана безусловно обязанною исполнить тѣ принятыя ею на себя дѣйствія, которыя по содержанію и смыслу договора

могли быть лишь послѣдствіемъ исполненія тѣхъ или другихъ условій договора противною стороною. Признавать же и въ такихъ случаяхъ обязательность условій договора для одной изъ сторонъ, несмотря на то, что другая не исполняетъ своихъ по оному обязанностей, было бы очевидно, противно намѣренію и доброй совѣсти сторонъ при заключеніи ими договора, вслѣдствіе чего и отказъ суда въ таковыхъ случаяхъ въ признаніи договора необязательнымъ не могъ бы быть признанъ правильнымъ. Примѣняя эти соображенія къ настоящему дѣлу, Прав. Сенатъ находитъ, что въ данномъ случаѣ, по договору отъ 16 октября 1888 г. Бардинъ принялъ на себя обязанность въ теченіе трехъ лѣтъ со дня подписанія договора продавать за наличныя деньги на правахъ комиссіонера все масло, какое будетъ вырабатывать маслобойный заводъ Звегинцева, за исключеніемъ льняного масла, по цѣнѣ, устанавливаемой заводомъ; если же потребуется отпускъ масла въ кредитъ, то это устанавливается обоюднымъ контрагентовъ соглашеніемъ. За свой трудъ Бардинъ выговорилъ себѣ комиссіонное вознагражденіе въ размѣрѣ 5 коп. съ рубля отъ продажной цѣны. Звегинцевъ же, съ своей стороны, обязался безъ посредства Бардина масла, кромѣ льняного, съ своего завода не продавать; въ случаѣ продажи масла помимо посредства Бардина сему послѣднему все-таки уплачивается его комиссіонное вознагражденіе. Приведенное содержаніе договора не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что принятая на себя Звегинцевымъ обязанность не продавать съ своего завода масла иначе, какъ черезъ посредство Бардина, стоитъ въ неразрывной связи и зависимости отъ обязанности по тому же договору Бардина продавать все масло, которое будетъ выработано заводомъ, а слѣдовательно, при доказанности по дѣлу неисполненія Бардинымъ этого обязательства, должно пасть и обязательство Звегинцева не продавать масла иначе, какъ черезъ Бардина. Изъ дѣла же видно, что письмомъ отъ 19 января 1890 г., а словесно, по объясненію истца, неоднократно и раньше, заводъ Звегинцева обращался къ Бардину съ требованіемъ о продажѣ изготовленнаго масла, назначивъ ему цѣну 6 р. 50 к. и 6 руб. пудъ. На это требованіе Бардинъ первоначально, письмомъ отъ 17 февраля 1890 г. отвѣтилъ, что покупатели находятъ означенную цѣну слишкомъ высокою по качеству масла и что на его предложеніе покупатели давали 6 руб., а за гарное масло 5 р. 50 к.; затѣмъ, получивъ разрѣшеніе продавать сурѣпное масло по 5 р. 75 к. (т. е. по цѣнѣ меньшей, чѣмъ назначилъ самъ Бардинъ), а гарное по 5 р. 50 к., Бардинъ, однако, никакой продажи и по этой цѣнѣ не совершилъ, а письмомъ отъ 27 февраля 1890 г. просилъ разрѣшеніе продавать масло не на наличныя деньги, а въ кредитъ. И на это предложеніе послѣдовало со стороны завода согласіе съ условіемъ, чтобы лица, покупающія въ кредитъ, хорошо были извѣстны заводу и въ исправности которыхъ заводъ увѣренъ, или же, чтобы Бардинъ взялъ на себя поруку въ добрыхъ качествахъ рекомендуемыхъ имъ покупателей (требованіе вполнѣ согласное съ договоромъ,

по коему продажа Бардинымъ масла въ кредитъ могла имѣть мѣсто лишь съ обоюднаго согласія контрагентовъ). Но и эти предоставленныя Бардину, просимыя имъ льготныя условія не имѣли результатовъ; несмотря на прежнія заявленія, что у него имѣются покупатели, согласные на покупку масла по указанной имъ цѣнѣ, а также лица, согласныя пріобрѣсти партіи масла въ кредитъ, Бардинъ до самаго момента предъявленія къ нему Звегинцевымъ составляющаго предметъ настоящаго дѣла иска (28 мая 1890 г.) не продалъ въ качествѣ комиссіонера Звегинцева ни одного пуда масла; показанное же въ представленныхъ Бардинымъ къ дѣлу счетахъ масло, въ количествѣ всего 17 бочекъ, было отпущено ему, по ничѣмъ не опровергнутому объясненію истца, въ уплату за поставленное сѣмя. Хотя же Бардинъ и объясняетъ, что такое съ его стороны бездѣйствіе произошло не по его винѣ, а вызвано было несоотвѣтствіемъ назначенныхъ заводомъ цѣнъ качеству масла, но это объясненіе не можетъ быть признано уважительнымъ уже потому, что, какъ видно изъ имѣющейся въ дѣлѣ переписки, заводъ соглашался на продажу масла по цѣнамъ, выставленнымъ самимъ Бардинымъ. Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе: 1) что Бардинъ, какъ комиссіонеръ, принявшій на себя одного добровольно обязанность продавать все вырабатываемое заводомъ Звегинцева масло, самъ долженъ былъ принимать всѣ мѣры къ успѣшной продажѣ онаго; 2) что между тѣмъ изъ всего заготовленнаго заводомъ масла, составлявшаго къ 19 января 1890 г. около 3.000 пуд., ко дню предъявленія Звегинцевымъ настоящаго иска, 28 мая 1890 г., Бардинымъ взято было у завода всего только 17 бочекъ и то, по заявленію истца, не на комиссію, а въ уплату долга за поставленное сѣмя, постороннимъ же покупателямъ оказалось ничего не проданнымъ; 3) что при такихъ условіяхъ возложеніе на Звегинцева обязанности не продавать выдѣлываемое на его заводѣ масло помимо Бардина, было бы равносильно возложенію на него обязанности вовсе прекратить торговлю своимъ масломъ, что, очевидно, не имѣлось въ виду у сторонъ при заключеніи ими договора 16 октября 1888 г.,—Прав. Сенатъ находитъ, что Звегинцевъ долженъ быть признанъ свободнымъ отъ лежащей на немъ въ силу означеннаго договора обязанности не продавать своего масла иначе, какъ черезъ посредство Бардина, и что засимъ самый договоръ представляется лишеннымъ по отношенію къ нему обязательной силы. Переходя засимъ къ ходатайству о признаніи недѣйствительнымъ второго заключеннаго имъ того же 18 октября 1888 г. съ Бардинымъ договора о поставкѣ послѣднимъ для его, Звегинцева, маслобойнаго завода разнаго рода сѣмянъ, Прав. Сенатъ находитъ, что въ подтвержденіе означеннаго своего ходатайства Звегинцевъ въ своей апелляціонной жалобѣ приводитъ два основанія: 1) что этотъ договоръ заключенъ былъ съ Бардинымъ только въ силу того, что былъ заключенъ съ нимъ первый договоръ о комиссіонной продажѣ масла, и 2) что и по этому договору Бардинъ оказался неисправнымъ, доставивъ на заводъ не-

пригодное для выдѣлки масла сѣмя. Но оба эти основанія не могутъ служить поводомъ къ удовлетворенію означеннаго ходатайства апеллятора. Приводимая имъ причина, по которой заключенъ былъ означенный договоръ, равно какъ и судьба перваго договора, не стоящаго вовсе въ какой-либо внутренней связи съ послѣднимъ, какъ обстоятельства побочныя (ст. 1536 т. X ч. I) при разсмотрѣніи вопроса о дѣйствительности или недѣйствительности такового по существу его, никакого значенія имѣть не можетъ. То же обстоятельство, что Бардинъ былъ по этому (второму) договору неисправенъ, доставивъ на заводъ сѣмена не надлежащаго качества и рода, если бы и было доказано (сѣмена были приняты на заводѣ и своевременно никакого противъ нихъ протеста не послѣдовало), могло бы только предоставить Звегинцеву право отказаться отъ пріема этихъ сѣмянъ и требовать замѣны ихъ другими, или же требовать съ Бардина убытковъ, отъ такой неисправности для него, Звегинцева, послѣдовавшихъ, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить само по себѣ основаніемъ къ уничтоженію самого договора. По всѣмъ симъ соображеніямъ Прав. Сенатъ, въ измѣненіе состоявшагося по настоящему дѣлу рѣшенія Спб. Ком. Суда, призналъ заключенный повѣреннымъ Звегинцева, Офросимовымъ, съ Бардинымъ 16 октября 1888 г. договоръ о комиссіонной продажѣ Бардинымъ вырабатываемаго на маслобойномъ заводѣ Звегинцева масла для Звегинцева необязательнымъ, въ таковомъ же ходатайствѣ относительно второго договора между тѣми же лицами отъ того числа о поставкѣ сѣмянъ истцу отказалъ (1892 г., № 137; тоже 1910 г., № 103; 1911 г., № 3162). Ср. № 269/183.

236|163. Поручительство по закону (ст. 1562 и 1557 т. X ч. I) совершается собственноручною подписью поручителя на обязательствѣ послѣ рукоприкладства должника, причемъ въ сей подписи должны быть съ точностью изъяснены всѣ условія поручительства, т. е. принимается ли оно только въ части, или во всей суммѣ, на срокъ, безъ срока и т. п. Изъ точнаго смысла приведенныхъ постановленій, какъ уже неоднократно разъяснялось Прав. Сенатомъ, вытекаетъ, что одно поставленіе на обязательствѣ имени и фамиліи лица, безъ указанія на то, что это лицо ручается за должника на тѣхъ или другихъ условіяхъ, не можетъ быть признано за поручительную надпись, а является указаніемъ на прямое участіе лица въ сдѣлкѣ, по которой оно и отвѣчаетъ на основаніи ст. 1548 т. X ч. I въ равномъ размѣрѣ съ другимъ, подписавшимъ оную лицомъ (1895 г., № 1374).

237|164. Договоръ объ устраненіи на имѣющихся быть произведенными городскою управою торгахъ конкуренціи, какъ заключенный къ явному ущербу имуще-

ственныхъ интересовъ города, не можетъ пользоваться судебною защитою.

Разсмотрѣвъ наст. дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Спб. Ком. Судъ удовлетворилъ исковыя требованія Чачковой о взысканіи съ Общества финляндскаго легкаго пароходства, на основаніи состоявшагося между симъ послѣднимъ и Чачковымъ соглашенія, выраженнаго въ постановленіи правленія Общества отъ 27 марта 1886 г. — 5.000 руб. съ %? Означенное постановленіе правленія Общества финл. л. пар., какъ то признано обѣими тяжущимися сторонами, заключалось въ слѣдующемъ: „если В. Чачковъ на торгахъ 1886 г. на отдачу невскихъ перевозовъ отстранитъ вредную конкуренцію съ своей стороны и со стороны Михайлова, Волкова и др. и никому не отдастъ своихъ пароходовъ для этой цѣли и общество съ этихъ торговъ въ 1886 г. получитъ отъ города невскіе перевозы въ дистанціяхъ Галерной, Зимнедворцовой и Гагаринской на десятилѣтній срокъ, т. е. съ 1887 по 1897 г. за аренду около той, которую оно до 1886 г. платило, то Общество уплатитъ Чачкову 20.000 руб., изъ которыхъ 5.000 руб. уплачиваются послѣ торговъ и заключенія съ управою контракта, 5.000 руб. спустя два мѣсяца, а остальные 10.000 руб. ежегодно по одной тысячѣ въ теченіе 10 лѣтъ“. Точное содержаніе приведеннаго соглашенія не оставляетъ никакого сомнѣнія, что цѣль, которую преслѣдовали контрагенты при его заключеніи, состояла въ томъ, чтобы устранить на имѣвшихся быть произведенными СПБ. городскою управою на отдачу въ аренду невскихъ перевозовъ торгахъ вредную для общества конкуренцію и обезпечить за нимъ пріобрѣтеніе на этихъ торгахъ означенныхъ перевозовъ по желательной для него цѣнѣ. Но достиженіе подобной цѣли являлось вмѣстѣ съ тѣмъ направленнымъ и къ явному ущербу имущественныхъ интересовъ города, а именно къ тому, чтобы посредствомъ искусственнаго устраненія на торгахъ конкуренціи и неизбѣжно сопряженной съ нею надбавки цѣнъ, лишить городъ возможности отдать перевозы въ аренду кому либо другому помимо Общества на болѣе выгодныхъ для него условіяхъ, чѣмъ предлагало это послѣднее; а что такія болѣе выгодныя условія при наличности конкуренціи, по убѣжденію самихъ же контрагентовъ, дѣйствительно могли для города предстоять, лучше всего доказывается тѣмъ, что Общество для одного только возможнаго отстраненія ихъ согласилось уплатить Чачкову 20.000 р. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что если побудительная причина къ заключенію договора есть достиженіе цѣли законамъ противной, то такой договоръ по смыслу ст. 1529 т. X ч. I не можетъ служить ни для одной изъ договорившихся сторонъ источникомъ какихъ либо правъ, на томъ договорѣ основанныхъ; 2) что, какъ видно изъ вышеизложеннаго, побудительная причина къ заключенію служащаго основаніемъ наст. иска Чачкова соглашенія его съ Обще-

ствомъ финл. л. пар. заключалась именно въ цѣли, противной законамъ, какъ направленной въ прямой вредъ интересамъ города (ст. 1181 Улож. о Нак., изд. 1885 г.)—Прав. Сенатъ не можетъ не признать, что основанныя на такомъ соглашеніи составляющія предметъ наст. дѣла исковыя требованія Чачковой не могутъ быть признаны подлежащими удовлетворенію. А потому и имѣя въ виду, что возбужденіе противъ Чачкова и правленія Общества финл. л. п. уголовнаго преслѣдованія за обнаруженное по настоящему дѣлу и предусмотрѣнное вышеприведенною ст. 1181 Улож. о Нак. противузаконное дѣяніе ихъ, за силою п. 1 и 2 ст. 16 Уст. Угол. Суд. въ связи съ п. 4 ст. 158 Улож. о Нак. не можетъ въ настоящее время имѣть уже мѣста,—Прав. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе СПБ. Ком. Суда и въ искѣ Чачковой съ Общества финл. л. пар. 5.000 руб. съ % отказалъ (1889 г., № 1953).

238|165. Договоръ, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы въ обходъ закона предоставить возможность содержать ссудную кассу лицу, не получившему на то установленнаго разрѣшенія, не можетъ пользоваться судебною защитою.

Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что разрѣшенію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли СПБ. Ком. Судъ присудилъ съ Наперсткова въ пользу Шейна 11.956 руб. 21 коп. и отказалъ Шейну въ остальной части его иска? Изъ дѣла видно, что искъ свой къ Наперсткову Шейнъ основываетъ на заключенномъ имъ съ послѣднимъ 19 августа 1886 г. договорѣ о содержаніи ссудной кассы, находящейся по Пушкинской ул. д. № 10. Объясняя между прочимъ, что Наперстковъ въ явное нарушеніе означеннаго договора устранилъ его отъ завѣдыванія кассою ссудъ, самъ самовольно вступилъ въ управленіе дѣлами этой ссудной кассы и распродалъ находившееся въ ней имущество, распорядившись вырученными деньгами по своему усмотрѣнію, Шейнъ и предъявилъ къ Наперсткову составляющій предметъ настоящаго дѣла искъ: 1) о неустойкѣ, обусловленной договоромъ за всякое нарушеніе такового Наперстковымъ, въ суммѣ 10.000 руб., и 2) о причиненныхъ ему Наперстковымъ своими незаконными и самоуправными дѣйствіями относительно принадлежавшаго ему, Шейну, въ содержимой имъ кассѣ ссудъ имущества убыткахъ, исчисленныхъ имъ первоначально въ суммѣ 8.240 руб., затѣмъ уменьшенныхъ до суммы 5.830 р. 59 к., а нынѣ, въ апелляціонной жалобѣ, поддерживаемыхъ въ суммѣ 3.841 р. 14 к. Обращаясь къ договору Шейна съ Наперстковымъ отъ 19 августа 1886 г., Прав. Сенатъ находитъ, что таковой заключается въ слѣдующемъ: получивъ по свидѣтельству СПБ. Градоначальника отъ 20 мая 1886 г. разрѣшеніе содержать ссудную кассу по Пушкинской ул. въ д. № 10 и не имѣя достаточныхъ средствъ

къ открытію и содержанію сей кассы; Наперстковъ пригласилъ Шейна, а Шейнъ принялъ приглашеніе быть участникомъ сего дѣла (п.п. 1 и 2); Наперстковъ, оставаясь собственникомъ кассы, участвуетъ въ дѣлѣ только денежнымъ залогомъ, представленнымъ имъ Градоначальнику при полученіи свидѣтельства (п. 3), самое же веденіе дѣла кассы, устройство и обстановка оной, снабженіе ея оборотнымъ капиталомъ, наемъ помѣщенія и служащихъ, взятіе торговыхъ правъ, обязательное страхованіе оборотнаго капитала и всѣ другіе расходы, которые будутъ требоваться по кассѣ, относятся на счетъ и къ обязанностямъ Шейна (п. 4), который, завѣдуя и распоряжаясь кассою по своему усмотрѣнію, обязанъ въ точности соблюдать Высочайше утвержденныя 24 апрѣля 1879 г. правила о порядкѣ открытія и содержанія ссудныхъ кассъ, оберегая залогъ отъ всякихъ взысканій и отвѣтствуя, еслибы таковыя были на Наперсткова наложены (п. 5); весь доходъ кассы, за исключеніемъ ежемѣсячно выдаваемой Шейномъ Наперсткову опредѣленной суммы, поступаетъ въ пользу одного Шейна, на него же одного падаютъ и всѣ могущіе произойти убытки предпріятія (п. 6); на управленіе и завѣдываніе кассою Наперстковъ выдаетъ потребныя довѣренности лицамъ, указаннымъ Шейномъ, и заключаетъ съ ними приказчичьи договоры, получаетъ приказчичьи свидѣтельства, все на счетъ Шейна, при неисполненіи же сего, а равно при всякомъ другомъ нарушеніи сего договора Наперстковъ уплачиваетъ Шейну неустойку въ 10.000 руб. (п. 7); проценты по залогу принадлежатъ всецѣло Наперсткову, все же остальное имущество и капиталъ кассы, какъ собственность одного Шейна, поступаютъ послѣ ликвидація дѣла къ Шейну, а Наперстковъ получаетъ только внесенный имъ Градоначальнику залогъ (п. 9); Наперстковъ не обязанъ сидѣть въ кассѣ, но Шейнъ обязанъ вести приходныя и расходныя книги, которыя по требованію Наперсткова должны быть ему предъявляемы (п. 10). Изъ изложенныхъ выдержекъ изъ договора ясно видно, что хотя въ этомъ договорѣ Шейнъ и названъ только участникомъ въ содержаніи ссудной кассы, собственникомъ же таковой значится Наперстковъ, но въ сущности принадлежность Наперсткову этой кассы была лишь номинальная, такъ какъ все участіе его въ кассѣ заключалось лишь въ томъ, что таковая была открыта на его имя и отъ его же имени былъ внесенъ залогъ, а весь интересъ его въ этомъ предпріятіи сводился къ полученію отъ Шейна условленныхъ договоромъ процентовъ и вознагражденія за ссуду имъ Шейну залога, причемъ даже послѣдствія неправильнаго и убыточнаго веденія дѣлъ кассы его лично не касались; дѣйствительнымъ же, фактическимъ, полноправнымъ, матеріально заинтересованнымъ въ ходѣ самого предпріятія хозяиномъ и собственникомъ ссудной кассы былъ исключительно только Шейнъ, которому принадлежали и все имущество и весь капиталъ кассы, и который велъ все дѣло на свой рискъ и страхъ, не будучи даже обязаннымъ никакою передъ Наперстковымъ отчетностью; если же по договору Наперсткову и предоставлено было право заключать договоры

о наймѣ служащихъ, выдавать имъ довѣренности и проч. (причемъ нанимать служащихъ онъ могъ только изъ лицъ, указанныхъ Шейномъ), то это объясняется только тѣмъ, что касса ссудъ открыта была на его имя и онъ былъ оффиціальнымъ хозяиномъ ея. Имѣя въ виду, что по правиламъ объ открытіи и содержаніи ссудныхъ кассъ, изложеннымъ въ Высочайше утвержденномъ 24 апрѣля 1879 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта (Собр. Узак. № 68) лицо, желающее заниматься выдачею ссудъ подъ заклады, обязано испросить на то надлежащее разрѣшеніе (въ С.-Петербургѣ у Градоначальника) (п. 1), каковое разрѣшеніе дается только тѣмъ изъ просителей, относительно которыхъ по личному убѣжденію лица разрѣшающаго или по имѣющимся о нихъ свѣдѣніямъ не встрѣчается препятствій со стороны нравственной ихъ благонадежности (п. 2); что между тѣмъ Шейнъ установленнаго разрѣшенія на открытіе и содержаніе кассы ссудъ не получалъ, и, какъ еврей, не могъ получить, ибо, какъ видно изъ имѣющейся въ дѣлѣ выданной Шейномъ Наперсткову подписки, ему извѣстно было, что по распоряженію Градоначальника евреямъ воспрещено участвовать въ кассахъ ссудъ, по указанію же допрошеннаго по дѣлу свидѣтеля Ягунова, Шейну запрещено было полиціею даже жить въ томъ домѣ, гдѣ помѣщалась ссудная касса, открытая на имя Наперсткова,—Прав. Сенатъ находитъ, что содержаніе договора отъ 19 августа 1886 г. не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что цѣль, которую преслѣдовали контрагенты при его заключеніи, состояла въ томъ, чтобы въ обходъ закона предоставить возможность содержать ссудную кассу лицу, не получившему на то установленнаго разрѣшенія. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что если побудительная причина къ заключенію договора есть достиженіе цѣли законамъ противной, то такой договоръ по смыслу 1529 ст. X т. I ч. не можетъ служить ни для одной изъ договорившихся сторонъ источникомъ какихъ-либо правъ, на томъ договорѣ основанныхъ, Прав. Сенатъ призналъ, что основанныя на такомъ договорѣ, составляющія предметъ настоящаго дѣла исковыя требованія Шейна не могутъ быть признаны подлежащими удовлетворенію. А потому и принимая во вниманіе: 1) что по ст. 49 Уст. Суд. Торг., если при разсмотрѣніи въ Ком. Судѣ дѣла, вѣдомству его подлежащаго, встрѣтятся спорныя статьи постороннія, коихъ разсмотрѣніе по существу ихъ принадлежитъ другому судебному мѣсту, то Ком. Судъ ограничивается разсмотрѣніемъ дѣла по тѣмъ обстоятельствамъ, кои подлежатъ его сужденію, и 2) что вслѣдствіе сего, если Шейнъ признаетъ свои интересы нарушенными помимо несоблюденія Наперстковымъ составляющаго предметъ настоящаго дѣла договора захватомъ послѣднимъ принадлежащаго, будто бы, ему имущества, каковое дѣйствіе, какъ не вытекающее изъ торговыхъ оборотовъ, не подлежитъ обсужденію Ком. Суда, то отъ него зависитъ предъявить о семъ особый искъ въ подлежащемъ судѣ,—Прав. Сенатъ рѣшеніе СПБ. Ком. Суда отмѣнилъ со всѣми послѣдствіями и въ искѣ Шейну съ Наперсткова въ его полномъ составѣ отказалъ (1893 г., № 805).

239. Искъ о признаніи договора, срокъ котораго не миновалъ, обязательнымъ для отвѣтчика и о понужденіи сего послѣдняго къ исполненію договора, подлежитъ разсмотрѣнію суда по существу.

Обсудивъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что разрѣшенію его подлежитъ вопросъ о томъ, заслуживаетъ ли удовлетворенія искъ Акціонернаго общества „А. М. Лютеръ“ къ администраціи, учрежденной по дѣламъ фирмы „Д. Зиновьевъ и К°“, о возложеніи на послѣднюю обязанности доставить истцу въ г. Ревель въ теченіи лѣта 1907 г. 10.000 березовыхъ, 8.000 осиновыхъ и 10.000 еловыхъ бревенъ, мѣрою и цѣною, опредѣленной въ двухъ торговыхъ счетахъ фирмы отъ 5 октября 1906 г. Искъ общества „А. М. Лютеръ“ не былъ уваженъ С.-Петербургскимъ Коммерческимъ Судомъ на томъ основаніи, что, въ виду отказа администраціи исполнить поставку бревенъ на условіяхъ договора между истцомъ и фирмой „А. Зиновьевъ и К°“, общество было, будто бы, не вправѣ требовать понужденія къ исполненію указаннаго договора, а должно было лишь домогаться присужденія убытковъ, буде оно таковое понесло. Правительствующій Сенатъ не раздѣляетъ, однако, этого соображенія и, соглашаясь съ доводами, изложенными въ апелляціи, признаетъ, что, пока не истекъ срокъ на исполненіе означеннаго договора, искъ Акціонернаго общества „А. М. Лютеръ“ къ администраціи, учрежденной по дѣламъ фирмы „Д. Зиновьевъ и К°“, подлежалъ удовлетворенію въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ былъ заявленъ въ исковомъ прошеніи, поданномъ повѣреннымъ Акціонернаго общества, присяжнымъ стряпчимъ Войниловичемъ, въ С.-Петербургскій Коммерческій Судъ 1 іюня 1907 г. Изъ того, что администрація, учрежденная по дѣламъ фирмы „Д. Зиновьевъ и К°“, фактически не могла и не можетъ быть принуждена къ исполненію договора, заключеннаго названною фирмою съ Акціонернымъ обществомъ „А. М. Лютеръ“, еще не вытекаетъ ни логически, ни юридически то положеніе, что за Акціонернымъ обществомъ надлежитъ признать лишь право на искъ объ убыткахъ, такъ какъ право на исполненіе договора является основнымъ и изначальнымъ (ст. 570 т. X ч. 1 Св. Зак.), а право на возмѣщеніе убытковъ—производнымъ и послѣдующимъ; нѣтъ сомнѣнія, что контрагентъ всегда вправѣ требовать исполненія договора, хотя въ ономъ и не было упомянуто о такомъ правѣ (рѣш. Гражданскаго Касс. Деп. 1903 г., № 69); при этомъ даже въ случаѣ невозможности принудительнаго исполненія, судебная власть не имѣетъ основанія отказать въ требованіи о признаніи договора обязательнымъ для противной стороны; такое признаніе стоитъ внѣ всякой зависимости отъ того, можетъ ли признанное право истца быть осуществлено принудительными мѣрами, потому что отвѣтчикъ воленъ и самъ по собственному почину выполнить свою обязанность по договору въ виду состоявшагося о томъ рѣшенія (рѣш. Гражд.

Касс. Деп. 1873 г., № 217 и 1880 г., № 118); если же судъ въ подобныхъ обстоятельствахъ не долженъ отказывать и въ искѣ объ убыткахъ, предъявляемомъ помимо иска объ исполненіи договора, то такое непосредственное, вопреки буквѣ закона, обращеніе къ требованію объ убыткахъ составляетъ право истца, но никакъ не его обязанность, вслѣдствіе чего предварительное требованіе о выполненіи договора въ точности не можетъ и не должно влечь за собою отказа только на томъ основаніи, что истецъ имѣлъ бы, въ виду невозможности принудить отвѣтчика къ исполненію, право прибѣгнуть прямо къ требованію возмѣстить убытки отъ неисполненія. Въ силу изложеннаго и такъ какъ по закону администрація не вправѣ отказаться отъ исполненія договора, заключеннаго должникомъ, а въ данномъ случаѣ администрація, учрежденная по дѣламъ фирмы „Д. Зиновьевъ и К°“, даже не споритъ противъ того, что она отказывается отъ исполненія договора отъ 5 октября 1906 г. на условіяхъ, въ немъ изложенныхъ, слѣдуетъ придти къ заключенію, что за истцомъ, Акціонернымъ обществомъ „А. М. Лютеръ“, должно быть признано право домогаться отъ отвѣтчика исполненія договора въ точности, не прибѣгая пока къ иску объ убыткахъ, который возможно предъявить и послѣ. На основаніи приведенныхъ соображеній и принявъ во вниманіе необходимость сообразоваться съ тѣмъ, что нынѣ срокъ исполненія договора уже истекъ,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: въ отмѣну рѣшенія С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда отъ 22 іюня 1907 г. признать обязательнымъ для администраціи, учрежденной по дѣламъ фирмы „Д. Зиновьевъ и К°“, договоръ, заключенный названною фирмой съ Акціонернымъ обществомъ „А. М. Лютеръ“, на условіяхъ, изложенныхъ въ двухъ счетахъ фирмы отъ 5 октября 1906 г. (1 іюня 1909 г. по дѣлу Лютеръ съ фирмой „Зиновьевъ и К°“).

240. *Гражданскій Кассаціонный Департаментъ*, въ рѣшеніи 1912 г., № 6 остановился на вопросѣ о томъ, *долженъ ли почитаться безусловно недѣйствительнымъ и для лица, состоящаго подъ опекою, необязательнымъ заключенный однимъ изъ двухъ соопекуновъ договоръ о наймѣ повѣреннаго для веденія дѣлъ подопечнаго, хотя бы и было доказано, что другому соопекуну было извѣстно объ этомъ и имъ признавалось необходимымъ и полезнымъ для опеки заключеніе такого договора*. Вопросъ разрѣшенъ *отрицательно*. Статья 253 т. X ч. 1 допускаетъ назначеніе нѣсколькихъ опекуновъ. Если обязанности по представительству лица, состоящаго подъ опекою, не распредѣлены между назначенными опекунами, то всѣ они въ совокупности представляютъ и замѣняютъ собою личность опекаемаго. Такое положеніе неоднократно высказывалось Правительствующимъ Сенатомъ при толкованіи 19 ст. Уст. Гражд. Суд. по поводу права соопекуновъ искать и отвѣчать на судѣ (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1875 г., № 445;

1876 г., № 459; 1877 г., № 51 и др.). Начало единства дѣйствій соопекуновъ вытекаетъ изъ общаго положенія о представительствѣ, по которому всѣ представители въ совокупности замѣняютъ собою представляемаго, образуя собою какъ бы одно лицо; поэтому, означенное начало подлежитъ примѣненію не только въ отношеніи права соопекуновъ искать и отвѣчать на судѣ, но и при совершеніи ими всякихъ другихъ юридическихъ дѣйствій. Въ предѣлахъ своихъ обязанностей опекуны не лишены права входить въ договорныя отношенія съ посторонними лицами для поддержанія или улучшенія имѣнія опекаемаго, и при этомъ также необходима совокупная дѣятельность всѣхъ соопекуновъ. Для понятія единства и нераздѣльности представительства соопекуновъ при заключеніи разнаго рода сдѣлокъ, однако требуется лишь солидарность въ ихъ дѣйствіяхъ, самыя же дѣйствія вовсе не должны быть выражены въ однообразной формѣ, а, напротивъ того, могутъ выразиться въ разныхъ формахъ. На основаніи 1528 ст. X т. ч. 1 для существованія договора необходимо взаимное согласіе договорившихся лицъ, причемъ согласіе это, при заключеніи письменныхъ договоровъ, можетъ быть удостовѣрено не только одною подписью договора, но и другими дѣйствіями сторонъ (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1881 г., № 175; 1889 г., № 135 и др.). Такое положеніе вполнѣ примѣнимо къ случаямъ заключенія письменныхъ договоровъ соопекунами, единство дѣйствій которыхъ не будетъ нарушено, если согласіе однихъ соопекуновъ выразится въ подписаніи ими договора, а согласіе другихъ соопекуновъ, не подписавшихъ договоръ, можетъ быть установлено другими дѣйствіями, указывающими на одобреніе ими заключенія договора и на признаніе ими совершенія договора необходимымъ или полезнымъ для опекаемаго. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, хотя и нѣтъ однообразія въ способѣ выраженія воли, но, несомнѣнно, имѣется налицо единство воли всѣхъ опекуновъ при заключеніи договора, а при такихъ условіяхъ устраняется всякое сомнѣніе относительно произвольности дѣйствій одного изъ нѣсколькихъ опекуновъ по заключенію договора, отъ какового произвола законъ и стремится оградить какъ опекаемаго, такъ и состоящее подъ опекою имущество.

Задатокъ.

241|166. Задатокъ по сдѣлкамъ о движимомъ имуществѣ имѣетъ значеніе обезпеченія исполненія договора, почему неисполненіе договора по винѣ давшаго задатокъ должно имѣть своимъ послѣдствіемъ потерю задатка въ пользу другого контрагента (Гражд. Касс. Деп. 1888 г., № 33). Но получившій и удерживающій такимъ образомъ задатокъ не можетъ наряду съ этимъ требовать исполненія договора со стороны контрагента давшаго и потерявшаго за неисполненіе договора задатокъ, а можетъ требовать только убытки отъ неисполненія договора (19 сентября 1902 г., № 1701, Зубковскаго). См. также №№ $\frac{233}{161}$, $\frac{260}{175}$, $\frac{291}{199}$.

Гражд. Касс. Деп. Прав. Сената въ рѣшеніи 1905 г., № 65, толкуя 1686 ст. X т. 1 ч., призналъ, что въ роспискѣ о задаткѣ не требуется обязательнаго изъясненія, что задатокъ принятъ въ обезпеченіе совершенія акта, ибо одно принятіе задатка предполагаетъ уже эту цѣль обезпеченія.

242. *Гражд. Касс. Деп.* въ рѣшеніи 24 апрѣля 1913 г., по д. Полевицкаго, по вопросу о *правѣ удержанія* при существованіи договорныхъ отношеній разъяснилъ, что починившій чужую вещь,—если такая починка явилась исполненіемъ заключеннаго между сторонами договора,—вправѣ задержать ее впредь до уплаты собственникомъ вещи денегъ, причитающихся, согласно условію, за ея починку.

КУПЛЯ-ПРОДАЖА.

243. Отличіе продажи отъ запродажи.

По закону (ст. 1384, 1510 и 1679 т. X ч. 1 Св. Зак.) запродажа есть договоръ, по которому одна сторона обязывается продать, а другая купить имущество на извѣстныхъ условіяхъ цѣны и срока. Существенное различіе между договоромъ запродажи и договоромъ купли-продажи заключается въ томъ, что по договору продажи имущества продавецъ передаетъ или обязуется передать покупщику въ собственность принадлежащее ему имущество, тогда какъ запродажа представляется соглашеніемъ о заключеніи впослѣдствіи договора продажи; если продается индивидуальное имущество, оно передается покупщику тотчасъ послѣ сдѣлки, когда же продаваемое имущество опредѣляется родомъ и качествомъ, тогда право собственности на отдѣльные предметы, входящіе въ составъ этого имущества, переходитъ къ покупщику лишь съ передачею этого имущества, т. е. не при самомъ заключеніи сдѣлки, а впослѣдствіи; предметомъ продажи можетъ быть и такая вещь, которая не состоитъ налицо у продавца, лишь бы онъ *имѣлъ на нее право собственности и распоряженія*, напр., ожидаемый урожай. Исходя изъ этихъ соображеній Правительствующій Сенатъ призналъ договоромъ купли-продажи, а не запродажи, соглашеніе о пріобрѣтеніи отъ владѣльцевъ береговъ рѣки будущихъ улововъ рыбы несмотря на то, что количество подлежавшей улову рыбы не было опредѣлено (1908 г., № 2174; тоже, рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1870 г., № 1381 и 1880 г., № 94).

244|167. Когда *продаваемое имущество опредѣляется родомъ и качествомъ*, или когда продается часть извѣстнаго количества, напр., изъ склада, тогда право собственности переходитъ отъ продавца къ покупщику лишь съ момента передачи ему имущества; уплата всѣхъ денегъ впередъ не имѣетъ въ этомъ отношеніи значенія.

Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Спб. Ком. Судъ отказалъ истцу Мякишеву въ понужденіи конкурса Овсянникова къ отдачѣ ему товара на сумму 5.723 руб. 60 к. Ходатайство свое объ отмѣнѣ означеннаго рѣшенія суда повѣренный Мякишева основываетъ на томъ, что право собственности послѣдняго на спорный товаръ должно быть признано перешедшимъ къ нему съ момента заключенія сдѣлки купли-продажи онаго—20 сентября 1888 г., и что слѣдовательно Мякишевъ, какъ собственникъ этого товара, вправѣ требовать отъ конкурса

предоставленія ему такового, тѣмъ болѣе, что всѣ слѣдующія за товаръ деньги уже уплачены и часть онаго уже принята была Мякишевымъ. Въ подтвержденіе справедливости этихъ объясненій, а равно и того обстоятельства, что въ моментъ обращенія Мякишевымъ своего требованія къ конкурсу о выдачѣ купленнаго товара таковой находился налицо, апелляторъ ходатайствуетъ о допросѣ свидѣтеля Сомина. Но съ такими доводами просителя не представляется возможнымъ согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ. По договору продажи движимаго имущества продавецъ передаетъ или обязуется передать покупщику въ собственность принадлежащее ему имущество (ст. 1384 т. X ч. 1). При этомъ продавецъ передаетъ покупщику право собственности на имущество немедленно въ моментъ совершенія сдѣлки, когда продается индивидуально опредѣленное имущество; когда же продаваемое имущество опредѣляется родомъ и качествомъ или условленными образцами (ст. 1516 т. X ч. 1), или когда продается часть извѣстнаго количества, напримѣръ, изъ склада (ст. 1515), тогда право собственности переходитъ отъ продавца къ покупщику лишь съ передачею имущества, т. е. со врученіемъ покупщику самаго имущества или съ поступленіемъ онаго въ его распоряженіе (ст. 1510). Изъ имѣющагося же въ дѣлѣ счета Овсянникова на имя Мякишева отъ 20 сентября 1888 г. усматривается, что первый продалъ послѣднему со сдачею изъ кладовой 290 мѣшковъ крупчатки 2-го сорта и 600 мѣшковъ первача 1-го сорта по 8 руб. 20 к., всего на сумму 7.298 р. Такимъ образомъ само уже содержаніе означеннаго счета съ ясностью показываетъ, что сдѣлка между Мякишевымъ и Овсянниковымъ состоялась вовсе не относительно индивидуально опредѣленнаго товара, какъ то неправильно полагаетъ апелляторъ, а товара, опредѣленнаго только общими признаками—количествомъ, родомъ и качествомъ, вслѣдствіе чего, согласно приведеннымъ соображеніямъ, и право собственности на этотъ товаръ, за непередачею ему Овсянниковымъ этого послѣдняго, къ Мякишеву перейти вовсе не могло. При этомъ нельзя въ данномъ случаѣ не указать и на то, что самъ истецъ Мякишевъ не признавалъ вовсе права собственности на отыскиваемый имъ нынѣ товаръ перешедшимъ къ нему въ силу сдѣлки 20 сентября 1888 г., предъявивъ къ Овсянникову еще до объявленія его несостоятельнымъ должникомъ искъ о признаніи означенной сдѣлки для него необязательною и объ освобожденіи его отъ принятія упомянутаго товара, какъ недоброкачественнаго. По всѣмъ симъ основаніямъ и принимая во вниманіе: 1) что передача части проданнаго товара не можетъ измѣнить отношеній договорившихся сторонъ относительно той части, которая еще не передана покупщику; 2) что точно также уплата всѣхъ денегъ впередъ не можетъ вліять на вышеприведенное положеніе о переходѣ къ покупщику права собственности на проданный по роду и качеству товаръ лишь по передачѣ онаго ему; 3) что посему ссылка апеллятора на свидѣтеля, направленная къ тому, чтобы установить, что отыскиваемый товаръ былъ собствен-

ностью Мякишева и что въ моментъ обращенія Мякишевымъ своего требованія къ конкурсу Овсянникова о выдачѣ означеннаго товара таковой находился налицо, если бы она и была подтверждена, не могла бы имѣть по дѣлу значенія, разъ не представлено доказательствъ, что отыскиваемый товаръ уже былъ сданъ; 4) что до передачи купленнаго товара, опредѣленнаго лишь родомъ и качествомъ, покупщику договоръ не можетъ быть признанъ исполненнымъ и потому, въ виду несостоятельности Овсянникова, исполненіе онаго по силѣ ст. 570 Уст. Суд. Торг. зависитъ отъ конкурса,—Прав. Сенатъ находитъ, что исковыя въ настоящемъ дѣлѣ требованія Мякишева о понужденія конкурса Овсянникова къ выдачѣ ему спорнаго въ настоящемъ дѣлѣ товара вполнѣ правильно признаны Спб. Ком. Судомъ удовлетворенію не подлежащими (1890 г., № 165).

245 доп. III. По обжалованному со стороны истца рѣшенію Московскаго Коммерческаго Суда отказано въ искѣ купца Ишмуратова къ администраціи, учрежденной по дѣламъ торговаго дома „Д. и А. Расторгуевы“, о признаніи за Ишмуратовымъ права собственности на обозначенные въ исковомъ прошеніи ящики кирпичнаго и цейлонскаго чая, обязаніи отвѣтчика сдать истцу часть вышеупомянутаго товара и уплатить ему 13.974 р. 25 коп. съ % за остальную часть его. Обсудивъ дѣло, Правительствующій Сенатъ въ отношеніи *кирпичнаго чая* нашелъ, что, какъ видно изъ представленнаго къ дѣлу свидѣтельства Одесской таможни отъ 8 мая 1907 года, изъ Ханькоу были отправлены въ Одессу на имя Расторгуевыхъ двѣ партіи кирпичнаго чая, причемъ первая изъ нихъ (198 мѣстъ) была нагружена 1 іюня, а вторая (1.110 мѣстъ) нагружена 22 іюня и прибыла въ Одессу 27 іюля 1905 г. А такъ какъ съ числомъ ящиковъ въ каждой изъ вышеупомянутыхъ партій кирпичнаго чая вполнѣ совпадаетъ количество ящиковъ такого же чая, проданныхъ торговымъ домомъ Ишмуратову по каждому изъ соглашеній ихъ, въ Москвѣ и на Нижегородской ярмаркѣ (за вычетомъ 4-хъ пробныхъ ящиковъ чая, безъ замедленія выданныхъ истцу), то изъ сего слѣдуетъ вывести то заключеніе, указываемое апелляторомъ, что торговымъ домомъ Расторгуевыхъ были проданы истцу двѣ совершенно отдѣльныя партіи кирпичнаго чая, причемъ каждая изъ нихъ была куплена не по частямъ, а цѣликомъ, а обѣ въ сложности составляютъ, съ присоединеніемъ къ нимъ 4 пробныхъ ящиковъ (о которыхъ спора и нѣтъ) всю партію проданнаго Ишмуратову *кирпичнаго* чая, причемъ отвѣтчикъ не утверждалъ и ничѣмъ не доказалъ, что кромѣ этихъ 1.300 ящиковъ у торговаго дома Расторгуевыхъ было въ распоряженіи еще какое-либо количество кирпичнаго чая данныхъ марокъ. При такихъ обстоятельствахъ надлежитъ признать по обстоятельствамъ дѣла и согласно разъясненію Гражд. Касс. Деп. Прав. Сената по однородному дѣлу о продажѣ 2 партій сѣна (1880 г., № 94) продажу кирпичнаго чая Ишмуратову *относящеюся къ индивидуально-опредѣленному имуществу, право собственности на ко-*

торое должно считаться перешедшимъ къ нему со дня заключенія послѣдней сдѣлки и оплаты ея на основаніи представленныхъ ему счетовъ и потому надлежитъ признать, что составляющій предметъ настоящаго дѣла искъ Ишмуратову въ части, касающейся права собственности на кирпичный чай, является правильнымъ и подлежащимъ удовлетворенію. Что же касается указанія отвѣтчика на то, что будто бы въ данномъ случаѣ имѣла мѣсто не продажа, а запродажа, то оно не заслуживаетъ уваженія какъ по содержанію сдѣлокъ сторонъ, такъ и въ виду разъясненія Гражд. Касс. Деп. Прав. Сената въ томъ же рѣшеніи (1880 г., № 94). Переходя къ иску о проданныхъ Ишмуратову ящикахъ цейлонскаго чая, Прав. Сенатъ находитъ, что о количествѣ товара во время заключенія между сторонами сдѣлокъ купли-продажи нельзя судить по количеству ящиковъ, оказавшемуся къ моменту произведенныхъ въ таможняхъ описей или вообще къ одному изъ позднѣйшихъ по сравненію съ временемъ заключенія сдѣлокъ моментовъ, а засимъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что повѣренный отвѣтчика утверждалъ и утверждаетъ (ссылаясь на неосмотрѣнныя книги торговаго дома), что во время продажи Ишмуратову ящиковъ цейлонскаго чая у торговаго дома имѣлось больше противъ проданнаго количества этого товара и потому право собственности на этотъ чай, какъ проданный по образцу и при томъ лишь въ части изъ партіи однороднаго товара, не можетъ быть признано за Ишмуратовымъ по тѣмъ соображеніямъ, которыя приведены въ рѣшеніи суда и въ виду разъясненія Прав. Сената въ рѣшеніи 1 февраля 1890 года, № 165 о томъ, что если продается часть товара, опредѣленнаго родомъ и качествомъ, то право собственности на него переходитъ со дня его передачи. Что же касается указанія апеллятора на то, что отказъ Ишмуратову въ настоящемъ его искѣ повлекъ бы за собою недолжное обогащеніе отвѣтчика на счетъ истца, какъ выдававшаго отвѣтчику векселя и ихъ оплатившаго, то въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что администрація, по заявленію ея повѣренныхъ, не отказываетъ истцу въ признаніи его претензіи въ общемъ наряду съ прочими кредиторами порядкѣ удовлетворенія, но споритъ лишь противъ настоящаго иска въ виду виндикаціоннаго характера его. Признавая такимъ образомъ, что требованіе Ишмуратова въ части, касающейся цейлонскаго чая, не подлежитъ удовлетворенію, а въ остальной части рѣшеніе суда подлежитъ отмѣнѣ,—Прав. Сенатъ: 1) рѣшеніе Моск. Ком. Суда въ части, касающейся кирпичнаго чая, отмѣнилъ и за Ишмуратовымъ призналъ право собственности на находящіяся въ Одесской таможнѣ 257 мѣстъ Д. А. Р. 172, 196 мѣстъ Д. А. Р. 175—330 мѣстъ Д. А. Р. 176 и 327 мѣстъ Д. А. Р. 177 и на находящіеся въ Московской таможнѣ 99 ящиковъ Д. А. Р. 175, 69 ящиковъ Д. А. Р. 172 и 30 ящиковъ Д. А. Р. 175, обязавъ отвѣтчика передать означенный товаръ Ишмуратову; 2) въ остальной части обжалованное рѣшеніе оставилъ въ силѣ (1907 г., № 1684).

246|168. Коль скоро принятіе товара обусловлено предварительною визитировкою его, то, принявъ безотговорочно товаръ, покупщикъ не вправѣ ссылаться на несоотвѣтствіе его договоренному.

Изъ дѣла видно, что Рѣзановъ, предъявивъ къ Синодино искъ въ суммѣ 1.983 р. 36 к., объяснилъ, что онъ продалъ послѣднему по договору 2.498 четвертей пшеницы по 10 руб. 40 коп. за четверть, всего на сумму 25.983 р. 36 к., получилъ же онъ отъ Синодино лишь 24.000 руб., а потому просилъ взыскать съ него остающіеся 1.983 р. 36 к. Отвѣтчикъ Синодино, не отрицая того, что онъ дѣйствительно не доплатилъ Рѣзанову означенной суммы, объяснилъ что проданный товаръ не соотвѣтствовалъ пробѣ, а потому со стороны Рѣзанова должна быть сдѣлана скидка въ цѣнѣ по 40 к. съ четверти за недостающій вѣсъ ($^3/_4$ фунта на четверть), а всего на всѣ проданныя 25.000 четв. въ суммѣ 1.000 р., въ каковой, между прочимъ, суммѣ Синодино и былъ предъявленъ къ Рѣзанову встрѣчный искъ. Таганрогскій Ком. Судъ, согласившись съ приведеннымъ доводомъ отвѣтчика, удовлетворилъ исковыя требованія Рѣзанова, зачтя въ нихъ лишь 983 р. 36 к. Но съ такимъ заключеніемъ суда нельзя согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ: покупка Синодино у Рѣзанова пшеницы, какъ видно изъ дѣла, состоялась на основаніи соглашенія, выраженнаго въ телеграммахъ, коими обмѣнялись маклера той и другой стороны; изъ текста этихъ телеграммъ усматривается, что хотя первоначально Синодино и намѣренъ былъ купить у Рѣзанова пшеницу по пробѣ (телеграмма 23 сентября), но впослѣдствіи, получивъ пробу и найдя ее „незавидной“, согласился на покупку этого хлѣба на томъ условіи, чтобы ему предоставлено было право визитаціи хлѣба до пріемки: „если окажется, что хлѣбъ удовлетворителенъ, вѣсъ $51^3/_4$ ф., то онъ согласенъ будетъ его принятъ“ (телеграмма 24 числа). Изъ того же обстоятельства, что хлѣбъ долженъ былъ визитироваться *до* пріемки и что самая пріемка могла имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если окажется (при предварительной визитировкѣ), что хлѣбъ удовлетворителенъ и вѣсъ $51^3/_4$ ф., съ несомнѣнностью вытекаетъ, что Синодино вправѣ былъ при несоотвѣтствіи хлѣба договорнымъ условіямъ отказаться отъ пріемки его или во всякомъ случаѣ установить недостатокъ въ качествѣ и вѣсѣ его до пріемки хлѣба, ибо въ противномъ случаѣ самое условіе о предварительной визитаціи хлѣба и о принятіи его лишь когда онъ будетъ признанъ по качеству и вѣсу удовлетворительнымъ, представлялось бы совершенно непонятнымъ и безцѣльнымъ. Между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ Синодино, осмотрѣвъ хлѣбъ, какъ объясняетъ Рѣзановъ, и чего не отрицаетъ и самъ отвѣтчикъ, не отказался отъ его принятія и не составилъ никакого акта объ оказавшейся, будто бы, недоброкачественности его, какъ онъ нынѣ утверждаетъ, а напротивъ того принялъ его

безотговорочно, изъ чего несомнѣнно слѣдуетъ, или что хлѣбъ оказался по осмотрѣ его надлежащаго качества и вѣса, или же что, несмотря на несоотвѣтствіе его договорнымъ условіямъ, Синодино, въ отступленіе отъ этихъ условій, добровольно согласился признать его удовлетворительнымъ и принять его по договорной цѣнѣ. А потому и заявленіе его, дѣлаемое имъ лишь въ настоящее время, объ оказавшемся, будто бы, въ пшеницѣ недостаткѣ въ вѣсѣ, какъ запоздалое и не соотвѣтствующее смыслу соглашенія, должно быть оставлено безъ вниманія. Независимо отъ сего, нельзя не указать и на то, что даже если бы за Синодино и возможно было признать право на предъявленіе въ настоящее время спора относительно качества проданнаго ему Рѣзановымъ и принятаго имъ отъ него хлѣба, то и въ такомъ случаѣ споръ его представлялся бы не заслуживающимъ уваженія, ибо имъ ничѣмъ не доказанъ ни самый фактъ недостачи вѣса въ хлѣбѣ, что Рѣзановымъ вполнѣ отрицается, ни размѣръ этой недостачи. А потому и принимая во вниманіе, что правильность исковыхъ требованій Рѣзанова въ суммѣ 1.983 р. 36 к. представляется, такимъ образомъ, ничѣмъ со стороны отвѣтчика неопровергнутою,—Прав. Сенатъ, въ измѣненіе состоявшагося по настоящему дѣлу рѣшенія Ком. Суда, присудилъ съ Синодино въ пользу Рѣзанова 1.983 р. 36 к. (1894 г., № 257).

О силѣ и значеніи рѣшеній арбитровъ по торговымъ дѣламъ относительно качества товара и соотвѣтствія условіямъ договора, см. тотъ же сборникъ т. I № 376 и слѣд.

247|168а. Терминъ „покупка за наличный разсчетъ“ означаетъ лишь условія сдѣлки купли-продажи и въ этомъ отношеніи противопоставляется собственно „*покупкѣ въ кредитъ*“, т. е. съ выдачею долговыхъ обязательствъ, но вовсе не удостовѣряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительнаго исполненія такого условія сдѣлки, т. е. немедленной уплаты денегъ при полученіи купленнаго товара, въ виду чего фактическое образованіе долга по сдѣлкѣ купли-продажи товара вполнѣ совмѣстимо съ понятіемъ покупки за наличный разсчетъ (1896 г., № 1182).

248|169. Предложившій сдѣлку отъ себя или чрезъ посредство агента является связаннымъ своимъ предложеніемъ въ томъ видѣ, какъ оно сдѣлано, если оно не измѣнено или не взято обратно (1884 г., сб. Вильсона I, № 125).

249|170. Принятіе покупщикомъ проданной вещи можетъ служить поводомъ къ признанію спора его о достоинствѣ этой вещи несвоевременнымъ лишь въ томъ

случаѣ, если оно совершилось при условіяхъ, свидѣтельствующихъ объ одновременномъ сознательномъ одобреніи покупщикомъ оной. Покупщикъ вправѣ отказаться отъ принятія несоотвѣтствующаго условію товара.

Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что разрѣшенію подлежатъ слѣдующіе вопросы: 1) о своевременности возбужденія товариществомъ спора о негодности поставленной ему Васильевымъ сажи, и, въ случаѣ разрѣшенія этого вопроса въ положительномъ смыслѣ, 2) можетъ ли поставленная Васильевымъ сажа быть признана соотвѣтствующею условіямъ сдѣланнаго товариществомъ Васильеву заказа? Въ отношеніи перваго вопроса Прав. Сенатъ признаетъ необходимымъ остановиться на слѣдующихъ соображеніяхъ. По закону (ст. 1516 т. X ч. I) продавецъ долженъ передать покупщику проданное движимое имущество той самой доброты, какой оно должно быть на основаніи состоявшагося между ними соглашенія, буде же при семъ произойдетъ споръ, то оный разрѣшается надлежащимъ судомъ (ст. 1517 того же тома и части) и если въ судѣ признано будетъ проданное движимое имущество по добротѣ своей несоотвѣтствующимъ условію, то оно отдается обратно продавцу (ст. 1518). Съ своей стороны покупщикъ обязанъ принять купленныя вещи лишь тогда, когда онѣ имѣютъ условленное по договору достоинство (ст. 1514). Въ виду сего и за неимѣніемъ въ законѣ никакихъ постановленій о томъ, чтобы споры о достоинствѣ проданной вещи со стороны покупщика были ограничены какимъ-либо особымъ срокомъ, слѣдуетъ признать, что таковой споръ вообще возможенъ, доколѣ не послѣдовало принятія въ смыслѣ одобренія проданной вещи покупщикомъ. Что не одинъ фактъ принятія вещи самъ по себѣ, т. е. переходъ вещи отъ покупщика къ покупателю, имѣетъ при этомъ существенное значеніе, а именно и только подразумѣваемое въ немъ одобреніе вещи, т. е. намѣреніе ею воспользоваться, явствуетъ уже изъ буквы самого закона, по которому вещь несоотвѣтствующая условію, отдается обратно продавцу, слѣдовательно предполагается, что она уже была принята покупателемъ. Отсюда въ свою очередь слѣдуетъ, что фактъ принятія покупщикомъ проданной вещи можетъ служить поводомъ къ признанію спора съ его стороны о достоинствѣ этой вещи несвоевременнымъ исключительно только въ томъ случаѣ, если самое принятіе вещи совершилось при условіяхъ, свидѣтельствующихъ объ одновременномъ сознательномъ одобреніи покупщикомъ въ той или иной формѣ, т. е. открыто или молчаливо, качества проданнаго имущества, и въ такомъ только случаѣ ему должно быть отказано въ правѣ спорить впослѣдствіи о годности проданнаго, ибо, выразивъ разъ тѣмъ или другимъ способомъ свое одобреніе, онъ уже не можетъ брать его обратно и ставить тѣмъ продавца на извѣстное время въ неопредѣленное относительно судьбы проданнаго имущества положеніе. Наоборотъ, если нѣтъ данныхъ, сви-

дѣтельствующихъ объ одобреніи вещи покупщикомъ при ея принятіи, самый фактъ принятія, самъ по себѣ, основаніемъ къ признанію заявленнаго послѣ онаго спора покупщика о негодности вещи несвоевременнымъ служить уже не можетъ, ибо, какъ уже указано, не формальное принятіе, а лишь подразумѣваемое въ немъ одобреніе вещи имѣетъ, согласно смыслу приведенныхъ законовъ купли-продажи, рѣшающее значеніе. Примѣняя изложенныя положенія къ настоящему дѣлу, Прав. Сенатъ находитъ, что совокупность обстоятельствъ онаго приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что изъ факта принятія Товариществомъ Россійско-Американской Мануфактуры отъ Васильева 6 партій сажи въ количествѣ 1231 пуд. 4 ф. (38 бочекъ) никоимъ образомъ не представляется возможности вывести заключеніе объ одобреніи имъ и самого качества товара и о признаніи соотвѣтствія его условіямъ заказа. Такъ, по заявленію повѣреннаго Товарищества, подтвержденному показаніями свидѣтелей Кемпе и Федорова, вовсе не оспоренному повѣреннымъ Васильева, поставлявшійся послѣднимъ съ марта по іюнь 1892 г. Товариществу товаръ (сажа) по принятіи его служащими Товарищества складывался въ особомъ отведенномъ для сего помѣщеніи въ томъ именно видѣ, въ какомъ онъ былъ доставленъ и принятъ, т. е. въ закупоренныхъ бочкахъ, и что въ такомъ положеніи товаръ этотъ находился до самаго предъявленія Васильевымъ Товариществу на него счета, а именно до 5 іюня 1892 г., только тогда Товарищество сдѣлало распоряженіе объ освидѣтельствованіи товара и товаръ былъ дѣйствительно осмотрѣнъ техниками Товарищества, причемъ признанъ не соотвѣтствующимъ условіямъ заказа. Такимъ образомъ по дѣлу представляется вполнѣ установленнымъ, что поставлявшаяся Васильевымъ сажа, хотя и принималась Товариществомъ, уполномоченные котораго дали въ томъ росписки на накладныхъ Васильева, но не подвергалась при пріемѣ никакому осмотру со стороны ея доброкачественности, а потому и выводить въ данномъ случаѣ изъ факта принятія Товариществомъ этого товара, окончательная поставка котораго не была еще вовсе притомъ окончена, одобреніе имъ и самого качества его не представляется никакихъ основаній, вслѣдствіе чего и принятіе это, само по себѣ, согласно вышеизложенному и вопреки мнѣнію Ком. Суда, не могло лишить Товарищество права заявить впервые споръ о негодности сажи при предъявленіи Васильевымъ счета на сказанный товаръ съ требованіемъ уплаты за него денегъ. Признавая по сему объясненія истца о несвоевременности заявленія Товариществомъ означеннаго спора неуважительными и переходя къ обсужденію вопроса о томъ, можетъ ли поставленная Васильевымъ въ 1892 г. Товариществу сажа быть признана соотвѣтствующею условіямъ заказа, т. е. качеству сажи, поставленной Васильевымъ въ 1891 г., Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ то установлено показаніями допрошенныхъ по дѣлу свидѣтелей Кемпе и Федорова, въ 1891 г. Васильевымъ поставлялась сажа вполнѣ хорошая, соотвѣтствовавшая требованіямъ резиноваго производства, сажа же, поставленная

Васильевымъ въ 1892 г., т. е. спорная въ семъ дѣлѣ, содержала въ себѣ, какъ оказалось при вскрытіи бочекъ, значительную примѣсь песка, дѣлавшую ее совершенно негодною для употребленія въ дѣло Товарищества. Наличность примѣси песка въ сажѣ вполнѣ подтверждена и назначенными судомъ, осматривавшими эту сажу экспертами, оцѣнившими ее въ 1 руб. за пудъ (вмѣсто договоренныхъ 4 руб.). Что же касается свидѣтелей, допрошенныхъ судомъ по ссылкѣ истца Васильева, то изъ нихъ Троицкій въ 1892 г. у Васильева болѣе не служилъ и не знаетъ, какая именно сажа доставлялась Васильевымъ Товариществу, Тараканов же хотя и показалъ, что сажа почти вся (по свидѣтельству Троицкаго около 15.000 пуд.) была заготовлена въ 1891 г. и что именно она и была поставлена Товариществу, но при этомъ добавилъ, что „изъ заготовленной въ 1891 г. сажи отъ 500—600 пуд. были проданы другимъ лицамъ“, и слѣдовательно всѣ запроданные Васильевымъ Товариществу 18.000 пуд. никоимъ образомъ исключительно изъ заготовленной Троицкимъ въ 1891 г. сажи Товариществу быть поставлены не могли. Въ виду сего придавать этимъ показаніямъ какое-либо рѣшающее для дѣла значеніе не представляется возможнымъ. Въ частности же показаніе свидѣтеля Тараканова о томъ, что въ поставленной Товариществу сажѣ примѣси песка вовсе не было, противорѣчитъ какъ показаніямъ свидѣтелей Кемпе и Федорова, такъ и удостовѣренію экспертовъ. Но лучшимъ доказательствомъ дѣйствительнаго несоотвѣтствія сажи условіямъ договора служитъ признаніе и самимъ судомъ послѣдней доставленной Васильевымъ партіи этой сажи (37 бочекъ) неподлежавшею со стороны Товарищества принятію, а Васильева обязаннымъ ее взять обратно, каковому рѣшенію Васильевъ и подчинился, несмотря на то, что самъ Васильевъ никакой разницы по качеству между послѣдней и предыдущими партіями не приводитъ. Признавая такимъ образомъ фактъ несоотвѣтствія поставленной Товариществу Васильевымъ сажи условленной по договору, т.-е. такой, какая поставлялась имъ въ 1891 г., вполнѣ по дѣлу установленнымъ,—Прав. Сенатъ находитъ, что Товарищество за силою вышеприведенныхъ статей закона (1514 и 1518 т. X ч. 1) не можетъ быть признано обязаннымъ принять таковую отъ Васильева съ уплатою условленныхъ за нее денегъ, а напротивъ того сей послѣдній долженъ быть признанъ обязаннымъ взять таковую обратно, о чемъ и ходатайствуетъ въ своемъ встрѣчномъ искѣ Товарищество. По всѣмъ симъ основаніямъ и принимая во вниманіе, что если несвоевременнымъ освидѣтельствованіемъ сажи и запоздалымъ вслѣдствіе сего отказомъ Товарищества отъ ея принятія (сажа поставлялась помѣсячно съ марта 1892 г.) Товарищество нанесло Васильеву какіе-либо убытки, то отъ него зависитъ отыскивать таковые съ Товарищества въ установленномъ порядкѣ, обстоятельство же это никоимъ образомъ не можетъ послужить основаніемъ къ обязанію покупщика принять товаръ по добротѣ своей несоотвѣтствующій условленному,—Прав. Сенатъ рѣшеніе Спб. Ком. Суда отмѣнилъ и въ искѣ Васильева

съ Товарищества Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры 4.884 руб. 40 к. отказалъ (1894 г., № 431; тоже, 1898 г., № 411; 1910 г., № 597).

250. Постановленія арбитражной комиссіи, касающіяся опредѣленія качества товара являются обязательными для сторонъ. Ст. 1516 и 1518 т. X ч. 1 относятся одинаково какъ къ вещамъ замѣнимымъ, такъ и къ вещамъ незамѣнимымъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло вслѣдствіе апелляціонной жалобы Русскаго Торговаго Товарищества на рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда, коимъ въ искѣ Товариществу къ Икономиди 2062 р. 50 к. убытковъ отъ непринятія отвѣтчикомъ сданной ему тарелочной чечевицы отказано, Правительствующій Сенатъ находитъ, что вопреки утвержденію апеллятора, нѣтъ основанія къ производству экспертизы качества доставленной чечевицы, такъ какъ несоотвѣтствіе ея образцу, по коему должна была быть произведена поставка, удостовѣряется постановленіемъ арбитражной комиссіи, а таковое постановленіе въ части, касающейся опредѣленія качества товара, является обязательнымъ для сторонъ. Указаніе апеллятора на то, что при разсмотрѣніи дѣла второй инстанціей арбитражной комиссіи экспертъ не призналъ будто бы несоотвѣтствія поставленной чечевицы съ условленнымъ образцомъ ея, опровергается содержаніемъ рѣшенія этой комиссіи, изъ коего видно, что каждый пудъ чечевицы разнится по качеству отъ пробы ея на 10—15 коп., т. е. хуже условленнаго образца. Также нельзя согласиться съ апелляторомъ и въ томъ, что ст. 1516 и 1518 т. X ч. I Св. Зак. въ отношеніи замѣнимыхъ вещей должны быть иначе толкуемы, чѣмъ въ отношеніи вещей незамѣнимыхъ; съ этимъ согласиться уже потому нельзя, что вышеозначенный законъ такого различія не знаетъ, въ виду чего разъ товаръ не соотвѣтствуетъ условленному качеству его, то сдѣлка должна быть признана необязательной для покупщика и нельзя его обязывать къ принятію товара. Равнымъ образомъ нѣтъ основанія къ выясненію существованія обычая принимать товаръ съ наличностью приведенныхъ въ рѣшеніи арбитражной комиссіи недостатковъ его, такъ какъ если даже допустить существованіе такового обычая, то послѣдній, какъ противорѣчащій вышеприведенному требованію закона, не можетъ быть признанъ обязательнымъ для Икономиди. Наконецъ, нельзя согласиться съ апелляторомъ, что стороны условились по договору, заключенному между ними, подчиниться этому обычаю, такъ какъ прямой ссылки на этотъ обычай въ договорѣ нѣтъ, а есть лишь общее указаніе на то, что контрагенты подчиняются обычаямъ Одесской биржи, а таковое указаніе должно быть понимаемо лишь въ томъ смыслѣ, чтобы къ дѣлу имѣли примѣненіе обычаи Одесской биржи, дополняющіе требованіе закона, но никакъ не отмѣняющіе его. По

симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ рѣшеніе Коммерческаго Суда оставилъ въ силѣ (1911 г., № 93).

251. Если размѣръ скидки на случай доставки товара, не вполнѣ отвѣчающаго условіямъ договорнаго соглашенія, не установленъ ни договоромъ, ни обычаемъ, то при оказавшихся по экспертизѣ дефектахъ товара судъ не можетъ самъ опредѣлять размѣръ скидки, а за покупщикомъ должно быть признано право вовсе не принимать товаръ.

Предметъ настоящаго дѣла составляетъ искъ товарищества мануфактуръ Никанора Разоренова и Михаила Кормилицына къ товариществу Горкинской мануфактуры въ суммѣ 3837 р. 65 к. съ % убытковъ, причиненныхъ истцу непринятіемъ отвѣтчикомъ 898 п. 20 ф. пряжи изъ партіи въ количествѣ 12.000 п., купленной отвѣтчикомъ по маклерской запискѣ отъ 21 октября 1903 г. Рѣшеніемъ отъ 19 января 1906 г. Московскій Коммерческій Судъ призналъ исковыя требованія неподлежащими удовлетворенію. Приступая къ обсужденію дѣла, вслѣдствіе принесенной на это опредѣленіе повѣреннымъ товарищества мануфактуръ „Н. Разоренова и М. Кормилицына“ апелляціонной жалобы,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что заключеніе Коммерческаго Суда о томъ, что отвѣтчикъ былъ вправѣ возвратить истцу доставленную пряжу, въ виду неудовлетворительнаго состоянія таковой, не можетъ считаться опровергнутымъ ни выводами произведенной 1 февраля 1910 г., согласно указа Правительствующаго Сената экспертизы, ни другими, имѣющимися въ дѣлѣ данными. Дѣйствительно, экспертизою установлено: 1) что въ номерѣ доставленной пряжи замѣчаются отступленія въ ту и другую сторону, сравнительно съ № обусловленнымъ (№ 38); 2) что крѣпость пряжи равняется въ среднемъ 32 фунтамъ, т. е., что при констатированномъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ паденіи ея до 30 ф. отступленіе въ крѣпости спорной пряжи выражается 6%; 3) что въ спорной пряжѣ замѣчается увеличеніе „раскидки“. Экспертизою такимъ образомъ устанавливается несоотвѣтствіе доставленной пряжи условіямъ заказа. Хотя затѣмъ эксперты и высказались въ томъ направленіи, что обнаруженные дефекты не давали отвѣтчику права отказаться отъ пріемки товара, такъ какъ отступленіе въ номерѣ доставленной пряжи не превышаетъ норму, допускаемую обычаемъ, а отступленіе въ крѣпости и излишне получившаяся раскидка (отбросы) давали отвѣтчику лишь право при пріемкѣ пряжи требовать съ истца извѣстную денежную скидку, тѣмъ не менѣе, Правительствующій Сенатъ не считаетъ возможнымъ придавать выводамъ экспертовъ рѣшающаго въ дѣлѣ значенія, какъ потому, что эти выводы выходятъ за предѣлы компетенціи ихъ, такъ и по слѣдующимъ основа-

ніямъ: во-первыхъ, въ виду неоднократныхъ жалобъ отвѣтчика на плохое качество пряжи утка № 38, истцомъ былъ командированъ на фабрику товарищества Горкинской мануфактуры агентъ для выясненія этого обстоятельства, послѣ чего товарищество мануфактуръ „Н. Разоренова и М. Кормилицына", признавъ нѣкоторые дефекты въ поставленной пряжѣ, обѣщало присылать впередъ товаръ лучшей сортировки, но, однако,. и затѣмъ, какъ усматривается изъ дѣла, посланная истцомъ партія пряжи высшаго, по его заявленію, достоинства взамѣнъ забракованной, оказалась также не пригодной для ткачества, и, во-вторыхъ, выводы экспертовъ находятся въ противорѣчіи съ дѣйствующими по сему предмету узаконеніями. По закону (ст. 1516 и 1518 т. X ч. I) продавецъ долженъ передать покупщику проданное движимое имущество той самой доброты, какой оно должно быть на основаніи условія, причемъ при несоотвѣтствіи качества товара условію или образцу товаръ отдается обратно продавцу. Въ данномъ случаѣ несоотвѣтствіе непринятаго отвѣтчикомъ товара условіямъ сдѣлки 21 октября 1903 г. установлено самими экспертами, почему за отвѣтчикомъ въ силу закона должно быть признано право отказаться отъ пріемки товара; засимъ вышеуказанные выводы экспертовъ неубѣдительны еще и потому, что построены не на данныхъ, полученныхъ на основаніи изслѣдованія свойства и качества спорной пряжи (которая уже не существуетъ), а на данныхъ, почерпнутыхъ изъ торговыхъ книгъ тяжущихся и выражающихъ собою лишь средніе нормы всего производства безотносительно къ спорной партіи. Съ этой точки зрѣнія имѣютъ большое значеніе данныя, добытыя экспертизою 5 января 1905 г., произведенной въ порядкѣ обезпеченія доказательствъ по ходатайству самого истца. Этою экспертизою (въ окончательномъ выводѣ скорѣе благопріятною для истца) устанавливается, что крѣпость бѣлаго утка въ нѣкоторыхъ случаяхъ падала до 26,14 фунтовъ и что колебанія въ номерахъ оказались отъ 34,5 до 40; отъ 34 до 41,7; отъ 36,8 до 41,7, отъ 34 до 41; отъ 35 до 38,4 и отъ 34, 5 до 40. Если же принять во вниманіе, что согласно экспертизѣ 1 февраля 1910 г., колебаніе №№ не должно превышать $1^1/_2$ номера въ ту и другую сторону (для № 38 предѣлы будутъ $36^1/_2$ и $39^1/_2$) и что нормальная крѣпость купленной пряжи не должна была быть ниже 32 фунтовъ, то нельзя не признать, что выводъ обѣихъ экспертизъ о томъ, что у отвѣтчика не было повода отказываться отъ пріемки товара, долженъ быть отвергнутъ, какъ несогласный съ обстоятельствами дѣла (ст. 533 Уст. Гражд. Суд. т. XVI ч. I Св. Зак.). На основаніи изложеннаго и въ виду того, что истцомъ, какъ въ періодъ предварительныхъ переговоровъ, послѣ производства экспертизы доставленной пряжи, такъ и во время возникновенія даннаго дѣла въ Коммерческомъ Судѣ, не было сдѣлано какихъ-либо предложеній ни о замѣнѣ доставленнаго негоднаго товара лучшимъ, ни о производствѣ точно опредѣленной скидки съ цѣны по поводу дефектовъ товара, а Правительствующій Сенатъ при такихъ обстоятель-

ствахъ лишенъ возможности установить размѣръ скидки по судебному рѣшенію, закономъ или обычаемъ вовсе не предусмотрѣнный,—Правительствующій Сенатъ, признавая рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда правильнымъ и отмѣнѣ не подлежащимъ, состоявшееся по сему дѣлу рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда отъ 19 января 1906 г. оставилъ въ силѣ (1910 г., № 2137).

252. Правительствующій Сенатъ находитъ, что *принятіе товара и уплата за него денегъ не могутъ служить безусловнымъ препятствіемъ къ возбужденію впослѣдствіи спора о достоинствѣ принятаго товара*. Если, однако, обратиться къ послѣдовавшимъ по этому вопросу разъясненіямъ Правительствующаго Сената, то не трудно убѣдиться, что *такой запоздалый споръ о качествахъ товара допускался Правительствующимъ Сенатомъ лишь въ случаяхъ, когда предметомъ договора купли-продажи являлись вещи, достоинство которыхъ могло быть оцѣнено только послѣ ихъ испытанія* (17 марта 1894 г., № 431, 16 апрѣля 1898 г., № 411). Между тѣмъ въ настоящемъ дѣлѣ не имѣется налицо указаннаго условія. Для того, чтобы убѣдиться въ несоотвѣтствіи поставленнаго Бурылинымъ Спиридонову миткаля (по вѣсу) состоявшемуся между ними соглашенію, не только не требовалось подвергать миткаль какому-либо испытанію или изслѣдованію, но даже простое взвѣшиваніе его представлялось излишнимъ, такъ какъ недостатокъ этотъ обнаруживался при простомъ сопоставленіи счетовъ Бурылина съ накладными, при которыхъ слѣдовалъ товаръ. Такимъ образомъ, даже при очень поверхностной пріемкѣ миткаля покупщикъ его не могъ не замѣтить, что значительныя партіи товара имѣли вѣсъ менѣе установленнаго. Въ засѣданіи Коммерческаго Суда Спиридоновъ оправдывалъ несвоевременное заявленіе имъ спора тѣмъ обстоятельствомъ, что накладныя поступили не къ нему, а къ „подрядчику“. Но указанное объясненіе, помимо его голословности, лишено всякаго юридическаго значенія, ибо за недосмотръ, допущенный при пріемкѣ товара лицомъ, дѣйствовавшимъ, очевидно, по уполномочію Спиридонова, долженъ отвѣчать конечно этотъ послѣдній, а не продавецъ товара. Независимо отъ сего надлежитъ имѣть въ виду, что, какъ видно изъ представленныхъ самимъ Спиридоновымъ писемъ Звенигородскаго и Петрасова, онъ въ ноябрѣ 1903 г. во всякомъ случаѣ имѣлъ точныя свѣдѣнія о добротности поставлявшагося ему Бурылинымъ миткаля; между тѣмъ только въ маѣ или іюнѣ 1904 г. встрѣчный истецъ чрезъ служившаго у Бурылина приказчика Смирнова заявилъ послѣднему о разницѣ въ вѣсѣ миткаля, когда же Бурылинъ отказался ставить ему товаръ болѣе тяжелый, не принялъ никакихъ мѣръ для огражденія своихъ интересовъ и безпрепятственно учинилъ съ нимъ разсчетъ выдачею векселей на всю указанную въ счетахъ продавца сумму. Приведенныя обстоятельства даютъ

основаніе заключить, что если Спиридоновъ и получилъ отъ Бурылина болѣе легкій, нежели показано въ счетахъ, миткаль, онъ послѣ неудачной попытки добиться поставки болѣе тяжелаго товара, въ концѣ концовъ удовольствовался поставленнымъ товаромъ, а потому и не имѣлъ права возбуждать спора о достоинствѣ его во встрѣчномъ искѣ по настоящему дѣлу. Вслѣдствіе сего, Правительствующій Сенатъ призналъ правильнымъ рѣшительное опредѣленіе Коммерческаго Суда, коимъ Спиридонову отказано въ предъявленномъ имъ къ Бурылину встрѣчномъ искѣ (1909 г., № 495).

253|171. Споръ о достоинствѣ товара послѣ его принятія допустимъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ самомъ фактѣ принятія нельзя еще усмотрѣть одобренія качества товара; недоброкачественность товара покупщикъ долженъ въ томъ или иномъ видѣ констатировать при самомъ принятіи, а при отсутствіи возраженій товаръ считается одобреннымъ (1894 г., сб. Вильсона I, № 130).

254. Если недостатки товара не могли быть обнаружены предусмотрѣнными въ договорѣ способами, за покупщикомъ не можетъ быть признано право устанавливать единолично безъ всякаго участія продавца и возможности съ его стороны возраженій обязательную для послѣдняго браковку товара. Поэтому, если покупщикъ желалъ возбудить споръ о недоброкачественности доставленнаго ему товара, замѣченной при его переработкѣ, ему надлежало немедленно при обнаруженіи этого пріостановиться дальнѣйшей переработкой и тогда же заявить о замѣченныхъ имъ недостаткахъ. Не возбудивъ же о семъ своевременно вопроса и употребивъ всю полученную партію товара въ дѣло, покупщикъ самъ лишилъ себя возможности возраженія противъ предъявленнаго къ нему иска (1910 г., № 2619).

255. Покупщикъ, пріобрѣвшій какое-либо имущество, не вправѣ домогаться возвращенія его продавцу въ виду несоотвѣтствія его условіямъ заказа, коль скоро онъ по предъявленіи къ продавцу требованія о принятіи обратно имущества, не прекратилъ дальнѣйшее пользованіе имъ, такъ какъ использовавъ въ теченіе продолжительнаго времени вещь на правахъ полнаго собственника и тѣмъ обезцѣнивъ ее, онъ уже не можетъ вернуть ее продавцу въ томъ видѣ, въ какомъ ее пріобрѣлъ (1909 г., № 2681).

256|172. Обычай, обязывающій покупщика товара заявить о недостаткахъ товара въ возможно непродолжительномъ, послѣ его полученія, времени, не можетъ имѣть примѣненія къ предметамъ, не могущимъ быть безъ всякаго затрудненія испытаннымъ,—къ машинамъ, требующимъ постановки, укрѣпленія и продолжительнаго испытанія; если при испытаніи онѣ окажутся негодными, за-

казчикъ вправѣ отказаться отъ ихъ принятія (сб. Вильсона I, № 141, рѣш. Спб. Ком. Суда).

257|173. Фактъ передачи продавцомъ транспортному обществу купленныхъ товаровъ, съ полученіемъ при этомъ покупной цѣны полностью, самъ по себѣ, еще не можетъ лишать покупщика права, убѣдившись по полученіи товара на мѣстѣ назначенія въ несоотвѣтствіи его образцамъ, требовать отъ продавца обратнаго принятія товара и возврата полученныхъ за оный денегъ, если продавцомъ не установлено, что при сдачѣ товара транспортному обществу оный былъ осмотрѣнъ и одобренъ покупщикомъ или лицомъ отъ него на это уполномоченнымъ. Одна сдача проданнаго товара транспортному учрежденію для отправки покупщику, хотя бы и за счетъ послѣдняго, по самому свойству дѣятельности транспортнаго учрежденія не можетъ быть признана равносильною принятію товара покупщикомъ, коль скоро не доказано или что транспортное учрежденіе было уполномочено покупщикомъ на осмотръ и окончательное принятіе за него товара, или что по особому соглашенію сторонъ сдача товара транспортному обществу должна быть признаваема окончательнымъ принятіемъ товара покупщикомъ (1895 г., № 287).

258. Несоотвѣтствіе товара условію или образцу даетъ покупателю право отступиться отъ договора лишь при условіи, если несоотвѣтствіе существовало въ моментъ пріобрѣтенія покупателемъ права собственности на оный, если же товаръ утратилъ условленныя качества въ позднѣйшее время, то это не даетъ покупателю права отказываться отъ принятія товара, хотя бы товаръ въ означенное время находился на храненіи у продавца. На послѣдняго отвѣтственность за порчу товара можетъ быть возложена только при условіи, что она произошла по его винѣ. При этомъ однако къ винѣ продавца могутъ быть отнесены только такія его дѣйствія или упущенія, которыя непосредственно касаются оставшагося у него товара, а не мѣропріятія его, лишь косвенно могущія отразиться на цѣнности товара (1909 г., № 301).

259|174. Фактъ перевозки покупщикомъ товара съ платформы жел. дор. въ амбары не имѣетъ значенія одобренія и принятія имъ товара. По существующему въ Ревелѣ обычаю покупщикъ обязанъ хранить поставленный ему товаръ въ своихъ амбарахъ, хотя бы таковой былъ

и низшаго противъ договореннаго качества. Согласно тому же обычаю покупщикъ, давшій за товаръ задатокъ и уплатившій провозную за него плату, вправѣ, если поставленный ему и оказавшійся несоотвѣтствующимъ условію товаръ легко подвергается порчѣ, продать его съ публичнаго торга за счетъ и рискъ продавца для покрытія сдѣланныхъ затратъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ прежде всего незаслуживающимъ уваженія указаніе апеллятора на то, что, будто бы, истецъ Гальнбекъ на основаніи свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ, который въ виду заключенія и исполненія сдѣлки 8 декабря 1886 г. въ г. Ревелѣ подлежитъ примѣненію къ настоящему возникшему изъ этой сдѣлки спору, потерялъ за давностью право на составляющій предметъ дѣла искъ. Приводимыя апеллятором въ подтвержденіе этого своего объясненія статьи св. мѣстн. узак. губ. остз. (3257, 3260 и 3271), помѣщенныя въ т. III кн. IV и гл. I „объ обязанности очистки“, между прочимъ гласятъ: ст. 3257: „отчуждатель, дѣйствовавшій съ злымъ умысломъ, обязывается вполнѣ вознаградить пріобрѣтателя. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ послѣднему предоставляется искать только по собственному его выбору или уничтоженія договора или уменьшенія возмездія на вещь; ст. 3260: „цѣлью иска объ уничтоженіи договора есть присужденіе отчуждателя взять проданную вещь обратно, съ возвращеніемъ полученной за нее цѣны или иначе произведеннаго возмездія“; ст. 3271: „въ Лифляндіи и Эстляндіи право на искъ объ уничтоженіи договора прекращается вообще по минованіи шести мѣсяцевъ, считая со дня отчужденія или съ того, въ который было дано относительно очистки какое-либо особое завѣреніе“. Точный смыслъ приведенныхъ узаконеній въ связи съ содержаніемъ ст. 3217 тѣхъ же законовъ, по которой „обязанность очистки вообще лежитъ на томъ, кѣмъ вещь *отчуждена*, совершено ли сіе отчужденіе имъ самимъ или же чрезъ заступающее его мѣсто“, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ нихъ говорится о правахъ и обязанностяхъ контрагентовъ по окончательно уже приведенному въ исполненіе договору купли-продажи или поставки (ст. 4022), когда слѣдовательно уже осуществились въ дѣйствительности отчужденіе вещи продавцемъ покупателю и переходъ таковой въ собственность пріобрѣтателя. Утверждая, вопреки заявленію истца, что въ настоящемъ случаѣ заключенная между сторонами 8 декабря 1886 г. сдѣлка дѣйствительно вполнѣ осуществилась и проданная по оной Шерстобитовымъ Гальнбеку пшеница перешла въ собственность сего послѣдняго, апеллляторъ ссылается на слѣдующее: 1) по означенной сдѣлкѣ Шерстобитовъ обязанъ былъ отдать пшеницу съ платформы желѣзной дороги, а потому и такъ

какъ Гальнбекъ, выгрузивъ товаръ изъ вагоновъ, перевезъ его въ свои амбары то онъ и долженъ почитаться принявшимъ товаръ, и 2) продавъ затѣмъ товаръ съ публичныхъ торговъ, Гальнбекъ тѣмъ самымъ распорядился имъ именно какъ собственникъ его. Но приведенныя соображенія не могутъ быть признаны уважительными по слѣдующимъ основаніямъ: по договору 8 декабря 1886 г. Шерстобитовъ обязался поставить Гальнбеку пшеницу не въ одинъ срокъ, а въ теченіе времени съ января по 10 февраля 1887 г. и съ тѣмъ, чтобы пшеница натурою въ общей сложности была не менѣе $^{113}/_{114}$ фун. голл. вѣса. Такимъ образомъ соотвѣтствіе товара условіямъ сдѣлки могло быть, очевидно, установлено по прибытіи не каждой партіи или каждаго вагона, а лишь всего проданнаго по сдѣлкѣ 8 декабря 1886 г. количества. Въ виду сего и такъ какъ оставленіе товара въ теченіе всего времени впредь до прибытія послѣдней партіи на платформѣ желѣзной дороги, очевидно, не могло входить въ намѣреніе сторонъ при заключеніи означенной сдѣлки, то и придавать одному только факту перевозки товара съ платформы въ амбары значеніе одобренія и окончательнаго принятія Гальнбекомъ товара не представляется основаній, тѣмъ болѣе что, какъ видно изъ дѣла, Гальнбекъ по полученіи каждой партіи извѣщалъ Шерстобитова, что товаръ натурою менѣе $^{113}/_{114}$ фун. голл. вѣса и съ запахомъ, т. е. что товаръ не условленныхъ качествъ и вѣса, и просилъ Шерстобитова, чтобы убѣдиться въ дѣйствительности этихъ обстоятельствъ, явиться лично или прислать когонибудь для этой цѣли, а по существующему на Ревельской биржѣ, удостовѣренному Ревельскимъ биржевымъ комитетомъ, обычаю покупатель во всякомъ случаѣ обязанъ доставленный въ Ревель товаръ хранить въ своихъ амбарахъ, хотя бы оказалось, что достоинство его ниже условленнаго въ договорѣ о поставкѣ. Равнымъ образомъ не можетъ служить основаніемъ къ признанію Гальнбека принявшимъ товаръ Шерстобитова и тотъ доводъ апеллятора, что Гальнбекъ продалъ этотъ товаръ съ публичныхъ торговъ, ибо то обстоятельство, что совершая означенную продажу, Гальнбекъ дѣйствовалъ за свой счетъ, не только ничѣмъ по дѣлу не доказано, но напротивъ того опровергается вполнѣ какъ письмами Гальнбека отъ 13, 21, 23 и 24 февраля 1887 г., которыми онъ неоднократно увѣдомлялъ Шерстобитова объ отказѣ своемъ отъ принятія высланнаго ему товара, какъ несоотвѣтствующаго условіямъ сдѣлки 8 декабря 1886 г., съ просьбою о возвращеніи ему уплаченныхъ за него денегъ и объ обратномъ взятіи Шерстобитовымъ этого товара, такъ и въ особенности письмомъ его отъ 9 марта 1887 г., въ коемъ Гальнбекъ прямо заявляетъ, что въ виду теплой погоды, при которой товаръ долго лежать не можетъ, онъ въ случаѣ неполученія отъ Шерстобитова выданныхъ ему авансовъ вынужденъ будетъ приступить къ продажѣ товара публичнымъ аукціономъ. Въ виду изложеннаго и такъ какъ согласно ст. 802 т. III св. мѣст. узак. губ. остз. отъ пріобрѣтателя требуется, чтобы онъ имѣлъ намѣреніе пріобрѣсти вещь въ свою собственность, въ дан-

номъ же случаѣ изъ имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ такого намѣренія Гальнбека относительно высланнаго ему Шерстобитовымъ товара не только установить нельзя, но напротивъ того они доказываютъ совершенно противное,—слѣдуетъ признать всѣ доводы повѣреннаго опеки Шерстобитова о примѣненіи къ настоящему спору послѣдняго съ Гальнбекомъ ст. 3257, 3260 и 3271 т. III св. мѣстн. узак. губ. остз. и основанное на оныхъ указаніе его на пропускъ Гальнбекомъ срока на предъявленіе настоящаго иска лишенными правильнаго основанія. Переходя засимъ къ обсужденію возраженія апеллятора о томъ, что если даже и признать спорную въ настоящемъ дѣлѣ пшеницу непринятою Гальнбекомъ, то и въ такомъ случаѣ продажу ея слѣдуетъ признать дѣйствіемъ со стороны Гальнбека самовольнымъ и противорѣчащимъ закону, Прав. Сенатъ находитъ, что это свое возраженіе апелляторъ основываетъ исключительно на томъ, что непринятіе Гальнбекомъ товара давало ему лишь право требовать, согласно 3257 ст. III т. св. мѣстн. узак. губ. остз., съ Шерстобитова уплаченныхъ имъ, Гальнбекомъ, за него денегъ и признанія Шерстобитова обязаннымъ взять обратно эту пшеницу, но никакъ не право на продажу товара. Принимая во вниманіе: 1) что, какъ указано уже выше, приведенная апелляторомъ ст. 3257 т. III св. мѣстн. узак. губ. остз., какъ имѣющая своимъ предметомъ права и обязанности, вытекающія изъ вполнѣ уже завершенной, выполненной обоими контрагентами сдѣлки купли-продажи или поставки, къ настоящему дѣлу вовсе не примѣнима; 2) что по существующему относительно поставки товаровъ въ г. Ревелѣ обычаю, удостовѣренному Ревельскимъ биржевымъ комитетомъ, если покупатель далъ задатокъ на товаръ и уплатилъ провозную за него плату и если по окончаніи поставки обнаружится, что товаръ вслѣдствіе присущихъ ему недостатковъ легко подвергается порчѣ и что такимъ образомъ сдѣланныя покупателемъ затраты не могутъ болѣе считаться обезпеченными, то обстоятельство это должно быть установлено экспертами и покупатель въ такомъ случаѣ вправѣ, извѣстивъ предварительно продавца, продать товаръ за счетъ и рискъ продавца съ публичнаго торга для покрытія сдѣланныхъ имъ затратъ; 3) что споръ апеллятора противъ существованія подобнаго обычая, основанный исключительно на томъ, что о немъ не упомянуто въ правилахъ Ревельской биржи 1887 г., лишенъ значенія, ибо одно непомѣщеніе извѣстнаго обычая въ биржевыхъ правилахъ, очевидно, еще не можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ дѣйствительнаго отсутствія его на Ревельской биржѣ вопреки прямому по сему предмету удостовѣренію Ревельскаго же биржевого комитета; 4) что засимъ двумя экспертизами, произведенными биржевыми маклерами, установлены какъ несоотвѣтствіе доставленной Шерстобитовымъ пшеницы условіямъ договора 8 декабря 1886 г., такъ и необходимость скорѣйшей продажи ея для избѣжанія дальнѣйшаго обезцѣненія ея, о чемъ Гальнбекъ, письмомъ отъ 9 марта 1887 г., извѣстилъ Шерстобитова; 5) что противъ содержанія означенныхъ документовъ, а равно и противъ факта про-

дажи пшеницы съ аукціоннаго торга установленнымъ на то порядкомъ со стороны повѣреннаго опеки Шерстобитова никакихъ доказательствъ не представлено,—Прав. Сенатъ находитъ, что всѣ возраженія апеллятора противъ продажи Гальнбекомъ товара и ходатайство его о признаніи дѣйствій Гальнбека по сему предмету произвольными и противорѣчащими закону должны быть признаны незаслуживающими уваженія. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ и такъ какъ противъ самой суммы присужденнаго Коммерческимъ Судомъ съ опеки Шерстобитова въ пользу Гальнбека взысканія апелляторъ въ жалобѣ своей никакихъ возраженій не приводитъ,—Прав. Сенатъ призналъ рѣшеніе Спб. Ком. Суда, коимъ удовлетворены исковыя въ настоящемъ дѣлѣ требованія Гальнбека къ опекѣ Шерстобитова, отмѣнѣ неподлежащимъ (1900 г., № 1561).

260|175. Покупщикъ вправѣ отказаться отъ принятія несоотвѣтствующаго по качеству условіямъ соглашенія товара и требовать возврата уплаченнаго задатка. Послѣдующее, по истеченіи срока поставки, приведеніе товара въ надлежащій видъ не имѣетъ значенія.

Предметъ настоящаго дѣла составляетъ искъ Роджерса къ Мудрику о взысканіи съ него обратно 1.000 р. задаточныхъ по договору о куплѣ-продажѣ гречихи и о признаніи истца свободнымъ отъ принятія купленнаго у отвѣтчика товара. Въ основаніе этого иска повѣренный Роджерса приводитъ то обстоятельство, что по соглашенію 23 августа 1889 г. Мудрикъ продалъ Роджерсу 13.000 пуд. гречихи, изъ коихъ 11.000 пуд. находятся въ магазинѣ Питса, а 2.000 пуд. въ магазинѣ Шехтера, цѣною по 25 коп. за пудъ, съ тѣмъ, чтобы гречиха была холодная, безъ дурного запаха, чистая, безъ земли, песку и половы, каковую гречиху Роджерсъ имѣлъ принять въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ и 8 дней съ 23 августа. Между тѣмъ, когда Роджерсъ пожелалъ приступить къ пріемкѣ означеннаго товара, таковой оказался несоотвѣтствующимъ условію, вслѣдствіе чего Роджерсъ и считаетъ себя вправѣ отказаться отъ принятія этого товара и требовать отъ Мудрика возврата выданнаго за оный задатка 1.000 руб. Въ опроверженіе этого иска Мудрикъ, оспаривая несоотвѣтствіе товара условіямъ состоявшагося между нимъ и Роджерсомъ соглашенія, объясняетъ, что вслѣдствіе непринятія Роджерсомъ товара онъ, Мудрикъ, обратился въ арбитражную комиссію, которая по разсмотрѣніи дѣла признала Роджерса обязаннымъ принять часть купленной гречихи немедленно, а другую часть, послѣ переработки ея и съ уступкою $2^1/_2$ к. за пудъ; а потому и такъ какъ онъ, Мудрикъ, вслѣдствіе такого рѣшенія съ большими для себя затратами переработалъ гречиху и привелъ ее въ хорошее состояніе, такъ что она въ настоящее время, какъ то удостовѣрилъ и маклеръ Тетельманъ, вполнѣ отвѣчаетъ условіямъ договора, то Роджерсъ и не

имѣетъ права отказаться отъ принятія ея. Но эти объясненія отвѣтчика Мудрика не могутъ быть признаны заслуживающими уваженія по слѣдующимъ соображеніямъ: изъ приведеннаго выше, не оспореннаго отвѣтчикомъ, содержанія заключеннаго имъ съ Роджерсомъ 23 августа 1889 г. договора, явствуетъ, что проданная Мудрикомъ гречиха, находившаяся въ магазинахъ Питса и Шехтера, должна была быть сдана Роджерсу по требованію его, имѣющему быть имъ заявленнымъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и 8 дней, холодною, безъ дурного запаха, чистою, безъ земли, песку и половы. Между тѣмъ не заявленное Роджерсомъ 28 октября 1889 г. требованіе сдачи ему всего количества проданнаго товара, качествомъ, соотвѣтствующимъ условію, Мудрикъ нотаріальнымъ заявленіемъ 28 октября 1889 г. хотя и пригласилъ Роджерса немедленно приступить къ пріемкѣ отъ него гречихи „но изъ-подъ рѣшета и изъ-подъ лопаты“, когда она будетъ совершенно соотвѣтствовать всѣмъ качествамъ гречихи, проданной ему, Роджерсу. Такимъ образомъ изъ буквальнаго смысла приведеннаго заявленія Мудрика усматривается, что товаръ, проданный имъ Роджерсу, во время посылки этого заявленія еще не былъ очищенъ и не былъ того достоинства, которое онъ долженъ былъ имѣть по условію отъ 23 августа 1889 г. Но независимо отъ сего это послѣднее обстоятельство, т. е. несоотвѣтствіе товара по качеству условленному договоромъ во время заявленія Роджерсомъ требованія о сдачѣ ему такового (28 октября 1889 г.) подтверждается слѣдующими, имѣющимися въ дѣлѣ данными: изъ представленной самимъ отвѣтчикомъ копіи съ арбитражнаго рѣшенія, послѣдовавшаго 3 ноября 1889 г., явствуетъ, что комиссія по разсмотрѣніи доставленныхъ сторонами образцовъ признала изъ всего количества проданной гречихи хорошею лишь партію въ 2.000 пуд., остальную же партію въ 11.000 пуд. обладающею дурнымъ запахомъ, который можетъ уничтожиться лишь переработкою партіи; недоброкачественность этой послѣдней партіи удостовѣрили также биржевой маклеръ Минцесъ 1 ноября 1889 г. и биржевой экспертъ Гредингеръ 7 ноября 1889 г., осматривавшіе гречиху по требованію Роджерса. Наконецъ, по собственному объясненію повѣреннаго отвѣтчика на судѣ, Мудрикъ уже послѣ рѣшенія арбитражной комиссіи съ большими для себя затратами перерабатывалъ гречиху и привелъ ее въ хорошее состояніе, изъ чего уже само собою слѣдуетъ, что до таковой переработки товаръ гречиха дѣйствительно, какъ то и утверждаетъ истецъ, страдалъ большими недостатками и вообще не соотвѣтствовалъ тому состоянію, которое условлено было въ соглашеніи 23 августа 1889 г. Что же касается представленнаго отвѣтчикомъ удостовѣренія биржевого маклера Тетельмана отъ 12 декабря 1889 г. о томъ, что гречиха Мудрика суха и безъ дурного запаха, то таковое лишено для дѣла всякаго значенія въ виду выдачи его уже послѣ переработки Мудрикомъ гречихи и притомъ по истеченіи договореннаго срока сдачи ея Роджерсу, истекавшаго 1 декабря 1889 г. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что такимъ образомъ то обстоятельство, что

проданный Мудрикомъ Роджерсу товаръ ко времени требованія послѣднимъ сдачи его не былъ той доброты, которую онъ долженъ былъ имѣть по условію, представляется по дѣлу установленнымъ, причемъ отвѣтчикомъ не представлено никакихъ доказательствъ даже и тому, чтобы товаръ этотъ приведенъ былъ въ соотвѣтствующее договору состояніе до истеченія установленнаго для сдачи его срока; 2) что по закону (ст. 1516 и 1518 т. X ч. I) продавецъ долженъ передать покупщику проданное имущество той самой доброты, какой оно должно быть на основаніи условія или предварительно по обоюдному соглашенію утвержденнымъ образцамъ, въ противномъ случаѣ проданное имущество отдается обратно продавцу и онъ обязанъ возвратить покупщику полученный отъ него задатокъ; 3) что въ настоящемъ случаѣ Мудрикъ долженъ быть признанъ продавцомъ, предложившимъ покупщику Роджерсу товаръ несоотвѣтствующаго условію достоинства, а потому и обязаннымъ возвратить Роджерсу полученный отъ него задатокъ 1.000 руб.; 4) что, наконецъ, ссылка Мудрика на рѣшеніе арбитражной комиссіи, на основаніи коего Роджерсъ обязанъ былъ принять гречиху съ уступкою по $2^1/_2$ коп. за пудъ, не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ по нашимъ законамъ обязательное значеніе могутъ имѣть лишь рѣшенія третейскаго суда, образованнаго съ соблюденіемъ правилъ, преподанныхъ въ ст. 1367—1400 Уст. Гражд. Суд., того же, чтобы арбитражная комиссія, разсматривавшая споръ между нынѣ тяжущимися, удовлетворяла этимъ правиламъ, проситель вовсе не утверждаетъ,—Прав. Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда, по настоящему дѣлу состоявшееся, отмѣнить и присудить Роджерсу съ Мудрика 1.000 р. съ % съ 11 ноября 1889 г., признавъ Роджерса свободнымъ отъ обязанности принять купленный 23 августа 1889 г. отъ Мудрика товаръ (1890 г., № 1029).

261/176. Отвѣтственность продавца за количество товара оканчивается съ момента обусловленной договоромъ по мѣсту и времени сдачи и пріемки товара. Продавцы, принявъ на себя отвѣтственность за качество товара по анализу въ Лондонѣ, должны быть признаны согласившимися подчиниться тому результату, который въ отношеніи качества товара будетъ установленъ въ Лондонѣ. Разсчетъ курса не можетъ быть обусловленъ временемъ подачи счетовъ, какъ совершенно произвольнымъ.

Обращаясь къ обсужденію настоящаго дѣла и останавливаясь прежде всего на вопросѣ о томъ, можетъ ли оказавшаяся по увѣренію торговаго дома

„Рафаловичъ и К°“ недостача въ количествѣ принятаго въ Лондонѣ сахарнаго песку въ сравненіи съ количествомъ сданнаго товара въ Одессѣ имѣть какое либо вліяніе на размѣръ причитающейся Демидовой княгинѣ Санъ-Донато и Добровольскому, согласно договору отъ 12 мая 1889 г., за оказавшееся превышеніе условленнаго „rendement“ доплаты, Прав. Сенатъ находитъ, что по означенному договору продавцы обязались продать торговому дому „Рафаловичъ и К°“ около 125.000 пуд. сахарнаго песку съ доставкою Одесса-Портъ за наличный разсчетъ, причемъ торговый домъ, въ свою очередь, обязался за каждое количество въ 10.000 пуд. платить въ Одессѣ по 2 р. 40 к. за пудъ и о вывозѣ всего количества песку за границу доставлять Демидовой и Добровольскому таможенныя квитанціи. Точный смыслъ этихъ постановленій договора 12 мая 1889 г. въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что отвѣтственность поставщика за количество товара, по самому существу договора поставки, оканчивается съ момента обусловленной договоромъ по мѣсту и времени сдачи и пріемки товара, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что количество сданнаго продавцами сахарнаго песку должно было быть установлено при самой сдачѣ его въ Одессѣ-Портъ и пріемкѣ его за наличный разсчетъ торговымъ домомъ „Рафаловичъ и К°“, и этимъ моментомъ оканчивается всякая отвѣтственность поставщиковъ за количество сданнаго товара. Поэтому, разъ торговый домъ „Рафаловичъ и К°“ принялъ отъ продавцовъ въ Одессѣ 124.395 пуд. сахарнаго песку за наличный разсчетъ и выдалъ продавцамъ въ удостовѣреніе этого количества таможенныя квитанціи, то это, а не какое-либо другое количество сахарнаго песку и должно быть положено въ основаніе дальнѣйшихъ по договору разсчетовъ за оказавшійся излишекъ процентнаго содержанія сахара противъ договоренной нормы. Что же касается указаній торговаго дома „Рафаловичъ и К°“ на то, что онъ былъ лишь посредникомъ между продавцами и лондонскими покупателями, такъ какъ въ договорѣ прямо обозначено, что сахарный песокъ предназначается для продажи въ Лондонѣ, въ Лондонъ же посланы и образцы товара, а также часть взятыхъ при отправкѣ товара пробъ и что продавцы рѣшились подчиниться тому вѣсу, который окажется на мѣстѣ въ Лондонѣ, доказательствомъ чего служитъ постановленіе договора о томъ, что окончательный разсчетъ долженъ быть учиненъ согласно доставленнымъ торговому дому „Рафаловичъ и К°“ и предъявленнымъ продавцамъ подлиннымъ счетамъ изъ Лондона,—то они не заслуживаютъ уваженія, ибо въ договорѣ прямо сказано, что Демидова и Добровольскій продаютъ сахарный песокъ торговому дому „Рафаловичъ и К°“, который, такимъ образомъ, и является непосредственнымъ и единственнымъ контрагентомъ Демидовой и Добровольскаго по означенному договору; если же въ послѣднемъ и упомянуто, что товаръ предназначается для Лондона, куда посланы были образцы и пробы товара, то обстоятельство это еще не доказываетъ, чтобы продавцы тѣмъ самымъ становились въ какія-

либо непосредственныя отношенія съ неизвѣстнымъ даже имъ лондонскимъ покупателемъ, а указываетъ лишь на то, что продавцы приняли на себя отвѣтственность предъ тѣмъ же торговымъ домомъ „Рафаловичъ и К°“ за качество и процентное содержаніе сахара въ проданномъ товарѣ, согласившись въ этомъ отношеніи подчиниться результатамъ, полученнымъ при изслѣдованіи товара въ Англіи, о чемъ и сдѣлана особая въ догорѣ оговорка: „отвѣтственность за „rendement“ (т. е. процентное содержаніе) и за качество за счетъ продавцовъ“; что же касается постановленій договора о томъ, что окончательный разсчетъ производится по полученіи изъ Лондона подлинныхъ счетовъ, то это постановленіе не можетъ быть толкуемо, какъ это дѣлаетъ торговый домъ „Рафаловичъ и К°“, въ томъ смыслѣ, что по лондонскимъ счетамъ должно быть опредѣлено и *количество* сданнаго продавцами груза, ибо по точному и буквальному смыслу договора продавцы отвѣчаютъ только за качество и „rendement“ сданнаго товара, а не за его количество, каковая отвѣтственность сама собою, какъ указано уже выше, вовсе не предполагается, а, слѣдовательно, должна была быть точно опредѣлена въ самомъ договорѣ, вслѣдствіе чего и приведенное „Рафаловичемъ и К°“ постановленіе договора должно быть понимаемо лишь въ томъ смыслѣ, что подъ окончательнымъ разсчетомъ контрагенты разумѣли не опредѣленіе количества груза по лондонскимъ счетамъ, каковое опредѣленіе должно было имѣть мѣсто при самой сдачѣ груза въ Одессѣ,—а лишь опредѣленіе той доплаты, которая причиталась бы продавцамъ въ случаѣ, если бы по произведенному въ Лондонѣ анализу оказался излишекъ процентнаго содержанія сахара въ пескѣ противъ гарантированнаго въ договорѣ, или, наоборотъ, опредѣленіе той бонификаціи, которая, согласно договору, причиталась бы съ продавцовъ торговому дому „Рафаловичъ и К°“ въ томъ случаѣ, если бы результатъ лондонскаго анализа обнаружилъ меньшее процентное содержаніе сахара въ товарѣ сравнительно съ гарантированной продавцами нормою. Равнымъ образомъ не заслуживаетъ уваженія и указаніе торговаго дома „Рафаловичъ и К°“ на то, что вѣсъ сахарнаго песку, указанный въ таможенныхъ квитанціяхъ, не можетъ быть признанъ точнымъ, ибо, опредѣливъ въ договорѣ сдачу и пріемку товара въ Одессѣ-Портъ, безъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности поставщиковъ за вѣсъ товара, торговый домъ, если считалъ принятую таможнею систему взвѣшиванія неточною, долженъ былъ тогда же принять соотвѣтствующія мѣры къ опредѣленію болѣе точнаго вѣса всего груза, не сдѣлавъ же этого въ то время, онъ нынѣ уже не вправѣ оспаривать свѣдѣнія, помѣщенныя въ таможенныхъ квитанціяхъ, врученныхъ продавцамъ согласно договору въ удостовѣреніе дѣйствительнаго количества принятаго отъ нихъ контрагентомъ для перепродажи въ Англію груза. Признавая въ виду вышеизложеннаго, что за основаніе при исчисленіи причитающейся продавцамъ вслѣдствіе обнаруженнаго по произведенному въ Лондонѣ анализу превышенія процентнаго содержанія

сахара въ проданномъ сахарномъ пескѣ сравнительно съ гарантированною продавцами нормою доплаты должно быть принято то именно количество пудовъ, которое оказалось при самой сдачѣ товара въ Одессѣ, т. е. 124.395 пудовъ, Прав. Сенатъ находитъ, что исковыя требованія Демидовой княгини Санъ-Донато и Добровольскаго въ этой части должны быть признаны подлежащими удовлетворенію. Переходя засимъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, могутъ ли быть поставлены на счетъ продавцовъ присужденная въ пользу лондонскаго покупателя арбитражною комиссіею въ Лондонѣ бонификація въ размѣрѣ $7^1/_2$ пенсовъ на центнеръ за оказавшееся несоотвѣтствіе товара присланнымъ образцамъ и половина расходовъ на арбитражъ,—Прав. Сенатъ находитъ, что хотя продавцы Демидова и Добровольскій по договору и не имѣли непосредственныхъ сношеній съ лондонскимъ покупателемъ, тѣмъ не менѣе, зная, что сахарный песокъ предназначается для Англіи, условившись въ договорѣ посылать пробы и образцы въ Лондонъ и, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ на себя отвѣтственность передъ своимъ контрагентомъ, торговымъ домомъ „Рафаловичъ и К°“, за качество товара по анализу въ Лондонѣ, они должны быть признаны согласившимися подчиниться тому результату, который въ отношеніи качества товара будетъ установленъ въ Англіи по законамъ этой страны, ибо въ противномъ случаѣ имъ не было бы никакой надобности упоминать въ договорѣ о посылкѣ пробъ товара въ Англію и о выжиданіи результатовъ произведеннаго въ Лондонѣ анализа каждаго груза. А потому и принимая во вниманіе, что, какъ видно изъ дѣла, рѣшеніе арбитражной комиссіи, какъ то удостовѣряетъ русскій генеральный консулъ въ Лондонѣ, состоялось согласно съ законами Англіи и притомъ же имѣетъ общее значеніе экспертизы, допускаемой и нашими законами (ст. 336 Уст. Суд. Торг.),—Прав. Сенатъ находитъ, что означенное рѣшеніе арбитровъ должно быть признано для продавцовъ обязательнымъ и присужденная этимъ рѣшеніемъ бонификація подлежитъ съ нихъ взысканію въ пользу торговаго дома „Рафаловичъ и К°“, передъ которымъ, какъ уже сказано, они приняли на себя отвѣтственность за соотвѣтствіе сахарнаго песку врученнымъ образцамъ, равно какъ подлежитъ съ нихъ взысканію и половина расходовъ по арбитражу, какъ расходовъ, употребленныхъ на опредѣленіе качества товара по способу, принятому въ Англіи, на каковой способъ согласились сами продавцы въ заключенномъ ими съ торговымъ домомъ „Рафаловичъ и К°“ договорѣ отъ 12 мая 1889 г. Въ виду сего слѣдуетъ признать требованіе Демидовой и Добровольскаго объ освобожденіи ихъ отъ платежа этихъ суммъ неуважительнымъ. Обращаясь, наконецъ, къ вопросу о томъ, по какому курсу фунтовъ стерлинговъ долженъ быть произведенъ окончательный согласно договору разсчетъ за оказавшееся превышеніе процентнаго содержанія сахара въ проданномъ ими сахарномъ пескѣ противъ гарантированной ими по договору нормы, Прав. Сенатъ находитъ, что таковой разсчетъ долженъ быть произве-

день по тому курсу, который существовалъ въ моментъ полученія этого излишка отъ лондонскаго покупателя самимъ торговымъ домомъ „Рафаловичъ и К°“; что же касается указанія торговаго дома на то, что, будто бы, по договору условлено производить этотъ разсчетъ по курсу, существовавшему въ моментъ полученія имъ счетовъ изъ Лондона, то оно не заслуживаетъ уваженія, ибо постановленіе договора о томъ, что окончательный разсчетъ производится по полученіи торговымъ домомъ „Рафаловичъ и К°“ счетовъ изъ Лондона, очевидно указываетъ лишь на время, когда долженъ быть учиненъ этотъ разсчетъ, но не можетъ касаться вовсе курса, по коему этотъ разсчетъ долженъ быть произведенъ, такъ какъ время высылки счетовъ находится въ полной зависимости отъ воли покупщика, а слѣдовательно такой произвольный моментъ не можетъ вліять на размѣръ слѣдующей продавцу суммы. А потому и принимая во вниманіе, что по заявленію самого торговаго дома „Рафаловичъ и К°“ онъ трассировалъ векселя на купленный товаръ 8, 10, 11, 20 и 22 іюля 1889 г.; что по заявленію Демидовой и Добровольскаго, отвѣтчикомъ не оспариваемому, курсъ фунтовъ стерлинговъ за это время былъ 9 р. 70 к.,—Прав. Сенатъ находитъ, что по этому курсу и должна быть исчислена причитающаяся доплата продавцамъ къ цѣнѣ проданнаго сахарнаго песку. По всѣмъ симъ соображеніямъ и имѣя въ виду, что по разсчету продавцовъ, торговымъ домомъ „Рафаловичъ и К°“ не оспоренному, сумма причитающейся имъ доплаты за оказавшееся лишнее количество градусовъ rendement, считая по $1^1/_2$ пенс. за градусъ и центнеръ, на все сданное ими въ Одессѣ-Портъ количество сахарнаго песку (124.395 пуд.), составляетъ 2.149 ф. 22 ш. 4 п.; что изъ этой суммы подлежитъ вычету присужденная съ продавцовъ бонификація, составляющая по разсчету торговаго дома, продавцами не оспоренному, 786 ф. 16 ш. 3 п., а также половина расходовъ по арбитражу—14 ф. 3 ш. 5 п.,—Прав. Сенатъ находитъ, что общая сумма, причитающаяся продавцамъ съ торговаго дома „Рафаловичъ и К°“, составляетъ 1.349 ф. 2 ш. 8 п., что на наши деньги, по признанному правильнымъ курсу фунтовъ стерлинговъ 9 р. 70 к. составляетъ 13.086 р. 59 к. Вычитая изъ этой послѣдней суммы сумму, показанную торговымъ домомъ „Рафаловичъ и К°“ въ его отчетѣ причитающеюся въ пользу продавцовъ 12.373 р.,—оказывается, что исковыя требованія Демидовой княгини Санъ-Донато и Добровольскаго подлежатъ удовлетворенію лишь въ суммѣ 713 р. 59 к. (1891 г., № 1336).

262|177. Повышеніе пошлины на заграничный товаръ не можетъ служить основаніемъ къ отказу отъ принятія его, если такое право условіями сдѣлки не предоставлено (сб. Вильсона I, № 142, рѣш. Спб. Ком. Суда 1893 г.).

263. При продажѣ товара *съ условіемъ „циф“* продавецъ обязанъ страховать товаръ отъ всякихъ морскихъ случайностей, а также отъ порчи его въ случаѣ перегрузки.

Разсмотрѣвъ дѣло вслѣдствіе апелляціонной жалобы фирмы „Кремеръ и К°“ въ Тріестѣ, на рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда, коимъ фирмѣ отказано въ искѣ съ Маріи Баржанской 2043 руб. 69 коп. убытковъ, слагающихся изъ 1200 руб. 40 коп. отъ подмочки изюма, отправленнаго отвѣтчицей жалобщику изъ Одессы въ Тріестъ, и 843 руб. 29 коп. отъ веденія означенной фирмою въ Берлинѣ дѣла по иску о возмѣщеніи означенныхъ убытковъ страховымъ обществомъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, какъ видно изъ сдѣлки продажи отъ 31 октября 1902 г., товаръ проданъ былъ въ Одессѣ „циф“ Тріестъ, т. е. на условіяхъ вознагражденія, въ случаѣ гибели и порчи товара отъ опасностей, связанныхъ съ перевозкою. Такимъ образомъ, на обязанности Баржанской лежало доставить товаръ въ цѣлости въ Тріестъ, истецъ же не долженъ былъ нести расходовъ ни по перевозкѣ товара, ни за рискъ доставки такового. Въ виду такихъ условій договора, Баржанская должна была страховать его отъ всякихъ морскихъ случайностей и, естественно, также отъ порчи его въ случаѣ перегрузки. А такъ какъ товаръ былъ застрахованъ ею въ германскомъ страховомъ обществѣ съ отвѣтственностью общества лишь въ случаѣ порчи товара отъ вынужденной перегрузки (п. 1 полиса), изъ дѣла же не видно, чтобы имѣвшая мѣсто въ Константинополѣ перегрузка была вынужденной, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что Баржанская въ настоящемъ случаѣ независимо отъ освобожденія отъ отвѣтственности страхового общества германскимъ судомъ, должна быть признана отвѣтственной за порчу товара передъ „Кремеръ и К°“. То обстоятельство, что коносаменты и страховой полисъ были переданы отвѣтчицей истцу и симъ послѣднимъ приняты, еще не можетъ служить доказательствомъ того, что Кремеръ и К°“ отказались отъ обусловленныхъ по договору купли-продажи правъ, почему и не можетъ освобождать Баржанскую отъ отвѣтственности въ данномъ случаѣ за порчу груза. Въ виду сего и т. к. по дѣлу установлено, что грузъ пострадалъ отъ перегрузки, то убытки эти подлежатъ возмѣщенію со стороны Баржанской. Порча груза отъ перегрузки устанавливается аварійнымъ свидѣтельствомъ, въ коемъ присяжный биржевой маклеръ и экспертъ Комаръ нашелъ, что поврежденіе товара произошло въ Константинополѣ во время перегрузки; документъ этотъ не можетъ быть лишенъ значенія, какъ того домогается Баржанская, ссылаясь на то, что россійское консульство не удостовѣрило, что Комаръ экспертъ; обстоятельство это нельзя признать существеннымъ, т. к. россійское консульство удостовѣрило, что Комаръ—биржевой маклеръ для сушеныхъ фруктовъ Леванта и султанскаго изюма, т. е. спеціалистъ по отпра-

вленному Баржанской товару. Въ виду сего первая часть исковыхъ требованій подлежитъ удовлетворенію въ заявленномъ размѣрѣ, какъ подтвержденномъ аварійнымъ свидѣтельствомъ и не опровергнутомъ отвѣтчицею. Переходя засимъ ко второй части исковыхъ требованій, заключающихся въ требованіи 843 р. 29 к. расходовъ по веденію дѣла, по иску о возмѣщеніи страховымъ обществомъ означенныхъ убытковъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ этой части исковыя требованія не подлежатъ удовлетворенію, такъ какъ отъ „Кремеръ и К°“ зависѣло предъявить искъ къ надлежащему отвѣтчику, а не вчинять его къ лицу, не отвѣтственному по иску. Ссылка же „Кремеръ и К°“ на то, что Баржанская была привлечена къ дѣлу въ качествѣ 3-го лица, еще не даетъ основанія къ возложенію на нее расходовъ истца по процессу въ Берлинѣ, т. к. Баржанская не приняла въ немъ участія и отъ истца зависѣло прекратить тотъ процессъ. По симъ соображеніямъ, признавъ исковыя требованія подлежащими удовлетворенію лишь въ части, а именно въ суммѣ 1200 руб., Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: въ измѣненіе рѣшенія Одесскаго Коммерческаго Суда отъ 17 ноября 1909 г. взыскать съ Маріи Баржанской въ пользу фирмы „Кремеръ и К°“ въ Тріестѣ, тысячу двѣсти (1200) рублей съ % съ 10 мая 1907 г., а въ остальной части иска отказать (1911 г., № 2508).

264|178. Неизвѣщеніе продавцомъ покупщика о готовности своей къ сдачѣ въ конечный опредѣленный договоромъ срокъ товара не даетъ покупщику права отказаться отъ принятія сего товара.

Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что разрѣшенію его подлежитъ вопросъ, правильно ли Ком. Судъ присудилъ Далл'Орсо къ уплатѣ въ пользу Клугкиста 3.349 р. 50 к. убытковъ отъ непринятія первымъ изъ всего количества купленнаго имъ у послѣдняго сахарнаго песку (60.000 пуд.) 13.398 пуд. Изъ дѣла видно, что Далл'Орсо по двумъ маклерскимъ запискамъ отъ 14 и 17 августа 1889 г. купилъ у Клугкиста 60.000 пуд. сахарнаго песку условленнаго качества, съ обязанностью послѣдняго поставить таковой франко-бортъ въ теченіе октября и ноября 1889 г., причемъ условлено было, что немедленно по прибытіи сахара покупатель долженъ указать судно, на которое слѣдуетъ грузить его, о днѣ же прибытія сахара покупатель долженъ быть предувѣдомленъ продавцомъ за 10 дней. Не признавая иска Клугкиста правильнымъ, апелляторъ объясняетъ, что онъ вправѣ былъ отказаться 25 ноября 1889 г. отъ пріема остального количества сахарнаго песку (13.398 п.) въ виду того, что договоръ о поставкѣ песку былъ нарушенъ самимъ Клугкистомъ, а именно: въ силу точнаго смысла маклерскихъ записокъ, Клугкистъ обязанъ былъ о прибытіи каждой партіи сахара увѣдомить его за 10 дней, послѣдній же срокъ поставки

сахара былъ 30 ноября, о каковой поставкѣ, слѣдовательно, онъ долженъ былъ получить увѣдомленіе не позже 20 ноября, между тѣмъ онъ такого увѣдомленія не получилъ, вслѣдствіе чего и не могъ знать, будетъ ли остальная партія сахара ему сдана или нѣтъ. Но приведенныя соображенія апеллятора не заслуживаютъ уваженія по слѣд. основаніямъ: буквальное содержаніе маклерскихъ записокъ отъ 14 и 17 августа 1889 г. не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что установленная ими обязанность Клугкиста увѣдомлять Далл'Орсо о каждой поставкѣ сахара за 10 дней имѣла цѣлью исключительно лишь предоставленіе Далл'Орсо возможности заранѣе подготовить судно для нагрузки партіи сахара, чего онъ въ противномъ случаѣ былъ бы не въ состояніи сдѣлать, такъ какъ опредѣленныхъ сроковъ поставокъ маклерскими записками не было предусмотрѣно, а предоставлено было продавцу производить таковыя поставки въ теченіе октября и ноября—и такія увѣдомленія никакого отношенія къ взаимнымъ обязательствамъ продавца сдать, а покупателя принять въ теченіе договорнаго срока условленное количество сахара, не имѣли. Примѣненіе этихъ соображеній показываетъ: 1) что хотя вообще въ маклерскихъ запискахъ и не установлено сроковъ поставокъ сахара, тѣмъ не менѣе одинъ изъ этихъ сроковъ, а именно послѣдній день исполненія договоровъ, 30 ноября, долженъ быть признанъ вполнѣ опредѣленнымъ и покупщику заранѣе извѣстнымъ, вслѣдствіе чего продавцу, желавшему произвести остальную поставку именно въ этотъ день и не было никакой необходимости увѣдомлять объ этомъ за 10 дней покупщика, и 2) что по сему одно неполученіе Далл'Орсо 20 ноября отъ Клугкиста увѣдомленія о поставкѣ ему сахара 30 ноября, само по себѣ, не можетъ еще служить какимъ-либо доказательствомъ неустоянія со стороны Клугкиста въ исполненіи принятой имъ на себя по соглашенію обязанности произвести поставку остального условленнаго количества сахарнаго песку и не давало Далл'Орсо права ранѣе наступленія послѣдняго срока поставки (30 ноября) отказываться отъ пріема недопринятой имъ партіи товара, а могло бы породить для него лишь право отказаться отъ пріема послѣдней партіи ранѣе 30 ноября. Правильность такого вывода подтверждается и смысломъ телеграммы Далл'Орсо отъ 25 ноября 1889 г., въ которой онъ пишетъ: „экспортный сахаръ не высылайте, я принужденъ отказаться, такъ какъ получилъ сейчасъ заявленіе моихъ покупателей, что отказываются принять таковой“, причемъ о несвоевременномъ заявленіи со стороны Клугкиста о прибытіи этого сахара ничего не упоминается. Такимъ образомъ нарушителемъ договора является не Клугкистъ, не увѣдомившій Далл'Орсо о желаніи своемъ учинить послѣднюю поставку сахара 30 ноября, вытекавшую уже изъ содержанія самаго договора, а Далл'Орсо, отказавшійся ранѣе истеченія договореннаго срока отъ пріема послѣдней партіи сахара, вслѣдствіе чего онъ вполнѣ правильно и признанъ Ком. Судомъ обязаннымъ возмѣстить Клугкисту причиненные ему отъ такого нарушенія договора убытки. Что же касается ука-

занія апеллятора на то, что въ дѣйствительности у Клугкиста въ послѣдній договорный срокъ не было въ распоряженіи должнаго количества сахара, то оно, какъ вполнѣ голословное, не заслуживаетъ уваженія, изъ имѣющагося же въ дѣлѣ нотаріальнаго заявленія Клугкиста, сдѣланнаго имъ Далл'Орсо, видно, что послѣдній былъ извѣщенъ о прибытіи до истеченія договорнаго срока послѣдней партіи сахара и о предоставленіи таковой въ его распоряженіе, и отъ него зависѣло своевременно убѣдиться въ достовѣрности этого заявленія. По всѣмъ симъ основаніямъ Прав. Сенатъ рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда въ обжалованной Далл'Орсо части утвердилъ (1891 г., № 95).

265|179. Одно замедленіе покупщика въ принятіи купленнаго товара не порождаетъ для продавца права отказаться отъ договора; продавецъ въ такихъ случаяхъ можетъ сложить товаръ на храненіе за счетъ покупщика или продать его за счетъ послѣдняго съ обязательнымъ, однако, предувѣдомленіемъ о томъ покупщика.

По разсмотрѣніи обстоятельствъ настоящаго дѣла оказывается, что по маклерской запискѣ отъ 11 декабря 1884 г. истецъ Юровскій купилъ у отвѣтчика Фельдмана около 2.200 четв. ячменя по 62½ к. за пудъ съ пріемкою въ теченіе 15 дней, причемъ уплатилъ въ счетъ покупной суммы 4.000 руб., а остальную сумму обязался уплатить по пріемкѣ. Когда же онъ, по его объясненію, послалъ за этимъ ячменемъ, Фельдманъ нотаріальнымъ заявленіемъ отъ 29 декабря 1884 г. увѣдомилъ его, что въ виду пропуска имъ, Юровскимъ, срока на принятіе ячменя (истекавшаго согласно маклерской запискѣ 26 декабря) таковой имъ проданъ третьему лицу. Объясняя, что замедленіе въ принятіи ячменя произошло вслѣдствіе несвоевременнаго прибытія въ Одессу парохода, на которомъ онъ подлежалъ отправленію, что засимъ вслѣдствіе несдачи ему Фельдманомъ купленнаго ячменя онъ, Юровскій, принужденъ былъ купить таковой за высшую цѣну, именно по 66 коп. за пудъ, и кромѣ того уплатить по этой куплѣ маклеру куртажъ, Юровскій предъявилъ въ Одесс. Ком. Судъ составляющій предметъ настоящаго дѣла искъ о взысканіи съ Фельдмана, между прочимъ, означенныхъ убытковъ (разницы въ цѣнѣ на ячмень и уплаченный имъ куртажъ), присужденныхъ ему Ком. Судомъ въ размѣрѣ 620 р. 36 к. Обращаясь вслѣдствіе принесенной по сему предмету Фельдманомъ апелляціонной жалобы къ обсужденію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что спорный въ ономъ вопросъ заключается въ томъ, имѣлъ ли Фельдманъ право вслѣдствіе замедленія со стороны Юровскаго въ принятіи купленнаго ячменя продать таковой безъ согласія на то со стороны Юровскаго третьему лицу. По отношенію къ сему вопросу Прав.

Сенатъ находитъ, что по закону (ст. 569 т. X ч. I) договоръ, правильно составленный, налагаетъ на договаривающихся обязанность его исполнить, причемъ, какъ это неоднократно разъясняемо было Прав. Сенатомъ, неисполненіе какого-либо условія договора одною изъ сторонъ безусловно не освобождаетъ еще другую сторону отъ принятыхъ ею на себя по оному обязанностей и не влечетъ за собою прекращеніе установленныхъ договоромъ правоотношеній, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда такое неисполненіе имѣетъ своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе самаго предмета договора или дѣлаетъ невозможнымъ достиженіе цѣли, для которой договоръ заключенъ, порождая согласно ст. 693 т. X ч. I, для потерпѣвшей стороны право отыскивать возмѣщеніе произошедшихъ для нея отъ неисполненія убытковъ. Въ виду сего, одно лишь замедленіе покупщика въ принятіи купленнаго товара безъ явнаго его отъ этого отказа или уклоненія, не прекращая еще, само по себѣ установленныхъ договоромъ купли-продажи отношеній сторонъ и не уничтожая пріобрѣтеннаго покупщикомъ права на купленный товаръ, не можетъ еще породить для продавца права отказаться отъ договора. Въ огражденіе же своихъ интересовъ продавецъ можетъ всегда или сложить проданный и своевременно не принятый товаръ на храненіе за счетъ и на страхъ покупщика и требовать съ него остальныя незаплаченныя деньги и вознагражденіе за произведенные расходы, или продать товаръ, но, въ виду непрекратившихся еще на оный правъ покупщика, не иначе какъ за счетъ послѣдняго, покрывъ изъ выручки слѣдуемую покупную сумму и расходы, а въ случаѣ недостаточности таковой взыскивать съ него возмѣщенія убытковъ, причемъ о мѣрахъ этихъ покупщикъ необходимо долженъ быть заблаговременно извѣщенъ, дабы имѣть возможность предупредить возможныя для него отъ оныхъ невыгодныя послѣдствія. Признавая по симъ основаніямъ, что замедленіе, допущенное Юровскимъ въ принятіи купленнаго имъ у Фельдмана по маклерской запискѣ 11 декабря 1884 г. ячменя, не могло служить для Фельдмана законнымъ поводомъ къ признанію дѣйствія договора прекратившимся, а засимъ и породить для него право распорядиться проданнымъ Юровскому товаромъ по своему усмотрѣнію, продажею его третьему лицу за свой счетъ, безъ всякаго о томъ предувѣдомленія Юровскаго, какъ видно изъ дѣла, отъ принятія купленнаго ячменя вовсе не отказывавшагося, и принимая во вниманіе: 1) что такимъ дѣйствіемъ своимъ Фельдманъ нарушилъ интересы Юровскаго, оказавшагося принужденнымъ для нагрузки зафрахтованнаго парохода купить, вслѣдствіе повышенія цѣнъ, ячмень за болѣе высокую цѣну съ сопряженными съ такою покупкою расходами на куртажъ маклеру; 2) что по силѣ ст. 684 т. X ч. I всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные кому либо его дѣяніемъ или упущеніемъ; 3) что противъ размѣра присужденныхъ Юровскому Ком. Судомъ убытковъ въ количествѣ 620 р. 36 к. апелляторъ не споритъ,—Прав. Сенатъ находитъ состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе Одесс. Ком. Суда о взысканіи съ

Фельдмана въ пользу Юровскаго 620 р. 36 к. убытковъ отмѣнѣ не подлежащимъ (1886 г., № 148).

266|180. Квитанція, на коей хотя и имѣется подпись получателя въ принятіи препровожденнаго по ней товара, обозначеннаго по количеству, но безъ указанія цѣны, не служитъ доказательствомъ *долга* получателя поставщику за этотъ товаръ и не можетъ быть приравнена къ подписанному должникомъ счету, существенною принадлежностью коего является именно обозначеніе суммы, на которую счетъ написанъ и которую подтверждаетъ подписью своею должникъ (1896 г., № 1018).

267|181. Въ торговомъ быту передача товара совершается не только конкретно, но и передачею коносамента, фактуръ, накладныхъ и пр. (сб. Вильсона I, № 127).

268|182. На обязанности продавца лежитъ вообще сдача товара покупщику такимъ образомъ, чтобы послѣдній получилъ право безпрепятственнаго пользованія и свободнаго распоряженія товаромъ, что можетъ быть достигнуто не только передачею самаго товара, но и передачею документовъ на полученіе онаго (1896 г., № 1179).

269|183. Неисполненіе одною стороною договора не даетъ другой сторонѣ права отступиться отъ принятыхъ ею на себя по договору обязанностей, за исключеніемъ лишь случая, когда по самому свойству договора исполненію его одною стороною должно предшествовать исполненіе его другою. Получивъ заказъ на поставку извѣстнаго количества товара и не будучи по договору обязаннымъ выполнить его въ одинъ пріемъ, продавецъ не можетъ сложить съ себя обязанности выполнить таковой частями, въ указанномъ въ договорѣ количествѣ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ прежде всего находитъ, что, согласно точнаго смысла ст. 569, 570 и 574 т. X ч. I Зак. Гражд. и неоднократныхъ разъясненій оныхъ Прав. Сенатомъ, нарушеніе одною изъ сторонъ договора открываетъ для другой стороны лишь право требовать исполненія договора и возмѣщенія причиненныхъ такимъ нарушеніемъ убытковъ, но отнюдь не даетъ ей права на своевольное прекращеніе исполненія принятыхъ ею на себя

по договору обязанностей или на отказъ отъ договора, если о томъ особо не установлено въ самомъ договорѣ. Исключеніе въ этомъ отношеніи можетъ быть допущено лишь въ томъ случаѣ, если данное нарушеніе договора является столь существеннымъ, что дѣлаетъ самое дальнѣйшее осуществленіе его невозможнымъ или когда по самому свойству договора исполненію одной стороной договора должно предшествовать исполненіе его другою. Примѣняя эти положенія къ настоящему дѣлу и имѣя въ виду, что въ договорѣ 24 апрѣля 1891 г. прекращенія его дѣйствія вслѣдствіе неисполненія одною изъ сторонъ принятыхъ на себя обязательствъ не установлено и неизбѣжность такого прекращенія самымъ свойствомъ взаимныхъ обязательствъ сторонъ вовсе не обусловливается, Прав. Сенатъ находитъ, что указанное апелляторомъ нарушеніе Лихонинымъ договора 24 апрѣля 1891 г. давало торговому дому Родоконаки лишь право требовать отъ Лихонина условленной за доставленные уже мѣшки платы и вознагражденія за убытки отъ замедленія въ учиненіи этой уплаты, каковымъ правомъ, какъ то заявляетъ апелляторъ, торговый домъ уже и воспользовался, предъявивъ къ Лихонину искъ въ Харьковскомъ Окружномъ Судѣ, а вовсе не освобождало его отъ обязанности исполнить, съ своей стороны, принятыя имъ на себя по тому договору обязательства, вслѣдствіе чего и всѣ приводимыя апелляторомъ по сему предмету объясненія не могутъ быть признаны уважительными. Переходя засимъ къ обсужденію второго изъ приведенныхъ указаній апеллятора на преувеличенное и досрочное требованіе Лихонинымъ мѣшковъ, Прав. Сенатъ находитъ, что въ отношеніи сего вопроса договоромъ 24 апрѣля 1891 г. установлено: 1) что проданные торговымъ домомъ „Ф. П. Родоконаки“ 200.000 мѣшковъ должны быть доставлены въ Славянскъ въ теченіе одного года партіями не болѣе 10.000 въ августѣ, сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ 1891 г. и 25.000 въ остальные мѣсяцы, и 2) что на каждую партію мѣшковъ размѣры должны быть указаны Лихонинымъ за два мѣсяца впередъ до отправки. Буквальнымъ содержаніемъ этихъ условій, такимъ образомъ, установляется лишь право торговаго дома высылать Лихонину изъ проданныхъ ему мѣшковъ одновременно не болѣе 10.000 въ первые четыре мѣсяца и не болѣе 25.000 въ остальные мѣсяцы и притомъ не ранѣе двухъ мѣсяцевъ со дня заказа, но отсюда, очевидно, нельзя вывести обязательности для Лихонина дѣлать указанія относительно количества потребныхъ ему мѣшковъ того или другого размѣра только въ предѣлахъ указанныхъ десяти и двадцатипяти тысячъ, и такимъ образомъ заказъ Лихонинымъ 6 марта 1892 г. 47.000 мѣшковъ данныхъ размѣровъ, съ просьбою о высылкѣ таковыхъ, по возможности, скорѣе, не является вовсе какимъ-либо противорѣчіемъ требованіямъ договора и отъ отвѣтчика зависѣло выполнить этотъ заказъ согласно условіямъ договора въ два пріема, причемъ каждый не превышалъ бы даже договорной нормы 25.000 ежемѣсячно. Что же касается ссылокъ апеллятора на то, что Лихонинъ требовалъ одновремен-

ный высылки всѣхъ 47.000 мѣшковъ, и на то, что имъ не было опредѣлено, мѣшки какого именно изъ указанныхъ имъ четырехъ размѣровъ подлежали ближайшей высылкѣ,—то таковыя не заслуживаютъ уваженія; первая потому, что не находитъ себѣ подтвержденія въ самомъ содержаніи письменнаго заказа 6 марта 1892 г., а вторая потому, что неуказаніе Лихонинымъ въ частности на размѣры мѣшковъ, подлежавшихъ ближайшей высылкѣ, предоставляло, очевидно, торговому дому лишь право свободнаго въ семъ отношеніи выбора, а отнюдь не могло служить основаніемъ къ оставленію всего заказа безъ исполненія. Въ одинаковой мѣрѣ неосновательными должны быть признаны объясненія апеллятора и относительно заказа 29 января 1892 г. на 30.000 мѣшковъ, ибо, получивъ таковой заказъ и не будучи по смыслу договора обязаннымъ исполнить его въ одинъ пріемъ, отвѣтчикъ не могъ сложить съ себя обязанности доставить таковой частями, а именно 25.000 въ мартѣ, а 5.000 въ апрѣлѣ, тѣмъ болѣе, что слѣдующій затѣмъ заказъ подлежалъ исполненію лишь въ маѣ, по договору же торговый домъ обязался поставлять мѣшки ежемѣсячно. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ Прав. Сенатъ признаетъ приводимыя апелляторомъ, повѣреннымъ торговаго дома „Ф. П. Родоконаки“, оправданія нарушенія симъ послѣднимъ заключеннаго имъ съ Лихонинымъ договора не заслуживающими уваженія. Переходя засимъ къ спору апеллятора противъ размѣра исчисляемой истцомъ разницы въ цѣнахъ на недоставленные ему мѣшки и принимая во вниманіе: 1) что относительно опредѣленной истцомъ договорной стоимости составляющихъ предметъ настоящаго дѣла 30.000 джутовыхъ мѣшковъ апелляторъ не споритъ, цѣна же на оные въ мѣстѣ ихъ сдачи въ г. Славянскѣ въ теченіе мая мѣсяца 1892 г. подтверждается представленными истцомъ удостовѣреніями Славянской городской управы отъ 8 мая 1892 г. за № 1256 и отъ 30 того же мая за № 1506; 2) что возраженія апеллятора противъ силы и значенія означенныхъ удостовѣреній, выданныхъ съ приложеніемъ печати оффиціальнымъ учрежденіемъ въ предѣлахъ его прямой компетенціи (ст. 72 Гор. Пол., изд. 1886 г.) въ уваженіе приняты быть не могутъ; 3) что ссылка апеллятора на цѣны, существовавшія на джутовые мѣшки въ Бахмутѣ и Одессѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1892 г., не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ спорные въ настоящемъ дѣлѣ мѣшки подлежали сдачѣ именно въ г. Славянскѣ, а не въ Бахмутѣ или Одессѣ, вслѣдствіе чего и ходатайство его о выдачѣ ему удостовѣренія на полученіе справокъ объ этихъ послѣднихъ цѣнахъ не подлежитъ удовлетворенію, и 4) что исчисленіе истцомъ разницы въ цѣнѣ на 5.000 мѣшковъ заказа 29 января по майскимъ, а не апрѣльскимъ цѣнамъ, не можетъ быть отвергнуто уже по одному тому, что, какъ видно изъ тѣхъ же удостовѣреній, цѣны на означенные мѣшки въ апрѣлѣ были даже выше цѣнъ. стоявшихъ на оные въ маѣ, Прав. Сенатъ находитъ споръ апеллятора и противъ размѣра исковыхъ въ настоящемъ дѣлѣ требованій Лихонина лишеннымъ основанія. Признавая по всѣмъ симъ соображеніямъ апел-

ляціонную жалобу повѣреннаго торговаго дома „Ф. П. Родоконаки“ во всѣхъ ея частяхъ уваженія незаслуживающею,—Прав. Сенатъ рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда утвердилъ (1893 г., № 50). Ср. № 235.

270. Обсудивъ вопросъ о томъ, имѣлъ ли покупатель право отказать продавцу въ уплатѣ остальной части задатка, въ виду невыполненія послѣднимъ пункта 7 договора, Правительствующій Сенатъ нашелъ: 1), что по ст. 569 т. X ч. I, неисполненіе договора одною стороною дѣйствительно не даетъ право другой сторонѣ уклониться отъ его исполненія; 2) что, однакожъ, означенное правило не имѣетъ примѣненія къ тѣмъ случаямъ, когда одною стороною не исполняется такое дѣйствіе, которымъ именно обусловливалось опредѣленное дѣйствіе другой стороны; 3) что, въ особенности, это относится къ договорамъ, которые, подобно настоящему, предполагаютъ цѣлый рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ исполнительныхъ дѣйствій, изъ коихъ предшествующія, лежащія на обязанности одной стороны, обусловливаютъ исполненіе послѣдующихъ, возлагаемыхъ договоромъ на другую сторону, и 4) что, слѣдовательно, при подобнаго рода взаимоотношеніяхъ сторонъ, неисполненіе одною изъ нихъ даннаго предшествующаго дѣйствія освобождаетъ другую отъ обязанности выполненія послѣдующаго. Признавая, что, въ данномъ случаѣ, по существу отношеніе сторонъ, указаній продавцомъ мѣста нахожденія товара являлось такимъ предыдущимъ дѣйствіемъ, отъ котораго зависѣло послѣдующее дѣйствіе покупателя—уплата имъ второй части задатка, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что первый неисполненіемъ этого дѣйствія далъ второму основаніе уклониться отъ дальнѣйшаго платежа, такъ какъ, видя и убѣдившись въ томъ, что продавецъ, получивъ 10.000 руб. задатка, не имѣетъ въ готовности лѣса для обработки изъ него пропсовъ, покупатель, несомнѣнно, подвергался бы риску, внося еще 10.000 р., не получить товара и остаться при однихъ лишь векселяхъ Б., кредитоспособности котораго онъ могъ и не довѣрять; 2) что, слѣдовательно, вина въ невыполненіи договора должна быть возложена на продавца, и 3) что, поэтому, послѣдній, вопреки мнѣнію суда, и долженъ быть признанъ обязаннымъ уплатить условленную въ договорѣ неустойку (1912 г., № 1966).

271|184. Въ законахъ не содержится запрещенія производить по обоюдному согласію контрагентовъ платежъ по договору (купли-продажи) процентными бумагами или другими цѣнностями. Заблужденіе относительно стоимости принятыхъ въ уплату цѣнностей (акцій) не влечетъ за собою признанія договора необязательнымъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Спб. Ком. Судъ отказалъ вдовѣ потомственнаго почетнаго гражданина Григорьевой въ искѣ ея съ купца Семенова 139.000 руб., составляющихъ ту часть покупной суммы (300.000 руб.) за проданное Григорьевою Семенову по договору отъ 29 января 1893 г. пароходство по рѣкамъ Волгѣ и Камѣ, которую Семеновъ по означенному договору обязался уплатить Григорьевой акціями страхового и транспортнаго Общества „Россіянинъ“ по нарицательной ихъ цѣнѣ. Оспаривая правильность этого рѣшенія суда, Григорьева въ апелляціонной жалобѣ своей прежде всего указываетъ на то, что, вопреки мнѣнію Ком. Суда, она, Григорьева, вовлечена была въ сдѣлку 29 января 1893 г. обманными дѣйствіями Семенова, состоящаго директоромъ „Россіянина“, и другими директорами этого Общества Черемисиновымъ и Де-Росси, ложно увѣрившихъ ее въ томъ, что: 1) Общество „Россіянинъ“, дѣйствуя на основаніи устава, является солиднымъ коммерческимъ предпріятіемъ, акціи коего хотя и не котируются въ данную минуту, но являютъ собою реальную имущественную цѣнность; 2) что ей, Григорьевой, будетъ вручено на 139.000 руб. акцій, оплаченныхъ полными взносами, и 3) что акціи „Россіянина“ послѣ общаго собранія акціонеровъ въ маѣ 1893 г. будутъ котироваться на биржѣ. Останавливаясь на этихъ указаніяхъ Григорьевой, Прав. Сенатъ прежде всего находитъ, что, вступая въ сдѣлку съ Семеновымъ, состоящимъ по ея же признанію директоромъ Общества „Россіянинъ“, Григорьева, очевидно, не могла и не должна была, не дѣйствуя крайне неосторожно и легкомысленно, довѣряться исключительно Семенову и другимъ директорамъ названнаго Общества, Черемисинову и Де-Росси, съ которыми, по ея утвержденію, она также вела переговоры по поводу разсматриваемой сдѣлки, по вопросамъ, касавшимся солидности предпріятія, коимъ эти лица руководили, цѣнности и значенія выпущенныхъ этимъ Обществомъ акцій и вообще всей дѣятельности этого Общества. Какъ директоры Общества „Россіянинъ“, названныя лица, въ частности Семеновъ, естественно не указали бы Григорьевой на неблагопріятную сторону положенія дѣлъ ихъ Общества, да и не могли дать ей никакихъ указаній, не поступая противъ лежащихъ на нихъ обязанностей и собственныхъ же интересовъ—поддерживать въ публикѣ выгодное мнѣніе объ означенномъ Обществѣ. Но засимъ, согласно заявленію отвѣтчика Семенова, Григорьева вовсе не ограничилась увѣреніями директоровъ „Россіянина“ о значеніи акцій этого Общества, а, напротивъ того, вела по поводу имѣвшейся еще быть заключенною сдѣлки ея съ Семеновымъ переговоры, между прочимъ, съ нѣкіимъ Мамонтовымъ, который рѣшительно не совѣтовалъ ей уступать свое хорошее дѣло за акціи „Россіянина“, цѣнности не имѣющія. Хотя же повѣренный Григорьевой, Соколовскій, и заявляетъ, что довѣрительница его за совѣтами къ Мамонтову не обращалась, но заявленіе это стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ указаніемъ его же на то, что Мамонтовъ читалъ предварительное соглашеніе

отъ 23 декабря 1892 г. Григорьевой съ Семеновымъ, Черемисиновымъ и Де-Росси, и, слѣдовательно, былъ посвященъ Григорьевою въ заключаемую ею сдѣлку; приведенное обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что Григорьева, какъ она сама это признаетъ въ апелляціи, знала, что акціи „Россіянина“ на биржѣ не котируются и слѣдовательно опредѣленной установившейся цѣны не имѣютъ, должно было естественно вызвать въ ней сомнѣніе о выгодности заключаемой ею съ Семеновымъ сдѣлки, по коей въ счетъ покупной цѣны за пароходство она согласилась принять акціи „Россіянина“ на такую значительную сумму 139.000 р. и во всякомъ случаѣ побудить ее къ наведенію дальнѣйшихъ справокъ о дѣятельности „Россіянина“ и цѣнности его акцій, что, вопреки мнѣнію Григорьевой, было вполнѣ возможно, доказательствомъ чего служатъ ея же переговоры съ Мамонтовымъ. Если же, не взирая на все изложенное и не наведя никакихъ справокъ о положеніи дѣлъ „Россіянина“, Григорьева тѣмъ не менѣе согласилась получить въ счетъ слѣдуемыхъ ей отъ Семенова 300.000 руб. акцій „Россіянина“ на сумму 139.000 руб. по нарицательной ихъ цѣнѣ и подписала договоръ отъ 29 января 1893 г., то обнаруженное ею впослѣдствіи несоотвѣтствіе дѣйствительной цѣны этихъ акцій ихъ нарицательной цѣнѣ, доказывая ея неосторожное, легкомысленное отношеніе къ своимъ имущественнымъ интересамъ, уже не можетъ влечь за собою необязательности для нея этого условія договора, какъ принятаго, будто бы, по принужденію и несознательно, ибо то ложное представленіе объ акціяхъ „Россіянина“, на которое она указываетъ, было вполнѣ устранимо со стороны Григорьевой, если бы она приложила къ дѣлу надлежащую въ гражданскомъ быту осмотрительность и осторожность. По тѣмъ же самымъ основаніямъ не можетъ быть признано имѣющимъ какое-либо значеніе относительно дѣйствительности договора и указаніе Григорьевой на увѣренія Семенова въ томъ, что акціи „Россіянина“ послѣ имѣющаго быть въ маѣ 1893 г. общаго собранія акціонеровъ будутъ допущены къ котировкѣ на биржѣ, независимо даже отъ того, что означенныя увѣренія, если они и имѣли мѣсто, относясь къ будущему времени и обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ Семенова, не подходятъ, по правильному заключенію Коммерческаго Суда, подъ понятіе обмана, какъ то полагаетъ Григорьева. Что же касается, наконецъ, до указанія Григорьевой на полученіе ею, вопреки увѣреніямъ Семенова, вмѣсто оплаченныхъ неоплаченныхъ полнымъ взносомъ акцій, то таковое всецѣло опровергается представленнымъ Семеновымъ въ Прав. Сенатъ удостовѣреніемъ правленія Общества „Россіянинъ“ и во всякомъ случаѣ могло бы только породить для нея право требовать отъ Семенова врученія надлежащимъ образомъ оплаченныхъ акцій, а, въ случаѣ неисполненія имъ сего, право искать съ него удовлетворенія понесенныхъ ею отъ неисполненія имъ договора убытковъ. Вслѣдствіе сего и къ удовлетворенію ходатайства Соколовскаго объ истребованіи отъ Общества временныхъ свидѣтельствъ и его книгъ для установленія именно факта неполной оплаты переданныхъ Семено-

вымъ акцій не представляется уже основаній. Въ виду всего изложеннаго, не усматривая такимъ образомъ изъ дѣла, чтобы Григорьева была вовлечена въ договоръ отъ 29 января 1893 г. противъ ея воли, ибо, если бы она дѣйствительно при заключеніи онаго и не знала объ истинномъ значеніи принимаемыхъ ею въ уплату акцій и не руководилась при этомъ возможною въ будущемъ выгодностью ихъ пріобрѣтенія, отъ нея зависѣло проявить надлежащую осмотрительность и провѣрить увѣренія и предложенія Семенова, до ихъ принятія, тѣмъ болѣе, что, какъ она сама заявляетъ Прав. Сенату, предварительные переговоры съ Семеновымъ и другими директорами относительно передачи принадлежащаго ей пароходства начались болѣе чѣмъ за мѣсяцъ до заключенія ею формальнаго договора съ Семеновымъ и слѣдовательно она имѣла полную возможность обсудить выгодность или невыгодность предполагавшагося договора съ условіемъ полученія ею части покупной суммы акціями „Россіянина“, по нарицательной цѣнѣ (по собственному сознанію ея въ апелляціи, она очень хорошо знала, что таковыя не имѣютъ еще никакой опредѣленной цѣны),— Прав. Сенатъ находитъ, что Ком. Судъ, признавъ договоръ отъ 29 января 1893 г. заключеннымъ Григорьевою непринужденно и сознательно, поступилъ вполнѣ правильно, а потому и о необязательности для Григорьевой 5 п. означеннаго договора, касающагося именно акцій „Россіянина“, не можетъ быть рѣчи. Что же касается указаній повѣреннаго Григорьевой, Соколовскаго, въ поданномъ имъ въ Прав. Сенатъ дополнительномъ прошеніи, на заявленіе Крузе кредиторамъ и присяжнымъ попечителямъ несостоятельнаго россійскаго торговаго и комиссіоннаго банка о желаніи Рѣшетникова пріобрѣсти акціи „Россіянина“ всего по 10 руб. за акцію и на постановленіе общаго собранія акціонеровъ „Россіянина“ отъ 17 ноября 1893 г., то таковыя не могутъ имѣть для разрѣшенія настоящаго дѣла никакого значенія, ибо указанныя обстоятельства относятся ко времени на 10 мѣсяцевъ позднѣйшему заключенія сдѣлки между Григорьевою и Семеновымъ, а потому и къ дальнѣйшему разъясненію этихъ обстоятельствъ посредствомъ допроса указываемыхъ просителемъ свидѣтелей не представляется основаній. Неуважительною должна быть признана и ссылка повѣреннаго Григорьевой на свидѣтелей въ подтвержденіе того, что „Россіянинъ“ уже ко времени заключенія сдѣлки Семенова съ Григорьевой былъ въ состояніи неоплатности, какъ потому, что вопросъ этотъ, какъ изложено уже выше, при обсужденіи обязательности для Григорьевой сдѣлки съ Семеновымъ рѣшающаго значенія не имѣетъ, такъ и потому, что утверждаемая просителемъ неоплатность „Россіянина“ не находитъ себѣ оправданія въ представленномъ имъ же самимъ балансѣ сего послѣдняго. Имѣя засимъ въ виду, что сообразно съ вышеизложеннымъ то обстоятельство, былъ ли дѣйствительно заключенъ Григорьевою первоначально договоръ не только съ однимъ Семеновымъ, но совмѣстно съ нимъ и съ Черемисиновымъ и Де-Росси и считали ли послѣдніе себя тоже хозяевами

пріобрѣтеннаго отъ Григорьевой дѣла, на вопросъ о томъ, заключенъ ли Григорьевою составляющій предметъ настоящаго дѣла нотаріальнымъ порядкомъ договоръ отъ 29 января 1893 г. непринужденно и сознательно или нѣтъ, никакого вліянія имѣть не можетъ, почему и допросъ указываемыхъ Григорьевою свидѣтелей въ подтвержденіе поясненнаго обстоятельства представляется излишнимъ и обращаясь далѣе къ прочимъ доводамъ Григорьевой противъ правильности рѣшенія Ком. Суда, сводящимся къ тому, что 5 п. договора отъ 29 января 1893 г. не можетъ считаться дѣйствительнымъ и потому еще, что самый опредѣленный этимъ пунктомъ способъ уплаты покупной суммы акціями „Россіянина“ является противнымъ закону, Прав. Сенатъ считаетъ необходимымъ остановиться на слѣдующихъ соображеніяхъ: по силѣ ст. 1530 т. X ч. I договаривающимся сторонамъ оставляется на волю включать въ договоръ по обоюдному согласію и ихъ усмотрѣнію всякія условія, законамъ не противныя, какъ то: условія о срокѣ, о платежѣ, о неустойкѣ, объ обезпеченіи и т. п.; приведенная статья помѣщена въ гл. I разд. 1 книги IV, т. X ч. I, трактующей о составленіи и совершеніи договоровъ вообще, и слѣдовательно установленною этою статьею правило относится, между прочимъ, и къ договору купли-продажи. А такъ какъ ни въ приведенной главѣ, ни въ статьяхъ закона, относящихся спеціально къ куплѣ-продажѣ, запрещенія производить по обоюдному согласію контрагентовъ платежъ по договору иначе, какъ деньгами, напр., обязательствами, % бумагами и т. п. допускаемыми въ гражданскомъ оборотѣ цѣнностями вовсе не содержится, слѣдуетъ признать, что контрагенты по сдѣлкѣ купли-продажи за силою ст. 1530 имѣютъ, по правильному заключенію Ком. Суда, полное право, опредѣливъ покупную цѣну денежною суммою, установить затѣмъ по взаимному согласію самый способъ платежа покупной цѣны, каковая, слѣдовательно, вся или частью можетъ быть по волѣ сторонъ уплачена и не деньгами, а всякимъ другимъ, закономъ не запрещеннымъ въ обращеніи предметомъ. А такъ какъ къ числу такихъ предметовъ, очевидно, принадлежатъ всякаго рода денежныя обязательства, а въ томъ числѣ и акціи правительственныхъ и частныхъ учрежденій, какъ выпускаемыя не иначе, какъ съ разрѣшенія подлежащей власти, то и включенное въ договоръ условіе объ уплатѣ всей или части покупной суммы акціями какого-либо частнаго общества, какъ непротивное закону, должно быть признано вполнѣ дѣйствительнымъ для контрагентовъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ и принимая во вниманіе: 1) что уплата Семеновымъ Григорьевой 139.000 руб. акціями Общества „Россіянинъ“ послѣдовала во исполненіе прямого постановленія о томъ договора 29 января 1893 г.; 2) что по закону (ст. 1536 Зак. Гражд. т. X ч. I) договоры должны быть исполняемы по точному ихъ разуму, не уважая побочныхъ обстоятельствъ,—Прав. Сенатъ не находитъ основаній къ отмѣнѣ рѣшенія Спб. Ком. Суда, отказавшаго Григорьевой въ искѣ съ Семенова 139.000 руб. съ %. А потому и не усматри-

вая изъ обстоятельствъ настоящаго дѣла достаточныхъ данныхъ къ удовлетворенію ходатайства Григорьевой о передачѣ дѣла прокурору Спб. Окружнаго Суда для возбужденія противъ Семенова, Черемисинова и Де-Росси уголовнаго преслѣдованія,—Прав. Сенатъ опредѣляетъ: состоявшееся по сему дѣлу рѣшеніе Спб. Ком. Суда утвердить (1893 г., № 1624). См. № 278/188.

272. Убытки отъ неисполненія сдѣлки купли-продажи % бумагъ опредѣляются на тѣхъ же основаніяхъ какъ убытки отъ неисполненія сдѣлки купли-продажи всякой иной движимости. При сдѣлкѣ купли-продажи % бумагъ законъ не воспрещаетъ родового опредѣленія объекта продажи.

По сдѣлкѣ, заключенной торговымъ домомъ „Зонштейнъ и К°“ съ Бабаджаномъ послѣдній купилъ у перваго сто 5% съ выигрышами закладныхъ листовъ Дворянскаго Земельнаго Банка, причемъ обязался купленные закладные листы принять къ опредѣленному сроку. Ссылаясь на то, что Б. купленныхъ листовъ не принялъ, торговый домъ предъявилъ къ Б. искъ о взысканіи убытковъ въ размѣрѣ разницы между цѣною, обусловленною въ сдѣлкѣ и цѣною, стоявшею на биржѣ въ день сдачи листовъ. Коммерческій Судъ искъ удовлетворилъ.

Оспаривая въ апелляціонной жалобѣ правильность рѣшенія Коммерческаго Суда, Б. указывалъ на то, что въ данномъ случаѣ имѣлась не дѣйствительная покупка бумагъ, а биржевая игра, почему долгъ, возникшій по этой игрѣ не можетъ считаться дѣйствительнымъ въ силу ст. 2014 т. X ч. I.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что, по обстоятельствамъ дѣла, нѣтъ никакого основанія придавать спорной сдѣлкѣ значенія биржевой игры; отличительный признакъ сдѣлки на разность заключается въ томъ, что контрагенты, при самомъ ея заключеніи, вовсе не имѣютъ въ виду дѣйствительнаго исполненія, путемъ сдачи служащихъ предметомъ сдѣлки цѣнностей, а исключительно денежный разсчетъ въ установленный срокъ въ разности цѣны предмета договора—биржевой и условленной. Между тѣмъ, въ настоящемъ случаѣ, свидѣтельскія показанія о томъ, что отвѣтчикъ занимается покупкою и продажею % бумагъ въ видѣ промысла, а равно неоднократныя приглашенія со стороны истца, предлагавшаго отвѣтчику принять купленные имъ билеты,—указываютъ, между прочимъ, что между сторонами существовали реальныя отношенія и заключались дѣйствительныя, а не мнимыя сдѣлки. Приводимыя апеллятором, въ опроверженіе этого соображенія,—отсутствіе спецификаціи продаваемыхъ билетовъ и наличность условія о поставкѣ ихъ продавцомъ до 20 февраля въ любой день, по выбору покупателя, Правительствующій Сенатъ находитъ лишенными значенія: продажа всякаго рода % бумагъ, по существу, ничѣмъ не

разнится отъ купли-продажи всякой иной движимости, причемъ общія правила о договорахъ купли-продажи нисколько не воспрещаютъ включать въ нихъ условія о сдачѣ товара на срокъ, по выбору одной изъ сторонъ, и о родовомъ лишь опредѣленіи объекта продажи; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ торговомъ быту лишь въ исключительныхъ случаяхъ обмѣнъ цѣнностей происходитъ въ самый моментъ заключенія сдѣлки и, даже при такъ называемыхъ покупкахъ „на наличный разсчетъ“, для приведенія сдѣлки въ исполненіе дается извѣстный срокъ, устанавливаемый для каждой биржи обычаемъ, причемъ и законъ прямо устанавливаетъ понятіе купли-продажи на срокъ, устанавливая въ этомъ отношеніи изъятіе лишь для сдѣлокъ по золотой валютѣ. Столь же неосновательнымъ признается Правительствующимъ Сенатомъ и возраженіе апеллятора, что настоящій искъ является преждевременнымъ, такъ какъ будто бы, истцу предварительно слѣдовало просить судъ объ обязаніи отвѣтчика принять билеты. Требовать принятія билетовъ зависѣло отъ истца и это составляло лишь его право, а не обязанность, почему онъ могъ и прямо стать на путь требованія убытковъ отъ непринятія билетовъ. Убытками, понесенными однимъ контрагентомъ отъ неисполненія обязательства другимъ, нельзя считать только понесенный первымъ прямой ущербъ въ смыслѣ уменьшенія его имущества, но убыткомъ представляется равнымъ образомъ и лишеніе контрагента той выгоды, того приращенія имущества, которыя онъ имѣлъ бы въ случаѣ точнаго исполненія обязательства другимъ контрагентомъ, а потому Правительствующій Сенатъ неоднократно признавалъ, что по куплѣ-продажѣ на срокъ убытки отъ неисполненія договора опредѣляются разницею въ цѣнѣ товара—договорной и рыночной—въ моментъ исполненія договора; въ виду чего истецъ, въ настоящемъ случаѣ, былъ вправѣ продать % бумаги или оставить ихъ за собою по рыночной цѣнѣ, въ условленный день сдачи, и потомъ отыскивать разницу. По изложеннымъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ рѣшеніе Коммерческаго Суда оставилъ въ силѣ (1908 г., № 1920).

273|185. Если за продавцомъ въ случаѣ непринятія покупщикомъ въ срокъ товара и должно быть признано право на отыскиваніе понесенныхъ имъ отъ сего убытковъ, то только въ размѣрѣ разницы между покупною цѣною товара и тою цѣною, которая стояла на него на рынкѣ въ срокъ исполненія договора купли-продажи, ибо только сравненіе разницъ между этими цѣнами можетъ быть принято за единообразное и твердое мѣрило дѣйствительнаго размѣра убытка, а не сравненіе разницъ между договоренною и произвольно выбранными стороною цѣнами, по которымъ она впослѣдствіи, по своему усмотрѣнію, продала товаръ (1894 г., № 256; тоже, 1908 г., № 388).

При этомъ для присужденія убытковъ не требуется представленія со стороны покупателя доказательствъ того, что онъ дѣйствительно нуждался въ заказанныхъ предметахъ и пріобрѣлъ таковые по повышенной противъ условія цѣнѣ (1909 г., № 299).

274. Въ томъ случаѣ, когда контрагенты срока сдачи товара не установили, обусловленный фактомъ несдачи товара убытокъ долженъ быть опредѣленъ по цѣнамъ дня, слѣдующаго за тѣмъ, когда послѣдовало нарушеніе договора (1911 г., № 363).

275. Подъ „рыночными“ цѣнами слѣдуетъ понимать цѣны, стоявшія въ установленномъ въ договорѣ мѣстѣ *сдачи* товара, если только въ договорѣ не содержится особыхъ по сему предмету условій (1908 г., № 2002).

276|186. Неимѣніе продавцомъ товара въ рукахъ въ моментъ заключенія договора купли-продажи не мѣняетъ характера сдѣлки; убытки отъ неисполненія сдѣлки купли-продажи продавцомъ исчисляются въ размѣрѣ разницы между условленною и существующею на биржѣ цѣною, въ мѣстѣ, назначенномъ для сдачи, а не тою, по которой покупщикъ пріобрѣлъ товаръ взамѣнъ проданнаго ему (сб. Вильс. I, № 125).

277|187. Изъ точнаго смысла ст. 1513 т. X ч. 1, какъ и изъ мѣста, занимаемаго ею въ т. X ч. 1, а именно въ разд. III кн. III гл. II о продажѣ-куплѣ, видно, что она относится исключительно къ договору купли-продажи и разрѣшаетъ тотъ спеціальный случай, когда продавецъ, взявъ впередъ деньги, не отдаетъ проданныхъ вещей въ виду повышенія на нихъ цѣнъ, но означенная статья не можетъ имѣть примѣненія къ поставкѣ на срокъ товаровъ, гдѣ убытки происходятъ вовсе не отъ непередачи купленныхъ и оплаченныхъ вещей, а отъ неисполненія въ срокъ договора. Въ виду сего и за отсутствіемъ въ законѣ спеціальныхъ на сей предметъ постановленій, въ случаѣ неисполненія договора поставки должны имѣть примѣненіе не спеціально до договора купли-продажи относящіяся законоположенія, а общее, содержащееся въ ст. 684 т. X ч. 1 правило о вознагражденіи за вредъ и убытки. Обязанность такого вознагражденія, по смыслу этой статьи, возлагается закономъ на причинившаго убытки совершенно независимо отъ того, предвидѣлъ ли онъ, что его дѣйствія повлекутъ убытки для его контрагента или нѣтъ, лишь бы только причиненіе убытковъ не было совершено при обстоятельствахъ, коими законъ по силѣ той же статьи извиняетъ причинившаго убытки (1890 г., № 117).

278|188. Пріобрѣтеніе предпріятія безъ провѣрки количества товаровъ и ошибка покупателя относительно выгодности предпріятія и стоимости товара—не суть основанія къ признанію договора купли-продажи необязательнымъ для покупщика.

Обращаясь вслѣдствіе апелляціонной жалобы повѣреннаго Голлена, Менчица, на рѣш. Спб. Ком. Суда, отказавшаго Голлену въ его искѣ въ виду полной неосновательности его, къ обсужденію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ прежде всего находитъ, что утвержденіе фонъ-Голлена о томъ, что какъ предварительный, такъ и окончательный договоры были совершены имъ безъ фактической провѣрки какъ покупавшагося имъ товара, такъ и заявленій отвѣтчика Фрица относительно выгодности предпріятія и безъ ознакомленія съ положеніемъ онаго, представляется совершенно голословнымъ и прямо опровергается собственнымъ его объясненіемъ о подписаніи имъ и Фрицемъ, при заключеніи предварительнаго соглашенія въ маѣ 1891 г., перечисленія товаровъ въ особой книгѣ и содержаніемъ договора отъ 22 августа 1891 г. Помимо сего, изложенное объясненіе Голлена не можетъ имѣть значенія уже на томъ простомъ основаніи, что предварительно вступленія въ какое бы то ни было соглашеніе о покупкѣ магазина, фонъ-Голленъ, несомнѣнно, имѣлъ полную возможность и право потребовать отъ Фрица ознакомленія его съ дѣломъ и предъявленія ему торговыхъ книгъ, какъ о томъ и предлагалъ фонъ-Голлену Фрицъ въ письмѣ отъ 12 марта 1891 г., равно какъ имѣлъ право и до заключенія окончательнаго договора 22 августа требовать совершенія описи, провѣрки и сдачи пріобрѣтавшагося имъ товара, о какой же либо предстоявшей для него необходимости, вслѣдствіе внесеннаго уже задатка и зависимости его поэтому отъ Фрица, подписать указанные договоры безъ совершенія этихъ дѣйствій, очевидно, не можетъ быть и рѣчи уже по одному тому, что, если къ 22 августа пріобрѣтаемое имъ имущество дѣйствительно не соотвѣтствовало условленному, то онъ всегда могъ отказаться отъ заключенія договора и требовать возврата ему задатка и во всякомъ случаѣ воздержаться отъ заключенія на покупку формальнаго договора съ уплатою всѣхъ слѣдуемыхъ денегъ. Что же касается ссылки Голлена въ доказательство правильности исковыхъ его требованій на заблужденіе, въ коемъ онъ находился, вступая въ сдѣлку съ Фрицемъ, относительно выгодности пріобрѣтаемаго торговаго дѣла и стоимости товара, то таковая не можетъ заслуживать уваженія въ виду того соображенія, что заблужденіе можетъ быть признано за обстоятельство, влекущее за собою недѣйствительность договора, только въ томъ случаѣ, если окажется, что предметъ договора не тотъ, который разумѣли стороны при совершеніи договора, причемъ ошибка должна быть извинительною, т. е. проистекающею отъ постороннихъ обстоятельствъ, а не отъ собственной неосмотритель-

ности лица. Заблужденіе же относительно предмета договора не можетъ служить основаніемъ къ признанію онаго недѣйствительнымъ, если заблужденіе стороны состояло только въ томъ, что она, напримѣръ, имѣя къ тому полную возможность и право, неправильно опредѣляла цѣну предмета, возможную доходность предпріятія или имѣла излишнее довѣріе къ другой сторонѣ, однимъ словомъ, если ошибка состояла въ неправильномъ представленіи одной стороны объ обстоятельствахъ, значеніе которыхъ опредѣляется и измѣняется по обстоятельствамъ времени и мѣста и по личнымъ соображеніямъ лица. Въ виду изложенныхъ соображеній Прав. Сенатъ находитъ заключеніе Спб. Ком. Суда о признаніи исковыхъ требованій фонъ-Голлена къ Фрицу, какъ лишенныхъ правильнаго основанія, не подлежащими удовлетворенію вполнѣ правильнымъ и отмѣнѣ не подлежащимъ. А потому и принимая во вниманіе: 1) что никакихъ другихъ доводовъ къ отмѣнѣ постановленнаго по сему дѣлу рѣшенія суда апелляторъ не приводитъ, 2) что ходатайство его о допросѣ свидѣтелей для установленія того, какихъ именно предметовъ не оказалось послѣ совершенія договора о покупкѣ имъ магазина, не можетъ быть признано уважительнымъ уже въ виду одного того, что установленіе этого обстоятельства путемъ свидѣтельскихъ показаній не представляется по обстоятельствамъ дѣла возможнымъ, ибо свидѣтели, очевидно, не могутъ знать, что именно хотѣли стороны продать и купить и что изъ этого, т. е. какія именно въ отдѣльности вещи остались не переданными,—Прав. Сенатъ опредѣляетъ: состоявшееся по сему дѣлу рѣшеніе Спб. Ком. Суда утвердить (1893 г., № 49).

279. Значеніе заблужденія заказчика относительно сорта и цѣны товара при условіи недобросовѣстности поставщика.

По дѣлу установлено, что цѣна, выставленная инженеромъ Л. въ его письмѣ отъ 3 января 1903 г., значительно превышала рыночную стоимость заказаннаго желѣза; это установлено экспертами въ Коммерческомъ Судѣ и не оспорено первоначальнымъ истцомъ, а при такомъ положеніи несомнѣнно, что первоначальный истецъ, получивъ заказъ по явно преувеличенной цѣнѣ, не могъ не усмотрѣть ошибки или въ цѣнѣ, или въ указаніи сорта желѣза; если онъ тѣмъ не менѣе выслалъ худшее желѣзо, пользуясь неяснымъ или ошибочнымъ указаніемъ сорта, по высшей цѣнѣ, то въ этомъ можно видѣть только желаніе обогатиться на счетъ контрагента; такъ какъ ошибка падаетъ своею тяжестью на ошибающагося только въ тѣхъ случаяхъ, когда противная сторона дѣйствуетъ добросовѣстно и не подозрѣвая ошибки, то въ данномъ дѣлѣ не можетъ быть и рѣчи о возложеніи послѣдствій ошибки на Л., при несомнѣнной для первоначальнаго истца неисправности его заказа. По изложеннымъ соображеніямъ

Правительствующій Сенатъ обязалъ продавца принять обратно доставленный Л. товаръ, отказавъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ во взысканіи стоимости товара (1909 г., № 1566).

280|189. Покупщикъ не вправѣ требовать вознагражденія его продавцомъ за убытки отъ недоставленія груза, своевременно продавцомъ отправленнаго, но погибшаго въ пути (1902 г., сб. Вильсона I, № 137).

281|190. Заказчикъ, соглашаясь на предложеніе продавца относительно предмета и цѣны заказа, и не сдѣлавъ въ отвѣтномъ по сему предмету письмѣ возраженія относительно условія, что цѣна назначена безъ доставки фабрикатовъ изъ фабрики (loco fabrik) тѣмъ самымъ долженъ считаться принявшимъ условія сдѣлки въ томъ видѣ, какъ онѣ были сдѣланы. Продавецъ, исполнившій данный ему заказъ, согласно съ условіями соглашенія, не можетъ быть признанъ отвѣтственнымъ за убытки, понесенные заказчикомъ вслѣдствіе того, что исполненіе заказа въ томъ видѣ, какъ онъ выполненъ (устройство висячаго котла на фабрикѣ) не было одобрено подлежащими властями (1903 г., Нобель съ Лишке). См. № $\frac{289}{196.}$

282|191. Условіе договора, что продавецъ обязанъ перемѣнить поставленныя имъ машины, если онѣ не будутъ выполнять всѣхъ установленныхъ въ договорѣ требованій—не даетъ права заказчику, признавшему, по установкѣ машинъ на мѣсто, непригодность ихъ къ употребленію, произвести за счетъ поставщика разныя въ нихъ исправленія, и требовать отъ поставщика возмѣщенія понесенныхъ имъ, заказчикомъ, по сему предмету, расходовъ (1888 г., сб. Вильсона I, № 140).

283. Значеніе сдѣлки о принятіи товара „на консигнацію“.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что обсужденію его въ дѣлѣ подлежитъ споръ сторонъ о существѣ положенной въ основаніе настоящаго иска сдѣлки—принятія товара „на консигнацію“: тяжущіяся стороны и Коммерческій Судъ, признавая сдѣлку „консигнація“ за особый видъ храненія товара для исполненія порученія, данную сдѣлку толкуютъ различно: истецъ полагаетъ, что назначеніемъ ея была покупка товара съ разсрочкой платежа, отвѣтчикъ же, а съ нимъ и Коммерческій Судъ, считаютъ, что цѣлью принятія отвѣтчикомъ товара на „консигнацію“ было принятіе его на комиссію. Обращаясь къ обсужденію этого спора сторонъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правильности обжалованнаго рѣшенія Коммерческаго Суда, Прави-

тельствующій Сенатъ усматриваетъ, что хотя, по удостовѣренію членовъ суда отъ купечества, выраженіе „принятіе на консигнацію“ обычно употребляется, въ смыслѣ поступленія товара на комиссію, а не въ собственность, однако, это обстоятельство не исключаетъ возможности поступленія товара въ собственность, такъ какъ, по удостовѣренію этихъ же членовъ отъ купечества, точный смыслъ приведеннаго выраженія знаменуетъ собой принятіе товара для исполненія порученія, назначенія; назначеніемъ же товара можетъ быть какъ дальнѣйшее его отчужденіе, такъ и оставленіе за собою въ собственность; въ виду сего и при обсужденіи вопроса о томъ, къ какой категоріи должна быть отнесена спорная сдѣлка, долженъ быть принятъ въ соображеніе смыслъ письма отъ 4/17 декабря 1900 г. и другихъ писемъ для выясненія намѣренія сторонъ при заключеніи этой сдѣлки. Въ этомъ отношеніи содержаніе письма 4/17 декабря 1900 г. не допускаетъ сомнѣнія, что при заключеніи сдѣлки стороны имѣли въ виду именно оставленіе спорнаго товара отвѣтчикомъ за собою, а ни какъ не принятіе его на комиссію; къ такому заключенію приводятъ Правительствующій Сенатъ слѣдующія соображенія: въ договорѣ 4/17 декабря 1900 г., прежде всего, опредѣлена наивысшая стоимость имѣющаго быть доставленнымъ товара; такое условіе представлялось бы совершенно излишнимъ, если бы стороны имѣли въ виду принятіе отвѣтчикомъ товара на комиссію, ибо принятіе комиссіонеромъ товара на большую сумму, чѣмъ та, на которую товаръ этотъ можетъ быть проданъ имъ, не создаетъ для комиссіонера никакихъ невыгодныхъ послѣдствій; между тѣмъ, какъ подобное условіе при оставленіи товара за собою, иначе говоря, при куплѣ-продажѣ, представляется несомнѣнно необходимымъ. Далѣе, имѣющееся въ письмѣ опредѣленіе способа разсчета за принятый товаръ „въ теченіи пяти лѣтъ со дня сдачи по использованіи“ прямо указываетъ на цѣль пріобрѣтенія спорнаго товара въ собственность отвѣтчика, а не на комиссію; при этомъ нельзя не принять во вниманіе, что спорный товаръ—напилки—долженъ былъ быть доставленъ въ Охтенскій складъ отвѣтчика, т. е. по неоспоренному указанію истца въ механическія мастерскія отвѣтчика, иначе говоря для нуждъ его. Наконецъ, вполнѣ подтверждающимъ вышеприведенное заключеніе представляется и тотъ доводъ истца, что отвѣтчикъ, будучи акціонернымъ обществомъ, дѣйствующимъ на основаніи надлежащимъ образомъ утвержденнаго устава, не можетъ принимать на себя обязанности комиссіонера, т. к. въ кругъ дѣйствій этого общества по уставу его не относится принятіе какихъ бы то ни было товаровъ на комиссію. При такомъ положеніи дѣла, Правительствующій Сенатъ не можетъ не признать, что намѣреніемъ сторонъ при заключеніи договора отъ 4/17 декабря 1900 года было поступленіе товара въ собственность отвѣтчика, а не принятіе такового на комиссію, въ виду чего и право истца на требованіе стоимости этого товара должно почитаться установленнымъ. Что же касается ссылки отвѣтчика на то, что ни одинъ изъ напилковъ не былъ имъ использо-

ванъ и что, слѣдовательно, за истцомъ во всякомъ случаѣ не можетъ быть признано право требованія уплаты за эти напилки, то эта ссылка уважительною признана быть не можетъ, ибо договоромъ опредѣленъ способъ расплаты за принятый товаръ по использованіи, въ теченіи пяти лѣтъ; слѣдовательно, если бы въ этотъ промежутокъ времени не было использовано, какъ утверждаетъ отвѣтчикъ, ни одного напильника, то, конечно, всякое требованіе за таковые было бы преждевременно; но засимъ по истеченіи пяти лѣтъ условіе объ использованіи должно признаваться утратившимъ свое значеніе, т. к. въ противномъ случаѣ не представлялось бы никакихъ основаній ко включенію въ договоръ срока, въ теченіи котораго производилась бы расплата за товаръ по его использованіи. На основаніи всего вышеизложеннаго и принявъ во вниманіе: 1) что, въ подтвержденіе размѣра иска, истецъ представилъ фактуру отъ 4 марта 1901 г. и въ опроверженіе ея отвѣтчикомъ, несмотря на предложеніе суда представить таковую отъ 10 апрѣля 1901 г., ея не представлено, 2) что, согласно фактурѣ отъ 4 марта 1901 г., отвѣтчику доставлено напилковъ всего на сумму 24.222 фр. 25 сант. и за скидкою 40% на сумму 14.533 фр. 35 сант., что составляетъ по курсу—5.450 руб., противъ какового разсчета спора со стороны отвѣтчика не заявлено, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: въ отмѣну состоявшагося по настоящему дѣлу 12 января 1909 г. рѣшенія С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда взыскать съ общества Финляндскаго легкаго пароходства въ пользу Эльзасской мануфактуры напилковъ И. Эбштейнъ въ Страсбургѣ пять тысячъ четыреста пятьдесятъ рублей съ % (1911 г., № 1138).

284. *Гражданскій Кассаціонный Департаментъ* въ рѣшеніи 1911 г., № 82, остановился на вопросѣ о томъ, *могутъ ли имѣть примѣненіе правила, изложенныя въ ст. 1509[2]—1509[5] т. X ч. I Зак. Гражд., къ сдѣлкамъ о продажѣ книгъ съ разсрочкою платежа.* Вопросъ разрѣшенъ въ *утвердительномъ* смыслѣ.

Въ томъ же рѣшеніи *Гражданскій Кассаціонный Деп.* разъяснилъ, что *продавецъ движимаго имущества съ разсрочкою платежа не вправѣ предъявить въ одномъ исковомъ прошеніи требованіе о взысканіи съ покупщика неуплаченныхъ имъ двухъ срочныхъ платежей, а при неуплатѣ таковыхъ по рѣшенію суда—объ уничтоженіи договора и о возвращеніи имущества, а обязанъ ограничиться требованіемъ либо о взысканіи просроченныхъ платежей, либо объ уничтоженіи договора и о возвращеніи имущества.*

ПОСТАВКА.

Отличіе купли-продажи отъ поставки. Разница между поставкою и продажею движимости состоитъ въ томъ, что поставщикъ во время заключенія договора не предполагается и обыкновенно не бываетъ собственникомъ тѣхъ предметовъ, которые обязуется поставить, тогда какъ продавецъ можетъ отчуждать только собственное имущество; предметомъ поставки не можетъ быть индивидуально опредѣленная вещь какъ при продажѣ, а лишь вещи, опредѣляемыя количествомъ, качествомъ, родомъ; исполненіе поставки всегда обусловливается опредѣленнымъ срокомъ, между тѣмъ какъ при продажѣ передача вещи бываетъ обыкновенно неотложная (Гражд. Касс. Деп. 1880 г., № 94 и 1886 г., № 83).

285|192. Заказчикъ впредь до передачи ему поставщикомъ предметовъ заказа никакихъ правъ на оные еще не пріобрѣтаетъ, а таковые остаются собственностью того, кто ими владѣетъ, т. е. поставщика, хотя бы часть заказа и была уже выполнена и деньги уплачены впередъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли СПБ. Ком. Судъ отказалъ Новикову въ искѣ его къ конкурсу Вельке о признаніи за нимъ права собственности на заказанныя имъ заводу Вельке и изготовленныя послѣднимъ машинныя части для водочнаго завода и объ обязаніи конкурса Вельке выдать ему, Новикову, означенныя вещи. Въ отношеніи сего вопроса Прав. Сенатъ прежде всего находитъ, что заказъ Новиковымъ Вельке машинъ для своего винокуреннаго завода вполнѣ подходитъ подъ понятіе договора поставки, по силѣ коего одна изъ вступающихъ въ оный сторонъ принимаетъ на себя обязательство поставить извѣстнаго рода вещи, а другая, въ пользу коей сіе производится, учинить за то денежный платежъ (ст. 1737 т. X ч. 1), а вовсе не договора купли-продажи, какъ то старается установить апелляторъ. Отличительный же признакъ договора поставки заключается именно въ томъ, что предметомъ онаго, какъ это и имѣло мѣсто въ настоящемъ случаѣ, бываетъ не какое-либо извѣстное, данное, уже существующее въ моментъ заключенія договора, у поставщика имущество, а лишь предполагаемое, съ изъясненіемъ только одного качества и достоинства предназначенныхъ къ поставкѣ вещей и что между заключеніемъ и исполненіемъ договора посредствомъ передачи поставщикомъ предмета поставки въ собственность покупателя предполагается извѣстный промежутокъ времени, въ теченіе котораго юридическія отношенія покупателя къ предметамъ поставки

остаются въ томъ же положеніи, въ какомъ были до заключенія договора, т. е. другими словами заказчикъ впредь до передачи ему поставщикомъ предметовъ заказа никакихъ правъ на оные еще не пріобрѣтаетъ, а таковые, на общемъ основаніи, остаются собственностью того, кто ими владѣетъ, т. е. поставщика. Въ виду сего и принимая въ соображеніе: 1) что согласно изложеннаго, когда предметомъ поставки является изготовленіе извѣстныхъ вещей, самая рѣшительная несомнѣнность заказанной вещи не измѣняетъ правоотношеній, изъ договора поставки возникающихъ, и не создаетъ права собственности на заказанную вещь для заказчика до передачи оной ему; 2) что передача части заказа заказчику не можетъ измѣнить такого отношенія договорившихся сторонъ по отношенію къ той части заказа, которая еще не передана заказчику; 3) что точно также условіе объ уплатѣ всѣхъ денегъ впередъ или фактическая уплата ихъ впередъ, безъ особаго о томъ условія, не можетъ вліять на вышеприведенное положеніе о переходѣ къ заказчику права собственности на заказанную вещь лишь по передачѣ оной ему; 4) что посему объясненіе Новикова со ссылкою на письменныя доказательства, торговыя книги и свидѣтелей, направленныя къ тому, чтобы установить, что отыскиваемыя имъ вещи были на заводѣ Вельке изготовлены именно для него, Новикова, и приготовлены уже къ отправкѣ именно къ нему, если и были бы подтверждены изслѣдованіями, на которыя сослался Новиковъ, не могли бы имѣть значенія по дѣлу, разъ Новиковъ не представилъ доказательствъ, что отыскиваемыя имъ вещи уже были сданы отъ Вельке ему, Новикову, непосредственно или довѣренному отъ него лицу; 5) что указанія повѣреннаго Новикова на то, что если изъ дѣла видно, что Вельке взялъ на себя доставку заказанныхъ вещей на заводъ Новикова и получилъ всѣ деньги за такую доставку, то значитъ заказъ былъ принятъ Новиковымъ, не могутъ быть признаны уважительными, такъ какъ Вельке могъ принять на себя доставку вещей и при условіи сдачи ихъ Новикову на заводѣ послѣдняго, и 6) что до сдачи заказа договоръ поставки не можетъ быть признанъ исполненнымъ (ст. 1744 т. X ч. I), и потому въ виду несостоятельности Вельке, исполненіе договора съ Новиковымъ по силѣ 570 ст. Уст. Суд. Торг. зависитъ отъ конкурснаго управленія,—Прав. Сенатъ опредѣленіе СПБ. Ком. Суда объ отказѣ въ искѣ Новикова оставилъ въ силѣ (1890 г., № 61).

286|193. Хотя договоръ поставки по закону требуетъ заключенія его въ письменной формѣ, однако изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы безусловно всѣ договоры поставки, въ томъ числѣ и относящіеся къ области торговаго оборота, какъ напр. поставка машинъ, должны быть облечены въ форму формальнаго контракта, заключеннаго нотаріальнымъ порядкомъ или порядкомъ, установленнымъ въ Положеніи о каз. подр. и пост., и при отсутствіи такого контракта не могли бы быть признаны въ силѣ договора поставки.

Напротивъ того, поставка, какъ это неоднократно установлялось и судебною практикою, почти исключительно совершается путемъ обмѣна торговой корреспонденціи, т. е. установляется письменными документами, не носящими характера формальнаго контракта. Въ виду сего заключеніе договора путемъ дачи письменнаго заказа и принятія онаго отвѣтнымъ письмомъ, не можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ непризнаніе сего договора поставкою какъ имѣющаго своимъ предметомъ поставку еще несуществующихъ машинъ, обусловленную предварительнымъ ихъ изготовленіемъ (1893 г., № 1583).

287|194. Хотя по точному смыслу ст. 1742 т. X ч. I Зак. Гражд. договоры подряда или поставки и должны быть облекаемы въ письменную форму и посему какъ наличность соглашенія о подрядѣ или поставкѣ, такъ и условія онаго не могутъ быть *доказываемы* свидѣтельскими показаніями, но изъ содержанія означенной статьи закона, а равно изъ содержанія всѣхъ прочихъ статей, коими исчерпываются правила о поставкахъ и подрядахъ, какъ особаго рода договорахъ (ст. 1737 и сл.), нельзя усмотрѣть запрещенія со стороны закона вступать въ подрядныя отношенія по словесному договору, каковое запрещеніе дѣлало бы такой договоръ безусловно недѣйствительнымъ и какъ бы не существовавшимъ и тѣмъ лишало бы вытекающія изъ него правоотношенія судебной защиты при всякихъ условіяхъ. Поэтому, коль скоро самый фактъ существованія подрядныхъ отношеній, а равно и условія ихъ самими сторонами, въ этихъ отношеніяхъ состоявшими, не отрицаются, а слѣдовательно и дальнѣйшему доказательству не подлежатъ, то одно необлеченіе договорныхъ отношеній въ письменную форму не можетъ еще, само по себѣ, служить основаніемъ къ отказу въ основанныхъ на нихъ исковыхъ требованіяхъ (1896 г., № 29).

288|195. Коль скоро заказъ исполненъ согласно условленнымъ образцамъ, то заблужденіе заказчика въ качествѣ образцовъ не служитъ основаніемъ къ признанію исполненнаго заказа недѣйствительнымъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что по договору, заключенному 31 мая 1891 г. между Обществомъ верхнихъ торговыхъ рядовъ и Мольденгауэромъ, послѣдній продалъ Обществу 228 свѣтовыхъ перекрытій для освѣщенія подвальныхъ помѣщеній изъ горизонтальныхъ иллюминаторовъ усовершенствованной и привилегированной системы съ призматическими и конвексными стеклами патентъ „Гайвардъ“, согласно представленнымъ образцамъ, по условленнымъ цѣнамъ всего на сумму 19.156 р. 55 к. По исполненіи этого заказа Общество уплатило Мольденгауэру 17.700 руб., но затѣмъ, узнавъ впослѣдствіи, какъ оно утверждаетъ, что стекла поставлены имъ не англійской

фирмы „Гайвардъ“, а поддѣльныя, отъ платежа остальныхъ 1.446 р. 55 к. отказалось. Въ виду этого обстоятельства и возникли составляющіе предметъ настоящаго дѣла взаимные иски. Мольденгауэръ, ссылаясь на то, что заказъ былъ имъ выполненъ во всемъ согласно образцамъ и одобренъ Обществомъ, требуетъ взысканія съ послѣдняго остальныхъ недополученныхъ имъ 1.446 р. 55 к., а Общество, утверждая, что оно находилось въ заблужденіи относительно качества стеколъ, требуетъ съ Мольденгауэра возврата уплаченныхъ 17.700 руб. или переустройства всѣхъ свѣтовыхъ перекрытій. Приступая вслѣдствіе апелляціонной жалобы Общества на рѣшеніе Моск. Ком. Суда, признавшаго искъ Мольденгауэра подлежащимъ удовлетворенію и отказавшаго во встрѣчномъ искѣ Общества, къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла,—Прав. Сенатъ находитъ, что въ силу точнаго смысла заключеннаго между сторонами договора, Мольденгауэръ принялъ на себя исполненіе заказа на поставку Обществу свѣтовыхъ перекрытій извѣстной системы „согласно представленнымъ образцамъ“. Того обстоятельства, что заказъ этотъ имъ исполненъ именно согласно этимъ образцамъ, Общество вовсе не отрицаетъ, а слѣдовательно о несогласномъ съ договоромъ выполненія со стороны Мольденгауэра заказа не можетъ быть рѣчи. Если же Общество, какъ оно нынѣ утверждаетъ, находилось въ заблужденіи относительно качества самыхъ образцовъ, изготовленныхъ въ Россіи и во всемъ сходныхъ со стеклами фирмы „братья Гайвардъ и Экштейнъ“ въ Лондонѣ, отличаясь лишь меньшимъ удѣльнымъ вѣсомъ сравнительно со стеклами фирмы, то, если бы подобное заблужденіе при заключеніи договора дѣйствительно имѣло мѣсто, обстоятельство это во всякомъ случаѣ не можетъ служить основаніемъ къ обвиненію Мольденгауэра въ противодоговорномъ исполненіи имъ принятыхъ на себя обязательствъ и признанію самаго договора недѣйствительнымъ, ибо отъ Общества зависѣло, предварительно дачи Мольденгауэра заказа по представленнымъ имъ образцамъ, проявить по отношенію къ симъ послѣднимъ достаточную осмотрительность разслѣдованіемъ ихъ свойства и качествъ. Изъ факта же одобренія Обществомъ какъ самихъ образцовъ, такъ и всего выполненнаго Мольденгауэромъ заказа (письмо директора Правленія Общества отъ 9 января 1892 г., писанное черезъ полгода послѣ окончанія работъ), съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что заказъ этотъ, исполненный Мольденгауэромъ, вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ Общества, а потому это послѣднее въ настоящее время и не вправѣ предъявлять къ Мольденгауэру составляющихъ предметъ настоящаго дѣла притязаній, не говоря уже о томъ, что, какъ то подробно приведено въ рѣшеніи Ком. Суда, въ дѣлѣ имѣются данныя, указывающія на то, что Обществу своевременно должно было быть извѣстнымъ, что стекла поставлены Мольденгауэромъ не фирмы „Гайвардъ“, а здѣшняго изготовленія, и что во всякомъ случаѣ протестъ свой Общество, будь оно дѣйствительно право, должно было категорично заявить Мольденгауэру своевременно, а не по предъявленіи лишь

Мольденгауэромъ настоящаго иска, т. е. 20 мѣсяцевъ послѣ того, какъ ему, какъ оно само утверждаетъ, стала извѣстна неподлинность поставленныхъ Мольденгауэромъ стеколъ, и черезъ 2½ года по окончаніи послѣднимъ работъ. А потому и принимая во вниманіе: 1) что по точному смыслу ст. 1744 т. X ч. I подрядъ и поставка исполняются: а) со стороны подрядчика и поставщика совершеніемъ подряда и поставки въ срокъ, опредѣленный договоромъ, съ соблюденіемъ всѣхъ прочихъ содержащихся въ ономъ условій; б) со стороны подряжающаго—платежомъ подрядчику или поставщику сполна цѣны подряда или поставки по условіямъ договора; 2) что посему составляющее предметъ настоящаго дѣла требованіе Мольденгауэра, исполнившаго принятый имъ отъ Общества верхнихъ торговыхъ рядовъ подрядъ, какъ уже указано выше, во всемъ согласно договору, о взысканіи съ послѣдняго остальныхъ, слѣдующихъ съ него по этому подряду 1.446 р. 55 к. должно быть признано подлежащимъ удовлетворенію; 3) что засимъ дѣйствія Мольденгауэра по составленію самаго образца, по коему исполненъ имъ подрядъ, въ предѣлахъ настоящаго производства, возникшаго исключительно по спору о выполненіи имъ самаго подряда для Общества, разсмотрѣнію не подлежатъ и могли быть предметомъ обсужденія лишь въ случаѣ возбужденія о семъ спора со стороны фирмы „Гайвардъ и К°“, права которой подобными дѣйствіями Мольденгауэра могли быть нарушенными,— Прав. Сенатъ признаетъ рѣшеніе Моск. Ком. Суда о присужденіи съ Общества верхнихъ торговыхъ рядовъ въ пользу Мольденгауэра 1.446 р. 55 к. съ % отмѣнѣ не подлежащимъ (1894 г., № 1100).

289|196. Заказчикъ, согласившись на предложенную поставщикомъ цѣну заказа, опредѣленную безъ доставки, тѣмъ самымъ долженъ быть признанъ согласившимся принять доставку на свой счетъ. Коль скоро заказъ (устройства котла) выполненъ во всемъ согласно условіямъ соглашенія, то поставщикъ не отвѣчаетъ за убытки, произошедшіе для заказчика отъ неодобренія подлежащими властями системы выполненнаго заказа.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его въ ономъ подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Спб. Ком. Судъ: во 1-хъ, въ удовлетвореніе первоначальнаго иска Товарищества „Людвигъ Нобель“ къ Лишке присудилъ съ послѣдняго въ пользу перваго за поставленныя ему машины и произведенныя при этомъ работы 3.299 р. 8 к., а не 2.582 р. 26 к., какъ о томъ ходатайствовалъ Лишке, и, во 2-хъ, отказалъ Лишке во встрѣчномъ искѣ къ названному Товариществу 4.000 р. убытковъ, понесенныхъ имъ, по его объясненію, отъ ненадлежащаго исполненія Товариществомъ принятаго заказа.

Обращаясь къ обсужденію первоначальнаго иска Товарищества къ Лишке, Прав. Сенатъ находитъ, что указанная разница между заявленною Товариществомъ Нобель и судомъ удовлетворенною исковою суммою (3.299 р. 8 к.), и тою, въ какой искъ Товарищества признается Лишке (2.582 р. 26 к.), происходитъ отъ того, что послѣдній во 1-хъ, не признаетъ за Товариществомъ права на особое отъ стоимости доставленныхъ ему и установленныхъ на его фабрикѣ для изготовленія пассажирскихъ билетовъ паровой машины и трубчатаго парового котла вознагражденіе за доставку и установку этихъ машинъ, показанное Товариществомъ по двумъ счетамъ отъ 31 декабря 1888 г. въ суммѣ 455 р. (а не 425 р., какъ то ошибочно указывалось повѣреннымъ Лишке), во 2-хъ, вычитаетъ изъ причитающихся съ него истцу денегъ за возвращенные послѣднему предметы не 93 р. 8 к., какъ дѣлаетъ истецъ, а 135 р. 66 к., и, въ 3-хъ, удерживаетъ съ Товарищества Нобель 250 р., израсходованные имъ, Лишке, на передѣлку парового котла, недопущеннаго правительственными властями къ работѣ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ установленъ Товариществомъ. Обращаясь для разрѣшенія правильности перваго изъ приведенныхъ доводовъ Лишке къ содержанію представленной къ дѣлу переписки сторонъ, единственно только установляющей и опредѣляющей ихъ взаимныя отношенія по поводу составляющаго предметъ настоящаго дѣла заказа, Прав. Сенатъ находитъ, что письмомъ отъ 14 іюля 1888 г. Людвигъ Нобель предложилъ Лишке поставить ему горизонтальную паровую машину въ 10 силъ съ принадлежностями къ ней за 1.250 р. и горизонтальный паровой трубчатый котелъ въ 12 силъ съ полной арматурой и гарнитурой за 1.225 р., съ указаніемъ при этомъ, что эти „цѣны назначены безъ доставки фабрикатовъ изъ фабрики“ (loco Fabrik). На это письмо Нобеля, Лишке, письмомъ отъ 15 того же іюля, отвѣтилъ, что проситъ изготовить для него и установить вышеуказанные машину за 1.250 р. и котелъ за 1.225 р., причемъ обязуется уплатить наличными по сдачѣ и по полученіи счета 1.000 р., а остальныя деньги въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ. Изъ содержанія приведенной переписки сторонъ такимъ образомъ явствуетъ, что Лишке, соглашаясь на предложеніе Нобеля заказать ему паровую машину и котелъ, указанныхъ имъ размѣровъ и качествъ, за предложенную имъ цѣну и не сдѣлавъ никакихъ возраженій или замѣчаній на указаніе Нобеля, что цѣны машинамъ показаны имъ безъ доставки таковыхъ съ фабрики, тѣмъ самымъ долженъ почитаться принявшимъ предложеніе Нобеля въ томъ видѣ, въ какомъ оно было ему сдѣлано, т. е. по указаннымъ Нобелемъ цѣнамъ безъ включенія въ нихъ стоимости доставки и постановки машинъ, а потому и всѣ приводимыя нынѣ, противныя сему объясненія повѣреннаго Лишке о томъ, что въ назначенныя Нобелемъ цѣны машинъ входитъ и плата ему за доставку и установку таковыхъ, не только не представляются голословными, но и прямо опровергаются содержаніемъ приведенной переписки сторонъ. Въ виду сего и принимая во вни-

маніе, что противъ размѣра исчисленной Товариществомъ Нобель стоимости указанныхъ работъ Лишке спора не заявляетъ, Прав. Сенатъ находитъ, что исключеніе оной изъ счетовъ Товарищества не можетъ быть признано правильнымъ, а засимъ и ходатайство о томъ Лишке не заслуживаетъ уваженія. Неуважительнымъ должно быть признано и ходатайство Лишке объ исключеніи изъ счетовъ Товарищества за возвращенныя послѣднему вещи 135 р. 68 к., а не 93 р. 08 к., какъ то признаетъ истецъ, такъ какъ въ доказательство возвращенія имъ вещей на эту послѣднюю именно сумму Лишке рѣшительно никакихъ доказательствъ не представилъ. Относительно затѣмъ домогательства Лишке о вычетѣ изъ взыскиваемой съ него Нобелемъ суммы 250 р. за переустройство котла вслѣдствіе требованія о томъ Техническаго Совѣта торговли и мануфактуръ Министерства Финансовъ, признавшаго систему, по которой былъ установленъ Товариществомъ Нобель котелъ, а именно на подвѣскахъ, опасною и потребовавшаго установки онаго обыкновеннымъ способомъ—на фундаментѣ, отвѣтственность за каковое обстоятельство Лишке возлагаетъ на Товарищество, Прав. Сенатъ прежде всего находитъ, что Товарищество Нобель могло бы вообще быть признано отвѣтственнымъ передъ Лишке лишь въ томъ случаѣ, еслибы исполнило данный ему заказъ несогласно съ условіями соглашенія. Хотя въ представленной къ дѣлу перепискѣ сторонъ о системѣ постановки въ помѣщеніи Лишке котла ничего не упоминается, но изъ показанія допрошеннаго судомъ подъ присягою свидѣтеля Габиха усматривается, что прежде чѣмъ былъ принятъ Нобелемъ отъ Лишке заказъ на приготовленіе котла, онъ, свидѣтель, по приглашенію Лишке, былъ у него на фабрикѣ и осматривалъ то мѣсто, гдѣ предполагалось поставить котелъ; по осмотрѣ мѣста, онъ нашелъ, что оно очень узко и недостаточно для помѣщенія котла, а потому онъ посовѣтовалъ Лишке обратиться сперва къ городскому механику о разрѣшеніи поставить въ указанномъ мѣстѣ котелъ; при заказѣ котла онъ заявлялъ Лишке, что на указанное мѣсто можетъ быть помѣщенъ только трубчатый котелъ, да и то при недостаточности мѣста не иначе, какъ на подвѣсахъ. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что котелъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ поставленъ Нобелемъ, былъ принятъ Лишке и, какъ видно изъ письма его отъ 25 іюня 1889 г., находился уже къ тому времени въ дѣйствіи шесть недѣль; 2) что, по заключенію экспертовъ-профессоровъ Технологическаго Института, конструкція, данная Нобелемъ котлу явилась понятнымъ послѣдствіемъ желанія увеличить поверхность нагрѣва котла въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи, какъ на фабрикѣ Лишке, и такимъ образомъ соотвѣтствовала вполнѣ интересамъ сего послѣдняго, Прав. Сенатъ не можетъ не признать, что если впослѣдствіи означенная постановка котла и не была одобрена подлежащими властями, то обстоятельство это всецѣло должно пасть на отвѣтственность самого Лишке, какъ на хозяина фабрики, съ вѣдома и согласія котораго котелъ былъ такимъ образомъ установленъ и который уже на-

чалъ имъ въ такомъ видѣ пользоваться, а никакъ не на отвѣтственность Нобеля, исполнившаго принятый заказъ соотвѣтственно соглашенію, тѣмъ болѣе, что по показанію экспертовъ, хотя котлы такой конструкціи съ научной точки зрѣнія и не могутъ быть признаны удовлетворяющими требованіямъ безопасности, но, тѣмъ не менѣе, на практикѣ допускаются. Имѣя же затѣмъ въ виду, что на какіе-либо внутренніе недостатки поставленнаго Нобелемъ котла, за исключеніемъ обнаружившейся течи—явленія, по заключенію экспертовъ, обыкновеннаго у новыхъ котловъ и устранимаго простой подчеканкой, могущей быть исполненною въ нѣсколько минутъ простымъ рабочимъ—Лишке вовсе не указываетъ и за нихъ съ Нобеля не взыскиваетъ, Прав. Сенатъ находитъ признаніе Ком. Судомъ спора Лишке противъ иска Товарищества Нобель неуважительнымъ во всѣхъ онаго частяхъ, вполнѣ согласнымъ съ обстоятельствами дѣла и отмѣнѣ не подлежащимъ. Переходя засимъ къ обсужденію вопроса о правильности встрѣчнаго иска Лишке къ Товариществу Нобель въ суммѣ 4.000 р., Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ видно изъ содержанія встрѣчнаго искового прошенія Лишке, отъ 12 іюня 1890 г., означенная сумма взыскивалась имъ въ видѣ убытка, понесеннаго имъ, Лишке, вслѣдствіе бездѣйствія его фабрики съ апрѣля, когда послѣдовало требованіе объ измѣненіи устройства котла, по 25 декабря 1889 г., произошедшаго по винѣ Товарищества, неправильно установившаго на его фабрикѣ котелъ. А такъ какъ, въ силу изложенныхъ уже выше соображеній, отвѣтственность за признанную впослѣдствіи неудовлетворительною постановку котла на Товарищество Нобель возложена быть не можетъ, то и основанный на противоположномъ сему выводѣ встрѣчный искъ Лишке вполнѣ правильно оставленъ Ком. Судомъ безъ удовлетворенія. Что же касается приводимыхъ нынѣ Лишке объясненій о томъ, что означенные убытки имъ взыскиваются и за время съ 1 сентября 1888 г. по конецъ апрѣля 1889 г., вслѣдствіе несвоевременной постановки котла, то объясненія эти, какъ клонящіяся къ измѣненію самого основанія его иска—тамъ неправильная и признанная впослѣдствіи негодною постановка котла, а здѣсь несвоевременное исполненіе заказа (тѣмъ не менѣе принятаго)—не могутъ вовсе подлежать въ предѣлахъ настоящаго производства разсмотрѣнію. Признавая по вышеизложеннымъ соображеніямъ присужденіе Спб. Ком. Судомъ съ Лишке въ пользу Товарищества Людвигъ Нобель 3.299 р. 8 к. и отказъ первому во встрѣчномъ искѣ къ послѣднему правильнымъ и отмѣнѣ не подлежащимъ и не усматривая за симъ основаній къ удовлетворенію ходатайства апеллятора о назначеніи новыхъ по сему дѣлу экспертизъ, въ виду несущественности ихъ для дѣла,—Прав. Сенатъ состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе Спб. Ком. Суда утвердилъ (1893 г., № 52).

290|198. Выраженіе договора о разсчетѣ за поставленный товаръ „по вѣсу, опредѣленному желѣзной дорогой, на станціи

отправленія" надо толковать въ томъ смыслѣ, что стороны согласились, чтобы взвѣшиваніе дѣйствительно производилось на желѣзной дорогѣ и притомъ правильно, такъ какъ обмѣръ вообще недопустимъ и преслѣдуется закономъ (полож. о мѣрахъ и вѣсахъ 4 іюля 1899 г.). Поэтому, если возникло сомнѣніе въ правильности показанія накладныхъ желѣзной дороги о результатахъ взвѣшиванія въ виду установленнаго самою дорогою недовѣса при взвѣшиваніи, а засимъ установлены случаи непроизводства взвѣшиванія нѣкоторыхъ вагоновъ, пропуски взвѣшиванія, небрежность показанія вѣса и т. п., то отвѣтчикъ (грузополучатель) не лишенъ права оспаривать незыблемое значеніе для разсчетовъ показаній накладныхъ желѣзной дороги о вѣсѣ тары въ виду ихъ недостовѣрности, послѣ чего истецъ (отправитель), не опровергнувъ этого спора, обязанъ уже на общемъ основаніи закона (366 ст. Уст. Гражд. Суд.) доказывать свой искъ въ цифровыхъ данныхъ другими по этому предмету доказательствами (2-го Общ. Собр. 5 марта 1905 г., № 59).

291|199. Если по пріемѣ спирта съ завода, отпущеннаго въ бочкахъ покупщика, окажется при досмотрѣ спирта въ таможнѣ недомѣръ, то отвѣтственность за таковой недомѣръ долженъ нести покупщикъ спирта. Поставщикъ спирта, согласившись отпустить мѣсячную партію спирта, послѣ срока, назначеннаго въ договорѣ на пріемъ оной, не лишается предоставленнаго ему договоромъ права удержать въ свою пользу за несрочный пріемъ означенной партіи спирта часть задатка. Довѣренность отъ заводчика требуется только для совершенія необходимыхъ формальностей въ таможнѣ, для возвращенія заводчику установленной преміи и скидки на путевую трату, всѣ же дальнѣйшія дѣйствія пріобрѣтателя спирта, послѣ выпуска спирта изъ таможни, для отправки его за границу не требуютъ представленія довѣренности (сб. Вильсона I, № 144).

292|200. Обязавшись поставлять товаръ партіями въ теченіе опредѣленнаго срока, продавецъ можетъ обвинить покупщика въ непринятіи товара лишь тогда, когда докажетъ, что товаръ въ указанные сроки имъ дѣйствительно поставлялся, но не былъ принятъ. Послѣсрочная поставка для покупщика необязательна.

Приступая къ обсужденію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что согласно маклерской запискѣ, Осьмининъ продалъ обществу Стратсъ-Патентъ, а общество обязалось принять отъ него 22500 пуд. муки по пробѣ, съ обязательствомъ Осьминина все проданное количество муки доставить на фабрику общества въ теченіе трехъ мѣсяцевъ (октября, ноября и декабря 1893 г.)

еженедѣльными частями. Такимъ образомъ, по точному смыслу этой сдѣлки, положенной самимъ Осьмининымъ въ основаніе исковыхъ его требованій къ обществу, прежде всего на обязанности самого Осьминина лежало доставлять на фабрику общества въ теченіе октября, ноября и декабря 1893 г. еженедѣльными равными партіями условленное, соотвѣтствующее пробѣ количество муки, а, слѣдовательно, лишь въ случаѣ точнаго исполненія имъ этой своей обязанности могла бы идти рѣчь о неисполненіи договора обществомъ непринятіемъ поставленной муки, ибо принимать общество обязалось лишь муку, доставленную Осьмининымъ на его фабрику. Между тѣмъ исполненія имъ этой своей, лежавшей на немъ въ силу договора, обязанности, т. е. доставки имъ на фабрику общества въ теченіе указаннаго времени условленнаго количества и качества муки, Осьмининъ не только ничѣмъ не доказалъ, но даже вовсе не утверждаетъ, а ссылается лишь на то, что по состоявшемуся съ обществомъ соглашенію, онъ долженъ былъ доставлять муку лишь по предварительнымъ требованіямъ общества, каковыхъ требованій послѣднее ему, однако, на все проданное количество муки не сдѣлало. Но такое объясненіе Осьминина, отвѣтчикомъ отрицаемое (по заявленію отвѣтчика общество принуждено было посылать Осьминину требованія въ виду именно полнаго неисполненія имъ принятой по договору обязанности еженедѣльныхъ поставокъ), какъ явно противорѣчащее буквальному содержанію заключеннаго между сторонами письменнаго соглашенія, на которомъ только и основываетъ права свои Осьмининъ и не подтвержденное никакими письменными доказательствами въ уваженіе принято быть не можетъ. Не имѣетъ никакого для разрѣшенія настоящаго дѣла значенія и посланное Осьмининымъ обществу 12 января 1894 г. нотаріальное заявленіе съ требованіемъ о принятіи его муки, ибо поставка муки и принятіе ея обществомъ ограничены были въ силу маклерской записки опредѣленнымъ срокомъ (въ теченіе октября, ноября и декабря 1893 г.), по истеченіи котораго общество принимать отъ Осьминина муку обязаннымъ уже признано быть не можетъ. Что же касается указанія, апеллятора на то, что общество еще въ маѣ 1894 г. приняло отъ него 76 мѣшковъ муки, то таковое представляется неуважительнымъ, такъ какъ къ распространенію на эту поставку дѣйствія договора 16 октября 1893 г., срокъ коему, какъ уже указано, истекалъ въ декабрѣ 1893 г., не представляется никакихъ основаній, а потому и обстоятельство это, какъ побочное, при разрѣшеніи правъ и обязанностей сторонъ по договору 16 октября 1893 г., во вниманіе принято быть не можетъ. По симъ соображеніямъ признавая, что за недоставкою самимъ Осьмининымъ, во исполненіе принятыхъ имъ на себя по договору 16 октября 1893 г. обязанностей, на фабрику общества всего условленнаго количества муки, объ обвиненіи общества въ непринятіи таковой не можетъ быть и рѣчи и что посему основанный на противуположномъ сему выводѣ искъ Осьминина къ обществу лишенъ правильнаго основанія,—Прав. Сенатъ находитъ

рѣшеніе С.-Петербургскаго Ком. Суда, по сему дѣлу состоявшееся, объ отказѣ Осьминину въ его искѣ къ обществу правильнымъ и отмѣнѣ не подлежащимъ (1895 г., № 1234).

293|201. При сдѣлкахъ о покупкѣ товара съ доставкою въ опредѣленный срокъ, по условіямъ торговаго оборота, срокъ доставки является условіемъ настолько существеннымъ, что, помимо соглашенія обоихъ контрагентовъ, измѣненію подлежать не можетъ, а засимъ и немыслимо какое-либо исполненіе подобныхъ сдѣлокъ внѣ предѣловъ условленнаго срока (1892 г., № 283).

294|202. Если въ договорѣ о поставкѣ установлена неустойка за неплатежъ покупщикомъ денегъ въ указанные въ договорѣ сроки, то принятіе поставщикомъ платежей послѣ условленныхъ сроковъ, безъ оговорокъ объ оставленіи за собою права на неустойку, не лишаетъ его права отыскивать съ покупщика установленную въ договорѣ неустойку впослѣдствіи. Послѣдующее соглашеніе поставщика съ покупщикомъ относительно срока платежа оставшейся неуплаченною въ договорные сроки суммы, съ начисленіемъ на нее процентовъ, не можетъ служить основаніемъ къ выводу, что поставщикъ, войдя въ такое соглашеніе, отказался отъ права своего на образовавшуюся уже ко времени заключенія соглашенія неустойку по просроченнымъ платежамъ (сб. Вильсона I, № 143; тоже 1908 г., № 2307; 1912 г., № 1248).

295|203. Мѣшки, какъ хранилище доставленнаго товара, оплаченнаго по вѣсу съ мѣшками, должны быть по обычаю признаны необходимою принадлежностью товара и внѣ особаго о томъ соглашенія поставщикъ не можетъ требовать возврата ихъ и притомъ, хотя бы покупщикъ и возвратилъ часть мѣшковъ (1876 г., № 554, сб. Н. I, № 350).

296|204. Недоказанность воздѣйствія непреодолимой силы на выполненіе поставки. Право покупщика требовать съ неисправнаго поставщика разницы въ цѣнѣ на непоставленный товаръ.

Предметъ настоящаго дѣла составляетъ искъ мѣщанина Шрайбмана съ Французско-Итальянскаго Общества Домбровскихъ каменноугольныхъ копей 2.687 р. 40 к. съ % и издержками убытковъ отъ непоставки ему обществомъ договореннаго количества вагоновъ угля, а именно съ 3 декабря 1887 г. по 3 января 1888 г. четырехъ и съ 3 января по 3 марта 1888 г. 16 вагоновъ.

Повѣренный общества, не отрицая факта несдачи истцу указаннаго количества вагоновъ, не признаетъ, однако, общество обязаннымъ уплатить истцу отыскиваемую сумму по слѣдующимъ, главнымъ образомъ, соображеніямъ: неисправность въ поставкѣ угля произошла по причинамъ, отъ общества независящимъ, вслѣдствіе бывшихъ въ зиму 1887 г. снѣжныхъ заносовъ, затруднявшихъ, а отчасти и вовсе пріостановившихъ движеніе грузовъ на юго-западныхъ желѣзныхъ дорогахъ, въ подтвержденіе чего имъ представлено удостовѣреніе управленія Ивангородо-Домбровской желѣзной дороги; истцомъ же ничѣмъ не доказано, чтобы онъ понесъ дѣйствительно отъ недоставки ему угля убытки, т. е. чтобы закупленный у общества уголь былъ имъ кому-либо перепроданъ; наконецъ, истцомъ надлежаще недоказаны и цѣны, стоявшія на одесскомъ рынкѣ на уголь ко времени исполненія договора, и вообще цѣны эти, какъ вызванныя кризисомъ, не могутъ быть приняты въ разсчетъ при исчисленіи суммы убытковъ. Приступая вслѣдствіе принесенной повѣреннымъ общества апелляціонной жалобы на рѣшеніе по сему дѣлу Одесскаго Ком. Суда, признавшаго исковыя требованія Шрайбмана въ суммѣ 2.125 р. 85 к. съ % и издержками подлежащими удовлетворенію, къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла въ порядкѣ послѣдовательности приведенныхъ выше доводовъ отвѣтчика, Прав. Сенатъ находитъ, что хотя, какъ усматривается изъ представленнаго къ дѣлу обществомъ удостовѣренія управленія Ивангородо-Домбровской желѣзной дороги, движеніе на юго-западныхъ желѣзныхъ дорогахъ съ 18 декабря 1887 г. по 26 января 1888 г. было дѣйствительно вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ затруднено, а отчасти на время даже вовсе пріостановлено, но, тѣмъ не менѣе, изъ приложенной къ этому же удостовѣренію вѣдомости оказывается, что за это время, т. е. съ 10 декабря по 17 февраля 1888 г., обществомъ было отправлено въ Одессу 209 вагоновъ угля. Въ подтвержденіе же того обстоятельства, чтобы изъ этого числа вагоновъ общество лишено было возможности доставить Шрайбману условленное договоромъ количество угля, со стороны общества никакихъ доказательствъ къ дѣлу не представлено, а о существованіи какихъ-либо неопреодолимыхъ препятствій относительно февральскихъ поставокъ въ дѣлѣ не только никакихъ свѣдѣній не имѣется, но изъ представленной истцомъ копіи письма помощника инспектора Добровольнаго флота на имя Трестера отъ 24 августа 1888 г. напротивъ того усматривается, что общество въ февралѣ же 1888 г. нашло даже возможнымъ удовлетворить заказъ Добровольнаго флота на 37 вагоновъ угля, сдѣланный ему въ томъ же февралѣ мѣсяцѣ. Въ виду изложеннаго нельзя не признать, что ссылка общества въ оправданіе своей неисправности въ поставкѣ истцу условленнаго количества вагоновъ на воздѣйствіе непреодолимой силы представляется неуважительною. Далѣе Прав. Сенатъ находитъ, что по закону (ст. 569, 570 и 684 X т. I ч.) всякій договоръ и всякое обязательство, правильно составленные, налагаютъ на договаривающихся обязанность ихъ исполнить, причемъ неисполненіе оныхъ одною

стороною влечетъ за собою для другой стороны право требовать, отъ стороны обязавшейся, удовлетворенія во всемъ томъ, что въ договорѣ постановлено, или вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные неисполненіемъ договора. Въ договорахъ торговой поставки или продажи, безразлично, къ каковымъ принадлежитъ состоявшаяся между сторонами сдѣлка, это послѣднее право сводится по торговому обычаю къ тому, что пріобрѣтатель, при неисполненіи договора поставщикомъ, имѣетъ право пріобрѣсти предметъ сдѣлки за счетъ послѣдняго, а поставщикъ, при нарушеніи сдѣлки покупателемъ, продать предметъ оной; или же обѣ стороны могутъ требовать одна съ другой уплаты разницы между условленною цѣною предмета поставки и цѣною, стоявшею на биржѣ въ срокъ исполненія. Такое право, очевидно, должно быть признано за сторонами уже въ силу самаго факта неисполненія договора поставки и для осуществленія своего не требуетъ какихъ-либо дальнѣйшихъ доказательствъ въ подтвержденіе того, что убытокъ дѣйствительно понесенъ, такъ какъ наличность убытка вытекаетъ уже изъ существующей на предметъ поставки разницы въ цѣнѣ. Въ виду сего должно быть признано неуважительнымъ и возраженіе апеллятора о томъ, что истецъ не представилъ никакихъ доказательствъ тому, что недоставленный ему отвѣтчикомъ товаръ былъ имъ дѣйствительно запроданъ третьимъ лицамъ, тѣмъ болѣе, что продать этотъ товаръ по существующей цѣнѣ, въ случаѣ его доставки, истецъ могъ и безъ всякихъ предварительныхъ запродажъ, равно какъ могъ оставить его и за собою и тѣмъ получить свою прибыль, которой онъ однако вслѣдствіе дѣйствій отвѣтчика лишился. Что же касается, наконецъ, самыхъ утверждаемыхъ истцомъ цѣнъ, существовавшихъ на уголь Домбровскихъ копей въ Одессѣ въ сроки исполненія поставокъ, въ декабрѣ 24 к. и съ января по мартъ 40—50 к. (Ком. Судомъ принята изъ этихъ послѣднихъ цѣнъ наименьшая—40 к.), то таковая подтверждена истцомъ оффиціальными удостовѣреніями одесскаго гофъ-маклера, опровергнуть каковыя, очевидно, не можетъ представленное апелляторомъ свидѣтельство частныхъ лицъ. То же обстоятельство, вслѣдствіе какихъ причинъ вызвано было такое состояніе рыночныхъ цѣнъ, представляется для дѣла совершенно безразличнымъ. По изложеннымъ соображеніямъ, признавая доводы апеллятора къ отмѣнѣ въ обжалованной части постановленнаго по сему дѣлу Одесскимъ Ком. Судомъ рѣшенія не заслуживающими уваженія, Прав. Сенатъ рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда, по сему дѣлу состоявшееся, въ части о взысканіи съ Французско-Итальянскаго Общества Домбровскихъ каменноугольныхъ копей въ пользу Шрайбмана 20.125 руб. 85 коп. съ % и издержками оставилъ въ силѣ (1889 г., № 910).

297|205. Опредѣленіе понятія „счета“. Для признанія за счетомъ значенія обязательства достаточно одной

подписи его должникомъ. Въ доказательство уплаты долга по счету свидѣтельскія показанія не могутъ быть допущены.

Разсмотрѣвъ дѣло и обращаясь прежде всего въ виду спора апеллятора къ обсужденію силы и значенія представленныхъ истцомъ въ подтвержденіе его иска документовъ, названныхъ „фактурами“ и не признаваемыхъ въ виду этого апелляторомъ „счетами“ за поставленный товаръ, Прав. Сенатъ находитъ, что счетъ есть документъ, заключающій обозначеніе количества и цѣны отпущеннаго товара и суммы, подлежащей платежу, составленный съ цѣлью удостовѣрить купившаго товаръ въ количествѣ суммы, которую продавецъ считаетъ за нимъ въ долгу, съ тѣмъ, чтобы по платежѣ этой суммы, документъ этотъ остался въ рукахъ покупателя, а въ случаѣ неплатежа возвратился къ продавцу съ роспискою на немъ принявшаго товаръ. Такой документъ, если онъ находится у продавца съ роспискою на немъ принявшаго товаръ, долженъ быть признаваемъ тѣмъ „счетомъ“, о которомъ говоритъ ст. 2045 т. X ч. I Зак. Гражд. и который въ силу этой статьи закона причисляется къ заемнымъ обязательствамъ, домашнимъ порядкомъ составляемымъ, причемъ согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Прав. Сената, для того, чтобы счетъ имѣлъ значеніе обязательства вполнѣ достаточно только одной подписи должника или уполномоченнаго отъ него лица и вовсе не требуется, чтобы при этомъ была непремѣнно учинена еще и надпись объ обязанности уплатить показанную въ счетѣ сумму. Такими-то именно подписанными должникомъ счетами, приравниваемыми закономъ къ долговымъ обязательствамъ, по самому содержанію своему, представляются и представленные истцомъ въ подтвержденіе его иска документы, заключающіе въ себѣ обозначеніе какъ количества отпущеннаго товара, такъ и цѣны и общей стоимости его, подписанные частью самимъ отвѣтчикомъ, а частью его приказчиками, одно же только наименованіе ихъ „фактурами“, само по себѣ, очевидно самой сущности ихъ измѣнить не можетъ. Признавая такимъ образомъ за представленными истцомъ документами значеніе счетовъ, подписанныхъ пріемщикомъ и возвращенныхъ поставщику, составляющихъ по ст. 279 Уст. Суд. Торг. совершенное въ пользу послѣдняго доказательство, и принимая во вниманіе, что по точному смыслу ст. 2052 и 2054 т. X ч. I уплата долга по всякому заемному обязательству, въ томъ числѣ и по счету (ст. 2045), не иначе можетъ быть удостовѣрена, какъ письменно, вслѣдствіе чего и доказательство уплаты по такимъ документамъ долга посредствомъ свидѣтельскихъ показаній по точной силѣ ст. 284 Уст. Суд. Торг. не можетъ имѣть мѣста, Прав. Сенатъ признаетъ ходатайство торг. дома „Бр. Нюнины“ о допросѣ свидѣтелей въ подтвержденіе производства имъ уплатъ по представленнымъ истцомъ счетамъ (фактурамъ) не подлежащимъ удовлетворенію. А потому и имѣя въ виду: 1) что фактъ поступленія къ отвѣт-

чику торг. дому „Бр. Нюнины“ товара, за который нынѣ съ него взыскиваетъ опека Пульнова деньги, подтвержденъ истцомъ представленными къ дѣлу счетами и кромѣ того доказывается еще и собственнымъ признаніемъ отвѣтчика о полученіи имъ всего показаннаго въ счетахъ товара, вслѣдствіе какового послѣдняго обстоятельства отсутствіе на одномъ изъ счетовъ (фактуръ) подписи Нюниныхъ въ полученіи по оному товара на 75 руб., признанномъ имъ на судѣ, существеннаго значенія для дѣла имѣть уже не можетъ; 2) что засимъ утверждаемая отвѣтчикомъ уплата истцу долга за этотъ товаръ, за устраненіемъ по изложеннымъ выше основаніямъ спроса по сему предмету свидѣтелей, представляется ничѣмъ съ его стороны недоказанною, Прав. Сенатъ, руководствуясь ст. 273 и 274 т. X ч. 2 Зак. Суд. Гражд., призналъ состоявшееся по сему дѣлу рѣшеніе Московскаго Ком. Суда, коимъ удовлетворенъ искъ опеки Пульнова съ торг. дома „Бр. Нюнины“ за поставленный послѣднему товаръ 7.880 р. 84 к. отмѣнѣ не подлежащимъ (1891 г., № 1714). См. № 266/180.

ССУДА ПОДЪ ЗАКЛАДЪ ТОВАРОВЪ ВЪ ОБОРОТѢ.

298|206. Коль скоро стороны вступили въ сдѣлку о закладѣ товаровъ не на основаніи правилъ, установленныхъ на то въ общегражданскихъ законахъ, то отношенія ихъ, изъ этой сдѣлки возникшія, должны обсуждаться главнымъ образомъ въ силу 1 ст. Уст. Торг. по принятымъ въ торговомъ быту правиламъ относительно заклада товаровъ въ оборотѣ въ обезпеченіе выданныхъ подъ нихъ ссудъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что оно имѣетъ предметомъ требованіе Клейбса о взысканіи съ Бродскаго 3.561 р. 98 к., какъ разницы между долгомъ его, Клейбса, Бродскому къ 1-му января 1900 г. и стоимостью товара, даннаго имъ Бродскому въ закладъ и симъ послѣднимъ, безъ вѣдома и согласія Клейбса, проданнаго. Требованіе это Клейбсъ, какъ въ исковомъ своемъ прошеніи, такъ и въ апелляціонной жалобѣ на рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда, коимъ въ искѣ Клейбсу было отказано, основываетъ на 1676 ст. X т. ч. I, доказывая, что Бродскій, продавъ безъ вѣдома и согласія его, Клейбса, принадлежащій послѣднему товаръ, находившійся у Бродскаго въ закладѣ, долженъ, по силѣ вышеприведенной статьи закона, отвѣчать въ размѣрѣ стоимости сего товара, насколько таковая превышаетъ долгъ его, Клейбса, Бродскому. Повѣренный Бродскаго, не оспаривая того, что, въ силу состоявшейся между сторонами сдѣлки, выраженной въ письмѣ Клейбса отъ 30 іюля 1899 г., желѣзный товаръ послѣдняго находился въ закладѣ у Бродскаго въ обезпеченіе выданной Клейбсу ссуды, отвергаетъ, какъ возможность примѣненія въ настоящемъ дѣлѣ ст. 1676 X т. I ч., такъ и правильность самаго разсчета Клейбса, объясняя, что продажею товара долгъ Клейбса не покрылся. Въ виду такого спора сторонъ слѣдуетъ, прежде всего, обратиться къ опредѣленію существа самой сдѣлки, состоявшейся между сторонами, и правъ и обязанностей сторонъ, порожденныхъ какъ самою сдѣлкою, такъ и послѣдующими дѣйствіями ихъ, насколько таковыя выясняются изъ данныхъ дѣла. Въ этомъ отношеніи Правительствующій Сенатъ усматриваетъ, что сдѣлка, состоявшаяся между сторонами и выраженная въ письмѣ Клейбса отъ 30 іюля 1899 г., съ формальной, внѣшней стороны вовсе не соотвѣтствуетъ тѣмъ нормамъ, которыя указаны для заклада движимости въ ст. 1667—1676 X т. ч. I; въ письмѣ Клейбса выражено, что онъ закладываетъ Бродскому находящійся въ складѣ желѣзный товаръ въ магазинѣ № 23 по Дальницкой улицѣ, для каковой цѣли онъ передаетъ Бродскому контрактъ, заключен-

ный съ Брунштейномъ на наемъ означеннаго магазина; Бродскій выдаетъ ему ссуду на находящіеся въ этомъ складѣ товары въ размѣрѣ 75% ихъ стоимости, но не свыше въ общемъ 25—30 тысячъ рублей, а Клейбсъ обязанъ платить за взятую ссуду 9% годовыхъ и 1/2 % комиссіи съ оборота; Клейбсу предоставляется право погасить ссуду полностью или частями, сообразно освобождаемому количеству; срокъ этому соглашенію положенъ одинъ годъ, т. е. по 30 іюля 1900 г., причемъ Клейбсъ ручается, что годовой оборотъ не менѣе 100 т. рублей. Какъ видно изъ дѣла, описи товару составлено не было, товаръ доставляется Бродскому партіями, заложенный товаръ продавался самимъ Клейбсомъ и замѣнялся другимъ товаромъ, вслѣдствіе чего количество и качество его измѣнялось, а впослѣдствіи Клейбсъ выдалъ Бродскому счета о продажѣ послѣднему всего находившагося у него въ закладѣ товара. Изъ вышеизложеннаго обнаруживается, что стороны вступили въ изложенную въ письмѣ отъ 30 іюля сдѣлку не на основаніи правилъ о закладѣ движимости, установленныхъ для сего рода договоровъ въ общегражданскихъ законахъ, а на основаніи особыхъ условій о закладѣ товара, находящагося въ оборотѣ. Поэтому и отношенія сторонъ, возникшія изъ сей сдѣлки, должны обсуждаться не единственно только по законамъ о закладѣ движимости, изложеннымъ въ ст. 1667—1676 т. X ч. I, но, главнымъ образомъ, въ силу 1 ст. Уст. Торг. (изд. 1903 г.), по принятымъ въ торговомъ быту правиламъ относительно заклада товаровъ въ обезпеченіе выданныхъ подъ оные ссудъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не принять во вниманіе, что закладъ товаровъ представляетъ собою особенную и самобытную форму заклада, возникшую непосредственно изъ потребностей и условій торговаго быта. Поэтому нельзя присваивать установленію торговаго заклада, тѣсно связаннаго съ интересами торговли и торговаго кредита, чуждую ему форму общегражданскаго заклада и изъ общихъ правилъ о закладѣ движимости выводить тѣ же послѣдствія и для торговаго заклада. Именно, торговый оборотъ выработалъ особый типъ займовъ подъ закладъ движимости—ссуду подъ залогъ товаровъ—существенно отличающійся, по способу заключенія, осуществленія и исполненія сдѣлки отъ общегражданскаго займа подъ закладъ движимости, причемъ послѣдствіемъ неисправности заемщика является предоставленіе ссудодателю права, для покрытія долга, продажи заложеннаго товара, безъ предварительнаго обращенія къ суду и безъ заявленія о просрочкѣ нотаріусу,—какъ это требуется при закладѣ движимости по ст. 1677 т. X ч. I. Хотя наши торговые законы не содержатъ въ себѣ прямыхъ указаній по сему предмету въ общемъ смыслѣ, но въ нихъ имѣются частныя постановленія, относящіяся до заклада товаровъ, находящихся на храненіи въ товарныхъ складахъ или принятыхъ кредитными учрежденіями въ обезпеченіе выданныхъ подъ оные ссудъ. Такъ, по силѣ правилъ, изложенныхъ въ 785—801 ст. Уст. Торг. (изд. 1903 г.), держатель закладного

свидѣтельства на товаръ, сложенный въ складѣ, по наступленіи срока ссуды, при неполученіи платежа, вправѣ требовать продажи товара на удовлетвореніе долга по ссудѣ, каковая продажа производится чрезъ биржевого маклера или съ публичнаго торга. Такого же рода ссуды подъ залогъ товара санкціонированы въ уставахъ различныхъ банковъ,—въ томъ числѣ и въ уставѣ Государственнаго Банка, въ ст. 123 коего указано, что, въ случаѣ неисправности заемщика въ срокъ,—заложенный товаръ, по истеченіи 6 льготныхъ дней, обращается въ продажу, по усмотрѣнію банка, въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 107 (т. е. чрезъ биржевого маклера или съ публичнаго торга). Если сопоставить сдѣлку, составляющую предметъ настоящаго дѣла, съ вышеуказанными постановленіями Торговаго Устава о закладѣ товаровъ, то окажется, что означенная сдѣлка, по свойству и характеру своему, является типичною ссудою подъ закладъ товаровъ въ оборотѣ и что стороны вовсе не желали подчинить свои отношенія по этой сдѣлкѣ строгимъ формамъ и послѣдствіямъ общегражданскаго заклада движимости, но несомнѣнно руководствовались дѣйствующею по сего рода сдѣлкамъ обычною торговою практикою. Изъ сего же слѣдуетъ, что, хотя при заключеніи сдѣлки, въ письмѣ отъ 30 іюля не установлено прямо послѣдствій неисправности заемщика Клейбса, но нельзя не признать, что ссудодателю Бродскому въ такомъ случаѣ было предоставлено право распорядиться заложеннымъ у него товаромъ, т. е. приступить къ продажѣ его для покрытія долга. Предоставленіе Бродскому такого права вполнѣ обнаруживается изъ факта выдачи Клейбсомъ Бродскому продажныхъ счетовъ на заложенный товаръ, въ силу каковыхъ документовъ Бродскій является собственникомъ товара. Хотя повѣренный Клейбса утверждаетъ, что счета эти были выданы по настоянію Бродскаго, на случай обращенія третьими лицами взысканія на заложенный у него товаръ, и въ подтвержденіе сего сослался на свидѣтелей, но изъ показаній допрошенныхъ судомъ свидѣтелей вовсе нельзя вывести такого заключенія. Свидѣтели показали, что, когда долгъ по ссудѣ накопился до 15.000 руб. и когда Клейбсъ вновь пожелалъ получить ссуду за доставленное имъ желѣзо, то Бродскій потребовалъ выдачи ему продажныхъ счетовъ, на что Клейбсъ и согласился. Такимъ образомъ, выдача продажныхъ счетовъ Бродскому могла послѣдовать какъ въ огражденіе притязаній третьихъ лицъ, такъ и въ видахъ предоставленія Бродскому права безспорнаго распоряженія товаромъ. Что же касается до указанія истца на то, что заложенный у Бродскаго товаръ продавался безъ вѣдома и согласія его, Клейбса,—то такое указаніе должно быть признано вполнѣ неосновательнымъ, какъ потому, что по истеченіи срока соглашенія (30 іюля 1900 г.), Клейбсъ самъ долженъ былъ озаботиться погашеніемъ долга,—иначе наступало право Бродскаго приступить къ реализаціи заложеннаго товара на покрытіе,—такъ и потому, что изъ показанія допрошеннаго судомъ свидѣтеля Цейснера видно, что, когда желѣзо лежало въ складѣ уже болѣе года и цѣны стали понижаться, то Бродскій

потребовалъ отъ Клейбса или выкупа товара, грозя въ противномъ случаѣ продать его, или же выдачи нотаріальнаго закладного акта, соглашаясь въ этомъ случаѣ дать отсрочку,—но Клейбсъ на это не согласился. Обращаясь, засимъ, къ прочимъ доводамъ повѣреннаго Клейбса, касающимся собственно дѣйствій Бродскаго при продажѣ товара и цѣнъ на оный, Правительствующій Сенатъ находитъ, что если, согласно вышеизложенному, за Бродскимъ по наступленіи срока (30 іюля 1900 г.) и при непогашеніи Клейбсомъ долга по ссудѣ должно быть признано право приступить къ продажѣ находившагося у него товара, то во всякомъ случаѣ, товаръ этотъ могъ быть продаваемъ Бродскимъ лишь по тѣмъ цѣнамъ, которыя, по состоянію въ то время рынка, могли быть получены за такого рода товаръ. Въ этомъ отношеніи, для опредѣленія правильности дѣйствій Бродскаго по продажѣ находившагося у него въ закладѣ товара рѣшающее значеніе должно быть придано меморандуму гофъ-маклера, счетамъ Бродскаго на имя покупателей товара, удостовѣреннымъ присяжными ихъ показаніями, и заключенію допрошенныхъ судомъ, по указу Правительствующаго Сената, экспертовъ. Изъ документовъ этихъ, показаній свидѣтелей и заключенія экспертовъ обнаруживается, что цѣна (1 р. 35 коп. за пудъ), предложенная торговцами гофъ-маклеру за желѣзо, находившееся у Бродскаго, была ниже тѣхъ, по которымъ желѣзо было продано самимъ Бродскимъ,—что допрошенные судомъ покупатели товара у Бродскаго удостовѣрили, что желѣзо они покупали отъ Бродскаго по существующимъ въ то время нормальнымъ цѣнамъ, а эксперты, по обозрѣніи тѣхъ счетовъ Бродскаго, признали цѣны, за которыя Бродскій продавалъ желѣзо, вполнѣ удовлетворительными, причемъ удостовѣрили, что за всю партію желѣза, составляющую предметъ спора по настоящему иску, Яковлевъ предлагалъ гофъ-маклеру въ концѣ 1900 г. 1 р. 35 к. за пудъ, а Буріади—1 р. 40 к., и дать 1 р. 50 к.,—какъ просилъ гофъ-маклеръ, оба отказались, и что затѣмъ цѣны еще понизились, такъ что въ первой половинѣ 1901 г. цѣны были ниже чѣмъ во второй половинѣ 1900 года. На основаніи вышеизложеннаго и имѣя въ виду: 1) что, какъ видно изъ представленнаго повѣреннымъ Бродскаго въ Правительствующій Сенатъ удостовѣренія гофъ-маклера Одесской биржи, остававшаяся у Бродскаго непроданною ко дню предъявленія иска Клейбсомъ партія желѣза въ 1.210 пуд. продана торговому дому Белли о-Фендерихъ въ іюлѣ 1901 г. и вырученная сумма въ 1.585 руб., какъ видно изъ представленной выписки изъ книгъ, поставлена въ кредитъ счета Клейбса, и 2) что вырученною Бродскимъ, при продажѣ всего заложеннаго у него товара, суммою (всего около 19.292 руб.) не покрывается сумма долга Клейбса Бродскому, исчисляя ее, даже по разсчету самого Клейбса, въ 20.839 руб. 37 коп., — Правительствующій Сенатъ состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда оставилъ въ силѣ (1904 г., № 284).

Гражданскій Касс. Департаментъ Прав. Сената, въ рѣшеніи 1903 г., № 98, разсмотрѣлъ общій вопросъ о томъ: выданная желѣзною дорогою подъ грузъ ссуда удовлетворяется ли исключительно вырученною отъ публичной продажи груза суммою, или же грузохозяинъ является предъ дорогою отвѣтственнымъ за ссуду и другимъ своимъ имуществомъ. Толкуя ст.ст. 1654—1678 X т. I ч., изд. 1900 г., ст.ст. 626, 627, 631—634 Зак. о Суд. Гражд. Суд. 1892, ст.ст. 309 и 315 пол. о взыск. гражд. и ст. 747 Уст. Торг., изд. 1893 г. (804 по изд. 1903 г.), Прав. Сенатъ пришелъ къ тому заключенію, что желѣзная дорога, какъ закладодержатель, имѣетъ право требовать удовлетворенія изъ другого имущества грузохозяина, если вырученная отъ публичной продажи груза денежная сумма не погашаетъ вполнѣ выданной подъ грузъ ссуды.

НАЕМЪ ПОМѢЩЕНІЯ.

299|207. Коль скоро пользованіе предметомъ найма сдѣлается невозможнымъ (вслѣдствіе распоряженія полиціи), то дальнѣйшее дѣйствіе договора должно прекратиться.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что всякій договоръ имѣетъ своею цѣлью установить извѣстныя юридическія отношенія между контрагентами по извѣстному предмету; посему коль скоро предметъ этотъ не можетъ по той или другой причинѣ служить цѣли, вызвавшей заключеніе договора, то должны прекратиться и установленныя симъ послѣднимъ отношенія. По смыслу же ст. 1691 и слѣд. т. X ч. I Зак. Гражд. договоръ найма имущества имѣетъ своею цѣлью предоставленіе однимъ контрагентомъ другому за извѣстное вознагражденіе права пользованія имуществомъ, составляющимъ предметъ договора, а, слѣдовательно, разъ пользованіе этимъ имуществомъ сдѣлается невозможнымъ, таковое не будетъ въ состояніи служить той цѣли, которая вызвала заключеніе договора найма, то и дальнѣйшее дѣйствіе сего договора не можетъ уже имѣть мѣста. Въ виду сего и такъ какъ пользованіе главнымъ составлявшимъ предметъ заключеннаго Алексѣевой съ Шаргородскимъ 8 января 1890 г. договора имуществомъ (пекарнею и жилыми къ ней помѣщеніями) сдѣлалось для Шаргородскаго невозможнымъ, вслѣдствіе распоряженія полицейской власти, вызваннаго антисанитарнымъ состояніемъ названныхъ помѣщеній, то и ходатайство послѣдняго о прекращеніи дальнѣйшаго дѣйствія означеннаго договора, въ силу изложенныхъ соображеній, представляется вполнѣ уважительнымъ. Что же касается содержащагося въ п. 10 договора постановленія о томъ, что въ случаѣ, если окажется въ нанятыхъ помѣщеніяхъ сырость, Шаргородскій не вправѣ на это претендовать, то таковое для разрѣшенія настоящаго дѣла значенія имѣть не можетъ, ибо, какъ уже указано, непосредственною причиною прекращенія договора служитъ распоряженіе подлежащей власти о воспрещеніи пользоваться этими помѣщеніями, а не одна лишь претензія Шаргородскаго на оказавшуюся сырость, наличность которой была предвидѣна и самими контрагентами при заключеніи ими договора, но не было предвидѣно послѣдовавшее вслѣдствіе оной закрытіе помѣщеній. Признавая посему исковыя въ настоящемъ дѣлѣ требованія Шаргородскаго о прекращеніи дальнѣйшаго дѣйствія заключеннаго имъ съ Алексѣевою 8 января 1890 г. договора подлежащими удовлетворенію, основанный же на противуположномъ сему выводѣ встрѣчный искъ Алексѣевой съ Шаргородскаго 300 руб. наемной платы за слѣдующую треть неува-

жительнымъ,—Прав. Сенатъ рѣшеніе Одесс. Ком. Суда отмѣнилъ и призналъ заключенный Шаргородскимъ съ Алексѣевою договоръ о наймѣ помѣщенія прекратившимъ дальнѣйшее свое дѣйствіе, а во встрѣчномъ искѣ Алексѣевой съ Шаргородскаго 300 руб. отказалъ (1892 г., № 1270).

300|208. Когда предметъ найма по причинамъ, отъ наемщика независящимъ, оказывается для пользованія негоднымъ, наемщикъ вправѣ дальнѣйшую аренду прекратить. При отсрочкѣ домовладѣльцемъ даннаго срочнаго платежа онъ впослѣдствіи не вправѣ искать съ наемщика неустойку за неисправный платежъ.

Приступая къ обсужденію иска Бердоносова и останавливаясь сначала на требованіи его о взысканіи съ отвѣтчиковъ Мусса-Оглы и др. 525 р. арендной платы, Второе Общее Собраніе Прав. Сената находитъ, что отобранными по настоящему дѣлу свидѣтельскими показаніями установлено, что въ нанятомъ у Бердоносова домѣ въ нѣсколькихъ комнатахъ гостиницы, общемъ залѣ и кухнѣ, появлялись при ненастной погодѣ вслѣдствіе неисправности и ветхости крыши значительныя течь и сырость. Неисправность эта была настолько велика, что по удостовѣренію свидѣтеля Лопатина, бывшаго въ гостинницѣ въ августѣ 1886 г. (послѣ выѣзда Мусса-Оглы), „въ кухнѣ былъ громадный провалъ въ потолкѣ, черезъ который было видно небо“. По общему же освидѣтельству допрошенныхъ лицъ течь, сырость и обвалившаяся штукатурка послужили причиною того, что гости перестали посѣщать гостинницу. Показаніями тѣхъ же свидѣтелей устанавливается, что вскорѣ послѣ выѣзда Мусса-Оглы, Бердоносовъ разрушилъ вслѣдствіе ветхости отдававшійся въ наемъ домъ, и менѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ того, на мѣстѣ бывшей гостинницы былъ выстроенъ новый двухэтажный домъ и что еще до выѣзда Мусса-Оглы просилъ Бердоносова объ исправленіи крыши, но Бердоносовъ ремонта не произвелъ. Въ виду изложеннаго, признавая, что нанятое у Бердоносова отвѣтчикомъ Муссою помѣщеніе было негодно для пользованія онымъ и имѣя въ виду, что обязанность нанимателя платить аренду прямо обусловливается предоставленіемъ ему въ пользованіе предмета найма и, слѣдовательно, прекращается, когда предметъ найма по причинамъ, отъ наемщика независящимъ, оказывается для пользованія негоднымъ, Общее Собраніе приходитъ къ заключенію, что Мусса-Оглы, въ виду негодности арендованнаго у Бердоносова помѣщенія, имѣлъ законное основаніе изъ помѣщенія этого выѣхать и аренду прекратить, а потому и не можетъ быть признанъ обязаннымъ платить арендную плату со времени прекращенія пользованія арендованнымъ имуществомъ. Переходя засимъ къ требованію Бердоносова о неустойкѣ за неуплату 1 января 1886 г. арендной платы полностью, Общее Собраніе находитъ, что повѣренный

Мусса-Оглы заявляетъ, что уплата Бердоносову 1 января 1886 г., вмѣсто 1.525 руб., только 1000 руб. послѣдовала именно съ его согласія, такъ какъ платежъ остальныхъ 525 руб. былъ имъ отсроченъ. По отношенію къ сему возраженію отвѣтчика изъ дѣла обнаруживается, что Бердоносовъ не только росписался 1 января 1886 г. на копіи съ контракта въ полученіи 1000 руб. безъ всякой оговорки, но и затѣмъ въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ никакого требованія объ уплатѣ ему не только неустойки, но даже недополученныхъ имъ 525 руб. къ Осману-Мусса и его товарищамъ не предъявлялъ и впервые заявилъ таковое только 7 мая 1886 г., т. е. послѣ того, какъ наниматели оставили нанятое у него помѣщеніе. Предъявивъ затѣмъ къ Осману-Мусса настоящій искъ, Бердоносовъ при производствѣ сего дѣла не указывалъ на то, чтобы онъ какимъ-либо образомъ протестовалъ противъ нарушенія нанимателями условій договора, и не представилъ никакихъ объясненій о причинахъ, которыя побудили его къ такому бездѣйствію въ отношеніи къ своимъ собственнымъ интересамъ. Вообще онъ не объяснилъ, при какихъ обстоятельствахъ происходила уплата 1 января 1886 г. арендныхъ денегъ, чѣмъ оправдывали наниматели неточное исполненіе ими условій договора и вообще какіе происходили между ними переговоры, а ограничился единственно ссылкою на простой фактъ неполученія имъ въ срокъ условленныхъ денегъ. Между тѣмъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что если бы взносъ нанимателями меньшей противъ условленной суммы послѣдовалъ безъ его, Бердоносова, согласія, то это несогласіе было бы чѣмъ-нибудь выражено имъ немедленно и онъ не приминулъ бы указать на это и Ком. Суду и Прав. Сенату. Въ виду сего, Второе Общее Собраніе Прав. Сената приходитъ къ заключенію, что уплата Бердоносову 1 января 1886 г., вмѣсто 1.525 руб., только 1.000 руб. послѣдовала не противъ его воли и что засимъ обстоятельство это не можетъ служить для него основаніемъ для взысканія съ отвѣтчика установленной по договору неустойки (1890 г., № 113).

301|209. Тоже,—но съ присоединеніемъ иска нанимателя объ убыткахъ, причиненныхъ товару сыростью помѣщенія—искъ присужденъ, порча отъ сырости установлена экспертами.

Предметомъ настоящаго дѣла служитъ, во первыхъ, первоначальный искъ наслѣдниковъ Луизы Кречмаръ къ Роману Кольбе, объ уничтоженіи аренднаго договора и объ арендной платѣ за время съ 10 іюля 1901 г. въ суммѣ 3.578 р., и, во вторыхъ, встрѣчный искъ Кольбе къ наслѣдникамъ Кречмаръ объ убыткахъ въ суммѣ 853 р. 45 к. Обращаясь къ обсужденію первоначальнаго иска наслѣдниковъ Кречмаръ къ Кольбе, оставленнаго Коммерческимъ Судомъ всецѣло безъ удовлетворенія, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Кольбе, нанявшій

по договору отъ 10 іюля 1899 г. торговое помѣщеніе въ домѣ Кречмаръ срокомъ до 9 іюля 1902 г., выѣхалъ изъ означеннаго помѣщенія 29 іюля 1901 г., т. е. до срока, вслѣдствіе сырости, о которой Кольбе, какъ видно изъ дѣла, неоднократно дѣлалъ заявленія Кречмару черезъ нотаріуса. Засимъ, какъ видно изъ протокола осмотра помѣщенія, произведеннаго въ порядкѣ обезпеченія доказательствъ 26 апрѣля 1901 г. № 749, Мировымъ Судьею г. Одессы въ присутствіи экспертовъ: архитекторовъ и врача,—помѣщеніе, занимаемое Кольбе, признано дѣйствительно сырымъ и вреднымъ для здоровья его служащихъ. По сему и въ виду разъясненія по аналогичному дѣлу 2-го Общ. Собр. Прав. Сената (по дѣлу Бердоносова) *), надлежитъ признать, что Кольбе вправѣ былъ выѣхать изъ занимаемаго имъ помѣщенія до истеченія указаннаго въ договорѣ срока и самый договоръ отъ 10 іюля 1899 г. долженъ почитаться нарушеннымъ со стороны Кольбе на законномъ основаніи, почему Коммерческій Судъ правильно отказалъ въ искѣ арендной платы за время послѣ очистки Кольбе упомянутаго помѣщенія, т. е. послѣ 29 іюля, а искъ наслѣдниковъ Кречмаръ къ Кольбе—подлежащимъ удовлетворенію лишь въ размѣрѣ арендной платы за время съ 10 іюля по 29 іюля 1901 г., что составитъ по разсчету 190 р. Что касается указаній апеллятора на то, что актъ экспертизы, составленный въ порядкѣ обезпеченія доказательствъ, не имѣетъ значенія и не достаточенъ, а нуждается въ повѣркѣ его новою экспертизою, о которой онъ и ходатайствуетъ, то это указаніе нельзя признать уважительнымъ, такъ какъ оно не соотвѣтствуетъ точному смыслу приведенной имъ 82 ст. Уст. Гражд. Суд., которая хотя и не исключаетъ возможности новой экспертизы, но вовсе не колеблетъ силы и значенія произведенной экспертизы, какъ судебнаго доказательства и не обязываетъ судъ повѣрить эту экспертизу новою, коль скоро она, какъ въ данномъ случаѣ, никакими недостатками не обладаетъ и соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ дѣла (ст. 533 Уст. Гражд. Суд.). Равнымъ образомъ, правильно отклонена судомъ просьба о допросѣ экспертовъ въ качествѣ свидѣтелей, такъ какъ надобности въ томъ по обстоятельствамъ дѣла нѣтъ. Переходя засимъ къ обсужденію встрѣчнаго иска Кольбе объ убыткахъ въ суммѣ 853 р. 45 к., Правительствующій Сенатъ находитъ, что убытки эти въ части 295 р. 65 к. вполнѣ подтверждаются тою же экспертизою, а въ суммѣ 125 р. составляютъ уплаченное Кольбе вознагражденіе за экспертизу, производство коей вызвано было необходимостью установить сырость помѣщенія и ея послѣдствія и потому обѣ эти суммы тоже правильно присуждены Коммерческимъ Судомъ по обжалованному рѣшенію. Относительно же остальныхъ 432 р. 84 к. надлежитъ признать, что возраженія апеллятора по сему предмету не лишены основанія, такъ какъ убытки въ этой суммѣ за силою ст. 366 Уст. Гражд. Суд. не доказаны со стороны Кольбе представленными къ дѣлу докумен-

*) № 300.

тами, изъ коихъ видно лишь то, что онъ уплатилъ по счетамъ эту сумму за исправленіе испорченнаго товара, но когда именно и отчего товаръ этотъ былъ испорченъ, того по дѣлу не установлено, и вообще причинную связь этихъ расходовъ съ сыростью помѣщенія нельзя признать доказанною, въ виду неизвѣстности того, въ какомъ именно состояніи привезенъ былъ въ квартиру тотъ товаръ, къ которому относятся представленные счета о платежахъ по исправленію товара, вслѣдствіе чего и нельзя судить о томъ, вызванъ ли расходъ на оплату этихъ счетовъ порчею товара именно отъ сырости и въ данномъ помѣщеніи. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ въ измѣненіе рѣшенія Одесскаго Коммерческаго Суда присудилъ по первоначальному иску съ Кольбе въ пользу наслѣдниковъ умершей Луизы Кречмаръ 190 р., а по встрѣчному иску съ тѣхъ же наслѣдниковъ Кречмаръ въ пользу Кольбе 410 р. 61 к., а по зачетѣ въ пользу Кольбе 220 р. 61 к. (1904 г., № 786).

302. Обратное взысканіе арендныхъ денегъ, уплаченныхъ по договору, который впослѣдствіи признанъ судебнымъ порядкомъ недѣйствительнымъ, не можетъ имѣть мѣста, коль скоро наниматель фактически пользовался арендованнымъ помѣщеніемъ.

Разрѣшенію Правительствующаго Сената подлежитъ въ настоящемъ дѣлѣ вопросъ о томъ, имѣетъ ли истецъ Колтанюкъ право требовать возвращенія ему Гордономъ и Фишманомъ денегъ, уплаченныхъ имъ за наемъ помѣщенія по договору, который впослѣдствіи Правительствующимъ Сенатомъ былъ признанъ недѣйствительнымъ. Одесскимъ Коммерческимъ Судомъ означенный вопросъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ и Правительствующій Сенатъ, съ своей стороны, считаетъ такое рѣшеніе не подлежащимъ отмѣнѣ по слѣдующимъ основаніямъ. По настоящему дѣлу представляется безспорно установленнымъ, что принадлежащая отвѣтчикамъ гостинница „Ялта“ была сдана Колтанюку въ такомъ состояніи, которое не соотвѣтствовало заключенному между сторонами договору, что и послужило основаніемъ для признанія недѣйствительности послѣдняго. При означенномъ условіи Колтанюкъ имѣлъ несомнѣнное право отказаться отъ аренды гостинницы и отъ уплаты установленныхъ въ договорѣ денегъ, а если бы они оказались внесенными впередъ, могъ требовать ихъ возвращенія. Изъ дѣла видно, однако, что Колтанюкъ поступилъ иначе. Онъ принялъ гостинницу въ свое завѣдываніе и, приступивъ къ ея эксплоатаціи, сталъ извлекать изъ нея доходы, какъ это удостовѣряется, между прочимъ, показаніемъ свидѣтеля Магала, который и раньше жилъ въ арендованной Колтанюкомъ гостинницѣ и продолжалъ жительствовать въ ней послѣ перехода ея къ истцу. Въ дѣлѣ не имѣется даже указаній на то, что неисправное состояніе гостинницы своевременно вызвало со

стороны ея арендатора надлежащимъ образомъ оформленный протестъ. А такъ какъ пользованіе арендованнымъ имуществомъ не могло быть и не предполагалось безмезднымъ, и никакой иной нормы вознагражденія хозяина имущества кромѣ условленной въ договорѣ наемной платы въ виду не имѣлось, то Колтанюкъ поступилъ правильно, производя Гордону и Фишману установленные договоромъ взносы. Повидимому, онъ и самъ не сомнѣвался въ ихъ правѣ на полученіе договоренной арендной платы—въ противномъ случаѣ, онъ выразилъ бы свое несогласіе платить аренду въ условленномъ размѣрѣ за переданное ему въ ненадлежащемъ видѣ имущество и, для огражденія своихъ интересовъ, впредь до новаго урегулированія отношеній къ хозяевамъ гостинницы, вносилъ бы плату не имъ, а въ депозитъ суда. Въ объясненіяхъ сторонъ по настоящему дѣлу отведено значительное мѣсто разъясненію понятія недѣйствительности договора. Правительствующій Сенатъ, съ своей стороны не усматриваетъ необходимости останавливаться на указанномъ вопросѣ въ такой отвлеченной его постановкѣ, ибо если и признавать въ принципѣ, что судебное признаніе договора недѣйствительнымъ не только отмѣняетъ его дѣйствіе на будущее время, но и влечетъ за собою возстановленіе сторонъ въ прежнее, предшествующее заключенію договора, положеніе, то во всякомъ случаѣ обратная сила такого судебнаго опредѣленія находитъ свой естественный предѣлъ въ физической невозможности уничтожить совершившіеся факты. Въ настоящемъ дѣлѣ такимъ фактомъ, на который состоявшееся судебное рѣшеніе о признаніи аренднаго договора недѣйствительнымъ никакого вліянія оказать не могло, является принятіе Колтанюкомъ въ свое пользованіе арендованной гостинницы; если же по обстоятельствамъ дѣла возстановленіе одной стороны въ прежнее состояніе оказывается физически невыполнимымъ, то неосуществимо и возстановленіе другой стороны, но допустимъ, конечно, искъ объ убыткахъ за причиненный нарушеніемъ договора вредъ. При этомъ надлежитъ имѣть въ виду, что, хотя Колтанюкомъ уже предъявлялся къ Гордону и Фишману искъ объ убыткахъ, но основаніемъ къ нему послужили потери, понесенныя истцомъ собственно отъ невозможности въ теченіе пяти недѣль во время производства ремонта отдавать въ наемъ номера. Посему отказъ въ означенномъ искѣ не можетъ служить ему препятствіемъ требовать отъ отвѣтчиковъ возмѣщенія всего остального ущерба, обусловленнаго негодностью арендованной имъ гостинницы. На основаніи вышеизложеннаго, признавая обжалованное рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда въ окончательномъ выводѣ правильнымъ,—Правительствующій Сенатъ рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда оставилъ въ силѣ (1908 г., № 2024).

303. Несдача нанимателю заарендованнаго помѣщенія въ обусловленный договоромъ срокъ дѣлаетъ договоръ для него не обязательнымъ (1909 г., № 1081).

304|210. Когда контрагентъ при наступленіи предусмотрѣннаго договоромъ случая, напр., при несвоевременной или неполной уплатѣ срочнаго взноса, откажется на этотъ именно разъ отъ права своего уничтожить договоръ и предъявить другія договоренныя требованія и тѣмъ докажетъ намѣреніе свое продолжать договоръ, то въ отношеніи такого дѣйствія контрагента требованіе предъявленія письменнаго акта не оправдывается необходимостью. Имѣя согласіе домовладѣльца на производство частичныхъ уплатъ за данную треть года, наниматель не можетъ быть признанъ произвольно нарушившимъ договоръ, а за симъ и подлежать взысканію неустойки.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что Черепенниковъ, основываясь на второмъ пунктѣ заключеннаго имъ 31 мая 1887 г. съ Вербаховскимъ и цѣликомъ принятаго впослѣдствіи Замбрини къ исполненію договора объ отдачѣ въ наемъ дома подъ гостинницу „Швейцарія“, предоставляющемъ ему, Черепенникову, право въ случаѣ неуплаты Замбрини въ срокъ причитающихся за наступающую треть наемныхъ денегъ считать этотъ договоръ уничтоженнымъ, удалить Замбрини отъ найма и сверхъ того взыскать съ него остальныя до срока договора наемныя деньги, и утверждая, что договоръ этотъ нарушенъ со стороны Замбрини неуплатою за майскую треть 1894 г. въ опредѣленный договоромъ срокъ полностью всѣхъ причитавшихся съ него наемныхъ денегъ, предъявилъ 8 іюля 1894 г. къ Замбрини искъ объ уничтоженіи аренднаго договора, объ удаленіи Замбрини отъ найма дома и о взысканіи съ него 2.000 р. наемныхъ денегъ за майскую треть 1894 г. и 46.000 руб. наемныхъ денегъ по срокъ окончанія договора. Первыя два исковыхъ требованія Черепенникова, удовлетворенныя Ком. Судомъ, въ настоящее время, за согласіемъ отвѣтчика на уничтоженіе договора и за послѣдовавшимъ уже удаленіемъ его изъ дома истца, не вызываютъ какого-либо спора сторонъ и только послѣднее исковое требованіе составляетъ предметъ апелляціонныхъ ихъ ходатайствъ, а именно: Черепенниковъ жалуется на отказъ ему судомъ въ присужденіи 46.000 р., а Замбрини находитъ присужденіе судомъ Черепенникову 2.000 руб. за майскую треть 1894 г. преждевременнымъ. Обращаясь къ разсмотрѣнію просьбы Черепенникова о взысканіи съ Замбрини 46.000 р. наемной платы по срокъ договора, Прав. Сенатъ находитъ, что въ силу 2 и 14 пунктовъ договора, Замбрини обязался платить Черепенникову ежегодно наемныя деньги по третямъ года впередъ, а именно: 1 января и 1 мая по 4.000 руб. и 1 сентября 3.500 руб., подвергая себя

въ противномъ случаѣ уплатѣ неустойки за первые пять дней по 26 руб. въ день, потерѣ представленнаго имъ въ обезпеченіе исправнаго платежа наемныхъ денегъ залога, удаленію отъ найма съ уничтоженіемъ самаго договора и платежу всѣхъ наемныхъ денегъ до конца срока договора, т. е. до 1 сентября 1898 г. Между тѣмъ изъ дѣла видно, что 1 мая 1894 г. Замбрини вмѣсто 4.000 руб. уплатилъ Черепенникову только 1.200 руб., а за симъ черезъ мѣсяцъ, 2 іюня, еще 800 руб., послѣ чего никакихъ платежей болѣе уже не производилъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ и точнаго указанія приведенныхъ постановленій договора вопросъ о томъ, представляется ли разсматриваемое исковое требованіе Черепенникова правильнымъ и подлежитъ ли оно, какъ таковое, удовлетворенію, зависитъ исключительно отъ вопроса о значеніи указаннаго образа дѣйствія Замбрини, т. е. отъ того, представляется ли эта несогласная съ договоромъ уплата нарушеніемъ со стороны Замбрини договора, долженствующимъ влечь за собою опредѣленныя въ договорѣ невыгодныя для него послѣдствія. Въ этомъ отношеніи отвѣтчикъ Замбріяни объясняетъ, что невнесеніе имъ Черепенникову майскаго платежа въ срокъ полностью не можетъ быть сочтено за произвольное нарушеніе принятаго имъ на себя по договору обязательства на томъ основаніи, что Черепенниковъ, войдя въ затруднительное его положеніе вслѣдствіе постоянныхъ убытковъ по гостинницѣ, согласился на разсрочку указанныхъ въ договорѣ платежей, въ силу чего Черепенниковъ и принялъ отъ него упомянутыя частичныя уплаты за майскую треть 1894 г. Такимъ образомъ по содержанію этого возраженія отвѣтчика прежде всего надлежитъ установить, дѣйствительно ли Черепенниковъ далъ Замбрини согласіе на разсрочку майскаго платежа, а засимъ опредѣлить значеніе этого согласія въ отношеніи права Черепенникова требовать отъ Замбрини 46.000 руб. наемной по срокъ договора платы. По поводу перваго изъ этихъ вопросовъ Прав. Сенатъ находитъ необходимымъ остановиться на слѣдующихъ соображеніяхъ. По закону (ст. 1545 т. X ч. I) договаривающіяся стороны могутъ уничтожить договоръ по обоюдному согласію во всякое время, равнымъ образомъ (ст. 1547) и отдѣльная сторона, имѣющая по договору право требовать исполненія, можетъ отступиться добровольно отъ своего права въ цѣломъ договорѣ или въ части и тогда дѣйствіе договора въ цѣломъ его составѣ или части прекращается. Но, указывая эти права договаривающихся, приведенныя статьи закона ничего не говорятъ о томъ способѣ, которымъ должно быть выражено намѣреніе ихъ относительно договора, такъ что въ этомъ отношеніи сторонамъ предстоитъ, сообразно тѣмъ или другимъ особенностямъ состоявшагося между ними соглашенія, или полная свобода выбора, или ограниченіе спеціальными правилами, установленными въ другихъ законоположеніяхъ. Къ числу послѣдняго рода договоровъ, т. е. такихъ, по которымъ соглашеніе сторонъ объ уничтоженіи ихъ или воля лица, отказывающагося отъ установленнаго для него въ договорѣ права, должны быть выражены исключительно или въ

указанной особо закономъ, или вообще въ письменной формѣ, относится всякое соглашеніе, облеченное въ письменный договоръ, ибо дальнѣйшее соглашеніе сторонъ о прекращеніи, исполненіи или измѣненіи такого договора равнымъ образомъ должно быть установлено письменнымъ и доказываться можетъ только такимъ же письменнымъ документомъ (ст. 284 Уст. Суд. Торг. и ст. 410 Уст. Гражд. Суд.). Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы вообще въ отношеніи всякаго дѣйствія договорившихся по данному письменному соглашенію, разъ въ этомъ дѣйствіи выражается осуществленіе ими одного изъ предусмотрѣнныхъ ст. 1545 и 1547 т. X ч. I правъ, требовалось непремѣнно для признанія онаго для сторонъ обязательнымъ письменное соглашеніе. Напротивъ того, если такое дѣйствіе, хотя касающееся правъ сторонъ, изъ договора вытекающихъ, не имѣетъ цѣлью ни уничтоженіе самаго договора, ни измѣненіе условій въ немъ постановленныхъ, ни погашеніе или измѣненіе опредѣленныхъ въ немъ взаимныхъ правъ и обязанностей сторонъ, то къ ограниченію воли договорившихся въ отношеніи ея выраженія извѣстной формой не представляется никакихъ законныхъ основаній. Поэтому, если сторона отказывается отъ принадлежащаго ей въ силу договора въ данный моментъ права или соглашается на видоизмѣненіе этого права на данный отдѣльный случай, не касаясь вовсе силы и значенія договора и правъ ея по оному на дальнѣйшее время обусловленнаго существованія договора, то такая воля стороны и обоюдное соглашеніе обѣихъ сторонъ не могутъ быть подчинены вышеуказанному правилу о порядкѣ измѣненія или уничтоженія договора и для признанія наличности таковыхъ дѣйствительною достаточно, чтобы они выразились въ такомъ дѣйствіи, изъ котораго несомнѣнно усматривалось бы намѣреніе или согласіе лица, совершившаго это дѣйствіе, отступиться отъ принадлежащаго ему въ данный моментъ въ виду наступленія срока и наличности другихъ условій права, которое является такимъ образомъ уже самостоятельнымъ правомъ, отказъ отъ котораго и измѣненіе котораго можетъ имѣть мѣсто независимо отъ самаго договора, не касаясь вовсе существа и дальнѣйшей судьбы послѣдняго. Согласно сему, когда контрагентъ при наступленіи предусмотрѣннаго договоромъ случая, напримѣръ при несвоевременной или неполной уплатѣ срочнаго взноса откажется на этотъ разъ именно отъ права своего уничтожить договоръ до истеченія назначеннаго въ немъ срока и предъявить другія договоренныя требованія и тѣмъ докажетъ намѣреніе свое продолжать тотъ же непрекратившійся договоръ, то въ отношеніи этого дѣйствія контрагента, какъ не сопряженнаго съ какимъ-либо измѣненіемъ договора, а касающагося лишь порожденнаго договоромъ права. предъявленіе требованія объ особомъ письменномъ актѣ не оправдывалось бы ни необходимостью, ни какимъ-либо требованіемъ закона. Переходя къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что къ числу только что указанныхъ дѣйствій одной изъ сторонъ по договору принадлежитъ и утверждаемый отвѣтчикомъ Замбрини отказъ Черепен-

никова отъ возникшаго для него 6 мая 1894 г., въ силу договора съ Замбрини, права требовать отъ послѣдняго уплаты полностью за треть года 4.000 руб. и неустойки за пять дней по 26 руб. въ день, а при неисполненіи сего предъявить къ Замбрини тѣ требованія, изъ которыхъ слагается составляющій предметъ настоящаго дѣла искъ, потому что ни отказъ Черепенникова отъ изложеннаго права, ни согласіе его на извѣстное измѣненіе въ порядкѣ его осуществленія не касаются ни вопроса о дальнѣйшемъ существованіи договора, ни изложенныхъ въ договорѣ условій. Такимъ образомъ, для признанія доказанною ссылки Замбрини на согласіе истца, чтобы майскій платежъ 1894 г. произведенъ былъ по частямъ и на то, что Черепенниковъ въ данномъ случаѣ поступился своими договоренными правами, не предстоитъ необходимости предъявленія какого-либо письменнаго о томъ акта. Въ подтвержденіе же этого своего объясненія Замбрини, во 1-хъ, представилъ къ дѣлу рядъ росписокъ Черепенникова, коими устанавливается неоднократное полученіе послѣднимъ отъ него обусловленныхъ договоромъ третныхъ платежей частичными уплатами въ 300 и 200 руб. и росписка Черепенникова въ полученіи въ счетъ майской трети 1 мая 1894 г. 1.200 руб. и 2 іюня 800 руб., и, во 2-хъ, сослался на свидѣтелей, которые показали: Дорфманъ, что въ послѣднее время Замбрини уплачивалъ Черепенникову за гостинницу „Швейцарія“ по частямъ и Черепенниковъ вообще не стѣснялъ Замбрини въ производствѣ платежей и дѣлалъ разсрочки, а Мирошниковъ—что въ послѣднихъ числахъ мая 1894 г. онъ присутствовалъ при разговорѣ, когда Черепенниковъ требовалъ отъ Замбрини 1.000 руб. въ счетъ арендной платы, а Замбрини, объяснивъ, что не имѣетъ денегъ, напомнилъ Черепенникову объ обѣщанныхъ ему разсрочкахъ, на что Черепенниковъ отвѣтилъ, что отъ обѣщанныхъ разсрочекъ онъ не отказывается, но что ему нужны деньги. Изъ этихъ данныхъ, такимъ образомъ, оказывается, что Замбрини, производя платежи за треть года не полностью, а частями вообще и за майскую треть 1894 г. въ частности, имѣлъ на это согласіе Черепенникова, который поэтому, несмотря на просрочки со стороны арендатора, Замбрини, не воспользовался предоставленнымъ ему пунктами 2 и 14 договора правомъ, а принималъ частичныя уплаты. Въ виду сего просрочка Замбрини въ производствѣ платежа по найму дома Черепенникова за майскую треть 1894 г. не можетъ быть сочтена за произвольное нарушеніе принятаго имъ на себя обязательства, а является лишь послѣдовавшимъ съ согласія Черепенникова отступленіемъ въ порядкѣ выполненія принадлежащаго послѣднему съ 1 мая 1894 г. права. А такъ какъ по точному смыслу ст. 1705 т. X ч. 1 и пунктовъ 2 и 14 договора 31 мая 1887 г. для того, чтобы Черепенниковъ могъ требовать отъ Замбрини между прочимъ уплаты всѣхъ по срокъ договора наемныхъ денегъ необходима наличность произвольнаго нарушенія Замбрини принадлежащаго Черепенникову въ силу договора права и такъ какъ о такого рода нарушеніи со стороны Замбрини въ настоящемъ слу-

чаѣ, по поводу платежа за майскую треть 1894 г., согласно вышеизложенному, въ связи съ ст. 1547 т. X ч. 1, не можетъ быть рѣчи, Прав. Сенатъ находитъ, что исковое требованіе Черепенникова объ обязаніи Замбрини уплатить, кромѣ присужденныхъ ему судомъ остальныхъ за майскую треть 1894 г. 2.000 руб., всю наемную по срокъ окончанія договора сумму вслѣдствіе неуплаты ему, Замбрини, 1 мая всей договоренной суммы полностью, по обстоятельствамъ дѣла, не можетъ быть признано правильнымъ. Что же касается указанія повѣреннаго Черепенникова на то, что отсрочка платежа, допущенная послѣднимъ въ отношеніи январьской трети 1894 г. упомянута въ росписке его на договорѣ 31 мая 1887 г., чего, однако, относительно майской трети не было, то это указаніе не можетъ имѣть приписываемаго ему повѣреннымъ Черепенникова значенія, какъ въ виду вышеизложенныхъ соображеній объ отсутствіи необходимости письменныхъ въ семъ отношеніи доказательствъ, такъ и потому, что согласіе Черепенникова на отсрочку майскаго платежа вполнѣ установлено свидѣтелями и въ особенности самымъ фактомъ полученія Черепенниковымъ отъ Замбрини безъ всякихъ оговорокъ частичныхъ уплатъ. По симъ соображеніямъ, признавая предъявленіе Черепенниковымъ 8 іюля 1894 г. составляющаго предметъ настоящаго дѣла иска въ виду исключительно неуплаты отвѣтчикомъ Замбрини 1 мая 1894 г. полностью всей слѣдовавшей съ него по найму за треть года суммы лишеннымъ основанія и принимая во вниманіе, что вслѣдствіе этого послѣдовавшее согласно ходатайству самого Черепенникова уничтоженіе договора 31 мая 1887 г. и удаленіе Замбрини отъ найма не могутъ быть отнесены на счетъ виновности Замбрини, дѣйствовавшаго относительно частичныхъ майскихъ уплатъ съ согласія самого Черепенникова, и что къ тому же, какъ видно изъ дѣла, то же помѣщеніе сдано Черепенниковымъ нѣкоему Шоллеру съ декабря 1894 г. на 10 лѣтъ, Прав. Сенатъ находитъ, что поддерживаемое Черепенниковымъ въ апелляціонной его жалобѣ ходатайство о присужденіи ему въ качествѣ неустойки означенныхъ выше 46.000 руб. не можетъ подлежать удовлетворенію. Въ отношеніи засимъ указанія Черепенникова на то, что Ком. Судомъ присуждена съ Замбрини плата лишь по 1 сентября 1894 г., а между тѣмъ послѣдній выселенъ изъ гостинницы значительно позже, Прав. Сенатъ находитъ, что такъ какъ съ присужденіемъ Черепенникову 2.000 руб., недоплаченныхъ ему Замбрини за майскую треть 1894 г., онъ удовлетворяется наемною платою лишь по 1 сентября, то, очевидно, за нимъ должно быть признано право требовать съ Замбрини, сверхъ указанной суммы, наемную плату и за все то время, какое Замбрини оставался въ его домѣ съ 1 сентября. Но имѣя въ виду, что въ настоящемъ производствѣ не имѣется никакихъ данныхъ для точнаго опредѣленія сказаннаго періода времени и благодаря этому не можетъ быть установлена съ точностью сумма слѣдуемой Черепенникову съ Замбрини платы, Прав. Сенатъ находитъ, что въ предѣлахъ настоящаго производства, разсматри-

ваемое ходатайство Черепенникова, правильное въ своемъ основаніи, не можетъ быть удовлетворено, какъ недоказанное въ цифровомъ его отношеніи и не бывшее въ разсмотрѣніи Ком. Суда. Обращаясь засимъ къ апелляціи Замбрини, который ходатайствуетъ о признаніи присужденія съ него Ком. Судомъ въ пользу Черепенникова 2.000 руб. за майскую треть преждевременнымъ, Прав. Сенатъ находитъ, что въ настоящее время, за истеченіемъ уже конечнаго срока означенной трети (1 сентября 1894 г.), ходатайство это представляется неимѣющимъ болѣе значенія. Но и независимо отъ сего ходатайство это неосновательно и потому, что по смыслу договора 31 мая 1887 г. платежъ за треть года долженъ быть произведенъ Замбрини въ началѣ предстоящей трети полностью, хотя же ссылка Замбрини на допущенную Черепенниковымъ разсрочку платежа за майскую треть 1894 г. и признана выше уважительною, но изъ представленныхъ Замбрини доказательствъ нельзя однако усмотрѣть, чтобы остальные 2.000 руб. были ему Черепенниковымъ отсрочены именно по 1 сентября или другое какое-либо опредѣленное число, вслѣдствіе чего и для признанія требованія съ него таковыхъ Черепенниковымъ 8 іюля 1894 г. преждевременнымъ не представляется данныхъ. По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, признавая отказъ Одесскаго Ком. Суда Черепенникову въ искѣ съ Замбрини 46.000 руб. неустойки и присужденіе судомъ съ послѣдняго въ пользу перваго 2.000 руб. майскаго платежа въ окончательномъ выводѣ правильными и отмѣнѣ неподлежащими,—Прав. Сенатъ рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда въ части объ отказѣ Черепенникову во взысканіи съ Замбрини 46.000 руб. неустойки и о присужденіи съ послѣдняго въ пользу перваго 2000 р. утвердилъ (1895 г. № 504).

305. Если домовладѣлецъ въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ допустилъ взносъ наемныхъ денегъ въ разсрочку или послѣ договорнаго срока, то отсюда не вытекаетъ и не можетъ вытекать того заключенія, что договоръ найма въ отношеніи сроковъ платежа вслѣдствіе такого образа дѣйствія измѣненъ и что въ назначенные по договору сроки квартиронаниматель можетъ безнаказанно не вносить плату за наемъ или вносить ее съ отступленіемъ отъ условій договора найма (1909 г., № 1980).

306. Признаніе судомъ договора найма уничтоженнымъ и возвращеніе сторонъ въ положеніе, предшествовавшее заключенію договора, не лишаетъ нанимателя права взыскивать отдѣльнымъ искомъ возможную прибыль.

Правительствующій Сенатъ находитъ, что Ивановъ, вопреки заключеннаго съ истцами 7 октября 1904 г. договора, не передалъ въ пользованіе истцовъ въ исправномъ видѣ кегельбана въ саду „Новая Аркадія“ и тѣмъ самымъ лишилъ ихъ доходовъ съ этого кегельбана. А такъ какъ договоръ былъ заклю-

ченъ на два года, то, по винѣ Иванова, истцы лишились доходовъ съ кегельбана за два года предполагавшагося дѣйствія договора 7 октября 1904 г. Хотя указанный договоръ по просьбѣ истцовъ былъ уничтоженъ рѣшеніемъ С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда отъ 12 декабря 1905 г., а внесенные истцами Иванову за два года впередъ 3.000 р. возвращены, и такимъ образомъ, стороны вернулись въ положеніе, предшествовавшее заключенію договора, но отсюда еще нельзя заключить, что за уничтоженіемъ самаго договора для истцовъ вмѣстѣ съ тѣмъ потеряно право искать *съ нарушившаго договоръ отвѣтчика* всю прибыль, которую они могли бы извлечь изъ предпріятія, ими у отвѣтчика купленнаго (заарендованнаго), если бы сей послѣдній не отказался исполнить договоръ, иначе говоря, не заставилъ бы истцовъ просить о признаніи договора уничтоженнымъ, разъ фактически они договоромъ пользоваться не могли. Наоборотъ, такъ какъ подъ убыткомъ разумѣется не только положительный ущербъ, но и лишеніе возможной выгоды, слѣдуетъ придти къ заключенію, что истцы въ исковомъ прошеніи имѣли достаточное основаніе говорить про возможную для нихъ прибыль, несмотря на то, что договоръ 7 октября 1904 г. былъ уничтоженъ, т. е. какъ будто вовсе не состоялся, такъ какъ этой прибыли не оказалось лишь потому, что указанный договоръ не могъ быть ими использованъ за нарушеніемъ его противной стороной (1908 г., № 1763).

ТОРГОВЫЯ КНИГИ.

307|211. Если статьи счета отвѣтчика по торговымъ книгамъ истца оказываются несогласными съ статьями книгъ отвѣтчика, то на обязанности истца лежитъ доказать правильность занесенія въ свои торговыя книги тѣхъ статей, по которымъ оказывается различіе со статьями книгъ отвѣтчика или доказать, что отвѣтчикъ одобрилъ веденіе истцомъ счета его, отвѣтчика, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ въ основаніе иска (1888 г., по дѣлу Путиловскихъ заводовъ, сб. Вильсона I, № 185).

308|212. Отсутствіе возраженій и протеста противъ сальдо и отдѣльныхъ статей выписки, сообщенной однимъ изъ контрагентовъ другому при контокуррентныхъ ихъ отношеніяхъ, только въ такомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о признаніи выписки правильною и лишаетъ принявшаго ее контрагента права ее оспаривать, если контокуррентныя отношенія послѣ того продолжались, въ случаѣ же прекращенія этихъ отношеній послѣ полученія выписки право возраженія противъ выписки остается за принявшимъ ее, какъ въ отношеніи сальдо, такъ и въ отношеніи отдѣльныхъ ея статей (1888 г., № 78).

309|213. Книга биржевыхъ сдѣлокъ (банкирской конторы) лишь вспомогательная и потому неполнота и несоотвѣтствіе ея съ главными книгами не можетъ служить основаніемъ къ выводу о неправильности веденія конторою торговыхъ книгъ ея (1898 г., № 140).

См. относительно торговыхъ книгъ въ томѣ I даннаго сборника №№ 303—318.

Гражд. Касс. Деп. въ рѣшеніи 1905 г., № 16 призналъ, что право за взысканіе денегъ можетъ быть передано по выпискѣ изъ торговыхъ книгъ съ соотвѣтствующею на ней надписью передающаго владѣльца торговыхъ книгъ.

КОНТОКУРРЕНТЪ.

310. Къ понятію „контокуррентнаго договора".

Дебетуя отвѣтчика по высланному ему товару, истецъ выставлялъ на него тратты и векселя, по суммѣ и срокамъ платежа не соотвѣтствовавшіе стоимости и времени отпуска отдѣльныхъ партій товара, причемъ разсчеты между сторонами сводились въ извѣстные промежутки времени, путемъ подведенія итоговъ всѣмъ образовавшимся за разсчетный періодъ статьямъ дебета и кредита, а выписи счетовъ препровождались другой сторонѣ для подтвержденія вѣрности. Все изложенное, въ связи съ тѣмъ, что каждый изъ контрагентовъ, являясь кредиторомъ другого по однимъ статьямъ, въ то же время былъ дебиторомъ его по другимъ,— ясно указываетъ на наличность въ настоящемъ случаѣ именно контокуррентнаго соглашенія, почему всѣ разсчеты сторонъ и возникающіе по нимъ споры должны опредѣляться и разрѣшаться на началахъ, регулирующихъ контокуррентныя отношенія. Правильность этого вывода, вопреки мнѣнію апеллятора, не подрывается тѣмъ, что, за все время отношеній сторонъ, сальдо всегда было въ пользу истца, такъ какъ подобное обстоятельство не противорѣчитъ существу контокуррентныхъ отношеній, будучи въ нихъ очень частымъ явленіемъ, ссылка же отвѣтчика на то, что въ основаніи отношеній сторонъ лежалъ рядъ сдѣлокъ купли-продажи часовъ, характеромъ каковыхъ сдѣлокъ и должны опредѣляться разсчеты сторонъ, лишена существеннаго значенія, такъ какъ контокуррентъ является условнымъ, своеобразнымъ пріемомъ сведенія взаимныхъ счетовъ, который, совершенно независимо отъ характера сдѣлокъ, находящихъ въ немъ выраженіе, предполагаетъ примѣненіе особыхъ правилъ, регулирующихъ эти разсчеты (1909 г., № 710).

311. Для совершенія договора о контокуррентѣ не установлено какой-либо опредѣленной формы и таковой можетъ быть заключенъ даже безмолвно (1910 г., № 1336; тоже Гражд. Касс. 1907 г., № 18)*).

312|214. Лицо, открывающее другому контокуррентный счетъ, обязано вносить въ кредитъ все то, что оно состоитъ ему должнымъ (что оно отъ него получило), а въ дебетъ—все то, что оно ему уплатило (что оно ему дало). Сообразно сему, выданный на себя вексель, какъ равносильный платежу, долженъ быть помѣщенъ въ дебетъ счета получателя; внесеніе же соотвѣтствующей суммѣ векселя статьи въ кредитъ счета, нейтрализующей

*) См. ниже № 327.

статью дебета, можетъ имѣть мѣсто лишь въ случаѣ возвращенія векселя обратно лицу, его выдавшему, т. е. въ случаѣ перехода выданной имъ въ уплату долга цѣнности обратно къ нему.

Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что предметъ его составляетъ искъ администраціи по дѣламъ товарищества картонно-тольнаго производства „А. Науманъ и К⁰“ съ товарищества „Мануфактуръ Гука“ 36.378 р. 80 к., составляющихъ сальдо въ пользу истца по контокуррентному счету его съ отвѣтчикомъ. Происхожденіе такового сальдо объясняется истцомъ тѣмъ, что товариществомъ „Науманъ и К⁰“ были выданы товариществу Гука для цѣлей сего послѣдняго векселя безъ полученія по нимъ валюты, которые оно должно было возвратить „Науману и К⁰“, между тѣмъ, возвративъ часть таковыхъ, остальныхъ на отыскиваемую сумму не возвратило, вслѣдствіе чего сумма эта и значится по контокурренту въ долгу за отвѣтчикомъ. Возражая противъ этого иска и отрицая фактъ выдачи истцомъ безденежныхъ векселей, повѣренный отвѣтчика объясняетъ, что контокуррентъ истца не можетъ быть признанъ правильно составленнымъ, такъ какъ въ кредитъ счета товарищества Гука не внесены выданные ему и въ срокъ неоплаченные векселя товарищества „Науманъ и К⁰“ (на сумму 52.556 руб. 18 коп.) и разныя другія суммы, въ томъ числѣ и по счету Уманскаго 54.000, и что по списку кредиторовъ товарищества „Науманъ и К⁰“, составленному имъ самимъ и представленному въ биржевой комитетъ при заявленіи ходатайства объ учрежденіи по дѣламъ его администраціи, товарищество Гука показано кредиторомъ на сумму 81.283 р. 18 к., а такъ какъ съ того времени никакихъ платежей товариществомъ „Науманомъ и К⁰“ произведено не было, то оно изъ должника товарищества Гука не могло превратиться въ его кредитора. Затѣмъ повѣренный отвѣтчика, съ своей стороны, представилъ свой „исправленный“, какъ онъ имъ названъ, контокуррентъ, въ которомъ сальдо показано въ пользу отвѣтчика на 81 слишкомъ тысячу. Сличеніе этого контокуррента съ контокуррентомъ истца показываетъ, что всѣ значащіяся въ этомъ послѣднемъ записи имѣются въ контокуррентѣ отвѣтчика, но кромѣ этихъ сходныхъ между собою записей въ контокуррентѣ отвѣтчика въ дебетѣ счета истца показаны еще слѣдующія статьи въ общей сложности на 119.554 р. 98 к.: въ концѣ счета за 1891 г. подъ 28 ноября: за проценты и расходы 93 р. 97 к.; подъ 31 декабря: по векселю ср. 14/24 ноября 10.000 руб.; Русскому Банку для внѣшней торговли 4.000 р. и по векселю ср. 19 января 6.000 р.; Промышленному Банку—1.980 руб.; проценты, на значащіяся въ дебетѣ суммы по 12⁰/₀ учет. 6.670 р. 83 к.; засимъ за 1892 г. послѣ статей о выкупленныхъ и возвращенныхъ векселяхъ (имѣющихся и въ контокуррентѣ истца) показаны 12 векселей на сумму 52.556 руб. 18 коп., безъ отмѣтки о ихъ возвращеніи;

128 и 126 р. расходовъ по учету этихъ векселей и, наконецъ, уже послѣ итога дебета, безъ обозначенія числа, къ которому относится запись, показано: „счетъ Уманскаго 54.000 р.“. Имѣя такимъ образомъ въ виду, что статьи контокуррента истца, какъ сходныя со статьями контокуррента отвѣтчика, должны быть признаны, на точномъ основаніи ст. ст. 258 и 259 Уст. Суд. Торг., вполнѣ доказанными, Прав. Сенатъ находитъ, что разрѣшеніе настоящаго дѣла зависитъ исключительно отъ разрѣшенія вопроса о томъ, насколько могутъ быть признаны доказанными, а засимъ и подлежащими принятію въ разсчетъ, при сведеніи окончательнаго между сторонами по ихъ контокуррентнымъ отношеніямъ счета, указываемыя повѣреннымъ отвѣтчика статьи, въ книги истца не внесенныя. Останавливаясь прежде всего на объясненіяхъ отвѣтчика по поводу невнесенія истцомъ въ кредитъ счета товарищества Гука суммы выданныхъ имъ послѣднему векселей, несмотря на неоплату таковыхъ въ срокъ, Прав. Сенатъ находитъ необходимымъ остановиться на слѣдующихъ соображеніяхъ. По самому существу и значенію контокуррентнаго счета лицо, открывающее таковой другому, обязано вносить въ него: въ его кредитъ—все то, что оно состоитъ ему должнымъ (что оно отъ него получило), а въ дебетъ—все то, что оно ему уплатило (что оно ему дало). Въ виду сего и такъ какъ выдача на себя векселя представляетъ собою тотъ же способъ платежа, то выданный по контокуррентнымъ отношеніямъ вексель, порождающій обязательство для лица, его выдавшаго, произвести уплату всей вексельной суммы не только первому его пріобрѣтателю, но и всѣмъ послѣдующимъ его держателямъ, сообразно изложенному, долженъ быть помѣщенъ въ дебетѣ счета получателя, какъ произведенный ему платежъ, которымъ онъ посредствомъ учета векселя и могъ воспользоваться. Засимъ сила и значеніе этого платежа можетъ утратиться, а съ тѣмъ вмѣстѣ показанный по контокурренту платежъ векселемъ нейтрализованъ посредствомъ внесенія соотвѣтствующей статьи въ кредитъ счета, лишь въ случаѣ возвращенія самого вексельнаго обязательства лицу, его выдавшему, т. е. перехода выданной имъ въ уплату цѣнности обратно къ нему, ибо одно и то же отношеніе не можетъ создавать двойной отвѣтственности и по контокурренту передъ даннымъ, состоящимъ съ нимъ въ контокуррентныхъ отношеніяхъ контрагентомъ, и по векселю—передъ каждымъ его держателемъ. Посему и домогательство отвѣтчика о томъ, чтобы въ кредитъ его счета были поставлены истцомъ выданные ему послѣднимъ векселя, могло бы заслуживать уваженія лишь въ случаѣ представленія имъ истцу этихъ векселей. За неисполненіемъ же имъ сего и въ особенности въ виду того подтвержденнаго истцомъ документально обстоятельства, что часть выданныхъ товариществомъ „Науманъ и К°“ товариществу Гука векселей находится въ рукахъ третьихъ лицъ, у коихъ они были товариществомъ Гука учтены, и что по этимъ векселямъ производится администраціею этимъ третьимъ лицамъ удовлетвореніе, Правительствующій Сенатъ находитъ, что непомѣщеніе при такихъ

условіяхъ выданныхъ товариществомъ „Науманъ и К°“ товариществу Гука векселей въ кредитъ счета послѣдняго должно быть признано вполнѣ правильнымъ, а засимъ сумма этихъ векселей подлежитъ исключенію изъ контокуррентнаго счета и отвѣтчика. Впрочемъ, то обстоятельство, что само товарищество Гука признало подлежащими занесенію въ кредитъ его счета лишь возвращенные имъ товариществу „Науманъ и К°“ векселя, лучше всего подтверждается собственными письмами его отъ 3 и 23 апрѣля 1892 г., въ коихъ оно, возвращая нѣкоторые векселя, вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ занести соотвѣтствующую имъ сумму въ кредитъ его счета, а слѣдовательно тѣмъ самымъ сознаетъ, что невозвращенные векселя таковому занесенію не подлежали. Такое положеніе представляется и вполнѣ понятнымъ. Если при выдачѣ векселей подъ полученную и сообразно сему занесенную въ кредитъ счета валюту, неуплата векселей (занесенныхъ въ дебетъ) въ срокъ и должна влечь за собою помѣщеніе, для уравновѣшенія счета, неполученной по векселямъ суммы въ кредитъ счета, ибо тогда статья кредита о полученіи валюты оказывалась бы въ сущности непокрытой, но такой порядокъ непримѣнимъ къ случаямъ выдачи авансовыхъ векселей, по коимъ валюты не поступало, гдѣ никакого подлежащаго покрытію полученія не было, къ числу каковыхъ векселей относятся именно спорные въ настоящемъ дѣлѣ векселя (приведенныя письма товарищества Гука), возвратъ или уплата стоимости которыхъ составляетъ требованіе товарищества „Науманъ и К°“. Вторая изъ главныхъ значащихся только въ контокуррентѣ отвѣтчика суммъ— это 54.000 руб. по счету Уманскаго. Статья эта, не говоря уже о томъ, что она внесена въ представленномъ отвѣтчикомъ контокуррентѣ уже послѣ подведенія окончательнаго итога самому счету въ видѣ приписки, безъ означенія числа ея занесенія по самымъ книгамъ, оправдывается отвѣтчикомъ исключительно представленною имъ къ дѣлу копіею съ приписки въ письмѣ Уманскаго на имя Задлера, въ которомъ Уманскій говоритъ о согласіи товарищества „Науманъ и К°“ временно замѣнить его, Уманскаго, обязательства товариществу Гука въ суммѣ 54.000 руб. своими векселями и о согласіи своемъ относительно сдѣлки съ представленными имъ товариществу Гука залогами. Но, очевидно, такое одностороннее заявленіе въ частной между неучаствующими въ настоящемъ дѣлѣ лицами перепискѣ третьяго лица (хотя повѣренный товарищества Гука, присяжный стряпчій Крейцеръ, на представленной имъ къ дѣлу и засвидѣтельствованной имъ же въ вѣрности копіи сего документа въ заголовкѣ и приписалъ: въ правленіе товарищества „Науманъ и К°“ и придалъ ему значеніе самостоятельнаго письма, но, однако, это оказалось несоотвѣтствующимъ дѣйствительности) какого-либо обязательнаго для „Науманъ и К°“ значенія имѣть не можетъ, а потому и статья эта, какъ неподтверждаемая въ правильности своей никакими доказательствами, подлежитъ равнымъ образомъ исключенію. Но, независимо отъ сего, нельзя не указать и на то, что само товарищество Гука въ

представленномъ къ дѣлу въ копіи письмѣ на имя товарищества „Науманъ и К°“ отъ 17 апрѣля 1892 г. признаетъ векселя послѣдняго на 54.000 руб. подлежащими ему возвращенію, того же, чтобы это были другіе какіе-либо отдѣльные отъ показанной имъ въ припискѣ къ контокурренту суммы въ 54.000 р. векселя, отвѣтчикъ вовсе не утверждаетъ. Слѣдующія затѣмъ статьи контокуррента отвѣтчика: 4.000 руб. и 1980 руб., составляющія, какъ можно заключить изъ списка векселей товарищества „А. Науманъ и К°“, препровожденнаго отвѣтчикомъ сему послѣднему при меморандумѣ отъ 14 августа 1892 г., суммы, уплаченныя товариществомъ Гука за бланки по учтеннымъ имъ векселямъ на 10.000 руб. и 6.000 руб., и статьи 93 руб. 97 коп., 128 руб. и 126 руб. процентовъ и расходовъ, за непредставленіемъ отвѣтчикомъ не только никакихъ доказательствъ, но даже и объясненій, почему онъ считаетъ себя вправѣ ставить таковыя на дебетъ счета истца и какъ симъ послѣднимъ не признаваемыя и въ его книгахъ не значащіяся, за силою приведенной уже выше 259 ст., должны быть также признаны подлежащими исключенію изъ счета, тѣмъ болѣе, что какъ уже сказано, товарищество „Науманъ и К°“ остается отвѣтственнымъ по выданнымъ имъ векселямъ въ полной ихъ суммѣ, со всѣми процентами и издержками. Наконецъ, неправильность статьи контокуррента отвѣтчика въ 6.670 р. процентовъ за 1891 г. на сумму дебета вытекаетъ уже изъ того, что по обоимъ контокуррентамъ сальдо на 1 января 1892 г. опредѣлялось въ пользу товарищества „Науманъ и К°“, проценты же собственно на векселя „Науманъ и К°“ согласно вышеизложенному и въ виду выдачи ихъ товариществу Гука преимущественно безъ полученія валюты, въ видѣ услуги, особому начисленію на товарищество не подлежали. За исключеніемъ же всѣхъ разобранныхъ статей всего на сумму 119.554 руб. 98 к., неправильно внесенныхъ товариществомъ Гука въ дебетъ его счета товарищества „Науманъ и К°“, изъ итога дебета сего счета (234.198 руб. 94 коп.), дебетъ этотъ выразится въ суммѣ 114.634 руб. 46 коп. и при сопоставленіи его съ итогомъ кредита по тому же счету (151.022 р. 76 коп.) даетъ сумму остатка сальдо въ пользу товарищества „Науманъ и К°“ 36.378 руб. 80 коп., т. е. сумму, показанную и въ контокуррентѣ истца и имъ въ настоящемъ производствѣ отыскиваемую, каковая сумма, такимъ образомъ, какъ вполнѣ по дѣлу установленная и должна подлежать взысканію съ товарищества Гука въ пользу администраціи по дѣламъ товарищества „Науманъ и К°“. Что же касается указанія отвѣтчика на то, что товарищество Гука значилось въ спискѣ кредиторовъ товарищества „Науманъ и К°“, представленномъ имъ въ Спб. биржевой комитетъ, на сумму 81.283 р. 18 к., то въ этомъ отношеніи Прав. Сенатъ прежде всего, находитъ, что собственно товарищество Гука въ означенномъ спискѣ значится кредиторомъ товарищества „Науманъ и К°“ не на 81.283 руб. 18 коп., а на 48.556 руб. 18 коп., въ остальной же суммѣ кредиторами по выданнымъ товариществомъ „Науманъ и К°“ на имя товарищества

Гука векселямъ показаны держатели этихъ векселей, у коихъ они были товариществомъ Гука учтены; засимъ, и упомянутые векселя на сумму 48.556 руб. 18 коп., по объясненію истца, показаны за товариществомъ Гука лишь потому, что настоящіе держатели ихъ неизвѣстны. Но, во всякомъ случаѣ, существованіе сказаннаго вексельнаго долга товарищества „Науманъ и К°“, симъ послѣднимъ, какъ уже сказано, вовсе не отрицаемаго, является долгомъ не лично и спеціально товариществу Гука, а каждому векселедержателю, удовлетвореніе какового долга, по заявленію истца, отвѣтчикомъ неопровергаемому, администраціею и производится, въ предѣлахъ настоящаго производства, въ коемъ какого-либо требованія къ „Науманъ и К°“ объ удовлетвореніи по сказаннымъ вексельнымъ его обязательствамъ не заявлено, никакого существеннаго значенія имѣть не можетъ. Что же касается составляющихъ предметъ дѣла контокуррентныхъ, личныхъ между ними, тяжущимися, отношеній и выводимаго изъ нихъ истцомъ долга ему товарищества Гука, вполнѣ какъ указано выше, по дѣлу установленнаго, то въ этомъ отношеніи товарищество Гука и въ представленномъ въ биржевой комитетъ спискѣ показано дебиторомъ товарищества „Науманъ и К°“ на сумму 36.216 руб. 65 к., каковая сумма согласуется и съ представленнымъ истцомъ въ основаніе его иска контокуррентомъ, если изъ сальдо этого контокуррента (36.378 руб. 80 к.) исключить 162 руб. 15 к., кредитованные товариществомъ „Науманъ и К°“ товариществу Гука послѣ 1 іюля 1892 г., къ каковому числу составлены были всѣ счета и списки, представленные въ биржевой комитетъ при ходатайствѣ объ учрежденіи администраціи по дѣламъ „Науманъ и К°“. Совершенно самостоятельное существованіе отыскиваемаго по настоящему дѣлу долга товарищества Гука вполнѣ объясняется и самымъ существомъ этого долга. Получивъ отъ товарищества „Науманъ и К°“ векселя безъ передачи соотвѣтствующей валюты и обязавшись возвратить ему таковые (письма товарищества Гука отъ 3, 17 и 23 апрѣля 1892 г.), товарищество Гука тѣмъ самымъ стало безусловнымъ дебиторомъ товарищества „Науманъ и К°“ въ суммѣ невозвращенныхъ векселей и неминуемо должно оставаться таковымъ впредь до возвращенія всѣхъ такихъ векселей или погашенія стоимости ихъ соотвѣтствующею суммою, о чемъ и ходатайствуетъ въ настоящемъ своемъ искѣ администрація по дѣламъ Науманъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ и принимая во вниманіе, что въ виду альтернативнаго ходатайства истца объ удовлетвореніи его иска путемъ понужденія отвѣтчика или къ денежной уплатѣ 36.378 руб. 80 к. съ процентами со дня предъявленія иска,—каковые проценты подлежатъ присужденію въ силу самаго закона (ст. 530 и 641 т. X ч. I. Зак. Гражд. и ст. 3, 364 и 365 т. XVI ч. II Зак. Суд. Гражд.), или путемъ возврата ему на означенную сумму его векселей,—способъ удовлетворенія этого иска будетъ зависѣть отъ отвѣтчика при исполнительныхъ по настоящему рѣшенію дѣйствіяхъ, въ предѣлахъ какового исполнительнаго производства и могутъ имѣть значеніе

представленные нынѣ въ Прав. Сенатъ повѣреннымъ товарищества Гука исполнительные листы,—Прав. Сенатъ рѣшеніе Спб. Ком. Суда отмѣнилъ и присудилъ въ пользу администраціи товарищества „А. Науманъ и К°“ съ товарищества „Мануфактуръ Гука“ 36.378 руб 80 к. съ % со дня предъявленія иска, предоставивъ отвѣтчику присужденную сумму внести не только деньгами, но и векселями товарищества „Науманъ и К°“ (1894 г., № 581).

313|215. При существованіи между сторонами контокуррентныхъ отношеній лицо, принявшее послѣдующія выписки изъ его счета безъ опротестованія предыдущихъ, должно почитаться одобрившимъ эти послѣднія и лишившимся вслѣдствіе этого права впослѣдствіи оспаривать таковыя, какъ въ окончательномъ результатѣ, такъ и по отдѣльнымъ статьямъ.

Принимая во вниманіе: 1) что изъ дѣла усматривается полученіе Райсфельдомъ во все время существованія контокуррентныхъ съ Штернбергомъ отношеній семи выписокъ изъ его текущаго счета; причемъ, по объясненію самого Райсфельда, первую выписку, содержащую въ себѣ главнѣйшія изъ оспариваемыхъ имъ нынѣ статьи, онъ получилъ въ апрѣлѣ 1887 г., послѣдняя же, по неоспоренному объясненію повѣреннаго Штернберга, получена имъ 4 марта 1888 г., то же указываемое апелляторомъ обстоятельство, что выписки составлялись не за одинаковый промежутокъ времени и посылались не въ опредѣленный срокъ, въ виду отсутствія въ законѣ на то какихъ-либо спеціальныхъ правилъ, не можетъ имѣть какого-либо значенія, и 2) что въ дѣлѣ не имѣется никакихъ слѣдовъ о предъявленіи Райсфельдомъ противъ означенныхъ выписокъ протеста не только за время, непосредственно слѣдующее за полученіемъ одной выписки впредь до полученія другой, но и вплоть до предъявленія имъ настоящаго иска (18 февраля 1891 г.), т. е. лишь спустя почти три года по полученіи имъ послѣдней выписки изъ текущаго счета, между тѣмъ, какъ ранѣе сего, а именно 7 февраля 1891 г., послано было Райсфельдомъ Штернбергу нотаріальное заявленіе съ требованіемъ возврата векселей, въ каковомъ заявленіи даже не упоминалось о какихъ-либо неисправностяхъ въ текущемъ счетѣ, подлежавшихъ урегулированію,—Прав. Сенатъ находитъ, что въ силу приведеннаго Коммерческимъ Судомъ торговаго обычая, неоднократно признававшагося и Правительствующимъ Сенатомъ, должно быть признано по дѣлу установленнымъ, что Райсфельдъ представленныя имъ при исковой запискѣ выписки изъ текущаго его счета своевременно одобрилъ и тѣмъ самымъ лишилъ себя въ настоящее время права спорить противъ таковыхъ. Что же касается собственно послѣдней выписки, обнимающей время отъ 1 декабря 1887 г. по 1 апрѣля 1888 г., то весь споръ по оной

сводится лишь: а) за излишне показанную цѣну за отпущенное вино въ разливѣ; б) 30 руб. за лавку Колесникова, и в) 41 руб. 55 к. за протестъ векселей и марки. Принимая же во вниманіе: 1) что цѣна за отпущенное въ разливъ вино и въ прежнихъ контокуррентахъ показывалась въ большемъ, противъ договоренной цѣны вина въ бочкахъ размѣрѣ, противъ чего, какъ указано выше, Райсфельдъ не протестовалъ; 2) что никакихъ доказательствъ тому, что за лавку Колесникову было уплачено изъ личныхъ его, Райсфельда, средствъ, имъ не представлено, тогда какъ, какъ видно изъ счетовъ, расходы эти всегда уплачивались Штернбергомъ; 3) что засимъ расходы по протесту векселей, какъ вызванные неисправностью самого Райсфельда, должны падать, очевидно, на него,—Прав. Сенатъ признаетъ споръ этотъ неуважительнымъ, а засимъ и этотъ послѣдній контокуррентъ для Райсфельда обязательнымъ. А потому находя, что за потерею Райсфельдомъ, вслѣдствіе выраженнаго имъ ранѣе одобренія положенныхъ въ основаніе его иска выписокъ изъ текущаго его счета посредствомъ принятія послѣдующихъ выписокъ безъ опротестованія предыдущихъ, права на оспариваніе таковыхъ и за признаніемъ спора его противъ послѣдней выписки не заслуживающимъ уваженія,—заключеніе Спб. Ком. Суда о признаніи иска Райсфельда къ Штернбергу, какъ основаннаго на оспариваніи статей тѣхъ же выписокъ изъ текущаго счета, не подлежащимъ удовлетворенію, а засимъ удовлетвореніе судомъ встрѣчнаго требованія Штернберга, какъ основаннаго на выведенномъ въ тѣхъ же выпискахъ изъ текущаго счета Райсфельда въ его, Штернберга, пользу сальдо, должно быть признано вполнѣ правильнымъ,—Прав. Сенатъ утвердилъ постановленное въ этомъ смыслѣ рѣшеніе Спб. Ком. Суда (1893 г., № 1276). Ср. № $\frac{308}{212}$ сборника.

314|216. Тоже. Въ предѣлахъ апелляціонной жалобы Береза, разрѣшенію Правительствующаго Сената подлежитъ вопросъ о правѣ Береза спорить по содержанію счетовъ, представленныхъ ликвидаціонной комиссіею въ подтвержденіе ея иска. Въ этомъ отношеніи Правительствующій Сенатъ находитъ, что то обстоятельство, что между банкомъ и Березомъ дѣйствительно, какъ утверждаетъ истецъ, существовали по комиссіонной продажѣ хлѣбныхъ товаровъ Береза контокуррентныя отношенія, т. е. такія отношенія, въ которыхъ банкъ оказывался не только дебиторомъ, но и кредиторомъ Береза, подтверждается тѣмъ, что, если банкъ и являлся должникомъ Береза въ вырученныхъ отъ продажи посланныхъ ему на комиссію товаровъ, суммахъ, которыя, между прочимъ, и значатся въ представленныхъ въ основаніе иска счетахъ въ дебетъ банка, то одновременно съ этимъ самъ Березъ по тѣмъ же торговымъ отношеніямъ кредитовался у банка (послѣдній выдавалъ ему авансы, производилъ за него уплаты и пр.), а слѣдовательно въ свою очередь являлся его должникомъ, состояніе же контрагентовъ

во взаимныхъ долговыхъ отношеніяхъ представляется характернымъ признакомъ контокуррентнаго договора. Равнымъ образомъ слѣдуетъ признать существованіе между сторонами контокуррентныхъ отношеній и по позднѣйшей, присоединившейся въ 1892 г. къ первональной операціи комиссіонной продажѣ банкомъ хлѣба Береза, операціи по комиссіонной покупкѣ банкомъ хлѣбныхъ товаровъ для Береза; эта послѣдняя операція, какъ всякая торговая сдѣлка, состоявшаяся между сторонами во время существованія между ними контокуррентныхъ отношеній, должна войти въ контокурренть; что же касается того обстоятельства, что банкъ по операціи покупки хлѣбныхъ товаровъ для Береза велъ отдѣльный отъ первоначальной операціи комиссіонной продажи хлѣба Береза счетъ, то таковое само по себѣ не можетъ имѣть никакого значенія и во всякомъ случаѣ не можетъ служить основаніемъ къ выдѣленію операціи комиссіонной покупки банкомъ хлѣбныхъ товаровъ для Береза изъ контокуррента. Обращаясь затѣмъ къ вопросу о томъ, вправѣ ли Березъ спорить въ настоящее время противъ разсчетовъ по контокуррентнымъ его съ банкомъ отношеніямъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что по установившемуся въ торговомъ быту обычаю, неоднократно признававшемуся Правительствующимъ Сенатомъ въ его рѣшеніяхъ, въ случаяхъ существованія между сторонами контокуррентныхъ отношеній, признаніе итога выписки изъ текущаго счета почитается за признаніе и всѣхъ отдѣльныхъ статей, въ оной помѣщенныхъ, которыя посему впослѣдствіи не могутъ быть оспариваемы получателемъ счета; признаніе же выписей изъ контокуррентнаго счета можетъ послѣдовать не только положительнымъ одобреніемъ оныхъ, но и молчаніемъ, въ особенности же это признаніе должно предполагаться въ томъ случаѣ, когда получатель счета, не протестовавъ противъ него въ промежутокъ времени отъ полученія одного счета до принятія слѣдующаго за нимъ счета, продолжаетъ съ составителемъ онаго прежнія свои отношенія. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что отсутствіе своевременныхъ возраженій противъ счета можетъ быть истолковано въ смыслѣ одобренія такового и лишенія себя права на дальнѣйшее его оспариваніе, лишь въ отношеніи періодическихъ контокуррентныхъ разсчетовъ, послѣ которыхъ стороны продолжаютъ контокуррентныя отношенія, ибо для признанія вообще воли лица высказавшеюся положительно по тому или другому предмету въ виду только безмолвія или бездѣйствія лица необходимо, чтобы имѣлся такой моментъ, когда въ противномъ случаѣ лицо обязано было бы опредѣленно высказать свое возраженіе или несогласіе, и чтобы молчаніе или бездѣйствіе лица захватывало этотъ моментъ, ибо при такихъ условіяхъ молчаніе и бездѣйствіе лица не иначе могутъ объясняться, какъ согласіемъ его. Вообще же *толковать каждое молчаніе или бездѣйствіе въ смыслѣ согласія не представляется никакихъ основаній*, и основаніемъ къ тому не можетъ, очевидно, служить, сама по себѣ, и продолжительность молчанія или бездѣйствія, разъ нѣтъ налицо условія, исключающаго возможность умолчанія о несогласіи.

Въ виду сего при контокуррентныхъ отношеніяхъ при опредѣленіи значенія оставленія контрагентомъ безъ возраженій представленнаго ему другимъ разсчета, слѣдуетъ принимать въ соображеніе, идетъ-ли рѣчь о періодическомъ разсчетѣ или о разсчетѣ, предпринятомъ съ цѣлью прекращенія самыхъ контокуррентныхъ отношеній. Въ первомъ случаѣ, когда, слѣдовательно, послѣ составленія разсчета контокуррентныя отношенія продолжаются, моментомъ, съ наступленіемъ котораго оставленіе контрагентомъ представленнаго ему другимъ счета безъ возраженій должно почитаться за признаніе имъ этого счета, является принятіе контрагентомъ послѣдующаго разсчета, такъ какъ, не возражая при этомъ противъ предыдущаго разсчета, онъ тѣмъ самымъ заставляетъ другого контрагента дѣйствовать на тѣхъ же условіяхъ и на основаніи выводовъ предыдущаго разсчета. Во второмъ случаѣ, когда разсчетъ по контокуррентнымъ отношеніямъ соединяется съ прекращеніемъ самыхъ отношеній, нельзя установить того момента, съ наступленіемъ котораго оставленію контрагентомъ безъ возраженій сообщеннаго ему другимъ разсчета должно быть присвоено значеніе признанія имъ этого разсчета; въ виду сего по такому окончательному контокуррентному разсчету за контрагентомъ, которому таковой былъ представленъ, должно быть признано право спорить по оному во всякое время впредь до реализаціи сторонами взаимныхъ своихъ отношеній. Примѣняя эти соображенія къ настоящему дѣлу и имѣя въ виду: 1) что въ настоящее время Березъ не отрицаетъ полученія имъ своевременно посылавшихся ему періодически счетовъ по комиссіонной продажѣ банкомъ хлѣбныхъ его, Береза, товаровъ отъ 17 февраля и 30 іюня 1892 г.; 2) что итоги этихъ счетовъ, какъ видно изъ дѣла, вошли въ составъ окончательнаго разсчета по контокуррентнымъ отношеніямъ сторонъ отъ 26 ноября 1892 г.; 3) что хотя Березъ и утверждаетъ, что своевременно оспаривалъ счета отъ 17 февраля и 30 іюня 1892 г., но доказательствъ тому не представилъ, ссылка же его на показаніе свидѣтеля Зайцева не можетъ имѣть приписываемаго имъ ей значенія, ибо заявленіе Березомъ Зайцеву о неправильностяхъ въ счетахъ, если бы это и имѣло въ дѣйствительности мѣсто, не равносильно протесту его передъ самимъ банкомъ, объясненіе же Зайцева о томъ, что такое заявленіе дѣлалось Березомъ и банку, въ виду неопредѣленности этого показанія, не можетъ быть принято во вниманіе; 4) что затѣмъ, хотя Березъ, послѣ полученія имъ означенныхъ счетовъ, и не давалъ банку новыхъ комиссіонныхъ порученій, однако не прекратилъ съ нимъ прежнихъ отношеній и предоставилъ ему продать товары на прежнихъ основаніяхъ, и 5) что посему Березъ долженъ быть признанъ молчаливо одобрившимъ счета отъ 17 февраля и 30 іюня 1892 г., тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи имъ были сдѣланы даже частичные взносы въ уплату долга по этимъ счетамъ, — Правительствующій Сенатъ находитъ, что за Березомъ должно быть признано право оспаривать окончательный разсчетъ по комиссіонной продажѣ банкомъ его хлѣбныхъ товаровъ отъ 26 ноября 1892 г. лишь въ той части его, которая ка-

сается разсчетовъ за время послѣдующее за составленіемъ счета отъ 30 іюня 1892 г. Что же касается операціи по комиссіонной покупкѣ банкомъ хлѣбныхъ товаровъ для Береза, то, какъ видно изъ дѣла, періодическихъ счетовъ банкомъ Березу по этой операціи не посылалось, Березъ получилъ по этой операціи всего лишь одинъ окончательный разсчетъ отъ 26 ноября 1892 г., а потому, такъ какъ по дѣлу не представляется возможнымъ установить, чтобы Березъ положительно или молчаливо одобрилъ этотъ окончательный разсчетъ, то за нимъ должно быть признано право на оспариваніе отдѣльныхъ статей разсчета по комиссіонной покупкѣ банкомъ хлѣбныхъ товаровъ для Береза, отъ 26 ноября 1892 г.; не можетъ лишить Береза этого права принятіе имъ позднѣйшаго счета отъ 24 сентября 1893 г., такъ какъ, по признанію обѣихъ тяжущихся сторонъ, послѣ 26 ноября 1892 г. никакихъ вообще новыхъ операцій банкомъ за счетъ Береза не производилось, и счетъ отъ 24 сентября 1893 г. представляется лишь повтореніемъ и объединеніемъ прежнихъ разсчетовъ, изложенныхъ въ счетахъ отъ 26 ноября 1892 г. какъ по комиссіонной продажѣ, такъ и по комиссіонной покупкѣ хлѣбныхъ товаровъ, съ присоединеніемъ лишь двухъ новыхъ статей, выражающихъ собою исправленіе вкравшихся въ предыдущіе счета ошибокъ и описокъ; что же касается ссылки истца въ доказательство одобренія Березомъ разсчета отъ 26 ноября 1892 г. по комиссіонной покупкѣ банкомъ для него хлѣбныхъ товаровъ, на производство имъ 22 февраля и 27 апрѣля 1893 года уплатъ въ суммѣ 600 рублей, то эта ссылка не можетъ имѣть приписываемаго ей апеллятором значенія, такъ какъ по дѣлу ничѣмъ не установлено, чтобы эти уплаты произведены были Березомъ именно въ счетъ долга по операціи комиссіонной покупки хлѣбныхъ товаровъ, а потому означенныя уплаты должны быть признаны, согласно съ объясненіемъ апеллятора, произведенными въ счетъ долга по операціи комиссіонной продажи банкомъ хлѣбныхъ товаровъ Береза. Наконецъ, не можетъ быть отнято у Береза право на оспариваніе и тѣхъ новыхъ статей, введенныхъ въ счетъ отъ 24 сентября 1893 г., которыя являются поправками къ прежнимъ разсчетамъ отъ 26 ноября 1892 г. по обѣимъ операціямъ, такъ какъ эти поправки впервые предъявлены были Березу въ счетѣ отъ 24 сентября 1893 г. и въ дѣлѣ не имѣется доказательствъ тому, чтобы эти поправки были тѣмъ или другимъ способомъ Березомъ одобрены (1898 г., № 210).

315. Если слѣдующая выпись счета получена и до того предыдущая не оспорена, то нельзя домогаться судебной провѣрки всѣхъ счетовъ, хотя бы при выписи не были препровождены оправдательные документы, такъ какъ отъ контрагента зависѣло потребовать документы для провѣрки своевременно (1908 г., № 1700).

316|217. Предметомъ иска, вытекающаго изъ контокуррентныхъ отношеній, можетъ быть лишь взысканіе

сальдо текущаго счета, а не взысканіе по отдѣльнымъ статьямъ онаго. Не оспоривъ своевременно показанныхъ въ сообщенныхъ ему выпискахъ счета расходовъ и продолжая дальнѣйшія отношенія, контрагентъ не имѣетъ уже права впослѣдствіи возражать противъ такихъ неоспоренныхъ имъ своевременно статей. Торговыя книги одной стороны при контокуррентныхъ отношеніяхъ не имѣютъ безусловной доказательной силы.

Разсмотрѣвъ дѣло и обращаясь къ обсужденію первоначальнаго иска Сараджева съ Муратова 3.522 р. 86 к., Прав. Сенатъ находитъ, что искъ этотъ основанъ на счетахъ Муратова объ отдѣльныхъ продажахъ высланныхъ ему товаровъ съ показаніемъ стоимости ихъ, произведенныхъ по каждой продажѣ расходовъ и съ замѣткою, что чистый остатокъ поставленъ въ кредитъ счета Сараджева. Возраженія отвѣтчика Муратова противъ этого иска сводятся къ тому, что между нимъ и Сараджевымъ существовали контокуррентныя отношенія, причемъ суммы, слѣдовавшія Сараджеву, вписывались въ кредитъ его счета, а суммы, причитавшіяся съ послѣдняго Муратову, какъ, напр., за произведенные за него платежи и пр., въ дебетъ его счета, сальдо какового ко времени окончанія между ними отношеній оказалось не только не въ пользу Сараджева, но по оному съ Сараджева причитается Муратову 609 руб. 26 коп., въ каковой суммѣ имъ и предъявленъ къ Сараджеву встрѣчный искъ. То обстоятельство, что между Сараджевымъ и Муратовымъ дѣйствительно существовали по продажѣ товаровъ контокуррентныя отношенія, т. е. такія отношенія, въ которыхъ Сараджевъ оказывался не только кредиторомъ, но и дебиторомъ Муратова, подтверждается цѣлымъ рядомъ представленныхъ къ дѣлу отвѣтчикомъ писемъ самого Сараджева. Содержаніе этихъ писемъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что если въ существовавшихъ между нимъ и Муратовымъ торговыхъ отношеніяхъ послѣдній и являлся должникомъ его въ вырученныхъ отъ продажи высланныхъ ему товаровъ суммахъ, которыя между прочимъ и значатся въ соотвѣтствующихъ представленнымъ въ основаніе иска счетамъ цифрахъ въ кредитѣ Сараджева по книгамъ Муратова, то одновременно съ этимъ самъ Сараджевъ по тѣмъ же ихъ торговымъ отношеніямъ кредитовался у Муратова (послѣдній выдавалъ ему авансы, производилъ за него уплаты и пр.), а слѣдовательно, въ свою очередь, являлся его должникомъ. А такъ какъ при существованіи подобнаго рода отношеній, гдѣ одинъ контрагентъ является одновременно и кредиторомъ и должникомъ другого, опредѣлить сумму долга одного другому возможно лишь по сведеніи итога взаимныхъ разсчетовъ, получающагося отъ даннаго сочетанія кредита и дебета той и другой стороны, причемъ только этотъ итогъ и можетъ составлять предметъ иска,

какъ сумма дѣйствительно истцу причитающаяся, предъявленіе же иска по однѣмъ статьямъ кредита, безъ принятія въ разсчетъ соотвѣтствующихъ статей дебета не можетъ имѣть вовсе мѣста, Прав. Сенатъ находитъ, что и въ настоящемъ случаѣ основанный исключительно на счетахъ Муратова, суммы каковыхъ счетовъ вошли, какъ видно изъ надписей на самихъ счетахъ и выписи изъ книгъ Муратова, въ кредитъ счета Сараджева, искъ послѣдняго, представляющій собою требованіе уплаты по отдѣльнымъ статьямъ одного только кредита его счета, безъ всякаго принятія въ разсчетъ дебета онаго, т. е. суммъ, въ свою очередь должныхъ Сараджевымъ Муратову по этому же взаимному ихъ счету, долженъ быть признанъ лишеннымъ правильнаго основанія, а потому въ искѣ этомъ ему и должно быть отказано. Переходя засимъ къ обсужденію встрѣчнаго иска Муратова къ Сараджеву, Прав. Сенатъ находитъ, что таковой заключается въ требованіи 609 р. 26 к., составляющихъ сальдо въ его пользу по текущему счету его съ Сараджевымъ, начинающемуся съ 1887 г. и законченному въ 1888 г. Повѣренный Сараджева, не признавая этого иска правильнымъ, оспариваетъ слѣдующія статьи означеннаго счета: 1) всѣ статьи, относящіяся до операцій съ выигрышными билетами; 2) статьи, значащіяся подъ 8 іюля 1887 г. „Б. Арзумановъ сыновья“ 2.422 р. 91 к. и подъ 9 іюля 1887 г. наличными 1.000 р. въ текущемъ счетѣ за 1887 г., въ коемъ сальдо въ пользу Муратова къ 31 декабря 1887 г. составляла сумма въ 15.603 р. 84 к.; 3) въ текущемъ счетѣ за 1888 г., начинающемся съ означеннаго выше сальдо и окончательный итогъ котораго въ пользу Муратова равняется 609 р. 26 к., статью подъ 14 апрѣля и 25 іюня 1888 г. „наличныя 100 р. и 50 р.“ Относительно спора Сараджева противъ статей, касающихся операцій съ выигрышными билетами, Прав. Сенатъ находитъ, что таковой долженъ быть оставленъ безъ уваженія, какъ потому, что, какъ видно изъ писемъ Сараджева, операціи эти производились Муратовымъ по его порученію, въ письмѣ отъ 20 сентября 1887 г. Сараджевъ проситъ Муратова дѣйствовать при этомъ постоянно свободно по его усмотрѣнію при продажѣ и покупкѣ „ни то считая какъ мой, а какъ Вашъ“... „я увѣренъ всегда, что вы стараетесь въ мою пользу“, такъ и потому, что и за исключеніемъ этихъ статей изъ текущаго счета (очевидно какъ изъ дебета, такъ и изъ кредита) кредитъ Сараджева отъ этого вовсе не увеличится. Что касается затѣмъ спора Сараджева противъ статей въ 2.422 р. 91 к. и 1.000 р., показанныхъ въ текущемъ счетѣ Муратова за 1887 г., въ коемъ сальдо въ его пользу составляли 15.603 р. 84 к., то въ этомъ отношеніи Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ видно изъ дѣла, въ письмѣ отъ 2 января 1888 г. Муратовъ пишетъ Сараджеву, что онъ препровождаетъ ему при этомъ письмѣ копію его личнаго счета, изъ котораго онъ проситъ замѣтить, что 15.603 р. 84 к. записаны въ дебетъ его новаго счета; затѣмъ въ письмѣ отъ 14 января 1888 г.—что онъ надѣется, что Сараджевъ получилъ его письмо отъ 2 января вмѣстѣ съ личнымъ счетомъ

въ цѣлости. Въ отвѣтъ на эти письма Сараджевъ извѣщаетъ Муратова 19 января 1888 г., что онъ получилъ своевременно письмо отъ 2 января и замѣтилъ его содержаніе. Изложенное въ связи съ тѣмъ: 1) что Сараджевъ въ настоящемъ дѣлѣ вовсе не оспариваетъ того, что при письмѣ отъ 2 января 1888 г. присланъ былъ ему именно контокуррентный счетъ съ сальдо въ 15.603 р. 84 к., въ каковомъ счетѣ значились и оспариваемыя имъ нынѣ статьи въ 2.422 р. 91 к. и 1.000 руб.; 2) что по полученіи означеннаго счета Сараджевъ извѣстилъ Муратова, что замѣтилъ себѣ содержаніе его (письмо 19 января 1888 г.) и не протестовалъ противъ означенныхъ выше суммъ, подобно, напримѣръ, тому, какъ онъ это сдѣлалъ въ томъ же письмѣ относительно разницы въ вѣсѣ 19 мѣстъ товара между счетомъ и коносаментомъ, съ просьбой разъяснить это обстоятельство; 3) что и по полученіи означеннаго счета между Сараджевымъ и Муратовымъ продолжались ихъ прежнія контокуррентныя отношенія—съ достаточною ясностью показываетъ, что самъ Сараджевъ признавалъ правильность занесенія Муратовымъ въ его счетъ за 1887 г. статей 2.422 руб. 91 коп. и 1.000 р. и что посему въ настоящее время онъ не имѣетъ уже права возражать противъ отдѣльныхъ, не оспоренныхъ имъ своевременно статей за 1887 г. Независимо отъ сего дѣйствительное существованіе за Сараджевымъ долга его Муратову подтверждается и содержаніемъ письма его отъ 29 сентября 1888 г., въ коемъ онъ проситъ для пополненія слѣдуемой съ него Муратову суммы продать сабзу по существующей цѣнѣ; въ случаѣ же низкой цѣны считать слѣдуемую ему сумму обезпеченною особливо лично имъ, Сараджевымъ, причемъ извѣщаетъ, что черезъ нѣсколько дней пріѣдетъ и окончитъ счетъ. Наконецъ относительно суммъ текущаго счета 1888 г. въ 100 руб. и 50 руб. Прав. Сенатъ находитъ, что такъ какъ Муратовымъ въ подтвержденіе правильности занесенія таковыхъ въ означенный текущій счетъ никакихъ доказательствъ не представлено, однѣ же книги истца, сами по себѣ, въ этомъ отношеніи безусловной доказательной силы, какъ то вполнѣ правильно установлено Ком. Судомъ, имѣть не могутъ, то суммы эти подлежатъ исключенію изъ дебета счета Сараджева, вслѣдствіе чего сальдо дебета послѣдняго выразится всего въ суммѣ 459 р. 26 к. (609 р. 26 к.—150 р.), каковая сумма и подлежитъ присужденію съ Сараджева въ пользу Муратова въ удовлетвореніе встрѣчнаго его къ Сараджеву иска. По всѣмъ симъ соображеніямъ Прав. Сенатъ въ искѣ Сараджева къ Муратову 3.522 р. 86 к. отказалъ и присудилъ съ Сараджева въ пользу Муратова 459 р. 26 к., а рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда отмѣнилъ (1891 г., № 194).

317. Давность при контокуррентныхъ отношеніяхъ.

При взысканіи по контокуррентному счету предметомъ взысканія является только сальдо послѣдняго, принятаго обязанною стороною, счета, заключающее въ себѣ всѣ долговыя обязательства одной стороны и права требованія другой,

а не отдѣльныя статьи за все время существованія между сторонами контокуррентныхъ отношеній, въ виду чего и вопросъ о земской давности можетъ возникнуть въ подобныхъ искахъ лишь въ случаѣ истеченія 10 лѣтъ со времени подведенія послѣдняго итога (1909 г., № 710).

318. Лицо, получившее контокуррентъ, вправѣ пользоваться статьями кредита счета, какъ признаніемъ своего контрагента и въ то же время отвергать статьи, поставленныя въ дебетъ.

Хотя предметомъ иска, вытекающаго изъ контокуррентныхъ отношеній, можетъ быть лишь сальдо, а не отдѣльныя статьи счета, тѣмъ не менѣе отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы лицо, получившее контокуррентъ, не вправѣ было оспаривать отдѣльныя, входящія въ составъ этого контокуррента, статьи и, оспоривъ ихъ, тѣмъ самымъ увеличить, на оспоренныя статьи, причитающееся въ пользу его сальдо; сдѣланный выводъ не противорѣчитъ и началу такъ называемой недробимости признанія: еще составители судебныхъ уставовъ, не отрицая важнаго значенія правила о нераздробляемости признанія, указывали на невозможность безусловнаго его примѣненія на практикѣ въ случаяхъ, когда отвѣтчикъ въ признаніи по одному предмету приводитъ другія, не имѣющія съ нимъ связи обстоятельства; въ сихъ случаяхъ,по мнѣнію составителей Судебныхъ Уставовъ, нашедшему себѣ выраженіе въ законодательныхъ мотивахъ къ Уставу Гражданскаго Судопроизводства, начало недробимости признанія приводило бы прямо къ невѣрному результату: такъ напримѣръ, если отвѣтчикъ—должникъ сознается въ томъ, что онъ долженъ истцу 100 р., но въ то же время прибавляетъ, что истецъ со своей стороны ему долженъ 200 р., то примѣненіе правила о нераздробляемости признанія обратило бы должника въ кредитора. Приведенные законодательные мотивы опредѣлительно полагаютъ границы недробимости признанія, а потому надлежитъ придти къ выводу: 1) что статьи контокуррента, занесенныя отвѣтчикомъ въ кредитъ истца, избавляютъ сего послѣдняго отъ обязанности доказывать ихъ правильность, пока отвѣтчикъ не докажетъ наличности вкравшихся въ нихъ ошибокъ, и 2) что статьи, поставленныя отвѣтчикомъ истцу въ дебетъ, обязательны для послѣдняго лишь постольку, поскольку имъ не опровергнуты (1909 г., № 876).

319|218. Распредѣленіе тяжести доказательства записей контокуррентнаго счета.

Контокуррентный счетъ даннаго лица у другого представляетъ собою записи съ одной стороны суммъ, выданныхъ послѣднимъ первому и потому должныхъ

первымъ послѣднему (дебетъ счета), а съ другой суммъ, поступившихъ отъ лица, счетъ котораго ведется, къ лицу, которое ведетъ счетъ, и потому должныхъ послѣднимъ первому (кредитъ счета). Такимъ образомъ счетъ даннаго лица въ отношеніи къ тому, которое таковой ведетъ, представляется съ одной стороны утвержденіемъ о платежахъ и выдачахъ первому, а равно и расходахъ за его счетъ, а съ другой—признаніемъ лицомъ, открывшимъ счетъ, поступленій отъ другого, признаніемъ имъ своего долга сему послѣднему. Въ виду такого характера контокуррентнаго счета записи въ контокуррентной книгѣ истца являются съ одной стороны заявленіемъ о требованіяхъ, причитающихся съ отвѣтчика въ его, истца, пользу (дебетъ счета), а съ другой—признаніемъ долга его, истца, отвѣтчику (кредитъ счета). По отношенію къ дебету не можетъ подлежать сомнѣнію, что всѣ содержащіяся въ немъ данныя, поскольку онѣ оспорены отвѣтчикомъ, должны быть доказаны истцомъ. Наоборотъ, данныя кредита, содержа признаніе истцомъ своего отвѣтчику долга, имѣютъ безусловно обязательное значеніе для истца и въ виду этого своего значенія ни доказыванію, ни оспариванію со стороны истца не подлежатъ; если же отвѣтчикъ утверждаетъ, что его кредитъ установленъ по счету, представленному истцомъ, въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ слѣдовало, то онъ же, отвѣтчикъ, и обязанъ доказать это свое утвержденіе, а не можетъ въ этомъ случаѣ ограничиваться однимъ огульнымъ непризнаніемъ кредита контокуррентнаго его счета, требованіе же въ такихъ случаяхъ доказательствъ отъ истца было бы равносильно требованію доказательствъ отрицательнаго свойства (1897 г., № 435).

320|219. Если контокурренть, основанный на торговыхъ книгахъ истца, опровергается записями въ книгахъ отвѣтчика и если не представляется основанія книгамъ истца придавать большую доказательную силу, чѣмъ книгамъ отвѣтчика, то въ искѣ, какъ недоказанномъ, должно быть отказано (1886 г. Николаева съ Гарфельдъ—сб. Вильсона I, № 187).

321|220. Истецъ, предъявляя искъ по контокуррентному счету, обязанъ доказать, что стороны за время, обнимаемое счетомъ, дѣйствительно состояли въ контокуррентныхъ отношеніяхъ. Въ контокуррентный счетъ не могутъ быть вносимы статьи дебета или кредита по сдѣлкамъ, совершеннымъ до возникновенія контокуррентныхъ отношеній между сторонами. При отсутствіи контокуррентныхъ отношеній за истцомъ не можетъ быть признано право, по его усмотрѣнію, соединять въ одинъ общій разсчетъ разныя операціи и сдѣлки и домогаться въ одномъ искѣ присужденія съ отвѣтчика той суммы, которая является результатомъ сочетанія общей суммы статей, размѣщенныхъ истцомъ въ кредитъ и дебетъ счета (1886 г. Николаева—сб. Вильсона I, № 184).

322|221. При веденіи контокуррента съ надлежащею исправностью полученные по выданнымъ другою стороною или трассированнымъ на нее векселямъ платежи должны быть занесены на кредитъ ея счета. Незанесеніе въ контокурренть полученныхъ отъ другой стороны платежей является признакомъ неправильнаго веденія торговыхъ книгъ и лишаетъ извлеченный изъ нихъ контокурренть доказательной силы. Засвидѣтельствованіе надлежащихъ должностныхъ лицъ о томъ, что книги ведены правильно и согласно обычаямъ и законамъ страны, удостовѣряетъ лишь внѣшнюю правильность веденія торговыхъ книгъ и не можетъ стѣснять судъ въ признаніи книгъ неправильно веденными по внутреннему ихъ достоинству (1886 г. Шульца и К°—сб. Вильсона I, № 180).

323|222. Порядокъ начисленія процентовъ при контокуррентныхъ отношеніяхъ; опредѣленіе размѣра таковыхъ.

Какъ это вытекаетъ изъ самаго существа контокуррентныхъ отношеній и вполнѣ установлено торговымъ обычаемъ, а равно признано и судебною практикою, въ текущихъ счетахъ на всѣ статьи какъ дебета, такъ и кредита начисляются проценты со дня выдачи или поступленія суммъ, составляющихъ тѣ статьи, до конца разсчетнаго періода, причемъ какъ разница въ капиталѣ, такъ и разница въ процентахъ въ пользу той или другой стороны входятъ въ составъ сальдо, переносимаго на новый счетъ, и образуютъ такимъ образомъ капиталъ, на который въ свою очередь начисляются °/о°/о въ новомъ разсчетномъ періодѣ; хотя при такомъ способѣ исчисленія °/о°/о по текущему счету въ извѣстной степени имѣетъ мѣсто начисленіе процентовъ не только на первоначальный капиталъ, но и на наросшіе на оный °/о°/о, однако это вызывается особымъ свойствомъ и значеніемъ операціи текущаго счета вообще и не можетъ почитаться нарушеніемъ начала, выраженнаго въ ст. 2022 т. X ч. 1 Зак. Гражд., что ростъ исчисляется только на самый капиталъ. Затѣмъ, что касается продолжительности того разсчетнаго періода, по истеченіи коего наросшіе по текущему счету проценты обращаются въ капиталъ, то по сему предмету въ законѣ не содержится обязательныхъ постановленій, а засимъ въ этомъ отношеніи долженъ быть предоставленъ полный просторъ свободному соглашенію сторонъ; буде же какихъ-либо особыхъ соглашеній сторонъ о срокѣ періодическаго сведенія текущаго счета не установлено, то должно имѣть примѣненіе общее начало годичнаго сведенія счетовъ, какъ таковое и принято въ торговомъ быту, и засимъ моментомъ исчисленія процентовъ и обращенія ихъ въ видѣ сальдо, переходящаго на новый счетъ въ капиталъ, должно почитаться 31 декабря каждаго даннаго года; сведеніе же счетовъ и обращеніе наросшихъ процентовъ въ капиталъ въ произвольные сроки не можетъ почитаться правильнымъ. Что же касается

размѣра процентовъ, то хотя вообще размѣръ таковыхъ по текущему счету можетъ быть установленъ взаимнымъ соглашеніемъ сторонъ по ихъ желанію, но въ случаѣ отсутствія такого соглашенія, проценты могутъ быть приняты въ разсчетъ лишь въ размѣрѣ установленнаго въ ст. 2022 т. X ч. 1 общаго законнаго роста, т. е. въ размѣрѣ шести годовыхъ (1890 г., № 741; 1909 г., № 710).

Начисленіе по текущему счету $^0/_0{}^0/_0$ сложныхъ обусловливается торговымъ обычаемъ (1887 г., по д. Маршицъ—сб. Вильсона I, № 183).

324|223. Если контокуррентныя отношенія (по которымъ возможно начисленіе процентовъ по соглашенію и свыше законной нормы) должны считаться по обстоятельствамъ дѣла законченными, то съ этого времени подлежатъ начисленію лишь $6^0/_0$ (2-го Общ. Собр. 5 марта 1904 г. Гальперна).

325|224. Проценты на окончательное сальдо по контокуррентному счету подлежатъ присужденію не со дня заключенія счета, а со дня предъявленія иска.

По общему правилу, выраженному въ ст. 365 т. XVI ч. 2 Зак. Суд. Гражд., теченіе процентовъ по предъявленнымъ ко взысканію срочнымъ обязательствамъ начинается со дня просрочки по нимъ платежа, изъ чего само собою слѣдуетъ, что такъ какъ вообще законъ за начало теченія процентовъ принимаетъ моментъ отказа должника отъ добровольнаго исполненія обязательства, то по обязательствамъ безсрочнымъ такимъ моментомъ является предъявленіе кредиторомъ должнику требованія о платежѣ, исключеніе изъ чего составляетъ лишь случай недобросовѣстнаго владѣнія чужимъ капиталомъ, въ каковомъ случаѣ недобросовѣстный владѣлецъ въ силу самаго закона (ст. 641 т. X ч. I) обязанъ, кромѣ возвращенія капитала, внести за все время незаконнаго его удержанія и узаконенные проценты. Примѣняя эти законоположенія къ настоящему дѣлу и имѣя въ виду: 1) что изъ точнаго и буквальнаго содержанія ст. 641 т. X ч. I, а равно изъ содержанія всего отдѣла, въ которомъ она помѣщена, явствуетъ, что подъ недобросовѣстнымъ владѣльцемъ законъ подразумѣваетъ исключительно лицо, незаконнымъ путемъ завладѣвшее чужимъ имуществомъ, но никакъ не лицо, не исполнившее какого-либо принятаго на себя обязательства, а потому означенная статья и не можетъ быть примѣнена къ наст. случаю; 2) что въ документѣ, служащемъ основаніемъ иска Рейса (контокуррентѣ) срока платежа Товариществомъ Гука значащейся по оному суммы не обозначено, вслѣдствіе чего и началомъ теченія процентовъ на эти суммы можетъ считаться лишь день предъявленія Рейсомъ требованія о платежѣ этихъ суммъ, и 3) что такъ какъ истцомъ Рейсомъ ничѣмъ не доказано, чтобы онъ обращался къ Товариществу съ требованіемъ платежа раньше предъявленія имъ наст. иска, отсылка же То-

вариществу контокуррента и писемъ, а равно оставленіе ихъ послѣднимъ безъ возраженія не служатъ еще, сами по себѣ, доказательствомъ требованія по нимъ платежа—Прав. Сенатъ находитъ, что и началомъ теченія на требуемую сумму процентовъ можетъ быть признанъ лишь день предъявленія иска. Что же касается указанія апеллятора на то, что такое заключеніе противорѣчитъ взгляду, высказанному Прав. Сенатомъ въ рѣшеніи за 1880 г., № 1261 (сб. Носенко т. V, № 73), то таковое не заслуживаетъ уваженія, ибо въ рѣшеніи этомъ говорится о допустимости начисленія сложныхъ процентовъ лишь при *длящихся* контокуррентныхъ отношеніяхъ на суммы, переносимыя въ видѣ сальдо въ концѣ каждаго года изъ одного контокуррента въ другой, чего въ наст. случаѣ не имѣется (1894 г., № 255).

326|225. По германскимъ законамъ проценты на окончательное сальдо по контокурренту должны начисляться со дня заключенія счета.

Въ виду того, что сдѣлка, по поводу которой открытъ былъ въ Германіи торг. домомъ контокурентъ, предложена и принята была въ Германіи, Прав. Сенатъ призналъ, что и возникшія изъ сего отношенія тяжущихся должны обсуждаться на основаніи германскихъ законовъ. А такъ какъ по этимъ послѣднимъ (ст. 289 и 287 общегерм. торг. ул.) въ сдѣлкахъ, являющихся для обѣихъ сторонъ торговыми, купцамъ принадлежитъ право начислять по своимъ требованіямъ проценты по 6 на сто въ годъ и безъ предварительнаго о томъ соглашенія или напоминанія и такъ какъ съ момента окончательнаго заключенія контокуррентнаго счета для стороны, въ пользу которой опредѣлился остатокъ, возникаетъ право требованія отъ противной стороны уплаты этого остатка, Прав. Сенатъ призналъ за торг. домомъ право на взысканіе процентовъ на сальдо контокуррента съ момента окончательнаго заключенія онаго по день уплаты (1897 г., № 45).

327. *Гражданскій Кассаціонный Департаментъ*, въ рѣшеніи 1907 г., № 18, *выясняя юридическую природу договора контокуррента* и ссылаясь на предшествующія разъясненія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента (1870 г., № 1012 и 1876 г., № 1215) подтвердилъ правильность того опредѣленія, которое этому договору даетъ наука права и согласно которому договоръ текущаго счета (conto corrente) является соглашеніемъ двухъ лицъ о взаимномъ открытіи кредита по сдѣлкамъ, заключеннымъ другъ съ другомъ въ теченіи извѣстнаго времени; контокуррентныя отношенія имѣютъ въ основаніи своемъ договорное соглашеніе, цѣль его заключенія въ открытіи взаимнаго кредита, въ немъ долженъ быть установленъ срокъ для производства разсчета. Для совершенія договора о контокуррентѣ не предписано никакой опредѣленной формы,

чаще всего онъ составляется посредствомъ торговой корреспонденціи, но можетъ быть составленъ и на словахъ и даже безмолвно. Заключеніе договора обнаруживаетъ себя въ исполненіи и замѣчается на взаимномъ поведеніи обоихъ контокуррентистовъ. Въ основаніи договора текущаго счета лежитъ начало нераздѣльности, въ силу этого начала каждая отдѣльная сдѣлка является лишь основаніемъ отдѣльныхъ статей текущаго счета, выраженныхъ въ денежныхъ суммахъ; нераздѣльность счета порождаетъ новацію, обновленіе каждаго обязательства, благодаря чему каждая сдѣлка теряетъ свою индивидуальность, свою юридическую самостоятельность, обезличивается, превращаясь въ статью счета, выраженную въ денежной суммѣ, а изъ нераздѣльности текущаго счета и новаціи входящихъ въ него обязательствъ вытекаетъ невозможность иска, основаннаго на той или другой сдѣлкѣ, а можетъ имѣть мѣсто только искъ о разсчетѣ въ установленный срокъ по контокурренту. При разсчетѣ производится сравненіе не только денежныхъ суммъ, но и процентовъ на послѣднія, потому что кредитъ въ торговомъ быту никогда не предполагается безмезднымъ. Разсчетъ совершается составленіемъ счета однимъ изъ контрагентовъ и отправленіемъ его къ другому къ принятію. Другая сторона вправѣ признать счетъ или оспаривать его правильность. Признаніе его можетъ быть письменное или безмолвное, выражающееся въ отсутствіи возраженій и продолженіи контокуррентныхъ отношеній. Съ момента принятія счета всѣ прежнія сдѣлки, вошедшія въ составъ счета поглащаются итогомъ сальдо, представляющимъ долговое обязательство одного лица и право требованія другого.

Въ томъ же рѣшеніи содержатся общія разъясненія о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ формулою „S. E. et O“ („не ставя въ вину ошибки“).

СПЕЦІАЛЬНЫЙ ТЕКУЩІЙ СЧЕТЪ „ON CALL“ *).

328|226. Отличіе сдѣлки спеціальнаго текущаго счета „on call“ отъ займа подъ залогъ % бумагъ заключается въ томъ (Высоч. утв. 21 дек. 1887 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта и удостовѣренія торговыхъ обычаевъ Спб. и Московскимъ биржевыми комитетами), что существенною принадлежностью договора займа подъ залогъ движимости является полная опредѣленность суммы долга, срока платежа и самаго заложеннаго предмета, тогда какъ въ сдѣлкѣ по счету „on call“ сумма долга впередъ не опредѣляется, заложенный предметъ можетъ постоянно измѣняться и въ качествѣ, и въ количествѣ, а срокъ для разсчета вовсе не устанавливается и можетъ наступить во всякое время по требованію любого контрагента относительно ликвидаціи и закрытія счета.

Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что хотя въ нашемъ законодательствѣ не содержится опредѣленія существа, условій и порядка совершенія сдѣлки, извѣстной въ торговомъ мірѣ подъ названіемъ спеціальнаго текущаго счета „on call“ (до востребованія), однако операція эта, уже давно привившаяся и получившая широкое развитіе въ нашемъ торговомъ быту, вполнѣ извѣстна и судебной практикѣ, а равно признается вполнѣ законною и общедоступною законодательствомъ, какъ это видно изъ Высочайше утвержденнаго 21 декабря 1887 г. мнѣнія Госуд. Сов. (Собр. Узак. 1887 г., № 118 ст. 1029), коимъ спеціальные текущіе счеты, открываемые не только государственными, общественными и частными кредитными установленіями (имѣющими особые уставы, кои опредѣляютъ кругъ и существо ихъ операцій), но также и банкирскими конторами, дѣйствующими на общемъ законномъ основаніи наравнѣ съ частными лицами, обложены особымъ сборомъ въ пользу казны. Существо и условія сдѣлки спеціальнаго текущаго счета (on call) и различіе этой сдѣлки отъ займа подъ залогъ движимыхъ имуществъ вообще и % бумагъ въ особенности, какъ таковой предусмотрѣнъ въ ст. 1663 и сл. и ст. 2168 т. X. ч. 1, уже были разъясняемы Прав. Сенатомъ и въ настоящемъ дѣлѣ находятъ себѣ дальнѣйшее раз-

*) См. Высочайше утв. мнѣніе Государств. Совѣта 4 декабря 1897 г.—ст. 11 разд. X Уст. Кред., изд. 1903 г. и Собр. Узак. 1898 г., № 35.

ясненіе въ представленныхъ къ дѣлу удостовѣреніяхъ С.-Петербургскаго и Московскаго биржевыхъ комитетовъ объ обычаяхъ, существующихъ на сихъ биржахъ по предмету операціи спеціальнаго текущаго счета. Такъ, существенною принадлежностью всякаго договора о займѣ подъ закладъ движимости является полная опредѣленность суммы долга, срока платежа и самаго заложеннаго предмета (ст. ст. 1663, 1669, 1673 и 2168 т. X. ч. I); напротивъ того, въ сдѣлкѣ спеціальнаго текущаго счета или счета „on call“ сумма долга напередъ не опредѣляется, заложенный предметъ можетъ измѣняться ежедневно и въ качествѣ, и въ количествѣ, а срокъ вовсе не установляется и можетъ наступить каждую минуту по требованію одного изъ контрагентовъ о ликвидаціи или закрытіи счета. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что самая сущность подобной сдѣлки исключаетъ самую возможность соблюденія при совершеніи ея какихъ-либо изъ обрядностей, коими обставленъ закономъ закладъ движимаго имущества въ обыкновенномъ его видѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ ни общимъ закономъ, ни обычаемъ не установлено какой-либо особой обязательной формы заключенія сдѣлки спеціальнаго текущаго счета, а потому примѣненіе къ взаимнымъ отношеніямъ контрагентовъ тѣхъ выработанныхъ обычаемъ нормъ, коими регулируется сдѣлка спеціальнаго текущаго счета, должно имѣть мѣсто во всякомъ данномъ случаѣ, коль скоро изъ обстоятельствъ дѣла обнаруживается, что, вступая въ договорныя отношенія, контрагенты имѣли въ виду именно извѣстную въ торговомъ мірѣ сдѣлку спеціальнаго текущаго счета, или счета „on call“ (1890 г., № 1509).

По опредѣленію Гражд. Касс. Деп. Прав. Сената (1899 г., № 37 и 1903 г., № 4) спеціальный текущій счетъ представляетъ комбинацію обыкновеннаго текущаго счета съ залогомъ цѣнностей съ цѣлью обезпеченія будущаго долга, могущаго оказаться при сведеніи счетовъ на основаніи сальдо.

Государственный Банкъ и его отдѣленія не обязаны слѣдить за тиражемъ погашенія % бумагъ, служащихъ обезпеченіемъ кредита по текущему на основаніи 164 ст. уст. банка 6 іюня 1894 г. и утв. Мин. Фин. 30 марта 1895 г. правилъ, Госуд. Банкъ обязанъ слѣдить за тиражами лишь по вкладамъ, принятымъ на управленіе (1903 г., № 4).

329|227. По существующему торговому обычаю, лицо, у котораго находятся бумаги, данныя въ обезпеченіе спеціальнаго текущаго счета (on call), если находитъ, что бумаги эти недостаточно обезпечиваютъ выданную ссуду, можетъ требовать отъ лица, получившаго ссуду, взноса дополнительнаго обезпеченія или уплаты долга въ назначенный срокъ, если же долгъ не будетъ уплаченъ или дополнительное обезпеченіе не будетъ внесено, то вправѣ продать бумаги по курсовой цѣнѣ въ ближайшій биржевой день послѣ назначеннаго для взноса или

оставить ихъ за собою; если же лицо, выдавшее ссуду, не продастъ бумагъ въ первый биржевой день послѣ срока, то можетъ продать ихъ впослѣдствіи не иначе, какъ по курсу высшему, противъ существующаго въ ближайшій биржевой день.—Засимъ, хотя стороны, разумѣется для отдѣльныхъ случаевъ и вправѣ по своему произволу постановлять особыя правила въ отступленіе отъ установившихся общимъ обычаемъ, а потому включить въ договоръ и условіе о предоставленіи банкиру права продавать бумаги во всякое время по своему усмотрѣнію, но подобное условіе еще не можетъ быть истолковано во вредъ лица, внесшаго обезпеченіе, въ томъ смыслѣ, чтобы банкиръ былъ вправѣ распоряжаться его собственностью совершенно безотчетно, въ явное нарушеніе интересовъ своего кліента. Напротивъ того, банкиръ, принимая на себя при указанныхъ условіяхъ распоряженіе чужимъ имуществомъ, тѣмъ самымъ принимаетъ на себя и обязанность заботиться объ интересахъ лица, ввѣрившаго ему таковое, и потому долженъ прилагать всякія старанія для возможно выгодной продажи представленныхъ ему цѣнныхъ бумагъ. Конечно и самый добросовѣстный банкиръ можетъ ошибиться въ своихъ разсчетахъ и понести убытки, какъ свои собственные, такъ и на ввѣренные ему другими цѣнныя бумаги; но при подобной неудачной продажѣ внесенныхъ ему въ обезпеченіе цѣнностей, на банкирскую контору по крайней мѣрѣ должна быть возложена обязанность представить собственнику оныхъ объясненія о причинахъ, заставившихъ ее дѣйствовать именно такимъ, а не инымъ образомъ, обсужденіе же степени уважительности этихъ причинъ, въ случаѣ спора, должно быть предоставлено суду. Необходимость огражденія такимъ способомъ интересовъ лицъ, внесшихъ бумаги въ обезпеченіе текущаго счета, явствуетъ изъ того, что банкирская контора сама можетъ явиться покупщицею продаваемыхъ ею чужихъ бумагъ и въ такомъ случаѣ собственные ея интересы сталкиваются съ интересами тѣхъ лицъ, выгоды которыхъ она должна соблюдать (1887 г., № 417).

330|228. Обсужденію Правительствующаго Сената въ настоящемъ дѣлѣ подлежитъ рѣшеніе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда отъ 2 мая 1902 г., коимъ постановлено взыскать съ банкирскаго дома „А. Альвангъ“ въ пользу Рижскаго цехового В. Венгеля 435 руб. съ % съ 15 февраля 1900 г. по встрѣчному иску, и отказало банкирскому дому „А. Альвангъ“ въ предъявленномъ имъ первоначальномъ искѣ къ Венгелю. Какъ искъ банкирскаго дома А. Альвангъ, такъ и встрѣчный искъ Венгеля основываются на существовавшихъ между сторонами отношеніяхъ по открытому банкирскимъ домомъ Венгелю спеціальному текущему счету „on call“ на условіяхъ, выраженныхъ въ заявленіи Венгеля на имя банкирскаго дома, и оба иска сводятся къ требованію остатка

по ликвидаціи сего счета, выводимаго каждою изъ сторонъ въ свою пользу, причемъ споръ тяжущихся касается двухъ предметовъ: съ одной стороны продажи составлявшихъ обезпеченіе счета „on call“ 50 акцій Общества Александровскаго сталелитейнаго завода, а съ другой стороны результатовъ операціи по взятію банкирскимъ домомъ за счетъ Венгеля 20 акцій вышеозначеннаго Общества новаго выпуска и продажѣ затѣмъ этихъ 20 акцій. Останавливаясь на первомъ изъ означенныхъ споровъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что по существующему торговому обычаю, удостовѣренному и Коммерческимъ Судомъ по настоящему дѣлу, банкиръ, у котораго находятся бумаги, данныя въ обезпеченіе спеціальнаго текущаго счета („on call“), если находитъ, что бумаги эти недостаточно обезпечиваютъ выданную ссуду, можетъ требовать отъ кліента, получившаго ссуду, взноса дополнительнаго обезпеченія или уплаты долга въ назначенный срокъ; если же долгъ не будетъ уплаченъ, или дополнительное обезпеченіе не будетъ внесено, то банкиръ вправѣ продать бумаги по курсовой цѣнѣ въ ближайшій биржевой день послѣ назначеннаго для взноса или оставить ихъ за собой; если же банкиръ не продастъ бумагъ въ ближайшій биржевой день послѣ срока, то можетъ продать ихъ впослѣдствіи не иначе какъ по курсу не ниже противъ существовавшаго въ ближайшій биржевой день. Но и при существованіи такого обычая контрагенты, вступающіе между собою въ отношенія по спеціальному текущему счету „on call“ несомнѣнно вправѣ по взаимному соглашенію установить особыя правила въ отступленіе отъ установившихся обычаемъ, а засимъ могутъ включить въ договоръ и условіе о предоставленіи банкиру права продать бумаги послѣ неисполненія требованія о дополнительномъ взносѣ во всякое время по своему усмотрѣнію; включеніе подобнаго условія въ соглашеніе сторонъ по открытію счета „on call“ (какъ это имѣло мѣсто въ настоящемъ случаѣ въ § 5 договора тяжущихся) имѣетъ лишь то значеніе, что банкиръ, не получивъ въ срокъ дополнительнаго обезпеченія на свое требованіе такового, и не успѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно реализировать служащія обезпеченіемъ цѣнности, освобождается отъ обязанности новаго письменнаго извѣщенія кліента до продажи ихъ, но изъ этого еще нельзя вывести, чтобы интересы кліента отдавались въ безотчетное распоряженіе банкира, ибо послѣдній, по требованію кліента, безъ сомнѣнія, обязанъ дать ему надлежащія объясненія о причинахъ замедленія реализаціи цѣнностей, а въ случаѣ наличности при этомъ недобросовѣстности, направленной во вредъ кліенту, остается отвѣтственнымъ предъ нимъ на общемъ законномъ основаніи. Примѣняя изложенныя соображенія къ настоящему дѣлу, Правительствующій Сенатъ находитъ, что банкирскимъ домомъ „А. Альвангъ“ былъ открытъ В. Венгелю спеціальный текущій счетъ до востребованія („on call“), обезпеченіемъ котораго ко времени, обнимаемому настоящимъ дѣломъ, служили главнымъ образомъ, 50 акцій Общества Александровскаго сталелитейнаго завода.—15 февраля 1899 г. банкирскимъ

домомъ „А. Альвангъ“ было отправлено Венгелю письмо съ требованіемъ взноса дополнительнаго обезпеченія до 16 февраля и съ предвареніемъ, что въ противномъ случаѣ бумаги, служащія обезпеченіемъ счета Венгеля, будутъ проданы того же 16 февраля. Между тѣмъ, хотя дополнительнаго взноса со стороны Венгеля не послѣдовало, его бумаги банкирскимъ домомъ тогда проданы не были, во вниманіе къ просьбѣ самого кліента Венгеля, переданной чрезъ брата его, Александра Венгеля. Тотъ же Александръ Венгель заявилъ, какъ то видно изъ показанія свидѣтеля Грундтмана, что братъ его, отвѣтчикъ въ настоящемъ дѣлѣ, самъ придти въ контору Альванга, по болѣзни, не можетъ, но обѣщаетъ, по выздоровленіи, придти и урегулировать всѣ свои денежныя съ банкирскимъ домомъ „А. Альвангъ“ дѣла лично. Одинъ изъ прокуристовъ банкирскаго дома „А. Альвангъ“, Киндъ, показалъ, что онъ явился 30 марта по порученію Альванга на квартиру къ Венгелю и просилъ его, въ виду непокрытія его счета и предстоящаго взноса по новымъ акціямъ, выдать Альвангу хотя бы вексель до урегулированія счета. На эту просьбу Венгель сказалъ, что векселя онъ подписать не можетъ, такъ какъ у него рука парализована, но при этомъ обѣщалъ, что какъ только поправится, онъ первымъ долгомъ явится въ контору и урегулируетъ счетъ съ Альвангомъ. Тутъ же Венгель просилъ Кинда взять для него 20 новыхъ акцій Александровскаго завода, а старыя держать. Эти обстоятельства находятъ себѣ подтвержденіе и въ имѣющихся въ дѣлѣ письмахъ банкирскаго дома и приказчика его Кинда на имя В. Венгеля отъ 17-го, 28-го, 30-го и 31-го марта 1899 г., изъ коихъ усматривается, что отъ Венгеля 17 и 23 марта вновь требовалось дополнительное обезпеченіе, что не смотря на просьбу Венгеля не продавать его акціи Александровскаго сталелитейнаго завода и взять причитающіяся на нихъ акціи новаго выпуска, Альвангъ 30 марта не призналъ возможнымъ долѣе держать акціи Венгеля и далъ ему знать чрезъ Кинда, что продастъ таковыя 31 марта и что, наконецъ, 31 марта Альвангъ далъ Венгелю окончательный срокъ на взносъ 2.000 руб. дополнительнаго обезпеченія до 11 час. утра 1 апрѣля, предваряя, что въ противномъ случаѣ продастъ его акціи того же 1 апрѣля по биржевой цѣнѣ. При такомъ положеніи дѣла и такъ какъ письмо отъ 31 марта должно считаться полученнымъ Венгелемъ, ибо въ разсыльной книгѣ, при которой послано, имѣется росписка о полученіи письма отъ 30 марта 1899 г., а Венгель не отрицаетъ и не утверждаетъ, чтобы онъ заявилъ на эти письма немедленно протестъ въ томъ отношеніи, что его акціи не были реализованы уже 16 февраля, согласно письму отъ 15 февраля, нельзя не придти къ заключенію, что отложеніе продажи акцій Венгеля 16 февраля и продажа сихъ акцій лишь 1 апрѣля 1899 г. не только въ достаточной мѣрѣ выяснены банкиромъ Альвангомъ предъ его кліентомъ Венгелемъ, но все это было совершено согласно желанію сего послѣдняго, а засимъ требованіе нынѣ Венгелемъ производства разсчета на основаніи цѣны

акцій на 16 февраля, на которомъ отчасти основанъ его споръ противъ иска банкирскаго дома и встрѣчный его искъ, является лишеннымъ правильнаго основанія. Переходя засимъ къ обсужденію второго предмета спора сторонъ въ семъ дѣлѣ, т. е. къ правильности отнесенія на счетъ Венгеля результатовъ операціи по взятію 31 марта 1899 г. 20 акцій Александровскаго сталелитейнаго завода новаго выпуска и по продажѣ сихъ 20 акцій 11 ноября 1899 г., Правительствующій Сенатъ находитъ, что фактъ заявленія Венгелемъ банкирскому дому до 30 марта 1899 г. просьбы о взятіи за его счетъ 20 новыхъ акцій и о держаніи вмѣстѣ съ тѣмъ 50 старыхъ акцій долженъ почитаться по дѣлу установленнымъ не только присяжными показаніями по сему предмету свидѣтелей, но и тѣмъ, что письмо Кинда отъ 30 марта 1899 г., извѣщающее Венгеля, что означенная его просьба не можетъ быть удовлетворена, полученіе какового письма Венгель, какъ указано выше, не отрицаетъ, осталось безъ протеста и возраженія со стороны Венгеля до самаго предъявленія настоящаго иска; при этомъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія то обстоятельство, какъ была заявлена эта просьба Венгелемъ, лично ли приказчику Альванга Кинду, или чрезъ посредство Александра Венгеля самому Альвангу, а важно лишь то, что эта просьба несомнѣнно была заявлена Альвангу или его представителю Кинду. Однако, изъ этого несомнѣннаго обстоятельства нельзя еще сдѣлать вывода, что результаты взятія 20 акцій должны быть отнесены на счетъ Венгеля, по слѣдующимъ соображеніямъ: въ просьбѣ Венгеля Альвангомъ было отказано, о чемъ Венгель и извѣщенъ письменно Киндомъ 30 марта 1899 г. по порученію Альванга. Если послѣ этого письменнаго отказа Альвангъ пришелъ къ другому заключенію и призналъ возможнымъ отчасти удовлетворить просьбу Венгеля и взять для него новыя акціи, не откладывая, впрочемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ продажи старыхъ, какъ желалъ Венгель, то по сему предмету уже должно было имѣть мѣсто новое соглашеніе между ними, причемъ, въ виду окончанія прежнихъ переговоровъ письменнымъ отказомъ, это новое и видоизмѣненное соглашеніе слѣдовало изложить также письменно. Между тѣмъ изъ дѣла не усматривается ни новой просьбы Венгеля, послѣ отказа Альванга 30 марта о взятіи за его счетъ 20 новыхъ акцій и помимо держанія 50 старыхъ акцій, ни какого-либо письменнаго соглашенія сторонъ по этому предмету. Въ дѣлѣ имѣется лишь въ копіи второе письмо Альванга къ Венгелю отъ 30 марта 1899 г., извѣщающее послѣдняго о взятіи за его счетъ 20 новыхъ акцій Александровскаго сталелитейнаго завода по 340 р. 50 к. за каждую; однако, написаніе такого письма само по себѣ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія въ настоящемъ дѣлѣ, ибо письмо это было послано не при разсыльной книгѣ, какъ другое письмо Альванга Венгелю отъ того же числа, съ росписью получателя, а по почтѣ и полученіе его Венгелемъ по дѣлу ничѣмъ не удостовѣрено почему изъ отсутствія протеста Венгеля на оное нельзя дѣлать вывода о его

согласіи съ содержаніемъ онаго; полученіе же Венгелемъ сего письма и обязательность для него его содержанія не можетъ быть выводима ни изъ показанія свидѣтеля Грундтмана, что онъ не помнитъ случая возвращенія почтою корреспонденціи въ контору банкирскаго дома, ни изъ постановленія § 9 условій счета „on call“, подписанныхъ Венгелемъ, что всѣ сообщенія банкирскаго дома, посланныя по указанному адресу Венгеля (Ліонскій Кредитъ), должны считаться доставленными ему, ибо прежде всего изъ дѣла не видно, что письмо было адресовано именно въ Ліонскій Кредитъ и кромѣ того операція о взятіи 20 новыхъ акцій не имѣетъ непосредственной связи со счетомъ „on call“, а является совершенно самостоятельною банкирскою операціею и по существу своему и по намѣренію сторонъ, какъ это можно заключить изъ того уже, что самъ Альвангъ извѣщеніе о ней не включилъ въ первое свое письмо къ Венгелю отъ того же 31 марта 1899 г., извѣщающее послѣдняго о продажѣ главнаго обезпеченія его счета on call“, а выдѣлилъ увѣдомленіе о взятіи 20 новыхъ акцій въ особое письмо, отдѣльно отправленное по почтѣ. На основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній, Правительствующій Сенатъ приходитъ къ заключенію, что результаты операціи по взятію 20 новыхъ акцій Александровскаго сталелитейнаго завода, при недоказанности со стороны Альванга отрицаемаго Венгелемъ обстоятельства, что операція эта совершена по приказу Венгеля, не должны быть отнесены на счетъ Венгеля и что засимъ по второму предмету спора тяжущихся доводы апеллятора не заслуживаютъ уваженія. При такомъ положеніи дѣла изъ дебета счета Венгеля должны быть исключены 6.810 руб., израсходованные на пріобрѣтеніе 31 марта 1899 г. 20 новыхъ акцій Александровскаго сталелитейнаго завода и % на эту сумму съ 31 марта по 11 ноября 1899 г., день продажи этихъ акцій банкирскимъ домомъ, т. е. за семь мѣсяцевъ и 11 дней изъ разсчета 9% годовыхъ, принятаго въ этомъ счетѣ, т. е. 376 р. 25 к., а всего 7.186 р. 25 к., а соотвѣтственно сему изъ кредита подлежитъ исключенію сумма, вырученная отъ продажи этихъ акцій 11 ноября, какъ значится въ счетѣ, по цѣнѣ 226 р., т. е. 4.520 р. и такимъ образомъ сальдо по этому счету въ пользу банкирскаго дома „А. Альвангъ“, показанное въ суммѣ 4.341 р. 40 к. уменьшится на 266 р. 25 к. (7.186 р. 25 к.—4.520 р.) и выразится въ суммѣ 1.675 р. 15 к., которые и подлежатъ присужденію банкирскому дому съ Венгеля. Что же касается остальныхъ статей сего счета, въ отдѣльности Венгелемъ не опорочиваемыхъ и оспариваемыхъ лишь доводомъ, что счетъ подлежалъ ликвидаціи уже 16 февраля 1899 г., а равно требованія Венгеля о возвратѣ ему выигрышнаго билета I займа или стоимости его въ 300 р., присужденнаго Коммерческимъ Судомъ въ послѣдней формѣ то: 1) доводъ о необходимости ликвидаціи счета 16 февраля 1899 г. уже выше сего признанъ неуважительнымъ, въ продолженіи же счета до 11 ноября нельзя усмотрѣть неправильности въ виду того, что съ одной стороны продажею 1 апрѣля 50 акцій Александровскаго завода

счетъ фактически урегулированъ не былъ, а съ другой стороны изъ дѣла не видно, чтобы какая-либо изъ сторонъ до 11 ноября требовала ликвидаціи счета; 2) требованіе Венгеля о возвратѣ выигрышнаго билета или его стоимости въ размѣрѣ 300 р. представляется въ существѣ банкирскимъ домомъ не оспореннымъ и вполнѣ удовлетвореннымъ при присужденіи банкирскому дому вышеозначеннаго остатка въ 1.675 р. 15 к. такъ какъ въ кредитъ Венгеля при этомъ счетѣ значится этотъ выигрышный билетъ, реализованный за сумму выше 300 р. На основаніи вышеизложеннаго, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: въ отмѣну рѣшенія С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда по сему дѣлу отъ 2 мая 1900 г. взыскать съ Рижскаго цехового Василія Венгеля въ пользу банкирскаго дома „А. Альвангъ“ одну тысячу шестьсотъ семьдесятъ пять (1.675) р. 15 к. съ % съ 30 ноября 1899 года, а во встрѣчномъ искѣ Венгеля отказать (1903 г., № 1020).

331. Покупка за счетъ кліента бумагъ на сумму, превышающую размѣръ свободнаго по счету кредита не противорѣчитъ обычаю. Нарушеніе банкомъ своего устава при производствѣ on call-ныхъ операцій не даетъ кліенту, вступившему съ банкомъ въ сдѣлку, уставомъ не предусмотрѣнную, права отказываться отъ послѣдствій этой сдѣлки. Послѣдующее одобреніе дѣйствій банка, уклонившагося отъ ликвидаціи счета въ назначенный кліентомъ срокъ, лишаетъ послѣдняго права настаивать на производствѣ разсчетовъ по курсу первоначально назначеннаго срока. Переводъ акцій, представленныхъ въ обезпеченіе on call-наго счета на имя банка, не имѣетъ значенія перехода къ нему права собственности на таковыя.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что его разрѣшенію подлежатъ слѣдующіе вопросы: 1) правильно ли Коммерческій Судъ отказалъ Щеколдину въ требованіи объ исключеніи изъ дебета открытаго истцу Московскимъ Купеческимъ Банкомъ спеціальнаго текущаго счета on call суммы 472.961 р. 64 к., составляющей стоимость (съ комиссіей и куртажемъ) 3093 шт., неправильно будто бы купленныхъ для истца, акцій Виндаво-Рыбинской ж. д., со всѣми падающими на указанную сумму сложными процентами. 2) Должна ли ликвидація счета Щеколдина быть пріурочена къ 11 февраля 1903 г., какъ требуетъ истецъ, или же согласно съ указаніями отвѣтчика, къ 18 ноября 1904 г.

3) Правильно ли признано Московскимъ Коммерческимъ Судомъ подлежащимъ удовлетворенію требованіе Щеколдина о взысканіи съ банка стоимости 390 паевъ товарищества имени Щеколдина. По первому вопросу Правительствующій Сенатъ находитъ, что рѣшеніе Коммерческаго Суда въ относящейся къ этому вопросу части представляется въ окончательномъ выводѣ правильнымъ по нижеслѣдующимъ основаніямъ: 1) свое требованіе объ исключеніи изъ сего дебета стоимости купленныхъ за его счетъ 3.093 акцій Виндаво-Рыбинской ж. д. Щеколдинъ основываетъ на томъ положеніи, что покупка этихъ акцій произведена съ нарушеніемъ устава Московскаго Купеческаго Банка (§§ 15 и 12 п. е), разрѣшающаго покупку бумагъ „за счетъ третьихъ лицъ“ не иначе, какъ сказано въ § 15 устава, какъ на сумму, находящуюся въ банкѣ по текущимъ ихъ счетамъ или по предварительномъ имъ полученіи потребной на то суммы, съ занесеніемъ ея на текущій счетъ лица, дающаго порученіе. Нельзя не согласиться съ Щеколдинымъ въ томъ, что приведеннымъ постановленіемъ банку воспрещается покупка бумагъ за счетъ кліентовъ въ кредитъ. Но нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, упускать изъ виду, что уставъ Московскаго Купеческаго Банка изданъ въ 1866 г., т. е. тогда, когда спеціальный текущій счетъ on call еще не вошелъ въ кругъ обычныхъ банковскихъ операцій и что начала, регулирующія этотъ счетъ, созданы не закономъ, въ которомъ по сіе время не содержится правилъ, опредѣляющихъ существо, условія и порядокъ совершенія онкольной сдѣлки, а судебной практикой и обычаемъ. Руководствоваться, слѣдовательно, исключительно уставомъ банка при разрѣшеніи вопроса о правильности дѣйствій банка по отношенію къ счету Щеколдина не представляется возможнымъ, а надлежитъ обратиться и къ другимъ регулирующимъ эту операцію источникамъ. Въ этомъ отношеніи пріобрѣтаетъ особенное значеніе представленное къ дѣлу свидѣтельство Московскаго биржевого комитета отъ 20 февраля 1909 г., № 908, удостовѣряющее, что „занесеніе на счета лицъ, имѣющихъ спеціальные счета, пріобрѣтаемыхъ по ихъ порученію %% бумагъ съ одновременной выдачей подъ нихъ ссудъ практикуется весьма часто и въ этихъ послѣднихъ случаяхъ составляетъ существенную часть операціи по спеціальному текущему счету“. Это свидѣтельство, исходящее отъ учрежденія, которому по закону (ст. 39 п. 12 устава Московской биржи) принадлежитъ право удостовѣрять существованіе торговыхъ обычаевъ, доказываетъ, что совершеніе банкомъ сдѣлокъ подобныхъ тѣмъ, которыя были допущены по отношенію къ счету Щеколдина, т. е. покупка за его счетъ акцій на сумму, превышающую размѣръ свободнаго по счету кредита,— не противорѣчитъ обычаю, нормирующему условія онкольной операціи. Что же касается указанія истца на то, что обычай не можетъ отмѣнять закона, то это указаніе лишено въ данномъ случаѣ значенія потому, что, какъ выше указано, § 15 устава банка никакого отношенія къ онкольной операціи не имѣетъ, почему въ настоящемъ случаѣ объ отмѣнѣ обычаемъ закона не можетъ быть рѣчи.

Закономѣрность же примѣненія къ взаимнымъ отношеніямъ контрагентовъ по настоящему дѣлу нормъ, выработанныхъ обычаемъ, вытекаетъ съ полною очевидностью изъ рѣшенія Прав. Сената 1890 г., № 1509, по дѣлу конкурса Краноткина съ Поляковымъ, коимъ установлено, что примѣненіе созданныхъ обычаемъ по отношенію къ онкольной сдѣлкѣ правилъ должно имѣть мѣсто во всякомъ данномъ случаѣ, коль скоро стороны, вступая въ договорныя отношенія, имѣли въ виду именно сдѣлку on call, что въ настоящемъ случаѣ находится внѣ спора (сборн. №№ 328 и 338). Не представляется далѣе возможнымъ согласиться и съ тѣмъ, защищаемымъ Коммерческимъ Судомъ положеніемъ, будто пріобрѣтеніе °/₀°/₀ бумагъ за счетъ лица, которому открытъ спеціальный текущій счетъ съ одновременнымъ поступленіемъ ихъ въ закладъ, идетъ въ разрѣзъ съ понятіемъ онкольнаго счета, установленнымъ Правительствующимъ Сенатомъ. Сущность текущаго счета on call заключается въ томъ, что одна сторона, получающая ссуду представляетъ другой въ обезпеченіе цѣнныя бумаги по взаимному соглашенію. Этимъ положеніемъ покупка цѣнныхъ бумагъ въ кредитъ съ дебетованіемъ счета кліента затраченной на покупку бумагъ суммою и съ одновременнымъ поступленіемъ пріобрѣтенныхъ за счетъ кліента цѣнностей въ обезпеченіе счета, отнюдь не исключается, почему вышеприведенному заключенію Коммерческаго Суда не можетъ быть придаваемо какое-либо значеніе, тѣмъ болѣе, что соображеніе это не подкрѣплено даже ссылками на рѣшенія Правительствующаго Сената. Изъ изложеннаго вытекаетъ съ одной стороны, что въ виду отсутствія въ уставѣ банка правилъ, опредѣляющихъ условія сдѣлки on call, въ допущеніи покупокъ бумагъ по такому счету въ кредитъ не можетъ быть усматриваемо нарушеніе устава банка, а съ другой, что подобнаго рода покупки, сами по себѣ взятыя, не могутъ считаться незаконными, такъ какъ онѣ освящены удостовѣреннымъ подлежащимъ учрежденіемъ обычаемъ и не противорѣчатъ установившейся судебной практикѣ. 2) Но если даже признать, что покупая за счетъ Щеколдина акціи на сумму, превышающую стоимость цѣнностей, представленныхъ Щеколдинымъ въ обезпеченіе его спеціальнаго текущаго счета on call, банкъ совершалъ сдѣлки, уставомъ не предусмотрѣнныя или подъ дѣйствіе устава не подходящія, то и въ такомъ случаѣ безусловное признаніе этихъ сдѣлокъ ничтожными съ момента ихъ совершенія не можетъ быть допущено. Вопросъ о значеніи нарушенія банками своихъ уставовъ неоднократно восходилъ на обсужденіе Правительствующаго Сената по Гражданскому Кассаціонному Деп., причемъ Правительствующимъ Сенатомъ установлены нижеслѣдующія положенія: толкуя ст. 2153 т. X ч. I Св. Зак., воспрещающую компаніи простирать дѣйствія свои далѣе предназначенныхъ ей предѣловъ и допускать какія-либо въ правилахъ своихъ перемѣны безъ новаго отъ правительства разрѣшенія, кромѣ статей, относящихся къ подробностямъ дѣлопроизводства, Правительствующій Сенатъ высказался въ томъ смыслѣ, что ни изъ этого, ни изъ

другихъ законовъ нельзя сдѣлать вывода, чтобы признавался безусловно недѣйствительнымъ и неимѣющимъ никакихъ послѣдствій такой договоръ акціонернаго общества съ частнымъ лицомъ, который хотя и не принадлежитъ къ числу разрѣшенныхъ обществомъ операцій, но не воспрещенъ общими законами и на который согласилось и которымъ воспользовалось частное лицо (1887/27, 1880/201, 1908 г. № 67, 105). Въ соотвѣтствіи съ приведенными положеніями Правительствующій Сенатъ въ другихъ разъясненіяхъ установилъ, что уставы банковъ лишь опредѣляютъ порядокъ дѣйствій самихъ банковъ, но не стѣсняютъ заемщика въ совершеніи дѣйствій, не предусмотрѣнныхъ уставомъ, если на это обѣ стороны изъявятъ согласіе, а разъ подобное соглашеніе состоялось, то заемщикъ не вправѣ считать принятыя имъ добровольно условія для себя необязательными и не вправѣ отказываться отъ послѣдствій, вызванныхъ собственными его дѣйствіями, въ которыхъ онъ не былъ ограниченъ ни уставомъ банка, ни общимъ закономъ (1878/216, 212). Изъ этихъ положеній, относящихся, вопреки мнѣнію Коммерческаго Суда, какъ къ сдѣлкамъ, уставомъ банка вовсе не предусмотрѣннымъ, такъ и къ отступленіямъ отъ устава, допущеннымъ при совершеніи сдѣлокъ, уставомъ предусмотрѣнныхъ, отнюдь не вытекаетъ, что банкъ вправѣ безпрепятственно нарушать свой уставъ и совершать всѣ сдѣлки, которыя найдетъ необходимыми. Напротивъ, не можетъ подлежать сколько нибудь основательному сомнѣнію, что за нарушенія банкомъ устава Правленіе несетъ имущественную отвѣтственность предъ акціонерами, не говоря уже объ административномъ воздѣйствіи со стороны учрежденій, на обязанности которыхъ лежитъ надзоръ за дѣйствіями банковъ. Но столь же несомнѣнно и то, что кліентъ банка, вступившій съ банкомъ въ сдѣлку, уставомъ не предусмотрѣнную, не вправѣ отказываться отъ послѣдствій этой сдѣлки и добиваться признанія ея ничтожною. Такое право можетъ ему принадлежать лишь въ томъ случаѣ, если сдѣлка недѣйствительна въ силу общаго закона. Слѣдуетъ притомъ въ примѣненіи къ данному случаю замѣтить, что Щеколдинъ возбуждаетъ вопросъ о нарушеніи банкомъ такихъ постановленій устава, цѣль изданія которыхъ заключается въ огражденіи интересовъ банка и, слѣдовательно, указывать на неправильность ихъ могли бы акціонеры банка при ревизіи въ общемъ собраніи его операцій, а никакъ не онъ самъ, съ банкомъ въ этихъ операціяхъ участвовавшій. Примѣняя эти соображенія къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что коль скоро доказано, что Московскій Купеческій Банкъ совершалъ за счетъ Щеколдина покупки акцій въ кредитъ съ его согласія—а это обстоятельство истцомъ не оспаривается—то Щеколдинъ долженъ нести передъ банкомъ всю отвѣтственность по этимъ сдѣлкамъ. Уклониться же отъ этой отвѣтственности онъ могъ бы лишь при одномъ условіи, а именно, доказавъ, что сдѣлки эти недѣйствительны въ силу того, что побудительная причина къ заключенію сдѣлки „есть достиженіе цѣли, законами воспрещенной“ (ст. 1529 т. X

ч. 1 Св. Зак.), или же въ силу какихъ либо другихъ условій, послѣдствіемъ которыхъ по закону является безусловная недѣйствительность сдѣлки. Въ сознаніи этой своей обязанности истецъ утверждаетъ, что образовавшійся по этимъ сдѣлкамъ долгъ возникъ по игрѣ, каковое обстоятельство было банку извѣстно, почему долгъ этотъ, за силою ст. 2014 т. X ч. 1 Св. Зак., представляется ничтожнымъ. Но это соображеніе истца вполнѣ голословно и не можетъ имѣть рѣшающаго по дѣлу значенія по тѣмъ именно основаніямъ, которыя приведены въ рѣшеніи суда. Дѣйствительно, всѣ, совершенныя за счетъ Щеколдина сдѣлки, представляются сдѣлками реальными. Акціи въ дѣйствительности покупались и продавались и оспаривать это, вытекающее изъ книгъ банка, обстоятельство, голословнымъ предположеніемъ, какъ это дѣлается со стороны истца, что записи въ книгахъ могутъ и не соотвѣтствовать дѣйствительности, недопустимо. Отсутствуетъ такимъ образомъ отличительный признакъ биржевой игры, именно, намѣреніе контрагентовъ не исполнять сдѣлки, а лишь „произвести денежный разсчетъ въ разности цѣны предмета договора биржевой и условной“. По изложеннымъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ по первому вопросу приходитъ къ заключенію, что требованіе Щеколдина объ исключеніи изъ дебета его счета суммы, издержанной на купленныя за его счетъ въ кредитъ акціи Рыбинской ж. д. со всѣми падающими на указанную сумму сложными %% удовлетворенію не подлежитъ. По вопросу *о срокѣ*, къ которому должна быть пріурочена ликвидація банкомъ спеціальнаго текущаго счета Щеколдина, Правительствующій Сенатъ находитъ, что 2 января 1903 г. Щеколдинъ обратился въ Правленіе Московскаго Купеческаго Банка съ письмомъ, въ которомъ содержится просьба пріостановить продажу принадлежащихъ ему акцій Виндаво-Рыбинской жел. дороги, находящихся на его спеціальномъ счетѣ, до 10 февраля 1903 г., въ виду того, что онъ, Щеколдинъ, ведетъ переговоры о продажѣ своихъ лѣсовъ за сумму 260 тысячъ рублей и что вырученная сумма будетъ внесена въ банкъ на его текущій счетъ. На это письмо банкъ отвѣтилъ меморандумомъ отъ 3 января 1908 г., въ коемъ, ссылаясь на то, что Щеколдинъ не упоминаетъ въ своемъ письмѣ о безусловномъ правѣ банка продать 10 февраля для покрытія оставшагося на его спеціальномъ текущемъ счетѣ долга всѣ акціи Московской Виндаво-Рыбинской жел. дороги, проситъ прислать вторичное письмо, безъ чего продажа означенныхъ акцій не будетъ остановлена. Этотъ меморандумъ вызвалъ приписку Щеколдина на письмѣ 2 января, помѣченную 4 января, слѣдующаго содержанія: „въ дополненіе къ вышеизложенному, покорнѣйше прошу банкъ съ 11 февраля 1903 г. продавать находящіяся на моемъ счетѣ бумаги для полнаго покрытія моего долга“. Содержаніе этой переписки не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что переговоры между сторонами касались продажи всѣхъ акцій Щеколдина, находившихся въ банкѣ на его спеціальномъ текущемъ счетѣ, въ точно опредѣленный срокъ и что, слѣдовательно, приписка 4 января 1908 г. есть

ничто иное, какъ согласіе на ликвидацію счета 11 февраля 1903 г. при условіи невзноса дополнительнаго обезпеченія для полнаго покрытія долга. Возраженія отвѣтчиковъ о томъ, что 2 января 1903 г. Щеколдинъ вовсе не имѣлъ въ виду ликвидировать счетъ, а напротивъ, желалъ сохранить его путемъ взноса дополнительнаго обезпеченія; что въ перепискѣ 4 января говорится о правѣ банка „продавать“ бумаги; что она имѣетъ въ виду постепенную продажу акцій для того, чтобы покрыть долгъ; словомъ, что этой припиской Щеколдинъ предоставилъ банку полную свободу, какъ въ выборѣ дня для продажи бумагъ, такъ и въ опредѣленіи количества пускаемыхъ въ продажу бумагъ, падаютъ сами собой, если сопоставить ихъ съ текстомъ меморандума банка отъ 3 января, въ которомъ идетъ рѣчь о единовременной, въ одинъ, точно опредѣленный срокъ, продажѣ всѣхъ принадлежащихъ Щеколдину акцій. Приписка отъ 4 января 1903 г. есть именно категорическій приказъ о ликвидаціи. Подобный приказъ въ силу установленныхъ обычаемъ и судебной практикой положеній, нормирующихъ операцію спеціальнаго текущаго счета, создаетъ для банка, открывшаго кліенту спеціальный текущій счетъ, обязанность исполнить требованіе кліента и произвести требуемую заемщикомъ ликвидацію, какъ это совершенно правильно и установлено въ обжалованномъ рѣшеніи Московскаго Коммерческаго Суда. Въ настоящемъ дѣлѣ приказъ Щеколдина остался со стороны Московскаго Купеческаго Банка неисполненнымъ. Если не считаться съ особенностями настоящаго дѣла, то пришлось бы признать, что, не исполнивъ требованія Щеколдина, банкъ долженъ нести всѣ невыгодныя отъ сего послѣдствія, почему, согласно многочисленнымъ разъясненіямъ Правительствующаго Сената (1894 г., № 1441; 1903 г., № 1020 и друг.),—въ основаніе для разсчета сторонъ должны бы быть приняты тѣ цѣны, которыя стояли на биржѣ въ назначенный для ликвидаціи срокъ, т. е. 11 февраля 1903 г. Но это положеніе къ настоящему случаю непримѣнимо потому, что въ дѣлѣ имѣются данныя, указывающія на то, что Щеколдинъ, зная о томъ, что банкъ не произвелъ ликвидацію въ вышеупомянутое время, одобрилъ дѣйствія банка и добровольно отказался отъ возможности воспользоваться тѣми послѣдствіями, которыя для него создали такое положеніе дѣла. Среди этихъ данныхъ необходимо прежде всего указать на письмо Щеколдина отъ 19 іюля 1903 г., адресованное по утвержденію отвѣтчика, не оспоренному истцомъ, на имя главнаго бухгалтера банка, Павла Петровича Лебедева. Въ этомъ письмѣ, являющемся отвѣтомъ на меморандумъ банка отъ 16 іюля 1903 г., въ коемъ банкъ извѣстилъ Щеколдина о томъ, что предполагаетъ приступить къ продажѣ находящихся на его спеціальномъ текущемъ счетѣ акцій Рыбинской жел. дороги по цѣнѣ 125 руб., если не будетъ внесено нужное обезпеченіе, Щеколдинъ пишетъ: „я покорнѣйше прошу не приступать въ настоящее время къ продажѣ моихъ бумагъ, онѣ въ недалекомъ будущемъ много повысятся. Продажа бумагъ въ настоящее время разоритъ меня“. Содержаніе

этой переписки съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ о томъ, что 19 іюля 1903 г., семь мѣсяцевъ послѣ дачи имъ приказа о ликвидаціи, Щеколдинъ не считалъ свои отношенія съ банкомъ прекратившимися, и не только не находилъ возможности настаивать на ликвидаціи по курсу 11 февраля, но просилъ не приступать къ ликвидаціи вообще, въ ожиданіи предполагаемаго повышенія курса. Если стоять на противоположной точкѣ зрѣнія и считать, что Щеколдинъ отъ своего приказа 4 января не отказывался и имѣлъ въ виду ликвидировать свой счетъ по курсу 11 февраля, то содержаніе письма 19 іюля представлялось бы совершенно непонятнымъ, ибо, признавая за собою право требовать отъ банка разсчетъ по курсу 126, Щеколдинъ долженъ былъ бы относиться совершенно безразлично къ тому, что банкъ предполагаетъ продать его акціи по курсу 125. Что самъ Щеколдинъ и въ дальнѣйшемъ считалъ свои отношенія съ банкомъ по своему спеціальному текущему счету не прекращенными, явствуетъ какъ изъ того, что 19 декабря 1903 г. онъ внесъ дополнительное обезпеченіе въ видѣ 175 паевъ товарищества В. С. Щеколдина на номинальную сумму 175.000 р., такъ и изъ того, что ему доставлялись періодически выписки его счета, которыя онъ однако оставлялъ безъ опротестованія, а такое отношеніе къ выпискамъ равносильно, согласно многократнымъ разъясненіямъ Правительствующаго Сената (1898 г., №№ 210 и 213, Сборн. № 353, одобренію этихъ послѣднихъ и лишаетъ кліента права впослѣдствіи оспаривать таковыя, какъ въ конечномъ результатѣ, такъ и по отдѣльнымъ статьямъ. Признавая въ виду изложеннаго, что пріуроченіе разсчетовъ сторонъ къ 11 февраля 1903 г., какъ того требуетъ истецъ, лишено правильнаго основанія и принимая вмѣстѣ съ тѣмъ во вниманіе: 1) что самъ Щеколдинъ принялъ на себя обязательство покрыть свой долгъ банку 10 ноября, 2) что такъ какъ къ этому сроку долгъ покрытъ не былъ, то банкъ имѣлъ полное основаніе приступить къ ликвидаціи на условіяхъ, изложенныхъ въ § 25 устава банка, 3) что эти условія были банкомъ соблюдены, т. е. 10 ноября Щеколдинъ былъ предупрежденъ о предстоящей ликвидаціи, а по истеченіи семи льготныхъ дней ликвидація была фактически произведена, Правительствующій Сенатъ находитъ, что разсчетъ долженъ быть пріуроченъ къ 18 ноября 1904 г. Съ этой точки зрѣнія и имѣя въ виду, что требованіе Щеколдина объ исключеніи изъ его дебета долга за неправильно, по его мнѣнію, купленныя за его счетъ акціи Рыбинской жел. дор., Правительствующимъ Сенатомъ по основаніямъ, изложеннымъ выше, отвергается, Правительствующій Сенатъ находитъ, что согласно заключенію экспертовъ сопоставленіе дебета и кредита счета Щеколдина показываетъ, что никакого сальдо въ пользу Щеколдина на 18 ноября 1904 г. не было и быть не могло, такъ какъ состояніе его счета даже на 11 февраля 1903 г. (при условіи дѣйствительности оспариваемыхъ Щеколдинымъ покупокъ) даетъ превышеніе дебета надъ кредитомъ, почему рѣшеніе Коммерческаго Суда въ части объ отказѣ Ще-

колдину въ присужденіи 133.442 руб. 27 коп., каковая сумма получается въ пользу Щеколдина въ случаѣ пріуроченія разсчетовъ сторонъ къ 11 февраля 1903 г., и исключеніи изъ дебета счета долга по покупкамъ акцій, указанныхъ въ 1 пунктѣ иска, слѣдуетъ признать въ окончательномъ выводѣ правильнымъ. По *третьему* вопросу—о правѣ Щеколдина на взысканіе съ банка стоимости переданныхъ сему послѣднему въ обезпеченіе спеціальнаго текущаго счета истца 390 паевъ товарищества фабрики В. С. Щеколдина, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, какъ видно изъ дѣла, Щеколдинъ, заявивъ банку 23 марта 1899 г. о представленіи въ дополнительное обезпеченіе своего счета 215 паевъ товарищества В. С. Щеколдина, доставилъ банку 9 октября 1899 г. самые паи, при объявленіи на имя правленія товарищества В. С. Щеколдина, въ которомъ сказано: „прошу перевести паи на имя Московскаго Купеческаго Банка и потомъ выдать подъ росписку“. 9-же октября Щеколдинъ увѣдомилъ правленіе товарищества фабрикъ Щеколдина о своемъ желаніи продать принадлежащіе ему, заложенные по спеціальному счету въ Московскомъ Купеческомъ Банкѣ, паи за № 1—215. Затѣмъ 17 декабря 1903 г. Щеколдинъ представилъ банку еще 175 паевъ товарищества при объявленіи, тождественномъ съ объявленіемъ 9 октября. Въ тотъ же день правленіе банка послало оба объявленія правленію товарищества В. С. Щеколдина при письмѣ, въ которомъ просило перевести паи на имя Московскаго Купеческаго Банка. Переводъ всѣхъ 390 паевъ состоялся 19 декабря 1903 г., какъ это усматривается изъ письма правленія т-ва Щеколдина на имя правленія банка. Ссылаясь на эту переписку въ связи съ §§ 16 и 56 устава товарищества В. С. Щеколдина, по смыслу которыхъ передача паевъ отъ одного лица къ другому считается совершившейся съ момента отмѣтки передачи въ книгахъ товарищества, Коммерческій Судъ приходитъ къ заключенію, что съ 19 декабря 1903 г., когда состоялся переходъ паевъ по книгамъ товарищества на имя банка, сей послѣдній юридически долженъ считаться собственникомъ паевъ, почему и обязанъ возмѣстить Щеколдину ихъ стоимость. Съ этимъ основнымъ положеніемъ суда Правительствующій Сенатъ не считаетъ однако возможнымъ согласиться по нижеслѣдующимъ основаніямъ. Спеціальный текущій счетъ on call является по юридическому своему характеру однимъ изъ видовъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, отличаясь отъ обыкновеннаго заклада $^0/_0{}^0/_0$ бумагъ главнымъ образомъ отсутствіемъ срочности ссуды. Въ виду сего къ счету on call вполнѣ примѣнимы общія начала, регулирующія производство ссудъ подъ залогъ $^0/_0{}^0/_0$ бумагъ, поскольку эти начала не находятся въ противорѣчіи съ правилами и обычаями, нормирующими спеціальный текущій счетъ. Съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаетъ особенное значеніе ст 1674^1 т. X ч. I Св. Зак. Гражд., опредѣляющая условія производства ссудъ подъ акціи и $^0/_0{}^0/_0$ бумаги. Согласно п. 3 ст. 1674^1, получившій ссуду, соображаясь съ условіями компаній, вмѣстѣ съ тѣми изъ акцій

и бумагъ, которыя передаются съ переводными надписями, вручаетъ ссудившему и объявленіе въ правленіе подлежащей компаніи для перевода такихъ акцій или бумагъ на его имя. По мнѣнію Коммерческаго Суда ссудодатель вправѣ воспользоваться упомянутыми въ этой статьѣ объявленіями, послѣдствіемъ которыхъ является переводъ бумагъ на его имя, лишь въ случаѣ неуплаты долга въ назначенный срокъ. Но это положеніе Коммерческаго Суда буквальнымъ смысломъ этого пункта не оправдывается, ибо въ немъ не говорится, что пользованіе объявленіями разрѣшается лишь въ случаѣ неплатежа ссуды въ назначенный срокъ. Не оправдывается оно и сопоставленіемъ п. 3 съ пунктами 1 и 2 той же статьи, на которомъ останавливается судъ. Согласно этимъ пунктамъ ст. 1674[1] получающій ссуду подъ залогъ акцій передаетъ оныя дѣлающему такую ссуду, при письмѣ, которымъ предоставляетъ ему въ случаѣ неплатежа въ назначенный срокъ капитала съ процентами распоряжаться тѣми бумагами по усмотрѣнію, дѣлающій же ссуду выдаетъ получающему оную письменное удостовѣреніе въ томъ, что въ обезпеченіе данныхъ въ ссуду денегъ приняты такія то бумаги, которыя онъ обязуется возвратить по взносѣ денегъ, при неуплатѣ которыхъ онъ вправѣ распоряжаться бумагами по своему усмотрѣнію, т. е. продать или оставить ихъ за собою. Совершенно ясно, что п. п. 1 и 2, съ одной стороны, и п. 3, съ другой, говорятъ о разныхъ предметахъ; первые два пункта имѣютъ въ виду послѣдствія, угрожающія получающему ссуду при неуплатѣ денегъ въ назначенный срокъ, причемъ естественно указывается, что эти послѣдствія наступаютъ въ случаѣ просрочки въ уплатѣ ссуды. Пунктъ же 3 говоритъ о средствахъ, обезпечивающихъ давшему ссуду возможность немедленно по просрочкѣ осуществить принадлежащее ему право продажи бумагъ, поэтому и указываетъ на переводъ паевъ именно какъ на способъ, открывающій ссудодателю возможность реализаціи паевъ. А отсюда вытекаетъ, во первыхъ, что переводъ паевъ на имя ссудодателя можетъ послѣдовать не только послѣ просрочки въ уплатѣ ссуды, а въ любое время по усмотрѣнію ссудодателя, хотя бы одновременно съ выдачею ссуды, ибо иначе достиженіе упомянутой цѣли, т. е. обезпеченіе возможности немедленной реализаціи бумагъ было бы въ значительной степени затруднено, и, во вторыхъ, переводъ бумагъ на имя ссудодателя не имѣетъ значенія перехода къ нему права собственности на акціи. Что именно таково значеніе пункта 3 ст. 1674[1] въ отношеніи акцій именныхъ, доказывается постановленіями того же пункта упомянутой статьи въ отношеніи акцій, передаваемыхъ безъ переводныхъ надписей въ книгахъ подлежащихъ компаній, а также акцій на предъявителя; эти акціи передаются или по бланковымъ надписямъ, или же безъ всякихъ надписей. Но если подобная передача до просрочки долга не переноситъ права собственности на ссудодателя, несмотря на то, что ссудодатель обладаетъ всѣми видимыми признаками права собственности на эти бумаги, то нѣтъ никакого логическаго основанія приписывать переводу именныхъ паевъ на имя ссудодателя значеніе перевода права

собственности, а надлежитъ признать, что до просрочки долга юридическій характеръ отношеній между ссудодателемъ и ссудопринимателемъ остается безъ измѣненія, независимо отъ того, состоялся ли переводъ паевъ на имя ссудодателя или нѣтъ, за исключеніемъ, конечно, того случая, когда между ними состоится по сему предмету особое соглашеніе. Правильность этого заключенія съ особенною яркостью выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда—какъ въ настоящемъ дѣлѣ (стр. 40 и уст. банка ст. 12) ссудодателю предоставляется право перезалога принятыхъ въ обезпеченіе по спеціальному текущему счету цѣнностей. Если стоять на точкѣ зрѣнія Коммерческаго Суда, то осуществленіе этого права ссудодателя придется признать невозможнымъ, такъ какъ перезалогъ можетъ быть совершенъ лишь по правиламъ ст. 1674[1]; не будучи же видимымъ собственникомъ бумаги, ссудодатель лишенъ возможности передать бумаги своему контрагенту по перезалогу, вмѣстѣ съ объявленіемъ въ правленіе подлежащей компаніи для перевода такихъ акцій на имя контрагента, такъ какъ для правленія компаніи, очевидно, обязательно лишь такое объявленіе, которое исходитъ отъ лица, на имя котораго бумаги занесены въ книгу компаніи. Изъ изложеннаго вытекаетъ, что несмотря на состоявшійся 19 декабря 1903 г. переводъ паевъ Щеколдина на имя банка,—банкъ до наступленія срока долга юридически, вопреки мнѣнію Коммерческаго Суда, не сталъ собственникомъ паевъ товарищества фабрикъ В. С. Щеколдина. Что же касается ссылки Коммерческаго Суда на §§ 16 и 56 устава товарищества, то нельзя не указать на то, что § 16 содержитъ правила, которыя должны быть соблюдаемы при передачѣ паевъ въ собственность однимъ лицомъ другому. Но коль скоро, на основаніи ст. 1674[1] пунктъ 3 надлежитъ признать, что при закладѣ паевъ долженъ быть соблюдаемъ тотъ же порядокъ, что и при передачѣ въ собственность, то толковать § 16 устава въ томъ смыслѣ, что съ момента отмѣтки передачи въ книгахъ товарищества переходъ права собственности долженъ считаться совершившимся, не представляется правильнаго основанія. Въ отношеніи же § 56 устава товарищества фабрикъ Щеколдина, надлежитъ замѣтить, что хотя въ этомъ § указано, что по паямъ, переданнымъ отъ одного лица другому, право голоса предоставляется новому ихъ владѣльцу, тѣмъ не менѣе, это постановленіе не можетъ служить доказательствомъ того, что переводъ паевъ при залогѣ на имя ссудодателя превращаетъ сего послѣдняго изъ закладопринимателя въ собственника, такъ какъ несмотря на переводъ паевъ ссудодатель вправѣ проявить себя фактическимъ собственникомъ оныхъ лишь со дня просрочки платежа. Какъ совершенно правильно указывается со стороны отвѣтчика, до просрочки долга банкъ не вправѣ осуществлять права собственника, а если бы онъ это и пожелалъ сдѣлать, то заемщику было бы достаточно представить удостовѣреніе банка о принятіи паевъ въ залогъ въ обезпеченіе долга, чтобы опорочить право банка на участіе въ общемъ собраніи пайщиковъ. Неосновательно далѣе указаніе Коммерческаго Суда на то, что банкъ фактически проявилъ себя въ каче-

ствѣ собственника паевъ, доказавъ своими дѣйствіями, что единственною цѣлью банка при переводѣ паевъ было—оставить эти паи за собою. Въ подтвержденіе этого заключенія Московскій Коммерческій Судъ ссылается на письмо банка на имя Щеколдина отъ 23 марта и на письма: одно отъ 10 мая 1904 г., а другое безъ даты на имя товарищества фабрикъ Щеколдина, въ которыхъ банкъ требуетъ присылки ему образцовъ товаровъ, вырабатываемыхъ на фабрикѣ товарищества и проситъ сообщить, въ какомъ обществѣ, на какой срокъ и въ какой суммѣ застрахована фабрика. Однако придавать этимъ письмамъ приписываемый имъ Коммерческимъ Судомъ смыслъ не представляется возможнымъ, такъ какъ вопросы банка, сами по себѣ взятые, не могутъ быть разсматриваемы какъ осуществленіе правъ собственности, а проявленный банкомъ въ этихъ письмахъ интересъ къ ходу дѣлъ товарищества въ достаточной степени оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что банкъ въ качествѣ залогопринимателя долженъ былъ считаться съ наступленіемъ необходимости произвести реализацію паевъ, въ видахъ же опредѣленія дѣйствительной стоимости паевъ—паи на биржѣ не котировались—затребованныя банкомъ свѣдѣнія не лишены были значенія. Независимо отъ сего нельзя не указать на цѣлый рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что за все время своихъ отношеній по спеціальному текущему счету стороны смотрѣли на сдѣлку съ паями, какъ на передачу таковыхъ въ качествѣ обезпеченія по спеціальному текущему счету, т. е. какъ на залогъ. Въ отношеніи банка это явствуетъ изъ касающихся паевъ записей въ разсчетной книжкѣ Щеколдина, въ коихъ эти паи значатся принятыми въ качествѣ „обезпеченія“, а также изъ книгъ банка, въ коихъ не содержится никакихъ указаній на переходъ паевъ въ собственность банка. Указаніе истца на то, что послѣ 19 декабря 1903 г. самъ банкъ уже не считалъ возможнымъ причислять паи Щеколдина къ бумагамъ, составляющимъ обезпеченіе его спеціальнаго текущаго счета, въ подтвержденіе чего дѣлается ссылка на посланную Щеколдину выписку его счета на 1 января 1904 г., въ которой о паяхъ ничего не говорится, не можетъ имѣть значенія по дѣлу, такъ какъ, согласно представленной банкомъ при прошеніи 10 октября 1909 г. копіи посланной Щеколдину 24 января 1904 г. выписки „сальдо обезпеченія на 1 января 1904 г.“, всѣ 390 паевъ значатся въ числѣ бумагъ, обезпечивающихъ его долгъ Банку, что лишній разъ доказываетъ, что и послѣ перевода паевъ на свое имя Банкъ себя собственникомъ паевъ не считалъ. То обстоятельство, что и самъ Щеколдинъ какъ до ликвидаціи банкомъ его счета, такъ и послѣ того признавалъ, что паи составляютъ лишь обезпеченіе его спеціальнаго счета, оставаясь его собственностью, подтверждается письмомъ Щеколдина на имя банка отъ 17 февраля 1904 г., въ которомъ Щеколдинъ пишетъ: „такимъ образомъ мой спеціальный текущій счетъ будетъ обезпечиваться 3950 акціями Виндаво-Рыбинской жел. дороги, 390 паями товарищества фабрикъ В. С. Щеколдина.....“

Московскій Коммерческій Судъ не находитъ возможнымъ придавать этому письму какое либо значеніе, такъ какъ, по мнѣнію Коммерческаго Суда, Щеколдину во время его написанія могло быть неизвѣстно о дѣйствительномъ переводѣ паевъ на имя банка. Высказываемое Коммерческимъ Судомъ предположеніе по обстоятельствамъ дѣла мало вѣроятно. Но если даже съ нимъ и согласиться, то во всякомъ случаѣ остается неопровергнутой ссылка отвѣтчика на письмо Щеколдина отъ 27 ноября 1904 г., писанное тогда, когда Щеколдину фактъ перевода паевъ на имя банка уже былъ несомнѣнно извѣстенъ (письмо Щеколдина отъ 24 сентября 1904 г., представленное при объясненіи отвѣтчика отъ 24 января 1909 г.). Въ этомъ письмѣ Щеколдинъ, обращаясь къ банку съ просьбой пріостановиться ликвидаціей его счета и перечисляя бумаги, которыя имъ въ разное время были представлены въ обезпеченіе счета (въ томъ числѣ 390 паевъ) не упоминаетъ однако о томъ, что эти паи перешли въ собственность банка. Между тѣмъ, по правильному указанію отвѣтчика, такое упоминаніе было бы неизбѣжно, если бы Щеколдинъ считалъ банкъ собственникомъ паевъ, ибо съ переходомъ паевъ въ собственность банка и съ увеличеніемъ кредита на стоимость паевъ, ни о какомъ долгѣ Щеколдина банку не могло быть рѣчи, а слѣдовательно, не было бы основанія ходатайствовать объ отсрочкѣ ликвидаціи, угрожающей ему, Щеколдину, полнымъ разореніемъ, а достаточно было бы сказать, что къ ликвидаціи нѣтъ законнаго повода въ виду превышенія кредита надъ дебетомъ. Въ виду изложеннаго, Правительствующій Сенатъ, признавая, что переходъ паевъ въ собственность банка не доказанъ, находитъ, что къ возложенію на банкъ обязанности возмѣстить Щеколдину ихъ стоимость не имѣется основаній, почему рѣшеніе суда и въ этой части подлежитъ отмѣнѣ. Въ виду всего изложеннаго, Правительствующій Сенатъ призналъ искъ Щеколдина не подлежащимъ удовлетворенію (1909 г., № 2486).

332. Лицо (банкъ), открывшее кліенту текущій счетъ on call, не вправѣ послѣ предъявленія кліенту требованія о взносѣ дополнительнаго обезпеченія съ предвареніемъ о предстоящей ликвидаціи, отсрочить затѣмъ ликвидацію по одностороннему своему усмотрѣнію; но коль скоро по дѣлу установлено, что кліенту было извѣстно, что ликвидація не была произведена и что кліентъ противъ отсрочки ликвидаціи не протестовалъ, то на банкъ не можетъ быть возложена отвѣтственность за уклоненіе отъ ликвидаціи въ назначенный имъ первоначальный срокъ (1910 г. по д. Штерна съ Сибирскимъ Банкомъ).

333. Реализація спеціальнаго текущаго счета не въ первый биржевой день послѣ полученія о томъ ордера владѣльца счета, а по частямъ позднѣе, не можетъ тѣмъ не менѣе считаться неправильною, если она состоялась

по высшему курсу. Неизвѣщеніе банкомъ кліента о каждой состоявшейся продажѣ бумагъ не должно служить основаніемъ для признанія всѣхъ этихъ сдѣлокъ необязательными для кліента при отсутствіи данныхъ о неправильныхъ во вредъ кліента дѣйствіяхъ банка и при доказанности дѣйствительной продажи бумагъ въ то именно время, какъ указываетъ банкъ.

Денисову Сѣвернымъ Банкомъ былъ открытъ спеціальный текущій счетъ „on call“. 27 января 1904 г. Денисовъ далъ банку приказъ немедленно продать принадлежащія ему, Денисову, цѣнныя бумаги. 17 апрѣля 1904 г. Денисовъ предложилъ банку приготовить выписку его счета, получить слѣдуемую съ него сумму и возвратить ему являющіяся обезпеченіемъ его счета бумаги. На это банкъ отвѣтилъ, что бумаги Денисова проданы и счетъ его закрытъ. Ссылаясь на неправильность дѣйствій банка, Денисовъ предъявилъ къ банку искъ: 1) о признаніи продажъ, начиная съ 29 января, для него необязательными; 2) объ обязаніи банка составить выписку его, Денисова, счета на 17 апрѣля 1904 г. Съ своей стороны банкъ предъявилъ къ Денисову встрѣчный искъ о взысканіи съ Денисова долга, образовавшагося по реализаціи его счета.

Коммерческій Судъ удовлетворилъ исковыя требованія Денисова, а во встрѣчномъ искѣ банку отказалъ.

При разсмотрѣніи дѣла, Правительствующій Сенатъ счелъ необходимымъ прежде всего остановиться на объясненіи банка о томъ, что, слагая съ себя отвѣтственность за убытки, могущіе произойти при ликвидаціи его текущаго счета, Денисовъ тѣмъ самымъ „совершенно отказался отъ счета и, передавъ банку въ собственность принадлежащія ему цѣнныя бумаги, навсегда отказался отъ какихъ бы то ни было претензій по этому счету къ банку“. Приведенное заявленіе повѣреннаго банка должно подвергнуться обсужденію въ первую очередь на томъ основаніи, что въ случаѣ признанія его правильности, не пришлось бы входить въ разсмотрѣніе всѣхъ остальныхъ, изложенныхъ въ апелляціонной жалобѣ доводовъ.—Правительствующій Сенатъ не нашелъ, однако, возможнымъ присоединиться къ предложенному толкованію ордера Денисова отъ 27 января 1904 г. Во-первыхъ, это толкованіе не находитъ себѣ никакого подтвержденія въ текстѣ означеннаго документа, не содержащаго никакихъ указаній на отказъ Денисова отъ принадлежащихъ ему правъ. Затѣмъ надлежитъ принять во вниманіе, что подобный отказъ имѣлъ бы смыслъ только при условіи, если бы цѣною уступки своихъ правъ Денисовъ освобождался отъ лежащихъ на немъ въ отношеніи Сѣвернаго Банка обязанностей, т. е. если бы при этомъ произошло полное обновленіе его отношеній къ банку. Между тѣмъ не только тотъ же

повѣренный банка въ апелляціонной жалобѣ своей заявляетъ, что письмо Денисова „конечно“ не снимаетъ съ него отвѣтственности за могущія быть понесенными банкомъ убытки, но банкъ и на дѣлѣ предъявилъ къ нему встрѣчный искъ, имѣющій своимъ предметомъ именно возмѣщеніе этихъ убытковъ. При указанныхъ условіяхъ нельзя усматривать въ письмѣ Денисова приписываемаго ему повѣреннымъ Сѣвернаго Банка смысла, а надлежитъ признать, что оно выражаетъ только согласіе Денисова приступить къ ликвидаціи его онкольнаго счета, не выжидая назначенія и истеченія срока на представленіе дополнительнаго обезпеченія, на что онъ имѣлъ бы право по обычаю. Переходя къ обсужденію остальныхъ доводовъ апеллятора, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что ими возбуждаются главнымъ образомъ два вопроса, отъ разрѣшенія коихъ и зависитъ исходъ дѣла: 1) вправѣ ли былъ Сѣверный Банкъ, вопреки полученному имъ 27 января приказу Денисова о немедленной реализаціи его онкольнаго счета съ банкомъ, продать обезпечивавшія этотъ счетъ бумаги не въ первый биржевой день, а въ позднѣйшее время, и 2) какое значеніе имѣетъ неисполненіе банкомъ установленнаго обычаемъ правила о томъ, что держатель обезпеченія по спеціальному текущему счету о продажѣ входящихъ въ составъ обезпеченія бумагъ или объ оставленіи ихъ за собою обязанъ извѣщать лицо, внесшее бумаги. Что касается перваго вопроса, то онъ несомнѣнно долженъ быть разрѣшенъ въ смыслѣ признанія правильности образа дѣйствія въ настоящемъ случаѣ Сѣвернаго Банка. Хотя по общему, освященному обычаемъ правилу, продажа обезпечивающихъ онкольный счетъ цѣнностей должна быть произведена въ первый биржевой день послѣ срока, назначеннаго для погашенія ссуды или представленія дополнительнаго обезпеченія, но тотъ же обычай допускаетъ и позднѣйшую реализацію депо, съ однимъ лишь ограниченіемъ, а именно, чтобы продажа состоялась по курсу высшему противъ существовавшаго въ ближайшій биржевой день. А такъ какъ цѣны, вырученныя Сѣвернымъ Банкомъ при продажѣ бумагъ Денисова, значительно превышаютъ курсъ этихъ бумагъ, отмѣченный на 27 января, то съ этой точки зрѣнія избранный банкомъ порядокъ ликвидаціи счета Денисова долженъ быть признанъ правильнымъ и не можетъ служить основаніемъ для предъявленія къ нему иска. Болѣе спорнымъ представляется отвѣтъ на второй вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ отмѣченное выше правило, обязывающее держателя обезпеченія по онкольному счету увѣдомлять своего контрагента о всѣхъ произведенныхъ за его счетъ сдѣлкахъ, имѣетъ первостепенное значеніе для огражденія интересовъ лица, представившаго обезпеченіе, вслѣдствіе чего Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніяхъ своихъ неоднократно указывалъ на необходимость неукоснительнаго его соблюденія. При всемъ томъ, однако, за правиломъ этимъ нельзя признать значенія нормы, неисполненіе которой во всѣхъ безусловно случаяхъ должно имѣть своимъ послѣдствіемъ необязательность для собственника процентныхъ бумагъ не доведенныхъ

до его свѣдѣнія сдѣлокъ. Основаніемъ для установленія обсуждаемаго правила послужило то соображеніе, что въ противномъ случаѣ держатель обезпеченія имѣлъ бы возможность безконтрольно распоряжаться онымъ, а лицо, это обезпеченіе представившее, было бы лишено средствъ удостовѣриться, состоялась ли дѣйствительно, и когда именно, продажа его бумагъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ однако различать, съ одной стороны, продажу обезпечивающихъ спеціальный текущій счетъ процентныхъ бумагъ во время существованія онкольныхъ отношеній, а съ другой, реализацію депо при ликвидаціи счета; въ послѣднемъ случаѣ возможность произвольныхъ, во вредъ собственнику, распоряженій держателя депо устраняется или по крайней мѣрѣ значительно суживается правиломъ о томъ, что разсчетъ контрагентовъ долженъ быть учиненъ по цѣнѣ не ниже той, которая стояла въ первый биржевой день послѣ назначеннаго для ликвидаціи срока. Поэтому, при ликвидаціонныхъ продажахъ извѣщеніе о нихъ собственника бумагъ во всякомъ случаѣ не имѣетъ того значенія, какъ относительно сдѣлокъ, состоявшихся при длящихся еще онкольныхъ отношеніяхъ, а для послѣднихъ это правило и было главнымъ образомъ установлено. Затѣмъ нельзя упускать изъ виду, что означенное правило, исходя изъ предположенія о возможности злоупотребленій со стороны держателя обезпеченія, имѣетъ въ виду облегчить контроль за его дѣйствіями для лица, внесшаго бумаги, а потому было бы несправедливо настаивать на безусловномъ его примѣненіи въ случаяхъ, когда не только отсутствуютъ указанія на какія-либо неправильныя дѣйствія залогодержателя, а напротивъ того, обстоятельства дѣла свидѣтельствуютъ о вполнѣ добросовѣстномъ отношеніи его къ его контрагенту. Таковымъ слѣдуетъ признать образъ дѣйствій въ настоящемъ случаѣ Сѣвернаго Банка, который, имѣвъ возможность оставить за собою бумаги Денисова по крайне невыгоднымъ для послѣдняго курсамъ 27 января, и впослѣдствіи распродать ихъ за свой счетъ, отсрочилъ ликвидацію до болѣе благопріятнаго для Денисова времени и тѣмъ сократилъ сальдо Денисова въ свою пользу съ 15.000 р. до 7.374 р. 20 к. При такой обстановкѣ неизвѣщеніе банкомъ Денисова о каждой состоявшейся съ его бумагами сдѣлкѣ, являясь несомнѣннымъ нарушеніемъ обычая, не можетъ однако повлечь за собою признаніе необязательными для Денисова всѣхъ этихъ сдѣлокъ, конечно поскольку они представляются по дѣлу доказанными; для доказательства же ихъ нѣтъ никакихъ основаній не пользоваться книгами Сѣвернаго Банка, ибо, если даже согласиться съ заключеніемъ Коммерческаго Суда, находившаго, что сами по себѣ записи въ этихъ книгахъ, не подкрѣпленныя другими данными, не имѣютъ рѣшающаго значенія, то нельзя не признать, что въ связи съ другими обстоятельствами дѣла осмотръ книгъ Сѣвернаго Банка, о которомъ въ Коммерческомъ Судѣ ходатайствовалъ повѣренный банка, могъ бы содѣйствовать разъясненію фактической стороны дѣла. На основаніи всего изложеннаго Правительствующій Сенатъ *28 января 1908 г. опредѣлилъ:* предпи-

сать Московскому Коммерческому Суду произвести осмотръ книгъ Сѣвернаго Банка на предметъ провѣрки объясненій повѣреннаго банка о произведенныхъ банкомъ послѣ 27 января 1904 г. продажахъ внесенныхъ Денисовымъ въ обезпеченіе его спеціальнаго текущаго счета бумагъ.

Разсмотрѣвъ затѣмъ дѣло по существу на основаніи данныхъ произведеннаго во исполненіе указа Правительствующаго Сената осмотра торговыхъ книгъ банка, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что книгами банка не доказанъ фактъ продажи банкомъ принадлежавшихъ Денисову процентныхъ бумагъ. Осмотромъ книгъ установлено, что отмѣтки о продажѣ обезпечивающихъ текущій счетъ Денисова цѣнностей встрѣчаются за соотвѣтствующими числами лишь въ книгѣ онкольныхъ счетовъ. Между тѣмъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что записи въ торговыхъ книгахъ только тогда имѣютъ доказательное значеніе, когда данная сдѣлка удостовѣряется вполнѣ согласованными между собою отмѣтками во всѣхъ относящихся къ соотвѣтствующей операціи книгахъ, такъ какъ единственно проведенная по всѣмъ книгамъ запись обставлена условіями, обезпечивающими ея достовѣрность. Въ настоящемъ случаѣ не имѣется налицо указанныхъ условій, такъ какъ не только данныя книги онкольныхъ счетовъ Сѣвернаго Банка не совпадаютъ со свѣдѣніями, заключающимися въ другихъ книгахъ этого установленія, а напротивъ того, послѣднія даютъ основаніе предположить, что въ книгѣ онкольныхъ счетовъ, имѣющей къ тому же лишь вспомогательное значеніе, записи о реализаціи депо Денисова были сдѣланы заднимъ числомъ и появились лишь 22 апрѣля, послѣ того, какъ Денисовъ обратился къ банку съ нотаріальнымъ заявленіемъ. Въ пользу изъясненнаго предположенія говоритъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что въ самой книгѣ онкольныхъ счетовъ отмѣтка о продажѣ процентныхъ бумагъ, произведенной якобы 27/28 января, помѣщена послѣ записи отъ 31 января. Такимъ образомъ надлежитъ придти къ заключенію, что обнаруженныя при осмотрѣ книгъ Сѣвернаго Банка данныя, не подтвердили объясненій повѣреннаго банка о продажѣ процентныхъ бумагъ Денисова. Приведенное заключеніе вполнѣ примѣнимо и къ продажѣ, занесенной въ книгу онкольныхъ счетовъ подъ 27/28 января. Правда, въ удостовѣреніе означенной сдѣлки повѣренный банка представилъ Коммерческому Суду переписку, происходившую между правленіемъ банка въ С.-Петербургѣ и его Московскимъ отдѣленіемъ по поводу продажи процентныхъ бумагъ, часть которыхъ (500 акцій Юго-Восточныхъ жел. дорогъ) могла входить въ составъ депо Денисова. Предположеніе о томъ, что 27/28 января были проданы именно принадлежавшія Денисову акціи Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ можно найти и въ книгѣ цѣнностей Сѣвернаго Банка, въ которой расходъ поименованныхъ акцій на 29 января превышаетъ ихъ доходъ на 500 штукъ. Если, однако, принять во вниманіе, что Денисовъ только 27 января далъ банку ордеръ о реализаціи его депо, а между тѣмъ уже въ 12 ч. того же дня (съ минутами) правленіе банка въ С.-Петер-

бургѣ сообщило Московскому отдѣленію двумя телеграммами о произведенной продажѣ и что въ увѣдомленіяхъ банка отъ 27 и 28 января пропущено указаніе на время воспослѣдованія приказа отдѣленія о продажѣ бумагъ, причемъ повѣренный банка не представилъ суду никакихъ данныхъ для восполненія означеннаго пробѣла, то нельзя признать лишеннымъ основанія заявленіе повѣреннаго Денисова о томъ, что распоряженіе Московскаго отдѣленія Сѣвернаго Банка о составляющей предметъ разсматриваемой переписки продажѣ было сдѣлано имъ ранѣе полученія ордера Денисова. На основаніи всего изложеннаго, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, за непредставленіемъ со стороны Сѣвернаго Банка достаточныхъ доказательствъ продажи имъ, въ указанные его повѣреннымъ сроки, процентныхъ бумагъ Денисова, искъ послѣдняго долженъ считаться достовѣрнымъ. По соображеніи всего изложеннаго, находя постановленное Московскимъ Коммерческимъ Судомъ по настоящему дѣлу рѣшеніе, въ окончательномъ выводѣ, правильнымъ и отмѣнѣ не подлежащимъ, Правительствующій Сенатъ обжалованное рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда оставилъ въ силѣ (1909 г., № 1467).

334. Корешки въ книгѣ извѣщеній, на которыхъ отмѣчены спорныя сдѣлки, сами по себѣ, не могутъ служить доказательствомъ того, что покупки дѣйствительно были произведены за счетъ истца и на указанныхъ имъ условіяхъ и притомъ, что самое главное, по его приказамъ. Доказательствомъ въ этомъ отношеніи могли бы служить лишь письменные приказы истца или отрывные купоны отъ извѣстительныхъ писемъ банкирскаго дома, съ выраженіемъ согласія оповѣщаемаго на сдѣлку, изложенную въ извѣщеніи (1909 г., № 2400). Ср. № 348/238.

335. Въ рѣшеніи 1910 г., № 38 *Гражданскій Кассаціонный Департаментъ* Правительствующаго Сената остановился на вопросѣ о томъ, *обязано ли банкирское учрежденіе, принявшее процентныя бумаги въ обезпеченіе принадлежащаго ему требованія, въ случаѣ неисправности должника, приступить къ продажѣ указанныхъ бумагъ въ ближайшій биржевой день, или же срокъ продажи зависитъ отъ банкирскаго учрежденія.* Разрѣшая этотъ вопросъ, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что необходимо различать: 1) договоръ займа подъ закладъ процентныхъ бумагъ, и 2) договоръ спеціальнаго текущаго счета on call и установилъ слѣдующія положенія: 1) при существованіи между сторонами отношеній по договору перваго рода, закладодержатель, въ случаѣ неуплаты въ условленный срокъ долга, не обязывается немедленно по просрочкѣ продать обезпечивающія долгъ процентныя бумаги и не отвѣчаетъ предъ закладодателемъ за убытки, которые могутъ произойти отъ замедленія въ продажѣ ихъ; 2) въ случаѣ неисполненія

должникомъ требованія банкирскаго установленія представить въ назначенный ему срокъ дополнительное обезпеченіе открытаго ему по *спеціальному* текущему счету кредита или выкупить представленныя имъ въ залогъ процентныя бумаги, банковское установленіе *обязано* продать тѣ бумаги въ первый биржевой день, въ противномъ случаѣ оно отвѣтствуетъ за убытки, причиненные промедленіемъ, развѣ бы доказало, что, при всей добросовѣстности своихъ дѣйствій, оно не могло безубыточно для обѣихъ сторонъ учинить эту продажу.

336. Если должникъ отказался отъ платежа, не отвѣчая на запросы о дополнительномъ обезпеченіи по счету on call, то банку надлежитъ реализовать цѣнности или оставить ихъ за собою, но во всякомъ случаѣ никакъ не останавливаться на указанной цифрѣ долга и не вести счета далѣе съ начисленіемъ процентовъ. Текущій счетъ не можетъ считаться продолжающимся, если заемщикъ отказывается отъ дополнительнаго обезпеченія ссуды (1909 г., № 1564).

337|229. Лицо, у котораго находятся бумаги, данныя въ обезпеченіе текущаго счета „on call“, если признаетъ бумаги эти недостаточно обезпечивающими выданную подъ нихъ ссуду, можетъ требовать отъ лица, получившаго ссуду, взноса дополнительнаго обезпеченія или уплаты долга въ назначенный срокъ; въ случаѣ же неисполненія сего, вправѣ продать бумаги по курсовой цѣнѣ въ ближайшій биржевой день послѣ назначеннаго срока или оставить ихъ по той же цѣнѣ за собою; въ случаѣ же продажи бумагъ впослѣдствіи по цѣнѣ низшей, оно обязано оправдаться передъ контрагентомъ въ такомъ своемъ дѣйствіи.

По существующему торговому обычаю, какъ неоднократно уже разъяснялось Прав. Сенатомъ, лицо у котораго находятся бумаги, данныя въ обезпеченіе спеціальнаго текущаго счета (on call), если находитъ, что бумаги эти недостаточно обезпечиваютъ выданную ссуду, можетъ требовать отъ лица, получившаго ссуду, взноса дополнительнаго обезпеченія или уплаты долга въ назначенный срокъ; если же долгъ не будетъ уплаченъ или дополнительное обезпеченіе не будетъ внесено, то вправѣ продать бумаги по курсовой цѣнѣ въ ближайшій биржевой день послѣ назначеннаго для взноса или оставить ихъ за собою; если же лицо, выдавшее ссуду, не продастъ бумагъ въ первый биржевой день послѣ срока, то можетъ продать ихъ впослѣдствіи, но не иначе какъ по курсу высшему, противъ существовавшаго въ ближайшій биржевой день. Засимъ хотя стороны,

разумѣется, для отдѣльныхъ случаевъ и вправѣ по своему произволу постановлять особыя правила въ отступленіе отъ установившихся общимъ обычаемъ, а потому могутъ включить въ договоръ и условіе о предоставленіи банкиру права продавать бумаги во всякое время по своему усмотрѣнію (какъ въ настоящемъ дѣлѣ § 3 напечатанныхъ на оборотѣ подписаннаго Абрагамсономъ обязательства отъ 13 декабря 1890 г. правилъ), но подобное условіе не можетъ быть истолковано во вредъ лица, внесшаго обезпеченіе, въ томъ смыслѣ, чтобы банкиръ былъ вправѣ распоряжаться его собственностью совершенно безотчетно, въ явное нарушеніе интересовъ своего кліента. Напротивъ того, банкиръ принимая на себя при указанныхъ условіяхъ распоряженіе чужимъ имуществомъ, тѣмъ самымъ принимаетъ на себя и обязанность заботиться объ интересахъ лица, ввѣрившаго ему таковое, и потому долженъ прилагать всякія старанія для возможно выгодной продажи представленныхъ ему цѣнныхъ бумагъ. Требованіе это тѣмъ болѣе справедливо, что предоставленіе банкиру столь широкаго права распоряженія чужимъ имуществомъ, очевидно, дѣлается съ одной стороны съ цѣлью освободиться отъ обязательной продажи цѣнностей въ первый биржевой день послѣ срока, каковая продажа можетъ оказаться и убыточною, а съ другой въ томъ предположеніи, что банкиръ, какъ болѣе опытное въ биржевыхъ операціяхъ лицо, выберетъ удобнѣйшее и выгоднѣйшее время для продажи. Конечно, состояніе биржи и биржевыя цѣны на извѣстныя бумаги только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ зависятъ отъ произвола отдѣльнаго биржевого торговца, а потому и самый добросовѣстный банкиръ можетъ ошибиться въ своихъ разсчетахъ и понести убытки какъ на свои собственныя, такъ и на ввѣренныя ему другими цѣнныя бумаги, но при подобной неудачной продажѣ внесенныхъ ему въ обезпеченіе цѣнностей, на банкирскую контору по крайней мѣрѣ должна быть возложена обязанность представить собственнику оныхъ объясненія о причинахъ, заставившихъ ее дѣйствовать именно такимъ, а не инымъ образомъ, обсужденіе же степени уважительности этихъ причинъ, въ случаѣ спора, должно быть предоставлено суду. Необходимость огражденія такимъ способомъ интересовъ лицъ, внесшихъ бумаги въ обезпеченіе текущаго счета, явствуетъ изъ того, что банкирская контора сама можетъ явиться покупщицею продаваемыхъ ею чужихъ бумагъ и въ такомъ случаѣ собственные ея интересы сталкиваются съ интересами тѣхъ лицъ, выгоды которыхъ она должна соблюдать. Примѣняя изложенныя соображенія къ настоящему дѣлу и принимая во вниманіе: 1) что контора товарищества Делафаръ и К°, пріобрѣтя за невзносомъ Абрагамсономъ 14 октября 1891 г., согласно увѣдомленію отъ 13 октября 1891 г., дополнительнаго обезпеченія его текущаго счета on call, уже 17 октября, т. е. три дня спустя (§§ 2 и 3 напечатанныхъ на оборотѣ подписаннаго Абрагамсономъ обязательства отъ 13 декабря 1890 г. правилъ), право продать находившіяся у нея цѣнныя бумаги Абрагамсона (300 акцій Центральнаго банка, 100 акцій Грязе-Царицын-

ской желѣзной дороги и 100 акцій Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги), этимъ своимъ правомъ тогда же не воспользовалась, а произвела продажу бумагъ лишь 9 января 1892 г. за сумму всего 32.140 руб., основываясь при этомъ на предоставленномъ ей приведеннымъ § 3 правомъ продажи бумагъ „по ея усмотрѣнію во всякое время“; 2) что по неопровергнутому конторою Делафаръ заявленію апеллятора, повѣреннаго конкурса Абрагамсона, биржевой курсъ 9 января 1892 г.—былъ гораздо убыточнѣе для Абрагамсона сравнительно съ таковымъ 17 октября 1891 г., было выручено отъ продажи принадлежащихъ Абрагамсону вышепоименованныхъ бумагъ лишь 32.140 руб., тогда какъ 17 октября 1891 г. отъ этой продажи было бы выручено 34.300 руб., т. е. на 2.160 руб. болѣе; 3) что какихъ-либо объясненій о причинахъ, заставившихъ контору Делафаръ продать бумаги Абрагамсона 9 января 1892 г. по курсу явно убыточному для ввѣрившаго ихъ конторѣ Абрагамсона, повѣренный ея вовсе не представляетъ,—Прав. Сенатъ согласно изложеннымъ выше соображеніямъ находитъ, что заявленіе апеллятора объ обязательности опредѣленія денежной стоимости бумагъ Абрагамсона по биржевому курсу 17 октября 1891 г., а не по курсу 9 января 1892 г., представляется вполнѣ правильнымъ и согласнымъ съ установившимся торговымъ обычаемъ, и что, слѣдовательно, разница въ курсѣ въ пользу Абрагамсона въ вышесказанной, неоспоренной конторою Делафаръ, суммѣ 2.160 руб. подлежитъ вычету изъ суммы заявленной конторою къ Абрагамсону претензіи 19.143 руб. 8 коп., каковая претензія, такимъ образомъ, опредѣлится суммою 16.983 руб. 8 коп.—За таковымъ же разрѣшеніемъ дѣла, т. е за признаніемъ обязательности для торговаго дома „Делафаръ и К°“ произвести окончательный разсчетъ съ Абрагамсономъ по реализаціи его депо по курсу 17 октября 1891 г., то-есть еще задолго до открытія несостоятельности Абрагамсона, теряетъ уже свое значеніе второй приводимый апелляторомъ доводъ о неправильности продажи конторою Делафаръ бумагъ Абрагамсона послѣ состоявшагося 8 января 1892 г. открытія несостоятельности послѣдняго безъ увѣдомленія о продажѣ присяжнаго попечителя. По симъ основаніямъ и имѣя въ виду, что никакихъ другихъ доводовъ противъ правильности претензіи товарищества „Делафаръ и К°“, подтверждающейся выписями изъ его торговыхъ книгъ и другими представленными къ дѣлу документами, апелляторъ не приводитъ,—Прав. Сенатъ признаетъ претензію товарищества „Делафаръ и К°“ къ несостоятельному должнику Абрагамсону правильною и подлежащею отнесенію къ долгамъ Абрагамсона 1-го рода въ суммѣ 16.983 руб. 8 коп. (19.143 руб. 8 коп. признанныхъ Ком. Судомъ, — 2.160 руб. разницы въ курсѣ 17 октября 1891 г. и 9 января 1892 г.). А потому и руководствуясь ст. 581 и 602 Уст. Суд. Торг., Прав. Сенатъ въ измѣненіе состоявшагося по сему дѣлу рѣшенія Спб. Ком. Суда претензію товарищества „Делафаръ и К°“ къ несостоятельному должнику Абрагамсону

призналъ долгомъ послѣдняго перваго рода въ суммѣ 16.983 р. 8 к. (1894 г., № 1441; тоже, 1896 г., 1062).

338|230. При разрѣшеніи дѣлъ по искамъ, вытекающимъ изъ сдѣлокъ спеціальнаго текущаго счета „on call“, заключаемыхъ между частными лицами и банкирскими конторами, неимѣющими особаго устава и дѣйствующими на общемъ основаніи законовъ наравнѣ съ частными лицами,—Суды должны, руководствуясь ст. 327 Уст. Суд. Торг. (изд. 1903 г.), примѣнять торговые обычаи, по сдѣлкамъ этого рода установившіеся, признанные и неоднократно примѣнявшіеся въ судебной практикѣ Прав. Сената (1887 г., № 417; 1889 г., № 1770 и 1890 г., № 1509), а не спеціальныя постановленія ст. 76 и 77 Уст. Госуд. банка, относящіяся лишь къ сдѣлкамъ срочной ссуды, существенно отличающимся отъ сдѣлокъ по спеціальному текущему счету. Согласно торговому обычаю спеціальный текущій счетъ можетъ быть закрытъ и ликвидированъ заимодавцемъ во всякое время по его усмотрѣнію, необходимо лишь предувѣдомленіе должника о ликвидаціи съ требованіемъ о внесеніи въ теченіе нѣсколькихъ дней—не менѣе 3-хъ до пяти—платежа или дополнительнаго обезпеченія (1892 г., № 90).

339. Въ практикѣ Московскихъ банковъ и банкирскихъ установленій существуетъ обыкновеніе посылать кліентамъ предувѣдомленія о необходимости урегулированія счета, безъ назначенія какого-либо срока, но предувѣдомленія эти имѣютъ значеніе простого предупрежденія, не дающаго банку право приступить къ продажѣ цѣнностей безъ новаго требованія, въ которомъ долженъ быть указанъ срокъ, согласно условіямъ договора. Въ виду сего, Правительствующій Сенатъ призналъ, что неисполненіе кліентомъ требованія Банка о взносѣ „въ ближайшемъ времени“ 2.000 р. для урегулированія его счета, не давало банку права ликвидировать депо кліента до предъявленія къ нему новаго требованія съ точнымъ указаніемъ срока ликвидаціи. Поэтому разсчетъ между банкомъ и кліентами долженъ быть произведенъ по курсу дня, когда истекъ назначенный банкомъ срокъ представленія дополнительнаго обезпеченія (1910 г., № 2275).

340|231. Напечатанныя на оборотѣ заявленія объ открытіи спеціальнаго текущаго счета „on call“ правила обязательны для обоихъ контрагентовъ, и если въ нихъ непосредственно указанъ срокъ для доставленія по требованію банка дополнительнаго обезпеченія по ссудѣ, то продажа банкомъ процентныхъ бумагъ по счету до истеченія этого срока не должна имѣть мѣста, а въ случаѣ производства таковой, разсчетъ по ликвидаціи ихъ долженъ быть произведенъ между контрагентами по курсу биржевого дня слѣдующаго за назначеннымъ правилами срокомъ (1898 г.—Пржисецкаго и 1894 г., Квитте; сб. Вильсона I, № 167).

341|232. Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что за необжалованіемъ рѣшенія Московскаго Коммерческаго Суда по настоящему дѣлу со стороны отвѣтчика надлежитъ признать установленнымъ: 1) что увѣдомивъ Арзуманова 26 января 1904 года о необходимости дополнительнаго взноса въ размѣрѣ 8.000 руб. по открытому Арзуманову счету „on call“, Московское Агентство Ліонскаго Кредита, въ силу § 9 правилъ сего банка относительно кредитовъ „on call“, могло, въ виду непредставленія требуемаго обезпеченія, продать принадлежащія Арзуманову бумаги лишь въ ближайшій биржевой день послѣ истеченія установленнаго сими правилами трехдневнаго срока для взноса добавочнаго обезпеченія, т. е. 29 января 1904 г.; произведя же продажу бумагъ до истеченія сего срока, Агентство является отвѣтственнымъ предъ Арзумановымъ за причиненные ему таковой преждевременной продажей убытки, и 2) что размѣръ убытковъ опредѣляется разницею въ цѣнѣ, по которой бумаги были проданы, и тою цѣною, которая была бы выручена, если бы продажа была произведена 29 января 1904 г. При такомъ положеніи дѣла разрѣшенію Правительствующаго Сената, по содержанію апелляціонной жалобы, подлежитъ только вопросъ о томъ, правильно ли Московскій Коммерческій Судъ при установленіи размѣра убытковъ, понесенныхъ Арзумановымъ, основалъ свой разсчетъ на минимальныхъ биржевыхъ отмѣткахъ, значащихся для проданныхъ за счетъ Арзуманова цѣнностей въ котировочной таблицѣ Московской биржи отъ 29 января 1904 г. Въ отношеніи сего вопроса Правительствующій Сенатъ находитъ, что по неоднократнымъ разъясненіямъ Правительствующаго Сената (1889 г., № 1770; 1887 г., № 417; 1894 г., № 1441) лицо, выдавшее ссуду по счету „on call“ и не продавшее бумаги въ первый биржевой день послѣ срока, назначеннаго для ихъ выкупа, можетъ ихъ продать впослѣдствіи не иначе какъ по курсу высшему противъ существовавшаго въ ближайшій биржевой день. Изъ сего вытекаетъ, что если въ ближайшій биржевой день послѣ срока, назначеннаго для выкупа %/о бумагъ, курсъ на эти бумаги подвергался колебаніямъ, то при установленіи цѣны, по которой %/о бумаги должны были быть проданы, надлежитъ принять въ основаніе разсчета именно высшую цѣну изъ стоявшихъ въ тотъ день на биржѣ. Хотя приведенныя положенія относятся непосредственно лишь къ тому случаю, когда ликвидація счета „on call“ произведена послѣ срока, назначеннаго для выкупа бумагъ, но нѣтъ основанія признавать ихъ непримѣнимыми и къ тому случаю, когда экзекуціонная продажа %/о бумагъ состоялась и ранѣе установленнаго срока, по нижеслѣдующимъ соображеніямъ: изъ мотивовъ вышеуказанныхъ рѣшеній Правительствующаго Сената видно, что необходимость ликвидаціи счета „on call“ по курсу высшему противъ того, который существовалъ въ первый биржевой день послѣ срока, назначеннаго для выкупа %/о бумагъ въ тѣхъ случаяхъ, когда экзекуціонная продажа состоялась не въ

установленный для сего день, а впослѣдствіи, вызвана между прочимъ тѣмъ, что лицо, выдавшее ссуду, само можетъ явиться покупщикомъ продаваемыхъ имъ чужихъ бумагъ, причемъ въ такомъ случаѣ собственные его интересы сталкиваются съ интересами тѣхъ лицъ, которыя внесли бумаги въ обезпеченіе счета „on call“. Но то же самое положеніе можетъ получиться и при экзекуціонной продажѣ ранѣе срока, такъ какъ и въ этомъ случаѣ лицо, выдавшее ссуду, можетъ явиться покупщикомъ бумагъ и можетъ, слѣдовательно, оказаться заинтересованнымъ въ ликвидаціи счета кліента по возможной низкой цѣнѣ. Въ настоящемъ дѣлѣ наличность подобнаго положенія (по крайней мѣрѣ, въ отношеніи части бумагъ Арзуманова) представляется весьма правдоподобной, ибо по утвержденію банка, подкрѣпляемому ссылкою на удостовѣреніе биржевого маклера Молленгауера отъ 3 іюня 1904 г., часть принадлежавшихъ Арзуманову % бумагъ была продана на Московской биржѣ 27 января 1904 г., тогда какъ изъ представленной со стороны истца къ дѣлу котировки Московской биржи отъ 27 января видно, что въ этотъ день никакихъ сдѣлокъ съ акціями Московско-Рыбинско-Виндавской жел. дор. и Юго-Восточныхъ жел. дор. на Московской биржѣ заключено не было. Имѣя въ виду, что это обстоятельство даетъ основаніе для вывода, что часть бумагъ была банкомъ оставлена за собою и принимая во вниманіе: 1) что 29 января 1904 г. высшій курсъ принадлежавшихъ Арзуманову цѣнностей, находившихся на его счетѣ „on call“ у Московскаго Агентства Ліонскаго Кредита, былъ для акцій Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дор. 94 руб. 50 коп. и для акцій Юго-Восточныхъ жел. дор. 95 руб.; 2) что, слѣдовательно, сумма, за которую Агентству Ліонскаго Кредита надлежало продать 150 акцій Рыбинскихъ и 350 Юго-Восточныхъ опредѣляется въ 47.425 руб.; 3) что эти цѣнности были въ дѣйствительности показаны проданными Ліонскимъ Кредитомъ за 41.712 руб.; 4) что такимъ образомъ убытокъ, причиненный Арзуманову несвоевременною ликвидаціею принадлежавшихъ ему % бумагъ выражается въ суммѣ 5.713 руб.,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что сверхъ присужденныхъ Московскимъ Коммерческимъ Судомъ въ пользу Арзуманова 3.438 руб. надлежитъ взыскать съ Московскаго Агентства Ліонскаго Кредита еще сумму 2.275 руб. (1906 г., № 638).

342|233. По существующему обычаю, если лицо, выдавшее ссуду (по счету on call), не продастъ бумагъ въ первый биржевой день послѣ срока, назначеннаго для выкупа бумагъ или представленія дополнительнаго обезпеченія, то можетъ ихъ продать впослѣдствіи не иначе, какъ по курсу высшему противъ существовавшаго въ ближайшій биржевой день, или, по крайней мѣрѣ, лишь по увѣдомленіи контрагента съ назначеніемъ ему новаго срока (1889 г., № 1770). Но если

кліентъ, получивъ отъ банка, уже послѣ назначеннаго для ликвидаціи срока, выписку своего счета, въ коемъ въ его депо показаны тѣ именно цѣнныя бумаги, которыя подлежали продажѣ, не заявитъ протеста противъ произведенной банкомъ безъ его согласія отсрочки ликвидаціи, то онъ долженъ считаться изъявившимъ согласіе на отсрочку и не вправѣ уже ссылаться на первоначальное требованіе банка, какъ на основаніе для производства съ нимъ разсчета (1909 г., № 1466, Гучкова съ Сѣв. Банкомъ).

343. Если въ обезпеченіе по онкольному счету выданъ срочный векселъ, то при продолжающихся между сторонами отношеніяхъ по счету векселъ въ случаѣ недостаточности иного обезпеченія можетъ быть предъявленъ ко взысканію для покрытія счета.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ обжалованное М. опредѣленіе Коммерческаго Суда, присудившаго съ М. въ пользу Г. по векселю 5.068 р. 39 коп., правильнымъ и отмѣнѣ не подлежащимъ. Апелляторъ утверждаетъ, что такъ какъ положенный въ основаніе настоящаго иска векселъ выданъ былъ имъ М. лишь въ обезпеченіе его онкольнаго счета и притомъ подъ условіемъ, чтобы процентныя бумаги отвѣтчика не продавались принудительно, то нынѣ, въ виду продажи этихъ бумагъ истцомъ, послѣдній обязанъ вышеозначенный векселъ вернуть отвѣтчику, а разницу искать съ него по онкольному счету. Приведенное соображеніе должно быть, однако, признано неосновательнымъ, въ виду того, что такъ какъ, по объясненію самого отвѣтчика, спорный векселъ, подобно нѣсколькимъ другимъ векселямъ, выданъ былъ въ обезпеченіе могущей произойти разницы въ курсѣ процентныхъ бумагъ, то, по справедливому заключенію суда, изъ этого обезпечительнаго характера векселя съ несомнѣнностью вытекаетъ, что, какъ скоро образовалась и не уплачена М. вышеупомянутая разница и наступилъ срокъ векселю, у истца возникло право требовать уплаты по оному отъ Мясоѣдова. Равнымъ образомъ неправильнымъ является и утвержденіе истца, что на судѣ было измѣнено основаніе иска, такъ какъ въ засѣданіи суда разсчеты между сторонами производились на основаніи спеціальнаго текущаго счета, а не по векселю, между тѣмъ въ дѣйствительности основаніе иска не было измѣнено, такъ какъ таковымъ все время оставался векселъ, что же касается до разсчетовъ по онкольному счету, то приведеніе ихъ именно имѣло цѣлью доказать валютность положеннаго въ основаніе иска векселя, а сверхъ того обусловливалось и защитою противъ встрѣчнаго иска, отъ котораго отвѣтчикъ всецѣло отказался на судѣ. Что же касается до указанія апеллятора что по векселю, срокъ коему наступилъ еще 1 ноября 1902 г. отыскивается долгъ, образовавшійся лишь къ 27 января 1905 г., то таковое указаніе не можетъ

имѣть въ настоящемъ дѣлѣ значенія потому, что съ одной стороны неблагопріятная для М. разница по спеціальному текущему счету съ теченіемъ времени подвергалась колебаніямъ и уменьшилась, а не наоборотъ, а съ другой стороны и по наступленіи срока векселю, разъ онъ не былъ оплаченъ М. и онкольныя отношенія между сторонами продолжались, вексель этотъ продолжалъ служить обезпеченіемъ и по отношенію къ дальнѣйшимъ ихъ операціямъ. Переходя, наконецъ, къ сдѣланному повѣреннымъ М. въ засѣданіи Правительствующаго Сената по настоящему дѣлу указанію, что продажа лежавшихъ въ обезпеченіе онкольнаго счета М. акцій имѣла мѣсто до истеченія надлежащаго трехдневнаго срока со дня полученія М. письма конторы Юнкера, писаннаго отъ 24 января 1905 г., Правительствующій Сенатъ признаетъ таковое обстоятельство не имѣющимъ въ дѣлѣ рѣшающаго значенія, а посему и заявленныя повѣреннымъ отвѣтчика ходатайства о выдачѣ ему свидѣтельства на полученіе справокъ о томъ, когда именно вышеозначенное письмо Юнкера было М. получено и когда засимъ послѣдній послалъ Юнкеру телеграмму, не подлежащимъ уваженію, такъ какъ обязанность М. исполнить требованіе конторы Юнкеръ возникло гораздо ранѣе письма 24 января, которое явилось лишь извѣщеніемъ М. конторѣ о послѣдней отсрочкѣ. По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшительное опредѣленіе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда по настоящему дѣлу оставить въ силѣ (1908 г., № 2107).

344|234. Альтернативное право ссудодателя продать обезпечительныя бумаги или оставить ихъ за собою.

По существующему обычаю, какъ неоднократно разъяснялось уже Прав. Сенатомъ, лицо, у котораго находятся бумаги, данныя въ обезпеченіе спеціальнаго текущаго счета „on call“, если находитъ, что бумаги эти недостаточно обезпечиваютъ выданную ссуду, можетъ требовать отъ лица, получившаго ссуду, взноса дополнительнаго обезпеченія или уплаты долга въ назначенный срокъ; если же долгъ не будетъ уплаченъ, или дополнительное обезпеченіе не будетъ внесено, то вправѣ продать бумаги по курсовой цѣнѣ или оставить ихъ въ той же цѣнѣ за собою. Такое альтернативное право, признаваемое за ссудодателемъ и ст. 2168 т. X ч. I Зак. Гражд., объясняется тѣмъ соображеніемъ, что для представившаго залогъ или обезпеченіе по счету on call совершенно безразлично, проданъ ли его залогъ вслѣдствіе наступленія извѣстныхъ предусмотрѣнныхъ соглашеніемъ условій по опредѣленной биржевой цѣнѣ третьему лицу или остался въ той же цѣнѣ въ рукахъ самого открывшаго ему кредитъ лица, ибо ему важно лишь, чтобы его счетъ былъ реализованъ по опредѣленному курсу, чтобы въ кредитъ его счета поставлена была дѣйствительная стоимость его обезпечительныхъ бумагъ на покрытіе долга, каковое условіе, очевидно, имѣетъ одинаково

мѣсто, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Посему вопросъ о томъ, проданы ли обезпечительныя бумаги банкиромъ третьему лицу, или оставлены имъ по существовавшему биржевому курсу за собою, представляется въ отношеніи ликвидаціи on call'наго счета безразличнымъ (1896 г., № 1364).

345|235. Присяжный попечитель по дѣламъ несостоятельнаго банка не обязанъ помимо биржи искать покупателей на представленныя въ обезпеченіе текущаго счета „on call" бумаги, за невозможностью же продать ихъ на биржѣ (на которой онѣ вовсе не котировались) всѣ невыгодныя отъ сего послѣдствія должны падать на собственника бумагъ, неозаботившагося ихъ выкупомъ.

Приступая, вслѣдствіе апелляціонной жалобы Гольдберга, къ обсужденію настоящаго дѣла и соглашаясь вполнѣ съ правильностью объясненій апеллятора о томъ, что по существующему торговому обычаю, неоднократно подтвержденному и рѣшеніями Прав. Сената, лицо, у котораго находятся бумаги данныя въ обезпеченіе спеціальнаго текущаго счета (on call), если находитъ, что эти бумаги недостаточно обезпечиваютъ выданную ссуду, можетъ требовать отъ лица, получившаго ссуду, взноса дополнительнаго обезпеченія или уплаты долга въ назначенный срокъ, если же долгъ не будетъ уплаченъ или дополнительное обезпеченіе не будетъ внесено, то вправѣ и обязано продать бумаги по курсовой цѣнѣ въ ближайшій биржевой день послѣ назначеннаго для взноса, или оставить за собою, подъ отвѣтственностью, въ случаѣ неисполненія сего, за могущіе произойти отъ этого убытки,—Прав. Сенатъ не находитъ, однако, возможнымъ принять эти общія положенія за основаніе къ присужденію Гольдбергу въ данномъ частномъ случаѣ отыскиваемой имъ съ ликвидаціонной комиссіи по дѣламъ несостоятельнаго Россійскаго торговаго и комиссіоннаго банка суммы по слѣдующимъ соображеніямъ: заявленіе присяжнаго попечителя по дѣламъ банка Гольдбергу о выкупѣ обезпечивающихъ его долгъ акцій „Россіянина" послано было 1 ноября 1893 г., а слѣдовательно, не получивъ отъ Гольдберга отвѣта, присяжный попечитель долженъ былъ продать ихъ 4 ноября того же года (т. е. на слѣдующій по истеченіи назначеннаго на выкупъ акцій срока день) по существующей биржевой цѣнѣ, или же могъ оставить ихъ по той же цѣнѣ за собою. Между тѣмъ изъ показаній допрошенныхъ по настоящему дѣлу, въ качествѣ экспертовъ, двухъ биржевыхъ маклеровъ усматривается, что въ первыхъ числахъ ноября 1893 г., т. е. въ то время, когда, согласно изложенному, наступала для присяжнаго попечителя обязанность продать акціи общества „Россіянинъ", эти послѣднія на биржѣ вовсе не котировались и опредѣленной биржевой цѣны не имѣли, никакихъ же доказательствъ противному со стороны Гольдберга къ

дѣлу не представлено. Что же касается показанія третьяго эксперта, гражданскаго инженера Викторова, то съ одной стороны показанію этому, какъ исходящему отъ неспеціалиста по биржевымъ дѣламъ и служившаго въ обществѣ, по вполнѣ правильному заключенію Ком. Суда, рѣшающаго значенія придавать невозможно, а съ другой стороны и по существу показаніе это не имѣетъ приписываемаго ему апелляторомъ значенія, ибо, по словамъ Викторова онъ *считалъ*, что могъ бы продать свои акціи по 200 руб. за штуку, и что акціи эти возможно было продать акціонерамъ; а слѣдовательно показаніе это удостовѣряетъ не какіе нибудь положительные факты, а лишь предположенія самого Викторова. Въ виду сего и такъ какъ присяжный попечитель не обязанъ былъ помимо биржи искать покупателей на принадлежавшія Гольдбергу акціи среди частныхъ лицъ, продать же ихъ на биржѣ—съ чѣмъ согласенъ и апелляторъ—ему представлялось фактически невозможнымъ, то и о примѣненіи въ данномъ случаѣ указанныхъ выше правилъ, установленныхъ для on call'ныхъ отношеній, не можетъ быть рѣчи и отъ самого Гольдберга, при такихъ условіяхъ, зависѣло, въ огражденіе своихъ интересовъ, или самому озаботиться выкупомъ принадлежавшихъ ему бумагъ, или указать присяжному попечителю тотъ путь, которымъ онъ могъ бы достичь реализаціи ихъ помимо общеустановленнаго на сей случай порядка продажи ихъ на биржѣ. При установленной, такимъ образомъ, по дѣлу невозможности не только опредѣлить биржевую стоимость принадлежавшихъ Гольдбергу, обезпечивающихъ его on call'ный счетъ акцій въ день обязательной продажи ихъ, но и при невозможности самой продажи ихъ на биржѣ, требованіе Гольдберга о взысканіи съ ликвидаціонной комиссіи по дѣламъ несостоятельнаго Россійскаго торговаго и комиссіоннаго банка номинальной стоимости этихъ акцій,—каковою стоимостью разсчеты при ликвидаціи on call'ныхъ отношеній вовсе не опредѣляются (они опредѣляются лишь биржевою стоимостью въ назначенный для ликвидаціи срокъ),—должно быть признано лишеннымъ правильнаго основанія, а засимъ и согласное съ этимъ выводомъ рѣшеніе Спб. Ком. Суда представляется вполнѣ правильнымъ и отмѣнѣ не подлежащимъ (1895 г., № 1332).

346|236. При отношеніяхъ по текущему счету „on call“ передача открывшему счетъ процентныхъ бумагъ не служитъ, сама по себѣ, доказательствомъ права его оперировать съ этими бумагами, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто при комиссіи, а для сего необходима наличность особаго уполномочія со стороны лица, представившаго бумаги. *Послѣдующее одобреніе данной операціи должно быть точно и ясно установлено.* Лицо, открывшее

текущій счетъ „on call“, имѣя право назначить по своему усмотрѣнію срокъ для ликвидаціи взаимныхъ разсчетовъ и назначивъ уже такой срокъ, можетъ отъ осуществленія такого своего права отказаться *и отсрочить ликвидацію до другого времени;* если отсрочка послѣдовала на неопредѣленное время, то необходимо новое увѣдомленіе контрагента о срокѣ ликвидаціи.

Приступая, вслѣдствіе апелляціонной жалобы повѣреннаго Россійскаго Торговаго и Комиссіоннаго Банка, къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что оспаривая правильность рѣшенія Спб. Ком. Суда, присудившаго съ банка въ пользу Исаковой 7.362 р. 62 к. и отказавшаго во встрѣчномъ искѣ банка въ суммѣ 60.282 р. 60 к. и доказывая прежде всего обязательность для Исаковой сдѣлокъ съ процентными ея бумагами, совершенныхъ банкомъ въ сентябрѣ и октябрѣ 1889 г., Исаковою не признаваемыхъ, апелляторъ утверждаетъ, что отношенія Исаковой къ банку были отношеніями коммитента къ комиссіонеру; комиссіонныя же отношенія не требуютъ вовсе обязательнаго облеченія ихъ въ довѣренность, полномочіе или письменные приказы для исполненія отдѣльныхъ дѣйствій, а могутъ доказываться и фактическими данными и обстоятельствами,—письмами и свидѣтельскими показаніями. Обращаясь въ виду такого указанія апеллятора къ обсужденію существовавшихъ между банкомъ и Исаковою отношеній, Прав. Сенатъ находитъ, что какъ видно изъ подписки Исаковой отъ 21 мая 1888 г., между Россійскимъ Торговымъ и Комиссіоннымъ Банкомъ и Исаковою состоялось соглашеніе объ открытіи ей банкомъ спеціальнаго текущаго счета (on call), сущность какового соглашенія заключается въ томъ, что одна сторона, въ данномъ случаѣ банкъ, выдаетъ другой, своему кліенту, ссуду подъ обезпеченіе процентныхъ бумагъ и при томъ не на какой либо опредѣленный срокъ, а до востребованія, по воспослѣдованіи какового требованія кліентъ обязывается внести или выданную ему ссуду, или дополнительное обезпеченіе, въ противномъ же случаѣ банкъ удовлетворяетъ себя продажею обезпечивающихъ ссуду бумагъ, право распоряженія которыми, слѣдовательно, какъ всякимъ вообще залогомъ, переходитъ къ банку лишь послѣ просрочки заемщикомъ назначеннаго ему банкомъ срока погашенія ссуды въ полномъ размѣрѣ или въ части. Изъ этого вытекаетъ, что отношенія „on call“-ныя, сами по себѣ, ничего общаго съ отношеніями комиссіонными не имѣютъ. Если при комиссіонныхъ отношеніяхъ самая передача лицу товара или вообще предмета сдѣлки о комиссіи и служитъ уже сама по себѣ доказательствомъ уполномочія этого лица въ качествѣ комиссіонера на продажу такового, то при отношеніяхъ по спеціальному текущему счету

передача процентныхъ бумагъ доказательствомъ предоставленія открывшему счетъ уполномочія на продажу ихъ или вообще на производство съ ними по его усмотрѣнію операцій, очевидно, служить не можетъ, вслѣдствіе чего и существованіе между Исаковою и Россійскимъ Торговымъ и Комиссіоннымъ Банкомъ комиссіонныхъ отношеній не можетъ быть выведено изъ одного факта существованіе между ними on call'ныхъ разсчетовъ. Для того, чтобы за банкомъ могло быть признано право на оперированіе съ представленными Исаковою акціями и процентными бумагами, чтобы помимо отношеній по счету „on call" банкъ являлся комиссіонеромъ Исаковой, необходимо, чтобы у банка имѣлось на то спеціальное уполномочіе, доказать существованіе котораго тѣмъ или другимъ способомъ лежитъ, очевидно, на банкѣ, какъ сторонѣ, его утверждающей. Что необходимость такого полномочія или порученія со стороны Исаковой для продажи ея процентныхъ бумагъ и для покупки за ея счетъ новыхъ сознавалась и самимъ банкомъ, видно изъ того, что послѣдній, извѣщая Исакову о совершенныхъ за ея счетъ, оспоренныхъ впослѣдствіи, сдѣлкахъ, писалъ каждый разъ въ увѣдомительныхъ его письмахъ, что данная операція совершена „по порученію Вашему". Обращаясь посему къ тѣмъ приводимымъ апелляторомъ даннымъ, которыя, по его мнѣнію, доказываютъ наличность у банка полномочія Исаковой на совершеніе оспариваемыхъ ею нынѣ сдѣлокъ, Прав. Сенатъ находитъ, что какъ на единственное въ этомъ отношеніи доказательство апелляторъ ссылается на письма Исаковой къ Петлину отъ 23 октября 1888 г. и отъ 10 декабря 1889 г., а также на фактъ дачи Исаковою послѣ 14 августа 1889 г., передъ отъѣздомъ за границу, порученія банку продать изъ ея депо 100 билетовъ 1-го внутр. съ выигрышами займа. Но письмо Исаковой отъ 23 октября 1888 г., не говоря уже о томъ, что таковое, по времени его написанія (за годъ до совершенія оспариваемыхъ сдѣлокъ), къ настоящему дѣлу никакого отношенія имѣть не можетъ, заключаетъ въ себѣ исключительно предвареніе о полученіи изъ Международнаго Банка на ея имя 6% закладныхъ листовъ Тульскаго Земельнаго Банка на сумму 13.000 руб. и просьбу купить акціи Волжско-Камскаго Банка, а слѣдовательно, ничего такого, что могло бы служить доказательствомъ предоставленія Исаковою банку общаго полномочія на распоряженіе ея процентными бумагами въ себѣ не содержитъ, а скорѣе должно привести къ тому выводу, что на всякую операцію Исакова давала банку спеціальное, точно опредѣленное порученіе. Равнымъ образомъ не имѣетъ въ этомъ именно отношеніи, по самому содержанію своему, значенія и второе изъ приведенныхъ писемъ Исаковой отъ 10/22 декабря 1889 г., такъ какъ оно никакихъ порученій или приказовъ въ себѣ не содержитъ. Наконецъ, нельзя усмотрѣть общаго банку полномочія и въ томъ, что по сведеніи съ банкомъ разсчета 14 августа 1889 г., Исакова препоручила банку продажу 100 билетовъ 1-го внутрен. съ выигр. займа, а напротивъ того, дача такого спеціальнаго по-

рученія устраняетъ предположеніе о существованіи общаго полномочія. Но лучшимъ доказательствомъ дѣйствительнаго отсутствія у банка полномочій Исаковой на совершеніе оспариваемыхъ ею нынѣ операцій служитъ письмо банка Исаковой отъ 9 марта 1890 г., въ коемъ банкъ, возражая на письмо Исаковой отъ 24 февраля 1890 г., оспаривавшей всѣ сдѣлки, совершенныя банкомъ послѣ 14 августа 1889 г., и доказывая обязательность таковыхъ для Исаковой, въ оправданіе свое ссылается вовсе не на учиненіе этихъ сдѣлокъ по порученію Исаковой, а лишь на то, что объ этихъ сдѣлкахъ (уже послѣ ихъ совершенія) ей посылались увѣдомительныя письма, которыя остались безъ всякаго съ ея стороны отвѣта, изъ чего банкъ только и выводитъ обязательность ихъ для Исаковой. Признавая, такимъ образомъ, дачу Исаковой банку порученія на операціи съ ея % бумагами ничѣмъ по дѣлу не установленною и принимая во вниманіе, что хотя такого рода порученія, какъ порученія комиссіонныя, и могли быть даны Исаковою словесно, а потому и могли бы быть доказываемы свидѣтелями, но въ данномъ случаѣ предположеніе о существованіи такихъ отдѣльныхъ словесныхъ порученій Исаковой на составляющія предметъ настоящаго спора сдѣлки допущено быть не можетъ въ виду того, что во время совершенія оныхъ Исакова находилась за границей, Прав. Сенатъ признаетъ заключеніе С.-Петербургскаго Ком. Суда объ отсутствіи у банка полномочій со стороны Исаковой на учиненіе оспариваемыхъ ею операцій съ % бумагами вполнѣ правильнымъ. Переходя засимъ къ указанію апеллятора на то, что если бы даже и отвергнуть существованіе у банка полномочій Исаковой на совершеніе операцій, произведенныхъ банкомъ за ея счетъ въ сентябрѣ и октябрѣ 1889 г., то таковыя, не взирая на это, все-таки должны быть признаны для нея обязательными въ силу одобренія этихъ сдѣлокъ Исаковою, выразившагося въ томъ, что посланныя ей банкомъ увѣдомительныя о сдѣлкахъ письма и выписка изъ контокуррента на 1 октября 1889 г. оставлены были Исаковою безъ всякаго отвѣта, Прав. Сенатъ находитъ, что *признаніе даннаго дѣйствія правильнымъ въ виду послѣдующаго его одобренія можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если это одобреніе ясно выражено* и вполнѣ по дѣлу установлено; между тѣмъ, въ настоящемъ случаѣ изъ всѣхъ, имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ, прямого или косвеннаго одобренія Исаковою составляющихъ предметъ спора операцій не усматривается. Начать съ того, что Исакова вполнѣ отрицаетъ фактъ полученія ею своевременно тѣхъ увѣдомительныхъ писемъ и контокуррентовъ, на которые указываетъ апелляторъ. Обстоятельство это въ данномъ случаѣ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что означенные письма и контокурренты посылались банкомъ по Петербургскому адресу Исаковой, тогда какъ она проживала за границей, и что по ничѣмъ не опровергнутому заявленію повѣреннаго Исаковой, изъ копировальныхъ книгъ банка обнаружились относительно переписки съ Исаковой неисправности, заключающіяся въ томъ, что письма отъ позднѣйшихъ чиселъ оказались записанными въ книгу

раньше, чѣмъ письма отъ болѣе раннихъ чиселъ, на свободныхъ листахъ книги. Въ виду этихъ обстоятельствъ на банкъ должна быть возложена обязанность ясными доказательствами подтвердить дѣйствительное полученіе Исаковою его извѣщеній, ибо только въ такомъ случаѣ можно признать, что Исакова дѣйствительно могла узнать ихъ содержаніе и оставленіемъ ихъ безъ возраженій одобрила упоминаемыя въ нихъ сдѣлки. Между тѣмъ никакихъ положительныхъ доказательствъ сему со стороны банка не представлено, а онъ ссылается главнымъ образомъ въ этомъ отношеніи на письмо Исаковой отъ 10/22 декабря 1889 г.; но изъ первой части этого письма, начинающейся съ вопроса „что дѣлаютъ наши дѣла?“ „что бумаги?“ вывести какое-либо заключеніе о знаніи Исаковой о совершенныхъ банкомъ за ея счетъ операціяхъ, очевидно, нельзя. Затѣмъ, что касается приписки къ этому письму: „я очень вами (т. е. Петлинымъ) недовольна за сентябрьскія спекуляціи; если купили, надо было держать, а не продавать черезъ мѣсяцъ съ убыткомъ“, то таковая, вопреки мнѣнію апеллятора, равнымъ образомъ не можетъ быть отнесена къ оспариваемымъ нынѣ Исаковою операціямъ, а именно къ операціи, какъ указываетъ апелляторъ, съ 310 акціями Русскаго для внѣшней торговли банка, проданными 24 октября 1889 г., такъ какъ часть проданныхъ банкомъ 24 октября акцій Русскаго Банка, а именно 110, находились въ депо Исаковой еще къ 14 августа, а потому и приведенныя въ припискѣ къ письму 10/22 декабря выраженія „не довольна сентябрьскими спекуляціями“ и „продавать черезъ мѣсяцъ послѣ покупки“ къ помянутой сдѣлкѣ пріурочены быть не могутъ. Въ виду же того, что кромѣ продажи 1 сентября 175 акцій Волжско-Камскаго Банка и 300 акцій Центральнаго Банка, находившихся въ депо Исаковой еще до 14 августа, никакихъ другихъ операцій по продажѣ % бумагъ банкомъ произведено не было, слѣдуетъ согласиться съ объясненіями повѣренныхъ Исаковой о томъ, что письмо Исаковой отъ 10 декабря 1889 г. относилось къ тѣмъ именно двумъ сдѣлкамъ на срокъ, отъ признанія которыхъ для Исаковой обязательными повѣренный банка отказался, при каковыхъ сдѣлкахъ дѣйствительно имѣла мѣсто продажа черезъ мѣсяцъ послѣ покупки. Имѣя же въ виду полную неустановленность по дѣлу факта своевременнаго полученія Исаковой извѣщеній о совершенныхъ банкомъ за ея счетъ оспариваемыхъ ею нынѣ сдѣлокъ и принимая во вниманіе, что, какъ видно изъ письма банка отъ 9 марта 1890 г., Исакова по полученіи отъ банка ея счетовъ немедленно, въ письмѣ 24 февраля, возбудила противъ правильности оныхъ споръ, каковой споръ продолжала поддерживать и послѣ означеннаго письма банка, при которомъ присланы ей были контокурренты въ исправленномъ видѣ, а равно поддерживаетъ его и нынѣ въ настоящемъ судебномъ производствѣ, Прав. Сенатъ находитъ, что при такихъ условіяхъ къ признанію Исаковой одобрившею дѣйствія банка по спорнымъ операціямъ не представляется никакихъ данныхъ, вслѣдствіе чего и за непредставленіемъ банкомъ

никакихъ доказательствъ противному, оспоренныя Исаковою, совершенныя за ея счетъ банкомъ послѣ 14 августа 1889 г. операціи должны быть, какъ то вполнѣ правильно и заключилъ Спб. Ком. Судъ, признаны для нея необязательными. Обращаясь затѣмъ ко второму спорному въ настоящемъ дѣлѣ вопросу о времени реализаціи процентныхъ бумагъ Исаковой, Прав. Сенатъ находитъ, что какъ обычаемъ, такъ и твердо установившеюся по сему вопросу практикою Ком. Суда и Прав. Сената установлено, что лицо, у котораго находятся бумаги, данныя въ обезпеченіе спеціальнаго текущаго счета „on call“, если усмотритъ, что бумаги эти недостаточно обезпечиваютъ выданную ссуду, можетъ требовать отъ лица, получившаго ссуду, взноса дополнительнаго обезпеченія или уплаты долга въ назначенный срокъ; если же долгъ не будетъ уплаченъ или дополнительное обезпеченіе не будетъ внесено, то вправѣ продать бумаги по курсовой цѣнѣ въ ближайшій биржевой день послѣ назначеннаго для взноса дня или оставить ихъ за собою по той цѣнѣ. Но имѣя такимъ образомъ при подобнаго рода договорныхъ отношеніяхъ право назначить по своему усмотрѣнію срокъ для ликвидаціи взаимныхъ разсчетовъ, лицо, открывшее счетъ и назначившее уже своему контрагенту извѣстный срокъ для этой ликвидаціи, можетъ, очевидно, въ силу обоюднаго соглашенія отъ осуществленія означеннаго своего права, какъ и отъ всякаго иного договорнаго права, отказаться и отсрочить его до другого времени, причемъ, если отсрочка послѣдовала на неопредѣленное время, обязано только вновь предупредить контрагента о назначенномъ имъ для ликвидаціи новомъ срокѣ. Примѣняя эти соображенія къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что хотя Россійскій Торговый и Комиссіонный Банкъ, назначивъ Исаковой, находившейся за границею, въ письмѣ отъ 20 января 1890 г., трехдневный для ликвидаціи ихъ счета срокъ съ предупрежденіемъ, что по истеченіи этого срока бумаги ея будутъ проданы, къ продажѣ этихъ бумагъ не приступилъ и, такимъ образомъ, отсрочилъ имъ же самимъ потребованную ликвидацію разсчетовъ съ Исаковой, но съ другой стороны то обстоятельство, что такая отсрочка не только не противорѣчила, но и вполнѣ согласовалась съ желаніемъ, какъ то и утверждаетъ банкъ, самой Исаковой, подтверждается цѣлымъ рядомъ представленныхъ къ дѣлу документовъ. Такъ, на телеграмму банка отъ 12/24 февраля 1908 г. о томъ, что „приведеніе въ порядокъ (regulation) Вашего (Исаковой) счета спѣшно (urgente) телеграфируйте, что дѣлать съ цѣнностями (valeurs), на которыя мы насчитываемъ съ 1 февраля $7^1/_2{}^0/_0$“, Исакова, телеграммою отъ 17 того же февраля, увѣдомила: „прошу подождать какъ есть (tel quel) рѣшеніе (decision) на будущей недѣлѣ“; затѣмъ въ письмѣ отъ 24 февраля, указывая на встрѣченныя ею въ составленномъ банкомъ ея счетѣ недоразумѣнія, Исакова извѣщаетъ, что означенныя недоразумѣнія лишаютъ ее возможности судить о дѣйствительномъ положеніи ея счета, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаютъ очевидно невозмож-

нымъ и приведеніе его въ порядокъ до представленія надлежащихъ объясненій; наконецъ, по полученіи этихъ объясненій въ письмѣ банка 9 марта, Исакова 22 марта пишетъ, что, не имѣя по болѣзни возможности подробно отвѣчать на это письмо, она поручила ея мужу, имѣющему прибыть въ С.-Петербургъ 5 апрѣля, окончательно выяснить возникшія недоразумѣнія. Такимъ образомъ, предложенная банкомъ въ письмѣ его отъ 20 января 1890 г., ликвидація счета Исаковой должна быть признана съ согласія обѣхъ сторонъ отсроченною, а засимъ и самое письмо банка отъ 20 января, отъ котораго отступился и притомъ, какъ указано, соотвѣтственно желанію и Исаковой самъ банкъ, теряетъ для разрѣшенія настоящаго дѣла всякое значеніе, и не можетъ быть принято за какое-либо основаніе для опредѣленія конечнаго момента существовавшихъ между ними on call'ныхъ отношеній, каковыя отношенія, согласно вышеизложенному, и должны почитаться продолжавшимися впредь до востребованія со стороны банка ихъ окончательнаго прекращенія и назначенія имъ для этого особаго срока. А такъ какъ такое именно требованіе воспослѣдовало со стороны банка лишь въ письмѣ его Исаковой отъ 7 іюня 1890 г., въ коемъ банкъ, ссылаясь на то, что всѣ переговоры по поводу приведенія ея счета въ порядокъ ни къ какому результату не привели и приглашая ее привести этотъ счетъ въ порядокъ, поставилъ Исакову въ извѣстность, что если до 20 іюня 1890 г. это не будетъ исполнено, то по истеченіи означеннаго срока % бумаги, обезпечивающія on call'ный счетъ Исаковой, будутъ проданы, то этотъ именно срокъ и долженъ быть принятъ за основаніе при сведеніи между сторонами ихъ взаимныхъ разсчетовъ, а засимъ слѣдуетъ признать, что и обезпечивавшія счетъ Исаковой процентныя бумаги подлежали продажѣ или оставленію ихъ банкомъ за собою по курсовой цѣнѣ въ ближайшій биржевой послѣ 20 іюня 1890 г. день. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, признавая съ одной стороны контокуррентный счетъ Исаковой въ томъ видѣ, въ какомъ онъ окажется по исключеніи изъ него оспоренныхъ Исаковою въ настоящемъ дѣлѣ сдѣлокъ, а съ другой, процентныя бумаги Исаковой, служившія обезпеченіемъ ея счета, подлежавшими продажѣ банкомъ по курсовой цѣнѣ ближайшаго биржевого послѣ 20 іюня 1890 г. дня,—Прав. Сенатъ находитъ, взаимныя въ настоящемъ дѣлѣ требованія банка и Исаковой, какъ основанныя каждое на выводахъ съ этими двумя положеніями въ ихъ совокупности несогласныхъ, въ предѣлахъ настоящаго производства удовлетворенію не подлежащими. Не входя засимъ, за необжалованіемъ, въ разсмотрѣніе рѣшенія Ком. Суда въ части относительно присужденія банка съ Исаковой по аккредитиву 10.211 р. 71 к. съ %, Прав. Сенатъ опредѣляетъ: 1) состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе Спб. Ком. Суда въ обжалованныхъ частяхъ отмѣнить; 2) признавъ контокуррентный счетъ Исаковой съ Россійскимъ Торговымъ и Комиссіоннымъ банкомъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ долженъ оказаться по исключеніи изъ него оспоренныхъ Исаковой

сдѣлокъ, а служившія обезпеченіемъ сего счета процентныя бумаги Исаковой подлежавшими продажѣ по курсовой цѣнѣ ихъ въ ближайшій послѣ 20 іюня 1890 г. биржевой день,—предоставить сторонамъ произвести сообразно этому взаимные ихъ разсчеты отъ дѣла сего особо (1892 г., № 640).

347 237. Реализованная при ликвидаціи въ опредѣленный назначенный день счета „on call“ сумма должна быть занесена тѣмъ же числомъ въ кредитъ заемщика. Если въ означенный день на биржѣ и не производилось сдѣлокъ съ подлежавшими продажѣ бумагами, то обстоятельство это не служитъ еще доказательствомъ невозможности реализаціи этихъ бумагъ, если бы таковыя были предложены къ продажѣ. При экзекуціонной продажѣ бумагъ банкъ не вправѣ удерживать себѣ комиссіонное вознагражденіе. По прекращеніи (экзекуціонною продажею бумагъ) отношеній по on call'ному счету, банкъ не вправѣ насчитывать на сумму долга проценты въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они были условлены при существованіи тѣхъ отношеній.

Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли СПБ. Ком. Судъ уважилъ споръ Исаковой противъ слѣдующихъ, показанныхъ въ окончательномъ разсчетѣ банка статей: 1) проценты за одинъ день на сумму 481.587 р. 81 к., вырученную банкомъ отъ продажи 21 іюня 1890 г. процентныхъ бумагъ депо Исаковой и поставленную въ кредитъ ея счета 22 того-же іюня, составляющіе 100 р. 30 к.; 2) проценты за 5 дней вслѣдствіе реализаціи банкомъ акцій Привислинскихъ ж. д. того же депо Исаковой 26 іюня 1890 г. вмѣсто 21 іюня, составляющіе, за вычетомъ текущихъ купоновъ, 131 р. 60 к.; 3) комиссіонное вознагражденіе, поставленное банкомъ себѣ въ размѣрѣ $^1/_8\%$ съ вырученной отъ реализаціи бумагъ Исаковой суммы, всего 1.060 р. 87 к., и наконецъ, 4) проценты на сальдо означеннаго контокуррентнаго счета за время съ 27 іюня по 24 сентября 1890 г. изъ $7^1{}_2\%$ годовыхъ. Обращаясь къ разсмотрѣнію первой изъ приведенныхъ спорныхъ статей, Прав. Сенатъ находитъ, что опредѣленіемъ, изложеннымъ въ указѣ СПБ. Ком. Суду 5 мая 1892 г., Прав. Сенатъ установилъ, что процентныя бумаги Исаковой, служившія обезпеченіемъ ея on call'наго счета, для учиненія между нею и банкомъ окончательнаго по оному разсчета должны были быть реализованы банкомъ путемъ продажи ихъ на биржѣ или оставленія за собою

по курсовой ихъ цѣнѣ въ ближайшій послѣ 20 іюня 1890 г. биржевой день, т. е. въ данномъ случаѣ 21 іюня того же года. Такимъ образомъ при зачисленіи въ кредитъ счета Исаковой, для опредѣленія конечнаго результата послѣдняго именно на 21 іюня, биржевой стоимости означенныхъ %-хъ бумагъ въ этотъ день, стоимость эта того же 21 іюня и должна быть поставлена въ этотъ кредитъ, а потому начисленіе банкомъ процентовъ на эту сумму съ означеннаго числа въ виду того предположенія, что банкъ слѣдующія ему за проданныя бумаги деньги могъ бы получить лишь черезъ извѣстный промежутокъ времени, не можетъ быть признано правильнымъ и согласнымъ съ обстоятельствами, сопровождавшими составленіе разсматриваемаго разсчета сторонъ и смысломъ вышеприведеннаго указа Сената. Въ виду сего слѣдуетъ признать, что СПБ. Ком. Судъ, исключивъ означенные проценты изъ счета банка Исаковой, поступилъ вполнѣ правильно. Объясненіе апеллятора по второй спорной статьѣ о томъ, что акціи Привислинскихъ ж. д. не могли быть проданы 21 іюня вслѣдствіе того, что въ этотъ и послѣдующіе дни съ ними на биржѣ никакихъ сдѣлокъ не совершалось, не можетъ имѣть приписываемаго ему апелляторомъ значенія, ибо, какъ то совершенно правильно заключилъ и Ком. Судъ, причиною отсутствія въ сказанные дни сдѣлокъ съ этими акціями могло послужить, что и усматривается изъ представленнаго къ дѣлу биржевого бюллетеня, именно отсутствіе продавцевъ ихъ, каковымъ, однако, согласно приведеннаго указа Сената, долженъ былъ быть 21 іюня банкъ. А потому и въ виду недоказанности утверждаемой апеллляторомъ невозможности предложить акціи Привислинскихъ ж. д. къ продажѣ на биржѣ 21 іюня 1890 г., начисленіе банкомъ на Исакову процентовъ на стоимость этихъ акцій съ 21 по 27 іюня представляется лишеннымъ основанія. Переходя затѣмъ къ слѣдующей спорной статьѣ, а именно къ комиссіонному вознагражденію въ размѣрѣ 1060 р. 87 к., высчитанному банкомъ въ свою пользу изъ вырученной отъ реализаціи депо Исаковой суммы, Прав. Сенатъ находитъ, что изъ соотвѣтствующихъ постановленій устава Росс. Торг. и Ком. Банка отнюдь нельзя вывести, какъ то дѣлаетъ апелляторъ, право банка взимать комиссію и при принудительной, чинимой имъ въ свою пользу продажѣ цѣнностей заемщика, ибо § 21 устава, разрѣшающій банку продажу по просроченному займу съ обезпеченіемъ цѣнными бумагами сихъ послѣднихъ, ничего не говоритъ о комиссіонномъ при этомъ вознагражденіи банка, а § 17 установляетъ комиссію въ пользу банка лишь по продажѣ и покупкѣ, производимымъ имъ за счетъ и по порученію третьихъ лицъ, и всѣмъ *по порученію* операціямъ, поименованнымъ въ п.п. 3—9, 10, 13, 14 и § 14; экзекуціонная же продажа банкомъ обезпечительныхъ бумагъ къ числу продажъ „по порученію“, очевидно, отнесена быть не можетъ. Такое отсутствіе въ уставѣ банка указанія на комиссіонное вознагражденіе его при экзекуціонной продажѣ залоговыхъ цѣнностей не можетъ почитаться случайнымъ и не можетъ исправляться, какъ пробѣлъ, примѣненіемъ

къ такой продажѣ по аналогіи подходящихъ постановленій устава относительно продажъ по порученіямъ, въ виду того, что подобное же различіе въ продажахъ цѣнностей и товаровъ третьихъ лицъ по отношенію къ комиссіонному вознагражденію законъ проводитъ въ положеніяхъ и уставахъ другихъ кредитныхъ учрежденій: опредѣляя случаи и условія принудительной продажи просроченнаго залога, не указываетъ на право прибѣгающаго къ этой мѣрѣ взысканія заимодавца на какое-либо комиссіонное вознагражденіе. Такъ, ст. 78 и 79 Уст. Госуд. Банка (т. XI ч. 2, изд. 1887 г. Уст. Кред.) гласятъ: „въ случаѣ просрочки залога, банкъ имѣетъ право продать залогъ безъ всякаго предувѣдомленія залогодателя: банкъ покрываетъ изъ продажной цѣны залога выданную ссуду и всѣ издержки, а излишекъ возвращаетъ залогодателю“ и ст. 108: „за вычетомъ изъ вырученныхъ при продажѣ денегъ должной банку суммы съ % и пени, остатокъ отдается хозяину товара“; засимъ, ст. 99 Пол. о Гор. Общ. банкахъ указываетъ, что „изъ вырученной продажею % бумагъ суммы удерживаются выданныя въ ссуду деньги съ % за все просроченное время и издержками по продажѣ“. Въ виду изложеннаго, Прав. Сенатъ находитъ начисленіе себѣ банкомъ комиссіоннаго вознагражденія по экзекуціонной продажѣ депо Исаковой, помимо куртажа и прочихъ расходовъ, которые только и могутъ составлять „издержки по продажѣ“, неправильнымъ, а засимъ и сумму такового 1060 р. 87 к. подлежащею исключенію изъ счета Исаковой. Обращаясь наконецъ къ требованію банка процентовъ за время съ 27 іюня по 24 сентября 1890 г. изъ $7^1/_2$ годовыхъ и принимая во вниманіе: 1) что къ 21 іюня 1890 г. отношенія Исаковой къ банку по счету „on call“, согласно вышеизложенному, прекратились, а потому ко взысканію банкомъ съ Исаковой на сумму неуплаченнаго долга, представляющаго уже сальдо по окончательному взаимному разсчету, тѣхъ же процентовъ, какъ и по текущему счету, не представляется никакихъ основаній, ссылка же апеллятора въ семъ отношеніи на телеграмму банка Исаковой отъ 16 февраля 1890 г. не заслуживаетъ уваженія, потому что въ таковой установлялся размѣръ процента именно по текущему счету впредь до ликвидаціи онаго; 2) что съ другой стороны, повѣренный Исаковой признаетъ за банкомъ право на полученіе имъ на должную Исаковою сумму узаконеннаго роста въ 6% годовыхъ со дня прекращенія контокуррентныхъ между ними отношеній, каковымъ днемъ должно почитаться 21 іюня 1890 г.; 3) что этотъ послѣдній ростъ составитъ за время съ 21 іюня по 24 сентября 1890 г. 547 р.,—Прав. Сенатъ находитъ, что за банкомъ должно быть признано право на требованіе съ Исаковой процентовъ на сальдо контокуррентнаго счета за время съ 21 іюня по 24 сентября 1890 г. въ размѣрѣ 547 р. По всѣмъ симъ основаніямъ признавая состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе СПБ. Ком. Суда подлежащимъ отмѣнѣ лишь относительно отказа банку въ процентахъ на сальдо окончательнаго разсчета его съ Исаковой со дня заключенія этого разсчета по 24 сентября 1890 г. изъ шести годовыхъ въ размѣрѣ

547 р.,—Прав. Сенатъ опредѣляетъ: въ измѣненіе состоявшагося по настоящему дѣлу рѣшенія СПБ. Ком. Суда, взыскать съ Исаковой въ пользу Россійскаго Торг. и Ком. Банка, сверхъ присужденныхъ судомъ 35.290 руб. 74 коп. еще 547 р. съ % съ 24 сентября 1890 г.; въ остальномъ же апелл. жалобу банка оставить безъ уваженія (1893 г., № 896).

348|238. Сдѣлка о покупкѣ акцій, уполномочіе на заключеніе коей отъ имени лица, имѣющаго въ конторѣ текущій счетъ „on call“, не доказано, не можетъ имѣть для сего лица обязательнаго значенія, коль скоро на заключеніе ея не послѣдуетъ съ его стороны одобренія.

Приступая вслѣдствіе апелляціонной жалобы повѣреннаго Вавельберга къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что апелляторъ, вполнѣ признавая то установленное Ком. Судомъ по дѣлу обстоятельство, что лицо, давшее маклеру приказъ на покупку у банкирскаго дома акцій юго-западныхъ жел. дор. былъ Сергѣй Кононовъ, а не истецъ Александръ Кононовъ, не придаетъ, однако, оному никакого значенія въ виду того, что Сергѣй Кононовъ въ сдѣлкахъ съ конторою Вавельбергъ всегда дѣйствовалъ какъ уполномоченный Алекс. Кононова, почему и данная сдѣлка покупки акцій должна быть признана заключенною имъ за счетъ А. Кононова. Но доводы апеллятора не уважительны по слѣдующимъ соображеніямъ. Какъ видно изъ дѣла, формальнаго уполномочія на совершеніе операцій по открытому конторою Вавельберга А. Кононову on call'ному счету С. Кононовъ отъ А. Кононова не получалъ; во всякомъ случаѣ такового акта уполномочія С. Кононовъ конторѣ не представлялъ и послѣдняя, слѣдовательно, юридическаго основанія къ признанію С. Кононова уполномоченнымъ А. Кононова не имѣла (ст. 2326 т. X ч. 1 Зак. Гражд.). Удостовѣренное же свидѣтелями—служащими въ конторѣ—обстоятельство, что Сергѣя Кононова, какъ постоянно бывавшаго въ конторѣ, считали именно за А. Кононова, не можетъ имѣть, само по себѣ, никакого значенія для вопроса о признаніи извѣстной сдѣлки заключенною за счетъ А. Кононова, ибо независимо отъ того, что на обязанности конторы, въ случаѣ сомнѣнія, лежало выяснить личность кліента, съ которымъ она вступала въ сдѣлки, придавать указанному обстоятельству юридическое, относительно А. Кононова, значеніе значило бы признавать, что данное лицо несетъ отвѣтственность за сдѣлки, заключенныя другимъ, третьимъ лицомъ, выдавшимъ себя или банкирскою конторою принимавшимся за первое, которое въ дѣйствительности совершенно не причастно тѣмъ сдѣлкамъ и никакого полномочія на ихъ совершеніе не давало. Сообразно сему и по смыслу ст. 2326 т. X ч. 1 Зак. Гражд. спорная въ семъ дѣлѣ сдѣлка покупки 21 апрѣля 1894 г. Сергѣемъ Кононовымъ у банкирскаго дома Вавельбергъ 500 акцій юго-

западныхъ жел. дорогъ, уполномочія на совершеніе коей, какъ выше сказано, Сергѣй Кононовъ отъ А. Кононова не имѣлъ, могла бы быть признана обязательною для послѣдняго не иначе, какъ при наличности послѣдующаго одобренія этой сдѣлки, согласія на нее со стороны А. Кононова. Между тѣмъ это именно обстоятельство, т. е. то, чтобы послѣ покупки С. Кононовымъ у Вавельберга акцій сдѣлка эта была одобрена С. Кононовымъ, со стороны отвѣтчика—банкирскаго дома—рѣшительно ничѣмъ по дѣлу не доказано. Ссылка отвѣтчика въ семъ отношеніи на то, что А. Кононовъ одобрилъ всѣ другія сдѣлки, заключенныя С. Кононовымъ и внесенныя въ представленную истцомъ въ основаніе его иска выписку изъ счета, не уважительна, ибо означенныя сдѣлки, хотя и относятся всѣ къ операціямъ по on call'ному счету вообще, вовсе не находятся въ такой неразрывной между собою связи, чтобы совершеніе одной изъ нихъ по необходимости вызывало совершеніе и другихъ, а потому и изъ одобренія А. Кононовымъ однѣхъ изъ заключенныхъ С. Кононовымъ за его счетъ сдѣлокъ отнюдь нельзя выводить заключенія объ одобреніи имъ и всѣхъ остальныхъ. Что же касается до указанія апеллятора, какъ на доказательство покупки С. Кононовымъ акцій юго-западныхъ ж. д. за счетъ Кононова на то, что Кононовымъ внесено было обусловленное при заключеніи сдѣлки обезпеченіе 1.500 р. по 3 р. на акцію, то таковое, равнымъ образомъ, не можетъ имѣть приписываемаго ему апелляторомъ значенія, такъ какъ изъ дѣла видно, что означенное обезпеченіе внесено было не истцомъ А. Кононовымъ, а опять таки С. Кононовымъ и того, чтобы С. Кононовъ, совершая эту операцію, дѣйствовалъ по уполномочію А. Кононова, отвѣтчикомъ ничѣмъ не доказано. По всѣмъ симъ соображеніямъ признавая, что контора Вавельбергъ не имѣла законнаго основанія къ отнесенію покупки 21 апрѣля 1894 г. С. Кононовымъ черезъ маклера у Вавельберга 500 акцій юго-западныхъ ж. д. на счетъ истца А. Кононова, вслѣдствіе чего и отнесеніе на счетъ послѣдняго разницы между покупной и продажной цѣнами означенныхъ акцій, по разсчету отвѣтчика въ суммѣ 6.250 руб., не можетъ быть оправдано,—Прав. Сенатъ не находитъ основаній къ отмѣнѣ обжалованнаго Вавельбергомъ рѣшенія Спб. Ком. Суда, удовлетворившаго искъ А. Кононова въ суммѣ 3.363 р. 56 к., образующейся въ пользу истца по исключеніи изъ составленнаго отвѣтчикомъ счета указанной разницы 6.250 руб. и отказавшаго во встрѣчномъ искѣ Вавельберга въ суммѣ выданнаго по счету въ его пользу сальдо 2.886 р. 44 к. За таковымъ же разрѣшеніемъ взаимныхъ исковъ Кононова и Вавельберга уже не имѣетъ никакого значенія для наст. гражданскаго дѣла указаніе апеллятора на привлеченіе А. и С. Кононовыхъ вмѣстѣ съ женою перваго Е. Кононовою къ уголовной отвѣтственности по дѣлу о несостоятельности одного изъ нихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ отпадаетъ и ходатайство апеллятора о затребованіи отъ прокурора Спб. Окр. Суда свѣдѣній о томъ, по какому дѣлу привлечены къ суду Кононовы. Посему и имѣя въ виду, что бан-

кирскій домъ Вавельбергъ не лишенъ права обратиться съ искомъ о возмѣщеніи оказавшейся по покупкѣ 500 акцій юго-западныхъ ж. д. разницы къ Сергѣю Кононову, какъ къ лицу, по порученію коего маклеромъ 21 апрѣля 1894 г. были въ дѣйствительности куплены у Вавельберга означенныя акціи,—Прав. Сенатъ состоявшееся по сему дѣлу рѣшеніе Спб. Ком. Суда утвердилъ (1895 г., № 1330).

349|239. Фактъ принятія кліентомъ безъ возраженій и протеста выписки счета и затѣмъ послѣдующее распоряженіе счетомъ не имѣютъ значенія безусловнаго одобренія всѣхъ предшествовавшихъ принятію счета дѣйствій банка и не освобождаетъ банкъ отъ отвѣтственности за убытки, понесенные кліентомъ отъ операцій, дѣйствительное значеніе коихъ онъ, по винѣ банка, себѣ въ то время уяснить не могъ.

Въ принесенной Правительствующему Сенату апелляціонной жалобѣ повѣренный Евгеніи Раморино оспариваетъ правильность рѣшенія С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда отъ 7 октября 1902 г., коимъ истицѣ отказано въ слѣдующихъ ея требованіяхъ къ С.-Петербургскому Учетному и Ссудному Банку: 1) о признаніи дѣйствій банка по покупкѣ за счетъ Карла Раморино (правопредшественника истицы) 33 акцій С.-Петербургскаго Международнаго Банка и 16 акцій С.-Петербургскаго Частнаго Банка неправильными и ни въ какой мѣрѣ въ своихъ послѣдствіяхъ къ истицѣ неотносящимися; 2) о признаніи банка обязаннымъ возстановить счетъ истицы во всемъ, за исключеніемъ статей, до покупки и продажи 49 означенныхъ акцій относящихся, или о присужденіи съ банка въ пользу Евгеніи Раморино убытка, образовавшагося отъ покупокъ новыхъ акцій въ размѣрѣ 14.963 р. 05 коп. съ %. Возраженія апеллятора сводятся къ тому, что С.-Петербургскій Коммерческій Судъ, признавъ неправильность дѣйствій банка по покупкѣ вышеуказанныхъ 49 акцій, не имѣлъ законнаго основанія отказывать Евгеніи Раморино въ искѣ, такъ какъ, во-первыхъ, одобренія дѣйствій банка съ ея стороны, вопреки мнѣнія Коммерческаго Суда, не воспослѣдовало, а во-вторыхъ, первоначальная выгодность покупки акцій не избавляетъ банкъ отъ отвѣтственности за наступившія невыгодныя послѣдствія этой, съ самаго начала незаконной операціи. Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ прежде всего нашелъ, что дѣйствія отвѣтчика по покупкѣ, за счетъ Карла Раморино, 33 акцій С.-Петербургскаго Международнаго и 16 акцій Частнаго Банковъ новыхъ выпусковъ надлежитъ признать неправильными, такъ какъ покупка акцій новыхъ выпусковъ состоялась 14 апрѣля и 17 іюня 1898 г., т. е. послѣ смерти Карла Раморино,

послѣдовавшей 14 февраля 1898 г., о чемъ банку было извѣстно (отношеніе банка въ С.-Петербургскую Казенную Палату отъ 26 марта 1898 г., № 481). Не можетъ подлежать сомнѣнію, что, зная о смерти Карла Раморино, банкъ никакихъ операцій за его счетъ (кромѣ полученія %, дивидендовъ и т. п.) производить не могъ, а долженъ былъ ограничиться исключительно храненіемъ этихъ бумагъ. Затѣмъ, согласно утвержденію истицы, неопровергаемому отвѣтчикомъ, банкъ, зная о смерти Карла Раморино, послѣ пріобрѣтенія за счетъ его наслѣдниковъ новыхъ цѣнностей, не только не увѣдомилъ владѣльцевъ счета о состоявшейся операціи путемъ посылки имъ по обязательному адресу увѣдомительныхъ писемъ, къ чему его обязывалъ § 3 правилъ по спеціальному текущему счету, но и по явкѣ Евгеніи Раморино въ банкъ (3 февраля 1900 г.) не поставилъ ее въ извѣстность объ обстоятельствахъ, при которыхъ состоялась покупка 49 акцій Международнаго и Частнаго Банковъ новыхъ выпусковъ. Наоборотъ, содержаніе письма банка на имя Евгеніи Раморино, отъ 19 апрѣля 1901 года, даетъ основаніе для вывода, что банкъ до 19 апрѣля 1901 года уклонялся отъ выясненія дѣйствительныхъ обстоятельствъ покупки акцій, такъ какъ, упоминая, что фактъ пріобрѣтенія акцій по словесному порученію Карла Раморино истицѣ извѣстенъ, банкъ не дѣлаетъ никакихъ указаній, когда и при какихъ условіяхъ Евгенія Раморино была поставлена въ извѣстность объ этой операціи. При наличности приведенныхъ данныхъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что фактъ принятія Евгеніей Раморино 3 февраля 1900 года безъ возраженій и протеста выписки счета Карла Раморино на 3 февраля съ перечисленіемъ всѣхъ имѣвшихся на счетѣ бумагъ, между прочимъ и акцій, купленныхъ 14 апрѣля и 17 іюня 1898 г. и затѣмъ распоряженія этимъ счетомъ съ ея стороны, не могутъ имѣть значенія безусловнаго одобренія всѣхъ предшествовавшихъ, до 3 февраля, дѣйствій банка и не освобождаютъ банкъ отъ отвѣтственности за убытки, понесенные истицей отъ операцій, которыя истица въ моментъ принятія счета могла, основываясь на сообщенныхъ ей банкомъ недостаточно полныхъ и обстоятельныхъ данныхъ, считать правомѣрными и лишь впослѣдствіи выяснила себѣ дѣйствительное ихъ значеніе, когда банкъ сообщилъ ей всю фактическую сторону дѣла. Наконецъ, ссылка отвѣтчика—банка на то, что онъ, помимо приказа истицы, имѣлъ, будто бы, основаніе, послѣ смерти наслѣдодателя ея, пріобрѣсти за ея счетъ, вышеупомянутыя акціи, въ виду того, что пріобрѣтеніе этихъ акцій являлось операціей выгодною въ моментъ ея совершенія,—то эта ссылка вовсе не служитъ законнымъ оправданіемъ дѣйствій банка, потому: во 1-хъ, что за смертью владѣльца on call'наго счета, банкъ, сообщившій по поводу охраны наслѣдства мировому судьѣ свѣдѣнія о положеніи счета и, слѣдовательно, знавшій о фактѣ смерти Раморино, не могъ вовсе оперировать по счету и самъ разрѣшать за владѣльца счета вопросъ о томъ, какая операція и почему выгодна, тѣмъ болѣе, что не могъ знать, желаетъ ли вообще наслѣдница зани-

маться какими-либо операціями по счету наслѣдодателя, или, напротивъ, намѣрена ихъ вовсе прикончить и счетъ закончить и, во 2-хъ, если банкъ надѣялся, что его дѣйствія по покупкѣ новыхъ акцій будутъ, какъ выгодныя, одобрены истицею, то долженъ былъ тотчасъ же поставить въ извѣстность истицу о пріобрѣтеніи акцій, по адресу, ему извѣстному,—чего онъ не сдѣлалъ и не привелъ даже никакихъ оправданій того упущенія, которое, конечно, лишало истицу возможности знать, что произошло съ ея счетомъ и на какомъ именно основаніи. Что же касается предѣла отвѣтственности банка за его неправильныя дѣйствія, то нельзя не признать, что, такъ какъ истица, принявъ 3 февраля 1900 года on call'ный счетъ Карла Раморино и имѣвъ полную возможность избѣжать дальнѣйшихъ убытковъ отъ пониженія цѣнности вышеозначенныхъ 49 акцій путемъ реализаціи таковыхъ, этого, однако, не сдѣлала, то банку не можетъ быть приписана вина въ тѣхъ невыгодныхъ для истицы измѣненіяхъ, которыя произошли въ состояніи счета послѣ 3 февраля 1900 г., за измѣненія же, которыя предшествовали 3 февраля и объясняются занесеніемъ на ея счетъ 49 акцій новыхъ выпусковъ, банкъ долженъ нести полную отвѣтственность, ибо эти измѣненія всецѣло обусловлены, какъ выше изложено, неправильными дѣйствіями банка и самой истицей, опять таки по винѣ банка, предотвращены быть не могли. Въ виду всего изложеннаго и принимая во вниманіе: 1) что, по утвержденію отвѣтчика, неоспариваемому истцомъ, при реализаціи 49 акцій Международнаго и Частнаго Банковъ новыхъ выпусковъ по существовавшему 3 февраля курсу, получился бы для счета Раморино убытокъ, не превышающій 5.422 р. 90 к.; 2) что этотъ убытокъ, какъ непосредственно обусловленный неправильными дѣйствіями банка, подлежитъ возмѣщенію со стороны банка, почему искъ Евгеніи Раморино слѣдуетъ признать доказаннымъ въ этой именно суммѣ; 3) что въ требованіи истицы о возстановленіи счета во всемъ, за исключеніемъ статей, до покупки и принудительной продажи 49 акцій новыхъ выпусковъ относящихся, должно быть отказано, такъ какъ требованіе это находится въ противорѣчіи съ тѣмъ признаннымъ Правительствующимъ Сенатомъ положеніемъ, что на банкъ не можетъ быть возложена вина за измѣненія въ счетѣ, послѣдовавшія послѣ 3 февраля 1900 года,—Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: въ измѣненіе рѣшенія С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда взыскать съ С.-Петербургскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка въ пользу Евгеніи Раморино пять тысячъ четыреста двадцать два (5.422) руб. 90 коп. съ % со дня предъявленія иска (1904 г., № 2156; то же 2 Общ. Собр. 23 марта 1913 г., по д. Баженова). Ср. № 342/233 и 352/242.

350|240. При существованіи между сторонами отношеній по текущему счету „on call“ отдѣльныя росписки,

удостовѣряющія принятіе лицомъ, открывшимъ счетъ, отъ контрагента извѣстной суммы до востребованія и выдачу ему цѣнныхъ бумагъ, а равно отдѣльныя статьи полученія или долга не могутъ быть разсматриваемы какъ самостоятельныя обязательства и засимъ служить основаніемъ иска, а должны быть обсуждаемы въ совокупности съ общимъ состояніемъ счета.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ, правильно ли Спб. Ком. Судъ отказалъ Гуркову въ искѣ съ Треплина 6.000 руб. съ %. Основаніемъ къ отказу въ означенномъ искѣ послужило для Ком. Суда то соображеніе, что единственно представленная Гурковымъ въ подтвержденіе его иска записка Треплина отъ 24 октября 1891 г. „отъ г-на И. В. Гуркова принято до востребованія 6.000 руб. и выдано 16 свид. двор. съ выигр. з., одинъ бил. двор. съ выигр. з.,“ не можетъ быть признана имѣющей самостоятельное значеніе, а относится къ существовавшимъ между сторонами отношеніямъ текущаго счета до востребованія (on call), въ произведенный по коему общій разсчетъ должна была войти и искомая Гурковымъ съ Треплина сумма. Прав. Сенатъ находитъ, что содержаніе росписки Треплина, отъ 24 октября 1891 г., писанной на бланкѣ его „для памяти“, исключаетъ возможность признавать ее за заемное обязательство, ибо если бы она была таковымъ, то, какъ правильно заключилъ и Ком. Судъ, не представлялось бы никакой надобности включать въ выдаваемый по займу документъ удостовѣреніе о выдачѣ Треплинымъ Гуркову цѣнныхъ бумагъ; если же, съ другой стороны, признать выдачу цѣнныхъ бумагъ вполнѣ самостоятельною сдѣлкою, какъ ее характеризуетъ повѣренный Гуркова, то цѣнность выдаваемыхъ Треплинымъ Гуркову бумагъ должна была бы, очевидно, быть зачтена въ выдаваемую одновременно послѣднимъ первому сумму и лишь разница между цѣнностью бумагъ и суммою денегъ могла бы быть показана должною одною стороною другой. При такихъ же условіяхъ становится совершенно яснымъ, что удостовѣренія Треплина въ запискѣ отъ 24 октября 1891 г. „для памяти“ о принятіи имъ отъ Гуркова до востребованія 6.000 руб. и выдачѣ ему цѣнныхъ бумагъ не могутъ быть разсматриваемы какъ отдѣльныя самостоятельныя обязательства, какъ того домогается повѣренный Гуркова, а наоборотъ должны быть обсуждены въ ихъ совокупности. Взаимный же ихъ смыслъ, „принято до востребованія“ и „выдано“— очевидно тоже до востребованія, чего не отрицаетъ и апелляторъ,—прямо указываетъ на тѣ отношенія Треплина и Гуркова, существованіе коихъ подтверждается представленными отвѣтчикомъ данными, и устраняетъ возможность признать, что принятіе Треплинымъ отъ Гуркова 6.000 руб., означенныхъ въ за-

пискѣ отъ 24 октября 1891 г., произошло заимообразно; а именно, изъ чернового разсчета по 15 января 1892 г. видно, что Гурковъ въ теченіе цѣлаго періода времени, съ 12 мая по 4 ноября 1891 г., бралъ у Треплина ссуды деньгами въ разныхъ суммахъ подъ залогъ процентныхъ цѣнныхъ бумагъ и векселей; допрошенный же по дѣлу свидѣтель Шуббе, служившій у Гуркова и провѣрявшій указанный разсчетъ, показалъ, что Гурковъ имѣлъ у Треплина текущій счетъ. Уже доказанность самаго существованія между сторонами таковыхъ отношеній, составляющихъ, вопреки мнѣнію апеллятора, именно такъ называемый текущій счетъ до востребованія (on call) и притомъ въ то время, къ которому относится и выдача выше сказанной записки Треплина (24 октября 1891 г.), разбиваетъ доводы истца о самостоятельномъ характерѣ этой записки. Но засимъ, какъ видно изъ разсчета, чего не отрицаетъ и апелляторъ, по производившимся между Треплинымъ и Гурковымъ операціямъ послѣдній къ 24 октября 1891 г. состоялъ уже должнымъ первому значительную сумму денегъ, взятую подъ разнаго рода цѣнныя бумаги и векселя, послѣдняя же операція—ссуда Гуркову Треплинымъ денежной суммы подъ вексель—совершена 4 ноября, т. е. послѣ выдачи записки. При такомъ положеніи денежныхъ разсчетовъ сторонъ,—существованія долга Гуркова Треплину до 24 октября и выдачѣ имъ и послѣ сего еще векселя Треплину,—по совершенно правильному заключенію Ком. Суда, представляется вполнѣ неправдоподобнымъ, чтобы по запискѣ 24 октября Гурковымъ было передано Треплину заимообразно 6.000 руб., наоборотъ, такое денежное отношеніе сторонъ вполнѣ устанавливаетъ и подтверждаетъ то, что уже вытекаетъ и изъ самаго текста записки, т. е., что передача Гурковымъ Треплину 6.000 руб. имѣла тѣсную связь съ одновременною передачею послѣднимъ первому цѣнныхъ бумагъ и что, такимъ образомъ, записка относится именно къ тѣмъ операціямъ, которыя вообще производились между сторонами, составляя лишь одно, случайно вырванное изъ нихъ звено; прямымъ подтвержденіемъ такого вывода служитъ еще и то, что въ сказанномъ разсчетѣ, по показанію свидѣтеля Шуббе, имъ вмѣстѣ съ Гурковымъ провѣренномъ, упоминается и о 16 свидѣтельствахъ двор. з. (значащихся въ запискѣ) и относительно этихъ свидѣтельствъ имѣются помѣты краснымъ карандашемъ: „получ.“, „взято вновь“, каковыя помѣты, согласно показанію того же свидѣтеля, сдѣланы имъ по приказанію Гуркова. Что же касается до указаній апеллятора, долженствующихъ, по его мнѣнію, опровергнуть заключеніе Ком. Суда о значеніи записи отъ 24 октября, на то, что въ представленномъ отвѣтчикомъ разсчетѣ не говорится объ 1 билетѣ двор. з., упомянутомъ въ запискѣ, и не указаны поступившими 6.000 р., то таковыя не могутъ быть признаны имѣющими какое-либо значеніе уже потому, что въ тѣхъ же поправкахъ краснымъ карандашемъ, сдѣланныхъ Шуббе на разсчетѣ, какъ выше указано, по приказанію Гуркова, говорится и объ 1 бил. двор. з. и притомъ непосредственно послѣ 16 свид. двор. з., а сумма 6.000 р.

въ ономъ не показана, потому что вообще въ этомъ разсчетѣ показаны въ отдѣльности лишь выдачи Треплина, но не поступившія къ нему отъ Гуркова суммы, каковыя показаны только въ общемъ ихъ итогѣ въ концѣ разсчета (31.800 руб.). Въ силу всѣхъ изложенныхъ соображеній признавая заключеніе Коммерческаго Суда, что представленная въ основаніе иска Гуркова записка Треплина отъ 24 октября 1891 г. не имѣетъ самостоятельнаго характера, т. е. не является особымъ заемнымъ обязательствомъ, а составляетъ лишь одно звено въ производившихся между сторонами операціяхъ по счету до востребованія, правильнымъ и принимая во вниманіе: 1) что при существованіи такихъ отношеній отдѣльно взятая статья полученія или долга (кредита или дебета) основаніемъ самостоятельнаго требованія служить не можетъ, а можетъ быть принята въ соображеніе лишь въ сочетаніи ея съ общимъ результатомъ состоянія взаимныхъ счетовъ; 2) что посему, отыскивая съ Треплина, въ виду доказанности существовавшихъ между ними отношеній по счету до востребованія, извѣстную сумму, какъ въ данномъ случаѣ 6.000 руб., истецъ долженъ былъ доказать, что въ этой именно суммѣ выразилось окончательное сочетаніе (сальдо) взаимныхъ его съ отвѣтчикомъ разсчетовъ, чего имъ однако не исполнено; 3) что засимъ теряетъ уже само собою всякое значеніе указаніе апеллятора, что отвѣтчикъ не доказалъ погашенія имъ заключающагося, якобы, въ запискѣ отъ 24 октября 1891 г. самостоятельнаго его обязательства,—Прав. Сенатъ находитъ обжалованное опредѣленіе Коммерческаго Суда, отказавшаго Гуркову въ означенномъ искѣ, какъ согласное съ обстоятельствомъ дѣла, отмѣнѣ не подлежащимъ (1894 г., № 668).

351|241. Подпись лица, имѣющаго спеціальный текущій счетъ въ банкѣ, на сообщенной ему выпискѣ счета имѣетъ значеніе удостовѣренія вѣрности всего счета, исключающаго возможность всякаго спора противъ правильности отдѣльныхъ статей его (1902 г., Ковальской и 1903 г., № 2029).

352|242. При существованіи между сторонами контокуррентныхъ отношеній лицо, принявшее послѣдующія выписки счета безъ опротестованія предыдущихъ, должно считаться одобрившимъ эти послѣднія и лишившимся права впослѣдствіи оспаривать таковыя какъ въ конечномъ результатѣ, такъ и по отдѣльнымъ статьямъ (1898 г., №№ 210 и 213). Ср. № 349|239.

353|243. Изъ дѣла видно: 12 января 1891 г. Пурмаль подалъ въ банкирскій домъ „Николай Вертгеймъ“ заявленіе, съ просьбой открыть ему кредитъ до востребованія (on call), подъ обезпеченіе процентныхъ бумагъ, въ каковомъ заявленіи призналъ для себя безусловно-обязательными правила кредитовъ до

востребованія подъ обезпеченіе процентныхъ бумагъ, установленныя конторою „Н. Вертгеймъ“ и напечатанныя на оборотѣ заявленія. Затѣмъ, на основаніи договора отъ 23 ноября 1891 года, торговый домъ „Н. Вертгеймъ“ превратился въ Московское Отдѣленіе Русскаго Торгово-Промышленнаго Банка въ С.-Петербургѣ. Отдѣленіе банка открылось съ 1 января 1892 г., причемъ банкъ принялъ на себя весь активъ и пассивъ Вертгейма и замѣнилъ Вертгейма передъ всѣми его кліентами. Утверждая, что банкирскимъ домомъ „Н. Вертгеймъ“ получены были, за его счетъ, отъ бывшаго Московско-Рязанскаго, нынѣ Московскаго Международнаго Торговаго Банка, въ обезпеченіе открытаго ему, Пурмалю, кредита, перечисленныя имъ въ исковой запискѣ процентныя бумаги, по курсу на сумму 96.089 руб. 25 коп., въ подтвержденіе чего имъ дѣлается ссылка на письмо Московскаго Международнаго Торговаго Банка, отъ 7 мая 1896 года; что съ тѣхъ поръ онъ никакихъ приказовъ банку не давалъ и новыхъ ссудъ отъ него не получалъ, вслѣдствіе чего въ настоящее время кредитъ его счета долженъ простираться, вмѣстѣ съ полученными дивидендами, купонами и высланными наличными деньгами до 123.346 руб. 69 коп., банку же причитается къ возврату ссуды и процентовъ 83.863 руб. 56 коп.,—Пурмаль предъявилъ къ Русскому Торгово-Промышленному Банку, какъ правопреемнику банкирскаго дома „Н. Вертгеймъ“, искъ о признаніи его обязаннымъ возвратить ему, Пурмалю, перечисленныя имъ въ исковомъ прошеніи процентныя бумаги, подъ условіемъ уплаты имъ, Пурмалемъ, Банку 83.863 р. 56 к., прося, въ случаѣ отсутствія въ портфелѣ банка означенныхъ бумагъ, взыскать съ него 39.483 р. 13 к., составляющихъ разницу между стоимостью процентныхъ бумагъ и долгомъ его, Пурмаля, банку. Возраженія отвѣтчика заключаются въ томъ, что перечисленныхъ истцомъ въ его исковой запискѣ процентныхъ бумагъ къ банкирскому дому „Н. Вертгеймъ“, въ обезпеченіе открытаго имъ Пурмалю кредита, не поступало, что открытый ему означеннымъ банкирскимъ домомъ кредитъ обезпечивался другими бумагами, и что бумаги эти, по переходѣ счета отъ банкирскаго дома „Николай Вертгеймъ“ къ Русскому Торгово-Промышленному Банку, послѣднимъ были впослѣдствіи проданы на покрытіе долга Пурмаля банку, за невзносомъ Пурмалемъ дополнительнаго обезпеченія, о чемъ онъ былъ своевременно предупреждаемъ, причемъ нетолько не получилось никакого остатка въ пользу Пурмаля, но напротивъ, Пурмаль еще остался должнымъ банку 275 р. 12 к. Кромѣ того, отвѣтчикъ отклоняетъ отъ себя отвѣтственность по настоящему дѣлу на томъ основаніи, что въ силу договора банка съ Вертгеймомъ, банкъ принялъ на себя весь активъ и пассивъ фирмы Вертгейма лишь на 1 января 1892 г., но не принималъ на себя отвѣтственности за Вертгейма по всѣмъ вообще его операціямъ, имѣвшимъ мѣсто до заключенія договора, и по могущимъ возникнуть изъ этихъ операцій искамъ. Разсмотрѣвъ дѣло по жалобѣ Пурмаля на рѣшеніе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда, отказавшаго Пурмалю въ искѣ, Прави-

тельствующій Сенатъ находитъ отклоненіе отъ себя отвѣтчикомъ отвѣтственности за дѣйствія банкирскаго дома „Н. Вертгеймъ“ не заслуживающимъ уваженія, ибо изъ точнаго смысла пункта 6 заключеннаго между Русскимъ Торгово-Промышленнымъ Коммерческимъ Банкомъ и Николаемъ Вертгеймомъ, 23 ноября 1881 года, договора усматривается, что съ превращеніемъ торговаго дома „Николай Вертгеймъ“ въ Московское Отдѣленіе означеннаго банка, послѣдній принялъ на себя весь активъ и пассивъ и заступилъ мѣсто торговаго дома „Н. Вертгеймъ“, выговоривъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, себѣ право прекратить неподходящіе ему счеты; такъ какъ банкъ въ настоящемъ случаѣ означеннымъ правомъ своимъ не воспользовался и имѣвшаго въ торговомъ домѣ „Николай Вертгеймъ“ текущаго счета Пурмаля не прекратилъ, то и не можетъ быть признанъ, въ силу изложенныхъ соображеній свободнымъ отъ отвѣтственности передъ Пурмалемъ по перешедшему къ нему отъ Николая Вертгейма спеціальному текущему счету Пурмаля. Равнымъ образомъ, представляется неосновательнымъ и указаніе отвѣтчика на то, что представленное Пурмалемъ въ основаніе своего иска письмо Московскаго Международнаго Торговаго Банка, отъ 7 мая 1896 г., не служитъ доказательствомъ полученія банкирскимъ домомъ „Николай Вертгеймъ“ перечисленныхъ въ этомъ письмѣ и въ исковой запискѣ процентныхъ бумагъ; изъ содержанія этого письма нельзя выводить,—какъ то дѣлаетъ отвѣтчикъ,—того заключенія, что перечисленныя въ немъ процентныя бумаги были реализованы и что вырученныя отъ продажи ихъ деньги, за исключеніемъ суммы 5.271 руб. 44 коп., выданной Пурмалю подъ его росписку, пошли цѣликомъ на погашеніе долга Пурмаля Московско-Рязанскому Торговому Банку по спеціальному текущему счету; напротивъ того, буквальное содержаніе этого письма служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что перечисленныя въ немъ, находившіяся у Московско-Рязанскаго Торговаго Банка въ обезпеченіе спеціальнаго текущаго счета Пурмаля процентныя бумаги были этимъ банкомъ сданы банкирскому дому „Николай Вертгеймъ“,—что текущій счетъ Пурмаля лишь переведенъ былъ изъ одного банкирскаго учрежденія въ другое, и что при этомъ переводѣ счета Московско-Рязанскій Торговый Банкъ получилъ отъ Николая Вертгейма уплату причитавшагося ему по этому текущему счету долга Пурмаля, съ какового момента отношенія Пурмаля по спеціальному текущему счету продолжались уже съ банкирскимъ домомъ „Николай Вертгеймъ“. Несмотря, однако, на неосновательность приведенныхъ возраженій отвѣтчика, составляющій предметъ настоящаго дѣла искъ Пурмаля, въ томъ видѣ, какъ онъ имъ формулированъ не подлежитъ удовлетворенію, по слѣдующимъ соображеніямъ: искъ Пурмаля заключается въ требованіи возврата ему банкомъ опредѣленныхъ процентныхъ бумагъ, которыя, по мнѣнію истца, должны были находиться у банка въ обезпеченіе его, истца, спеціальнаго текущаго счета, или же уплаты курсовой стоимости таковыхъ. Изъ дѣла видно, что при письмѣ

отъ 16 апрѣля 1893 года доставленъ былъ банкомъ Пурмалю контокуррентъ на 1 апрѣля 1893 г. съ „сальдо“, которое перенесено было впослѣдствіи цѣликомъ въ контокуррентный счетъ на 3 мая 1893 года, представленный въ судъ самимъ Пурмалемъ, по коему долгъ Пурмаля банку выведенъ съ суммѣ 275 р. 12 к. Въ обоихъ этихъ контокуррентныхъ счетахъ точно обозначено, какія именно процентныя бумаги находятся у банка въ обезпеченіе спеціальнаго текущаго счета Пурмаля: акціи Общества „Волга“, Курско-Кіевской желѣзной дороги, облигаціи Одесской конно-желѣзной дороги и билеты I и II внутренняго съ выигрышами займа, причемъ перечень этихъ бумагъ не совпадаетъ (за незначительнымъ исключеніемъ) съ тѣми бумагами, которыя нынѣ отыскиваются Пурмалемъ. Такимъ образомъ оказывается, что Пурмаль былъ періодически увѣдомленъ посылкою ему банкомъ контокуррентныхъ счетовъ, какъ о состояніи его спеціальнаго текущаго счета, такъ и о составѣ тѣхъ процентныхъ бумагъ, которыя служили обезпеченіемъ его текущаго счета. Правительствующій Сенатъ нашелъ: 1) что по существующему торговому обычаю, отсутствіе возраженій въ промежутокъ времени отъ полученія одного контокуррентнаго счета до принятія слѣдующаго, почитается за одобреніе перваго счета со стороны получателя такового, поглощающее всѣ отдѣльныя статьи счета и лишающее его права оспаривать впослѣдствіи какъ „сальдо“, такъ и отдѣльныя статьи контокуррента; 2) что въ настоящемъ случаѣ, Пурмаль, какъ видно изъ дѣла, никакого спора противъ контокуррентнаго счета на 1 апрѣля 1893 г. въ промежутокъ времени отъ полученія сего счета до полученія имъ слѣдующаго контокуррентнаго счета на 3 мая 1893 г. не заявлялъ, а потребовалъ отъ банка отчета по контокуррентнымъ отношеніямъ, не указывая, притомъ, на усмотрѣнныя имъ какія-либо неправильности въ полученныхъ контокуррентныхъ счетахъ, впервые лишь нотаріальнымъ заявленіемъ отъ 14 декабря 1895 года; и 3) что посему контокуррентный счетъ на 1 апрѣля 1893 г. долженъ быть признанъ молчаливо-одобреннымъ со стороны Пурмаля, а предъявленный въ настоящее время противъ этого контокуррента споръ представляется несвоевременнымъ и, какъ таковой, незаслуживающимъ уваженія. Равнымъ образомъ долженъ быть признанъ неосновательнымъ и споръ противъ контокуррента на 3 мая 1893 г., выражающаго собою окончательный разсчетъ по существовавшему спеціальному текущему счету Пурмаля, ибо въ этомъ послѣднемъ счетѣ никакихъ новыхъ процентныхъ бумагъ, сравнительно съ показанными въ счетѣ на 1 апрѣля 1893 г. на счетъ Пурмаля не поставлено, а значится часть тѣхъ самыхъ бумагъ, которыя показаны были въ предыдущемъ счетѣ на 1 апрѣля 1893 г.; а потому, такъ какъ молчаливымъ одобреніемъ контокуррентнаго счета на 1 апрѣля 1893 г. Пурмаль долженъ быть признанъ согласившимся не только съ выведеннымъ по оному сальдо, но и со всѣми отдѣльными записями этого счета, въ томъ числѣ, слѣдовательно, и съ записью о количествѣ и наименованіи числившихся на его текущемъ счету про-

центныхъ бумагъ,—то споръ его относительно правильности записи тѣхъ же самыхъ процентныхъ бумагъ по контокуррентному счету на 3 мая 1893 г. и утвержденіе его, что на его счету должны находиться другія процентныя бумаги, а не тѣ, которыя показаны, представляются лишенными правильнаго основанія. Точно также не можетъ быть принято во вниманіе, какъ ничѣмъ не подтвержденное, и объясненіе апеллятора о взносѣ имъ Вертгейму тѣхъ 5.271 руб. 44 к., которые,—какъ значится въ письмѣ Московскаго Международнаго Банка отъ 7 мая 1896 г., получены были имъ на руки, при переводѣ имѣвшагося у него въ бывшемъ Московско-Рязанскомъ Банкѣ on call'наго счета въ банкирскій домъ „Николай Вертгеймъ“. Что же касается указанія апеллятора на неправильное распоряженіе Русскимъ Торгово-Промышленнымъ Банкомъ даже тѣми процентными бумагами, которыя, по его собственному признанію, находились у него въ обезпеченіе on call'наго счета Пурмаля, то таковое, равнымъ образомъ, не можетъ быть признано заслуживающимъ уваженія. Въ силу правилъ, пропечатанныхъ на оборотѣ поданнаго Пурмалемъ 12 января 1891 г. заявленія и признанныхъ имъ, Пурмалемъ, для себя безусловно обязательными, таковыя правила вполнѣ согласны съ существующимъ и неоднократно признававшимся Правительствующимъ Сенатомъ торговымъ обычаемъ,—лицо, у котораго находятся бумаги, данныя въ обезпеченіе спеціальнаго текущаго счета (on call), если находитъ, что бумаги эти недостаточно обезпечиваютъ выданную ссуду, можетъ требовать отъ лица, получившаго ссуду, дополнительнаго обезпеченія, или уплаты долга въ назначенный срокъ; если же долгъ не будетъ уплаченъ или дополнительное обезпеченіе не будетъ внесено, то вправѣ продать бумаги по курсовой цѣнѣ или оставить за собой. Въ настоящемъ случаѣ, какъ видно изъ дѣла, 10 марта 1893 года банкъ потребовалъ отъ Пурмаля внесенія дополнительнаго обезпеченія въ 1.000 руб., предупредивъ его, что въ противномъ случаѣ онъ приступитъ къ продажѣ бумагъ вообще, не указывая, что продажѣ подлежитъ та или другая партія. Такъ какъ по неоспоренному со стороны Пурмаля объясненію отвѣтчика, потребованнаго отъ него дополнительнаго обезпеченія Пурмалемъ внесено не было, то банкъ долженъ быть признанъ имѣвшимъ право продать процентныя бумаги Пурмаля на покрытіе числившагося за нимъ долга по ссудѣ, вслѣдствіе чего Пурмаль долженъ быть признанъ лишеннымъ въ настоящее время права протестовать противъ состоявшейся продажи его процентныхъ бумагъ, тѣмъ болѣе, что, какъ видно изъ копировальной книги банка за 1893 г.,—послѣ каждой продажи бумагъ Пурмалю посылалось извѣщеніе о включеніи вырученной суммы въ кредитъ его счета, а потому Пурмаль имѣлъ тогда же возможность, буде желалъ, или пріостановить дальнѣйшую продажу бумагъ взносомъ дополнительнаго обезпеченія, или же опротестовать дѣйствія банка, чего имъ, однако, не было сдѣлано. Находя, въ силу изложенныхъ соображеній, обжалованное Пурмалемъ рѣшеніе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда въ оконча-

тельномъ выводѣ правильнымъ—Правительствующій Сенатъ оставилъ его въ силѣ (1898 г., № 213).

Гражд. Касс. Деп. нашелъ, что по ст. 72 устава Государственнаго Банка ему принадлежитъ право открытія текущихъ счетовъ „on call“ подъ обезпеченіе векселей, снабженныхъ 2 подписями; по этимъ векселямъ, снабженнымъ передаточною надписью заемщика, Государственный Банкъ, становясь векселедержателемъ, условно на случай неисправности заемщика по открытому кредиту, можетъ, согласно 55 ст. Уст. о Векс. (изд. 1893 г.), въ случаѣ несостоятельности заемщика, производить взысканіе помимо конкурса съ должниковъ (кромѣ самого несостоятельнаго), причемъ эта внѣконкурсная реализація ихъ не лишаетъ банкъ права оставаться кредиторомъ конкурсной массы въ размѣрѣ непокрытой реализаціей суммы задолженности заемщика (Гражд. Касс. Деп. 1903 г., № 119).

354. Московскій биржевой комитетъ (на основаніи п. 12 ст. 39 Уст. Моск. биржи) удостовѣрилъ *обычай* о томъ, что занесеніе на счета лицъ, имѣющихъ спеціальные текущіе счета, пріобрѣтаемыхъ по ихъ порученію % % бумагъ съ одновременною выдачею подъ нихъ ссудъ практикуется весьма часто, и въ этихъ случаяхъ составляетъ существенную часть операціи по спеціальному текущему счету (1909 г., № 2486; см. выше, № 331).

БАНКИРСКІЯ ОПЕРАЦІИ.

а) Разныя сдѣлки этого рода.

355|244. Взносъ третьимъ лицомъ въ банкъ процентныхъ бумагъ за счетъ другого лица въ обезпеченіе открытаго послѣднему банкомъ кредита никакихъ непосредственныхъ отношеній этого третьяго лица къ банку не установляетъ и не даетъ ему права ни требовать отъ банка представленія разсчета его съ лицомъ, коему открытъ былъ кредитъ, ни оспаривать правильность произведеннаго банкомъ разсчета.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что разрѣшенію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Спб. Ком. Судъ отказалъ Гоху, являющемуся правопреемникомъ Леона Розенталя, въ искѣ его съ Русскаго для Внѣшней Торговли Банка 49.353 р. 15 к. съ %, изъ коихъ 34.353 р. 15 коп. составляютъ стоимость процентныхъ бумагъ, внесенныхъ Розенталемъ въ банкъ за счетъ Сегеня, а 15.000 р. стоимость полноправнаго пая Обуховскаго завода, уступленнаго Сегенемъ Розенталю. Изъ дѣла видно, что по договору, заключенному 24 ноября 1883 г. между Русскимъ для Внѣшней Торговли Банкомъ съ одной стороны и графами Левашевыми, Зубковымъ и Фаддеемъ Сегенемъ съ другой, банкъ обязался открыть означеннымъ лицамъ кредитъ подъ солидарною ихъ отвѣтственностью въ 2.200.000 руб., причемъ кредитъ на 1 милліонъ обезпечивается внесенными означенными лицами % бумагами (изъ коихъ Сегень долженъ внести таковыхъ на сумму 491.200 руб. [прим. 1 къ ст. 1]), а кредитъ на остальные 1.200.000 р. обезпечивается выданными за подписью Сегеня и другихъ контрагентовъ векселями и уступленнымъ банку контрагентами правомъ на 48 съ дробью неполноправныхъ и полноправныхъ паевъ Обуховскаго завода (ст. I). Открытому кредиту ведется банкомъ особый счетъ, въ дебетъ коего вносятся всѣ суммы, отпущенныя Сегеню по его требованію (по II ст. договора онъ одинъ вправѣ требовать и получать суммы по открытому банкомъ всѣмъ контрагентамъ кредиту), а равно причитающіеся банку % и комиссія, а въ кредитъ всѣ полученныя банкомъ изъ предпріятія Обуховскаго завода по уступленнымъ ему паямъ суммы (ст. III). Договоръ этотъ прекращается или самъ собою, когда открытый кредитъ погасится изъ доходовъ съ дѣла Обуховскаго завода, или по требованію банка съ назначеніемъ контрагентамъ срока для окончанія съ ними всѣхъ разсчетовъ, или, наконецъ, по требованію контр-

агентовъ банка уплатою ему всего долга по открытому имъ кредиту съ % и комиссіею (ст. VII). Въ случаѣ окончанія всѣхъ разсчетовъ съ банкомъ, послѣдній обязанъ вернуть контрагентамъ ихъ векселя, % бумаги, сколько таковыхъ къ тому времени окажется и передать нотаріальнымъ порядкомъ права на паи Обуховскаго завода на имена лицъ, указанныхъ графами Левашевыми и на имена лицъ, которыя будутъ указаны Зубковымъ и Сегенемъ (ст. VIII). Въ случаѣ же неокончанія всѣхъ разсчетовъ съ банкомъ, по требованію послѣдняго, банкъ продаетъ, когда признаетъ удобнымъ, представленныя въ обезпеченіе кредита % бумаги, а также продаетъ по своему усмотрѣнію и права на паи Обуховскаго завода; если затѣмъ, за полнымъ удовлетвореніемъ банка, окажется остатокъ, то таковой выдается, по принадлежности, каждому изъ контрагентовъ (ст. IX). Купоны отъ представленныхъ банку контрагентами % бумагъ выдаются по наступленіи имъ срока, по принадлежности, контрагентамъ, представившимъ бумаги, къ которымъ купоны относятся (ст. X). Затѣмъ 6 марта 1884 г. Сегень вошелъ съ Леономъ Розенталемъ въ особую сдѣлку, оформленную договоромъ отъ того же числа, въ силу коей Розенталь обязался внести въ Русскій для Внѣшней Торговли Банкъ за счетъ Сегеня процентныя бумаги на сумму 33.000 руб. (п. 1), каковыя бумаги подлежатъ зачисленію въ счетъ бумагъ, которыя на основаніи заключеннаго Сегенемъ и другими лицами съ банкомъ 24 ноября 1883 г. договора подлежатъ, по прим. 1 къ ст. 1-ой онаго, представленію въ банкъ однимъ Сегенемъ, для обезпеченія части открытаго банкомъ контрагентамъ кредита въ суммѣ 491.200 руб. (п. 2). По мѣрѣ освобожденія Русскимъ Банкомъ, по условіямъ заключеннаго съ нимъ 24 ноября 1883 г. договора, представленныхъ Розенталемъ за счетъ Сегеня % бумагъ, бумаги тѣ должны быть выдаваемы за счетъ Сегеня обратно Розенталю непосредственно банкомъ, о чемъ одновременно съ заключеніемъ этого договора должно быть сдѣлано Сегенемъ заявленіе банку (п. 4); купоны отъ представленныхъ Розенталемъ въ банкъ за счетъ Сегеня % бумагъ выдаются банкомъ непосредственно Розенталю (п. 5). Сверхъ возвращенія Розенталю указаннымъ выше порядкомъ представленныхъ имъ за счетъ Сегеня въ Русскій Банкъ процентныхъ бумагъ Сегень уступаетъ Розенталю право на полученіе одного полноправнаго пая Обуховскаго завода изъ числа тѣхъ паевъ, которые на основаніи договора отъ 24 ноября 1883 г. по окончаніи всѣхъ разсчетовъ съ банкомъ должны быть переданы банкомъ на имена лицъ, которыя будутъ указаны банку Сегенемъ, о чемъ послѣдній, одновременно съ заключеніемъ сего договора съ Розенталемъ, обязанъ сдѣлать заявленіе банку (п. 6). Въ силу этого договора, какъ видно изъ дѣла, Розенталь внесъ въ Русскій Банкъ 8 марта 1884 г. за счетъ Сегеня разныя бумаги, принятыя банкомъ въ суммѣ 33.000 р., которыя, согласно сдѣланному Розенталемъ указанію, и зачислены банкомъ въ обезпеченіе на основаніяхъ соглашенія банка съ графами Левашевыми, Зубковымъ и Сегенемъ отъ

24 ноября 1883 г., 33.000 р. изъ числа 491.200 руб., для обезпеченія которыхъ бумаги должны были быть представлены однимъ Сегенемъ. Того же 8 марта банкъ увѣдомилъ объ этомъ Сегеня, Сегень же, въ свою очередь, вслѣдъ за полученіемъ этого увѣдомленія банка, послалъ въ банкъ въ тотъ же день заявленіе, коимъ, во исполненіе заключеннаго имъ, Сегенемъ, съ Розенталемъ соглашенія (не указываетъ какое именно), просилъ банкъ: 1) по мѣрѣ того, какъ представленныя Розенталемъ за его, Сегеня, счетъ % бумаги будутъ по условіямъ соглашенія банка съ графами Левашевыми, Зубковымъ и имъ, Сегенемъ, отъ 24 ноября 1883 года подлежать освобожденію и возврату ему, Сегеню, выдать эти бумаги за его, Сегеня, счетъ непосредственно Розенталю; 2) когда по окончаніи всѣхъ разсчетовъ съ банкомъ по соглашенію отъ 24 ноября 1883 г. будутъ подлежать передачѣ со стороны банка нотаріальнымъ порядкомъ паи Обуховскаго завода на имена лицъ, которыя будутъ указаны банку имъ, Сегенемъ, передать одинъ полноправный пай на имя Розенталя, которому по соглашенію его, Сегеня, съ нимъ уступлено право на полученіе въ свое время того пая; 3) купоны срочные отъ % бумагъ, представленныхъ за его, Сегеня, счетъ Розенталемъ, выдавать непосредственно ему, Розенталю; 4) сдѣлать на выданной ему, Сегеню, банкомъ копіи съ соглашенія отъ 23 ноября 1883 г. соотвѣтствующую настоящему его, Сегеня, заявленію надпись, и 5) о настоящемъ его, Сегеня, заявленіи и о надписи, которая на основаніи онаго будетъ сдѣлана банкомъ на копіи съ соглашенія 24 ноября 1883 г., увѣдомить непосредственно отъ банка Розенталя. Во исполненіе сего заявленія Сегеня, банкъ, прописавъ таковое цѣликомъ на находящейся въ рукахъ Сегеня копіи съ договора отъ 24 ноября 1883 г., въ концѣ учинилъ слѣдующую надпись: „принявъ приведенное заявленіе Θ. Θ. Сегеня къ исполненію и сообщивъ о немъ вмѣстѣ съ нимъ, согласно просьбѣ Θ. Θ. Сегеня, непосредственно Л. М. Розенталю, банкъ дѣлаетъ настоящую надпись“. Одновременно съ этою надписью послано было банкомъ Розенталю того же 8 марта 1884 г. увѣдомительное письмо, въ коемъ дословно прописаны какъ заявленіе Сегеня банку, такъ и учиненная банкомъ вслѣдствіе этого заявленія на принадлежащей Сегеню копіи съ договора отъ 24 ноября 1883 г. надпись. Затѣмъ, какъ видно изъ письма банка отъ 20 августа 1887 г. на имя наслѣдницы Розенталя—Фелиціи Бернштейнъ, представленныя Розенталемъ въ банкъ за счетъ Сегеня % бумаги на сумму 33.000 р. замѣнены были банкомъ другими бумагами на ту же сумму, представленными довѣреннымъ Фелиціи Бернштейнъ, мужемъ ея К. И. Бернштейномъ, при письмѣ отъ 19 августа 1887 г. Наконецъ, по полученіи банкомъ письма довѣреннаго Θ. Сегеня, Станислава Сегеня отъ 28 іюля 1890 г., въ коемъ онъ просилъ банкъ продать въ самомъ возможно скоромъ времени на Спб. биржѣ по цѣнамъ, по усмотрѣнію банка, всѣ остальныя процентныя бумаги, находящіяся въ банкѣ залогомъ по Обуховскому дѣлу, согласно условію отъ 24 ноября 1883 г., какъ

принадлежащія Ѳ. Сегеню, такъ и представленныя за его, Сегеня, счетъ Розенталемъ, а затѣмъ излишекъ денегъ, если таковой будетъ, выдать ему, Сегеню, за исключеніемъ излишней стоимости залоговъ, представленныхъ Розенталемъ сверхъ 33.000 руб., каковой излишекъ, за смертью Розенталя, подлежитъ передачѣ его правопреемникамъ,—банкъ продалъ означенныя процентныя бумаги и письмомъ отъ 14 августа 1890 г. увѣдомилъ Гоха, которому въ то время уже передала права свои Фелиція Бернштейнъ, что онъ продалъ состоявшія у него на счетѣ залоговъ, внесенныхъ за счетъ Сегеня правопреемникомъ Розенталя, процентныя бумаги и что разсчетъ о продажѣ врученъ повѣренному Сегеня, причемъ изъ вырученныхъ за означенныя бумаги 34.353 руб. 15 коп. обращено на погашеніе долга Сегеня банку по договору отъ 24 ноября 1883 г. 33.000 руб., а остатокъ, въ суммѣ 1.353 руб. 15 коп., согласно порученія довѣреннаго Сегеня, банкъ держитъ въ его, Гоха, распоряженіи.—Ссылаясь на приведенныя данныя и основываясь главнымъ образомъ на договорѣ отъ 6-го марта 1884 г. между Сегенемъ и Розенталемъ и на письмѣ банка къ Розенталю отъ 8 марта 1884 г., Гохъ и предъявилъ къ банку составляющій предметъ настоящаго дѣла искъ, причемъ какъ въ исковой запискѣ, такъ и при дальнѣйшемъ судоговореніи объяснилъ, что банкъ продалъ принадлежащія Розенталю $^0/_0$ бумаги будто бы вслѣдствіе особаго соглашенія съ Сегенемъ, между тѣмъ какъ признавъ для себя, по письму отъ 8 марта, обязательнымъ соглашеніе Сегеня съ Розенталемъ, выраженное въ договорѣ ихъ отъ 6 марта, банкъ не вправѣ продавать эти бумаги даже съ согласія Сегеня, такъ какъ таковыя составляли собственность Розенталя, банку же принадлежало лишь залоговое на нихъ право, вслѣдствіе чего таковыя, за силою 1677 ст. т. X ч. I могли быть имъ проданы только по оповѣщеніи и съ согласія Розенталя или его правопреемниковъ, продавъ же эти бумаги самовольно, банкъ обязанъ въ настоящее время доказать представленіемъ ему, Гоху, того особеннаго счета, который на основаніи договора отъ 24 ноября 1883 г. долженъ былъ быть веденъ по открытому Сегеню совмѣстно съ другими лицами кредиту, что онъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ вышеозначеннаго договора отъ 24 ноября 1883 г., тѣмъ болѣе, что по имѣющимся у него, Гоха, свѣдѣніямъ продажею банкомъ паевъ Обуховскаго завода (состоялась экспропріація этихъ паевъ правительствомъ) съ избыткомъ покрылся весь кредитъ, открытый банкомъ Сегеню совмѣстно съ другими лицами въ суммѣ 2.200.000 руб. Возраженія отвѣтчика противъ этого иска сводятся въ главныхъ частяхъ къ тому, что Гохъ не вправѣ предъявлять настоящаго иска, такъ какъ Розенталь, внеся $^0/_0$ бумаги не отъ своего имени, а за счетъ Сегеня, въ глазахъ банка, не знавшаго даже о существованіи между Сегенемъ и Розенталемъ соглашенія отъ 6 марта 1884 г. и не обязывавшагося, вопреки мнѣнію истца, руководствоваться этимъ соглашеніемъ, представлялся не собственникомъ тѣхъ бумагъ, а лишь представителемъ

Сегеня, не пріобрѣвшимъ никакихъ самостоятельныхъ по отношенію къ банку правъ ни по договору отъ 6 марта 1884 г., въ коемъ банкъ вовсе не участвовалъ, ни по договору отъ 24 ноября 1883 г., въ коемъ Розенталь не участвовалъ, право же на требованіе возврата % бумагъ и выдачи одного полноправнаго пая Обуховскаго завода могло бы принадлежать Гоху лишь на основаніи письма банка отъ 8 марта 1884 г. и то только въ томъ случаѣ, если бы, какъ сказано въ этомъ письмѣ, % бумаги освободились бы отъ залога и подлежали бы, въ силу договора отъ 24 ноября 1883 г., выдачѣ самому Сегеню, доказать каковое обстоятельство лежитъ на обязанности истца; между тѣмъ банкъ утверждаетъ съ представленіемъ въ подтвержденіе сего краткаго счета, что долгъ банку контрагентовъ по договору отъ 24 ноября 1883 г. значительно превышалъ сумму, полученную банкомъ за паи Обуховскаго завода (на сумму около 900.000 руб.), вслѣдствіе чего на покрытіе этого долга пришлось обратить представленныя контрагентами банку въ обезпеченіе открытаго имъ кредита % бумаги, изъ числа коихъ по смыслу договора отъ 24 ноября 1883 г. бумаги, внесенныя Сегенемъ, должны были первыя идти на покрытіе этого долга, самая же продажа % бумагъ произведена была не въ силу письма повѣреннаго Сегеня отъ 28 іюля 1883 г., а въ силу самаго договора отъ 24 ноября 1883 г., по коему это право предоставлено банку безъ всякаго особаго распоряженія о томъ со стороны Сегеня. Согласившись съ этими доводами отвѣтчика, С.-Петербургскій Коммерческій Судъ по обжалованному нынѣ рѣшенію въ искѣ Гоха съ банка 49.353 руб. 15 коп. отказалъ. Такимъ образомъ, подлежащій въ настоящемъ дѣлѣ разрѣшенію Прав. Сената вопросъ сводится къ тому, доказалъ ли истецъ Гохъ свое право на предъявленіе составляющаго предметъ настоящаго дѣла иска къ банку. Въ этомъ отношеніи Прав. Сенатъ находитъ, что единственный документъ, коимъ банкъ принялъ на себя обязательство непосредственно передъ Розенталемъ и на основаніи коего Розенталь только и имѣетъ нѣкоторое соприкосновеніе съ банкомъ,—это письмо банка на имя Розенталя отъ 8 марта 1884 г., а, слѣдовательно, на основаніи этого только документа и могутъ быть обсуждаемы права Розенталя, а за его смертью его правопреемниковъ, каковымъ въ настоящее время является Гохъ въ отношеніи къ банку, ибо, по вполнѣ правильному заключенію Ком. Суда, въ договорѣ 24 ноября 1883 г. между банкомъ и Сегенемъ Розенталь не участвовалъ, а въ договорѣ сего послѣдняго съ Сегенемъ не участвовалъ банкъ. По письму же отъ 8 марта 1884 г. банкъ принялъ къ исполненію заявленіе Сегеня о томъ, чтобы во исполненіе его, Сегеня, съ Розенталемъ соглашенія: 1) банкъ выдалъ за счетъ Сегеня непосредственно Розенталю внесенныя послѣднимъ за счетъ Сегеня же % бумаги (въ суммѣ 33.000 руб.) по мѣрѣ того, какъ бумаги эти будутъ по условіямъ договора отъ 24 ноября 1883 г. подлежать освобожденію и возврату ему, Сегеню, другими словами, когда по сведеніи банкомъ и

контрагентами по договору отъ 24 ноября 1883 г. разсчетовъ, бумаги эти останутся въ банкѣ на счету Сегеня; 2) чтобы банкъ передалъ одинъ полноправный пай Обуховскаго завода на имя Розенталя, когда наступитъ событіе, предусмотрѣнное договоромъ отъ 24 ноября 1883 г., т. е. когда должна будетъ совершиться передача банкомъ паевъ, оказавшихся свободными, на имя лицъ по указанію Сегеня; 3) чтобы купоны отъ представленныхъ Розенталемъ за его, Сегеня, счетъ % бумагъ выдавались банкомъ непосредственно Розенталю; 4) чтобы на принадлежащей Сегеню копіи договора отъ 24 ноября 1883 г. сдѣлана была банкомъ соотвѣтствующая заявленію его Сегеня, надпись, и 5) чтобы обо всемъ изложенномъ былъ увѣдомленъ Розенталь непосредственно отъ банка. Изъ изложеннаго видно, что банкъ, принявъ къ исполненію заявленіе Сегеня и увѣдомивъ объ этомъ Розенталя, принялъ на себя обязательство по исполненію точно опредѣленныхъ дѣйствій, порученныхъ ему Сегенемъ и въ исполненіи коихъ былъ заинтересованъ главнымъ образомъ Розенталь, изъ коихъ порученіе о выдачѣ Розенталю % бумагъ и пая Обуховскаго завода, стоимость коихъ нынѣ и взыскивается правопреемникомъ Розенталя, Гохомъ, должно было быть приведено въ исполненіе банкомъ лишь подъ условіемъ наступленія извѣстныхъ событій, отъ воли Розенталя не зависѣвшихъ и обусловленныхъ исключительно договоромъ, заключеннымъ банкомъ съ Сегенемъ и другими лицами (въ коемъ Розенталь никакого участія не принималъ) 24 ноября 1883 г., а изъ этого, въ свою очередь, слѣдуетъ, что принятое на себя банкомъ по письму отъ 8 марта 1884 г. передъ Розенталемъ обязательства выдачи % бумагъ и пая само собою отпадаетъ за ненаступленіемъ тѣхъ событій, которыми только и обусловливалось выполненіе банкомъ его обязательства, причемъ тѣмъ самымъ прекращается и обязательство его передъ Сегенемъ по исполненію посланнаго имъ въ банкъ 8 марта 1884 г. заявленія, съ тою только разницею, что за Сегенемъ, какъ за участникомъ договора отъ 24 ноября 1883 г., по коему предусмотрѣны тѣ случаи, въ коихъ банкъ вправѣ удерживать въ свою пользу принадлежащія Сегеню % бумаги и паи, право на часть изъ коихъ уступлено имъ Розенталю по особому соглашенію съ послѣднимъ, должно быть признано право оспаривать заявленіе банка о ненаступленіи тѣхъ событій и добиваться возстановленія нарушенныхъ банкомъ его правъ, если таковое дѣйствительно послѣдовало, тогда какъ Розенталь или его правопреемники, какъ лица, въ договорѣ отъ 24 ноября 1883 г. никакого участія не принимавшія, а слѣдовательно и не состоящія по оному съ банкомъ въ какихъ-либо обязательственныхъ отношеніяхъ и потому неимѣющія права ни требовать отъ банка представленія разсчета его съ контрагентами по договору отъ 24 ноября 1883 г., ни провѣрять и оспаривать таковой отъ своего имени, должны быть признаны обязанными, въ случаѣ обращенія ихъ непосредственно къ банку съ запросомъ относительно судьбы принятаго передъ ними послѣднимъ обязательства, довольствоваться тѣми свѣдѣніями, которыя даются имъ

банкомъ; если же почему-либо эти свѣдѣнія кажутся имъ недостаточными или неправильными, то уже отъ нихъ зависитъ за требуемыми разъясненіями обратиться къ непосредственному ихъ контрагенту Сегеню, состоящему вмѣстѣ съ тѣмъ и контрагентомъ банка по договору отъ 24 ноября 1883 г., коему банкомъ и должны были доставляться для повѣрки и утвержденія всѣ разсчеты, вытекающіе изъ упомянутаго договора; при этомъ, даже въ томъ случаѣ, если бы, по разсмотрѣніи представленнаго банкомъ разсчета, они нашли таковой неправильнымъ, Розенталь или его правопреемники не вправѣ были бы предъявлять какія-либо требованія по означенному разсчету непосредственно къ банку, какъ обязанному въ силу договора отъ 24 ноября 1883 г. отвѣчать за правильность веденія открытаго имъ Сегеню и прочимъ контрагентамъ по договору особливаго счета только передъ сими послѣдними, а не передъ Розенталемъ или его преемниками, въ означенномъ договорѣ не участвовавшими, а съ такими требованіями должны были бы обратиться къ Сегеню, исключительно только и обязанному въ силу соглашенія его съ Розенталемъ отъ 6 марта 1884 г. блюсти интересы сего послѣдняго. Въ силу же письма банка на имя Розенталя отъ 8 марта 1884 г. обращеніе послѣдняго непосредственно къ банку съ требованіемъ о возмѣщеніи стоимости внесенныхъ имъ за счетъ Сегеня $^0/_0$ бумагъ и уступленнаго ему Сегенемъ полноправнаго пая Обуховскаго завода могло бы быть признано правильнымъ только въ томъ случаѣ, если бы Розенталь или его преемники указывали бы на нарушеніе банкомъ принятаго имъ по письму отъ 8 марта 1884 г. обязательства въ тѣсномъ его смыслѣ, т. е. если бы они указывали на то, что, не смотря на обѣщаніе не выдавать оставшихся свободными $^0/_0$ бумагъ и одного пая Обуховскаго завода никому другому, кромѣ Розенталя, банкъ тѣмъ не менѣе выдалъ это бумаги и пай самому Сегеню, или кому нибудь другому. А потому Прав. Сенатъ находитъ, что требованіе Гоха объ обязаніи банка къ представленію ему для провѣрки того особаго счета, который банкомъ велся въ силу договора отъ 24 ноября 1883 г., а въ случаѣ непредставленія имъ этого счета о признаніи удержанія банкомъ въ свою пользу $^0/_0$ бумагъ и остатка пая неправильнымъ и о присужденіи на этомъ основаніи стоимости какъ $^0/_0$ бумагъ, такъ и пая, какъ не вытекающее изъ выданнаго ему банкомъ обязательства, вполнѣ правильно признано Ком. Судомъ не подлежащимъ удовлетворенію и всѣ приводимыя апелляторомъ соображенія въ доказательство неправильнаго, будто бы, производства банкомъ съ Сегенемъ разсчета должны быть оставлены безъ разсмотрѣнія по существу. Что же касается указаній апеллятора на то, что Розенталь, внеся по соглашенію съ Сегенемъ $^0/_0$ бумаги въ обезпеченіе части кредита, открытаго банкомъ Сегеню, установилъ, будто бы, залогъ по чужому обязательству, былъ залогодателемъ по обязательству другого лица и что, будто бы, обязательство передъ Розенталемъ было принято на себя банкомъ въ замѣну части обязательства, принятаго имъ на себя по отношенію къ Сегеню въ договорѣ отъ

24 ноября 1883 г. въ той мѣрѣ, въ какой Розенталь замѣнилъ собою Сегеня по отношенію къ договору отъ 24 ноября 1883 г., вслѣдствіе чего Розенталь является не постороннимъ лицомъ по отношенію къ этому договору, а непосредственно въ немъ заинтересованнымъ, а потому и имѣющимъ право предъявить искъ непосредственно къ банку, то таковыя указанія не заслуживаютъ уваженія. Самъ по себѣ взносъ Розенталемъ въ банкъ % бумагъ за счетъ Сегеня подъ условіемъ возврата ихъ ему также „за счетъ Сегеня“ никакихъ отношеній его къ банку, независимыхъ отъ отношеній банка къ Сегеню не устанавливалъ и не могъ установить, хотя бы уже и потому, что апелляторъ ничѣмъ не доказалъ, чтобы содержаніе соглашенія Розенталя съ Сегенемъ отъ 6 марта 1884 г. было извѣстно банку въ моментъ принятія имъ % бумагъ, въ заявленіи же Сегеня на имя банка, отъ 8 марта 1884 г., хотя и упоминается объ этомъ соглашеніи, но содержаніе его не излагается, такъ что отношенія, существовавшія между Розенталемъ и Сегенемъ, были банку неизвѣстны, да его вовсе и не касались, ибо онъ, согласно договору, имѣлъ дѣло лишь съ однимъ Сегенемъ и счетъ у него былъ одинъ— Сегеневскій, въ каковой счетъ поступили и % бумаги Розенталя (внесенныя имъ не за себя, а за счетъ Сегеня) по какимъ основаніямъ, для банка совершенно безразлично, по отношенію же къ Розенталю банкъ принялъ на себя лишь исполненіе при наступленіи извѣстныхъ условій порученія, исходящаго отъ его контрагента Сегеня. Внеся такимъ образомъ % бумаги за счетъ Сегеня, какъ это неоднократно повторяется и самимъ Сегенемъ въ его заявленіи банку отъ 8 марта 1884 г., а не *вмѣсто* Сегеня, Розенталь, какъ совершенно правильно призналъ и Ком. Судъ, ни въ какія самостоятельныя отношенія къ банку вступить не могъ и этому нисколько не противорѣчитъ ни то, указываемое апелляторомъ обстоятельство, что банкъ обязался вернуть бумаги непосредственно Розенталю; ни то, что надпись о правахъ Розенталя сдѣлана банкомъ на договорѣ отъ 24 ноября 1883 г., ни то, наконецъ, что впослѣдствіи обмѣнъ % бумагъ былъ сдѣланъ банкомъ по указанію наслѣдницы Розенталя,—первое потому, что банкъ обязался вернуть % бумаги Розенталю не потому, что онъ признавалъ его самостоятельнымъ своимъ контрагентомъ, на что въ дѣлѣ не имѣется ни малѣйшаго намека, а потому, что того требовалъ Сегень, имѣвшій право по своему усмотрѣнію распоряжаться числившимися на его счету % бумагами, для банка же исполненіе этого требованія не могло представлять какихъ-либо затрудненій, ибо ему было, очевидно, безразлично, кому именно передать оставшіяся свободными за окончаніемъ съ контрагентами по договору отъ 24 ноября 1883 г. разсчетовъ, % бумаги, самому ли Сегеню, или кому-либо другому; второе—потому, что надпись о правахъ Розенталя учинена банкомъ не на подлинномъ договорѣ, а на принадлежащей Сегеню копіи съ онаго и должна была служить единственнымъ удостовѣреніемъ для Сегеня о согласіи банка исполнить данное ему порученіе, изложенное въ заявленіи его,

Сегеня, отъ 8 марта 1884 г., ибо отвѣта на это заявленіе, кромѣ возвращенія Сегеню копіи договора съ указанною надписью, Сегенемъ отъ банка и не требовалось; наконецъ, третье—потому что банкъ, въ виду предоставленнаго ему Сегенемъ права вернуть по наступленіи извѣстныхъ условій внесенныя за его счетъ Розенталемъ % бумаги непосредственно сему послѣднему, если вообще былъ согласенъ на замѣну этихъ бумагъ другими—что очевидно зависѣло отъ личнаго его усмотрѣнія—очевидно могъ произвести такую замѣну именно и только вслѣдствіе просьбы Розенталя или его правопреемниковъ, а никакъ не по просьбѣ самого Сегеня. Что же касается просьбы Сегеня о сообщеніи банкомъ непосредственно Розенталю согласія своего на принятіе къ исполненію даннаго ему Сегенемъ въ заявленіи отъ 8 марта 1884 г. порученія, то таковая одинаково какимъ-либо доказательствомъ самостоятельности правъ Розенталя, вопреки мнѣнію апеллятора, служить не можетъ и не являлась вовсе безцѣльною, такъ какъ безъ этого сообщенія со стороны банка, несмотря на то, что Розенталю и было извѣстно о желаніи Сегеня предоставить ему право полученія процентныхъ бумагъ непосредственно отъ банка, не существовало бы самаго обязательства банка передъ Розенталемъ о возвращеніи ему, при предусмотрѣнныхъ условіяхъ, этихъ процентныхъ бумагъ непосредственно. Наконецъ, не можетъ быть признано заслуживающимъ уваженіе и указаніе апеллятора на то, что будто бы банкъ продалъ % бумаги не вслѣдствіе условій договора отъ 24 ноября 1883 г., а вслѣдствіе порученія Сегеня, со ссылкою его въ подтвержденіе сего на письмо довѣреннаго Сегеня на имя банка отъ 28 іюля 1890 г., ибо прежде всего, по объясненію банка, бумаги эти проданы были имъ именно на покрытіе долга контрагентовъ по договору отъ 24 ноября 1883 г., возросшаго уже къ 1 января 1890 г. до суммы 3.927.513 руб. 40 коп. (споръ апеллятора противъ правильности начисленія банкомъ % и комиссіи, какъ лица, договору 24 ноября посторонняго, обсужденію, какъ указано уже выше, подлежать не можетъ), на что банкъ въ силу означеннаго договора имѣлъ несомнѣнное право, и на обязанности уже истца, утверждающаго противное, лежало это противное и доказать. Независимо сего буквальное содержаніе письма повѣреннаго Сегеня отъ 28 іюля 1890 г. доказываетъ, что цѣлью его написанія было вовсе не порученіе или понужденіе банка къ продажѣ находившихся у него въ залогѣ бумагъ, а лишь ускореніе этой продажи, да наконецъ, какъ уже указано, по буквальному содержанію письма банка 8 марта 1884 г., банкъ обязался передать внесенныя Розенталемъ за счетъ Сегеня % бумаги непосредственно Розенталю по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ подлежать согласно условіямъ договора 24 ноября 1883 г. освобожденію и возврату самому Сегеню, а слѣдовательно, если бы даже банкъ и неправильно согласился признать эти бумаги подлежащими продажѣ, а не оставленію на его счетѣ, какъ свободныя, то Розенталь или его правопреемники могли бы предъявить какія-либо по сему предмету притязанія только къ самому

Сегеню, какъ контрагенту банка по договору, нарушившему и ихъ интересы, а никакъ не непосредственно къ банку. По изложеннымъ соображеніямъ, Прав. Сенатъ рѣшеніе Спб. Ком. Суда утвердилъ (1893 г., № 1706).

356|245. Разсчетъ между банкомъ и заемщикомъ по выданной ему ссудѣ подъ залогъ процентныхъ бумагъ долженъ быть произведенъ по цѣнѣ, стоявшей на заложенныя бумаги въ ближайшій биржевой день по истеченіи установленнаго уставомъ банка или обязательствомъ по ссудѣ срока со дня просрочки обязательства на выкупъ залога (1888 г. Шершнева съ Волжско-Камскимъ банкомъ,—сб. Вильсона I, № 170).

357|246. По существующему обычаю лицо, запродавшее по опредѣленной цѣнѣ по порученію купца тратты на иностранную валюту, не обязано сообщать продавцу имена лицъ, коимъ тратты запроданы. Несогласіе контрагента на новый предложенный способъ реализаціи сдѣлки, не даетъ ему права вовсе отказаться отъ исполненія принятыхъ имъ на себя по оной обязательствъ. Въ сдѣлкахъ о покупкѣ траттъ „на мартъ—апрѣль“ регулировка, согласно обычаю, должна происходить по курсу послѣдняго апрѣльскаго биржевого дня

Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ признаетъ необходимымъ прежде всего остановиться на вопросѣ о томъ, былъ ли банкирскій домъ К. Фелейзена обязанъ назвать купцу И. Скараманге покупателя проданныхъ Скарамангою чрезъ посредство банкирскаго дома траттъ и представляетъ ли засимъ неуказаніе Фелейзеномъ Скараманге покупателя достаточное основаніе для признанія Скараманги свободнымъ отъ принятыхъ на себя по продажѣ траттъ по отношенію къ банкирскому дому обязательствъ. По сему вопросу Прав. Сенатъ находитъ, что ни въ телеграммахъ, ни въ письмахъ, которыми по поводу заключенной сдѣлки о продажѣ траттъ обмѣнивались Скараманга съ Фелейзеномъ, нигдѣ не упоминается объ обязательствѣ Фелейзена назвать Скараманге покупателя запроданныхъ имъ траттъ и помѣщеніе условія о такой обязанности Фелейзена въ сдѣлку, безъ сомнѣнія, не признавалось сторонами необходимымъ, такъ какъ Скараманга, получивъ телеграмму Фелейзена отъ 27 октября 1887 г., о совершенной послѣднимъ продажѣ траттъ, письмомъ отъ того же числа увѣдомилъ Фелейзена, что считаетъ эту продажу въ порядкѣ и возвратится къ ней въ должное время. При такомъ положеніи дѣла Фелейзенъ могъ бы быть признанъ обязаннымъ назвать Скараманге покупателя лишь въ томъ случаѣ, если бы Скараманга

представилъ доказательство въ томъ, что банкирскій домъ, въ силу установившагося въ подобныхъ случаяхъ обычая, былъ обязанъ предварительно реализаціи сдѣлки назвать ему, Скарамангѣ, какъ продавцу, покупателя траттъ. Скараманга, однако, такихъ доказательствъ не представилъ, повѣренный же администраціи по дѣламъ К. Фелейзена, Небольсинъ, представилъ Прав. Сенату удостовѣреніе Спб. биржевого комитета, изъ коего видно, что по установившемуся въ торговомъ быту обычаю банкирскій домъ, запродавшій на срокъ по опредѣленной цѣнѣ по порученію купца, ведущаго экспортную торговлю, тратты на иностранную валюту, не обязанъ сообщать продавцу имена лицъ, коимъ тратты запроданы. Такимъ образомъ Фелейзенъ, очевидно, не былъ обязанъ сообщить Скарамангѣ имена покупателей запроданныхъ имъ траттъ и засимъ несообщеніе Фелейзеномъ Скарамангѣ именъ сихъ покупателей не освобождало Скарамангу отъ принятыхъ на себя по поставкѣ траттъ обязательствъ. Засимъ вторымъ основаніемъ, въ силу коего Ком. Судъ, согласно съ объясненіями повѣреннаго отвѣтчика, Мато, призналъ Скарамангу свободнымъ отъ обязанностей по сдѣлкѣ о продажѣ траттъ съ Фелейзеномъ, является письмо къ Скарамангѣ отъ 17 марта 1888 г. за подписью В. Банга, въ коемъ судъ усмотрѣлъ отказъ отъ исполненія сдѣлки со стороны банкирскаго дома Фелейзена. По поводу сего письма повѣренный Скараманги прежде всего заявилъ, что Скараманга не могъ придать письму значенія, такъ какъ онъ имѣлъ дѣло по сдѣлкѣ съ Фелейзеномъ и не зналъ Банга, а равно не зналъ, былъ ли Бангъ дѣйствительно уполномоченъ Ком. Судомъ на веденіе дѣлъ банкирскаго дома умершаго К. Фелейзена, какъ значится въ подписи Банга на письмѣ. По сему предмету, однако, изъ дѣла видно, что и прежде письмо Скарамангѣ отъ 27 октября 1887 г. по настоящей сдѣлкѣ было подписано также Бангомъ, такъ что подпись и личность Банга, какъ уполномоченнаго приказчика Фелейзена, не могли не быть извѣстны Скарамангѣ; но, допустивъ даже, что Скараманга имѣлъ основаніе сомнѣваться въ томъ, что В. Бангъ былъ дѣйствительно уполномоченъ Спб. Ком. Судомъ на продолженіе дѣлъ покойнаго К. Фелейзена, а потому полагалъ, что Бангъ не имѣлъ права дѣлать Скарамангѣ предложенія отъ имени банкирскаго дома К. Фелейзена по отношенію къ сдѣлкѣ 24 октября 1887 г., то изъ такового положенія слѣдовало бы лишь заключить, что Скарамангѣ надлежало или немедленно справиться о полномочіяхъ Банга, или, оставивъ письмо В. Банга отъ 17 марта 1888 г. безъ вниманія, исполнить принятое на себя обязательство, руководствуясь исключительно условіями, установленными сторонами до полученія Скарамангою письма Банга, но во всякомъ случаѣ сомнѣніе въ полномочіи Банга не давало Скарамангѣ права на неисполненіе сдѣлки съ банкирскимъ домомъ. Недоставленіе Скарамангою банкирскому дому К. Фелейзенъ траттъ повѣренный Скараманги затѣмъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что со стороны банкирскаго дома послѣдовалъ въ письмѣ Банга отъ 17 марта 1888 г. отказъ отъ

заключенной съ Скарамангою сдѣлки, почему Скараманга счелъ себя вправѣ, не вступая съ банкирскимъ домомъ въ новую сдѣлку на измѣненныхъ условіяхъ, изложенныхъ въ письмѣ 17 марта, отказаться отъ выполненія принятыхъ на себя по сдѣлкѣ отъ 24 октября 1887 г. обязательствъ. Съ таковымъ объясненіемъ повѣреннаго Скараманги соглашается и Ком. Судъ, признавая, что банкирскій домъ К. Фелейзена, письмомъ Банга отъ 17 марта 1888 г., нарушилъ заключенную имъ съ Скарамангою сдѣлку. Въ виду сего необходимо разсмотрѣть существо предложенія Банга, сдѣланнаго имъ Скарамангѣ въ письмѣ отъ 17 марта 1888 г. Изъ содержанія сего письма видно, что Бангъ не предлагалъ вовсе Скарамангѣ взамѣнъ прежней сдѣлки заключить новую, а предложилъ ему лишь купленныя отъ него по прежней сдѣлкѣ тратты вмѣсто пересылки ихъ въ С.-Петербургъ банкирскому дому продать, и при томъ за счетъ банкирскаго дома, непосредственно отъ себя въ качествѣ комиссіонера банкирскаго дома К. Фелейзена, и представить банкирскому дому отчетъ по этой операціи. Такое предложеніе Банга, по самому существу своему, не только вовсе не измѣняло прежней сдѣлки, но даже и не касалось интересовъ Скараманги, какъ продавца, по прежней сдѣлкѣ, который, продавъ даже тратты за счетъ Фелейзена третьимъ лицамъ, имѣлъ лишь все то же право получить съ банкирскаго дома условленную ранѣе цѣну ихъ по курсу $21^{5}/_{16}$, независимо цѣны реализаціи имъ сихъ траттъ за счетъ банкирскаго дома. Безъ сомнѣнія, Скараманга былъ воленъ принять предложеніе, изложенное въ письмѣ 17 марта, или не принять онаго но, очевидно, въ послѣднемъ случаѣ онъ могъ лишь доставить тратты въ срокъ банкирскому дому, предоставивъ послѣднему, несмотря на нежеланіе, упоминаемое въ письмѣ 17 марта, реализировать тратты самому, но ни въ какомъ случаѣ несогласіе на предложенный способъ реализаціи сдѣлки не давало Скарамангѣ права вовсе отказаться съ своей стороны отъ исполненія своихъ обязанностей. Положеніе дѣла нисколько не измѣняется и объясненіемъ Скараманги о томъ, что онъ при продажѣ дѣйствовалъ по порученію третьихъ лицъ, ибо при заключеніи сдѣлки отъ своего имени неправильныя соображенія и дѣйствія сихъ третьихъ лицъ не слагали, очевидно, съ Скараманги отвѣтственности предъ его контрагентомъ. Въ заключеніе нельзя не указать еще на то, что и боязнь недовыручить при продажѣ траттъ за счетъ банкирскаго дома сумму, слѣдующую за оныя ему, Скарамангѣ, какъ продавцу, и затѣмъ оказаться въ разницѣ кредиторомъ банкирскаго дома, положеніе коего, какъ можно было заключить изъ учрежденія по дѣламъ его администраціи, пошатнулось, не только не представляла законнаго основанія къ отказу отъ сдѣлки вообще, но даже, по обстоятельствамъ дѣла, едва ли была руководящимъ началомъ при отклоненіи предложенія письма 17 марта, ибо, какъ видно изъ дѣла, биржевая стоимость траттъ ко времени предложенной въ письмѣ 17 марта реализаціи ихъ (мартъ и апрѣль 1888 г.) значительно превышала цѣну, по которой тратты были Скарамангою

запроданы чрезъ посредство банкирскаго дома К. Фелейзена, а посему Скараманга, продавая тратты въ качествѣ комиссіонера Фелейзена, ничѣмъ не рисковалъ, а напротивъ того, имѣлъ бы въ своихъ рукахъ непосредственно не только всю слѣдующую ему, какъ продавцу, покупную цѣну, но сверхъ того еще извѣстную прибыль за счетъ банкирскаго дома. Изъ выше сего разъясненнаго смысла предложенія письма 17 марта съ очевидностью явствуетъ и полная неосновательность заявленія повѣреннаго Скараманги, что предложеніе это имѣло въ виду превратить сдѣлку купли-продажи траттъ въ сдѣлку на разность, ибо, согласно сему предложенію, полагалось лишь продать тратты безъ бланка банкирскаго дома Фелейзена, который, получивъ прибыль отъ продажи, съ своей стороны могъ бы своихъ покупателей или удовлетворить вновь пріобрѣтенными траттами, или разсчитаться съ ними въ разницѣ по курсу дня исполненія, что, очевидно, не имѣетъ ничего общаго со сдѣлкой на разность. Признавая, на основаніи всего изложеннаго, что ни неизвѣщеніе Скараманги объ именахъ покупателей траттъ, ни письмо за подписью Банга, какъ уполномоченнаго Ком. Судомъ на продолженіе дѣлъ умершаго барона Константина Фелейзена, не давали Скараманге права отказаться отъ исполненія сдѣлки съ банкирскимъ домомъ доставкою проданныхъ траттъ въ срокъ, Прав. Сенатъ находитъ, что по закону (ст. 569, 570 и 684 т. X ч. I) всякій договоръ и всякое обязательство, правильно составленные, налагаютъ на договаривающихся обязанность ихъ исполнить, причемъ неисполненіе оныхъ одною стороною влечетъ за собою для другой стороны право требовать отъ стороны обязавшейся удовлетворенія во всемъ томъ, что въ договорѣ постановлено, а равно вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные неисполненіемъ договора. Въ договорахъ торговой поставки, къ каковымъ принадлежитъ, согласно вышеизложенному, и состоявшаяся между сторонами сдѣлка о продажѣ отвѣтчикомъ истцу траттъ, послѣднее право сводится къ тому, что пріобрѣтатель, при неисполненіи договора поставщикомъ, имѣетъ право пріобрѣсти предметъ сдѣлки за счетъ послѣдняго, причемъ убытки выражаются въ разницѣ между условленною и биржевою или рыночною цѣною предмета поставки въ срокъ исполненія сдѣлки. Согласно съ симъ и соображаясь съ удостовѣреніемъ СПБ. биржевого комитета, въ коемъ значится, что по торговому обычаю въ сдѣлкахъ о покупкѣ траттъ на мартъ—апрѣль, безъ болѣе точнаго опредѣленія срока, регулировка должна происходить по курсу послѣдняго апрѣльскаго биржевого дня, администрація по дѣламъ банкирскаго дома Константина Фелейзена требуетъ нынѣ съ купца Ивана Скараманги разницу въ цѣнѣ проданныхъ отвѣтчикомъ 10.000 фунт. стерл. въ траттахъ по сдѣлкѣ—112.609 р. 97 к. и по курсу 29 апрѣля 1888 г.—120.500 р., т. е. 7.890 р. 3 к., каковое требованіе на основаніи изложеннаго представляется вполнѣ правильнымъ. Равнымъ образомъ правильными представляются и требованія администраціи сверхъ этой суммы куртажныхъ денегъ $^1/_8{}^0/_0$ съ 112.609 р. 97 к., какъ уплаченныхъ маклеру при

продажѣ траттъ согласно приказу Скараманги при заключеніи сдѣлки третьимъ лицамъ, а равно и $^1/_8\%$ комиссіи съ суммы 120.500 р. за покупку траттъ банкирскимъ домомъ, за недоставленіемъ ихъ Скарамангою, для разсчета съ покупателями, всего 291 р. 38 к., каковыя исковыя требованія, впрочемъ, со стороны отвѣтчика въ цифровомъ отношеніи вовсе не оспариваются и по существу своему согласны съ торговымъ обычаемъ. Признавая на основаніи всего изложеннаго искъ администраціи по дѣламъ умершаго барона Фелейзена къ купцу Скарамангѣ въ суммѣ всего 8.181 р. 41 к. правильнымъ, а рѣшеніе Таганрогскаго Ком. Суда объ отказѣ въ семъ искѣ подлежащимъ отмѣнѣ, Прав. Сенатъ въ отмѣну рѣшенія Ком. Суда присудилъ съ купца Ивана Скараманги въ пользу администраціи, учрежденной по дѣламъ умершаго барона Фелейзена, 8.181 р. 41 к. съ $\%$ со дня предъявленія иска (1891 г., № 466).

358|247. На С.-Петербургской биржѣ существуетъ твердо установившійся для сдѣлокъ о куплѣ-продажѣ цѣнныхъ бумагъ, акцій и фондовъ *обычай*, въ силу котораго срокомъ исполненія сдѣлокъ почитается: для сдѣлокъ *несрочныхъ*—за наличныя деньги *третій*, не считая дня заключенія сдѣлки, *день;* для сдѣлокъ же *срочныхъ* на данный мѣсяцъ, безъ указанія числа (ultimo)—*послѣдній день этого мѣсяца;* затѣмъ, въ случаѣ неисполненія сдѣлки которой-либо стороною, противная сторона вправѣ: а) требовать, послѣ 3 часовъ пополудни послѣдняго срочнаго дня, исполненія сдѣлки, и б) на слѣдующій же день приступить къ покупкѣ или продажѣ, за счетъ неисправнаго контрагента, причемъ сей послѣдній несетъ предъ первымъ отвѣтственность за потерю на курсѣ бумагъ. Фактическая реализація сдѣлки, за счетъ неисправнаго контрагента, на слѣдующій день послѣ срока исполненія таковой составляетъ право другого контрагента, коимъ онъ можетъ воспользоваться или нѣтъ, отложивъ дѣйствительное пріобрѣтеніе бумагъ на другой срокъ, или вовсе отъ такового отказавшись; но, во всякомъ случаѣ, въ отношеніи отвѣтственности неисправнаго контрагента, разсчетъ долженъ быть чинимъ на основаніи только курса того дня, въ который наступило для другого контрагента право купить или продать за счетъ перваго. Правильность и обязательность этого послѣдняго положенія подтверждается тѣмъ, что, при наличности его только, во 1-хъ, можетъ быть соблюдено то основное правило (ст. 684 т. X ч. I Св. Зак. Гражд.), что каждый долженъ нести отвѣтственность за вредъ или убытокъ, причиненный другому его дѣяніемъ или упущеніемъ,—другими словами, что вредъ или убытокъ, отвѣтственность за которые возлагается на данное лицо, должны проистекать единственно и исключительно отъ дѣянія или упущенія этого лица и не должны въ размѣрѣ или характерѣ своемъ зависѣть отъ усмотрѣнія или произвола лица, понесшаго вредъ или убытокъ, и, во 2-хъ, можетъ быть установленъ дѣйствительный убытокъ контрагента, по опредѣленнымъ, а не случайнымъ основаніямъ (1899 г., № 124).

359|248. Сдѣлка о поставкѣ иностранныхъ траттъ къ извѣстному сроку по опредѣленному въ оной курсу не можетъ быть отнесена къ числу запрещенныхъ.

Приступая къ обсужденію составляющаго предметъ настоящаго дѣла требованія торговаго дома „С. И. Бродскій и К°“ къ торговому дому „К. Весле и К°“, Прав. Сенатъ считаетъ необходимымъ остановиться на указаніи апеллятора о томъ, что состоявшаяся между торговымъ домомъ „С. И. Бродскій и К°“ и торговымъ домомъ „К. Весле и К°“ сдѣлка о поставкѣ траттъ представляется воспрещенною закономъ, а потому недѣйствительною сдѣлкою на разность курса нашего кредитнаго рубля. Въ этомъ отношеніи Прав. Сенатъ находитъ, что для признанія извѣстной сдѣлки не пользующеюся покровительствомъ закона необходимо, чтобы было доказано или что заключеніе ея прямо запрещено закономъ, или что она преслѣдуетъ дѣйствительно цѣль, законамъ противную (ст. 1529 т. X ч. I); но ни то, ни другое въ настоящемъ дѣлѣ не доказано. Состоявшаяся между сторонами сдѣлка имѣла своимъ предметомъ пріобрѣтеніе торговымъ домомъ „С. И. Бродскій и К°“ у торговаго дома „К. Весле и К°“ 10.000 фунт. стерлинговъ въ видѣ траттъ, по курсу 10 р. 14 к. фунтъ, со сдачею въ концѣ декабря 1886 г.; закона же, запрещающаго пріобрѣтеніе траттъ на иностранныхъ банкировъ чрезъ посредство договора поставки таковыхъ въ теченіе извѣстнаго срока по курсу, опредѣленному въ моментъ заключенія сдѣлки, не существуетъ. Что же касается ссылки апеллятора на 2 п. 2167 ст. X т. I ч., то она лишена при рѣшеніи дѣла сего всякаго значенія уже по одному тому, что въ ней говорится о воспрещеніи заключенія лишь условій о покупкѣ и продажѣ акцій или росписокъ съ поставкою къ извѣстному сроку по извѣстной цѣнѣ, а вовсе не о сдѣлкахъ о поставкѣ траттъ на иностранную валюту къ извѣстному сроку, по опредѣленному въ моментъ соглашенія курсу, допустимость каковыхъ сдѣлокъ по нашимъ законамъ явствуетъ уже изъ содержанія 2469 (нынѣ 640) и др. ст. Уст. Торг. Затѣмъ въ дѣлѣ вовсе не имѣется, какъ то неправильно утверждаетъ повѣренный отвѣтчика, данныхъ для установленія того, что контрагенты, заключая спорную сдѣлку, не имѣли серьезнаго намѣренія ее выполнить, а заключили ее исключительно съ цѣлью игры на разность курсовъ кредитнаго рубля. Напротивъ того, къ противоположному выводу приводитъ не только то обстоятельство, что сдѣлка заключена между лицами, изъ коихъ, по объясненію самого отвѣтчика, одно занимается банкирскими оборотами, а другое дѣлаетъ иногда переводы, но главнымъ образомъ,—имѣвшій мѣсто между контрагентами обмѣнъ взаимныхъ нотаріальныхъ заявленій о принятіи и о выдачѣ траттъ, причемъ нельзя не замѣтить, что, по вполнѣ правильному заключенію суда, въ обмѣнѣ подобныхъ заявленій не представлялось бы никакой надобности, еслибы сдѣлкою преслѣдовалась исключительно биржевая игра. Имѣя сіе въ виду и принимая

кромѣ того во вниманіе, что самъ торговый домъ „К. Весле и К°“, по объясненію его повѣреннаго, въ переговорахъ по телефону изъявилъ желаніе доставить истцу тратты и въ нотаріальномъ своемъ заявленіи приглашалъ истца явиться за полученіемъ „нашего условленнаго перевода“, т. е. тратты, а не разницы между стоимостью 10.000 фун. стерлинговъ по курсу дня заключенія сдѣлки, въ сравненіи съ курсомъ, стоявшимъ на биржѣ въ послѣдній день декабря мѣсяца 1886 г.,—Прав. Сенатъ не можетъ не признать, что, какъ то явствуетъ изъ имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ, стороны при заключеніи спорной въ настоящемъ дѣлѣ сдѣлки имѣли несомнѣнное намѣреніе исполнить ее. Вслѣдствіе сего Прав. Сенатъ призналъ возраженіе апеллятора о недѣйствительности заключенной между торговыми домами „Весле и К°“ и „С. И. Бродскій и К°“ сдѣлки недоказанными, а самую сдѣлку для нихъ обязательною (1887 г., № 2001).

360|249. Отличительный признакъ сдѣлки на разность—отсутствіе при самомъ заключеніи ея намѣренія контрагентовъ произвести дѣйствительный обмѣнъ составляющихъ предметъ сдѣлки цѣнностей. Условленная передача вещей въ извѣстный срокъ послѣ заключенія договора не лишаетъ сего послѣдняго характера договора купли-продажи. Подъ убыткомъ при неисполненіи договора слѣдуетъ понимать и лишеніе той прибыли, которую представляло бы контрагенту исполненіе договора.

Обсудивъ доводъ апелляторовъ о томъ, что банкъ не имѣетъ права требовать исполненія договора, ибо заключенная имъ съ торговымъ домомъ сдѣлка, какъ заключающая въ себѣ элементы сдѣлки на разность, или биржевой игры, не дозволяется закономъ, и, какъ договоръ о поставкѣ траттъ, не входитъ въ кругъ операцій, разрѣшенныхъ банку его уставомъ,—Прав. Сенатъ находитъ, что по обстоятельствамъ дѣла нѣтъ никакого основанія придавать спорной сдѣлкѣ между сторонами значеніе воспрещенной закономъ сдѣлки на разность или биржевой игры; отличительный признакъ сдѣлки на разность заключается въ томъ, что контрагенты при самомъ ея заключеніи вовсе не имѣютъ въ виду дѣйствительнаго исполненія путемъ обмѣна служащихъ предметомъ ихъ сдѣлки цѣнностей, а исключительно денежный разсчетъ въ установленный срокъ въ разности цѣны предмета договора биржевой и условленной; между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ со стороны обоихъ контрагентовъ, безъ сомнѣнія, усматривается вполнѣ ясная и законная цѣль при заключеніи ихъ сдѣлки: „Мавро и К°“, какъ экспортеры хлѣба за границу, вполнѣ естественно реализировали вывезенный хлѣбъ путемъ продажи своихъ траттъ на покупателей хлѣба, а для Азовско-

Донского банка, какъ банкирскаго учрежденія, покупка и перепродажа траттъ составляла одну изъ вполнѣ законныхъ и притомъ на практикѣ весьма существенную и чуть не преобладающую банкирскую операцію; при этомъ относительно торговаго дома сами апелляторы, объясняя связь настоящей сдѣлки съ экспортомъ хлѣба, указываютъ на вполнѣ реальную подкладку сдѣлки продажи траттъ, а относительно Азовско-Донского банка нѣтъ въ дѣлѣ никакихъ данныхъ, указывающихъ на намѣреніе неосуществленія сдѣлки принятіемъ купленныхъ траттъ съ производствомъ лишь разсчета въ разницѣ курса; напротивъ того, согласіе банка на отсрочку въ доставленіи купленныхъ имъ траттъ прямо свидѣтельствуетъ о желаніи получить оныя. Затѣмъ, что касается недозволенности спорной сдѣлки поставки, то по сему предмету нельзя не указать на то, что при обсужденіи свойства каждой сдѣлки на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ руководствоваться тѣмъ, какое значеніе сами контрагенты придавали сдѣлкѣ при ея заключеніи; въ настоящемъ случаѣ какъ „Мавро и К⁰“, такъ равно и Азовско-Донской банкъ, какъ это усматривается изъ писемъ ихъ отъ 28/8 и 3/15 іюля 1891 г., называютъ сдѣлку свою продажею траттъ торговымъ домомъ и покупкою таковыхъ банкомъ, а потому и въ настоящее время нѣтъ основанія отрицать такое установленное самими контрагентами свойство сдѣлки какъ купли-продажи траттъ, которая банку прямо предоставлена § 12 его устава. Въ опроверженіе сего апелляторы указываютъ на то, что настоящей сдѣлкѣ присущи именно тѣ признаки, которые отличаютъ поставку отъ купли-продажи, т. е., что предметомъ сдѣлки являются вещи, опредѣленныя не индивидуально, а лишь по роду и количеству, и что передача сихъ вещей пріобрѣтателю условлена не въ моментъ заключенія сдѣлки, а лишь въ извѣстный условленный срокъ. Однако эти указанія апелляторовъ не могутъ повести къ признанію ихъ заявленій правильными: если уже въ общегражданскомъ быту не рѣдко имѣютъ мѣсто сдѣлки купли-продажи вещей, опредѣляемыхъ не индивидуально, а съ передачею такихъ вещей пріобрѣтателю не въ моментъ заключенія сдѣлки, то тѣмъ болѣе въ быту торговомъ отрицать сдѣлку купли-продажи при наличности вышеупомянутыхъ условій значило бы вообще не признавать торговой купли-продажи, ибо съ одной стороны предметомъ торговаго оборота служатъ почти исключительно цѣнности, опредѣляемыя не индивидуально, а лишь качествомъ и количествомъ, а съ другой стороны въ торговомъ быту лишь въ исключительныхъ случаяхъ обмѣнъ цѣнностей происходитъ въ самый моментъ заключенія сдѣлки; даже при такъ называемыхъ покупкахъ „на наличный разсчетъ“ для приведенія сдѣлки въ исполненіе дается всегда извѣстный срокъ, устанавливаемый для каждой биржи обычаемъ (около 3 дней); притомъ и законъ прямо устанавливаетъ понятіе купли-продажи на срокъ, воспрещая въ ст. 2167 т. X ч. 1 такія сдѣлки между частными лицами лишь относительно акцій и предварительныхъ росписокъ въ срочныхъ взносахъ за акціи. Признавая на основаніи

изложеннаго сдѣлку сторонъ, на которой основанъ настоящій искъ Азовско-Донского банка, торговою куплею-продажею на срокъ траттъ въ иностранной валютѣ, т. е. сдѣлкою, предусмотрѣнною § 12 устава Азовско-Донского банка, и притомъ по обстоятельствамъ дѣла не заключающей въ себѣ признаковъ сдѣлки на разность, или воспрещенной биржевой игры, и обращаясь, наконецъ, къ возраженію апелляторовъ, что присужденная банку сумма убытковъ по дѣлу не доказана, ибо въ дѣлѣ нѣтъ данныхъ, изъ коихъ можно было бы вывести заключеніе, что банкъ дѣйствительно купилъ на биржѣ недоставленныя ему тратты и при этомъ переплатилъ кому-либо 41 т. руб.,—Прав. Сенатъ находитъ, что вообще убытками, понесенными однимъ контрагентомъ отъ неисполненія обязательства другимъ, очевидно, нельзя считать только понесенный первымъ прямой ущербъ, въ смыслѣ уменьшенія его имущества, но убыткомъ представляется равнымъ образомъ и лишеніе контрагента той выгоды, того приращенія имущества, которыя онъ имѣлъ бы, въ случаѣ точнаго исполненія обязательства другимъ контрагентомъ, а потому Прав. Сенатъ неоднократно признавалъ, что по куплѣ-продажѣ на срокъ убытки покупщика отъ неисполненія договора продавцомъ опредѣляются разницею въ цѣнѣ купленнаго товара договорной и рыночной въ моментъ исполненія договора. Въ виду сего по настоящему дѣлу не можетъ имѣть рѣшающаго значенія при опредѣленіи размѣра взыскиваемыхъ Азовско-Донскимъ банкомъ съ „Мавро и К°“ убытковъ то обстоятельство, дѣйствительно-ли Азовско-Донской Коммерческій банкъ пріобрѣлъ 12 ноября 1891 г. на С.-Петербургской биржѣ недоставленныя ему торговымъ домомъ 500 т. марокъ въ траттахъ другихъ лицъ, и переплатилъ на нихъ 41 т. руб. противъ условленной съ „Мавро и К°“ цѣны, или нѣтъ: существенно лишь то обстоятельство, что банкъ могъ бы перепродать купленныя у торговаго дома тратты на 41 т. руб. дороже противъ покупной цѣны, а это обстоятельство вполнѣ доказано представленнымъ къ дѣлу истцомъ свидѣтельствомъ гофмаклера при С.-Петербургскомъ портѣ о курсѣ на 12 ноября 1891 года. Посему и такъ какъ Азовско-Донской Коммерческій банкъ понесъ убытки по винѣ неисправнаго своего контрагента, торг. дома „Мавро и К°“, банкъ очевидно, по силѣ ст. 574 т. X ч. I Св. Зак. Гражд., вправѣ требовать возмѣщенія сихъ убытковъ торговымъ домомъ. Что же касается довода апелляторовъ, что убытки банка не могутъ быть опредѣлены по курсу 12 ноября, а должны быть исчислены по курсу дня, установленнаго первоначально для передачи купленныхъ траттъ, то Прав. Сенатъ находитъ, что таковой доводъ, очевидно, не можетъ заслуживать уваженія потому, что согласно ходатайства самого торговаго дома „Мавро и К°“ срокъ сдачи траттъ отложенъ Азовско-Донскимъ Коммерческимъ банкомъ (письмо „Мавро и К°“ отъ 31 октября 1891 г.) сперва на 5 ноября, а затѣмъ, также по просьбѣ „Мавро и К°“, на 10 ноября; а такъ такъ 11 ноября 1891 г. былъ понедѣльникъ, въ каковой день не про-

изводится на биржѣ котировки иностранной валюты, то убытки, очевидно, должны быть опредѣляемы по курсу слѣдующаго затѣмъ курсоваго дня, т. е. вторника 12 ноября 1891 г. По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ,—Прав. Сенатъ рѣшеніе Ком. Суда оставилъ въ силѣ (1893 г., № 207).

361. Сдѣлка купли-продажи процентныхъ бумагъ, совершаемая съ цѣлью полученія разницы на срокъ сдачи ихъ, не представляетъ собою воспрещенной закономъ сдѣлки, такъ какъ запрещеніе сдѣлокъ на разность касается исключительно цѣнностей, указанныхъ въ ст. 1401[1] т. X ч. I Св. Зак.

Изъ дѣла видно: предметомъ иска банкирскаго дома „Кусисъ и Ксидіасъ“ къ Френкелю является требованіе доплаты въ суммѣ 3.825 р. за процентныя бумаги, купленныя отвѣтчикомъ у истца на срокъ, въ срокъ имъ не принятыя и проданныя истцомъ за счетъ отвѣтчика съ потерей 3.825 р. Френкель, ссылаясь на то, что его долгъ банкирскому дому явился результатомъ биржевой игры, что имъ, Френкелемъ, по другимъ, равнымъ образомъ незаконнымъ, биржевымъ сдѣлкамъ были выданы банкирскому дому векселя на сумму 700 руб.,—просилъ въ искѣ отказать, а по встрѣчному иску обязать банкирскій домъ возвратить ему векселя или ихъ стоимость. Коммерческій Судъ присудилъ первоначальный искъ, а во встрѣчномъ искѣ отказалъ. Правительствующій Сенатъ находитъ, что выводъ апеллятора о томъ, что настоящая сдѣлка составляетъ игру, а биржевая игра вообще является запрещенною закономъ не можетъ быть признанъ правильнымъ. Апелляторъ полагаетъ, что данная сдѣлка должна быть запрещена закономъ потому, что она составляла сдѣлку на разницу курсовъ облигацій Бессарабско-Таврическаго земельнаго банка, между днемъ заключенія сдѣлки и днемъ исполненія ея. Но если обратиться къ дѣйствующимъ законоположеніямъ, то нельзя не придти къ заключенію, что въ законѣ не находится запрещенія подобной сдѣлки, если даже и признать, что настоящая сдѣлка была таковой, какъ ее характеризуетъ апелляторъ, такъ какъ подобное запрещеніе установлено закономъ (ст. 1401[1] т. X ч. I) лишь въ отношеніи золотой валюты, траттъ и т. п. цѣнностей, писанныхъ на золотую валюту, но не всякихъ вообще цѣнностей, обращающихся на фондовой биржѣ и въ томъ числѣ облигацій земельныхъ банковъ, какъ это имѣло мѣсто въ настоящемъ случаѣ. При такомъ положеніи дѣла нельзя не признать, что настоящая сдѣлка не можетъ быть отнесена къ такимъ, кои запрещены закономъ. Останавливаясь на ссылкѣ жалобщика на то, что размѣръ настоящаго иска истцомъ не доказанъ, такъ какъ истецъ не установилъ того обстоятельства, что непринятыя отвѣтчикомъ процентныя бумаги были имъ дѣйствительно проданы на биржѣ, Правительствующій

Сенатъ находитъ эту ссылку незаслуживающей уваженія потому, что такого непремѣннаго условія продажи бумагъ на биржѣ, въ случаѣ непринятія бумагъ отвѣтчикомъ, въ письмѣ отъ 23 сентября 1905 г. не заключается, а потому отъ истца зависѣло или продать эти бумаги на биржѣ, или оставить ихъ за собою по курсу дня, слѣдовавшаго за днемъ непринятія бумагъ. Что же касается ссылки апеллятора на то, что истецъ послѣ отсылки письма 8 ноября и не получивъ дополнительнаго обезпеченія, долженъ былъ продать бумаги въ одинъ изъ слѣдующихъ за 8 ноября биржевой день, то эта ссылка могла бы имѣть значеніе лишь при отсутствіи въ договорѣ сторонъ отъ 23 сентября условія о срокѣ исполненія договора, когда срокъ опредѣляется извѣщеніемъ о дополнительномъ обезпеченіи (какъ въ операціяхъ on call); между тѣмъ этимъ договоромъ право принять бумаги въ любое время установлено лишь для отвѣтчика, право же истца требовать принятія бумагъ ограничено срокомъ ultimo ноября, т. е. 30 ноября, въ виду чего и посылка истцомъ письма отъ 8 ноября, не создавая никакихъ обязанностей для отвѣтчика, является фактомъ не имѣющимъ для настоящаго дѣла никакого значенія. По силѣ всего изложеннаго, не останавливаясь на доводахъ апеллятора въ отношеніи встрѣчнаго иска, какъ основанныхъ на неправильномъ мнѣніи апеллятора о незаконности вообще биржевой игры, Правительствующій Сенатъ состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда оставилъ въ силѣ (1908 г., № 2308).

362|250. Сдѣлка о покупкѣ къ данному сроку по заранѣе условленной цѣнѣ той или другой денежной валюты (фунтовъ стерлинговъ) допустима по закону (ст. 704 Уст. Торг.). То обстоятельство, что по книгамъ записанъ разсчетъ лишь въ разности цѣнъ по курсу, не мѣняетъ дѣла, какъ вызванное непринятіемъ цѣнностей и необходимостью требовать по этому поводу лишь убытковъ.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что составляющій предметъ его, удовлетворенный С.-Петербургскимъ Коммерческимъ Судомъ, искъ ликвидаціонной комиссіи по дѣламъ несостоятельнаго должника Россійскаго торговаго и комиссіоннаго банка заключается въ требованіи съ Дункана денегъ, которыя онъ, по объясненію истца, остался должнымъ банку по ликвидаціи послѣднимъ въ сентябрѣ 1892 г. состоявшейся между ними 16 ноября 1891 года сдѣлки о покупкѣ банкомъ за счетъ Дункана 10 тыс. фунтовъ стерлинговъ по заранѣе условленной цѣнѣ, со сдачею, опредѣленною сначала въ февралѣ 1892 г., а затѣмъ, въ силу дальнѣйшихъ соглашеній, въ апрѣлѣ, іюнѣ, іюлѣ, августѣ и сентябрѣ того же года. Не признавая этого иска правильнымъ, отвѣтчикъ оспаривалъ самое право ликвидаціонной комиссіи на предъявленіе какихъ-либо тре-

бованій по положенной въ основаніе ея иска сдѣлкѣ по тому соображенію, что таковая должна считаться, въ силу ст. 2019 т. X ч. I, недѣйствительною, ибо предметъ ея составляла биржевая игра на разницу въ курсѣ англійскихъ денегъ.

Правительствующій Сенатъ нашелъ, что сдѣлка о покупкѣ одною изъ сторонъ за счетъ другой къ данному сроку по заранѣе условленной цѣнѣ той или другой денежной валюты допустима по закону (ст. 640 Уст. Торг.). Въ настоящемъ случаѣ составляющая предметъ дѣла сдѣлка о покупкѣ банкомъ за счетъ Дункана 10 тыс. фунтовъ стерлинговъ давала Дункану право требовать отъ банка дѣйствительной сдачи въ срокъ означенной цѣнности, а банку—требовать отъ Дункана принятія таковой; нельзя усмотрѣть, чтобы разсчетъ по разницѣ въ курсѣ, который составляетъ предметъ настоящаго требованія ликвидаціонной комиссіи по дѣламъ банка, предусмотрѣнъ былъ соглашеніемъ 16 ноября 1891 г., какъ обязательный способъ реализаціи разсматриваемой сдѣлки между Дунканомъ и банкомъ. Если затѣмъ означенная сдѣлка была тѣмъ не менѣе реализована банкомъ по разницѣ въ курсѣ, то въ этомъ отношеніи Правительствующій Сенатъ находитъ, что Дунканъ, чего онъ не отрицаетъ, не принялъ отъ банка, въ исполненіе сдѣлки 16 ноября 1891 г., фунтовъ стерлинговъ, вслѣдствіе чего требованіе по оной со стороны банка только и могло выразиться въ требованіи разсчета по разницѣ между курсами на эти деньги—договорнымъ и биржевымъ. Поэтому то указываемое отвѣтчикомъ обстоятельство, что въ представленномъ истцомъ въ выпискѣ изъ торговыхъ книгъ банка счетѣ за 1892 г. не говорится о какихъ-либо покупкѣ или продажѣ за счетъ Дункана фунтовъ стерлинговъ, а статьи дебета и кредита этого счета составляютъ лишь разницы въ курсахъ къ данному сроку въ пользу той или другой стороны, каковыя разницы выведены и въ представленныхъ истцомъ отдѣльныхъ счетахъ банка на имя Дункана,—не можетъ само по себѣ служить доказательствомъ того, что при заключеніи сдѣлки 16 ноября 1891 г. стороны не имѣли намѣренія ни сдавать, ни принимать фунтовъ стерлинговъ, а имѣли въ виду лишь игру на разность курсовъ. Такимъ образомъ, ни въ виду содержанія сдѣлки Дункана съ Россійскимъ банкомъ отъ 16 ноября 1891 г., ни въ виду того, что она въ настоящее время осуществляется разсчетомъ по разницѣ въ курсахъ, не представляется возможнымъ признать эту сдѣлку ничтожной. Если засимъ, какъ указываетъ апелляторъ, независимо отъ содержанія соглашенія сторонъ значеніе составляющей предметъ онаго сдѣлки, какъ биржевой игры, можетъ быть установлено и иными подобными данными, то эти данныя должны бы доказывать, что при заключеніи сдѣлки обѣ стороны, а не одна изъ нихъ имѣли въ виду, вопреки буквальному содержанію договора объ этой сдѣлкѣ, именно игру на разницу въ биржевыхъ курсахъ. Но этому условію не удовлетворяютъ тѣ данныя, которыя указываются апелляторомъ. Общественное положеніе отвѣтчика Дункана должно служить, вопреки мнѣнію его повѣреннаго, именно основаніемъ къ предположенію серьез-

ности сдѣлки его съ банкомъ. Но если тѣмъ не менѣе дѣйствительное намѣреніе Дункана не соотвѣтствовало, какъ то утверждаетъ апелляторъ, содержанію письма его отъ 16 ноября 1891 года, то и въ такомъ случаѣ оно не можетъ служить основаніемъ къ предположенію несерьезности означенной сдѣлки и со стороны банка, потому что сей послѣдній, въ кругъ операцій коего, какъ банка, входило и исполненіе порученій о покупкѣ для третьихъ лицъ цѣнностей, не будучи вовсе обязанъ входить въ обсужденіе вопроса о томъ, можетъ ли Дунканъ нуждаться и для какой цѣли въ 10 тыс. фунтовъ стерлинговъ, могъ имѣть дѣйствительное намѣреніе сдать ему таковые. То же обстоятельство, что по книгамъ и счетамъ банка выведены лишь разницы въ курсахъ, а не показано самое исполненіе сдѣлки, не можетъ имѣть значенія въ виду того, что вслѣдствіе отказа Дунканъ отъ принятія фунтовъ стерлинговъ, которые, какъ видно изъ письма Дункана отъ 16 ноября 1891 года, были банкомъ куплены за его, Дункана, счетъ еще въ ноябрѣ 1891 года, банкъ могъ только требовать убытки, которые и выражаются, какъ по всякой сдѣлкѣ о срочной поставкѣ, разницею между договорною цѣною и тою, которая стояла на предметъ договора въ день исполненія такового. Что же касается указанія апеллятора на то, что банкъ, требуя отъ Дункана разницы въ курсахъ, не продавалъ на самомъ дѣлѣ фунты стерлинговъ, то таковое представляется лишеннымъ значенія въ виду того, что дѣйствительная продажа означенной цѣнности составляла по соглашенію 7 ноября 1891 года право банка, а не обязанность, и неосуществленіе банкомъ этого своего права и оставленіе фунтовъ стерлинговъ по существующему курсу у себя съ отнесеніемъ лишь на счетъ Дункана разницы въ курсахъ, не можетъ служить основаніемъ для признанія сдѣлки 16 ноября 1891 года ничтожною. Наконецъ, ссылка апеллятора на нѣкоего Ціона въ качествѣ свидѣтеля съ цѣлью опредѣлить истинный характеръ сдѣлки между Дунканомъ и банкомъ не можетъ подлежать удовлетворенію за силою ст. 284 Уст. Суд. Торг., какъ клонящаяся къ опроверженію документа, а именно письма Дункана отъ 16 ноября 1891 г. (1897 г., № 792).

363|251. Репортъ (банкирская операція по французскимъ законамъ).

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, вступившее на обсужденіе Правительствующаго Сената вслѣдствіе апелляціонной жалобы повѣреннаго ликвидаціонной комиссіи по дѣламъ Парижскаго Международнаго Банка на рѣшительное опредѣленіе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда, коимъ удовлетворенъ первоначальный искъ банка въ суммѣ 7.271 руб. 68 коп., въ остальной же части первоначальнаго иска, равной суммѣ 3.167 р. 37 к., банку отказано, а встрѣчный искъ отвѣтчика Сувчинскаго удовлетворенъ,—Правительствующій Сенатъ находитъ,

что его обсужденію въ предѣлахъ настоящаго производства подлежитъ вопросъ о требованіи банкомъ 3.167 р. 37 к. Это свое требованіе банкъ основываетъ на томъ соображеніи, что судъ, удовлетворивъ часть исковыхъ требованій банка, принялъ исходнымъ моментомъ разсчета 31 октября 1901 г., тогда какъ счетъ отвѣтчика Сувчинскаго былъ закрытъ 30 ноября 1901 г., на каковое число и долженъ быть произведенъ разсчетъ между сторонами; къ тому же судъ, производя разсчетъ на 31 октября, упустилъ изъ виду рядъ суммъ, подлежавшихъ присужденію и по этому разсчету только потому, что эти суммы были занесены банкомъ въ своихъ книгахъ послѣ 1 ноября 1901 г., почему, если даже согласиться съ заключеніемъ суда, то присужденная сумма подлежитъ увеличенію до 22.719 фр. 70 сант., вмѣсто присужденныхъ 19.444 фр. 50 сант. Обращаясь къ разсмотрѣнію обстоятельствъ настоящаго дѣла и останавливаясь прежде всего на выясненіи сдѣлки *„репорта“*, изъ которой вытекли спорныя между сторонами отношенія, поведшія къ настоящему иску, Правительствующій Сенатъ находитъ, что существующая во французскихъ фондовыхъ операціяхъ репортная сдѣлка (report) на сроки, дозволенная во Франціи закономъ 28 марта 1885 г. и декретомъ 7 октября 1890 г., заключаетъ въ себѣ сдѣлку покупки или продажи процентныхъ бумагъ на срокъ, который обыкновенно приноравливается къ срокамъ ликвидаціи на биржѣ, имѣющимъ мѣсто на Парижской биржѣ для % бумагъ два раза въ мѣсяцъ (15 и 30 каждаго мѣсяца) и въ дни ликвидаціи опредѣляется курсъ бумаги, по которому производится разсчетъ по сдѣлкамъ на срокъ. Подъ репортомъ подразумѣвается сдѣлка покупки бумагъ на наличныя деньги и перепродажи ихъ на срокъ, обыкновенно принятый на биржѣ 15-дневный, иногда по соглашенію болѣе продолжительный. Репортируетъ (reporteur) тотъ, кто покупаетъ бумаги отъ кого либо для обратной перепродажи ихъ тому же лицу на срокъ. Репортированъ (reporté) тотъ, кто продаетъ % бумаги для обратной покупки ихъ на срокъ.—Существеннымъ признакомъ репорта является одновременность операцій, такъ какъ требуется, чтобы въ одно и то же время лицо купило бы % бумаги на наличныя и немедленно же продало ихъ на срокъ. Банки обыкновенно репортируютъ спекулянтовъ и проводятъ эти операціи по своимъ книгамъ до тѣхъ поръ, пока бумаги не будутъ приняты покупщикомъ или пока банкъ считаетъ возможнымъ продолжать репортъ. Отношенія между тяжущимися въ настоящемъ дѣлѣ вытекли изъ сдѣлки репорта, открытой Парижскимъ Международнымъ Банкомъ Сувчинскому. Предметомъ репорта въ сдѣлкѣ Сувчинскаго съ Парижскимъ Банкомъ были 250 акцій Уральско-Волжскаго Общества. Какъ видно изъ имѣющагося въ производствѣ Коммерческаго Суда письма Парижскаго Банка къ Сувчинскому, отъ 3 декабря 1901 г., банкъ прекратилъ репортъ бумагъ Сувчинскаго 30 ноября 1901 г., о каковомъ срокѣ прекращенія сдѣлки банкъ впрочемъ предупреждалъ Сувчинскаго заблаговременно, причемъ банкъ мотивировалъ свой отказъ отъ сдѣлки тѣмъ обстоятель-

ствомъ, что съ 1 ноября того же 1901 г. бумаги Сувчинскаго котируются лишь на наличныя, почему банкъ вынужденъ прекратить сдѣлку съ Сувчинскимъ. Изъ выраженія письма о котировкѣ бумагъ „Сувчинскаго лишь на наличныя съ 1 ноября“,—Коммерческій Судъ дѣлаетъ заключеніе, что банкъ долженъ былъ прекратить сдѣлку съ Сувчинскимъ на 1 ноября, т. е. произвести съ нимъ разсчетъ по курсу 30 октября, какъ это и сдѣлалъ судъ въ обжалованномъ рѣшеніи.—Однако правильность подобнаго заключенія суда не оправдывается содержаніемъ письма, на которое сдѣлана ссылка, ибо: 1) банкъ заранѣе назначилъ 30 ноября моментомъ закрытія сдѣлки репорта съ Сувчинскимъ, и 2) прекращеніе котировки въ кредитъ вовсе не исключало возможности для банка продолжать эту сдѣлку на наличныя, такъ какъ стоимость бумагъ Сувчинскаго отмѣчалась въ биржевыхъ бюллетеняхъ и стороны имѣли полную возможность разсчитаться по этому курсу бумагъ, а не по произвольному, какъ то полагаетъ Коммерческій Судъ. Признавая посему принятый судомъ моментъ закрытія счета Сувчинскаго на 30 октября 1901 года неправильнымъ и находя, что таковой долженъ быть опредѣленъ по 30 ноября того же 1901 года, самый же разсчетъ по ликвидаціи долженъ быть произведенъ по обычаю Парижской биржи на 15 декабря 1901 года, т. е. по разсчету истца,—Правительствующій Сенатъ, имѣя въ виду, что спора въ цифровомъ отношеніи противъ правильности разсчета истца отвѣтчикомъ не заявлено, приходитъ къ заключенію, что искъ Парижскаго Банка подлежитъ удовлетворенію въ полномъ его объемѣ, т. е. въ суммѣ 27.890 фр. 80 сант., что составитъ, по курсу 37,5 за франкъ, 10.459 р. 5 к. На основаніи изложеннаго, Правительствующій Сенатъ въ измѣненіе состоявшагося по настоящему дѣлу рѣшительнаго опредѣленія отъ 5 апрѣля 1904 г. присудилъ съ Сувчинскаго въ пользу Парижскаго Международнаго Банка, по дѣламъ коего учреждена ликвидаціонная комиссія, 10.459 р. 5 коп. съ % со 2 декабря 1901 г., оставивъ въ остальныхъ частяхъ рѣшеніе въ силѣ (1906 г., № 1198).

364|252. Реализація акцій.

Обсужденію Правительствующаго Сената въ дѣлѣ подлежалъ въ предѣлахъ апелляціи встрѣчный искъ ликвидаціонной комиссіи къ банку о дачѣ отчета по порученной ему учредителями общества Глѣбовскихъ металлургическихъ заводовъ реализаціи 6.000 акцій сего общества съ точнымъ указаніемъ времени и цѣны продажи банкомъ этихъ акцій. Въ основаніи этого искового требованія ликвидаціонной комиссіи по дѣламъ общества Глѣбовскихъ заводовъ лежитъ соглашеніе учредителей общества съ русскимъ для внѣшней торговли банкомъ, выраженное въ письмѣ учредителей отъ 7 августа 1895 года и въ письмѣ банка отъ 9 того же августа. Означеннымъ письмомъ учредители общества Глѣбовскихъ металлургическихъ заводовъ, В. Титовъ, М. Горбовъ и

С. Зиновьевъ, предоставили банку „реализацію акціонернаго капитала общества“ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) оставляя за собою 10.000 акцій, они предоставляютъ въ распоряженіе банка или его кліентовъ, которыхъ онъ укажетъ, остальныя 6.000 акцій; 2) они, учредители общества, обязуются въ теченіе года—по 5 іюня 1896 года—не продавать оставленныхъ за ними акцій иначе, какъ чрезъ посредство или съ согласія банка; 3) на покрытіе предварительныхъ расходовъ по реализаціи акціонернаго капитала, по печатанію временныхъ квитанцій, затѣмъ самыхъ акцій и по оплатѣ гербоваго сбора и прочихъ расходовъ, съ этимъ сопряженныхъ, они, учредители общества, уплатятъ банку по 10 р. кредитными на каждую, оставленную за ними акцію, всего 100.000 р. кредитныхъ. Въ отвѣтъ на изложенное предложеніе, русскій для внѣшней торговли банкъ, письмомъ отъ 9 августа 1895 г., увѣдомилъ учредителей общества Глѣбовскихъ заводовъ, что онъ согласенъ на таковое и проситъ означенныя 6.000 акцій общества доставить ему во временныхъ свидѣтельствахъ учредителей, выписанныхъ на имя директора банка А. О. Френкеля, по полученіи которыхъ, причитающаяся по онымъ сумма полностью будетъ внесена въ банкъ, равно остальныя 10.000 акцій общества во временныхъ свидѣтельствахъ должны быть доставлены ему съ соотвѣтствующими по нимъ взносами. Засимъ въ отношеніи приведенія въ исполненіе этого соглашенія, изъ представленной къ дѣлу переписки усматривается слѣдующее: письмомъ 11 августа 1895 года банкъ увѣдомилъ учредителей общества Глѣбовскихъ металлургическихъ заводовъ, что, такъ какъ причитающіяся за 6.000 акцій деньги съ суммѣ 1.110.000 руб. поступили отъ Френкеля, онъ, банкъ, проситъ произвести по остальнымъ 10.000 акцій слѣдующіе взносы. Послѣ этого письмомъ отъ 12 августа учредители общества Глѣбовскихъ заводовъ обратились въ банкъ съ просьбою дебетовать счетъ капитала акцій общества 89.463 р. 89 коп., составляющими предварительные ихъ расходы, и увѣдомить ихъ о суммѣ остатка капитала акцій, подлежащаго передачѣ имѣющему быть избраннымъ на первомъ общемъ собраніи акціонеровъ Правленію; того-же 12-го августа, банкъ сообщилъ учредителямъ общества выписку счета акціонернаго капитала, въ кредитѣ котораго показано поступленіе за 16.000 акцій, по 185 руб. кредитныхъ за 125 руб. металлическихъ,—2.960.000 руб., а въ дебетѣ,—предварительные расходы учредителей 89.643 руб. 89 коп., 814.000 руб.—стоимость 4.400 акцій, предназначенныхъ къ уплатѣ владѣльцу пріобрѣтеннаго обществомъ имущества, и затѣмъ сальдо въ 2.156.536 руб. 11 коп. Усматривающіяся изъ приведенной переписки дѣйствія банка, заключавшіяся, между прочимъ, въ помѣщеніи къ Френкелю 6.000 акцій въ номинальной ихъ стоимости и кредитованіи счета акціонернаго капитала общества Глѣбовскихъ заводовъ этой суммою были признаны учредителями общества и затѣмъ первымъ общимъ собраніемъ акціонеровъ, состоявшимся 14 августа

1895 г., правильными, какъ это видно изъ доклада учредителей означенному общему собранію и протокола этого собранія, въ силу чего общій счетъ учредителей въ русскомъ для внѣшней торговли банкѣ былъ закрытъ и акціонерный капиталъ общества переданъ въ распоряженіе правленія общества (письма учредителей 17 и 23 августа, правленія общества 31 августа и банка 31 августа 1895 г.). Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ нашелъ: въ образованіи акціонернаго общества или компаніи на акціяхъ различаются два момента: подготовительныя работы, которыя должны создать условія для дѣйствительнаго возникновенія общества, и затѣмъ самое возникновеніе общества, которое наступаетъ съ образованіемъ акціонернаго или складочнаго капитала, согласно уставу общества (ст. 2139 и 2175 т. X ч. I). Образованіе или осуществленіе предположеннаго уставомъ акціонернаго капитала—реализація его—происходитъ путемъ взноса желающими войти въ акціонерное общество лицами опредѣленнаго вклада, что въ свою очередь, достигается оплатою акцій въ опредѣленной уставомъ ихъ цѣнности, одновременно или съ разсрочкою, сообразно уставу (ст. 2139, 2161, 2163 и 2166 т. X ч. 1). Послѣ сего только акціонерное общество является состоявшимся и можетъ приступить къ дѣйствію, а акціи полностью или частью оплаченныя, какъ выразительницы права на участіе въ состоявшемся обществѣ, становятся объективною цѣнностью, которая можетъ быть предметомъ сдѣлокъ и, въ частности, отчужденія посредствомъ купли-продажи. Посему реализація акцій или первоначальная оплата акцій установленнымъ вкладомъ, произведенная съ цѣлью собранія складочнаго капитала общества, не можетъ быть смѣшиваема съ продажею ихъ; въ первомъ случаѣ объектомъ операціи является неоплаченная акція, которая пріобрѣтаетъ цѣнность лишь послѣ и въ силу этой операціи,—во-второмъ, напротивъ того, предметомъ сдѣлки является оплаченная акція, представляющая извѣстную цѣнность сама по себѣ, независимо отъ сдѣлки; далѣе, при первоначальной оплатѣ акцій, при составленіи акціонернаго капитала, взносъ поступаетъ въ кассу возникающаго общества, притомъ въ опредѣленномъ размѣрѣ установленной номинальной цѣны акціи, тогда какъ при куплѣ-продажѣ оплаченной акціи эквивалентъ за оную поступаетъ къ собственнику ея и при томъ въ размѣрѣ, зависящемъ отъ соглашенія между пріобрѣтателемъ и продавцомъ. Такимъ образомъ, при возникновеніи даннаго акціонернаго общества, первымъ дѣйствіемъ съ выпускаемыми при этомъ акціями можетъ быть исключительно взносъ для составленія акціонернаго, складочнаго капитала, обозначенной на акціяхъ согласно уставу цѣны, какъ бы эта операція ни называлась, и послѣ того только можетъ имѣть мѣсто продажа акцій въ спеціальномъ значеніи этого слова, причемъ эта послѣдняя должна оставаться безразличною въ отношеніи акціонернаго капитала. Обращаясь съ точки зрѣнія этихъ соображеній къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что русскому для внѣшней торговли банку

предоставлена была учредителями общества Глѣбовскихъ металлургическихъ заводовъ „реализація акціонернаго капитала общества“, для чего, между прочимъ въ распоряженіе банка предоставлены были 6.000 неоплаченныхъ акцій общества. Посему, согласно вышеизложенному, банкъ по смыслу и цѣли даннаго ему порученія, могъ исключительно пріискать желающихъ войти въ образующееся общество и для того внести для составленія складочнаго капитала общества номинальную цѣну акцій; такимъ лицомъ является Френкель, отъ котораго за счетъ капитала общества Глѣбовскихъ заводовъ поступила въ русскій банкъ номинальная стоимость 6.000 акцій, предоставленныхъ банку для реализаціи, т. е. для помѣщенія среди желающихъ—1.100.000 руб. Послѣ же этого момента означенныя акціи составляли собственность Френкеля, который и могъ ими распорядиться по своему усмотрѣнію (ст. 2167 т. X ч. 1). Въ виду сего, заявленіе, что означенныя акціи были переданы русскому банку учредителями общества Глѣбовскихъ заводовъ для продажи,—представляется неосновательнымъ; неправильность этого объясненія явствуетъ и изъ того, что сами учредители, какъ таковые, до окончательнаго образованія общества, не могли продавать означенныхъ акцій, неоплативъ сперва сами весь акціонерный капиталъ,—а могли лишь предложить оныя желающимъ, съ условіемъ взноса номинальной ихъ стоимости. Соображеніе о томъ, что оплата 6.000 акцій общества Глѣбовскихъ заводовъ по номинальной ихъ стоимости являлась лишь неизбѣжною операціею, впредь до дѣйствительной продажи оныхъ,—не можетъ оправдывать разсматриваемаго требованія, въ виду того, что съ момента совершенія этой неизбѣжной операціи, право продажи оплаченныхъ акцій переходило уже къ лицу, внесшему за оныя деньги, которыя и поступили въ складочный капиталъ общества; хотя ликвидаціонная комиссія указываетъ, что пріобрѣтеніе Френкелемъ означенныхъ акцій и оплата ихъ по номинальной цѣнѣ были фиктивными, такъ какъ за спиною Френкеля дѣйствовалъ самъ банкъ въ обходъ своего устава,—но это объясненіе должно быть признано неимѣющимъ значенія: во 1-хъ, въ виду его голословности и, во 2-хъ, по тому соображенію, что если бы утверждаемое обстоятельство и подтвердилось, наличностью его не оправдывалось бы притязаніе ликвидаціонной комиссіи или учредителей на полученіе отъ банка того излишка, который онъ имѣлъ на означенныхъ акціяхъ сверхъ номинальной стоимости оныхъ, дѣйствуя вопреки своего устава, такъ какъ къ образовавшемуся обществу въ силу закона и его устава могла поступить, во всякомъ случаѣ, лишь номинальная, т. е. опредѣленная уставомъ цѣна сихъ акцій въ видѣ складочнаго капитала. По изложеннымъ соображеніямъ, признавая, что предметъ соглашенія учредителей общества Глѣбовскихъ заводовъ съ русскимъ банкомъ составляли неоплаченныя акціи этого общества; что, какъ выше объяснено, по этимъ акціямъ къ обществу, представителями котораго являлись учредители, могла поступить въ силу закона и устава общества лишь номинальная стои-

мость означенныхъ акцій, въ составѣ складочнаго капитала общества; что разсчеты банка съ обществомъ, по отношенію къ номинальной стоимости акцій, были окончены и не оставляютъ спора по настоящему дѣлу,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что притязаніе ликвидаціонной комиссіи по дѣламъ общества Глѣбовскихъ металлургическихъ заводовъ на разсчетъ съ русскимъ банкомъ по переданнымъ ему 6 августа 1895 года 6.000 акціямъ, независимо отъ полученной номинальной ихъ стоимости, должно быть признано лишеннымъ основанія, а вызванный этимъ притязаніемъ искъ ликвидаціонной комиссіи къ банку объ отчетѣ—не подлежащимъ удовлетворенію (1899 г., № 912).

365. Требованіе банкомъ дополнительнаго обезпеченія, хотя и безъ предваренія о ликвидаціи, даетъ банку, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, право приступить къ продажѣ бумагъ при неисполненіи кліентомъ обращеннаго къ нему требованія.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что обсужденію его, по содержанію принесенной повѣреннымъ купца Лейбы Гурвича апелляціонной жалобы, подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли С.-Петербургскій Коммерческій Судъ присудилъ съ Азовско-Донского Коммерческаго Банка въ пользу вышеназваннаго Гурвича лишь признанную отвѣтчикомъ сумму 695 руб. съ %, оставивъ безъ уваженія искъ Гурвича въ части, касающейся взысканія послѣднимъ съ банка остальныхъ 21.935 руб. 41 коп. съ %.—Останавливаясь на доводахъ апеллятора, относящихся къ имѣющему рѣшающее значеніе въ данномъ дѣлѣ вопросу о томъ, имѣлъ ли Азовско-Донской Коммерческій Банкъ право и достаточное основаніе продать 7 декабря 1905 года бумаги изъ депо истца, Правительствующій Сенатъ находитъ, что приведенныя жалобщикомъ по сему предмету соображенія сводятся къ нижеслѣдующимъ основаніямъ: 1) что существовавшія между сторонами отношенія, опредѣляемыя жалобщикомъ какъ корреспондентскія, по характеру своему не подходили подъ дѣйствіе п. б § 12 устава банка, вслѣдствіе чего у послѣдняго вообще не могло возникнуть права на продажу этихъ бумагъ; что такъ какъ 7 декабря 1905 г. въ Царицынскомъ отдѣленіи Азовско Коммерческаго Банка имѣлись переводы (на имя Гурвича) въ общемъ на сумму свыше 42 тысячъ рублей, то, слѣдовательно, къ означенному времени сумма долга Гурвича банку составляла гораздо менѣе 90% стоимости его бумагъ и, наконецъ, 3) что Гурвичъ не былъ предувѣдомленъ банкомъ о грозившей ему, въ случаѣ невзноса имъ дополнительнаго обезпеченія, продажи бумагъ изъ его депо. Съ приведенными доводами не представляется, однако, возможнымъ согласиться. Какъ вполнѣ правильно было признано и выяснено судомъ въ обжалованномъ по настоящему дѣлу рѣшеніи, существовавшія между сторонами отношенія сводились къ тому, что банкъ исполнялъ порученія Гурвича

по операціямъ съ % бумагами, покупая, между прочимъ, различныя акціи и дебетуя ихъ стоимостью счетъ Гурвича съ начисленіемъ условленной комиссіи, причемъ акціи эти, составляя депо счета послѣдняго, служили засимъ обезпеченіемъ вышеупомянутыхъ операцій. Обезпечительное значеніе этихъ акцій подтверждается содержаніемъ записей въ торговыхъ книгахъ истца, представленныхъ по дѣлу писемъ сторонъ и, наконецъ, фактомъ посылки Гурвичемъ векселей банку, имѣвшимъ, несомнѣнно, цѣлью взносъ дополнительнаго обезпеченія. Въ виду сего, вопреки мнѣнію апеллятора, такого рода отношенія сторонъ, выразившіяся въ открытіи банкомъ Гурвичу кредита и выдачи ему ссудъ подъ залогъ % бумагъ на срокъ, по характеру своему вполнѣ подходятъ подъ дѣйствіе п. б. § 12 устава банка. Что касается засимъ утвержденія жалобщика, что обезпеченіемъ долга Гурвича банку должны были служить, помимо вышеозначенныхъ акцій, также и находящіеся въ Царицынскомъ отдѣленіи послѣдняго переводы на сумму въ общемъ свыше 42 тысячъ рублей, то Правительствующій Сенатъ признаетъ этотъ доводъ апеллятора неуважительнымъ на томъ основаніи, что Петербургское отдѣленіе банка вовсе не обязано было знать объ этихъ переводахъ и истцомъ осталось по настоящему дѣлу неустановленнымъ, чтобы относительно ихъ было что либо извѣстно Петербургскому отдѣленію. Переходя засимъ къ указанію апеллятора, что Гурвичъ не былъ предувѣдомленъ банкомъ о возможности продажи акцій, Правительствующій Сенатъ признаетъ въ этомъ отношеніи нужнымъ остановиться на слѣдующихъ имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ: допрошенный по настоящему дѣлу подъ присягой свидѣтель Розенталь показалъ, что „въ 1905 г. во время почтово-телеграфной забастовки, въ промежутокъ времени отъ 17 октября до начала декабря“ у него, Розенталя, въ качествѣ товарища управляющаго Азовско-Донского Коммерческаго Банка, были неоднократные переговоры съ Гурвичемъ по телефону, въ коихъ послѣднему указывалось на недостаточность обезпеченія его счета и предъявлялось требованіе о взносѣ дополнительнаго обезпеченія, причемъ, по смыслу этихъ разговоровъ, Гурвичъ долженъ былъ понять, что бумаги изъ депо послѣдняго могутъ быть проданы, въ случаѣ невзноса имъ дополнительнаго обезпеченія. Засимъ изъ представленныхъ по дѣлу писемъ банка на имя Гурвича, отъ 25 и 28 ноября 1905 г., видно, что въ нихъ банкъ обращался къ послѣднему съ настойчивымъ требованіемъ взноса дополнительнаго обезпеченія, признававшагося банкомъ безусловно необходимымъ, вслѣдствіе постоянно продолжавшагося пониженія цѣнностей. Совокупность изложенныхъ данныхъ приводитъ Правительствующій Сенатъ къ тому несомнѣнному выводу, что продажа банкомъ бумагъ Гурвича имѣла мѣсто въ результатѣ неисполненія симъ послѣднимъ неоднократно предъявлявшихся къ нему настойчивыхъ требованій о взносѣ дополнительнаго обезпеченія, которыя Гурвичемъ, банкиромъ по профессіи, должны были быть поняты въ томъ именно смыслѣ, что неисполненіе имъ вышеозначенныхъ требованій банка повлечетъ за собою продажу банкомъ бумагъ изъ его,

Гурвича, депо. Въ виду сего надлежитъ признать, что въ настоящемъ случаѣ банкъ имѣлъ право и достаточное основаніе продать 7 декабря 1905 г. бумаги Гурвича и что, по особымъ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, указываемому апелляторомъ факту неполученія его довѣрителемъ отъ банка особаго письменнаго предувѣдомленія о предстоящей продажѣ бумагъ не можетъ быть придано рѣшающаго въ дѣлѣ значенія. Обращаясь засимъ къ разсчетамъ сторонъ по существу, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что изъ суммы 50.495 руб. 1 коп., составляющей стоимость этихъ бумагъ въ день ихъ продажи, слѣдуетъ вычесть не только неоспариваемыя апелляторомъ суммы 49.229 руб. 59 коп. долга Гурвича банку и 13 руб. 22 коп. расходовъ, но, вопреки мнѣнію жалобщика, и проценты по открывавшимся банкомъ Гурвичу ссудамъ, причитавшіеся въ пользу послѣдняго въ силу § 14 устава банка; 2) что противъ самаго размѣра этихъ %%, исчисляемыхъ отвѣтной стороной въ суммѣ 557 руб. съ копѣйками, опредѣленныхъ возраженій со стороны апеллятора не приведено, и 3) что при такомъ положеніи дѣла присужденіе судомъ съ банка въ пользу Гурвича лишь признанной отвѣтчикомъ суммы 695 руб. съ % представляется правильнымъ. По изложеннымъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда отъ 14 января 1908 г. оставилъ въ силѣ (1911 г., № 2988).

366. *Гражданскій Кассаціонный Департаментъ*, въ рѣшеніи 1908 года № 107, по вопросу *о правѣ должника защищаться противъ предъявленнаго къ нему иска зачетомъ своей собственной претензіи къ истцу* разъяснилъ, что практикою Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента этотъ вопросъ разрѣшенъ въ *положительномъ* смыслѣ. Такъ, въ рѣшеніи 1870 г., № 496, установлено, что доказательствомъ прекращенія долга, кромѣ подписи на долговомъ обязательствѣ и платежной росписки, могутъ быть признаны и другіе способы, къ коимъ слѣдуетъ относить и зачетъ обязательствъ, т. е. прекращеніе одного обязательства силою другого равноцѣннаго обязательства; въ рѣшеніяхъ 1882 г., № 19 и 1884 г., № 127, разъяснено, что по общимъ началамъ гражданскаго права, не отвергаемымъ и положительнымъ законодательствомъ Россійской Имперіи (ст. 1966 т. XI ч. 2 Уст. Торг., изд. 1857 г., ст. 587 Уст. Суд. Торг., изд. 1887 г.), должникъ можетъ и безъ согласія на то своего кредитора произвести замѣну (зачетъ) его требованія своимъ собственнымъ, столь же безспорнымъ и считать, такимъ образомъ, свой долгъ погашеннымъ; послѣднія два рѣшенія состоялись по вопросамъ, возбужденнымъ въ практикѣ обществъ взаимнаго кредита, и были подкрѣплены между прочимъ ссылкою на то обстоятельство, что, по уставу этихъ обществъ, членскіе взносы, которые были зачтены въ уплату по векселямъ, учтеннымъ членами этихъ обществъ, были представлены въ полное распоряженіе означенныхъ обществъ; наконецъ, въ рѣшеніи

1898 г., № 89, право на зачетъ распространено и на исполнительные листы, представляемые судебному приставу въ погашеніе той претензіи, по которой производится исполненіе судебнаго рѣшенія. Независимо отъ тѣхъ общихъ началъ, которыя были приняты Правительствующимъ Сенатомъ за основаніе для признанія правъ на зачетъ въ указанныхъ случаяхъ и которыя заключаются въ безспорности и однородности взаимныхъ претензій, по которымъ былъ произведенъ зачетъ одной изъ нихъ другою, тѣ особыя условія, наличность коихъ была принята Сенатомъ во вниманіе при опредѣленіи правильности допущенія зачета въ указанныхъ случаяхъ, должны быть признаны однородными съ тѣми, которыя имѣли мѣсто и въ настоящемъ дѣлѣ. Рѣшеніями Окружнаго Суда и Судебной Палаты установлено, что Иваномъ Кузьминымъ 27 ноября 1897 г. было внесено въ Балашевское отдѣленіе Русскаго Торгово-Промышленнаго Банка три тысячи рублей на текущій счетъ, а 30 ноября того-же года истекалъ срокъ векселю, выданному тѣмъ же Кузьминымъ и учтенному въ томъ же банкѣ, погасившемъ часть слѣдуемой ему по этому векселю суммы, списавъ ее съ текущаго счета Кузьмина, который только 29 іюля 1912 г. потребовалъ отъ банка 2995 р. по чековой книжкѣ отъ 27 ноября 1897 г. и получилъ отказъ въ виду неимѣнія какой либо суммы на его текущемъ счету, вслѣдствіе чего и не отвергая безспорности претензіи банка по выданному имъ векселю, Кузьминъ предъявилъ къ банку искъ въ означенной суммѣ, утверждая, что банкъ не имѣетъ права покрывать свои претензіи зачетомъ суммы, принадлежащей ему, Кузьмину, и внесенной имъ на текущій счетъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ виду сихъ условій и вышеприведенныхъ разъясненій Правительствующаго Сената, и Окружный Судъ и Судебная Палата имѣли полное основаніе признать, что банкъ вправѣ защищаться противъ предъявленнаго къ нему иска зачетомъ своей собственной долговой претензіи къ истцу, не оспаривавшему ни основательности таковой, ни ея размѣра, хотя бы право зачета на подобнаго рода претензіи особо и не было предоставлено банку его уставомъ. Правильность этого возраженія банка противъ предъявленнаго къ нему иска не могла быть признана опровергнутою указаніемъ истца на отсутствіе его согласія на производство зачета. Въ данномъ случаѣ зачетъ былъ произведенъ банкомъ изъ суммы, принадлежащей Кузьмину и отданной имъ въ распоряженіе банка, который произвелъ этотъ зачетъ въ силу принадлежавшаго ему права на исполненіе со стороны Кузьмина его обязательства уплатить въ наступившій срокъ долгъ по его векселю, учтенному банкомъ, и посему согласіе Кузьмина на покрытіе его долга изъ означенной суммы являлось излишнимъ, такъ какъ его согласіе являлось бы необходимымъ въ томъ лишь случаѣ, если бы стороны вступили въ особый предварительный договоръ по обоюдному прекращенію взаимныхъ претензій, но заключеніе подобнаго договора, по закону (ст. 569—572 т. X ч. I Зак. Гражд.), не составляетъ обязательнаго для сторонъ способа прекращенія заключенныхъ ими договоровъ. Что касается

затѣмъ до возбужденнаго кассаціонною жалобою вопроса о томъ—правильно ли Судебная Палата признала, что для погашенія долга путемъ зачета необходимо заявленіе должника кредитору о желаніи произвести зачетъ,—то таковой подлежитъ разрѣшенію въ отрицательномъ смыслѣ въ виду того, что основанія, принятыя Судебною Палатою для разрѣшенія этого вопроса, должны быть признаны не вытекающими изъ нашихъ гражданскихъ законовъ, при примѣненіи ихъ къ данному случаю на основаніи 9 ст. Уст. Гражд. Суд. Разрѣшая, на основаніи вышеприведенныхъ соображеній, допустимость зачета при взаимныхъ долговыхъ однородныхъ и безспорныхъ претензіяхъ, наши гражданскіе законы вовсе не устанавливаютъ спеціальной регламентаціи способа производства означенныхъ зачетовъ, подобно тому, какъ это установлено, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ западныхъ законодательствахъ и спеціальныхъ постановленіяхъ по сему предмету, заключающихся въ сводѣ гражданскихъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ (ст. ст. 3545—3564), изъ коихъ нѣкоторыя признаютъ обязательность заявленія требованія о зачетѣ, а другіе придерживаются правила, что зачетъ происходитъ въ силу самаго закона при однородности и безспорности взаимныхъ встрѣчныхъ требованій. При такомъ отсутствіи въ нашемъ законѣ положительнаго постановленія о необходимости заявленія одной стороны другой о желаніи произвести зачетъ, вопросъ о семъ надлежитъ разрѣшить въ томъ смыслѣ, что по дѣйствующимъ законамъ, для силы зачета наличности такого заявленія не требуется, а должникъ вправѣ защищаться возраженіемъ о зачетѣ при самомъ предъявленіи къ нему кредиторомъ иска о своемъ требованіи.

367. *Гражданскій Кассаціонный Департаментъ*, въ рѣшеніи 1907 г., № 102, остановился на слѣдующемъ вопросѣ: *въ случаѣ пониженія биржевой цѣны заложенныхъ въ Государственномъ Банкѣ цѣнныхъ бумагъ и невыполненія залогодателемъ въ шестидневный срокъ требованія банка относительно представленія дополнительнаго обезпеченія или же частичнаго погашенія долга по ссудѣ, обязанъ ли банкъ приступить немедленно къ продажѣ заклада, или же банкъ имѣетъ право отложить продажу заложенныхъ бумагъ до другого позднѣйшаго времени, имъ самимъ избраннаго.* Обращаясь для разрѣшенія сего вопроса къ 133 ст. уст. Госуд. Банка, нельзя не отмѣтить существеннаго отличія въ редакціи той части этой статьи, которая касается продажи заклада, сравнительно съ соотвѣтственнымъ постановленіемъ 132 ст. того же устава. Въ послѣдней изъ этихъ статей выражено съ полною опредѣленностью, что въ случаѣ просрочки ссуды, банкъ имѣетъ право продать закладъ безъ предварительнаго увѣдомленія залогодателя, причемъ о какой либо обязанности банка приступить къ продажѣ въ тотъ или иной срокъ въ статьѣ этой вовсе не упоминается. Напротивъ того, въ статьѣ 133 выражено, что банкъ „приступаетъ“

къ продажѣ заклада для досрочнаго погашенія долга по ссудѣ въ случаѣ пониженія биржевой цѣны заложенныхъ бумагъ на 10% противъ оцѣнки, по которой онѣ приняты въ залогъ, если при томъ залогодатель не выполнитъ въ теченіе шести дней требованія банка относительно представленія дополнительнаго обезпеченія или же частичнаго погашенія долга. По терминологіи, усвоенной нашимъ законодательствомъ, указаніе на то, что при наступленіи опредѣленныхъ условій, должностное лицо или правительственное установленіе „приступаетъ" къ совершенію извѣстныхъ дѣйствій, равносильно установленію обязательности совершенія этихъ дѣйствій. Вслѣдствіе этого и 133 ст. уст. Госуд. Банка, указывающая на то, что по наступленіи опредѣленныхъ условій, банкъ „приступаетъ" къ продажѣ заклада, не можетъ быть изъясняема иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что продажа заклада при указанныхъ въ этой статьѣ условіяхъ не предоставлена усмотрѣнію банка, а вмѣняется ему въ обязанность. Существенное различіе въ этомъ отношеніи постановленій, заключающихся въ 133 и 132 ст. ст. уст. Госуд. Банка, находитъ себѣ полное объясненіе въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя влечетъ за собою просрочка ссуды и обезцѣненіе заклада. Сама по себѣ просрочка въ платежѣ долга по ссудѣ не угрожаетъ банку какими-либо потерями, коль скоро обезпечивающія эту ссуду цѣнныя бумаги по своей стоимости превышаютъ сумму долга, не погашеннаго въ срокъ залогодателемъ. Вслѣдствіе этого, ст. 132 предоставляетъ всецѣло на усмотрѣніе банка продать закладъ въ случаѣ просрочки ссуды или ожидать погашенія долга залогодателемъ. Напротивъ того, значительное пониженіе биржевой цѣны заложенныхъ бумагъ подвергаетъ банкъ риску потерять болѣе или менѣе значительную часть выданной ссуды, а потому, по наступленіи условій, указанныхъ въ 133 ст. устава, продажа обезцѣненнаго заклада не зависитъ отъ усмотрѣнія банка, но вмѣняется ему въ обязанность. Устанавливая такую обязанность, законъ опредѣляетъ лишь тотъ срокъ, ранѣе котораго банкъ не можетъ приступить къ продажѣ. Что же касается предѣльнаго срока, до истеченія котораго понизившіяся въ стоимости бумаги должны быть проданы банкомъ, то таковой не указанъ въ законѣ. При такихъ условіяхъ залогодатель не можетъ требовать возмѣщенія ему убытковъ, понесенныхъ имъ вслѣдствіе промедленія въ реализаціи заклада и продажи его въ тотъ, а не иной срокъ, такъ какъ даже въ томъ случаѣ, если бы банкомъ были нарушены правила наказа, залогодатель не можетъ основывать свои требованія на нарушеніи банкомъ такихъ обязанностей, которыя не вытекаютъ изъ договора или закона, а установлены наказомъ исключительно лишь для огражденія прочности операцій банка и въ видахъ достиженія тѣхъ государственныхъ цѣлей, которыя преслѣдуются банкомъ.

368. *Гражданскій Кассаціонный Департаментъ*, въ рѣшеніи 1907 г., № 99, разрѣшилъ въ *утвердительномъ* смыслѣ вопросъ о томъ,

сохраняетъ ли залоговое право Государственнаго Банка на заложенное, съ соблюденіемъ установленныхъ ст. 8 его устава формальностей и оставленное на храненіе у заемщика движимое имущество (въ настоящемъ случаѣ зерновой хлѣбъ въ амбарахъ) свою силу въ томъ случаѣ, если, путемъ обмана и уничтоженія клеймъ банка, имущество то было вторично заложено другому, хотя бы и добросовѣстному залогодержателю.

368а. *Гражд. Касс. Деп.*, въ рѣшеніи 1903 г., № 4, разъяснилъ, что Государственный Банкъ, помимо особаго соглашенія (управленіе вкладами) не обязанъ слѣдить за тиражами % бумагъ.

369. *Гражд. Касс. Деп.*, въ рѣшеніи 1910 г., № 38, разъяснилъ, что въ случаѣ неуплаты въ установленный срокъ долга, обезпеченнаго закладомъ процентныхъ бумагъ (ст. 1674[1] т. X ч. I Св. Зак.), закладодержатель не обязывается немедленно по просрочкѣ продать тѣ бумаги и не отвѣчаетъ предъ закладодателемъ за убытки, которые могутъ произойти отъ промедленія въ продажѣ ихъ. См. выше № 335.

370. *Гражд. Касс. Деп.*, въ рѣшеніи 16 января 1913 г., по д. Тверского Отдѣленія Государственнаго Банка, разъяснилъ, что Государственный Банкъ вправѣ требовать отъ залогодержателя возмѣщенія ему той части долга по ссудѣ, которая осталась непокрытою отъ продажи составлявшихъ залогъ процентныхъ бумагъ, хотя-бы продажа состоялась спустя болѣе года послѣ просрочки, когда цѣна тѣхъ бумагъ значительно понизилась,—при условіи, что о болѣе ранней продажѣ не было заявленія со стороны залогодателя.

б) Чеки и переводы *).

371|**253**. Именные денежные переводы, непредъявленные въ сроки, опредѣленные или законами той страны, гдѣ они подлежали оплатѣ, или правилами, либо обычаями банковыхъ учрежденій той страны, гдѣ переводы выданы,—недѣйствительны, и въ случаѣ ихъ утраты лицомъ, ихъ пріобрѣвшимъ, оно, по соблюденіи необходимыхъ формальностей, вправѣ требовать немедленнаго возврата уплаченной за нихъ при ихъ пріобрѣтеніи стои-

*) См. *А. И. Каминка.* Чекъ,—въ защиту прямого иска чекодержателя къ плательщику,—журналъ „Право“ за № 1907 г. № № 40 и 41.

мости. Въ виду пріобрѣтенія переводовъ-чековъ въ Одесскомъ кредитномъ учрежденіи и трассировки ихъ на Итальянскій банкъ Прав. Сенатъ примѣнилъ русскіе и итальянскіе законы.

Дѣло возникло по иску торг. дома въ Одессѣ „Θеофилъ Дулгеровъ", предъявленному въ Одесскомъ Ком. Судѣ къ Одесскому агентству общ. Ліонскій кредитъ о 3.305 р., составляющихъ стоимость купленныхъ истцомъ у агентства и утраченныхъ при пересылкѣ въ Мессину 2 чековъ на Итальянскій банкъ въ Мессинѣ. Ком. Судъ присудилъ искъ, на что отвѣтчикомъ и принесена была апелляціонная жалоба, въ которой, между прочимъ, сдѣлано было указаніе на то, что къ дѣлу должны быть примѣнены французскіе законы о чекахъ. Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ остановился на вопросѣ о томъ, какіе законы къ дѣлу примѣнимы, и въ этомъ отношеніи нашелъ, что такъ какъ утерянные чеки куплены Дулгеровымъ въ Одесскомъ агентствѣ общества Ліонскій кредитъ, т. е. въ агентствѣ, находящемся въ предѣлахъ Россійской Имперіи, трассированы же были они на Итальянскій банкъ въ Мессинѣ, т. е. на банкъ, находящійся въ городѣ, принадлежащемъ Итальянскому королевству, то настоящее дѣло должно быть разрѣшено на основаніи законовъ Россійской Имперіи и Итальянскаго королевства, а не на основаніи французскихъ законовъ. Неосновательно въ этомъ отношеніи указаніе апеллятора и на то, что будто бы употребленіе чековъ началось впервые во Франціи, такъ какъ въ дѣйствительности таковое началось въ Голландіи, а наибольшее распространеніе свое получило въ Англіи; во Франціи законъ о чекахъ появился впервые въ 1865 г., а затѣмъ дополненъ закономъ 14 іюня 1874 г. Что же касается общаго чековаго законодательства въ Россіи, то оно лишь проектировано (см. проектъ гражданскаго уложенія ст. 577 и слѣд.), но еще не облечено въ форму закона изданнаго и обнародованнаго, почему нельзя придавать никакого значенія указанію отвѣтчика на то, что чековая операція, уже довольно продолжительное время у насъ въ банковыхъ учрежденіяхъ въ силу ихъ уставовъ и правилъ существующая, проникла къ намъ именно изъ Франціи, а не изъ другихъ странъ, тоже усвоившихъ себѣ эту операцію. При такихъ условіяхъ указаніе апеллятора на то, что по французскому закону о чекахъ 1865 г. непредъявленіе чека къ оплатѣ въ указанные въ законѣ сроки влечетъ за собой недѣйствительность чека только условную въ томъ случаѣ, если провизія у трассата погибла послѣ срока,—не можетъ имѣть рѣшающаго значенія въ настоящемъ дѣлѣ тѣмъ болѣе, что это положеніе чуждо законодательству другихъ странъ и въ литературѣ права по данному вопросу господствуетъ взглядъ совершенно противуположный (см. Шершеневичъ, курсъ торг. права стр. 715 и Fick § 92). Итальянское же торговое уложеніе (§ 340 и слѣд.) не знаетъ условной недѣйствительности чековъ, а,

напротивъ, по чекамъ, не предъявленнымъ въ сроки (отъ 8—14 дней со времени выдачи, § 341 торг. код. 1882 г.), чекодержатели теряютъ право требованія и съ прямого плательщика, и съ надписателей безусловно и лишь съ чекодателя условно, если провизіи не окажется въ его распоряженіи послѣ срока, по винѣ чекодержателя пропущеннаго (ст. 343 тамъ же). Въ правилахъ нашихъ банковъ, въ Россіи, тоже не имѣется указаній на условную дѣйствительность просроченныхъ чековъ, что видно изъ сборниковъ правилъ по операціямъ отдѣльныхъ банковъ (напр., Государственнаго Банка 20 іюня 1895 г.). Такимъ образомъ, согласно вышеизложенному, купленные Дулгеровымъ въ Одесскомъ отдѣленіи Ліонскаго кредита чеки на Итальянскій банкъ въ Мессинѣ, какъ непредъявленные въ срокъ къ оплатѣ, не только не могутъ быть оплачены Итальянскимъ банкомъ (что послѣднимъ и признается въ представленныхъ въ Одесскій Ком. Судъ Дулгеровымъ письмахъ отъ 29 ноября 1900 г. и 7 мая 1901 г., въ коихъ банкъ прямо говоритъ, что чеки аннулированы), но и Одесское отдѣленіе Ліонскаго кредита, въ коемъ чеки эти куплены были Дулгеровымъ, не обязано, вопреки мнѣнію апеллятора и заявленію Ліонскаго кредита въ представленномъ имъ удостовѣреніи отъ 15 мая 1902 г., оплачивать ихъ, буде они предъявлены будутъ въ отдѣленіе Ліонскаго кредита случайнымъ пріобрѣтателемъ ихъ.

Нельзя согласиться съ тѣмъ положеніемъ апеллятора, что присужденіе исковыхъ требованій Дулгерова къ Ліонскому кредиту противорѣчитъ тому, что всякій обязанъ платить по обязательствамъ лишь по предъявленіи подлиннаго обязательства, т. е. въ настоящемъ случаѣ Дулгеровъ обязанъ былъ предъявить купленные имъ чеки, такъ какъ положеніе это, правильное вообще, не имѣетъ примѣненія въ настоящемъ случаѣ, ибо предметъ исковыхъ требованій Дулгерова составляетъ не ходатайство объ оплатѣ купленныхъ имъ у отвѣтчика чековъ, т. е. не искъ по чекамъ, а ходатайство о возвратѣ стоимости чековъ вслѣдствіе утраты послѣднихъ и объявленія объ ихъ ануляціи. Наконецъ, нельзя признать имѣющей значеніе ссылку повѣреннаго отвѣтчика на то, что для аннулированія чековъ требуется соблюденіе правилъ ст. 99 Уст. о Векс., такъ какъ законъ о векселяхъ, какъ законъ спеціальный, имѣющій предметомъ своимъ строго формальное обязательство (ст. 2 Уст. о Векс.), распространительному толкованію подлежать не можетъ, и чекъ по самому существу его, какъ предъявительскій, такъ и переводный на имя приказа опредѣленнаго лица, нельзя отождествлять съ векселемъ, ибо первый является орудіемъ кредита, почему и несоблюденіе Дулгеровымъ предписаній ст. 99 Уст. о Векс. не можетъ служить основаніемъ къ отказу въ настоящемъ искѣ. Выводъ этотъ не опровергается ссылкой апеллятора на толкованіе Министерства Финансовъ, преподанное имъ по вопросу о примѣненіи Гербоваго Устава, ибо независимо отъ того, что это толкованіе, какъ не исходящее отъ органа законодательной власти, необязательно для судебныхъ

установленій, оно имѣетъ лишь значеніе по вопросу фискальному, не касаясь гражданско-правовыхъ отношеній. Затѣмъ, такъ какъ чеки, купленные Дулгеровымъ у отвѣтчика, не предъявлены въ сроки къ платежу въ Итальянскій банкъ, вслѣдствіе чего сдѣлались недѣйствительными, то Одесское отдѣленіе Ліонскаго кредита не имѣетъ основанія отказывать истцу въ предъявленномъ требованіи о возвратѣ стоимости чековъ. По симъ основаніямъ Прав. Сенатъ утвердилъ рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда о присужденіи иска Дулгерова (1902 г., № 1059).

372|254. Оплата предъявительскихъ переводовъ обязательна для банка, если между кредитными установленіями—контрагентами существовало о томъ особое соглашеніе или, по обычаю, установилась оплата такихъ переводовъ съ общаго согласія или одобренія; при иныхъ условіяхъ обязательна оплата переводовъ лишь именныхъ,—обычай установленъ экспертами.

Калужское Общество Взаимнаго Кредита взыскивало съ Московскаго Торговаго Банка 5.250 р. съ %, основываясь на фактѣ уплаты имъ 28 іюля 1898 г. означенной суммы за счетъ отвѣтчика по четыремъ переводамъ на предъявителя, выданнымъ изъ Брестъ-Литовскаго Отдѣленія Московскаго Международнаго Торговаго Банка, оказавшимся однако подложными. Московскій Коммерческій Судъ въ этомъ искѣ отказалъ. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло по апелляціонной жалобѣ Калужскаго Общества взаимнаго кредита, въ права котораго вступило, за объявленіемъ его несостоятельности, ликвидаціонная по его дѣламъ комиссія, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что по закону (ст. 513 и 533 Уст. Гражд. Суд.) судебныя экспертизы имѣютъ лишь субсидіарное для суда значеніе и судъ, не будучи обязанъ подчиняться заключенію экспертовъ, несоотвѣтствующему достовѣрнымъ обстоятельствамъ дѣла, не только можетъ, но и долженъ войти съ этой стороны въ критическую оцѣнку заключенія экспертовъ. Примѣняя эти общія начала о силѣ и значеніи судебныхъ экспертизъ къ обстоятельствамъ даннаго дѣла и обсудивъ оба заключенія экспертовъ, данныя въ Коммерческомъ Судѣ, совмѣстно съ имѣющеюся въ дѣлѣ перепискою тяжущихся сторонъ,—Правительствующій Сенатъ находитъ, во 1-хъ, что заключеніе первой экспертизы о соблюденіи Калужскимъ Обществомъ всей необходимой осмотрительности, при оплатѣ спорныхъ переводовъ на 5.250 р., не соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ дѣла въ слѣдующихъ отношеніяхъ: а) текстъ оплаченныхъ переводовъ въ томъ видѣ, какъ онъ заполненъ на бланкахъ, приспособленныхъ по ихъ тексту несомнѣнно только для именныхъ переводовъ, не имѣетъ смысла, такъ какъ въ немъ сказано слѣдующее: благоволите заплатить по сему переводу предъявителю или его приказу, причемъ слово „его“ писано, а не печа-

тано, что указываетъ на то, что такой текстъ сохраненъ не потому лишь, что забыли зачеркнуть слова „или его приказу“, а потому именно, что лицо, заполнявшее текстъ, либо спѣшило продѣлать подлогъ, либо по незнакомству съ банковымъ дѣломъ не давало себѣ отчета въ дѣйствіяхъ своихъ; б) въ „aviso“ отъ 25 іюня 1898 г. вписана оговорка объ уничтоженіи предшествующихъ переводовъ за №№ 7348 и 7349, между тѣмъ какъ этого послѣдняго перевода вовсе не было послано, а полученный переводъ былъ за № 7347; в) увѣдомительное письмо (aviso) было вручено обществу лично самимъ предъявителемъ, наряду съ посылкою другого о томъ aviso, и на это обстоятельство Общество тоже не обратило вниманія, что не лишено значенія потому, что по заключенію экспертовъ (2-я экспертиза) имъ неизвѣстны случаи оплаты предъявительскихъ переводовъ при предъявленіи получателемъ увѣдомленія лично и значитъ такой случай являлся въ банковомъ дѣлѣ необычнымъ. 2) Между отвѣтомъ экспертовъ (при 2-й экспертизѣ) на 1-й и на 2-й вопросъ не имѣется необходимаго соотвѣтствія, такъ какъ въ первомъ случаѣ они заявляютъ, что оплата предъявительскихъ чековъ, практиковавшаяся лѣтъ 5—6 тому назадъ, производится теперь банками очень немногими въ весьма рѣдкихъ случаяхъ по личной просьбѣ извѣстнаго банку кліента и на очень мелкія суммы (до 100 р.), причемъ купеческій банкъ и Волжско-Камскій требуютъ отъ получателя удостовѣренія личности, а наряду съ этимъ въ отвѣтѣ на 2-й вопросъ тѣ же эксперты утверждаютъ, что банкъ имѣетъ право и обязанность оплачивать предъявительскіе переводы, разъ противное не было оговорено въ предварительномъ съ нимъ соглашеніи, каковой выводъ, при сопоставленіи съ предшествующимъ, является совершенно неожиданнымъ и логически не вытекающимъ изъ того, что сказано въ отвѣтѣ на 1-й вопросъ, тѣмъ болѣе, что эксперты не сдѣлали оговорки о томъ, что они относятъ оплату переводовъ, произведенную въ 1898 г. къ прежде существовавшему обычаю, который, по ихъ же словамъ, имѣлъ мѣсто лѣтъ 5—6 тому назадъ, а значитъ не въ 1898 г. По этому послѣднему вопросу болѣе обстоятельнымъ и соотвѣтствующимъ всему сказанному при второй экспертизѣ въ отвѣтъ на первый изъ поставленныхъ имъ вопросовъ, слѣдуетъ признать заключеніе, данное при первой экспертизѣ о томъ, что оплата предъявительскихъ переводовъ была обязательна для Калужскаго Общества при условіи, если между нимъ и Московскимъ Банкомъ существовалъ обычай оплаты предъявительскихъ переводовъ. Поэтому, останавливаясь на заключеніи именно въ такомъ смыслѣ,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что сообразно съ тѣмъ истецъ—Калужское Общество взаимнаго кредита, за силою 366 ст. Уст. Гражд. Суд., обязано было (что и призналъ Московскій Коммерческій Судъ) доказать тотъ фактъ, что между Калужскимъ Обществомъ взаимнаго кредита и Московскимъ Банкомъ дѣйствительно существовало либо положительно выраженное въ предварительной при установленіи корреспондентскихъ отношеній перепискѣ,

соглашеніе объ оплатѣ переводовъ не только именныхъ, но и предъявительскихъ, либо затѣмъ обычно установилась такая оплата. Между тѣмъ ничего подобнаго со стороны истца по дѣлу не установлено, такъ какъ въ письмѣ отъ 17 октября 1892 г., установившемъ корреспондентскія отношенія обоихъ кредитныхъ учрежденій не говорится объ оплатѣ предъявительскихъ переводовъ; затѣмъ, къ дѣлу представлены документы, касающіеся оплатъ исключительно именныхъ переводовъ, а между тѣмъ, если бы были и предъявительскіе, то слѣды того легко было бы установить изъ дѣлопроизводства Общества за прежнее время и, наконецъ, печатный текстъ переводовъ указываетъ на то, что онъ приспособленъ только для именныхъ переводовъ. Все это вмѣстѣ взятое свидѣтельствуетъ о томъ, что ни соглашенія, ни обычая оплаты предъявительскихъ переводовъ между тяжущимися не было, а данный случай былъ въ ихъ банковыхъ отношеніяхъ единственнымъ и вызванъ былъ злоупотребленіемъ, причемъ, когда оно изъ взаимной переписки выяснилось, то Калужское Общество, съ своей стороны не предприняло по горячимъ слѣдамъ никакихъ мѣръ къ обнаруженію виновниковъ преступленія (по крайней мѣрѣ никакихъ слѣдовъ заявленій и жалобъ его по этому предмету въ дѣлѣ нѣтъ). Въ виду вышеизложеннаго, Правительствующій Сенатъ обжалованное рѣшеніе Московскаго Коммерческаго Суда объ отказѣ въ искѣ Калужскаго Общества, какъ правильное, призналъ отмѣнѣ не подлежащимъ (1902 г., № 1908).

373. При выдачѣ денегъ по переводамъ кредитныя учрежденія обязаны удостовѣряться въ правѣ предъявителя перевода на полученіе денегъ. При спорахъ по сему поводу кредитное учрежденіе обязано доказать, что дѣйствовало съ полною осмотрительностью.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ усматриваетъ, что по требованію истца Савелія Моссина Благовѣщенскимъ отдѣленіемъ Сибирскаго Банка переведены были на имя Моссина 12.000 руб. во Владивостокское Отдѣленіе Банка и выданы симъ послѣднимъ 15 іюля 1906 г. лицу, явившемуся за полученіемъ ихъ. Предъявляя искъ къ банку о взысканіи съ него 12.000 руб., Моссинъ утверждаетъ, что вышеозначенный переводъ имъ не полученъ, а при такихъ обстоятельствахъ на банкѣ лежитъ обязанность доказать, что выданный 15 іюля переводъ полученъ самимъ Моссинымъ, или что банкъ по даннымъ, представленнымъ лицомъ, явившимся въ этотъ день за полученіемъ перевода, былъ вправѣ выдать ему переведенныя на имя Моссина деньги. То обстоятельство, что выданныя банкомъ 15 іюля 1906 г. деньги получилъ самъ истецъ, Моссинъ, по дѣлу не установлено, такъ какъ росписка въ полученіи ихъ, взятая банкомъ, сгорѣла, почему и нѣтъ возможности утверждать, что она была вы-

дана самимъ истцомъ Моссинымъ. Въ виду сего, на обязанности банка лежитъ подтвердить надлежащими доказательствами, что 15 іюля 1906 г. отдѣленіе его во Владивостокѣ было вправѣ по тѣмъ даннымъ, кои были представлены лицомъ, явившимся за переводомъ, выдать таковой ему. Въ подтвержденіе своего права выдать деньги лицу, явившемуся 15 іюля 1906 г. за полученіемъ перевода банкъ ссылается на то, что лицо это предъявило копію телеграммы, посланной изъ Благовѣщенска Моссину о переводѣ ему денегъ, и что въ дѣлахъ Владивостокскаго отдѣленія банка имѣется отмѣтка, что получатель перевода представилъ паспортъ на имя Моссина, выданный Благовѣщенскимъ мѣщанскимъ старостой за № 1859, т. е. тотъ именно паспортъ, который выданъ былъ истцу Моссину. Однако предъявленіе копіи телеграммы, посланной до востребованія, не устанавливало, несомнѣнно, личности Моссина, такъ какъ банку не было и не могло быть извѣстно, чтобы она была получена именно истцомъ Моссинымъ, а не кѣмъ либо другимъ. Напротивъ, изъ протокола Владивостокскаго Окружнаго Суда отъ 26 марта 1910 г., по дѣлу о подложномъ полученіи 12.000 руб. изъ банка, видно, что экспертъ пришелъ къ заключенію о несомнѣнномъ сходствѣ почерка обвинявшагося по сему дѣлу Б. К—го съ подписью въ полученіи переводной телеграммы, каковое обстоятельство, несмотря на послѣдовавшее оправданіе обвинявшагося по уголовному дѣлу, сохраняетъ во всякомъ случаѣ свое значеніе въ разсматриваемомъ дѣлѣ. При такихъ обстоятельствахъ сдѣланная служащимъ банка отмѣтка о томъ, что получателемъ перевода представленъ былъ паспортъ на имя Моссина за № 1859, при отсутствіи особаго удостовѣренія о личности и безъ подтвержденія допрошенными при уголовномъ производствѣ и въ настоящемъ дѣлѣ свидѣтелями, что переводъ былъ выданъ именно истцу Моссину, не даетъ никакого основанія къ признанію банка свободнымъ отъ отвѣтственности предъ Моссинымъ. Это подтверждается еще тѣмъ, что въ отмѣткѣ банка не значится, что паспортъ, по коему выданъ переводъ, былъ явленъ 10 іюля 1906 г. въ 3-мъ полицейскомъ участкѣ, какъ то было съ паспортомъ истца Моссина. Необходимость для банка нести отвѣтственность въ настоящемъ случаѣ не устраняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ частныхъ банкахъ удостовѣреніе о личности не только не оставляется въ банкѣ, но и вовсе не требуется, такъ какъ частные банки, избавляя кліентовъ отъ сложной процедуры доставленія удостовѣреній личности и тѣмъ самымъ расширяя кругъ своей дѣятельности, несомнѣнно дѣйствуютъ въ своихъ интересахъ, а потому должны нести отвѣтственность за послабленіе въ представленіи имъ доказательствъ, могущихъ съ несомнѣнностью удостовѣрять личность получателя. Кромѣ того, въ данномъ случаѣ нельзя не обвинить банкъ въ неосмотрительномъ и небрежномъ отношеніи его къ переводу Моссина, такъ какъ изъ показаній свидѣтелей Савина и его жены видно, что банкъ, получивъ телеграмму о переводѣ денегъ и даже выдавъ эти деньги

15 іюля, на запросъ Моссина сообщилъ ему 15 и 16 іюля, что переводъ еще не полученъ. По симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ утвердилъ рѣшеніе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда, коимъ искъ Моссина признанъ подлежащимъ удовлетворенію (1911 г., № 1930).

374. Оплативъ переводъ безъ соблюденія обычныхъ предосторожностей при удостовѣреніи личности предъявителя перевода, кредитное учрежденіе несетъ отвѣтственность предъ получателемъ.

Истецъ Лебедевъ взыскиваетъ съ Азовско-Донского Коммерческаго Банка 5.000 р., посланные ему изъ Каменецъ-Подольска Мандельштамомъ и Жандромъ по 2.500 р. каждымъ переводомъ Южно-Русскаго Промышленнаго Банка на Азовско-Донской Банкъ. Не только денегъ этихъ, но даже и самыхъ переводовъ истецъ не получилъ, что и не опровергается отвѣтчикомъ. Поэтому отвѣтчикъ можетъ нынѣ защищаться лишь тѣмъ, что не по его, отвѣтчика, винѣ деньги достались въ чужія руки, и что банкомъ были соблюдены всѣ обычныя предосторожности, а къ таковымъ несомнѣнно относится требованіе объ удостовѣреніи личности получателя, о чемъ и имѣется печатная надпись на переводахъ. Такимъ образомъ, отвѣтчику надлежало доказать, что никакихъ упущеній съ его стороны въ отношеніи выдачи денегъ по переводу не было допущено, а напротивъ всѣ формальности были исполнены. Но этого именно и не доказано со стороны банка, такъ какъ не только не представлено къ дѣлу удостовѣренія о личности получателя, но даже не имѣется на переводахъ никакихъ отмѣтокъ о томъ, что былъ предъявленъ паспортъ и притомъ, какой именно когда и откуда выданный и даже росписка получателя денегъ взята безъ обозначенія его имени и отчества. Указаніе на то, что отсутствіе отмѣтокъ на переводахъ будто бы не затрагиваетъ интересовъ истца, неосновательно потому, что въ виду отсутствія такихъ отмѣтокъ нельзя выяснить, кто же получилъ деньги и по какому именно акту. Что касается свидѣтелей, то, прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что свидѣтели были банковскіе служащіе, заинтересованные въ исходѣ настоящаго дѣла, на что правильно и указывалъ истецъ и что неправильно отвергнуто судомъ. Уже поэтому свидѣтельскимъ показаніямъ нельзя придавать рѣшающаго по дѣлу значенія. Помимо того сами показанія эти не подтверждаютъ въ достаточной степени доводовъ отвѣтчика. Такъ, свидѣтель Фридландъ не помнитъ, какое удостовѣреніе личности было представлено лицомъ, явившимся за полученіемъ перевода. А свидѣтель Финкельштейнъ знаетъ о томъ лишь со словъ Фридланда. Между тѣмъ трудно предположить совпаденіе имени, отчества и фамиліи фактическаго получателя и адресата переводовъ. Далѣе Финкельштейнъ заявляетъ, что въ случаяхъ выдачи крупныхъ суммъ (къ каковымъ относится, по показанію Фридланда, на-

стоящая сумма) банкомъ обычно дѣлалась помѣтка о томъ, какое было представлено удостовѣреніе личности. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ этого сдѣлано не было, а послѣ того стали дѣлать отмѣтки на всѣхъ переводахъ. Наконецъ неубѣдительнымъ представляется и тотъ доводъ апеллятора, что истцами по настоящему дѣлу могли бы являться лишь отправители переводовъ (Мандельштамъ, Жандръ), а не Лебедевъ: съ момента полученія банкомъ приказа объ уплатѣ Лебедеву 5.000 р., банкъ находился съ Лебедевымъ въ обязательныхъ отношеніяхъ и обязанности своей банкъ не исполнилъ, а потому Лебедевъ и имѣетъ право на искъ съ банка причитающейся ему суммы, такъ какъ банкъ не оспариваетъ тождество лица даннаго истца съ тѣмъ, которое указано въ представленныхъ банкомъ переводахъ. Искъ присужденъ (1910 г., № 2578).

375. *Гражданскій Кассаціонный Деп.*, въ рѣшеніи 1912 г., № 45, остановился на вопросѣ *объ обязательности вообще повѣрки подлинности подписей на чекахъ и о предѣлахъ этой обязанности*. При этомъ Правительствующій Сенатъ нашелъ, что по существу, такъ называемаго, чекового договора, плательщикъ обязывается къ оплатѣ чековъ *по порученію* вкладчика, подобно тому, какъ *особый* плательщикъ по векселю простому или переводному (Уст. Векс., изд. 1903 г., ст. 8 и 87) назначается „для учиненія платежа“ и производитъ его, какъ замѣститель векселедателя, по его порученію и отъ его имени. Засимъ правоотношеніе между вкладчикомъ и плательщикомъ, какъ основанное на своеобразномъ договорѣ, прямо не предусмотрѣнномъ дѣйствующими узаконеніями, должно опредѣляться по нормамъ общихъ гражданскихъ законовъ, ближе всего подходящихъ къ данному правоотношенію (ср. рѣш. 1910 г., № 67; 1896 г., № 8; 1881 г., № 110 и др.). Такими нормами являются, несомнѣнно, законоположенія, регулирующія отношенія между довѣрителемъ и повѣренными, а въ частности, въ примѣненіи къ нынѣ обсуждаемому вопросу, постановленія, коими опредѣляется отвѣтственность повѣреннаго предъ довѣрителемъ за исполненіе порученія несообразно съ указаніями сего послѣдняго или вообще съ условіями договора, т. е. статьи 2326 въ связи со ст. 684 Зак. Гражд. На основаніи же этихъ статей, отвѣтственность повѣреннаго предъ довѣрителемъ за убытки причиненные первымъ послѣднему его нерадѣніемъ или неосмотрительностью, не можетъ подвергаться никакому сомнѣнію. Прилагая эти положенія къ обстоятельствамъ даннаго случая, слѣдуетъ признать, что чины государственнаго банка, выдавая деньги по чеку, оказавшемуся впослѣдствіи подложнымъ, безъ надлежащей повѣрки подлинности подписи чекодателя, хотя бы у нихъ и не возникало по тѣмъ или другимъ основаніямъ сомнѣнія о подложности подписи, поступаютъ во всякомъ случаѣ, не такъ, какъ поступило бы лицо, давшее порученіе банку, котораго онъ замѣняетъ при оплатѣ чека и, притомъ безусловно неосмотрительно, ибо возможность составленія чековъ на предъявителя, личность

котораго не устанавливается плательщикомъ, и краткосрочность, свойственная чекамъ, въ высокой степени способствуютъ подлогамъ. Но такое упущеніе чиновъ Государственнаго Банка при оплатѣ чековъ является болѣе чѣмъ нерадѣніемъ или неосмотрительностью: оно представляется прямымъ уклоненіемъ отъ исполненія обязанности, которую Государственный Банкъ принялъ на себя, войдя со своимъ кліентомъ въ договорное соглашеніе. Договоръ этотъ заключается, какъ объясняетъ самъ проситель, посредствомъ принятія банкомъ письменнаго заявленія вкладчика на основаніи правилъ по операціи условныхъ текущихъ счетовъ въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, экземпляръ каковыхъ правилъ и выдается вкладчику вмѣстѣ съ книжками разсчетною и чековыми (ст. 7 правилъ). По силѣ же сихъ правилъ (ст. 17), т. е. договора, между сторонами состоявшагося, оплатѣ подлежатъ лишь чеки, *подписанные вкладчикомъ*. Это условіе договора, которое, притомъ, соотвѣтствуетъ данному закономъ въ статьѣ 150 уст. Госуд. Банка опредѣленію самаго понятія о чекахъ, въ связи съ тѣмъ, что банкъ требуетъ представленія ему образцовъ подписей лицъ, коими чеки будутъ выданы, устраняетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что чины Государственнаго Банка не вправѣ выдавать деньги по чекамъ, неподписаннымъ вовсе или подписаннымъ другимъ лицомъ, а не самимъ вкладчикомъ, или лицомъ особо имъ на то уполномоченнымъ. Засимъ слѣдуетъ придти къ заключенію, что чины Государственнаго Банка обязаны совершенно независимо отъ того, представляется ли имъ подпись на чекѣ сомнительною или нѣтъ, провѣрить подлинность ея посредствомъ сличенія съ образцомъ подписи. Въ случаѣ же неисполненія ими этой обязанности вовсе или же производства ими сличенія небрежно, Государственный Банкъ отвѣчаетъ предъ вкладчикомъ за выдачу денегъ по чеку, подложность котораго могла бы быть обнаружена чинами банка при надлежащемъ исполненіи ими означенной обязанности.

По тому же вопросу Судебнаго Д-та. Принимая во вниманіе: 1) что по разъясненію Прав. Сената (Гражд. Касс. 1892 г., № 114 и 1894 г., № 63), въ случаѣ выдачи денегъ по подложнымъ чекамъ, банкъ не является отвѣтственнымъ предъ лицомъ, положившимъ деньги на текущій счетъ, лишь въ томъ случаѣ, если онъ при всей тщательности и осторожности въ моментъ выдачи денегъ не могъ знать о подлогѣ или замѣтить его; 2) что, какъ видно изъ дѣла, въ банкъ явился получать по подложному чеку Александръ Сомовъ,— лицо, всегда получавшее деньги по чекамъ Барышникова, почему, по обстоятельствамъ дѣла, у банка не могло возникнуть подозрѣнія; 3) что допрошенный по настоящему дѣлу свидѣтель показалъ, что самъ Барышниковъ не могъ отличить подложной подписи своей отъ дѣйствительной; 4) что, согласно единогласному заключенію экспертовъ, производившихъ, во исполненіе указа Правительствующаго Сената, экспертизу, сходство подложной подписи „Барышниковъ“ настолько полно съ дѣйствительной его подписью, что усмотрѣть различіе почерковъ при

обычномъ обозрѣніи ихъ чрезвычайно трудно не только для лица, не имѣющаго опытности въ экспертизѣ документовъ, но и для опытнаго спеціалиста-эксперта; 5) что то обстоятельство, что при производствѣ уголовнаго дѣла одинъ экспертъ высказалъ мнѣніе, что при бдительности можно было отличить подлогъ, не существенно для дѣла, т. к. экспертиза эта произведена была внѣ предѣловъ настоящаго производства, безъ бытности отвѣтчика—банка и, кромѣ того, тотъ же экспертъ нашелъ, что почерки Барышникова и лица, поддѣлавшаго его подпись, сходны, и 6) что, въ виду сего, нѣтъ основанія къ присужденію Барышникову требуемыхъ имъ съ Учетно-Ссуднаго Банка денегъ,—Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: въ отмѣну рѣшенія С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда, въ искѣ Барышникова къ С.-Петербургскому Учетно-Ссудному Банку 4.426 руб. 62 к. отказать (1911 г., № 553).

376. Банкъ вправѣ зачесть свое требованіе къ кліенту деньгами, имѣющимися у должника на текущемъ счету у банка*).

Сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла съ законами, Правительствующій Сенатъ находитъ, что обсужденію его по содержанію апелляціонной жалобы подлежатъ два вопроса: 1) о природѣ тѣхъ юридическихъ отношеній между истцомъ Леономъ Левентономъ, и отвѣтчикомъ, Одесскимъ Отдѣленіемъ Русскаго для Внѣшней Торговли Банка, которыя послужили основаніемъ названному отдѣленію дебетовать текущій счетъ истца на 3216 руб. 18 коп., и 2) о правѣ отвѣтчика на зачетъ своихъ денежныхъ притязаній къ истцу путемъ списанія съ его текущаго счета соотвѣтствующей суммы. Обращаясь къ первому изъ поставленныхъ вопросовъ, нельзя не усмотрѣть, что истецъ именуетъ сдѣлку сторонъ ссудою подъ товаръ, а отвѣтчикъ относитъ ее къ разряду операцій инкассо. Споръ этотъ можетъ быть, однако, вовсе устраненъ по слѣдующимъ соображеніямъ: обѣ стороны согласны, что банкъ, выполняя порученіе по инкассо или покрытію, не отвѣчаетъ не только за осуществимость правъ препоручителя, но и за случайность, причиняющую ему вредъ; сообразно съ симъ, истецъ самъ не отрицаетъ, что былъ-бы обязанъ, въ виду гибели товара внѣ зависимости отъ какой либо вины отвѣтчика, уплатить начисленную банкомъ сумму, если бы сдѣлка сторонъ была признана операціею по инкассо; но взаимное положеніе истца и отвѣтчика нисколько не мѣняется, если бы и придти къ выводу о необходимости разсматривать ихъ сдѣлку какъ ссуду подъ товаръ; въ такомъ случаѣ, надлежало бы примѣнить дѣйствующіе законы о закладѣ движимости, а законы эти вовсе не устанавливаютъ, чтобы данныя въ заемъ подъ обезпеченіе

*) См. по поводу приведеннаго рѣшенія замѣчанія А. А. Добровольскаго въ составленномъ имъ Уставѣ Торг. (изд. 1911 г.), стр. 279.

движимымъ имуществомъ суммы подлежали взысканію исключительно изъ обезпеченія и, равнымъ образомъ, не провозглашаютъ, въ отступленіе отъ залога недвижимостей, что удовлетвореніе заимодавца можетъ имѣть мѣсто только изъ отданнаго въ закладъ имущества (рѣш. Гражд. Касс. Деп. Прав. Сената 1903 г., № 98, см. рѣш. того же Деп. 1889 г., № 2 и ст. 634 Зак. Суд. Гражд.); отсюда слѣдуетъ, что банкъ, не будучи въ состояніи покрыть стоимостью товара выданную истцу ссуду, былъ вправѣ удовлетворить себя изъ другого имущества должника, если только (ст. 1676 т. X ч. I Св. Зак.) гибель заклада произошла не въ то время, когда закладъ находился въ фактическомъ обладаніи банка, а по настоящему дѣлу именно и установлено, что банкъ являлся держателемъ одного коносамента, товаръ же погибъ въ складахъ пароходнаго общества, не поступивъ еще въ распоряженіе отвѣтчика. Этими соображеніями вполнѣ исчерпывается первый вопросъ, а затѣмъ становится совершенно безразличнымъ, являлся ли въ моментъ гибели товара собственникомъ его истецъ Левентонъ, или нѣкто Башъ, а грузохозяиномъ, въ смыслѣ держателя погрузныхъ документовъ, банкъ; если истецъ полагаетъ, что сдѣлка купли-продажи означеннаго товара между нимъ и названнымъ Башемъ уже состоялась до отправленія товара изъ Измаила и потому гибель товара въ Одессѣ должна пасть своею тяжестью на Баша, то на обязанности истца, а отнюдь не банка, не имѣвшаго съ Башемъ никакого дѣла, лежитъ обратиться къ Башу съ соотвѣтствующими требованіями; для банка же достаточно того, что ссуду подъ товаръ получилъ истецъ, который, слѣдовательно, и долженъ ссуду эту вернуть въ виду полнаго уничтоженія заклада, не находившагося въ обладаніи банка. Точно также лишено для дѣла значенія и то обстоятельство, что держателемъ коносамента былъ въ день гибели товара банкъ, такъ какъ товаръ погибъ, чего не отвергаетъ и самъ истецъ, вслѣдствіе народной смуты, исключающей какую либо отвѣтственность перевозчика передъ грузохозяиномъ, въ силу чего, обязанность лица, взявшаго ссуду, вернуть таковую, не можетъ быть переложена на транспортное предпріятіе, перевозившее предметъ заклада. Окончательный выводъ изъ всего приведеннаго выше таковъ: банкъ имѣлъ по обстоятельствамъ дѣла несомнѣнное право требовать отъ истца упомянутую сумму въ 3216 руб. 18 коп., какъ бы ни опредѣлять существо юридическихъ отношеній сторонъ, а потому и нѣтъ надобности въ удовлетвореніи частныхъ ходатайствъ апеллятора, преслѣдующихъ единственную цѣль разъясненія этого существа. Засимъ, остается обсудить только второй вопросъ объ осуществимости признаннаго уже нынѣ за банкомъ *права путемъ списанія той или иной суммы съ текущаго счета истца*. Переходя къ разсмотрѣнію указаннаго вопроса, Правительствующій Сенатъ прежде всего устраняетъ ссылку апелляціонной жалобы на необходимость охранять интересы третьихъ лицъ, получающихъ чеки отъ вкладчика: какимъ бы способомъ ни былъ дебетованъ банкомъ текущій счетъ, у получателя чека нѣтъ иной гарантіи въ

наличности соотвѣтствующей суммы въ банкѣ на счету чекодателя, кромѣ личнаго довѣрія къ послѣднему; кромѣ того, нельзя не замѣтить, что предъявитель чека, буде по оному ничего изъ банка не получитъ, отнюдь не теряетъ своего изначально существовавшаго права требованія къ чекодателю, а потому и списываніе банкомъ какихъ либо суммъ съ текущаго счета, хотя бы и помимо чѣковой операціи, интересамъ третьихъ лицъ вредить не можетъ. Равнымъ образомъ, не убѣдителенъ и доводъ апеллятора о недопустимости дебетовать текущій счетъ иначе, какъ по предъявленнымъ чекамъ; конечно, выдача денегъ съ текущаго счета по чекамъ является нормальнымъ порядкомъ, и банкъ безспорно лишенъ права выдать кому либо деньги по текущему счету безъ надлежащаго чека; въ связи съ этимъ стоитъ и ограниченіе секвестра суммъ, внесенныхъ на текущій счетъ, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы самъ банкъ былъ не вправѣ зачесть суммами текущаго счета свою претензію къ вкладчику: подобное запрещеніе могло бы покоиться лишь на томъ соображеніи, что банкъ долженъ быть признаваемъ только кассиромъ лежащихъ у него на текущемъ счету денегъ, но такой выводъ не оправдывался бы ничѣмъ: его не подтверждаютъ ни указанныя въ апелляціи кассаціонныя рѣшенія, ни истинный смыслъ дѣйствующихъ законовъ, а если принять во вниманіе, что банкъ обычно платитъ по текущему счету проценты и что при несостоятельности банка владѣльцы текущаго счета удовлетворяются наравнѣ съ прочими кредиторами, то окажется не подлежащимъ сколько нибудь основательному сомнѣнію, что банкъ является по текущему счету простымъ должникомъ и, какъ таковой, не лишенъ права зачесть свой долгъ претензіею на вкладчика. Единственнымъ условіемъ этого права на подобный зачетъ надлежитъ, въ огражденіе торговаго и общегражданскаго достоинства вкладчиковъ, поставить немедленное извѣщеніе о зачетѣ, чтобы предупредить нежелательную для кого бы то ни было изъ добросовѣстныхъ людей выдачу чека на сумму, превышающую остатокъ текущаго счета. Такое условіе въ данномъ случаѣ было банкомъ соблюдено, а большаго истецъ требовать не вправѣ. По симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда отъ 16-го мая 1906 г. оставилъ въ силѣ (1909 г., № 527). См. также рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1908 г., № 107, помѣщенное въ отдѣлѣ банкирскихъ операцій подъ № 366.

Гражданскій Касс. Деп. Прав. Сената, въ рѣшеніи 1905 г., № 63 обсуждалъ вопросъ о томъ, можетъ ли чекодержатель простирать на основаніи чека притязанія къ указанному въ чекѣ плательщику, основываясь на фактѣ неправильнаго отказа въ платежѣ по предъявленному чеку. Со ссылкою на рѣшенія свои 1892 г., № 114 и 1900 г., № 71 Гражд. Касс. Деп. разрѣшилъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, находя, что въ случаѣ отказа

банка произвести платежъ по предъявленному чеку, чекодержатель независимо отъ степени основательности уклоненія банка отъ платежа, можетъ заявить притязанія лишь къ чекодателю, а не къ банку.

в) Реверсная сдѣлка.

377|255. Высылка должникомъ кредитору векселей третьихъ лицъ, снабженныхъ его бланковыми надписями, подходитъ подъ типъ такъ называемой реверсной сдѣлки, весьма употребительной въ торговомъ быту, существо каковой сдѣлки, какъ это установлено торг. обычаемъ и признано судебною практикою (напр., опредѣленіе 4 Деп. Прав. Сената отъ 30 мая 1896 г., по д. к-са Елисѣева съ Титовымъ), заключается въ томъ, что торговый должникъ передаетъ своему кредитору въ обезпеченіе долга какую-либо торговую цѣнность, по преимуществу векселя третьихъ лицъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ таковые передаются съ бланковыми надписями, предоставляя кредитору вмѣстѣ съ тѣмъ, при неплатежѣ долга въ срокъ, непосредственно приступить къ удовлетворенію себя изъ даннаго обезпеченія путемъ взысканія по векселямъ; кредиторъ же, съ своей стороны, обязанъ могущій оказаться за полнымъ удовлетвореніемъ остатокъ обезпеченія возвратить должнику. При этомъ, какъ совершеніе, такъ и исполненіе подобныхъ торговыхъ сдѣлокъ опредѣляется не положительнымъ закономъ, ихъ въ частности вовсе и не предусматривающимъ, а волею контрагентовъ и торг. обычаемъ, руководящимъ, при ихъ обсужденіи, согласно ст. 352 Уст. Суд. Торг., и судомъ. Вслѣдствіе сего реверсная сдѣлка не можетъ быть подведена подъ понятіе простого заклада движимости, какъ таковой предусматривается гражданскими законами, и не подчиняется въ частности правилу, изложенному въ ст. 1667 и 1673 т. X. ч. I Зак. Гражд., а потому и ссылка на эти статьи закона, предусматривающія письменный порядокъ заключенія закладныхъ сдѣлокъ, къ данному случаю не примѣнима. Реверсная сдѣлка получаетъ свое начало отъ предусмотрѣннаго примѣчаніемъ къ ст. 15 Уст. о Векс. учета векселей, а засимъ, путемъ примѣненія въ торг. быту, развилась и пріобрѣла нѣкоторыя присущія лишь ей черты, причемъ главныя черты учета сохранились и при реверсной сдѣлкѣ, къ каковымъ, между прочимъ, долженъ быть отнесенъ и способъ выкупа отданныхъ подъ реверсъ или учетъ, векселей, который можетъ имѣть мѣсто лишь при полномъ удовлетвореніи лица, принявшаго вексель подъ реверсъ и что, какъ при учетѣ несостоятельность бланконадписателя не разрѣшаетъ сдѣлки учета, и векселя не обращаются въ конкурсную массу безъ полнаго удовлетворенія лица, принявшаго вексель въ учетъ, такъ и при реверсной сдѣлкѣ не можетъ быть иныхъ послѣдствій несостоятельности бланконадписателя (1896 г., № 1123).

378|256. Тоже. Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ нашелъ, что хотя принятіе мѣръ къ полученію удовлетворенія путемъ взысканія по выданнымъ векселямъ есть прежде всего право кредитора—ссудодателя, тѣмъ не менѣе, нельзя не принять во вниманіе, что векселя, данные въ реверсъ, находятся въ рукахъ ссудодателя съ бланками ихъ должниковъ и что сами должники лишены возможности осуществить какія бы то ни было права по этимъ векселямъ, почему при неосуществленіи кредиторомъ по ссудѣ своего права пользованія даннымъ ему обезпеченіемъ должникъ долженъ быть поставленъ въ условія, открывающія ему самому возможность принять съ своей стороны мѣры къ предотвращенію ущерба отъ несвоевременнаго обращенія взысканія по векселямъ на 3-хъ лицъ и что въ виду сего кредиторъ, не желающій почему-либо покрывать выданную имъ ссуду изъ переданныхъ ему въ реверсъ цѣнностей, обязанъ по наступленіи сроковъ по обязательствамъ, даннымъ ему въ обезпеченіе, извѣстить о томъ своего должника. При несоблюденіи же этого, гарантирующаго законные интересы должника, условія кредиторъ долженъ на общемъ основаніи (ст. 684 X т. 1 ч.) нести отвѣтственность за могущее наступить обезцѣненіе принятаго по реверсу обезпеченія, какъ вызванное его бездѣйствіемъ. Примѣня эти соображенія къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла и останавливаясь на спорѣ сторонъ, касающемся векселей М., Прав. Сенатъ находитъ, что С.-Петербурго-Азовскій Ком. банкъ, имѣя въ своемъ портфелѣ, въ числѣ другихъ покупательскихъ векселей, переданныхъ ему бр. Измировыми въ обезпеченіе ссуды, 3 векселя М. на 25 т. р., по наступленіи по нимъ сроковъ ограничился протестомъ этихъ векселей, а затѣмъ, въ теченіе почти 8 мѣсяцевъ (до объявленія М. несостоятельнымъ должникомъ) никакихъ мѣръ ко взысканію вексельнаго долга изъ имущества М. не принималъ, по объявленіи же несостоятельности заявилъ претензію съ пропускомъ срока. Въ виду сего и такъ какъ по наступленіи срока по векселямъ М. банкъ не только не извѣстилъ Измировыхъ о нежеланіи воспользоваться векселями М., но даже, несмотря на неоднократныя требованія Измировыхъ и на рѣшеніе суда, обязавшее его къ дачѣ отчета, отъ представленія отчета уклонялся и представилъ таковой лишь въ январѣ 1898 г., то право Измировыхъ защищаться противъ иска банка о возвратѣ ссуды тѣмъ, что данные въ обезпеченіе долга векселя М. обезцѣнены по винѣ банка, должно, вопреки мнѣнію банка, считаться доказаннымъ. Переходя затѣмъ къ опредѣленію суммы, въ которой выражается обезцѣненіе векселей М.,—Прав. Сенатъ нашелъ, что къ возложенію на банкъ отвѣтственности за полное обезцѣненіе векселей М. не представляется правильнаго основанія, такъ какъ администрація Измировыхъ не доказала, что, въ случаѣ своевременнаго предъявленія банкомъ требованія къ М., вексельный долгъ былъ бы покрытъ полностью. Съ другой же стороны, не можетъ служить мѣриломъ для

опредѣленія размѣровъ обезцѣненія тотъ дивидендъ, который получился бы по конкурсу, если бы банкъ своевременно заявилъ претензію въ конкурсъ, такъ какъ отвѣтчикъ ставитъ банку въ вину его бездѣйствіе именно до объявленія М. несостоятельнымъ должникомъ. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что изъ представленнаго къ дѣлу исполнительнаго листа купца Лушникова видно, что 13 февраля 1896 г. по присужденному въ пользу Лушникова съ М. взысканію въ суммѣ 7.500 р. уплачено 2.400 р., 2) что, слѣдовательно, по наступленіи сроковъ переданныхъ банку векселей (августъ 1895 г.) и до объявленія его несостоятельнымъ (апрѣль 1896 г.) М. производилъ платежи, и 3) что эти платежи достигали суммы 320 р. на тысячу,—Прав. Сенатъ пришелъ къ заключенію, что полученное Лушниковымъ удовлетвореніе и должно служить основаніемъ для опредѣленія ущерба, нанесеннаго бездѣйствіемъ банка интересамъ Измировыхъ и что, слѣдовательно, размѣръ обезцѣненія векселей М. (на сумму всего 25.000 руб.) долженъ выразиться въ суммѣ 8.000 руб. (25×320), — которая подлежитъ зачету въ требованіе банка о возвратѣ ссуды (1903 г., № 82).

379. Если долгъ по реверсной сдѣлкѣ не погашенъ, то нельзя требовать возврата векселей, ее обезпечивающихъ, такъ какъ такое требованіе преждевременно, а если причиненъ убытокъ непредъявленіемъ векселей третьихъ лицъ ко взысканію и тѣмъ обезцѣненъ реверсъ, то можно отыскивать эти убытки.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ рѣшеніе Коммерческаго Суда, коимъ мѣщанину Шеру отказано по преждевременности въ искѣ къ купцу Барбашу о возвратѣ векселей на сумму 7.581 р. 11 к. и о дачѣ отчета, правильнымъ, доводы же апелляціонной жалобы неуважительными по слѣдующимъ основаніямъ: 1) ссылаясь на то, что отношенія, изъ которыхъ проистекаетъ искъ, носятъ характеръ такъ называемой реверсной сдѣлки и установивъ то, вполнѣ согласное съ существомъ этой сдѣлки, теоретическое положеніе, что кредитору по такой сдѣлкѣ предоставляется альтернативное право либо получить погашеніе непосредственно изъ заложенныхъ векселей третьихъ лицъ, либо обратить свое взысканіе прямо къ контрагенту,—апелляторъ дѣлаетъ изъ сего тотъ выводъ, что Барбашъ, обративъ взысканіе къ Шеру по двумъ переданнымъ ему въ обезпеченіе долга векселямъ и избравъ, такимъ образомъ, первый изъ вышеуказанныхъ способовъ удовлетворенія, не вправѣ болѣе удерживать у себя другіе данные ему въ обезпеченіе по реверсной сдѣлкѣ векселя 3-хъ лицъ. Но этотъ выводъ представляется неосновательнымъ, такъ какъ иски, предъявленные Барбашемъ къ Шеру основываются именно на векселяхъ, данныхъ ему въ обез-

печеніе по реверсной сдѣлкѣ, и составляютъ, слѣдовательно, не осуществленіе какого-либо непосредственнаго требованія „прямо къ контрагенту“, *а обращеніе взысканія на предметъ обезпеченія.* То обстоятельство, что Барбашъ предъявляетъ иски не къ векселедателямъ, а къ Шеру, который вмѣстѣ съ тѣмъ является его контрагентомъ по реверсной сдѣлкѣ, дѣла не мѣняетъ, такъ какъ Шеръ, въ качествѣ бланконадписателя, является также участникомъ вексельной сдѣлки, отвѣтственнымъ предъ Барбашемъ наравнѣ съ третьими лицами. 2) По смыслу соглашенія сторонъ отъ 15 апрѣля 1905 г. векселя третьихъ лицъ, переданные Шеромъ Барбашу въ обезпеченіе долга, должны находиться у Барбаша пока долгъ не будетъ погашенъ, а согласно письму Шера на имя Барбаша отъ 12 іюня 1906 г., векселя подлежатъ возврату лишь „послѣ покрытія долга полностью“. Изъ сего вытекаетъ, что на основаніи состоявшагося между сторонами соглашенія, Барбашу принадлежитъ право осуществлять свое право требованія по реверсной сдѣлкѣ двоякимъ путемъ—какъ путемъ личнаго требованія, такъ и путемъ обращенія взысканія на предметъ обезпеченія, и что въ какой формѣ Барбашъ не осуществлялъ бы свое право, Шеру могло бы принадлежать право требованія возврата векселей лишь при условіи полнаго погашенія долга. А такъ какъ, несмотря на присужденіе въ пользу Барбаша взысканій по двумъ векселямъ,—Шеръ своего долга Барбашу по реверсной сдѣлки не погасилъ, то отказъ ему по преждевременности въ искѣ о возвратѣ ему векселей нельзя не признать основательнымъ, причемъ однако представляется несомнѣннымъ, что если Барбашъ пропустилъ время предъявленія исковъ къ векселедателямъ и причинилъ тѣмъ убытки истцу, то сей послѣдній ихъ и можетъ искать съ Барбаша, отъ дѣла сего особо. Что же касается второго требованія истца объ отчетѣ, то это требованіе правильно оставлено безъ удовлетворенія, такъ какъ таковое удовлетворено отвѣтчикомъ путемъ представленія выписей изъ торговыхъ книгъ. По силѣ изложенныхъ соображеній, Правительствующій Сенатъ рѣшеніе Коммерческаго Суда оставилъ въ силѣ (1909 г., № 1194).

О процентахъ по договорамъ и обязательствамъ.

380. *Гражд. Касс. Деп.*, въ рѣшеніи 24 апрѣля 1913 г., по д. Кормилицыной, разъяснилъ, что лицо, искавшее повременные платежи, но безъ требованія на нихъ процентовъ, послѣ присужденія сихъ платежей не вправѣ особымъ искомъ требовать присужденія процентовъ на полученные повременные платежи, сроки которымъ наступили до судебнаго рѣшенія о присужденіи оныхъ.

381|257. Статья 365 т. XVI ч. 2 Зак. Суд. Гражд. установляетъ право кредитора на полученіе узаконенныхъ процентовъ на незаплаченный капиталъ *со дня просрочки обязательства* по день платежа; посему статья эта можетъ быть примѣнена только къ такимъ договорамъ, въ коихъ съ точностью опредѣлены не только сумма, подлежащая уплатѣ, *но и самый срокъ уплаты оной*. Коль скоро же въ договорѣ никакого точно опредѣленнаго срока для уплаты не назначено, то ни о какой просрочкѣ, о коей упоминаетъ вышеприведенная статья, не можетъ быть и рѣчи, а слѣдовательно, и проценты могутъ быть присуждены истцу лишь со дня предъявленія иска (1897 г., № 538). См. I часть №№ 575—579.

382|258. Проценты по сдѣлкѣ купли-продажи за наличный разсчетъ.

Коль скоро продажа совершена не въ кредитъ, т. е. безъ выдачи долговыхъ обязательствъ, а за наличный разсчетъ, то обязанность платежа всей покупной суммы возникла уже съ момента продажи и, не исполнивъ этой обязанности, покупщикъ является недобросовѣстнымъ владѣльцемъ удержанной покупной суммы, въ силу чего и на точномъ основаніи ст. 641 т. X ч. 1 обязанъ при возвращеніи означеннаго денежнаго капитала внести за все время удержанія установленные проценты по 6 на сто въ годъ (1897 г., № 620). См. также сб. Нос. I, 345, 374.

О процентахъ по текущему счету см. №№ 325/224 и 326/225.

Храненіе.

383|259. Условія отвѣтственности транспортно-страхового общества за истребленіе пожаромъ незастрахованнаго товара, хранившагося въ его складахъ „до распоряженія".

Въ Лодзинскомъ складѣ транспортно-страховой компаніи „Надежда" произошелъ въ іюлѣ 1900 г. пожаръ, истребившій товары разнаго рода, въ числѣ которыхъ находились товары акціонернаго общества шерстяной мануфактуры Карла Беннига въ г. Лодзи, сданные подъ росписки сборщиковъ кладей „до распоряженія". О вознагражденіи за эти сгорѣвшіе товары упомянутое общество предъявило искъ къ компаніи „Надежда" въ С.-Петербургскомъ Ком. Судѣ, который искъ удовлетворилъ, на что и принесена была апелляціонная жалоба со стороны компаніи „Надежда", оспаривавшей правильность этого рѣшенія и обязанность свою вознаградить истца за сгорѣвшій товаръ, главнымъ образомъ, по тому соображенію, что этотъ товаръ сданъ былъ со стороны фабриканта „до

распоряженія“ безъ накладной и квитанціи и уничтоженъ пожаромъ до заключенія имъ какого-либо договора (перевозки или страхованія) съ компаніей „Надежда“, которая хранила этотъ товаръ при такихъ обстоятельствахъ по необходимости и не выговорила себѣ и не получила по этому поводу никакого вознагражденія съ истца.

Прав. Сенатъ нашелъ, что къ этому дѣлу, какъ имѣющему предметомъ споръ, вытекающій изъ правоотношеній сторонъ, фактически возникшихъ въ Царствѣ Польскомъ, должны быть по вопросамъ, касающимся матеріальныхъ правъ тяжущихся сторонъ, примѣнены нормы дѣйствующихъ въ этой мѣстности особыхъ законовъ, а именно гражданскіе законы губерній Царства Польскаго, въ связи, само собою разумѣется, съ спеціальнымъ закономъ, уставомъ компаніи „Надежда“. Переходя затѣмъ къ существу дѣла, Прав. Сенатъ нашелъ, что фактическая сторона настоящаго дѣла въ отношеніи письменныхъ доказательствъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: ни квитанцій, предусмотрѣнныхъ ст. 51 устава компаніи „Надежда“, ни накладныхъ, взамѣнъ которыхъ такія квитанціи выдаются, истецъ къ дѣлу не представилъ и ихъ вовсе выдаваемо не было, а въ подтвержденіе того, что сгорѣвшій въ складѣ компаніи „Надежда“ товаръ въ 102 кипахъ, за который истецъ отыскиваетъ вознагражденіе по стоимости, имъ самимъ опредѣляемой на основаніи его же книжныхъ записей, составлялъ предметъ заключеннаго, по его словамъ, договора перевозки,—истецъ представилъ четыре книги свои, изъ коихъ 2, квитанціонныя, заключаютъ въ себѣ росписки сборщиковъ кладей компаніи „Надежда“ о принятіи товара за указанными въ книгахъ №№ и, кромѣ того, ссылается на имѣющіяся при дѣлѣ вѣдомости о товарахъ, сгорѣвшихъ во время пожара въ амбарѣ компаніи „Надежда“, въ числѣ которыхъ значатся, между прочимъ, товары К. Бенниха съ указаніемъ времени ихъ принятія, марокъ и №№ кипъ. Обращаясь къ провѣркѣ и оцѣнкѣ значенія указаній истца относительно книжныхъ записей, подъ которыми находятся пріемныя росписки агентовъ компаніи, Прав. Сенатъ нашелъ, что изъ 4-хъ представленныхъ повѣреннымъ фирмы Бенниха книгъ, двѣ носятъ названіе „Спецификація кипъ штучнаго товара, находящагося на складѣ компаніи „Надежда“, а 2—„квитанціонныя книги“. Росписки агентовъ компаніи „Надежда“ находятся только въ двухъ послѣднихъ книгахъ. Книги эти составлены такимъ образомъ, что листы разграфлены на рядъ столбцовъ, въ послѣднемъ изъ которыхъ имѣются росписки агентовъ компаніи въ принятіи кипъ. Росписки эти большею частью безъ числа, съ указаніемъ только на числа принятыхъ кипъ и безъ всякихъ указаній на пріемъ товаровъ къ отправкѣ въ опредѣленное мѣсто. Записи же въ остальныхъ столбцахъ писаны повидимому разновременно и не даютъ основанія предполагать, что въ моментъ сдачи груза сборщикамъ, эти послѣдніе были поставлены въ извѣстность о томъ направленіи, по которому должны идти

грузы, а напротивъ, разсматривая двѣ квитанціонныя книги въ связи съ другими двумя, въ которыхъ записаны эти же самые товары внесенными на складъ компаніи „Надежда“,—слѣдуетъ придти къ заключенію, что товары эти отправлялись на складъ въ компанію и что разбивка грузовъ по направленіямъ и адресамъ, сдѣланная по квитанціоннымъ книгамъ, производилась впослѣдствіи. Придавать значеніе записямъ въ отдѣльныхъ столбцахъ этихъ книгъ, какъ о назначеніи товара для отправленія въ показанныя мѣста, такъ и объ адресатахъ, а равно и о времени сдачи товара въ склады компаніи „Надежда“ не представляется основанія помимо того и потому, главнымъ образомъ, что между этими записями и вѣдомостью о сгорѣвшихъ товарахъ, на которую ссылается истецъ, нѣтъ соотвѣтствія ни въ отношеніи нѣкоторыхъ №№ и общаго количества кипъ (въ вѣдомости только 98 вмѣсто 102), ни въ отношеніи времени, причемъ эта разница подрываетъ значеніе книжныхъ записей. Поэтому установленнымъ росписками сборщиковъ компаніи въ квитанціонной книгѣ слѣдуетъ признать лишь фактъ полученія большинства кипъ за опредѣленными №№, подтвержденный и записью въ амбарной книгѣ Фридштейна и отмѣтками въ спискѣ товаровъ, сгорѣвшихъ въ Лодзинскомъ амбарѣ, но безъ точнаго опредѣленія свойства товара и его стоимости, условій страхованія, назначенія для перевозки и прочихъ свѣдѣній, а равно и времени принятія компаніей этихъ товаровъ, которое возможно установить лишь приблизительно, промежуткомъ между 29 марта по 1 іюля. Не отвергая того, что по точному смыслу § 50 устава компаніи „Надежда“ принятіе груза для транспортированія предшествуетъ полученію отъ отправителя груза накладной и выдачѣ ему, взамѣнъ накладной, квитанціи за надлежащимъ подписаніемъ, причемъ между принятіемъ груза и выдачами накладной и квитанціи можетъ протекать извѣстный промежутокъ времени, точно въ уставѣ компаніи не опредѣленный,—нельзя, однако, согласиться съ правильностью заключенія истца о томъ, что будто бы съ момента упомянутаго принятія товара сборщикомъ кладей съ росписью въ книгахъ отправителя, сопровождавшагося помѣщеніемъ затѣмъ этого груза въ складахъ компаніи „Надежда“, долженъ, путемъ лишь молчаливаго на то согласія компаніи „Надежда“, въ лицѣ ея служащихъ, считаться заключеннымъ договоръ именно перевозки этихъ товаровъ, хотя бы компанія и не имѣла документальныхъ свѣдѣній, куда эти товары предназначаются, накладной на нихъ относительно перевозки и ея условій не получала и квитанціи взамѣнъ того не выдавала. Такое заключеніе истца, основанное на выводахъ изъ толкованій коментаторовъ французскихъ гражданскихъ законовъ, дѣйствующихъ въ Царствѣ Польскомъ, противорѣчитъ, какъ общимъ законамъ о заключеніи договоровъ вообще, и договора перевозки въ частности, такъ и постановленіямъ устава компаніи „Надежда“, который, какъ законъ спеціальный, необходимо принять во вниманіе и примѣнить при разрѣшеніи даннаго дѣла. Для

дѣйствительности всякаго договора вообще необходимо (ст. ст. 1108 и 1133 гражд. код.), чтобы обѣ договаривающіяся стороны непринужденно и ясно выразили свое согласіе вступить въ данный договоръ на дозволенныхъ закономъ условіяхъ его и имѣли способность вступать въ этотъ договоръ. Въ частности для договора перевозки требуется (ст. 102 торг. код.), чтобы отправитель груза обозначилъ точное время отправки, свойство, вѣсъ, дѣйствительный или по крайней мѣрѣ минимальный (§ 49 уст. „Надежды"), назначеніе груза и прочія условія перевозки, а въ томъ числѣ и цѣну груза, если предполагается транспортное страхованіе его (§§ 51, 58 и 70 уст. „Надежды"). Если бы независимо отъ пріема груза сборщикомъ кладей и помѣщенія его въ складѣ компаніи отправителемъ выполнены были эти требованія закона въ накладной (согласно предписанію о томъ ст. 102 торг. код. и § 50 уст. компаніи „Надежда") или въ другой бумагѣ, хотя и не въ формѣ накладной составленной, но всѣ эти свѣдѣнія заключающей и безспорно принятой агентомъ компаніи и послѣ того упомянутая компанія въ лицѣ ея агента, не возражая противъ послѣдовавшаго помѣщенія товара въ складѣ при такихъ условіяхъ и не требуя взятія его отправителемъ обратно,—не успѣла бы лишь выдать на эту кладь установленную квитанцію до истребленія груза пожаромъ или до того уклонялась бы таковую квитанцію выдать,—то надлежало бы признать, при этомъ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила устава компаніи (§ 50), по обстоятельствамъ дѣла доказаннымъ, что компанія дѣйствительно вступила въ договоръ перевозки путемъ молчаливаго на волеизъявленіе отправителя согласія, о которомъ упоминаетъ истецъ, ссылающійся въ этомъ отношеніи на ст. 1783 гражд. Код. и комментаріи къ ней ея толкователей. Если же не были сообщены компаніи отправителемъ необходимыя для вступленія ея въ договоръ перевозки свѣдѣнія и притомъ товаръ посланъ и принятъ на складъ „до распоряженія грузохозяина",—то нельзя признать состоявшимся въ какой-либо формѣ договоръ перевозки. Самъ по себѣ взятый фактъ дачи сборщикомъ кладей компаніи „Надежда" росписки въ книгахъ отправителя о принятіи отъ него грузовъ, перевезенныхъ и помѣщенныхъ въ складъ компаніи „Надежда", является лишь первымъ шагомъ въ области предположеній отправителя вступить въ договоръ и притомъ неизвѣстно какой именно. Одно же предположеніе или намѣреніе отправителя вступить, хотя бы именно и въ договоръ перевозки,—недостаточно, такъ какъ оно можетъ и не осуществиться по тѣмъ или другимъ причинамъ, зависящимъ или отъ воли сторонъ, или даже отъ случая (отъ пожара, какъ въ данномъ дѣлѣ) и тогда отношенія сторонъ могутъ, не превращаясь въ опредѣленныя юридическія, остаться лишь фактическими, послѣдствія которыхъ и предстоитъ обсудить суду. Выводить, какъ это дѣлаетъ истецъ, изъ одного лишь факта дачи сборщикомъ кладей росписки въ книгахъ грузохозяина о полученіи товара, сопровождавшагося помѣщеніемъ товара затѣмъ въ складѣ компаніи, заключеніе

о дѣйствительно состоявшемся съ этого момента (притомъ точно во времени тоже не опредѣленнаго) договорѣ перевозки со всѣми квалифицированными по ст. 1783 гражд. код. послѣдствіями, не представляется основанія, во 1-хъ, по отсутствію въ уставѣ компаніи „Надежда“ указанія на такую отвѣтственность по отношенію къ грузамъ не застрахованнымъ и принятымъ на складъ (§ 58): во 2-хъ, потому, что при указываемыхъ истцомъ фактическихъ данныхъ невозможно признать установленнымъ главное основное положеніе, а именно то, что компанія „Надежда“, въ лицѣ ея законнаго представителя, дѣйствительно должна была знать или знала на самомъ дѣлѣ, какимъ бы то ни было путемъ, цѣль присылки ей отправителемъ сложеннаго въ ея складѣ товара,—цѣль, которая заключалась именно въ перевозкѣ груза по опредѣленному назначенію, такъ и прочія условія предстоявшей ей перевозки груза, которыя ей необходимо было знать, дабы въ какой-либо, хотя бы въ молчаливой даже формѣ, заявить сознательно и непринужденно свое согласіе (1108 ст. гражд. код.) на заключеніе договора перевозки съ соблюденіемъ при этомъ требованій ея устава, внѣ котораго она, конечно, въ силу того же закона и ея устава не правоспособна вступать въ какіе-либо договоры. Истецъ объясняетъ свое требованіе о возмѣщеніи убытковъ за гибель товара тѣмъ соображеніемъ, что товаръ этотъ поступалъ на склады въ амбары компаніи, хотя и безъ опредѣленнаго назначенія мѣста отправленія грузовъ, но таковое опредѣленіе предполагалось въ будущемъ, почему товары хранились въ компаніи въ качествѣ подлежащихъ перевозкѣ и время, протекающее до полученія распоряженія о перевозкѣ входитъ въ періодъ перевозки и отвѣтственности по перевозкѣ, такъ какъ за силою ст. 1783 гражд. код. отвѣтственность возчика простирается не только на тѣ предметы, которые они приняли на свои суда или возы, но и за то, что имъ было передано въ пристани или въ складѣ для нагрузки на свои суда или возы. Однако, съ этими объясненіями истца трудно согласиться, такъ какъ безспорное положеніе объ отвѣтственности возчиковъ, возникающей вслѣдствіе факта принятія товаровъ для перевозки и о возможности молчаливаго соглашенія со стороны возчика на перевозку грузовъ, требуетъ точнаго разъясненія и ограничительнаго толкованія подобнаго молчаливаго соглашенія на перевозку. Невозможно представить себѣ такой договоръ перевозки, который заключенъ въ неопредѣленное съ точностью время и въ которомъ нѣтъ налицо самаго главнаго ея элемента—указанія на мѣсто, въ которое должна быть доставлена перевозимая вещь или, въ крайнемъ случаѣ, хотя бы направленія, по которому должна слѣдовать перевозимая вещь, чтобы такимъ образомъ возчикъ могъ бы безотлагательно приступить къ исполненію обязанности перевезти вещь, принятую по договору, хотя бы молчаливому и не выраженному въ письменной формѣ, какъ того требуетъ общій законъ торг. код. ст. 102) и спеціальный законъ (уст. комп. § 50). Между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ товаръ былъ сданъ истцомъ безъ указанія на мѣсто назна-

ченія товара и безъ приказа начать немедленную, безъ особаго распоряженія отправителя, перевозку груза. При такихъ условіяхъ не могло послѣдовать молчаливаго соглашенія на договоръ перевозки и отношенія сторонъ при такомъ фактическомъ лишь положеніи вещей, должны опредѣляться по какому-либо иному договору, но никоимъ образомъ не по договору перевозки. Такимъ образомъ, нельзя признать, чтобы фактомъ принятія товара на складъ „до распоряженія“ создавался, и именно съ этого момента, молчаливо заключенный договоръ перевозки, обусловленный будущимъ указаніемъ назначенія клади адресата, условій перевозки и сверхъ сего страховая отвѣтственность компаніи „Надежда“ въ неопредѣленной суммѣ и въ кредитъ. Все это противорѣчитъ цѣлому ряду основныхъ постановленій устава компаніи и въ томъ числѣ § 58, создавая привилегію для такихъ товаровъ передъ кладями, принятыми съ соблюденіемъ требованій устава, но безъ застрахованія. Въ отношеніи упомянутаго указанія истца о значеніи времени принятія кладей сборщиками ихъ, нельзя не обратить вниманіе также и на то, что при выдачѣ квитанцій на грузы, принятые до распоряженія и впослѣдствіи дѣйствительно отправленные по назначенію при посредствѣ компаніи „Надежда“, время выдачи квитанцій по большей части помѣчалось именно то, когда квитанціи въ дѣйствительности выдавались, а не то, когда кладь принималась сборщиками (свид. показ. Познанскаго, Разовскаго и Кенигсберга и протоколъ осмотра судебнымъ слѣдователемъ дѣлопроизводства компаніи).

Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію юридической квалификаціи отношеній сторонъ, дѣйствительно вытекающей изъ фактическаго положенія вещей,—Прав. Сенатъ находитъ, что передача грузовъ компаніи и пріемъ ихъ агентами таковой, дѣйствовавшими при этомъ не въ качествѣ частныхъ лицъ, должны имѣть то значеніе, что грузы въ дѣйствительности были приняты компаніей и что они хранились въ ея амбарахъ въ моментъ пожара, почему въ данномъ случаѣ возможно развѣ признать наличность договора поклажи и сообразно съ тѣмъ условія отвѣтственности компаніи должны опредѣляться на основаніи законоположеній о поклажѣ, изложенныхъ въ гражд. кодексѣ. Въ этомъ отношеніи гражд. код. устанавливаетъ слѣдующее: совершаемая по взаимному соглашенію контрагентовъ добровольная поклажа должна быть доказываема документами, причемъ, если поклажа превышаетъ стоимость 150 фр., то при отсутствіи документа вѣра дается показаніямъ хранителя поклажи какъ о самомъ фактѣ и предметѣ поклажи, такъ и о ея возвращеніи (гражд. код. ст. 1921—1924). Хранитель поклажи обязанъ заботиться о сбереженіи ея, какъ о сбереженіи своихъ собственныхъ вещей (ст. 1927). Правило это должно быть принимаемо съ большею строгостью: 1) если хранитель самъ вызвался принять поклажу; 2) если онъ выговорилъ себѣ вознагражденіе за сохраненіе поклажи; 3) если поклажа произошла единственно въ интересѣ хранителя; 4) если было именно условлено,

что хранитель отвѣчаетъ за всякое упущеніе (ст. 1928). Примѣняя эти положенія закона къ данной поклажѣ, Прав. Сенатъ находитъ, что въ настоящемъ случаѣ допустимо было бы примѣнить начало отвѣтственности компаніи, какъ поклажепринимателя, на основаніи ст. 1927 и 1929 гражд. код., но никоимъ образомъ не по ст. 2928, какъ того, условно, на случай признанія поклажи, а не договора перевозки, домогается истецъ, ибо прежде всего истецъ не утверждаетъ, что въ настоящемъ случаѣ имѣло мѣсто условіе объ отвѣтственности хранителя за всякое упущеніе, а утвержденіе о наличности въ дѣлѣ условій, указанныхъ въ первыхъ трехъ пунктахъ ст. 1928 опровергается дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Компанія не получала и не выговорила себѣ опредѣленнаго вознагражденія за сохраненіе поклажи и эта поклажа не произошла единственно въ ея интересахъ и притомъ компанія ничѣмъ не была обезпечена въ томъ, что грузохозяинъ, помѣстивъ свой товаръ въ амбарѣ компаніи, вовсе не отправитъ свой грузъ черезъ компанію, а либо возьметъ его обратно, либо передастъ другому, конкурирующему съ нею обществу. Точно также неосновательно и указаніе истца на то, что компанія „Надежда“ помимо выгодъ отъ такого порядка вещей вообще въ интересахъ успѣшнаго хода предпріятія получала платежи и отъ истца временно по текущему счету раза 2—3 въ годъ; это указаніе отпадаетъ, если обратить вниманіе на то, что какъ видно изъ дѣла, компанія „Надежда“ посылала счета и получала вознагражденіе только по квитанціямъ, а не при иныхъ условіяхъ и, слѣдовательно, за храненіе товаровъ „до распоряженія“, а въ томъ числѣ и за товаръ, составляющій предметъ даннаго иска, вознагражденія никакого съ истца не получала. Установивъ, такимъ образомъ, принципъ отвѣтственности компаніи „Надежда“ передъ истцомъ лишь на основаніи ст. 1927 гражд. код., слѣдуетъ признать, что, при такихъ отношеніяхъ между сторонами, на обязанности истцовой стороны лежитъ представленіе доказательствъ вины компаніи въ гибели товаровъ. Въ этомъ отношеніи истцы указываютъ, что гибель ихъ товаровъ въ амбарахъ компаніи, во время происшедшаго тамъ пожара, должна считаться происшедшей по винѣ компаніи, такъ какъ компанія не имѣла никакихъ приспособленій для борьбы съ пожаромъ, а хранила товары въ совершенно неприспособленномъ для борьбы съ огнемъ амбарѣ и, кромѣ того, не приняла мѣръ для спасенія товаровъ во время пожара. Однако, эти указанія нельзя признать достаточными для установленія вины компаніи, такъ какъ: 1) въ этомъ же амбарѣ компанія хранила грузы, у нея застрахованные, за которые она должна нести отвѣтственность передъ грузохозяевами (diligentia quam in suis rebus), и 2) главнымъ образомъ потому, что истцы, имѣвшіе многолѣтнія, по ихъ словамъ, отношенія съ компаніей, сходныя съ настоящими, хорошо знали условія храненія товаровъ въ компаніи „Надежда“ и тѣмъ не менѣе выбрали ее поклажепринимателемъ. Равнымъ образомъ, неуважительно и другое указаніе истцовъ на неправильное принятіе безъ осмотра

застрахованной въ 800 руб. корзины, въ которой находилась, по предположеніямъ, адская машина, послужившая причиной пожара, такъ какъ осмотръ грузовъ, застрахованныхъ въ суммѣ свыше 150 руб., лежитъ на обязанности агентовъ компаніи не въ интересахъ обезпеченія третьихъ лицъ отъ случайностей, подобныхъ предполагаемой, а въ интересахъ самой компаніи, которая ограждаетъ себя отъ возможной отвѣтственности, въ случаяхъ застрахованія предметовъ низкой стоимости за высокое страховое вознагражденіе. Относительно мѣръ, принимаемыхъ во время пожара къ спасенію товара, остается замѣтить лишь то, что цѣлесообразность или непригодность ихъ очень условна и зависитъ отъ обстоятельствъ, для выясненія коихъ нѣтъ въ дѣлѣ данныхъ, сколько-нибудь обусловливающихъ въ этомъ случаѣ вину компаніи. Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что вина компаніи въ гибели товаровъ истца имъ по дѣлу не доказана, почему компанія должна почитаться свободной отъ какой бы то ни было отвѣтственности передъ истцомъ за гибель его грузовъ, въ компаніи не застрахованныхъ, ни въ порядкѣ траспортнаго страхованія, ни на складѣ. Воспользовавшись возможностью помѣстить свой товаръ въ амбаръ компаніи „Надежда“ „до распоряженія“, а не для перевозки по опредѣленному назначенію на условіяхъ транспортирнаго договора, истецъ, если желалъ избѣгнуть послѣдствій риска отъ пожара по общему правилу casum sentit dominus, долженъ былъ въ своихъ интересахъ застраховать товаръ на складѣ либо въ той же компаніи „Надежда“, которая могла по уставу такое страхованіе принять и дѣйствительно принимала, о чемъ свидѣтельствуютъ бланки квитанцій, или въ другомъ страховомъ обществѣ, чего однако, истецъ въ данномъ случаѣ не сдѣлалъ (хотя въ другихъ случаяхъ и самъ практиковалъ), а потому и не можетъ вину за то и отвѣтственность слагать на компанію „Надежда“, утверждая, что будто она сама должна была страховать его товаръ и притомъ при такихъ условіяхъ, когда онъ, безплатно пользуясь складами, не вступилъ съ нею ни въ какой договоръ, ничего за ея услуги не уплатилъ и платить даже не вызывался. На основаніи всего вышеизложеннаго, Прав. Сенатъ пришелъ къ заключенію, что Спб. Ком. Судъ не имѣлъ основаній къ удовлетворенію настоящаго иска, въ которомъ истцу должно быть отказано и потому, отмѣнивъ опредѣленіе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда по настоящему дѣлу, отказалъ торговому дому Карлъ Бенихъ въ искѣ его къ С.-Петербургской компаніи „Надежда“ о возмѣщеніи убытковъ за сгорѣвшій товаръ (1904 г., № 708).

ПЕРЕВОЗКА.

384|260. Въ какихъ случаяхъ капитанъ судна можетъ быть признанъ представителемъ судохозяина на судѣ.

Изъ общаго смысла законоположеній, опредѣляющихъ права и обязанности корабельщика (кн. II гл. IV Уст. Торг.), явствуетъ, что хотя капитанъ судна и является повѣреннымъ и представителемъ судохозяина и можетъ дѣйствовать въ виду этого отъ имени его безъ всякой спеціальной на то довѣренности; но подобныя отношенія простираются лишь на тѣ дѣйствія капитана, которыя входятъ въ кругъ принятыхъ имъ на себя именно въ качествѣ *корабельщика* обязанностей по управленію судномъ, заключенію фрахтовыхъ договоровъ, полученію фрахтовыхъ денегъ и т. п., иными словами онъ является повѣреннымъ судовладѣльца по своему званію лишь по сдѣлкамъ и отношеніямъ, связаннымъ исключительно и только съ ввѣреннымъ ему даннымъ судномъ; признавать же капитана повѣреннымъ судохозяина по всѣмъ вообще дѣламъ послѣдняго и заключеннымъ имъ съ третьими лицами договорамъ, непосредственно къ данному управляемому капитаномъ судну не относящимся, не представляется никакихъ законныхъ основаній. А такъ какъ въ данномъ случаѣ искъ Звороно къ судохозяевамъ „Е. В. Морганъ и К°“ вытекалъ изъ совершенно самостоятельнаго, заключеннаго имъ съ самимъ товариществомъ „Е. В. Морганъ и К°“ договора, касающагося общей дѣятельности товарищества вообще и по своему содержанію ничего общаго съ управленіемъ капитана Сеабурна судномъ „Гаттонъ“ и вытекающими изъ онаго правоотношеніями не имѣющаго, Прав. Сенатъ призналъ, что названный капитанъ не можетъ почитаться обязаннымъ отвѣчать по составляющему предметъ дѣла иску Звороно въ качествѣ законнаго замѣстителя личности отвѣтчика товарищества „Е. В. Морганъ и К°“ (1897 г., № 273). Ср. сб. Нос. IV, 67.

385|261. Уполномочіе на заключеніе фрахтоваго договора объемлетъ и право обязывать довѣрителя неустойкою, такъ какъ она требуется закономъ (1892 г., № 843).

386|262. О неустойкѣ по фрахтовымъ договорамъ; размѣръ ея и порядокъ исчисленія.

Законъ не только не запрещаетъ контрагентамъ включать въ фрахтовые договоры условіе о добровольной неустойкѣ, но, напротивъ того, въ ст. 329 Уст. Торг. прямо обязываетъ ихъ къ тому въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „сто-

роны, заключающія договоры о наймѣ корабля подъ грузъ, *должны* условиться о пенѣ на случай неустойки"; слѣдующія же ст.ст. 330 и 331 того же Устава опредѣляютъ лишь крайній предѣлъ такой неустойки, которая въ отношеніи нанимателя корабля не должна превосходить суммы провозныхъ денегъ, а въ отношеніи корабельщика—половины провозныхъ денегъ. При этомъ послѣдняя статья должна быть понимаема въ томъ смыслѣ, что если въ договорѣ фрахтовыя деньги и неустойка показаны въ разъ навсегда опредѣленной суммѣ, то размѣръ неустойки не долженъ превышать половины фрахтовыхъ денегъ, если же суммы фрахта и неустойки въ договорѣ указаны не въ заранѣе опредѣленной суммѣ, а лишь указанъ способъ опредѣленія таковыхъ при самомъ исполненіи договора (напр., фрахтъ опредѣленъ съ пуда сданнаго груза, а неустойка съ пудо-дня несданнаго груза), то корабельщикъ подвергается взысканію неустойки во всякомъ случаѣ въ размѣрѣ, не превышающемъ половины провозныхъ денегъ, хотя бы общій итогъ причитающейся съ него неустойки оказался и болѣе того. Что же касается того, соразмѣрно съ какимъ фрахтомъ слѣдуетъ опредѣлять въ такомъ случаѣ взыскиваемую съ корабельщика неустойку, то въ этомъ отношеніи Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ это и было имъ разъясняемо, хотя въ статьяхъ 330—332 Уст. Торг. и нѣтъ прямого постановленія о томъ, чтобы въ случаѣ нарушенія части договора о наймѣ корабля неустойка взыскивалась соразмѣрно неисполненной части договора, но, во-первыхъ, въ нихъ не содержится никакого указанія противнаго, а, во-вторыхъ, нельзя не видѣть, что статьи эти ближайшимъ образомъ относятся къ случаямъ нарушенія цертепартіи во всемъ ея объемѣ и что общая мысль, лежащая въ ихъ основаніи, заключается въ томъ, что пеня за неустойку должна быть исчисляема соотвѣтственно фрахту за тотъ грузъ, который остался неперевезеннымъ или несданнымъ къ сроку. Всякая неустойка представляется вообще карою, установленною контрагентами для спеціальнаго, точно опредѣленнаго договоромъ, случая, а потому условія о неустойкѣ, какъ неоднократно и разъясняемо было Прав. Сенатомъ, не могутъ быть толкуемы распространительно, а должны быть, наоборотъ, примѣняемы, строго придерживаясь предѣловъ, указанныхъ въ самомъ договорѣ. Поэтому, если неустойка установлена не вообще за медленность въ доставкѣ груза, а лишь за недоставку груза въ точно опредѣленные въ договорѣ сроки (въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отъ даты коносаментовъ), произошедшую по винѣ фрахтовщика, а не отъ дѣйствія непреодолимой силы, то коль скоро будетъ доказано, что фрахтовщикъ въ опредѣленные договоромъ сроки доставить груза силою обстоятельствъ не могъ и вынужденъ былъ выполнить принятую на себя перевозку послѣ срока, онъ за допущенную имъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи медленность хотя и можетъ подлежать отвѣтственности, но уже не въ видѣ неустойки, договоромъ на такіе случаи нераспространяемой, а въ формѣ убытковъ на общемъ основаніи (1896 г., № 1268).

387|263. Хозяинъ судна всегда вправѣ продолжать или прекращать по своему усмотрѣнію иски, начатые въ его же интересахъ шкиперомъ по дѣламъ, касающимся управляемаго имъ судна. При зафрахтованіи парохода, который „ожидается, что будетъ готовымъ грузить черезъ приблизительно десять дней“, выраженію „приблизительно“ должно быть придано болѣе широкое значеніе. При нарушеніи фрахтоваго договора фрахтователемъ, разница во фрахтѣ подлежитъ съ него взысканію и въ случаѣ гибели парохода на предстоявшемъ ему рейсѣ.

Приступая къ разсмотрѣнію наст. дѣла, Прав. Сенатъ находитъ необходимымъ прежде всего остановиться на объясненіяхъ апеллятора о томъ, что въ виду предъявленія составляющаго предметъ дѣла иска отъ имени шкипера парохода „Фламстидъ“, Робертсона, а не отъ имени судохозяевъ означеннаго парохода, за этими послѣдними не можетъ быть признано право продолжать въ качествѣ истцовъ наст. дѣло. Въ этомъ отношеніи Прав. Сенатъ находитъ, что какъ въ силу самаго существа взаимныхъ отношеній шкипера къ судовладѣльцу, положенія, занимаемаго шкиперомъ относительно управляемаго имъ судна, такъ и по общему смыслу законовъ о корабельщикахъ (кн. III разд. II гл. IV Уст. Торг.) корабельщикъ является законнымъ представителемъ судохозяина, имѣющимъ въ качествѣ такового не только право, но и обязанность охранять и защищать интересы судохозяина, въ томъ числѣ судебнымъ порядкомъ, какъ это, между прочимъ, видно изъ точнаго смысла ст. 247 Уст. Торг., причемъ въ законѣ нигдѣ даже не выражено требованія, чтобы для предъявленія въ судебныхъ мѣстахъ исковъ, касающихся управляемаго имъ судна, а слѣдовательно непосредственныхъ интересовъ владѣльцевъ онаго, корабельщикъ долженъ быть на то уполномоченъ особою довѣренностью, изъ чего слѣдуетъ, что всѣ иски, начатые шкиперомъ, хотя бы отъ своего имени, но касающіеся ввѣреннаго ему судна, тѣмъ самымъ уже, въ силу одного представительства, должны считаться начатыми въ интересахъ судохозяина. А такъ какъ представительство шкипера нисколько не умаляетъ по закону правъ самого судохозяина относительно распоряженія своимъ имуществомъ, т. е. вообще правъ, какія законъ присвоиваетъ хозяину передъ приказчикомъ, довѣрителю передъ повѣреннымъ и т. п., то слѣдуетъ придти къ заключенію, что хозяинъ всегда вправѣ продолжать или прекращать по своему усмотрѣнію иски, начатые въ его же интересахъ шкиперомъ. А потому и въ виду того, что наст. искъ имѣетъ своимъ предметомъ взысканіе съ фрахтователя убытковъ отъ отказа его погрузить па-

роходъ „Фламстидъ“ согласно договору 21 августа 1886 г., касается слѣдовательно практики означеннаго парохода, судовладѣльцы онаго имѣютъ несомнѣнное право, за смертью самого шкипера, начавшаго наст. дѣло, продолжать оное безъ новаго вчинанія иска, тѣмъ болѣе, что интересы отвѣтчика отъ такого порядка ни мало не страдаютъ. Обращаясь засимъ къ разсмотрѣнію существа исковыхъ требованій владѣльцевъ парохода „Фламстидъ“, Уильки и Тернбуль, къ торг. дому „Леви и Гермеръ“, Прав. Сенатъ находитъ, что таковыя заключаются въ требованіи возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ ими фирмѣ „Уильки и Тернбуль“ недачею на пароходъ „Фламстидъ“ условленнаго по договору отъ 21 августа 1886 г. груза, выразившихся: а) въ размѣрѣ между условленною цѣною фрахта и тою, за которую зафрахтованъ былъ пароходъ вслѣдствіе отказа отвѣтчиковъ Юровскому, и б) въ убыткахъ отъ простойныхъ дней парохода въ ожиданіи новаго грузителя. Главное возраженіе отвѣтчиковъ противъ этого требованія истца сводится къ тому, что фрахтовый договоръ былъ нарушенъ прежде всего самими истцами, доставившими пароходъ „Фламстидъ“ въ Одессу послѣ установленнаго въ договорѣ срока. Останавливаясь посему на обсужденіи основательности этого возраженія, Прав. Сенатъ находитъ, что въ силу представленнаго къ дѣлу договора отъ 21 августа 1886 г., подписаннаго „Леви и Гермеръ“, послѣдніе условились нагрузить около 10.000 четвертей зерна или сѣмянъ на пароходъ „Фламстидъ“, *который ожидается, что будетъ готовымъ грузить черезъ приблизительно 10 дней.* Толкуя приведенное мѣсто договора, согласно ст. 1533 т. X ч. 1, по словесному смыслу, Прав. Сенатъ находитъ, что выраженіе „черезъ приблизительно 10 дней“, въ виду нахожденія парохода во время совершенія сдѣлки очень далеко отъ Одессы и въ виду часто встрѣчающихся въ морскомъ плаваніи случайностей, въ особенности при совершеніи судами далекихъ рейсовъ, препятствующихъ не только съ точностью, но и съ большею или меньшею вѣроятностью опредѣлить время прибытія судна въ данный пунктъ, не можетъ быть понимаемо въ смыслѣ только *одинъ* день позже или раньше 10-го дня, какъ неправильно толкуютъ отвѣтчики, а, смотря по обстоятельствамъ, и въ болѣе обширномъ смыслѣ. Къ такому толкованію его приводитъ впрочемъ и толкованіе договора по намѣренію и доброй совѣсти сторонъ (ст. 1539 т. X ч. 1). Въ договорѣ сказано: „симъ условливаемся грузить на нашъ пароходъ „Фламстидъ“, который *ожидается*, что будетъ готовымъ *грузить черезъ приблизительно 10 дней“;* далѣе: „грузъ будетъ данъ, какъ скоро Вами (агентами парохода) *будетъ потребованъ“*; изъ этихъ выраженій вытекаетъ, что если отвѣтчики согласились на ожидаемый прибыть черезъ приблизительно 10 дней пароходъ грузить лишь по требованію агентовъ, положившись, такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи на ихъ усмотрѣніе, то они не имѣли при заключеніи договора намѣренія опредѣлить себѣ положительный день для начатія нагрузки, тѣмъ болѣе, что срокъ окончанія нагрузки догово-

ромъ вовсе не опредѣленъ; выраженіе же „ожидается“, что пароходъ будетъ готовымъ къ принятію груза, еще болѣе убѣждаетъ въ томъ, что срокъ для начатія нагрузки обозначенъ въ договорѣ крайне неопредѣленно, а потому и долженъ быть толкуемъ болѣе широко въ ту или другую сторону. Нельзя также не замѣтить еще и того, что отъ отвѣтчиковъ, если они дѣйствительно имѣли въ виду опредѣлить время начатія нагрузки парохода „Фламстидъ“ не позже, какъ черезъ 11 или въ крайнемъ случаѣ черезъ 12 дней по заключеніи договора 21 августа 1886 г., зависѣло употребить въ договорѣ болѣе точное выраженіе, чѣмъ ими это сдѣлано, и такая неясность употребленнаго ими выраженія должна быть толкуема въ пользу лица, обязавшагося доставить пароходъ (ст. 1539 т. X ч. 1). Наконецъ, если бы отвѣтчики дѣйствительно сознавали, что по договору нагрузка должна была произойти черезъ 10, самое большое 12 дней послѣ заключенія онаго, то они, по наступленіи сего срока должны были бы тогда же отказаться отъ дальнѣйшаго исполненія условія, между тѣмъ они дождались прибытія парохода и отказались отъ дачи груза лишь на 15 день по заключеніи условія (когда, по собственному ихъ объясненію, фрахтовая плата начала понижаться). Признавая въ виду вышеизложеннаго, что прибытіемъ парохода „Фламстидъ“ 3 сентября и предоставленіемъ отвѣтчикамъ письмомъ отъ 4 сентября нагрузки, начиная съ 5 сентября не былъ со стороны истцовъ, по обстоятельствамъ дѣла, нарушенъ договоръ отъ 31 августа и нарушителями онаго должны быть признаны сами отвѣтчики, которые безъ правильнаго къ тому основанія отказались отъ дачи груза, Прав. Сенатъ находитъ, что въ силу этого нарушенія отвѣтчики, по точному смыслу ст. 570 и 684 т. X ч. 1, обязаны возмѣстить истцамъ тѣ убытки, которые отъ сего нарушенія для нихъ послѣдовали. Обращаясь засимъ къ опредѣленію размѣра слѣдующихъ истцамъ убытковъ, Прав. Сенатъ находитъ, что таковые, по опредѣленію истцовъ, состоятъ изъ: а) 1.375 руб. 1 к., составляющихъ разницу въ цѣнѣ фрахта товара, нагруженнаго Юровскимъ, въ сравненіи съ цѣною, условленною отвѣтчиками въ договорѣ отъ 21 августа, и б) 3.744 руб. убытка отъ празднаго простоя парохода въ Одессѣ. Относительно первой суммы Прав. Сенатъ находитъ, что по договору 21 августа „Леви и Гермеръ“ обязались погрузить на пароходъ „Фламстидъ“ до 10.000 четвертей зерна или сѣмени, равныхъ 93.881 тоннамъ сала, изъ разсчета фрахта по 15 шил. за тонну сала, что составляетъ за весь товаръ 704 ф. 2 ш., а на рубли—7.322 руб. 64 к.; между тѣмъ Юровскій погрузилъ на пароходъ 9.514 четв. по значительно уменьшенному фрахту, а именно всего за 571 ф. 17 ш. 9 п., что составляетъ 5.947 руб. 63 к., такъ что на фрахтѣ, сравнительно съ договоромъ, истцы по винѣ отвѣтчиковъ понесли убытокъ въ 1.375 руб. 1 к. Принимая засимъ во вниманіе: 1) что отвѣтчики противъ приведеннаго, сдѣланнаго истцами разсчета въ цифровыхъ данныхъ не спорятъ, равно не оспариваютъ и того, что Юровскому былъ зафрахтованъ пароходъ за пока-

занную истцомъ сумму; 2) что указаніе апеллятора на то, что истцы не имѣли права выжидать повышенія фрахтовыхъ цѣнъ, а обязаны были немедленно послѣ отказа ихъ отъ доставленія груза зафрахтовать пароходъ другому лицу, причемъ получился бы убытокъ лишь въ 1/2 шил. на тонну, не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ апелляторы ничѣмъ не доказали, что истцы медлили въ пріисканіи грузителей или отказывали таковымъ въ ожиданіи лучшихъ цѣнъ, найти же немедленно фрахтователя не всегда возможно; 3) что равнымъ образомъ не заслуживаетъ уваженія и указаніе апелляторовъ на то, что такъ какъ истцы съ гибелью парохода потеряли право на фрахтъ, то потеряли также и право на разницу фрахта, такъ какъ съ потерею права на цѣлое теряется и право на его составную часть, ибо право на взысканіе съ отвѣтчиковъ убытковъ, выразившихся въ разницѣ фрахтовъ, стоитъ внѣ всякой зависимости отъ полученія фрахта за погруженный Юровскимъ товаръ, а вытекаетъ исключительно изъ нарушенія отвѣтчиками договора 21 августа; даже въ томъ случаѣ, если бы на пароходѣ „Фламстидъ“ не погружено было никакого товара, а слѣдовательно не причиталось бы никакого фрахта, отвѣтчики обязаны были бы возмѣстить истцамъ убытки, т. е. уплатить весь условленный по договору фрахтъ. Признавая посему требованія истцовъ въ суммѣ 1.375 руб. 1 к. разницы во фрахтѣ подлежащими удовлетворенію и переходя засимъ къ разсмотрѣнію второй части исковой суммы—убытковъ 3.744 руб. за простой парохода на Одесскомъ рейдѣ въ теченіе 8 дней, т. е. съ 5 сентября по 12, Прав. Сенатъ находитъ, что это послѣднее требованіе основывается истцомъ на томъ обстоятельствѣ, что въ указанные дни пароходъ „Фламстидъ“ долженъ былъ простоять въ бездѣйствіи до пріисканія груза Юровскаго. Такимъ образомъ, для признанія этого требованія подлежащимъ удовлетворенію, истцу, прежде всего, предстояло доказать, что пароходъ дѣйствительно простоялъ въ бездѣйствіи съ 5 по 12 сентября и что произошло это исключительно по винѣ отвѣтчиковъ. Между тѣмъ, изъ представленнаго апелляторомъ удостовѣренія Одесской таможни отъ 3 февраля 1887 г. видно, что въ теченіе указанныхъ истцомъ дней (съ 5 по 12 сентября) на пароходъ „Фламстидъ“, зафрахтованный не исключительно и всецѣло отвѣтчикомъ „Леви и Гермеръ“, производилась погрузка товаровъ другими фрахтователями, именно: 6 сентября Юровскимъ и Копельманомъ, 10 сентября Вургафтомъ, а потому, съ одной стороны, объясненіе истца о бездѣйствіи въ эти дни парохода представляется лишеннымъ основанія, а съ другой и приписывать простой его въ оные исключительно винѣ отвѣтчика, а не необходимости, напримѣръ, принимать грузы отъ другихъ фрахтователей, въ томъ числѣ и отъ Юровскаго, начавшаго притомъ грузить, какъ видно изъ приведеннаго выше удостовѣренія, уже съ 6 сентября, не представляется никакихъ основаній. Въ виду сего и не входя за таковымъ разрѣшеніемъ сего вопроса въ обсужденіе доказанности этой части иска въ цифровыхъ данныхъ, Прав. Сенатъ находитъ требованіе истца

съ отвѣтчика убытковъ за простой судна „Фламстидъ“ въ указанные имъ дни, какъ въ основаніи своемъ недоказанное, удовлетворенію не подлежащимъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ Прав. Сенатъ, въ измѣненіе рѣшенія Ком. Суда, присудилъ съ „Леви и Гермеръ“ въ пользу владѣльцевъ парохода „Фламстидъ“— Уильки и Тернбуль 1.375 руб. 1 к. съ % со дня предъявленія иска, во взысканіи же остальныхъ 3.744 руб. отказалъ (1887 г., № 1497).

388. Гражданскій Касс. Деп. Прав. Сената, толкуя (въ рѣшеніи 1904 г. за № 18)—статью 361 Уст. Торг., изд. 1893 г. (409 ст. по изд. 1903 г.) пришелъ къ тому заключенію, что приведенный законъ имѣетъ въ виду не общую несостоятельность грузохозяина, а тотъ случай, когда взысканія обращаются на данный грузъ: законъ даетъ корабельщику право на предпочтительное удовлетвореніе изъ стоимости этого груза.

389. Условія перевозки грузовъ при посредствѣ транспортныхъ конторъ.

Транспортная контора, по самому существу ея, какъ перевозчикъ-комиссіонеръ, обязана поступать въ отношеніи сданнаго ей груза исключительно по приказу и указаніямъ отправителя груза и дубликатъ накладной выдать ему или по его назначенію; а уже отъ сего послѣдняго зависитъ, въ силу его отношеній съ получателемъ, опредѣлить, передать ли ему дубликатъ и тѣмъ самымъ право на полученіе груза, или нѣтъ, и только послѣ такой передачи распорядителемъ груза становится получатель. Что же касается вопроса о передачѣ или непередачѣ дубликата, то получателю, согласно изложенному, надлежитъ вѣдаться по сему поводу съ отправителемъ, но никакъ не съ транспортной конторой. Въ настоящемъ случаѣ отправителями были разныя лица, которыя, сдавъ товаръ для отправки его А., дубликата ему не передали, а сдѣлали затѣмъ распоряженіе о невыдачѣ транспортною конторою груза А. и о возвратѣ его въ Москву. При такомъ положеніи, заявлять какія либо требованія по поводу дубликата къ транспортной конторѣ А. не вправѣ (1911 г., № 1135).

390|264. По договору перевозки, заключенному грузохозяиномъ съ самимъ хозяиномъ судна или съ конторою пароходства, а не съ корабельщикомъ, отвѣтственность за поврежденіе груза можетъ быть возложена и искъ о томъ, какъ первоначальный, такъ и тѣмъ болѣе встрѣчный, можетъ быть предъявленъ непосредственно къ владѣльцу судна.

Общее Собраніе Правительствующаго Сената находитъ, что его разрѣшенію подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли обратился грузоотправитель Громовъ непосредственно къ судохозяину Черепъ-Спиридовичу съ встрѣчнымъ искомъ своимъ о вознагражденіи за подмочку его товара, принятаго отъ него конторою пароходства Черепъ-Спиридовича для перевозки изъ Нижняго Новгорода въ Москву или этотъ искъ является преждевременно предъявленнымъ къ судохозяину и подлежащимъ за силою 253 ст. Уст. Торг. предъявленію предварительно къ шкиперу того буксирнаго парохода, по винѣ котораго потерпѣла на р. Окѣ аварію баржа съ лубочнымъ товаромъ Громова. Судебный Департаментъ Правительствующаго Сената по обжалованному опредѣленію призналъ упомянутый встрѣчный искъ Громова правильно предъявленнымъ непосредственно къ судохозяину Черепъ-Спиридовичу и отвергъ ссылку отвѣтчика по встрѣчному иску на ст. 253 Уст. Торг. въ силу примѣненной къ дѣлу 255 ст. того же Уст., толкованіе которой, однако, проситель Черепъ-Спиридовичъ во всеподданнѣйшей жалобѣ находитъ неправильнымъ, ходатайствуя по этому поводу о пересмотрѣ и отмѣнѣ обжалованнаго опредѣленія Судебнаго Департамента Правительствующаго Сената. Останавливаясь прежде всего на толкованіи 255 ст. Уст. Торг., Общее Собраніе Правительствующаго Сената находитъ, что хотя въ ст. 255 содержится ссылка на ст. 253 Уст. Торг., устанавливающую лишь условную отвѣтственность (въ случаяхъ, этими статьями предусмотрѣнныхъ) судохозяина, а именно при несостоятельности корабельщика, но нельзя не обратить вниманія на то, что ст. 255 является единственною, среди цѣлаго ряда статей того же раздѣла, трактующихъ исключительно о судахъ мореходныхъ и о правахъ и обязанностяхъ корабельщиковъ именно этого рода судовъ, въ которой говорится о судахъ рѣчныхъ и буксирныхъ пароходахъ. Поэтому, необходимо сопоставить эту статью Устава Торговаго съ законоположеніями объ упомянутыхъ въ ней мелкаго типа судахъ, помѣщенными въ Уст. Пут. Сообщ. и въ частности съ п. 6 ст. 266 этого Устава. Сопоставленіе этого послѣдняго законоположенія, установляющаго отвѣтственность за убытки самихъ владѣльцевъ судовъ немедленную, приводитъ къ тому заключенію, что грузоотправители въ случаѣ убытковъ, причиненныхъ перевозимому товару, не лишены права обратиться съ искомъ по этому поводу непосредственно къ самому судохозяину либо, одновременно, съ искомъ къ шкиперу буксирнаго парохода, либо и помимо того, а отъ судохозяевъ уже зависѣть будетъ привлечь къ дѣлу въ качествѣ 3-го лица, по ст. 653 Уст. Гражд. Суд., состоящаго или бывшаго у нихъ на службѣ шкипера парохода для замѣны ихъ отвѣтственности, если шкиперъ состоятеленъ (что конечно должно быть ближе всего извѣстно именно судохозяину, довѣрившему ему свое судно для перевозки); лишать же грузоотправителя права обратиться съ искомъ объ убыткахъ, ему причиненныхъ непосредственно къ судохозяину, съ которымъ

онъ имѣлъ дѣло, было бы неправильно какъ по точному смыслу приведенныхъ выше законоположеній, такъ и въ силу ст. ст. 1528 и 1536 X т. I ч. и притомъ, конечно, несправедливо въ тѣхъ случаяхъ, когда ему (какъ это и было въ данномъ случаѣ) вовсе не указываютъ, кто именно былъ шкиперомъ и не утверждаютъ даже, что шкиперъ этотъ лицо состоятельное, а потому и устраняющее отвѣтственность судохозяина. Независимо отъ сего Общее Сената Собраніе нашло, что ст. 253 Уст. Торг., въ силу которой за убытки, причиненные недостаткомъ искусства и знанія корабельщика, отвѣчаетъ прежде всего самъ карабельщикъ, а хозяинъ лишь при несостоятельности карабельщика, пріобрѣтаетъ смыслъ и значеніе лишь при условіи разсмотрѣнія и толкованія ея въ связи съ прочими статьями той же книги и того же раздѣла Устава Торговаго, изъ которыхъ въ частности необходимо при этомъ обратить вниманіе на ст. ст. 335 и 350 того же Устава. Въ первой изъ нихъ сказано, что по заключеніи договора о наймѣ корабля корабельщикъ составляетъ грузовую роспись товаровъ, принятыхъ на корабль, а во второй сказано, что по прибытіи на мѣсто назначенія корабельщикъ сдаетъ грузъ по росписи, которую при этомъ долженъ истребовать и по ней получить провозныя по договору деньги. Отсюда несомнѣнно слѣдуетъ при сопоставленіи 253 ст. съ ст. ст. 335, 350 и 356 Уст. Торг., что ст. 253 Уст. Торг. примѣнима лишь къ тѣмъ случаямъ, когда договоръ заключенъ отправителемъ товара съ корабельщикомъ, принявшимъ товаръ на корабль или баржу, а не съ самимъ хозяиномъ судна или пароходства или его конторой. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ отправитель товара, не имѣя никакихъ договорныхъ отношеній съ корабельщикомъ и быть можетъ вовсе не зная, кто будетъ шкиперомъ на хозяйскомъ пароходѣ, не обязанъ вовсе ни денегъ за провозъ платить ему вмѣсто хозяина, ни съ искомъ объ убыткахъ отъ потопленія или порчи груза обращаться къ кому-либо иному кромѣ хозяина, какъ его контрагента по договору. Также разрѣшенъ этотъ вопросъ въ одномъ изъ рѣшеній Гражд. Касс. Департамента (1894 г., № 6). Въ данномъ случаѣ, какъ видно изъ дѣла, товаръ свой Громовъ сдалъ для провозки не корабельщику, а непосредственно конторѣ пароходства, принадлежащаго Черепъ-Спиридовичу, и заявилъ въ Коммерческомъ Судѣ, что съ капитаномъ буксирнаго парохода дѣла не имѣетъ, на что Черепъ-Спиридовичъ не возражалъ вовсе и послѣ того ограничился отвѣтомъ по существу иска. Равнымъ образомъ и изъ представленнаго въ основаніе первоначальнаго иска документа (книжки пароходства конторы Черепъ-Спиридовичъ) видно, что сдача товара Громову происходила не по грузовой росписи и безъ всякаго участія корабельщика, подписи котораго въ книжкѣ этой вовсе нѣтъ. Кромѣ того, какъ видно изъ дѣла, оно возникло въ Московскомъ Коммерческомъ Судѣ не по иску Громова, а наоборотъ, по иску къ нему самого Черепъ-Спиридовича, который въ качествѣ хозяина судна, устраняя карабельщика, являющагося въ дѣлѣ полученія фрахта его законнымъ представителемъ, обязаннымъ требовать въ его инте-

ресахъ фрахтовую плату при сдачѣ товара,—самъ лично предъявилъ къ Громову искъ о фрахтѣ, почему предъявленіе встрѣчнаго иска къ нему же вызвано было его собственными дѣйствіями и сообразно съ тѣмъ не можетъ быть поставлено въ вину Громову безъ нарушенія требованій ст. 58 XVI т. 2 ч., такъ какъ клонилось бы къ незаконному лишенію его права на предъявленіе въ томъ же судѣ, для совмѣстнаго разсмотрѣнія, встрѣчнаго иска къ лицу, выступившему истцомъ по первоначальному иску. Наконецъ нельзя не остановиться и на томъ, что по обстоятельствамъ даннаго дѣла признаніе иска встрѣчнаго, предъявленнаго Громовымъ къ владѣльцу парохода, подлежащимъ обращенію въ силу 253 ст. Уст. Торг. къ капитану парохода, а не къ самому владѣльцу парохода было бы явною несправедливостью, равносильною отказу въ правосудіи, потому въ частности, что Черепъ-Спиридовичъ, отводя себя отъ отвѣтственности по данному иску, ссылкою на отвѣтственность капитана буксирнаго парохода, который онъ же самъ приставилъ къ баржѣ съ грузомъ Громова, во все время производства дѣла, ни даже во всеподданнѣйшей жалобѣ не назвалъ не только имени этого шкипера (Громову по его объясненію вовсе не извѣстнаго) но даже не поименовалъ и самаго парохода, который баржу потопилъ, почему для осуществленія своихъ правъ на искъ къ шкиперу,—Громову пришлось бы предварительно требовать путемъ новой переписки сообщенія ему Черепъ-Спиридовичемъ всѣхъ этихъ свѣдѣній, несомнѣнно необходимыхъ для осуществленія его права на новый искъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Общее Сената Собраніе, согласно съ заключеніемъ товарища оберъ-прокурора, оставило въ силѣ опредѣленіе Судебнаго Департамента Правительствующаго Сената (2-го Общ. Собр. 2 мая 1903 г., № 49).

391. Отвѣтственность хозяина корабля обусловливается лишь фактическою несостоятельностью корабельщика, почему и допустимо предъявленіе иска объ убыткахъ, изъ договора перевозки вытекающихъ, одновременно къ обоимъ. Однако постановленіе суда, коимъ допущено обезпеченіе иска въ видѣ наложенія ареста на пароходъ, можетъ быть обжаловано только со стороны собственника парохода.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что предъявленіе иска одновременно къ корабельщику и хозяину корабля представляется вполнѣ допустимымъ. Хотя просительный пунктъ искового прошенія и формулированъ съ нарушеніемъ предписанія ст. 240 Уст. Торг., но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы искъ въ отношеніи хозяина корабля не могъ быть вовсе удовлетворенъ въ предѣлахъ даннаго судебнаго производства; взыскать съ обоихъ отвѣтчиковъ безраздѣльно было бы, конечно, несогласно съ закономъ, но взысканіе съ кора-

бельщика и, въ случаѣ его несостоятельности, съ хозяина корабля не противорѣчитъ закону: во-первыхъ, въ такомъ измѣненіи исковыхъ требованій не заключается ни измѣненія ихъ сущности, ни увеличенія ихъ для кого-либо изъ отвѣтчиковъ, а, во вторыхъ, отвѣтственность хозяина корабля обусловливается не юридическою несостоятельностью корабельщика (осуществляемою путемъ объявленія его несостоятельнымъ) а лишь фактическою несостоятельностью (удостовѣряемою надписью судебнаго пристава на исполнительномъ листѣ), вслѣдствіе чего и не можетъ быть законныхъ препятствій для одновременнаго предъявленія иска къ обоимъ. Такимъ образомъ, по иску Русскаго Общества Пароходства и Торговли, предъявленному безъ нарушенія требованій закона одновременно къ капитану парохода „Клематисъ“ и его собственнику, имѣется налицо два отвѣтчика, хотя бы и не связанныхъ между собою безраздѣльною, или солидарною отвѣтственностью; искъ этотъ обезпеченъ путемъ наложенія ареста на пароходъ „Клематисъ“, принадлежащій второму отвѣтчику, между тѣмъ какъ частная жалоба подана отъ имени перваго. Каждый изъ тяжущихся можетъ, однако, приносить жалобы только на то, что нарушаетъ его права; очевидно, что арестъ парохода касается непосредственно его собственника и, если тотъ не обжаловалъ этой мѣры обезпеченія, капитану парохода жаловаться нѣтъ основанія. Правда, хозяинъ корабля, Бельгійское акціонерное общество складовъ и перевозокъ, подалъ въ лицѣ своего повѣреннаго дополнительное прошеніе, въ коемъ развиваетъ доводы жалобы, но законъ (ст. 364 и 365 Уст. Суд. Торг.) не знаетъ присоединенія къ частнымъ жалобамъ и притомъ въ видѣ прошеній, подаваемыхъ, помимо первой, въ высшую инстанцію. За силою всего изложеннаго и принимая во вниманіе, что отъ хозяина корабля будетъ звисѣть возобновить во всякое время предъ Коммерческимъ Судомъ ходатайство о снятіи наложеннаго ареста и привести всѣ необходимыя для того соображенія,—Правительствующій Сенатъ не признаетъ возможнымъ обсудить эти соображенія, поскольку они нашли себѣ мѣсто въ жалобѣ корабельщика и въ поданномъ неустановленнымъ порядкомъ прошеніи собственника парохода, а потому опредѣляетъ: частную жалобу повѣреннаго Іосифа Ситера и прошеніе повѣреннаго акціонернаго общества складовъ и перевозокъ, оставить безъ разсмотрѣнія по существу (1909 г., № 1489).

392|265. Допросъ свидѣтелей въ подтвержденіе существованія договора найма судна и его условій не допустимъ (1902 г., № 566).

393|266. Условія пріостановленія гражд. производства. Свойство и значеніе коносамента. Отвѣтственность корабельщика за соотвѣтствіе дѣйствительности показаннаго въ коносаментѣ количества товара; значеніе въ семъ

отношеніи обманныхъ дѣйствій для держателя коносамента, отвѣтственность судохозяина за дѣйствія его агентовъ.

Предметъ настоящаго дѣла заключается въ требованіи Московскаго Международнаго Торговаго Банка съ пароходовладѣльца Баптизманскаго 7.713 р. 66 к. съ % убытковъ отъ несдачи груза по двумъ выданнымъ имъ Гурфинкелю и Кутерману коносаментамъ, переданнымъ послѣдними истцу по сдѣлкѣ о полученіи подъ значащійся въ коносаментахъ товаръ ссуды въ размѣрѣ исковой суммы. Останавливаясь прежде всего на ходатайствѣ апеллятора Баптизманскаго о пріостановленіи производства по настоящему дѣлу въ виду возбужденія имъ противъ Гурфинкеля и Кутермана уголовнаго преслѣдованія за полученіе ими обманнымъ образомъ положенныхъ въ основаніе иска банка коносаментовъ посредствомъ представленія подложныхъ ордеровъ о погрузкѣ товара, въ подтвержденіе какового обстоятельства имъ представлено удостовѣреніе судебнаго слѣдователя 2 участка Тираспольскаго уѣзда отъ 29 марта 1897 г. за № 545, Прав. Сенатъ находитъ: по закону (ст. 8 Уст. Гражд. Суд.) пріостановленіе производства гражданскаго дѣла можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если разрѣшеніе онаго зависитъ отъ разсмотрѣнія обнаруженнаго во время производства гражданскаго дѣла уголовнаго обстоятельства, или если заявлено прямое обвиненіе въ подлогѣ акта, на основаніи коего производится взысканіе (ст. 564 Уст. Гражд. Суд.). Между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ Баптизманскій самыхъ коносаментовъ, положенныхъ банкомъ въ основаніе своего иска, не признаетъ подложными, а ограничивается ссылкою на то обстоятельство, что коносаменты эти получены отъ него Гурфинкелемъ и Кутерманомъ обманнымъ образомъ. Но это обстоятельство, если бы оно и было вполнѣ доказано, не можетъ быть признано обстоятельствомъ, отъ разсмотрѣнія котораго зависѣло бы разрѣшеніе настоящаго гражданскаго дѣла. Законъ касательно правъ и обязанностей корабельщика или судовладѣльца по принятію и сдачѣ груза преподаетъ слѣдующія, между прочимъ, правила: принявъ на свой корабль или судно товаръ, для доставки по мѣсту назначенія, корабельщикъ выдаетъ каждому грузохозяину грузовую роспись—коносаментъ за своею подписью (ст. 335 и 336 Уст. Торг. т. XI ч. 2); засимъ по прибытіи на мѣсто назначенія сдаетъ этотъ грузъ тому, кто представитъ ему подписанный имъ коносаментъ (ст. 350 того же Устава); при этомъ (ст. 337 тамъ же) корабельщикъ подлежитъ отвѣту и отчету въ товарѣ, означенномъ въ выданной и подписанной имъ росписи, исключая тотъ только случай, когда доказанъ будетъ подлогъ чрезъ выскобленіе словъ или перемѣну въ буквахъ или цифрахъ. Эти правила закона въ основаніи своемъ имѣютъ тѣ свойства коносамента, въ силу которыхъ документъ этотъ съ одной стороны представляется удостовѣреніемъ корабельщика въ принятіи имъ извѣстнаго груза на судно, обязательствомъ его выдать таковой на мѣстѣ назна-

ченія въ показанномъ въ коносаментѣ видѣ и количествѣ, а съ другой стороны является, въ виду именно удостовѣренной имъ обязанности корабельщика сдать данный грузъ, предметомъ обращенія, посредствомъ передачи по надписямъ изъ рукъ въ руки. Это же послѣднее качество коносамента—передаваемость по надписямъ—стоитъ, конечно, въ непосредственной связи съ его содержаніемъ и имъ оправдывается, ибо правопреемникъ по коносаменту, очевидно, вѣритъ не правопредшественнику, а удостовѣренію коносамента, исходящему отъ корабельщика, согласно которому передаваемый грузъ-товаръ находится внѣ распоряженія передающаго право на оный. Сообразно этому и законъ (ст. 337) освобождаетъ корабельщика отъ отвѣтственности за грузъ предъ каждымъ правильнымъ предъявителемъ коносамента лишь по такому коносаменту, по коему *послѣ его выдачи* учиненъ былъ подлогъ, т. е. освобождаетъ отъ отвѣтственности въ томъ случаѣ, если неправильность, несоотвѣтствіе дѣйствительности коносамента произошла отъ незаконнаго, обманнаго дѣйствія, учиненнаго съ коносаментомъ послѣ того, какъ самый актъ вышелъ изъ сферы дѣйствій корабельщика, т. е. послѣ того, какъ коносаментъ имъ подписанъ и выданъ. Но если коносаментъ, будучи выданъ корабельщикомъ въ данномъ именно видѣ, тѣмъ не менѣе окажется не соотвѣтствующимъ дѣйствительности и не можетъ быть потому оправданъ въ отношеніи количества и качества товара, въ немъ обозначенныхъ, то хотя бы это несоотвѣтствіе и происходило отъ обманныхъ преступныхъ дѣйствій отправителя груза или другихъ лицъ, корабельщикъ не можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности по выданному имъ и въ подлинности имъ не оспариваемому коносаменту, потому что *онъ* введенъ былъ въ обманъ, ибо отъ него зависѣло предовратить таковой, избѣгая излишняго довѣрія къ виновнымъ въ ономъ лицамъ и не удостовѣрять своею подписью того, чего въ дѣйствительности не было. Нельзя найти никакихъ основаній подвергать послѣдствіямъ отъ этой ошибки судовладѣльца ни въ чемъ неповинное третье лицо—держателя по надписи подлиннаго коносамента—не принимавшее никакого участія въ обманномъ дѣяніи отправителя груза для полученія несоотвѣтствующаго дѣйствительности коносамента или другихъ лицъ по выдачѣ такового и непредувѣдомленное своевременно о такомъ обманѣ. Противное сему заключеніе, съ одной стороны освящало бы ненадлежащее отношеніе корабельщика къ своимъ обязанностямъ по принятію груза и выдачѣ коносамента въ ущербъ третьимъ лицамъ, не говоря уже о возможныхъ при такихъ условіяхъ злоупотребленіяхъ, (какъ напр., умышленной выдачи фиктивныхъ коносаментовъ съ цѣлью полученія подъ оные ссуды), а съ другой, лишало бы коносаменты какъ распорядительно товарную бумагу существеннаго, выработаннаго торговою жизнью, свойства ихъ—передаваемости, такъ какъ въ основаніи этого ихъ свойства лежитъ наличность гарантіи, что грузъ, на который выданъ коносаментъ, находится внѣ распоряженія передающаго этотъ актъ и долженъ быть, въ силу закона, сданъ

корабельщикомъ по предъявленіи ему коносамента, согласно принятой имъ на себя по оному обязанности. Въ виду изложенныхъ соображеній и принимая во вниманіе: 1) что въ настоящемъ случаѣ Московскій банкъ представляется правильнымъ держателемъ положенныхъ имъ въ основаніе своего иска коносаментовъ, такъ какъ одинъ (№ 56) писанъ на предъявителя, а другой переданъ ему по надписи (№ 44); 2) что противъ подлинности этихъ коносаментовъ Баптизманскій не споритъ; 3) что засимъ, если таковые получены были отъ Баптизманскаго предшествующими держателями ихъ посредствомъ незаконныхъ дѣйствій, которыя ввели его, Баптизманскаго, агента въ заблужденіе, то это обстоятельство, согласно вышеизложеннымъ соображеніямъ, никакого отношенія къ неимѣвшему основаній не вѣрить въ дѣйствительность самыхъ коносаментовъ и выдавшему потому подъ нихъ ссуду банку, въ этихъ незаконныхъ дѣйствіяхъ участія не принимавшему и не бывшему предувѣдомленнымъ своевременно Баптизманскимъ объ этомъ обстоятельствѣ, имѣть не можетъ, ибо отвѣтственнымъ за дѣйствія служившихъ у него лицъ является единственно ихъ хозяинъ, Баптизманскій, а можетъ имѣть единственнымъ своимъ послѣдствіемъ лишь взысканіе Баптизманскимъ, исключительно только и отвѣтственнымъ, какъ указано, передъ третьими лицами за соотвѣтствіе показаннаго въ выданномъ имъ или его довѣреннымъ коносаментѣ количества товара дѣйствительности, убытковъ съ Гурфинкеля и Кутермана, злоупотребившихъ его довѣріемъ,—Прав. Сенатъ не усматриваетъ зависимости разрѣшенія настоящаго гражданскаго дѣла отъ возбужденнаго апелляторомъ противъ Гурфинкеля и Кутермана уголовнаго преслѣдованія. А потому Прав. Сенатъ находитъ ходатайство Баптизманскаго о пріостановленіи настоящаго производства неподлежащимъ удовлетворенію. Переходя къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла по существу, Прав. Сенатъ находитъ: 1) что, какъ указано выше, банкъ представляется правильнымъ держателемъ коносаментовъ, положенныхъ имъ въ основаніе своего иска; 2) что по закону (ст. 350 Уст. Торг.) держатель коносамента вправѣ требовать отъ корабельщика сдачи показаннаго въ коносаментѣ груза, въ случаѣ же неисполненія послѣднимъ этого законнаго требованія—вправѣ, согласно 574 и 684 ст. т. X ч. 1, взыскивать съ него причиненные ему вслѣдствіе сего убытки, и 3) что посему, въ виду отказа Баптизманскаго отъ сдачи банку показанныхъ въ выданныхъ имъ же, Баптизманскимъ, коносаментахъ грузовъ, банкъ, на точномъ основаніи §§ 20 и 22 своего устава, вправѣ предъявить къ нему искъ объ убыткахъ, отъ такой несдачи для него послѣдовавшихъ. Отъ обязанности отвѣчать по этому иску не можетъ освободить Баптизманскаго то указываемое имъ обстоятельство, что агентъ его, Шаганскій, выдавъ Гурфинкелю и Кутерману коносаменты на непогруженный полностью товаръ, превысилъ данныя ему полномочія, заключавшіяся въ правѣ и обязанности „слѣдить за своевременною и правильною погрузкою судовъ и на нагруженные товары выдавать и подписывать коносаменты“, въ виду слѣдую-

щихъ соображеній: по ст. 24 Уст. Торг., хозяинъ отвѣчаетъ за дѣйствія приказчиковъ во всемъ томъ, что въ силу его порученія, приказанія или съ его вѣдома и воли учинено будетъ. Отсюда вытекаетъ, что хозяинъ не можетъ быть признанъ отвѣтственнымъ за тѣ только дѣйствія, *совершеніе* которыхъ не входило въ кругъ полномочія приказчика, а потому въ такихъ случаяхъ предъ третьими лицами, вошедшими съ приказчикомъ въ сношеніе по такому его дѣйствію, отвѣтственнымъ является исключительно сей послѣдній. Но въ отношеніи дѣйствій, совершенныхъ приказчикомъ *въ предѣлахъ даннаго ему порученія*, хозяинъ отвѣчаетъ имущественно за *внутреннюю* правильность таковыхъ, какъ за свои собственныя дѣйствія; такъ что, если приказчикъ, совершая дѣйствіе, на которое онъ уполномоченъ хозяиномъ, введетъ кого-либо отъ имени послѣдняго въ заблужденіе или обманъ, вообще учинитъ незаконное дѣяніе, то предъ этимъ третьимъ лицомъ въ имущественномъ ущербѣ, отъ обманнаго дѣйствія приказчика происшедшаго, отвѣчать долженъ его хозяинъ, который затѣмъ уже самъ можетъ вѣдаться съ своимъ приказчикомъ. Поэтому и въ настоящемъ случаѣ Баптизманскій долженъ отвѣчать предъ правильнымъ держателемъ выданныхъ по довѣренности его Шаганскимъ коносаментовъ—Московскимъ Международнымъ Торговымъ банкомъ во всемъ томъ, что въ оныхъ значится, а, между прочимъ, и за показанное въ этихъ коносаментахъ количество товара, несмотря на то, что таковые при самой выдачѣ ихъ не соотвѣтствовали, по объясненію апеллятора, дѣйствительному количеству погруженной Гурфинкелемъ и Кутерманомъ кукурузы. Отъ этой отвѣтственности Баптизманскій не можетъ быть освобожденъ, какъ это онъ полагаетъ, и въ виду того обстоятельства, что въ выданныхъ имъ коносаментахъ обусловлено, что „вѣсъ опредѣляется по заявленію отправителя“, потому, во 1-хъ, что въ этихъ коносаментахъ „заявленіе отправителя“, какъ основаніе послѣдующаго указанія коносамента, отнесено лишь къ „наименованію и объявленію товара“, а не къ количеству онаго, и во 2-хъ, что § 2-мъ напечатанныхъ на оборотѣ коносаментовъ условій Баптизманскому предоставляется во всякомъ случаѣ право повѣрки груза при погрузкѣ въ присутствіи отправителя или его повѣреннаго; поэтому, если онъ или агентъ его въ данномъ случаѣ сочли возможнымъ довѣриться Гурфинкелю и Кутерману и не воспользоваться означеннымъ правомъ, то онъ, Баптизманскій, и долженъ нести всю тяжесть послѣдствій этого предъ каждымъ третьимъ лицомъ, разъ оно является правильнымъ держателемъ коносамента, а слѣдовательно и предъ Московскимъ банкомъ, выдавшимъ Гурфинкелю и Кутерману ссуду въ виду именно содержанія коносаментовъ отвѣтчика. Равнымъ образомъ не заслуживаетъ уваженія ссылка апеллятора на § 6 условій, на оборотѣ коносаментовъ напечатанныхъ, на томъ основаніи, что означенный §, какъ это ясно изъ буквальнаго его смысла, слагаетъ съ Баптизманскаго отвѣтственность лишь за недостачу въ вѣсѣ, мѣрѣ или количествѣ товара, происходящую отъ естественныхъ причинъ, несчастій или

свойствъ товара, о чемъ въ настоящемъ случаѣ нѣтъ рѣчи. Что касается указанія апеллятора на то, что виновникомъ понесенныхъ банкомъ убытковъ является могилевскій агентъ банка Моргулисъ, который долженъ былъ, по его мнѣнію, поручить своему субъ-агенту въ Резинѣ при выдачѣ ссуды удостовѣриться въ наличности погруженнаго товара или увѣдомить его, Баптизманскаго, агента въ Дубассарахъ—мѣстности ближайшей къ мѣсту нагрузки—о желаніи своемъ выдать ссуду подъ коносаменты, или, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи, выдавъ ссуду, о переходѣ къ банку правъ по коносаментамъ, то таковое представляется неосновательнымъ, потому что агентъ банка, имѣя въ виду письменное удостовѣреніе агента Баптизманскаго—коносаменты, и не имѣя повода сомнѣваться въ правильности содержащихся въ нихъ указаній, не имѣлъ основаній и наводить у него справки и производить провѣрку груза, на который выданы были коносаменты, и такимъ образомъ онъ и могъ только ограничиться лишь увѣдомленіемъ самого банка о переходѣ къ банку означенныхъ коносаментовъ. Наконецъ, должно быть признано лишеннымъ значенія указаніе апеллятора на превышеніе агентомъ его Шаганскимъ предѣловъ предоставленныхъ ему довѣренностью полномочій, учиненіемъ на одномъ изъ коносаментовъ (№ 44) надписи о ручательствѣ за вѣсъ погруженнаго товара, такъ какъ искъ банка основанъ не на этой надписи, а на свѣдѣніяхъ о количествѣ погруженнаго товара, имѣющихся въ самомъ коносаментѣ и обязательныхъ для Баптизманскаго согласно изложеннымъ выше соображеніямъ, помѣстить каковыя свѣдѣнія агентъ Баптизманскаго при выдачѣ коносамента не только былъ вправѣ, но и обязанъ. Такимъ образомъ всѣ объясненія апеллятора, клонящіяся къ сложенію съ него отвѣтственности по составляющимъ предметъ дѣла коносаментамъ, должны быть признаны незаслуживающими уваженія, а за симъ не подлежитъ удовлетворенію и ходатайство его о допросѣ свидѣтелей въ подтвержденіе того, что Гурфинкелемъ и Кутерманомъ былъ нагруженъ не полный грузъ, какъ обстоятельства, для даннаго дѣла въ виду изложеннаго безразличнаго. Переходя наконецъ къ спору Баптизманскаго относительно размѣра отыскиваемыхъ съ него банкомъ убытковъ, Прав. Сенатъ находитъ, что настоящій искъ предъявленъ къ Баптизманскому банкомъ не въ качествѣ залогодержателя, каковымъ банкъ является въ отношеніи только Гурфинкеля и Кутермана, а въ качествѣ держателя коносаментовъ, благодаря каковому держательству банкъ пріобрѣлъ, въ силу упомянутой ст. 350 Уст. Торг., право требовать отъ Баптизманскаго сдачи значащагося въ коносаментахъ товара, а вслѣдствіе отказа его исполнить это требованіе—искать съ него убытки. Посему всѣ разсужденія апеллятора о томъ, что банкомъ выдана была Гурфинкелю и Кутерману ссуда въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ это ему позволялъ уставъ банка (не свыше $^2/_3$ стоимости товара) и что въ отыскиваемую банкомъ на основаніи залоговыхъ объявленій сумму входятъ кромѣ ссуды подъ кукурузу какіе-то авансы, не могутъ имѣть въ настоящемъ случаѣ никакого значенія. Споръ апеллятора Баптизманскаго можетъ заключаться

лишь въ указаніи на то, что размѣръ отыскиваемой банкомъ, какъ понесеннаго отъ несдачи ему товара убытка, суммы не оправдывается дѣйствительною стоимостью товара, которая не могла бы дать банку по реализаціи товара ту сумму, которую онъ ищетъ. Такое основаніе спора противъ иска банка представляется правильнымъ, ибо, если бы доказанный—въ настоящемъ случаѣ залоговыми объявленіями Гурфинкеля и Кутермана—убытокъ банка по пріобрѣтенію имъ отъ сихъ послѣднихъ коносаментовъ, путемъ ли выдачи подъ оные ссудъ или покупки оныхъ, превышалъ стоимость показаннаго въ коносаментахъ, но несданнаго банку товара, то, очевидно, банкъ вправѣ былъ бы искать только дѣйствительную стоимость товара, которая могла бы быть имъ выручена отъ продажи такового, а не сумму убытковъ своихъ, превышающую означенную стоимость. Обращаясь съ этой точки зрѣнія къ разсмотрѣнію представленныхъ апелляторомъ данныхъ и соображеній относительно стоимости кукурузы, которую онъ не былъ въ состояніи сдать банку, Прав. Сенатъ находитъ правильнымъ указаніе апеллятора на то, что на погашеніе расходовъ банка по коносаментамъ могла бы пойти только сумма, очистившаяся отъ продажи товара на покрытіе обязательныхъ, сопряженныхъ съ этою продажею расходовъ. Эти расходы, по объясненію апеллятора, составляютъ фрахтъ, рѣчной сборъ и накладные расходы по нагрузкѣ, выгрузкѣ и сдачѣ кукурузы въ Одессѣ. Относительно этихъ расходовъ Прав. Сенатъ находитъ, что погашеніе неуплаченныхъ фрахта и рѣчного сбора, очевидно, было бы неизбѣжно для Московскаго Международнаго Банка при полученіи имъ отъ Баптизманскаго кукурузы, но нельзя того же признать относительно указываемыхъ апелляторомъ накладныхъ расходовъ, потому что изъ нихъ расходы по нагрузкѣ, если они не вошли въ стоимость фрахта и потому не значатся по коносаментамъ, должны предполагаться произведенными уже отправителями груза, а слѣдовательно, оплатѣ вновь получателемъ груза по коносаментамъ—банкомъ подлежать, очевидно, не могли, расходы же по выгрузкѣ изъ берлинъ и доставкѣ въ г. Одессу являлись бы для банка обязательными лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ имѣлъ въ виду или необходимость продать кукурузу именно со складовъ въ Одессѣ, а не съ берлинъ для вывоза за границу; но перваго обстоятельства апелляторъ ничѣмъ не доказываетъ, повѣренный же банка, Рабиновичъ, утверждаетъ второе—что кукуруза должна была быть продана именно для экспорта, при каковой продажѣ, по объясненію Рабиновича, неоспариваемому Баптизманскимъ, владѣлецъ хлѣба, погруженнаго въ берлинахъ или баржахъ, избѣгаетъ расходовъ по выгрузкѣ онаго и доставкѣ въ г. Одессу, такъ что эти расходы не могутъ быть признаны неизбѣжными при реализаціи банкомъ товара, который онъ долженъ былъ получить отъ Баптизманскаго. Такимъ образомъ изъ продажной стоимости означеннаго товара для опредѣленія чистой выручки за оный въ пользу банка должны быть исключены лишь расходы на неуплаченные фрахтъ и рѣчной сборъ. Обращаясь съ изложенной точки зрѣнія

къ опредѣленію сказанной чистой выручки въ пользу банка, Прав. Сенатъ находитъ, что по представленнымъ банкомъ коносаментамъ эти неизбѣжные для банка при полученіи по онымъ товара расходы составятъ на пудъ: по коносаменту № 44 на 10 т. п. кукурузы—фрахтъ 7 к. и рѣчной сборъ 1/4% или, по неоспоренному истцомъ исчисленію апеллятора, около 1/2 коп. съ пуда, а всего 7 1/2 коп.; по коносаменту № 56 на 12 т. п. кукурузы лишь фрахтъ—6,8 коп. (а не 8 к., какъ ошибочно, вопреки указанію коносамента, считаетъ апелляторъ), такъ какъ рѣчной сборъ по этому документу, какъ въ немъ отмѣчено, уже уплаченъ. Выведенный размѣръ обязательныхъ расходовъ на пудъ товара, которые банкъ долженъ былъ бы понести, принявъ отъ Баптизманскаго кукурузу и продавъ ее, слѣдуетъ вычесть изъ средней цѣны между цѣнами, удостовѣренными Одесскимъ гофъ-маклеромъ для періодовъ времени отъ 7 до 30 іюня и отъ 7 до 30 іюля 1896 г., и такимъ образомъ получится тотъ чистый остатокъ, который банкъ имѣлъ бы отъ продажи несданнаго ему Баптизманскимъ хлѣба. Для 10 т. пудовъ кукурузы по коносаменту № 44 отъ 3 іюня 1896 г. средняя цѣна опредѣляется въ 44 к. (отъ 43 до 45 к.) пудъ, а за вычетомъ обязательныхъ расходовъ 7 1/2 коп. на пудъ, чистый въ пользу банка остатокъ долженъ быть принятъ въ 36 1/2 коп. на пудъ, а на 10 т. пудовъ 3.650 руб. Для партіи кукурузы въ 12 т. пудовъ по коносаменту № 56 отъ 24 іюня 1896 г. средняя цѣна 42 1/2 коп. (отъ 41 до 44 к.), а чистый остатокъ 35,7 к. на пудъ (42 1/2—6,8=35,7), такъ что за всю партію банкъ могъ бы выручить за покрытіемъ расхода по уплатѣ фрахта 4.284 руб., а всего по обоимъ коносаментамъ 7.934 р. Изъ приведеннаго разсчета, такимъ образомъ, оказывается, что по реализаціи товара, который не былъ ему вопреки коносаментамъ сданъ Баптизманскимъ, банкъ могъ бы выручить, за покрытіемъ неизбѣжныхъ расходовъ, сумму, превышающую ту, которая составляетъ предметъ настоящаго его требованія (7.713 р. 66 к.). Что же касается принятія апелляторомъ стоимости означенной кукурузы въ 41 к. на основаніи показанія по этому предмету Шаганскаго судебному слѣдователю, то таковое не можетъ быть признано правильнымъ, ибо это показаніе теряетъ всякое значеніе въ виду представленныхъ къ дѣлу удостовѣреній гофъ-маклера и къ тому же по содержанію своему имѣетъ характеръ предположительнаго соображенія. Признавая по изложеннымъ основаніямъ, что заявленный банкомъ размѣръ убытковъ его по представленнымъ имъ коносаментамъ Баптизманскаго, не оправданнымъ симъ послѣднимъ (7.713 р. 66 к.), ниже дѣйствительной, за покрытіемъ обязательныхъ расходовъ, стоимости не сданной ему отвѣтчикомъ кукурузы (7.894 р.), а потому признаніе Ком. Судомъ иска банка объ этихъ убыткахъ подлежащимъ удовлетворенію представляется вполнѣ правильнымъ и имѣя въ виду, что къ удовлетворенію ходатайства апеллятора о выдачѣ ему свидѣтельства на полученіе справки изъ Новоселицкой таможни о времени выбытія Гурфинкеля за границу и возвращенія оттуда, не пред-

ставляется основаній, ибо справкою этою апелляторъ желаетъ доказать, что Гурфинкель не могъ подписать залоговыхъ объявленій банку 10 іюня 1896 г., находясь за границею, каковое обстоятельство рѣшающаго для настоящаго дѣла значенія не имѣетъ,—Прав. Сенатъ рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда утвердилъ (1897 г., № 672). Ср. сб. Нос. I, 285, 370; V, 83.

394|267. Значеніе коносамента *).

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что обсужденію его въ дѣлѣ подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли С.-Петербургскій Коммерческій Судъ удовлетворилъ исковыя требованія Андреева о признаніи за нимъ права собственности на 232 кипы хлопчатобумажнаго тряпья, прибывшія на пароходѣ „Оберъ-бургомистръ Гагенъ“ и 54 кипы такого же тряпья, прибывшія на пароходѣ „Леопольдъ“. Андреевымъ, въ подтвержденіе права собственности на товаръ, прибывшій съ пароходомъ „Оберъ-бургомистръ Гагенъ“, по коносаменту отъ 19 іюля 1902 г., за подписью Николли и съ пароходомъ „Леопольдъ II“, по коносаменту отъ 25 іюля 1902 г. за подписью Мейера,—представлены слѣдующія доказательства: 1) договоръ его, Андреева, съ Берлинской фирмой „Леви и Штритъ“ отъ 21 іюня 1902 г.; 2) письма этой же фирмы на имя Андреева отъ 18 и 25 іюля; 3) счета отъ 18, 25 и 30 іюня; 4) торговыя книги его, Андреева, и, 5) письмо Московскаго купеческаго банка отъ 2 августа 1902 г. на имя Андреева. Этими данными устанавливается, что спорный товаръ былъ высланъ фирмою „Леви и Штритъ“ Андрееву, какъ пріобрѣтенный имъ по договору, изложенному въ письмѣ этой фирмы отъ 21 іюня 1902 г. и что его коносаменты на спорный товаръ были С.-Петербургской конторой Московскаго купеческаго банка переданы Андрееву, по учиненіи имъ платежа наличными деньгами и срочными векселями. Возраженія противъ иска Андреева со стороны отвѣтчика Щербакова, сводятся къ указанію, что спорный товаръ былъ пріобрѣтенъ имъ отъ Андреева и, въ подтвержденіе своего возраженія, отвѣтчикъ ссылается на то, что тогда же были переданы по бланковой надписи Андреева и коносаменты на товаръ и что коносаменты на предъявителя, на основаніи 3 п. Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 15 мая 1901 г., устанавливаютъ право собственности на товаръ за тѣмъ, кто является держателемъ коносамента. Входя въ обсужденіе спора сторонъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что истецъ, отыскивающій право собственности на имущество, не находящееся въ его обладаніи, обязанъ прежде всего, доказать, что онъ собственникъ отыскиваемаго имущества, т. е. представить надлежащія доказательства о пріобрѣтеніи имъ сего имущества

*) См. рѣшеніе Гражд. Касс. еп. 1912 г., по д. Зеберга съ Кетли, въ отдѣлѣ о кораблекрушеніи, № 481.

на правѣ собственности, а отвѣтчикъ съ своей стороны, если онъ отвергаетъ право истца, обязанъ доказать, что право собственности истца не наступало или перестало существовать и пріобрѣтено имъ, отвѣтчикомъ. Переходя отъ этихъ общихъ положеній къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ не можетъ согласиться съ доводами отвѣтчика о значеніи коносаментовъ, какъ доказательства права собственности. По значенію своему и какъ это неоднократно разъяснялось Правительствующимъ Сенатомъ коносаментъ, употребляемый въ морской перевозкѣ, есть ничто иное, какъ удостовѣреніе капитана судна о принятіи на судно груза для перевозки въ другое мѣсто и объ условіяхъ этой перевозки, дающее лицу, на имя котораго коносаментъ писанъ, право получить отъ капитана показанный въ коносаментѣ грузъ, но онъ вовсе не устанавливаетъ самъ по себѣ права собственности держателя сего документа на этотъ грузъ, каковое право можетъ быть установляемо совершенно независимо отъ коносамента. Ссылка повѣренныхъ отвѣтчика въ этомъ отношеніи на 3 п. Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 15 мая 1901 г. представляется неуважительною, такъ какъ въ этомъ законѣ, который вошелъ всецѣло въ Уставъ Таможенный, изданія 1904 г. указано лишь, что лицо, на имя котораго товаръ адресованъ по грузовымъ документамъ (коносаментамъ) и накладнымъ, или которому онъ переданъ установленнымъ порядкомъ,—признается товарохозяиномъ (ст. 361 Уст. Тамож., изд. 1904 г.); если же грузовые документы написаны на предъявителя (на ордеръ), то товарохозяиномъ признается держатель дубликата; такимъ образомъ смыслъ сего закона заключается въ указаніи, что распорядителемъ товара, товарохозяиномъ въ сношеніяхъ съ таможнею признается держатель коносамента. Но право распоряженія товаромъ, въ силу удержанія коносамента и признаніе товарохозяиномъ въ сношеніяхъ съ таможнею, не исключаетъ еще права собственности на товаръ, означенный въ коносаментѣ, другого лица. Исходя изъ этихъ соображеній нельзя не придти къ тому выводу, что сами по себѣ коносаменты, для разрѣшенія настоящаго дѣла имѣютъ лишь значеніе удостовѣренія тождества спорнаго товара съ пріобрѣтеннымъ Андреевымъ отъ фирмы „Леви и Штритъ“. Затѣмъ, пріобрѣтеніе Андреевымъ права собственности на товаръ, прибывшій по вышеозначеннымъ коносаментамъ, устанавливается, какъ указано выше, представленными къ дѣлу истцомъ документами, а именно письмами фирмы „Леви и Штритъ“ и С.-Петербургской конторы Московскаго купеческаго банка. Послѣдующій же переходъ права собственности на указанный товаръ къ Щербакову представляется недоказаннымъ. Послѣдній, въ подтвержденіе своего права на означенный товаръ, ссылается единственно на передачу ему Андреевымъ коносаментовъ, вслѣдствіе состоявшейся между ними сдѣлки купли продажи товара, но самая сдѣлка купли-продажи ничѣмъ Щербаковымъ не доказана. Изъ показаній допрошенныхъ по ссылкѣ повѣреннаго отвѣтчика свидѣтелей видно, что Андреевъ пріѣзжалъ къ

Щербакову на фабрику по дѣлу продажи тряпья, но состоялась ли между ними сдѣлка купли-продажи тряпья по коносаментамъ, изъ показанія свидѣтелей вывести нельзя. Напротивъ того, изъ показаній свидѣтелей, допрошенныхъ по ссылкѣ повѣреннаго Андреева, слѣдуетъ, что товаръ и послѣ передачи коносаментовъ Щербакову считался принадлежащимъ Андрееву. При такомъ положеніи дѣла, въ виду того, что одна передача коносамента, если она не сопровождалась сдѣлкою о переходѣ къ лицу, его получившему, права собственности на товаръ, не устанавливаетъ еще за держателемъ коносамента права собственности на товаръ,—Правительствующій Сенатъ призналъ обжалованное по настоящему дѣлу рѣшеніе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда отмѣнѣ не подлежащимъ (1906 г., № 813).

395|268. Банковыя или иныя учрежденія, выдающія ссуды подъ отправляемые на корабляхъ грузы, должны обезпечивать себя коносаментами грузоотправителей и, не обезпечивъ себя этимъ путемъ, не могутъ привлекать корабельщика къ отвѣтственности за недостачу товара на основаніи другихъ произвольно составленныхъ документовъ или надписей, удостовѣряющихъ право упомянутыхъ учрежденій на перевозимый товаръ.

По буквальному смыслу ст. ст. 335, 336, 337 и 350 Уст. Торг., которыя, согласно ст. 88 Уст. Пут. Сообщ. т. XII ч. 1, должны примѣняться и къ наймамъ подъ грузы рѣчныхъ судовъ, корабельщикъ или судовладѣлецъ, принявъ на свой корабль или судно товаръ для доставки въ мѣсто назначенія, обязанъ выдать каждому грузохозяину грузовую роспись, накладную, коносаментъ за своею подписью и засимъ, по прибытіи на мѣсто назначенія, сдать этотъ грузъ тому, кто предъявитъ ему означенный коносаментъ, по которому корабельщикъ-судовладѣлецъ и является, такимъ образомъ, отвѣтственнымъ въ товарѣ, принятомъ имъ для доставки. Въ силу сего, банковыя учрежденія, выдавая товарохозяевамъ ссуды подъ ихъ грузъ, требуютъ обыкновенно отъ нихъ представленія выданнаго имъ на оный коносамента, который и остается въ распоряженіи банковаго учрежденія впредь до погашенія получателемъ ссуды своего долга въ уговоренный срокъ; при неплатежѣ же сего долга въ срокъ, коносаментъ служитъ банковому учрежденію для полученія отъ корабельщика, на общемъ основаніи, груза, обезпечивающаго выданную ссуду. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, корабельщикъ-судовладѣлецъ является отвѣтственнымъ предъ банковымъ учрежденіемъ, какъ предъявителемъ коносамента по содержанію его, а если не можетъ оправдать такового—не окажется показаннаго въ коносаментѣ товара,

или товаръ будетъ не въ надлежащемъ видѣ по небреженію корабельщика, судовладѣльца и т. п.,—то является отвѣтственнымъ предъ банковымъ учрежденіемъ за понесенные имъ отъ того убытки. Но такой отвѣтственности предъ банковымъ учрежденіемъ не можетъ быть для судовладѣльца-корабельщика въ томъ случаѣ, если первое, выдавъ подъ погруженный товаръ ссуду, не обезпечило себѣ полученія груза при неплатежѣ ему хозяиномъ груза долга по оказанной ссудѣ, путемъ отобранія отъ него грузовой росписи (коносамента) или другого равносильнаго документа, на основаніи котораго грузъ и можетъ только быть истребованъ отъ корабельщика, и такимъ образомъ даетъ возможность товарохозяину помимо банковаго учрежденія получить отъ корабельщика товаръ и распорядиться таковымъ, несмотря на то, что выданная подъ товаръ ссуда остается непогашенною. Изъ представленныхъ къ настоящему дѣлу отвѣтчикомъ Баптизманскимъ: а) коносаментовъ за 1896 годъ, которые выдаваемы были имъ на перевозку грузовъ какъ на баржахъ, такъ и на паромахъ; б) ордеровъ Московскаго Международнаго Банка на имя Русскаго для внѣшней торговли банка въ Одессѣ, относящихся къ этимъ коносаментамъ по выданнымъ Московскимъ банкомъ подъ значащіеся въ оныхъ товары ссудамъ, и в) письма Рыбницкаго агентства Московскаго банка на имя довѣреннаго Баптизманскаго, Шаганскаго, отъ 12 августа 1896 года, видно, что указанный выше установленный закономъ порядокъ удостовѣренія корабельщикомъ принятія для перевозки грузовъ практиковался и пароходствомъ Баптизманскаго, а именно: Баптизманскимъ выдавались, между прочимъ и по Днѣстровскому агентству, коносаменты на погруженные на его паромы и баржи товары, и что, выдавая подъ таковые товары ссуды, Московскій Международный Банкъ требовалъ отъ ссудополучателей представленія коносаментовъ пароходства Баптизманскаго, которые имъ передавались названному выше Русскому банку для выдачи товарохозяевамъ, по погашеніи ими своего долга. Соотвѣтственно сему, Баптизманскій, довѣренностью 28 мая 1896 г., поручая Герману завѣдываніе Днѣстровскимъ его пароходствомъ и уполномочивая его фрахтовать паромы, баржи и берлины отъ всѣхъ пунктовъ рѣки Днѣстра до Рыбницы, Варницъ и Одессы, предоставилъ ему право, вмѣстѣ съ полученіемъ задатковъ и фрахтовъ, выдавать именно и исключительно коносаменты; на выдачу же какихъ-либо другихъ обязательствъ по погрузкѣ и доставкѣ товаровъ Баптизманскій Германа не уполномочивалъ. Между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ, вопреки объясненному порядку, соблюдавшемуся обыкновенно Московскимъ Международнымъ Банкомъ въ отношеніи выдачи ссудъ подъ товары, погруженные на судахъ Баптизманскаго, и вопреки содержанію даннаго послѣднимъ Герману полномочія, банкъ, оказывая кредитъ Спиваку, не счелъ нужнымъ потребовать отъ него представленія коносамента, выданнаго ему пароходствомъ Баптизманскаго на заявленный имъ грузъ, а удовольствовался, по его собственному объясненію, вышеприведенными надписями на оборотѣ заявленій Спивака банку, снабженными подписью Германа, на основаніи

которыхъ банкъ и считаетъ себя въ настоящее время вправѣ требовать отъ Баптизманскаго возмѣщенія убытка отъ несдачи товара Спивака. Въ виду этого обстоятельства и принимая во вниманіе: 1) что означенныя надписи на обязательствахъ Германа не могутъ быть сочтены за документъ, равносильный коносаменту, на выдачу котораго только онъ и былъ уполномоченъ Баптизманскимъ, независимо отъ содержанія ихъ, уже по одному тому, что въ отношеніи выдачи Германомъ коносаментовъ Баптизманскій могъ имѣть всегда надлежащее наблюденіе, на основаніи остававшихся въ управленіи пароходства корешковъ этихъ документовъ и слѣдить за правильностью какъ принятія, такъ и сдачи товаровъ, на которые выданы были коносаменты, тогда какъ обязательства, принятыя Германомъ на себя предъ банкомъ, ускользали отъ контроля Баптизманскаго; 2) что мнѣніе суда о томъ, что права Германа на выдачу, помимо коносаментовъ, всякаго рода удостовѣреній въ принятіи имъ за счетъ Баптизманскаго грузовъ для перевозки вытекаетъ изъ даннаго ему послѣднимъ уполномочія по завѣдыванію Днѣстровскимъ пароходствомъ, по зафрахтованію паромовъ и проч.,—представляется неправильнымъ, ибо включеніе въ довѣренность Германа спеціальной оговорки относительно предоставляемаго ему способа удостовѣренія принятія грузовъ для перевозки,—выдачею, за его подписью коносаментовъ,—должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что выдача Германомъ обязательствъ по тому же предмету въ иной формѣ Баптизманскимъ прямо воспрещалась и признавалась имъ для себя необязательною; 3) что, по смыслу 24 ст. Уст. Торг. и 2326 ст. X т. 1 ч., хозяинъ-довѣритель можетъ быть признанъ отвѣтственнымъ передъ третьими лицами по такимъ дѣйствіямъ и обязательствамъ своего служащаго-повѣреннаго, хотя бы совершеннымъ и ко вреду довѣрителя, которыя учинены въ силу его порученія, приказанія, или съ его вѣдома и воли, и входятъ въ кругъ даннаго ему уполномочія, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, при такихъ условіяхъ, не представляется достаточныхъ основаній къ признанію Баптизманскаго обязаннымъ отвѣчать по принятому Германомъ отъ Спивака для перевозки спорному грузу предъ ссудодателемъ Московскимъ Международнымъ Банкомъ. Что касается того, утверждаемаго повѣреннымъ Московскаго Международнаго Банка Рабиновичемъ, обстоятельства, что Германъ, выдавая, при принятіи грузовъ на суда Баптизманскаго для доставки отъ какой-либо пристани рѣки Днѣстра до Одессы, коносаменты, ограничивался, принимая грузы для перевозки отъ одной пристани Днѣстра до другой (Варницы), гдѣ грузъ подлежалъ дальнѣйшей отправкѣ по желѣзной дорогѣ, лишь выдачею росписокъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящемъ дѣлѣ,—то это обстоятельство, если бы оно даже и могло быть установлено на основаніи показаній свидѣтелей, на которыхъ Рабиновичъ ссылается, не могло бы, тѣмъ не менѣе, создать, вопреки изложеннымъ выше соображеніямъ, отвѣтственности Баптизманскаго предъ банкомъ за грузъ Спивака, на томъ основаніи, что выдача Германомъ, въ извѣстныхъ случаяхъ,

вмѣсто коносаментовъ, росписокъ, не соотвѣтствующихъ ни требованіямъ закона, ни содержанію даннаго ему Баптизманскимъ уполномочія, во всякомъ случаѣ являлась бы дѣйствіемъ неправильнымъ, а потому не могла бы служить какимъ-либо оправданіемъ въ настоящемъ дѣлѣ способа удостовѣренія Германомъ принятія груза отъ Спивака и обязанности сдать оный въ Варницахъ комиссіонеру Международнаго Банка и не могла бы создать, въ силу изложенныхъ соображеній, обязательности такого рода удостовѣренія для Баптизманскаго. Вслѣдствіе сего, ссылка Рабиновича на свидѣтелей съ цѣлью установить, что надписи Германа на заявленіяхъ Спивака, лежащія въ основаніи иска банка, не составляютъ единичнаго случая,—обстоятельства, не могущаго, какъ объяснено выше, служить доказательствомъ правильности иска банка,—не подлежитъ удовлетворенію. Равнымъ образомъ, не заслуживаетъ уваженія указаніе Рабиновича на то, что мѣсто назначенія груза Спивака—Одесса—не совпадало съ мѣстомъ разгрузки судна, на которомъ таковой долженъ былъ быть перевезенъ по рѣкѣ Днѣстру,—Варницы,—какъ на обстоятельство, дѣлавшее выдачу коносамента на этотъ грузъ излишнею: въ разсматриваемомъ случаѣ, коносаментъ, который Германъ, дѣйствуя по довѣренности и за счетъ Баптизманскаго, долженъ былъ выдать Спиваку, а сей послѣдній передать банку, подлежалъ бы пересылкѣ агенту банка въ Варницахъ для полученія груза съ судна и отправкѣ его по желѣзной дорогѣ въ Одессу, гдѣ, какъ видно изъ ордеровъ банка Русскому для внѣшней торговли банку, Спиваку и должны были быть выданы накладныя, по учиненіи имъ Русскому банку платежа, за счетъ Московскаго банка, показанныхъ въ ордерахъ суммъ. Наконецъ, то обстоятельство, что Германомъ выданы были Спиваку, для застрахованія его товара, чековые талоны, на основаніи генеральнаго полиса Баптизманскаго въ обществѣ „Русскій Ллойдъ“, не можетъ имѣть, вопреки мнѣнію Рабиновича, никакого значенія потому, что выдача Германомъ означенныхъ талоновъ при отсутствіи выдачи имъ на грузъ Спивака установленныхъ закономъ и практикою пароходства Баптизманскаго грузовыхъ документовъ, не можетъ сама по себѣ служить доказательствомъ поступленія спорнаго товара въ распоряженіе Баптизманскаго, равно какъ не можетъ сообщить надписямъ Германа на заявленіяхъ Спивака банку неприсущее имъ, по ихъ свойству, значеніе. По симъ соображеніямъ, не касаясь даже возбужденнаго Баптизманскимъ вопроса о томъ, рукою ли Германа написаны на заявленіяхъ Спивака слова: „по довѣренности“,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что Баптизманскій не можетъ быть признанъ отвѣтственнымъ предъ Московскимъ Международнымъ Банкомъ въ какой бы то ни было мѣрѣ по сдѣлкѣ, выраженной въ надписяхъ на заявленіяхъ Спивака банку отъ 14 іюля и 6 сентября 1896 года.—Правильность этого вывода подтверждается и слѣдующими, имѣющимися въ дѣлѣ данными: въ ордерахъ, выданныхъ банкомъ 14 іюля и 6 сентября 1896 г. за №№ 410 и 493 на имя Русскаго для внѣшней торговли банка въ Одессѣ, судовладѣльцемъ показанъ

Германъ. Въ надписи отъ 6 сентября прямо значится, что грузъ принятъ на паромъ Германа („на мой паромъ"). Хотя, въ отношеніи этого послѣдняго обстоятельства, истецъ и указываетъ на то, что, согласно представленныхъ имъ удостовѣреній начальниковъ 2-ой и 3-й Судоходныхъ Дистанцій Днѣстровскаго Отдѣленія Кіевскаго округа отъ 17 и 18 ноября 1897 года за №№ 256 и 343, у Германа не было вовсе своихъ паромовъ, почему онъ не могъ, по мнѣнію истца, принимать обязательствъ на доставку грузовъ,—но это указаніе не можетъ быть принято во вниманіе потому, во-первыхъ, что означенными удостовѣреніями устанавливается лишь отсутствіе оффиціальныхъ свѣдѣній о паромахъ, принадлежавшихъ въ навигацію 1896 года Герману, что не исключаетъ, однако, возможности, что въ дѣйствительности въ распоряженіи Германа и были какіе-либо паромы, если не на правѣ собственности, то въ силу арендованія и, во-вторыхъ, что, во всякомъ случаѣ, такимъ же удостовѣреніемъ Начальника 3-й Судоходной Дистанціи Днѣстровскаго Отдѣленія Кіевскаго округа, отъ 19 сентября 1897 г. № 281, доказано, что у Баптизманскаго въ навигацію 1896 года паромовъ за указанными въ заявленіяхъ Спивака, въ ордерахъ банка и въ страховыхъ талонахъ №№-ми,—не имѣлось. Это послѣднее обстоятельство еще болѣе подтверждаетъ правильность вывода о томъ, что Германъ не можетъ быть признанъ дѣйствовавшимъ по вышеозначеннымъ обязательствамъ на основаніи даннаго ему Баптизманскимъ полномочія. Что касается объясненія Рабиновича о томъ, что сказанные номера суть номера страховыхъ талоновъ, то это объясненіе не можетъ заслуживать уваженія, въ виду того, что изъ представленныхъ Баптизманскимъ: выписки изъ страхового полиса, выданнаго ему „Русскимъ Ллойдомъ", на основаніи котораго Баптизманскій могъ выдавать страховые талоны по отдѣльнымъ страховкамъ, выданныхъ Баптизманскимъ талоновъ, коносаментовъ Баптизманскаго и ордеровъ банка видно, что въ ордерахъ и страховыхъ талонахъ паромы должны обозначаться не по номерамъ страховыхъ документовъ,—какъ объясняетъ въ настоящее время истецъ,—а по оффиціально присвоеннымъ имъ номерамъ. Ничего противнаго указанному порядку не удостовѣряетъ и представленное истцомъ письмо агента Общества „Русскій Ллойдъ", Паита, отъ 15 мая 1895 года, въ которомъ говорится лишь о томъ, что страхователямъ вмѣняется въ обязанность проставлять на судахъ номера страховыхъ полисовъ или талоновъ, а вовсе не о томъ, чтобы подъ сими послѣдними именно номерами должны были обозначаться суда въ страховыхъ полисахъ или талонахъ; въ виду сего, ходатайство повѣреннаго банка, Рабиновича, о допросѣ Паита въ подтвержденіе означеннаго его письма представляется лишеннымъ значенія. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, не признавая за Московскимъ Международнымъ Торговымъ Банкомъ права на какое-либо требованіе къ Баптизманскому по поводу вышесказаннаго товара Спивака, Правительствующій Сенатъ находитъ, что противное сему рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда, присудившаго въ пользу банка съ Баптизманскаго 3.038 руб.

15 коп.,—сумму непогашенной Спивакомъ банку ссуды,—и отказавшаго банку лишь въ требованіи процентовъ на эту сумму со дня просрочекъ въ погашеніи ссуды 344 руб. 66 коп., подлежитъ измѣненію и банку надлежитъ отказать во всемъ его искѣ къ Баптизманскому. А потому Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: въ измѣненіе состоявшагося по сему дѣлу рѣшенія Одесскаго Коммерческаго Суда, отказать Московскому Международному Торговому Банку въ искѣ его съ отставного лейтенанта Ивана Баптизманскаго во всемъ его объемѣ (1898 г., № 524).

396 | **268**а. Предметомъ настоящаго дѣла является апелляціонная жалоба мѣщанки Козиной на рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда, коимъ отказано въ искѣ ея о признаніи права собственности на купленное ею у акціонернаго общества пароходства морского, рѣчного и сухопутнаго транспортовъ для Дальняго Востока конопляное масло и обязаніи агента парохода „Эдуардъ Бари“ выдать это масло Козиной при уплатѣ ему лишь по коносаментамъ фрахта. Основаніемъ къ отказу въ искѣ, какъ видно изъ рѣшенія Коммерческаго Суда, послужило то, что подъ товаръ, купленный Козиной была выдана ссуда Русско-Китайскимъ банкомъ. Въ своей апелляціонной жалобѣ повѣренный Козиной ссылается на то, что Русско-Китайскій банкъ не имѣетъ залогового, вещнаго права на спорный товаръ, такъ какъ товаръ этотъ, при заключеніи обязательства, не поступилъ во владѣніе банка, что засимъ банкъ не принималъ его къ себѣ на храненіе и не наложилъ на него внѣшнихъ признаковъ залога (печатей и проч.) и вообще не соблюлъ правилъ при закладѣ движимости, почему выданная банкомъ ссуда ничѣмъ не можетъ стѣснять правъ его довѣрительницы. Изъ представленныхъ къ дѣлу документовъ видно: 1) что въ обязательствѣ, выданномъ 4 іюля 1902 г. „Курбатовымъ и К°“, объ уплатѣ черезъ мѣсяцъ Русско-Китайскому банку 10.000 р., полученныхъ подъ залогъ спорнаго коноплянаго масла въ графѣ „наименованіе залога“ значится: 10 т. пудовъ коноплянаго масла, хранящагося въ складахъ „Курбатовъ и К°“ и застрахованныхъ въ Сѣверномъ обществѣ за № 876.447 въ 15.000 р. и засимъ *означенное масло отправлено* въ Одессу по квитанціи „Курбатовъ и К°“ за № 2163/742, 2) что на представленной отвѣтчикомъ *квитанціи транспортной* конторы „Курбатовъ и К°“ о доставленіи изъ Харбина до Одессы въ адресъ Русско-Китайскаго банка коноплянаго масла 3.441 мѣста, вѣсомъ 8.344 пуд., *время выдачи ея отмѣчено августомъ 1902 г.*, и 3) что *счетъ* акціонернаго общества пароходства морского, рѣчного и сухопутнаго транспортовъ на продажу Козиной 8.400 пуд. коноплянаго масла *датированъ 12 ноября 1902 г.* Обращаясь къ разсмотрѣнію дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что по Высочайше утвержденному уставу Русско-Китайскаго банка, опубликованному въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства

№ 194, 18 декабря 1895 г. (гл. 11 § 14 ст. 1 и 2 б.), Русско-Китайскій банкъ имѣетъ право производить ссуды по коносаментамъ, свидѣтельствамъ товарныхъ складовъ, квитанціямъ транспортныхъ конторъ, причемъ, какъ видно изъ текста этого устава, банкъ, выдавъ ссуды, пріобрѣтаетъ залоговое, вещное право на товаръ, ибо въ уставѣ сказано, что товаръ, по документамъ коего выдана ссуда, долженъ быть застрахованъ по крайней мѣрѣ однимъ мѣсяцемъ далѣе *срока залога*. Какъ видно изъ вышеприведенныхъ документовъ, 4 іюля 1902 г. спорное масло было принято въ закладъ Русско-Китайскимъ банкомъ, засимъ было отправлено въ Одессу; причемъ банкъ, въ обезпеченіе выданныхъ денегъ взялъ представленную къ дѣлу квитанцію транспортной конторы „Курбатовъ и К°“ за № 2163/742, каковая замѣна заложеннаго масла квитанціей транспортной конторы произошла въ августѣ 1902 г., т. е. ранѣе покупки Козиной спорнаго масла, имѣвшей мѣсто 12 ноября 1902 г. Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что съ августа 1902 г. ссуда банка была обезпечена квитанціей транспортной конторы „Курбатовъ и К°“ и, такъ какъ вышеуказанное постановленіе п. б, ст. 2-й присваиваетъ ссудамъ банка по квитанціямъ товарныхъ конторъ силу закладного права и не обязываетъ банкъ при выдачѣ ссуды подъ квитанцію транспортной конторы сохранять у себя самый товаръ или накладывать на него внѣшніе признаки заклада движимости, то отсюда слѣдуетъ, что Русско-Китайскій банкъ, получивъ квитанцію конторы „Курбатовъ и К°“ на спорное масло, соблюлъ всѣ требованія своего устава и пріобрѣлъ закладное право на это масло до продажи его Козиной. Засимъ, всѣ указанія апеллятора о несоблюденіи банкомъ требованій гражданскихъ законовъ (т. X ч. I Св. Зак.) при взятіи въ залогъ движимости, не имѣютъ значенія, такъ какъ въ данномъ случаѣ важенъ и имѣетъ рѣшающее значеніе вопросъ о соблюденіи требованій устава банка, какъ закона спеціальнаго, исключающаго дѣйствіе общаго закона. Также не подлежитъ удовлетворенію ходатайство повѣреннаго Козиной о допросѣ свидѣтелей въ подтвержденіе того, что Козина еще въ Владивостокѣ посылала за коносаментами, что масло оплачено, что за укупоркой его Козина слѣдила, что довѣренный акціонернаго общества „Курбатовъ и К°“ считалъ, что масло не выдаютъ Козиной по недоразумѣнію,—такъ такъ разъясненіе всѣхъ этихъ вопросовъ ни въ чемъ не можетъ поколебать правъ банка. Всѣ объясненія апеллятора о томъ, что Козина, подобно всякому покупщику, можетъ быть введена въ заблужденіе, не зная, что продаваемый товаръ заложенъ,—не заслуживаютъ уваженія по обстоятельствамъ даннаго дѣла, такъ какъ Козина допустила оплошность, не потребовавъ оба экземпляра коносамента, который значится выданнымъ въ двухъ экземплярахъ, а удовлетворившись лишь заявленіемъ о томъ, что второй экземпляръ только для капитана парохода, а не для другого лица предназначенъ. Въ виду всего изложеннаго находя, во-первыхъ, что банкъ имѣетъ *старѣйшее* по времени передъ сдѣлкою съ Козиной закладное право

на спорное масло, а Козина въ силу выдачи ей коносамента вправѣ получить масло лишь подъ условіемъ уплаты банку выданной подъ него ссуды, либо требовать вознагражденія за него съ продавца, и, во-вторыхъ, что хотя ни того, ни другого Козина на вышеизъясненныхъ основаніяхъ не домогается, однако, привлекая къ дѣлу въ числѣ другихъ отвѣтчиковъ продавца и требуя передачи ей всего купленнаго масла, должна очевидно считаться заявившею право свое и на ту часть этого товара или вырученныхъ за него денегъ, какая можетъ оказаться свободною за удовлетвореніемъ залогодержателя по признанному за нимъ преимущественному праву, Правительствующій Сенатъ приходитъ къ заключенію, что рѣшеніе Коммерческаго Суда, правильно отказавшаго Козиной въ искѣ ея въ томъ объемѣ, въ которомъ онъ предъявленъ, слѣдуетъ дополнить указаніемъ о вышеупомянутомъ ея правѣ и, за признаніемъ такового, не налагать на нее штрафа, а посему опредѣляетъ: въ измѣненіе обжалованной части опредѣленія Одесскаго Коммерческаго Суда отъ 15 іюля 1903 г., признать за Козиною право на выкупъ спорнаго масла со взносомъ для того всей причитающейся по залогу его въ Китайскомъ банкѣ суммы, а въ остальномъ искъ ея оставить безъ удовлетворенія (1907 г., № 829)*).

397|269. Законъ, требуя обозначенія перевозчикомъ въ коносаментѣ или транспортной квитанціи наименованія, вѣса и числа мѣстъ груза, не возлагаетъ на перевозчика тѣхъ обязанностей въ отношеніи описанія товара, принятаго къ перевозкѣ, которыя возлагаются на лица и учрежденія, выдающія варранты, ломбардныя квитанціи и проч.; перевозчикъ—не экспертъ или оцѣнщикъ товара и въ выдаваемой квитанціи обязанъ помѣщать описаніе товара лишь по тѣмъ внѣшнимъ признакамъ, которые доступны человѣку не спеціалисту; за ошибки въ этомъ отношеніи, допущенныя въ квитанціяхъ, онъ не отвѣтственъ (1899 г., № 1131).

Обозначеніе въ коносаментѣ „вѣсъ не извѣстенъ“ освобождаетъ шкипера отъ отвѣтственности за недостачу въ товарѣ при выгрузкѣ, при отсутствіи обвиненія въ умышленной растратѣ товара (сб. Вильсона I, № 201 рѣш. СПБ. Ком. Суда).

398|270. Помѣщеніе въ текстѣ коносамента оговорки о томъ, что корабельщикъ не принимаетъ на себя отвѣтственности за вѣсъ, мѣру и количество груза само

---

*) По Всеподданнѣйшей жалобѣ Козиной состоялось Высочайшее повелѣніе о внесеніи этого дѣла на разсмотрѣніе 2-го Общаго Сената Собранія, которымъ, однако, дѣло разрѣшено не было въ виду отказа Козиной отъ принесенной ею жалобы и такимъ образомъ рѣшеніе Д-та осталось въ силѣ, почему и помѣщено въ сборникѣ вновь.

по себѣ не имѣетъ рѣшающаго значенія и лишь тогда можетъ влечь за собою освобожденіе корабельщика отъ всякой отвѣтственности, если находится въ соотвѣтствіи съ прочими условіями коносамента.

Въ дѣлѣ возникъ общій вопросъ о томъ, освобождается ли корабельщикъ отъ отвѣтственности за недостающее противъ показаннаго въ коносаментѣ количество груза въ томъ случаѣ, если корабельщикъ принялъ грузъ по заявленію отправителя безъ провѣрки и если притомъ въ коносаментѣ, въ числѣ прочихъ условій означено, что корабельщикъ не принимаетъ на себя отвѣтственности за вѣсъ, мѣру и количество груза? Въ отношеніи сего вопроса Правительствующій Сенатъ нашелъ, что законъ, устанавливая въ соотвѣтствующихъ статьяхъ Устава Торговаго общія правила относительно составленія и исполненія договора морской и рѣчной перевозки грузовъ и требуя, между прочимъ, чтобы условія перевозки были выражены въ документѣ, носящемъ названіе грузовой росписи или коносамента, не стѣсняетъ, однако, стороны въ свободѣ, по соглашенію, опредѣлять условія перевозки. Поэтому въ случаѣ возникновенія спора по исполненію корабельщикомъ принятыхъ на себя, согласно коносаменту обязанностей, по отношенію къ перевозкѣ порученнаго груза, должно имѣть въ виду всю совокупность установленныхъ контрагентами условій. Съ этой точки зрѣнія надлежитъ признать, что, хотя ст. 337 Уст. Торг. и устанавливаетъ обязанность отвѣта и отчета корабельщика по грузовой росписи, тѣмъ не менѣе включеніе въ коносаментъ условія о неотвѣтственности корабельщика за недостачу груза, принятаго по заявленію отправителя, не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчащаго требованіямъ закона и можетъ, по обстоятельствамъ даннаго случая, послужить основаніемъ для освобожденія корабельщика отъ отвѣтственности за недоставку всего показаннаго въ коносаментѣ количества груза. Вмѣстѣ съ тѣмъ, представляется, однако, невозможнымъ согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что будто бы помѣщенная въ коносаментѣ оговорка о неотвѣтственности корабельщика должна имѣть безусловное значеніе при опредѣленіи взаимныхъ отношеній сторонъ, въ смыслѣ признанія за грузополучателемъ права требовать отъ корабельщика отчета за оказавшуюся при пріемкѣ груза недостачу такового лишь въ томъ случаѣ, если означенная недостача является послѣдствіемъ неправильныхъ дѣйствій корабельщика, причемъ тяжесть предоставленія доказательствъ должна быть возложена на грузополучателя. Напротивъ того, имѣя въ виду съ одной стороны, что по общему правилу, перевозчикъ обязанъ „отвѣтомъ и отчетомъ“ предъ держателемъ коносамента, а съ другой—что права и обязанности сторонъ могутъ быть устанавливаемы только по соображеніи всѣхъ условій коносамента въ совокупности,—слѣдуетъ признать, что помѣщеніе указанной оговорки въ текстѣ коносамента само по себѣ не имѣетъ рѣшающаго значенія, а лишь тогда

влечетъ за собою освобожденіе корабельщика отъ всякой отвѣтственности предъ грузополучателемъ, если находится въ соотвѣтствіи съ прочими условіями коносамента. Если, такимъ образомъ, изъ совокупности условій коносамента вытекаетъ, что корабельщикъ дѣйствительно сложилъ съ себя отвѣтственность за доставку груза, то на обязанности грузополучателя, обвиняющаго корабельщика въ недоставкѣ части груза, должно лежать представленіе надлежащихъ доказательствъ, какъ въ подтвержденіе того, что сдѣланное грузоотправителемъ и занесенное съ его словъ въ коносаментъ заявленіе о мѣрѣ и вѣсѣ груза соотвѣтствовало дѣйствительности, такъ и въ подтвержденіе того, что недостача въ количествѣ груза произошла по винѣ перевозчика. Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда по общему смыслу коносамента, прекращеніе отвѣтственности корабельщика за грузъ, принятый по заявленію отправителя, поставлено въ зависимость отъ нѣкоторыхъ условій, то на корабельщикѣ лежитъ обязанность доказать наступленіе таковыхъ условій; при невозможности же представить надлежащія доказательства онъ, на общемъ основаніи, долженъ нести отвѣтственность за недоставку недостающей части груза противъ показаннаго грузоотправителемъ количества онаго. Примѣняя эти общія соображенія къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, согласно коносамента отъ 11 октября 1897 г., корабельщикъ принялъ для доставки въ Одессу грузополучателю грузъ ячменя и ржи, въ количествѣ, „по заявленію отправителя“, ячменя—12.000 пуд. и ржи—7.000 пуд. Этотъ коносаментъ переуступленъ первоначальнымъ грузополучателемъ истцу по настоящему дѣлу—Бродскому. По предмету отвѣтственности Баптизманскаго за доставку груза коносаментъ содержитъ нижеслѣдующія условія: „Баптизманскій не отвѣчаетъ за медленную доставку, поврежденіе, гибель и порчу, которымъ могутъ подвергнуться товары отъ естественныхъ причинъ, дурной погоды и разныхъ несчастныхъ случаевъ при нагрузкѣ, выгрузкѣ и перегрузкѣ ихъ во время пути, за разсыпку сыпучихъ товаровъ и вообще за гибель и порчу товаровъ, происходящую отъ самаго ихъ свойства, также за вѣсъ, мѣру и количество“ (п. 6). „Въ случаѣ крушенія или гибели товара на пути или въ порту, товарохозяинъ обязанъ уплатить Баптизманскому фрахтъ сполна, а Баптизманскій обязуется доставить прова-ди-фортуна или полицейскій актъ, послѣ чего Баптизманскій свободенъ отъ всякой отвѣтственности“ (пунктъ 8). Соображеніе приведенныхъ пунктовъ коносамента приводитъ къ тому выводу, что коносаментъ противопоставляетъ случай недостачи товара на пути или въ порту, тѣмъ случаямъ, когда недостатокъ части означеннаго въ коносаментѣ количества груза находится въ зависимости отъ самыхъ свойствъ груза. Въ послѣднемъ случаѣ, Баптизманскій несетъ отвѣтственность за разницу въ количествѣ груза противъ обозначеннаго въ коносаментѣ только въ томъ случаѣ, если держатель коносамента докажетъ, что было нагружено именно то количество, которое обозначено въ коносаментѣ, и что извѣстное количество груза пропало

по винѣ корабельщика. Въ случаѣ же аваріи, предусмотрѣнномъ въ п. 8 коносамента, освобожденіе Баптизманскаго отъ отвѣтственности обусловлено представленіемъ имъ прова-ди-фортуна или полицейскаго акта. А такъ какъ въ данномъ случаѣ корабельщикъ Баптизманскій, не отрицая факта принятія имъ груза по коносаменту № 86 въ количествѣ, превышающемъ доставленную имъ по коносаменту партію ячменя и ржи, ссылается именно на аварію, какъ на причину утери принятаго имъ груза, то, въ силу изложенныхъ выше соображеній, не владѣлецъ груза долженъ доказывать количество погруженнаго товара и вину корабельщика въ недоставленіи всего груза, а наоборотъ, корабельщикъ долженъ представить надлежащія доказательства въ подтвержденіе того, что, за исключеніемъ доставленныхъ имъ 7.755 пудовъ ячменя и 1.248 пудовъ ржи, весь принятый имъ на берлину № 23, согласно коносамента № 86, грузъ (независимо отъ количества онаго) въ дѣйствительности погибъ (1899 г., № 745).

Гражд. Касс. Деп. Прав. Сената разъяснилъ, что получатель груза, доставленнаго въ русскій портъ на иностранномъ кораблѣ, въ случаѣ обнаруженія недостачи въ количествѣ груза противъ коносамента вправѣ предъявить къ агенту по приходѣ (корабельному агенту, ship's agents), искъ о вознагражденіи за оказавшуюся недостачу, коль скоро таковая не превышаетъ уплаченныхъ агенту фрахтовыхъ денегъ. Содержащіяся въ Уставѣ Торговомъ постановленія объ отвѣтственности корабельщика передъ товарохозяиномъ признаются въ средѣ торгующаго портоваго купечества недостаточными для урегулированія всѣхъ недоразумѣній по возмѣщенію убытковъ, причиняемыхъ по перевозкѣ грузовъ на пароходѣ; на такіе случаи въ Петербургскомъ и Одесскомъ портахъ существуютъ *торговые обычаи*, которыми и надлежитъ руководствоваться (обычаи эти, сообщенные Прав. Сенату биржевыми комитетами, изложены въ рѣшеніи Гражд. Касс. Деп. 1893 г., № 32).

399|271. Договоръ перевозки налагаетъ на фрахтовщика обязанность не только перемѣщенія предметовъ, но и охраненія ихъ, а отсюда вытекаетъ и отвѣтственность его за убытки, происшедшіе отъ случаевъ, устраняемыхъ обыкновенною заботливостью, но вслѣдствіе упущенія фрахтовщика не устраненныхъ. Обязанность фрахтовщика доказать, что грузъ уже доставленъ былъ для перевозки въ испорченномъ видѣ. Утверждая, что представленная истцомъ маклерская записка относится не къ спорному въ дѣлѣ товару, отвѣтчикъ долженъ доказать, что она могла относиться къ другому однородному товару.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что по содержанію апелляціонныхъ жалобъ повѣренныхъ отвѣтчиковъ Тиханова и Калите и истца Константиновскаго обсужденію его подлежатъ слѣдующіе вопросы: 1) могутъ-ли Тихановъ и Калите быть признаны, по обстоятельствамъ дѣла, отвѣтственными передъ Константиновскимъ за порчу (подмочку) отданнаго послѣднимъ первымъ для перевозки груза отрубей и, въ случаѣ утвердительнаго разрѣшенія этого вопроса: 2) доказана-ли по дѣлу сумма отыскиваемыхъ Константиновскимъ съ Тиханова и Калите убытковъ, уменьшенная имъ нынѣ до 1.992 руб. 92 коп., и 3) подлежатъ-ли отвѣтчики Тихановъ и Калите солидарной въ этой суммѣ отвѣтственности передъ Константиновскимъ. Приступая къ разрѣшенію перваго вопроса, Прав. Сенатъ находитъ, что искъ Константиновскаго основанъ на слѣдующихъ данныхъ и соображеніяхъ: по коносаменту отъ 4 мая 1893 г. за № 15 отвѣтчики приняли отъ истца для перевозки изъ Хартицы въ Одессу 4.410 мѣшковъ крупныхъ отрубей, всего въ количествѣ 9.060 пуд.; часть этого груза 2.570 мѣшковъ доставлена была по назначенію въ маѣ 1893 г., остальная же часть въ іюнѣ; эта послѣдняя партія, какъ удостовѣрено актомъ осмотра ея присяжнымъ биржевымъ маклеромъ Бернштейномъ 11 іюня 1893 г., оказалась испорченной вслѣдствіе подмочки груза, а такъ какъ въ коносаментѣ никакой оговорки о недоброкачественности груза при самомъ принятіи его для перевозки не сдѣлано и слѣдовательно грузъ долженъ быть признанъ принятымъ хорошаго качества, экспертизою же установлено, что баржа, на которой означенная партія отрубей доставлена въ Одессу, ветха и ненадежна для перевозки, въ чемъ очевидно и заключается причина подмочки и порчи груза, то посему отвѣтчики, какъ перевозчики, и подлежатъ передъ истцомъ отвѣтственности за понесенные имъ убытки. Отвѣтчики, не отрицая самаго факта порчи груза, не признаютъ своей отвѣтственности за эту порчу на томъ основаніи, что таковая произошла не по ихъ винѣ, не вслѣдствіе ветхаго состоянія баржи, какъ заявляетъ истецъ, а вслѣдствіе того обстоятельства, что при погрузкѣ товара лилъ дождь, отруби же въ сырую погоду обладаютъ свойствомъ самовозгоранія, что именно и повлекло за собою порчу ихъ, оказавшуюся уже при перегрузкѣ изъ берлины въ баржу, осмотрѣнную экспертами; къ тому же и самая экспертиза, коею установлена ветхость баржи, не можетъ имѣть для нихъ, отвѣтчиковъ, обязательнаго значенія, такъ какъ произведена не въ ихъ присутствіи. Останавливаясь на приведенныхъ доводахъ отвѣтчиковъ, Прав. Сенатъ находитъ, что по силѣ ст. 339 Уст. Торг. корабельщикъ отвѣтствуетъ за то, чтобы корабль былъ крѣпокъ, твердъ и плотенъ и снабженъ всѣми потребными снастями, людьми и припасами для предпріемлемаго пути, а по силѣ ст. 341 того же Устава „товаръ и грузъ находятся на отвѣтственности корабельщика съ того самаго часа, какъ на оные положатся корабельныя тали; и съ того самаго времени, буде товару или грузу послѣдуетъ вредъ или убытокъ, какъ-то: упадутъ или утонутъ,

испортятся или повредятся виною или нерадѣніемъ корабельщика, то онъ обязанъ таковой вредъ или уронъ вознаградить сполна". Изъ смысла приведенныхъ, а равно другихъ (335 и 351) ст. Уст. Торг. съ несомнѣнностью вытекаетъ, какъ то неоднократно уже и разъясняемо было Прав. Сенатомъ, что договоръ перевозки налагаетъ на фрахтовщика не только обязанность перемѣщенія предметовъ, *но и обязанность охраненія ихъ*, а потому независимо отъ того, принялъ-ли фрахтовщикъ товаръ на страхъ или нѣтъ, онъ отвѣчаетъ за всѣ убытки, происшедшіе отъ случаевъ, устраняемыхъ обыкновенною заботливостью, но неустраненныхъ вслѣдствіе упущенія фрахтовщика. Въ виду вытекающей, такимъ образомъ, изъ самаго закона обязанности фрахтовщика охранять принятый имъ для перевозки товаръ и сопряженной съ этимъ обязанности отвѣчать за убытки и вредъ, причиненные грузу, фрахтовщикъ въ огражденіе своихъ интересовъ и для освобожденія себя отъ отвѣтственности за порчу груза обязанъ при самомъ уже принятіи товара на судно, буде товаръ доставленъ испорченный или въ поврежденномъ видѣ, или же при нагрузкѣ безъ вины фрахтовщика получитъ поврежденіе, установить эту порчу или поврежденіе товара тѣмъ или инымъ способомъ, или оговоркой на самомъ коносаментѣ или составленіемъ соотвѣтствующаго протокола. При отсутствіи же подобной оговорки въ коносаментѣ объ испорченности сданнаго для перевозки груза и неустановленіи фрахтовщикомъ послѣдней другимъ какимъ-либо способомъ, необходимо признать, что товаръ принятъ былъ фрахтовщикомъ въ исправномъ видѣ, ибо отъ него зависѣло для устраненія этого законнаго предположенія и въ огражденіе своихъ интересовъ своевременно проявить надлежащую въ торговомъ быту заботливость и осторожность. Примѣняя изложенныя соображенія къ настоящему дѣлу, Прав. Сенатъ находитъ: 1) что отвѣтчики, относя причину порчи груза отрубей къ тому обстоятельству, что во время ихъ погрузки лилъ дождь, вслѣдствіе чего, придя въ сырое состояніе и благодаря присущему имъ свойству самовозгоранія въ сырую погоду, они впослѣдствіи и испортились, тѣмъ самымъ признаютъ, что отруби уже при самой ихъ погрузкѣ потерпѣли поврежденіе — были мокрые; 2) что однако въ коносаментѣ, выданномъ Тихановымъ и Калите Константиновскому, никакой оговорки о томъ, что отруби приняты были уже поврежденными, мокрыми, не сдѣлано, указаніе же отвѣтчиковъ, что таковая оговорка не могла быть вовсе сдѣлана, представляется явно несообразнымъ, ибо, утверждая, что при нагрузкѣ лилъ дождь и что эта-то сырость именно и повліяла на порчу товара и, слѣдовательно, зная качество принятаго груза и пагубное вліяніе на него сырости, отвѣтчики имѣли полную возможность въ огражденіе своихъ интересовъ при самой нагрузкѣ уже установить тѣмъ или другимъ способомъ фактъ, повліявшій, по ихъ утвержденію, на доброкачественность груза, и 3) что наконецъ самую ссылку на сырую погоду, какъ на причину порчи груза, нельзя признать уважительною, такъ какъ все количество принятаго

отвѣтчиками для перевозки товара, какъ видно изъ коносамента, принято было ими на берлину № 6 одновременно и, слѣдовательно, если бы дѣйствительно стоявшая въ то время погода имѣла столь пагубное для груза значеніе, то это обстоятельство (согласно объясненіямъ самихъ отвѣтчиковъ) должно бы было отразиться на всемъ грузѣ, а между тѣмъ, какъ видно изъ дѣла, первая партія въ 2.570 мѣшковъ, доставленная въ маѣ не съ баржи № 58, оказалась въ совершенно исправномъ видѣ. Принимая же во вниманіе: 1) что оказавшіяся испорченными отруби перегружены были для ихъ доставки изъ берлины № 6 на баржу № 58, каковая баржа, какъ то установлено произведенною 11 и 13 іюня 1893 г. экспертизою ея, оказалась ветхою и какъ по наружному виду, такъ и по состоянію внутреннихъ ея частей, для перевозки товаровъ, которые по своему свойству подвергаются порчѣ, не надежною; 2) что объясненія отвѣтчиковъ о необязательности для нихъ этой экспертизы представляются неуважительными какъ потому, что таковая произведена корабельнымъ маклеромъ въ предѣлахъ прямыхъ, возложенныхъ на него закономъ (ст. 170 прил. I къ ст. 592 Уст. Торг. въ связи съ ст. 51 прил. IV къ той же статьѣ) обязанностей, такъ и потому, что отвѣтчики вызывались истцомъ для присутствованія при экспертизѣ 17 іюня 1893 г. нотаріальнымъ заявленіемъ, но однако къ таковой не прибыли, то же обстоятельство, что окончательная экспертиза произведена была не 11, а 13 іюня, на каковое число отвѣтчики особо не вызывались, не можетъ имѣть значенія, такъ какъ 13 іюня производилась не самостоятельная, не новая экспертиза, а лишь продолжалась начатая 11 іюня; 3) что независимо отъ сего, если бы отруби, какъ нынѣ заявляютъ отвѣтчики, дѣйствительно уже при перегрузкѣ ихъ на баржу № 58 горѣли и издавали зловоніе, то на ихъ прямой обязанности лежало въ огражденіе себя составить о томъ надлежащій протоколъ, чего ими однако не исполнено,—Прав. Сенатъ признаетъ, всѣ объясненія отвѣтчиковъ о томъ, что отруби уже при самомъ принятіи ихъ для перевозки были испорченныя, какъ не только ничѣмъ надлежаще не установленныя,—ходатайство ихъ о допросѣ по сему предмету свидѣтелей за силою ст. 284 Уст. Суд. Торг. удовлетворенію подлежать не можетъ,—но и опровергающіяся приведенными выше обстоятельствами, не заслуживающими уваженія, а засимъ и заключеніе Одесскаго Ком. Суда объ отвѣтственности ихъ, какъ перевозчиковъ, за порчу во время пути по ихъ винѣ ввѣреннаго имъ груза вполнѣ правильнымъ и съ данными дѣла согласнымъ. Переходя засимъ къ обсужденію вопроса о доказанности самаго размѣра отыскиваемыхъ Константиновскимъ убытковъ, Прав. Сенатъ находитъ, что прежде всего истцомъ отыскивается съ отвѣтчиковъ разница стоимости отрубей въ неповрежденномъ видѣ (46 к. за пудъ) и въ томъ испорченномъ видѣ, въ какомъ онѣ оказались послѣ перевозки и были проданы ($12^1/_2$ к.), т. е. $33^1/_2$ к. за пудъ. Въ подтвержденіе этой части иска истцомъ представлены: 1) удостовѣреніе биржевого маклера Бернштейна, осматривавшаго отруби на

баржѣ № 58 и оцѣнившаго ихъ 10—15 к. за пудъ, и 2) записка биржевого маклера Розенблита отъ 14 іюня 1893 г. „о продажѣ крупныхъ отрубей около 4.500 пуд., находящихся въ магазинѣ Шполянскаго, цѣною по 12½ к. безъ мѣшковъ“. Оспаривая значеніе для дѣла этой послѣдней маклерской записки, отвѣтчики прежде всего указываютъ, что истцомъ не доказано, что она относится именно къ тѣмъ отрубямъ, которыя были выгружены изъ ихъ, отвѣтчиковъ, баржи. Но такое возраженіе отвѣтчиковъ не можетъ заслуживать уваженія. По закону обязанность истца есть доказать свой искъ, буде же онъ доказать не можетъ, то отвѣтчикъ освобождается отъ суда; равнымъ образомъ обязанъ и отвѣтчикъ основательнымъ доказательствомъ себя оправдать и учиненное противъ него показаніе правдою опровергнуть, а потому по представленіи истцомъ по настоящему дѣлу въ подтвержденіе своего иска маклерской записки о продажѣ за такую то сумму такого именно товара, который составляетъ и спорный въ семъ дѣлѣ предметъ, уже на отвѣтчиковъ переходитъ обязанность доказать, что означенная маклерская записка можетъ имѣть значеніе не только для спорныхъ въ дѣлѣ предметовъ, но и въ отношеніи къ какимъ-либо другимъ и только при доказанности этого обстоятельства со стороны отвѣтчиковъ, истецъ обязанъ былъ бы съ своей стороны представить какія-либо дополнительныя въ семъ отношеніи доказательства. Между тѣмъ, отвѣтчиками не только никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе указаннаго обстоятельства не представлено, но изъ объясненія ихъ же повѣреннаго въ апелляціи усматривается, что возраженіе ихъ о нетождествѣ отрубей, значащихся въ маклерской запискѣ, съ выгруженными изъ ихъ, отвѣтчиковъ, баржи, совершенно ни на чемъ не основано, а какъ таковое вовсе не обязывало истца къ представленію опроверженій. Признавая такимъ образомъ, вопреки мнѣнію повѣреннаго отвѣтчиковъ, что представленная истцомъ маклерская записка должна считаться относящеюся именно къ настоящему дѣлу, тѣмъ болѣе, что продажная по ней цѣна отрубей (12½ копѣекъ за пудъ) вполнѣ соотвѣтствуетъ и цѣнѣ опредѣленной экспертизою, на которую приглашались и отвѣтчики (10—15 к. за пудъ), а потому по дѣлу установленнымъ, что доставленная отвѣтчиками послѣдняя партія отрубей продана истцомъ по 12½ к. за пудъ, и переходя къ вопросу о самомъ количествѣ проданныхъ испорченныхъ отрубей, Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ то признано обѣими тяжущимися сторонами, прибывшій въ Одессу въ іюнѣ грузъ отрубей, оказавшихся подмоченными, составлялъ весь остальной, т. е. недоставленный ранѣе (въ маѣ) принятый для перевозки грузъ, а такъ какъ все количество принятыхъ отвѣтчиками для перевозки отрубей обнимало по коносаменту 4.470 мѣшковъ, въ маѣ же мѣсяцѣ (какъ видно изъ того же коносамента) доставлено въ Одессу 2.570 мѣшковъ, то, слѣдовательно, вполнѣ правильнымъ представляется заявленіе повѣреннаго Константиновскаго, въ объясненіи на апелляцію отвѣтчиковъ, что доставленная въ іюнѣ партія отрубей заключала въ себѣ 1.900 мѣш-

ковъ. Слѣдуя засимъ принятому сторонами (отвѣтчиками въ апелляціи, а истцомъ въ объясненіи на оную) разсчету, основанному на предположеніи объ одинаковой вмѣстимости всѣхъ мѣшковъ, и принимая во вниманіе, что по коносаменту въ 4.470 мѣшковъ содержалось 9.060 пуд., оказывается, что въ 1.900 мѣшкахъ содержалось 3.851 п. безъ подмочки, т. е. на 649 пуд. меньше, чѣмъ показано въ запискѣ маклера Розенблита отъ 14 іюня 1893 г. (4.500 пуд.), каковое показаніе въ запискѣ большаго количества является вполнѣ естественнымъ въ виду увеличенія вѣса отрубей вслѣдствіе подмочки, какъ то утверждаютъ и отвѣтчики. Сообразно сему, количество проданныхъ по пониженной цѣнѣ отрубей должно быть опредѣлено въ 3.851 пудъ. Относительно засимъ цѣны, за которую, по утвержденію истца, отруби въ неповрежденномъ видѣ могли бы быть проданы т. е. по 46 к. за пудъ, Прав. Сенатъ находитъ, что истцомъ было заявлено въ засѣданіи Ком. Суда отъ 26 ноября 1893 г. ходатайство о выдачѣ ему свидѣтельства на полученіе отъ гофъ-маклера удостовѣренія въ томъ, что на отруби стояла именно показанная выше цѣна, но судъ, находя мнѣніе принимавшихъ участіе, въ разрѣшеніи настоящаго дѣла членовъ отъ купечества, что цѣна отрубей въ 46 к. за пудъ не преувеличена, достаточнымъ тому удостовѣреніемъ, этимъ самымъ призналъ удовлетвореніе означеннаго ходатайства истца излишнимъ. Въ виду освобожденія, такимъ образомъ, самимъ судомъ истца отъ представленія даннаго доказательства, вмѣненіе ему въ вину непредставленія такового нельзя признать справедливымъ, а посему уже отвѣтчики, находя заключеніе суда по сему предмету неправильнымъ, обязаны были представить Прав. Сенату доказательство, что цѣна на отруби, вопреки мнѣнію Ком. Суда, стояла ниже показанной истцомъ, при недоказанности же этого, голословное ихъ утвержденіе не можетъ быть принято въ уваженіе. Такимъ образомъ, первую часть иска объ убыткахъ въ разницѣ въ цѣнѣ, за проданные на $33^1/_2$ к. дешевле 3.851 пуд. отрубей, въ суммѣ 1.290 руб. 8 к., какъ истцомъ доказанную, а отвѣтчиками не опровергнутую, слѣдуетъ признать подлежащею удовлетворенію. Переходя затѣмъ къ обсужденію остальныхъ требованій, составляющихъ сумму расходовъ, произведенныхъ истцомъ вслѣдствіе полученія имъ отрубей въ подмоченномъ видѣ, а именно: 1) платежъ за 1.825 мѣшковъ, взятыхъ на прокатъ и испорченныхъ вслѣдствіе подмочки отрубей по 10 к. за мѣшокъ—182 руб. 50 к.; 2) наемъ магазина у Шполянскаго 50 руб.; 3) за доставку отрубей изъ баржи въ магазинъ по 3 к. за пудъ 135 руб.; 4) за переработку отрубей, рѣшетолопаты и высыпку 200 руб., а всего 567 руб. 50 к., Прав. Сенатъ относительно первыхъ двухъ статей находитъ, что въ виду непредставленія истцомъ рѣшительно никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе правильности этихъ его требованій,—а своевременно заручиться таковыми доказательствами (какъ, напримѣръ, расписками объ отдачѣ на прокатъ мѣшковъ, наймѣ помѣщенія), въ виду предстоявшаго взысканія этихъ расходовъ съ отвѣтчиковъ, лежало на пря-

мой обязанности истца—и въ виду полнаго отрицанія, какъ обязательности, такъ и цифры этихъ расходовъ со стороны отвѣтчиковъ, означенныя требованія его удовлетворенію подлежать не могутъ; что же касается до послѣднихъ двухъ статей расходовъ за доставку отрубей въ магазинъ и переработку ихъ, то, съ одной стороны, въ виду невозможности требовать отъ истца оправданія ихъ письменными доказательствами, а съ другой въ виду прямого признанія принимавшими участіе въ разрѣшеніи настоящаго дѣла членами отъ купечества правильными какъ тѣхъ, такъ и другихъ расходовъ въ размѣрѣ 1 к. за пудъ и непредставленія со стороны отвѣтчиковъ никакихъ данныхъ въ опроверженіе означеннаго заключенія, истцу должны быть присуждены 38 руб. 51 к. по каждой статьѣ (согласно вышеприведенному разсчету, по коему количество доставленнаго отвѣтчиками въ іюнѣ въ подмоченномъ видѣ груза отрубей опредѣлено въ 3.851 пуд.), т. е. всего 77 руб. 2 к. Въ отношеніи, наконецъ, требованія истцомъ возмѣщенія суммъ, уплаченныхъ имъ экспертамъ, маклеру и нотаріусу всего 135 руб., Прав. Сенатъ находитъ, что эта часть иска подлежитъ удовлетворенію полностью уже за отсутствіемъ со стороны отвѣтчиковъ спора, какъ противъ существа, такъ и размѣра этого требованія истца. По всѣмъ симъ основаніямъ, признавая искъ Константиновскаго подлежащимъ удовлетворенію въ суммѣ 1.502 руб. 10 к. и принимая во вниманіе, что солидарная отвѣтственность сама собою не предполагается и по точному смыслу ст. 1548 т. X ч. 1, должна быть прямо выражена въ самомъ договорѣ, что въ данномъ случаѣ, однако, не имѣло мѣста, вслѣдствіе чего и къ возложенію на отвѣтчиковъ Тиханова и Калите солидарной по иску Константиновскаго отвѣтственности, какъ то сдѣлано Ком. Судомъ, не представляется основаній,—Прав. Сенатъ въ измѣненіе состоявшагося по сему дѣлу рѣшенія Одесскаго Ком. Суда присудилъ съ Тиханова и Калите въ пользу Константиновскаго 1.502 руб. 10 к. съ % со дня предъявленія иска (1894 г., № 665).

400|272. Фрахтовщикъ обязанъ вознаградить фрахтователя за убытки отъ порчи принятаго для перевозки груза, если эта порча произошла по винѣ фрахтовщика, допустившаго невызванное необходимостью промедленіе въ перевозкѣ груза; если грузъ по свойству своему легко подвергается порчѣ, то фрахтовщикъ обязанъ отправить такой грузъ неотлагательно, хотя бы срокъ доставки или отправки не былъ назначенъ (1884 г., № 640).

401|273. Если грузъ принятъ для перевозки подъ росписку въ его принятіи безъ всякой оговорки о поврежденіи или порчѣ его, то нельзя впослѣдствіи доказывать свидѣтелями, что онъ былъ принятъ поврежденнымъ или испорченнымъ (1884 г., № 82).

402. Гражд. Касс. Деп. въ рѣшеніи 1910 г., № 76, разъяснилъ, что ст. 683 т. X къ случаямъ порчи имущества во время перевозки грузовъ непримѣнима. Содержащееся въ коносаментѣ постановленіе о прекращеніи отвѣтственности перевозчика со времени выгрузки клади съ парохода въ мѣстѣ назначенія слагаетъ съ перевозчика отвѣтственность за случайную гибель груза; но этимъ постановленіемъ не устраняется отвѣтственность его за порчу груза, послѣдовавшую по винѣ агентовъ перевозчика. На собственникѣ лежитъ обязанность доказать вину агентовъ.

Правительствующій Сенатъ нашелъ, что истецъ Кругляковъ, не оспаривая того, что отправленный имъ по коносаменту № 1078 грузъ сгорѣлъ во Владивостокѣ, отвергаетъ дѣйствительность § 26 правилъ по перевозкѣ грузовъ на пароходахъ Добровольнаго флота, утверждая, что этотъ параграфъ противорѣчитъ 683 ст. X т. I. ч., а потому и не можетъ имѣть обязательнаго значенія законно дѣйствующаго правила, и что, согласно 683 ст. X т. I ч., обязанность доказать, что утрата груза произошла не по винѣ Добровольнаго флота или его служащихъ, лежитъ на отвѣтчикѣ. Такое возраженіе, однако, не заслуживаетъ уваженія уже въ виду того, что 683 ст. X т. I ч. не должна имѣть примѣненія къ перевозкѣ грузовъ. Хотя въ рядѣ рѣшеній, послѣдовавшихъ преимущественно по дѣламъ о перевозкахъ, совершенныхъ до изданія и вступленія въ дѣйствіе общаго устава желѣзныхъ дорогъ, Правительствующій Сенатъ и допускалъ примѣненіе, по аналогіи, 683 ст. также и къ случаямъ утраты и порчи имущества, сданнаго для перевозки, но такого рода разъясненія слѣдуетъ признать утратившими свое значеніе въ виду послѣдующихъ рѣшеній: 1896 г., № 113; 1904 г., № 3; 1905 г., № 28 и 1907 г., № 20, въ коихъ Правительствующій Сенатъ уже категорически установилъ, что *683 ст. X т. I ч. можетъ быть примѣнима только къ случаямъ причиненія смерти или поврежденія здоровья при эксплоатаціи желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій*. Признавая въ виду сего § 26 и § 28 правилъ перевозки грузовъ на пароходахъ Добровольнаго флота постановленіемъ, изданнымъ и утвержденнымъ въ порядкѣ, установленномъ спеціальнымъ закономъ, а потому и обязательнымъ для истца, поручившаго свой грузъ для перевозки Добровольному флоту, Прав. Сенатъ не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣтить, что заключающіяся въ означенныхъ параграфахъ постановленія представляются обязательными для истца и по другому основанію. Устанавливая въ 372—409 ст. Уст. Торг., общія правила морской перевозки грузовъ, законъ (ст. 383 Уст. Торг., 388 Уст. Тамож.)

между прочимъ требуетъ, чтобы условія перевозки были выражены въ документѣ, называемомъ грузовою росписью или коносаментомъ; при этомъ законъ не ограничиваетъ свободу договаривающихся сторонъ въ опредѣленіи, по соглашенію, условій перевозки (рѣш. Сената 1879 г., № 166). Соотвѣтствующее содержанію § 26 и § 28 постановленіе о прекращеніи отвѣтственности Добровольнаго флота со времени выгрузки клади съ парохода въ мѣстѣ назначенія ея включено въ число условій, напечатанныхъ въ коносаментѣ, выданномъ, согласно § 11 правилъ перевозки, истцу, который съ принятіемъ этого документа долженъ быть признанъ согласившимся на приведенныя въ немъ условія перевозки. Однако, если въ § 26 и § 28 правилъ о перевозкѣ грузовъ на пароходахъ Добровольнаго флота и въ выдаваемыхъ послѣднимъ коносаментахъ и выражено, что грузъ, поступившій вслѣдствіе непринятія его на складъ Добровольнаго флота, остается въ складѣ на рискъ, страхъ и счетъ получателя и всякая отвѣтственность за него со стороны парохода со времени выгрузки его на берегъ прекращается, то этими постановленіями устанавливается лишь то, что, по пропускѣ получателемъ срока для принятія груза и выгрузкѣ его въ складъ или на берегъ, вытекающее изъ договора перевозки обязательство Добровольнаго флота, какъ перевозчика,—хранить грузъ,—прекращается и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекращается и отвѣтственность его за дальнѣйшее храненіе груза на складѣ, т. е. слагается отвѣтственность за случайную гибель груза и издержки и рискъ такого храненія возлагаются на получателя. Но этими постановленіями правилъ перевозки грузовъ, равно какъ и соотвѣтствующими имъ условіями коносамента, не снимается съ Добровольнаго флота обязанность хранить въ складѣ непринятый грузъ такъ, какъ подобаетъ всякому хранителю чужого имущества, а потому и не можетъ быть устранена отвѣтственность Добровольнаго флота за порчу или утрату состоящаго у него на храненіи груза, послѣдовавшую по винѣ агентовъ этого учрежденія, доказать которую, однако, вопреки утвержденію просителя, лежитъ уже, на общемъ основаніи 684 ст. X т. ч. I и 366 ст. Уст. Гражд. Суд., на собственникѣ, какъ получателѣ груза, за счетъ и рискъ коего грузъ хранился (Тоже: рѣш. 2-го Общ. Собр. 1913 г., по д. Барбаша). Ср. № 471/320.

403. Фрахтовщикъ, принявшій на себя обязанность доставить грузъ въ какую-либо внутреннюю таможню, отвѣтственъ за убытки, понесенные грузополучателемъ вслѣдствіе несвоевременной перегрузки товара съ парохода на желѣзную дорогу.

Изъ дѣла видно: акціонерное общество „Русское-Восточно-Азіатское Пароходство“ по коносаменту отъ 22 апрѣля 1904 г. приняло на пароходъ „Анамба“

996 тюковъ чая для перевозки изъ Коломбо въ Москву чрезъ С.-Петербургъ. По прибытіи парохода въ С.-Петербургъ, шкиперъ сдалъ грузъ въ С.-Петербургскую портовую таможню, но при этомъ упустилъ подать заявленіе о томъ, что грузъ слѣдуетъ въ Москву и долженъ подлежать досмотру въ Московской таможнѣ; въ виду этого грузъ пролежалъ въ С.-Петербургской таможнѣ и по истеченіи 14 дней былъ осмотрѣнъ таможнею; а такъ какъ таможнѣ пришлось произвести осмотръ безъ досмотровыхъ документовъ, то ею на товарохозяина Швецова была наложена пеня въ размѣрѣ 3% съ причитающейся за товаръ пошлины въ суммѣ 2915 р. 46 к. и кромѣ того за храненіе товара въ складахъ таможни было взыскано складочнаго сбора 181 руб. 70 коп., а всего 3097 руб. 16 коп., каковая сумма и составляетъ предметъ требованія Швецова. Коммерческій Судъ исковыя требованія Швецова удовлетворилъ. Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ считаетъ необходимымъ прежде всего остановиться на условіяхъ договора перевозки, нашедшаго себѣ выраженіе въ коносаментѣ. Грузъ принятъ былъ отвѣтчикомъ въ Коломбо для перевозки чрезъ С.-Петербургъ въ Москву; цѣна фрахта была выговорена, причемъ за провозъ между Москвою и С.-Петербургомъ по особому разсчету; такимъ образомъ, отвѣтчикъ, будучи владѣльцемъ парохода, являлся по договору въ отношеніи грузополучателя лицомъ, обязаннымъ доставить грузъ отъ С.-Петербурга до Москвы сухимъ путемъ; слѣдовательно, грузополучатель не долженъ былъ въ силу договора перевозки, заботиться о перегрузкѣ съ парохода на желѣзную дорогу. Обращаясь поэтому къ вопросу, на комъ лежала такая забота, нельзя не имѣть въ виду, что пароходъ, на которомъ перевозился грузъ изъ Коломбо въ С.-Петербургъ, былъ случайнымъ или неконтрактнымъ; иными словами,—пароходовладѣлецъ не состоялъ въ соглашеніи съ управленіемъ Николаевской желѣзной дороги о прямой перевозкѣ до Москвы; отсюда вытекаетъ, какъ это и подтверждается письмомъ коммерческаго отдѣла названнаго управленія отъ 11 апрѣля 1905 г. за № 756, что таможенное агентство поименованной дороги не обязано было заботиться о пересылкѣ груза изъ С.-Петербургской (пограничной) въ Московскую (внутреннюю) таможню. Остается, такимъ образомъ лишь то самое общество, которому принадлежалъ пароходъ, везшій грузъ. Кто именно долженъ былъ явиться въ таможню отъ общества съ просьбой о выдачѣ груза на желѣзную дорогу для слѣдованія въ Москву и какъ онъ долженъ былъ осуществить свою обязанность, все это вопросы для исхода дѣла безразличные: шкиперъ ли парохода, иной ли агентъ отвѣтчика, съ подлиннымъ ли коносаментомъ или его дубликатомъ, отъ имени ли отправителя, отъ имени ли получателя или отъ своего собственнаго—все равно, такъ какъ фактическія затрудненія, не достигающія силы непреодолимаго препятствія, юридической обязанности не устраняютъ; въ частности, по поводу того, что коносаментъ былъ на ордеръ (то есть на предъявителя) нельзя не

признать правильности соображенія Коммерческаго Суда, что перевозчикъ, взявшійся доставить грузъ до мѣста назначенія, долженъ знать впередъ всѣ формальности, необходимыя для этого, а потому и обязанъ былъ заблаговременно запастись документами, которые могли быть потребованы, въ томъ числѣ и надлежащими уполномочіями. Однако, предшествовавшія разсужденія покоятся на томъ предположеніи, что С.-Петербургская таможня не должна была сама распорядиться пересылкою груза въ Москву; между тѣмъ отвѣтчикъ противъ этого споритъ, утверждая, что грузъ, адресованный въ Москву, не могъ быть досмотрѣнъ въ иномъ мѣстѣ, вслѣдствіе чего досмотръ груза въ С.-Петербургѣ и его невыгодныя для истца послѣдствія подлежали обжалованію со стороны истца въ законномъ порядкѣ. Выводы отвѣтчика представляются безспорными, но правильность исходной его точки истецъ подвергаетъ сомнѣнію. Въ окончательномъ итогѣ соображенія истца о томъ, что С.-Петербургская таможня заботиться по собственному почину пересылкою груза въ Москву вовсе не была обязана, слѣдуетъ признать основательными: если бы и допустить, что всѣ ссылки отвѣтчика на законы вѣрны и несомнѣнны, то и въ такомъ случаѣ ссылки эти являются явнымъ отвлеченіемъ отъ весьма важнаго по настоящему дѣлу обстоятельства, указаннаго выше. Никто не рѣшится, конечно, утверждать, что таможня должна пересылать грузъ на казенный счетъ; между тѣмъ изъ договора перевозки видно, что грузополучатель фрахтъ за весь путь отъ Коломбо до Москвы не обязанъ былъ уплатить ранѣе прибытія груза въ Москву, а Николаевская желѣзная дорога, очевидно, также не обязана была принимать грузъ къ перевозкѣ безъ предварительнаго о томъ соглашенія съ пароходовладѣльцемъ или его агентами; такимъ образомъ, хотя бы и считать, что пограничная таможня, какъ общее правило, должна сама, помимо чьихъ-либо ходатайствъ, пересылать грузъ во внутреннія таможни, то подобнаго рода обязанность естественно ограничивается случаями, когда имѣется налицо возчикъ, готовый принять грузъ; въ данномъ же случаѣ поставить такого возчика слѣдовало отвѣтчику, какъ перевозчику, обязавшемуся предъ грузоотправителемъ довезти грузъ по условленной за фрахтъ цѣнѣ до Москвы; не поставивъ такого возчика, отвѣтчикъ лишилъ пограничную таможню какой-либо возможности пересылать грузъ куда бы то ни было, а потому всѣ послѣдующія дѣйствія ея по досмотру представляются неизбѣжными и для грузополучателя непререкаемыми. Все изложенное приводитъ къ тому заключенію, что отвѣтчикъ, не будучи экспедиторомъ, не могъ бы нести отвѣтственности за неочистку товара отъ таможенной пошлины, но за допущеніе досмотра въ пограничной таможнѣ вмѣсто внутренней отвѣчать долженъ въ качествѣ лица, обязаннаго своевременнымъ пріисканіемъ возчика для дальнѣйшаго пути. Сдѣланнаго вывода ничуть не колеблетъ указаніе апелляціонной жалобы что убытки, отыскиваемые истцомъ, произошли отъ непредставленія документовъ къ досмотру, а не отъ допущенія досмотра: самое его допущеніе, вызванное

дѣйствіями отвѣтчика, явилось совершенною для грузополучателя неожиданностью, а потому досмотровые документы и не могли быть представлены: въ томъ и состоитъ вина отвѣтчика предъ истцомъ, что отвѣтчикъ своимъ упущеніемъ вызвалъ досмотръ груза въ С.-Петербургѣ, такъ какъ истецъ имѣлъ достаточное основаніе изготовить документы для досмотра въ Москвѣ. На основаніи приведенныхъ соображеній и принявъ во вниманіе, что противъ размѣра исковыхъ требованій спора нѣтъ,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшительное опредѣленіе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда отъ 7 ноября 1906 г. оставить въ силѣ (1909 г., № 1474).

404|274. Принятіе грузоотправителемъ на отправляемый грузъ квитанціи должно быть признано за согласіе его на условія, въ оныхъ заключающіяся. Срочность перевозки должна быть оговорена въ самомъ договорѣ. Недоставка товара въ портъ назначенія вслѣдствіе замерзанія его не можетъ быть отнесена къ винѣ перевозчика. Дальнѣйшіе, по выполненіи перевозки, расходы по храненію груза не могутъ быть отнесены на счетъ перевозчика.

Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что предметъ его заключается въ требованіи Вайнштейномъ съ Россійскаго Общества транспортированія кладей убытковъ, причиненныхъ ему послѣднимъ отъ допущенной имъ медленности въ перевозкѣ переданныхъ имъ 66 бочекъ вина для доставленія изъ Одессы въ Ростовъ-на-Дону, вслѣдствіе чего, по случаю замерзанія Ростовскаго порта, означенный грузъ долженъ былъ быть выгруженъ въ Маріупольскомъ портѣ. Убытки эти заключаются въ слѣдующемъ: 1) за фрахтъ слѣдовало уплатить 679 руб. 75 коп., а между тѣмъ потребовано на 211 руб. 11 коп. больше; 2) вслѣдствіе недоставленія вина къ мѣсту назначенія пришлось заплатить за перевозку такового изъ Маріуполя въ Ростовъ 700 руб.; 3) оказалось утечки вина, за исключеніемъ одной разбитой бочки и 2% , за которые общество не отвѣчаетъ, 222 пуда стоимостью въ 444 руб., и 4) вслѣдствіе замерзанія вина таковое потеряло въ своей цѣнности 883 р. 50 коп. Не признавая сего иска правильнымъ, отвѣтчикъ объясняетъ, что въ выданныхъ Вайнштейну квитанціяхъ не условлено было о срочной доставкѣ груза, что въ означенныхъ квитанціяхъ сдѣлана была оговорка о томъ, что въ случаѣ замерзанія Ростовскаго порта грузъ имѣетъ быть выгруженъ въ ближайшемъ портѣ, откуда адресатъ долженъ принять его съ уплатою всѣхъ причитающихся обществу платежей, и что, наконецъ, на тѣхъ же квитанціяхъ имѣется оговорка о непрочности бочекъ вина и о томъ, что за утечку и усышку общество не отвѣчаетъ. Обращаясь, прежде всего, къ

разрѣшенію вопроса о томъ, насколько условія, имѣющіяся на квитанціяхъ, могутъ быть признаны обязательными для грузоотправителя, Прав. Сенатъ находитъ, что одно принятіе послѣднимъ выдаваемыхъ ему перевозчикомъ на отправляемый грузъ квитанцій должно быть признаваемо за согласіе его на условія, въ оныхъ заключающіяся, которыя вслѣдствіе сего и становятся для него обязательными, если, конечно, не заключаютъ въ себѣ чего-либо противнаго законамъ. Что же касается указанія апеллятора на то, что квитанціи, служащія основаніемъ настоящаго дѣла, выданы были ему уже послѣ отправки товара, то обстоятельство это, если бы оно и было доказано, не можетъ имѣть приписываемаго ему апелляторомъ значенія, ибо если бы Вайнштейнъ дѣйствительно находилъ заключающіяся въ квитанціяхъ условія несогласными съ его съ обществомъ соглашеніемъ по предмету перевозки его вина, то въ огражденіе своихъ интересовъ отъ него зависѣло опротестовать таковыя немедленно по ихъ полученіи. Въ настоящемъ же случаѣ Вайнштейнъ заявилъ свой протестъ противъ этихъ условій черезъ своего повѣреннаго лишь 4 января, т. е. спустя 2 мѣсяца по полученіи квитанцій, когда уже обнаружились всѣ невыгодныя для него по перевозкѣ товара отъ замерзанія Ростовскаго порта послѣдствія, вслѣдствіе чего и протесту этому не можетъ быть придано какое-либо значеніе. Признавая посему ходатайство апеллятора о допросѣ свидѣтелей въ доказательство того, что квитанціи выданы были ему послѣ отправки груза, не уважительнымъ и переходя засимъ къ разсмотрѣнію требованій Вайнштейна по существу, Прав. Сенатъ, прежде всего, признаетъ, что обвиненіе истца въ медленности транспортнаго общества въ перевозкѣ его груза не подтверждается обстоятельствами дѣла. Изъ имѣющихся въ дѣлѣ квитанцій общества не видно, чтобы грузъ былъ сданъ для срочной доставки въ Ростовъ; при этомъ изъ тѣхъ же квитанцій не усматривается, чтобы пароходъ, на который нагруженъ былъ товаръ Вайнштейна, обязанъ былъ совершить рейсъ прямо въ Ростовъ, безъ захода въ другіе порты для разгрузки другихъ имѣвшихся, по объясненію отвѣтчика, на пароходѣ товаровъ, а потому заходъ парохода общества въ Ѳеодосію для разгрузки, по объясненію отвѣтчика, не опровергнутому апелляторомъ, товаровъ и для выжиданія, для дальнѣйшаго плаванія благопріятной погоды, не можетъ быть, какъ то старается доказать апелляторъ, поставлено въ вину обществу транспортированія кладей. Что же касается указанія апеллятора на то, что желаніе его, чтобы грузъ его былъ доставленъ въ Ростовъ наивозможно скорѣе, усматривается изъ того, что онъ предпочелъ сдать свой грузъ Россійскому Транспортному обществу, пароходъ котораго отходилъ ранѣе парохода Русскаго Общества Пароходства и Торговли, то оно не можетъ быть вовсе принято во вниманіе, ибо если онъ дѣйствительно желалъ срочной доставки груза въ Ростовъ, то отъ него зависѣло поставить это обществу транспортированія кладей непремѣннымъ условіемъ, на каковое условіе означенное общество вольно было бы согласиться или нѣтъ, чего, однако,

Вайнштейнъ не сдѣлалъ, ходатайство же его о допросѣ въ подтвержденіе этого обстоятельства свидѣтелей не можетъ подлежать удовлетворенію, такъ какъ во всякомъ случаѣ срочность перевозки должна была бы быть оговорена въ самомъ договорѣ. Далѣе изъ дѣла видно, что по прибытіи парохода въ Маріуполь, онъ съ грузомъ Вайнштейна дважды пытался пройти въ Ростовъ, но по случаю замерзанія Таганрогскаго рейда эти попытки ему не удались и онъ принужденъ былъ зазимовать въ Маріупольскомъ портѣ. Хотя апелляторъ и старается доказать, что документы, представленные отвѣтчикомъ въ доказательство невозможности для парохода, на которомъ нагруженъ былъ грузъ истца, пробраться въ Ростовъ по случаю замерзанія Таганрогскаго порта, не могутъ быть приняты во вниманіе, какъ другъ другу противорѣчащіе, тѣмъ не менѣе усматриваемое имъ противорѣчіе можетъ относиться развѣ только до чиселъ, въ которые пароходъ дѣлалъ попытки пройти въ Таганрогскій портъ, самый же фактъ сдѣланныхъ имъ двукратныхъ въ этомъ отношеніи попытокъ вполнѣ подтверждается какъ заявленіемъ общества пароходства на Дону, Азовскому и Черному морямъ отъ 9 декабря 1889 г. и имѣющимися въ дѣлѣ телеграммами, такъ и главнымъ образомъ удостовѣреніемъ Маріупольской таможни отъ 7 декабря 1889 г., изъ котораго видно, что пароходъ общества, придя въ Маріуполь 13 ноября и сдавъ грузъ и пассажировъ, отошелъ того же числа въ Таганрогъ, но 16, не сдавъ груза, вернулся; 20 ноября вторично отошелъ, но и на этотъ разъ, по случаю окончательнаго замерзанія моря, возвратился 22 ноября въ Маріуполь, гдѣ и сталъ на зимовку. Не усматривая, такимъ образомъ, основаній къ обвиненію общества транспортированія кладей въ какой-либо медленности въ доставкѣ порученнаго ему Вайнштейномъ для перевозки груза и признавая, что недоставка такового въ Ростовъ и выгрузка его въ Маріупольскомъ портѣ должны быть признаны происшедшими исключительно вслѣдствіе замерзанія Таганрогскаго порта, то есть вслѣдствіе обстоятельствъ, отъ воли общества независѣвшихъ, — Прав. Сенатъ находитъ, что на случай замерзанія Ростовскаго порта въ квитанціяхъ, выданныхъ обществомъ Вайнштейну, сдѣлана оговорка о томъ, что въ такомъ случаѣ грузъ имѣетъ быть выгруженъ въ ближайшемъ портѣ, откуда адресатъ долженъ принять его съ уплатою всѣхъ причитающихся по квитанціямъ обществу платежей, вслѣдствіе чего и требованія Вайнштейна объ уплатѣ ему обществомъ 700 руб., израсходованныхъ на перевозку груза изъ Маріуполя въ Ростовъ по желѣзной дорогѣ, и 883 руб. 50 коп., составляющихъ убытокъ отъ замерзанія вина и ухудшенія вслѣдствіе сего его качества (за что, впрочемъ, общество не отвѣчаетъ и въ силу п. д § 12 условій перевозки), какъ требованія убытковъ, понесенныхъ истцомъ не по винѣ общества, не могутъ подлежать удовлетворенію. Что же касается требованія истца въ суммѣ 211 р. 11 к., то таковое, какъ видно изъ имѣющагося въ дѣлѣ счета конторы общества транспортированія кладей на имя агента Вайнштейна отъ 2 января 1890 г., вовсе

не составляетъ расхода на излишне переплаченный фрахтъ, какъ то объясняетъ истецъ, а представляетъ собою расходъ по разгрузкѣ бочекъ вина въ Маріупольскомъ портѣ, по найму для помѣщенія онаго погребовъ, починкѣ бочекъ и проч. Принимая во вниманіе, что съ доставкою принадлежащаго Вайнштейну груза въ Маріуполь (вмѣсто Ростова, куда онъ не могъ быть доставленъ по случаю замерзанія порта) общество, въ силу условій, обозначенныхъ въ выданныхъ имъ Вайнштейну квитанціяхъ, должно быть признано исполнившимъ лежавшія на немъ передъ грузоотправителемъ обязанности, Прав. Сенатъ находитъ, что всѣ дальнѣйшіе расходы по храненію груза не могутъ уже быть возложены на общество, а потому и въ этомъ требованіи истца должно быть отказано. Переходя, наконецъ, къ послѣднему требованію истца въ суммѣ 444 руб., составляющей убытокъ отъ утечки изъ всего количества вина 222 пудовъ,—Прав. Сенатъ находитъ, что въ выданныхъ Вайнштейну квитанціяхъ на перевозку его груза обществомъ сдѣлана оговорка о непрочности укупорки бочекъ съ виномъ и о непринятіи обществомъ, вслѣдствіе сего, на себя отвѣтственности за утечку и усышку вина. Хотя апелляторъ старается доказать, что упомянутая оговорка о непрочности бочекъ была сдѣлана обществомъ неосновательно, что бочки всѣ были крѣпкія, въ подтвержденіе чего ссылается на имѣющійся въ дѣлѣ полицейскій протоколъ отъ 4 января 1890 г. и проситъ допросить лицъ, подписавшихъ оный, но содержаніе этого протокола скорѣе подтверждаетъ правильность сдѣланной обществомъ оговорки о непрочности бочекъ, такъ какъ изъ него усматривается, что при осмотрѣ бочекъ двѣ изъ нихъ оказались ветхими и по этому случаю вино изъ нихъ надо было перелить въ другія бочки, а 4 также оказались не новыми и съ проломами, изъ полицейскаго же протокола отъ 28 ноября 1889 г. видно, что одна бочка при перевозкѣ изъ Маріупольскаго порта въ городъ лопнула вслѣдствіе плохой укупорки и ветхости. Въ виду сего и такъ какъ общество, въ виду неудовлетворительнаго состоянія бочекъ, сложило съ себя при перевозкѣ вина Вайнштейна отвѣтственность за утечку и усышку онаго, то и требованіе Вайнштейна о взысканіи съ общества за утечку 444 руб. не можетъ быть признано подлежащимъ удовлетворенію. Въ виду изложенныхъ соображеній, признавая всѣ доводы апеллятора къ отмѣнѣ постановленнаго по настоящему дѣлу рѣшенія Одесскаго Ком. Суда неосновательными, а засимъ и ходатайства его о допросѣ указанныхъ имъ свидѣтелей, равно какъ и о выдачѣ ему свидѣтельства на полученіе справки отъ Донецко-каменноугольной желѣзной дороги относительно уплаченныхъ ей за перевозку вина денегъ и объ истребованіи отъ покупателя вина Баранова свѣдѣній о размѣрѣ полученнаго имъ отъ Вайнштейна удовлетворенія, какъ не имѣющія для разрѣшенія настоящаго дѣла какого-либо значенія, удовлетворенію не подлежащими, — Прав. Сенатъ рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда въ обжалованной части утвердилъ (1891 г., № 94).

405. Предѣлы отвѣтственности перевозчика, принявшаго на себя срочную доставку груза, въ случаѣ сложенія желѣзными дорогами отвѣтственности за срочную доставку.

Фактъ сложенія желѣзной дорогой отвѣтственности за срочную доставку самъ по себѣ не доказываетъ, что всѣ грузы перевозились съ опозданіемъ на все время перерыва срочнаго движенія, такъ какъ сложеніе отвѣтственности не означаетъ прекращеніе вовсе движенія по желѣзной дорогѣ и не устраняетъ затѣмъ обязанности ея принимать по силѣ ст. 110 Общ. Уст. Росс. жел. дор. всѣ мѣры исправнаго возчика для перевозки грузовъ въ срокъ. Невозможность исполненія для желѣзной дороги такихъ своихъ обязанностей въ смыслѣ необходимости прервать срочное движеніе и затѣмъ, по устраненіи причинъ, возстановить его, происходятъ по ст. 53 уст. Росс. жел. дорогъ подъ вѣдѣніемъ совѣта по желѣзнодорожнымъ дѣламъ и Министерства Путей Сообщенія, съ утвержденія которыхъ и производятся желѣзными дорогами публикаціи во всеобщее свѣдѣніе какъ о сложеніи, такъ и о возстановленіи отвѣтственности за срочную доставку. Такое положеніе въ настоящемъ случаѣ создавало для перевозчика необходимость—для сложенія съ себя отвѣтственности за просрочку—доказыванія не факта перерыва срочнаго движенія по желѣзной дорогѣ, въ чемъ въ виду опубликованія надобности и не представлялось, а именно того, что фактически грузы были перевезены желѣзной дорогой съ опозданіемъ противъ нормальнаго срока, и на какое именно время, вызвавшемъ въ свою очередь просрочку со стороны перевозчика на тотъ же срокъ (1910 г., № 1308). Ср. рѣш. *Гражд. Касс. Деп.* 1911 г., № 101, касающееся *условій отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ при сложеніи отвѣтственности какою либо дорогою, участвовавшею въ перевозкѣ.*

406|275. Условія перевозки, напечатанныя на оборотѣ выданныхъ товароотправителю перевозчикомъ квитанцій, обязательны для контрагентовъ. Обязанность перевозчика страховать перевезенный товаръ на складѣ какъ въ силу условій перевозки, такъ и по ст. 102 общ. уст. ж. д. Показанная въ квитанціяхъ страховая стоимость товара не можетъ быть принята за основаніе къ опредѣленію дѣйствительной стоимости сгорѣвшаго товара.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что сдѣлка о перевозкѣ товара, убытки отъ истребленія коего составляютъ предметъ первоначальнаго иска Ванюшина къ торговому дому „А. Ф. Тяпунинъ и сынъ“, изло-

жена въ трехъ квитанціяхъ, выданныхъ въ принятіи сего товара торговымъ домомъ 9, 14 и 18 августа 1887 г. за №№ 14486, 14540 и 14645 и изложенныхъ на печатныхъ бланкахъ торговаго дома такимъ образомъ, что на одной сторонѣ имѣется обозначеніе товара, имя товароотправителя и товарополучателя, мѣсто и время выдачи и № квитанціи, исчисленіе товара съ означеніемъ стоимости, происхожденія, рода, числа мѣстъ, вѣса и знаковъ его, размѣръ причитающейся провозной платы и страховой преміи и, наконецъ, подпись повѣреннаго торговаго дома, затѣмъ на оборотной сторонѣ пропечатаны условія перевозки въ 11 пунктахъ. Ком. Судъ, высказавъ въ соображеніяхъ обжалованнаго нынѣ рѣшенія своего отъ 22/29 сентября 1888 г., что только лицевая сторона квитанціи обыкновенно имѣется въ виду отправителемъ товара, этимъ какъ бы призналъ, что въ данномъ случаѣ при обсужденіи обязанностей торговаго дома по договору перевозки во вниманіе могло быть принято лишь содержаніе лицевой стороны квитанцій; но подобное заключеніе должно быть признано безусловно неправильнымъ, ибо означенныя условія напечатаны на бланкахъ, изготовленныхъ самимъ торговымъ домомъ и выдаваемыхъ имъ товароотправителямъ, а потому, очевидно, условія на оборотѣ квитанцій представляются предложенными торговымъ домомъ своимъ контрагентамъ при заключеніи договора перевозки, причемъ, какъ это прямо выражено въ 11 п. самыхъ условій, согласіе на заключеніе договора перевозки именно на изложенныхъ въ условіяхъ основаніяхъ выражается принятіемъ квитанціи товароотправителемъ. При такомъ положеніи дѣла, согласіе торговаго дома на эти условія и засимъ обязательность оныхъ для торговаго дома, безъ сомнѣнія, не можетъ уже подлежать никакому спору и во всякомъ случаѣ не находится уже въ зависимости ни отъ того, что подпись отъ имени торговаго дома значится на лицевой сторонѣ квитанцій, т. е. до условій, ни отъ того, что обыкновенно, какъ полагаетъ Ком. Судъ, отправители обращаютъ вниманіе лишь на лицевую сторону квитанціи. Признавая, такимъ образомъ, полный текстъ квитанцій матеріаломъ для обсужденія взаимныхъ правъ и обязанностей сторонъ по договору перевозки торг. домомъ товаровъ Ванюшина, Прав. Сенатъ усматриваетъ, что обязанность торг. дома къ страхованію принятаго къ перевозкѣ товара не только въ пути, но и по выгрузкѣ его на берегъ въ Астрахани до сдачи товара Ванюшину, какъ означенному въ квитанціяхъ товарополучателю, истецъ выводитъ изъ 7 п. условій перевозки, въ которомъ значится: „товаръ доставленный получатель обязанъ принять на пристани или въ складѣ при конторѣ въ теченіе двухъ дней, по истеченіи коихъ получатель груза обязанъ уплатить за полежалое по $^1/_4$ к. въ сутки съ пуда и во всякомъ случаѣ, кромѣ платежа за полежалое, платить еще за перевозки, склады, за страхованіе въ нихъ и прочіе расходы по счету, представленному конторой“. Ком. Судъ толкуетъ это постановленіе, согласно съ объясненіями повѣреннаго торговаго дома, въ томъ смыслѣ, что имъ предоста-

вляется торговому дому лишь право страховать товаръ по прибытіи его на мѣсто назначенія, но не налагается на него обязанности къ таковому страхованію. Однако, подобное толкованіе 7 п. условій не можетъ быть признано правильнымъ прежде всего потому, что нѣтъ разумнаго основанія для торговаго дома выговаривать себѣ отъ Ванюшина право на такое дѣйствіе, какъ страхованіе товара послѣдняго, которое направлено исключительно въ пользу именно Ванюшина и вовсе не касается интересовъ торговаго дома; но толкованіе Ком. Суда не подтверждается и буквальнымъ смысломъ 7 п., изъ коего видно, что симъ пунктомъ условій торговому дому предоставляются лишь слѣдующія права: во 1-хъ, требовать съ товарополучателя, начиная съ третьяго дня по прибытіи товара, за полежалое по 1/4 коп. въ сутки съ пуда, во 2-хъ, независимо отъ сего требовать возмѣщенія разныхъ расходовъ по принятому имъ товару, какъ-то: за перевозки, за склады, за страхованіе въ оныхъ и др. и притомъ „по счету, представленному конторою“; такимъ образомъ изъ буквальнаго смысла 7 п. условій видно лишь, что разные расходы по прибывшему грузу возмѣщаются перевозчику отдѣльно отъ платы за полежалое; принимая же во вниманіе съ одной стороны, что особыхъ постановленій относительно страхованія прибывшаго товара до сдачи его получателю ни въ законѣ, ни въ настоящемъ договорѣ сторонъ не содержится, а съ другой стороны, что вышеприведенный п. 7, устанавливающій обязанность товарополучателя къ возмѣщенію расходовъ по страхованію товара „на складахъ“, т. е. послѣ прибытія на мѣсто назначенія, упоминаетъ объ этомъ страхованіи наряду съ такими распоряженіями (перевозка товара по прибытіи, помѣщеніе его на склады), которыя безъ всякаго сомнѣнія предпринимаются перевозчикомъ по собственному почину, въ качествѣ временнаго хранителя несданнаго еще получателю товара, а вовсе не вслѣдствіе какого-либо особаго каждый разъ порученія товарополучателя, предполагаемаго въ то время еще вовсе неявившимся, и которыя притомъ также въ договорѣ о перевозкѣ въ частности не предусмотрѣны, нельзя не придти къ тому заключенію, что при заключеніи договора о перевозкѣ, изложеннаго въ квитанціяхъ за №№ 14486, 14540 и 14645, контрагенты имѣли въ виду страхованіе перевозимыхъ товаровъ не только въ пути до мѣста назначенія, о каковомъ страхованіи говорится на лицевой сторонѣ квитанцій, но равнымъ образомъ и по прибытіи товара на мѣсто, до сдачи онаго получателю. Подобному выводу нисколько, очевидно, не препятствуетъ ни то обстоятельство, что въ имѣющемся въ рукахъ торговаго дома генеральномъ полисѣ предусмотрѣно исключительно страхованіе товаровъ въ пути, ни то заявленіе со стороны торговаго дома, что страхованіе товаровъ Ванюшина на складѣ было бы неисполнимо въ виду неизвѣстности срока пріемки имъ этого товара, ибо, во 1-хъ, самый способъ застрахованія товаровъ, при помощи генеральнаго полиса или отдѣльно, и удобство того или другого способа застрахованія для торговаго дома, очевидно,

никакого значенія въ дѣлѣ имѣть не могутъ и нисколько не измѣняютъ правъ и обязанностей сторонъ и если страхованіе товаровъ на складѣ не могло имѣть мѣста при помощи генеральнаго полиса, то отъ торговаго дома зависѣло страхованіе это произвести по отдѣльному полису за счетъ товаруполучателя; во 2-хъ, неизвѣстность срока принятія товара Ванюшинымъ, сама по себѣ, также не препятствовала самому застрахованію, которое развѣ въ охраненіе несущаго расходы по оному Ванюшина могло быть произведено на возможно краткій срокъ; притомъ самое упоминаніе расходовъ на застрахованіе на складахъ въ 7 п. условій въ числѣ такихъ расходовъ, которые возмѣщаются получателемъ лишь впослѣдствіи по представленному счету, уже указываетъ на то, что эти расходы почитаются во время заключенія договора еще неизвѣстными, а при извѣстности какъ стоимости товара, такъ и страховыхъ тарифовъ элементомъ неопредѣленнымъ, очевидно, является именно срокъ страхованія, неизвѣстность коего такимъ образомъ по п. 7 условій, сама по себѣ, не почитается препятствіемъ страхованія вообще. На основаніи всего изложеннаго, нельзя не признать, что по смыслу приведенныхъ пунктовъ соглашенія торговаго дома „А. Ф. Тяпунинъ и сынъ“ съ Ванюшинымъ, изложеннаго въ квитанціяхъ за №№ 14486, 14540 и 14645, перевозчикъ, торговый домъ, въ качествѣ хранителя товаровъ, въ тѣхъ квитанціяхъ означенныхъ, обязанъ былъ къ страхованію оныхъ не только въ пути, но и по прибытіи въ Астрахань на складахъ до принятія ихъ получателемъ Ванюшинымъ и что засимъ, упустивъ это страхованіе, торговый домъ за силою ст. 684 т. X ч. 1 долженъ быть признанъ отвѣтственнымъ передъ Ванюшинымъ за тѣ убытки, которые причинены ему истребленіемъ сихъ товаровъ пожаромъ 3 сентября 1887 г. и не предотвращены торговымъ домомъ путемъ страхованія. Но даже независимо отъ неисполненія обязанности страхованія перевезеннаго товара на складахъ въ Астрахани торговый домъ „А. Ф. Тяпунинъ и сынъ“ является отвѣтственнымъ предъ Ванюшинымъ за убытки отъ гибели его товара при пожарѣ 3 сентября 1887 г. въ Астрахани по слѣдующимъ соображеніямъ: по силѣ п. 5 условій перевозки, пропечатанныхъ на квитанціяхъ, торговый домъ принялъ на себя отвѣтственность за цѣлость грузовъ, застрахованныхъ на основаніи правилъ страховыхъ обществъ, а за грузы незастрахованные—по правиламъ желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ компаній; такъ какъ товаръ Ванюшина, какъ видно изъ дѣла, былъ застрахованъ лишь въ пути до Астрахани, а по прибытіи въ Астрахань являлся уже грузомъ незастрахованнымъ, то съ момента прибытія его въ Астрахань отвѣтственность торговаго дома должна опредѣляться, по смыслу приведеннаго п. 5 условій перевозки, законоположеніями, установленными для желѣзныхъ дорогъ; а по ст. 102 Общ. Уст. Росс. жел. дор., желѣзная дорога отвѣтствуетъ за утрату и поврежденіе принятаго къ перевозкѣ груза, послѣдовавшія въ теченіе времени отъ заключенія договора до выдачи груза, если не до-

кажетъ что они произошли: а) по винѣ лица, имѣющаго право распоряженія грузомъ, или вслѣдствіе исполненія дорогою требованій этого лица; б) по причинѣ отсутствія или недостаточности упаковки; в) отъ свойства самаго груза; г) отъ непреодолимой силы; при этомъ грузъ почитается выданнымъ какъ въ случаѣ принятія его получателемъ, такъ и въ случаѣ передачи его на мѣстѣ назначенія въ таможню или частный складъ для храненія на основаніи ст. 81 сего Устава. Между тѣмъ въ настоящемъ дѣлѣ торговый домъ не доказалъ наличности какого-либо изъ условій, поименованныхъ въ приведенной ст. 102 Общ. Уст. Росс. жел. дор., освобождающихъ его отъ отвѣтственности за утрату и поврежденіе груза Ванюшина. Признавая такимъ образомъ исковое требованіе Ванюшина въ существѣ своемъ правильнымъ и обращаясь къ вопросу о размѣрѣ убытковъ, понесенныхъ истцомъ отъ пожара 3 сентября 1887 г. и подлежащихъ возмѣщенію со стороны торговаго дома, Прав. Сенатъ находитъ, что истецъ убытки свои опредѣляетъ въ суммѣ 13.674 р. 80 к. согласно даннымъ, заключающимся въ представленномъ имъ къ дѣлу протоколѣ отъ 20 сентября 1887 г., составленномъ послѣ пожара агентомъ Сѣвернаго Страхового Общества и повѣреннымъ Ванюшина, Богачевымъ, при участіи повѣреннаго Тяпуниныхъ, Богданова, отказавшагося отъ подписи протокола. Согласно сему протоколу, стоимость вполнѣ сгорѣвшихъ товаровъ, показанныхъ въ квитанціяхъ №№ 14486 и 14645 опредѣлена въ 8.985 р. 54 к. и 2.018 р. 11 к., затѣмъ сгорѣвшая часть товара, значащагося въ квитанціи № 14540 (55 тюковъ кожевеннаго товара, 1 ящикъ чая и 5 штукъ матеріи), оцѣнена всего въ 2.191 р. 65 к., а убытокъ отъ порчи 1 ящика чая и 147 шт. разной матеріи опредѣленъ въ 479 р. 50 к. Оцѣнка погибшихъ товаровъ въ этомъ протоколѣ, какъ произведенная безъ согласія торговаго дома, повѣренный коего отказался отъ подписи протокола, сама по себѣ, не можетъ имѣть въ дѣлѣ доказательной силы. Равнымъ образомъ и стоимость товара, показанная въ самыхъ квитанціяхъ, не можетъ служить основаніемъ для исчисленія убытковъ Ванюшина какъ потому, что стоимость эта, какъ на то указываетъ повѣренный торговаго дома, означена въ квитанціяхъ согласно п. 1 условій перевозки по показанію лишь отправителя безъ всякаго участія въ опредѣленіи ея со стороны торговаго дома, а засимъ и не представляется обязательною для сего послѣдняго, такъ главнымъ образомъ и потому, что стоимость эта указана исключительно на предметъ вычисленія страховой преміи по страхованію товара въ пути, слѣдовательно, имѣетъ значеніе лишь по этому договору страхованія, по коему притомъ торговый домъ не состоитъ страховщикомъ. Такимъ образомъ въ настоящемъ случаѣ, гдѣ торговый домъ, какъ указано уже выше, отвѣтствуетъ передъ Ванюшинымъ не въ качествѣ страховщика, а на основаніи 684 ст. X т. 1 ч. и ст. 102 Общ. Уст. Росс. жел. дор., показанная въ квитанціяхъ страховая стоимость товаровъ истца, сама по себѣ, не можетъ имѣть рѣшающее

значеніе, а отвѣтственность торговаго дома должна опредѣляться по соображеніи съ дѣйствительною стоимостью погибшаго и попорченнаго товара по примѣненію къ правилу, установленному въ ст. 107 Общ. Уст. Росс. жел. дор. Исчисливъ засимъ на основаніи представленныхъ къ дѣлу счетовъ на купленный товаръ въ связи съ квитанціями стоимость сгорѣвшаго товара въ суммѣ 12.449 р. 2 к., Прав. Сенатъ присудилъ означенную сумму съ торговаго дома „А. Ф. Тяпунинъ“ въ пользу Ванюшина (1890 г., № 347).

Тоже по вопросу объ обязательности квитанціонныхъ условій. Коммерческій Судъ отказалъ въ искѣ купца Гродскаго къ Россійскому транспортному и страховому обществу о 1529 руб. 25 коп., стоимости товара, принятаго для перевозки.

Правительствующій Сенатъ разсмотрѣвъ апелляціонную жалобу Гродскаго находитъ, что споръ свой противъ правильности упомянутаго рѣшенія апелляторъ основываетъ на томъ соображеніи, что правила, напечатанныя на оборотной сторонѣ квитанціи, положенной въ основаніе дѣла, какъ противорѣчащія Высочайше утвержденному уставу россійскаго общества страхованія и транспортированія кладей, не могутъ имѣть для контрагентовъ обязательнаго значенія, на основаніи же устава общество должно быть признано отвѣтственнымъ за убытокъ, понесенный Гродскимъ. Это указаніе, по мнѣнію Правительствующаго Сената, представляется, однако, неуважительнымъ по слѣдующимъ основаніямъ: согласно ст. 25, общество отвѣтствуетъ за утрату и поврежденіе принятыхъ имъ для транспортированія товаровъ и грузовъ на основаніи общихъ законовъ гражданскихъ или на основаніи изложенныхъ въ провозной квитанціи условій, если не докажетъ, что утрата или поврежденіе произошли отъ непреодолимой силы или свойства груза или по причинѣ недостатковъ при пріемѣ товаровъ и грузовъ. Такимъ образомъ, тотъ законъ, на которомъ апелляторъ строитъ свое возраженіе, разрѣшаетъ включеніе въ договоръ перевозки особыхъ квитанціонныхъ условій. А такъ какъ, съ одной стороны, тѣ пункты квитанціонныхъ условій, которыми защищается отвѣтчикъ и которые устанавливаютъ безотвѣтственность общества въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не противорѣчатъ ни общимъ законамъ, ни другимъ, содержащимся въ самомъ уставѣ постановленіямъ, а съ другой—эти пункты, въ примѣненіи къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, съ полною убѣдительностью устанавливаютъ безотвѣтственность общества передъ истцомъ, то Правительствующій Сенатъ находитъ требованіе истца неправильнымъ въ самомъ основаніи, почему и допросъ свидѣтелей въ подтвержденіе того, что товаръ въ томъ видѣ и на ту сумму, которая значится въ фактурѣ, сданъ былъ имъ для перевозки россійскому транспортному обществу, представляется безцѣльнымъ. Въ виду изложеннаго, Правительствующій Сенатъ рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда оставилъ въ силѣ (1911 г., № 643).

407|276. Выраженіе „настоящимъ (письмомъ) мы уступаемъ вамъ мѣсто на пароходѣ“ указываетъ на вполнѣ оформленное уже обязательство лица, подписавшаго это письмо, не нуждающееся въ особомъ подтвержденіи его со стороны другого контрагента. Обязанность лица, нарушившаго договоръ, удовлетворить контрагента за расходы, вызванные этимъ нарушеніемъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Одесскій Ком. Судъ присудилъ съ торговаго дома „Смельсъ Ильсъ и К°“ въ пользу торговаго дома „С. Баржанскій“ 3.753 руб. 22 коп. съ % со дня предъявленія иска по двумъ письмамъ (обязательствамъ) перваго о доставкѣ истцу мѣстъ на имѣющемъ прибыть пароходѣ для перевозки: по первому письму изъ Николаева въ Венецію 6.500 пуд. зерна по цѣнѣ фрахта 1 фр. 30 сант., а по второму такого же количества зерна (6.500 пуд.) по цѣнѣ фрахта 1 фр. 25 сант. изъ Одессы и 1 фр. 35 сант. изъ Николаева съ обязательствомъ доставить пароходъ между 1 и 15 октября нов. ст. 1892 г.? Не оспаривая факта недоставки Баржанскому парохода, отвѣтчикъ, торговый домъ „Смельсъ Ильсъ и К°“, не признаетъ себя, однако, обязаннымъ уплатить отыскиваемые съ него за это истцомъ убытки на томъ, главнымъ образомъ, основаніи, что за неполученіемъ имъ отъ Баржанскаго подтвердительныхъ писемъ, самыя сдѣлки между ними о доставкѣ мѣстъ на пароходѣ не могутъ считаться состоявшимися. Но съ такимъ доводомъ отвѣтчика не представляется возможнымъ согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ. Буквальное содержаніе представленныхъ къ дѣлу писемъ „Смельсъ Ильсъ и К°“, имъ подписанныхъ, въ коихъ сказано: „настоящимъ *мы уступаемъ* Вамъ мѣсто на пароходѣ изъ Николаева въ Венецію на количество 65.000 пудовъ...“ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они составляютъ вполнѣ оформленное обязательство названнаго торговаго дома о предоставленіи Баржанскому къ опредѣленному сроку мѣстъ на пароходѣ, каковое обязательство, какъ и всякое иное, ничего законамъ противнаго въ себѣ не заключающее, по силѣ ст. 569 и 570 т. X ч. 1 Зак. Гражд. налагало на торговый домъ „Смельсъ Ильсъ и К°“ обязанность его исполнить во всемъ томъ, что въ оному постановлено. Не можетъ ослабить этой обязанности ссылка апеллятора на требованіе ст. 333 Уст. Торг. объ обязательности заключенія цертепартіи въ двухъ образцахъ, уже по одному тому, что составляющія предметъ дѣла обязательства торговаго дома „Смельсъ Ильсъ и К°“ не суть вовсе цертепартіи, а лишь обязательства о доставкѣ къ опредѣленному сроку мѣстъ на неизвѣстномъ еще, но имѣющемъ для этого быть готовымъ пароходѣ, вслѣдствіе чего и приведенная выше статья за-

кона, какъ касающаяся исключительно цертепартій, никакого примѣненія къ настоящему дѣлу имѣть не можетъ. Что же касается указанія апеллятора на то, что для того, чтобы подобная составляющая предметъ дѣла сдѣлка могла почитаться состоявшеюся, необходима наличность подтвержденія ея противною стороною, то въ этомъ отношеніи Прав. Сенатъ находитъ, что лучшимъ доказательствомъ тому, что самъ торговый домъ считалъ сдѣлки между нимъ и Баржанскимъ вполнѣ законченными, служитъ то обстоятельство, что не получивъ, какъ онъ нынѣ утверждаетъ, отъ Баржанскаго подтвердительнаго отвѣта на письмо его отъ 6/18 сентября 1892 г. о доставкѣ мѣстъ на пароходѣ для нагрузки 65.000 пуд. зерна, торговый домъ „Смельсъ Ильсъ и К°“, тѣмъ не менѣе, другимъ письмомъ отъ 15/27 того же сентября предоставляетъ ему еще мѣсто для нагрузки другихъ 65.000 пуд. зерна. Независимо отъ сего, если бы торговый домъ дѣйствительно считалъ сдѣлки свои съ Баржанскимъ несостоявшимися, то опротестовалъ бы своевременно и во всякомъ случаѣ по полученіи отъ Баржанскаго, еще до наступленія имъ срока, нотаріальныхъ заявленій съ требованіемъ о предоставленіи ему мѣстъ на пароходѣ. Признавая посему въ виду приведенныхъ данныхъ отсутствіе со стороны Баржанскаго письменнаго подтвержденія сдѣлки не могущимъ имѣть рѣшающаго для настоящаго дѣла значенія, а засимъ и сдѣлки торговаго дома „Смельсъ Ильсъ и К°“ съ Баржанскимъ о предоставленіи послѣднему мѣстъ на пароходѣ для нагрузки 130.000 пуд. зерна вполнѣ для него обязательными и подлежащими съ его стороны исполненію, Прав. Сенатъ находитъ, что на торговый домъ должна быть возложена отвѣтственность предъ Баржанскимъ за убытки, произошедшіе для него отъ неисполненія этихъ обязательствъ (ст. 569 и 570 т. X ч. 1). Обращаясь посему къ обсужденію вопроса о правильности и доказанности отыскиваемыхъ Баржанскимъ и присужденныхъ ему Ком. Судомъ по настоящему дѣлу убытковъ, Прав. Сенатъ находитъ, что таковые заключаются: 1) въ разницѣ во фрахтѣ за перевозку груза по договорамъ съ „Смельсъ Ильсъ и К°“ съ одной стороны и по договору съ В. Джекобсъ, заключенному вслѣдствіе неисполненія торговымъ домомъ „Смельсъ Ильсъ и К°“ принятыхъ на себя обязательствъ, съ другой; 2) въ уплаченной Баржанскимъ покупателямъ его зерна бонификаціи за несвоевременную, запоздалую доставку онаго, и 3) въ расходахъ по содержанію зерна въ Николаевѣ, перевозкѣ онаго съ баржъ и т. п. Что касается разницы между цѣною фрахта, условленною съ торговымъ домомъ и цѣною, уплаченною Баржанскимъ за перевозку на мѣсто назначенія его зерна, то въ подтвержденіе этой послѣдней Баржанскимъ представленъ договоръ его съ комиссіонно-пароходнымъ агентствомъ В. Джекобсъ, изъ коего видно, что за нанятый Баржанскимъ у послѣдняго пароходъ для перевозки его зерна уплачено по 1 фр. 55 сант. за шаржъ, вмѣсто 1 фр. 35 сант., условленныхъ съ „Смельсъ Ильсъ и К°“. Хотя же отвѣтчикъ нынѣ и утверждаетъ, что уплаченная Баржанскимъ Джекобсу цѣна

была выше нормальной средней за то время фрахтовой цѣны, но никакихъ доказательствъ тому не представляетъ, а потому и объясненія его по сему предмету, какъ вполнѣ голословныя, не могутъ быть приняты въ уваженіе. Относительно остальныхъ двухъ статей—бонификаціи и расходовъ, понесенныхъ Баржанскимъ за излишнее продержаніе зерна, Прав. Сенатъ прежде всего находитъ, что какъ уплата бонификаціи, такъ и указанные расходы, вопреки мнѣнію апеллятора, не составляютъ вовсе какихъ-либо произвольныхъ дѣйствій Баржанскаго, а напротивъ того вполнѣ и непосредственно вызваны фактомъ неисполненія торговымъ домомъ принятаго имъ на себя обязательства и представлялись для Баржанскаго неизбѣжными, вслѣдствіе чего и къ сложенію съ него, торговаго дома, отвѣтственности за эти убытки не представляется основаній. Принимая же во вниманіе: 1) что размѣръ убытковъ, понесенныхъ истцомъ по уплатѣ бонификацій за отсрочку въ доставкѣ груза покупщикамъ зерна, вполнѣ подтверждается представленными къ дѣлу письмами и счетами банкировъ „Бр. Дрейфусъ“ и Леви, расходы же по излишнему продержанію и перевозкѣ зерна въ Николаевѣ—засвидѣтельствованною нотаріусомъ выпискою изъ книгъ Баржанскаго; 2) что въ опроверженіе показанныхъ въ этихъ документахъ цифръ апелляторъ никакихъ не только доказательствъ, но и вообще объясненій не приводитъ, одно же огульное отрицаніе имъ обязательности таковыхъ, въ виду признанной неизбѣжности и необходимости самыхъ расходовъ, значенія имѣть не можетъ,—Прав. Сенатъ не усматриваетъ основаній къ отмѣнѣ постановленнаго по сему дѣлу рѣшенія Одесс. Ком. Суда о взысканіи съ торговаго дома „Смельсъ Ильсъ и К°“ въ пользу Баржанскаго 3.753 р. 22 к. съ % со дня предъявленія иска. А потому Прав. Сенатъ рѣшеніе Одесс. Ком. Суда утвердилъ (1893 г., № 1071).

408|277. Отвѣтственность перевозчика, принявшаго для несрочной перевозки товаръ на складъ съ выдачею подъ оный ссуды, за количество показаннаго въ коносаментѣ товара. Правила, напечатанныя на коносаментѣ и не утвержденныя, согласно уставу общества, надлежащею властью, могутъ быть признаны обязательными лишь настолько, насколько они не противны общимъ законамъ.

Изъ дѣла видно: по коносаменту отъ 17 декабря 1895 г., № 2996, агентствомъ Русс. О-ва Пароходства и Торговли въ Малыхъ Гирлахъ принято было отъ М. Лишневскаго, на условіяхъ, въ семъ коносаментѣ означенныхъ, на складъ по 1 мая 1896 г. для несрочной доставки въ Одессу по объявленію грузителя 6.000 пуд. пшеницы съ выдачею подъ оные ссуды 2000 р. Коносаментъ этотъ съ согласія агента общества переданъ Лишневскимъ торговому дому „Карлъ Сту-

кенъ". 23 іюня 1896 г. сей послѣдній получилъ отъ агентства о-ва увѣдомленіе, что на прибывшей въ Одессу баржѣ № 17 доставлено изъ Малыхъ Гирлъ на его имя по коносаментамъ №№ 2967 и 2966 пшеницы всего только 3.221 п. Основываясь на этомъ обстоятельствѣ и указывая на то, что, согласно удостовѣреннымъ одесскимъ гофъ-маклеромъ цѣнамъ на пшеницу въ Одессѣ ко времени прибытія баржъ 23—24 іюня 1896 г. (68 коп. пудъ), стоимость всѣхъ принятыхъ обществомъ 6.000 пуд. пшеницы составляетъ *4080* руб.; что изъ этой суммы подлежатъ исключенію: выданная обществомъ ссуда—2000 руб. и проценты на нее 83 р. 34 к., а также понесенные обществомъ расходы—10 р., фрахтъ—240 р., а всего—2333 р. 34 к., торговый домъ „К. Стукенъ" опредѣлилъ убытки отъ несдачи ему 6000 п. груза въ 1726 р.; но такъ какъ онъ уплатилъ Лишневскому за коносаментъ всего 1300 руб., то въ этой суммѣ онъ и предъявилъ искъ къ Русс. О-ву Пароходства и Торговли. Не признавая себя отвѣтственнымъ за оказавшуюся недостачу груза, общество, съ своей стороны, предъявило къ торговому дому „Карлъ Стукенъ" встрѣчный искъ въ суммѣ 1710 р. 68 к., слагающейся изъ 1310 р. 68 к., недовыученныхъ отъ продажи 3221 пуд. пшеницы (за 1003 р. 20 к.) на покрытіе ссуды и расходовъ 2313 р. 88 к., и 400 р. за простой баржи. Оспаривая правильность рѣшенія Одесскаго Ком. Суда, признавшаго Русс. О-во Пароходства и Торговли отвѣтственнымъ за недостачу груза и удовлетворившаго посему первоначальный искъ „К. Стукенъ", апелляторъ, повѣренный общества, прис. стряпчій Лавинскій, ссылается главнымъ образомъ на то, что въ силу § 9 напечатанныхъ на оборотѣ коносамента и обязательныхъ для „К. Стукена", какъ правопреемника Лишневскаго, правилъ общество отвѣтственнымъ за недостачу товара признано быть не можетъ и что Ком. Судомъ неправильно примѣнены къ данному случаю законы о морской перевозкѣ, въ гл. VII кн. 2 Уст. Торг. изложенные, такъ какъ основаніемъ отношеній сторонъ является договоръ о ссудѣ подъ грузъ, принятый на складъ. Но оба эти соображенія апеллятора не могутъ быть признаны заслуживающими уваженія по слѣд. соображеніямъ. Въ силу § 12 устава Русс. Общества Пароходства и Торговли „общество представляетъ Министру Финансовъ проектъ правилъ о порядкѣ и условіяхъ пріема, храненія, передвиженія и сдачи перевозимыхъ на его судахъ клади и товаровъ, а также объ отвѣтственности общества за цѣлость оныхъ передъ кладчиками и товарохозяевами. Правила эти утверждаются М. Ф. по соглашенію съ М. П. С. въ томъ, что касается рѣчныхъ перевозокъ, и публикуются во всеобщее свѣдѣніе". Посему и такъ какъ правила, изложенныя на коносаментѣ, а въ томъ числѣ и правило параграфа 9-го объ отвѣтственности за количество груза, по собственному заявленію повѣреннаго общества, не утверждены, какъ того требуетъ уставъ, надлежащею властью, то о безусловной обязательности ихъ въ силу самого устава не можетъ быть и рѣчи. Засимъ, хотя по ст. 1530 т. X ч. I договаривающимся сторонамъ и оставляется

на волю включать въ договоръ по обоюдному согласію и по ихъ усмотрѣнію всякія условіи..., но лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не были *противны* общимъ законамъ. Въ данномъ случаѣ апелляторъ находитъ, что относительно вызвавшихъ споръ сторонъ и лежащихъ въ основаніи дѣла правоотношеній ихъ Ком. Судомъ неправильно примѣнены законы о морской перевозкѣ. Но еслибы даже и согласиться съ этимъ и приравнять, согласно мнѣнію апеллятора, настоящія отношенія тяжущихся отношеніямъ, возникшимъ изъ договора о принятіи товара на складъ съ выдачею ссуды, то и въ такомъ случаѣ правило § 9 условій будетъ явно противозаконно, ибо по точному смыслу ст. 724 Уст. Торг. т. XI ч. 2, помѣщенной въ спеціальныхъ законахъ объ операціяхъ товарныхъ складовъ, „всякія предварительныя на случай могущихъ послѣдовать утраты или поврежденія товара сдѣлки и соглашенія складовъ съ товарохозяевами, клонящіяся къ измѣненію ихъ (т. е. складовъ) отвѣтственности или къ совершенному освобожденію отъ нея признаются недѣйствительными“. Аналогичное съ этимъ правило содержится и въ ст. 1676 т. X ч. 1 Св. Зак. относительно залогодержателей, каковымъ въ данномъ случаѣ было Русс. О-во Пароходства и Торговли по отношенію къ товару „К. Стукена“ вслѣдствіе выданной подъ оный ссуды, установляющей, что закладъ долженъ быть возвращенъ заемщику въ цѣлости, если же у кого оный утратится, то сверхъ уничтоженія суммы, въ которой движ. имущество заложено, заимодавецъ обязанъ отвѣтствовать за него платежомъ остальной цѣны, *безъ всякаго оправданія*. Но независимо отъ изложеннаго нельзя не указать и на то, что, если бы грузъ дѣйствительно и былъ принятъ безъ провѣрки, то такое возраженіе могло бы имѣть значеніе, какъ-то вполнѣ правильно заключилъ Ком. Судъ, лишь въ томъ случаѣ, когда бы изъ всего количества груза оказалась недостача въ небольшомъ % отношеніи, а не въ такомъ, какъ въ настоящемъ случаѣ размѣрѣ, т. е. болѣе половины значащагося по коносаменту принятымъ товара; къ тому же, еслибы даже и согласиться съ тѣмъ, что о-во приняло грузъ безъ надлежащей провѣрки, то невозможно допустить, чтобы оно выдало, не провѣряя количества груза, ссуду подъ оный: если бы о-вомъ дѣйствительно было принято отъ Лишневскаго лишь 3220 п., стоившихъ по разсчету о-ва около 2125 р., то оно не могло въ виду § 15 сего устава, разрѣшающаго выдачу ссуды лишь въ размѣрѣ, не превышающемъ 60% стоимости товара, выдать подъ оный ссуду въ 2000 р., какъ оно сдѣлало. Признавая въ силу изложеннаго о-во отвѣтственнымъ за оказавшуюся недостачу товара по коносаменту № 2966, а слѣдов. и искъ Стукена въ основаніи своемъ доказаннымъ и принимая во вниманіе, что въ цифровомъ отношеніи апелляторъ въ жалобѣ своей никакихъ возраженій противъ сего иска не приводитъ, Прав. Сенатъ признаетъ рѣшеніе Одесс. Ком. Суда, удовлетворившаго таковой, отмѣнѣ не подлежащимъ. А потому и такъ какъ за таковымъ разрѣшеніемъ дѣла встрѣчный искъ Русс. О-ва Пароходства и Торговли къ Стукену отпадаетъ самъ

собою, Прав. Сенатъ рѣш. Одесс. Ком. Суда, по настоящему дѣлу состоявшееся, утвердилъ (1897 г., № 636).

409|278. Принятіе отправителемъ груза отъ транспортнаго акціонернаго общества квитанціи относительно перевозимаго груза, *снабженной печатными условіями*, должно влечь за собою обязанность подчиниться этимъ условіямъ, если въ нихъ не заключается чего-либо противнаго закону вообще и уставу общества въ частности (1898 г., № 323).

410|279. Уступивъ мѣсто на пароходѣ „готовомъ грузить въ ноябрѣ“, отвѣтчикъ не можетъ ссылаться на то, что указанный имъ впослѣдствіи пароходъ „ожидавшійся прибытіемъ въ ноябрѣ“, потерпѣлъ аварію и тѣмъ освободиться отъ отвѣтственности за непредоставленіе истцу условленнаго мѣста для погрузки его товара.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Одесскій Ком. Судъ возложилъ на торговый домъ „Г. Твиди и К°“ отвѣтственность передъ Вургафтомъ за неисполненіе сдѣлки 1/13 сентября 1887 г. о предоставленіи первымъ послѣднему мѣста на пароходѣ для нагрузки 2.500 четв. зерна. Въ отношеніи сего вопроса Прав. Сенатъ находитъ, что въ силу договора 1/13 сентября торговый домъ „Твиди и К°“ уступилъ Вургафту мѣсто на пароходѣ, *готовомъ грузить въ ноябрѣ* новаго стиля 1887 г. около 3.000 четв. зерна изъ Одессы въ Антверпенъ или Роттердамъ по 17 шилл. за тонну сала, на условіяхъ, въ договорѣ этомъ означенныхъ. Не предоставивъ истцу вопреки сему договору условленнаго мѣста, отвѣтчикъ, тѣмъ не менѣе, не признаетъ себя отвѣтственнымъ за произошедшіе отъ сего для истца убытки на томъ основаніи, что указанный имъ впослѣдствіи истцу пароходъ, который имѣлъ принять отъ него грузъ и ожидался быть къ этому готовымъ 27 ноября, потерпѣлъ аварію, вслѣдствіе чего и непредоставленіе Вургафту мѣста на этомъ пароходѣ, какъ вызванное непреодолимою силою, не можетъ быть поставлено въ вину ему, отвѣтчику. Но такія объясненія повѣреннаго торговаго дома „Твиди и К°“ не могутъ быть признаны уважительными по слѣдующимъ соображеніямъ: буквальное содержаніе договора 1/13 сентября 1887 г. въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что заключающееся въ печатномъ текстѣ его слово „ожидающійся“ („expected“) передъ словами „готовый грузить“ зачеркнуто и что самое названіе парохода, который долженъ былъ принять грузъ, не обозначено, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что во исполненіе этого договора „Твиди и К°“ обязаны были прежде всего указать Вургафту, а засимъ и представить въ его распоряженіе пароходъ,

который въ ноябрѣ 1887 г. былъ бы уже въ *дѣйствительности готовъ* къ принятію отъ него груза, а не такой, который *только ожидался прибытіемъ* для нагрузки въ теченіе этого мѣсяца, а засимъ „Твиди и К°“ могли бы быть освобождены передъ Вургафтомъ по этому обязательству лишь въ томъ случаѣ, еслибы такой указанный ими какъ уже готовый къ принятію груза пароходъ послѣ того, вслѣдствіе вліянія непреодолимой силы не былъ бы въ состояніи исполнить перевозку или еслибы они вообще по независящимъ отъ воли ихъ обстоятельствамъ лишены были возможности предоставить Вургафту въ теченіе всего ноября какой-либо готовый къ нагрузкѣ пароходъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они всегда, въ виду предоставленнаго имъ права выбора парохода, безнаказанно могли бы сложить съ себя отвѣтственность по сдѣлкѣ 1/13 сентября, стоило бы имъ только впослѣдствіи указать своему контрагенту на такой пароходъ, который по какимъ-либо причинамъ не могъ быть готовымъ въ теченіе условленнаго срока къ нагрузкѣ, что, очевидно, было бы противно намѣренію и доброй совѣсти сторонъ при заключеніи ими означенной сдѣлки (ст. 1539 т. X ч. 1), предоставляя всѣ преимущества по оной только одной изъ нихъ. Изъ дѣла же видно, что, несмотря на неоднократныя требованія Вургафта объ указаніи ему парохода, готоваго принять его грузъ, „Твиди и К°“ этого, однако, не исполнили, а увѣдомили его только, что для принятія груза предназначенъ пароходъ „Вильямсъ Саймингтонъ“, ожидающійся быть готовымъ къ нагрузкѣ около 27 ноября, т. е. всего за три дня до истеченія условленнаго договоромъ мѣсячнаго срока. Но имѣя въ виду, что, какъ уже указано, предметомъ договора 1/13 сентября былъ не пароходъ, *ожидающійся быть готовымъ* къ нагрузкѣ, а пароходъ *уже готовый* къ этому въ теченіе ноября, нельзя не признать, что указаніе „Твиди и К°“ на пароходъ „Вильямсъ Саймингтонъ“ могло бы имѣть по отношенію къ сдѣлкѣ 1/13 сентября значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы пароходъ этотъ дѣйствительно оказался бы готовымъ къ принятію груза въ теченіе ноября, а такъ какъ этого не послѣдовало, то и самое указаніе „Твиди и К°“ на этотъ именно пароходъ при обсужденіи принятой ими на себя обязанности никакого рѣшающаго значенія имѣть не можетъ. Посему, а равно и за непредставленіемъ со стороны „Твиди и К°“ никакихъ доказательствъ, ни тому, чтобы именно пароходъ „Саймингтонъ“ имѣлся въ виду при заключеніи сдѣлки 1/13 сентября, ни тому, чтобы они вообще лишены были по независящимъ отъ нихъ причинамъ возможности предоставить Вургафту въ теченіе условленнаго срока мѣсто на какомъ-либо другомъ, готовомъ къ нагрузкѣ пароходѣ, то обстоятельство, вслѣдствіе какихъ именно причинъ пароходъ „Саймингтонъ“ опоздалъ прибытіемъ въ Одессу, представляется для дѣла совершенно безразличнымъ и, само по себѣ, какимъ-либо оправданіемъ неисполненія со стороны „Твиди и К°“ договора служить не можетъ. Признавая въ виду изложеннаго заключеніе Одесскаго Ком. Суда о признаніи торго-

ваго дома „Твиди и К°“ нарушившимъ договоръ отъ 1/13 сентября 1887 г. непредоставленіемъ ему въ теченіе условленнаго срока готоваго къ нагрузкѣ парохода, а вслѣдствіе сего и обязаннымъ вознаградить послѣдняго за происшедшіе отъ сего убытки вполнѣ правильнымъ и съ обстоятельствами дѣла согласнымъ, Прав. Сенатъ находитъ исковыя въ настоящемъ дѣлѣ требованія Вургафта о взысканіи съ торговаго дома „Твиди и К°“ убытковъ въ суммѣ 1.136 р. 78 к. съ %, противъ правильности исчисленія каковой суммы апелляторъ спора не заявляетъ, подлежащими удовлетворенію, встрѣчное же требованіе „Твиди и К°“ о признаніи договора 1/13 сентября 1887 г. уничтоженнымъ со всѣми послѣдствіями и для него необязательнымъ неуважительнымъ. А потому Прав. Сенатъ рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда оставилъ въ силѣ (1888 г., № 1848).

411|280. При заключеніи сдѣлки агентомъ за счетъ непоименованнаго въ оной лица позднѣйшее указаніе контрагента, которое должно имѣть своимъ послѣдствіемъ освобожденіе отъ отвѣтственности самого агента, не можетъ заключаться въ одномъ голословномъ названіи чьего-либо имени. Не исполнивъ принятой на себя обязанности доставить къ извѣстному сроку мѣсто на пароходѣ, безъ поименованія на какомъ именно, контрагентъ не можетъ голословно ссылаться на то, что имѣлся въ виду именно пароходъ, по независѣвшимъ отъ него причинамъ не успѣвшій прибыть къ сроку, а потому и долженъ отвѣчать за происшедшіе отъ непредоставленія мѣста на пароходѣ убытки.

Обращаясь вслѣдствіе принесенной повѣреннымъ торговаго дома „Георгъ Твиди и К°“ апелляціонной жалобы къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ прежде всего вопросъ о томъ, правильно-ли Одесскій Ком. Судъ призналъ торговый домъ „Твиди и К°“ отвѣтственнымъ передъ торговымъ домомъ „Валлеръ и К°“ по представленному послѣднимъ въ основаніе его иска условію 18/30 сентября 1887 г.? Изъ дѣла видно, что въ силу этого условія „Твиди и К°“ уступили „Валлеръ и К°“ мѣсто на пароходѣ, ожидаемомъ быть готовымъ грузить между 1 и 25 ноября 1887 г. нов. ст. изъ Одессы въ Геную, для нагрузки около 4.700 четв. пшеницы или другихъ зерновыхъ продуктовъ по 1 франку 75 сантимовъ въ золотой валютѣ за шаржъ, на дальнѣйшихъ условіяхъ, въ сдѣлкѣ этой перечисленныхъ. Отрицая какъ на судѣ, такъ и въ апелляціонной жалобѣ Прав. Сенату отвѣтственность

свою передъ истцомъ по означенному условію, торговый домъ „Твиди и К°“, черезъ повѣреннаго своего, объясняетъ, что, какъ видно изъ подписи его на условіи 18/30 сентября, таковое заключено было имъ не отъ своего имени, а „въ качествѣ агента за судохозяевъ“, которые впослѣдствіи, а именно 28/9-го октября имъ и были истцу указаны и на которыхъ вслѣдствіе этого и должна перейти отвѣтственность по этой сдѣлкѣ. Но подобныя объясненія отвѣтчика не могутъ быть признаны уважительными по слѣдующимъ соображеніямъ: какъ то уже подробно разъяснено Прав. Сенатомъ въ опредѣленіи его по однородному съ настоящимъ дѣлу Макъ-Набба съ Танкреди, при заключеніи агентомъ сдѣлки за счетъ не поименованнаго въ оной лица позднѣйшее указаніе контрагента, которое должно имѣть своимъ послѣдствіемъ освобожденіе отъ отвѣтственности самого агента, очевидно не можетъ заключаться въ одномъ голословномъ названіи чьего-либо имени, напротивъ того, для устраненія личной своей отвѣтственности агентъ непремѣнно долженъ доставить своему соконтрагенту доказательства того, что составляющая предметъ спора сдѣлка заключена имъ или по прямому порученію лица, имъ указаннаго, или одобрена имъ впослѣдствіи или вообще принята имъ къ исполненію подъ свою отвѣтственность, уже по одному тому, что безъ такихъ доказательствъ контрагентъ, вступившій въ договоръ съ агентомъ, лишенъ всякой возможности предъявить какія-либо требованія къ указанному послѣднимъ лицу, съ которымъ онъ ни въ какія непосредственныя отношенія не вступалъ. Въ настоящемъ же случаѣ торговый домъ „Твиди и К°“ не только не представилъ никакихъ доказательствъ тому, что сдѣлка 18/30 сентября 1887 г. была заключена имъ съ „Валлеръ и К°“ по порученію именно владѣльца парохода „Робиланъ“—названіе парохода въ сдѣлкѣ одинаково не указано—или чтобы таковая была послѣднимъ впослѣдствіи одобрена или принята къ исполненію, но напротивъ того въ дѣлѣ имѣются данныя, явно указывающія на то, подтвержденное свидѣтельствомъ членовъ Одесскаго Ком. Суда отъ купечества, принимавшихъ участіе въ разрѣшеніи настоящаго дѣла, обстоятельство, что въ означенной сдѣлкѣ „Твиди и К°“ въ сущности дѣйствовали даже вовсе не въ качествѣ агентовъ какого-либо опредѣленнаго судохозяина, а въ качествѣ самостоятельныхъ контрагентовъ по фрахтовому договору, спекулирующихъ на заработокъ по зафрахтованію иностранныхъ для Одесскаго порта судовъ, и что дѣятельность ихъ въ семъ отношеніи заключалась лишь въ перефрахтованіи „Валлеръ и К°“, уже отъ себя, зафрахтованнаго ими самими у иностранныхъ судовладѣльцевъ парохода. А именно изъ представленнаго къ дѣлу самимъ отвѣтчикомъ удостовѣренія итальянскаго генеральнаго консула усматривается, что, протестуя противъ задержки въ Генуѣ парохода „Робиланъ“, шкиперъ этого парохода, между прочимъ заявляетъ, что „пароходъ не можетъ исполнить обязательства, обусловленныя съ „Георгъ Твиди и К°“, а потому объявляетъ себя неотвѣтственнымъ за такое неисполненіе; въ нотаріальномъ же заявленіи истцу

отъ 17 ноября 1887 г. „Твиди и К°“ сами прямо признаютъ въ принципѣ свою отвѣтственность передъ „Валлеръ и К°“ по сдѣлкѣ 18/30 сентября, слагая съ себя таковую лишь вслѣдствіе неприбытія парохода „Робиланъ“ къ сроку по причинѣ, совершенно отъ нихъ не зависящей—непреодолимой силы. Что же касается ссылки апеллятора на имѣющееся въ дѣлѣ удостовѣреніе корабельныхъ маклеровъ и диспашеровъ о томъ, что въ Одессѣ открыто нѣсколько спеціальныхъ конторъ, владѣльцы которыхъ исполняютъ лишь обязанности, возложенныя закономъ на корреспондентовъ и адресатовъ судовъ и дѣйствуютъ всегда по приказу, порученію и уполномочію заграничныхъ судохозяевъ, то таковая лишена при разрѣшеніи настоящаго дѣла всякаго значенія, какъ въ силу вышеизложеннаго, такъ и потому, что въ удостовѣреніи этомъ вовсе не говорится, чтобы торговый домъ „Твиди и К°“ принадлежалъ къ числу владѣльцевъ именно такихъ спеціальныхъ конторъ, а не къ числу тѣхъ, существующихъ въ Одессѣ, по удостовѣренію членовъ суда отъ купечества, торговыхъ домовъ, которые, спекулируя на разницу по перефрахтованію одесскимъ экспортерамъ зафрахтованныхъ ими самими у иностранныхъ владѣльцевъ судовъ, являются по сдѣлкамъ, заключеннымъ ими съ третьими лицами, вполнѣ самостоятельно отвѣтственными контрагентами. Признавая посему приводимые повѣреннымъ торговаго дома „Твиди и К°“ доводы, клонящіеся къ устраненію его довѣрителя отъ отвѣтственности передъ истцомъ по сдѣлкѣ 18/30 сентября 1887 г., неуважительными и переходя къ разсмотрѣнію существа исковыхъ въ настоящемъ дѣлѣ требованій торговаго дома „Валлеръ и К°“, Прав. Сенатъ находитъ, что по условію 18/30 сентября 1887 г. торговый домъ „Твиди и К“ обязался доставить истцамъ мѣсто для перевозки изъ Одессы въ Геную ихъ товара не именно на пароходѣ „Робиланъ“, о которомъ въ самомъ условіи ничего не упомянуто, а вообще на какомъ бы то ни было пароходѣ, имѣющемъ быть готовымъ грузить съ 1 по 25 ноября нов. стиля 1887 г. Хотя же впослѣдствіи (28/9 октября 1887 г.) „Твиди и К°“ и указали истцамъ на пароходъ „Робиланъ“, какъ имѣющій совершить условленную перевозку, но обстоятельство это, вслѣдствіе представившейся невозможности прибытія означеннаго парохода въ Одессу къ сроку, въ связи съ отсутствіемъ всякихъ доказательствъ тому, чтобы этотъ именно пароходъ имѣлся въ виду при заключеніи условія 18/30 сентября и съ предоставленіемъ согласно этому условію „Твиди и К°“ права замѣны парохода другимъ, очевидно, не могло еще, само по себѣ, освободить послѣднихъ отъ лежавшей на нихъ въ силу договора обязанности предоставить истцамъ мѣсто для нагрузки ихъ товара на какомъ-либо другомъ пароходѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они всегда имѣли бы возможность безнаказанно освободиться отъ этой обязанности; стоило бы имъ только указать впослѣдствіи своему контрагенту на такой пароходъ, который, по какимъ-либо причинамъ, фактически не могъ бы прибыть къ условленному сроку, что несомнѣнно было бы противно на-

мѣренію и доброй совѣсти сторонъ, на основаніи коихъ должны быть изъясняемы договоры при ихъ исполненіи (ст. 1539 1 ч. X т.). При этомъ нельзя также не обратить въ настоящемъ случаѣ вниманія и на то: 1) что извѣщеніе со стороны „Твиди и К°“ истца относительно парохода „Робиланъ“ послѣдовало въ то время ($\frac{28\text{ октября}}{9\text{ ноября}}$ 1887), когда послѣдній разгружался еще только въ Генуѣ и при неблагопріятныхъ къ тому же, задержавшихъ разгрузку обстоятельствахъ (удостовѣреніе капитана надъ портомъ въ Генуѣ и итальянскаго консула въ Одессѣ), а слѣдовательно когда въ связи съ разсчетомъ потребнаго для перехода изъ Генуи въ Одессу и для обсерваціи у Одесскаго порта времени, прибытіе и готовность къ нагрузкѣ парохода „Робиланъ“ къ условленному договоромъ сроку (между 1 и 25 ноября нов. стиля) представлялись уже почти невозможными, и 2) что между тѣмъ въ теченіе означеннаго срока въ распоряженіи „Твиди и К°“ были другіе пароходы, которые отправлялись ими изъ Одессы по назначенію, въ томъ числѣ, между прочимъ, и въ Геную, какъ это усматривается изъ представленныхъ истцомъ къ дѣлу №№ „Коммерческаго Обозрѣнія“ и отвѣтчикомъ вовсе не отрицается. Но независимо отъ всего вышеизложеннаго представляется недоказаннымъ даже и то обстоятельство, что несвоевременное прибытіе парохода „Робиланъ“ было вызвано какою-либо непредвидѣнною и непредотвратимою силою, такъ какъ представленными отвѣтчикомъ въ подтвержденіе сего удостовѣреніями капитана надъ генуэзскимъ портомъ и итальянскаго консула въ Одессѣ установляется только, что еще до 11 ноября и по 10 декабря 1887 г. погода въ Генуѣ была часто дождливая, что накопленіе товаровъ мѣшало производить работы по выгрузкѣ съ обычною поспѣшностью и что пароходъ „Робиланъ“ въ ноябрѣ былъ задержанъ въ теченіе нѣсколькихъ дней въ бездѣйствіи вслѣдствіе дурной погоды, каковыя обстоятельства, уже помимо неопредѣленности своей, по вполнѣ правильному заключенію Ком. Суда, сами по себѣ, характера какой-либо непреодолимой и непредвидимой силы вовсе не носятъ. По всѣмъ симъ основаніямъ, признавая торговый домъ „Георгъ Твиди и К°“ не исполнившимъ принятой имъ на себя по условію 18/30 сентября обязанности доставить торговому дому „Валлеръ и К°“ мѣсто на пароходѣ для погрузки и отправки въ Геную условленнаго груза, а вслѣдствіе сего обязаннымъ вознаградить послѣднихъ за произошедшіе для нихъ отъ сего убытки (ст. 574 и 684 1 ч. X т.) и принимая во вниманіе, что противъ самой суммы этихъ убытковъ, присужденной судомъ, апелляторъ никакого спора не заявляетъ, Прав. Сенатъ находитъ состоявшееся по настоящему дѣлу рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда о взысканіи съ торговаго дома „Георгъ Твиди и К°“ въ пользу торговаго дома „Братья Валлеръ и К°“ 2.064 руб. съ °/о отмѣнѣ не подлежащимъ, а потому Прав. Сенатъ рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда оставилъ въ силѣ (1888 г., № 1956).

412|281. Коль скоро лицо приняло на себя обязанность доставить полный грузъ пароходу, то оно одно только и является отвѣтственнымъ по этой сдѣлкѣ лицомъ, безразлично чьимъ собственно грузомъ долженъ былъ быть нагруженъ пароходъ. Согласившись начать и начавъ погрузку одновременно съ выгрузкой, грузитель не можетъ впослѣдствіи отзываться необязательностью для него такой нагрузки. По договору „à la cueillette“ (нагрузка разнородными и принадлежащими нѣсколькимъ хозяевамъ товарами) число стоевыхъ дней не опредѣляется, а условливается, чтобы нагрузка и выгрузка производилась возможно скорѣе. Тѣ дни, въ которые пароходъ принужденъ былъ излишне стоять вслѣдствіе замерзанія порта, къ числу подлежащихъ оплатѣ штрафомъ сверхсталійныхъ дней причислены быть не должны.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, 2-е Общее Собраніе Прав. Сената находитъ, что въ предѣлахъ апелляціонной жалобы повѣреннаго торговаго дома „Георгій Твиди и К°“ подлежитъ разрѣшенію вопросъ о томъ, правильно ли Одесскій Ком. Судъ опредѣлилъ взыскать съ торговаго дома „Георгій Твиди и К°“ въ пользу торговаго дома „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°“ 8.730 руб. съ %. Изъ дѣло видно, что означенная сумма составляетъ, по разсчету суда, взыскиваемые торговымъ домомъ „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°“ съ торговаго дома „Георгій Твиди и К°“ убытки, происшедшіе отъ медленной нагрузки послѣднимъ зафрахтованнаго имъ парохода „Салерно“, вслѣдствіе чего этотъ пароходъ былъ захваченъ льдомъ въ Одесскомъ портѣ и принужденъ былъ по этому случаю простоять лишнихъ 36 дней. Возраженія апеллятора „Георгій Твиди и К°“ по предъявленному къ нему иску сводятся къ тому: 1) что онъ не былъ самостоятельнымъ грузителемъ парохода „Салерно“, а лишь агентомъ-комиссіонеромъ по зафрахтованію и нагрузкѣ сего парохода, а потому отвѣтственными передъ истцомъ лицами за медленность грузки, если только она дѣйствительно имѣла мѣсто, являются грузители парохода, а не онъ, и 2) что вообще никакой медленности въ нагрузкѣ парохода „Салерно“ въ дѣйствительности допущено не было. Обращаясь къ первому доводу апеллятора, Второе Общее Собраніе находитъ, что, какъ видно изъ дѣла, письмомъ отъ 7 ноября 1888 г., въ подтвержденіе телеграммы отъ того же числа, торговый домъ „Георгій Твиди и К°“, увѣдомляя торговый домъ „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°“ о томъ, что грузъ угля на пароходѣ „Салерно“ онъ считаетъ своимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ: „ждемъ,

удостоите ли вы насъ порученіемъ о подысканіи обратнаго груза. Мы предложили вамъ положительно, при немедленномъ отвѣтѣ, 31 ш. за полный грузъ прямо въ Гулль". Затѣмъ въ отвѣтѣ на телеграмму торговаго дома „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°", увѣдомляющую о согласіи на предложенныя торговымъ домомъ „Георгій Твиди и К°" условія, если только пароходъ „Салерно" свободенъ, послѣдній 8 ноября пишетъ торговому дому „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°": „сожалѣемъ, что до сего времени мы оставлены безъ дальнѣйшихъ извѣстій отъ васъ, такъ какъ вы можете понять, какъ трудно держать купцовъ въ неопредѣленномъ положеніи. Тѣмъ не менѣе купцы связаны съ нами до 11 часовъ сего вечера и мы надѣемся еще получить отъ васъ извѣстіе до полуночи". Телеграммою отъ 9 ноября торговый домъ „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°" подтвердилъ свое согласіе на предложеніе торговаго дома „Георгій Твиди и К°", а въ письмѣ отъ того же числа пишетъ: „мы надѣемся, что вы нагрузите намъ пароходъ безъ малѣйшаго замедленія... онъ долженъ будетъ принять грузъ 2500 тоннъ". По случаю запозданія полученія вышеозначенной телеграммы торговаго дома „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°", торговый домъ „Георгій Твиди и К°" въ подтвержденіе раньше посланныхъ имъ телеграммъ 10 ноября пишетъ: „мы очень сожалѣемъ, что вы не могли телеграфировать раньше согласіе ваше на наше предложеніе касательно полнаго груза, мы удерживали грузителей, сколько возможно было, но мы не могли склонить ихъ возобновить уполномочія наши на полный грузъ. Тѣмъ не менѣе мы подтверждаемъ, что мы успѣли запастись 8.000 кварт. по 31 шил. и что мы дѣлаемъ все отъ насъ зависящее, чтобы запастись остальными", а засимъ 15 ноября сообщаетъ, что совершилъ сдѣлку еще на 1.500 кварт. по 31 шил., и что „мы теперь усиленно работаемъ относительно остатка требуемаго груза". Въ отвѣтъ на это торговый домъ „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°" пишетъ: „мы принимаемъ къ свѣдѣнію, что вы сдѣлали 8.000 кварт. и что вы запаслись еще 1.500 кварт. по 31 шил. Надѣемся, что недостающій грузъ будетъ вами взятъ и что вы насъ объ этомъ увѣдомите". Затѣмъ, послѣ цѣлаго ряда телеграммъ по поводу остатка, 23 декабря торговый домъ „Георгій Твиди и К°" телеграфируетъ торговому дому „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°": „Салерно, запаслись остаткомъ, мятель препятствуетъ работать". Изъ приведенныхъ выдержекъ изъ переписки сторонъ съ несомнѣнностью явствуетъ, что торговый домъ „Георгій Твиди и К°" вошелъ съ торговымъ домомъ „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°" въ соглашеніе, въ силу котораго онъ принялъ на себя передъ послѣднимъ обязанность подыскать полный грузъ для обратнаго изъ Одессы въ Гулль рейса парохода „Салерно", и притомъ нагрузить этотъ пароходъ этимъ грузомъ „безъ малѣйшаго замедленія", какъ выразился торговый домъ „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°", выражая въ письмѣ отъ 9 ноября 1888 г. свое согласіе на предложеніе торговаго дома „Георгій Твиди и К°" доставить пароходу „Салерно" полный грузъ. Такимъ

образомъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что контрагентомъ торговаго дома „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°“ по нагрузкѣ въ Одессѣ парохода „Салерно“ являлся исключительно торговый домъ „Георгій Твиди и К°“. То же обстоятельство, чьимъ собственно грузомъ долженъ былъ быть, согласно обязательству торговаго дома „Г. Твиди и К°“, нагруженъ пароходъ, т. е. грузомъ ли самого торговаго дома или другихъ, для дѣла совершенно безразлично. Торговый домъ „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°“ вошелъ по этому предмету въ соглашеніе съ однимъ торговымъ домомъ „Г. Твиди и К°, одинъ только торговый домъ „Г. Твиди и К°“ обязался передъ нимъ доставить для его парохода полный грузъ, а, слѣдовательно, только онъ одинъ и является по этой сдѣлкѣ отвѣтственнымъ передъ торговымъ домомъ „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°“ за нарушеніе этого соглашенія, въ коемъ третьи лица вовсе не участвовали, ни въ какія отношенія съ торговымъ домомъ „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°“ не входили и никакихъ обязательствъ по отношенію къ послѣднему на себя не принимали, а потому и всѣ противныя сему объясненія апеллятора лишены всякаго основанія. Обращаясь посему къ обсужденію второго составляющаго предметъ дѣла вопроса о томъ, насколько представляется по дѣлу доказанною утверждаемая торговымъ домомъ „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°“ медленность въ нагрузкѣ парохода „Салерно“, Второе Общее Собраніе Прав. Сената находитъ, что изъ шканечнаго журнала сего парохода видно, что по приходѣ его въ Одесскій портъ выгрузка парохода началась 8 ноября 1888 г., затѣмъ съ 3 декабря одновременно съ выгрузкой началась и нагрузка; 6 декабря выгрузка была окончена и нагружено около 560 четв., а всего съ прежде нагруженными къ этому времени было нагружено около 4.000 четв.; засимъ нагрузка продолжалась, за исключеніемъ 11, 13 и 15 декабря, до 18 декабря, когда по окончаніи нагрузки пароходъ пробовалъ выбраться изъ Одесскаго порта, но ему это не удалось по причинѣ льда и онъ долженъ былъ простоять въ портѣ до 18 января 1889 г. Имѣя въ виду, что, какъ видно изъ манифеста, весь грузъ парохода „Салерно“ состоялъ изъ 15.387 четв., что ко времени окончанія его разгрузки (7 декабря) 4.000 четв. уже были на него нагружены, что посему оставались къ нагрузкѣ 11.387 четв., Второе Общее Собраніе Прав. Сената находитъ, что подлежащій разрѣшенію вопросъ сводится къ тому, можетъ ли нагрузка этихъ 11.387 четв. съ 7 по 18 декабря быть признана медленною. Дававшіе по сему предмету, по обоюдному ходатайству о томъ сторонъ, свое заключеніе эксперты, на основаніи свѣдѣній, имѣющихся въ шканечномъ журналѣ парохода „Салерно“ и въ манифестѣ сего парохода, пришли къ заключенію, что нагрузка 11.387 четв. зерна при обыкновенныхъ среднихъ условіяхъ во всѣ времена года можетъ быть окончена въ три дня, если грузъ совершенно готовъ къ нагрузкѣ; но въ данномъ случаѣ, принимая во вниманіе неблагопріятныя условія при доставкѣ зерна изъ хлѣбныхъ складовъ въ портъ подводами, т. е. сильные морозы, гололедицу

и снѣжные заносы, эксперты нашли, что пяти рабочихъ дней было бы совершенно достаточно для доставки въ портъ и нагрузки означеннаго количества груза и что, слѣдовательно, пароходъ „Салерно“ могъ быть вполнѣ нагруженъ 12 декабря, такъ какъ въ воскресенье 11 декабря работа не производилась. Такимъ образомъ, согласно этому заключенію экспертовъ, пароходъ „Салерно“ имѣлъ возможность покончить нагрузку 6-ю днями раньше, чѣмъ онъ въ дѣйствительности это сдѣлалъ. Оспаривая правильность приведеннаго заключенія экспертовъ, съ которымъ согласился и Ком. Судъ, апелляторъ указываетъ во-первыхъ на то, что пароходъ долженъ считаться поступившимъ въ распоряженіе грузителя лишь съ того времени, когда онъ вполнѣ готовъ къ принятію предназначеннаго для него груза, а такая готовность „Салерно“ явилась съ того момента, когда онъ вполнѣ освободился отъ привознаго груза угля, очистилъ и привелъ трюмы въ порядокъ, т. е. съ 7 декабря; если же частичная грузка началась и раньше, то это было вызвано особыми обстоятельствами—неустойчивостью судна—для вящей выгоды самого же судовладѣльца, вслѣдствіе чего только съ 7 декабря и долженъ быть произведенъ разсчетъ дней, потребныхъ для нагрузки не только оставшихся къ этому числу ненагруженными 11.387 четв., но всего количества принятаго „Салерно“ груза. Но это соображеніе апеллятора не можетъ быть признано заслуживающимъ уваженія по одному тому, что самый фактъ нагрузки на пароходъ, какъ въ данномъ случаѣ 4.000 четв., доказываетъ готовность его къ принятію груза, а, слѣдовательно и бытность его въ распоряженіи грузителя; но помимо этого согласившись начать производить нагрузку „Салерно“ одновременно съ выгрузкой его и произведя дѣйствительно такимъ способомъ нагрузку означенныхъ 4.000 четв., апелляторъ въ настоящее время отговариваться необязательностью для него такой нагрузки уже не вправѣ, тѣмъ болѣе, что въ силу самаго соглашенія съ торговымъ домомъ „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°“, онъ обязался грузить безъ всякаго замедленія, т. е. при первомъ возможномъ случаѣ. Равнымъ образомъ не заслуживаетъ уваженія и указаніе апеллятора на то, что изъ числа стоевыхъ для нагрузки дней, опредѣленныхъ экспертами, должны быть исключены дни 4, 6 и 11 декабря, какъ дни праздничные и нерабочіе, ибо 4 декабря относится ко времени продолжавшейся разгрузки парохода, о которой спора со стороны истца не заявлено и которая посему не подвергалась вовсе обсужденію экспертовъ въ ихъ заключеніи (хотя 4 декабря, какъ видно изъ шканечнаго журнала, работы въ дѣйствительности производились), дни же 6 и 11 декабря экспертами, какъ это видно изъ ихъ заключенія, въ разсчетъ приняты не были (хотя 6-го равнымъ образомъ работы производились), а именно эксперты считаютъ началомъ нагрузки 7 декабря и опредѣляя, что таковая должна была продлиться 5 дней, приходятъ къ заключенію, что пароходъ „Салерно“ долженъ былъ быть готовъ лишь 12 декабря, имѣя въ виду, что 11 декабря не работали. Что же касается ссылки апеллятора въ доказательство

того, что имъ не допущено никакой медленности въ нагрузкѣ парохода „Салерно“, на удостовѣреніе Одесскаго биржевого комитета отъ 14 іюля 1890 г., за № 61 въ томъ, что для выгрузки и нагрузки парохода емкостью въ 2.500 тоннъ (т. е. такой емкости, какъ пароходъ „Салерно“) необходимо вообще отъ 15 до 16 рабочихъ дней, то таковая также представляется незаслуживающею уваженія по слѣдующимъ соображеніямъ: во-первыхъ, потому, что въ означенномъ удостовѣреніи говорится о продолжительности времени на разгрузку и нагрузку, предоставляемаго обыкновенно фрахтовымъ договоромъ; въ настоящемъ же случаѣ нагрузка „Салерно“ произведена была не по цертепартіи, въ которой, по удостовѣренію Одесскаго биржевого комитета отъ 31 октября 1890 г., точно опредѣляется число дней стоянки для выгрузки и нагрузки, а, какъ то признаетъ и самъ апелляторъ, по договору, такъ называемому „à la cueillette“—нагрузка разнородными и принадлежащими нѣсколькимъ хозяевамъ грузами,—при которомъ какъ указано въ томъ же удостовѣреніи Одесскаго биржевого комитета отъ 31 октября 1890 г., число стоевыхъ дней для нагрузки и выгрузки заранѣе не опредѣляется, а условливается, что таковыя должны производиться *возможно* скорѣе, каковое условіе и выражено было торговымъ домомъ „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°“ при самомъ заключеніи сдѣлки съ торговымъ домомъ „Георгій Твиди и К°“ въ письмѣ его отъ 9 ноября 1888 г. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „мы надѣемся, что вы нагрузите намъ пароходъ безъ малѣйшаго замедленія“, а потому и указываемое апелляторомъ удостовѣреніе Одесскаго биржевого комитета отъ 14 іюля 1890 года какимъ-либо опроверженіемъ заключенія экспертовъ,—разсматривавшихъ вопросъ о продолжительности времени, потребнаго для нагрузки парохода въ данномъ частномъ случаѣ и именно по договору, такъ называемому „à la cueillette“,—служить не можетъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что всѣ указываемыя апелляторомъ обстоятельства, сопровождавшія нагрузку парохода „Салерно“, а именно неблагопріятное время года и разнородность грузовъ, приняты экспертами въ соображеніе при дачѣ ими своего по настоящему дѣлу заключенія, такъ какъ всѣ эти обстоятельства подробно изложены въ предъявленныхъ ими шканечномъ журналѣ и манифестѣ парохода „Салерно“. Во-вторыхъ, ссылка апеллятора на удостовѣреніе биржевого комитета не заслуживаетъ уваженія, потому что, если даже и принять показанное въ удостовѣреніи потребное для разгрузки и нагрузки парохода такой вмѣстимости, какъ „Салерно“, количество рабочихъ дней 15—16, причемъ, однако, по удостовѣренію корабельныхъ маклеровъ, въ предъявленныхъ имъ цертепартіяхъ 16 дней является максимальнымъ для этого срокомъ, то и въ такомъ случаѣ придется признать замедленіе въ разгрузкѣ и нагрузкѣ „Салерно“, ибо разгрузка началась 28 ноября, нерабочихъ дней было только два (11 и 13 декабря, въ остальные всѣ дни работы, какъ видно изъ шканечнаго журнала, производились), а окончилась нагрузка лишь 18, т. е., исключая нерабочіе дни, всего лишь на 19-й день.

Но лучшимъ доказательствомъ того, что дѣйствительно нагрузка могла быть окончена своевременно, служитъ письмо самого торговаго дома „Георгій Твиди и К°“ отъ 7 декабря, въ которомъ онъ пишетъ: „Пароходъ окончилъ выгрузку сегодня и мы надѣемся нагрузить и отправить его на этой недѣлѣ“ (т. е., такъ какъ 7 была среда, то не позже 11, воскресенья); изъ письма же отъ 10 декабря усматривается, что съ того числа оставалось нагрузить дѣйствительно всего лишь 300 тонъ. Признавая посему медленность въ нагрузкѣ парохода „Салерно“, допущенную со стороны торговаго дома „Георгій Твиди и К°“, вполнѣ по дѣлу установленною (въ письмѣ отъ 19—31 декабря онъ самъ чистосердечно допускаетъ, что относительно остатка груза сдѣлалъ бы лучше, если бы такъ долго не ждалъ). Второе Общее Собраніе Прав. Сената относительно размѣра отвѣтственности по настоящему дѣлу торговаго дома „Георгій Твиди и К°“, находитъ, что требованіе истца о взысканіи съ послѣдняго простойныхъ денегъ не только за тѣ 6 дней, которые дѣйствительно излишне употреблены были имъ на нагрузку парохода „Салерно“, но и за послѣдующіе за нагрузкой 30 дней, въ теченіе которыхъ означенный пароходъ задержанъ былъ льдомъ въ Одесскомъ портѣ, не можетъ быть признано правильнымъ по слѣдующимъ основаніямъ: изъ имѣющихся въ дѣлѣ удостовѣренія присяжныхъ корабельныхъ маклеровъ Одесскаго порта отъ 12 іюня 1890 г. и образцовъ цертепартій, употребляемыхъ для Чернаго моря, а также изъ цертепартіи парохода „Салерно“ на прибывшій въ Одессу грузъ угля, видно, что во всѣхъ цертепартіяхъ содержится почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ постановленіе о томъ, что уплата фрахтователемъ сверхпростойныхъ денегъ производится за исключеніемъ всякихъ причинъ или случайностей задержки, отъ него не зависящихъ, причемъ спеціально указывается, что задержка морозами, льдомъ или карантиномъ, стоевыми днями не признается. Являясь не болѣе, какъ частнымъ повтореніемъ того общаго принятаго всѣми законодательствами, а въ томъ числѣ и нашимъ (ст. 684 X т. 1 ч.) правила, въ силу котораго каждый отвѣчаетъ за послѣдствія лишь такихъ событій, наступленіе коихъ стоитъ въ причинной связи съ его дѣйствіями и освобождается отъ всякой отвѣтственности за вредъ и убытки, причиненные дѣйствіемъ непреодолимой силы (force majeure), означенное постановленіе морского права должно, очевидно, имѣть примѣненіе ко всѣмъ безъ изъятія случаямъ задержки судна вслѣдствіе указанныхъ причинъ, безотносительно того, когда именно они наступили, т. е. въ теченіе ли еще предоставленнаго фрахтователю на нагрузку судна срока или послѣ онаго, такъ какъ очевидно, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ фактъ задержки судна вслѣдствіе льда и мороза одинаково отъ воли фрахтователя не зависитъ и является одинаково непредвидѣннымъ и непредотвратимымъ. Не признавая вслѣдствіе сего возможнымъ распространять отвѣтственность торговаго дома „Георгій Твиди и К°“ за тѣ дни, въ которые пароходъ „Салерно“ принужденъ былъ излишне

простоять въ Одесскомъ портѣ по случаю его замерзанія, наступившаго при томъ такъ неожиданно и быстро, что подобной пароходу „Салерно“ участи подверглись, какъ видно изъ дѣла, и многія другія суда, находившіяся въ портѣ, и имѣя въ виду: 1) что апелляторъ ни противъ исчисленнаго Одесскимъ Ком. Судомъ размѣра ежедневнаго убытка отъ простоя парохода „Салерно“ по 25 фунт. стерл. въ день, ни противъ приведеннаго истцомъ курса фунта стерлинговъ— 9 р. 70 к., не споритъ, и 2) что по означенному разсчету убытки истца отъ задержанія отвѣтчикомъ парохода „Салерно“ въ Одесскомъ портѣ въ теченіе 6 лишнихъ дней составляютъ 1.455 р., Второе Общее Собраніе Правительствующаго Сената въ измѣненіе рѣшенія Одесскаго Ком. Суда присудило съ торговаго дома „Георгій Твиди и К°“ въ пользу торговаго дома „Томасъ Вильсонъ сыновья и К°“ 1.455 р. съ % со дня предъявленія иска (опр. 2-го Общ. Собр. 1893 г., № 15).

413|282. Если фрахтователь, отказываясь отъ нагрузки товара во исполненіе условій цертепартіи и сообщивъ о томъ фрахтовщику, дастъ ему порученіе пріискать на корабль другого фрахтователя, то, не выбывая изъ отвѣтственности по договору цертепартіи, обязанъ вознаградить фрахтовщика въ размѣрѣ разницы фрахтовой платы (если по второму договору плата эта ниже цѣны, обусловленной по основному договору) и комиссіоннаго вознагражденія за исполненіе его порученія по пріисканію фрахтовщика (1883 г., № 2715).

414|283. Обязанность доказать существованіе обычая, на которомъ основываетъ права свои тяжущійся, лежитъ на немъ самомъ. Къ сдѣлкѣ, заключенной и подлежащей исполненію въ Россіи, могутъ имѣть примѣненіе лишь существующіе въ Россіи обычаи. Толкованіе выраженія „prompt shipment“. Удостовѣреніе гофъ-маклера о существующихъ на данный товаръ биржевыхъ цѣнахъ, выданное на основаніи писемъ торговцевъ тѣмъ товаромъ, имѣетъ силу и значеніе законнаго удостовѣренія.

Приступая къ обсужденію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ прежде всего находитъ, что составляющая предметъ онаго сдѣлка между истцомъ Трестеромъ и отвѣтчикомъ „Макъ-Набъ-Ружье и К°“ относительно поставки спорнаго угля заключена ими, какъ то признается обѣими тяжущимися сторонами, въ г. Одессѣ и окончательное исполненіе по оной должно было происходить въ Одессѣ же, а потому эта сдѣлка и обсуждаема должна быть, какъ то вполнѣ правильно призналъ Одесс. Ком. Судъ, на основаніи нашихъ отечественныхъ законовъ. Обращаясь

же съ этой точки зрѣнія къ обсужденію спорнаго въ дѣлѣ вопроса о толкованіи заключенной сторонами сдѣлки, Прав. Сенатъ находитъ, что хотя въ силу ст. 352 Уст. Суд. Торг. рѣшенія Ком. Судовъ въ случаяхъ, гдѣ нѣтъ точныхъ и ясныхъ законовъ, дозволяется основывать на торговыхъ обычаяхъ, но, очевидно, для того, чтобы обычай могъ служить основаніемъ для суда при толкованіи договора, необходимо, чтобы таковой былъ точно и опредѣленно установленъ и выражался бы въ рядѣ постоянныхъ и однообразныхъ соблюденій его, причемъ, какъ то уже и было разъясняемо Прав. Сенатомъ, обязанность доказать существованіе обычая, на которомъ основываетъ права свои тяжущійся, несомнѣнно лежитъ на семъ послѣднемъ, а не на судѣ, вообще никакихъ справокъ по дѣлу не собирающемъ. Между тѣмъ, существованіе въ Одессѣ—мѣстѣ заключенія и окончательнаго исполненія сдѣлки—обычая, по которому выраженіе „prompt shipment“ означало бы срокъ нагрузки именно въ теченіе не болѣе 15 дней, не только по дѣлу не установлено, но прямо опровергается представленнымъ къ дѣлу удостовѣреніемъ биржевого комитета отъ 31 января 1885 г., изъ коего усматривается, что подъ этимъ выраженіемъ въ Одесскомъ портѣ разумѣется срокъ въ три недѣли, если взамѣнъ этого срока не сдѣлано особой оговорки. Указаніе же отвѣтчика на то, что это удостовѣреніе биржевого комитета не можетъ имѣть значенія въ виду противорѣчія его съ представленнымъ съ его стороны удостовѣреніемъ того же комитета отъ 4 апрѣля 1885 г. лишено правильнаго основанія, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ удостовѣреніи комитетъ, согласно сдѣланному вопросу, признаетъ себя не компетентнымъ разрѣшить лишь вопросъ о толкованіи выраженія „prompt shipment“ сообразно обычаямъ, дѣйствующимъ за границею, въ Лондонѣ, въ удостовѣреніи же 31 января 1885 г. говорится объ обычаѣ, дѣйствующемъ въ Одесскомъ портѣ. Что же касается до обычая, существующаго по сему предмету въ Англіи, то, не говоря уже о томъ, что, какъ видно изъ представленныхъ къ дѣлу удостовѣреній, онъ и тамъ относительно срока понимается различно, къ примѣненію его къ настоящему случаю, въ виду заключенія договора не въ Англіи, а въ Одессѣ, не представляется достаточныхъ основаній. Признавая посему возраженіе отвѣтчика о томъ, что, нагрузивъ уголь не въ теченіе 15 дней, какъ то требовалось по мнѣнію его согласно установившемуся обычаю, а лишь въ 19 дней, истецъ самъ нарушилъ договоръ, ничѣмъ по дѣлу не доказаннымъ и имѣя засимъ въ виду, что въ силу ст. 1539 т. X ч. 1, въ случаѣ сомнѣнія, сила договора изъясняется болѣе въ пользу того, кто обязался что-либо отдать или исполнить, по тому убѣжденію, что отъ противной ему стороны зависѣло опредѣлить предметъ обязательства болѣе точно, Прав. Сенатъ находитъ, что Одесс. Ком. Судъ, признавъ торг. домъ „Макъ-Набъ-Ружье и К°“, какъ не принявшій купленный имъ у Трестера и своевременно симъ послѣднимъ ему доставленный уголь, нарушившимъ договоръ 25 іюля 1885 г. и слѣдовательно

обязаннымъ по силѣ ст. 684 т. X ч. 1 вознаградить Трестера за понесенные послѣднимъ отъ нарушенія договора убытки, поступилъ вполнѣ правильно. Обращаясь засимъ къ возраженіямъ апеллятора относительно самаго размѣра взыскиваемыхъ Трестеромъ убытковъ, Прав. Сенатъ находитъ, что въ подтвержденіе сего истцомъ представлены: 1) удостовѣреніе за подписью и печатью одесскаго биржевого маклера Островскаго въ томъ, что 6 августа 1884 г. имъ куплено у Трестера для торг. дома „Ф. Шполянскій“ около 1.700 тоннъ каменнаго угля по указаннымъ истцомъ Трестеромъ цѣнамъ, а именно около 800 тоннъ „Bowers“ и 500 т. „Haswell“ по 12 ш. 6 п. и около 400 т. „Newpelton“ по 11 ш. за тонну, и 2) удостовѣреніе одесскаго гофъ-маклера, въ коемъ послѣдній, основываясь на имѣющемся у него письмѣ отъ 14 ноября 1884 г. за тремя подписями отъ лицъ, занимающихся покупкою и продажею каменнаго угля въ Одессѣ, удостовѣряетъ, что съ 23 іюля по 7 августа 1884 г. въ Одессѣ на прибывшіе цѣлые, непроданные грузы угля цѣны были: за „Bowers“ и „Haswell“ приблизительно 11 ш. за тонну. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что указаніе отвѣтчика на то, что удостовѣреніе маклера Островскаго не есть выписка изъ его книгъ, вполнѣ голословно, такъ какъ подобныя удостовѣренія, въ виду ст. 2506 т. XI ч. 2, должны быть признаваемы за выданныя именно на основаніи книги маклера, доколѣ не будетъ доказано противнаго, и засимъ, какъ таковыя, имѣютъ въ силу ст.ст. 269 и 270 Уст. Суд. Торг. силу доказательства; 2) что споръ отвѣтчика противъ представленнаго истцомъ удостовѣренія гофъ-маклера о цѣнахъ на уголь, на томъ основаніи, что оно основано не на прейскурантѣ, а на письмѣ трехъ торгующихъ угломъ лицъ, не заслуживаетъ уваженія, какъ въ виду того, что по смыслу ст. 116 прил. 1 къ ст. 592 Уст. Торг., прейскуранты составляются гофъ-маклеромъ именно на основаніи имѣющихся у него свѣдѣній, вслѣдствіе которыхъ и выдано настоящее удостовѣреніе, такъ и въ виду того, что буде отвѣтчикъ признавалъ удостовѣреніе гофъ-маклера несогласнымъ съ дѣйствительностью, то отъ него зависѣло представить въ опроверженіе онаго указываемый имъ прейскурантъ, если таковой гофъ-маклеромъ былъ составленъ; 3) что засимъ, то обстоятельство, за какую цѣну въ свою очередь былъ проданъ Шполянскимъ купленный у Трестера уголь, на разрѣшеніе наст. дѣла никакого значенія имѣть не можетъ, а потому и ходатайство просителя о допросѣ по сему предмету свидѣтелей удовлетворенію не подлежитъ, Прав. Сенатъ находитъ, что Одесс. Ком. Судъ вполнѣ правильно призналъ искъ Трестера и въ цифровыхъ его данныхъ надлежаще доказаннымъ. Что же касается объясненія апеллятора о томъ, что истецъ долженъ былъ продать спорный уголь уже 13 іюля 1884 г., когда впервые послѣдовалъ отказъ отвѣтчика отъ принятія такового, то оно не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ изъ имѣющейся въ дѣлѣ переписки усматривается, что окончательный отказъ „Макъ-Набъ-Ружье и К°“ отъ принятія угля послѣ-

довалъ лишь въ нотаріальномъ заявленіи ихъ отъ 4 августа 1884 г., принимать же до того времени какія-либо мѣры къ охраненію интересовъ отвѣтчика истецъ обязаннымъ вовсе не былъ. По всѣмъ симъ основаніямъ, признавая рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда, по наст. дѣлу состоявшееся, отмѣнѣ не подлежащимъ,—Прав. Сенатъ таковое оставилъ въ силѣ (1886 г., № 503, по д. Трестера съ „Макъ-Набъ Ружье“).

415|284. Количество означаемыхъ въ цертепартіи регистровыхъ тоннъ не служитъ основаніемъ для опредѣленія количества груза, принимаемаго зафрахтованнымъ пароходомъ. Пробѣлъ въ цертепартіи при обозначеніи количества тоннъ, котораго не долженъ превышать полный грузъ, обозначаетъ намѣреніе фрахтователей нагрузить на пароходъ столько, сколько онъ благоразумно можетъ вмѣстить. По существующему въ Одессѣ обычаю при зафрахтованіи парохода по частямъ грузится въ день отъ 335—500 тоннъ. Фрахтователь обязанъ начать нагрузку съ послѣдующаго за извѣщеніемъ о готовности судна дня.

Торговый домъ „А. Я. Леви и К°“ по цертепартіи отъ 11 іюля 1889 г. зафрахтовалъ у общества „Моней, Виграмъ и Сынъ“ пароходъ „Эссексъ“, вмѣстимостью $\frac{2564 \text{ гроссъ}}{1675 \text{ нетто}}$ регистровыхъ тоннъ, по 21 шил. за квартеръ, съ тѣмъ, чтобы пароходъ нагрузилъ совершенно полный грузъ пшеницы или зерна, по желанію грузителей, не свыше того, что пароходъ можетъ благоразумно вмѣстить и поднять сверхъ собственнаго такелажа, принадлежностей, провизіи и припасовъ. Затѣмъ, въ числѣ прочихъ условій перевозки, въ цертепартіи помѣщено условіе о нагрузкѣ парохода „по обычаю“ пароходовъ, принимающихъ грузъ по частямъ, и о томъ, что простойные должны быть уплачены по 40 ф. ст. на каждый день. Основываясь на этомъ соглашеніи и утверждая, что пароходъ „Эссексъ“ прибылъ въ Одессу къ порту 27 августа 1889 г., что торг. домъ „А. Я. Леви и К°“ отъ нагрузки парохода отказался, извѣстивъ объ этомъ капитана парохода лишь 30 того же августа, что такой поздній отказъ увеличилъ время стоянки парохода на лишнихъ 4 дня, такъ какъ только со времени полученія его капитанъ могъ начать пріискивать себѣ другихъ грузителей, что затѣмъ вслѣдствіе пониженія фрахта пришлось отдать пароходъ по частямъ разнымъ фрахтователямъ по низшей цѣнѣ, а именно по 14—15 ш. за тонну вмѣсто условленныхъ съ Леви 21 ш., повѣренный Виграма предъявилъ въ Одесс. Ком. Судѣ искъ къ торг. дому „А. Я. Леви и К°“ о взысканіи съ него 730 ф. ст. разницы на фрахтъ на погруженныя 2.295,88 тоннъ и 160 ф. ст.

за 4 простойные дня, а всего 890 ф. ст., составляющихъ по курсу 8.462 р. 80 к.—Одесс. Ком. Судъ призналъ эти исковыя требованія подлежащими удовлетворенію за исключеніемъ лишь 40 ф. ст. за четвертый простойный день, а именно 27 августа, день прибытія парохода въ Одессу, а потому положилъ взыскать съ торг. дома „А. Я. Леви и К°“ всего 859 ф. ст. или по курсу 8.082 р. 80 к. Оспаривая правильность этого рѣшенія, повѣренный торг. дома приводитъ слѣд. соображенія: 1) въ цертепартіи сказано, что пароходъ „Эссексъ“ имѣетъ нетто 1.675 регистр. тоннъ; мѣсто же, оставленное для написанія максимальнаго количества тоннъ вмѣстимости его невыполнено, а слѣдовательно торг. домъ являлся обязаннымъ нагрузить на упомянутый пароходъ не болѣе означеннаго количества 1.675 тоннъ, вслѣдствіе чего и разница во фрахтѣ можетъ быть съ него взыскана лишь изъ разсчета этихъ 1.675 тоннъ, т. е. въ суммѣ 736 руб.; 2) пароходъ „Эссексъ“ не имѣлъ вовсе простойныхъ дней, подлежащихъ оплатѣ штрафомъ, такъ какъ простоялъ для нагрузки всего 11 дней (онъ отошелъ изъ Одессы 8 сентября 1889 г.), а за исключеніемъ праздничныхъ, всего 8 дней, принятое же имъ количество груза (2.295,88 тоннъ) требовало для погрузки болѣе 9 дней, считая, согласно обычаю для пароходовъ, принимающихъ грузъ по частямъ, не болѣе 250 т. въ день. Во всякомъ же случаѣ изъ числа установленныхъ Ком. Судомъ простойныхъ дней (28, 29 и 30 августа) слѣдуетъ исключить 28-ое число, въ которое Леви только получилъ извѣщеніе отъ капитана парохода о готовности сего послѣдняго къ принятію груза, и 30 какъ день праздничный, и такимъ образомъ возможно констатировать всего одинъ простойный день 29 августа, за который по договору слѣдуетъ 40 ф. ст., а по курсу 380 р. 37 к. Обращаясь къ разсмотрѣнію перваго изъ приведенныхъ возраженій апеллятора, Прав. Сенатъ находитъ, что хотя въ цертепартіи отъ 11 іюля 1889 г. и не обозначено количество имѣющихъ быть нагруженными торг. домомъ „А. Я. Леви и К°“ на пароходѣ „Эссексъ“ тоннъ зерна, но изъ этого, вопреки мнѣнію апеллятора, еще не слѣдуетъ, чтобы количество это не должно было превышать количества означенныхъ въ цертепартіи регистровыхъ тоннъ. Напротивъ того, согласно представленному истцомъ удостовѣренію Одесскаго биржевого комитета отъ 14 марта 1890 г. за № 25, количество означаемыхъ въ цертепартіи регистровыхъ тоннъ не служитъ вовсе при фрахтованіи пароходовъ какимъ-либо основаніемъ для опредѣленія количества груза, принимаемаго пароходомъ, вслѣдствіе чего пробѣлъ въ цертепартіи при обозначеніи количества тоннъ, котораго не долженъ превышать полный грузъ, каковой пробѣлъ имѣется и въ цертепартіи 11 іюля 1889 г., обозначаетъ намѣреніе фрахтователей нагрузить на пароходъ столько груза, сколько онъ можетъ благоразумно вмѣстить, независимо отъ его регистровыхъ тоннъ. А потому и принимая во вниманіе: 1) что по точному смыслу цертепартіи 11 іюля 1889 г., торг. домъ Леви обязанъ былъ нагрузить именно полный грузъ на пароходъ „Эссексъ“,

въ такомъ количествѣ, которое пароходъ этотъ можетъ благоразумно вмѣстить и поднять; 2) что по ничѣмъ не оспоренному отвѣтчикомъ объясненію истца, подтвержденному послѣднимъ представленнымъ къ дѣлу манифестомъ, на пароходѣ „Эссексъ“ могло быть и дѣйствительно было нагружено 2.295,88 тоннъ,— Прав. Сенатъ признаетъ домогательство апеллятора объ исчисленіи убытковъ, понесенныхъ владѣльцами парохода „Эссексъ“ вслѣдствіе недоставленія торг. домомъ Леви, во исполненіе цертепартіи 11 іюля 1889 г., на этотъ пароходъ груза изъ разницы фрахта 1.675 регистровыхъ, а не 2.295,88 погруженныхъ на него тоннъ зерна, неуважительнымъ, а засимъ и постановленное по сему предмету рѣшеніе суда не подлежащимъ отмѣнѣ. Переходя затѣмъ къ обсужденію второго возраженія апеллятора о томъ, что пароходъ „Эссексъ“ вовсе не имѣлъ простойныхъ дней, Прав. Сенатъ находитъ, что это свое возраженіе апелляторъ основываетъ главнымъ образомъ на томъ, что по договору „Эссексъ“ долженъ былъ быть нагруженъ по обычаю для пароходовъ, принимающихъ грузъ по частямъ, т. е. не болѣе, какъ по 250 тоннъ въ сутки. Но это послѣднее обстоятельство, а именно, что пароходъ долженъ былъ грузить въ день не болѣе 250 тоннъ, не только ничѣмъ со стороны апеллятора не доказано, но опровергается тѣмъ же представленнымъ истцомъ удостовѣреніемъ Одесс. биржевого комитета, изъ коего видно, что по существующему въ Одессѣ обычаю, при зафрахтованіи парохода по частямъ и при употребленіи въ цертепартіи, какъ въ настоящемъ случаѣ, выраженія „the cargo to be loaded as customary with berth steamers“ при благопріятной погодѣ грузится въ день не менѣе 20.000 пуд. зерновыхъ продуктовъ, т. е. приблизительно около 335 тоннъ, причемъ нагрузка доходитъ въ день и до 30.000 пуд. или до 500 тоннъ. Имѣя засимъ въ виду: 1) что за простойные по винѣ торг. дома Леви дни парохода „Эссексъ“ приняты Ком. Судомъ 28, 29 и 30 августа 1889 г.; 2) что между тѣмъ, какъ видно изъ представленнаго къ дѣлу удостовѣренія нотаріуса, капитанъ парохода „Эссексъ“ 28 августа 1889 г. только заявилъ Леви о прибытіи парохода къ пристани и о готовности его къ принятію груза, вслѣдствіе чего и такъ какъ обязанность фрахтователя начать погрузку наступаетъ лишь съ послѣдующаго за такимъ извѣщеніемъ дня, 28 августа не можетъ быть включено въ число простойныхъ дней; 3) что засимъ объ исключеніи изъ простоя дней праздничныхъ въ цертепартіи 11 іюля 1889 г. не установлено,—Прав. Сенатъ находитъ, что заключеніе Ком. Суда объ обязаніи отвѣтчика возмѣстить истцу за простойные дни должно быть признано правильнымъ лишь относительно двухъ дней 29 и 30 августа и что посему изъ присужденной по этой статьѣ иска суммы 8.082 р. 80 к. подлежатъ исключенію 40 ф. ст. или по курсу 380 р. 37 к. Вслѣдствіе сего, Прав. Сенатъ, въ измѣненіе рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда, по сему дѣлу состоявшагося, присудилъ съ торг. дома „А. Я. Леви и К°“ въ пользу Виграма 7.702 р. 43 к. съ % со дня предъявленія иска (1890 г., № 1027).

416. Въ опредѣленіи 10 января 1911 г., № 94, Правительствующій Сенатъ призналъ, что забастовка нагрузчиковъ и рабочихъ, помѣшавшая фрахтователямъ нагрузить зафрахтованный пароходъ, имѣетъ значеніе непреодолимой силы, лишающей собственника парохода права на взысканіе по договору цертепартіи убытковъ, имъ понесенныхъ вслѣдствіе несвоевременной нагрузки судна.

417|**285**. Условіе фрахтоваго договора „если ледъ будетъ мѣшать нагрузкѣ или догрузкѣ въ Николаевѣ“ слѣдуетъ понимать не только въ смыслѣ появленія льда въ самомъ Николаевскомъ портѣ, но и появленія его на пути слѣдованія въ портъ, дѣлающаго самое прибытіе туда парохода невозможнымъ. Разсчетъ сталійныхъ дней сообразно существующимъ на одесской биржѣ правиламъ о правѣ фрахтователя грузить около 20.000 пуд. въ день.

Обращаясь вслѣдствіе апелляціонной жалобы повѣреннаго „В. Джекобсъ Овенъ и К°“, присяжнаго стряпчаго Де-Антонини, на рѣшеніе по сему дѣлу Одесскаго Ком. Суда, отказавшаго въ первоначальномъ искѣ Джекобса и удовлетворившаго встрѣчный искъ Моффета, къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла и останавливаясь прежде всего на основномъ предметѣ спора сторонъ, на толкованіи заключеннаго ими 8/20 ноября 1894 г. фрахтоваго договора, Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ видно изъ содержанія этого договора, имъ установленъ главный портъ, куда пароходъ „Кильзитъ“ долженъ направиться для погрузки—Николаевъ и дополнительныя мѣста нагрузки—Одесса и Севастополь, куда пароходъ долженъ идти для нагрузки или догрузки, въ случаѣ, если нагрузка или догрузка въ Николаевѣ оказались бы невозможными. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ договорѣ указано и то препятствіе, которое должно было опредѣлить собою невозможность грузить или догрузить пароходъ въ Николаевѣ, а именно появленіе льда, ледоходъ. Соотвѣтствующій пунктъ договора гласитъ: „если ледъ будетъ препятствовать (въ англійскомъ текстѣ „if ice prevents“) нагрузкѣ или догрузкѣ въ Николаевѣ, то пароходъ долженъ грузиться въ Одессѣ или Севастополѣ по 12 ш. 6 п“. Но, указывая на ледъ, какъ препятствіе, договоръ не опредѣляетъ вовсе, вопреки мнѣнію апеллятора, того мѣста, появленіе въ которомъ онаго давало бы пароходу право отправиться въ одинъ изъ дополнительныхъ портовъ, а, какъ явствуетъ изъ буквальнаго смысла приведеннаго пункта, говоритъ лишь о льдѣ, какъ препятствіи не только къ догрузкѣ, но и къ нагрузкѣ въ Николаевѣ. Препятствіемъ же нагрузкѣ парохода въ Николаевѣ могло служить не одно лишь появленіе льда въ самомъ Николаевскомъ портѣ по при-

бытіи туда парохода, но въ одинаковой степени и появленіе льда уже на пути слѣдованія парохода въ Николаевъ, дѣлающее невозможнымъ самое прибытіе парохода въ Николаевскій портъ, а чрезъ это невозможною и погрузку въ семъ мѣстѣ. Въ виду этого для признанія того, что появленіе льда именно и только въ самомъ Николаевскомъ портѣ давало шкиперу Моффету право отправиться въ Одессу, необходимо бы было ясное о томъ постановленіе договора, а такъ какъ подобнаго постановленія въ договорѣ не содержится, то и утвержденіе апеллятора, что ледоходъ на пути слѣдованія парохода „Кильзитъ“ не освобождалъ шкипера отъ лежавшей на немъ по договору обязанности во всякомъ случаѣ прибыть въ Николаевъ, несмотря на предусмотрѣнное договоромъ препятствіе—ледъ, должно быть признано, какъ то заключилъ и Ком. Судъ, неправильнымъ и несоотвѣтствующимъ какъ смыслу договора, такъ и намѣренію и доброй совѣсти сторонъ при заключеніи онаго. Съ этой же точки зрѣнія представленный истцомъ къ дѣлу фрахтовый договоръ, заключенный въ Лондонѣ 14 декабря 1894 г. о зафрахтованіи парохода „Томасъ Уайманъ“ въ пространной формѣ изложенія и въ коемъ прямо выражено: „если ледъ воспрепятствуетъ пароходу войти въ портъ, грузить или догрузить до осадки, удобной для прохожденія бара въ Николаевѣ, то грузители обязуются нагрузить всецѣло или догрузить въ Одессѣ или Севастополѣ“, только подтверждаетъ правильность толкованія оговорки о льдѣ въ спорномъ въ семъ дѣлѣ, сжатомъ по изложенію договорѣ, именно въ смыслѣ признанія за шкиперомъ Моффетомъ права отправиться въ Одессу и при появленіи льда на пути слѣдованія парохода въ Николаевъ. Что же касается до другихъ 17 представленныхъ истцомъ фрахтовыхъ договоровъ, въ нѣкоторыхъ изъ коихъ содержится также оговорка о льдѣ, то таковые не могутъ имѣть значенія для настоящаго дѣла уже потому, что въ нихъ предусмотрѣнъ одинъ только портъ погрузки и, при невозможности погрузки или догрузки вслѣдствіе появленія льда исполненіе контракта послѣ открытія навигаціи, т. е. зимовка въ опредѣленномъ договоромъ портѣ, а не отбытіе парохода въ другой условленный портъ для нагрузки еще до закрытія навигаціи, какъ въ составляющемъ предметъ настоящаго дѣла договорѣ. По изложеннымъ соображеніямъ, находя вполнѣ правильнымъ заключеніе Ком. Суда въ обжалованномъ рѣшеніи, что въ силу договора отъ 8/20 ноября 1894 г. за Моффетомъ должно быть признано полное право отправиться въ Одессу, если ледъ воспрепятствовалъ ему вообще дойти до Николаева для принятія тамъ груза, противныя же сему мнѣнія лектора Новороссійскаго университета и лондонскихъ пароходособственниковъ, какъ частныхъ постороннихъ лицъ, неимѣющими для дѣла никакого значенія, ибо толкованіе договоровъ принадлежитъ суду, рѣшающему дѣло, и обращаясь засимъ къ вопросу о томъ, былъ ли шкиперъ Моффетъ дѣйствительно лишенъ возможности достичь Николаева, Прав. Сенатъ усматриваетъ прежде всего, что записями въ шканечномъ журналѣ парохода „Кильзитъ“ и показаніемъ подъ присягою ко-

манды парохода въ этомъ отношеніи установлено слѣдующее: пароходъ „Кильзитъ“, отплывъ 7/19 декабря 1894 г. изъ Константинополя, 9/21 того же декабря въ 2 ч. п.п. принялъ въ Очаковѣ лоцмана и въ 2 ч. 30 м. п.п. снялся съ якоря и отправился въ Николаевъ чрезъ крѣпкій ледъ; машина работала усиленно, но пароходъ все-таки медленно двигался впередъ; единственная помощь отъ ледокола, на которую можно было разсчитывать въ такомъ безвыходномъ положеніи, не явилась, ледоколъ, показавшись недалеко отъ „Кильзита“, ушелъ, не помогая ни „Кильзиту“, ни другимъ иностраннымъ пароходамъ; въ 9 ч. 30 м. пароходъ совершенно застрялъ во льду, долженъ былъ стать на якорь и оставался такъ въ продолженіе всей ночи; 10/22 декабря въ 7 часовъ утра снялись съ якоря и пошли полнымъ ходомъ, но идти впередъ оказалось невозможнымъ; съ большими усиліями и направляя машину впередъ и назадъ, со всевозможнымъ количествомъ пара, удалось въ 10 часовъ повернуть пароходъ и отправиться обратно въ Очаковъ; въ 10 час. 30 мин. пароходъ опять сильно застрялъ во льду, пришлось выкачивать воду изъ переднихъ резервуаровъ, ломать ледъ якорями, но пароходъ все-таки оставался неподвижнымъ и лишь подходившій пароходъ „Гладестри“ сломалъ ледъ и далъ „Кильзиту“ возможность освободиться отъ льда; въ 6 час. вечера, вслѣдствіе тумана, бросили якорь; 11/23 декабря въ 7 ч. 30 м. утра подняли якорь и отправились къ Очакову, прорѣзывая себѣ дорогу чрезъ крѣпкій ледъ; въ 8 ч. 30 м. утра пароходъ прибылъ въ Очаковъ, и такъ какъ лоцманская шлюпка не могла подойти за лоцманомъ, продолжалъ путь въ Одессу, куда прибылъ въ 11 ч. 40 мин. утра. Приведенныя данныя, во всемъ удостовѣренныя и показаніемъ находившагося на „Кильзитѣ“ лоцмана Вороненко, находятъ себѣ, равнымъ образомъ, полное подтвержденіе какъ въ записяхъ шканечнаго журнала греческаго парохода „Палики“ (который, выйдя 9 декабря изъ Очакова въ Николаевъ, встрѣтилъ такой сильный ледоходъ, что послѣ большихъ усилій 10 декабря, какъ и пароходъ „Кильзитъ“, вынужденъ былъ повернуть въ Одессу), такъ и въ удостовѣреніяхъ командира „Ледоколъ“ отъ 4 января 1895 г. за № 3 и лоцъ-командира общества николаевскихъ лоцмановъ отъ 31 декабря 1894 г., № 354, согласно коимъ отъ 9 по 14 декабря 1894 г. предъ Николаевомъ былъ сильный ледоходъ, пароходы, въ томъ числѣ и „Кильзитъ“ съ лоцманомъ Вороненко, не могли пройти въ Николаевъ безъ ледокола (пытавшіеся же это сдѣлать были снесены на мель) и вынуждены были уйти въ Одессу, за невозможностью слѣдовать въ Николаевъ. Въ виду всего этого, вопреки заявленію апеллятора, слѣдуетъ признать, что пароходъ „Кильзитъ“, встрѣтивъ на пути слѣдованія его въ Николаевъ дѣйствительно сильный ледоходъ, принималъ тѣмъ не менѣе зависящія отъ него мѣры съ цѣлью достичь Николаева, но, несмотря на оныя, пробиться сквозь ледъ не могъ, а потому вынужденъ былъ отправиться въ Одессу. Что же касается въ частности указанія апеллятора на то, что въ сущ-

ности пароходъ шелъ впередъ на Николаевъ за два дня всего лишь 2 1/2 час. и слѣдовательно не можетъ быть признанъ сдѣлавшимъ все отъ него зависящее для достиженія Николаева, то таковое не заслуживаетъ уваженія, ибо нельзя ко времени, въ теченіе котораго пароходъ „Кильзитъ“ пытался идти къ Николаеву, относить, какъ то дѣлаетъ апелляторъ, лишь время дѣйствительнаго движенія парохода впередъ и исключать время нахожденія парохода въ бездѣйствіи: якорь выбрасывался, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, не по доброй волѣ шкипера, не по нежеланію его слѣдовать впередъ, а лишь при совершенной невозможности двигаться, когда пароходъ совсѣмъ затирало льдомъ или наступала темнота, еще усугубившая опасность для парохода, и не съ цѣлью простой стоянки, а съ цѣлью выждать возможность вновь попытаться пройти сквозь ледъ. Къ тому же представляется совершенно неправдоподобнымъ, чтобы шкиперъ Моффетъ, выйдя, несмотря на сильный ледоходъ (изъ шканечнаго журнала видно, что ледъ былъ и у Очакова) изъ Очакова на Николаевъ 9/21 декабря въ 2 час. 30 мин. и оставаясь на пути туда до 10 ч. у. слѣдующаго дня, т. е. около сутокъ, повернулъ бы въ Одессу, не принявъ предварительно всѣхъ мѣръ для достиженія Николаева, тѣмъ болѣе, что и фрахтъ изъ Николаева по договору былъ гораздо выше, чѣмъ изъ Одессы, а слѣдовательно и съ этой стороны шкиперу не было разсчета идти въ Одессу. Равнымъ образомъ не основательнымъ должно быть признано и указаніе повѣреннаго истца въ апелляціи въ подтвержденіе своихъ доводовъ на удостовѣреніе управленія Николаевскаго порта отъ 17 декабря 1894 г., за № 513 о томъ, что пароходы до того времени безпрерывно входили и выходили изъ Николаева, ибо, во-первыхъ, какъ видно изъ представленнаго истцомъ же удостовѣренія Николаевской таможни отъ 2 января 1895 г. за № 10, 11 декабря 1894 г. одинъ только пароходъ Ирмингтонъ (съ которымъ „Кильзитъ“ одновременно вышелъ изъ Константинополя) и прибылъ въ Николаевъ, а это могло зависѣть и отъ большей силы этого парохода, въ 200 силъ, между тѣмъ какъ „Кильзитъ“ въ 160 силъ, (удостовѣреніе инженера Іогансона отъ 26 января 1895 г., что „Кильзитъ“ имѣлъ такую же возможность достичь Николаева, какъ и Ирмингтонъ, лишено значенія уже потому, что, по неопровергнутому апеллятором заявленію повѣреннаго Моффета, Іогансонъ ни того, ни другого парохода вовсе не видѣлъ), и другихъ случайностей морского плаванія, не поддающихся точному опредѣленію, а, во-вторыхъ, приведенное удостовѣреніе отнюдь не опровергаетъ вышеустановленнаго факта, что пароходъ уже на пути въ Николаевъ, на далекомъ сравнительно отъ порта разстояніи, встрѣтилъ сильный ледоходъ, не могъ его одолѣть и, не получивъ помощи отъ ледокола, подобно многимъ другимъ пароходамъ, вынужденъ былъ, согласно предоставленному ему на то договоромъ праву, отправиться въ Одессу. Принимая засимъ во вниманіе: 1) что утвержденіе апеллятора, будто шкиперъ Моффетъ обязанъ былъ прибыть въ Николаевъ сколько бы разъ онъ ни пытался

пройти туда, неуважительно, какъ основанное на неправильномъ, согласно вышесказанному, отрицаніи апелляторомъ права Моффета по договору идти въ Одессу при встрѣчѣ льда уже на пути слѣдованія его въ Николаевъ, такъ и потому, что обязанность Моффета многократно пытаться достичь Николаева, въ особенности въ виду установленнаго договоромъ предѣльнаго срока 13/25 декабря для прибытія въ портъ погрузки, не можетъ быть подразумѣваема, а должна бы быть прямо выражена въ договорѣ, чего однако на дѣлѣ не имѣется, и 2) что не уважительно и указаніе апеллятора на незаблаговременное отплытіе Моффета изъ Константинополя, ибо Моффетъ по договору обязанъ былъ прибыть въ портъ погрузки лишь не позже 13/25 декабря, въ предѣлахъ же сего срока былъ совершенно свободенъ въ выборѣ времени прибытія и выѣхавъ 7/19 декабря изъ Константинополя, онъ имѣлъ полную возможность дойти до Николаева уже 11/23 декабря, за два дня до срока, а если и не прибылъ, то исключительно вслѣдствіе ледохода, который, какъ сказано, давалъ ему право отправиться въ Одессу, куда онъ также прибылъ до истеченія установленнаго срока,—Прав. Сенатъ находитъ, что прибытіе парохода „Кильзитъ“ въ Одессу 11/23 декабря 1894 г. и требованіе шкипера Моффета, обращенное къ фрахтователямъ „В. Джекобсъ Овенъ и К°“, доставить грузъ для парохода именно въ Одессѣ, должно быть признано вполнѣ согласнымъ съ договоромъ отъ 8—20 ноября 1894 г. и обязательнымъ для фрахтователей-истцовъ по сему дѣлу; а такъ какъ истцы отъ исполненія этого законнаго требованія отказались, то они именно, а не шкиперъ Моффетъ, и должны быть признаны нарушившими приведенный фрахтовый договоръ. Что же касается засимъ указываемаго апелляторомъ обстоятельства, что шкиперъ, прибывъ въ Одессу, до истеченія предоставленныхъ фрахтователямъ по договору сталійныхъ дней, перефрахтовалъ пароходъ другому лицу, Юровскому, то и въ этомъ дѣйствіи Моффета нельзя усмотрѣть нарушенія въ чемъ-либо правъ и интересовъ истцовъ, а слѣдовательно и договора, такъ какъ Моффетъ перефрахтовалъ пароходъ $\frac{\text{20 декабря 1894 г.}}{\text{1 января 1895 г.}}$, истцы же уже 16 декабря 1894 г. отказались категорически отъ погрузки его въ Одессѣ и оставили безъ отвѣта заявленіе Моффета отъ 17 декабря, что онъ перефрахтуетъ пароходъ, если до 19 декабря не получитъ отъ „Джекобсъ и К°“ удовлетворительнаго отвѣта (т. е. согласія грузить въ Одессѣ по условіямъ договора), почему Моффетъ и имѣлъ основаніе считать истцовъ совершенно отказавшимися отъ погрузки парохода, а себя, по винѣ же истцовъ, свободнымъ отъ договора. Признавая въ силу изложенныхъ соображеній искъ „В. Джекобсъ Овенъ и К°“ къ Моффету объ убыткахъ, причиненныхъ неисполненіемъ со стороны отвѣтчика фрахтоваго договора, въ самомъ основаніи своемъ неправильнымъ и, какъ таковой, неподлежащимъ удовлетворенію, встрѣчный же искъ Моффета, основанный на установленномъ по дѣлу нарушеніи договора истцами, уважительнымъ и переходя къ обсужденію доводовъ апеллятора противъ размѣра исковыхъ требо-

ваній Моффета, Прав. Сенатъ относительно требованія встрѣчнымъ истцомъ вознагражденія за простой парохода „Кильзитъ“ въ теченіе 7 дней по 40 ф. ст. въ день, находитъ, что согласно правиламъ одесской биржи (на которыя ссылается и договоръ 8/20 ноября 1894 г.), по неопровергнутому Моффетомъ утвержденію апеллятора, фрахтователь имѣетъ право грузить 20.000 пудовъ въ день, исключая воскресныхъ, праздничныхъ, дождливыхъ и снѣжныхъ дней. Въ виду сего и такъ какъ пароходъ „Кильзитъ“ имѣетъ вмѣстимость 2.750 тоннъ, т. е. можетъ принять 171.050 пуд. груза, фрахтователи „В. Джекобсъ Овенъ и К°“ могли такимъ образомъ держать пароходъ съ 15/27 декабря (т. е. черезъ три дня по прибытіи парохода), согласно договора, въ теченіе 9 дней, не считая воскресныхъ и пр., т. е. до 24 декабря включительно (18-й былъ день воскресный)—условія о погрузкѣ „какъ можно скорѣе“ въ договорѣ не имѣется—а слѣдовательно 25 декабря пароходъ могъ уже отправиться въ путь. А такъ какъ пароходъ „Кильзитъ“ ушелъ нагруженнымъ грузомъ Юровскаго 26 декабря, на одни сутки позже, то за эти сутки „Джекобсъ Овенъ и К°“ и должны отвѣчать передъ Моффетомъ за простой въ суммѣ 40 ф. ст. Слѣдующая засимъ оспоренная апелляторомъ статья исковыхъ требованій Моффета, расходы на телеграммы и протесты въ великобританскомъ консульствѣ 12 ф. ст., вопреки заявленію апеллятора о ея голословности, подтверждена счетомъ „Макъ Наббе Ружье и К°“ отъ 14/26 января 1895 г. и потому подлежитъ удовлетворенію полностью. Что же касается требованія Моффетомъ разницы въ комиссіи 60 ф. ст., то въ виду неподтвержденія его со стороны встрѣчнаго истца рѣшительно никакими доказательствами и въ виду возбужденнаго противъ него со стороны апеллятора спора, требованіе это должно быть признано неподлежащимъ удовлетворенію. Слагая приведенныя суммы 12 ф. ст. и 40 ф.=52 ф. ст. и присужденную Ком. Судомъ, апелляторомъ неоспоренную сумму 515 ф. 9 ш. 6 п. разницы во фрахтѣ по договору съ „Джекобсъ и К°“ и таковому съ Юровскимъ, получается 567 ф. ст. 9 ш. 6 п., по курсу (принятому судомъ, апелляторомъ также неоспоренному) 9 руб. 30 к. за фунтъ стерлинговъ=5.277 руб. 57 коп., за вычетомъ же изъ этой суммы полученныхъ отъ „В. Джекобсъ Овенъ и К°“ самимъ Моффетомъ (какъ признано въ Ком. Судѣ и его повѣреннымъ) 80 руб. и лоцманомъ Вороненко за счетъ Моффета по роспискѣ—39 руб. 55 коп., а всего 119 руб. 55 коп., подлежащая присужденію въ пользу Моффета сумма выразится въ 5.158 руб. 2 коп. А потому Прав. Сенатъ въ измѣненіе состоявшагося по сему дѣлу рѣшенія Одесскаго Ком. Суда въ части, касающейся встрѣчнаго иска шкипера парохода „Кильзитъ“ Моффета, присудилъ съ торговаго дома „В. Джекобсъ Овенъ и К°“ въ пользу Моффета 5.158 руб. 2 коп. съ % со дня предъявленія иска (1895 г., № 1062).

418|286. Въ случаѣ неопредѣленія въ фрахтовомъ договорѣ количества сталійныхъ дней, оно должно опредѣляться сообразно существующему (въ Одессѣ) обычаю, по которому грузитель обязанъ доставлять на пароходъ не менѣе 20.000 пуд. зерна. День объявленія о готовности судна къ принятію груза въ разсчетъ при исчисленіи сталійныхъ дней не принимается; дни нерабочіе подлежатъ исключенію при исчисленіи сталійныхъ дней. Требованіе шкиперомъ уплаты сверхсталійныхъ денегъ, когда не истекли еще сталійные дни, открываетъ грузителю право отступиться отъ договора.

Изъ дѣла видно, что по фрахтовому договору, заключенному въ Лондонѣ 22 ноября новаго стиля 1894 г., Кристи, въ качествѣ агента, зафрахтовалъ для парохода „Гладестри“, вмѣстимостью 3.650 тоннъ (226.300 пуд.), за счетъ владѣльцевъ полный грузъ зерна, на обычныхъ въ Одессѣ для погрузки парохода нѣсколькими лицами условіяхъ, утвержденныхъ Одесскою биржею, причемъ въ этомъ договорѣ, между прочимъ, постановлено, что грузъ имѣетъ быть погруженъ такъ скоро, насколько пароходъ въ состояніи будетъ принимать, послѣ того, какъ пароходъ будетъ на мѣстѣ и совершенно готовъ къ принятію груза, согласно одесскимъ обычаямъ погрузки пароходовъ нѣсколькими лицами, и что если пароходъ долженъ будетъ грузиться всецѣло въ Одессѣ, то срокъ на полученіе мѣста погрузки ограничивается 4-мя днями съ момента прибытія и объявленія, послѣ чего слѣдуютъ сталійные дни. Основываясь на этомъ договорѣ и объясняя, что пароходъ „Гладестри“ прибылъ въ Одессу 11/23 декабря 1894 г., что извѣщеніе о прибытіи означеннаго парохода послано было таможнѣ въ тотъ же день, а самому Кристи на слѣдующій день, и что, несмотря на неоднократныя напоминанія, Кристи своевременно груза не далъ, вслѣдствіе чего, по окончаніи срока сталійнымъ днямъ 31 декабря 1894 г., пришлось отдать пароходъ „Гладестри“ другимъ лицамъ съ большою потерею на фрахтѣ,—капитанъ означеннаго парохода, Сиверайтъ, и предъявилъ къ Кристи составляющій предметъ настоящаго дѣла искъ въ суммѣ 1.564 ф. ст. 15 ш. 7 п. или по принятому имъ курсу, 9 руб. 30 коп., 14.552 руб., въ возмѣщеніе понесенныхъ пароходомъ по винѣ Кристи убытковъ отъ простоя въ Одессѣ и Севастополѣ 19 дней, отъ потери на фрахтѣ и расходовъ на депеши, протесты, заявленія, дополнительную комиссію и проч. Обращаясь вслѣдствіе апелляціонной жалобы Сиверайта на рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда, отказавшаго ему въ искѣ, къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что въ договорѣ отъ

22 ноября по новому стилю 1894 г. количество сталійныхъ дней, т. е. дней, въ теченіе коихъ пароходъ „Гладестри“ долженъ былъ находиться въ безплатномъ и полномъ распоряженіи Кристи для нагрузки, въ точности не опредѣлено, а указанъ лишь срокъ, съ котораго долженъ былъ начаться счетъ сталійнымъ днямъ, а именно по прошествіи 4 дней со времени прибытія парохода въ Одессу и донесенія о томъ, опредѣленіе же количества сталійныхъ дней подчинено существующему на сей предметъ въ Одессѣ обычаю. Изъ имѣющагося въ дѣлѣ удостовѣренія Одесскаго биржевого комитета отъ 3 декабря 1894 г., № 154 видно, что въ Одессѣ существуетъ обычай по которому грузитель, по мѣрѣ предоставленія ему очереди, обязанъ доставлять на пароходъ не менѣе 20.000 пуд. зерна въ день, причемъ онъ не обязанъ производить погрузку въ воскресные и праздничные дни, а также въ дождливую и снѣжную погоду, изъ чего слѣдуетъ, что въ силу договора въ распоряженіе Кристи для погрузки парохода „Гладестри“ вмѣстимостью 3.650 тоннъ, или 226.300 пуд., должно было быть предоставлено 12 рабочихъ дней. Принимая во вниманіе, что извѣщеніе о прибытіи парохода въ Одессу послано было Кристи 12 декабря 1894 г. и отсчитывая отъ этого срока четыре дня полными сутками,—какъ это обыкновенно принято даже въ судебной практикѣ, при производствѣ разсчета на дни,—Прав. Сенатъ находитъ, что началомъ для исчисленія сталійныхъ дней должно быть признано 17 декабря, послѣдній же двѣнадцатый сталійный день приходится на 2 января 1895 г., въ виду того, что за этотъ періодъ времени подлежатъ исключенію, какъ дни нерабочіе, 18 декабря—воскресенье, 25, 26 и 27 декабря 1894 г.—праздники Рождества Христова и 1 января 1895 г.—день новаго года. Что же касается указанія апеллятора на то, что первымъ сталійнымъ днемъ слѣдуетъ считать 15 декабря или въ крайнемъ случаѣ 16 декабря 1894 г., то таковое не заслуживаетъ уваженія, ибо, во-первыхъ, день посылки извѣщенія, какъ несоставляющій полныхъ сутокъ, не можетъ быть принимаемъ въ разсчетъ, а, во-вторыхъ, апелляторъ неправильно начинаетъ счетъ дней со времени посылки извѣщенія о прибытіи парохода въ таможню, такъ какъ, толкуя договоръ отъ 22 ноября н. ст. 1894 г. по намѣренію и доброй совѣсти сторонъ, его заключившихъ (ст. 1239 X т. 1 ч.), слѣдуетъ придти къ заключенію, что контрагенты имѣли въ виду донесенія о прибытіи парохода въ Одессу самому грузителю, какъ лицу, единственно заинтересованному въ томъ, чтобы быть своевременно поставленнымъ въ извѣстность объ этомъ обстоятельствѣ для веденія правильнаго разсчета сталійныхъ дней, а не таможнѣ: такой выводъ представляется въ настоящемъ случаѣ тѣмъ болѣе правильнымъ, что, какъ видно изъ дѣла, въ телеграммѣ, посланной Сиверайтомъ Кристи изъ Пера указанъ былъ приблизительно день прибытія парохода „Гладестри“ въ Николаевъ, тогда какъ, вслѣдствіе случайнаго обстоятельства—льда, означенный пароходъ принужденъ былъ измѣнить свой первоначальный курсъ и направиться

прямо въ Одессу, вслѣдствіи чего Кристи, не будучи объ этомъ заранѣе предувѣдомленъ, лишенъ былъ даже возможности наводить надлежащія справки въ Одесскомъ портѣ. Равнымъ образомъ неправильно указаніе апеллятора на то, что слѣдуетъ включить въ сталійные дни день воскресный (18 декабря), разъ погрузка парохода до того времени Кристи еще не начиналась, ибо коль скоро, въ силу существующаго въ Одессѣ обычая, дни воскресные и праздничные признаются днями нерабочими, льготными, количествомъ же рабочихъ дней, необходимыхъ для нагрузки парохода опредѣленной вмѣстимости, опредѣляется вообще количество времени, въ теченіе коего данный пароходъ долженъ находиться въ полномъ распоряженіи грузителя, или, что то же, количество сталійныхъ дней, то не представляется никакого основанія не примѣнять вышеуказаннаго обычая въ томъ случаѣ, когда, несмотря на наступленіе сталійныхъ дней, нагрузка парохода грузителемъ, еще не производится, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ, какъ видно изъ дѣла, Кристи лишенъ былъ даже фактической возможности начать нагрузку парохода „Гладестри“ въ первые сталійные дни, ибо пароходъ этотъ,—что усматривается изъ удостовѣренія управленія капитана надъ Одесскимъ портомъ отъ 27 января 1895 г. № 140,—только 23 декабря 1894 г. получилъ мѣсто лагомъ у пристани, до того же времени стоялъ у брекватера (волнолома), гдѣ, по объясненію повѣреннаго Кристи, апелляторомъ не отрицаемому, нагрузка производиться не можетъ. Такимъ образомъ должно быть признано по дѣлу установленнымъ, что послѣдній сталійный день для парохода „Гладестри“, согласно съ объясненіемъ повѣреннаго Кристи и заключеніемъ Ком. Суда, оканчивался 2 января 1895 г. Между тѣмъ изъ дѣла видно, что Сиверайтъ еще задолго до окончанія сталійныхъ дней, а именно 21 декабря 1894 г., когда, слѣдовательно, ни о какой платѣ за простой парохода не могло быть и рѣчи, нотаріальнымъ заявленіемъ потребовалъ отъ Кристи платежа 200 ф. ст. за 5 контрсталійныхъ дней и несмотря на предупрежденіе Кристи, изложенное въ нотаріальномъ заявленіи отъ 24 декабря 1894 г., о томъ, что онъ отказывается признать его требованіе 200 ф. ст. простойныхъ денегъ, такъ какъ дни его стоянки еще не истекли, и что пока онъ не возьметъ обратно это свое требованіе, онъ, Кристи, долженъ отказаться отъ грузки судна, а также отъ признанія далькѣйшихъ сталійныхъ дней, означеннаго своего требованія обратно не взялъ. Мало того, не выждавши окончанія сталійныхъ дней, Сиверайтъ 31 декабря, какъ видно изъ его нотаріальнаго заявленія отъ того же числа, отдалъ пароходъ другимъ лицамъ. Такой образъ дѣйствій Сиверайта, идущій въ разрѣзъ съ договорными постановленіями и противозаконный по существу, долженъ быть признанъ равносильнымъ лишенію Кристи возможности съ своей стороны исполнить договоръ, ибо было бы несправедливымъ признать Кристи, несмотря на предъявленіе ему Сиверайтомъ вышеозначеннаго противозаконнаго и противодоговорнаго требованія, обязаннымъ тѣмъ не менѣе грузить пароходъ, подвер-

гая грузъ риску быть арестованнымъ въ обезпеченіе этого требованія и зная, что получитъ коносаментъ, опороченный надписью о причитающейся съ него контрсталійной платѣ. Въ силу изложеннаго, Кристи не можетъ быть признанъ нарушившимъ договоръ отъ 22 ноября новаго стиля 1894 г., а наоборотъ, нарушителемъ такового, какъ правильно заключилъ Ком. Судъ, является самъ Сиверайтъ, вслѣдствіе чего и искъ его къ Кристи объ убыткахъ отъ неисполненія имъ договора представляется неуважительнымъ. Что же касается указанія апеллятора на то, что, будто бы, нотаріальнымъ заявленіемъ отъ 21 декабря 1894 г. Сиверайтъ имѣлъ лишь намѣреніе напомнить Кристи о томъ, что течетъ пятый сталійный день, то таковое не заслуживаетъ уваженія, ибо оно противорѣчитъ буквальному содержанію вышеупомянутаго нотаріальнаго заявленія, въ которомъ дни названы контрсталійными и за нихъ потребована плата, тогда какъ за сталійные дни никакой платы не полагается; къ тому же, напоминаніе Кристи о количествѣ протекшихъ сталійныхъ дней представлялось бы совершенно лишнимъ, ибо, будучи извѣщенъ о прибытіи парохода и имѣя въ рукахъ договоръ—чертепартію, Кристи имѣлъ полную возможность въ точности вычислить, сколько сталійныхъ дней уже прошло. Кромѣ того, означенное объясненіе апеллятора находится въ прямомъ противорѣчіи съ его же послѣдующимъ объясненіемъ о томъ же предметѣ, а именно, что въ нотаріальномъ заявленіи отъ 21 декабря 1894 г. Сиверайтъ выразилъ требованіе платы за контрсталійные дни, но лишь въ будущемъ, на случай если Кристи не нагрузитъ парохода къ сроку, каковое объясненіе, равнымъ образомъ, представляется неуважительнымъ, во-первыхъ, потому, что опять-таки противорѣчитъ буквальному содержанію означеннаго нотаріальнаго заявленія, изъ котораго видно, что плата съ Кристи требовалась не въ будущемъ, а какъ фактъ уже совершившійся (онъ, Кристи, *имѣетъ уплатить* пароходу и т. д.) и, во-вторыхъ, потому, что въ то время Сиверайтъ въ дѣйствительности не могъ еще знать не только того, сколько именно дней Кристи допуститъ просрочки, но даже и того, будетъ ли таковая имъ вообще допущена, ибо Кристи, будучи лишь обязанъ въ силу существующаго въ Одессѣ обычая къ минимальной погрузкѣ по 20.000 пуд. въ день, тѣмъ самымъ не лишенъ былъ права, если бы захотѣлъ, грузить и большее количество зерна, а слѣдовательно, даже пропустивши нѣсколько сталійныхъ дней, имѣлъ бы возможность въ остальные дни произвести полную нагрузку парохода безъ просрочки. Что же касается указанія апеллятора на то, что въ виду постановленія чертепартіи о томъ, что нагрузка должна быть произведена „какъ можно скорѣе“, Кристи обязанъ былъ начать нагрузку съ перваго же опредѣленнаго для сего дня и производить таковую ежедневно, въ подтвержденіе чего дѣлается ссылка на рѣшеніе арбитражной комиссіи по дѣлу торговаго дома „Дрейфусъ и К°“ съ торговымъ домомъ „Твиди Ридъ и К°“, то таковое, равнымъ образомъ, представляется не заслуживающимъ уваженія, во-первыхъ, потому, что выраженія „какъ можно

скорѣе“ въ составляющей предметъ настоящаго дѣла цертепартіи не содержится, а сказано лишь, что „грузъ имѣетъ быть погруженъ такъ скоро, насколько пароходъ въ состояніи принимать... согласно одесскимъ обычаямъ погрузки пароходовъ нѣсколькими лицами“, и, во-вторыхъ, потому, что въ данномъ случаѣ, въ отличіе отъ разбиравшагося арбитрами спора торговаго дома „Дрейфусъ и К°“ съ торговымъ домомъ „Твиди Ридъ и К°“, самое количество сталійныхъ дней опредѣлено и самое выраженіе цертепартіи „грузъ имѣетъ быть погруженъ такъ скоро, насколько пароходъ въ состояніи принимать, согласно одесскимъ обычаямъ погрузки и проч.“, служитъ лишь способомъ опредѣленія именно количества сталійныхъ дней. Наконецъ, неуважительною представляется и ссылка апеллятора на переписку и переговоры Кристи съ арматорами объ окончаніи дѣла миромъ, изъ чего онъ выводитъ заключеніе о сознаніи, будто бы, Кристи своей обязанности исполнить заявленное ему Сиверайтомъ требованіе, ибо если и велись Кристи переговоры о миролюбивомъ окончаніи дѣла, даже съ нѣкоторымъ для него матеріальнымъ ущербомъ, то это можетъ быть объяснено желаніемъ его не доводить возникшаго между ними недоразумѣнія до судебнаго разбирательства—что въ торговомъ мірѣ представляется явленіемъ обычнымъ. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, признавая отказъ Одесскаго Ком. Суда въ удовлетвореніи исковыхъ требованій Сиверайта правильнымъ, Прав. Сенатъ рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда въ обжалованной Сиверайтомъ части утвердилъ (1895 г., № 1142).

419|287. При наличности соглашенія объ измѣненіи означеннаго въ коносаментѣ начала исчисленія сверхсталійныхъ дней, за начало исчисленія таковыхъ долженъ быть принятъ срокъ, обусловленный соглашеніемъ; конечный срокъ—срокъ, назначенный фрахтовщикомъ грузохозяину для окончательной выгрузки. Удержаніе фрахтовщикомъ въ обезпеченіе причитающихся ему сравнительно незначительныхъ уплатъ всего груза, притомъ свободно дѣлимаго, неправильно.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло и обращаясь прежде всего къ обсужденію требованія апеллятора о сверхсталійныхъ деньгахъ, Прав. Сенатъ находитъ, что въ нотаріальномъ заявленіи своемъ отъ 29 марта 1890 г. повѣренный наслѣдниковъ Ивана Россолимо, Леонидъ Россолимо, заявилъ отвѣтчику Вебстеру, что „если не будутъ уплачены въ теченіе сутокъ сполна фрахтовыя деньги въ суммѣ 429 руб. и сталійныя за все время сверхъ дозволеннаго по коносаменту, до „сегодняшняго числа“ (т. е. до 29 марта) въ суммѣ 225 руб. и грузъ не будетъ принятъ, то имъ будутъ приняты рѣшительныя мѣры къ выгрузкѣ баржи

№ 10 и всѣ убытки лягутъ на счетъ и страхъ Вебстера". Изъ буквальнаго смысла этого окончательнаго заявленія повѣреннаго истцовъ явствуетъ, что истцы сами считали началомъ теченія сверхсталійныхъ дней 20 марта (по разсчету 25 руб. въ день 225 руб. составляютъ плату за 9 дней). Съ этого же числа они требовали уплаты имъ сверхсталійныхъ денегъ и предыдущимъ нотаріальнымъ заявленіемъ отъ 23 марта 1890 г., въ коемъ, требуя отъ Вебстера принять рожь 24 марта, опредѣлили цифру сверхсталійныхъ денегъ въ 125 р., т. е. за 5 дней съ 20 по 24 марта включительно. Въ виду этого обстоятельства, вполнѣ подтверждающаго утверждаемое отвѣтчикомъ соглашеніе объ отсрочкѣ означеннаго въ коносаментѣ начала исчисленія сверхсталійныхъ дней, за истцами въ настоящее время уже не можетъ быть признано право требовать уплаты за простойные дни, начиная съ 15 марта, а за начальный срокъ теченія таковыхъ, согласно собственному разсчету ихъ въ приведенныхъ выше нотаріальныхъ заявленіяхъ, должно быть принято 20 марта 1890 г. Что же касается предѣльнаго срока исчисленія сверхсталійныхъ дней, то въ этомъ отношеніи Прав. Сенатъ находитъ, что признаніе за таковой, какъ о томъ ходатайствуетъ апелляторъ, дня выгрузки истцами ржи, представлялось бы: во 1-хъ, произвольнымъ, въ виду того, что истцами ничѣмъ не доказана предстоявшая имъ необходимость произвести сказанную выгрузку 7 именно апрѣля, а не въ другое какое-либо время, и во 2-хъ, несправедливымъ, потому что порождало бы возможность для одного изъ контрагентовъ произвольно, въ теченіе продолжительнаго времени, извлекать себѣ выгоды отъ неисполненія договора другимъ контрагентомъ. А потому и принимая во вниманіе, что, какъ видно изъ дѣла, Вебстеръ нотаріальнымъ заявленіемъ отъ 27 марта 1890 г. поставилъ повѣреннаго истцовъ Соломоса въ извѣстность, что, если 28 марта ему, при уплатѣ 429 руб. фрахтовыхъ, не будетъ выдана принадлежащая ему рожь, то убытки и расходы отъ того падутъ на наслѣдниковъ Россолимо, и что посему, послѣдніе, если бы они даже и могли считать себя вправѣ на дальнѣйшее удержаніе всего груза Вебстера, во всякомъ случаѣ должны были немедленно приступить въ виду такого заявленія къ выгрузкѣ онаго, держаніе же ими означеннаго груза на баржѣ, съ начисленіемъ притомъ простойныхъ дней до 7 апрѣля, является вполнѣ произвольнымъ и ничѣмъ по дѣлу не оправданнымъ, Прав. Сенатъ признаетъ, что при такихъ условіяхъ взысканіе истцами съ Вебстера сверхсталійныхъ денегъ и за время послѣ 28 марта 1890 г. представляется лишеннымъ правильнаго основанія и что таковыя деньги могутъ быть присуждены имъ лишь по 28 марта включительно, что составитъ всего, начиная съ 20 марта за 9 дней по 25 руб. въ день (по коносаменту), 225 р., т. е. болѣе присужденной Ком. Судомъ суммы (125 р.) на 100 р. Переходя засимъ къ требованіямъ истцовъ за выгрузку и за расходы по храненію и продажѣ удержанной ими ржи, Прав. Сенатъ находитъ, что изъ всѣхъ этихъ расходовъ могутъ подлежать возмѣщенію

истцамъ лишь расходы по выгрузкѣ, какъ въ силу 2 п. коносамента, по коему по прошествіи условленнаго срока на выгрузку или въ случаѣ неявки въ означенный срокъ получателя груза или товара, владѣльцы парохода имѣютъ право выгрузить товаръ на исключительный счетъ и рискъ товарохозяина, такъ и въ виду неизбѣжности и необходимости самаго расхода. А потому и имѣя въ виду, что противъ самой показанной истцомъ суммы этого расхода 124 руб. 85 к., подтвержденной представленнымъ истцомъ къ дѣлу счетомъ, отвѣтчикъ никакихъ возраженій не предъявлялъ и указаній на преувеличенность ея не дѣлалъ, Прав. Сенатъ признаетъ это требованіе истцовъ въ указанной суммѣ подлежащимъ удовлетворенію. Что же касается остальныхъ требованій истцовъ, а именно: расходовъ по храненію и продажѣ ржи, то таковыя не могутъ быть признаны подлежащими удовлетворенію по слѣдующимъ основаніямъ. Хотя въ печатныхъ условіяхъ коносамента и сказано (п. 5), что „грузъ или товаръ служитъ обезпеченіемъ уплаты слѣдуемой по коносаменту суммы, а потому, въ случаѣ неуплаты ея, владѣльцы парохода могутъ удержать по своему усмотрѣнію весь грузъ или товаръ или часть онаго до полной уплаты", но, тѣмъ не менѣе, въ разсужденіи даннаго случая, какъ то вполнѣ правильно заключилъ и Одесскій Ком. Судъ, за истцами не можетъ быть признано право на примѣненіе приведеннаго условія коносамента въ смыслѣ права на удержаніе ими всего именно груза, во 1-хъ, потому, что удержаніе всѣхъ 6.570 пудовъ ржи, стоимостью свыше 4.000 р., не можетъ быть оправдано ни родомъ груза (свободно дѣлимаго), ни значительностью подлежавшей уплатѣ суммы, простиравшейся по разсчету самихъ истцовъ ко времени заявленія Вебстеромъ требованія о сдачѣ ему груза въ нотаріальномъ заявленіи отъ 27 марта 1890 г. до 225 р.; и во 2-хъ, потому, что въ виду приведеннаго требованія Вебстера о сдачѣ ему груза истцы имѣли полную возможность, буде считали себя на то вправѣ, обезпечить свое требованіе соотвѣтствующею частью этого груза; удержаніе же онаго полностью представляется дѣйствіемъ съ ихъ стороны совершенно самовольнымъ и не вызываемымъ какою либо необходимостью, вслѣдствіе чего и всѣ основанныя на противоположномъ сему выводѣ исковыя требованія истцовъ о возмѣщеніи имъ расходовъ по храненію и продажѣ удержанной ими ржи должны быть признаны неподлежащими удовлетворенію. Переходя наконецъ къ обсужденію правильности встрѣчнаго иска Вебстера, присужденнаго Ком. Судомъ съ Россолимо и Соломосъ въ суммѣ 824 р. 51 к., и принимая во вниманіе: 1) что искъ этотъ заключается въ разницѣ между суммою, вырученною истцами, наслѣдниками Россолимо, отъ продажи 21 іюля 1890 г. подлежавшей къ сдачѣ Вебстеру ржи и представленною ими въ Ком. Судъ—3.889 р. 46 к. и суммою, присужденною судомъ съ Вебстера въ пользу собственника ржи Лившица, за несдачу таковой 4.713 р. 97 к.; 2) что по изложеннымъ выше основаніямъ удержаніе истцами ржи до 21 іюля не можетъ быть признано законнымъ, а слѣ-

довательно не можетъ быть признана для Вебстера обязательною и вырученная 21 іюля отъ продажи ржи по стоявшей въ то именно время цѣнѣ (60 к. за пудъ) сумма; 3) что между тѣмъ, какъ видно изъ дѣла, за несдачу этой именно, чего не отрицаетъ и апелляторъ, ржи взыскано съ Вебстера въ пользу Лившица Одесскимъ Ком. Судомъ 4.713 р. 97 к. изъ разсчета по $71^{3}/_{4}$ коп. за пудъ, и 4) что засимъ въ подтвержденіе существовавшихъ на рожь въ мартѣ 1890 г., когда должна была быть произведена сдача оной, цѣнъ апелляторъ никакихъ данныхъ не представилъ,—Прав. Сенатъ находитъ присужденіе Одесскимъ Ком. Судомъ Вебстеру съ наслѣдниковъ Россолимо отыскиваемой имъ за рожь суммы 824 р. 51 к. вполнѣ правильнымъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ Прав. Сенатъ, въ измѣненіе рѣшенія Одесскаго Ком. Суда, присудилъ съ Ричарда Вебстера въ пользу Леонида, Григорія, Александра, Христины и Маріи Россолимо и Екатерины Соломосъ 778 р. 85 к., а съ поименованныхъ Россолимо и Соломосъ въ пользу Вебстера 824 руб. 51 к. съ % на обѣ суммы со дня предъявленія исковъ (1891 г., № 569).

420|288. Право на вознагражденіе за простойные дни принадлежитъ судовщику и при отсутствіи по сему предмету письменнаго съ хозяиномъ соглашенія. По обычаю для дачи приказа о мѣстѣ выгрузки товара полагается 3 дня, которые въ счетъ простойныхъ дней не входятъ. Размѣръ платы за простой зависитъ отъ вмѣстимости судна (сб. Вильсона I, № 205).

421. Въ тѣхъ случаяхъ, когда размѣръ вознагражденія за простойные дни не установленъ цертепартіей, то за силою ст. 327 Уст. Суд. Торг. надлежитъ опредѣлять размѣръ вознагражденія на основаніи *обычая*, согласно которому вознагражденіе исчисляется въ размѣрѣ 6 пенс. съ регистровой тонны судна брутто (1910 г., № 25).

422|289. Ст. 253 Уст. Торг., изд. 1893 г., установляя отвѣтственность судохозяина за вредъ и убытки лишь въ томъ случаѣ, когда самъ корабельщикъ оказывается къ тому несостоятельнымъ, имѣетъ въ виду только тѣ убытки, которые послѣдовали по личной винѣ корабельщика. Судохозяинъ, не принявшій всѣхъ зависѣвшихъ мѣръ предосторожности, которыя могли бы обезпечить безопасность доставки порученнаго груза, отвѣчаетъ за произошедшіе отъ сего для грузовладѣльца убытки.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его согласно апелляціонной жалобѣ повѣреннаго Посохова, Стратоновича, подлежитъ

вопросъ о томъ, правильно ли С.-Петербургскій Ком. Судъ отказалъ Посохову въ предъявленномъ имъ 15 октября 1887 г. искѣ съ Пароходнаго Общества по Дону, Азовскому и Черному морямъ съ ихъ притоками 69.232 р. 8 к. убытковъ, происшедшихъ отъ потопленія въ ноябрѣ 1877 г. двухъ баржъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, принадлежащимъ Посохову? Но прежде чѣмъ приступить къ обсужденію приводимыхъ апелляторомъ противъ правильности этого рѣшенія доводовъ, Прав. Сенатъ находитъ необходимымъ остановиться на указаніи повѣреннаго Пароходнаго Общества на то, что искъ Посохова въ виду ст. 253 Уст. Торг. вообще неправильно предъявленъ непосредственно къ Обществу, какъ судохозяину, безъ предварительнаго привлеченія къ отвѣтственности по оному капитана парохода. Хотя приведенная просителемъ 253 ст. Уст. Торг. и установляетъ отвѣтственность судохозяина за вредъ и убытки лишь въ томъ случаѣ, когда самъ корабельщикъ оказывается къ тому несостоятельнымъ, но точный смыслъ этой статьи закона не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что она имѣетъ въ виду только тѣ убытки, которые послѣдовали по личной винѣ корабельщика, его невѣрности, нечестности, недостатку искусства и знанія, неосторожности и упущенію. Въ настоящемъ же случаѣ основаніемъ иска Посохова объ убыткахъ служатъ не дѣйствія или упущенія капитана парохода „Маруся“, а непосредственныя распоряженія самого Пароходнаго Общества, замедлившаго, по объясненію истца, перевозкою груза и подведшаго его тѣмъ подъ бурю, поручившаго буксировку баржъ, вопреки соглашенію, одному и притомъ непригодному для этой цѣли пароходу и не озаботившагося надлежащимъ образомъ о спасеніи груза. Признавая посему ссылку отвѣтчика на ст. 253 Уст. Торг. не могущею имѣть примѣненія къ настоящему дѣлу и обращаясь засимъ къ разсмотрѣнію существа настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что по закону (ст. 684 т. X ч. 1 Зак. Гражд.) всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные кому-либо его дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя бы сіе дѣяніе или упущеніе не составляли ни преступленія, ни проступка, если только будетъ доказано, что онъ не былъ принужденъ къ тому требованіями закона или правительства, или необходимою личною обороною, или же стеченіемъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не могъ предотвратить. Такимъ образомъ, въ силу точнаго смысла приведенной статьи закона, Общество Пароходства по Дону, Азовскому и Черному морямъ съ ихъ притоками могло бы быть освобождено отъ отвѣтственности передъ Посоховымъ за гибель его груза лишь въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что гибель эта произошла отъ стеченія такихъ обстоятельствъ, которыхъ оно не могло предотвратить. Изъ прова-ди-фортуна капитана парохода „Маруся“, принадлежавшаго Обществу и буксировавшаго баржи съ грузомъ Посохова, между прочимъ, видно, что, слѣдуя съ этими баржами по назначенію въ Керчь, онъ, капитанъ, 1 ноября разсчитывалъ открыть берега Керченскаго пролива, какъ вдругъ въ 7 часовъ утра отъ сильнаго посвѣжѣвшаго вѣтра съ огромнымъ волненіемъ на-

дорвало буксиръ, всѣдствіе чего онъ остановилъ машину и перевелъ буксиръ. Будучи во время этихъ работъ снесенъ къ западу, онъ не могъ уже при сильнѣйшемъ вѣтрѣ и огромномъ волненіи попасть въ проливъ; хотя въ полдень открылись крымскіе берега, но онъ увидѣлъ, что направиться къ проливу совершенно невозможно еще и потому, что отъ сильной качки трюмный грузъ далъ движеніе и грозилъ или пробить переборку, или ослабить заклепки. Все это вмѣстѣ ставило пароходъ въ критическое положеніе, машину такъ сильно бросало, что даже среднимъ ходомъ не могла работать, а передъ вечеромъ вырвало буксирный клюзъ, такъ что буксиръ сталъ ходить по гака-борту, грозя сорвать штурвалъ, сломать бизань-мачту или выбросить рулевыхъ за бортъ. При такихъ обстоятельствахъ, ничего не оставалось, какъ только, ставъ на якорь, переложить буксиръ въ клюзъ, что онъ, капитанъ, и рѣшилъ сдѣлать. Съ этою цѣлью, давъ нѣсколько свистковъ, онъ кричалъ на баржи, чтобы онѣ отдали якоря, но не отдавали буксира; но, несмотря на это, боцманъ одной изъ баржъ отдалъ буксиръ какъ пароходу, такъ и другой баржѣ, баржи расчалились и потерпѣли крушеніе. Произведенною вслѣдствіе указа Прав. Сената по изложеннымъ, вызвавшимъ это крушеніе, обстоятельствамъ экспертизою установлено слѣдующее: осадка парохода „Маруся“ не можетъ быть признана достаточною для буксированія въ морѣ въ свѣжую погоду; засимъ, по мнѣнію большинства экспертовъ, буксировать на разстояніи 300 верстъ въ открытомъ морѣ на одномъ буксирѣ (какъ это имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ) невозможно, и если бы было два буксира, то крушеніе баржъ, по всей вѣроятности, не случилось бы: укладку на пароходъ груза (пришедшаго во время пути въ движеніе и грозившаго пробить, какъ сказано въ протестѣ капитана Салтанова, переборку и ослабить заклепки) нельзя признать удовлетворявшею условіямъ предстоявшаго плаванія; затѣмъ большинство экспертовъ не только считаетъ, что буксирныя приспособленія парохода „Маруся“ были недостаточны, но что онъ совершенно не былъ приспособленъ, какъ буксирный пароходъ: подвергалъ себя опасности остаться безъ штурвала, потерять людей и т. п. и вообще не могъ управляться какъ слѣдуетъ рулемъ. Наконецъ, по единогласному мнѣнію экспертовъ, вѣтеръ и волненіе, имъ вызванное, сопровождавшіе плаваніе парохода „Маруся“, нельзя назвать непреодолимою силою, которая могла бы воспрепятствовать входу этого парохода въ Керченскій проливъ. Такое же заключеніе экспертовъ уже по однимъ указаннымъ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ гибель груза Посохова, со стороны повѣреннаго Общества Пароходства въ правильности своей вовсе неоспариваемое, не только не даетъ основанія къ признанію крушенія баржъ съ грузомъ Посохова произошедшимъ отъ причинъ, коихъ Общество не могло бы предотвратить, но напротивъ того прямо указываетъ, что Обществомъ, которому, какъ единственному своему контрагенту, только и поручилъ для перевозки свой грузъ Посоховъ, далеко не были соблюдены всѣ тѣ мѣры предосторожности, которыя могли бы

обезпечить безопасность доставки порученнаго ему груза къ мѣсту назначенія, вслѣдствіе чего и къ сложенію, при такихъ условіяхъ, съ Общества отвѣтственности за гибель этого груза, въ силу приведенныхъ выше законовъ и соображеній, не представляется достаточныхъ основаній. Но признавая такимъ образомъ Пароходное Общество по Дону, Азовскому и Черному морямъ съ ихъ притоками отвѣтственнымъ передъ Посоховымъ за убытки, произошедшіе отъ гибели порученнаго ему для перевозки груза, Прав. Сенатъ не находитъ, однако, возможнымъ по имѣющимся въ дѣлѣ даннымъ, установить въ предѣлахъ настоящаго производства точный размѣръ таковыхъ, а потому считаетъ справедливымъ предоставить Посохову право доказывать таковой отъ дѣла сего особо. По всѣмъ симъ основаніямъ Прав. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе Спб. Ком. Суда и призналъ Общество Пароходства по Дону, Азовскому и Черному морямъ съ ихъ притоками отвѣтственнымъ за гибель груза Посохова, предоставивъ послѣднему право размѣръ понесенныхъ имъ отъ сего убытковъ доказывать отъ дѣла сего особо (1891 г., № 867).

423|290. Корабельщикъ отвѣчаетъ только за тотъ вредъ и убытокъ, который причиненъ грузу его виною, неосторожностью или упущеніемъ. Если бы пароходъ и не соотвѣтствовалъ техническимъ условіямъ морскихъ судовъ, то это не можетъ быть отнесено къ винѣ капитана, за которую онъ могъ лично отвѣчать. Страховое общество само обязано убѣдиться въ благонадежности судна предварительно принятія на страхъ груза. Появленіе на метеорологической станціи предостерегательныхъ сигналовъ не вызываетъ обязанности прекращать навигацію. Убытки, понесенные отъ крушенія вслѣдствіе воздѣйствія непреодолимой силы, каждый несетъ на себѣ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что предметъ онаго составляетъ искъ Сѣвернаго Страхового Общества, предъявленный имъ на основаніи ст. 253 Уст. Торг. къ капитану парохода „Диръ“ Нагорскому, а въ случаѣ его несостоятельности къ Русскому Обществу Пароходства и Торговли, о взысканіи 8.358 руб. 90 коп. убытковъ за погибшій при крушеніи парохода „Диръ“ товаръ, бывшій на страхѣ у истца, выплатившаго собственнику онаго условленную страховую сумму. Приступая вслѣдствіе апелляціонной жалобы Страхового Общества на рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда, отказавшаго ему въ этомъ искѣ, къ обсужденію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ необходимымъ остановиться прежде всего на слѣдующихъ соображеніяхъ: какъ указано уже

выше, составляющій предметъ дѣла искъ предъявленъ Страховымъ Обществомъ на основаніи ст. 253 Уст. Торг. къ капитану парохода „Диръ“, а къ Русскому Обществу Пароходства и Торговли лишь условно,—на случай несостоятельности капитана къ уплатѣ взыскиваемыхъ съ него убытковъ. Въ виду сего единственно подлежащій разрѣшенію въ семъ дѣлѣ вопросъ долженъ сводиться къ одному: можетъ ли быть капитанъ парохода „Диръ“ признанъ виновнымъ, а засимъ и отвѣтственнымъ по тѣмъ обвиненіямъ, которыя выставляются въ данномъ случаѣ Страховымъ Обществомъ въ основаніе его иска о взысканіи съ него убытковъ. Обвиненія эти заключаются въ слѣдующемъ: 1) пароходъ „Диръ“ былъ совершенно непригоденъ для плаванія по Крымско-Кавказской линіи, особенно же въ зимнее время, и 2) капитанъ Нагорскій не проявилъ при послѣднемъ плаваніи достаточнаго искусства, знанія и осторожности въ управленіи пароходомъ. Относительно перваго изъ этихъ обвиненій Прав. Сенатъ находитъ, что законъ (ст. 227 и слѣд. Уст. Торг.) вполнѣ точно опредѣляетъ обязанности и отвѣтственность корабельщика. Такъ ст. 227 установляетъ, что въ случаѣ вреда или ущерба, причиненнаго кораблю или грузу его виною, корабельщикъ обязывается къ удовлетворенію; засимъ по ст. 228 корабельщикъ долженъ осмотрѣть съ крайнимъ раченіемъ состояніе ввѣреннаго ему корабля (слѣдуетъ перечисленіе чего именно); ст. 229 говоритъ: „если корабельщикъ, пріемля на свою отвѣтственность корабль со всѣми принадлежностями, не учинитъ онымъ осмотра въ удостовѣреніе въ томъ, что все находится въ исправномъ состояніи и готовности къ пріемлемому пути, то въ такомъ случаѣ неисправность должна относиться на его счетъ“.—Наконецъ изъ смысла ст. 253 явствуетъ, что вообще корабельщикъ отвѣчаетъ за вредъ и убытки, причиненные невѣрностью или нечестностью, или же недостаткомъ искусства и знанія его, его неосторожностью или упущеніемъ. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что того обстоятельства, чтобы пароходъ „Диръ“ имѣлъ какіе-либо внѣшніе недостатки, о коихъ упоминается въ ст. 228 Уст. Торг., и которые, подъ страхомъ личной отвѣтственности, обязанъ былъ замѣтить и исправить капитанъ передъ отплытіемъ въ путь, истецъ вовсе не утверждаетъ, изъ имѣющихся же въ дѣлѣ данныхъ (протеста и показаній свидѣтелей), напротивъ того усматривается, что все на немъ находилось въ полной исправности; 2) что засимъ, если бы даже и допустить, что вопреки прямому содержанію своихъ документовъ (патента, удостовѣренія бюро „Веритасъ“ и др.), пароходъ „Диръ“, въ виду приводимыхъ истцомъ соображеній, не соотвѣтствовалъ техническимъ условіямъ морскихъ судовъ (хотя постоянно и плавалъ въ морѣ, дѣлая, какъ видно изъ дѣла, рейсы въ Грецію, Корфу и даже Англію), то во всякомъ случаѣ обстоятельство это не можетъ быть отнесено къ винѣ капитана, за которую онъ лично могъ бы въ силу приведенныхъ законовъ подлежать отвѣтственности,—Прав. Сенатъ находитъ, что посему обстоятельство это, если бы оно и было по дѣлу установлено, не можетъ

служить основаніемъ для удовлетворенія исковыхъ въ настоящемъ дѣлѣ требованій Страхового Общества, обращенныхъ, какъ упомянуто уже выше, непосредственно къ капитану Нагорскому и лишь въ случаѣ его несостоятельности къ хозяину парохода—Русскому Обществу Пароходства и Торговли. Но независимо отъ сего всѣ приведенныя по сему предмету Страховымъ Обществомъ соображенія должны быть оставлены безъ уваженія и потому *во-первыхъ*, что стоятъ въ явномъ противорѣчіи съ содержаніемъ какъ патента парохода „Диръ“, выданнаго въ Ростовѣ 6 ноября 1882 г. за № 5057, изъ коего видно, что паровой шкунѣ „Одесса“ (впослѣдствіи переименованной въ „Диръ“), въ виду предъявленія всѣхъ требуемыхъ закономъ документовъ, предоставляется право для производства торговли или для перевоза по найму товаровъ имѣть плаваніе по всѣмъ морямъ и океанамъ, и такое плаваніе можетъ продолжаться, пока судно не придетъ въ ветхость (того же, чтобы „Диръ“ пришелъ уже передъ крушеніемъ въ ветхость, истецъ вовсе не утверждаетъ), такъ и представленнаго къ дѣлу удостовѣренія капитана надъ Одесскимъ портомъ отъ 23 декабря 1892 г. за № 1941 въ томъ, что пароходу „Диръ“, приписанному къ Одесскому порту 8 февраля 1888 г., выданъ патентъ на большое плаваніе, а потому онъ имѣлъ несомнѣнное законное право плавать во всякое время года по всѣмъ морямъ и океанамъ; въ виду же такихъ прямыхъ удостовѣреній надлежащихъ властей Имперіи, объясненія истца о непригодности „Дира“ къ морскому плаванію и представленные имъ въ подтвержденіе сего документы частныхъ лицъ и учрежденій не могутъ быть, очевидно, приняты во вниманіе; *во-вторыхъ*, потому, что и фактически „Диръ“ до самой катастрофы плавалъ по морямъ и, *въ-третьихъ*, потому, что отъ самого Страхового Общества зависѣло убѣдиться въ благонадежности и пригодности парохода „Диръ“ къ морскому плаванію, до принятія его груза себѣ на страхъ, который въ такомъ случаѣ всецѣло и долженъ пасть исключительно на его отвѣтственность, именно какъ страхового общества, безъ всякаго дальнѣйшаго права регресса. Переходя засимъ ко второму основанію иска Страхового Общества,—обвиненію капитана парохода „Диръ“ въ недостаточной предусмотрительности и осторожности въ управленіи названнымъ пароходомъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что обвиненія эти выводятся истцомъ изъ слѣдующаго: 1) на Севастопольской метеорологической станціи ко времени отплытія изъ этого порта парохода „Диръ“ былъ поднятъ предупредительный штормовой сигналъ, означавшій приближеніе сильнаго вѣтра со стороны сѣверо-восточной половины горизонта; 2) капитанъ Нагорскій долженъ былъ, для общаго спасенія парохода и груза, какъ только пароходъ пересталъ слушать руля, повернуть налѣво, и, имѣя такимъ образомъ вѣтеръ съ кормы, пойти вдоль берега и укрыться затѣмъ въ одной изъ бухтъ, а не пытаться повернуть вправо въ открытое море противъ вѣтра. Но по поводу перваго изъ этихъ указаній слѣдуетъ замѣтить, что появленіе на

метеорологической станціи предостерегательнаго сигнала, само по себѣ, какъ то вполнѣ правильно указываетъ отвѣтчикъ, не вызываетъ вовсе обязанности прекращать навигацію и не можетъ служить для корабельщика достаточнымъ основаніемъ къ неисполненію лежащей на немъ, въ силу ст. 338 Уст. Торг., обязанности отправиться въ назначенный день и совершить путь со всевозможною поспѣшностью, въ особенности на срочныхъ пароходахъ, къ каковымъ принадлежалъ и „Диръ“, тѣмъ болѣе, что, согласно представленной апелляторомъ выписки изъ лоціи Чернаго и Азовскаго морей, поднятый на Павловскомъ маякѣ въ то время, когда пароходъ „Диръ“ выходилъ изъ Севастополя, метеорологическій сигналъ—„конусъ вершиною вверхъ“ давалъ знать лишь, что есть возможность ожидать сильнаго вѣтра изъ сѣверо-восточной половины горизонта, но не указывалъ, что предвидится сильная буря, очень значительной силы—„штормъ“, въ каковомъ послѣднемъ случаѣ къ конусу со стороны его основанія присоединяется днемъ цилиндръ, а потому и отплытіе этого парохода изъ Севастополя, не взирая на сигналъ, никоимъ образомъ въ вину капитана поставлено быть не можетъ. Переходя затѣмъ къ обсужденію второго указанія апеллятора—на неправильныя дѣйствія капитана Нагорскаго, Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ видно изъ протеста и свидѣтельскихъ показаній, сопровождавшія и вызвавшія крушеніе парохода „Диръ“ обстоятельства представляются въ слѣдующемъ видѣ: 13 декабря въ $3^3/_4$ ч. пополудни пароходъ „Диръ“ вышелъ изъ Севастополя при благопріятной, тихой погодѣ, имѣя легкій вѣтеръ со стороны NO, и погода на опасность не указывала; пройдя Херсонскій маякъ, встрѣтили сильный вѣтеръ и мертвое волненіе со стороны SO, которые съ теченіемъ времени усиливались и били пароходъ, уменьшая его ходъ; въ $9^1/_2$ ч. вечера 13-го начало сильно бросать машину, что продолжалось до $3^1/_2$ ч. утра слѣдующаго дня, потомъ машины работали спокойно; 14 декабря въ 4 ч. утра вѣтеръ былъ отъ O, съ громадной зыбью, пароходъ подвигался медленно и плохо слушался руля; между Симеизомъ и Алупкою вѣтеръ усилился до того, что сбилъ пароходъ на два румба, и повернулъ его носомъ къ берегу; пароходъ пересталъ подчиняться управленію и его понесло къ берегу, всѣ усилія дать пароходу правильный ходъ не имѣли успѣха; въ 7 час. утра вѣтеръ жестокій, волненіе сильное, пароходъ не могъ имъ сопротивляться и, несмотря на всѣ усилія, его понесло къ берегу; повернуть въ море не было никакой возможности; море бушевало страшно и вѣтеръ былъ холодный. Машина, несмотря на то, что ее бросало, съ 5 час. утра во все время пути до самаго крушенія работала полнымъ ходомъ и безъ отсѣчекъ, руль все время держали право на бортъ, чтобы направить пароходъ въ открытое море, но тщетно; за нѣсколько времени до крушенія, по командѣ капитана, данъ былъ задній ходъ, затѣмъ приказано было поставить стаксель, но это приказаніе, равно какъ и приказаніе отдать якоря, не могло быть приведено въ исполненіе, такъ какъ стаксель и канаты отъ

якорей оказались обледенѣвшими. Несмотря на всѣ эти мѣры, пароходъ несло къ берегу и, наконецъ, послѣ удара о подводный камень прижало къ скалѣ Куртелю; черезъ нѣсколько времени отъ сильнаго волненія пароходъ разломило на двѣ части и на морѣ началъ показываться грузъ. Кромѣ того допрошенными свидѣтелями подтверждено, что всѣ возможныя средства для спасенія были приняты и погибель зависѣла единственно отъ стихіи, и что капитаномъ и всѣмъ вообще экипажемъ были употреблены всѣ мѣры повернуть пароходъ въ открытое море, но это оказалось тщетнымъ, и что единственною причиною крушенія была стихія. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что по объясненію капитана Нагорскаго, послѣ того, какъ сильнымъ вѣтромъ пароходъ сдрейфовало налѣво носомъ къ берегу, оба винта машины, вслѣдствіе полученной пароходомъ сильной боковой качки, выскакивали попеременно изъ воды, такъ что поворотъ посредствомъ винтовъ не могъ быть совершенъ, руля же пароходъ вовсе пересталъ слушать; поворотъ же направо противъ вѣтра и зыби онъ, капитанъ, пытался сдѣлать какъ съ цѣлью направить пароходъ въ открытое море, не представлявшее опасности противъ вѣтра, отчего облегчилась бы и работа машинъ, такъ и въ виду того соображенія, что при поворотѣ по вѣтру налѣво, вслѣдствіе большой циркуляціи, которую долженъ былъ бы описать при этомъ пароходъ, въ особенности при боковомъ вѣтрѣ, пароходъ могъ попасть на находящіеся въ этомъ мѣстѣ берега подводные камни; 2) что указанія апеллятора на то, что капитану слѣдовало поворотить пароходъ по вѣтру къ берегу, гдѣ море, по ничѣмъ не опровергнутому заявленію отвѣтчика, представляло опасность отъ подводныхъ камней, должно быть признано явно неосновательнымъ; 3) что установленная по дѣлу наличность во время крушенія парохода „Диръ“ сильной бури, а засимъ и то безпомощное состояніе, въ которое пришелъ вслѣдствіе оной пароходъ „Диръ“, апелляторомъ вовсе не отрицается,—Прав. Сенатъ находитъ, что при такихъ обстоятельствахъ объясненіе истца о томъ, что крушеніе парохода „Диръ“ произошло по винѣ капитана Нагорскаго, отъ неправильныхъ его дѣйствій, представляется ничѣмъ недоказаннымъ, а засимъ и заключеніе Одесскаго Ком. Суда, что крушеніе это было результатомъ дѣйствія непреодолимыхъ физическихъ силъ, произошедшіе отъ чего убытки, какъ убытки отъ аваріи частной, каждый несетъ на себѣ (ст. 394 и 396 Уст. Торг.), съ чѣмъ впрочемъ былъ согласенъ и инспекторъ Страхового Общества, какъ видно изъ надписи его на диспашѣ, должно быть признано вполнѣ правильнымъ, и съ обстоятельствами дѣла согласнымъ. Признавая посему исковыя въ настоящемъ дѣлѣ требованія Сѣвернаго Страхового Общества къ капитану Нагорскому и Русскому Обществу Пароходства и Торговли, какъ въ основаніи своемъ недоказанныя, удовлетворенію не подлежащими и не усматривая необходимости, въ виду достаточной ясности всѣхъ существенныхъ для разрѣшенія сего дѣла данныхъ, въ назначеніи по оному, какъ о томъ ходатай-

ствуетъ апелляторъ, экспертизы,—Прав. Сенатъ опредѣляетъ: состоявшееся по сему дѣлу рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда оставить въ силѣ (1893 г., № 47).

424|291. При недоказанности непосредственной вины перевозчика въ произошедшемъ въ его складахъ пожарѣ, истребившемъ грузъ, онъ за произошедшіе отъ сего убытки передъ хозяиномъ груза не отвѣчаетъ.

Соображая объясненія тяжущихся сторонъ съ имѣющимися въ дѣлѣ доказательствами, Общее Собраніе Сената находитъ, что представленными къ настоящему дѣлу документами, какъ-то: коносаментомъ, выпискою изъ книги грузовъ севастопольскаго агентства Русскаго Общества Пароходства и Торговли за августъ 1887 г. и полицейскимъ протоколомъ отъ 28 августа 1887 г. удостовѣряется, что отправленный изъ г. Одессы 26 августа 1887 г. пароходъ Русскаго Общества „Святославъ“, на которомъ въ числѣ другихъ грузовъ находился и товаръ Дюгуджіева, прибылъ въ г. Севастополь 27 того же августа; что товаръ Дюгуджіева былъ принятъ съ парохода въ г. Севастополѣ агентами Общества и что пакгаузъ сгорѣлъ въ ночь съ 27 на 28 августа. Вышеизложенныя, неоспариваемыя истцомъ данныя, въ связи съ тѣмъ, что, какъ выяснилось изъ показаній допрошенныхъ по предписанію Правительствующаго Сената свидѣтелей, всѣ привозимые на пароходахъ Общества грузы поступали обыкновенно въ пакгаузъ и что точно также весь принятый въ день пожара 27 августа съ парохода „Святославъ“ грузъ былъ помѣщенъ въ пакгаузъ, который тотчасъ же по окончаніи выгрузки парохода, около 6 час. вечера, былъ закрытъ (показаніе Григулевича) несомнѣнно подтверждаютъ правильность объясненія повѣреннаго Общества о томъ, что грузъ Дюгуджіева дѣйствительно былъ сложенъ въ пакгаузъ, который затѣмъ сгорѣлъ. При такомъ положеніи дѣла истецъ, утверждая, что товаръ Дюгуджіева могъ находиться во время пожара и не въ пакгаузѣ Общества, а въ другомъ мѣстѣ, обязанъ былъ, представить въ подтвержденіе сего надлежащія доказательства, такъ какъ на этомъ обстоятельствѣ онъ основываетъ споръ свой противъ заявленія отвѣтчика о томъ, что товаръ погибъ именно во время пожара пакгауза, но такихъ доказательствъ со стороны истца не представлено. Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, обязано-ли Общество вознаградить Дюгуджіева за сгорѣвшій товаръ, Общее Собраніе Сената находитъ, что на основаніи 341 ст. Уст. Торг. корабельщикъ, принявшій грузъ, обязанъ вознаградить хозяина груза за порчу или гибель такового лишь въ томъ случаѣ, если нанесенный хозяину убытокъ произошелъ по винѣ или нерадѣнію корабельщика. Въ этомъ отношеніи взаимными объясненіями тяжущихся возбуждается споръ о томъ, истецъ-ли Дюгуджіевъ обязанъ доказать,

что товаръ сгорѣлъ по винѣ и нерадѣнію Общества, или Общество обязано доказать, что пожаръ этотъ произошелъ не отъ его вины, а по несчастному случаю. Но входить въ обсужденіе этого спора въ настоящемъ случаѣ не представляется никакой необходимости и разрѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ не можетъ имѣть для дѣла никакого существеннаго значенія, такъ какъ если даже допустить, что въ настоящемъ случаѣ тяжесть доказательства должна лежать на обязанности отвѣтчика, т. е. что онъ обязанъ доказать то, что вины Общества въ гибели товара истца не существуетъ, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что это послѣднее обстоятельство—отсутствіе вины Общества—представляется по дѣлу доказаннымъ и со стороны истца не опровергнутымъ. Въ этомъ отношеніи оказывается, что изъ выставленныхъ обѣими тяжущимися сторонами въ видахъ разъясненія причинъ пожара свидѣтелей ни одинъ не удостовѣрилъ того, чтобы пожаръ пакгауза былъ вызванъ дѣйствіями Общества или его агентовъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и показали, на что именно и ссылается истецъ, что какъ на дворѣ при пакгаузѣ, такъ и въ самомъ пакгаузѣ допускалось куреніе табаку, а получаемые грузы складывались иногда въ пакгаузъ безъ всякой ихъ сортировки, такъ что туда попадали и легко воспламеняющіеся товары, для которыхъ было отведено особое мѣсто внѣ пакгауза. Но при этомъ показаніями тѣхъ же свидѣтелей установлено: 1) что въ день пожара пакгаузъ былъ закрытъ, какъ и обыкновенно, въ 6 часовъ вечера, пожаръ же произошелъ около 2 часовъ ночи; 2) что очевидцы, бывшіе около пакгауза при самомъ начатіи пожара (Басовъ, Ивановъ и Одинцовъ), услышали сперва звукъ или взрывъ, какъ бы отъ выстрѣла изъ ружья, послѣ чего пожаръ произошелъ почти мгновенно, и 3) что ранѣе начатія пожара дежурные сторожа (тотъ же Ивановъ и Вѣтровъ) запаха дыма или гари и вообще ничего подозрительнаго, что могло бы навести на мысль о возможности пожара, не замѣчали. Соображая сущность приведенныхъ свидѣтельскихъ показаній, слѣдуетъ придти къ заключенію, что если бы причиною пожара былъ зароненный при куреніи въ пакгаузѣ огонь, то дѣйствіе его естественно должно было обнаружиться гораздо ранѣе, а не по прошествіи почти восьми часовъ со времени закрытія пакгауза. Такимъ образомъ, то обстоятельство, что Общество, какъ удостовѣряютъ свидѣтели, допускало въ пакгаузѣ куреніе табаку, а легковоспламеняющіяся вещества нерѣдко складывались въ пакгаузѣ же вмѣстѣ съ прочими товарами, хотя и свидѣтельствуетъ о несоблюденіи Обществомъ требуемаго въ подобномъ случаѣ порядка, но вовсе не является доказательствомъ виновности Общества въ происшедшемъ пожарѣ, такъ какъ причинной связи между указанными неправильными дѣйствіями Общества и пожаромъ пакгауза въ настоящемъ случаѣ вовсе не установлено. По изложеннымъ основаніямъ, признавая, что на Общество не можетъ быть возложена обязанность уплатить Дюгуджіеву отыскиваемые имъ въ размѣрѣ стоимости сгорѣвшаго товара убытки, какъ понесенные истцомъ не по винѣ Обще-

ства, а отъ случая, и что посему обжалованное Дюгуджіевымъ опредѣленіе 4-го Деп. Прав. Сената, коимъ въ настоящемъ искѣ отказано, отмѣнѣ подлежать не можетъ,—Второе Общее Собраніе Прав. Сената опредѣленіе 4-го Деп. Прав. Сената 20 апрѣля 1889 г. оставило въ силѣ (Вѣд. 2-го Общ. Собр. 1892 г., № 17).

425. При невыясненности причины происшедшаго на складѣ перевозчика пожара, истребившаго грузъ, хозяинъ груза долженъ быть освобожденъ отъ обязанности доказывать вину перевозчика; она предполагается, если самъ отвѣтчикъ не выяснитъ, что пожаръ возникъ вопреки всѣмъ доступнымъ въ данныхъ условіяхъ предупредительнымъ мѣрамъ. Грузохозяинъ не вправѣ отказаться отъ принятія груза, хотя и попорченнаго пожаромъ, но не утратившаго всецѣло своей стоимости. За поврежденный товаръ перевозчикъ обязанъ вознаградить хозяина груза въ размѣрѣ разницы въ стоимости грузовъ неповрежденнаго и испорченнаго. Причитающееся въ пользу перевозчика вознагражденіе за полежалое ограничивается срокомъ, въ теченіе котораго перевозчикъ *обязанъ* былъ хранить грузъ.

Изъ дѣла видно, что первоначальный искъ мѣщанина Д. къ Россійскому Обществу морского, рѣчного и сухопутнаго страхованія и транспортированія кладей и товарныхъ складовъ съ выдачею ссудъ заключается въ требованіи 5621 р. 50 коп., составляющихъ стоимость частью сгорѣвшей, а частью поврежденной пожаромъ въ складахъ общества муки праводателя истца, нѣкоего Менделя Сокольскаго. Предметомъ встрѣчнаго иска Россійскаго Общества является требованіе о взысканіи недовырученной отъ продажи груза суммы на покрытіе расходовъ общества по перевозкѣ груза въ суммѣ 2908 р. 12 коп. Останавливаясь на обсужденіи исковыхъ требованій Д. по ихъ существу, Правительствующій Сенатъ, прежде всего, приступаетъ къ разрѣшенію вопроса,—*на чьемъ страхъ, грузохозяина или перевозчика, остается лежать прибывшій въ мѣсто назначенія и не востребованный грузъ*. Согласно ст. 81, 90 и 102 уст. жел. дор., грузы до момента ихъ выдачи признаются находящимися на страхѣ желѣзныхъ дорогъ; но въ данномъ случаѣ упомянутыя законоположенія непримѣнимы, такъ какъ отвѣтчикомъ является не желѣзная дорога, а транспортное предпріятіе; равнымъ образомъ, нельзя примѣнить и указываемый обществомъ § 17 соглашенія о перевозкѣ грузовъ въ прямомъ Кавказско-Закаспійскомъ сообщеніи,

какъ потому, что на страхѣ грузохозяина въ силу этого параграфа, остаются грузы въ складахъ пароходства, а не транспортныхъ обществъ, такъ и потому, что названное соглашеніе, подобно всякому договору, для истца Д., участія въ немъ не принимавшаго, обязательнаго значенія не имѣетъ. Надлежитъ, слѣдовательно, обратиться къ такимъ нормамъ, которыя были бы приложимы не къ тому или иному спеціальному перевозчику, а ко всѣмъ перевозчикамъ вообще. По этому поводу Правительствующимъ Сенатомъ уже было разъяснено, что при отсутствіи вины перевозчика въ гибели груза, послѣдствія таковой ложатся своею тяжестью на грузохозяина (1893 г., № 47); отсюда вытекаетъ необходимость рѣшить вопросъ, доказана ли вина или невиновность общества въ гибели муки Сокольскаго, а въ случаѣ, если ни то, ни другое не установлено, предстоитъ обсудить, на кого изъ сторонъ по дѣлу падаетъ въ такомъ случаѣ обязанность представленія соотвѣтствующихъ доказательствъ. Изъ допрошенныхъ, въ видахъ разъясненія причинъ пожара, свидѣтелей, ни одинъ не удостовѣрилъ того, чтобы пожаръ былъ вызванъ дѣйствіями агентовъ общества; однако, нѣкоторые изъ свидѣтелей показали, что на столѣ въ амбарѣ, гдѣ произошелъ пожаръ, стояла лампа съ керосиномъ и что недалеко отъ стола лежали легко воспламеняющіеся фальшвейры; хотя тѣ же свидѣтели заявили, что въ день пожара амбаръ съ товаромъ былъ запертъ съ 5 часовъ вечера, что лампа въ амбарѣ въ этотъ день не зажигалась и что пожаръ возникъ послѣ 8 часовъ, но отсюда слѣдуетъ только заключить, что ни для признанія вины, ни для признанія невиновности отвѣтчика въ возникновеніи пожара достаточныхъ данныхъ въ дѣлѣ не имѣется. Такимъ образомъ, является весьма существеннымъ вопросъ о распредѣленіи тяжести доказательствъ. Вопросъ этотъ рѣшается такъ: пожаръ случился въ складѣ отвѣтчика, а потому послѣднему должны быть извѣстны вѣроятныя причины, въ силу которыхъ складъ загорѣлся; доказать вину отвѣтчика въ томъ, что въ складѣ его возникъ пожаръ, истцу совершенно недоступно, тогда какъ отвѣтчикъ легко могъ установить, какія имъ были приняты мѣры къ предупрежденію въ его складахъ пожаровъ; слѣдовательно, пока отвѣтчикъ не представилъ этого рода доказательства, а только ссылается на невыясненность причины пожара, истецъ долженъ быть освобожденъ отъ обязанности доказывать вину отвѣтчика; она предполагается, если самъ отвѣтчикъ не выяснитъ, что пожаръ возникъ вопреки всѣмъ доступнымъ въ данныхъ условіяхъ предупредительнымъ мѣрамъ. Изложенное вполнѣ подтверждается опредѣленіемъ Судебнаго Департамента Правительствующаго Сената, состоявшимся въ 1903 г. по дѣлу Швецова съ обществомъ „Кавказъ и Меркурій“: по названному дѣлу Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что выяснить причину пожара, уничтожившаго товаръ и установить свою непричастность къ пожару обязанъ перевозчикъ. Въ окончательномъ выводѣ нельзя не признать, что общество, державшее въ своемъ амбарѣ керосиновую лампу и фальшфейры, отнюдь не до-

казало непричастности своей къ пожару, а потому и истецъ не долженъ доказывать противнаго. Въ виду сего и за отсутствіемъ со стороны общества спора противъ размѣра первоначальнаго иска, обжалованное рѣшеніе Коммерческаго Суда въ соотвѣтствующей части подлежало бы утвержденію, какъ совершенно правильное, если бы только грузъ въ данномъ случаѣ сгорѣлъ весь или уцѣлѣвшая его часть была испорчена до потери всякой цѣнности. Однако, сгорѣло, изъ общаго количества 1071 мѣшка муки, всего 459 мѣшковъ, а 612 мѣшковъ не погибли въ пожарѣ и, вопреки заключенію экспертовъ, приглашенныхъ полиціею, были впослѣдствіи проданы за 2.604 руб. 50 коп., т. е. отнюдь не утратили стоимости своей полностью. Поэтому и принимая во вниманіе не только рѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Деп. Прав. Сената 1902 г., № 41, имѣющее непосредственное касательство лишь къ желѣзнодорожному уставу, но и общія начала права, выраженныя, между прочимъ, въ ст. 574 и 569 т. X ч. I Св. Зак., нельзя не признать, что нѣтъ основанія обязывать перевозчика къ оставленію за собою попорченнаго имъ товара и къ возмѣщенію товарохозяину не разницы въ цѣнѣ испорченнаго и неповрежденнаго груза, а всей первоначальной его стоимости. Однако Д. разницу между цѣною муки, пострадавшей отъ пожара, и цѣною той же муки въ нетронутомъ видѣ не ищетъ и искать не можетъ, такъ какъ муки не принялъ и допустилъ ее до публичной продажи; сумму же, вырученную отъ этой продажи, общество возвращаетъ Д., соотвѣтственно уменьшая свои встрѣчныя исковыя требованія. Руководствуясь изложенными данными и соображеніями, Правительствующій Сенатъ приходитъ къ заключенію, что обжалованное рѣшеніе Коммерческаго Суда, поскольку таковымъ уваженъ искъ Д., подлежитъ измѣненію, а именно— искъ этотъ долженъ быть удовлетворенъ лишь въ части требованія стоимости сгорѣвшей муки. Какъ видно изъ удостовѣренія Ялтинской городской управы, пудъ ржаной муки въ мѣстѣ назначенія погибшаго груза стоилъ во время пожара по 1 руб. 10 коп. въ среднемъ, тогда какъ Дербарындигеръ вычислилъ стоимость пуда всего по 1 р. 5 к.; такимъ образомъ истецъ имѣетъ право на полученіе съ отвѣтчика, за 459 мѣшковъ или 2295 пудовъ, всего 2409 р. 75 к. съ процентами съ 22 іюня 1902 г. Обращаясь засимъ къ встрѣчному иску Россійскаго Общества о 2908 р. 12 к., составляющихъ недовырученную отъ продажи попорченнаго пожаромъ груза сумму на покрытіе расходовъ общества, по перевозкѣ этого груза, храненію его, продажѣ и прочихъ сборовъ, согласно представленному повѣреннымъ общества разсчету, Правительствующій Сенатъ находитъ, что для разрѣшенія означенныхъ требованій слѣдуетъ имѣть въ виду уже разрѣшенный выше вопросъ о правѣ грузохозяина отказаться отъ принятія груза, попорченнаго пожаромъ, но не утратившаго совершенно своей стоимости. Вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ, а потому право встрѣчнаго истца на возмѣщеніе указанныхъ выше сборовъ

и издержекъ стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній; однако, нельзя согласиться со встрѣчнымъ истцомъ въ опредѣленіи размѣра причитающагося ему вознагражденія за полежалое: общество само признаетъ для себя обязательнымъ соглашеніе о перевозкѣ грузовъ въ прямомъ Кавказско-Закаспійскомъ сообщеніи, а по § 17 этого соглашенія—за первые три дня полежалое не взимается, если же грузы не будутъ приняты въ теченіе 30 дней со времени ихъ прибытія, то считаются не востребованными и, по прошествіи означеннаго срока, производится троекратная публикація, а засимъ, въ случаѣ неявки получателя въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ со дня послѣдней публикаціи, не востребованные грузы продаются съ публичнаго торга; отсюда слѣдуетъ, что общество чрезъ три мѣсяца послѣ третьей публикаціи уже получило право продать грузъ Дербарындигера, а если оно не воспользовалось этимъ правомъ, то дальнѣйшее храненіе груза, не составляя болѣе обязанности общества и являясь добровольнымъ его дѣйствіемъ, которое только и можно объяснить интересами самого же общества, не подлежитъ оплатѣ со стороны Д. Что же касается до полежалаго за время, пока общество не имѣло право продать грузъ, то Д. не можетъ быть освобожденъ отъ взноса таковыхъ денегъ, потому что плата за храненіе перевозимыхъ грузовъ имѣетъ тѣсную связь съ тарифами перевозки, а соглашеніе о перевозкѣ въ прямомъ Кавказско-Закаспійскомъ сообщеніи, будучи опубликовано въ тарифномъ порядкѣ, имѣетъ обязательную силу и для грузохозяевъ, поскольку является тарифомъ; къ тому же выводу надлежитъ придти и въ виду слѣдующихъ соображеній: перевозка и храненіе грузовъ для общества представляется дѣйствіемъ по торговлѣ, а торговыя дѣйствія безплатными не предполагаются; слѣдовательно, на плату за храненіе въ предѣлахъ обязательности онаго, общество право имѣетъ, а Д. иного разсчета платы, чѣмъ указанной въ § 17 соглашенія, не выставляетъ. Сводя все изложенное воедино, надлежитъ признать, что Д. обязанъ уплатить обществу за полежалое: 1) до публикаціи за 27 дней (30 дней за вычетомъ первыхъ 3-хъ льготныхъ или безплатныхъ; 2) послѣ публикаціи за 3 мѣсяца, и 3) такъ какъ самыя публикаціи не представлены обществомъ, то, считая кратчайшее время для ихъ производства въ три дня, за эти три дня. Слѣдовательно, всего обществу причитается платы за полежалое изъ разсчета 120 дней. А такъ какъ уцѣлѣвшій грузъ перевозился по четыремъ накладнымъ за №№ 3444, 3474, 3996 и 3997 въ количествѣ по 765 пудовъ, т. е. всего 3060 пудовъ, то считая за полежалое по 1 к. съ пуда въ сутки (въ силу того же § 17 соглашенія), надо заключить, что съ Д. въ пользу общества по этой статьѣ слѣдуетъ 3672 р. Принимая же во вниманіе, что отъ продажи груза съ аукціона выручено обществомъ 2604 руб. 50 к. и что само общество признаетъ необходимымъ зачетъ этой суммы, нельзя не придти къ выводу, что общество вправѣ требовать съ Д. за полежалое только 1067 р. 50 к., а считая провозную плату съ дополнительными сборами въ 617 руб. 12 к. и

расходы на публикаціи въ 4 р., противъ чего спора Дебарындигеромъ не заявлено, обществу должно причитаться съ него, въ окончательномъ разсчетѣ, всего 1688 руб. 62 коп. съ % съ 28 октября 1902 г. (со дня предъявленія встрѣчнаго иска). По симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: въ отмѣну рѣшенія С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда отъ 9 января 1906 г. по первоначальному иску мѣщанина Д. взыскать въ пользу истца Россійскаго Общества морского, рѣчного и сухопутнаго страхованія и транспортированія кладей и товарныхъ складовъ съ выдачею ссудъ 2409 руб. 75 к. съ процентами съ 22 іюня 1902 г., а въ остальной части означеннаго иска отказать и, по встрѣчному иску названнаго общества, взыскать въ его пользу съ Д. 1688 р. 62 к. съ % съ 28 октября 1902 г. (1909 г., № 878).

426. *Событія, имѣвшія мѣсто въ Одессѣ въ 1905 г. во время бунта на военномъ кораблѣ „кн. Потемкинъ", носятъ характеръ такихъ волненій и безпорядковъ, которые по своимъ размѣрамъ и условіямъ равносильны непреодолимой силѣ и потому снимаютъ съ перевозчика отвѣтственность предъ отправителемъ за гибель груза, происшедшую во время безпорядковъ* (1909 г., № 1941).

427|292. Фрахтовщикъ, недоставившій ввѣреннаго ему для перевозки груза, не можетъ быть признанъ имѣющимъ право на полученіе опредѣленнаго за доставку онаго фрахта, хотя бы таковая недоставка и произошла вслѣдствіе крушенія судна, если о томъ спеціально не постановлено въ договорѣ.

Предметъ настоящаго дѣла составляетъ предъявленный въ Одесскомъ Коммерческомъ Судѣ 9 ноября 1894 г. хабаровскимъ купцомъ Плюснинымъ къ пароходному предпріятію „Добровольный флотъ", въ лицѣ агента его Микулина, искъ о возвратѣ фрахтовыхъ денегъ, въ суммѣ 5.858 р. 39 к., уплаченныхъ за грузъ, принятый отвѣтчикомъ въ Одессѣ на его пароходъ для доставки въ Николаевскъ и недоставленный въ мѣсто назначенія вслѣдствіе крушенія парохода; право на изложенное требованіе истецъ основываетъ на томъ, что въ силу выданныхъ Добровольнымъ флотомъ коносаментовъ фрахтъ подлежалъ уплатѣ лишь при сдачѣ груза въ Николаевскѣ, а такъ какъ сдачи груза вовсе не послѣдовало, то и уплаченныя имъ, истцомъ, заблаговременно, исключительно въ видахъ устраненія задержки въ полученіи груза по его прибытіи, фрахтовыя деньги не подлежали обращенію въ доходъ Добровольнаго флота и потому удержаніе имъ этихъ денегъ должно быть признано неправильнымъ и незаконнымъ. Возраженія отвѣтчика противъ иска Плюснина сводились, между прочимъ, къ слѣдующему: отношенія сторонъ по перевозкѣ отвѣтчикомъ груза истца должны

быть обсуждаемы не на основаніи коносаментовъ, а на основаніи заключеннаго между ними договора о наймѣ парохода; въ этомъ же договорѣ имѣется прямое постановленіе, что уплата фрахта должна предшествовать доставкѣ груза; грузъ недоставленъ не по винѣ Добровольнаго флота, а вслѣдствіе непреодолимой силы—крушенія парохода, и всѣ убытки, отъ этого происшедшіе, должны падать на фрахтователя; если же, въ крайнемъ случаѣ, и признать за Плюснинымъ право требовать возврата фрахта, то только за непройденное пароходомъ пространство (отъ мѣста крушенія до мѣста назначенія), что составляетъ $^1/_{30}$ часть всего пути. Приступая вслѣдствіе апелляціонной жалобы повѣреннаго Добровольнаго флота, присяжнаго повѣреннаго Де-Антонини, на рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда, удовлетворившаго искъ Плюснина, къ обсужденію настоящаго дѣла и останавливаясь прежде всего на спорѣ сторонъ о томъ, когда, по состоявшемуся между ними соглашенію, фрахтъ долженъ быть признанъ подлежавшимъ уплатѣ, по доставкѣ ли и сдачѣ груза въ мѣстѣ назначенія, какъ утверждаетъ истецъ, или же уплата фрахта должна была предшествовать и обусловливать собою доставку груза въ мѣсто назначенія, какъ утверждаетъ отвѣтчикъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что заключеннымъ сторонами 28 января 1893 г. договоромъ постановлено слѣдующее: пароходъ Добровольнаго флота, принявъ въ Одессѣ отъ агентовъ товарохозяевъ грузъ, „обязуется погрузить его въ количествѣ, не превышающемъ того, которое онъ въ состояніи благоразумно погрузить и поднять сверхъ своихъ такелажа, принадлежностей, провизіи и предметовъ снабженія, и, будучи такимъ образомъ нагруженъ, отправиться, согласно тому, какъ будетъ указано при подписаніи коносаментовъ, въ Владивостокъ, Николаевскъ, островъ Сахалинъ, порта рѣки Амура и Охотскаго моря, или настолько близко, насколько по углубленію своему и обстоятельствамъ пароходъ въ состояніи исполнить это безопасно, и доставить означенный грузъ по уплатѣ фрахтовыхъ денегъ, въ размѣрѣ, согласно существующихъ правилъ и тарифа съ каждаго доставленнаго пуда или кубическаго фута“. Изъ приведеннаго постановленія договора отвѣтчикъ останавливается на фразѣ „доставить грузъ по уплатѣ фрахтовыхъ денегъ“ и на ней единственно и основываетъ свое утвержденіе, что уплата фрахта должна была предшествовать доставкѣ груза въ мѣсто назначенія. Не говоря уже о томъ, что общій смыслъ и все построеніе приведеннаго постановленія договора не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что обязанность парохода погрузить грузъ и отправиться съ нимъ въ портъ назначенія или настолько близко, насколько возможно безъ опасности для него, т. е. обязанность дойти съ грузомъ до мѣста назначенія не обусловлена вовсе предварительною уплатою фрахтователемъ фрахтовыхъ денегъ, ибо въ томъ же постановленіи договора уплата фрахтовыхъ денегъ опредѣлена, согласно правиламъ, съ каждаго *доставленнаго* пуда или кубическаго фута, т. е. *прибывшаго на мѣсто назначенія*,—приведенное толкованіе отвѣтчикомъ договора прямо опро-

вергается послѣдующимъ его постановленіемъ, въ коемъ прямо говорится, что „фрахтовыя деньги уплачиваются наличными деньгами именно *въ портахъ назначенія*“. Такимъ образомъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что указанное отвѣтчикомъ выраженіе „доставить грузъ по уплатѣ фрахтовыхъ денегъ“, должно имѣть лишь то значеніе, что уплата фрахта должна предшествовать не доставкѣ груза собственно на мѣсто назначенія, а лишь сдачѣ отправителю уже прибывшаго въ мѣсто назначенія груза. Противное сему толкованіе, а именно, что уплата фрахта должна была предшествовать доставкѣ груза въ мѣсто назначенія, оказалось бы, кромѣ несоотвѣтствія съ прямымъ содержаніемъ сего отдѣльнаго постановленія договора, въ противорѣчіи и съ общимъ его смысломъ, такъ какъ несомнѣнно, что договоръ возлагалъ на фрахтовщика обязанность отправиться по нагрузкѣ товара въ назначенное мѣсто, не выжидая платежа фрахтователемъ фрахта, и опредѣлялъ фрахтъ по доставленному количеству груза съ уплатою его въ портѣ назначенія. При изложенномъ, единственно правильномъ толкованіи договора отъ 28 января 1893 г., само собою устраняется и указываемое апелляторомъ противорѣчіе его постановленій съ условіемъ, напечатаннымъ на выданныхъ Добровольнымъ флотомъ и представленныхъ къ дѣлу истцомъ Плюснинымъ пяти коносаментахъ отъ 4 апрѣля 1893 г. за №№ 929, 930, 981, 983 и 993, въ силу коего фрахтовыя деньги (по пяти коносаментамъ—5.798 р. 39 к.), какъ и всѣ остальныя, причитавшіяся Добровольному флоту суммы подлежали уплатѣ по сдачѣ груза въ портѣ назначенія, Николаевскѣ („остается получить при сдачѣ въ Николаевскѣ столько-то“), каковое условіе, помимо полнаго согласія его съ постановленіями договора отъ 28 января 1893 г., должно быть признано обязательнымъ для Добровольнаго флота еще и потому, что указанные коносаменты подписаны его же агентомъ Микулинымъ и капитаномъ его же парохода и своевременно Добровольнымъ флотомъ опротестованы не были. По изложеннымъ соображеніямъ заключеніе Одесскаго Коммерческаго Суда, что состоявшимися между Плюснинымъ и Добровольнымъ флотомъ соглашеніями, выразившимися въ договорѣ отъ 28 января 1893 г. и въ выданныхъ послѣднимъ коносаментахъ, уплата Плюснинымъ Добровольному флоту фрахта за принятый послѣднимъ для доставки въ Николаевскъ грузъ опредѣлена въ портѣ назначенія при сдачѣ товара, должно быть признано вполнѣ правильнымъ. Въ виду же сего и такъ какъ этого, обусловливающаго право Добровольнаго флота на полученіе фрахта и обязанность Плюснина къ его уплатѣ, обстоятельства—сдачи Плюснину товара—не наступило, то и удержаніе отвѣтчикомъ уплаченнаго ему истцомъ впередъ, исключительно для устраненія замедленія въ полученіи груза по его прибытіи, фрахта, какъ несогласное съ условіями перевозки, опредѣленными самимъ же отвѣтчикомъ, представляется неправильнымъ. Переходя засимъ ко второму возраженію Добровольнаго флота противъ иска Плюснина о томъ, что недоставка отвѣтчикомъ груза

въ мѣсто назначенія произошла не по винѣ отвѣтчика, а вслѣдствіе непредвидимаго случая—крушенія парохода—и убытки, такимъ случаемъ вызванные, падаютъ на фрахтователя, Правительствующій Сенатъ находитъ необходимымъ остановиться на слѣдующихъ соображеніяхъ. Фрахтовый договоръ, каковымъ представляется и заключенный между тяжущимися договоръ 28 января 1893 г. есть договоръ, въ силу коего одна сторона, фрахтовщикъ, обязывается доставить принятый грузъ въ надлежащей исправности въ опредѣленное мѣсто и сдать по назначенію, а другая сторона, фрахтователь, обязывается заплатить за то первой извѣстное вознагражденіе, фрахтъ. Какъ всякій договоръ, такъ и фрахтовый налагаетъ на договорившихся обязанность исполнить все то, что въ ономъ постановлено (ст. 569, 570 и 1536 т. X ч. 1), а въ случаѣ неисполненія подвергаетъ неустоявшую сторону отвѣтственности предъ противной стороной. Если же невыполненіе стороною принятыхъ ею на себя по договору обязанностей произошло вслѣдствіе непредвидимыхъ или непредотвратимыхъ обстоятельствъ (ст. 684 т. X ч. 1, ст. 349 т. XI ч. 2 Уст. Торг.) и слѣдовательно въ вину ей поставлено быть не можетъ, то сторона эта освобождается отъ отвѣтственности, установленной за неисполненіе договоровъ, и отъ обязанности вознаградить противную сторону за всѣ понесенные ею отъ того убытки (приведенныя статьи X т. 1 ч. Зак. Гражд. и ст. 342—345, 348, 349, 351 и 355 Уст. Торг.). Но этимъ и ограничивается вліяніе факта наступленія непредвидимыхъ или непредотвратимыхъ обстоятельствъ: они освобождаютъ лицо, для коего наступила невозможность исполнить договоръ, отъ обязанности вознаградить противную сторону за убытки, но не уподобляютъ невыполненіе договора вслѣдствіе ихъ наступленія дѣйствительному исполненію его, и потому не даютъ этому лицу права требовать исполненія другою стороною ея обязанностей, установленныхъ по договору какъ эквивалентъ, вознагражденіе за исполненіе обязанностей первою, отчего бы ни произошло неисполненіе договора, по винѣ ли стороны или по независѣвшимъ отъ нея причинамъ,—фактъ неисполненія ею договора въ наличности и о правѣ этой стороны требовать исполненія другою того, что положено договоромъ, какъ вознагражденіе за исполненіе его первою, не можетъ быть рѣчи. Имѣя же въ виду, что никакихъ изъятій въ этомъ отношеніи для фрахтоваго договора въ законѣ (Уст. Торг.) не установлено и потому фрахтовщикъ, недоставившій грузъ, не можетъ быть признанъ имѣющимъ право на полученіе опредѣленнаго за доставку груза вознагражденія, фрахта, а въ состоявшихся между сторонами по сему дѣлу соглашеніяхъ, въ договорѣ отъ 28 января 1893 г. и помѣщенныхъ на коносаментахъ условіяхъ, въ силу коихъ фрахтовыя деньги подлежали уплатѣ со стороны Плюснина Добровольному флоту, какъ выше сказано, при сдачѣ груза въ мѣстѣ назначенія, Николаевскѣ, особаго постановленія объ обязанности Плюснина уплатить фрахтъ и въ случаѣ недоставки и несдачи груза, если таковая произойдетъ по причинамъ, отъ фрах-

товщика независящимъ, вовсе не содержится (въ коносаментахъ имѣются лишь особыя по сему предмету условія на случай невозможности для шкипера сдать грузъ въ мѣстѣ назначенія и сдачи онаго въ другомъ портѣ), слѣдуетъ признать, что непреодолимая сила,—крушеніе корабля,—вызвавшая недоставку Добровольнымъ флотомъ груза Плюснина въ мѣсто назначенія, освобождая его отъ обязанности вознаградить Плюснина за понесенные имъ отъ неисполненія контрагентомъ договора убытки (за утрату груза и т. д.), не давало, однако, Добровольному флоту права требовать и не налагало на Плюснина обязанности произвести платежъ фрахтовыхъ денегъ (въ этомъ смыслѣ должно понимать и приводимый апелляторомъ обычай, выражаемый фразою: „судно разбилось—счеты кончены“, т. е. ни взысканіе убытковъ, ни уплата фрахта не имѣютъ мѣста), а потому и по соображеніи причинъ невыполненія Добровольнымъ флотомъ принятыхъ имъ на себя въ отношеніи къ Плюснину обязательствъ, удержаніе имъ полученныхъ впередъ фрахтовыхъ денегъ не можетъ быть оправдано. Правильность приведенныхъ соображеній, соотвѣтствіе ихъ общему духу торговаго права, подтверждается и постановленіями по сему предмету иностранныхъ кодексовъ, а именно французскаго торговаго кодекса (Code de Commerce), дѣйствующаго въ губерніяхъ Царства Польскаго, ст. 302 коего гласитъ: „не слѣдуетъ никакого фрахта за товары, утраченные вслѣдствіе крушенія или садки корабля на мель, разграбленные морскими разбойниками или захваченные непріятелями. Шкиперъ обязанъ возвратить деньги, взятыя имъ впередъ въ счетъ фрахта, если не было противнаго условія“, и Германскаго Торговаго Уложенія (Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch), въ ст. 618 коего постановлено: „за кладь, утраченную вслѣдствіе какого-либо несчастнаго случая, никакого фрахта не полагается: фрахтъ, уплаченный за такую кладь впередъ, возвращается, если не состоялось соглашеніе о противномъ“. Обращаясь засимъ къ указанію отвѣтчика на право Плюснина въ крайнемъ случаѣ требовать отъ Добровольнаго флота лишь часть фрахта, приходящуюся на непройденное еще грузомъ пространство, отъ мѣста крушенія до мѣста назначенія,—Правительствующій Сенатъ находитъ таковое равнымъ образомъ незаслуживающимъ уваженія уже потому, что экономическіе принципы, предполагающіе возмездность каждой услуги, могли бы имѣть значеніе и о правѣ фрахтовщика получить частичное вознагражденіе могла бы быть рѣчь только въ случаѣ, когда частичное исполненіе имъ своей обязанности доставило фрахтователю извѣстную пользу, услугу и проч., напримѣръ, при доставкѣ груза не въ портъ назначенія, но въ мѣсто болѣе къ нему приближенное, чѣмъ мѣсто отправки, но, очевидно, не въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, когда грузъ, хотя и перевезенъ на значительное разстояніе, но тѣмъ не менѣе вовсе не доставленъ и не сданъ по назначенію, когда, слѣдовательно, для фрахтователя перевозка груза лишена была всякаго экономическаго значенія и вопроса о вознагражденіи, т. е. платы за

услугу, вовсе неоказанную, не можетъ и возникнуть. Равнымъ образомъ, Правительствующій Сенатъ призналъ не могущимъ имѣть для дѣла значенія и указаніе апеллятора на существованіе обычая, по коему уплаченный впередъ фрахтъ не подлежитъ возврату грузохозяину при крушеніи судна съ грузомъ, потому что оно, какъ и всѣ доводы апеллятора, исходитъ изъ несогласнаго съ данными дѣла утвержденія его объ обязанности Плюснина по договору произвести уплату фрахта до доставки груза, а слѣдовательно, если бы и существовалъ указываемый обычай относительно фрахта, обязательно оплачиваемаго впередъ, то онъ къ настоящему дѣлу не могъ бы имѣть примѣненія (1895 г., по д. Плюснина съ Добровольнымъ флотомъ).

428. Невозможность выполненія перевозчикомъ принятыхъ по договору обязанностей по причинѣ непреодолимой силы освобождаетъ грузоотправителя отъ обязанности уплатить фрахтъ.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежатъ два вытекающіе изъ основанныхъ на фрахтовомъ договорѣ отношеній сторонъ вопроса, а именно: 1) обязанъ ли былъ торговый домъ „Паригори и Леонтиди“ уплатить обществу „Русское Восточно-Азіатское пароходство“ прямой фрахтъ отъ Одессы до портовъ Дальняго Востока, и 2) правильно ли полученъ тѣмъ же обществомъ съ Дунаевскаго обратный фрахтъ отъ Коломбо до Одессы. Обращаясь къ обсужденію перваго изъ указанныхъ вопросовъ, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что фрахтовый договоръ, какъ всякій договоръ, налагаетъ на договорившихся обязанность исполнить все то, что въ договорѣ постановлено, а въ случаѣ неисполненія подвергаетъ виновную сторону отвѣтственности предъ другою, 2) что если однако это неисполненіе происходитъ вслѣдствіе непредвидѣнныхъ и непредотвратимыхъ обстоятельствъ, т. е. силы непреодолимой, то сторона, неисполнившая договоръ, освобождается отъ отвѣтственности за это, 3) что этимъ и исчерпывается дѣйствіе на договоръ непреодолимой силы, которая никогда не можетъ уподобить невыполненный вслѣдствіе ея наступленія договоръ дѣйствительному его исполненію, и 4) что такимъ образомъ непреодолимая сила не даетъ лицу, неисполнившему договора, права требовать съ другой стороны уплаты положеннаго въ договорѣ вознагражденія за исполненіе первымъ обязанностей по договору. Принимая далѣе въ соображеніе, что заключенный между сторонами въ данномъ дѣлѣ договоръ перевозки, т. е. коносаментъ, нисколько не измѣняетъ установленныхъ выше общихъ положеній,— Правительствующій Сенатъ вмѣстѣ съ симъ полагаетъ, что и происходившая между сторонами въ отношеніи прямого фрахта 30 января 1904 г. переписка

ничего новаго въ настоящій вопросъ не вноситъ, такъ какъ въ этой перепискѣ все сводилось къ требованію уплаты того, что причитается по коносаменту. Примѣняя изложенные выводы къ обстоятельствамъ сего дѣла и имѣя въ виду, что товаръ истца долженъ былъ быть доставленъ на пароходѣ „Китай“ до портовъ Дальняго Востока, что между тѣмъ вслѣдствіе возникновенія Русско-Японской войны и въ виду основаннаго на § 12 и прим. къ оному устава общества требованія морского начальства пароходъ „Китай“ долженъ былъ, дойдя изъ Одессы въ Коломбо, вернуться въ Севастополь и что такимъ образомъ означенный грузъ не былъ доставленъ до портовъ Дальняго Востока по непредвидѣннымъ и непредотвратимымъ обстоятельствамъ, т. е. по дѣйствію непреодолимой силы, Правительствующій Сенатъ признаетъ, что законныхъ основаній у отвѣтчиковъ для полученія съ истца прямого фрахта отъ Одессы до портовъ Дальняго Востока не имѣлось и что поэтому исковыя требованія торговаго дома „Паригори и Леонтиди“ о возвратѣ этого фрахта подлежатъ удовлетворенію. Обращаясь къ разсмотрѣнію второго изъ указанныхъ выше вопросовъ и принимая во вниманіе, что требованіе съ торговаго дома „Паригори и Леонтиди“ уплаты обратнаго фрахта отъ Коломбо до Одессы основано на перепискѣ по сему предмету сторонъ, происходившей 30 января 1904 г. и имѣющей характеръ договора, что существованіе, содержаніе и условія сего договора спора не возбуждаютъ и что весь споръ сводится лишь къ утвержденію истца, что онъ былъ введенъ при заключеніи сего договора въ заблужденіе заявленіемъ общества о предстоящей выгрузкѣ его товара въ Коломбо, чего общество юридически и фактически сдѣлать не могло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что только такое заблужденіе контрагентовъ при заключеніи договора влечетъ за собою его недѣйствительность, которое касается самаго основанія сдѣлки, или же одного изъ существенныхъ ея условій и что такъ какъ подобнаго рода заблужденія въ данномъ дѣлѣ налицо не имѣется, то оспариваніе истцомъ настоящей сдѣлки вслѣдствіе заблужденія могло бы основываться только на томъ, что такое заблужденіе было вызвано обманнымъ дѣйствіемъ противной стороны. Вслѣдствіе сего и имѣя въ виду: 1) что истцомъ не только не представлено достаточныхъ доказательствъ таковыхъ обманныхъ дѣйствій со стороны отвѣтчиковъ, но даже не установлено, чтобы для послѣднихъ было невозможно выгрузить товаръ въ Коломбо, ибо „Китай“ пришелъ въ Коломбо 29 января, а телеграмма о немедленномъ возвращеніи этого парохода въ Россію была получена лишь 30 января, и 2) что, съ другой стороны, отвѣтчики нисколько не скрывали отъ истца дѣйствительнаго положенія вещей, такъ какъ въ телеграммѣ 30 января 1904 г. на имя своего агента Трапани въ Одессѣ общество прямо указало, что пароходъ „Китай“ получилъ приказъ отъ правительства вернуться въ Одессу,—Правительствующій Сенатъ признаетъ, что заключеніе даннаго договора не было совершено при такихъ обстоятельствахъ, которыя давали истцу право, ссылаясь на заблужденіе,

домогаться уничтоженія сего договора, и что посему искъ о возвратѣ обратнаго фрахта не подлежитъ удовлетворенію (1912 г., № 1905).

429|293. Условіе о вознагражденіи за предоставленіе груза.

Настоящее дѣло имѣетъ предметомъ первоначальный искъ Наталіи Нашатырь къ Стельпу о вознагражденіи ея соотвѣтственно количеству полученныхъ Стельпомъ для перевозки во Владивостокъ, Портъ-Артуръ и др. мѣста грузовъ по 1 коп. съ пуда на основаніи выданнаго ей, Нашатырь, Стельпомъ обязательства отъ 21 февраля 1900 г. и встрѣчный искъ Стельпа о признаніи этого обязательства недѣйствительнымъ. Первоначальный искъ удовлетворенъ по рѣшенію С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда въ суммѣ 2.296 руб. 16 коп. съ %, а во встрѣчномъ искѣ отказано, на что и принесена апелляціонная жалоба отвѣтчикомъ Стельпомъ. Обсудивъ эту жалобу въ связи съ обстоятельствами дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ рѣшеніе Коммерческаго Суда правильнымъ и отмѣнѣ не подлежащимъ въ части, касающейся отказа во встрѣчномъ искѣ, ввиду того, что для признанія обязательства отъ 21 февраля не дѣйствительнымъ, потому что оно написано въ формѣ односторонняго обязательства, не представляется основанія, такъ какъ выдача подобнаго рода обязательствъ не воспрещена закономъ и притомъ въ законѣ вовсе не содержится нормъ, исчерпывающихъ всѣ виды и роды договоровъ или соглашеній. Что же касается остальной части рѣшенія, присуждающей первоначальный искъ, основанный на упомянутомъ обязательствѣ, то въ этой части Правительствующій Сенатъ находитъ рѣшеніе суда неправильнымъ, а искъ первоначальный всецѣло удовлетворенію не подлежащимъ, по слѣдующимъ основаніямъ: какъ изъ содержанія вышеупомянутаго обязательства, въ текстѣ коего между прочимъ сказано: „если мнѣ (Стельпу) будутъ переданы грузы“... такъ и изъ объясненій повѣреннаго истицы относительно повода выдачи этого обязательства, данныхъ по другому иску, основанному на томъ же обязательствѣ,—нельзя не вывести того заключенія, что эквивалентомъ того вознагражденія, которое могло бы быть производимо истицѣ отвѣтчикомъ, должны были служить дѣйствія и заботы истицы относительно предоставленія отвѣтчику при ея содѣйствіи перевозки грузовъ. Поэтому, предъявляя данный искъ о вознагражденіи по количеству перевезеннаго груза, истица за силою 366 ст. Уст. Гражд. Суд. обязана была доказать, что она дѣйствительно содѣйствовала полученію отвѣтчикомъ подрядовъ на тѣ перевозки, вознагражденіе по коимъ она отыскиваетъ, и выяснить какого свойства было это содѣйствіе, чего, однако, при спорѣ по этому предмету со стороны отвѣтчика истица не исполнила. Утверждая затѣмъ, что будто-бы обязательство выдано было Стельпомъ не по вышеуказанному поводу, а за отказъ истицы отъ участія

въ товариществѣ по перевозкѣ грузовъ, истица правильности этого своего объясненія ничѣмъ не удостовѣрила и такимъ образомъ права своего на искъ не установила. По симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ рѣшеніе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда отмѣнилъ въ части, касающейся первоначальнаго иска и въ этомъ искѣ отказалъ, а въ остальной части рѣшеніе суда оставилъ въ силѣ (1906 г., № 502).

БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета Мин. фин. *

ЛОЦМАНА.

430|294. Отвѣтственность за убытки, причиненные дѣйствіями состоящихъ въ лоцманской командѣ С.-Петербургскаго Порта лоцмановъ судовладѣльцамъ при проводѣ ихъ судовъ черезъ фарватеръ, падаетъ на Морское Вѣдомство, въ вѣдѣніи коего состоятъ эти лоцмана.

Предметъ настоящаго дѣла составляетъ искъ крестьянина Меренса съ Управленія С.-Петербургскаго Порта 7.149 р. 75 к. убытковъ, отъ потопленія принадлежащаго истцу судна „Михаилъ“ пароходомъ „Нева“, произошедшаго, по объясненію истца, по винѣ управляющаго этимъ пароходомъ лоцмана, состоящаго на службѣ въ лоцманской командѣ С.-Петербургскаго Порта. Спб. Ком. Судъ, согласившись съ доводами представителя Морского Вѣдомства о томъ, что на Управленіе С.-Петербургскаго Порта не можетъ быть возложена отвѣтственность передъ третьими лицами за дѣйствія состоящихъ при портѣ лоцмановъ, въ искѣ Меренсу отказалъ. Приступая вслѣдствіе принесенной на это рѣшеніе суда повѣреннымъ Меренса апелляціонной жалобы къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что въ силу общаго закона объ отвѣтственности лоцмановъ, выраженнаго въ ст. 320 Уст. Торг., съ того времени, какъ прибрежные или портовые лоцмана принимаютъ корабль, они отвѣтствуютъ за всякій могущій послѣдовать по винѣ ихъ вредъ, ущербъ и убытокъ; если вредъ, ущербъ и убытокъ кораблю послѣдуетъ въ то время, когда онъ находится на отчетѣ прибрежныхъ или портовыхъ лоцмановъ, то корабельщикъ имѣетъ право просить объ удовлетвореніи въ ихъ обществѣ или у мѣстнаго начальства. Смыслъ приведеннаго законоположенія не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что законъ сообразно тому, состоитъ ли лоцманъ членомъ общества или нѣтъ, имѣетъ въ виду и двухъ разныхъ отвѣтчиковъ за убытки, происшедшіе для судохозяина по винѣ лоцмана, на отчетѣ коего судно находилось: а именно, въ томъ случаѣ, когда лоцманъ принадлежитъ къ лоцманскому обществу, законъ отсылаетъ потерпѣвшаго судохозяина за удовлетвореніемъ убытковъ къ этому обществу, члены котораго связаны другъ за друга круговою порукою (уставы: рижскаго лоцманскаго цеха, общества кронштадтскихъ лоцмановъ и лоцманскаго общества въ Николаевѣ), въ томъ же случаѣ, когда лоцманъ, виновный въ убыткахъ къ какому-либо обществу лоцмановъ не принадлежитъ, обязанность возмѣстить убытки законъ возлагаетъ на то начальство, въ вѣдѣніи коего лоцманъ состоитъ. Цѣль подобнаго постановленія закона вполнѣ понятна; взятіе лоцмана при слѣдованіи по фарватерамъ, въ томъ числѣ въ частности и по невскому, для судовладѣль-

цевъ или шкиперовъ обязательно, подъ страхомъ уплаты въ противномъ случаѣ штрафа (ст. 245 прим. къ 246 Уст. Торг., инструкція командиру брандвахты большого невскаго фарватера отъ 22 апрѣля 1862 г. § 13 п. 4 и циркулярное предписаніе Инспекторскаго Департамента Морского Министерства отъ 11 октября 1857 г., № 15); слѣдовательно судохозяинъ, принимая на свое судно лоцмана ни въ какія договорныя съ нимъ лично отношенія не вступаетъ, а исполняетъ этимъ лишь требованіе закона. Обязывая же, такимъ образомъ, судохозяина брать лоцмана при проходѣ черезъ фарватеры, законъ, очевидно, долженъ какимъ-либо образомъ гарантировать его отъ могущихъ послѣдовать для него во время управленія его судномъ лоцманомъ отъ дѣйствій сего послѣдняго убытковъ. Такая гарантія, въ случаѣ принадлежности лоцмана къ лоцманскому обществу, дѣйствительно и существуетъ въ круговой порукѣ всѣхъ членовъ общества. Въ тѣхъ же случаяхъ, какъ въ настоящемъ, когда лоцманъ не принадлежитъ къ какому-либо обществу лоцмановъ, а состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ порта, возложеніе отвѣтственности за могущіе произойти по его винѣ для судохозяина убытки лично на самого лоцмана, очевидно, никакой гарантіи для судохозяина представлять не можетъ и было бы равносильно лишенію его таковой, вслѣдствіе чего законъ и указываетъ судохозяину искать удовлетворенія у начальства такихъ лоцмановъ. Правильность подобнаго вывода объ отвѣтственности за причиненные судну по винѣ лоцмана, не принадлежащаго къ какому-либо лоцманскому обществу, убытки не лично съ виновнаго въ томъ лоцмана, а съ начальства надъ нимъ, относительно настоящаго случая подтверждается и тѣмъ, что лоцманъ, управлявшій пароходомъ „Нева“, отъ столкновенія котораго съ судномъ „Михаилъ“ произошла гибель сего послѣдняго, принадлежалъ къ лоцманской командѣ С.-Петербургскаго порта, не составляющей какого-либо общества съ круговою порукою, а подчиненной капитану надъ С.-Петербургскимъ портомъ и дѣйствующей на основаніи Высочайше утвержденнаго 29 іюля 1836 г. положенія, въ силу котораго лоцмана означенной команды состоятъ на казенной службѣ и въ этомъ отношеніи приравнены къ нижнимъ чинамъ флота, причемъ, въ числѣ прочихъ ихъ служебныхъ обязанностей, на нихъ возложена и обязанность провода черезъ невскій фарватеръ какъ военныхъ, такъ и частныхъ судовъ. Такимъ образомъ, лоцмана С.-Петербургскаго порта проводятъ суда по невскому фарватеру не въ силу своего на то права, а въ силу прямой своей служебной обязанности, какъ чины Морскаго Вѣдомства. По смыслу же законовъ, изложенныхъ въ Уст. Торг. кн. II разд. IV гл. 4, если вредъ купеческому судну произойдетъ по винѣ или оплошности управлявшихъ военнымъ судномъ морскихъ чиновъ, то возмѣщеніе убытковъ потерпѣвшему судохозяину возлагается не непосредственно на виновныхъ въ томъ лицъ, а на казну. Если же казна отвѣчаетъ, такимъ образомъ, за вредъ и убытки, причиненные военнымъ судномъ купеческому отъ дурного управленія чинами Морского Вѣдомства, то очевидно

не представляется никакихъ основаній отрицать подобную же отвѣтственность казны и въ томъ случаѣ, когда убытки для купеческаго судна произошли отъ дурного управленія этимъ послѣднимъ лоцманами, являющимися тѣми же чинами Морского Вѣдомства. Въ виду изложеннаго Прав. Сенатъ не можетъ не признать, что отвѣтственность за причиненные дѣйствіями состоящихъ въ лоцманской командѣ С.-Петербургскаго порта лоцмановъ судовладѣльцамъ при проводѣ ихъ судовъ черезъ фарватеръ убытки должны падать ни на кого другого, какъ на Морское Вѣдомство, въ вѣдѣніи коего состоятъ лоцмана, пользоваться услугами которыхъ для судовладѣльцевъ обязательно (1889 г., № 578).

431|295. Лоцманъ отвѣтствуетъ только и единственно за несчастныя послѣдствія, произошедшія отъ опасностей фарватера; отвѣтственность же за всякое несчастіе, не зависѣвшее отъ особенностей фарватера, а въ частности и за столкновеніе судна съ другимъ, лежитъ всецѣло на шкиперѣ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Второе Общее Собраніе Прав. Сената находитъ, что обсужденію въ ономъ подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Спб. Ком. Судъ призналъ искъ Морского Вѣдомства къ шкиперу парохода „Олафъ“ Юргенсону, а въ случаѣ его несостоятельности къ датскому обществу „Карлъ“ въ суммѣ 3.410 р. 85 к. убытковъ, происшедшихъ отъ столкновенія названнаго парохода съ броненоснымъ кораблемъ „Императоръ Александръ II-й“, не подлежащимъ удовлетворенію, въ виду того, что пароходъ „Олафъ“ находился подъ управленіемъ лоцмана, на коего и должна пасть вся отвѣтственность за происшедшее столкновеніе? Въ отношеніи сего вопроса Второе Общее Собраніе Прав. Сената находитъ необходимымъ остановиться на слѣдующихъ соображеніяхъ: по опредѣленію ст. 216 и 218 Уст. Торг. управленіе кораблемъ ввѣряется корабельщику или шкиперу. Постановленія Уст. Торг., обязывая корабельщика брать проводниковъ или лоцмановъ вездѣ, гдѣ законъ, обычай или нужная предосторожность того требуетъ (ст. 245 Уст. Торг.), подъ страхомъ гражданской (ст. 246 того же Уст.) и уголовной (ст. 1242 Улож. о Нак.) за неисполненіе сего отвѣтственности и возлагая на нихъ обязанность сообразоваться съ наставленіями лоцмана, принимающаго судно на свою отвѣтственность (ст. 247 Уст. Торг.), вмѣстѣ съ тѣмъ не оставляютъ безъ упоминанія, чего именно должны касаться эти обязательныя для шкипера указанія лоцмана и, соотвѣтственно сему, каковы предѣлы отвѣтственности того и другого за несчастныя послѣдствія плаванія. Такъ по ст. 320 и 321 Уст. Торг., съ того самаго времени, какъ прибрежные или портовые лоцмана принимаютъ корабль на свой отчетъ, они отвѣтствуютъ за всякій могущій послѣдовать по винѣ ихъ вредъ,

ущербъ или убытокъ до тѣхъ поръ, пока корабль станетъ въ безопасномъ мѣстѣ, въ портѣ или пристани. Но если корабельщикъ, при входѣ лоцмана на корабль, не дастъ послѣднему записки, за скрѣпою, въ которой означитъ вѣрно и точно, сколько тотъ корабль футовъ и дюймовъ въ водѣ имѣетъ ходу, или утаитъ это, и если послѣ сей утайки корабль набѣжитъ на камень или на мель, или на берегъ, и учинится ему вредъ, ущербъ, убытокъ, крушеніе или гибель, то уже не взыскивается съ проводника или лоцмана, но съ корабельщика, давшаго ложное показаніе; равнымъ образомъ и уголовная отвѣтственость лоцмана по ст. 1255 Улож. о Нак. установлена на тотъ случай, если корабль, принятый лоцманомъ на отвѣтъ свой, набѣжитъ на камень, или на мель или на берегъ. Содержаніе этихъ постановленій закона, въ связи съ тѣмъ условіемъ, что по п. 5 ст. 11 положенія о лоцманахъ (приложеніе къ примѣчанію ст. 315 Уст. Торг., изд. 1893 г.) отъ лоцмана, въ смыслѣ образовательнаго его ценза требуется лишь основательное знаніе мѣстныхъ фарватеровъ и теченій, а равно и другихъ особенностей, могущихъ имѣть вліяніе на успѣшность плаванія, приводитъ къ убѣжденію, что дѣятельность лоцмана заключается не въ управленіи судномъ, въ собственномъ смыслѣ, не въ замѣнѣ собою шкипера, а лишь въ проводѣ судна по фарватеру, какъ это прямо указано въ ст. 14 полож. о лоцм. и видно изъ наименованія въ семъ указаніи лоцмана „проводникомъ“, сообразно чему, не устраняя шкипера отъ управленія судномъ, а являясь лишь авторитетнымъ указателемъ пути, по которому судно должно слѣдовать въ предѣлахъ мѣстнаго фарватера, особенности коего не могутъ, а въ иныхъ случаяхъ и не должны быть извѣстны шкиперу, лоцманъ, въ силу лежащей на немъ обязанности благополучно провести судно по фарватеру, обязанъ только указывать шкиперу особенности даннаго воднаго пространства и предупреждать его о такихъ изъ нихъ, которыя могутъ представлять собою опасность для судна при его слѣдованіи, а между тѣмъ могутъ быть неизвѣстны или сокрыты для шкипера. А такъ какъ подъ особенностями мѣстнаго фарватера, кромѣ особыхъ въ немъ теченій, можетъ быть подразумѣваемо, очевидно, лишь то, что находится сокрытымъ подъ водою и для глаза невидимо, т. е. только опасности и препятствія подводныя, какъ, напр., мели, камни и т. п. (ст. 321 Уст. Торг., ст. 1255 Улож. о Нак.), то и изъ указаній лоцмана при проводѣ судна могутъ быть признаны обязательными для шкипера и лежащими на полной отвѣтственности лоцмана только тѣ, которыя обусловливаются вышеуказанными особенностями фарватера. Что же касается опасностей и препятствій, которыя заключаются не въ особенностяхъ фарватера, а слѣдовательно вовсе не требуютъ для ихъ избѣжанія спеціальныхъ знаній лоцмана—какъ напр., появленіе на пути слѣдованія другого судна—то предупрежденіе шкипера объ оныхъ и принятіе соотвѣтствующихъ въ такихъ случаяхъ въ предѣлахъ указаннаго лоцманомъ воднаго пространства мѣръ къ охраненію судна отъ возможныхъ несчастій въ число обязанностей лоцмана и въ кругъ обяза-

тельныхъ для шкипера указаній сего послѣдняго уже входить не могутъ. Напротивъ того, принятіе мѣръ для избѣжанія такихъ очевидныхъ для судна опасностей должно быть признано прямою и исключительною обязанностью шкипера. Шкиперъ, на которомъ и въ присутствіи лоцмана лежитъ самостоятельное управленіе судномъ (ст. 62 полож. о лоцм.) и который знаетъ устройство, особенныя свойства своего судна, знать и изучать которыя лоцманъ вовсе не обязанъ, одинъ только и имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ необходимыя средства для предупрежденія и предотвращенія несчастья. То положеніе закона, что на лоцманѣ не лежитъ отвѣтственность собственно за управленіе судномъ, лучше всего подтверждается и ст. 63 полож. о лоцм., по буквальному содержанію которой: „въ случаѣ отлучки шкипера, онъ обязанъ указать лоцману лицо, которое въ его отсутствіе остается отвѣтственнымъ за управленіе судномъ“. Вышеизложеннымъ вполнѣ опредѣляются и предѣлы отвѣтственности лоцмана и шкипера: лоцманъ отвѣтствуетъ только и единственно за несчастныя послѣдствія, происшедшія отъ опасностей самаго фарватера (ст. 321 Уст. Торг., ст. 1255 Улож. о Нак.), ибо только правильное указаніе шкиперу особенностей фарватера составляетъ законную обязанность лоцмана; отвѣтственность же за всякое несчастье, независѣвшее отъ особенностей фарватера, а слѣдовательно въ частности и за столкновеніе судна съ другимъ и причиненные отъ сего убытки, лежитъ всецѣло на шкиперѣ, остающемся и въ присутствіи лоцмана полновластнымъ распорядителемъ судна. Сообразно съ симъ и изложено содержащееся въ ст. 62 полож. о лоцм. общее правило о томъ, что „присутствіе лоцмана на суднѣ не освобождаетъ шкипера отъ отвѣтственности по управленію онымъ, согласно указаніямъ лоцмана“. Хотя статьею 451 Уст. Торг. предусмотрѣно столкновеніе судовъ въ морѣ и по винѣ лоцмановъ, но несомнѣнно, что отвѣтственность лоцмановъ возникаетъ въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда указанія ихъ, относившіяся до провода судовъ, были неправильны или ошибочны и послужили причиною столкновенія. Такимъ образомъ и этотъ законъ не нарушаетъ общаго правила объ отвѣтственности карабельщика за управленіе кораблемъ во всѣхъ безъ изъятія случаяхъ. Примѣняя всѣ вышеизложенныя соображенія къ данному дѣлу и имѣя въ виду: 1) что, какъ усматривается изъ дѣла и чего не оспариваетъ отвѣтчикъ, столкновеніе датскаго парохода „Олафъ“ съ военнымъ броненосцемъ „Императоръ Александръ II-й“ послѣдовало не по причинѣ какихъ-либо неправильныхъ, допущенныхъ находившимся на „Олафѣ“ лоцманомъ Ермолаевымъ указаній относительно особенностей фарватера, а вслѣдствіе несоблюденія пароходомъ „Олафъ“, какъ то вполнѣ правильно заключила и слѣдственная по сему дѣлу комиссія, установленныхъ закономъ для безопасности плаванія правилъ (ст. 438—441 и 447 Уст. Торг.), выразившагося, между прочимъ, какъ въ томъ, что „Олафъ“ шелъ по фарватеру, приближаясь къ паровому судну, полнымъ ходомъ, между тѣмъ какъ обязанъ былъ убавить ходъ (ст. 438), такъ и

въ томъ, что онъ не держался, приближаясь къ военному судну, въ обязательномъ по закону безопасномъ разстояніи (ст. 441 и 447); 2) что соблюденіе означенныхъ правилъ плаванія являлось прямою обязанностью шкипера Юргенсона, который и въ присутствіи лоцмана и при дачѣ послѣднимъ указаній относительно фарватера оставался, какъ выше пояснено, единственнымъ командиромъ судна и несъ всю отвѣтственность по управленію онымъ, а слѣдовательно и долженъ былъ принимать всѣ необходимыя мѣры къ предотвращенію на избранномъ пути столкновенія посредствомъ уменьшенія хода судна и другими соотвѣтствующими способами, и 3) что со стороны броненоснаго корабля „Императоръ Александръ II-й“ никакихъ упущеній допущено не было и единственное, указываемое повѣреннымъ Юргенсона въ этомъ отношеніи обстоятельство, а именно недача броненосцемъ при его заднемъ ходѣ сигналовъ свистками, не можетъ имѣть приписываемаго ему просителемъ значенія, ибо, какъ видно изъ дѣла, задній ходъ корабля былъ совершенно незначительный и происходилъ не отъ работы машинъ назадъ, а вслѣдствіе циркуляціи, тѣмъ болѣе, что дача сигналовъ свистками, по точному смыслу ст. 439 Уст. Торг., не составляла даже обязательнаго въ этомъ случаѣ дѣйствія для броненосца,—Второе Общее Собраніе Прав. Сената находитъ, что отвѣтственность за послѣдствія столкновенія парохода „Олафъ“ съ броненосцемъ „Императоръ Александръ II-й“ должна быть отнесена на шкипера Юргенсона, неисполнившаго закономъ предписанныхъ мѣръ къ предупрежденію этого столкновенія. Признавая посему обращеніе Морскимъ Вѣдомствомъ настоящаго иска объ убыткахъ, причиненныхъ броненосцу „Императоръ Александръ II-й“ столкновеніемъ съ пароходомъ „Олафъ“, въ суммѣ 3.410 р. 85 к., къ шкиперу парохода Юргенсону, а въ случаѣ его несостоятельности (ст. 253 Уст. Торг.) къ собственнику парохода, датскому пароходному обществу „Карлъ“, вполнѣ правильнымъ и съ законами и обстоятельствами дѣла согласнымъ, и имѣя въ виду, что повѣренный отвѣтчиковъ противъ самой цифры отыскиваемыхъ Морскимъ Вѣдомствомъ убытковъ не споритъ, какъ онъ это прямо подтвердилъ и въ объясненіи своемъ, поданномъ въ Прав. Сенатъ,—Второе Общее Собраніе Прав. Сената въ отмѣну рѣшенія СПБ. Ком. Суда признало искъ Морского Вѣдомства къ Юргенсону и датскому обществу „Карлъ“ въ суммѣ 3.410 р. 85 к., подлежащимъ удовлетворенію (1895 г., № 67).

БОДМЕРЕЯ.

432. Въ рѣшеніи 1912 года № 53, *Гражданскій Кассаціонный Департаментъ* остановился на вопросѣ о томъ, *въ какомъ порядкѣ подлежитъ совершенію закладная на мореходныя торговыя суда, т. е. въ порядкѣ-ли, установленномъ законами гражданскими для совершенія закладныхъ на движимое имущество вообще, или же въ особомъ порядкѣ, сообразованномъ съ существомъ правоотношеній, которыя создаются закладомъ мореходнаго судна.* При этомъ Правительствующій Сенатъ нашелъ, *что закладъ мореходныхъ судовъ не подчиняется постановленіямъ законовъ гражданскихъ о закладѣ движимыхъ имуществъ вообще, а опредѣляется и внѣ случаевъ, особо предусмотрѣнныхъ въ вышеуказанныхъ спеціальныхъ узаконеніяхъ, въ отношеніи порядка установленія вещнаго права общими началами, изображенными въ гл. IV разд. I кн. 2 Уст. Торг., изд. 1903 г.* Къ такому заключенію слѣдуетъ придти, на основаніи ст. 9 Уст. Гражд. Суд., по нижеслѣдующимъ соображеніямъ. Одно то обстоятельство, что въ ст. 401 Зак. Гражд. въ числѣ другихъ видовъ движимыхъ имуществъ упоминается и о мореходныхъ судахъ, само по себѣ еще не можетъ служить непреложнымъ доказательствомъ подчиненія сихъ судовъ также въ отношеніи установленія закладного на оныя права дѣйствію постановленій гражданскихъ законовъ о закладѣ движимыхъ имуществъ вообще. Не составляетъ такого доказательства и то, что въ содержащемся въ примѣчаніяхъ къ ст. 1663 Зак. Гражд. перечнѣ особыхъ узаконеній о закладѣ нѣкоторыхъ видовъ движимыхъ имуществъ не говорится о закладѣ мореходныхъ судовъ вообще, а указывается спеціально на постановленіе Устава Торговаго о бодмереѣ (прим. 2) и на законъ 24 мая 1904 г. (прим. 3 по Прод. 1906 г.). Въ примѣчаніяхъ этихъ перечисляются особыя по сему предмету узаконенія, но не случаи, когда, помимо такихъ узаконеній, закладъ совершается внѣ порядка, установленнаго гражданскими законами, на основаніи общихъ нормъ, коими опредѣляются правоотношенія по сдѣлкѣ о закладѣ движимаго имущества, составляющаго предметъ сдѣлки. Такъ, въ примѣчаніяхъ къ ст. 1663 Зак. Гражд. не упоминается ни объ особомъ порядкѣ заклада движимаго имущества по договорамъ съ казною (ст. 1654 тѣхъ же зак., ст. 79 пол. казен. пост.) ниже о закладѣ также отнесенныхъ гражданскими законами (ст. 403) къ числу движимыхъ имуществъ золотыхъ пріисковъ на казенной землѣ (рѣш. 1912 г., № 27, по дѣлу Симакова). Соотвѣтственно съ симъ, отсутствіе въ законахъ гражданскихъ особаго упоминанія о томъ, что закладъ мореходныхъ судовъ вообще, но не только на основаніи спеціальныхъ узаконе-

ній, указанныхъ въ прим. 2 и 3 (по Прод. 1906 г.) къ ст. 1663 сихъ законовъ, изъемлется изъ дѣйствій общихъ постановленій о закладѣ движимыхъ имуществъ, можетъ быть объяснено тѣмъ, что правоотношенія, относящіяся къ мореходнымъ судамъ, вообще опредѣляются не законами гражданскими, а Уставомъ Торговымъ и, притомъ, раздѣломъ I книги 2 сего Устава, озаглавленнымъ: „О мореходныхъ торговыхъ судахъ“. Къ постановленіямъ, содержащимся въ этомъ раздѣлѣ и слѣдуетъ обратиться за разрѣшеніемъ вопроса объ общемъ, внѣ случаевъ, особо предусмотрѣнныхъ спеціальными узаконеніями (ст. 432 Уст. Торг. и Зак. 24 мая 1904 г.), порядкѣ установленія закладного на мореходныя торговыя суда права. Правда, въ раздѣлѣ I книги 2 Устава Торг. постановленія, дающаго положительный и прямой отвѣтъ на упомянутый вопросъ, не находится, но это отнюдь не составляетъ препятствія къ разрѣшенію его по общему духу изображенныхъ въ Уставѣ Торговомъ законоположеній о мореходныхъ торговыхъ судахъ. Въ семъ отношеніи опять можно сослаться на вышеприведенное рѣшеніе 1912 г., № 27, по дѣлу Симакова, въ которомъ Правительствующій Сенатъ, основываясь на общемъ смыслѣ подлежащихъ статей Устава Горнаго, также не содержащихъ въ себѣ прямого по сему предмету указанія, разрѣшилъ почитавшійся до сихъ поръ не только спорнымъ, но вообще не разрѣшимымъ иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, вопросъ о допустимости заклада золотыхъ пріисковъ на казенной землѣ, а въ частности также вопросъ о томъ, что оставленіе заложеннаго золотого пріиска въ распоряженіи залогодателя не можетъ само по себѣ, служить основаніемъ для признанія залога недѣйствительнымъ. Для разрѣшенія же нынѣ обсуждаемаго вопроса о порядкѣ установленія закладного на мореходныя торговыя суда права, по общему смыслу постановленій Устава Торговаго, содержатся вполнѣ достаточныя указанія въ 149 и послѣдующихъ статьяхъ (гл. IV разд. I кн. 2 „о покупкѣ и продажѣ торговыхъ судовъ“) означеннаго Устава. Въ статьяхъ этихъ, устанавливающихъ порядокъ перехода права собственности на мореходныя торговыя суда, первенствующее значеніе придается не совершенію акта купли-продажи, а передачѣ покупщику корабельной крѣпости съ соотвѣтственною надписью или же, если покупатель не имѣетъ права на поднятіе русскаго флага, выдачѣ ему новой корабельной крѣпости (ст. 150; см. рѣш. 1885 г., № 47), о чемъ и сообщается куда слѣдуетъ, для отмѣтки въ корабельномъ спискѣ. Такимъ образомъ, пріобрѣтеніе вещнаго права на мореходное судно поставлено въ зависимость отъ обладанія корабельною крѣпостью и оглашается посредствомъ снабженія ея соотвѣтственною надписью и внесенія отмѣтки въ корабельный списокъ. Потому къ мореходнымъ судамъ неприменимо основное начало гражданскихъ законовъ (ст. 534 ч. I т. X), по которому владѣніе движимою вещью является внѣшнимъ признакомъ и доказательствомъ права собственности на оную. Тѣмъ самымъ падаетъ главнѣйшее основаніе допустимости установленія закладного на

движимое имущество права не иначе, какъ въ видѣ, такъ называемаго, ручного заклада, съ передачею закладываемой вещи во владѣніе заимодавца, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устраняется также необходимость обставить передачу эту особыми формальностями: привлеченіемъ свидѣтелей къ составленію акта о закладѣ, подписаніемъ ими описи закладываемымъ вещамъ и приложеніемъ къ нимъ печатей заемщика и заимодавца. И то и другое требованія гражданскихъ законовъ неразрывно связаны съ вышеупомянутымъ началомъ, изображеннымъ въ ст. 534 сихъ законовъ. Передача вещи во владѣніе залогодержателя необходима для присвоенія его праву на оную вещнаго характера, ибо при оставленіи вещи въ обладаніи должника, сей послѣдній по отношенію къ третьимъ лицамъ продолжаетъ считаться собственникомъ ея. Только при соблюденіи вышеупомянутыхъ формальностей, свидѣтельствующихъ и внѣшнимъ образомъ (печать заемщика) о продолжающейся принадлежности вещи должнику и удостовѣряющихъ передачу вещи заимодавцу не въ собственность, третьи лица, кредиторы залогодержателя, не могутъ защищаться противъ залогодателя, собственника вещи, законнымъ предположеніемъ, установленнымъ ст. 534 ч. I т. X. Поэтому, прежде всего, нѣтъ разумнаго основанія требовать совершенія закладныхъ на мореходныя суда съ соблюденіемъ предписаній ст. 1670—1673 Зак. Гражд., несмотря на то, что вещное право на этотъ видъ движимыхъ имуществъ переходитъ не въ силу передачи вещи въ фактическое владѣніе ея пріобрѣтателя, а вслѣдствіе вручения ему документа, удостовѣряющаго право собственности на оную, по подписи. Но соображеніе это можетъ казаться недостаточно убѣдительнымъ. Противъ него можно возразить, что 149 и послѣдующія ст. Устава Торговаго трактуютъ о куплѣ-продажѣ мореходныхъ судовъ и что корабельная крѣпость, по словесному смыслу ст. 103 Уст. Торг., есть „письменный видъ, утверждающій *собственность хозяина*“ корабля, а слѣдовательно, не можетъ удостовѣрить юридическое „владѣніе“ имъ „залогодержателя“. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что редакція ст. 103 Уст. Торг. не соотвѣтствуетъ ея первоисточнику—ст. 164 устава купеческаго водоходства 25 іюня 1781 г. (П. С. З. № 15176), которая, въ подлежащей части гласитъ: „крѣпость на корабль или судно есть: 1) письменный видъ, утверждающій собственность хозяина *и владѣніе кораблемъ или судномъ*.....“. Такимъ образомъ, это законоположеніе, которое не подверглось никакимъ по существу своему измѣненіямъ и въ позднѣйшихъ узаконеніяхъ, приведенныхъ подъ ст. 103 Уст. Торг., а засимъ и сія послѣдняя статья *могутъ* имѣть примѣненіе также къ случаямъ заклада мореходныхъ судовъ. Но ст. 103 Уст. Торг., по возстановленіи въ изъясненномъ видѣ истиннаго ея смысла, и *должна* примѣняться къ закладу мореходныхъ судовъ, такъ какъ въ ст. 201 особо изданной 23 ноября 1781 г. второй части устава купеческаго водоходства (П. С. З. № 15285), т. е. въ узаконеніи, несомнѣнно находящемся въ органической связи съ закономъ 25 іюня того же года: 1) прямо преду-

сматривается дача „въ заемъ денегъ на *корабельную* или судовую *крѣпость*“, и 2) о такой „дачѣ въ заемъ денегъ“ говорится вообще,—совершенно безотносительно къ займу подъ закладъ корабля или судна по *бодмереѣ*, о которой трактовалось въ ст. 46 закона 25 іюня 1781 г. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ нельзя не придти къ вышеприведенному заключенію, что внѣ случаевъ, для коихъ изданы особыя узаконенія, закладъ мореходныхъ торговыхъ судовъ совершается посредствомъ передачи залогодержателю корабельной крѣпости съ оставленіемъ судна во владѣніи должника и безъ соблюденія остальныхъ, требуемыхъ ст. 1670 и 1671 Зак. Гражд. формальностей (привлеченія свидѣтелей къ составленію описи, приложенія печатей заимодавца и заемщика). Само собою, при этомъ, разумѣется: 1) что съ отобраніемъ отъ собственника судна подлинной корабельной крѣпости ему должна быть выдана установленнымъ порядкомъ засвидѣтельствованная копія съ этой крѣпости (ср. ст. 167 Уст. Торг.), ибо совершенно безъ таковой корабельщикъ оставаться не можетъ (ст. 166 того же Уст.), и 2) что копія эта должна быть снабжена, примѣнительно къ ст. 150 Уст. Торг., надписью о состоявшемся закладѣ, такъ какъ при существованіи подобной надписи, съ одной стороны, корабельщикъ можетъ оправдать, предъ кѣмъ слѣдуетъ, неимѣніе имъ подлинной корабельной крѣпости, а съ другой—закладъ получаетъ надлежащую огласку по отношенію къ третьимъ лицамъ—кредиторамъ, вещнымъ и личнымъ, собственника судна. Въ тѣхъ же видахъ гласности вещныхъ на мореходныя торговыя суда правъ ст. 150 Уст. Торг. требуетъ отмѣтки въ корабельномъ спискѣ (ст. 124 того же Уст.), а потому и это требованіе должно получить соотвѣтственное примѣненіе къ закладу означенныхъ судовъ.

433. Уничтоженіе объекта бодмереи не влечетъ за собою недѣйствительности бодмерейной записи и не лишаетъ заимодавца права искать возмѣщенія причиненныхъ ему убытковъ съ другого имущества должника.

Обсудивъ дѣло и останавливаясь, прежде всего, на указаніи апеллятора, что бодмерейная запись отъ 1 сентября 1903 г. должна быть признана недѣйствительной за уничтоженіемъ объекта заклада—парохода „Петергофъ“, Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ правильно разрѣшилъ этотъ вопросъ С.-Петербургскій Коммерческій Судъ, законнаго основанія къ признанію договора 1 сентября 1903 г. недѣйствительнымъ и потерявшимъ для сторонъ обязательную силу не усматривается, такъ какъ единственнымъ послѣдствіемъ утраты того имущества, которое служило обезпеченіемъ займа товариществомъ у Елисѣева 29.000 р.,

является лишь невозможность удовлетворенія Елисѣева изъ заложеннаго имущества безъ наступленія послѣдствій, предусмотрѣнныхъ ст.ст. 1529 и 1545 т. X ч. I, къ настоящему случаю непримѣнимыхъ; указанное положеніе является тѣмъ болѣе правильнымъ, что по закону (ст. 401 т. X ч. I) мореходныя и рѣчныя суда, суть движимыя имущества, причемъ по ст. 432 Уст. Торг. удовлетвореніе заимодавца, ссудившаго корабельщика деньгами подъ закладъ корабля, производится по общимъ правиламъ объ удовлетвореніи заимодавцевъ, имѣющихъ закладъ, а такъ какъ, согласно разъясненія Гражд. Касс. Деп. 1889 г., № 2, законъ не устанавливаетъ, чтобы данныя въ заемъ подъ обезпеченіе разныхъ цѣнностей суммы могли подлежать удовлетворенію только изъ этого обезпеченія, то и Елисѣевъ не можетъ быть лишенъ права искать возмѣщенія причиненныхъ ему товариществомъ убытковъ съ другого имущества товарищества. Переходя къ существу настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что товарищество Ейскаго пароходства заложило пріобрѣтенный у Елисѣева пароходъ „Петергофъ“ за 29.000 р. у того-же Елисѣева, совершивъ 1 сентября 1903 года бодмерейную запись. Согласно п. 3 указанной бодмерейной записи пароходъ „Петергофъ“ долженъ былъ слѣдовать изъ Петербурга въ Херсонъ слѣдующимъ путемъ: въ навигацію 1903 года пройти Балтійскимъ моремъ до Данцига....., а съ открытіемъ навигаціи 1904 года продолжать путь рѣками Вислой, западнымъ Бугомъ, Припетью, шлюзами до Херсона и Чернымъ моремъ въ Азовское море. Между тѣмъ товарищество Ейскаго пароходства, вопреки п. 3 договора 1 сентября 1903 г., и несмотря на категорическій отказъ Елисѣева, сообщенный товариществу рядомъ писемъ и телеграммой 23 октября 1903 г., на разрѣшеніе проводки парохода „Петергофъ“, до его застрахованія, кружнымъ морскимъ путемъ вокругъ Европы, повело пароходъ этимъ послѣднимъ путемъ, во время котораго пароходъ погибъ въ Средиземномъ морѣ. Такимъ образомъ является доказаннымъ, что товарищество нарушило договоръ 1 сентября 1903 г., а посему должно отвѣчать предъ Елисѣевымъ за всѣ происшедшіе отъ такого правонарушенія убытки. Хотя товарищество и заявляетъ, что провести пароходъ „Петергофъ“ указаннымъ въ бодмерейномъ письмѣ путемъ представлялось невозможнымъ вслѣдствіе мелководія рѣкъ и другихъ причинъ, а застраховать пароходъ для морского пути оказалось невозможнымъ, въ виду отказа страховыхъ обществъ принять пароходъ на страхъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ пріобрѣтенъ товариществомъ у Елисѣева, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы товарищество вопреки договору и категорически выраженнымъ условіямъ Елисѣева имѣло право провести пароходъ „Петергофъ“ кружнымъ морскимъ путемъ. Останавливаясь засимъ на разрѣшеніи вопроса о томъ, въ какомъ размѣрѣ выразились убытки Елисѣева вслѣдствіе гибели парохода „Петергофъ“, Прав. Сенатъ находитъ, что предъявленный Елисѣевымъ встрѣчный искъ за погибшій пароходъ, служившій

залогомъ за выданную товариществу въ размѣрѣ 29.000 р. ссуду, товариществомъ ничѣмъ не былъ опровергнутъ, а посему подлежитъ присужденію въ заявленной суммѣ, т. е. въ 26.500 р. съ % со дня предъявленія иска. Въ виду изложеннаго, Прав. Сенатъ рѣшеніе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда по настоящему дѣлу отъ 11 апрѣля 1906 г. оставилъ въ силѣ (1909 г., № 165).

МОРСКОЕ СТРАХОВАНІЕ.

434|296. Если страховщикъ учинитъ разсчетъ по полису съ предъявителемъ онаго, къ коему таковой дошелъ завѣдомо для страховщика неправильно, то страховщикъ и несетъ всѣ невыгодныя отъ сего послѣдствія. Законъ, обязывая страхователя доказать свой убытокъ отъ несчастія при морской перевозкѣ, не указываетъ при этомъ, что такимъ доказательствомъ можетъ служить исключительно одна лишь диспаша. Разсчетъ убытковъ, составленный присяжнымъ диспашеромъ, можетъ имѣть значеніе судебнаго доказательства, доколѣ не будетъ опровергнутъ равносильными доказательствами. Присужденіе страхователю 6% на причитающуюся сумму и двойной преміи можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда страхователемъ своевременно представлены были страховщику всѣ необходимые для разсчета убытковъ документы.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что противъ иска купца Харлампія Тетюкова о взысканіи съ страхового общества „Русскій Ллойдъ“ въ окончательный разсчетъ по вознагражденію его за погибшій при аваріи парохода „Августусъ“ товаръ, застрахованный въ обществѣ по полису отъ 9 апрѣля 1882 г. за № 4042, 10.144 р. 40 к. съ % съ 23 декабря 1882 г. и 2.500 р. двойной преміи—страховое общество „Русскій Ллойдъ“ приводитъ слѣдующія возраженія: Тетюковъ не имѣетъ вовсе права на предъявленіе къ нему какихъ-либо требованій по сказанному страхованію, въ виду того, что Тетюковымъ не представленъ самый полисъ, долженствующій служить основаніемъ его требованій; что полисъ этотъ былъ переданъ 3 ноября 1883 г. повѣреннымъ Тетюкова, купцомъ Василіемъ Ивановымъ, въ собственность нѣкоему Пинскеру, а Пинскеромъ Эберу, съ которымъ общество, какъ съ предъявителемъ полиса, и учинило уже окончательный по оному разсчетъ; искъ Тетюкова является недоказаннымъ и по существу, ибо Тетюковымъ не представлена, какъ то требуется закономъ и полисными правилами, диспаша, на основаніи которой только и можетъ быть установленъ размѣръ понесеннаго имъ отъ аваріи убытка. Обращаясь къ первому возраженію общества „Русскій Ллойдъ“, Прав. Сенатъ находитъ, что, по объясненію истца Тетюкова, Ивановъ не былъ уполномоченъ имъ на пе-

редачу полиса № 4042 съ документами по аваріи парохода „Августусъ“ Пинскеру, каковое обстоятельство признано Прав. Сенатомъ въ рѣшеніи, состоявшемся 18 декабря 1886 г. по иску его, Тетюкова, о томъ къ Иванову, и было своевременно извѣстно страховому обществу „Русскій Ллойдъ“, вслѣдствіе чего для него, Тетюкова, не можетъ имѣть никакого значенія разсчетъ общества съ Эберомъ, какъ неправильнымъ, завѣдомо для общества, держателемъ полиса. Принимая во вниманіе, что неправильность, за отсутствіемъ на то со стороны Тетюкова уполномочія, передачи Ивановымъ Пинскеру страхового полиса, дѣйствительно, какъ видно изъ представленнаго повѣреннымъ Тетюкова къ дѣлу указа Прав. Сената, уже Прав. Сенатомъ установлена и обращаясь посему къ обсужденію значенія такой передачи въ отношеніи обязательствъ, принятыхъ страховымъ обществомъ передъ Тетюковымъ, Прав. Сенатъ находитъ, что по ст. 553 Уст. Торг., на которую ссылается общество „Русскій Ллойдъ“, полисъ можетъ быть передаваемъ страхователемъ изъ рукъ въ руки, съ надлежащими надписями, а потому страховщикъ обязанъ платить только предъявителю полиса. Хотя, такимъ образомъ, въ силу этой статьи закона предъявленіе даннымъ лицомъ полиса, перешедшаго къ нему по надписи, предполагаемой учиненною надлежаще, т. е. во всякомъ случаѣ съ согласія собственника-передавателя (ст. 700 т. X ч. 1), является достаточнымъ для страховщика основаніемъ къ учиненію съ этимъ лицомъ разсчета по морскимъ убыткамъ, понесеннымъ на застрахованномъ по полису имуществѣ, и изслѣдованіе внутренней правильности передаточныхъ надписей въ обыкновенномъ порядкѣ вещей не составляетъ обязанности страховщика, котораго посему не могутъ касаться обнаружившіяся впослѣдствіи тѣ или другія неправильности въ передачѣ полиса по отношенію къ первоначальному страхователю или послѣдующимъ держателямъ онаго, но, очевидно, положеніе это должно измѣниться въ томъ случаѣ, когда неправильность владѣнія даннымъ полисомъ предъявителя заблаговременно сообщена страховщику дѣйствительнымъ собственникомъ онаго или инымъ путемъ стала извѣстною страховщику до учиненія имъ разсчета съ неправильнымъ предъявителемъ полиса. Здѣсь уже о предполагаемой bona fides передачи полиса по надлежащимъ надписямъ, какъ того требуетъ приведенный законъ (ст. 553), не можетъ быть и рѣчи, а потому, если страховщикъ вопреки сему учинитъ разсчетъ по полису съ лицомъ завѣдомо для него, страховщика, не имѣющимъ правъ на таковой, то онъ и долженъ нести самъ послѣдствія своего неправильнаго и незаконнаго дѣйствія. Обстоятельства же настоящаго дѣла относительно передачи Ивановымъ полиса представляются въ слѣдующемъ видѣ: по полису отъ 9 апрѣля 1882 г. за № 4042 страховое общество „Русскій Ллойдъ“ приняло отъ повѣреннаго Тетюкова, купца Василія Иванова, на страхъ товаръ, отправленный на пароходѣ „Августусъ“ въ Николаевскъ на имя купца Асламова, въ суммѣ 50.000 р. Засимъ, вслѣдствіе понесенія Тетюковымъ убытка при аваріи названнаго паро-

хода, въ счетъ этого убытка общество „Русскій Ллойдъ“ уплатило Иванову 23 декабря 1882 г. 15.000 руб. и 8 марта 1883 г. 7.000 руб. 3 ноября того же 1883 г. Ивановъ, въ качествѣ повѣреннаго Тетюкова, передалъ означенный полисъ въ собственность купца Ахилоса Пинскера, а послѣдній учинилъ такую же передачу на имя купца Эбера, который въ январѣ 1888 г. предъявилъ въ С.-Петербургскомъ Ком. Судѣ искъ къ обществу „Русскій Ллойдъ“ остальныхъ, причитающихся по полису 12.684 р. 24 к. По поводу этого иска общество „Русскій Ллойдъ“ спросило 28 того же января Тетюкова телеграммою: „имѣлъ ли Ивановъ 3 ноября 1883 г. право передавать выданный обществомъ Тетюкову полисъ въ 50.000 р., на пароходъ „Августусъ“, на имя Пинскера въ Москвѣ и имѣетъ ли Пинскеръ право получить съ „Русскаго Ллойда“ вознагражденіе по этому полису“. Тетюковъ, по неоспоренному отвѣтчикомъ заявленію повѣреннаго его Охроменко, 29 того же января отвѣтилъ обществу: „Ивановъ права не имѣлъ, это признано и Сенатомъ, сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ вамъ копіи указа Сената и прошу деньги по полису выслать мнѣ“. 8 февраля „Русскій Ллойдъ“ вновь телеграфировалъ Тетюкову, что телеграмма послѣдняго суду недостаточна и чтобы тотъ выслалъ довѣренность, данную имъ Иванову, для доказательства, что Ивановъ не имѣлъ права передачи полиса Пинскеру, 19 же мая увѣдомилъ Тетюкова о полученіи копіи рѣшенія Прав. Сената. И дѣйствительно, въ засѣданіи суда 14 марта 1888 г. повѣренный общества „Русскій Ллойдъ“, Бекманъ, не признавая права Эбера на искъ по полису, защиту общества противъ сего иска основывалъ на томъ, что Ивановъ не имѣлъ права передавать полисъ отъ имени Тетюкова третьимъ лицамъ, причемъ сослался на рѣшеніе Прав. Сената отъ 18 декабря 1886 г., коимъ Прав. Сенатъ установилъ, что Ивановъ не былъ уполномоченъ выданною ему Тетюковымъ довѣренностью на передачу полиса третьимъ лицамъ. Не взирая, однако, на это, общество „Русскій Ллойдъ“ нашло возможнымъ войти съ Эберомъ въ миролюбивое соглашеніе и уплатить ему въ окончательный разсчетъ по полису вмѣсто 12.684 р.— 1.500 р., причемъ самое дѣло въ судѣ было сторонами прекращено; на вторичную же просьбу Тетюкова отъ 23 мая 1888 г. о высылкѣ ему денегъ по полису „Русскій Ллойдъ“ 25 того же мая отвѣтилъ: „о деньгахъ, Вамъ причитающихся, мы ничего не знаемъ, счетъ убытка не имѣется, дѣло намъ вообще неизвѣстно“; затѣмъ повѣренный общества „Русскій Ллойдъ“, присяжный стряпчій Бекманъ, 30 апрѣля 1890 г., въ отвѣтъ на заявленіе по сему предмету повѣреннаго Тетюкова, присяжнаго стряпчаго Охроменко, сослался уже на окончательное учиненіе обществомъ всѣхъ разсчетовъ по полису № 4042 съ Эберомъ. Изъ изложенныхъ обстоятельствъ такимъ образомъ, оказывается, что общество „Русскій Ллойдъ“ учинило окончательный разсчетъ съ Эберомъ, какъ предъявителемъ полиса, выданнаго Тетюкову послѣ и вопреки того, что послѣдній поставилъ его своевременно и на запросъ самого же общества въ извѣстность о томъ, что полисъ перешелъ къ Эберу по

недѣйствительной надписи Иванова и просилъ денегъ Эберу не платить, причемъ тогда же сообщилъ обществу въ доказательство сего и рѣшеніе Прав. Сената, подтверждающее это послѣднее обстоятельство, и что лишь благодаря учиненію обществомъ „Русскій Лойдъ“ при изъясненныхъ данныхъ разсчета съ Эберомъ полисъ № 4042 оказался въ рукахъ общества, а не у Тетюкова, его законнаго собственника. Въ виду сего Прав. Сенатъ признаетъ, что отвѣтчикъ, общество „Русскій Лойдъ“, какъ въ отношеніи учиненія окончательнаго разсчета съ Эберомъ, такъ и въ отношеніи отвѣтственности своей предъ Тетюковымъ по полису, лишено, при такихъ условіяхъ, права ссылаться на ст. 553 Уст. Торг., а потому непредставленіе Тетюковымъ полиса отъ 9 апрѣля 1882 г. вслѣдствіе нахожденія такового въ рукахъ общества не можетъ служить основаніемъ къ непризнанію за нимъ права на предъявленіе вытекающихъ изъ онаго требованій. Переходя къ возраженію общества „Русскій Лойдъ“ по существу иска Тетюкова, т. е. къ вопросу о доказанности размѣра требованій послѣдняго, Прав. Сенатъ находитъ, что предметъ иска Тетюкова съ общества „Русскій Лойдъ“ составляютъ: 1) 10.144 р. 40 к. страховой преміи за погибшій при аваріи парохода „Августусъ“ товаръ; 2) % на означенную сумму съ 23 декабря 1882 г., какового числа, по его объясненію, истекъ установленный ст. 563 Уст. Торг. шестимѣсячный срокъ для удовлетворенія страховщикомъ страхователя, и 3) 2.500 р. двойной преміи, уплаченной имъ обществу по полису № 4042 на основаніи ст. 587 Уст. Торг. Въ подтвержденіе первой статьи своихъ исковыхъ требованій Тетюковъ представилъ „справку“ диспашера при Одесскомъ портѣ Смапча отъ 21 марта 1894 г., заключающую въ себѣ исчисленіе убытка, понесеннаго на товарѣ Тетюкова, застрахованномъ въ обществѣ „Русскій Лойдъ“, 30.496 р. 11 к. и размѣра контрибуціи по спасенію груза, падающаго на этотъ товаръ—1.648 р. 29 к. Противъ этого документа страховое общество возражаетъ, что эта справка диспашера не замѣняетъ собою диспаши, требуемой правилами морского страхованія и что въ ней указаны цифры и документы, которыхъ не имѣется въ диспашѣ по аваріи парохода „Августусъ“ отъ 5 августа 1885 г. Но за этимъ возраженіемъ не можетъ быть признано приписываемое ему отвѣтчикомъ обществомъ „Русскій Лойдъ“, а съ нимъ вмѣстѣ и Ком. Судомъ, значеніе по слѣдующимъ соображеніямъ: въ отношеніи вопроса о доказательствѣ страхователемъ понесеннаго имъ морского убытка законъ (Уставъ Торговый) гласитъ, что „всякій убытокъ, за который требуется платежъ отъ страховщика, долженъ быть доказанъ неопровержимо (ст. 561)“; „по полученіи объявленія и достаточныхъ письменныхъ доказательствъ, страховщикъ обязанъ удовлетворить потерю или заплатить цѣну застрахованнаго по силѣ полиса“ (ст. 562). Такимъ образомъ, законъ, обязывая страхователя доказать свой убытокъ, при этомъ не указываетъ, что такимъ доказательствомъ должна служить непремѣнно и исключительно одна только диспаша. Такого исключи-

тельнаго требованія не содержится и въ общихъ условіяхъ страхованія обществомъ „Русскій Ллойдъ“ грузовъ, которыя напечатаны на оборотѣ полиса въ отношеніи доказательства убытковъ. А именно: въ нихъ указано (ст. 3) „въ случаяхъ аваріи большой или частной для привлеченія къ отвѣтственности страховщика страхователь долженъ представить составленный надлежащею властью или по мѣстному обычаю разсчетъ убытка (диспашъ) (§ 142 Гамб. общ. прав. морск. страх.); страхователь долженъ доказать страховщику достаточными документами, прилагаемыми къ диспашу или разсчету убытка: 1) свой интересъ; 2) что застрахованный предметъ былъ подверженъ морскимъ опасностямъ; 3) несчастіе, на которомъ основывается требованіе, и 4) убытокъ и размѣръ такового (§ 144 Гамб. общ. прав. морск. страх.). Достаточными документами вообще считаются такіе, которые приняты въ торговомъ быту по трудности добычи другихъ удостовѣреній; въ особенности же: 1) для доказательства интереса при страхованіи товаровъ—фактуры и коносаменты... 2) для доказательства убытка и его размѣра—удостовѣренія объ осмотрѣ, оцѣнкѣ и продажѣ съ аукціона, которыя по формѣ своей должны соотвѣтствовать законамъ и обычаямъ мѣстности, гдѣ опредѣляется убытокъ, затѣмъ квитанціи въ сдѣланныхъ платежахъ (§ 146 Гамб. общ. прав.). Что же касается Гамбургскихъ общихъ правилъ морского страхованія, на которыя указывается въ полисныхъ условіяхъ, то въ нихъ равнымъ образомъ, между прочимъ, постановлено: въ § 89 „если диспашъ составленъ не въ указанномъ мѣстѣ и не уполномоченнымъ для сего лицомъ, ...то страхователь можетъ требовать съ страховщика вознагражденія не иначе, какъ послѣ провѣрки такого диспаша въ указанномъ мѣстѣ уполномоченнымъ для того лицомъ“; въ § 143, что „по прошествіи двухъ мѣсяцевъ со дня представленія заявленія страхователь получаетъ право требовать вознагражденіе за убытокъ и начать судебный искъ при условіи, однако же, передать вмѣстѣ съ тѣмъ страховщику диспашерскій счетъ или оцѣнку убытка, съ подлежащими оправдательными документами“; далѣе (§ 144): „страхователь при помощи оправдательныхъ документовъ, приложенныхъ къ диспашу или къ оцѣнкѣ убытковъ, долженъ выяснить страховщику... (4): въ чемъ выразился убытокъ и размѣръ его“; § 146: „вообще считаются достаточными оправдательными документами тѣ, которыми купцы по затрудненію въ представленіи другихъ доказательствъ обыкновенно пользуются въ своихъ коммерческихъ операціяхъ...“; § 147: „перечисленные въ предыдущемъ § документы даже въ случаѣ судебнаго процесса имѣютъ въ принципѣ, если только не встрѣтятся какихъ-либо особыхъ возраженій, значеніе безспорныхъ доказательствъ. Прочіе же споры подлежатъ разрѣшенію по мѣстнымъ судебнымъ порядкамъ“. Изъ смысла всѣхъ приведенныхъ правилъ должно заключить, что и ими, какъ и Уставомъ Торговымъ, отъ страхователя требуется при заявленіи страховщику требованія не непремѣнное представленіе именно диспаши, а представленіе вообще достаточнаго доказательства

и оцѣнки морскихъ убытковъ, ставить же страхователю при всякихъ обстоятельствахъ непремѣннымъ условіемъ для возможности получить вознагражденіе за понесенные убытки представленіе самой диспаши, т. е. акта, въ коемъ бы содержались и опредѣленіе разряда аваріи, и учетъ, и разсчеты по ней, не представляется основаній. Это послѣднее соображеніе должно быть во всякомъ случаѣ признано несомнѣннымъ по отношенію къ требованіямъ, которыя предъявляются страхователемъ страховщику чрезъ посредство суда, въ виду того, что полисными правилами опредѣляются доказательства, которыя страхователь долженъ представить страховщику при непосредственномъ къ нему обращеніи, но не въ судъ, который можетъ, конечно, убѣдиться, и въ фактѣ и въ размѣрѣ убытка по всякимъ, допускаемымъ закономъ и представленнымъ къ дѣлу доказательствамъ. Такимъ образомъ, если допустить право страховщика требовать отъ страхователя представленія диспаши, какъ единственнаго доказательства отыскиваемаго имъ убытка, то во всякомъ случаѣ это можетъ имѣть мѣсто тогда, когда страхователь обращается непосредственно къ страховщику, къ страховому обществу, съ требованіемъ вознагражденія; но когда возникшій о семъ между сторонами споръ становится предметомъ судебнаго разсмотрѣнія, тогда судъ вправѣ установить по дѣлу существованіе другихъ равносильныхъ упомянутому документу данныхъ въ доказательство факта и размѣра морскихъ убытковъ, непредставленіе же документа, требуемаго полисными правилами, можетъ имѣть значеніе въ отношеніи послѣдствій, указанныхъ въ статьяхъ 563 и 587 Уст. Торг. Обращаясь съ изложенной точки зрѣнія къ документу, представленному Тетюковымъ въ подтвержденіе размѣра исковыхъ своихъ требованій, Прав. Сенатъ находитъ, что таковой представляетъ разсчетъ убытковъ, понесенныхъ Тетюковымъ при аваріи парохода „Августусъ“, составленный диспашеромъ при Одесскомъ портѣ Смаичемъ. Убытокъ на товарѣ, застрахованномъ въ обществѣ „Русскій Ллойдъ“, опредѣленъ диспашеромъ на основаніи слѣдующихъ данныхъ: полиса отъ 9 апрѣля 1882 г., заключающаго въ себѣ номера застрахованнаго товара подъ литерами Х. П. Т., квитанціи, выданной адресатомъ товара Асламовымъ агенту парохода „Августусъ“ въ полученіи при спасеніи товара сухихъ мѣстъ подъ данными номерами на сумму 16.151 руб. 39 к., по оцѣнкѣ свѣдущимп лицами, и наконецъ, аукціоннаго листа отъ 18 іюня 1882 г. по продажѣ спасенныхъ товаровъ Асламова, застрахованныхъ въ „Русскомъ Ллойдѣ“ въ количествѣ 18 мѣстъ подъ литерами Х. П. Т. на сумму 3.352 руб. 50 к. Сопоставленіемъ страховой суммы 50.000 руб. съ оцѣнкою спасеннаго товара 16.151 руб. 39 к. и выручкою отъ аукціонной продажи поврежденнаго товара 5.352 руб. 50 к. и опредѣленъ размѣръ убытка Тетюкова на товарѣ въ 30.496 руб. 11 коп. (50.000 руб.—19.503 руб. 89 к.). Засимъ размѣръ расходовъ по спасенію груза и парохода „Августусъ“, которые должны падать на спасенный и проданный товаръ Тетюкова, застрахованный въ обществѣ „Русскій Ллойдъ“—

1.648 р. 29 к. опредѣленъ диспашеромъ на основаніи диспаши по аваріи названнаго парохода отъ 5 августа 1885 г. по особой дополнительной диспашѣ. Такимъ образомъ, разсмотрѣнный документъ, выданный оффиціально поставленнымъ на то лицомъ—диспашеромъ Смаичемъ—Тетюкову въ разсчетъ понесеннаго имъ при аваріи парохода „Августусъ“ убытка, представляется основаннымъ на документахъ, которые должны быть признаны, въ виду вышеприведенныхъ правилъ, вполнѣ для сего достаточными и во всякомъ случаѣ документъ этотъ не можетъ быть лишенъ силы и значенія доказательства, доколѣ не будетъ опровергнутъ равносильными же доказательствами, вслѣдствіе чего общее и голословное опороченіе его отвѣтчикомъ, не представившимъ, однако, въ опроверженіе его никакихъ доказательствъ, не можетъ имѣть значенія. Что же касается объясненія повѣреннаго общества о томъ, что такъ какъ помянутыя выше суммы стоимости спасенныхъ и проданныхъ съ аукціона товаровъ Тетюкова составляютъ только части двухъ соотвѣтствующихъ, показанныхъ въ диспашѣ 5 августа 1885 г. общихъ суммъ оцѣнки 8 іюня 1882 г. неповрежденнаго товара—110.604 руб. 43 к. и выручки отъ продажи 12 того же іюня испорченнаго товара—12.206 руб. 67 к., между тѣмъ въ той же диспашѣ, кромѣ этихъ суммъ, значится на 1.100 руб. и 1.575 руб. 19 к. спасеннаго товара по оцѣнкамъ 15 іюня и 12 іюля и на 32.125 руб. 3 к. товаровъ, проданныхъ съ аукціона 6 августа того же 1882 г., то диспашеръ долженъ былъ уменьшить причитающуюся Тетюкову съ общества „Русскій Ллойдъ“ въ вознагражденіе за убытокъ по полису сумму и на части изъ этихъ трехъ послѣднихъ суммъ пропорціонально участію общества въ страхованіи товаровъ Тетюкова, то это объясненіе не можетъ заслуживать уваженія. Изъ содержанія вышеразсмотрѣннаго, выданнаго диспашеромъ Смаичемъ истцу счета видно, что убытокъ на товарѣ Тетюкова въ отношеніи разсчетовъ послѣдняго съ „Русскимъ Ллойдомъ“ исчисленъ диспашеромъ не пропорціонально, какъ то полагаетъ повѣренный отвѣтчика, со всей застрахованной Тетюковымъ въ „Русскомъ Ллойдѣ“ и въ иностранныхъ обществахъ суммой (215.000 р.), а путемъ выборки изъ актовъ оцѣнки спасеннаго и актовъ продажи испорченнаго товара Тетюкова, застрахованнаго Тетюковымъ исключительно въ обществѣ „Русскій Ллойдъ“; поэтому, разъ въ указываемыя повѣреннымъ общества суммы (32.125 р. 3 к., 1.100 р. и 1.575 р. 19 к.) не вошелъ товаръ, застрахованный въ „Русскомъ Ллойдѣ“, а противное сему его повѣреннымъ вовсе не доказано, то эти суммы и не могли быть приняты диспашеромъ во вниманіе при исчисленіи убытка по страхованію, составляющему предметъ настоящаго дѣла. Независимо отъ изложенныхъ соображеній право Тетюкова на полученіе отъ общества дополнительнаго по полису № 4042 вознагражденія подтверждается: 1) документами, исходящими отъ самого же отвѣтчика, именно: заявленіемъ общества „Русскій Ллойдъ“ въ слѣдственную комиссію по дѣлу парохода „Августусъ“, въ коемъ общество заявляетъ,

что Тетюковымъ требуется вознагражденіе всего въ суммѣ 35.000 руб., и прошеніемъ въ ту же комиссію повѣреннаго общества, Кишенскаго, въ коемъ, прилагая копію полиса Тетюкова за № 4042 на сумму 50.000 руб., по которому въ счетъ аваріи уплачено 22.000 руб., заявляетъ, что общество отвѣтственно передъ страхователями и въ остальной при окончательномъ разсчетѣ суммѣ, и 2) тѣмъ фактомъ, что если бы дѣйствительно по названному полису ничего болѣе, кромѣ произведенныхъ уже Тетюкову уплатъ 22.000 руб. не слѣдовало, то общество, очевидно, не уплатило бы хотя и въ силу миролюбиваго соглашенія съ Эберомъ сему послѣднему 1.500 руб. Нельзя при этомъ не замѣтить, что уже то обстоятельство, что Эберъ, уплативъ Иванову, какъ значится въ передаточной надписи, полностью всю допричитающуюся по полису сумму (искъ Эберомъ по оному былъ предъявленъ въ 12 слишкомъ тысячъ), удовлетворился полученіемъ отъ общества 1.500 р., наводитъ уже, само по себѣ, на подозрѣніе въ фиктивности этой передачи. Вслѣдствіе всего изложеннаго и принимая во вниманіе: 1) что убытокъ, понесенный товаромъ, застрахованнымъ въ обществѣ „Русскій Ллойдъ“ при аваріи парохода „Августусъ“, опредѣленъ присяжнымъ диспашеромъ въ 32.144 руб. 40 к. (30.496 руб. 11 к. собственно убытокъ по товару и 1.648 р. 29 к. контрибуціи); 2) что въ счетъ означеннаго убытка, какъ то признается сторонами и значится на полисѣ № 4042, Тетюковымъ получено отъ общества „Русскій Ллойдъ“ 22.000 р.; 3) что требованіе Тетюковымъ вышеуказанной контрибуціи не можетъ, какъ то заявляетъ повѣренный отвѣтчика, почитаться новымъ исковымъ требованіемъ, а является опредѣленіемъ состава искового требованія объ убыткахъ, понесенныхъ вслѣдствіе аваріи и подлежащихъ возмѣщенію со стороны страховщика (п. 3 § 84 общ. Гамбург. прав.), неувеличивающимъ первоначальной исковой суммы (ст. 333 Уст. Гражд. Суд. т. XVI ч. 1),—Прав. Сенатъ находитъ, что требованіе Тетюкова съ общества „Русскій Ллойдъ“ 10.144 р. 40 к. (32.144 р. 40 к.—22.000 р.), какъ по дѣлу доказанное и отвѣтчикомъ ничѣмъ неопровергнутое, должно быть признано подлежащимъ удовлетворенію. Обращаясь засимъ къ двумъ остальнымъ требованіямъ Тетюкова—процентовъ на вышесказанные 10.144 р. 40 к. съ 23 декабря 1882 г. и 2.500 р. двойной преміи, уплаченной имъ страховому обществу, Прав. Сенатъ находитъ, что, согласно буквальнаго смысла статей 562, 563 и 587 Уст. Торг., для присужденія страхователю съ страховщика шести процентовъ на причитающуюся первому съ послѣдняго сумму со дня истеченія установленнаго закономъ срока для добровольнаго удовлетворенія страховщикомъ страхователя и въ пеню двойной преміи противу той, какую получилъ страховщикъ за страхованіе, непремѣннымъ условіемъ должно быть, чтобы при самомъ предъявленіи страховщику требованія объ уплатѣ страхового вознагражденія страхователемъ представлены были всѣ необходимые доказательства и разсчеты. Между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ разсчетъ понесеннаго и тре-

буемаго имъ съ общества „Русскій Ллойдъ“ морского убытка Тетюковъ представилъ лишь въ настоящемъ судебномъ производствѣ, объясненія же повѣреннаго Тетюкова, Охроменко, что вышеупомянутымъ Ивановымъ были представлены обществу всѣ необходимые документы по аваріи парохода „Августусъ“ еще въ декабрѣ 1882 г., остаются ничѣмъ, несмотря на отрицаніе этого обстоятельства отвѣтчикомъ, недоказанными, ибо ни представленныя Охроменко заявленія страхового общества слѣдственной комиссіи по сказанной аваріи, ни приглашеніе общества, сдѣланное Иванову, о передачѣ документовъ диспашеру Геймбюргеру для составленія диспаши, ни, наконецъ, уплаты обществомъ Тетюкову въ декабрѣ 1882 г. 15.000 р. и въ мартѣ 1883 г. 7.000 р., сами по себѣ, факта своевременнаго предъявленія Тетюковымъ доказательствъ всего размѣра морскихъ его убытковъ не устанавливаютъ. Въ виду сего Правительствующій Сенатъ находитъ, что искъ Тетюкова съ общества „Русскій Ллойдъ“ процентовъ съ 23 декабря 1882 г. на сумму, причитающуюся ему въ вознагражденіе по полису отъ 9 апрѣля 1882 г. за морскіе убытки и двойной преміи, удовлетворенію не подлежитъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ признавая рѣшеніе Спб. Ком. Суда, отказавшаго Тетюкову всецѣло въ искѣ его къ обществу „Русскій Ллойдъ“, подлежащимъ отмѣнѣ, Прав. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе Спб. Ком. Суда и присудилъ въ пользу купца Харлампія Тетюкова съ страхового общества „Русскій Ллойдъ“ 10.144 руб. 40 к. съ % со дня предъявленія иска, въ искѣ же процентовъ на эту сумму съ 23 декабря 1882 г. и 2.500 руб. двойной преміи Тетюкову отказалъ (1895 г., № 918).

435. Установленіе, по обоюдному согласію контрагентовъ, въ договорѣ страхованія годичнаго срока со дня воспослѣдованія несчастія, для предъявленія иска къ страховщику объ убыткахъ не представляется противнымъ общимъ гражданскимъ законамъ.

На основаніи 692 и 694 ст. X т. ч. I, право отыскиванія, тѣмъ или другимъ образомъ, пресѣкается общею земскою десятилѣтнею давностью: кто въ теченіе оной иска не предъявитъ, или предъявивъ, хожденіе по оному въ присутственныхъ мѣстахъ не имѣлъ, тотъ теряетъ свое право. Изъ смысла этихъ постановленій закона вытекаетъ, что главное основаніе и оправданіе института исковой давности заключается не столько въ лишеніи истца принадлежащаго ему права, сколько въ доставленіи отвѣтчику, въ интересахъ обезпеченности гражданскаго оборота, средства защиты противъ давнишнихъ притязаній, отклоненіемъ ихъ посредствомъ возраженія объ истеченіи срока давности. Значеніе законовъ о давности охарактеризовано въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 31 октября 1851 г., по дѣлу графа Маркова съ кня-

земъ Голицынымъ такимъ образомъ: постановленія о давности почитаются у насъ коренными законами, ограждающими спокойствіе общества отъ тяжбъ, начинаемыхъ по истеченіи продолжительнаго времени и всѣ дѣла, отъ правила дѣсятилѣтней давности именно не изъятыя, ни въ какомъ случаѣ не должны быть рѣшаемы вопреки оной. Гражданскій Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената въ одномъ изъ рѣшеній (1870 г., № 901) высказалъ, что въ основѣ давности лежитъ юридическая цѣль—огражденіе частныхъ правъ отъ несвоевременныхъ требованій и притязаній, для охраненія порядка и спокойствія во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ гражданскаго общества. Изъ приведенныхъ постановленій закона и разъяснительныхъ разсужденій вытекаетъ, что на волю частныхъ лицъ не можетъ быть предоставлено *продленіе* установленнаго закономъ давностнаго срока, такъ какъ этимъ уничтожилась бы самая цѣль исковой давности. Но совершенно иначе долженъ быть разрѣшенъ вопросъ о возможности договорнаго, по согласію сторонъ, *сокращенія* законныхъ сроковъ давности на предъявленный искъ. Въ дѣйствующихъ законахъ, содержащихъ постановленія о томъ, въ предѣлахъ какого срока долженъ быть предъявленъ искъ о своемъ правѣ, не содержится никакого указанія, могутъ ли стороны измѣнять продолжительность установленныхъ въ законѣ сроковъ давности. Поэтому, если цѣль законовъ о давности заключается въ томъ, чтобы спорныя гражданскія отношенія ликвидировались не болѣе, какъ въ предѣлахъ установленнаго срока, съ момента нарушенія права и десятилѣтній срокъ есть крайній для предъявленія иска, то договорное соглашеніе о сокращеніи давностнаго срока и установленіе, по взаимному согласію, короткаго срока, представляется не противорѣчащимъ закону (ст. 1530 т. X ч. I), ни основной цѣли давности. Въ частности въ отношеніи страховыхъ договоровъ, большинство законодательствъ, дающихъ общія постановленія относительно важнѣйшихъ видовъ страхованія, содержатъ правило, согласно которому вытекающіе изъ договора страхованія иски погашаются давностью, болѣе краткою, чѣмъ давность общая. Годовой срокъ на предъявленіе иска принятъ уставами многихъ дѣйствующихъ у насъ страховыхъ обществъ, какъ напримѣръ: Перваго, Второго и Коммерческаго обществъ и полисными условіями обществъ: Якоря, Балтійскаго, Сѣвернаго, Надежды и др. Уставы означенныхъ обществъ Высочайше утверждены, а полисныя условія утверждены Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Такимъ образомъ установленіе годового срока на предъявленіе иска получило во многихъ страховыхъ обществахъ правительственную санкцію и поэтому усматривать въ данномъ случаѣ, въ установленіи такого же срока въ полисныхъ условіяхъ Восточнаго общества, дѣйствіе, противное закону, не представляется правильнаго основанія. Что же касается до указаній на то, что условія страхованія, отпечатанныя на оборотѣ полисныхъ бланковъ общества, неутвержденныхъ правительственною властью, могутъ оставаться неизвѣстными страхователю, при заключеніи страхованія, то такое со-

ображеніе должно быть отвергнуто. Не представляется никакого сомнѣнія, что торговыя лица, какимъ является въ настоящемъ дѣлѣ истецъ Легантини, предварительно ознакомляются съ содержаніемъ полисныхъ условій, вступая въ договоръ страхованія. Полисъ по нашему закону (прим. къ ст. 549 Уст. Торг.) считается договоромъ страхованія и самый полисъ является доказательствомъ, свидѣтельствующимъ о состоявшемся заключеніи договора и объ условіяхъ послѣдняго. Въ настоящемъ дѣлѣ полисы Восточнаго общества, по принятымъ отъ Легантини страхованіямъ, подписаны не только директоромъ общества, но и самимъ К. Легантини и за послѣднимъ не можетъ быть признаваемо право оспаривать одно изъ условій, имъ самимъ подписаннаго договора. А посему и принимая во вниманіе: 1) что согласно § 18 полисныхъ правилъ общества, искъ къ обществу за случившійся убытокъ долженъ быть предъявленъ въ теченіе одного года со дня случившагося несчастія, по прошествіи котораго страхователь теряетъ право на вознагражденіе, и 2) что порча груза, застрахованнаго въ обществѣ, произошла, какъ видно изъ протокола осмотра, въ промежутокъ времени между 6 декабря 1902 г. и 24 января 1903 г., настоящій же искъ предъявленъ 8 октября 1904 г., Правительствующій Сенатъ не усмотрѣлъ правильныхъ основаній къ отмѣнѣ обжалованнаго по настоящему дѣлу рѣшенія С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда, коимъ Легантини въ искѣ отказано (1908 г., № 781) *).

Прежняя практика Прав. Сената по этому вопросу была иная, а именно разъяснено было, что условіе полиса о 6-ти мѣсячной давности для предъявленія требованія объ убыткахъ, хотя бы оно и было извѣстно страхователю при заключеніи страхованія, недѣйствительно при отсутствіи о томъ постановленія въ уставѣ страхового общества, такъ какъ оно отмѣняетъ общій законъ о 10-лѣтней давности на право судебной защиты (2 Общ. Собр. 1877 г., д. Штернберга съ Ллойдомъ, Носенко т. I, № 294).

436. Если въ полисѣ указано, что отвѣтственность страховщика продолжается не только на время отъ нагрузки до выгрузки товара, но и до принятія груза, то учиненіемъ разсчета по коносаменту отвѣтственность страховщика не прекращается.

По содержанію апелляціонной жалобы повѣреннаго Русскаго Страхового Общества, обсужденію Правительствующаго Сената подлежитъ, главнымъ образомъ, вопросъ о томъ, *съ какого момента долженъ почитаться окон-*

*) Настоящее дѣло, согласно Высочайшему повелѣнію, было внесено на разсмотрѣніе 2-го Общаго Собранія Правительствующаго Сената, но разрѣшенія не получило въ виду ходатайства Легантини объ оставленіи принесенной имъ Всеподданнѣйшей жалобы безъ разсмотрѣнія.

ченнымъ договоръ перевозки, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекращенной и отвѣтственность страховщика груза. По мнѣнію апеллятора, въ настоящемъ случаѣ договоръ перевозки оконченъ былъ учиненіемъ разсчета по коносаменту и полученіемъ права вывезти грузъ. Это мнѣніе Правительствующій Сенатъ, при обстоятельствахъ настоящаго дѣла, не можетъ признать правильнымъ. Ссылка апеллятора на общія положенія закона и разъясненія Правительствующаго Сената относительно договора перевозки не имѣютъ примѣненія къ настоящему случаю, въ виду особыхъ условій, напечатанныхъ какъ на страховомъ полисѣ, такъ и на коносаментахъ, на основаніи каковыхъ условій и былъ заключенъ настоящій договоръ. По соглашенію, изложенному на лицевой сторонѣ страхового генеральнаго полиса № 139, настоящее страхованіе было заключено, на основаніи ст. 321—588 Уст. Торг. т. XI Св. Зак., съ примѣненіемъ, въ непредвидѣнныхъ случаяхъ, Гамбургскихъ общихъ морскихъ правилъ 1867 г. и указанныхъ въ полисѣ особыхъ условій. Согласно же всѣмъ этимъ правиламъ (§ 1 дополн. усл. § 73 Гамб. прав. и дополн. и изм. къ ней), при страхованіи по Черному морю отвѣтственность страховщика продолжается не только на время отъ нагрузки до выгрузки съ судна, но и во время нахожденія на берегу, въ мѣстѣ назначенія, причемъ за пожарный убытокъ онъ отвѣчаетъ въ теченіе 10 дней со дня выгрузки, если не послѣдовало принятія груза. Что же касается того, что слѣдуетъ понимать подъ принятіемъ груза, то по силѣ § 8 условій представленныхъ коносаментовъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли № 325 и 405, на основаніи которыхъ грузъ былъ принятъ къ перевозкѣ и слѣдовалъ, при полученіи груза отправитель обязанъ уплатить обществу всѣ платежи и сборы и возвратить подлинный коносаментъ, въ удостовѣреніе принятія груза. Такимъ образомъ, для принятія груза недостаточно, вопреки мнѣнію апеллятора, производства разсчета по коносаменту, но необходимо возвращеніе послѣдняго при взятіи груза. Между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ коносаментъ оказался на рукахъ у получателя, а грузъ не взятымъ, въ виду закрытія пакгаузовъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли по причинѣ возникновенія безпорядковъ. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ находитъ, что принятіе груза не послѣдовало. При такомъ же положеніи вступаетъ въ силу условіе страхового полиса о продолженіи отвѣтственности страховщика въ теченіе десяти дней послѣ выгрузки, которая послѣдовала, какъ удостовѣряетъ Русское Общество Пароходства и Торговли въ письмѣ отъ 27 августа 1905 г., для одного груза 9 іюня, а для другого 13 іюня 1905 г., т. е. отвѣтственность прекращалась 19 и 23 іюня; грузъ же, какъ не оспаривается апелляторомъ, погибъ въ ночь съ 15 на 16 іюня, т. е. именно въ теченіе этихъ десяти дней, притомъ отъ обусловленной полисомъ причины, а именно пожара. Второй доводъ апеллятора о томъ, что торговый домъ К. Сармакешевъ съ Бр., какъ страхователь, который, въ качествѣ возчика, отвѣтствуетъ передъ товаро-

хозяиномъ не далѣе времени предоставленія груза въ обладаніе получателя представляется несостоятельнымъ, т. к. при разрѣшеніи вопроса объ отвѣтственности страховщика въ изложенномъ смыслѣ моментъ окончанія договора перевозки и прекращенія отвѣтственности страховщика совпадаютъ. По приведеннымъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ рѣшеніе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда отъ 17 ноября 1908 г. оставилъ въ силѣ (1911 г., № 583).

437|297. Коль скоро между извѣстными лицами существуютъ по опредѣленному предмету дѣловыя сношенія, въ предѣлахъ коихъ и дѣлается то или другое предложеніе, то молчаніе лица, получившаго предложеніе и немедленно не отвѣтившаго на него, почитается за согласіе его на таковое. Заключеніе договора страхованія посредствомъ обмѣна телеграммъ. Неуплата преміи и непередача полиса не лишаетъ страховой договоръ силы. Неподтвержденіе акта о гибели присягою, при отсутствіи опорочивающихъ содержаніе его данныхъ, не влечетъ за собою недѣйствительности онаго.

Разсмотрѣвъ наст. дѣло и обращаясь прежде всего къ обсужденію возраженій апеллятора по вопросу о томъ, можетъ ли быть страховой договоръ между истцомъ Берштейномъ и отвѣтчикомъ обществомъ „Русскій Ллойдъ“ признанъ окончательно заключеннымъ посредствомъ произошедшаго между ними обмѣна телеграммъ, Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ видно изъ дѣла, агентъ страхового общества „Русскій Ллойдъ“ Пантъ, получивъ 1 октября 1882 г. отъ Берштейна телеграмму объ отправкѣ отъ села Комарова четырехъ галеръ, нагруженныхъ 1.800 мѣшками пшеницы, вѣсомъ 12.000 пуд., съ предложеніемъ принятія обществомъ на страхъ означеннаго груза по 1 руб. 10 коп. за пудъ и съ просьбою, какъ то усматривается изъ объясненія самого повѣреннаго общества, о высылкѣ полиса „отъ сегодня“, на эту телеграмму отвѣтилъ телеграммою отъ того же 1 октября „полисъ 1.800 мѣшковъ вышлю, страхую только по 1 руб. пудъ“. По объясненію повѣреннаго общества эта телеграмма Панта, какъ заключающая въ себѣ измѣненіе условій страхованія, предложенныхъ Берштейномъ, должна почитаться за новое предложеніе, а такъ какъ о принятіи такового со стороны послѣдняго извѣщенія не послѣдовало, то, по мнѣнію просителя, не могло быть и рѣчи о состоявшемся соглашеніи. Но подобный доводъ просителя не можетъ быть признанъ, по обстоятельствамъ дѣла, заслуживающимъ уваженія. Одно то обстоятельство, что Берштейнъ не отвѣтилъ на телеграмму Панта, само по себѣ, въ данномъ случаѣ не можетъ служить

достаточнымъ основаніемъ къ признанію соглашенія о страхованіи несостоявшимся. Изъ телеграммы этой несомнѣнно явствуетъ, что на предложеніе Берштейна о застрахованіи въ обществѣ его товара, т. е. о самомъ предметѣ договора слѣдовало согласіе со стороны представителя общества Панта, причемъ послѣдній извѣщаетъ только, что „страхуетъ по рублю пудъ“, а не по 1 р. 10 к., какъ просилъ Берштейнъ. Въ виду сего и не говоря уже о томъ, что буквальный смыслъ приведенной телеграммы Панта въ связи съ первоначальною телеграммою Берштейна (полисъ вышлю, страхую только по рублю за пудъ), самъ по себѣ, не носилъ характера предложенія и не предполагалъ вовсе необходимости, въ случаѣ согласія Берштейна на пониженіе страховой суммы, какого-либо съ его стороны отвѣта, такъ какъ товаръ, согласно этой телеграммѣ, страхуется и полисъ высылается,—если даже и смотрѣть на эту телеграмму, какъ на новое предложеніе со стороны Панта (относительно только, разумѣется, цѣны страхованія), то и въ такомъ случаѣ оставленіе ея Берштейномъ безъ отвѣта не могло бы имѣть приписываемаго ему просителемъ значенія, такъ какъ разъ между извѣстными лицами существуютъ по опредѣленному предмету дѣловыя сношенія, въ предѣлахъ коихъ и дѣлается то или другое предложеніе, — существованіе же такихъ отношеній между Берштейномъ и агентомъ общества „Русскій Ллойдъ“, Пантомъ, по предмету страхованія послѣднимъ товаровъ перваго по дѣлу вполнѣ установлено,—то въ такомъ случаѣ молчаніе лица, получившаго предложеніе и немедленно не отвѣтившаго на него, по теоріи права, почитается за согласіе его на таковое. Въ настоящемъ же случаѣ отвѣтъ Берштейна, при несогласіи его на предложенное Пантомъ условіе, представляется тѣмъ болѣе необходимымъ въ виду срочности самой сдѣлки, долженствовавшей быть заключенною уже въ день отсылки Пантомъ его телеграммы, ибо выраженіе этой послѣдней „полисъ вышлю“ заключаетъ въ себѣ отвѣтъ на просьбу Берштейна выслать полисъ „отъ сегодня“. Независимо отъ изложенныхъ соображеній, то обстоятельство, что самъ представитель страхового общества, Пантъ, считалъ договорныя отношенія съ Берштейномъ по страхованію спорнаго товара вполнѣ установившимися, подтверждается впрочемъ и послѣдующими обнаруживающимися изъ дѣла дѣйствіями его. Такъ, имъ, не взирая на неполученіе отъ Берштейна какихъ либо дальнѣйшихъ извѣщеній, изготовляется самый полисъ, представленный повѣреннымъ отвѣтчика при апелляціи, въ которомъ прямо говорится, что предложеніе Берштейна (за неимѣніемъ же въ дѣлѣ какихъ либо другихъ предложеній, очевидно, предложеніе, выраженное въ телеграммѣ его отъ 1 октября) принято и выражены всѣ надлежащія условія страхованія, затѣмъ въ письмѣ отъ 7 октября 1882 г. онъ, Пантъ, извѣщаетъ, между прочимъ, Берштейна, что потопленіе его галеръ случилось на стоянкѣ въ ночь съ 1 на 2 октября, а такъ какъ Берштейну извѣстно изъ прежнихъ полисовъ, что страхованіе начинается лишь съ момента отвала галеръ, а не съ момента нагрузки ихъ, то и происшедшій убытокъ не можетъ

быть отнесенъ на счетъ общества. Такимъ образомъ въ этомъ письмѣ агентъ общества и послѣ послѣдовавшаго уже крушенія не отрицаетъ принятія имъ на страхъ товара Берштейна и оспариваетъ лишь обязанность общества вознаградить Берштейна по обстоятельствамъ крушенія за убытки, понесенные послѣднимъ отъ гибели галеръ. Наконецъ по дѣлу обнаруживается, что именующій себя агентомъ по довѣренности общества „Русскій Ллойдъ“ и подписавшій за Панта, какъ видно изъ представленныхъ повѣреннымъ истца при объясненіи на апелляцію полисовъ отъ 29 и 30 августа 1882 г., полисы „Русскаго Ллойда“, Коганъ, принялъ затонувшій, спорный въ наст. дѣлѣ товаръ Берштейна (застрахованный въ обществѣ, какъ сказано въ росписке Когана) въ свое распоряженіе и продалъ его за 526 руб. Зельману Гуну. Приведенныя обстоятельства съ очевидностью показываютъ, что самъ агентъ страхового общества „Русскій Ллойдъ“ Пантъ, считалъ свой отвѣтъ на телеграмму истца отъ 1 октября 1882 г. окончательно установившимъ договорныя отношенія съ Берштейномъ по предмету страхованія спорнаго груза послѣдняго, не требовавшимъ еще какихъ-либо дальнѣйшихъ по сему предмету подтвержденій. По симъ основаніямъ и принимая во вниманіе: 1) что возраженіе повѣреннаго отвѣтчика о томъ, что договоръ не можетъ быть признанъ заключеннымъ уже потому, что не было вопреки ст. 2199 т. X ч. I условлено относительно преміи, оставшейся со стороны Берштейна неуплаченною, не заслуживаетъ уваженія какъ въ виду того, что, судя по имѣющимся въ дѣлѣ даннымъ, а именно счету отъ 12 сентября 1882 г. и письмамъ Панта на имя Берштейна, между послѣдними установились такія по страхованію товаровъ отношенія, согласно которымъ премія за страховку товара, сторонамъ уже извѣстная, уплачивалась не только не при самомъ заключеніи договора, но даже и по окончаніи срока такового, такъ и въ особенности въ виду того, что хотя въ отвѣтной своей телеграммѣ Пантъ не упоминаетъ ни слова о размѣрѣ преміи, онъ тѣмъ не менѣе вычислилъ таковую въ нынѣ представленномъ къ дѣлу со стороны повѣреннаго отвѣтчика заготовленномъ по спорному страхованію полисѣ; 2) что независимо отъ сего и по смыслу самыхъ правилъ, помѣщенныхъ на полисахъ (§ 4), премія вообще уплачивается лишь по заключеніи договора страхованія и если потребуется полисъ, то по выдачѣ такового; 3) что, засимъ, то обстоятельство, что полисъ не былъ своевременно врученъ истцу, хотя согласно телеграммѣ Панта и подлежалъ высылкѣ уже 1 октября, какъ зависѣвшее исключительно отъ усмотрѣнія самого отвѣтчика, на разрѣшеніе самаго вопроса о фактѣ застрахованія и вытекающихъ отсюда правъ истца никакого существеннаго вліянія имѣть не можетъ,—Прав. Сенатъ находитъ, что Ком. Судъ вполнѣ правильно и согласно съ обстоятельствами дѣла призналъ, что договорныя отношенія сторонъ по предмету страхованія товара Берштейна должны почитаться вполнѣ установившимися на основаніи телеграммы Панта отъ 1 октября 1882 г. и что посему всѣ возраженія повѣреннаго общества „Рус-

скій Ллойдъ“ по сему предмету должны быть признаны неуважительными. Обращаясь, засимъ, къ указаніямъ апеллятора на то, что искъ Берштейна представляется неподкрѣпленнымъ надлежащими доказательствами, требуемыми полисными условіями, Прав. Сенатъ не можетъ не признать таковыя, равнымъ образомъ, по имѣющимся въ дѣлѣ даннымъ незаслуживающими уваженія. Объясненіе апеллятора объ отправкѣ Берштейномъ 1 октября 1882 г. болѣе 4 галеръ и о гибели именно незастрахованныхъ галеръ, какъ голословное, лишено всякаго основанія; требованіе же отъ истца доказательствъ въ опроверженіе этого объясненія не можетъ быть принято во вниманіе, ибо отъ противной стороны по закону нельзя требовать доказательствъ въ опроверженіе бездоказательныхъ доводовъ другой стороны и притомъ доказательствъ въ подтвержденіе отрицательныхъ фактовъ. Возраженіе апеллятора о томъ, что галеры истца, вопреки §§ 7 и 12 полисныхъ условій были остановлены при отсутствіи причинъ, указанныхъ въ § 7 условій, представляется неуважительнымъ потому, что, по точному содержанію приведеннаго § 7 условій, остановка на пути не допускается лишь для распродажи товаровъ, а также для догрузки или выгрузки, но въ немъ не содержится вовсе запрещенія ночевки судовъ на удобномъ мѣстѣ, какъ это было въ данномъ случаѣ, въ особенности же въ виду свирѣпствовавшей въ ту ночь бури; наконецъ указаніе апеллятора на неполное соотвѣтствіе акта о гибели галеръ съ § 13 полисныхъ условій вслѣдствіе неподтвержденія содержанія онаго присягою, само по себѣ, въ виду отсутствія въ дѣлѣ всякихъ другихъ на то данныхъ и какихъ либо указаній просителя на несогласіе этого, составленнаго мѣстною властью и содержащаго въ себѣ требуемыя тѣмъ § свѣдѣнія акта съ дѣйствительностью, не можетъ служить достаточнымъ поводомъ къ отмѣнѣ постановленнаго по дѣлу Ком. Судомъ рѣшенія. По всѣмъ симъ основаніямъ и принимая во вниманіе: 1) что возраженія апеллятора противъ цифры иска на томъ основаніи, что по полису мѣшокъ пшеницы опредѣленъ въ 6 пуд., а не въ $6^2/_3$, неуважительно, такъ какъ въ своей телеграммѣ отъ 1 октября 1882 г. агентъ общества не возражалъ противъ вѣса застрахованныхъ 1.800 мѣшковъ и показанныхъ въ предложеніи Берштейна, въ отвѣтъ на которое послѣдовала означенная телеграмма, въ $6^2/_3$ пуда каждый, самый же полисъ, какъ составленный уже послѣ крушенія, за доказательство противнаго принятъ быть не можетъ; 2) что требованіе отвѣтчика о вычетѣ изъ исковой суммы какъ полученныхъ истцомъ отъ продажи его товара 400 руб., такъ и суммы преміи не представляются уважительными, ибо съ одной стороны, какъ видно изъ искового прошенія, Берштейнъ вычелъ уже изъ денегъ, взыскиваемыхъ имъ съ общества означенные 400 руб., а съ другой стороны требованіе отвѣтчика о вычетѣ суммы преміи не можетъ подлежать удовлетворенію въ наст. производствѣ, какъ не надлежаще заявленное,—Прав. Сенатъ рѣшеніе СПБ. Ком. Суда оставилъ въ силѣ (1886 г., № 145).

438|298. Доказательствомъ морского страхованія можетъ служить только полисъ или замѣняющій его документъ. Комиссіонеръ по страхованію можетъ отвѣчать лишь за убытки отъ неисполненія имъ порученія застраховать товаръ, а не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности въ качествѣ страховщика.

Приступая къ обсужденію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что искъ Кандинской, слагающійся изъ 2.332 руб. 26 коп. убытковъ, понесенныхъ истицею отъ подмочки части ея чаевъ, застрахованныхъ, по ея заявленію, отъ всякаго риска въ пути у торговаго дома „К. Матвѣевъ и К°“ и изъ 386 руб. 40 коп. расходовъ по составленію надлежащихъ цертификатовъ и вообще выясненію означенныхъ убытковъ, предъявленъ къ торговому дому въ качествѣ страховщика чаевъ, и въ этомъ именно смыслѣ присужденъ Московскимъ Ком. Судомъ; между тѣмъ торговый домъ, какъ въ Ком. Судѣ, такъ и въ апелляціонной жалобѣ Прав. Сенату доказываетъ, что онъ страховщикомъ чаевъ Кандинской не состоялъ, а былъ лишь комиссіонеромъ ея по страхованію чаевъ въ Англійскомъ Ллойдѣ и личной отвѣтственности за убытки Кандинской отъ подмочки застрахованныхъ чаевъ не несетъ. Какъ видно изъ объясненій обѣихъ тяжущихся сторонъ, между сторонами какихъ-либо письменныхъ договоровъ по поводу страхованія чаевъ Кандинской заключено не было, а всѣ ихъ переговоры и соглашенія, относящіеся до сихъ чаевъ, изложены исключительно въ ихъ корреспонденціи, значительная часть коей представлена сторонами къ дѣлу и должна быть положена въ основаніе при обсужденіи характера и свойства юридическихъ отношеній тяжущихся. При такомъ положеніи дѣла и имѣя въ виду: 1) что морское страхованіе заключается путемъ составленія особаго письменнаго договора, именуемаго полисомъ, который долженъ содержать въ себѣ цѣлый рядъ указанныхъ въ законѣ условій и въ томъ числѣ точное показаніе страхуемаго имущества, его состоянія и цѣны (ст. 538 и прим. 550, 551 Уст. Торг., изд. 1893 г.); 2) что таковой полисъ не можетъ быть замѣненъ корреспонденціею, въ которой лишь въ общихъ выраженіяхъ говорится о страхованіи чаевъ Кандинской на пути изъ Ханькоу въ Москву и о цѣнахъ такого страхованія, безъ всякаго обозначенія какъ количества и стоимости чаевъ, такъ и времени ихъ отправки изъ Ханькоу,—Прав. Сенатъ находитъ, что уже одно формальное основаніе, т. е. отсутствіе полиса или замѣняющаго оный документа о страхованіи торговымъ домомъ чаевъ Кандинской лишаетъ возможности признать въ настоящемъ случаѣ отношенія Кандинской къ торговому дому „К. Матвѣевъ и К°“ отношеніями страхователя къ страховщику и обсуждать искъ Кандинской съ точки зрѣнія договора морского страхованія. Но входя въ ближайшее разсмотрѣніе и

имѣющейся въ дѣлѣ корреспонденціи сторонъ въ полной ея совокупности и имѣя въ виду, что отношенія сторонъ по страхованію чаевъ Кандинской, усматриваемыя изъ объясненій сторонъ, а равно изъ заявленія повѣреннаго Кандинской, Львова, въ засѣданіи Прав. Сената, были совершенно тождественны какъ въ 1890 г., такъ и въ предшествующіе 1888 и 1889 г.г., нельзя не придти къ заключенію о правильности утвержденія апеллятора, что торговый домъ былъ не страховщикомъ чаевъ Кандинской на пути изъ Ханькоу въ Москву, а только комиссіонеромъ Кандинской при страхованіи этихъ чаевъ въ Англійскомъ Ллойдѣ. Это въ особенности наглядно выясняется изъ представленныхъ при апелляціи писемъ, относящихся въ 1888 и 1889 г.г. При письмѣ изъ Лондона отъ 2/14 марта 1888 г. торговый домъ „К. Матвѣевъ и К°“ сообщаетъ Кандинской „списокъ премій, объявленныхъ здѣсь на чаи, идущіе изъ Китая въ Россію, на 1888 г.“ и, извѣщая ее о возможности открыть предварительное страхованіе, въ заключеніе пишетъ: „въ случаѣ, если Вы почтите насъ приказомъ на страхованіе, то мы учинимъ таковое у Ллойда, или у первоклассныхъ англійскихъ обществъ“. Отвѣчая на это письмо, Кандинская, письмомъ отъ 5 мая 1888 г., проситъ торговый домъ, согласно сообщенныхъ ей премій, открыть предварительное страхованіе ея чаевъ и „въ нынѣшнемъ году“, а въ письмѣ отъ 21 января 1889 г., оспаривая правильность поставленныхъ ей въ счетъ страховыхъ премій за чаи отправки 1888 г., указываетъ, что торговый домъ не считалъ въ ея пользу того, что долженъ былъ получить съ страховщиковъ. Эти письма показываютъ, что за 1888 г. страховщикомъ чаевъ Кандинской состоялъ не торговый домъ „К. Матвѣевъ и К°“, а третье лицо, торговый же домъ являлся лишь посредникомъ между ними и Кандинскою какъ по заключенію страхованія, такъ и по полученію денегъ. То же заключеніе для 1889 г. вытекаетъ изъ письма Кандинской отъ 7 ноября 1889 г., въ коемъ она проситъ торговый домъ получить съ страховщиковъ и записать въ кредитъ ея счета у торговаго дома 33 ф. стерл. 8 ш. 1 п., слѣдующіе ей по разсчету, за подмочку части застрахованныхъ чаевъ, и, въ заключеніе, проситъ торговый домъ увѣдомить ее о суммѣ, слѣдуемой ей съ страховщиковъ. Отвѣчая на это письмо $\frac{\text{25 декабря 1889 г.}}{\text{6 января 1890 г.}}$, торговый домъ препроводилъ Кандинской разсчетъ слѣдующей ей суммы 38 ф. 11 ш. 11 п., въ коемъ значится, что торговый домъ долженъ Кандинской „за вознагражденіе, полученное съ страховщиковъ по частной аваріи на чай, отправленный пароходомъ изъ Ханькоу въ Одессу, поврежденный морскою водою“. Наконецъ, отношенія сторонъ по страхованію чаевъ Кандинской въ пути въ 1890 г., т. е. по той сдѣлкѣ, которая лежитъ въ основаніи настоящаго встрѣчнаго иска Кандинской къ торговому дому, понимались контрагентами также въ смыслѣ отношеній комиссіонныхъ, а не страховыхъ, какъ это видно изъ относящихся къ сему періоду писемъ обоихъ контрагентовъ. Въ письмѣ 5 мая 1890 г. Кандинская, спрашивая торговый домъ о размѣрѣ страховыхъ премій, выражаетъ намѣреніе

дать торговому дому „порученіе на страховку“, согласно чему и торговый домъ въ отвѣтномъ письмѣ своемъ 10/22 мая 1890 г. говоритъ также о намѣреніи Кандинской страховать свой чай въ пути „чрезъ посредство“ торговаго дома; впослѣдствіи, послѣ уже оказавшейся подмочки чаевъ, Кандинская въ письмѣ торговому дому отъ $\frac{21 \text{ ноября}}{3 \text{ декабря}}$ 1890 г. прямо говоритъ: „всѣ мои чаи были въ настоящемъ году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, застрахованы черезъ ваше посредство въ Англійскомъ Ллойдѣ изъ Ханькоу до Москвы“. Такой же взглядъ на участіе торговаго дома въ страхованіи ея чаевъ Кандинская высказываетъ и въ письмахъ своихъ торговому дому отъ 14/24 ноября 1890 г. и 4/16 марта 1891 г., а въ письмѣ отъ 6 сентября 1891 г. изъявляетъ свое согласіе на вычетъ изъ суммы, имѣющей получиться за попорченные товары, дополнительныхъ расходовъ по полученію вознагражденія за убытки въ размѣрѣ около 14% убытковъ. Усматривая, такимъ образомъ, изъ приведенныхъ данныхъ, что торговый домъ „К. Матвѣевъ и К°“ не состоялъ страховщикомъ тѣхъ чаевъ, убытки отъ подмочки коихъ въ пути составляютъ предметъ настоящаго иска Кандинской, а былъ лишь комиссіонеромъ по страхованію этихъ чаевъ въ Англійскомъ Ллойдѣ, Прав. Сенатъ находитъ, что Московскій Ком. Судъ не имѣлъ законнаго основанія присуждать Кандинской съ торговаго дома настоящій ея искъ, основываемый ею именно на договорѣ страхованія, и что засимъ рѣшеніе суда по означенному предмету должно быть отмѣнено и Кандинской въ настоящемъ ея искѣ отказано. Но этимъ Кандинская не лишается права, буде полагаетъ, что неполученіе ею должнаго страхового вознагражденія за подмоченные чаи отъ страховщика оныхъ, Англійскаго Ллойда, имѣло мѣсто по винѣ торговаго дома „К. Матвѣевъ и К°“, какъ комиссіонера, неисполнившаго въ точности порученія своего коммитента при самомъ страхованіи или впослѣдствіи, убытки, отъ сего понесенные, доказывать и взыскивать съ торговаго дома на общемъ законномъ основаніи, отъ дѣла сего особо. На основаніи всего изложеннаго и не входя нынѣ въ обсужденіе вопроса о сихъ убыткахъ Кандинской по существу, Прав. Сенатъ, въ отмѣну рѣшенія Московскаго Ком. Суда въ искѣ купчихи Кандинской къ торговому дому „К. Матвѣевъ и К°“ въ суммѣ 2.718 р. 66 к. отказалъ (1895 г., № 1278).

439. Страховщикъ, принявшій на страхъ товаръ, который въ качествѣ ввознаго, подлежитъ оплатѣ пошлиной, несетъ, въ случаѣ гибели груза, отвѣтственность какъ за самый грузъ, такъ и за пошлину, за него уплаченную.

Товарищество Петра Боткина сыновья предъявило къ страховому обществу „Россія“ искъ въ 28.085 р. 11 к., составляющихъ страховую стоимость

пошлины на 660 мѣстъ чая, сгорѣвшаго во время народныхъ волненій изъ партіи въ 2.068 мѣстъ, шедшей по пути изъ Одессы въ Ростовъ-на-Дону и застрахованной по генеральному полису № 2546/567 и объявленію за № 103473. Рѣшеніемъ Коммерческаго Суда искъ товарищества признанъ подлежащимъ удовлетворенію. Въ принесенной на это рѣшеніе Коммерческаго Суда апелляціонной жалобѣ Правительствующему Сенату доводы апеллятора, страхового общества „Россія“, сводятся къ тремъ основнымъ положеніямъ: 1) въ предварительномъ объявленіи, по коему былъ принятъ на страхъ чай товарищества, не указано, чтобы чай этотъ былъ принятъ на страхъ съ рискомъ отъ мятежа и возстанія; 2) письмо общества „Россія“ отъ 28 марта 1905 г., коимъ общество приняло на себя страхованіе отъ мятежа и возстанія, чаевъ истца, относится лишь къ пункту первому генеральнаго полиса и поэтому имѣетъ въ виду лишь страхованіе самаго чая, а не пошлины, и 3) окончательное объявленіе по погибшему чаю, въ коемъ включено страхованіе его отъ мятежа и возстанія, не имѣетъ значенія въ настоящемъ дѣлѣ. Обращаясь къ обсужденію указаній апеллятора въ связи съ обстоятельствами дѣла, Правительствующій Сенатъ усматриваетъ, что невключеніе въ предварительное объявленіе № 103473, по коему были приняты погибшіе въ Одессѣ 660 мѣстъ чая, особаго условія о спеціальномъ рискѣ общества „Россія“ въ случаѣ гибели товара отъ мятежа и возстанія, не существенно для дѣла. Самъ апелляторъ, какъ видно изъ пункта второго апелляціонной жалобы, признаетъ, что чай товарищества Петра Боткина сыновья былъ принятъ „конечно на условіяхъ полиса“; *согласно же генеральному полису и дополнительному къ нему письму страхового общества „Россія“ отъ 28 марта 1905 г.,—общество „Россія“ приняло на себя отвѣтственность предъ товариществомъ за рискъ отъ бунта и мятежа* [1]); изъ этого слѣдуетъ заключить, что всѣ грузы товарищества, составляющіе предметъ полисныхъ условій и отправленные по вышеозначенному полису, были приняты обществомъ на страхъ съ отвѣтственностью за рискъ въ случаѣ мятежа и возстанія; на иныхъ условіяхъ грузы эти и не могли быть приняты на страхъ обществомъ, такъ какъ это противорѣчило бы условіямъ полиса; въ виду сего и не было надобности товариществу особо ни въ предварительномъ, ни въ окончательномъ объявленіи еще разъ оговаривать какія-либо условія страхованія, а необходимо было указать въ объявленіяхъ лишь количество груза, по данному объявленію страхуемаго, и путь его слѣдованія, такъ какъ объявленія эти вовсе не составляли самостоятельныхъ сдѣлокъ въ формѣ предлагаемаго страхованія, въ отвѣтъ на которыя имѣли послѣдовать волеизъявленія общества въ опредѣленной формѣ. Правильность этого положенія подтверждается уже однимъ тѣмъ, что общество не ссылалось на какіе-либо акты (предварительныя квитанціи или

---

[1]) Ср. дѣло 1909 г., № 1941—при другихъ обстоятельствахъ.

полисы), въ которыхъ выразилось бы его отвѣтное на подачу объявленій распоряженіе общества. Заключеніе это не находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что въ текстѣ печатнаго бланка объявленій содержится особая рубрика „условіе“, такъ какъ изъ того, что въ бланкѣ объявленій пропечатано слово „условіе“ не слѣдуетъ еще, что товарищество Петра Боткина сыновья обязано было уже выговоренное въ генеральномъ полисѣ условіе страхованія вновь повторять въ объявленіи. Также не существенно, что въ генеральномъ полисѣ содержатся лишь общія условія страхованія, примѣняемыя въ той или другой комбинаціи въ зависимости отъ индивидуальныхъ признаковъ каждаго даннаго случая страхованія, такъ какъ принятый обществомъ на себя рискъ въ случаѣ пожара застрахованнаго товара отъ мятежа и возстанія, примѣнимъ ко всѣмъ безъ исключенія грузамъ, идущимъ по данному генеральному полису. Ссылка же повѣреннаго общества на то, что между сторонами систематически и совершенно послѣдовательно практиковалась запись въ рубрикѣ „условіе“ предварительнаго объявленія и страхованія съ рискомъ отъ возстанія, не имѣетъ значенія, такъ какъ такая запись не была обязательна для товарищества и представляла собой лишь повтореніе полисныхъ условій, лишенное какого-либо юридическаго значенія. Въ виду сего нельзя сомнѣваться въ томъ, что всѣ товары, составлявшіе предметъ полисныхъ условій № 2546/567, а потому и пошлина на сгорѣвшія 660 мѣстъ чая, буде она составляла предметъ этихъ условій, были застрахованы, вопреки мнѣнію апеллятора, съ возложеніемъ на общество риска отъ мятежа и возстанія. Переходя посему къ разрѣшенію вопроса, составляетъ-ли пошлина на чай предметъ полисныхъ условій и въ связи съ этимъ останавливаясь на указаніи апеллятора, что письмо общества „Россія“ отъ 28 марта 1905 г. относится лишь къ пункту первому генеральнаго полиса, трактующаго о „грузахъ чая“, а не о пошлинѣ,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что для дѣла безразлично, относится-ли письмо къ пункту первому или ко всему содержанію генеральнаго полиса: выраженія въ генеральномъ полисѣ „чай“, а въ пунктѣ первомъ его „грузы чая“ обнимаютъ не только чай въ тѣсномъ смыслѣ, но и ту пошлину, которой онъ подлежитъ оплатѣ при ввозѣ въ Россію; послѣднее съ особой ясностью видно изъ сопоставленія пункта перваго полиса съ пунктомъ десятымъ; въ первомъ пунктѣ указывается родъ товара, который является предметомъ договора, въ пунктѣ же десятомъ полиса перечисляются „преміи за страхованіе чая“, т. е. преміи за страхованіе предметовъ, перечисленныхъ въ пунктѣ первомъ полисныхъ условій, причемъ подъ буквой Е этого раздѣла говорится о страхованіи пошлины, откуда съ несомнѣнностью слѣдуетъ заключить, что выраженіе „страхованіе груза чая“, о коемъ говорится въ пунктѣ первомъ полисныхъ условій, обнимаетъ собою и страхованіе пошлины на этотъ чай. Послѣднее обстоятельство, какъ правильно указываетъ Коммерческій Судъ, подтверждается также тѣмъ, что самъ апелляторъ не отрицаетъ принятія обще-

ствомъ „Россія“ на страхъ пошлины по объявленію за № 103473, а также признаетъ, что страхованіе принято на основаніи генеральнаго полиса № 2546/567, т. е. самъ апелляторъ признаетъ предметомъ страхованія по спорному генеральному полису также пошлину на чай; предметъ же страхованія въ генеральномъ полисѣ указанъ въ одномъ только пунктѣ первомъ подъ названіемъ „грузы чая“. Въ виду сего заключеніе Коммерческаго Суда, что съ рискомъ отъ мятежа и возстанія была застрахована товариществомъ пошлина на чай, является совершенно правильнымъ. Этотъ выводъ не можетъ быть поколебленъ ссылкою апеллятора на то, что согласно пункту второму полиса, чай страхуется въ суммѣ фактурной стоимости и фрахта, и что по заявленію апеллятора въ фактурную стоимость пошлина не входитъ, такъ какъ послѣднее заявленіе ничѣмъ не подтверждено, и какъ голословное, не заслуживаетъ уваженія. Также не имѣетъ значенія, что маршрутъ отъ Одессы до Ростова-на-Дону, по коему шелъ грузъ, не предусмотрѣнъ полисомъ, такъ какъ грузъ могъ бы быть принятъ на страхъ лишь по спорному полису. Независимо отъ сего нельзя не обратить вниманіе на то, что такъ какъ всѣ грузы чая, какъ товара по свойству своему вывознаго изъ Китая, оплачиваются пошлиною, то въ п. 1 генеральнаго полиса и не было надобности упоминать особо о пошлинѣ, какъ составлявшей часть всякаго груза чая, а если о пошлинѣ на данный конкретный чай подавались отдѣльныя объявленія, то объясняется это обстоятельство лишь тѣмъ, что размѣръ пошлины, исчисляемой таможнею по прибытіи груза на мѣсто, не можетъ быть заранѣе извѣстенъ. Что касается, наконецъ, указаній повѣреннаго отвѣтчика въ засѣданіи Правительствующаго Сената на то, что размѣръ страховой преміи не могъ не быть увеличенъ при страхованіи и отъ мятежа и возстанія и вовсе не обозначенъ на оборотѣ объявленій о страхованіи пошлинъ, изъ чего повѣренный отвѣтчика и дѣлаетъ выводъ, что пошлина на условіяхъ, указываемыхъ истцомъ, не была застрахована, а былъ на упомянутыхъ условіяхъ застрахованъ лишь грузъ самаго чая, то въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, во 1-хъ, что совершенно непонятнымъ и ненормальнымъ представлялось бы страхованіе самаго груза чая на однихъ условіяхъ, а пошлины на другихъ, коль скоро пошлина составляла принадлежность того же самаго груза, и, во 2-хъ, отсутствіе въ дѣлѣ какихъ-либо отмѣтокъ общества о размѣрѣ страховой преміи за какой-либо конкретный грузъ при страхованіи по генеральному полису лишено рѣшающаго въ дѣлѣ значенія, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ разсчеты въ преміи могутъ производиться періодически на началахъ текущаго счета. По симъ соображеніямъ и не входя въ обсужденіе оспариваемыхъ апелляторомъ доводовъ истца о значеніи окончательнаго объявленія по погибшимъ 660 мѣстамъ чая, какъ не имѣющаго при настоящемъ положеніи дѣла значенія,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда отъ 6 марта 1907 г. по настоящему дѣлу оставить въ силѣ (1909 г., № 2275).

440. Если подлежавшій уплатѣ со стороны грузоотправителя фрахтъ былъ *застрахованъ* перевозчикомъ *за счетъ грузоотправителя*, то сему послѣднему принадлежитъ право на полученіе изъ страхового вознагражденія суммы *„рефакціи“* (уступки съ цѣны фрахта), хотя бы самый фрахтъ и не былъ имъ уплаченъ перевозчику.

Изъ дѣла видно: въ исковомъ прошеніи купецъ Дунаевскій, объясняя, что имъ было погружено на пароходъ Сѣвернаго пароходнаго общества „князь Горчаковъ“ по коносаментамъ опредѣленное количество груза, по цѣнѣ въ 40 к. за пудофунтъ, при рефакціи въ 10%, и что такъ какъ за означенный грузъ причитается 3.834 р. 70 к. фрахта, то рефакція въ размѣрѣ 10% съ суммы фрахта, составитъ 383 р. 16 к., отъ уплаты коихъ Сѣверное пароходное общество уклоняется,—просилъ взыскать указанную сумму съ Сѣвернаго пароходнаго общества. Съ своей стороны отвѣтчикъ предъявилъ къ Дунаевскому встрѣчный искъ о фрахтѣ въ размѣрѣ 3.837 р. 70 к. Коммерческій Судъ, признавъ за Дунаевскимъ право на рефакцію, въ искѣ отказалъ по *преждевременности* въ виду неокончанія судебнаго спора между Сѣвернымъ пароходнымъ обществомъ съ Россійскимъ Транспортнымъ и Страховымъ обществомъ по поводу застрахованнаго въ семъ послѣднемъ фрахта за грузъ Дунаевскаго. Во встрѣчномъ же искѣ общества къ Дунаевскому судъ отказалъ, въ виду неполученія Д. самаго груза. Правительствующій Сенатъ находитъ, что *подъ рефакціей*, какъ то правильно указываетъ апелляторъ, законъ (ст. 71 Общ. Уст. Росс. жел. дорогъ) подразумѣваетъ уступку, дѣлаемую перевозчиками груза грузоотправителямъ съ фрахта, почему и въ настоящемъ случаѣ подъ понятіемъ рефакціи, обусловленной письмомъ 18 февраля 1906 г., слѣдуетъ разумѣть уступку, обѣщанную обществомъ Дунаевскому съ причитавшагося въ пользу общества фрахта за сданный грузъ. Оспаривая правильность обжалованнаго рѣшенія Коммерческаго Суда, апелляторъ ссылается на то, что грузъ, переданный обществу, погибъ отъ аваріи, что фрахтъ не былъ оплаченъ и что хотя фрахтъ этотъ былъ застрахованъ обществомъ за счетъ владѣльца груза, но застрахованъ онъ былъ исключительно въ интересахъ общества, а не грузоотправителя; въ виду этого, по мнѣнію апеллятора, рефакція, какъ уступка съ фрахта, неуплаченнаго обществу, не можетъ быть требуема впослѣдствіи по полученіи обществомъ страховой преміи, почему Дунаевскому въ искѣ должно быть отказано вообще, но не по преждевременности. Однако съ этимъ выводомъ апеллятора нельзя согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ; самъ апелляторъ не отрицаетъ, что подлежащій оплатѣ грузоотправителемъ во Владивостокѣ фрахтъ полностью былъ, согласно § 19 условій перевозки, застрахованъ Сѣвернымъ пароходнымъ обществомъ, т. е., что

застрахованы были обществомъ и тѣ десять процентовъ, кои общество согласилось выдать Дунаевскому; по общимъ же началамъ страхованія—страховое вознагражденіе, являясь источникомъ покрытія дѣйствительнаго убытка, не можетъ служить къ обогащенію страхователя (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1882 г., №№ 44 и 98; 1884 г., № 114); каковое обогащеніе, несомнѣнно, имѣло бы мѣсто, если бы признать, что и тѣ 10% кои выговорены Дунаевскимъ въ письмѣ 18 февраля 1906 г., общество имѣетъ право удержать въ свою пользу; а такъ какъ такое положеніе вещей противорѣчило бы общимъ началамъ страхованія, то внѣ всякаго сомнѣнія, что пароходное общество не имѣетъ права на страховое вознагражденіе въ размѣрѣ вышеозначенныхъ десяти процентовъ фрахта, и буде получитъ его, должно отдать истцу. Заключеніе это не опровергается тѣмъ, что фрахтъ общество страхуетъ только въ своихъ интересахъ, такъ какъ, получивъ отъ страхового общества вознагражденіе за фрахтъ и выдавъ изъ него 10% Дунаевскому, пароходное общество обезпечиваетъ вполнѣ свои интересы и лишь не обогащается отъ страховой операціи, учиненной притомъ за счетъ владѣльца груза. Такимъ образомъ въ отношеніи главнаго иска обжалованное рѣшеніе Коммерческаго Суда является правильнымъ, а потому не подлежитъ отмѣнѣ. Переходя засимъ къ обсужденію встрѣчнаго иска пароходнаго общества, Правительствующій Сенатъ находитъ таковой неподлежащимъ удовлетворенію по слѣдующимъ соображеніямъ: свои права на полученіе фрахта съ Дунаевскаго апелляторъ основываетъ на § 13 коносамента. Въ этомъ параграфѣ значится: „фрахтовыя деньги причитаются съ момента выдачи коносаментовъ и въ случаѣ, если таковыя не будутъ уплачены..., то фрахтовыя деньги будутъ взыскиваемы при выдачѣ груза“. Изъ этого параграфа условій, въ связи съ тѣмъ, что на лицевой сторонѣ коносамента значится: фрахтовыя деньги должны быть уплачены во Владивостокѣ, нельзя не придти къ тому выводу, что фрахтовыя деньги подлежали взысканію лишь *при выдачѣ груза*. Такимъ образомъ въ томъ случаѣ, какъ и въ настоящемъ дѣлѣ, если фрахтъ не былъ уплаченъ въ мѣстѣ отправки груза, необходимымъ условіемъ для взысканія фрахта является, согласно § 13 условій, выдача груза получателю его. А такъ какъ этой выдачи вслѣдствіе аваріи не было и не можетъ быть произведено, то и не можетъ быть рѣчи о взысканіи съ Дунаевскаго фрахта (рѣш. 19 октября 1895 г., по д. Плюснина). Въ виду сего, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда по настоящему дѣлу оставить въ силѣ (1910 г., № 602).

441|299. Условія отвѣтственности страхового общества за внутреннее поврежденіе застрахованнаго груза.

Принимая во вниманіе: 1) что, какъ видно изъ представленныхъ правилъ Англійскаго Ллойда на полисѣ отъ 20 марта 1901 г., страховое общество не

отвѣчаетъ за порчу товара, происшедшую отъ промедленія въ пути вслѣдствіе порчи машины бурею и т. п., когда грузъ по свойству своему можетъ легко портиться отъ времени, если о томъ въ полисѣ нѣтъ особой оговорки; 2) что и по русскимъ законамъ (п. 8 ст. 590 Уст. Торг.) „страховщикъ не отвѣчаетъ за происшедшіе убытки, если въ полисѣ не сказано иначе, за поврежденіе внутреннее, состоящее въ томъ, когда товаръ отъ свойства своего или отъ ненадлежащей укупорки и укладки или непрочности сосудовъ, въ коихъ содержался, окажется поврежденнымъ, начавшимъ гнить, киснуть или течь безъ наружной къ тому причины“; 3) что оговорки о такомъ исключительномъ страхованіи въ полисахъ отъ $^{2}/_{15}$ марта 1900 г., выданныхъ Филиппову обществомъ „Россія“ въ г. Ревелѣ, не было; 4) что не установлена причинная и непосредственная связь порчи товара съ аваріей парохода, а также подмочка части груза отъ аваріи или перегрузки, что даетъ основаніе предполагать, что товаръ Филиппова (битая дичь) испортился именно вслѣдствіе внутренняго свойства товара; 5) что независимо отъ сего протоколъ осмотра испорченной дичи Филиппова составленъ англійскими властями очень поздно 20 августа 1900 г. далеко спустя время окончанія срока страхованія (24 марта—1 апрѣля 1900 г.), причемъ не удостовѣрено, что экспертиза, произведенная экспертами Бели, Кларксономъ, Кромптономъ и Беркомъ, соотвѣтствуетъ требованіямъ мѣстныхъ англійскихъ законовъ,—Правительствующій Сенатъ утвердилъ рѣшеніе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда объ отказѣ въ искѣ Филиппова съ страхового общества (1904 г., № 1625).

442|300. Отвѣтственность страховщика наступаетъ при доказанности убытка страхователя отъ случившагося во время нахожденія груза на страхѣ общества несчастія, указаннаго въ полисѣ (или при неуказаніи въ полисѣ)—и въ законѣ. Пароходъ, нагруженный рыбою, зашелъ чиниться вслѣдствіе течи, а послѣ такого замедленія въ пути рыба оказалась испорченною; Прав. Сенатъ присудилъ убытки съ страхового общества. Усышка и утечка соленой рыбы по обычаю, установленному экспертами=25% (1901 г., № 2089).

443|301. Гамбургскія правила, изданныя въ 1867 г., неоднократно примѣнялись Прав. Сенатомъ къ дѣламъ о морскомъ страхованіи (29 ноября 1901 г., № 2089; 1891 г., № 1034 и др. ср. также сб. Вильсона I, №№ 209 и 211) *).

При заключеніи страхованія на условіи „свободно отъ поврежденія, кромѣ случая крушенія“, страховщикъ по *Гамбургскимъ* общимъ правиламъ морского

*) Правила эти изданы въ 1881 г.; напечатаны въ Уст. Торг., изд. А. А. Добровольскаго.

страхованія можетъ быть признанъ отвѣтственнымъ въ убыткахъ, происшедшихъ отъ такого несчастнаго случая, который можетъ быть подведенъ подъ понятіе крушенія, установленное § 104 означенныхъ правилъ. При вышеозначенномъ условіи страхованія, страховщикъ, если не было крушенія, является отвѣтственнымъ въ той части убытковъ, которыя составляютъ общую аварію, какъ, напр., выбрасываніе въ море товара, погруженнаго въ трюмѣ (1884 г., Адамановъ сб. Вильсона I, № 211).

ФИЛОТЕКА * Учебного *

444. Коль скоро договоръ страхованія заключенъ съ условіемъ „только за морскую опасность“, то страховщикъ на основаніи Гамбургскихъ правилъ не освобождается отъ отвѣтственности за гибель груза, хотя и обусловленную дѣйствіями воюющихъ сторонъ, но происшедшую по прекращеніи военныхъ дѣйствій.

Обсужденію Правительствующаго Сената въ настоящемъ дѣлѣ подлежитъ вопросъ о правильности рѣшительнаго опредѣленія С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда отъ 5 ноября 1907 г., присудившаго съ Страхового Товарищества „Саламандра“ въ пользу Амгунской Золотопромышленной компаніи 80.483 руб. 12 коп. съ % за грузъ, застрахованный истцомъ у отвѣтчика и погибшій засимъ на пароходѣ „Князь Горчаковъ“ отъ взрыва мины. На это рѣшеніе суда повѣреннымъ вышеназваннаго Товарищества принесена Правительствующему Сенату апелляціонная жалоба, причемъ содержащіеся въ ней доводы сводятся къ тому основному возраженію, что, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ грузъ застрахованъ былъ „только отъ морскихъ опасностей“, то въ силу § 101 примѣнимыхъ къ данному дѣлу Гамбургскихъ общихъ правилъ морского страхованія 1867 г., Товарищество „Саламандра“ не должно быть признано отвѣтственнымъ за убытки, понесенные страхователемъ отъ военной опасности, каковою въ настоящемъ случаѣ явилась мина, заложенная во время военныхъ дѣйствій, но взорвавшаяся послѣ заключенія воевавшими сторонами мира. Изложенныя соображенія жалобщика должны быть, однако, признаны неправильными по слѣдующимъ соображеніямъ: Какъ видно изъ § 10 положеннаго въ основаніе настоящаго иска страхового полиса № 1471, страхованіе груза было заключено „только отъ морскихъ опасностей“ и на условіи по общимъ Гамбургскимъ правиламъ морского страхованія 1867 г. Изъ содержанія же сихъ послѣднихъ усматривается, что по общему правилу морского страхованія, выраженному въ § 69 Гамбургскихъ правилъ, страхованіе считается обезпечивающимъ всѣ риски, если не было сдѣлано особыхъ оговорокъ. Засимъ въ § 101 тѣхъ же правилъ оговорено, что въ тѣхъ, подобныхъ настоящему случаяхъ, когда договоръ заключенъ съ условіемъ „только за морскую опасность“, страховщикъ не отвѣчаетъ

лишь за убытки, „причиненные непосредственно войною“, причемъ далѣе указано, что „въ сомнительныхъ случаяхъ происшедшій убытокъ считается причиненнымъ не отъ опасностей войны“. Въ виду столь ограничительнаго характера приведенной статьи не представляется, вопреки мнѣнію апеллятора, возможнымъ расширять понятіе „убытка, причиненнаго отъ военной опасности“, понимая подъ этимъ не только самыя дѣйствія воюющихъ сторонъ и ихъ послѣдствія, имѣвшія мѣсто во время войны, но и тѣ послѣдствія, которыя произошли по прекращеніи военныхъ дѣйствій и заключеніи сторонами мира. По изложеннымъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ утвердилъ рѣшеніе Коммерческаго Суда (1910 г., № 2708).

445. Тоже. Разсмотрѣвъ дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что оно всецѣло касается морского страхованія, отличающагося и по своимъ условіямъ и по своей цѣли отъ сухопутнаго. Одесскій Коммерческій Судъ искъ Островскаго удовлетворилъ и присудилъ проценты со дня предъявленія иска. На это рѣшеніе суда принесены были Прав. Сенату апелляціонныя жалобы: 1) повѣреннымъ страхового общества, который просилъ объ отмѣнѣ рѣшенія суда, признавая общество не подлежащимъ отвѣтственности за убытки, послѣдовавшіе въ настоящемъ случаѣ, и 2) повѣреннымъ Островскаго, просившимъ о присужденіи истцу процентовъ на присужденную судомъ сумму не со дня предъявленія иска, а со дня установленія размѣра самаго убытка протоколомъ мирового судьи 27 августа 1905 г. Входя въ обсужденіе вопроса о правильности рѣшенія Одесскаго Коммерческаго Суда въ связи съ возраженіями, представленными повѣреннымъ Россійскаго общества, Прав. Сенатъ находитъ, что сущность доводовъ апеллятора сводится къ тому, что страхованіе въ данномъ случаѣ, согласно условіямъ полиса, было заключено по формулѣ „только отъ морскихъ опасностей“, а такое страхованіе, въ силу 101 ст. Гамбургскихъ общихъ правилъ морского страхованія 1867 г., которымъ стороны и судъ обязаны подчиняться и въ силу общихъ условій, напечатанныхъ на оборотѣ полиса, исключаетъ „военную опасность“. Подъ военною же опасностью, въ силу разъясненій императорскаго германскаго суда, въ смыслѣ ст. 101 Гамбургскихъ правилъ и ст. 820 германскаго торговаго уложенія, слѣдуетъ разумѣть опасность не только отъ военныхъ дѣйствій въ тѣсномъ смыслѣ, но и отъ другихъ насильственныхъ дѣйствій. Къ этому апелляторъ добавляетъ, что и въ нашихъ законахъ проводится различіе между безпорядками и преступными дѣйствіями съ мотивами корыстолюбивыми и съ мотивами, не имѣющими этого характера. Въ послѣднемъ случаѣ для подавленія безпорядковъ, вызываемыхъ народными возмущеніями, законнымъ властямъ предоставлено прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, которыя по самому свойству ихъ примѣненія, характеризуются, какъ военныя дѣйствія (прил. къ ст. 316 т. II ч. 1 общ. губ. учр.), а такого рода чрезвычайныя событія, подобно военнымъ дѣйствіямъ, должны, по

мнѣнію апеллятора, служить основаніемъ къ освобожденію страхового общества отъ отвѣтственности въ тѣхъ случаяхъ, когда по договору формулой „только отъ морскихъ опасностей“ война исключается и освобождаетъ общество отъ отвѣтственности. Затѣмъ апелляторъ доказываетъ, что безпорядки, происходившіе въ іюньскіе дни 1905 г. въ Одессѣ, близко граничатъ съ событіями военными, и даютъ полное основаніе къ освобожденію отвѣтчика отъ отвѣтственности въ данномъ дѣлѣ. Наконецъ апелляторъ ссылается на ст. 442 Уст. Кред. (изд. 1857 г.), по которой непріятельскія нашествія, возмущеніе, землетрясеніе и проч. освобождаютъ страховыя общества отъ отвѣтственности.

Обращаясь къ оцѣнкѣ означенныхъ доводовъ апеллятора, Прав. Сенатъ не можетъ признать ихъ заслуживающими уваженія. По точному смыслу 161 ст. Гамбургскихъ правилъ, въ связи съ ст. 69 тѣхъ же правилъ, если договоръ заключенъ съ оговоркой „только отъ морскихъ опасностей“, то страховое общество, не принимая на себя страхъ отъ военныхъ опасностей, отвѣчаетъ за всякій другой рискъ, т. е. (ст. 69) за всѣ случайности, которымъ судно и грузъ подвергаются въ теченіе всего страхового срока, между прочимъ (п. 1 ст. 69) за рискъ отъ стихій и другихъ морскихъ опасностей даже тогда, когда убытки причинены другими факторами, какъ то пожаромъ, и (п. 4) за рискъ отъ пиратства, грабежа и другихъ насильственныхъ дѣйствій. Причемъ въ ст. 101 правилъ точно выражено, что если договоръ заключенъ съ оговоркой „только отъ морскихъ опасностей“, то страховщикъ не отвѣчаетъ лишь за убытки, причиненные непосредственно военными опасностями. Такое исключеніе военныхъ опасностей изъ общаго правила объ отвѣтственности страховщика за всѣ риски, сопряженные съ плаваніемъ и стоянкою въ портѣ, не можетъ подлежать распространительному толкованію и потому слѣдуетъ признать незаслуживающимъ уваженія объясненіе повѣреннаго Россійскаго общества, что довѣритель его въ силу 101 ст. Гамбургскихъ правилъ долженъ быть признанъ свободнымъ отъ отвѣтственности предъ страхователемъ въ данномъ дѣлѣ потому, что хотя несчастіе съ пароходомъ „Вѣра“ произошло не отъ военныхъ дѣйствій въ настоящемъ значеніи этихъ словъ, но отъ народнаго волненія и послѣдовавшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствій, близко граничащихъ съ военными. Ссылка апеллятора на толкованіе ст. 101 Гамбургскихъ правилъ и соотвѣтствующихъ статей германскаго торговаго кодекса, германскимъ высшимъ имперскимъ судомъ, не можетъ быть принята въ уваженіе какъ потому, что по правильному заключенію Ком. Суда, толкованіе закона въ рѣшеніи иностраннаго суда не можетъ имѣть обязательнаго значенія для судовъ Россійской Имперіи, такъ и потому, что приведенное толкованіе, насколько это обнаруживается изъ положеній апеллятора, касается болѣе 2 и 4 п.п. 820 ст. германскаго торговаго уложенія, между тѣмъ какъ настоящій страховой договоръ заключенъ на основаніи Гамбургскихъ правилъ страхованія, причемъ условлено (общія условія полиса), что

этимъ правиламъ обѣ стороны подчиняются и въ отношеніи тѣхъ пунктовъ, коими подлежащія статьи общаго германскаго свода законовъ торговыхъ измѣнены или замѣнены другими постановленіями. По точному смыслу этого постановленія въ случаѣ несоотвѣтствія,—вслѣдствіе замѣны или измѣненія соотвѣтствующихъ статей германскаго торговаго уложенія,—условій полиса Гамбургскимъ правиламъ, для сторонъ остаются обязательными одни Гамбургскія правила. Въ этихъ же послѣднихъ правилахъ, какъ уже указано, опредѣленно выражено (ст. 101), что въ случаѣ, если договоръ заключенъ съ оговоркой „только отъ морскихъ опасностей", то страховщикъ не отвѣчаетъ только за убытки, причиненные военными опасностями, каковыми признаются: конфискація воюющими сторонами, захватъ, поврежденіе, уничтоженіе или разграбленіе военными судами или каперами,—безразлично, принадлежатъ ли или нѣтъ эти суда или каперы воюющимъ державамъ,—расходы, вызванные арестомъ, блокадой порта, въ которомъ судно находится или удаленіемъ изъ блокированнаго порта, или же остановкой вслѣдствіе военныхъ опасностей и за послѣдствія такой остановки и т. д. Изъ приведенныхъ въ ст. 101 Гамб. прав. отдѣльныхъ случаевъ или примѣровъ военныхъ опасностей ясно видно, что подъ военными опасностями разумѣются военныя дѣйствія между двумя воюющими государствами или такія враждебныя дѣйствія между двумя враждующими сторонами, которыя могутъ быть названы войною въ общепринятомъ смыслѣ и повлечь за собою случаи и послѣдствія, указанныя въ означенной 101 статьѣ. Въ настоящемъ дѣлѣ ничего подобнаго не усматривается и къ выводу, что пожаръ на пароходѣ „Вѣра" произошелъ отъ дѣйствій, могущихъ быть признанными военными въ смыслѣ 101 ст. Гамб. правилъ не представляется никакого основанія. Ссылка въ этомъ отношеніи апеллятора на морской протестъ, совершенный 22 іюня 1905 г., оказывается вовсе не подтверждающей дѣлаемые имъ изъ содержанія сего протеста выводы. Изъ протеста видно, что въ теченіе цѣлаго дня 15 іюня происходили въ порту безпорядки, грабежи, пожары и прочія безчинства и около 11 час. ночи толпа бунтовщиковъ навалила на пароходъ, выгнала команду и затѣмъ злодѣи подожгли пароходъ; пароходъ горѣлъ на другой день, причемъ, какъ чернь на баржахъ, такъ и войска препятствовали капитану подъѣхать къ пароходу, который и сгорѣлъ вмѣстѣ съ находившимся на немъ имуществомъ. Описаніе въ протестѣ происходившихъ въ Одессѣ 15 и 16 іюня 1905 г. событій, при которыхъ буйствующей толпой сожженъ былъ пароходъ „Вѣра", причемъ остается неизвѣстнымъ, что собственно изъ имущества сгорѣло и что было разграблено, ясно показываетъ, что событія эти не только не могутъ быть подведены подъ военныя дѣйствія въ смыслѣ ст. 101 Гамбургскихъ правилъ, но даже и подъ тѣ насильственныя дѣйствія, для достиженія политическихъ цѣлей, о которыхъ, согласно изложенію повѣреннаго Россійскаго общества въ апелляціи, говоритъ германскій высшій имперскій судъ въ своемъ толкованіи ст. 820 германскаго тор-

говаго уложенія. Въ этомъ отношеніи нельзя не придать значенія утвержденію, высказанному въ рѣшеніи мѣстнаго Коммерческаго Суда, что пожаръ, происшедшій въ порту, былъ слѣдствіемъ безпорядка, выразившагося въ массѣ безобразныхъ явленій, въ уничтоженіи товаровъ частныхъ лицъ на милліоны, въ хищеніи и грабежахъ. Что касается ссылки апеллятора на ст. 315 и 317 ч. I т. II общ. губ. учр., то статьи эти никакого примѣненія къ разрѣшенію настоящаго дѣла имѣть не могутъ, равно какъ и ст. 442 Уст. Кред., изд. 1857 г., нынѣ отмѣненная и говорившая о сухопутномъ страхованіи. По этимъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ призналъ рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда въ отношеніи присужденія съ Россійскаго общества въ пользу Островскаго капитальной суммы 32.580 р. 80 коп. правильнымъ. Переходя засимъ къ обсужденію ходатайства истца о присужденіи ему % не со дня предъявленія иска, а съ 27 августа 1905 г., Правительствующій Сенатъ призналъ это ходатайство заслуживающимъ уваженія, такъ какъ, по разъясненію Правительствующаго Сената, проценты по всякому иску о денежной претензіи могутъ быть исчислены со дня нанесенія убытка, а не только со дня предъявленія иска, если только объ этомъ убыткѣ или о неправости владѣнія было извѣстно должнику (опр. 1891 г., № 918 и 2-го Общ. Собр. 4 февраля 1900 г., № 5). Въ настоящемъ дѣлѣ при составленіи протокола о заключеніи эксперта Потса мировымъ судьею 27 августа 1905 г. присутствовалъ повѣренный Россійскаго общества, и посему фактъ понесенія убытковъ и размѣръ ихъ должны считаться извѣстными должнику-отвѣтчику (1907 г., № 2448).

446. Тоже.

Обсужденію Правительствующаго Сената подлежитъ вопросъ о правильности рѣшительнаго опредѣленія С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда отъ 6 ноября 1907 г. постановившаго взыскать съ С.-Петербургской компаніи „Надежда“ въ пользу Сергѣя Дмитріева 14.462 р. 82 к. съ %% съ 27 февраля 1907 г. На это рѣшеніе суда повѣреннымъ компаніи принесена апелляціонная жалоба, причемъ доводы апеллятора сводятся къ слѣдующему: согласно уставу компаніи „Надежда“, послѣдняя не отвѣчаетъ по договору страхованія за вредъ, происшедшій отъ военныхъ дѣйствій, а подъ таковымъ, по мнѣнію апеллятора, слѣдуетъ понимать вредъ, происшедшій отъ мѣропріятій воюющихъ сторонъ, независимо отъ того, когда наступили послѣдствія этихъ мѣропріятій—до формальнаго объявленія войны, во время военныхъ дѣйствій, или по заключеніи сторонами мира. Такимъ образомъ, аргументація апеллятора сводится къ распространенному и весьма широкому толкованію понятія „вредъ отъ военныхъ дѣйствій“. Между тѣмъ, по общимъ правиламъ морского страхованія (ст. 558, 559, 568, 573 Уст. Торг.) страховщикъ отвѣчаетъ за ущербъ или потерю, которые могутъ произойти отъ несчастій морского пути, подъ которыми разумѣются всѣ

случаи, причиняющіе крушеніе или гибель, вредъ или убытокъ, застрахованному кораблю или грузу; освобождается же страховщикъ отъ отвѣтственности лишь за тѣ случаи причиненія вреда или убытковъ, которые точно указаны въ страховомъ полисѣ (ст. 568). Въ виду такого строго ограниченнаго примѣненія случаевъ изъятія отъ отвѣтственности за всякій ущербъ, всякое такое исключеніе должно быть толкуемо строго ограничительно. Поэтому, вопреки мнѣнію апеллятора, нѣтъ никакихъ основаній расширять понятіе „вредъ отъ военныхъ дѣйствій“, понимая подъ этимъ не только самыя дѣйствія и ихъ послѣдствія, имѣвшія мѣсто во время войны, но и тѣ послѣдствія, которыя произошли тогда, когда между воюющими сторонами былъ уже заключенъ миръ и, слѣдовательно, о военныхъ дѣйствіяхъ не могло быть и рѣчи. Что же касается ссылки апеллятора на Гамбургскія правила, то толкованіе послѣднихъ, сдѣланное апеллятором, значенія по дѣлу имѣть не можетъ, такъ какъ договоръ съ истцомъ былъ заключенъ не на основаніи этихъ правилъ, а на условіяхъ, изложенныхъ въ уставѣ компаніи; Гамбургскія же правила могли бы быть приняты во вниманіе для случаевъ, которые ни въ правилахъ о морскомъ страхованіи (раздѣлъ VI Уст. Торг.), ни въ полисѣ не предусмотрѣны, а, между тѣмъ, возникшій въ настоящемъ дѣлѣ случай можетъ быть разрѣшенъ въ связи съ полисомъ силою изображенныхъ въ Уставѣ Торговомъ законоположеній. Обращаясь засимъ къ доводу жалобщика о томъ, что изъ страховой преміи 14.662 руб. 82 коп. во всякомъ случаѣ подлежитъ вычету неуплаченная провозная плата въ размѣрѣ 1.494 руб. 59 коп., Правительствующій Сенатъ находитъ этотъ доводъ правильнымъ и соотвѣтствующимъ § 77 устава компаніи „Надежда“, а потому и принимая во вниманіе все вышеизложенное опредѣляетъ: въ измѣненіе рѣшенія С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда отъ 6 ноября 1907 г., взыскать съ компаніи „Надежда“ въ пользу Дмитріева 13.168 руб. 23 к. (14.662 р. 82 к.—1.494 р. 59 к.) съ %% съ 27 февраля 1907 г. (1910 г., № 1178).

При страхованіи отъ морскихъ опасностей страховщикъ несетъ отвѣтственность за убытки отъ пожара, происшедшаго на стоявшемъ въ порту пароходѣ отъ дѣйствій буйствовавшей толпы, такъ какъ вызвавшія пожаръ дѣйствія толпы не могутъ быть подведены подъ „военныя дѣйствія“ въ смыслѣ ст. 101 Гамбургскихъ правилъ (1911 г., № 855).

447. Если отвѣтственность страховщика ограничена „дѣйствительною стоимостью застрахованныхъ кладей“, то страховщикъ обязанъ возмѣстить страхователю лишь сумму, въ которую товаръ обходится получателю на мѣстѣ получки. Проценты по искамъ о страховомъ вознагражденіи взыскиваются со дня подачи заявленія въ страховое общество.

Разсмотрѣвъ вопросъ о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ „дѣйствительною стоимостью застрахованныхъ кладей“, о которыхъ говоритъ статья 11 полисныхъ условій страхованія, рыночную ли цѣну товара на мѣстѣ его получки, или же сумму, въ которую товаръ обходился получателю его на мѣстѣ получки, Правительствующій Сенатъ нашелъ: 1) что, при установленіи максимальной отвѣтственности страхового общества за застрахованный товаръ, за таковую слѣдуетъ признавать рыночную цѣну или сумму, въ которую онъ обходится на мѣстѣ получки, въ зависимости отъ того, которая изъ этихъ двухъ величинъ окажется выше, и 2) что подъ дѣйствительною стоимостью клади, предусматриваемою ст. 11 полисныхъ правилъ, во всякомъ случаѣ, можно понимать только ту сумму, въ которую товаръ обходится получателю на мѣстѣ получки, такъ какъ если бы при редактированіи этой статьи имѣлась въ виду рыночная цѣна товара, то это должно было быть ясно указано въ ея редакціи, какъ это и сдѣлано въ ст. 107 Уст. Росс. жел. дор., предполагающей отвѣтственность не свыше рыночной стоимости. Принимая во вниманіе: 1) что товаръ обходился истцу на мѣстѣ получки свыше 13 руб. пудъ, и 2) что застрахованъ онъ былъ изъ разсчета 11 руб. пудъ,—Правительствующій Сенатъ признаетъ удовлетвореніе первоначальнаго иска въ полномъ размѣрѣ правильнымъ. Равнымъ образомъ правильнымъ Правительствующій Сенатъ признаетъ, и начисленіе % на сумму первоначальнаго иска, не со дня предъявленія такового, а со дня подачи соотвѣтственнаго о томъ заявленія въ страховое общество, такъ какъ всѣ обязательства страховыхъ обществъ по уплатѣ страховыхъ суммъ должны почитаться срочными на день предъявленія соотвѣтственныхъ о томъ заявленій страхователей, насколько противное не установлено самимъ уставомъ даннаго общества (1910 г., № 1906).

448. При отказѣ шкипера отъ судна (абандонъ) страховщикъ, принявшій на себя отвѣтственность по страховому договору „на случай полной гибели судна“, вправѣ принять отъ себя мѣры къ предупрежденію полной гибели судна и въ частности къ уводу судна въ другое мѣсто безъ согласія шкипера. Страховщикъ не несетъ отвѣтственности за убытки, понесенные судохозяиномъ вслѣдствіе состоявшагося при вышеозначенныхъ условіяхъ перемѣщенія судна.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что повѣренный Эйриха, ходатайствуя объ отмѣнѣ рѣшенія Коммерческаго Суда, отказавшаго Эйриху въ искѣ его съ Россійскаго общества морского, рѣчного, сухопутнаго страхованія и транспортированія кладей, основывается

между прочимъ на томъ утвержденіи, что шкиперъ судна „Джонъ Аннъ“ никогда „не отказывался отъ судна“, какъ полагаетъ Коммерческій Судъ, а сложилъ съ себя „спасеніе судна за свой счетъ“, что было ему предложено страховымъ обществомъ, а затѣмъ приступилъ и успѣшно выполнилъ спасеніе своего судна „за счетъ кого будетъ слѣдовать“ и, снявъ судно 28 іюля съ мели, поставилъ его на якорь, въ виду чего Россійское общество не было вправѣ безъ согласія шкипера увезти произвольно судно съ мѣста стоянки въ Керчь. Входя въ обсужденіе и повѣрку по имѣющимся въ дѣлѣ даннымъ указаннаго заявленія апеллятора, Правительствующій Сенатъ не можетъ признать таковое основательнымъ. Какъ видно изъ дѣла и записей въ судовомъ журналѣ, шкиперъ судна, Иванъ Эйрихъ, учинивъ послѣ несчастія, случившагося 19/20 іюля, протестъ объ аваріи у Очемчирскаго нотаріуса Ревія, и увѣдомивъ телеграммой о случившемся съ судномъ несчастіи Россійское общество, никакихъ мѣръ собственно къ спасенію судна до 26 іюля не принималъ, а приступилъ къ спасенію незастрахованнаго такелажа, какъ записано въ судовомъ журналѣ, „за рискъ кого будетъ слѣдовать“, такъ какъ онъ объявляетъ „абандонъ“, „не имѣя средствъ для спасенія корпуса судна и сомнѣваясь въ днищѣ“. Затѣмъ, когда 26 іюля 1912 г. прибывшій уполномоченный Россійскаго общества Степанъ Векличъ предложилъ шкиперу Эйриху чрезъ нотаріуса Ревія приступить немедленно и на собственныя средства къ спасенію судна, то Эйрихъ, какъ это видно изъ удостовѣренія нотаріуса, отвѣтилъ, что „отказывается отъ корпуса и не желаетъ его спасать на собственныя средства“. 27 іюля агентъ Россійскаго общества Иванъ Кацинскій чрезъ того же нотаріуса заявилъ шкиперу Эйриху, что вслѣдствіе отказа его приступить къ спасенію судна или участію въ немъ, Россійское общество, въ которомъ судно застраховано, само приступитъ къ спасенію судна за счетъ владѣльца шкипера. Какъ видно изъ записи Эйриха въ судовомъ журналѣ, 28 іюля разрѣшено было выгружать товаръ и уполномоченный общества Векличъ нанялъ людей, которые начали откачивать воду изъ судна ведрами и помпами, снаряженными командою, затѣмъ послѣдовалъ напоръ воды съ моря и маневрами команды, посредствомъ завозного якоря съ перлинемъ, и выбиранія его, судно пошло впередъ и было къ вечеру на якорѣ на свободѣ. Послѣ этого 29 іюля прибылъ въ Гудову нанятый Россійскимъ обществомъ пароходъ „Клокачевъ“, который взялъ судно „Джонъ Аннъ“ на буксиръ и отвелъ его въ Керчь. Изъ вышеизложеннаго видно, что утвержденіе апеллятора, будто шкиперъ Эйрихъ не отказывался отъ судна, а только сложилъ съ себя спасеніе судна за свой счетъ, является не соотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ дѣла. Напротивъ того, въ отвѣтѣ на нотаріальное заявленіе отъ 26 іюля, Эйрихъ категорически заявилъ, что отказывается отъ корпуса и не желаетъ спасать его на собственныя средства. Такое заявленіе было имъ подтверждено и впослѣдствіи, въ отвѣтѣ на нотаріальное заявленіе агента общества Кацинскаго

отъ 5 августа. Далѣе, нельзя не принять во вниманіе, что, какъ видно изъ страхового полиса, судно „Джонъ Аннъ“ было принято Россійскимъ обществомъ на страхъ на основаніи Гамбургскихъ общихъ правилъ морского страхованія 1867 г. съ особою оговоркою на полисѣ, что общество отвѣчаетъ только въ случаѣ полной гибели судна. Между тѣмъ по этимъ правиламъ (§ 66) въ случаѣ несчастія страхователь обязанъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры для спасенія застрахованнаго предмета, а также для предотвращенія дальнѣйшихъ убытковъ. Такая же обязанность лежитъ на корабельщикѣ или шкиперѣ застрахованнаго судна и по нашимъ законамъ (ст. 529 и 604 Уст. Торг.), предоставляющимъ корабельщику и корабельнымъ служителямъ, оказавшимъ по *долгу своему* стараніе къ спасенію корабля, право требовать за сіе награды отъ страховщика. Въ виду сего, на обязанности шкипера Эйриха лежало принять зависящія мѣры къ спасенію корпуса судна и отказъ его отъ такового спасенія за свой счетъ представляется неправильнымъ. Такой отказъ Эйрихъ повидимому признавалъ „абандономъ“, о которомъ онъ записалъ въ судовой журналъ и на который онъ считалъ себя вправѣ, но по правильному указанію Коммерческаго Суда, по отношенію къ судну „Джонъ Аннъ“, ни одного изъ тѣхъ условій, при которыхъ по Гамбургскимъ правиламъ страхованія (§ 116) допускается „абандонъ“ не было налицо, а потому отказъ шкипера Эйриха отъ корпуса судна и въ связи съ этимъ отъ спасенія его, не могъ имѣть въ данномъ случаѣ мѣста, но, вслѣдствіе такого отказа шкипера отъ судна, Россійское общество, которое однако могло быть признано отвѣтственнымъ предъ страхователемъ Эйрихомъ въ случаѣ полной гибели судна,—было поставлено въ необходимость принять на себя подлежащія мѣры къ предотвращенію возможной гибели судна, на томъ мѣстѣ, гдѣ оно уже подвергалось опасности крушенія. Хотя шхуна „Джонъ Аннъ“ 28 іюля была уже снята съ мели усиліями какъ нанятыхъ агентомъ общества Векличемъ людей, такъ и судовой команды, но, въ виду категорическаго отказа шкипера Эйриха отъ корпуса судна страховое общество могло опасаться оставить судно въ распоряженіи шкипера. Затѣмъ указаніе апеллятора на самовольный, безъ согласія шкипера, уводъ шхуны „Джонъ Аннъ“ пароходомъ „Генералъ Клокачевъ“ представляется неуважительнымъ, какъ совершенно правильно призналъ Коммерческій Судъ, въ виду того, что общество при отказѣ шкипера отъ судна, не имѣло основанія заручаться его согласіемъ на перемѣщеніе судна въ болѣе безопасное, по выбору общества, мѣсто. Выборъ же Керченскаго порта, для отвода туда потерпѣвшей аварію шхуны правильно объясняется повѣреннымъ общества тѣмъ, что Керчь лежитъ по пути къ Бердянску, конечному пункту назначенія груза лѣса, бывшаго на суднѣ. На основаніи изложенныхъ соображеній, Правительствующій Сенатъ не призналъ возможнымъ усмотрѣть въ фактѣ увода судна „Джонъ Аннъ“ въ Керчь достаточныхъ основаній къ признанію Россійскаго общества отвѣтствен-

нымъ предъ истцомъ Эйрихомъ за убытки, имъ указываемые (1908 г., № 1872). Ср. № 480.

449|302. Сокрытіе страхователемъ отъ страховщика факта принадлежности страхуемаго судна другому лицу, а равно умолчаніе о встрѣченныхъ послѣднимъ затрудненіяхъ въ застрахованіи судна въ другихъ обществахъ, служатъ уже сами по себѣ основаніемъ къ признанію страхованія необязательнымъ для страховщика. Въ силу § 70 Гамбургскихъ общихъ правилъ страхованія, отсутствіе доказательствъ тому, что гибель судна произошла отъ чрезвычайныхъ случайностей, влечетъ за собою признаніе убытковъ произошедшими отъ негодности судна къ плаванію, освобождающей страховщика отъ отвѣтственности за нихъ.

Изъ дѣла видно, что по соглашенію 4 января 1889 г. нов. стиля торговый домъ „Федоръ Рохоль и К°“ въ Бременѣ продалъ Обществу Черноморско-Дунайскаго Пароходства въ Одессѣ свой колесный пароходъ „Леда“, служившій пассажирскимъ пароходомъ въ германскія морскія купанья Сѣвернаго моря, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находился ко времени продажи, но въ полной исправности для морского плаванія и съ замѣною существующихъ негодныхъ къ употребленію котловыхъ трубокъ новыми, причемъ передача парохода должна производиться въ Одессѣ и продавцы принимаютъ на себя всѣ издержки путешествія туда, равно какъ и расходы по возвращенію экипажа, необходимаго для провода парохода туда, застраховываютъ пароходъ на путь въ Одессу за свой счетъ отъ всѣхъ опасностей на морѣ и въ гаваняхъ впредь до прибытія къ мѣсту назначенія (включая столкновенія) и отдаютъ полисъ въ Императорское Россійское Консульство въ Бременѣ на сохраненіе (п. 2). Затѣмъ, въ числѣ прочихъ, имѣются въ договорѣ условія о томъ, что продавцы обязаны представить на пробномъ рейсѣ, который долженъ быть не ранѣе 24 января, доказательства, что пароходъ можетъ достигнуть скорости 10 узловъ и что онъ среднимъ числомъ потребляетъ не болѣе 5 центнеровъ угля въ часъ (п. 3) и что въ случаѣ непредставленія пробнымъ рейсомъ упомянутыхъ доказательствъ, покупщикъ имѣетъ право отказаться отъ договора, какъ если бы онъ не былъ заключенъ (п. 4); что покупная цѣна за судно составляетъ 4.550 ф. стерл. и что кромѣ того покупщикъ уплачиваетъ въ возмѣщеніе принятыхъ на себя въ § 2 особыхъ обязательствъ 650 ф. стерл. (п. 5); что изъ общей суммы, имѣющей быть согласно сему уплаченной покупщикомъ въ размѣрѣ 5.200 ф. стерл.,

половина подлежитъ уплатѣ по представленіи продавцомъ упомянутыхъ въ п. 3 доказательствъ посредствомъ пробнаго рейса, а другая половина должна быть уплачена немедленно по прибытіи судна въ Одессу до сдачи судна, до тѣхъ же поръ судно остается собственностью продавцовъ (§ 6); что настоящій договоръ уничтожается, причемъ не могутъ быть предъявлены претензіи о вознагражденіи одною изъ договаривающихся сторонъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: если продавцамъ не удастся застраховать пароходъ на путь въ Одессу, если пароходъ погибнетъ окончательно до прибытія въ Одессу или если проходу парохода въ Одессу воспрепятствуетъ война и иная высшая сила (§ 7); въ случаѣ же неотплытія парохода по какимъ нибудь обстоятельствамъ до 4 февраля 1889 г. покупщикъ имѣетъ право отказаться отъ договора, какъ если бы послѣдній не былъ заключенъ (§ 8), причемъ въ этихъ случаяхъ полученный въ счетъ покупной цѣны задатокъ возмѣщается покупщику (§ 9). Письмомъ отъ 8 января нов. ст. 1889 г. „Рохоль и К°“, извѣстивъ Правленіе Общества Черноморско-Дунайскаго Пароходства, что встрѣтились затрудненія въ возможности застрахованія парохода „Леда“ въ Бременѣ, просилъ правленіе застраховать „Леду“ за ихъ счетъ до Одессы, соглашаясь, въ случаѣ необходимости, заплатить большую страховую премію. Въ то же время „Рохоль и К°“ вели переписку о застрахованіи „Леда“ въ Англіи, гдѣ имъ и удалось застраховать ее въ суммѣ 3.500 ф. стерл., о чемъ 9/21 января 1889 г. они и увѣдомили правленіе общества; по полученіи же отъ сего послѣдняго телеграммами отъ 9/21 и 10/22 того же января извѣстія, что „Леда“ застрахована въ „Русскомъ Ллойдѣ“ въ 50.000 руб., англійское страхованіе было уничтожено. Затѣмъ въ дополнительномъ договорѣ, заключенномъ 29 января нов. ст. 1889 г. въ Бременѣ, стороны установили, что пробный рейсъ пароходомъ „Леда“ былъ сдѣланъ и покупщикъ признаетъ, что таковымъ представлены поименованныя въ § 3 контракта доказательства; что такъ какъ продавцы застраховали въ Англіи пароходъ на путешествіе въ Одессу, а покупщикъ также заключилъ страхованіе въ „Русскомъ Ллойдѣ“ въ С.-Петербургѣ и притомъ на свое имя, и первое страхованіе уничтожено, то стороны согласились, что только русское страхованіе должно остаться въ силѣ и что покупщикъ долженъ отвѣчать за дѣйствительность и полноту страхованія и за состоятельность страхового общества и что дѣло покупщика, въ случаѣ могущаго быть несчастнаго случая, предъявить къ страховому обществу всѣ права, вытекающія изъ полиса. Пароходъ „Леда“, выйдя подъ командою шкипера Зигеля, какъ видно изъ протеста послѣдняго, 5 февраля 1889 г. въ море, того же числа отъ вѣтра и волненія началъ сильно биться, такъ что экипажъ рѣшился вернуться въ Везеръ. При поворотѣ налетѣвшая волна отломила палубу сзади кожуха и судно дало сильную течь, за невозможностью остановить которую „Леда“ и пошла ко дну. Въ виду этого обстоятельства, основываясь на полисѣ общества „Русскій Ллойдъ“ отъ 9 января 1889 г. за № 7, по которому об-

щество приняло на основаніи напечатанныхъ на полисѣ условій и общихъ Гамбургскихъ правилъ морского страхованія 1867 г. отъ Общества Черноморско-Дунайскаго Пароходства въ Одессѣ на страхъ въ суммѣ 50.000 руб. пароходъ „Suffolk“ (Леда) на время перехода его изъ Бремергафена въ Одессу съ уплатою страховой преміи 4 руб. со ста рублей, повѣренный Общества Черноморско-Дунайскаго Пароходства предъявилъ въ Спб. Ком. Судѣ искъ о взысканіи съ общества „Русскій Ллойдъ“ 50.000 руб. вознагражденія за погибшій пароходъ „Леда“ съ % со дня заявленія обществу „Русскій Ллойдъ“ о гибели парохода, т. е. съ 25 января 1889 г. Изъ имѣющагося въ дѣлѣ рѣшенія морского присутствія въ Бремергафенѣ, разсматривавшаго дѣло о крушеніи „Леда“, видно, что присутствіе это установило: что пароходъ „Леда“, построенный лишь для рѣчного и каботажнаго и въ особенности мелководнаго плаванія, вообще не былъ способенъ предпринять морское плаваніе; въ особенности же онъ не былъ въ состояніи принять рейсъ въ Одессу; судно не имѣло киля, но только двойной листъ и дно было почти плоско; что вѣтеръ и волненіе не могутъ считаться настоящими причинами крушенія, такъ какъ всякое достаточно крѣпкое морское судно при силѣ вѣтра отъ 5—6 балловъ не могло такимъ образомъ погибнуть; что полученіе отъ ударившей волны такого сильнаго поврежденія объясняется недостаточною крѣпостью парохода; что представитель Германскаго Ллойда въ Бременѣ отклонилъ въ концѣ декабря 1888 г. предложенный ему осмотръ парохода „Леды“; представитель конторы „Veritas“ въ Бременѣ положительно и безусловно отказалъ выдать свидѣтельство въ томъ, что „Леда“ способна къ морскому плаванію для перехода въ Одессу, причемъ положительно настаивалъ на своемъ отказѣ и тогда, когда были предложены нѣкоторыя измѣненія въ постройкѣ и скрѣпленіи судна; что старшина морского сословнаго общества въ Гамбургѣ пытался добиться запрещенія на плаваніе „Леды“; что нѣкоторые изъ команды не могли даже застраховать свои вещи, такъ такъ эти страхованія не были приняты. Имперскій высшій морской судъ въ Берлинѣ, разсматривавшій тоже это дѣло, согласился съ морскимъ присутствіемъ въ томъ, что несчастный случай съ „Ледой“ произошелъ отъ морской неблагонадежности судна. Разсмотрѣвъ въ связи съ представленными отвѣтчикомъ, обществомъ „Русскій Ллойдъ“, противъ иска Черноморско-Дунайскаго Пароходства возраженіями настоящее дѣло, Спб. Ком. Судъ опредѣлилъ: Обществу Черноморско-Дунайскаго Пароходства въ искѣ съ общества „Русскій Ллойдъ“ 50.000 руб. отказать. Приступая вслѣдствіе принесенной на это рѣшеніе суда повѣреннымъ Общества Черноморско-Дунайскаго Пароходства, Зальбергомъ, апелляціонной жалобы къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что одно изъ главныхъ возраженій общества „Русскій Ллойдъ“ противъ обязательности для него заключеннаго Обществомъ Черноморско-Дунайскаго Пароходства страхованія парохода „Леда“ заключается въ томъ, что, страхуя пароходъ „Леда“, Общество Черноморско-Дунайскаго Па-

роходства скрыло отъ него какъ то обстоятельство, что пароходъ этотъ принадлежитъ не ему, а торговому дому въ Бременѣ „Рохоль и К°“, такъ и то, что самое обращеніе по предмету этого страхованія къ „Русскому Лойду“ было слѣдствіемъ тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчены были „Рохоль и К°“ въ застрахованіи поименованнаго парохода въ Бременскихъ страховыхъ обществахъ. Останавливаясь на обсужденіи этихъ доводовъ отвѣтчика, Прав. Сенатъ находитъ, что въ силу § 29 Гамбургскихъ общихъ правилъ для морского страхованія 1867 г., каковыя правила, согласно условіямъ полиса, признаются вполнѣ обязательными для сторонъ, заключившихъ страхованіе, „при заключеніи договора, лицо, заключающее страхованіе за свой или чужой счетъ, обязано сообщить страховщику всѣ факты и всѣ извѣстныя ему обстоятельства, а также всѣ дошедшія до него извѣстія, которыя по своей важности могутъ дать страховщику данныя для сужденія о принимаемомъ имъ на себя рискѣ и которыя могутъ повліять на его рѣшимость заключить вообще договоръ и, если заключить, то на какихъ условіяхъ. Страхователь не долженъ пренебречь сообщеніемъ подобнаго рода извѣстій даже въ томъ случаѣ, когда онъ считаетъ ихъ сомнительными и безосновательными“. Невыполненіе страхователемъ этихъ обязанностей влечетъ за собою необязательность для страховщика самаго договора страхованія (п. 2 § 32 тѣхъ же правилъ). Имѣя въ виду, что во время заключенія страхованія парохода „Леда“ въ „Русскомъ Лойдѣ“ пароходъ этотъ дѣйствительно не принадлежалъ Обществу Черноморско-Дунайскаго Пароходства, а составлялъ по буквальному смыслу договора 4 января 1889 г. собственность „Рохоль и К°“, и что страхованіе его въ „Русскомъ Лойдѣ“, какъ то подтверждается представленнымъ нынѣ къ дѣлу письмомъ „Рохоль и К°“ отъ 8 января 1889 г., было совершено по порученію сего послѣдняго, вслѣдствіе встрѣченныхъ имъ самимъ затрудненій въ возможности застраховать пароходъ въ Бременѣ, Прав. Сенатъ не можетъ не признать, что оба эти обстоятельства, по самому свойству и значенію своему, должны быть отнесены къ числу тѣхъ, которыя могли несомнѣнно послужить страховому обществу для сужденія о принимаемомъ имъ на себя рискѣ и повліять на рѣшимость его вообще заключить страхованіе и о которыхъ, слѣдовательно, общество пароходства, согласно вышеизложеннымъ правиламъ, обязано было сообщить „Русскому Лойду“. Дѣйствительно, по вполнѣ правильному объясненію отвѣтчика, для страховщика можетъ быть весьма важно знать лицо страхователя и то обстоятельство, что страховщикъ знаетъ страхователя, можетъ безусловно повліять на рѣшимость его заключить данный договоръ на данныхъ условіяхъ и служить основаніемъ для сужденія о принимаемомъ имъ рискѣ. Согласившись принять на страхъ пароходъ отъ *русскаго* пароходнаго общества, „Русскій Лойдъ“ могъ отказать въ томъ *иностранному* торговому дому „Рохоль и К°“, уже одно обращеніе котораго къ русскому обществу могло возбудить въ немъ нѣкоторыя подозрѣнія,

а тѣмъ болѣе, если бы ему стали извѣстны и самыя причины, вызвавшія это обращеніе, а именно затрудненія въ страхованіи парохода „Леда“, встрѣченныя у мѣстныхъ страховыхъ обществъ. Въ данномъ же случаѣ это послѣднее обстоятельство пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что, какъ видно изъ дѣла, а именно, рѣшенія морского присутствія въ Бремергафенѣ, апелляторомъ въ семъ отношеніи вовсе неоспариваемаго, представитель Германскаго Ллойда въ Бременѣ отклонилъ въ концѣ декабря 1888 г. предложенный ему осмотръ „Леды“, представитель конторы „Veritas“ въ Бременѣ положительно и безусловно отказалъ выдать свидѣтельство въ томъ, что „Леда“ способна къ морскому плаванію для перехода въ Одессу, причемъ положительно настаивалъ на своемъ отказѣ и тогда, когда предложены были нѣкоторыя измѣненія въ постройкѣ и скрѣпленіи судна; старшина морского сословнаго общества въ Гамбургѣ пытался даже добиться полицейскаго запрещенія плаванія „Леды“ и, наконецъ, часть команды парохода „Леды“ тщетно старалась застраховать даже свои вещи, такъ какъ страхованія эти не принимались и самому капитану не удалось застраховать въ Бременѣ часть выговоренной ему платы. Въ виду изложеннаго и такъ какъ со стороны Правленія Черноморско-Дунайскаго Пароходства рѣшительно никакихъ доказательствъ тому, что о приведенныхъ двухъ фактахъ, а именно принадлежности парохода „Леда“ не ему, а „Рохоль и К°“, и о встрѣченныхъ симъ послѣднимъ затрудненіяхъ въ страхованіи этого парохода въ Бременѣ, имъ было доведено до свѣдѣнія общества „Русскій Ллойдъ“ при заключеніи съ нимъ договора страхованія „Леды“ не представлено, общество же „Русскій Ллойдъ“ полученіе таковыхъ свѣдѣній безусловно отрицаетъ, Прав. Сенатъ признаетъ, что уже одно это обстоятельство, само по себѣ, должно служить вполнѣ достаточнымъ основаніемъ къ признанію страхованія парохода „Леда“ въ обществѣ „Русскій Ллойдъ“ для сего послѣдняго необязательнымъ. Но независимо отъ сего нельзя признать общество „Русскій Ллойдъ“ отвѣтственнымъ за убытки отъ гибели „Леды“ и по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ силу напечатанныхъ на оборотѣ полиса условій въ связи съ § 70 Гамбургскихъ правилъ, страховщикъ не отвѣчаетъ за поврежденія, происшедшія отъ того, что судно не въ надлежащемъ состояніи для морского плаванія и недостаточно снаряжено; затѣмъ въ силу того же §, если въ суднѣ оказалась течь или оно получило такія поврежденія, которыя требуютъ исправленій или отъ которыхъ оно совершенно погибло, и если страхователь не докажетъ, что это произошло отъ чрезвычайныхъ стихійныхъ обстоятельствъ или исключительныхъ случайностей въ морѣ, то убытки считаются происшедшими отъ негодности судна къ плаванію и страховщикъ освобождается въ такомъ случаѣ отъ отвѣтственности за убытки. Въ настоящемъ же случаѣ истцомъ не только не доказано, что гибель парохода „Леда“ произошла отъ чрезвычайныхъ стихійныхъ обстоятельствъ или исключительныхъ случайностей въ морѣ, но напротивъ того, изъ имѣющихся въ дѣлѣ

рѣшеній морского присутствія въ Бремергафенѣ и высшаго имперскаго суда, изслѣдовавшихъ вопросъ о причинахъ гибели „Леды“, видно, что вѣтеръ и волненіе, бывшіе при крушеніи „Леды“, не могутъ считаться настоящими причинами гибели ея, такъ какъ всякое достаточно крѣпкое морское судно при силѣ вѣтра отъ 5 до 6 балловъ не могло такимъ образомъ погибнуть отъ силы стихій; то же обстоятельство, что пароходъ при поворотѣ отъ ударившей волны получилъ такое значительное поврежденіе, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ его гибель, объясняется единственно недостаточною его крѣпостью, а по рѣшенію высшаго имперскаго морского суда—морскою неблагонадежностью судна. А потому и такъ какъ, какъ уже указано, одно отсутствіе доказательствъ тому, что гибель судна произошла отъ чрезвычайныхъ какихъ-либо случайностей, влечетъ за собою въ силу приведеннаго § 70 признаніе убытковъ происшедшими отъ негодности судна къ плаванію, освобождающей страховщика отъ отвѣтственности за нихъ, то, оставляя въ сторонѣ всѣ остальныя приводимыя по сему предмету объясненія сторонъ, слѣдуетъ уже въ силу одного этого признать общество не отвѣтствующимъ за убытки, происшедшіе отъ гибели „Леды“. При этомъ нельзя однако, не замѣтить, что одно изъ самыхъ главныхъ доказательствъ, на которое въ подтвержденіе пригодности къ морскому плаванію парохода „Леды“ ссылается апелляторъ, именно свидѣтельство агента Германскаго Ллойда Гильмерса, признано высшимъ имперскимъ судомъ, какъ по существу, такъ и съ формальной стороны неправильнымъ. Признавая уже въ силу однихъ изложенныхъ соображеній исковыя въ настоящемъ дѣлѣ требованія Общества Черноморско-Дунайскаго Пароходства съ общества „Русскій Ллойдъ“ 50.000 руб. съ % немогущими подлежать удовлетворенію и не входя засимъ въ обсужденіе прочихъ, приведенныхъ Спб. Ком. Судомъ въ его рѣшеніи доводовъ къ отказу обществу пароходства въ его искѣ, Прав. Сенатъ рѣшеніе Спб. Ком. Суда, по настоящему дѣлу состоявшееся, утвердилъ (1891 г., № 1034).

450 | 303. Лицо, пріобрѣвшее съ публичнаго торга пароходъ, застрахованный по договору, срокъ котораго еще не наступилъ и заявившее затѣмъ о такомъ переходѣ страховому обществу, но не получившее на это заявленіе никакого отвѣта отъ общества, такое заявленіе принявшаго, до момента аваріи,—имѣетъ право требовать съ общества страховое вознагражденіе.

24 февраля 1898 г. истецъ Шарыповъ купилъ съ публичныхъ торговъ принадлежавшій Александру Гадалову пароходъ „Россія“, находившійся въ залогѣ у акцизнаго управленія Восточной Сибири за долгъ Александра Гадалова казнѣ. 11 апрѣля 1898 года акцизное управленіе передало Шарыпову, какъ

покупщику парохода, находившійся въ управленіи страховой полисъ страхового общества „Россія“ въ принятіи на страхъ отъ Николая Гадалова принадлежащаго Александру Гадалову парохода „Россія“. 13 апрѣля того же года Шарыповъ передалъ при заявленіи отъ 12 апрѣля этотъ полисъ вмѣстѣ съ документами о продажѣ ему парохода подъ росписку Красноярскому агенту общества—Потѣхину, для представленія въ правленіе общества „Россія“ на предметъ учиненія надписи о переводѣ полиса на имя Шарыпова. Затѣмъ 8 октября пароходъ „Россія“, переименованный Шарыповымъ въ „Модестъ“, какъ это видно изъ актовъ 8 и 9 октября того же 1898 г., потерпѣлъ крушеніе (вслѣдствіе разрыва рулевой цѣпи пароходъ ударило о камни, напоромъ воды оторвало кормовую часть по кочегарное отдѣленіе и унесло внизъ по теченію, а передняя часть осталась на камняхъ). На нотаріальное заявленіе Шарыпова о крушеніи парохода агенту общества „Россія“, послѣдовалъ отвѣтъ, что пароходъ Шарыпова на страхѣ въ обществѣ „Россія“ не состоитъ. Въ послѣдовавшей затѣмъ по этому предмету перепискѣ правленіе общества „Россія“ выяснило Шарыпову, что его заявленіе отъ 12 апрѣля 1898 г., какъ не вполнѣ оформленное (подписано вопреки требованію § 11 полисныхъ условій—однимъ Шарыповымъ), было возвращено агенту общества въ Красноярскѣ, Потѣхину, для отобранія отъ бывшаго собственника Гадалова подписки о его согласіи на переводъ страхованія, о чемъ Потѣхинъ, какъ онъ увѣряетъ, сообщилъ лично Шарыпову, что отъ Гадалова согласія на переводъ страхованія на имя Шарыпова не послѣдовало, что поэтому страховая премія за неистекшее время съ 28 апрѣля по 1 ноября 1898 г., согласно § 12 полисныхъ условій была возвращена Гадалову и страхованіе парохода „Россія“ было прекращено съ 28 апрѣля 1898 года. Затѣмъ въ виду отказа страхового общества „Россія“ уплатить страховую премію, Шарыповъ предъявилъ въ С.-Петербургскомъ Коммерческомъ Судѣ искъ къ страховому обществу „Россія“ о платежѣ 35.000 р. страхового вознагражденія, удовлетворенный рѣшеніемъ суда. Обращаясь вслѣдствіе апелляціонной жалобы повѣреннаго общества „Россія“ къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ признаетъ необходимымъ остановиться на главномъ вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли признать пароходъ „Россія“ (Модестъ), пріобрѣтенный Шарыповымъ покупкою съ публичнаго торга, состоявшимъ на страхѣ въ обществѣ „Россія“ въ моментъ крушенія этого парохода, коль скоро къ этому времени не было еще дано обществомъ „Россія“ категорическаго отвѣта относительно согласія или несогласія перевести страхованіе на имя новаго пріобрѣтателя парохода. Аналогичный вопросъ былъ предметомъ обсужденія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената въ рѣшеніи, состоявшемся въ 1892 г. за № 71, причемъ Правительствующій Сенатъ, толкуя § 59 Устава С.-Петербургскаго общества страхованій, касающійся случаевъ перехода застрахованнаго имущества въ собственность другого лица, преподалъ слѣдующія ру-

ководительныя разъясненія: коль скоро застрахованное имущество переходитъ продажею отъ страхователя къ другому лицу, и страхователь сдѣлаетъ объ этомъ переходѣ заявленіе страховому обществу, сіе послѣднее должно дать положительный отвѣтъ, желаетъ ли оно продолжать страхованіе, на прежнихъ или измѣненныхъ условіяхъ, или совершенно отказывается отъ него; впредь же, до воспослѣдованія подобнаго отвѣта со стороны страхового общества, прежній договоръ, какъ разъяснено въ рѣшеніи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1883 года № 116,—непосредственно связанный съ самымъ имѣніемъ, слѣдуетъ его судьбѣ и переходитъ, какъ и всѣ прочіе договоры по имѣнію, вмѣстѣ съ нимъ къ покупщику его. Иными словами: коль скоро страховому обществу сдѣлано установленное заявленіе о продажѣ застрахованнаго имущества, общество должно замѣнить прежній страховой договоръ съ продавцемъ—новымъ—съ покупщикомъ, или отказаться отъ страхованія, съ возвращеніемъ преміи за неистекшее время; если же ни то, ни другое не будетъ сдѣлано, покупщикъ пользуется страховымъ правомъ своего предшественника. Въ томъ же рѣшеніи своемъ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената, ссылаясь на другія рѣшенія свои, призналъ, что въ случаѣ укрѣпленія за покупщикомъ имущества, пріобрѣтеннаго имъ съ публичнаго торга, страховыя права на это имущество, пока страховое общество не дастъ отвѣта на сдѣланное ему заявленіе о продажѣ имѣнія, принадлежатъ покупщику со дня торга. Хотя упомянутыя разъясненія Правительствующаго Сената приведены по поводу толкованія § 59 уст. С.-Петербургскаго общества застрахованій и притомъ относятся къ случаю, когда заявленіе о переводѣ страхованія подано было не непосредственно новымъ владѣльцемъ застрахованнаго имущества, а при участіи прежняго страхователя, но эти разъясненія имѣютъ общее принципіальное значеніе и правильность сихъ разъясненій раздѣляетъ и Судебный Департаментъ Правительствующаго Сената, въ примѣненіи къ настоящему дѣлу, касающемуся вознагражденія по страховому полису общества „Россія“, такъ какъ, во 1-хъ, въ упомянутомъ рѣшеніи разрѣшенъ былъ главный, спорный одинаково въ обоихъ дѣлахъ, вопросъ объ отвѣтственности страхового общества по перешедшему къ новому владѣльцу застрахованному въ обществѣ имуществу въ періодъ времени между заявленіемъ о такомъ переходѣ и полученіемъ на него отвѣта отъ страхового общества и, во 2-хъ, такъ какъ постановленія устава страхового общества „Россія“ по данному вопросу, изложенныя въ §§ 6 и 11, по содержанію своему почти тождественны съ приведеннымъ выше постановленіемъ § 59 устава С.-Петербургскаго общества страхованій и въ этомъ отношеніи предстоитъ остановиться лишь на той особенности ихъ, что по § 6 правилъ общества „Россія“ требуется подача заявленія за подписями прежняго и новаго владѣльца. Но указанія общества „Россія“ на неправильность съ формальной стороны заявленія Шарыпова о переводѣ страхованія, обусловленныя тѣмъ, что на этомъ завленіи

не было надписи прежняго владѣльца о согласіи на переводъ страхованія,— лишены значенія въ виду тѣхъ, вполнѣ раздѣляемыхъ и Судебнымъ Департаментомъ, доводовъ, которые приведены въ рѣшеніи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента за 1883 г. № 116 по дѣлу кн. Гагариной, гдѣ разъяснено, что договоры страхованія имущества, какъ и всѣ прочіе договоры по этому имуществу переходятъ вмѣстѣ съ этимъ имуществомъ къ покупщику послѣдняго; при продажѣ съ публичнаго торга имущество, на которое обращено взысканіе, продается въ полномъ его составѣ и по полученіи документовъ, устанавливающихъ право собственности, пріобрѣтатель такого имущества вступаетъ во всѣ права прежняго собственника, слѣдовательно и въ права по страхованію этого имущества, почему пріобрѣтатель и не нуждается въ согласіи прежняго собственника на переводъ страхованія. Въ данномъ случаѣ это положеніе тѣмъ болѣе умѣстно примѣнить къ дѣлу и потому еще, что пароходъ Гадалова заложенъ былъ имъ казнѣ и слѣдовательно, за силою ст. 49 полож. о казен. подр. и постав. даже при несогласіи Гадалова на страхованіе, казна имѣла право, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, сама отъ себя застраховать его, такъ что вслѣдствіе залога парохода Гадаловъ ограниченъ былъ въ своемъ правѣ страховать или не страховать пароходъ, и отъ казны именно, послѣ торга, а не отъ Гадалова, получилъ полисъ Шарыповъ. Не имѣетъ въ дѣлѣ существеннаго значенія указаніе апеллятора на то, что страхователемъ былъ въ данномъ случаѣ не собственникъ парохода Александръ Гадаловъ, а его арендаторъ Николай Гадаловъ, отъ котораго принято заявленіе о страхованіи, такъ какъ арендаторъ, страхуя имущество чужое, не можетъ страховать его иначе, какъ въ пользу собственника, хотя и въ качествѣ лица заинтересованнаго въ сохраненіи имущества; и затѣмъ изъ дѣла видно, что полисъ послѣ залога парохода казнѣ былъ переданъ залогодержателю. Такимъ образомъ, надлежитъ признать, что общество „Россія“, получивъ полисъ отъ Шарыпова задолго до аваріи парохода при письменномъ его заявленіи, обязано было за силою п. „ж“ § 11 своихъ правилъ тоже письменно удостовѣрить и заявить Шарыпову въ отвѣтъ на его заявленіе: оставляетъ ли оно страхованіе въ силѣ или прекращаетъ. Затѣмъ въ виду категорическаго заявленія Шарыпова, положеннаго въ основаніе его иска о томъ, что общество „Россія“ не дало ему никакого отвѣта на его заявленіе, на обязанности общества „Россія“, за силою 366 ст. Уст. Гражд. Суд., лежало и лежитъ доказать, что оно такой отвѣтъ дало Шарыпову (какъ оно утверждаетъ), чего оно, однако, не исполнило, и ссылка его въ этомъ отношеніи на свидѣтеля, не заслуживаетъ уваженія, какъ за силою 284 ст. Уст. Суд. Торг., потому что отвѣтъ, какъ сказано выше, по правиламъ общества слѣдовало дать письменный, такъ и за силою ст. 373 п. 4 Уст. Гражд. Суд. въ виду того, что истецъ указываетъ на заинтересованность агента Потѣхина въ исходѣ даннаго дѣла, что и нельзя не признать правильнымъ, такъ какъ общество утвер-

ждаетъ, что заявленіе будто бы сдѣлано было чрезъ самого Потѣхина въ качествѣ служащаго (который, если не исполнилъ предписанія общества, то можетъ быть за то отвѣтственъ). Въ виду вышеизложеннаго, Правительствующій Сенатъ находитъ, что главный въ дѣлѣ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ томъ именно смыслѣ, что вслѣдствіе неизвѣщенія Шарыпова до несчастія съ его пароходомъ о прекращеніи страхованія по полису, полученному обществомъ отъ Шарыпова, срокъ котораго до несчастія съ пароходомъ еще не истекъ,—общество „Россія“ должно считаться предъ нимъ отвѣтственнымъ по страхованію, которое должно считаться продолжавшимся, а не прекращеннымъ до аваріи парохода. Что касается спора общества о томъ, что будто бы данный несчастный случай съ пароходомъ не подходитъ подъ дѣйствіе страховыхъ правилъ, то этотъ споръ, построенный на п. 12 § 8 правилъ, въ связи съ указаніемъ на гибель парохода отъ разрыва рулевой цѣпи, неосновательный, такъ какъ пароходъ потерпѣлъ аварію отъ посадки его на камни, что предусмотрѣно § 7 страховыхъ правилъ, а вызвано ли было это обстоятельство поломкою цѣпи или чѣмъ инымъ, это совершенно безразлично и отнюдь не можетъ слагать съ страхового общества отвѣтственности. Равнымъ образомъ, не заслуживаетъ уваженія и споръ общества „Россія“ противъ размѣра иска Шарыпова по слѣдующимъ основаніямъ: страховое общество „Россія“, давъ на заявленіе Шарыпова объ аваріи парохода и необходимости оцѣнки убытковъ, отъ нея происшедшихъ, отвѣтъ о томъ лишь, что пароходъ „Модестъ“ оно считаетъ у себя незастрахованнымъ,—съ одной стороны не воспользовалось своевременно своимъ правомъ осмотра и оцѣнки на мѣстѣ остатка корпуса разбитаго парохода, а съ другой стороны лишило тѣмъ самымъ Шарыпова возможности исполнить въ отношеніи установленія убытковъ отъ аваріи парохода всѣ предписанныя уставомъ страхового общества „Россія“ требованія, по винѣ самого общества. При такихъ обстоятельствахъ общество „Россія“, утверждая теперь, что Шарыповъ несправедливо обогатился на счетъ общества путемъ употребленія въ свою пользу, оставшейся на камняхъ при крушеніи, передней части парохода „Модестъ“, обязано само, за силою 366 ст. Уст. Гражд. Суд., доказать этотъ фактъ и вмѣстѣ съ тѣмъ установить стоимость этой части парохода тѣмъ болѣе, что одна наличность части парохода, оставшейся на камняхъ, расположенныхъ въ водномъ пространствѣ, не обусловливаетъ дѣйствительной стоимости, хотя и цѣнныхъ составныхъ ея частей безъ должнаго опредѣленія расходовъ на снятіе ея со всѣмъ содержимымъ съ камней и доставку къ мѣсту, гдѣ она могла бы быть употреблена въ дѣло,—Правительствующій Сенатъ утвердилъ состоявшееся по дѣлу рѣшеніе суда (1902 г., № 839).

Гражданскій Касс. Департаментъ въ рѣшеніи своемъ отъ 11 мая 1905 г., № 48 обсуждалъ вопросъ о томъ, можетъ ли несоблюденіе

страхователемъ требованія устава общества (§ 74 2-го Россійскаго Страх. Общ.) о „доставленіи подробнаго показанія причиненнаго убытка“ повлечь за собою лишеніе его вознагражденія за сгорѣвшее имущество? Гражд. Кас. Деп. нашелъ, что если въ уставѣ не опредѣлено съ точностью, что несоблюденіе этого правила влечетъ за собою утрату права на вознагражденіе за пожарные убытки, то по силѣ 2199 ст. X т. 1 ч. поставленный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

451 304. Если первое страхованіе заключено третьимъ лицомъ безъ приказа и за чужой счетъ, то второе страхованіе, заключенное самимъ страхователемъ, которому о первомъ страхованіи не было извѣстно, должно быть признано въ своей силѣ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что главное возраженіе апеллятора, повѣреннаго страхового общества „Русскій Ллойдъ“, противъ предъявленнаго къ обществу Вогау иска въ 11.928 р. 43 к., составляющихъ сумму недополученнаго имъ вознагражденія за сгорѣвшій въ Ревелѣ хлопокъ (202 кипы), застрахованный въ означенномъ обществѣ отъ борта корабля въ Ревелѣ до фабрики, заключается въ томъ, что страховой договоръ Вогау съ обществомъ „Русскій Ллойдъ“ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ, такъ какъ ранѣе сего тотъ же товаръ былъ уже застрахованъ въ англійскихъ страховыхъ обществахъ, а слѣдовательно, въ данномъ случаѣ имѣется налицо недозволенное закономъ и полисными условіями общества „Русскій Ллойдъ“ двойное страхованіе. Обращаясь посему, прежде всего, къ разрѣшенію вопроса о томъ, правильно ли СПБ. Ком. Судъ призналъ договоръ страхованія, заключенный Вогау съ обществомъ „Русскій Ллойдъ“, дѣйствительнымъ и имѣющимъ обязательную для контрагентовъ его силу, Прав. Сенатъ находитъ, что по точному смыслу п. 3 § 10 общихъ условій страхованія, напечатанныхъ на полисахъ общества „Русскій Ллойдъ“, второе страхованіе должно быть признано въ своей силѣ, когда первое страхованіе заключено съ третьимъ лицомъ безъ приказа и за чужой счетъ, а второе страхованіе заключено самимъ страхователемъ, которому при заключеніи второго страхованія не было извѣстно о первомъ страхованіи. Разсмотрѣніе же всѣхъ обстоятельствъ настоящаго дѣла показываетъ, что въ данномъ случаѣ относительно страхованія Вогау въ обществѣ „Русскій Ллойдъ“ своего товара имѣлись въ наличности всѣ приведенныя въ означенномъ пунктѣ полисныхъ правилъ условія для признанія этого страхованія вполнѣ дѣйствительнымъ. А именно: страхованіе въ англійскихъ страховыхъ обществахъ купленнаго Вогау и сгорѣвшаго въ Ревелѣ хлопка не только до Ревеля, но и до фабрики, было совершено продавцами „бр. Рейсъ“ въ Лондонѣ за счетъ Вогау;

то же обстоятельство, что при заключеніи самимъ Вогау второго страхованія того же товара въ обществѣ „Русскій Ллойдъ“ отъ борта парохода въ Ревелѣ до фабрики, дѣйствительно, Вогау, какъ онъ утверждаетъ, могъ не знать о существованіи перваго страхованія, находитъ себѣ подтвержденіе, во-первыхъ, въ томъ, что, какъ усматривается изъ представленной къ дѣлу фактуры отъ 29 ноября 1887 г., хлопокъ былъ купленъ Вогау „cif“ Ревель, а слѣдовательно и съ обязательною страховкою его только до Ревеля, а не далѣе; а во-вторыхъ, въ томъ, что въ письмѣ отъ 6 декабря 1887 г. сами продавцы и страхователи товара „бр. Рейсъ“, сообщивъ Вогау, „что англійскіе страховые полисы не обнимаютъ собою очистки пошлиною въ Ревелѣ“, извѣстили его, „что поэтому необходимо вновь застраховать товаръ отъ борта парохода до фабрики“. Объясненія же повѣреннаго общества о томъ, что письмо это относится къ другому товару Вогау, а не къ тому, о вознагражденіи за который предъявленъ имъ настоящій искъ, какъ вполнѣ голословное, не можетъ быть принято во вниманіе. Что же касается того обстоятельства, что въ самыхъ полисахъ англійскихъ страховыхъ обществъ товаръ значился застрахованнымъ не только до Ревеля, но и до фабрики, то таковое для разрѣшенія настоящаго дѣла значенія не имѣетъ, ибо полисы эти, чего не отрицаетъ и апелляторъ, находились въ рукахъ „бр. Рейсъ“ и получены были Вогау лишь послѣ пожара хлопка, а слѣдовательно и содержаніе ихъ онъ могъ узнать лишь послѣ совершенія страхованія въ обществѣ „Русскій Ллойдъ“. Признавая такимъ образомъ, что Вогау, страхуя свой товаръ въ обществѣ „Русскій Ллойдъ“ отъ борта парохода въ Ревелѣ до фабрики, дѣйствовалъ вполнѣ добросовѣстно, Прав. Сенатъ находитъ, что и къ признанію заключеннаго имъ по сему предмету съ обществомъ страхового договора недѣйствительнымъ и для общества необязательнымъ не представляется основаній, какъ то вполнѣ правильно и установилъ въ своемъ рѣшеніи СПБ. Ком. Судъ. Переходя засимъ къ обсужденію правильности самой суммы присужденнаго судомъ Вогау съ общества „Русскій Ллойдъ“ вознагражденія, надлежитъ замѣтить, что, за признаніемъ дѣйствительности и законности второго изъ заключенныхъ по настоящему дѣлу страхованій, на обществѣ „Русскій Ллойдъ“ лежитъ обязанность вознагражденія Вогау за понесенные убытки въ полной страховой суммѣ, первое же страхованіе, заключенное „бр. Рейсъ“ въ Лондонѣ слѣдовало бы, за силою вышеприведенныхъ въ п. 3 ст. 10 общихъ условій страхованія въ Россіи, признать недѣйствительнымъ и ничтожнымъ, еслибъ оно не было заключено внѣ предѣловъ Россіи и при дѣйствіи чужеземныхъ законовъ и торговыхъ обычаевъ. Но такъ какъ по первому страхованію часть отыскиваемаго вознагражденія за сгорѣвшій товаръ уже получена Вогау отъ англійскихъ страховыхъ обществъ, то таковая должна подлежать исключенію изъ причитающагося ему отъ „Русскаго Ллойда“ вознагражденія. Въ виду сего и принимая во вниманіе: 1) что показанные въ счетѣ Вогау 1849 ф. ст. 11 шил. 10 п., полученные имъ отъ

англійскихъ страховыхъ обществъ, 5.900 руб. 1 коп., вырученные отъ продажи поврежденнаго товара и 1.333 р. 26 к. расходовъ, значатся въ разсчетѣ самого общества „Русскій Ллойдъ“, приведенномъ имъ въ письмѣ къ Вогау отъ 3 ноября 1888 г., причемъ разсчетъ этотъ, какъ сказано въ письмѣ, составленъ обществомъ на основаніи обязательныхъ для него фактовъ и документовъ, и потому и возбужденный въ настоящее время апелляторомъ противъ этихъ статей споръ долженъ быть признанъ неуважительнымъ; 2) что засимъ противъ опредѣленія Ком. Судомъ стоимости погибшаго хлопка, согласно цѣнамъ, существовавшимъ на оный въ Ревелѣ послѣ выгрузки его съ парохода и удостовѣреннымъ ревельскимъ биржевымъ маклеромъ Эрдманомъ, апелляторъ въ жалобѣ своей не споритъ,—Прав. Сенатъ находитъ рѣшеніе суда и въ отношеніи самой суммы отыскиваемаго Вогау съ общества вознагражденія отмѣнѣ неподлежащимъ. А потому Прав. Сенатъ апелляціонную жалобу повѣреннаго общества „Русскій Ллойдъ“ оставилъ безъ уваженія (1890 г., № 1198).

452|305. Грузоотправитель, заявившій своевременно страховому обществу о томъ, что на судно нагружено большее, чѣмъ застраховано, количество товара и отказавшійся отъ участія въ раздѣлѣ спасеннаго товара, не можетъ быть признанъ нарушившимъ ст. 551 Уст. Торг. Оптовая пропажа груза не можетъ быть подведена подъ понятіе поврежденія груза. Формула „свободно отъ повреждения, кромѣ кораблекрушенія“ не ограждаетъ страховщика отъ отвѣтственности за оптовую пропажу груза. Гибель судна и груза вслѣдствіе открывшейся течи подходитъ подъ понятіе крушенія. Отправитель груза за благонадежность чужого судна, на которомъ перевозился застрахованный грузъ, не отвѣчаетъ.

Изъ дѣла видно, что по полису морского страхованія за № 4831 отъ 26 апрѣля 1895 г. коммерческое страховое общество приняло отъ Рашковскаго на страхъ грузъ пшеницы въ 25.000 пуд., стоимостью по 72 к. за пудъ, считая фрахтъ и ожидаемую прибыль, всего на сумму 18.000 р., погруженный на берлинѣ № 10, арендуемой „Тихановымъ и К°“ и имѣемый быть отправленнымъ за буксиромъ пароходовъ „Тиханова и К°“ изъ Вознесенска въ Николаевъ. На пути изъ Вознесенска означенная берлина № 10 съ застрахованнымъ грузомъ Рашковскаго, бывшая съ другими берлинами на буксирѣ парохода „Дагмара“, 28 апрѣля 1895 г. около трехъ часовъ пополудни открыла течь и, несмотря на принятыя мѣры, затонула и находившійся на ней грузъ пшеницы Рашков-

скаго проданъ былъ впослѣдствіи коммерческимъ страховымъ обществомъ съ аукціона за 401 р. 50 к. Предметъ настоящаго дѣла составляетъ требованіе Рашковскаго о взысканіи съ коммерческаго страхового общества страховой преміи за погибшій грузъ въ размѣрѣ 18.000 руб. Возраженія отвѣтчика противъ этого иска заключаются въ томъ: 1) что на основаніи п.п. 4 и 8 полисныхъ условій и ст. 69 и 104 Гамбургскихъ правилъ морского страхованія онъ не обязанъ отвѣчать передъ страхователемъ, такъ какъ потопленіе берлины № 10, на которой былъ застрахованный грузъ Рашковскаго, произошло вслѣдствіе открывшейся въ берлинѣ течи, а течь въ берлинѣ произошла вслѣдствіе ея ветхости, и 2) что самый страховой договоръ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ въ виду того, что Рашковскимъ невѣрно было объявлено какъ количество, такъ и качество и стоимость застрахованнаго товара. Обращаясь вслѣдствіе принесенной коммерческимъ страховымъ обществомъ на рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда, признавшаго искъ Рашковскаго подлежащимъ удовлетворенію въ полномъ размѣрѣ, апелляціонной жалобы къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла и останавливаясь, прежде всего, на соображеніяхъ апеллятора, приводимыхъ имъ въ доказательство недѣйствительности страхового договора по случаю сообщенія Рашковскимъ неточныхъ свѣдѣній о количествѣ, качествѣ и стоимости застрахованнаго груза, Прав. Сенатъ находитъ, что вышеозначенныя соображенія свои апелляторъ основываетъ на ст. 546 и 551 Уст. Торг., по смыслу коихъ, при заключеніи договора страхованія страхователь обязанъ представить обстоятельное показаніе объ отдаваемомъ на страхъ въ полной мѣрѣ и цѣнѣ, даже и въ томъ случаѣ, когда отдается на страхъ часть, а не полная цѣна корабля или судна, товара или груза, или иного чего, дабы въ случаѣ гибели возможно было раздѣлить спасенное между страхователемъ и страховщикомъ (ст. 551); если же страхователь умышленно отдастъ на страхъ что-либо по цѣнѣ большей противъ настоящей стоимости, если будетъ доказано по суду, что сіе было сдѣлано съ какою-либо противозаконною цѣлью, или скроетъ какое-либо обстоятельство, отъ коего зависѣло возвышеніе преміи, какъ напримѣръ: сдѣлаетъ утайку въ существѣ, добротѣ, свойствѣ, количествѣ и качествѣ товара или груза, либо въ существѣ или качествѣ корабля или судна, то страхованіе почитается недѣйствительнымъ. Но обѣ эти статьи къ настоящему случаю никакого примѣненія не имѣютъ. Что касается обвиненія коммерческимъ страховымъ обществомъ Рашковскаго въ сокрытіи отъ него того обстоятельства, что на берлину № 10 погружено было большее количество пшеницы, чѣмъ показано въ страховомъ полисѣ, то таковое не заслуживаетъ уваженія, ибо хотя, дѣйствительно, въ страховомъ полисѣ значится, что пшеница Рашковскаго, погруженная въ берлину № 10, принята на страхъ въ количествѣ 25.000 пуд., тогда какъ по показанію команды и Догарова на нее было нагружено до 27.000 пуд., но изъ представленнаго повѣренными Рашковскаго нотаріальнаго удостовѣренія агента коммерческаго стра-

хового общества, Меера Барга, того самаго, коимъ подписанъ и страховой полисъ, видно, что уполномоченнымъ Рашковскаго, Шапирою, было заявлено ему, Баргу, 27 апрѣля 1895 г., что на берлинѣ № 10 погружено всего 27.000 пуд., такъ что 2.000 пуд. пшеницы остались незастрахованными. Имѣя въ виду: 1) что противъ нагрузки на берлину № 10 лишнихъ 2.000 пуд. пшеницы протеста со стороны агента коммерческаго страхового общества, Барга, своевременно не послѣдовало; 2) что посему указаніе апеллятора на то, что перегрузка берлины № 10 могла быть причиною ея гибели, не можетъ быть принято во вниманіе, такъ какъ отъ агента Барга, знавшаго, что на берлину погружено лишнихъ 2.000 пуд., зависѣло не допускать этой погрузки, если онъ считалъ ее опасною для судна; 3) что во всякомъ случаѣ за нагрузку берлины № 10 пшеницею въ большемъ количествѣ, чѣмъ она въ состояніи была безопасно поднять, если бы это обстоятельство и имѣло мѣсто въ дѣйствительности (изъ имѣющагося въ дѣлѣ удостовѣренія начальника судоходной дистанціи видно, что берлина въ октябрѣ и ноябрѣ 1894 г. нагружалась 28 т. и 30 т. пуд. пшеницы) отвѣтственнымъ могъ бы быть признанъ не Рашковскій, ибо онъ не былъ собственникомъ означенной берлины, а „Тихановъ и К°“, арендовавшій эту берлину у Левицкаго и допустившій нагрузку въ эту берлину до 27.000 пуд. пшеницы; 4) что цѣль закона, обязывающаго страхователя объявлять о полномъ количествѣ груза, погруженнаго на судно, даже въ томъ случаѣ, когда часть груза не застрахована, какъ это прямо выражено въ 551 ст. Уст. Торг., заключается исключительно въ томъ, чтобы въ случаѣ гибели возможно было раздѣлить спасенное между страхователемъ и страховщикомъ и убытки заплатить по мѣрѣ той цѣны, которую каждый изъ нихъ имѣлъ на своемъ страхѣ, и 5) что въ настоящемъ случаѣ Рашковскій добровольно отъ всякаго участія въ раздѣлѣ спасеннаго груза отказался, предоставивъ въ пользу страхового общества какъ застрахованный грузъ пшеницы, въ количествѣ 25.000 пуд., такъ и не застрахованные 2.000 пуд., Прав. Сенатъ находитъ, что Рашковскій нагрузкою на берлину № 10 лишнихъ противъ показаннаго въ полисѣ количества 2.000 пуд. пшеницы не можетъ быть признанъ нарушившимъ 551 ст. Уст. Торг., а потому обстоятельство это не можетъ служить основаніемъ къ признанію самаго страхового договора недѣйствительнымъ. Равнымъ образомъ не заслуживаетъ уваженія и указаніе апеллятора на преднамѣренное увеличеніе Рашковскимъ цѣнности отданнаго имъ на страхъ груза, показанной имъ въ размѣрѣ 72 коп. за пудъ, считая фрахтъ и ожидаемую прибыль, ибо, какъ видно изъ представленнаго повѣреннымъ Рашковскаго, при объясненіи на апелляцію удостовѣренія Николаевскаго биржевого комитета отъ 7 марта 1896 г. за № 69, цѣны на пшеницу на николаевскомъ хлѣбномъ рынкѣ, въ періодъ времени съ 3 по 12 мая 1895 г. включительно (къ этому именно времени и должна была, какъ усматривается изъ дѣла, прибыть въ Николаевъ берлина № 10) существовали слѣдующія: на

пшеницу гирку—ульку, вѣсомъ въ 9 пуд. 5 ф. до 9 пуд. 35 фун. 63—80 коп. за пудъ, а на пшеницу гирку вѣсомъ въ 9 пуд. 22 ф.—69 коп. Эксперты, осматривавшіе пробы пшеницы, взятыя изъ затонувшей берлины № 10, пришли къ заключенію, что пшеница эта, насколько можно было установить въ настоящемъ ея видѣ по прилагаемой пробѣ, хотя и есть гирка средняго качества, но съ примѣсью черноуски и въ ней имѣется зана, такъ что вслѣдствіе этихъ недостатковъ она имѣетъ цѣнность на $2^1/_2$ до $3^1/_2$ коп. на пудъ дешевле противъ обыкновенной пшеницы средняго качества. Заключеніе экспертовъ о нахожденіи въ пшеницѣ примѣсей должно быть признано безспорнымъ, такъ какъ пребываніе пшеницы въ водѣ не могло оказать вліянія на открытіе въ ней механическихъ примѣсей; что же касается мнѣнія экспертовъ о качествѣ пшеницы, то таковое не можетъ быть признано непогрѣшимымъ, во-первыхъ, потому, что сами они въ этомъ отношеніи высказались крайне осторожно: „насколько можно установить въ настоящемъ ея видѣ“, а, во-вторыхъ, потому, что затонувшая берлина съ грузомъ Рашковскаго пребывала въ водѣ, какъ усматривается изъ дѣла, довольно продолжительное время, что, очевидно, не могло не оказать гибельнаго вліянія на качество пшеницы, самая же экспертиза произведена была не тотчасъ послѣ спасенія груза, а спустя около $1^1/_2$ мѣсяцевъ послѣ потопленія берлины. Но если даже и согласиться съ мнѣніемъ экспертовъ о томъ, что пшеница Рашковскаго была средняго качества, то и въ такомъ случаѣ оказывается, что она могла быть продана на николаевскомъ рынкѣ по 69 коп. за пудъ (средняя цѣна по удостовѣренію Николаевскаго биржевого комитета между 63 и 80 к.$=$ $71^1/_2$ коп., за вычетомъ $2^1/_2$ коп. за примѣси), а такъ какъ въ показанной въ полисѣ цѣнѣ 72 коп. за пудъ кромѣ стоимости самой пшеницы застрахованъ былъ и фрахтъ, слагающійся, по объясненію повѣреннаго Рашковскаго, апелляторомъ не опровергнутому, изъ двухъ коп. за доставку пшеницы къ пристани, $1^1/_4$ коп. съ пуда за перевозку по водѣ и $1^1/_4$ коп. съ пуда маклерскихъ, всего $4^1/_2$ коп. съ пуда, то оказывается, что опредѣленная Рашковскимъ стоимость пшеницы вмѣстѣ съ фрахтомъ не можетъ быть признана преувеличенною, вслѣдствіе чего и въ этомъ отношеніи Рашковскій не можетъ быть признанъ нарушившимъ 551 ст. Уст. Торг. Признавая посему доводы апеллятора о недѣйствительности страхового договора незаслуживающими уваженія и переходя къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, можетъ-ли коммерческое страховое общество быть признано отвѣтственнымъ передъ Рашковскимъ за гибель его груза, случившуюся при тѣхъ обстоятельствахъ, кои выяснены по дѣлу, Прав. Сенатъ находитъ, что по общему коренному правилу о договорѣ морского страхованія, выраженному въ законѣ (ст. 555 Уст. Торг.), страховщикъ отвѣтствуетъ передъ страхователемъ противъ всѣхъ морскихъ опасностей, какъ поименованныхъ, такъ и непоименованныхъ въ полисѣ, если только въ полисѣ не означено исключенія изъ правилъ страхованія или не сдѣлано ограниченія въ отвѣт-

ственности; при этомъ, по смыслу 542 ст. Уст. Торг., страховщики обязаны въ дѣйствіяхъ своихъ по морскому страхованію руководствоваться, кромѣ уставовъ, изданныхъ для каждаго страхового общества по принадлежности, правилами, изложенными въ раздѣлѣ VI Устава Торговаго, во всѣхъ случаяхъ, для которыхъ не установлено ничего иного въ самомъ полисѣ; въ случаяхъ же, которые въ правилахъ раздѣла VI Устава Торговаго не предвидѣны, дозволяется ссылаться на правила, принятыя другими государствами. Постановляя общее правило объ отвѣтственности страховщика передъ страхователемъ, законъ, съ одной стороны, указываетъ на разные виды морскихъ несчастій, подводя подъ это понятіе всѣ вообще несчастія, случающіяся на морѣ съ застрахованнымъ грузомъ (ст. 539 Уст. Торг.), и къ такимъ случаямъ относитъ „вредъ или убытокъ грузу“ и особый случай „оптовую пропажу груза“ (ст. 563 Уст. Торг.), а съ другой—указываетъ на различныя условія, помѣщаемыя въ полисахъ (ст. 573, 574, 577 Уст. Торг.) и ограничивающія отвѣтственность страховщика передъ страхователемъ, какъ напримѣръ: „свободенъ отъ всякаго поврежденія“, освобождающее отъ отвѣтственности за поврежденіе и недостатокъ въ количествѣ, или „свободенъ отъ поврежденія, кромѣ кораблекрушенія“, освобождающее отъ отвѣтственности за поврежденія отъ всѣхъ прочихъ несчастій кромѣ кораблекрушенія. Очевидно, что подобнаго рода условныя формулы, освобождая страховщика отъ отвѣтственности за извѣстныя несчастія, не освобождаютъ его отъ отвѣтственности за всѣ другія несчастія, не упоминаемыя въ формулѣ и могущія случиться съ застрахованнымъ грузомъ, каковая отвѣтственность, на основаніи 555 ст. Уст. Торг., лежитъ на немъ въ силу закона, независимо отъ того, выговорена ли она особо въ договорѣ или не выговорена. Въ числѣ различныхъ несчастій законъ, какъ выше сказано, особо упоминаетъ о поврежденіи груза и оптовой пропажѣ груза. Указывая, такимъ образомъ, на эти два понятія, какъ на отдѣльные виды морскихъ несчастій, законъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко отличаетъ оптовую пропажу груза отъ поврежденія его, какъ по юридическимъ послѣдствіямъ, такъ и по существу обоихъ понятій въ ихъ торговомъ значеніи. Независимо отъ особенностей оптовой пропажи груза относительно срока и размѣра вознагражденія страхователя (ст. 563 и 564 Уст. Торг.), въ отличіе отъ поврежденія, ущерба груза, оптовою пропажею груза считается, когда погибъ грузъ или испорченъ до того, что убытокъ составляетъ по крайней мѣрѣ $^3/_4$ цѣнности (п. 6 ст. 563 Уст. Торг.). Такимъ образомъ, подъ оптовою пропажею груза законъ разумѣетъ или полное физическое уничтоженіе его или порчу его, качественно и количественно, настолько измѣнившую самый предметъ и стоимость его, что измѣненіе это приравнивается къ пропажѣ. Такъ какъ смыслъ и юридическое значеніе помѣщаемыхъ въ договорѣ условій, особо опредѣляемыхъ въ законѣ, не могутъ быть произвольно расширяемы за предѣлы, начертанные закономъ, но должны быть толкуемы въ ихъ законномъ объемѣ, то по такому коренному различію поврежденіе груза и

оптовая его пропажа не только не могутъ считаться тождественными между собою, но въ ихъ юридическомъ и торговомъ значеніи представляютъ понятія вполнѣ самостоятельныя, не соизмѣримыя другъ съ другомъ, такъ что оптовая пропажа не можетъ почитаться видомъ поврежденія, не вмѣщается въ немъ, какъ часть въ цѣломъ, и, слѣдовательно, не должна быть предполагаема въ страховой формулѣ, касающейся поврежденія. Такое заключеніе представляется тѣмъ болѣе правильнымъ, что допущеніе противнаго привело бы къ уничтоженію всякаго значенія установленной самимъ закономъ, ограничительной формулы страхового договора „свободенъ отъ всякаго поврежденія“, такъ какъ страховщикъ, освобождаясь этою формулою отъ страха за поврежденіе и недостатокъ въ количествѣ, тѣмъ самымъ освобождался бы отъ всякой отвѣтственности за какія-либо несчастія, если понимать подъ словомъ „поврежденіе“ и „оптовую пропажу“. А потому и формула „свободенъ отъ поврежденія, кромѣ кораблекрушенія“, ограничивая отвѣтственность страховщика за принятый имъ на страхъ грузъ случаемъ кораблекрушенія лишь при поврежденіи груза, не ограждаетъ его отъ обязанности отвѣтствовать за оптовую пропажу груза—обязанности, которая должна имѣть мѣсто въ силу закона и при отсутствіи кораблекрушенія, если только она не устранена другими условіями договора. Примѣняя эти соображенія къ настоящему дѣлу, оказывается, что гибель груза Рашковскаго на берлинѣ № 10 должна быть признана за оптовую пропажу груза, а не за поврежденіе его, ибо остатки его проданы самимъ коммерческимъ страховымъ обществомъ всего лишь за 401 руб. 50 коп., что составляетъ менѣе $^1/_{50}$ части прежней стоимости груза (18.000 руб.). Самый грузъ, какъ видно изъ полиса, принятъ на страхъ на основаніи ст. 391—588 Уст. Торг. и общихъ полисныхъ условій, во всѣхъ же случаяхъ, которые не предусмотрѣны ни въ вышеупомянутыхъ статьяхъ Устава Торговаго, ни въ общихъ полисныхъ условіяхъ, обѣ стороны согласились примѣнять Гамбургскія общія морскія 1867 г. условія со всѣми къ онымъ прибавленіями и измѣненіями, съ условіемъ: только за морскую опасность. При этомъ въ полисныхъ общихъ условіяхъ постановлено: статья 4: „если не послѣдовало особаго соглашенія, то товары считаются застрахованными, нѣкоторые (перечисленные) свободно отъ 3% поврежденія, другіе (перечисленные) свободно отъ 10% поврежденія, остальные же, поименованные товары (къ коимъ относятся и хлѣбные грузы) считаются застрахованными „свободно отъ поврежденія и излома, кромѣ случая крушенія“. Статья 8: „если страхованіе заключено съ условіемъ „свободно отъ поврежденія (поломки) кромѣ случая крушенія“, то общество отвѣчаетъ за всякое поврежденіе (поломку) твердыхъ тѣлъ, превышающее 3%, если корабль, на которомъ находятся застрахованные товары, потерпитъ крушеніе“. Далѣе идетъ рѣчь о томъ, что считается случаями крушенія и въ концѣ прибавлено: „наравнѣ съ крушеніемъ считаются только тѣ случаи, когда корабль опрокинется, затонетъ, разобьется, сгоритъ или въ случаѣ

столкновенія". Статья 9: „если договоръ заключенъ съ условіемъ „только за совершенную утрату", то общество отвѣчаетъ лишь въ случаѣ гибели корабля или товаровъ, или если страхователь лишился ихъ безвозвратно, а именно, если они совершенно потонули или первоначальное ихъ свойство уничтожено. Основываясь на этихъ общихъ полисныхъ условіяхъ, а именно на томъ, что грузъ Рашковскаго принятъ на страхъ „свободно отъ поврежденія, кромѣ случая крушенія", коммерческое страховое общество отклоняетъ отъ себя всякую отвѣтственность за гибель груза Рашковскаго на томъ основаніи, что берлина № 10 съ означеннымъ грузомъ затонула вслѣдствіе открывшейся въ ней течи, происшедшей, по мнѣнію апеллятора, отъ ветхости берлины, а такой случай подъ понятіе крушенія, будто бы, не подходитъ. Но эти соображенія апеллятора представляются неуважительными, ибо, не говоря уже о томъ, что приводимое имъ толкованіе понятія „крушенія" не только не подтверждается ни закономъ (ст. 478 Уст. Торг.), подводящимъ подъ крушеніе открывшуюся на суднѣ течь, такъ что вылить воду окажется невозможнымъ, ни полисными условіями, но прямо этими условіями опровергается, такъ какъ въ нихъ прямо оговорено, что наравнѣ съ крушеніемъ считается, между прочимъ, „когда корабль затонетъ" безъ всякаго поясненія о причинѣ затопленія судна, слѣдовательно подразумѣвается затопленіе отъ какой бы то ни было причины, а въ данномъ случаѣ именно и имѣло мѣсто затопленіе берлины № 10,—отклоненіе отъ себя отвѣтственности за гибель груза Рашковскаго по приводимымъ апеллятором основаніямъ не можетъ вообще быть принято во вниманіе, ибо, за силою приведенныхъ выше соображеній, формула „свободно отъ поврежденія, кромѣ случая кораблекрушенія", ограничивающая отвѣтственность коммерческаго страхового общества передъ Рашковскимъ случаемъ кораблекрушенія лишь за одно поврежденіе груза, не освобождаетъ его отъ отвѣтственности за оптовую пропажу груза, такъ какъ, съ одной стороны, оптовая пропажа, какъ выше указано, въ законномъ значеніи этого слова, не подходитъ подъ понятіе поврежденія, съ другой же стороны, полисныя условія не содержатъ въ себѣ ограниченія отвѣтственности страховщика за такого именно рода пропажу груза, а слѣдовательно, остается въ силѣ и неприкосновенности общее начало объ отвѣтственности страховщика за грузъ страхователя отъ всѣхъ морскихъ несчастій, что прямо и выражено въ ст. 3 условій, въ виду чего, на основаніи формулы „свободно отъ поврежденія, кромѣ случая кораблекрушенія", обязанность коммерческаго страхового общества отвѣтствовать за оптовую пропажу застрахованнаго Рашковскимъ груза по правиламъ 564 ст. Уст. Торг. въ размѣрѣ полной страховой суммы не можетъ быть поставлена въ зависимость даже отъ того, послѣдовала-ли она отъ крушенія берлины № 10, на которой былъ отправленъ этотъ грузъ, или же отъ другихъ какихъ-либо причинъ. А потому и принимая во вниманіе: 1) что входитъ въ разсмотрѣніе дѣлаемыхъ апеллятором ссылокъ на Гамбургскія правила не пред-

ставляется надобности, ибо случай морского страхованія на условіяхъ вообще „отъ морскихъ опасностей“ и въ частности „свободно отъ поврежденія, кромѣ случая крушенія“, не можетъ быть отнесенъ къ числу непредвидѣнныхъ дѣйствующими узаконеніями, въ каковомъ только случаѣ, согласно 542 ст. Уст. Торг., и могло бы имѣть мѣсто принятіе къ руководству правилъ иностранныхъ государствъ; 2) что равнымъ образомъ не подлежитъ удовлетворенію ходатайство апеллятора о допросѣ свидѣтелей и производствѣ экспертизы въ подтвержденіе ветхости берлины № 10, ибо обстоятельство это, еслибы и было установлено, не имѣетъ для дѣла рѣшающаго значенія, такъ какъ Рашковскій, какъ объяснено выше, не собственникъ означенной берлины и даже не арендаторъ ея, а слѣдовательно, во всякомъ случаѣ не можетъ отвѣчать за качество берлины, если бы даже и было доказано, что гибель груза произошла именно вслѣдствіе ненадежности берлины, отъ апеллятора же зависитъ, если желаетъ и считаетъ на то себя вправѣ, обратиться съ искомъ объ убыткахъ, причиненныхъ ему ветхостью означенной берлины, къ арендатору таковой—перевозчику „Тиханову и К°“, погрузившему на нее пшеницу Рашковскаго,—Прав. Сенатъ не находитъ основаній къ отмѣнѣ обжалованнаго апелляторомъ рѣшенія Одесскаго Ком. Суда. А потому Прав. Сенатъ рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда утвердилъ. (1896 г., № 466).

453|306. Передача страхового полиса по бланковой надписи.

По закону (ст. 553 Уст. Торг.) полисъ можетъ быть передаваемъ страхователемъ изъ рукъ въ руки съ надлежащими надписями, а потому страховщикъ обязанъ платить только предъявителю полиса. Это послѣднее выраженіе закона, что страховщикъ обязанъ платить только предъявителю полиса, въ связи съ допускаемой имъ возможностью передачи полиса *изъ рукъ въ руки* по надлежащимъ надписямъ, безъ всякаго дальнѣйшаго, однако, опредѣленія содержанія этихъ надписей, приводитъ къ убѣжденію, что полисъ, какъ и всякая иная предъявительская бумага, можетъ быть передаваемъ и по бланковой надписи (1897 г., № 47).

454. Къ толкованію статей 587, 581 и 599 Уст. Торг.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что его обсужденію подлежитъ вопросъ о правильности рѣшительнаго опредѣленія Коммерческаго Суда, коимъ съ Русскаго страхового общества присуждено было въ пользу торговопромышленнаго товарищества наслѣдниковъ В. Т. Пташникова 34.800 р. съ % страхового вознагражденія. Обращаясь къ доводамъ, выставленнымъ въ апелляціонной жалобѣ повѣреннаго отвѣтчика противъ означеннаго рѣшенія суда, Правительствующій Сенатъ останавливается

прежде всего на необходимости сопоставить ст. 587 Уст. Торг. съ содержаніемъ договора сторонъ; такое сопоставленіе съ непреложностью убѣждаетъ въ неосновательности ссылки апеллятора на упомянутую статью закона; въ самомъ дѣлѣ, ст. 587 предусматриваетъ случаи, когда застрахованный товаръ при кораблекрушеніи или иномъ несчастіи погибнетъ не весь; изъ текста статьи видно, что страховщикъ и страхователь предполагаются имѣющими возможность немедленно распорядиться спасенными остатками груза, слѣдовательно, никакого отношенія къ захвату и задержанію товара во время морского пути, когда грузъ становится внѣ возможности немедленнаго на него воздѣйствія обѣихъ договаривающихся сторонъ, статья эта не имѣетъ; между тѣмъ изъ полиса, выданнаго отвѣтчикомъ истцу, явствуетъ, что товаръ, о коемъ идетъ рѣчь въ данномъ дѣлѣ, былъ застрахованъ отъ военныхъ опасностей и притомъ на случай задержанія товара отличаемый отъ поставленнаго рядомъ случая его захвата. Отсюда вытекаетъ явная непримѣнимость къ дѣлу ст. 587 Уст. Торг.; напротивъ, ст. 581, вопреки утвержденію апелляціонной жалобы, имѣетъ прямое отношеніе къ спору истца и отвѣтчика; предусматривая послѣдствія оптовой пропажи груза, статья эта относитъ къ такой пропажѣ, въ числѣ другихъ случаевъ, не только взятіе судна въ плѣнъ (п. 1) но и задержаніе его чужой державой (п. 5), а засимъ, также, вопреки мнѣнію апеллятора, надлежитъ руководиться еще и ст. 599 Уст. Торг., устанавливающею право страхователя получить полностью страховыя деньги, если задержанный непріятелемъ или разбойниками товаръ не будетъ выкупленъ въ теченіе полугода; хотя въ апелляціи и отмѣчается съ особенною настойчивостью то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ застрахованный грузъ былъ оставленъ не у непріятеля, а въ русской крѣпости, но соображеніе это лишено значенія, такъ какъ, толкуя упомянутыя ст.ст. 581 и 599 Уст. Торг., нельзя упустить изъ виду и полиса, выданнаго истцу отвѣтчикомъ. Если, съ одной стороны, задержаніе груза непріятелемъ въ теченіе шести мѣсяцевъ даетъ страхователю право на полное вознагражденіе, а съ другой, истецъ и отвѣтчикъ условились о застрахованіи груза отъ военныхъ опасностей вообще и въ томъ числѣ и отъ его задержанія безъ добавленія и, слѣдовательно, безъ различія, кѣмъ будетъ грузъ задержанъ, то послѣдствія для сторонъ отъ задержанія груза въ Портъ-Артурѣ, за невозможностью доставить его во Владивостокъ, въ виду военныхъ дѣйствій на морѣ, не могутъ разниться отъ послѣдствій, указанныхъ въ ст. 599; не то важно, въ чьихъ рукахъ оказался задержанный грузъ, но важно, по смыслу ст. 599 и договора сторонъ, что грузъ задержанъ въ силу военныхъ дѣйствій, а это какъ разъ и имѣется налицо, ссылки же апеллятора на то, что ст. 599 предусматриваетъ выкупъ товара, а не безвозмездную его выдачу, и на то, что истецъ могъ до взятія Портъ-Артура японцами распорядиться перевозкою товара во Владивостокъ по желѣзной дорогѣ, надлежитъ отвергнуть: о выкупѣ ст. 599 упоминаетъ лишь въ видѣ

возможности уменьшить отвѣтственность страховщика и то подъ условіемъ, что грузъ выкупленъ будетъ ранѣе шести мѣсяцевъ, тогда какъ въ данномъ случаѣ товаръ былъ задержанъ болѣе этого срока, а возможность перевозки товара во Владивостокъ сухимъ путемъ не доказана, да и не входила по договору въ обязанность истца. Приступая затѣмъ къ соображенію апеллятора о томъ, что составляющій предметъ настоящаго дѣла искъ къ Русскому страховому обществу не подлежитъ удовлетворенію уже въ силу одного предъявленія его до наступленія надлежащаго срока, Правительствующій Сенатъ и этотъ доводъ апеллятора признаетъ неправильнымъ по нижеслѣдующимъ основаніямъ. Установленный въ ст. 581 и 599 Уст. Торг. шестимѣсячный срокъ исчисляется со дня полученія извѣщенія о несчастномъ случаѣ, извѣщеніе же о томъ, что товаръ не былъ доставленъ на мѣсто назначенія и пропалъ неизвѣстно гдѣ, было послано истцомъ отвѣчику 23 іюля 1904 г., а потому, если и допустить, что отвѣтчикъ ранѣе не зналъ о судьбѣ товара, задержаннаго въ Портъ-Артурѣ еще въ началѣ того же года, то съ этого момента онъ долженъ считаться извѣщеннымъ; хотя причина исчезновенія груза и была указана истцомъ ошибочно, но это лишено рѣшающаго значенія, такъ какъ военный характеръ причины отмѣченъ правильно; посему и принимая во вниманіе, что въ согласіи съ предыдущими разсужденіями, переходъ Портъ-Артура въ руки японцевъ является безразличнымъ, а важенъ моментъ задержанія товара въ пути изъ за войны на морѣ, надо признать, что шестимѣсячный срокъ слѣдуетъ отсчитывать отъ извѣщенія отвѣтчика о неприбытіи товара во Владивостокъ. Очевидно, что искъ предъявленъ уже по истеченіи этого срока, и потому возраженіе отвѣтчика падаетъ само собою. Засимъ, если бы даже считать примѣнимымъ къ настоящему случаю установленный въ той же ст. 581 годовой срокъ, то и тогда о пропускѣ его не должно быть и рѣчи, такъ какъ срокъ этотъ надлежитъ въ данномъ дѣлѣ исчислять со времени отправленія корабля, т. е., слѣдовательно, много болѣе, чѣмъ за годъ до вчиненія составляющаго предметъ настоящаго дѣла иска. Имѣя засимъ въ виду, что право истца отказаться отъ принятія товара, прибывшаго съ значительнымъ опозданіемъ приблизительно спустя два года и требовать съ отвѣтчика уплаты всей страховой суммы основывается также на ст. 582 Уст. Торг., устанавливающей обязанность страховщика платить при оптовой пропажѣ полную застрахованную сумму безъ всякаго вычета,— Правительствующій Сенатъ не усматриваетъ, по силѣ изложенныхъ соображеній, основанія къ отмѣнѣ обжалованнаго по настоящему дѣлу рѣшенія суда (1909 г., № 1221).

АВАРІЯ

(столкновеніе судовъ—тоже).

455|307. Убытки отъ столкновенія судовъ, составляютъ аварію взаимнаго вреда, при каковой аваріи отыскивающій вознагражденіе обязанъ доказать не только виновность другого судна въ столкновеніи, но и то, что съ его стороны были употреблены всѣ мѣры къ отвращенію свалки. Слишкомъ быстрый при господствовавшемъ туманѣ ходъ, неостановка машинъ, недостатокъ бдительности команды, какъ основанія виновности въ столкновеніи.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что разрѣшенію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Одесскій Ком. Судъ отказалъ какъ въ первоначальномъ искѣ торговаго дома „Бр. Майерсъ“ къ капитану парохода „Царь“, Демме и владѣльцу того парохода Русскому обществу пароходства и торговли 305.230 р. 60 к. съ % и издержками убытковъ отъ потопленія принадлежащаго истцу парохода „Пенигентъ“, такъ и во встрѣчномъ искѣ Русскаго общества пароходства и торговли къ торговому дому „Бр. Майерсъ“ 56.364 р. съ % и издержками убытковъ, причиненныхъ обществу отъ столкновенія его парохода съ пароходомъ истца по винѣ послѣдняго. По закону (ст. 419 Уст. Торг.) убытки, понесенные обѣими тяжущимися сторонами отъ столкновенія ихъ пароходовъ „Пенигентъ“ и „Царь“, составляютъ аварію взаимнаго вреда, при каковой аваріи отыскивающій вознагражденіе на основаніи виновности одного изъ столкнувшихся судовъ долженъ, по точному смыслу ст. 454 того же Уст., независимо отъ доказательства такой виновности, доказать еще и то, что другое, столкнувшееся судно не было также виновно въ столкновеніи и что симъ послѣднимъ употреблены были всѣ возможные способы къ отвращенію свалки, ибо въ противномъ случаѣ, каждое изъ потерпѣвшихъ судовъ само платитъ свой убытокъ. Такимъ образомъ, предъявляя другъ къ другу составляющіе предметъ настоящаго дѣла взаимные иски о возмѣщеніи происшедшихъ отъ столкновенія пароходовъ „Пенигентъ“ и „Царь“ убытковъ, обѣ стороны обязаны были доказать: „Бр. Майерсъ“, владѣльцы парохода „Пенигентъ“, что свалка произошла исключительно лишь по винѣ команды парохода “Царь“, что команда парохода „Пенигентъ“ въ этой свалкѣ совершенно невиновна и что она съ своей стороны предприняла возможныя мѣры къ отвращенію свалки, а Русское общество

пароходства и торговли, владѣлецъ парохода „Царь“, что свалка пароходовъ произошла исключительно по винѣ команды парохода „Пенигентъ“, что команда парохода „Царь“ въ этой свалкѣ вовсе невиновна и что она съ своей стороны употребила всѣ мѣры къ отвращенію свалки. Обращаясь къ разсмотрѣнію въ семъ отношеніи имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ и останавливаясь, прежде всего, на самыхъ обстоятельствахъ происшедшей между названными пароходами свалки, Прав. Сенатъ находитъ, что морской протестъ экипажа парохода „Пенигентъ“ и шканечный журналъ этого парохода даютъ слѣдующую картину плаванія названнаго парохода за время, предшествовавшее его столкновенію съ пароходомъ „Царь“, и обстоятельствъ, при которыхъ произошло самое столкновеніе и гибель этого парохода. Пароходъ „Пенигентъ“, снявшись съ якоря въ Константинополѣ 23 апрѣля 1888 г. въ 2 ч. пополудни и пройдя Босфоръ въ 4 часа, вошелъ въ Черное море, взявъ курсъ NO$^{1}/_{2}$ на Одессу; вслѣдствіе господствовавшаго въ теченіе всего дня съ небольшими перерывами тумана, смотря по степени его густоты, машинамъ даваемъ былъ то тихій ходъ, то средній, когда же туманъ исчезалъ—то полный; на слѣдующій день утромъ, вслѣдствіе густого тумана, машинамъ данъ былъ самый тихій ходъ; въ 1 ч. 35 мин. до полудня туманъ разсѣялся и машинамъ данъ былъ вновь полный ходъ; въ 7 ч. 35 м. до полудня опять нависъ густой туманъ и машинамъ данъ былъ средній ходъ, а свисткомъ подавали сигналы и вообще за свисткомъ и за часовыми хорошо наблюдали; въ 9 ч. до полудня машинамъ данъ тихій ходъ; черезъ 10 мин. послѣ этого услыхали пароходный свистокъ съ лѣвой стороны; капитаномъ отдано было приказаніе въ машинное отдѣленіе „быть на готовѣ“ и продолжали неоднократно давать свистки, но въ продолженіе 10 мин. не было слышно никакихъ звуковъ, которые могли бы указать положеніе другого парохода; затѣмъ внезапно былъ замѣченъ съ лѣвой стороны темный предметъ, быстро приближавшійся, оказавшійся впослѣдствіи пароходомъ „Царь“, и за 10 секундъ до столкновенія услышанъ былъ второй свистокъ съ названнаго парохода, но этотъ свистокъ не могъ имѣть никакого значенія, такъ какъ, хотя машинамъ и данъ былъ немедленно полный ходъ назадъ, но почти немедленно же оба парохода столкнулись, причемъ пароходъ „Пенигентъ“ былъ перерѣзанъ отъ лѣвой скулы до правой, носовая часть его была совершенно отрѣзана и непроницаемая переборка пробита; въ 10 час. до полудня пароходъ совсѣмъ накренился и затонулъ. Изъ шканечнаго же журнала парохода „Царь“ и изъ морского протеста этого парохода видно, что пароходъ „Царь“ вышелъ изъ Одессы прямымъ рейсомъ въ Константинополь 23 апрѣля 1888 г. въ 4 часа пополудни и взялъ курсъ SW 19^{0}; ночью пароходъ шелъ малымъ ходомъ при 42 оборотахъ вала въ минуту, подавая все время туманные сигналы свисткомъ; на слѣдующій день въ 5 час. до полудня туманъ разсѣялся, вслѣдствіе чего машинамъ данъ былъ полный ходъ; въ 8 час. 10 мин. до полудня туманъ сгустился, ходъ машинъ былъ умень-

шенъ до 42 оборотовъ вала въ минуту, а туманные сигналы свисткомъ подавались каждыя 2—3 минуты; въ 8 ч. 30 м. до полудня машинамъ данъ былъ малый ходъ; въ 9 час. до полудня услыхали свистокъ съ лѣвой стороны и тотчасъ же увидѣли очень близко проходящій съ лѣвой стороны англійскій пароходъ „Уэвъ“, съ которымъ разошлись благополучно лѣвымъ бортомъ, и продолжая идти тѣмъ же малымъ ходомъ; въ 9 час. 30 мин. до полудня услышали впереди съ правой стороны свистокъ и стали отвѣчать; послѣ протяжныхъ свистковъ, не слыша нѣкоторое время отвѣта, дано было еще два короткихъ свистка, означавшихъ по международному своду сигналовъ, что пароходу дано направленіе влѣво, соотвѣтственно чему отведены были рули лѣво на бортъ; спустя не болѣе 2-хъ минутъ послѣ перваго услышаннаго съ правой стороны свистка замѣченъ былъ въ густомъ туманѣ корпусъ парохода, оказавшагося впослѣдствіи „Пенигентъ“, въ разстояніи не больше полукабельтова, идущій пароходу „Царь“ навстрѣчу, пересѣкая ему курсъ, и хотя машина была немедленно застопорена и былъ данъ полный задній ходъ, но такъ какъ пароходы находились въ весьма близкомъ разстояніи другъ отъ друга, то спустя не болѣе 1 минуты послѣ того, какъ былъ замѣченъ корпусъ парохода, произошло столкновеніе, причемъ пароходъ „Пенигентъ“ ударилъ своимъ форштевнемъ въ правую скулу парохода „Царь“, пробивъ на правомъ бортѣ его въ носовомъ отдѣленіи жилой кочегарскій кубрикъ и подшкиперскую каюту, а затѣмъ, продолжая двигаться вдоль праваго борта парохода „Царь“, сломалъ на немъ шлюпбалку, часть площадки и трапъ. Основываясь на изложенныхъ обстоятельствахъ свалки, каждая изъ сторонъ виновность въ столкновеніи пароходовъ всецѣло относитъ на противную сторону, а именно: торговый домъ „Бр. Майерсъ“ утверждаетъ, что причиною столкновенія пароходовъ было то, что пароходъ „Царь“ шелъ ненадлежаще умѣреннымъ ходомъ, подавая свистки недостаточно часто, какъ то предписываетъ законъ; что, услышавъ свистокъ встрѣчнаго парохода „Пенигентъ“, пароходъ „Царь“ отвѣтилъ ему только одинъ разъ и въ теченіе 10 минутъ свистковъ болѣе не давалъ и что, наконецъ, вскорѣ послѣ перваго свистка пароходъ „Царь“ безъ всякой къ тому надобности и вопреки предписаніямъ закона, положилъ руль лѣво на бортъ, вслѣдствіе чего, ставъ на пересѣчку курса парохода „Пенигентъ“, навалилъ на него и потопилъ его; съ своей же стороны, по объясненію истца, пароходъ „Пенигентъ“ принялъ всѣ предписанныя закономъ мѣры для плаванія во время тумана и для предотвращенія свалки пароходовъ, а именно: имѣлъ надлежаще тихій ходъ, хорошо наблюдалъ за свисткомъ, курса своего, не видя встрѣчнаго парохода, не измѣнялъ и своевременно предупредилъ машину быть наготовѣ, а затѣмъ далъ полный задній ходъ своей машинѣ.— Русское же общество пароходства и торговли причину столкновенія пароходовъ видитъ въ томъ, что пароходъ „Пенигентъ“ не давалъ туманныхъ сигналовъ въ установленные закономъ промежутки времени, не уменьшилъ полнаго хода,

несмотря на сильный туманъ, шелъ, не придерживаясь опредѣленнаго курса и неправильнымъ направленіемъ своего курса вправо—что подтверждается независимо отъ показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей и тѣмъ обстоятельствомъ, что свистки на пароходѣ „Царь“ были слышны справа, а на пароходѣ „Пенигентъ“ слѣва,—направился на пересѣчку курса парохода „Царь“, вслѣдствіе чего, налетѣвъ на него, и нанесъ ему поврежденія преимущественно съ правой стороны и наконецъ, что пароходъ „Пенигентъ“ далъ задній ходъ своей машинѣ слишкомъ поздно, всего лишь за 10 секундъ до столкновенія, тогда какъ со стороны парохода „Царь“ приняты были всѣ мѣры предосторожности для безопаснаго плаванія во время тумана и во избѣжаніе столкновенія, а именно: пароходъ имѣлъ надлежаще тихій ходъ, свистокъ дѣйствовалъ аккуратно, задній ходъ данъ былъ машинѣ своевременно и были приняты всѣ мѣры, чтобы разойтись со встрѣчнымъ пароходомъ; если же маневръ парохода „Царь“ не удался, то лишь за краткостью времени и по винѣ самого „Пенигента“. Приступая къ выясненію истинной причины свалки названныхъ пароходовъ, Прав. Сенатъ находитъ, что, собственно, видимая причина столкновенія пароходовъ „Царь“ и „Пенигентъ“ заключается въ томъ, что эти пароходы, вслѣдствіе бывшаго въ то время тумана, увидали другъ друга и взаимное дѣйствительное положеніе каждаго изъ нихъ настолько поздно, что принятыя ими въ этотъ моментъ мѣры къ отвращенію уже неизбѣжнаго столкновенія оказались безсильными и не достигшими цѣли. Но имѣя въ виду, что въ законѣ предусмотрѣны именно случаи подобные настоящему, когда взаимное положеніе кораблей, угрожающее опасностью столкновенія, можетъ быть обнаружено вслѣдствіе тумана лишь на очень близкомъ разстояніи и что въ законѣ преподаны особыя правила для плаванія судовъ во время тумана, съ цѣлью предотвращенія возможности свалки даже при такихъ обстоятельствахъ, Прав. Сенатъ находитъ, что для выясненія вопроса о виновности въ данномъ происшествіи слѣдуетъ прежде всего обратиться къ разрѣшенію вопроса о томъ, были ли въ точности соблюдены обоими пароходами предписанныя закономъ правила для плаванія во время тумана и для предотвращенія могущихъ послѣдовать отъ этой причины столкновеній. Правила эти сводятся въ главныхъ чертахъ къ слѣдующимъ положеніямъ: во время тумана какъ днемъ, такъ и ночью, паровое судно должно подавать своимъ паровымъ свисткомъ или другимъ паровымъ звуковымъ сигналомъ черезъ промежутки не болѣе двухъ минутъ одинъ протяжный свистокъ (п. 1 ст. 432 Уст. Торг.); оно должно имѣть умѣренный ходъ (ст. 433 Уст. Торг.); затѣмъ въ слѣдующихъ статьяхъ, хотя и не спеціально относящихся къ случаямъ плаванія во время тумана, но по внутреннему ихъ содержанію обязательныхъ къ руководству и въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, между прочимъ постановлено, что всякое паровое судно, приближающееся къ другому судну такъ, что этимъ можетъ послѣдовать опасность столкновенія, обязано уменьшать ходъ, а въ случаѣ на-

добности, остановиться и дать задній ходъ (ст. 438 Уст. Торг.), и что ни одно судно ни при какихъ обстоятельствахъ не должно пренебрегать надлежащими предосторожностями; при примѣненіи изложенныхъ въ законѣ правилъ для предупрежденія возможности столкновенія на морѣ слѣдуетъ обращать должное вниманіе на всякаго рода опасности плаванія и на тѣ особенныя обстоятельства, при которыхъ дѣлается иногда необходимымъ отступленіе отъ упомянутыхъ правилъ для избѣжанія неминуемаго бѣдствія (ст. 443 Уст. Торг.). Примѣняя эти законоположенія къ настоящему дѣлу и останавливаясь прежде всего на вопросѣ о томъ, насколько были соблюдены пароходами требованія закона относительно подачи звуковыхъ туманныхъ сигналовъ, Прав. Сенатъ находитъ, что по дѣлу представляется установленнымъ и стороны этого не отрицаютъ, что на обоихъ пароходахъ давались сигналы паровымъ свисткомъ и что этимъ способомъ пароходы получили надлежащее предостереженіе о ихъ взаимномъ приближеніи. Какъ значится въ шканечномъ журналѣ парохода „Пенигентъ“ и въ морскомъ протестѣ его экипажа, означеннымъ пароходомъ услышанъ былъ предупредительный свистокъ съ парохода „Царь“ болѣе чѣмъ за 10 мин. до столкновенія; по свѣдѣніямъ же, имѣющимся въ шканечномъ журналѣ парохода „Царь“ и въ морскомъ протестѣ его экипажа, оказывается, что предупредительный свистокъ встрѣчнаго парохода „Пенигентъ“ услышанъ былъ на немъ минуты за 3 до столкновенія: если даже признать послѣднее свѣдѣніе и вѣрнымъ, а не отнести его скорѣе къ невнимательности команды парохода „Царь“, какъ то утверждаетъ повѣренный торговаго дома „Бр. Майерсъ“, то и въ такомъ случаѣ оказывается, что оба парохода узнали о ихъ взаимномъ приближеніи все-таки настолько заблаговременно, что были, при достаточной бдительности и осторожности, въ состояніи принятіемъ надлежащихъ и своевременныхъ мѣръ предупредить свалку, или въ крайнемъ случаѣ избѣгнуть столь печальныхъ послѣдствій, какія оказались въ настоящемъ случаѣ; вслѣдствіе сего нельзя не согласиться съ мнѣніемъ дававшей по настоящему дѣлу свое заключеніе, назначенной вслѣдствіе указа Прав. Сената, согласно просьбы самого же повѣреннаго „Бр. Майерсъ“, управляющимъ Морскимъ Министерствомъ комиссіи о томъ, что вообще вопросъ о туманныхъ сигналахъ въ настоящемъ дѣлѣ для выясненія причины и виновности въ столкновеніи пароходовъ „Царь“ и „Пенигентъ“ рѣшающаго значенія имѣть не можетъ. Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, соблюдено ли было обоими пароходами второе условіе для безопаснаго плаванія въ туманную погоду—надлежаще умѣренный ходъ—Прав. Сенатъ находитъ, что трое изъ экспертовъ, дававшихъ свое заключеніе по настоящему дѣлу во время производства онаго въ Ком. Судѣ: баронъ Бистромъ, Андреевъ и Боклевскій, не признавъ возможнымъ опредѣлить скорость хода парохода „Пенигентъ“ по документамъ этого парохода, какъ не содержащимъ въ себѣ непосредственныхъ записей о пройденномъ имъ разстояніи и о числѣ узловъ его хода, на основаніи данныхъ о ходѣ парохода

„Царь“ пришли, однако, къ заключенію, что пароходы потеряли изъ средней скорости на уменьшеніи хода по случаю тумана: „Царь“ 2—3 узла, а „Пенигентъ“ 0,5—0,6 узла, и что хотя и нельзя утверждать, что цифры эти выражали въ точности сравнительную степень уменьшенія хода пароходами передъ самымъ столкновеніемъ, изъ которой можно было бы опредѣлить дѣйствительный ходъ ихъ въ это время, но во всякомъ случаѣ послѣдствія столкновенія показываютъ, что скорость хода обоихъ пароходовъ была болѣе той, какая могла быть допущена при данныхъ обстоятельствахъ тумана; при этомъ Боклевскій съ своей стороны прибавилъ, что, по его мнѣнію, скорость хода парохода „Царь“ была 2—2,5 узла. Что же касается дававшей по настоящему дѣлу свое заключеніе назначенной управляющимъ Морскимъ Министерствомъ комиссіи, то она, на основаніи результатовъ столкновенія и полученныхъ пароходами поврежденій, также пришла къ заключенію, что относительная скорость хода обоихъ пароходовъ была больше той, какая соотвѣтствовала бы обстоятельствамъ погоды и требованіямъ правилъ, но далѣе, опредѣляя эту скорость для парохода „Царь“ на основаніи вахтеннаго журнала его, а для парохода „Пенигентъ“, за неимѣніемъ въ документахъ этого парохода достаточно точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній, на основаніи средней скорости перехода его отъ Румелійскаго мыса до мѣста столкновенія, комиссія приходитъ къ выводу, что ходъ парохода „Царь“ 6 миль въ часъ, какъ составляющій менѣе половины его полнаго хода ($12^1/_2$—13 миль), долженъ быть признанъ вполнѣ соотвѣтствовавшимъ требуемому правилами умѣренному ходу; ходъ же парохода „Пенигентъ“ былъ все время полный—9,32 мили въ часъ. Не вдаваясь въ оцѣнку представленныхъ экспертами цифровыхъ данныхъ о предполагаемой скорости хода пароходовъ и вполнѣ соглашаясь съ ними, судя по размѣрамъ и характеру полученныхъ обоими пароходами поврежденій во время столкновенія, что скорость хода парохода „Пенигентъ“ не соотвѣтствовала той, какая во избѣжаніе всякаго несчастія должна быть во время тумана, Прав. Сенатъ по тѣмъ же основаніямъ не можетъ признать правильнымъ выводъ комиссіи о надлежаще умѣренномъ ходѣ парохода „Царь“. Несомнѣннымъ доказательствомъ слишкомъ быстраго хода парохода „Пенигентъ“ служитъ какъ то обстоятельство, что при столкновеніи пароходъ „Царь“, сильно покачнулся и наклонился на лѣвую сторону, т. е. въ сторону движенія парохода „Пенигентъ“ (показаніе свидѣтелей Тульчинскаго, Розена, Гитермана, Мочо, Нейманъ, Сухопарова), такъ и то, что несмотря на уклоненіе парохода „Царь“ въ лѣвую сторону вслѣдствіе описываемой имъ въ то время циркуляціи влѣво и несмотря на задержку хода отъ самаго столкновенія, пароходъ „Пенигентъ“ не остался на мѣстѣ и не отдалился отъ парохода „Царь“, а напротивъ того продолжалъ наносить ему удары въ правый бортъ, повреждая вмѣстѣ съ тѣмъ его трапъ и мостикъ (свид. Тульчинскій, Розенъ, Надежда Розенъ, Мочо и шканечный журналъ парохода „Царь“). Что же касается старанія повѣреннаго торговаго дома „Бр. Майерсъ“

доказать умѣренность хода „Пенигента“ на основаніи записей, имѣющихся въ документахъ этого парохода, о его маломъ ходѣ, а также на основаніи показаній о томъ же нѣкоторыхъ свидѣтелей (экипажа потерпѣвшаго парохода Аткинса, Бойса, Барквеля и Гарвея), то таковое не можетъ быть признано заслуживающимъ уваженія, ибо помимо того, что утверждаемое повѣреннымъ истца обстоятельство опровергается, какъ уже выше указано, выводами, получаемыми при разсмотрѣніи самыхъ обстоятельствъ столкновенія пароходовъ, не допускающими возможности малаго хода у парохода „Пенигентъ“, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ комиссіи о томъ, что документы этого парохода не представляютъ достаточно точнаго матеріала для сужденія по нимъ о дѣйствительномъ ходѣ этого парохода. Дѣйствительно, истцомъ не представлено самаго важнаго и главнаго документа—подписаннаго шканечнаго журнала, а лишь выписка изъ него и то не полная, а заключающая въ себѣ графу замѣчаній безъ всякихъ цифровыхъ данныхъ о ходѣ парохода; засимъ, журналъ старшаго офицера также безъ цифровыхъ данныхъ о ходѣ и наконецъ журналъ старшаго механика съ нѣкоторыми общими свѣдѣніями о ходѣ, но и то не вполнѣ достовѣрными. Очевидно, что записи въ выпискѣ изъ шканечнаго журнала и въ журналѣ старшаго офицера о ходѣ парохода въ такихъ общихъ и условныхъ выраженіяхъ, какъ средній, тихій—передъ самымъ столкновеніемъ показанъ даже не „самый тихій“, а „тихій“ ходъ—никакого опредѣленнаго и точнаго понятія о ходѣ парохода не даютъ тѣмъ болѣе, что онѣ не разъясняются даже машиннымъ журналомъ, въ которомъ, хотя и имѣются записи о числѣ оборотовъ вала въ минуту, но какъ оказывается, по объясненію самого повѣреннаго истца, не выражаютъ собою дѣйствительное число оборотовъ вала при каждомъ измѣненіи хода, а лишь наилучшій результатъ работы машины, достигнутый во время вахты, чѣмъ и объясняется однообразная запись о 62 оборотахъ вала на всемъ переходѣ Чернымъ моремъ, не взирая на указанныя отмѣтки объ измѣненіяхъ хода; что же касается послѣдней въ этомъ журналѣ записи о 25 оборотахъ вала, относящейся ко времени за 10 минутъ до столкновенія, то таковой, какъ совершенно исключительной и совершенной къ тому же уже послѣ столкновенія (что вытекаетъ изъ объясненія самого же повѣреннаго истца, утверждающаго, что всѣ записи въ машинный журналъ вносятся лишь въ полувахту, утренняя же полувахта, по его объясненію, приходилась въ 10 час., между тѣмъ столкновеніе произошло въ началѣ десятаго часа), не можетъ быть придано безусловной вѣры. Наконецъ показанія свидѣтелей,—экипажа парохода „Пенигентъ“ о томъ, что передъ столкновеніемъ пароходъ шелъ „самымъ малымъ ходомъ“, противорѣчатъ записямъ въ шканечномъ журналѣ, гдѣ ходъ этотъ показанъ „тихимъ“, а не „самымъ тихимъ“, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто напримѣръ 6 мая. При этомъ нельзя также не указать на то, что, какъ то замѣтила и комиссія, если бы машина „Пенигента“ дѣйствительно работала самымъ малымъ ходомъ, то представлялось бы непонят-

нымъ, что на пароходѣ „Пенигентъ“, будучи заранѣе предупреждены (за 10 мин.) въ машинѣ „быть на готовѣ“, не успѣли дать задняго хода болѣе двухъ оборотовъ. Равнымъ образомъ и слишкомъ скорый ходъ парохода „Царь“ несомнѣнно доказывается характеромъ нанесенныхъ имъ другому пароходу поврежденій. Пароходъ „Царь“, несмотря на встрѣченное имъ сопротивленіе въ корпусѣ парохода „Пенигентъ“, сохранилъ столь сильное наступательное движеніе, что совсѣмъ перерѣзалъ этотъ пароходъ, отрѣзавъ ему носъ однимъ рѣзкимъ ударомъ, причемъ сила и рѣзкость удара были таковы, что по показанію свидѣтеля Аткинса онъ, свидѣтель, только пошатнулся, но не упалъ, равно какъ не упалъ ни одинъ изъ предметовъ, находившихся въ машинномъ отдѣленіи „Пенигента“. Что же касается объясненія повѣреннаго Русскаго Общества Пароходства и Торговли о томъ, что ходъ парохода „Царь“ 6 миль въ часъ, какъ это показано въ шканечномъ журналѣ его и какъ это признано и комиссіею, вполнѣ соотвѣтствовалъ требованію закона относительно соблюденія предосторожностей при плаваніи въ туманную погоду, то таковое не можетъ быть признано вполнѣ основательнымъ, ибо законъ, не опредѣляя въ цифрахъ числа миль, которыя пароходъ не долженъ превышать при туманѣ, предписываетъ лишь имѣть пароходу настолько умѣренный ходъ, чтобы предотвратить возможность внезапной встрѣчи пароходовъ, предоставляя судить о степени безопасности хода парохода самому шкиперу; самыя же послѣдствія отъ столкновенія пароходовъ, какъ уже выше было объяснено, показываютъ, что ходъ парохода „Царь“ въ настоящемъ случаѣ былъ далеко не безопасенъ. Въ виду изложеннаго Прав. Сенатъ приходитъ къ убѣжденію, что виновными въ несоблюденіи предписанія закона о надлежаще умѣренномъ ходѣ во время тумана должны быть признаны оба парохода. Переходя, наконецъ, къ вопросу о томъ, что сдѣлали пароходы во исполненіе предписаній 438 ст. Уст. Торг. съ того момента, когда туманными сигналами они уже были извѣщены другъ другомъ о ихъ взаимной близости, въ туманную погоду, при отсутствіи ясныхъ признаковъ ихъ точнаго мѣстоположенія несомнѣнно грозившей опасностью столкновенія,—каковой вопросъ, по мнѣнію Прав. Сената, только и долженъ имѣть рѣшающее въ настоящемъ дѣлѣ значеніе, какъ направленный къ выясненію истинной, несомнѣнной и ближайшей причины свалки судовъ, Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ видно изъ документовъ парохода „Пенигентъ“ и изъ показанія лицъ, составлявшихъ его экипажъ, этотъ пароходъ, услыхавъ предостерегательный свистокъ приближавшагося парохода „Царь“, идущаго ему навстрѣчу, за 10 минутъ до столкновенія и не зная въ точности какого направленія онъ держится, въ нарушеніе требованія 438 ст. Уст. Торг. не только не останавливаетъ своего хода, но даже не убавляетъ его и ограничивается лишь отдачею въ машину приказанія „быть на готовѣ“, приказанія, по совершенно справедливому замѣчанію комиссіи, совершенно лишняго, такъ какъ механикъ во время плаванія и безъ того обязанъ

быть неотлучно при машинѣ и быть готовымъ исполнить всякое распоряженіе капитана; въ такомъ пассивно-выжидательномъ состояніи „Пенигентъ“ продолжалъ оставаться до того самаго момента, когда онъ наконецъ внезапно, всего лишь за 10 секундъ до столкновенія, увидалъ выдѣляющійся изъ тумана корпусъ дѣйствительно шедшаго ему на встрѣчу парохода; понятно, что при такихъ условіяхъ данный полный ходъ назадъ уже не могъ повліять на поступательное движеніе парохода, что доказывается тѣмъ, что валъ успѣлъ сдѣлать, по показанію свидѣтеля механика Аткинса, всего лишь 2—3 оборота, а слѣдовательно не могъ и предупредить свалку пароходовъ. При этомъ нельзя не указать также на фактъ, доказывающій вообще недостаточную бдительность команды означеннаго парохода; а именно, тогда какъ команда парохода „Царь“ увидала корпусъ парохода „Пенигентъ“ за 1 минуту до столкновенія, команда послѣдняго парохода, находясь съ командой перваго въ совершенно одинаково невыгодныхъ атмосферическихъ условіяхъ, усмотрѣла корпусъ парохода „Царь“ лишь за 10 секундъ до столкновенія, тогда какъ по справедливому замѣчанію комиссіи, пароходъ „Царь“, имѣвшій надводныя очертанія, значительно большія, чѣмъ „Пенигентъ“ легче было усмотрѣть, чѣмъ пароходъ „Пенигентъ“. Что же касается парохода „Царь“, то оказывается, что онъ тоже не исполнилъ предписаній 438 ст. Уст. Торг., такъ какъ, услышавъ предупредительный свистокъ встрѣчнаго парохода за 3 мин. до столкновенія, доказывающій ему несомнѣнно близость опасности столкновенія, также не остановилъ хода и даже не уменьшилъ его, а поторопился лишь уклониться въ лѣвую, т. е. противоположную казавшемуся ему по свисткамъ положенію встрѣчнаго парохода сторону и далъ полный задній ходъ машинѣ лишь тогда, когда воочію убѣдился, что маневръ его не удался и что столкновеніе уже неизбѣжно. При этомъ нельзя, однако, придать означенному повороту парохода „Царь“ кокого-либо рѣшающаго для дѣла значенія и усматривать въ немъ самую причину свалки, какъ это дѣлаетъ повѣренный „Бр. Майерсъ“, уже потому, что маневръ этотъ, самъ по себѣ, предпринятъ былъ съ видимымъ намѣреніемъ избѣжать грозившей опасности (ст. 443 Уст. Торг.); свистокъ чужого парохода услышанъ былъ на пароходѣ „Царь“ справа, а слѣдовательно, какъ то и заключила комиссія, капитанъ парохода „Царь“ имѣлъ полное основаніе повернуть влѣво и, будь у „Пенигента“ надлежащій тихій ходъ, то результаты этого маневра могли бы и не имѣть подобныхъ случившимся послѣдствій; во всякомъ же случаѣ, послѣдствія эти, насколько они произошли отъ сказаннаго маневра, должны быть всецѣло отнесены къ вызванной господствовавшимъ во время катастрофы сильнымъ туманомъ случайности, ставить которую въ вину капитана парохода „Царь“ не представляется возможнымъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ Прав. Сенатъ находитъ съ несомнѣнностью по дѣлу установленнымъ, что непосредственная причина столкновенія пароходовъ „Царь“ и „Пенигентъ“ лежитъ какъ въ томъ, что оба парохода

имѣли въ туманную погоду слишкомъ скорый ходъ вообще, содѣйствовавшій быстрому сближенію пароходовъ и парализовавшій впослѣдствіи принятыя пароходами мѣры къ предотвращенію наступившей опасности столкновенія, такъ и, ближайшимъ образомъ, въ томъ, что обоими пароходами не были исполнены предписываемыя закономъ правила для избѣжанія столкновенія, когда опасность такового уже на дѣлѣ обнаружилась, машины не только не были остановлены, но даже ходъ пароходовъ не былъ уменьшенъ; мѣры же, принятыя пароходами непосредственно передъ столкновеніемъ (полный ходъ назадъ), явились запоздалыми. А потому и имѣя въ виду, что при такихъ условіяхъ виновность въ столкновеніи пароходовъ „Царь“ и „Пенигентъ“ не можетъ быть возложена исключительно ни на одинъ изъ потерпѣвшихъ пароходовъ, вслѣдствіе чего каждый изъ нихъ долженъ нести самъ свой убытокъ, Прав. Сенатъ признаетъ рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда, отказавшаго въ удовлетвореніи какъ первоначальнаго иска торговаго дома „Бр. Майерсъ“, такъ и встрѣчнаго иска Русскаго общества пароходства и торговли объ убыткахъ, понесенныхъ ими отъ этого столкновенія принадлежащихъ имъ пароходовъ, вполнѣ правильнымъ и отмѣнѣ не подлежащимъ. По симъ основаніямъ Прав. Сенатъ рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда утвердилъ (1893 г., № 802).

456|308. Неуменьшеніе хода парохода, не взирая на господствовавшій туманъ, несвоевременное принятіе мѣръ къ предотвращенію столкновенія, какъ основанія къ возложенію отвѣтственности за произошедшую свалку. Понятіе „умѣреннаго хода“. Присужденіе убытковъ за исправленіе судна въ размѣрѣ разницы между стоимостью его до и послѣ исправленія.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Спб. Ком. Судъ отказалъ шведскому подданному Фердинанду Нюстремъ въ искѣ съ Морского Министерства 7.767 р. 65 к. съ % въ возмѣщеніе понесенныхъ имъ, истцомъ, убытковъ отъ столкновенія близъ маяка Фальстербо принадлежащаго ему брига „Доретте“ съ русскимъ военнымъ клиперомъ „Разбойникъ“. Обращаясь къ обсужденію этого вопроса, Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ видно изъ единогласныхъ показаній лицъ экипажа обоихъ судовъ, сказанное столкновеніе, имѣвшее мѣсто $\frac{\text{25 апрѣля}}{\text{7 мая}}$ 1890 г. около $11^1/_2$ ч. утра, послѣдовало при густомъ туманѣ. Клиперъ „Разбойникъ“ имѣлъ ходъ въ $8^1/_2$ узловъ и, несмотря на густой туманъ, свистковъ не подавалъ (вахтенный журналъ клипера и показанія при дознаніи и слѣдственной комиссіи командира клипера Вульфа, вахтеннаго начальника Джаксона,

старшаго офицера Беклемишева, старшаго механика Иванова, квартирмейстеровъ Ковалева и Гусева, рулевого Иванова, Дьячкова, поручика Ислямова). Далѣе изъ дѣла видно, что передъ столкновеніемъ, въ виду все сгущавшагося тумана, вахтенный начальникъ, мичманъ Джаксонъ, обратился къ командиру клипера за разрѣшеніемъ уменьшить ходъ, на что отъ командира послѣдовалъ приказъ хода не уменьшать, но смотрѣть хорошенько впередъ (показаніе старшаго офицера Беклемишева, Джаксона и командира Вульфа); что около $11^1/_2$ ч. сигнальщикъ закричалъ вахтенному начальнику, что видитъ близко судно и тотчасъ повторилъ, что судно очень близко, и, наконецъ, въ третій разъ крикнулъ: „сейчасъ столкнемся“; послѣ первыхъ двухъ сообщеній сигнальщика вахтенный начальникъ переспросами и смотрѣніемъ впередъ съ разныхъ мѣстъ судна старался убѣдиться въ справедливости таковыхъ и засимъ лишь послѣ третьяго сигнала далъ команду взять право на бортъ и послѣ этого подалъ въ машину звонки: сперва застопорить машину, а потомъ дать задній ходъ (показанія рулевыхъ Федора Иванова и Шульгина, квартирмейстера Россихина, сигнальщика Дьячкова и старшаго механика Иванова); но, несмотря на эти мѣры, клиперъ не потерялъ передняго хода (онъ былъ еще въ $1^1/_2$ узла) и почти сейчасъ же произошло столкновеніе. Во все предшествовавшее столкновенію время, какъ уже выше указано, на клиперѣ свистковъ не подавали и вмѣстѣ съ тѣмъ, по показанію его экипажа, не слышали сигналовъ съ брига „Доретте“, непрерывно подававшихся, согласно показаніямъ лицъ экипажа онаго, посредствомъ туманнаго горна. Это послѣднее обстоятельство представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ и потому, что, по показанію тѣхъ же лицъ, на бригѣ еще до того времени, когда показался клиперъ „Разбойникъ“, слышали шумъ его машины, а потому, естественно, должны были, ради собственнаго спасенія, хотя бы съ этого момента подавать сигналы горномъ. Таковы обнаруживающіяся по дѣлу обстоятельства, при коихъ произошло столкновеніе клипера „Разбойникъ“ съ бригомъ „Доретте“. Обращаясь на основаніи оныхъ къ обсужденію вопроса о виновности той или другой стороны въ произошедшей свалкѣ и не придавая существеннаго для настоящаго дѣла значенія неподачѣ клиперомъ „Разбойникъ“ туманныхъ свистковъ по тому соображенію, что вслѣдствіе бывшаго, какъ видно изъ дѣла (вахтенный журналъ клипера, показанія командира Вульфа, Чижова, Джаксона, морской протестъ шкипера Нюстремъ) во время столкновенія на морѣ штиля, парусный бригъ „Доретте“ лишенъ былъ возможности передвиженія, а слѣдовательно и принятія мѣръ къ измѣненію своего положенія, Прав. Сенатъ тѣмъ не менѣе находитъ, что къ сложенію съ клипера „Разбойникъ“ отвѣтственности въ произошедшей свалкѣ не представляется достаточныхъ основаній въ виду слѣдующихъ данныхъ. Какъ указано уже выше, ходъ клипера, несмотря на густой туманъ, который не позволялъ видѣть со шканцевъ клипера на бокъ (показанія вахтеннаго квартирмейстера Ковалева) и иногда садился на

судно съ такой густотой, что ничего не было видно (показаніе сигнальщика Дьячкова) и несмотря на то, что клиперъ не подавалъ никакихъ туманныхъ сигналовъ, былъ $8^1/_2$ узловъ, при работѣ 3-хъ (а не двухъ, какъ было въ предшествующее столкновенію время плаванія) котловъ. Что означенная скорость хода клипера была при данныхъ условіяхъ чрезмѣрною, находитъ себѣ лучшее подтвержденіе, какъ въ томъ, что по обнаруженію на клиперѣ брига „Доретте", всѣ принятыя на немъ мѣры къ предотвращенію свалки не могли уже привести къ благопріятному результату и клиперъ не успѣлъ утратить даже своего передняго хода, равнявшагося въ моментъ столкновенія $1^1/_2$ узламъ (показаніе старшаго штурманскаго офицера Ѳеодотьева), такъ и въ томъ, что необходимость и возможность уменьшенія хода клипера при господствовавшемъ туманѣ признавалась вахтеннымъ начальникомъ, который докладывалъ о томъ командиру, на что, однако, отъ послѣдняго послѣдовалъ приказъ хода не уменьшать, а смотрѣть внимательнѣе впередъ, каковая мѣра, какъ доказали обстоятельства, являлась въ виду сильнаго тумана, не позволявшаго временами видѣть даже на самомъ суднѣ, лишенною всякаго практическаго значенія. Что же касается указанія уполномоченнаго Морского Министерства, Михайлова, на то, что ходъ въ $8^1/_2$ узловъ представляется для клипера „Разбойникъ" умѣреннымъ, а слѣдовательно соотвѣтствующимъ требованіямъ ст. 433 Уст. Торг., т. е. отождествленія имъ понятія требуемаго закономъ умѣреннаго хода съ среднею скоростью хода даннаго судна, то таковое должно быть признано несогласнымъ какъ съ преслѣдуемой означенною статьею закона цѣлью—возможностью легко и своевременно остановить ходъ судна, а въ случаѣ надобности дать ему и задній ходъ, каковая цѣль, какъ это оказалось и при данной свалкѣ, не можетъ быть достигнута при среднемъ, относительно полной ходовой способности судна, ходѣ, такъ и съ буквальнымъ смысломъ помянутой ст. 433 и ст. 443 Уст. Торг., изъ сопоставленія которыхъ можно сдѣлать лишь тотъ выводъ, что законъ, не опредѣляя хода судна на случай тумана, пасмурности или снѣга болѣе точно, хотя бы выраженіями „средній" или „малый", и ограничиваясь лишь безотносительнымъ къ ходу даннаго судна выраженіемъ „умѣренный", указывающимъ лишь на необходимость извѣстной осторожности, предоставляетъ опредѣленіе степени скорости хода даннаго судна при данныхъ обстоятельствахъ знанію, опытности и осторожности командира и команды судна. Въ настоящемъ же случаѣ, какъ то видно изъ составленной слѣдственною комиссіею выписки изъ шканечнаго и машиннаго журнала клипера „Разбойникъ", послѣдній при обыкновенномъ штилѣ, несопровождавшемся туманомъ и тѣмъ болѣе столь значительнымъ, какъ тотъ, который былъ на морѣ $\frac{24\text{ апрѣля}}{7\text{ мая}}$ 1890 г. близъ маяка Фальстербо, дѣлалъ большею частью 8,1, $8^1/_2$, 8,2 узловъ, а слѣдовательно наступившій сильный туманъ никакихъ распоряженій относительно хода клипера не вызывалъ, къ чему, однако, прямо обязывали выше-

приведенныя статьи закона. Независимо отъ изложеннаго, нельзя не указать и на то, что самая обыкновенная осторожность требовала остановить ходъ клипера во всякомъ случаѣ тотчасъ же послѣ перваго крика сигнальщика о появившемся суднѣ, между тѣмъ, какъ видно изъ дѣла, распоряженія на клиперѣ: „право на бортъ“, остановка машины и затѣмъ задній ходъ были приняты не при первомъ же извѣстіи о появленіи прямо противъ носа клипера на близкомъ разстояніи встрѣчнаго судна, а лишь послѣ третьяго возгласа сигнальщика о томъ, что тотчасъ же должно произойти столкновеніе. Медленностью этою должно быть также отчасти объяснено, независимо даже отъ быстроты хода клипера, которая во всякомъ случаѣ была извѣстна вахтенному начальнику и должна была быть принята имъ во вниманіе въ смыслѣ важности быстроты принятія имъ первоначальныхъ мѣръ, то обстоятельство, что сказанныя мѣры не привели къ желательному результату и свалка послѣдовала при переднемъ, хотя и уменьшенномъ, ходѣ клипера. Въ виду изложенныхъ соображеній и принимая во вниманіе, что если и отнести къ случайности то обстоятельство, что на клиперѣ „Разбойникъ“ не слыхали туманныхъ сигналовъ съ брига „Доретте“, то тѣмъ не менѣе, согласно вышеизложенному, отвѣтственность за происшедшее столкновеніе не можетъ быть снята съ клипера „Разбойникъ“, въ особенности въ виду того безпомощнаго состоянія, въ которомъ находился заштилевившій парусный бригъ „Доретте“, Прав. Сенатъ признаетъ составляющій предметъ настоящаго дѣла искъ Нюстрема къ Морскому Министерству, въ качествѣ представителя собственника клипера, въ основаніи своемъ доказаннымъ, а засимъ Морское Министерство, за силою ст. 420 и 451 Уст. Торг., обязаннымъ возмѣстить ему происшедшіе отъ сего столкновенія убытки. Переходя засимъ къ вопросу о доказанности самаго размѣра отыскиваемыхъ Нюстремомъ убытковъ и обращаясь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ статей представленнаго повѣреннымъ Нюстрема, Ольшамовскимъ, счета этихъ убытковъ, Прав. Сенатъ прежде всего находитъ, что изъ означенныхъ статей уполномоченнымъ Морского Министерства признаны правильными, а потому, въ силу уже этого, подлежатъ удовлетворенію слѣдующія статьи: 797,44 кр. содержанія и платы командѣ, 284 кр. проѣздъ на родину и проѣздъ команды на Готландъ, 356 кр. разгрузка брига, 270 кр. за нагрузку онаго, 150 кр. плата за мѣсто для груза, а всего на сумму 1952,73 кр.; что же касается остальныхъ статей счета, то въ отношеніи первой изъ нихъ—стоимости исправленій понесенныхъ судномъ „Доретте“ поврежденій, Прав. Сенатъ находитъ, что хотя комиссіею экспертовъ стоимость исправленія этихъ поврежденій и опредѣлена въ 9.440 кр., но тѣмъ не менѣе Прав. Сенатъ не признаетъ возможнымъ присудить съ Морского Министерства означенную сумму по слѣдующимъ соображеніямъ: изъ заключенія комиссіи экспертовъ усматривается, что общая стоимость брига „Доретте“ до его поврежденія клипером „Разбойникъ“ опредѣлена экспертами въ 8.000 кр.,

а послѣ поврежденія въ 2.000 кр.; затѣмъ, по заключенію тѣхъ же экспертовъ по производствѣ всѣхъ указанныхъ ими исправленій стоимость брига „Доретте“ выразится въ суммѣ 9.500 кр. Отсюда, такимъ образомъ, вытекаетъ, что указанныя экспертами исправленія не только приведутъ бригъ, по стоимости его, въ то состояніе, въ которомъ онъ находился до столкновенія, но значительно увеличатъ вообще стоимость его, т. е., что означенными исправленіями брига возмѣстится ущербъ, понесенный имъ не только отъ столкновенія, но и отъ продолжительности времени служенія (съ 1838 г.). При такихъ же условіяхъ Прав. Сенатъ признаетъ возможнымъ, въ виду признанной уже выше отвѣтственности Морского Министерства за происшедшіе отъ столкновенія клипера „Разбойникъ“ съ бригомъ „Доретте“ убытки, присудить въ пользу капитана послѣдняго лишь разницу между установленною экспертами стоимостью брига до столкновенія и стоимостью его послѣ такового, т. е. всего 6.000 кронъ (8.000 кр.—2.000 кр.). Затѣмъ остальныя статьи счета 943,90 кр., составляющія 35% стоимости, которую „повидимому“, какъ сказано въ счетѣ, утратила часть груза „Доретте“, какъ ничѣмъ точно не установленныя и гадательныя и ничѣмъ со стороны истца, въ виду заявленнаго относительно ихъ отвѣтчикомъ спора, не доказанныя, должны быть признаны не подлежащими возмѣщенію. Такимъ образомъ, Прав. Сенатъ находитъ, что признанный въ виду изложенныхъ выше соображеній подлежащимъ удовлетворенію искъ Фердинанда Нюстремъ съ Морского Министерства долженъ быть удовлетворенъ въ размѣрѣ 7952,73 кр., составляющихъ, по заявленной истцомъ и отвѣтчикомъ неоспоренной стоимости кроны въ 55 коп., 4.374 руб. Признавая въ виду всѣхъ изложенныхъ выше соображеній рѣшеніе Спб. Ком. Суда, отказавшаго Нюстрему въ сказанномъ его искѣ, какъ несогласное съ обстоятельствами дѣла и закономъ, подлежащимъ отмѣнѣ, Прав. Сенатъ рѣшеніе Спб. Ком. Суда отмѣнилъ и присудилъ съ Морского Министерства въ пользу шведскаго подданнаго Фердинанда Нюстремъ 4.374 руб. съ % со дня предъявленія иска (1893 г., № 1195).

457|309. Пароходъ, вошедшій въ Морской каналъ, не выждавъ появленія разрѣшительнаго сигнала и не державшій своей правой стороны, долженъ быть признанъ виновнымъ въ столкновеніи и, при доказанности соблюденія другимъ пароходомъ всѣхъ правилъ морского плаванія, отвѣчать за причиненные сему послѣднему убытки. За столкновеніе судна съ другимъ лоцманъ не отвѣчаетъ. Требованіе отъ хозяина потерпѣвшаго отъ столкновенія судна доказательства тому, что поврежденія, стоимость

которыхъ отыскивается, произошли именно отъ столкновенія, лишено основанія.

Обращаясь къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла, Прав. Сенатъ находитъ, что апелляторъ вовсе не оспариваетъ ни того, что пароходъ „Страсбургъ“, какъ утверждалъ истецъ въ Ком. Судѣ и какъ ясно видно изъ приложенной къ дѣлу карты столкновенія, выйдя изъ Гутуевскаго бассейна, пошелъ не направо, какъ слѣдовало, а прямо, вслѣдствіе чего очутился на пути слѣдованія парохода „Арла“, который съ своей стороны вполнѣ правильно придерживался западной (лѣвой) стороны канала, ни того, что „Страсбургъ“ вышелъ изъ Гутуевскаго бассейна, не выждавъ появленія на сигнальной мачтѣ сигнала (шара), который разрѣшалъ-бы ему войти въ Неву, а вмѣстѣ съ тѣмъ предупредилъ бы и „Арлу“ о приближеніи встрѣчнаго судна; а такъ какъ, при допускаемой § 9 правилъ движенія по С.-Петербургскому Морскому каналу возможности одновременнаго входа изъ Невы въ каналъ одного судна и выходѣ изъ канала въ Неву другого и согласно ст. 441 Уст. Торг., на „Страсбургѣ“ лежала прямая обязанность по выходѣ изъ Гутуевскаго бассейна направиться направо, какія бы мѣры ни были необходимы для принятія этого направленія, выжиданіе же на сигнальной мачтѣ соотвѣтствующаго знака, разрѣшающаго входъ въ Неву, равнымъ образомъ въ силу того же § 9 означенныхъ правилъ, составляетъ безусловную обязанность каждаго судна, намѣревающагося выдти изъ канала, то пароходъ „Страсбургъ“, вышедшій, какъ выше сказано, изъ Гутуевскаго бассейна въ ворота канала безъ разрѣшенія и не принявшій курса направо, долженъ быть признанъ нарушившимъ установленныя для безопасности плаванія мѣры и на этомъ уже основаніи, за силою ст. 451 и 454 Уст. Торг., виновнымъ въ происшедшемъ затѣмъ столкновеніи его съ пароходомъ „Арла“. Независимо сего нельзя не усмотрѣть, что въ нарушеніи „Страсбургомъ“ изложенныхъ правилъ именно и кроется дѣйствительная причина столкновенія, ибо „Арла“, чего не отрицаетъ и отвѣтчикъ, шла совершенно правильно, придерживаясь западной дамбы, т. е. своей правой стороны, и видя на сигнальной мачтѣ лишь одинъ знакъ, разрѣшающій ей входъ въ каналъ, слѣдовала вполнѣ свободно и безъ опасенія встрѣчи съ другимъ судномъ; слѣдовательно, пойди „Страсбургъ“ тоже по своей правой сторонѣ, т. е. придерживаясь восточной дамбы, или выжди по крайней мѣрѣ появленія на сигнальной мачтѣ разрѣшающаго ему выходъ въ Неву знака (шара), который предупредилъ-бы „Арлу“ о приближеніи другого судна (видѣть заблаговременно „Страсбургъ“ „Арла“ не могла, ибо, какъ видно изъ карты столкновенія, до выхода въ самый каналъ „Страсбургъ“ находился за угломъ Гутуевскаго бассейна), то оба парохода могли бы благополучно пройти одинъ около другого, или же, во всякомъ случаѣ, „Арла“ имѣла бы возможность своевременно принять соотвѣтствующія мѣры, если бы даже встрѣчное судно

очутилось внезапно на ея, „Арлы“, пути слѣдованія, и этимъ предупредить столкновеніе. При установленной, такимъ образомъ, несомнѣнной виновности въ столкновеніи парохода „Страсбургъ“ признаніе за шкиперомъ парохода „Арла“ Левинымъ самаго права вообще на искъ объ убыткахъ, понесенныхъ отъ свалки, зависитъ, за силою ст. 454 Уст. Торг., уже исключительно отъ вопроса, были ли соблюдены пароходомъ „Арла“, съ того момента, когда на пути его слѣдованія неожиданно появился „Страсбургъ“, всѣ установленныя на такіе чрезвычайные случаи мѣры предосторожности. Поддерживаемое апелляторомъ въ этомъ отношеніи обвиненіе противъ „Арлы“ заключается единственно въ указаніи на то, что пароходу „Арла“ не было дано задняго хода и что въ самый критическій моментъ „Арла“ уклонилась не въ правую сторону, какъ слѣдовало для избѣжанія столкновенія, а въ лѣвую, и вслѣдствіе этого именно уклоненія и имѣвшагося на ней движенія впередъ и наскочила на „Страсбургъ“. Но это указаніе апеллятора не заслуживаетъ уваженія. Прежде всего въ немъ содержится явное противорѣчіе, ибо, какъ видно изъ протеста шкипера Левина и объясненій въ Ком. Судѣ самого апеллятора, „Арла“ имѣетъ качество уклоняться влѣво при заднемъ ходѣ, слѣдовательно, утверждая, что главною причиною столкновенія было то, что при встрѣчѣ пароходовъ „Арла“ уклонилась влѣво, апелляторъ тѣмъ самымъ уже признаетъ, что „Арлѣ“ былъ данъ задній ходъ, и опровергаетъ свое собственное заявленіе, что „Арлѣ“ задняго хода дано не было. Если же такимъ образомъ, какъ то видно и изъ протеста Левина, „Арла“ получила задній ходъ, т. е. исполнила то, что, по мнѣнію апеллятора, составляло ея прямую обязанность, то нельзя уже ей ставить въ вину уклоненіе ея влѣво, бывшее не болѣе, какъ послѣдствіе обязательнаго для нея въ данномъ случаѣ задняго хода. Что же касается того обстоятельства, что „Арла“ не успѣла забрать задняго хода, чѣмъ, по объясненію апеллятора, столкновеніе совершенно могло бы быть предотвращено, то и это обстоятельство не можетъ быть поставлено въ вину „Арлѣ“, ибо невозможность забрать вполнѣ задній ходъ была вызвана внезапностью и неожиданностью для „Арлы“ встрѣчи съ „Страсбургомъ“, а эта неожиданность была послѣдствіемъ неисполненія самимъ „Страсбургомъ“ предписанныхъ для безопасности плаванія правилъ, а именно выхода его въ каналъ безъ установленнаго разрѣшенія и предупрежденія „Арлы“. Въ виду изложеннаго и такъ какъ другихъ нарушеній пароходомъ „Арлы“ правилъ движенія судовъ апелляторъ не указываетъ, нѣтъ основаній, какъ то установлено и произведенной по сему дѣлу экспертизою, къ признанію „Арлы“ виновною въ столкновеніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ ложно быть признано за шкиперомъ „Арлы“, Левинымъ, и право искать вообще вознагражденіе за понесенные отъ столкновенія убытки. Обращаясь засимъ къ доводамъ апеллятора о томъ, что отвѣтственнымъ за столкновеніе является не шкиперъ парохода „Страсбургъ“, а находившійся на пароходѣ лоцманъ, почему и предъявленіе Левинымъ настоящаго иска именно къ шкиперу Гинтце непра-

вильно, Прав. Сенатъ находитъ, что вопросъ о предѣлахъ отвѣтственности шкипера парохода и находящагося на немъ лоцмана подвергся уже подробному обсужденію Второго Общаго Собранія Прав. Сената по дѣлу Морского Вѣдомства съ датскимъ подданнымъ Карломъ Юргенсомъ и Датскимъ Обществомъ Пароходства „Карлъ“ (рѣшеніе 12 мая 1895 г.) и Общее Собраніе на основаніи общаго смысла относящихся къ сему вопросу законоположеній, пришло къ слѣдующему окончательному заключенію: лоцманъ отвѣтствуетъ только и единственно за несчастныя послѣдствія, происшедшія отъ опасностей фарватера, ибо только правильное указаніе шкиперу особенностей фарватера составляетъ законную обязанность лоцмана, отвѣтственность же за всякое несчастіе, независѣвшее отъ особенностей фарватера, а слѣдовательно въ частности и за столкновеніе судна съ другимъ и причиненные отъ сего убытки лежатъ всецѣло на шкиперѣ, остающемся и въ присутствіи лоцмана полновластнымъ распорядителемъ судна. Принимая же во вниманіе: 1) что причина столкновенія пароходовъ „Арла“ и „Страсбургъ“, какъ выше уже указано, лежитъ въ неисполненіи пароходомъ „Страсбургъ“ установленныхъ для безопасности плаванія правилъ—слѣдованіи его изъ Гутуевскаго бассейна не направо по каналу, а прямо, по направленію къ западной дамбѣ, и выходѣ изъ бассейна до появленія на сигнальной мачтѣ разрѣшающаго входъ въ Неву знака; 2) что соблюденіе означенныхъ правилъ (правила движенія по морскому каналу отпечатаны и на англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ) являлось прямою обязанностью шкипера Гинтце, который и въ присутствіи лоцмана оставался единственнымъ командиромъ судна и отвѣтственнымъ за всѣ несчастныя послѣдствія, независящія отъ особенностей фарватера; 3) что хотя апелляторъ и указываетъ, что на обязанности лоцмана лежало предупредить шкипера о трудности выхода (поворота) изъ бассейна въ Неву и указать на мѣры для ихъ устраненія (принятіе буксира или тросса), чего лоцманъ однако не сдѣлалъ, но указаніе это неуважительно, ибо для констатированія трудности выхода изъ бассейна въ Неву, зависѣвшей исключительно отъ встрѣчнаго теченія рѣки Невы, вовсе нельзя признать необходимымъ особенныя спеціальныя знанія мѣстнаго фарватера, а принятіе мѣръ, необходимыхъ для того, чтобы преодолѣть означенныя трудности, обусловливавшіяся всецѣло конструкціею судна, входило уже исключительно въ компетенцію шкипера, которому только, а никакъ не лоцману, конструкція парохода и была извѣстна, и 4) что независимо сего, какъ видно изъ имѣющагося въ дѣлѣ, неоспореннаго апелляторомъ показанія лоцмана на пароходѣ „Страсбургъ“ Рогдалевскаго 4-го, лоцманъ не успѣлъ еще распорядиться о поднятіи флага для того, чтобы имъ произвести сигналъ, что желаетъ выйти изъ канала въ Неву, какъ у „Страсбурга“ имѣлся уже ходъ машины и по незначительности разстоянія до воротъ пароходъ уже подошелъ къ нимъ и въ это же время показался изъ рѣки Невы въ воротахъ канала пароходъ „Арла“, и, слѣдовательно, если и признать, что на лоцманѣ, какъ утвер-

ждаетъ апелляторъ, лежала обязанность указать шкиперу на трудность поворота въ Неву, онъ не могъ бы своевременно исполнить эту обязанность по винѣ самого шкипера, поспѣшившаго дать пароходу ходъ до предварительнаго соблюденія всѣхъ установленныхъ правилъ,—Прав. Сенатъ находитъ, что отвѣтственность за столкновеніе, какъ то заключили эксперты по сему дѣлу, не можетъ быть возложена на лоцмана, находившагося на пароходѣ „Страсбургъ“, а должна всею тяжестью ложиться на шкипера послѣдняго, отвѣтчика Гинтце. Признавая въ силу сего вполнѣ правильнымъ обращеніе Левина съ настоящимъ искомъ объ убыткахъ отъ столкновенія именно къ шкиперу Гинтце, и переходя къ обсужденію возраженій апеллятора противъ самаго размѣра исковыхъ требованій Левина, Прав. Сенатъ находитъ, что таковыя, прежде всего, заключаются въ указаніи апеллятора на недоказанность происхожденія поврежденій, стоимость расходовъ по исправленію коихъ отыскивается Левинымъ, именно отъ столкновенія, въ признаніи апелляторомъ расходовъ, показанныхъ въ представленныхъ истцомъ счетахъ, преувеличенными и въ ходатайствѣ его о назначеніи экспертизы для установленія нормальнаго размѣра означенныхъ расходовъ. Но доводы апеллятора не могутъ быть признаны основательными по слѣдующимъ соображеніямъ: апелляторъ не только ничѣмъ не опровергъ, но и не отрицаетъ заявленія Левина въ протестѣ, что пароходъ „Арла“ при выходѣ его изъ С.-Петербурга въ морской каналъ былъ крѣпокъ и твердъ; а такъ какъ столкновеніе, при коемъ, какъ видно изъ карты столкновенія, „Страсбургъ“ ударилъ „Арлу“ въ носовую ея часть, очевидно, должно было имѣть послѣдствіемъ извѣстныя поврежденія послѣдней, другихъ же какихъ-либо причинъ, отъ коихъ могли бы произойти эти поврежденія, стоимость коихъ нынѣ отыскивается Левинымъ, апелляторъ вовсе не указываетъ, то и требованіе его отъ истца особыхъ доказательствъ происхожденія поврежденій представляется уже лишеннымъ основанія. Равнымъ образомъ неуважительны и другіе приведенные доводы апеллятора. Изъ дѣла видно, что въ подтвержденіе стоимости расходовъ по исправленію парохода „Арла“ (въ Кронштадтѣ, куда пароходъ отправился послѣ столкновенія), истцомъ представлено таксаціонное свидѣтельство отъ $\frac{\text{30 іюля}}{\text{11 августа}}$ 1891 г. спеціалистовъ по части судостроительства, шкипера Вессблада, шкипера Петерсена и корабельнаго строителя Сунделя, коимъ починка поврежденій, съ соблюденіемъ цѣнъ, существующихъ на мѣстѣ (слѣдовательно не назначенныхъ по произволу истца, какъ заявляетъ апелляторъ), для возстановленія парохода въ то же состояніе, какъ предъ столкновеніемъ, опредѣлена въ 3.300 руб. По счету же, представленному истцомъ о дѣйствительной стоимости исправленія поврежденій, таковая простирается лишь до суммы 2.520 руб., т. е. даже меньшей сравнительно съ установленною экспертами. Слѣдовательно о преувеличенности этой послѣдней суммы расходовъ, именно и отыскиваемой истцомъ, не можетъ быть рѣчи, сообразно съ чѣмъ отпадаетъ и ходатайство апеллятора о назначеніи по

сему предмету новой экспертизы. По поводу указанія засимъ апеллятора на то, что Левинъ, какъ видно изъ дѣла, пригласилъ Гинтце присутствовать при осмотрѣ поврежденій, но, не выждавъ послѣдняго, приступилъ къ ремонту, вслѣдствіе чего и предположеніе о томъ, что не всѣ поврежденія были вызваны столкновеніемъ, представляется основательнымъ, нельзя не замѣтить, что если эксперты, приглашенные Левинымъ, могли 30 іюля 1891 г., когда уже начатъ былъ ремонтъ парохода, установить, какъ выше указано, стоимость всѣхъ понесенныхъ пароходомъ отъ столкновенія поврежденій, то таковая возможность существовала, очевидно, и для явившихся того же числа на пароходъ экспертовъ Гинтце, которые, однако, въ виду начатыхъ уже исправленій, отъ осмотра и оцѣнки поврежденій отказались; такой отказъ тѣмъ болѣе представляется неосновательнымъ, что даже нынѣ, 4 слишкомъ года спустя послѣ столкновенія, самъ апелляторъ вполнѣ признаетъ возможность и ходатайствуетъ о назначеніи той экспертизы, которая, будто-бы, была невозможною для экспертовъ Гинтце 30 іюля 1891 г.; если же Гинтце своевременно не воспользовался предоставленнымъ ему Левинымъ правомъ присутствовать при осмотрѣ и оцѣнкѣ поврежденій, то самъ и долженъ нести послѣдствія своего упущенія. Что же касается отыскиваемой истцомъ суммы простоя съ 25 іюля по 11 августа, то есть 18 дней по 150 германскихъ марокъ, согласно цертепартіи, всего 2.700 марокъ, по курсу 47 коп. = 1.269 руб., тоже оспоренной апелляторомъ, то въ подтвержденіе ея истцомъ представлена только цертепартія, заключенная 12/24 іюля 1891 г. агентомъ парохода „Арла“, Боманъ, съ купцомъ Фанненшмидтъ, по коей за каждый день простоя опредѣлена пеня въ 150 германскихъ марокъ, того же, чтобы на исправленіе парохода „Арла“ дѣйствительно употреблено было 18 дней и что эта продолжительность ремонта была вполнѣ нормальна, со стороны истца ничѣмъ не доказано, вслѣдствіе чего и требованіе Левина 1.269 руб. за простой нельзя признать установленнымъ въ цифровомъ отношеніи. Принимая же съ другой стороны во вниманіе, что простой парохода „Арла“ въ теченіе извѣстнаго количества дней несомнѣнно имѣлъ мѣсто и былъ естественнымъ послѣдствіемъ исправленія поврежденій парохода, вызванныхъ столкновеніемъ его съ пароходомъ „Страсбургъ“, и что посему Левинъ вправѣ требовать съ Гинтце, какъ виновника въ столкновеніи пароходовъ, вознагражденіе, въ числѣ прочихъ убытковъ и за простой „Арлы“, Прав. Сенатъ, примѣняясь къ ст. 896 и слѣд. Уст. Гражд. Суд., находитъ необходимымъ предоставить Левину право отыскивать самую сумму простоя—не свыше однако имъ нынѣ заявленной 1.269 руб.—отъ дѣла сего особо. Въ виду вышеизложеннаго и такъ какъ противъ остальныхъ частей исковыхъ требованій Левина,—нотаріусу за протестъ 24 руб. 80 коп., за осмотръ и оцѣнку поврежденій экспертами 45 руб., за разные расходы (телеграммы, комиссія и проч.) 78 руб. 8 коп., всего 147 руб. 88 коп.—апелляторъ спора не заявляетъ, сумма, под-

лежащая въ предѣлахъ сего производства присужденію въ пользу Левина, опредѣлится въ 2.667 руб. 88 коп. или 3.936 руб. 88 коп., присужденныхъ Ком. Судомъ, минусъ 1.269 руб. за простой. А потому Прав. Сенатъ въ измѣненіе состоявшагося по сему дѣлу рѣшенія Спб. Ком. Суда присудилъ со шкипера парохода „Страсбургъ“ Гинтце въ пользу шкипера парохода „Арла“ Левина 2.667 руб. 88 коп., оставивъ за Левинымъ право отыскивать сумму простойныхъ денегъ парохода „Арла“ отъ дѣла сего особо (1895 г., № 1065).

458|310. Суда, проходящія по морскому каналу, должны руководствоваться не только изображенными въ Уст. Торг. правилами для предупрежденія столкновеній въ морѣ, но и сообразоваться какъ съ общими правилами, установленными для плаванія по всѣмъ внутреннимъ водянымъ путямъ, такъ и съ правилами, установленными для движенія судовъ собственно по морскому каналу. *Военныя суда*, пользующіяся морскимъ каналомъ, должны соблюдать установленныя для движенія по сему каналу правила. Судно, шедшее по морскому каналу, въ огражденной его части, вопреки установленныхъ правилъ полнымъ ходомъ и не принявшее надлежащихъ мѣръ для избѣжанія столкновенія съ судномъ, входившимъ въ каналъ, признается виновнымъ въ послѣдовавшемъ между ними столкновеніи (1894 г. сб. Вильс. I, № 219).

459|311. Если одною изъ причинъ столкновенія явились особыя качества судна (напр. неповиновеніе рулю), то владѣлецъ судна не можетъ быть освобожденъ отъ обязанности нести отвѣтственность за происшедшія для его судна убытки отъ столкновенія, хотя бы и были имъ приняты всѣ мѣры къ предотвращенію столкновенія (1887 г. сб. Вильс. I, № 213).

460|312. Когда *военныя* суда составляютъ отрядъ и находятся въ ордерѣ, то идущее на встрѣчу купеческое судно обязано какъ днемъ, такъ и ночью держать себя въ безопасномъ мѣстѣ; при столкновеніи на обязанности купеческаго судна лежитъ доказать, что имъ исполнены всѣ требованія закона для предупрежденія столкновенія и что оно произошло по винѣ судна военнаго (*Спб. К. С.*—канонерки Туча, сб. Вильс. I, № 216).

461|313. Буксирный пароходъ, шедшій по морскому каналу не по своей сторонѣ и переходившій передъ столкновеніемъ на другую сторону канала, признается виновнымъ въ послѣдовавшемъ столкновеніи одного изъ буксируемыхъ судовъ съ встрѣчнымъ пароходомъ, относительно котораго имѣющіяся въ дѣлѣ данныя не даютъ основаній къ обвиненію въ несвоевременномъ принятіи указанныхъ въ законѣ мѣръ къ предотвращенію столкновенія (1889 г. сб. Вильсона I, № 221).

462|314. Отступленіе отъ правилъ, преподанныхъ для безопаснаго плаванія въ ст. 421—442 и 444—446 Уст. Торг., можетъ быть оправдано и признано обязательнымъ лишь при очевидной наличности особенныхъ обстоятельствъ, дѣлающихъ примѣненіе въ данномъ, исключительномъ, случаѣ требованій закона неизбѣжно опаснымъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли СПБ. Ком. Судъ отказалъ мѣщанину Лапину въ искѣ съ Морского Министерства 3.629 р. 52 к., составляющихъ въ суммѣ 1.529 р. 52 к. расходы по исправленію тѣхъ поврежденій, которыя понесъ принадлежащій ему, Лапину, буксирный пароходъ „Матадоръ“ при столкновеніи 12 іюля 1891 г. съ принадлежащею Морскому Министерству миноноскою № 120, и въ суммѣ 2.100 руб. убытокъ отъ простоя названнаго парохода съ 12 іюля по 12 сентября 1891 г. вслѣдствіе производства помянутаго исправленія. По закону (ст. 454 Уст. Торг.) корабельщикъ, отыскивающій съ другого корабельщика удовлетвореніе за убытокъ, причиненный при свалкѣ его кораблю кораблемъ послѣдняго, долженъ, дабы претензія его могла быть признана правильною, доказать передъ судомъ не только то, что свалка произошла по винѣ отвѣтчика, но и то, что самъ онъ, истецъ, въ свалкѣ невиновенъ и употребилъ съ своей стороны возможные способы къ предотвращенію послѣдней. Между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ ни то, ни другое не можетъ быть признано со стороны истца Лапина доказаннымъ. Въ подтвержденіе виновности миноноски № 120 въ столкновеніи съ пароходомъ „Матадоръ“ истецъ ссылается главнымъ образомъ на то, что, выходя изъ Галернаго канала въ Большую Неву подъ прямымъ угломъ, командиръ миноноски не принялъ для избѣжанія столкновенія съ идущимъ на пересѣчку ему пароходомъ „Матадоръ“ никакихъ мѣръ предосторожности, указанныхъ въ ст. 421—423 Уст. Торг., а именно: онъ разсчитывалъ успѣть перерѣзать курсъ замѣченному имъ пароходу „Матадоръ“, застопорилъ машину и далъ миноноскѣ задній ходъ не въ то время, какъ только замѣтилъ пароходъ, какъ бы это слѣдовало по ст. 438 Уст. Торг., а лишь тогда, когда миноноска находилась уже отъ парохода всего на разстояніи 3—4 саж., каковыя мѣры и не могли поэтому предотвратить свалки. Но это объясненіе просителя не можетъ быть признано заслуживающимъ уваженія по слѣдующимъ соображеніямъ: изъ показаній допрошенныхъ назначенною Управляющимъ Морскимъ Министерствомъ по поводу означеннаго столкновенія слѣдственною комиссіею свидѣтелей видно: при встрѣчѣ на перерѣзъ курса миноноски № 120, вышедшей изъ Галернаго канала въ Неву, съ пароходомъ Лапина „Матадоръ“,

слѣдовавшимъ по Невѣ вверхъ противъ теченія, первая находилась съ правой стороны послѣдняго, причемъ миноноска шла малымъ ходомъ (25 оборотовъ при 400 обор. полнаго хода), а пароходъ „Матадоръ"—среднимъ; въ виду сего командиръ миноноски № 120, капитанъ Киселевъ, полагая, что, согласно установленнымъ въ законѣ правиламъ, пароходъ, находившійся въ разстояніи 40 саж. отъ берега, уступитъ миноноскѣ дорогу, положивъ руль лѣво на бортъ, и пройдетъ такимъ образомъ подъ кормою послѣдней, продолжалъ послѣ подачи о томъ на пароходъ сигнала свистками прежній свой курсъ; затѣмъ уже, увидя, что пароходъ, вопреки предположенію, курса своего не измѣняетъ и не уменьшаетъ хода, командиръ миноноски приказалъ застопорить машину и дать задній ходъ, что и было исполнено: но эти мѣры предосторожности вслѣдствіе близости къ пароходу не могли уже предотвратить столкновенія, которое и послѣдовало прежде, чѣмъ миноноска успѣла забрать задній ходъ. Сопоставляя изложенныя обстоятельства съ установленными закономъ правилами, а именно ст. 436 и 442 Уст. Торг., по силѣ коихъ, если два паровыхъ судна идутъ на пересѣчку курса одно другому, то судно, имѣющее у себя другое, приближающееся къ нему въ правой рукѣ, должно уступить ему дорогу и въ тѣхъ случаяхъ, когда одно изъ двухъ встрѣчныхъ судовъ должно по правиламъ уступить дорогу другому, это другое судно обязано продолжать идти своимъ прежнимъ курсомъ,—Прав. Сенатъ находитъ, что въ указанныхъ дѣйствіяхъ командира миноноски № 120 не только никакихъ нарушеній, преподанныхъ въ законѣ для безопаснаго плаванія правилъ не усматривается, но они являлись вполнѣ съ оными согласными. Напротивъ же того, со стороны шкипера парохода „Матадоръ" тѣ же правила ст. 436 и 442 не только не были соблюдены, но они не были ему, какъ онъ самъ заявилъ въ показаніи своемъ слѣдственной комиссіи, даже извѣстны. Что же касается объясненій апеллятора о томъ, что въ силу ст. 443 Уст. Торг., командиръ миноноски долженъ былъ при выходѣ изъ канала и при видѣ идущаго на пересѣчку его курса парохода, тотчасъ же застопорить машину и дать задній ходъ, ибо миноноска не была видна находившимся на пароходѣ лицамъ, благодаря отсутствію надводной дымовой трубы и низкимъ надводнымъ бортамъ, и что на пароходѣ не были слышны подававшіеся съ миноноски свистки, то таковыя не могутъ быть признаны уважительными. Изъ точнаго смысла приведенной апелляторомъ ст. 443 Уст. Торг., указывающей, что при исполненіи правилъ, изложенныхъ въ ст. 421—442 и 444—446 того же Уст., слѣдуетъ обращать вниманіе на всякаго рода опасности плаванія и на тѣ особенныя обстоятельства, при которыхъ дѣлается иногда необходимымъ отступленіе отъ упомянутыхъ въ законѣ правилъ, для избѣжанія неминуемаго бѣдствія, слѣдуетъ, что такого рода отступленіе можетъ быть оправдываемо и признаваемо обязательнымъ лишь при очевидной наличности особенныхъ обстоятельствъ, дѣлающихъ примѣненіе въ данномъ, исключительномъ, случаѣ требованій закона неизбѣжно опаснымъ,

а потому о правѣ шкипера парохода „Матадоръ“ не соблюдать при встрѣчѣ съ миноноскою № 120, находившейся у него съ правой стороны, предписанныхъ въ ст. 436 въ связи со ст. 442 Уст. Торг. правилъ и о виновности командира миноноски въ точномъ слѣдованіи предписаніямъ закона могла бы быть рѣчь лишь въ томъ случаѣ, если бы первое оправдывалось обстоятельствами, при коихъ случилась встрѣча судовъ, а второе стояло бы въ противорѣчіи съ оными. Принимая же во вниманіе: 1) что указываемое апелляторомъ отсутствіе у миноноски надводной дымовой трубы и незначительность надводныхъ ея бортовъ не могутъ быть признаны за такое обстоятельство, которое должно бы было указать командиру миноноски на опасность въ данномъ случаѣ точнаго примѣненія имъ правилъ закона, такъ какъ указываемые апелляторомъ недостатки миноноски № 120 не дѣлали таковой невидимою при надлежащей внимательности, которую обязаны были имѣть находившіяся на пароходѣ „Матадоръ“ лица, при проходѣ мимо устья судоходнаго канала; 2) что равнымъ образомъ при надлежащей бдительности шкиперъ и команда парохода „Матадоръ“ должны были различать среди различныхъ свистковъ во всякомъ случаѣ то направленіе, откуда таковые раздавались, и такимъ образомъ, должны были уже въ виду этого обратить вниманіе на устье Галернаго канала, изъ котораго подавались свистки миноноскою № 120, такъ что ссылка апеллятора на множество раздававшихся въ предшествовавшее столкновенію время свистковъ не заслуживаетъ уваженія,—Прав. Сенатъ находитъ, что такъ какъ, какъ явствуетъ изъ всего вышеизложеннаго, одною изъ главныхъ причинъ столкновенія миноноски № 120 съ пароходомъ Лапина „Матадоръ“ было несоблюденіе симъ послѣднимъ требованія ст. 436 Уст. Торг., то къ возложенію на Морское Министерство, какъ на владѣльца миноноски № 120, обязанности возмѣстить Лапину понесенные имъ отъ означеннаго столкновенія убытки, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ отмѣнѣ рѣшенія СПБ. Ком. Суда, отказавшаго Лапину въ искѣ съ Морского Министерства сказанныхъ убытковъ, не представляется никакихъ основаній (1893 г., № 523).

463|315. Правила ст. 467 и приложенія къ ней примѣнимы лишь къ судамъ, находящимся въ одинаковыхъ условіяхъ, и непримѣнимы когда одно судно на свободной водѣ, а другое выходитъ изъ порта (1903 г., по д. Регира съ Карапатницкимъ).

464|316. Ст. 457 Уст. Торг. налагаетъ отвѣтственность за свалку при стоянкѣ судовъ на рейдѣ на учинившее таковую свалку судно вслѣдствіе недостаточности ошвартованія его или непринятія имъ другихъ мѣръ пре-

достороженности, безотносительно того, были ли приняты какія-либо мѣры къ предотвращенію свалки на суднѣ потерпѣвшемъ.

Приступая къ обсужденію жалобы повѣреннаго Куннингама и торговаго дома „Г. Твиди и К°“, Прав. Сенатъ находитъ, что, какъ то уже признано Прав. Сенатомъ въ опредѣленіи его по настоящему дѣлу отъ $\frac{\text{21 декабря 1889 г.}}{\text{19 марта 1890 г.}}$, въ законахъ объ аваріи или морскихъ убыткахъ взаимнаго вреда между купеческими судами (ст. 419—465 Уст. Торг.) только одна статья 457 опредѣляетъ порядокъ отвѣтственности за убытки отъ свалки купеческихъ судовъ при стоянкѣ на рейдѣ, всѣ же остальныя статьи заключаютъ опредѣленія отвѣтственности при аваріи взаимнаго вреда лишь при условіи нахожденія или обоихъ судовъ или хотя одного изъ нихъ въ движеніи. Въ виду сего въ настоящемъ дѣлѣ, заключающемся въ ходатайствѣ о присужденіи вознагражденія за убытки, происшедшіе отъ свалки пароходовъ „Байдаръ“ и „Русь“, стоявшихъ на якоряхъ у Платоновскаго мола въ Одесскомъ портѣ, споръ долженъ быть разрѣшенъ на основаніи вышеприведенной 457 ст. Уст. Торг., въ коей изображено слѣдующее: „Если корабль стоитъ на рейдѣ и во время сильнаго вѣтра оторвется канатъ или начнетъ дрейфовать и учинитъ свалку съ другимъ кораблемъ, то онъ обязанъ, сверхъ собственнаго своего ущерба, платить половину причиненнаго другому кораблю убытка. Буде же на кораблѣ, учинившемъ свалку, не были спущены реи и стеньги, не было выпущено довольно каната или другіе якоря не были брошены, или не было положено двухъ якорей, или якори не довольно тяжелы по величинѣ онаго, или канаты не довольно толсты и крѣпки, тогда хозяинъ или хозяева корабля, учинившаго свалку, платятъ весь убытокъ, происшедшій отъ свалки, другому кораблю и нагруженному товару“. Такимъ образомъ, въ силу точнаго смысла этой статьи закона разрѣшеніе вопроса объ отвѣтственности парохода „Байдаръ“ за учиненную имъ съ пароходомъ „Русь“ свалку зависитъ всецѣло отъ разрѣшенія вопроса о томъ, насколько со стороны самого „Байдара“ и его только одного, какъ судна, учинившаго свалку, были приняты необходимыя и достаточныя мѣры для предупрежденія этой свалки. Изъ дѣла видно, что пароходъ „Русь“ до прибытія парохода „Байдаръ“ стоялъ лагомъ у Платоновскаго мола, на немъ производились исправленія, винтъ и валъ были сняты, а подъ корму подведены мостки. Утромъ 28 ноября 1888 г. пришелъ пароходъ „Байдаръ“, и, какъ видно изъ протеста, заявленнаго 9/21 декабря 1888 г. шкиперомъ парохода „Байдаръ“ въ великобританскомъ генеральномъ консульствѣ въ Одессѣ, и изъ показанія, даннаго въ тотъ же день тѣмъ же шкиперомъ и экипажемъ парохода въ томъ же консульствѣ, ошвартовался у Платоновскаго мола при двухъ якоряхъ, лѣвомъ отъ бакборта при вытравлен-

ныхъ 60 саженяхъ цѣпи, правомъ отъ носа при 45 саженяхъ вытравленной цѣпи; при этомъ швартовы съ носа и кормы; пароходъ стоялъ носомъ у внѣшней стороны парохода „Кострома“, а кормою къ набережной, при выстрѣлѣ (бревно) съ кормы. 30 ноября въ часъ пополудни отдали швартовы съ берега, потравили цѣпь и потянулись назадъ кормою къ внѣшней сторонѣ парохода „Русь“, стоявшаго по другую сторону „Байдара“; затѣмъ ошвартовали пароходъ вновь къ берегу, имѣя у якоря бакборта 85 саж., а у якоря штирборта 65 саж. цѣпи. 1 декабря, около 1 часа до полудня, началъ дуть сильный вѣтеръ; тогда завезли и закрѣпили на бочку съ навѣтренной стороны 6 1/2 дюймовый конецъ для того, чтобы удерживать пароходъ отъ навалки на „Русь“. Засимъ, когда внезапно поднялся штормъ и порвалъ концы, попытались завести проволочный заводъ, но проработали часъ безуспѣшно. Потомъ спустили кормовой ботъ и завезли 14 дюймовый кабельтовъ; начали выбирать при двухъ таляхъ и новомъ манильскомъ 3 1/2 дюймовомъ троссѣ, сохраняя по возможности ровную тягу на каждыя тали, но по причинѣ сильнаго шторма совсѣмъ оттянуться не могли; два двухшкивные хватъ-блока и лопари сломались и оборвались; троссъ порвался, а кабельтовъ потерся, хотя въ помощь концамъ выставили съ берега выстрѣлъ (бревно). При такихъ условіяхъ, какъ они значатся въ показаніяхъ экипажа самого парохода „Байдаръ“, произошла свалка его съ чинившимся пароходомъ „Русь“. Допрошенные Одесскимъ Ком. Судомъ, вслѣдствіе указа Прав. Сената, эксперты по вопросу о достаточности принятыхъ пароходомъ „Байдаръ“ мѣръ для предупрежденія означенной свалки дали слѣдующее единогласное заключеніе: „по положенію, въ которомъ находился „Байдаръ“ передъ свалкой съ пароходомъ „Русь“, употребленные имъ троссы съ кормы на бочку не были достаточно толсты и крѣпки для предупрежденія возможности свалки при сильномъ вѣтрѣ и въ виду поздняго осенняго времени ему слѣдовало завести сначала швартовый самый толстый конецъ, находившійся въ распоряженіи судна“. Хотя затѣмъ эксперты къ этому своему заключенію и присовокупили, что при данномъ положеніи „Байдара“ полулагомъ, носомъ къ берегу, имѣя бочку для подачи швартова за кормою, при сильныхъ сѣверныхъ вѣтрахъ свалка пароходовъ, по ихъ мнѣнію, была бы неизбѣжна, несмотря на толщину швартововъ, но во всякомъ случаѣ объясненіе это не можетъ ослабить заключенія ихъ о недостаточности принятыхъ на „Байдарѣ“ мѣръ ошвартованія и кромѣ того въ настоящемъ случаѣ не можетъ имѣть какое-либо оправдывающее команду парохода „Байдаръ“ въ происшедшей свалкѣ значеніе еще и по слѣдующимъ соображеніямъ: по показаніямъ свидѣтелей Сильванскаго, Камбосели, Соколова, Гросмана и Пассека, принятое пароходомъ „Байдаръ“ до воспослѣдованія свалки (измѣненное противъ первоначальнаго) положеніе относительно парохода „Русь“ было опасное и объ этой опасности капитанъ парохода „Байдаръ“ былъ своевременно предупреждаемъ съ парохода „Русь“ съ требованіемъ надлежащимъ образомъ ошварто-

ваться (свидѣтели Пассекъ, Ернимъ, Гросманъ). Поэтому, избравъ себѣ такое, уже само по себѣ, опасное по отношенію къ сосѣднему судну положеніе, пароходъ „Байдаръ“, очевидно, не можетъ искать въ немъ какого-либо извиненія за происшедшія отъ сего послѣдствія, а тѣмъ болѣе, не принявъ безусловно всѣхъ зависѣвшихъ отъ него мѣръ предосторожности; къ тому же, говоря о неизбѣжности, по ихъ мнѣнію, свалки, эксперты прибавляютъ, что, если бы „Байдаръ“ ошвартовался какъ слѣдуетъ, то толчки о пароходъ „Русь“ были бы смягчены, а такъ какъ результаты такихъ „смягченныхъ“ толчковъ во всякомъ случаѣ не подлежатъ опредѣленію, „Русь“ могла бы ихъ, быть можетъ, и выдержать безъ особыхъ поврежденій, то и приведенное указаніе экспертовъ собственно никакого существеннаго для дѣла значенія имѣть не можетъ. Въ виду изложеннаго и принимая въ соображеніе: 1) что непринятіе пароходомъ „Байдаръ“, находившимся, какъ указано выше, уже и безъ того въ опасномъ по отношенію къ пароходу „Русь“ положеніи, достаточныхъ мѣръ ошвартованія, установлено дававшими заключеніе по сему вопросу экспертами; 2) что означенному заключенію, какъ данному не отведенными сторонами свѣдущими въ морскомъ дѣлѣ людьми, и не противорѣчащему всѣмъ прочимъ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, должна быть придана полная вѣра; 3) что въ силу вышеприведенной 457 ст. Уст. Торг. недостаточность или непрочность ошвартованія стоящаго на рейдѣ судна уже сама по себѣ возлагаетъ на хозяина такого судна всю отвѣтственность за происшедшую отъ сего свалку его съ другимъ судномъ,—Прав. Сенатъ находитъ, что и освобожденіе въ данномъ случаѣ отвѣтчиковъ отъ отвѣтственности за нанесенные пароходомъ „Байдаръ“ пароходу „Русь“ убытки не можетъ имѣть мѣста. Что же касается указаній апеллятора на то, что со стороны парохода „Русь“ не принято было никакихъ мѣръ къ предотвращенію свалки, то въ этомъ отношеніи слѣдуетъ, прежде всего, замѣтить, что законъ (ст. 457 Уст. Торг.) возлагаетъ отвѣтственность за свалку на учинившее таковую судно въ случаѣ недостаточности ошвартованія или непринятія имъ другихъ мѣръ предосторожности безотносительно того, были бы приняты какія-либо мѣры на суднѣ потерпѣвшемъ, а потому и вопросъ о томъ, были ли на пароходѣ „Русь“, съ его стороны, приняты какія-либо мѣры къ отвращенію свалки лишенъ въ сущности для настоящаго дѣла всякаго значенія. Въ данномъ случаѣ, однако, нельзя не обратить вниманія еще и на то, что пароходъ „Русь“ еще до прибытія „Байдара“ стоялъ укрѣпленнымъ на своемъ мѣстѣ стоянки, причемъ находился еще и въ починкѣ, винтъ и валъ на немъ были сняты и подъ корму подведены мостки, вслѣдствіе чего и измѣнять свое положеніе, безъ требованія о томъ портового начальства, для одного только удобства прибывшаго парохода, пароходъ „Русь“ не былъ вовсе обязанъ, и на одномъ „Байдарѣ“ всецѣло лежало установиться вполнѣ безопасно не только для себя, но и для всѣхъ сосѣднихъ судовъ. Но находясь въ такомъ невыгодномъ для него положеніи, пароходъ „Русь“, какъ видно изъ

дѣла, тѣмъ не менѣе съ своей стороны принималъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры для предохраненія себя отъ грозившихъ ему со стороны „Байдара“ поврежденій. Такъ, изъ выписки изъ шканечнаго журнала означеннаго парохода усматривается, что какъ только „Байдаръ“ началъ наваливать на пароходъ „Русь“, съ этого парохода дана была шлюпка для завоза съ парохода „Байдаръ“ конца на бочку. Затѣмъ на „Руси“ завели деревянные кранцы между моломъ и пароходомъ, а между пароходомъ „Русь“ и пароходомъ „Байдаръ“ завели мягкіе кранцы. Команда все время занята была установкою шкундръ и кранцевъ. Такимъ образомъ объясненія отвѣтчиковъ о полномъ, будто бы, бездѣйствіи во все время свалки со стороны парохода „Русь“ лишены фактическаго основанія. Мнѣніе же отвѣтчиковъ о томъ, что въ виду недостаточности ошвартованія парохода „Байдаръ“, Общество Черноморско-Дунайскаго Пароходства обязано было не только отвести съ мѣста стоянки свой чинившійся пароходъ, но отодвинуть еще и пристань, установленную, по объясненію истца, апелляторомъ не опровергнутому, на мертвыхъ якоряхъ, и къ тому еще во время шторма (заблаговременно предугадать необходимость подобной мѣры общество, очевидно, не могло), на каковое передвиженіе несомнѣнно потребовалось бы не мало времени и рабочихъ силъ, которыми общество могло въ данное время и не обладать,—представляется явно неосновательнымъ. Признавая посему виновность парохода „Байдаръ“ въ имѣвшей мѣсто свалкѣ съ пароходомъ „Русь“ и въ происшедшихъ отъ того для хозяина сего послѣдняго убыткахъ вполнѣ доказанной и обращаясь, наконецъ, къ послѣднему доводу апеллятора, повѣреннаго „Твиди и К°“ и Куннингамъ, относительно недоказанности присужденной судомъ обществу въ видѣ убытка суммы, Прав. Сенатъ, прежде всего, находитъ, что стоимость и исправленія всѣхъ поврежденій, нанесенныхъ пароходу „Русь“ пароходомъ „Байдаръ“, опредѣлена въ суммѣ 11.400 руб., единогласно назначенными судомъ, по просьбѣ самихъ же сторонъ и по ихъ указанію, экспертами, производившими осмотръ и дававшими свое заключеніе въ присутствіи повѣренныхъ тяжущихся, причемъ послѣдніе, подписавъ протоколъ экспертизы, никакихъ оговорокъ не сдѣлали. Что же касается того, указываемаго нынѣ апелляторами обстоятельства, что въ дѣйствительности исправленія парохода „Русь“ обошлись истцу на половину дешевле, то таковое не можетъ быть признано заслуживающимъ уваженія какъ потому, что распоряженіе поврежденнымъ имуществомъ, какъ это вполнѣ правильно замѣтилъ Одесскій Ком. Судъ, зависитъ отъ усмотрѣнія и доброй воли хозяина, такъ и потому, что въ данномъ случаѣ истцомъ представлено удостовѣреніе конторы Севастопольскаго адмиралтейства Русскаго Общества Пароходства и Торговли, въ которомъ находился на исправленіи пароходъ „Русь“, изъ котораго усматривается, что не всѣ поврежденныя части корпуса парохода „Русь“ были замѣнены новыми, по неимѣнію металла и времени, поэтому тогда ограничились лишь исправленіемъ поврежденныхъ частей, т. е. лишь

временнымъ исправленіемъ, вслѣдствіе чего и стоимость такихъ исправленій на размѣръ отвѣтственности апелляторовъ передъ обществомъ никакого существеннаго вліянія имѣть не можетъ, а засимъ не подлежитъ удовлетворенію и ходатайство ихъ о допросѣ по сему предмету свидѣтелей Конкевича и Фанъ-деръ-Флита. Равнымъ образомъ не заслуживаетъ уваженія и указаніе апелляторовъ на неправильное опредѣленіе судомъ, согласно заключенію о томъ членовъ суда отъ купечества, принимавшихъ участіе въ разрѣшеніи настоящаго дѣла, стоимости рейса парохода „Русь“ изъ Одессы въ Севастополь для исправленія и обратно въ суммѣ 390 руб., ибо апелляторы не указываютъ вовсе, насколько, по ихъ мнѣнію, эта сумма представляется преувеличенной. Признавая, въ силу изложенныхъ соображеній, принесенную по настоящему дѣлу повѣреннымъ торговаго дома „Г. Твиди и К°“ и Куннингама апелляціонную жалобу во всѣхъ ея частяхъ незаслуживающею уваженія и переходя засимъ къ обсужденію апелляціонной жалобы повѣреннаго Общества Черноморско-Дунайскаго Пароходства, Прав. Сенатъ находитъ, что апелляторъ признаетъ неправильнымъ отказъ суда въ присужденіи въ пользу истца 8.816 руб. 50 к., составляющихъ сумму тѣхъ выгодъ, которыхъ лишился истецъ вслѣдствіе невозможности, по случаю происшедшей аваріи, осуществить сдѣлку съ Россійскимъ Транспортнымъ Обществомъ о наймѣ парохода истца „Русь“ и „Болгарія“. Хотя изъ представленнаго апелляторомъ въ подтвержденіе основательности этой части его исковыхъ требованій документа, а именно письма инспектора пароходовъ Россійскаго общества транспортированія кладей, и усматривается, что между означеннымъ обществомъ и истцомъ велись переговоры относительно найма двухъ пароходовъ „Русь“ и „Болгарія“, каковые переговоры и окончились словеснымъ по сему предмету соглашеніемъ, но, очевидно, существованіе подобныхъ переговоровъ не доказываетъ еще того, чтобы составлявшая предметъ оныхъ сдѣлка дѣйствительно состоялась и именно на тѣхъ условіяхъ, о которыхъ упоминалось въ этихъ переговорахъ, а потому и за непредставленіемъ съ стороны апеллятора никакихъ другихъ въ подтвержденіе этого обстоятельства доказательствъ (ссылка же его въ этомъ отношеніи на свидѣтелей, въ силу буквальнаго содержанія 284 ст. Уст. Торг. Суд., уважена быть не можетъ), къ удовлетворенію означенныхъ требованій Черноморско-Дунайскаго Общества Пароходства не представляется основаній. По всѣмъ симъ соображеніямъ, признавая состоявшееся по настоящему дѣлу опредѣленіе Одесскаго Ком. Суда отъ 9 марта 1889 г., коимъ положено взыскать съ шкипера парохода „Байдаръ“ Куннингама, а на случай несостоятельности его къ уплатѣ присужденной суммы съ торговаго дома „Георгій Твиди и К°“ въ пользу Общества Черноморско-Дунайскаго Пароходства 11.790 р. съ 0/0 съ 7 декабря 1888 г., въ остальныхъ же требованіяхъ истцу отказано, правильнымъ и неподлежащимъ отмѣнѣ, Прав. Сенатъ рѣшеніе суда утвердилъ (1890 г., № 1200).

465|317. Нарушеніе судномъ установленныхъ правилъ относительно мѣстъ стоянки судовъ на рейдѣ можетъ повлечь для виновныхъ тѣ лишь послѣдствія, которыя закономъ на сей предметъ установлены, но не можетъ само по себѣ служить достаточнымъ основаніемъ для возложенія на такое судно отвѣтственности за происшедшее столкновеніе. Судно, наткнувшееся на другое, стоявшее на рейдѣ на якорѣ, для освобожденія себя отъ отвѣтственности должно доказать, что вслѣдствіе условій мѣстности или по другимъ какимъ-либо причинамъ лишено было возможности обойти стоявшее на якорѣ судно (1888 г. сб. Вильсона I, № 215).

466|318. Ст. 478 Уст. Торг. примѣнима ко всѣмъ случаямъ столкновенія движущагося судна съ судами, находящимися на стоянкѣ (на рейдѣ или въ гавани безразлично).

Предметомъ настоящаго дѣла является исковое требованіе Управленія главнаго инженера Новороссійскихъ Коммерческихъ Портовъ къ шкиперу Орлову и Русскому Обществу Пароходства и Торговли 3.129 р. 63 к. съ % убытковъ, происшедшихъ отъ причиненныхъ пароходомъ общества „Екатерина“, стоявшимъ у мола въ Потійской гавани, поврежденій портовому пароходу „Александръ“ и судамъ землечерпательнаго каравана. Обращаясь къ обсужденію настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что согласно заключенію Одесскаго Коммерческаго Суда поврежденіе въ ночь на 1 октября 1898 г. произошло въ Потійской гавани при стеченіи такихъ обстоятельствъ непреодолимой силы, предотвратить которыя не зависѣло отъ воли отвѣтчика. Такое положеніе устанавливается какъ выписью изъ книгъ „Лоціи Чернаго и Азовскаго морей“, изъ коей видно, что въ Потійскомъ порту вслѣдствіе особаго неустройства этого порта стоянка для судовъ опасна вообще, такъ и тѣмъ, что въ ночь на 1 октября штормъ былъ настолько силенъ, что были порваны желѣзные канаты двухъ англійскихъ пароходовъ, и пароходы эти были выброшены на берегъ. Правильность этого заключенія Одесскаго Коммерческаго Суда не можетъ быть поколеблена ссылкой апеллятора—истца на то, что канаты на пароходѣ „Екатерина“ были старые и гнилые, такъ какъ хотя три свидѣтеля подтвердили ссылку истца, однако, показанія эти находятся въ противорѣчіи съ показаніями другихъ свидѣтелей, удостовѣрившихъ подъ присягою, что канаты были „хорошіе“ „крѣпкіе“, „исправные“ и отъ истца зависѣло, если онъ считалъ причиною аваріи гнилость канатовъ, установить это обстоятельство своевременно путемъ осмотра концовъ каната при участіи экспертовъ въ порядкѣ обезпеченія доказательствъ (ст. 82^1 и слѣд. Уст. Гражд. Суд.); нынѣ же, по прошествіи четырехъ лѣтъ и въ виду того, что пароходъ „Екатерина“ затонулъ въ 1898 г., не

представляется уже возможною экспертиза этихъ канатовъ. Наконецъ, нѣтъ основаній усматривать виновность капитана „Екатерины“ въ столкновеніи 1 октября въ томъ обстоятельствѣ, что не былъ спущенъ второй якорь, такъ какъ остались ничѣмъ не опровергнутыми въ апелляціи всѣ объясненія отвѣтчика о томъ, что бросать второй якорь было и невозможно вслѣдствіе опасности, угрожающей судамъ въ Потійскомъ порту, которыя должны быть поэтому готовы къ отплытію, и притомъ безполезно, такъ какъ второй якорь могъ быть брошенъ только параллельно первому, а въ этомъ направленіи достаточно и одного якоря, почему наличность и второго якоря не могла бы, сама по себѣ взятая, предотвратить несчастья. На основаніи изложеннаго слѣдуетъ признать заключеніе Одесскаго Коммерческаго Суда о наличности въ настоящемъ дѣлѣ непреодолимой силы неопровергнутымъ апелляторомъ и правильнымъ, а домогательство его о признаніи капитана „Екатерины“ виновнымъ въ столкновеніи судовъ—недоказаннымъ. Переходя засимъ къ вопросу о томъ, отвѣтственъ ли капитанъ парохода „Екатерина“, а въ случаѣ его несостоятельности собственникъ этого парохода „Русское Общество Пароходства и Торговли“ въ убыткахъ, причиненныхъ столкновеніемъ судовъ во время стоянки ихъ въ Потійской гавани 1 октября 1898 г.,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ законахъ объ аваріи или морскихъ убыткахъ взаимнаго вреда только одна статья 478 Уст. Торг. опредѣляетъ порядокъ отвѣтственности за убытки отъ свалки судовъ во время стоянки на рейдѣ, всѣ же остальныя статьи заключаютъ опредѣленіе отвѣтственности при аваріи взаимнаго вреда лишь при условіи нахожденія или обоихъ судовъ, или одного изъ нихъ въ движеніи; въ виду сего исковое требованіе Управленія главнаго инженера Коммерческихъ Портовъ о присужденіи вознагражденія за убытки парохода „Екатерина“ съ пароходомъ „Александръ“ и землечерпательницею, стоявшихъ на якоряхъ въ Потійской гавани, должно быть разрѣшено на основаніи вышеприведеннаго закона, причемъ заключеніе это не можетъ быть поколеблено тѣмъ, что по мнѣнію повѣреннаго отвѣтчика ст. 478 Уст. Торг. примѣнима лишь къ случаямъ столкновенія судовъ при стоянкѣ, какъ значится въ ней, на рейдѣ и непримѣнима въ данномъ случаѣ при стоянкѣ судовъ въ гавани,—такъ какъ указаніе это опровергается практикою Правительствующаго Сената *), на основаніи этого закона разрѣшившей споръ объ убыткахъ, происшедшихъ отъ свалки пароходовъ, стоявшихъ на якоряхъ у мола въ Одесскомъ порту, а также и тѣмъ, что статья эта, какъ единственная, разрѣшающая иски при свалкѣ судовъ во время стоянки—должна быть примѣнима ко всѣмъ случаямъ столкновеній судовъ, не находящихся въ движеніи. Въ этой же статьѣ закона изображено слѣдующее: „если корабль стоитъ на рейдѣ и во время сильнаго вѣтра оторвется канатъ или начнетъ дрейфовать и учинитъ свалку съ другимъ ко-

*) Ср. № 464/316.

раблемъ, то онъ обязанъ, сверхъ собственнаго своего ущерба, уплатить и половину причиненнаго другому кораблю убытка"; поэтому, въ случаѣ признанія отвѣтчика, какъ въ настоящемъ случаѣ, невиновнымъ въ столкновеніи судовъ и послѣднее происшедшимъ при обстоятельствахъ, кои предупредить нельзя было, въ силу этого закона, какъ правильно указываетъ апелляторъ, отвѣтчикъ обязанъ уплатить половину причиненнаго истцу убытка, что Правительствующій Сенатъ и присудилъ (1903 г., № 805).

467. Ст. 478 Уст. Торг. имѣетъ примѣненіе лишь къ случаямъ свалки корабля съ кораблемъ, а не свалки корабля съ пристанью, въ семъ послѣднемъ случаѣ должна быть примѣнена ст. 684 т. X ч. 1.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла вслѣдствіе апелляціонной жалобы отвѣтчика, Правительствующій Сенатъ находитъ, что положенныя Одесскимъ Коммерческимъ Судомъ въ основаніе обжалованнаго рѣшенія соображенія о примѣнимости къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла исключительно законоположенія ст. 478 Уст. Торг. не могутъ быть признаны правильными. Такъ, прежде всего ссылка Коммерческаго Суда на рѣшеніе 4-го Деп. 1892 года за № 1512 *) представляется неубѣдительною, такъ какъ обстоятельства того и настоящаго дѣла существенно разнятся. Въ дѣлѣ Караводина и др. примѣненіе ст. 457, изд. 1887 г., нынѣ 478, не имѣло особаго значенія въ виду установленія обстоятельствъ, свидѣтельствующихъ объ отсутствіи непреодолимой силы, а слѣдовательно и отвѣтственности лицъ, не предотвратившихъ свалку за убытки, происшедшіе отъ таковой какъ по общему правилу ст. 684 т. X ч. I, такъ и по ст. 457. Кромѣ того главный ущербъ отъ свалки въ дѣлѣ Караводина былъ учиненъ не пристани, а пароходу и баржѣ (свыше 25.000 р.) и лишь сравнительно небольшой—3259 р. пристани. Наконецъ, въ приводимомъ судомъ рѣшеніи 1892 г. указывается лишь на примѣнимость къ обстоятельствамъ дѣла помянутаго законоположенія, но не указывается какъ на общее правило на примѣнимость къ случаямъ свалки съ пристанями судовъ къ нимъ пришвартованныхъ, законоположенія ст. 478 Уст. Торг. Въ виду сего, Прав. Сенатъ считаетъ нужнымъ остановиться на вопросѣ о томъ, должно ли это законоположеніе имѣть примѣненіе ко всѣмъ вообще случаямъ свалки судна или же только къ случаямъ свалки съ другимъ судномъ, какъ это указано въ ст. 478. Въ отношеніи сего вопроса Правительствующій Сенатъ находитъ, что точный смыслъ ст. 478 Уст. Торг. не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что первою ея частью предусматриваются случаи свалки судна, происшедшіе внѣ какой бы то ни было вины корабля, учинившаго свалку, т. е. по непреодолимой силѣ, вто-

*) Ср. № 468/319.

рою же по винѣ или неосмотрительности этого корабля. Такимъ образомъ законоположеніе ст. 478, какъ устанавливающее въ первой своей части отвѣтственность за произведенный другому судну ущербъ, хотя и безъ вины судна, учинившаго свалку и по непреодолимой силѣ, представляется исключеніемъ изъ общаго правила ст. 684 т. X ч. I. Принимая же во вниманіе: 1) что по общему правилу толкованія законовъ, распространительному толкованію законы исключительные подлежать не могутъ; 2) что законъ исключительный ст. 478 Уст. Торг. предусматриваетъ случаи свалки корабля съ кораблемъ во время стоянки на рейдѣ, Правительствующій Сенатъ не находитъ возможнымъ примѣнить это законоположеніе къ случаю, подобному настоящему, когда пароходъ былъ подъ парами и произвелъ свалку съ пристанью. Признавая по силѣ изложеннаго примѣнимымъ къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла лишь общее правило объ отвѣтственности за вредъ и убытки, изложенное въ ст. 684 т. X ч. I, Правительствующій Сенатъ находитъ, что на основаніи этой статьи Сѣверное общество отъ отвѣтственности за поврежденіе пристани истца, учиненное 14 декабря 1905 г., должно быть освобождено въ виду того, что данными экспертизы, произведенной по дѣлу, съ очевидностью установлено отсутствіе неправильныхъ дѣйствій шкипера парохода и чьей либо вины въ столкновеніи съ пристанью парохода „Отто Бергъ“ тѣмъ уже, что эксперты признали это столкновеніе, происшедшимъ отъ непреодолимой силы, освобождающей по силѣ ст. 684 т. X ч. I отъ отвѣтственности за вредъ и убытки. По симъ соображеніямъ и не останавливаясь на вопросѣ о примѣнимости къ настоящему дѣлу ст. 625 Уст. Торг., какъ неустанавливающей отвѣтственности за ущербъ пристанямъ, происшедшій отъ непреодолимой силы, Правительствующій Сенатъ приходитъ къ заключенію, что Сѣверное пароходное общество не можетъ быть признано виновнымъ въ поврежденіи пристани истца, а потому и искъ послѣдняго за убытки, происшедшіе отъ этого поврежденія не можетъ подлежать удовлетворенію (1912 г., № 1800).

468|319. Ледоходъ самъ по себѣ еще не составляетъ непреодолимой силы. Отвѣтственность судовладѣльца за свалку, произошедшую отъ неправильнаго и недостаточнаго ошвартованія на мѣстѣ стоянки его баржъ. Опредѣленіе стоимости погибшаго судна по типу его съ принятіемъ въ соображеніе количества лѣтъ его службы и произведенныхъ на его ремонтъ затратъ.

Разрѣшенію Прав. Сената въ предѣлахъ апелляціонныхъ жалобъ обѣихъ тяжущихся сторонъ подлежатъ слѣдующіе два вопроса: можетъ ли Русское общество пароходства и торговли быть вообще признано отвѣтственнымъ передъ

Караводинымъ и Ѳемелиди за поврежденія, нанесенныя его тремя баржами пароходу, пристани и баржѣ послѣднихъ, и, если можетъ, то въ какой суммѣ долженъ быть признанъ подлежащимъ удовлетворенію искъ Караводина и Ѳемелиди. Останавливаясь прежде всего на доводахъ, изложенныхъ въ апелляціонной жалобѣ повѣреннаго Русскаго общества пароходства и торговли, Прав. Сенатъ находитъ, что указаніе апеллятора на то, что бывшій во время свалки судовъ ледоходъ долженъ быть признанъ во всякомъ случаѣ обстоятельствомъ, освобождающимъ Русское общество отъ отвѣтственности за послѣдствія свалки, не заслуживаетъ уваженія, ибо ледоходъ, самъ по себѣ, не составляетъ еще непреодолимой силы и могъ бы быть признанъ за таковую лишь въ томъ случаѣ, если бы свалка судовъ произошла несмотря на принятіе всѣхъ требуемыхъ закономъ и морскою практикою мѣръ предосторожности при ошвартованіи судовъ, въ видахъ предотвращенія возможности между ними свалки. А потому Прав. Сенатъ находитъ, что Коммерческій Судъ, предложивъ на разрѣшеніе экспертовъ наряду съ вопросомъ о возможности предотвращенія, по обстоятельствамъ дѣла, свалки принятіемъ тѣхъ мѣръ крѣпленія, которыя вообще употребляются при ошвартованіи судовъ къ пристанямъ, т. е. другими словами, о существованіи или отсутствіи въ данномъ случаѣ непреодолимой силы, и вопросы о правильности постановки и крѣпленія трехъ принадлежащихъ обществу баржъ, учинившихъ свалку, поступилъ вполнѣ правильно. Обращаясь засимъ къ разсмотрѣнію имѣющихся въ дѣлѣ заключеній экспертовъ, Прав. Сенатъ находитъ, что по вопросу о томъ, правильно ли и согласно ли съ требованіями морскихъ правилъ были поставлены баржи Русскаго общества въ ночь съ 10 на 11 ноября 1888 г. въ Аккерманѣ въ бухтѣ Днѣстровскаго лимана, эксперты пришли къ заключенію: Плохой и Березинъ, что баржи № 12 и 9 носами, а баржа № 19 кормою должны были повернуть на нѣсколько градусовъ больше по направленію къ берегу, чтобы укрыться отъ ледохода и для сопротивленія дувшимъ въ ноябрѣ сѣвернымъ вѣтрамъ; Тимошенко, Христофоровъ и Гальченко,—что баржи № 12 и 19, съ цѣлью лучше укрѣпиться, должны были стать къ пристани первая носомъ, а послѣдняя кормою. Наконецъ, производившіе вторую по дѣлу экспертизу: Матвѣевъ, Русецкій, Малиновичъ, Смѣловъ и Шумлянскій единогласно признали, что баржи были поставлены неправильно. Такъ какъ Аккерманская бухта совершенно открыта вѣтрамъ отъ N до O, то баржи Русскаго общества обязаны были имѣть якоря положенными на N и NO, между тѣмъ баржа № 12 не имѣла ни одного якоря, расположеннаго на N, якоря же, брошенные на O съ баржи №№ 12 и 19, были совершенно безполезны въ данномъ случаѣ. Что же касается баржъ №№ 19 и 9, то онѣ по всѣмъ правиламъ и обычаямъ морского дѣла не имѣли права занимать тѣ мѣста, на которыхъ онѣ находились, по той причинѣ, что баржа № 19 не имѣла собственныхъ якорей по надлежащему направленію, а баржа № 9 не имѣла совершенно оныхъ. При этомъ обѣ

онѣ были закрѣплены къ баржѣ № 12, которая сама для себя не имѣла достаточнаго устоя отъ N, благодаря неправильно брошеннымъ своимъ якорямъ. Независимо отъ сего, по мнѣнію этихъ послѣднихъ экспертовъ, имѣлось достаточно времени, чтобы перегрузить часть груза изъ баржи № 19 на № 9, сидѣвшій только $2^1/_4$ фута; этимъ баржа № 19 могла бы быть достаточно облегчена и тогда онѣ могли бы быть введены въ бухту за молъ и ошвартованы къ нему. По второму и третьему вопросамъ о томъ, достаточное ли количество якорей и канатовъ было брошено и поставлено на баржахъ при принятіи мѣръ предосторожности во избѣжаніе навалки и не слѣдовало ли потому положенію, какое занимали баржи по времени года и состоянію погоды закрѣпиться сразу болѣе толстыми и крѣпкими канатами, эксперты пришли къ заключенію: Плохой и Березинъ—что если признать, что канаты дѣйствительно были такой прочности, какъ и предъявленные имъ куски, то для принятія мѣръ предосторожности во избѣжаніе катастрофы, кромѣ измѣненія положенія баржъ, на случай ледохода необходимо было еще, кромѣ тѣхъ якорей и канатовъ, которыми были укрѣплены, по объясненію повѣреннаго общества, баржи, занести еще одинъ якорь съ кормы баржи № 12 по направленію NW. Тимошенко, Христофоровъ и Гальченко,—что если даже канаты были такого качества и прочности, какъ и предъявленные имъ куски, то и въ такомъ случаѣ для избѣжанія катастрофы тѣхъ якорей и канатовъ, коими были укрѣплены баржи, было недостаточно. Въ виду того, что баржи открывали для сѣвернаго вѣтра наибольшую площадь, что грунтъ въ бухтѣ илистый и что лица, устанавливавшія баржи, обязаны были, въ виду поздняго времени, предвидѣть всякія случайности, какъ-то: сильный сѣверный и сѣверо-восточный вѣтры и движеніе льда вслѣдствіе могущей наступить оттепели, что и случилось на самомъ дѣлѣ, они признали, что баржу № 12 слѣдовало укрѣпить съ носа двумя якорями, брошенными одинъ на N, а другой на NNW, и съ носовой же части за молъ двумя 8-ми дюймовыми швартовами, однимъ прямо по носу, а другимъ влѣво на 45^0, а съ кормы двумя 3-хъ пудовыми дреками на цѣпныхъ канатахъ длиною въ 40 саж. каждый на NO и на NOEO. Баржу № 19 слѣдовало укрѣпить съ носа двумя якорями на цѣпяхъ длиною 50 саж. на NO и на NOEO, а съ кормы двумя 8-ми дюймовыми концами или же цѣпями, закрѣпленными за пристань; наконецъ, баржу № 9 слѣдовало укрѣпить двумя якорями на O, а съ кормы дрекомъ на цѣпи, брошеннымъ по направленію къ пристани Караводина и Ѳемелиди на SW и двумя цѣпными швартовами, закрѣпленными за гавань общества. Матвѣевъ, Русецкій, Малиновичъ, Смѣловъ и Шумлянскій—что на баржахъ №№ 9, 12 и 19 недостаточно было брошено якорей и канатовъ, завезенныхъ на берегъ. Если даже допустить, что канаты были во всей длинѣ тождественны съ представленными имъ для осмотра кусками, то съ баржи № 12 необходимо было, кромѣ уже завезенныхъ концовъ, завести, по крайней мѣрѣ, одинъ 8-ми дюймовый канатъ; съ баржи № 19 необ-

ходимо было завести якорный цѣпной канатъ на молъ и закрѣпить его за свой же якорь. Баржа № 9 не имѣла ни кормовыхъ навѣтренныхъ крѣпленій къ молу, ни своего собственнаго якоря, ея же конецъ, который былъ закрѣпленъ на подчалокъ № 40, ни въ какомъ случаѣ не могъ имѣть значенія. Вообще же по положенію, занятому баржами въ данное время и по тому состоянію погоды, имъ слѣдовало закрѣпиться сразу такъ, какъ это объяснено выше. Такимъ образомъ оказывается, что всѣ, принимавшіе въ настоящемъ дѣлѣ участіе эксперты пришли къ заключенію, что для избѣжанія катастрофы баржи въ виду поздняго времени года, состоянія погоды, возможности движенія льда вслѣдствіе оттепели и въ предвидѣніи ледохода должны были быть и поставлены и укрѣплены иначе, чѣмъ это было сдѣлано. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, отвѣчая на четвертый, предложенный на разрѣшеніе ихъ вопросъ о томъ, могли ли крѣпленія, какія вообще употребляются при ошвартованіи судовъ къ пристанямъ, предотвратить, по обстоятельствамъ дѣла, свалку, эксперты Матвѣевъ, Русецкій, Малиновичъ, Смѣловъ и Шумлянскій, принявъ въ соображеніе имѣющіяся въ дѣлѣ данныя о силѣ вѣтра и ледохода, категорически высказались въ томъ смыслѣ, что крѣпленія, какія вообще употребляются при ошвартованіи судовъ къ пристанямъ и каковыя не были употреблены въ данномъ случаѣ, могли вполнѣ предотвратить свалку по обстоятельствамъ дѣла, причемъ эти эксперты добавили, что, если напоръ льда имѣлъ вліяніе, то только въ первоначальномъ положеніи баржъ по мѣрѣ же дрейфованія якорей напоръ льда долженъ былъ несомнѣнно ослабѣвать, благодаря тому обстоятельству, что площадь, представляемая бокомъ баржъ, уменьшалась и баржи подходили все болѣе и болѣе подъ защиту мола. Эксперты Тимошенко, Гальченко и Христофоровъ на предложенный имъ вопросъ, могли ли баржи устоять на мѣстѣ, если бы были сдѣланы тѣ крѣпленія, которыя ими указаны, заявили, что при указанныхъ ими крѣпленіяхъ, если бы баржи и не устояли, то во всякомъ случаѣ онѣ не причинили бы вреда, потому что напоромъ льда подвинулись бы постепенно къ сваямъ моста и были бы задержаны и не дѣлали бы сильныхъ толчковъ, будучи задерживаемы дрейфовавшими якорями и дреками. Хотя засимъ эксперты Плохой и Березинъ, отвѣчая на тотъ же вопросъ, заявили, что даже двойное крѣпленіе баржъ не помогло бы и что еслибы былъ одинъ вѣтеръ безъ ледохода, то для удержанія баржъ на мѣстѣ достаточно было бы даже половины тѣхъ крѣпленій, которыя имѣлись на баржахъ, но это заключеніе экспертовъ вовсе еще не служитъ, вопреки мнѣнію апеллятора, доказательствомъ непреодолимой силы, такъ какъ эти эксперты вовсе не касаются вопроса о томъ, неизбѣжна ли была свалка, несмотря на принятіе указываемыхъ ими мѣръ предосторожности, или нѣтъ, а говорятъ лишь о томъ, что даже предлагаемыя ими мѣры крѣпленія не въ состояніи были бы удержать баржъ на мѣстѣ; если же понимать это заключеніе экспертовъ въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлаетъ апелляторъ, то въ такомъ случаѣ заключеніе экспертовъ Плохого и Бе-

резина должно быть вообще отвергнуто, какъ содержащее въ себѣ внутреннее противорѣчіе, ибо сами же эти эксперты съ одной стороны указываютъ, какъ должны были баржи стать и укрѣпиться именно для того, чтобы обезпечить себя отъ ледохода, а съ другой стороны заявляютъ, что указанныя ими мѣры дѣйствительны лишь при вѣтрѣ, а не при ледоходѣ. Такимъ образомъ оказывается, что въ сущности всѣ эксперты того мнѣнія, что будь приняты надлежащія мѣры предосторожности при постановкѣ и укрѣпленіи баржъ Русскаго общества пароходства и торговли, то свалка судовъ не произошла бы. Засимъ, если даже и допустить то толкованіе заключенія двухъ послѣднихъ экспертовъ (Плохого и Березина), которое придаетъ ему апелляторъ, то и въ такомъ случаѣ на сторонѣ возможности предотвращенія свалки судовъ, несмотря на ледоходъ, окажется большинство экспертовъ, 8 изъ 10, а слѣдовательно этими же экспертизами подтверждается и отсутствіе въ разсматриваемомъ случаѣ непреодолимой силы въ виду предстоявшей возможности предотвращенія свалки судовъ посредствомъ надлежащихъ мѣръ предосторожности какъ при постановкѣ баржъ Русскаго общества, такъ и при ихъ укрѣпленіи. А потому Прав. Сенатъ находитъ, что Ком. Судъ, основываясь на этомъ заключеніи экспертовъ и возложивъ въ виду точнаго смысла единственно примѣнимой къ данному случаю ст. 457 Уст. Торг. на Русское Общество Пароходства и Торговли отвѣтственность за происшедшіе для Караводина и Θемелиди убытки отъ поврежденія и разрушенія баржами общества парохода, баржи и пристани послѣднихъ, поступилъ вполнѣ правильно. Что же касается приводимыхъ Русскимъ обществомъ доводовъ въ доказательство неправильности произведенной экспертизы, то таковые не заслуживаютъ уваженія по слѣдующимъ соображеніямъ. Если даже согласиться съ Рускимъ обществомъ, что баржи могли быть поставлены тамъ, гдѣ онѣ стояли, и что якоря могли быть брошены по мѣстнымъ условіямъ не по тому направленію, какое указываютъ эксперты, а по тому, по которому они въ дѣйствительности были брошены, то все-таки остается ничѣмъ имъ не опровергнутымъ самое главное заключеніе экспертовъ о недостаточности крѣпленій вообще. Такъ, общество не опровергаетъ вовсе мнѣнія экспертовъ о томъ, что для избѣжанія всякой опасности отъ свалки судовъ необходимо было бросить большее количество якорей, чѣмъ это было сдѣлано въ дѣйствительности (повѣренный общества самъ заявляетъ, что имѣвшіеся въ наличности два якоря не были завезены, какъ то бы слѣдовало по положенію), но оправдывается лишь тѣмъ, что этого нельзя было сдѣлать, во-первыхъ, потому, что ледъ около баржъ былъ ненадеженъ, а слѣдовательно можно было бы потопить людей, если бы тащить якоря по льду, а во-вторыхъ, потому, что шлюпка, на которой можно было бы везти якоря и которая была въ распоряженіи агента, была слишкомъ мала и не вмѣщала въ себѣ тяжести всей цѣпи съ якоремъ и людьми. Но, очевидно, что эти доводы не могутъ служить какимъ-либо оправданіемъ для общества и непринятіе имъ

надлежащихъ мѣръ къ безопасному укрѣпленію своихъ баржъ, во избѣжаніе могущаго послѣдовать отъ его баржъ вреда сосѣднимъ судамъ, лишь по случаю неимѣнія въ его распоряженіи надлежащей лодки для заведенія якорей, должно быть всецѣло отнесено къ небрежности общества и служитъ основаніемъ къ возложенію на него законной, за происшедшіе отъ этой его небрежности для третьихъ лицъ убытки, отвѣтственности, тѣмъ болѣе, что, какъ видно изъ дѣла, баржи общества поставлены были въ Днѣстровскомъ лиманѣ 28 октября 1888 г., свалка же произошла лишь въ ночь съ 10 на 11 ноября 1888 г., а слѣдовательно общество располагало достаточнымъ промежуткомъ времени къ тому, чтобы пріискать средства къ надлежащему укрѣпленію своихъ баржъ. Равнымъ образомъ представляется ничѣмъ неопровергнутымъ мнѣніе экспертовъ о томъ, что баржа № 12 должна была быть укрѣплена по крайней мѣрѣ тремя швартовами. Хотя общество и заявляетъ, что такимъ именно образомъ и была укрѣплена эта баржа, но это его заявленіе опровергается показаніями имъ же выставленныхъ свидѣтелей; такъ, свидѣтель Деспотъ показалъ, что „баржа № 12 была привязана двумя швартовами, однимъ толщиною въ 8, а другимъ въ 6 дюймовъ“; свидѣтель Дработенко показалъ, что „на баржѣ № 12 было два швартова, изъ коихъ во время перваго напора одинъ лопнулъ“. То же самое показали и Оховъ, Марсенюкъ, Китаевъ и Гринченюкъ, а именно, „что всего со всѣхъ баржъ было лишь три швартова“, а такъ какъ съ баржи № 9 не было ни одного швартова, чего не отрицаетъ и общество, а съ баржи № 19, по объясненію самого же общества, былъ одинъ конецъ, то оказывается, что два конца приходятся на баржу № 12. Наконецъ ничемъ не опровергнуто и мнѣніе экспертовъ о недостаточности крѣпленій баржи № 19. Общество утверждаетъ, что эксперты рекомендуютъ, будто бы, вмѣсто существовавшихъ на этой баржѣ крѣпленій завезеніе якорнаго цѣпного каната на молъ, каковое средство, по мнѣнію общества, менѣе сильно и прочно, чѣмъ употребленныя мѣры крѣпленія. Но дѣло въ томъ, что заведеніе якорнаго цѣпного каната на молъ эксперты рекомендуютъ вовсе не взамѣнъ существовавшихъ крѣпленій, а въ дополненіе къ нимъ, что прямо усматривается изъ того, что въ томъ же пунктѣ экспертизы эксперты прямо заявляютъ, что на баржахъ №№ 12, 19 и 9 недостаточно было брошено якорей и канатовъ, завезенныхъ на берегъ. Такимъ образомъ заключеніе экспертовъ о недостаточности крѣпленій баржъ Русскаго общества нисколько не противорѣчитъ прочимъ установленнымъ по дѣлу обстоятельствамъ, а потому и ходатайство апеллятора о производствѣ новой экспертизы не подлежитъ удовлетворенію. Что же касается ссылки общества въ доказательство непреодолимой силы на разрывъ швартововъ и рыма (желѣзное кольцо) одного изъ якорей, коими укрѣплены были баржи, то эта ссылка ровно ничего не доказываетъ, такъ какъ указываемые разрывы произошли именно вслѣдствіе недостаточнаго и неправильнаго крѣпленія баржъ, тѣмъ болѣе, что

эксперты Матвѣевъ, Русецкій, Малиновичъ, Смѣловъ и Шумлянскій вообще не допускаютъ возможности разрыва самыхъ правильно произведенныхъ крѣпленій и относятъ къ случаю непреодолимой силы разрывъ кнехтовъ и брашпилей, т. е. тотъ случай, когда не выдерживаютъ напора самыя части судна. А потому, не находя достаточныхъ основаній къ освобожденію Русскаго Общества Пароходства и Торговли отъ отвѣтственности за нанесенныя его баржами пароходу, баржѣ и пристани Караводина и Ѳемелиди поврежденія и переходя къ разсмотрѣнію размѣра отвѣтственности общества за эти убытки, Прав. Сенатъ находитъ, что Караводинъ и Ѳемелиди требуютъ съ Русскаго Общества Пароходства и Торговли платежа убытковъ въ суммѣ 28.491 руб. 30 коп., каковая сумма состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣльныхъ статей: 1) 21.204 руб. 54 к. стоимость парохода „Марія“; 2) 3.000 р. стоимость баржи; 3) 3.259 р. сумма, необходимая на исправленіе пристани, и 4) 1.027 руб. 76 коп. убытокъ отъ лишенія истцовъ доходовъ отъ эксплоатаціи пароходомъ „Марія“ Овидіопольской переправы съ 10 ноября по 1 декабря 1888 г. Обращаясь къ разсмотрѣнію каждой изъ этихъ статей въ отдѣльности и останавливаясь прежде всего на требованіи возмѣщенія стоимости погибшаго парохода „Марія“, опредѣляемой истцами въ суммѣ 21.204 руб. 54 коп., Прав. Сенатъ находитъ, что стоимость этого парохода въ означенной суммѣ истцы основываютъ исключительно на представленномъ къ дѣлу, выданномъ Ѳемелиди Аккерманскимъ городскимъ полицейскимъ управленіемъ 31 мая 1889 года удостовѣреніи въ томъ, что, какъ оказалось по произведенному дознанію, спросомъ инженеръ-технолога Шанцера и инженеръ-механика Вурстера, стоимость парохода „Марія“ до катастрофы была не менѣе 22.000 рублей, каковую сумму истцы уменьшаютъ на сумму, вырученную ими отъ продажи остатковъ парохода. Но такой способъ доказательства истцами стоимости парохода „Марія“ не можетъ быть признанъ правильнымъ, такъ какъ заключающаяся въ вышеуказанномъ удостовѣреніи полиціи оцѣнка этого парохода не можетъ быть признана для отвѣтчика, Русскаго Общества Пароходства и Торговли обязательною, во-первыхъ, потому, что экспертиза о стоимости парохода не носитъ на себѣ оффиціальнаго характера и произведена была не въ присутствіи отвѣтчика; а, во-вторыхъ, потому, что изъ вышеупомянутаго полицейскаго удостовѣренія, не содержащаго въ себѣ изложенія самаго акта экспертизы, не видно вовсе по какимъ именно основаніямъ, которыя могли бы подлежать надлежащей провѣркѣ, приглашенные эксперты пришли къ заключенію, что пароходъ „Марія“ стоилъ до катастрофы именно 22.000 руб., а не меньше. Что же касается указанія апеллятора, повѣреннаго Караводина и Ѳемелиди, на то, что удостовѣренію полиціи, въ которомъ сказано, что эксперты производили тщательную и подробную оцѣнку парохода, какъ акту оффиціальному, должно быть придано безусловное доказательное значеніе то таковое не заслуживаетъ уваженія, какъ въ виду уже приведенной непол-

ноты содержанія этого документа, такъ и потому, что одно лишь упоминаніе въ немъ о томъ, что оцѣнка пароходу производилась тщательно и подробно никакого значенія имѣть не можетъ, такъ какъ судить о томъ, насколько тщательно и подробно произведена экспертиза входитъ въ компетенцію суда, а не полиціи, для сужденія же объ этомъ въ настоящемъ случаѣ никакихъ данныхъ не имѣется. Равнымъ образомъ не можетъ быть признанъ правильнымъ и другой пріемъ истцовъ къ опредѣленію стоимости парохода въ моментъ катастрофы, состоящій въ капитализаціи получаемаго ежегодно отъ эксплоатаціи переправы черезъ Днѣстровскій лиманъ дохода, ибо, во-первыхъ, получаемый отъ эксплоатаціи какой-либо морской или рѣчной линіи доходъ ни въ какой зависимости отъ цѣнности служащаго для эксплоатаціи матеріала не стоитъ; суда старыя и сравнительно малоцѣнныя могутъ въ этомъ дѣлѣ приносить столько же пользы, какъ и суда новыя и болѣе цѣнныя, все зависитъ отъ доходности самой эксплоатаціонной линіи и конкуренціи, а, во-вторыхъ, изъ дѣла видно, что для эксплоатаціи Днѣстровской переправы служилъ не одинъ пароходъ „Марія“, но и баржи. Такимъ образомъ, за непредставленіемъ истцами какихъ-либо другихъ, болѣе достовѣрныхъ доказательствъ цѣнности погибшаго парохода и за невозможностью въ настоящее время, по случаю продажи парохода на сломъ, опредѣлить его дѣйствительную стоимость ко времени катастрофы путемъ производства надлежащей экспертизы, слѣдуетъ признать, что для опредѣленія цѣнности погибшаго парохода „Марія“ остается только прибѣгнуть къ тому пріему, который и употребленъ въ настоящемъ случаѣ Ком. Судомъ, а именно—вывести нормальную стоимость этого парохода на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ о типѣ такового, т. е. его величинѣ, конструкціи и вмѣстимости, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ соображеніе количество лѣтъ его службы и произведенныя на его ремонтъ затраты. Изъ дѣла видно, что Ком. Судъ, руководствуясь мнѣніемъ принимавшихъ участіе въ разсмотрѣніи настоящаго дѣла членовъ отъ купечества, изъ которыхъ одинъ самъ судовладѣлецъ, пришелъ къ заключенію, что пароходъ такого типа и вмѣстимости, какъ пароходъ „Марія“, могъ стоить первоначально 30.000 р., но что, прослуживъ слишкомъ 20 лѣтъ, такой пароходъ можетъ быть признанъ сохранившимъ лишь 40% своей первоначальной стоимости, что составляетъ 12.000 р. Апелляторъ, повѣренный Караводина и Ѳемелиди, собственно не оспариваетъ ни вывода суда о первоначальной стоимости парохода въ 30.000 р., ни окончательнаго его вывода о потерѣ этимъ пароходомъ послѣ 20-ти лѣтней службы 18.000 р. изъ его первоначальной стоимости, но находитъ, что къ тѣмъ 12.000 р., въ которыхъ судомъ оцѣненъ пароходъ въ моментъ катастрофы, судъ обязанъ былъ прибавить суммы, издержанныя на капитальные его ремонты, каковыхъ суммъ, по объясненію апеллятора, насчитывается за послѣднее только десятилѣтіе свыше 21.000 руб. Но такое мнѣніе апеллятора не можетъ быть признано заслуживающимъ уваженія

по слѣдующимъ соображеніямъ. Какъ видно изъ дѣла, Ком. Судъ, установляя стоимость парохода „Марія“ къ моменту его гибели въ 12.000 р., основывался съ одной стороны на данныхъ, имѣющихся въ дѣлѣ, а съ другой стороны на томъ, что на погашеніе, вслѣдствіе ежегодной работы судна, слѣдуетъ считать 5% въ годъ. При такомъ же разсчетѣ и такъ какъ ежегоднымъ отчисленіемъ 5% въ теченіе 20 лѣтъ цѣнность въ 30.000 руб. поглотилась бы вся, слѣдуетъ признать, что судъ, установляя, что пароходъ „Марія“ по истеченіи 20-ти лѣтней службы тѣмъ не менѣе сохранилъ 40% своей первоначальной стоимости, тѣмъ самымъ эти 40% отнесъ именно на счетъ производившихся пароходу ремонтовъ. Такимъ образомъ оказывается, что расходы на ремонтъ парохода приняты судомъ во вниманіе при опредѣленіи его стоимости и что кажущаяся ариѳметическая въ выводахъ суда ошибка, на которую съ своей стороны ссылается въ апелляціи своей повѣренный Общества Пароходства и Торговли, объясняется недостаточно яснымъ изложеніемъ судомъ своихъ соображеній. Что же касается требованія повѣреннаго Караводина и Ѳемелиди о причисленіи къ выведенной судомъ стоимости парохода „Марія“ къ моменту его гибели въ суммѣ 12.000 р. цѣликомъ всѣхъ затраченныхъ на ремонтъ этого парохода денегъ въ суммѣ свыше 21.000 р., то таковое требованіе представляется неправильнымъ, такъ какъ такимъ образомъ оказалось бы, что пароходъ „Марія“, стоившій первоначально 30.000 р. и прослужившій 20 лѣтъ, не только не потерялъ ничего изъ первоначальной его цѣнности, но, напротивъ того, цѣнность его увеличилась, что, очевидно, явно неосновательно. А потому Правительствующій Сенатъ находитъ, что заключеніе суда о цѣнности парохода „Марія“ къ моменту его гибели въ суммѣ 12.000 р., какъ ничѣмъ апеллятором надлежащимъ образомъ не опровергнутое, должно быть оставлено въ силѣ, тѣмъ болѣе, что какъ видно изъ представленной къ дѣлу купчей крѣпости, усматривается, что тотъ же пароходъ былъ проданъ, между прочимъ, Новосильскимъ Гуровичу за 10.000 р., а въ 1875 г. Гуровичемъ Караводину за 8.000 р. Что же касается указанія апеллятора, повѣреннаго Караводина и Ѳемелиди, на то, что судъ неправильно изъ стоимости парохода въ 12.000 руб. произвелъ вычетъ въ 3.000 р. и присудилъ истцамъ убытки отъ потери ими парохода въ суммѣ лишь 9.000 р., тогда какъ въ дѣйствительности вычету подлежали лишь 795 р. 46 коп., т. е. сумма дѣйствительно вырученная истцами отъ продажи по частямъ остатковъ парохода, то таковое представляется незаслуживающимъ уваженія, ибо, во-первыхъ, изъ представленныхъ самими же истцами документовъ усматривается, что однѣ машины и желѣзо съ парохода проданы за гораздо большую сумму, чѣмъ показываетъ апелляторъ, а именно за 974 р., а, во-вторыхъ, апеллятором не представлено доказательствъ, за какую сумму проданы остальныя части парохода и осталось имъ ничѣмъ не опровергнутымъ объясненіе повѣреннаго Русскаго общества о томъ, что многія части съ паро-

хода „Марія“ взяты были истцами на другой пароходъ. А потому и принимая во вниманіе, что подлежащая вычету изъ стоимости парохода сумма 3.000 р. взята судомъ изъ представленнаго самими же истцами полицейскаго удостовѣренія о состоявшейся пароходу оцѣнкѣ, по которой стоимость этого парохода послѣ его поврежденія опредѣлена экспертами не свыше 3.000 р.; что документъ этотъ, хотя, какъ объяснено выше, и не можетъ имѣть обязательнаго значенія по отношенію къ отвѣтчику, тѣмъ не менѣе въ отношеніи самихъ истцовъ, его представившихъ въ защиту своихъ интересовъ и въ настоящее время еще настаивающихъ на принятіи его во вниманіе, долженъ быть признанъ имѣющимъ полную силу доказательства и что, слѣдовательно, показанная въ немъ стоимость парохода послѣ катастрофы до 3.000 р. должна быть принята въ соображеніе при окончательномъ исчисленіи причитающихся истцамъ отъ гибели парохода убытковъ, тѣмъ болѣе, что истцы могли даже вовсе этихъ остатковъ не продавать и вообще распорядиться ими по своему усмотрѣнію, очевидно, для общества необязательному,—Прав. Сенатъ не находитъ достаточныхъ основаній къ уменьшенію, согласно требованію апеллятора, признанной судомъ подлежащею вычету изъ стоимости парохода суммы 3.000 р. и къ увеличенію размѣра исчисленныхъ и присужденныхъ судомъ истцамъ отъ гибели парохода „Марія“ убытковъ въ суммѣ 9.000 р. Переходя засимъ ко второй статьѣ исковыхъ требованій Караводина и Θемелиди—стоимости погибшей баржи, Прав. Сенатъ находитъ, что Ком. Судъ, установивъ по дѣлу, что за погибшую баржу заплачено 2.250 р., а съ якорями и прочими принадлежностями она стоила 3.000 р. и, принявъ засимъ во вниманіе, что баржа эта прослужила 7 лѣтъ, деревянное же судно теряетъ ежегодно въ своей стоимости 10%, пришелъ къ заключенію, что погибшая баржа къ моменту катастрофы могла стоить лишь 900 р. Апелляторъ, повѣренный Караводина и Θемелиди, не оспаривая того, что первоначальная стоимость погибшей баржи была дѣйствительно 3.000 р., не соглашается однако съ послѣдующимъ выводомъ Ком. Суда, находя, во-первыхъ, что судъ неправильно признаетъ, что деревянное судно теряетъ ежегодно 10% своей стоимости и, во-вторыхъ, указываетъ на то, что погибшая баржа прослужила не 7 лѣтъ, какъ сказано въ рѣшеніи суда, а всего лишь 4 года и 4 мѣсяца, а потому, основываясь на томъ же полицейскомъ удостовѣреніи, которое представлено было истцами въ основаніе оцѣнки парохода „Марія“, и изъ котораго видно, что приглашенные техники оцѣнили баржу къ моменту катастрофы въ 3.000 р., требуетъ присужденія истцамъ этой послѣдней суммы. Но первое изъ приведенныхъ соображеній апеллятора представляется совершенно неосновательнымъ, такъ какъ съ одной стороны полицейское удостовѣреніе, на которомъ онъ основываетъ свое требованіе, какъ уже объяснено выше, при разборѣ первой статьи требованій истцовъ, никакого обязательнаго значенія для отвѣтчиковъ имѣть не можетъ, а съ другой стороны самъ же апелляторъ соглашается въ

принципѣ съ тѣмъ, что суда ежегодно теряютъ извѣстный процентъ своей стоимости, а потому, соглашаясь съ судомъ, что первоначальная стоимость баржи была 3.000 р., и требуя вмѣстѣ съ тѣмъ за эту баржу, послѣ того, какъ она уже прослужила нѣсколько лѣтъ, ту же самую сумму 3.000 р., апелляторъ уже тѣмъ самымъ самъ себѣ противорѣчитъ. Если же апелляторъ находитъ, что принятый судомъ процентъ ежегодной потери деревяннымъ судномъ въ своей стоимости (10%) слишкомъ великъ, то отъ него зависѣло указать какой процентъ потери, по его мнѣнію, представляется нормальнымъ, съ представленіемъ, конечно, надлежащихъ тому доказательствъ; приводимыя же имъ соображенія о прочности матеріала, изъ котораго была построена погибшая баржа, и о томъ, что деревянныя суда, при надлежащемъ ремонтѣ, вообще служатъ долгое время, сами по себѣ, ничего не выясняя, не могутъ служить къ опороченію вышеприведеннаго заключенія суда, тѣмъ болѣе, что истцами не представлено къ дѣлу никакихъ доказательствъ тому, чтобы погибшей баржѣ производился надлежащій ремонтъ. А потому заключеніе суда о потерѣ погибшею баржею ежегодно 10% первоначальной ея стоимости, какъ ничѣмъ со стороны апеллятора доказательно не опровергнутое, должно быть признано остающимся въ силѣ. Что же касается второго соображенія апеллятора, то изъ имѣющейся въ дѣлѣ копіи заключеннаго Караводинымъ съ судостроителемъ Петренко 7 ноября 1883 г. договора, представленной отвѣтчикомъ въ доказательство первоначальной стоимости погибшей баржи, видно, что Караводинымъ заказаны были Петренко въ 1883 г. двѣ деревянныя баржи по 2.250 р. каждая, каковыя послѣднимъ сданы были 24 іюня 1884 г.; одна изъ этихъ баржъ, по объясненію истцовъ, и погибла въ ночь съ 10 на 11 ноября 1888 г.; хотя же отвѣтчикъ и объясняетъ, что сданныя въ 1884 г. баржи были только одинаковаго размѣра и одинаковой стоимости съ погибшей, и что погибшая баржа была построена двумя годами раньше, но это объясненіе, какъ голословное, не можетъ быть принято во вниманіе. Такимъ образомъ оказывается, что погибшая баржа прослужила въ дѣйствительности не 7 лѣтъ, какъ признаетъ судъ въ своемъ рѣшеніи, а всего лишь 4 съ небольшимъ года, какъ то правильно объясняетъ апелляторъ. А потому, признавая, что за 4 года баржа эта должна была потерять изъ первоначальной своей стоимости (3.000 р.) изъ разсчета 10% въ годъ, всего лишь 1.200 р., Прав. Сенатъ находитъ, что стоимость погибшей баржи ко дню катастрофы должна выразиться въ суммѣ 1.800 р., а не въ суммѣ 900 р., какъ то признано Ком. Судомъ. Принимая засимъ во вниманіе, что хотя апелляторъ и представилъ договоръ Θемелиди о продажѣ Шапиро остатковъ погибшей баржи за 75 р., но изъ этого не видно, вся ли баржа продана за эту цѣну или же только нѣкоторыя ея части, и во всякомъ случаѣ цѣна, за которую Шапиро купилъ остатки баржи, значительно ниже той оцѣнки этихъ остатковъ, которая значится въ представленномъ самими же истцами полицейскомъ удостовѣреніи

(300 р.), на обязательности коего для отвѣтчика они продолжаютъ настаивать и въ апелляціонной жалобѣ. Прав. Сенатъ не находитъ достаточныхъ основаній къ уменьшенію суммы (300 р.), признанной судомъ, какъ цѣнность баржи послѣ катастрофы, подлежащею вычету изъ стоимости баржи до ея гибели (1.800 руб.). А потому Прав. Сенатъ находитъ, что вторая статья исковыхъ требованій Караводина и Ѳемелиди—стоимость погибшей баржи—подлежитъ удовлетворенію въ суммѣ 1.500 р. Переходя засимъ къ разсмотрѣнію третьей статьи требованій истцовъ—суммы, потребной на исправленіе разрушенной части пристани, Прав. Сенатъ находитъ, что требованіе это основывается истцами на представленной ими къ дѣлу смѣтѣ на исправленіе поврежденной пристани, составленной Аккерманскимъ городскимъ архитекторомъ 24 ноября 1888 г. и препровожденной истцамъ Аккерманскою городскою управою при отношеніи отъ того же мѣсяца и числа съ приглашеніемъ къ немедленному исправленію пристани, по каковой смѣтѣ расходъ, потребный на исправленіе нанесенныхъ пристани баржами Русскаго Общества Пароходства и Торговли поврежденій, выведенъ въ суммѣ 3.259 р. Ком. Судъ не призналъ возможнымъ удовлетворить это требованіе истцовъ въ полной суммѣ и нашелъ правильнымъ удовлетворить таковое со скидкой 30%, а именно лишь въ суммѣ 2.281 р. 30 к., единственно на томъ основаніи, что, будто бы, отвѣтчикомъ представленнымъ имъ актомъ осмотра пристани отъ 26 іюля 1878 г. установлена ветхость таковой. Между тѣмъ изъ дѣла видно, что актъ осмотра пристани, на который ссылается судъ, относится еще къ тому времени, когда эта пристань находилась въ вѣдѣніи Русскаго Общества Пароходства и Торговли, ибо контрактъ Аккерманской городской думы съ Караводиными на эксплоатацію Овидіопольской переправы, по коему, между прочимъ, означенная пристань перешла въ вѣдѣніе Караводиныхъ, заключенъ былъ лишь 14 августа 1879 г.; что по 6 п. означеннаго контракта Караводины обязаны ремонтировать пристань и содержать ее всегда въ исправности и что, наконецъ, истцами представлено свидѣтельство Аккерманской городской управы отъ 14 мая 1891 г. въ томъ, что деревянная пристань, принятая отъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли и переданная для содержанія переправы между Аккерманомъ и Овидіополемъ Караводинымъ и Ѳемелиди, вступившимъ въ совмѣстное содержаніе этой переправы, была отремонтирована и содержалась всегда въ исправности; что пристань эта была пристраиваема въ разное время и кромѣ того было пристроено особое приспособленіе для причала парохода; что баржами Русскаго общества совершенно разрушена деревянная пристройка длиною около 13 саж. и ими же повреждена пристань въ широкой ея части на протяженіи 15 саж. въ длину и на 6 саж. въ ширину, и что отосланная управою Караводину и Ѳемелиди при отзывѣ отъ 24 ноября 1888 г. копія смѣты на исправленіе поврежденій пристани относится къ исправленію дополнительно пристроенной части этой пристани и приспособленія для

причала парохода, которыя были разрушены баржами Русскаго общества. Такимъ образомъ, заключеніе суда о ветхости пристани отпадаетъ, а потому разсматриваемая статья исковыхъ въ настоящемъ дѣлѣ требованій Караводина и Θемелиди должна быть признана подлежащею удовлетворенію въ полной суммѣ 3.259 р. Обращаясь, наконецъ, къ разсмотрѣнію послѣдней статьи исковыхъ въ настоящемъ дѣлѣ требованій Караводина и Θемелиди въ суммѣ 1.027 р. 76 коп., составляющей убытки, понесенные истцами отъ лишенія ихъ, по винѣ отвѣтчика, дохода отъ эксплоатаціи Овидіопольской переправы пароходомъ „Марія“ въ теченіе 20 дней, съ 10 ноября по 1 декабря 1888 г., когда Днѣстровскій лиманъ окончательно замерзъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Ком. Судъ отказалъ истцамъ въ удовлетвореніи этого ихъ требованія на томъ основаніи, что пароходъ „Марія“, по показанію свидѣтелей Морсенюка и Гринченко въ то время сталъ уже на зимовку и что лиманъ былъ покрытъ льдомъ, а потому всякая эксплоатація переправы уже прекратилась. Между тѣмъ въ настоящее время аппеляторъ, повѣренный Караводина и Θемелиди, представилъ: 1) удостовѣреніе Аккерманской таможенной заставы отъ 26 мая 1892 г. въ томъ, что навигація по Днѣстровскому лиману, прекратившаяся 29 октября 1888 г., возобновилась 12 ноября того же года и продолжалась опять по 30 число того же мѣсяца и года, и 2) отношеніе на имя Θемелиди начальника Аккерманской почтово-телеграфной конторы отъ 25 ноября 1888 г., съ приглашеніемъ, въ виду очистки лимана отъ льда, сообщить причины, почему не принимается почта на пароходъ „Марія“ для перевозки таковой въ Овидіополь впредь до совершеннаго закрытія навигаціи, согласно заключенному контракту. Такимъ образомъ, оказывается, что послѣ 10 ноября 1888 г. навигація по Днѣстровскому лиману продолжалась еще въ теченіи 19 дней, а слѣдовательно пароходъ „Марія“, если бы не погибъ по винѣ отвѣтчика, могъ бы за эти 19 дней заработать для его владѣльцевъ обычную выручку, чему, очевидно, не могло препятствовать то, что онъ до 10 ноября, въ виду появленія льда, ошвартовался у своей пристани. Принимая, засимъ, во вниманіе, что противъ приведеннаго истцами разсчета доходности отъ эксплоатаціи Овидіопольской переправы пароходомъ „Марія“ отвѣтчикъ не споритъ и что по этому разсчету оказывается, что истцы лишились за 19 дней дохода въ суммѣ 976 р. 37 к., Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ этой послѣдней суммѣ разсматриваемое требованіе Караводина и Θемелиди и должно быть признано подлежащимъ удовлетворенію. По всѣмъ симъ соображеніямъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что исковыя требованія Караводина и Θемелиди подлежатъ удовлетворенію всего въ суммѣ 14.735 р. 37 к. А потому, Прав. Сенатъ присудилъ взыскать съ Русскаго Общества Пароходства и Торговли въ пользу дворянина Евгенія Караводина и купца Михаила Θемелиди 14.735 р. 37 к. съ % со дня предъявленія иска, а рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда, въ чемъ съ этимъ несогласно, отмѣнить (1892 г., № 1512).

469|320. Ст. 683 (п. 7) т. X ч. 1, установляющая сокращенный срокъ для возбужденія дѣлъ о вознагражденіи за смерть и увѣчье, примѣненія къ искамъ о вознагражденіи за погибшій товаръ не имѣетъ. Ошибочное показаніе въ лоціи глубины, послужившее причиною крушенія, снимаетъ съ шкипера отвѣтственность за таковое.

Предметъ наст. дѣла составляетъ искъ страхового общества „Якорь“, предъявленный къ капитану парохода „Царица“ Сафонову, а на случай его несостоятельности къ собственнику парохода—Русскому обществу парох. и торг. въ суммѣ 4.555 р. 80 к. убытковъ, произошедшихъ отъ гибели груза при крушеніи парохода „Царица“, наскочившаго около острова Ната въ Средиземномъ морѣ на подводный камень. Утверждая отвѣтственность отвѣтчиковъ за это происшествіе и виновность капитана Сафонова въ гибели груза, повѣренный общества „Якорь“ указываетъ на то, что подводный камень близъ острова Ната, на который наскочилъ пароходъ „Царица“, былъ показанъ какъ въ имѣвшейся на пароходѣ лоціи 1882 г., такъ и на картѣ № 1815, на которую въ этой лоціи сдѣлана ссылка, а потому и направленіе капитаномъ своего курса именно на этотъ камень не находило себѣ никакого оправданія, хотя бы даже глубина воды надъ этимъ камнемъ, какъ то ошибочно было показано въ имѣвшейся у капитана Сафонова лоціи 1882 г., и была въ 24 фута. Кромѣ того, капитанъ Сафоновъ не могъ держать принятаго имъ курса еще и потому, что въ той же лоціи сказано, что вода вокругъ острова Ната глубока на разстояніи $^1/_4$ мили (218 саж.), а слѣдовательно ближе $^1/_4$ мили глубина ея недостаточна; между тѣмъ онъ приблизился къ острову на $1^1/_2$ кабельтовъ, т. е. на 150 саженъ. Возражая противъ этихъ объясненій истца, повѣренные отвѣтчиковъ объясняютъ, что показанная въ лоціи 1882 г., которою руководствовался Сафоновъ, глубина воды надъ камнемъ въ 24 фута дѣлала этотъ камень вполнѣ безопаснымъ для плаванія, тѣмъ болѣе, что на той же картѣ, которая, имѣлась у Сафонова, камень этотъ вовсе не обозначенъ; заявленіе же истца о томъ, что будто бы глубина воды вокругъ острова Ната начинается лишь за предѣлами $^1/_4$ мили, совершенно произвольно. Одесскій Ком. Судъ, находя, что крушеніе парохода „Царица“ и бывшаго на немъ груза произошло отъ непринятія Сафоновымъ надлежащихъ мѣръ предосторожности при проѣздѣ у острова Ната, призналъ исковыя требованія общества „Якорь“ подлежащими удовлетворенію. Приступая къ разсмотрѣнію наст. дѣла, Прав. Сенатъ прежде всего признаетъ незаслуживающимъ уваженія указаніе повѣренныхъ апеллятора Русскаго Общества Парох. и Торг. на пропускъ, будто бы, истцомъ, страховымъ обществомъ „Якорь“, въ виду п. 7 ст. 683 т. X ч. 1, срока на предъявленіе составляю-

щаго предметъ дѣла иска. Въ силу коренного правила, которымъ слѣдуетъ руководствоваться при примѣненіи законовъ, спеціальный законъ, установляющій для извѣстнаго рода дѣлъ и случаевъ изъятіе изъ общаго закона, долженъ быть исключительно примѣняемъ къ тѣмъ дѣламъ и случаямъ, для которыхъ онъ изданъ, и не можетъ быть посему распространяемъ по аналогіи на непредусмотрѣнные въ немъ дѣла и случаи. Отсюда слѣдуетъ, что коль скоро п. 7 ст. 683 т. X ч. 1 установляетъ, въ изъятіе изъ общаго закона о десятилѣтнемъ давностномъ срокѣ на предъявленіе исковъ, сокращенный срокъ для возбужденія дѣлъ о вознагражденіи за причиненныя при эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній смерть или увѣчье, то внѣ этихъ дѣлъ этотъ спеціальный законъ примѣненія имѣть не можетъ, а слѣдовательно не можетъ имѣть примѣненія и къ настоящему дѣлу, имѣющему своимъ предметомъ искъ о вознагражденіи за погибшій товаръ. Переходя за симъ къ обсужденію существа дѣла, а именно главнаго подлежащаго разрѣшенію въ ономъ вопроса о виновности капитана Сафонова въ крушеніи парохода „Царица“, Прав. Сенатъ находитъ, что по вопросу о томъ, насколько по всѣмъ имѣющимся въ дѣлѣ даннымъ дѣйствія Сафонова по направленію имъ курса парохода „Царица“ на находившійся около острова Ната подводный камень, не взирая на имѣвшіяся въ бывшей у него лоціи по сему предмету указанія, могутъ быть признаны правильными и осторожными, произведена была Одесскимъ Ком. Судомъ, вслѣдствіе указа Прав. Сената, экспертиза черезъ свѣдущихъ въ морскомъ дѣлѣ лицъ, которыя, между прочимъ, нашли, что камень съ глубиною на немъ 24 футъ и съ большею глубиною вокругъ него, какъ значилось въ имѣвшейся у Сафонова лоціи, не могъ представлять въ тихую погоду и днемъ никакой опасности для парохода „Царица“ съ углубленіемъ менѣе 20 футъ, а потому капитанъ Сафоновъ, придерживаясь кратчайшаго пути, продолжалъ проходящій около острова Ната курсъ съ западной его стороны безбоязненно и имѣлъ полное право прокладывать свой курсъ прямо черезъ находящійся около этого острова на разстояніи $1^3/_4$ кабельтовъ камень; въ виду сего эксперты единогласно признали, что крушеніе парохода „Царица“ произошло не по неосмотрительности или неосторожности и вообще не по винѣ капитана Сафонова, а вслѣдствіе того, что въ лоціи послѣдняго изданія, которою пользовался Сафоновъ, показана ошибочная глубина, что и было единственною причиною крушенія парохода. Независимо отъ сего, по тому же вопросу истребовано было Прав. Сенатомъ заключеніе и отъ управляющаго Морскимъ Министерствомъ, который въ рапортѣ своемъ Прав. Сенату изложилъ, что хотя для безопаснаго плаванія и правильнаго расположенія курсовъ недостаточно пользоваться одними указаніями лоціи, а слѣдуетъ руководствоваться и надлежащими картами, тѣмъ не менѣе, то обстоятельство, что на пароходѣ „Царица“ была карта (изд. Англ. Адм. № 2836), на которой подводный камень у острова Ната не означенъ и которая вообще по вре-

мени своего изданія не можетъ считаться достаточною для безопаснаго плаванія, не имѣетъ значенія въ наст. дѣлѣ, ибо, съ одной стороны, о существованіи помянутаго камня капитану Сафонову было извѣстно изъ лоціи, а съ другой стороны—на позднѣйшей картѣ (изд. Англ. Адм. № 1815) опредѣлено только положеніе этого камня, а глубина надъ нимъ не означена, такъ что относительно этой глубины капитанъ Сафоновъ долженъ былъ бы во всякомъ случаѣ руководствоваться тѣми же, оказавшимися впослѣдствіи ошибочными, указаніями лоціи. При благопріятныхъ условіяхъ, т. е. днемъ въ ясную, тихую погоду, какъ то было при аваріи парохода „Царица“, подводный камень съ 24 футовою надъ нимъ глубиною не можетъ представить опасности для судна, сидящаго, подобно этому пароходу, менѣе 20 футъ. Вслѣдствіе изложеннаго онъ, управляющій Морскимъ Министерствомъ, соглашаясь съ заключеніемъ по сему дѣлу экспертовъ, находитъ, что дѣйствія капитана Сафонова по расположенію курса парохода „Царица“ не были неправильными или неосторожными. Въ виду сего и принимая въ соображеніе: 1) что приведенныя заключенія экспертовъ, а въ особенности управляющаго Морскимъ Министерствомъ, какъ лицъ вполнѣ компетентныхъ въ морскомъ дѣлѣ, слѣдуетъ признать заслуживающими полнаго довѣрія; 2) что на основаніи этихъ заключеній вопросъ о виновности капитана Сафонова въ крушеніи парохода „Царица“ и находившагося на немъ груза долженъ быть разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, и 3) что посему, основанныя на противоположномъ сему выводѣ исковыя въ наст. дѣлѣ требованія общества „Якорь“ о взысканіи съ капитана Сафонова, а въ случаѣ его несостоятельности съ Русскаго общества пароходства и торговли за погибшій на пароходѣ „Царица“ грузъ 4.555 р. 80 к. должны быть признаны неподлежащими удовлетворенію, — Прав. Сенатъ рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда отмѣнилъ и въ искѣ обществу „Якорь“ отказалъ (1890 г., № 1026).

470. *Гражданскій Кассаціонный Деп.*, въ рѣшеніи 1912 г., № 30, разъяснилъ, что для примѣненія къ иску, предъявленному къ пароходному предпріятію на основаніи ст. 683 Зак. Гражд., предусмотрѣнной въ п. 7 сей статьи двухлѣтней давности не требуется: 1) чтобы несчастье приключилось въ морскихъ водахъ, не входящихъ въ предѣлы Россійской Имперіи и 2) чтобы оно произошло именно „на самомъ пароходѣ“. При этомъ Правительствующій Сенатъ указалъ, что выраженіе закона „въ морскихъ водахъ“ относится, по прямому его смыслу, ко всѣмъ воднымъ пространствамъ, именуемымъ морями, безъ какого-либо различія морей, входящихъ цѣликомъ въ предѣлы Россіи и простирающихся внѣ предѣловъ ея и притомъ къ такому водному пространству во всѣхъ его частяхъ.

471. Расходы по починкѣ судна, поврежденнаго при аваріи дѣйствіемъ непреодолимой силы, несетъ собственникъ судна, а не арендаторъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что предметомъ его является искъ торговаго дома „Горлеро и К°“ къ капитану Глѣбу Анастасьеву и морскому вѣдомству въ лицѣ главнаго управленія кораблестроенія и снабженій Морского Министерства о 19.511 руб. 71 коп. за ремонтъ парохода „Матильда“. На рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда отъ 5 мая 1909 г., присудившаго исковую сумму съ отвѣтчика Анастасьева и отказавшаго въ удовлетвореніи иска торговаго дома „Горлеро и К°“ по отношенію къ морскому вѣдомству, повѣренными торговаго дома „Горлеро и К°“ и капитана Анастасьева принесены Прав. Сенату апелляціонныя жалобы: повѣренный торг. дома „Горлеро и К°“ находитъ неправильнымъ отказъ Коммерческаго Суда въ присужденіи исковыхъ требованій съ морского вѣдомства, а повѣренный капитана Анастасьева указываетъ на неосновательность признанія отвѣтственнымъ предъ торговымъ домомъ „Горлеро и К°“ именно капитана Анастасьева. Обращаясь, въ виду доводовъ апелляторовъ, къ обсужденію правильности рѣшенія Одесскаго Коммерческаго Суда по настоящему дѣлу, Правительствующій Сенатъ усматриваетъ, что Коммерческій Судъ руководствовался при постановленіи своего рѣшенія слѣдующими соображеніями: 1) согласно договору Анастасьева съ командиромъ Владивостокскаго порта контръ-адмираломъ Греве отъ 2 декабря 1905 г., Анастасьевъ являлся собственникомъ (неполнымъ) парохода „Матильда“, и, какъ таковой, обязанъ платить за ремонтъ парохода, 2) если бы Анастасьевъ и не являлся собственникомъ (неполнымъ) парохода „Матильда“, а былъ только арендаторомъ, то все же онъ, а не морское вѣдомство—обязанъ платить за починку „Матильды“, ибо договоръ о починкѣ съ торг. домомъ „Горлеро и К°“ заключалъ онъ, Анастасьевъ, а не морское вѣдомство, и послѣднее не обязано отвѣчать за дѣйствія Анастасьева, какъ капитана, потому, что капитаномъ морское вѣдомство Анастасьева не назначало. Съ первымъ изъ указанныхъ соображеній Прав. Сенатъ, разсмотрѣвъ фактическую сторону дѣла, не нашелъ возможнымъ согласиться. Не можетъ Правительствующій Сенатъ признать правильнымъ и второе соображеніе Коммерческаго Суда, что Анастасьевъ, какъ арендаторъ, назначилъ себя капитаномъ парохода „Матильда“, и, какъ капитанъ, морскимъ вѣдомствомъ не назначенный, не можетъ обязывать морское вѣдомство своими дѣйствіями, ибо въ настоящемъ дѣлѣ рѣчь идетъ не о предусмотрѣнной ст. ст. 240—242 Уст. Торг. субсидіарной отвѣтственности хозяина (собственника) корабля за неосторожныя или злоумышленныя дѣйствія корабельщика, причинившія третьимъ лицамъ вредъ и убытки,—а возникаетъ вопросъ: кто долженъ платить за

починку поврежденнаго при аваріи у мыса Шаблеръ парохода „Матильда“—собственникъ—морское вѣдомство, или арендаторъ Анастасьевъ. Обращаясь къ разрѣшенію сего вопроса, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, согласно общему смыслу законоположеній о наймѣ имущества, на собственникѣ лежитъ обязанность сдать нанимателю имущество во владѣніе и пользованіе въ исправномъ видѣ (рѣш. Прав. Сената 81/82, 75/528, 70/401 и др.); что на собственникѣ же лежитъ обязанность исправлять всѣ существенныя поврежденія, если только эти поврежденія не произошли по винѣ нанимателя (ст. 1707, 1708, т. X ч. I Св. Зак.). Принимая во вниманіе: 1) что виновность Анастасьева въ поврежденіи парохода „Матильда“ по настоящему дѣлу ничѣмъ не установлена, 2) что п. 1 условія 14 октября 1906 г., возлагая на Анастасьева обязанность сдать пароходъ въ полномъ порядкѣ, отнюдь не устанавливаетъ отвѣтственности Анастасьева за поврежденіе парохода дѣйствіемъ непреодолимой силы.,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что обязанность платить за ремонтъ парохода „Матильда“ лежитъ не на арендаторѣ Анастасьевѣ, а на собственникѣ парохода—морскомъ вѣдомствѣ. Данный выводъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ обстоятельствѣ, что морское вѣдомство, какъ собственникъ корабля, является получателемъ выгоды отъ дѣйствій, направленныхъ на ремонтъ парохода „Матильда“ и въ силу ст. 574 т. X ч. I должно нести расходы за починку парохода, отъ коей оно—морское вѣдомство получаетъ выгоду и при аварійныхъ разсчетахъ съ владѣльцами грузовъ, и какъ собственникъ ремонтированнаго корабля, каковую свою обязанность морское вѣдомство само признало и исполнило по отношенію къ нѣкоторымъ кредиторамъ, фактомъ уплаты турецкому морскому министерству за работы по ремонту того же парохода „Матильда“. На основаніи изложенныхъ соображеній Правительствующій Сенатъ удовлетворилъ искъ (1912 г., № 1516).

472|321. Ст. 418 Уст. Торг., изд. 1893 г. относится къ аварійнымъ разсчетамъ хозяина поврежденнаго судна и его корабельщика, а такъ какъ участникомъ аваріи не можетъ считаться шкиперъ судна, замѣнившаго поврежденное, то къ нему ст. 418 непримѣнима и хозяинъ груза долженъ съ нимъ разсчитаться независимо отъ сего въ условленной провозной платѣ.

Обсужденію Второго Общаго Правительствующаго Сената Собранія, по содержанію Всеподданнѣйшей жалобы шкипера Сергѣя Балашева, подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Судебный Департаментъ Правительствующаго Сената при разсмотрѣніи иска Балашева къ Файнбергу изъ взыскиваемой наемной платы за судно „Петръ Великій“ въ 745 руб. 21 коп. присудилъ Балашеву

съ Файнберга лишь 1/3 часть,—248 руб. 40 коп.,—на томъ основаніи, что по ст. 418 Уст. Торг. Файнбергъ, какъ хозяинъ груза, перегруженнаго съ судна „Малороссъ“ на судно „Петръ Великій“, несетъ лишь 1/3 часть наемной платы сего послѣдняго судна, тогда какъ 2/3 упадаютъ на шкипера „Малоросса“. По соображеніи сего вопроса съ законами, Второе Общее Правительствующаго Сената Собраніе находитъ, что указанное въ ст. 418 Уст. Торг. распредѣленіе наемной платы за нанятое, вмѣсто поврежденнаго, судно между шкиперомъ поврежденнаго судна и хозяиномъ груза въ размѣрѣ 2/3 на перваго и 1/3 на втораго относится, согласно ст. 345 Уст. Торг., къ аварійному разсчету, который имѣетъ быть произведеннымъ исключительно между участниками въ аваріи, а такъ какъ къ симъ участникамъ не можетъ быть отнесенъ шкиперъ судна, замѣнившаго поврежденное, а съ другой стороны, какъ это установлено и въ рѣшеніи Судебнаго Департамента Правительствующаго Сената по сему дѣлу, хозяинъ груза, какъ таковой, отвѣчаетъ предъ корабельщикомъ за полученіе условленной провозной платы, то не усматривается правильнаго основанія искъ корабельщика о сей провозной платѣ къ хозяину груза удовлетворять по силѣ ст. 418 Уст. Торг. лишь въ 1/3 части, отсылая его относительно остальныхъ 2/3 частей къ корабельщику поврежденнаго судна, разсчеты съ коимъ по сему предмету должны быть предоставлены всецѣло хозяину груза. По симъ основаніямъ Второе Общее Правительствующаго Сената Собраніе признало ходатайство Балашева о присужденіи ему съ Файнберга и тѣхъ 2/3 провозной платы,— въ суммѣ 496 рублей 81 копейки,— во взысканіи коихъ ему Судебнымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената отказано,—подлежащимъ удовлетворенію (2-го Общаго Собранія 2 ноября 1901 г.).

Столкновеніе судовъ на рѣкѣ.

473|322. Подъ аварію не подходятъ убытки, причиненные при рѣчномъ судоходствѣ (1904 г., № 567).

474|323. По отношенію къ судну, производившему морскую перевозку примѣнимы законоположенія объ аваріяхъ и въ случаѣ крушенія не въ морѣ, а въ устьѣ рѣки (1899 г., № 300).

СПАСЕНІЕ ВЪ СЛУЧАѢ КОРАБЛЕКРУШЕНІЯ.

475|324. Судно, затертое льдомъ, получившее течь, находящееся не въ состояніи выбраться изъ своего положенія и покинутое экипажемъ, должно быть признано въ состояніи *„крушенія“*. Подъ понятіе спасенія судна подходитъ и приводъ погибающаго судна въ гавань по просьбѣ его хозяина, если по сему предмету не было заключено особаго договора. Опредѣленное въ ст. 501 Уст. Торг. (изд. 1903 г.) вознагражденіе за спасеніе судна въ размѣрѣ $^1/_4$ стоимости его покрываетъ собою и всѣ расходы по спасенію.

Разсмотрѣнію Прав. Сената прежде всего подлежитъ вопросъ о томъ, имѣло ли мѣсто въ настоящемъ случаѣ крушеніе судна „Виргинія“ въ смыслѣ 478 ст. Уст. Торг. По закону (478 ст. Уст. Торг.) крушеніемъ или гибелью корабля почитается, когда онъ отъ бури, неосторожности или по какой-либо другой причинѣ утонетъ, или найдетъ на камень, на мель, на берегъ, или разобьется, или въ немъ окажется течь, такъ что свести съ мѣста, вылить воду, или починить его окажется невозможнымъ. Повѣренный истца, Браславскій объясняетъ, чего не отрицаетъ и повѣренный отвѣтчика, что судно „Виргинія“, будучи въ ноябрѣ 1888 г. затерто льдомъ и получивъ течь, не было въ состояніи выйти изъ постигшаго его состоянія своими средствами, почему и было покинуто своимъ экипажемъ. Признавая это обстоятельство, повѣренный отвѣтчика, Березинъ, однако, объясняетъ, что хотя пароходъ Звороно „Кефалонія“ и вывелъ „Виргинію“ изъ опаснаго положенія, но что судно „Виргинія“ не было въ состояніи крушенія, такъ какъ оно находилось подъ наблюденіемъ экипажа и хозяина. Такое объясненіе Березина по своей безсодержательности не можетъ быть, однако, признано правильнымъ, уже въ виду того обстоятельства, что наблюденіе лишь съ берега за погибающимъ кораблемъ, само по себѣ, служитъ подтвержденіемъ того обстоятельства, что судно находится въ состояніи крушенія; что „Виргинія“ находилась въ состояніи крушенія въ смыслѣ 478 ст. Уст. Торг., явствуетъ кромѣ того изъ того обстоятельства, что, какъ то видно изъ показаній допрошенныхъ по сему дѣлу свидѣтелей (Кравло, Самарскій, Левицкій и др.), когда команда „Кефалоніи“ взошла на „Виргинію“, то оказалось, что „Виргинія“ была наполовину наполнена водою и пошла бы ко дну черезъ 1—2 часа. По всѣмъ симъ основаніямъ Прав. Сенатъ находитъ, что судно „Виргинія“ несомнѣнно находи-

лось въ состояніи крушенія или гибели въ смыслѣ 478 ст. Уст. Торг. Переходя засимъ къ разсмотрѣнію вопроса, могутъ ли въ настоящемъ дѣлѣ дѣйствія, произведенныя командою „Кефалоніи“ и предпринятыя по приказанію Звороно, быть признаны спасеніемъ судна „Виргинія“, Прав. Сенатъ находитъ, что владѣлецъ „Виргиніи“, Томазо, 7 ноября 1888 г. телеграфировалъ Звороно, прося его прислать судно „Днѣпръ“ для спасенія „Виргиніи“. Указывая на это обстоятельство, повѣренный отвѣтчика объясняетъ, что привозъ Звороно „Виргиніи“ въ Таганрогскую гавань не можетъ быть признанъ дѣйствіемъ, указаннымъ въ ст. 506 Уст. Торг., ибо Звороно не *нашелъ* судно „Виргинія“, а лишь прибуксировалъ его въ Таганрогскую гавань по просьбѣ Томазо. Въ виду сего объясненія Березина представляется необходимымъ остановиться на разсмотрѣніи вопроса о томъ, признается ли Уст. Торговымъ (ст. 506) спасеніемъ погибающаго судна лишь тотъ случай, если корабль, приведшій оное въ гавань, нашелъ погибающее судно случайно, или же привозъ погибающаго судна въ гавань, произведенный по просьбѣ его хозяина, однако, безъ заключенія о томъ договора, долженъ быть, равнымъ образомъ, признанъ спасеніемъ судна въ смыслѣ 506 ст. Торг. Уст. Законъ, признавая спасеніемъ тотъ случай, когда судно, покинутое своимъ экипажемъ, будетъ найдено и приведено въ гавань, имѣлъ, очевидно въ виду симъ оберечь имущественные интересы владѣльцевъ погибающихъ судовъ. Признавая, что случайное нахожденіе погибающаго судна или же нахожденіе его по указанію его хозяина въ указанныхъ случаяхъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, Прав. Сенатъ находитъ, что лицо, приведшее погибающее судно въ гавань по просьбѣ его владѣльца, должно быть признано равнымъ образомъ спасшимъ погибающее судно и что таковое признаніе не можетъ имѣть мѣста лишь въ томъ случаѣ, если между симъ послѣднимъ лицомъ и хозяиномъ погибающаго судна былъ заключенъ договоръ о доставленіи судна въ гавань, въ каковомъ случаѣ отношенія сторонъ подлежатъ разсмотрѣнію въ качествѣ отношеній чисто договорныхъ. Принимая же во вниманіе, что, какъ изъ настоящаго дѣла видно, подобнаго договора между Томазо и Звороно заключено не было, Прав. Сенатъ находитъ, что Звороно, приведшій погибающую „Виргинію“ въ Таганрогскій портъ, долженъ быть признанъ спасшимъ это судно. Переходя засимъ къ разсмотрѣнію того участія, которое, по объясненію Березина, принялъ въ спасеніи „Виргиніи“ ея хозяинъ Томазо, Прав. Сенатъ находитъ, что Томазо ограничился лишь принятіемъ однѣхъ подготовительныхъ мѣръ, клонящихся къ спасенію „Виргиніи“, каковыя вовсе не устраняли необходимости дѣйствія Звороно для спасенія погибающаго судна, почему спасеніе это никоимъ образомъ не можетъ быть признано самовольнымъ, и что, какъ то удостовѣряютъ свидѣтели Самарскій, Левицкій, Кравло и др., предпринятыя экипажемъ „Кефалоніи“ дѣйствія вовсе не ограничились, какъ-то неправильно объясняетъ Березинъ, однимъ прибуксированіемъ „Виргиніи“ въ Таганрогскій портъ, въ виду чего Звороно не можетъ быть при-

знанъ лишеннымъ права на полученіе вознагражденія, установленнаго Уст. Торг. за спасеніе погибающаго судна. Что же касается сего вознагражденія, причитающагося Звороно (который съ своей стороны, какъ видно изъ представленныхъ имъ документовъ, удовлетворилъ всѣхъ прочихъ участвовавшихъ въ спасеніи лицъ) за спасеніе „Виргиніи", Прав. Сенатъ находитъ, что оно должно быть присуждено Звороно по силѣ 498 и 500 ст. Уст. Торг. въ размѣрѣ 1/4 стоимости „Виргиніи". Первоначально стоимость эта была опредѣлена истцомъ въ размѣрѣ 10.000 руб. и признана повѣреннымъ отвѣтчика правильно обозначенной, однако послѣ производства экспертизы, опредѣлившей стоимость „Виргиніи" въ 5.000 руб., истецъ въ своей апелляціонной жалобѣ уменьшилъ эту часть иска, требуя лишь отъ отвѣтчика 1.150 руб., каковая сумма и должна быть присуждена истцу Звороно. Переходя засимъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, правильно ли Ком. Судъ присудилъ съ Томазо въ пользу истца Звороно 913 р., израсходованные имъ, Звороно, на спасеніе „Виргиніи", Прав. Сенатъ находитъ, *что спасеніе судна, покинутаго своимъ хозяиномъ, очевидно, имѣетъ въ виду обереганіе имущественныхъ интересовъ судохозяина, а потому дѣйствія лица, предпринявшаго спасеніе, требующія затрату, превышающую стоимость самого покинутаго судна, должны быть признаны противными интересамъ судохозяина.* Въ виду сего законъ (ст. 501 Уст. Торг.) точно устанавливаетъ размѣръ слѣдующаго за спасеніе судна вознагражденія, которое не должно превышать одной четверти стоимости спасеннаго судна. Звороно, получившій со стороны Томазо приглашеніе спасти его судно „Виргинія", не уговорился съ отвѣтчикомъ по настоящему дѣлу, Томазо, относительно уплаты ему, Звороно, предстоящихъ по спасенію „Виргиніи" расходовъ, а потому истецъ Звороно можетъ требовать отъ Томазо лишь вознагражденіе за спасеніе судна, указанное въ законѣ. Въ Торговомъ же Уставѣ, трактующемъ о наградахъ за спасеніе и сбереженіе судовъ и товаровъ (Уст. Торг. ст. 498 и слѣд.), имѣется только указаніе о выдачѣ лицамъ, принимавшимъ участіе въ спасеніи погибающаго судна 1/4 стоимости спасеннаго судна, каковая сумма, очевидно, представляетъ собою какъ награду за личный трудъ по спасенію судна, такъ и возмѣщеніе понесенныхъ при спасеніи расходовъ. Правильность сего соображенія явствуетъ, между прочимъ, изъ того, что законъ, установляя вознагражденіе за спасеніе лишь въ 1/4 стоимости спасеннаго, при этомъ (ст. 501 Уст. Торг.) прямо указываетъ на способъ распредѣленія этой 1/4 стоимости между всѣми участниками въ спасеніи погибающаго судна. Признавая такимъ образомъ, что исковыя требованія Звороно объ уплатѣ ему Томазо понесенныхъ расходовъ по спасенію и сбереженію „Виргиніи" должны быть признаны неправильными, Прав. Сенатъ, однако, находитъ, что расходы, сдѣланные съ цѣлью приведенія чужой вещи въ надлежащій, свойственный ей и опредѣляющій ея стоимость видъ, подлежатъ возврату лицу, понесшему ихъ. Изъ дѣла видно, что истецъ упла-

тилъ по счету Корнелоса за матеріалъ, употребленный для приведенія „Виргиніи“ въ порядокъ, 44 руб. 20 коп. и Михаилу Алексѣеву за просушку и уборку парусовъ на суднѣ „Виргинія“ 9 рублей, а всего 53 руб. 20 коп., каковая сумма, подкрѣпленная представленнымъ счетомъ и роспис憂, какъ израсходованная въ интересахъ судохозяина Томазо и не признанная отвѣтчикомъ чрезмѣрною, должна быть съ него присуждена въ пользу Звороно. Переходя, наконецъ, къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, правильны ли исковыя требованія повѣреннаго истца относительно присужденія процентовъ съ причитающейся ему съ Томазо по настоящему иску суммы, Прав. Сенатъ находитъ, что въ настоящемъ дѣлѣ не имѣется никакихъ признаковъ недобросовѣстнаго владѣнія отвѣтчикомъ слѣдующею съ него истцу суммою, ни какихъ-либо особыхъ отношеній между сторонами, которыя могли бы породить право на полученіе истцомъ 0/0 на взыскиваемую сумму за время до предъявленія имъ своего иска, а засимъ въ настоящемъ случаѣ 0/0 истцу могутъ быть присуждены лишь на общемъ основаніи со дня предъявленія иска. По всѣмъ симъ основаніямъ и принимая во вниманіе, что отвѣтчикъ Томазо противъ уплаты имъ истцу Звороно 50 руб. за буксировку „Виргиніи“ въ Таганрогскую гавань не споритъ,—Прав. Сенатъ въ измѣненіе рѣшенія Ком. Суда присудилъ съ Томазо въ пользу Звороно 1.150 руб. за спасеніе и сбереженіе судна „Виргинія“, 53 руб. 20 коп. за исправленіе того же судна и 50 руб. за буксировку его въ Таганрогскую гавань, а всего 1.253 руб. 20 коп. съ 0/0 со дня предъявленія иска (1891 г., № 1127).

476|325. Состояніемъ крушенія въ смыслѣ, указанномъ въ ст. 478, должно быть признано такое, когда судно или тонетъ или наскочило на камень, или получило пробоину, или получило течь, такъ что свести съ мѣста, вылить воду, или починить его собственными средствами невозможно; необходимо безпомощное положеніе, которое угрожало бы опасностью гибели въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Предметъ дѣла составляетъ присужденный Коммерческимъ Судомъ искъ Пароходнаго Общества „Австрійскій Ллойдъ“ къ Обществу Азовскаго Пароходства вознагражденія за спасеніе принадлежащей отвѣтчику баржи „Фани“. Въ принесенной на это рѣшеніе повѣреннымъ Азовскаго Общества Пароходства апелляціи онъ проситъ объ отмѣнѣ обжалуемаго рѣшенія въ виду недоказанности истцомъ слѣдующихъ двухъ положеній: 1) что баржа „Фани“ потерпѣла крушеніе, т. е. находилась въ состояніи, вызывающемъ необходимость спасенія, и 2) что спасеніе это было осуществлено истцомъ вполнѣ, а не осталось одной

лишь попыткой. Обсудивъ дѣло, Правительствующій Сенатъ призналъ необходимымъ выяснить прежде всего, что разумѣется подъ понятіемъ „крушенія“ судна, налагающаго, согласно 480 ст. Уст. Торг., прямую и безусловную обязанность „помогать терпящимъ крушеніе и прилагать крайнее стараніе о спасеніи всего того, что только спасти возможно“. По смыслу статьи 478 Уст. Торг., крушеніемъ судна вообще признается такое состояніе его, въ коемъ оно не можетъ собственными своими силами и средствами, безъ посторонней помощи, выйти изъ этого положенія. Какъ видно изъ имѣющихся въ дѣлѣ документовъ и свидѣтельскихъ показаній, положеніе принадлежащей Азовскому Обществу Пароходства баржи „Фани“ въ то время, когда ее увидѣли съ парохода „Леда“ истца, было слѣдующее: съ 2 часовъ дня 12 ноября 1896 г. до 10 час. утра 13-го баржа плавала во льду при вьюгѣ и сильномъ вѣтрѣ, парусъ былъ изорванъ, ея старшина не могъ опредѣлить мѣстонахожденіе, почему онъ въ виду угрожающей командѣ, грузу и самой баржѣ опасности, потребовалъ спасенія. 25 (н. с.) ноября 1896 г. пароходъ „Леда“ замѣтилъ приблизительно въ 7 миляхъ къ западу отъ Кривой Снити утромъ къ 7 часамъ 2 баржи съ русскимъ флагомъ, спущеннымъ до полумачты, т. е. взывающія о помощи; ему, пароходу, удалось приблизиться къ одной изъ нихъ, нагруженной. Эта баржа „Фани“ представляла жалкій видъ, будучи отягощена льдомъ, флагъ былъ спущенъ на половину мачты, экипажъ (12 чел.) съ шапками въ рукахъ и стоя на колѣняхъ взывалъ о спасеніи и просилъ отвести ихъ въ Маріуполь. Баржа была покрыта и окружена льдомъ, погода была бурная; все это мѣшало подойти къ баржѣ. До парохода „Леда“ подходилъ къ баржѣ пароходъ „Танаисъ“, но вслѣдствіе шторма взять ее не могъ. До „Леды“ пытались спасти баржу англійскій и итальянскій пароходы, но не умѣли подойти вслѣдствіе льда. Баржѣ грозила несомнѣнная гибель; берега отъ мѣста нахожденія баржи не было видно; баржа настолько была обременена льдомъ, что вода плескала черезъ борты на палубу. Приведенныя фактическія данныя, установленныя отчасти документами, отчасти свидѣтельскими показаніями, отвѣтчикомъ по настоящему дѣлу не опровергнуты. Такимъ образомъ, баржа, лишившись паруса, покрытая и затертая льдомъ, среди вьюги и сильнаго вѣтра, вдали отъ берега, не имѣя возможности опредѣлить свое мѣстоположеніе, очевидно, находилась въ такомъ положеніи, изъ котораго она не могла выйти безъ посторонней помощи собственными средствами, каковое состояніе, какъ указано выше, подходитъ подъ понятіе „крушенія“ въ смыслѣ ст. 478 Уст. Торг. Заключеніе это не можетъ быть опровергнуто ссылкою апеллятора на прежнія рѣшенія Правительствующаго Сената, изъ которыхъ повѣренный Азовскаго Общества дѣлаетъ выводы, частью не имѣющіе непосредственнаго отношенія къ данному дѣлу, частью не вполнѣ точные. Такъ, указаніе апеллятора, на выводимое имъ изъ рѣшеній бывшаго 4-го Департамента Правительствующаго Сената 7 марта 1877 г. и 1-го Общаго Собранія Правитель-

ствующаго Сената 1880 года, по дѣлу Труворова, положеніе, что „обращеніе къ проходящему мимо судну объ оказаніи помощи не можетъ служить основаніемъ къ признанію необходимости спасенія“,—изъ означенныхъ рѣшеній вовсе не вытекаетъ, а кромѣ того не имѣетъ никакого отношенія къ настоящему дѣлу, ибо въ данномъ случаѣ Правительствующій Сенатъ приходитъ къ выводу о томъ, что баржа „Фани“ находилась въ состояніи крушенія, вызывающемъ необходимость спасенія, не на основаніи лишь того, что экипажъ баржи обратился къ пароходу „Леда“ съ просьбою о помощи, а на основаніи самаго положенія баржи „Фани“. Точно также не примѣнимы къ данному дѣлу выводимыя апелляторомъ положенія изъ рѣшеній 4-го Департамента отъ 7 февраля 1877 г., по дѣлу Чернопольскихъ, № 210, Гражд. Касс. Деп. за 1883 г., № 83, по дѣлу Зварыкина и того же Департамента за 1884 г., № 257, а именно: въ рѣшеніи отъ 7 февраля 1877 г. Правительствующій Сенатъ, установивъ, что въ данномъ дѣлѣ не представляется основанія къ признанію, что судно потерпѣло крушеніе, такъ какъ оно принятыми имъ самимъ мѣрами было освобождено отъ всякой опасности,—высказалъ, что за истцомъ не можетъ быть признано право на полученіе вознагражденія и по ст. 1168 XI т. 2 ч., изд. 1857 г. (506, изд. 1893 г.), такъ какъ команда судна не покидала его. Изъ рѣшенія этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы Правительствующій Сенатъ признавалъ необходимымъ признакомъ крушенія судна покинутіе его экипажемъ, но въ рѣшеніи томъ указано лишь, что по приведенной (506) ст. закона тотъ имѣетъ право на полученіе установленной награды за спасеніе, который, найдя покинутое корабельными служителями судно, приведетъ его въ безопасное мѣсто. Въ рѣшеніи Гражд. Касс. Деп. по дѣлу Зварыкина обсуждался лишь вопросъ о томъ, признавать ли находкой причаливаніе крестьянами къ своему берегу уносимаго теченіемъ плота, а потому это рѣшеніе не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о крушеніи судна. Наконецъ, въ рѣшеніи 1884 г. за № 257 присужденъ искъ о вознагражденіи за буксировку судна на рейдъ, условленномъ въ особомъ договорѣ сторонъ, причемъ признано, что въ данномъ случаѣ (а не вообще) буксировка судна (по особому договору) не равнозначуща спасенію судна. Такимъ образомъ истцомъ доказано и отвѣтчикомъ не опровергнуто, что принадлежащая Азовскому Обществу Пароходства баржа „Фани“ находилась 13 (25) ноября 1896 г. въ бѣдственномъ состояніи, именуемомъ въ законѣ „крушеніемъ“. Крушеніе же судна налагаетъ на каждаго прямую и безусловную обязанность помогать терпящимъ крушеніе и прилагать крайнее стараніе о спасеніи всего того, что только спасти возможно (ст. 480 Уст. Торг.), по исполненіи каковыхъ обязанностей, лицамъ, принявшимъ участіе въ семъ спасеніи, полагается установленное закономъ (ст. 498 и сл.) вознагражденіе. Примѣняя эти законоположенія къ настоящему дѣлу, Правительствующій Сенатъ находитъ, что при установленіи факта „крушенія“ баржи „Фани“, вопросъ о правѣ парохода „Леды“

на вознагражденіе за спасеніе ея находится лишь въ зависимости отъ того, исполнилъ ли пароходъ „Леда“ налагаемую на него ст. 480 Уст. Торг. обязанность, иначе говоря, „приложилъ ли онъ крайнее стараніе къ спасенію всего того, что спасти возможно“. Обращаясь къ разсмотрѣнію этого вопроса, Правительствующій Сенатъ усматриваетъ изъ имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ слѣдующее: пароходъ общества „Австрійскій Ллойдъ“ „Леда“, замѣтивъ 13 ноября 1896 г. баржу „Фани“, съ большимъ усиліемъ приблизился къ ней, отдалъ якорь и взялъ ее на буксиръ, велъ ее на буксирѣ около 7—8 часовъ на разстояніи 25—30 миль; съ мѣста взятія баржи берега не было видно: это было на разстояніи 7—8, а по показанію другого свидѣтеля 4—5 миль отъ берега. Баржу привели на Маріупольскій рейдъ къ Маріупольскому порту на разстояніи отъ ½—до 1 мили отъ мола и 2—3 миль отъ берега въ мѣсто совершенно безопасное. Не довели баржи до самаго порта въ виду его замерзанія и недостаточной глубины. Въ 3 часа пополудни къ пароходу „Леда“ подошелъ пароходъ „Самсонъ“ и, заявивъ, что онъ принадлежитъ тому же обществу, что и баржа, потребовалъ передать ему баржу для буксировки до порта; капитанъ этого парохода отказался заключить договоръ о буксировкѣ „Фани“, несмотря на требованія капитана „Леды“, причемъ этотъ послѣдній предлагалъ плату. Капитанъ „Леды“ согласился въ концѣ концовъ дозволить пароходу „Самсонъ“ буксировать баржу, безъ заключенія договора, въ виду заявленія старшины „Фани“, что онъ рѣшится дѣйствовать самъ, безъ чьей-либо помощи, такъ какъ онъ съ экипажемъ уже нѣсколько дней подвергался холоду и не имѣетъ жизненныхъ припасовъ; плата за буксировку баржи отъ мѣста взятія ея пароходомъ „Самсонъ“ до Маріупольскаго порта опредѣлена старшиной отъ 10 до 15 руб., самое же большое 20 руб. Капитанъ „Самсона“ отказался отъ платы на томъ основаніи, что его пароходъ принадлежитъ тому же обществу, что и баржа „Фани“. Не возражая противъ вышеприведенныхъ фактовъ спасенія баржи „Фани“, отвѣтчикъ доказываетъ, что спасеніе баржи „Фани“ пароходомъ „Леда“ не было осуществлено вполнѣ, ибо она была имъ оставлена въ такомъ мѣстѣ, за три мили отъ берега, гдѣ баржа подвергалась опасности, что до пристани довелъ ее пароходъ „Самсонъ“ и что капитанъ „Леды“ предлагалъ капитану „Самсона“ большую сумму за дальнѣйшее спасеніе „Фани“, для доказательства каковыхъ обстоятельствъ Азовское Общество ходатайствовало о допросѣ указанныхъ имъ свидѣтелей. Факты взятія баржи „Фани“ на буксиръ пароходомъ „Леда“ въ то время, когда баржа находилась въ состояніи крушенія, веденія этой баржи въ теченіе 7 час. на разстояніи 25—30 миль и приводъ ея на Маріупольскій рейдъ на разстояніи самое большее 3 мили отъ берега и невозможность для парохода „Леда“ войти въ самый портъ въ виду его замерзанія и недостаточной глубины должны считаться вполнѣ доказанными и отвѣтчикомъ не опровергнутыми. Изъ этого вытекаетъ, что пароходъ „Леда“ приложилъ „край-

нее стараніе къ спасенію всего того, что спасти возможно", иначе говоря, исполнилъ налагаемую на него статьею 478 Уст. Торг. обязанность, причемъ, такъ какъ баржа „Фани" была взята имъ въ состояніи крушенія и безъ всякаго договора со старшиной баржи „Фани", дѣйствія парохода „Леды" не могутъ быть признаны простой буксировкой, а должны быть отнесены къ спасенію. Далѣе, если даже допустить, что, какъ доказываетъ апелляторъ, баржа „Фани" была доведена пароходомъ „Леда" на разстояніи 3 миль отъ берега, въ мѣсто опасное, то тѣмъ не менѣе по дѣлу установлено и самъ апелляторъ подтверждаетъ, что капитанъ парохода „Леда" не бросилъ въ этомъ мѣстѣ баржу на произволъ судьбы, а передалъ ее пароходу „Самсонъ" и предлагалъ уплатить ему за отведеніе баржи въ портъ извѣстную сумму, т. е., если бы даже допустить, что мѣсто, въ которое была приведена баржа, было опасное, то все же она не находилась въ бѣдственномъ положеніи, такъ какъ держалась на буксирѣ парохода „Леды", который заботился объ ея дальнѣйшемъ спасеніи, почему дѣйствія парохода „Самсонъ" нельзя признать, вопреки мнѣнію апеллятора, простой буксировкой, незаключеніе же договора объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что пароходъ „Самсонъ" отказался отъ него и отъ всякой платы, какъ это видно изъ показанія свидѣтелей, въ виду принадлежности тому же обществу пароходства, что и баржа „Фани". Такимъ образомъ, независимо отъ того, что могли бы показать свидѣтели, на которыхъ ссылается апелляторъ, дѣйствія парохода „Леда" относительно баржи „Фани", хотя баржа и не была доведена имъ до порта изъ-за невозможности для „Леды" войти въ портъ, должны быть признаны *спасеніемъ*, за которое, согласно 498 и слѣд. ст., пароходъ „Леда" имѣетъ право на установленное въ законѣ вознагражденіе. Обращаясь къ обсужденію размѣра сего вознагражденія, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что истецъ по настоящему дѣлу „Австрійскій Ллойдъ" опредѣлилъ это вознагражденіе въ суммѣ 2.500 руб.; 2) что по закону (ст. 500 Уст. Торг.) награда за спасеніе корабля, потерпѣвшаго крушеніе на разстояніи одной версты или болѣе отъ берега, должна составлять 1/4 спасеннаго; 3) что стоимость баржи „Фани", какъ видно изъ удостовѣренія Департамента Торговли и Мануфактуръ Министерства Финансовъ отъ 10 сентября 1898 г., № 2043, равняется 22.484 р. 70 к. и что крушеніе баржи „Фани", какъ видно изъ показанія свидѣтелей Трео и Спонца, имѣло мѣсто на разстояніи не менѣе 4 миль отъ берега; 4) что посему, отыскиваемое истцомъ вознагражденіе въ суммѣ 2.500 руб. является даже значительно менѣе опредѣленнаго въ законѣ, а потому подлежитъ взысканію съ Азовскаго Общества въ полномъ размѣрѣ. Это заключеніе не можетъ быть опровергнуто доводами апеллятора о томъ, что означенная сумма должна быть уменьшена въ зависимости отъ цѣнности оказанной пароходомъ „Самсономъ" помощи, ибо прежде всего надо замѣтить, что, если это вознагражденіе причитается капитану парохода „Самсонъ", то, во 1-хъ, по дѣлу установлено, что капитанъ парохода „Самсонъ"

отказался отъ заключенія договора или принятія платы отъ капитана парохода „Леды“ въ самый моментъ передачи ему баржи „Фани“ для буксировки въ портъ, ссылаясь на то, что пароходъ „Самсонъ“ и баржа принадлежатъ одному и тому же обществу пароходства, а, во 2-хъ, это вознагражденіе не можетъ быть присуждено нынѣ, такъ какъ не видно, чтобы отвѣтчикъ былъ уполномоченный со стороны капитана парохода „Самсонъ“. Правительствующій Сенатъ оставилъ въ силѣ рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда (1900 г., № 122; тоже, 1902 г., № 2360).

477|326. Сдѣлка, заключенная шкиперомъ близкаго къ крушенію судна съ другимъ о доставленіи этого судна на рейдъ или портъ, не подходитъ подъ понятіе предусмотрѣнныхъ закономъ сдѣлокъ, касающихся спасенія при крушеніи и не можетъ быть признана недѣйствительною въ качествѣ противной нравственности и заключенной подъ вліяніемъ принужденія, такъ какъ въ противномъ случаѣ большую часть сдѣлокъ, заключаемыхъ на морѣ между шкиперами судовъ, пришлось бы, на этомъ основаніи, признать необязательными и, подрывая ихъ значеніе, устранить самую возможность ихъ заключенія (1885 г., № 257).

478|327. *Обезпеченіемъ возврата хозяиномъ судна затратъ по спасенію судна и приведенію его въ состояніе, пригодное для дальнѣйшаго плаванія, служитъ самое судно, которое подлежитъ возврату лишь по возмѣщеніи этихъ расходовъ* (1884 г., № 2772).

479. *Гражданскій Кассаціонный Департаментъ*, въ рѣшеніи 1912 г., по дѣлу Зеберга съ Кетви остановился на слѣдующихъ вопросахъ: 1) *влечетъ ли крушеніе судна, везшаго грузъ, отмѣну соотвѣтствующаго договора перевозки;* 2) *въ случаѣ выдачи коносамента въ нѣсколькихъ экземплярахъ вправѣ ли держатель одного изъ нихъ требовать выдачи груза не въ мѣстѣ его назначенія въ виду послѣдовавшаго крушенія судна въ пути.* Обращаясь къ первому вопросу, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что ссылка просителя для разрѣшенія этого вопроса на ст. 393 Уст. Торг. не оправдывается содержаніемъ этой статьи закона, вовсе не касающейся случаевъ крушенія судна въ пути, а относящейся лишь къ случаю поврежденія корабля, препятствующаго ему выполнить условія договора перевозки о доставкѣ товара къ мѣсту назначенія въ положенный по договору срокъ, причемъ въ видахъ предотвращенія убытковъ, могущихъ произойти для хозяевъ груза, и не запрещается корабельщику нанять для отвоза груза иной корабль. Возраженіе же отвѣтчика о томъ, что „абсолютная“ невозможность доставки немыслима, а все сводится къ временной невозможности (чему онъ придаетъ

особо важное значеніе въ связи съ указаніемъ на то, что данная перевозка не была срочною) не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ въ кругъ прямыхъ обязанностей корабельщика по ст. 386 Уст. Торг. входитъ: отправиться въ путь въ назначенный день и совершить путь со всевозможною поспѣшностью, что конечно не можетъ не быть принято во вниманіе и учтено грузохозяиномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ логически исключаетъ возможность допустить, что при неуказаніи въ договорѣ перевозки срока доставки груза по назначенію, грузохозяинъ обязанъ былъ бы подчиниться распоряженію корабельщика о наймѣ для доставки груза иного корабля во всякое время, не стѣсняясь никакими сроками доставки груза. Въ данномъ случаѣ вопросъ возникъ о судьбѣ договора перевозки не по поводу поврежденія лишь корабля, замедляющаго доставку груза, а по поводу крушенія; ст. 499 Уст. Торг. признаетъ наличность крушенія (или—что тоже—гибели) въ тѣхъ случаяхъ, когда судно утонетъ или найдетъ на камень, на мель, на берегъ, или разобьется, или дастъ течь, такъ что свезти съ мѣста, вылить воду или починить поврежденное судно окажется невозможнымъ. Хотя статья эта и не поясняетъ, въ какомъ смыслѣ говоритъ о невозможности, но она помѣщена въ главѣ первой раздѣла пятаго книги второй Устава Торговаго, т. е. въ главѣ, имѣющей своимъ предметомъ помощь и спасеніе въ случаяхъ кораблекрушенія; отсюда, а равно и изъ совокупнаго содержанія ст. 500—557 Уст. Торг., находящихся въ томъ же раздѣлѣ, вытекаетъ, что, по мысли закона, крушеніемъ почитается кромѣ полной гибели судна, такое его положеніе, при которомъ требуется спасать людей и грузъ; иными словами, законъ подъ невозможностью починить, свести съ мели судно и отлить изъ него воду разумѣетъ невозможность совершенія означенныхъ дѣйствій только при тѣхъ средствахъ помощи, которыя были налицо во время несчастія, а не при тѣхъ, которыя могли быть приспособлены впослѣдствіи и привести къ возстановленію судна. Такъ толковалъ ст. 499 и IV Департаментъ Правительствующаго Сената (опр. 1877 г., №№ 7, 210 и 435). Слѣдовательно, законъ усматриваетъ крушеніе всюду, гдѣ судно или утонуло, или состояніемъ своимъ вызвало необходимость снимать съ него грузъ и людей въ цѣляхъ спасенія ихъ, а не въ цѣляхъ облегченія самаго судна (см. ст. 454 Уст. Торг.). Какъ установлено палатою по даннымъ настоящаго дѣла, стороны не условились въ договорѣ о послѣдствіяхъ крушенія корабля и прямого отвѣта на такой случай въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ не содержится, почему, согласно 9 ст. Уст. Гражд. Суд., надлежитъ обратиться къ тѣмъ законоположеніямъ Устава Торговаго, которыя ближе всего могли бы касаться этого случая, какъ и поступила палата, примѣнивъ къ дѣлу статью 537 и слѣдующія Уст. Торг., въ которыхъ говорится о спасеніи и возвращеніи грузовъ въ случаяхъ кораблекрушенія. Коль скоро вслѣдствіе кораблекрушенія цѣль перевозки стала недостижимою и законъ въ такомъ случаѣ говоритъ лишь о томъ, какъ спасти, охранить и возвратить хозяевамъ грузъ, то

отсюда необходимо вывести то заключеніе, что съ точки зрѣнія закона, договорныя отношенія по перевозкѣ при крушеніи корабля должны считаться случайно, помимо воли и желанія сторонъ окончившимися и не порождающими ни права, ни обязанности для той или другой стороны озаботиться о мѣрахъ для окончательнаго выполненія доставки груза по назначенію. И дѣйствительно, если при крушеніи грузъ спасенъ и будучи перевезенъ на берегъ имѣетъ быть возвращенъ въ силу закона хозяевамъ его, то во многихъ случаяхъ помимо воли и желанія возчика онъ лишенъ бы былъ фактической возможности озаботиться выполненіемъ его доставки по назначенію. Затѣмъ, если бы стать на ту, допускаемую отвѣтчикомъ почву, что и при крушеніи корабельщикъ имѣетъ право и притомъ даже не взирая на порчу груза при крушеніи (что и было въ данномъ случаѣ) требовать отъ распорядителя груза возвращенія ему спасеннаго груза для дальнѣйшей доставки его по назначенію на зафрахтованномъ для того кораблѣ, то слѣдовало бы признать, что и грузохозяинъ съ своей стороны вправѣ былъ бы при крушеніи требовать отъ возчика обязательнаго найма корабля для выполненія доставки груза по назначенію, что однако далеко не всегда возможно при крушеніи и, слѣдовательно, приводитъ къ заключенію о правильности противоположнаго вывода о томъ, что при крушеніи корабля договоръ перевозки прекращается. Того же мнѣнія держится и профессоръ Шершеневичъ (см. курсъ торговаго права III томъ, стр. 334, по изд. 1909 г.). Такимъ образомъ отвѣтъ на *первый изъ поставленныхъ вопросовъ долженъ быть данъ утвердительный*. Переходя затѣмъ къ разрѣшенію *второго* вопроса, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, за силою 384 ст. Уст. Торг., на каждый погружаемый для отправленія моремъ грузъ товароотправитель можетъ взять отъ корабельщика на свой собственный страхъ нѣсколько тождественныхъ экземпляровъ коносамента, которые однако въ отношеніи корабельщика и груза представляютъ въ сущности одинъ и тотъ же коносаментъ и по любому изъ этихъ коносаментовъ корабельщикъ при его предъявленіи обязанъ по прибытіи груза, за силою 398 ст. того же Устава, выдать грузъ по принадлежности, причемъ вовсе не обязанъ, да и не вправѣ разрѣшать вопроса о томъ, кто въ дѣйствительности является собственникомъ груза, а если бы возникъ споръ о томъ между держателями 2-хъ или нѣсколькихъ образцовъ коносамента о правѣ собственности на данный грузъ, то онъ подлежалъ бы, на общемъ основаніи 1 ст. Уст. Гражд. Суд., разрѣшенію суда, совершенно притомъ независимо отъ того обстоятельства, всѣ ли образцы коносамента налицо или предъявлены лишь два, либо всего одинъ. Отвѣтчикъ впрочемъ и не оспариваетъ того, что при исполненіи договора перевозки въ портѣ назначенія корабельщикъ обязанъ былъ бы довольствоваться предъявленіемъ ему грузополучателемъ одного образца ордероваго коносамента, снабженнаго бланковою надписью отправителя (какъ было въ данномъ случаѣ), но утверждаетъ лишь, что такого требованія о выдачѣ груза

по одному лишь, а не по всѣмъ образцамъ коносамента, нельзя къ корабельщику предъявлять внѣ порта назначенія, въ пути или на случай крушенія корабля въ мѣстѣ, гдѣ находится спасенный грузъ. Однако такое заключеніе ничѣмъ рѣшительно не обосновано и противорѣчитъ точному смыслу ст. ст. 537—539 Уст. Торг., въ силу которыхъ послѣ крушенія и спасенія грузовъ выдача ихъ можетъ послѣдовать даже и вовсе безъ предъявленія какого-либо образца коносамента, по другимъ доказательствамъ принадлежности права на полученіе груза, Губернскимъ Правленіемъ. Коль скоро же возникаетъ вопросъ о правѣ полученія груза по представленному къ дѣлу и неоспариваемому образцу коносамента, то невозможно установлять какой-либо разницы при полученіи груза въ зависимости лишь отъ того, предстоитъ ли выдача его въ мѣстѣ назначенія или въ иномъ мѣстѣ. Важно лишь то, прекратился ли или нѣтъ договоръ перевозки и если, какъ уже признано выше по первому вопросу, договоръ перевозки прекратился и предстоитъ ликвидація отношеній по выданнымъ документамъ, то не можетъ быть разницы въ оцѣнкѣ значенія образцовъ коносамента по случайному лишь признаку, касающемуся причины сего прекращенія, и слѣдовательно условія оцѣнки силы и значенія образцовъ коносаментовъ должны быть одинаковы, т. е. и при крушеніи тѣ-же, что и въ мѣстѣ назначенія. Поэтому не обращаясь вовсе къ постановленіямъ Германскаго законодательства, которое не можетъ имѣть примѣненія въ Россіи и притомъ по отношенію къ грузу, который уже снятъ съ морского судна и погруженъ на берегъ въ г. Ревелѣ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что *требовать выдачи груза не въ мѣстѣ его назначенія за воспослѣдовавшимъ крушеніемъ везшаго грузъ судна вправѣ держатель хотя бы и одного образца коносамента, лишь бы были соблюдены требованія ст. 537 и слѣд. Уст. Торговаго.*

480. Страхователь парохода вправѣ въ случаѣ крушенія судна заключить спасательный договоръ. Несоблюденіе страхователемъ ст. *66 Гамб. правилъ,* возлагающей на него обязанность снестись по поводу заключенія спасательнаго договора съ страховщикомъ, не влечетъ за собою признанія договора страхованія недѣйствительнымъ.

Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что апелляторъ ссылается прежде всего на то, что вопреки требованію 1 пункта ст. 70 Гамбургскихъ правилъ страхованія, истецъ не доказалъ, что несчастіе съ пароходомъ „Дмитріевъ“ было слѣдствіемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, а не являлось результатомъ негодности парохода къ плаванію. Эта ссылка апеллятора не уважительна въ виду того, что приведенный апелляторомъ 1 пунктъ статьи 70 не можетъ имѣть примѣненія къ настоящему дѣлу, ибо согласно дополни-

тельнымъ полиснымъ условіямъ договора страхованія парохода „Дмитріевъ“, этотъ пунктъ Гамбургскихъ правилъ, замѣненъ условіемъ „страховщикъ не отвѣчаетъ за убытки, происшедшіе отъ того, что судно отправлено въ путь въ негодномъ къ мореплаванію видѣ . . . . . “, точный смыслъ какового условія исключаетъ необходимость установленія страхователемъ того обстоятельства, что аварія застрахованнаго судна была слѣдствіемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ и, наоборотъ, возлагаетъ на страховщика обязанность доказать, что судно было отправлено въ путь въ негодномъ видѣ, коль скоро страховщикъ ссылается на это обстоятельство; между тѣмъ фактъ отправленія истцомъ парохода „Дмитріевъ“ въ негодномъ къ мореплаванію видѣ, по дѣлу со стороны отвѣтчика не установленъ, такъ какъ выводимыя изъ показанія Кроля, Островскаго и Гаусмана и заключенія экспертовъ, даннаго по опредѣленію суда, предположенія апеллятора въ этомъ направленіи опровергаются какъ показаніями другихъ свидѣтелей, такъ и фактами выдачи обществомъ „Веритасъ“ пароходу „Дмитріевъ“, по осмотру его въ маѣ 1899 г. „1 класса“, и пребыванія парохода „Дмитріевъ“ въ маѣ 1899 г. въ сухомъ докѣ въ Севастополѣ для окраски, гдѣ дефекты судна, если бы таковыя были въ дѣйствительности, несомнѣнно, были бы обнаружены. Поэтому Правительствующій Сенатъ считаетъ ссылку отвѣтчика на отправленіе парохода „Дмитріевъ“ въ негодномъ для мореплаванія видѣ данными дѣла опровергнутою, въ силу чего и ходатайство его въ апелляціи о допущеніи новой экспертизы въ разъясненіе вопроса о неблагонадежности къ плаванію парохода „Дмитріевъ“ не подлежащимъ удовлетворенію. Точно также Правительствующій Сенатъ считаетъ неуважительными и приводимые апелляторомъ доводы о томъ, что положеніе парохода „Дмитріевъ“ не можетъ быть подведено подъ таковое условіе, какое по Гамбургскимъ правиламъ именуется „крушеніемъ“; неуважительна же эта ссылка потому, что отвѣтчикъ и не доказываетъ, чтобы пароходъ „Дмитріевъ“ могъ своими средствами сняться съ мели и откачать воду изъ трюма, иначе говоря, чтобы положеніе, въ коемъ былъ этотъ пароходъ въ ночь на 24 іюня 1899 г., несоотвѣтствовало предусмотрѣнному въ 8 п. общихъ полисныхъ правилъ понятію крушенія—„если судно станетъ на мель и не можетъ сойти съ нея при помощи обычныхъ пріемовъ . . . . . , а можетъ быть сдвинуто только чрезвычайными мѣрами какъ то . . . . выбрасываніемъ или выгрузкою груза . . . .“. Независимо отъ сего если бы даже и нельзя было признать несчастія съ пароходомъ „Дмитріевъ“ крушеніемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого понятія, предусмотрѣннымъ Гамбургскими правилами, то и въ такомъ случаѣ товарищество являлось бы отвѣтственнымъ за аварію парохода „Дмитріевъ“, такъ какъ согласно пункту первому особыхъ полисныхъ условій „товарищество отвѣчаетъ за всякое поврежденіе, могущее произойти отъ крушенія или посадки на мель, независимо отъ величины убытка отъ вышеприведенныхъ причинъ“, посадка же парохода „Дмитріевъ“ на мель стоитъ

по дѣлу внѣ спора сторонъ. Въ виду изложеннаго и вполнѣ раздѣляя приведенныя Коммерческимъ Судомъ въ его рѣшеніи подробныя соображенія къ заключенію о томъ, что несчастіе съ пароходомъ „Дмитріевъ“ должно быть признано крушеніемъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что 1 ч. ст. 66 Гамб. правилъ возлагаетъ на обязанность страхователя, въ случаѣ несчастія принять всѣ мѣры для спасенія застрахованнаго предмета, въ виду чего и заключеніе въ данномъ случаѣ спасательнаго договора капитаномъ парохода „Дмитріевъ“ само по себѣ не является противорѣчащимъ смыслу договора сторонъ, а потому могутъ подлежать обсужденію въ дѣлѣ лишь доводы отвѣтчика о томъ, что заключеніе спасательнаго договора съ Феріаносомъ со стороны капитана парохода „Дмитріевъ“ было по меньшей мѣрѣ неосмотрительно, что обусловленная спасательнымъ договоромъ сумма чрезмѣрно была высока и что, согласно Гамбургскимъ правиламъ, капитанъ предварительно заключенія договора, обязанъ былъ снестись съ товариществомъ. Однако ни одинъ изъ приведенныхъ апелляторомъ доводовъ не является достаточнымъ для признанія отвѣтчика безотвѣтственнымъ за послѣдствія заключенія капитаномъ парохода „Дмитріевъ“ спасательнаго договора, такъ какъ недобросовѣстность капитана въ дѣлѣ заключенія договора съ Феріаносомъ ничѣмъ по дѣлу не доказана, неосмотрительность же его, если бы и была установлена, по особымъ полиснымъ правиламъ не отнесена къ числу обстоятельствъ, устраняющихъ отвѣтственность отвѣтчика; вопросъ о чрезмѣрности вознагражденія по спасательному договору, какъ то правильно призналъ Коммерческій Судъ, въ настоящее время не можетъ подлежать обсужденію, такъ какъ основаніе, приводимое отвѣтчикомъ въ оправданіе уклоненія его отъ участія въ дѣлѣ Коммерческаго Суда Феріаноса съ Дмитріевымъ по спасательному договору—недопущеніе практикою Коммерческихъ Судовъ принятія участія въ дѣлѣ третьихъ лицъ, могло бы быть принято въ соображеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы отвѣтчикомъ по поводу этого дѣла было что либо предпринято, между тѣмъ какъ товарищество не только не проявило своего желанія вступить въ дѣло въ качествѣ третьяго лица, но даже и не отвѣтило на два нотаріальныя увѣдомленія Дмитріева о предъявленіи къ нему Феріаносомъ иска и о намѣреніи сторонъ по этому иску кончить дѣло миромъ; что же касается третьей ссылки, то въ этомъ отношеніи нельзя не признать, что несоблюденіе страхователемъ условій ст. 66 Гамб. правилъ, какъ видно изъ третьей части этой статьи, влечетъ за собою послѣдствія, указанныя въ ст. 65 правилъ, т. е. даетъ право страховщику вычесть изъ страхового вознагражденія сумму, которая при своевременномъ извѣщеніи могла быть сохранена, но не необязательность для страховщика самаго договора страхованія. Кромѣ того, 2 ч. ст. 66 не требуетъ безусловнаго предварительнаго запроса страхователемъ страховщика о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ предпринять, а ставитъ таковой въ зависимость отъ возможности исполнить это. Если же обратиться къ обстоятельствамъ посадки парохода

„Дмитріевъ“ на мель—ночное время, быстрое наполненіе водою парохода, уменьшившееся съ посадкою на мель, опасеніе перемѣны вѣтра,—то нельзя не придти къ заключенію, что принятіе капитаномъ мѣръ, обусловленныхъ 2 ч. 66 ст. представлялось не лишеннымъ риска и притомъ фактическая возможность принятія такихъ мѣръ отвѣтчикомъ по дѣлу не установлена. Не останавливаясь засимъ на обсужденіи вопроса о размѣрахъ присужденной судомъ суммы по данному иску въ виду того, что объ этомъ предметѣ въ апелляціи не содержится иныхъ данныхъ, кромѣ предположенія разъяснить этотъ вопросъ въ дополнительномъ прошеніи, Правительствующій Сенатъ утвердилъ рѣшеніе Коммерческаго Суда, коимъ съ общества „Саламандра“ присуждено въ пользу Дмитріева 14.198 р. 56 коп. (1909 г., № 2273). Ср. № 448.

481. По договору о спасеніи отвѣтственнымъ является лишь контрагентъ по этому договору—судохозяинъ, который однако, въ случаѣ если находитъ нужнымъ распредѣлить убытки отъ аваріи между участниками оной по закону, то не лишенъ возможности это сдѣлать путемъ диспаши, или же иска по праву регресса съ этихъ лицъ (1910 г., № 568).

ПОГРАНИЧНАЯ СТРАЖА.

482|328. Для признанія за чинами пограничной стражи права на полученіе награды по дѣламъ о кораблекрушеніяхъ не требуется ни того, чтобы дѣйствія сихъ чиновъ предприняты были съ согласія или по желанію судохозяина, ни того, чтобы дѣйствія эти имѣли мѣсто исключительно въ интересахъ потерпѣвшаго крушеніе.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло и выслушавъ заключеніе исполняющаго обязанности Товарища Оберъ-Прокурора, Второе Общее Собраніе Прав. Сената находитъ: въ 498 ст. Уст. Торг. (изд. 1887 г.) постановлено, что способствовавшіе къ спасенію судна, товаровъ и другихъ вещей и къ сбереженію и охраненію спасеннаго имѣютъ право на полученіе награды, а въ слѣдующей ст. 499 поясненно, что офицеры пограничной стражи и вообще всѣ служащіе по таможенной части, если они дѣйствительно участвовали въ спасеніи и сбереженіи потерпѣвшихъ крушеніе кораблей или товаровъ, или производили о томъ распоряженіе, имѣютъ также право на полученіе награды. Точный смыслъ этого послѣдняго законоположенія въ связи съ предшествующимъ общимъ правиломъ показываетъ, что право чиновъ пограничной стражи на полученіе награды по дѣламъ о кораблекрушеніяхъ обусловливается единственно фактомъ участія ихъ въ спасеніи судна и его груза, или же въ сбереженіи и охраненіи спасеннаго. О зависимости же этого права отъ согласія корабельщика на участіе чиновъ стражи въ сбереженіи и охраненіи спасаемыхъ вещей и товаровъ никакого указанія въ приведенныхъ постановленіяхъ не содержится и таковая зависимость не вытекаетъ и изъ существа законоположеній, опредѣляющихъ порядокъ дѣйствій при спасеніи судовъ, терпящихъ крушеніе. Хотя въ ст. 489 и указано, что если спасенъ корабельщикъ, то все, что касается сбереженія спасенныхъ предметовъ, должно быть учинено съ его воли и согласія, но изъ этого не слѣдуетъ еще, что при наличности корабельщика или хозяина судна, участіе чиновъ пограничной стражи въ сбереженіи и охраненіи спасаемыхъ товаровъ не обязательно для нихъ и можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если того пожелаетъ самъ судохозяинъ. Изъ содержанія ст. 488 и 490 явствуетъ, что законъ предписываетъ чинамъ пограничной стражи обращать все свое вниманіе на спасаемые вещи и товары въ тѣхъ видахъ, чтобы при таковыхъ несчастныхъ случаяхъ „не могло происходить злоупотребленія къ тайному водворенію товаровъ“. А при такомъ значеніи дѣйствій пограничной стражи по охраненію спасаемыхъ съ потерпѣвшаго крушеніе судна предметовъ, принятіе ею участія въ этой охранѣ

является въ равной мѣрѣ необходимымъ и обязательнымъ во всѣхъ случаяхъ кораблекрушенія, независимо отъ того, имѣется ли налицо судохозяинъ, или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, исполняя въ сихъ случаяхъ обязанности, имѣющія цѣлью огражденіе интересовъ казны, пограничная стража вмѣстѣ съ тѣмъ своею дѣятельностью, направленною къ тому, чтобы было доставлено на берегъ и сохранено въ цѣлости возможно большее число товарныхъ мѣстъ, очевидно, служитъ и интересамъ товарохозяина, охраняя его имущество. Въ виду такой именно солидарности ограждаемыхъ дѣятельностью пограничной стражи интересовъ казны и товарохозяина, законъ и призналъ справедливымъ предоставить чинамъ сей стражи право на участіе въ наградѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они дѣйствительно выполнили возложенныя на нихъ обязанности. Какъ полицейскіе чины, бывшіе при спасеніи или сбереженіи груза въ силу своихъ обязанностей, независимо отъ воли и согласія судохозяина, имѣютъ право на участіе въ наградѣ (ст. 504) (статья эта вмѣняетъ начальникамъ таможенныхъ округовъ, а слѣдовательно и высшему таможенному начальству въ особенную обязанность наблюдать, чтобы чины пограничной стражи удовлетворяемы были въ свое время слѣдующею наградою), такъ равнымъ образомъ и чины пограничной стражи должны быть удовлетворяемы слѣдующею частью награды за совершеніе въ сихъ случаяхъ дѣйствій, входящихъ въ кругъ ихъ служебныхъ обязанностей. Отсюда слѣдуетъ, что для признанія за чинами пограничной стражи права на полученіе награды по дѣламъ о кораблекрушеніяхъ вовсе не требуется по закону доказательствъ, ни въ подтвержденіе того, что дѣйствія сихъ чиновъ по охраненію спасенныхъ товаровъ предприняты были съ согласія или по желанію судохозяина, ибо таковыя дѣйствія не поставлены закономъ въ зависимость отъ воли судохозяина, ни въ подтвержденіе того, что совершенныя тѣми же чинами дѣйствія имѣли мѣсто исключительно въ интересахъ потерпѣвшаго крушеніе, ибо при добросовѣстномъ исполненіи пограничною стражею своихъ обязанностей, таковой исключительности ограждаемыхъ ея дѣятельностью интересовъ и быть не можетъ. Примѣняя эти общія указанія закона къ обстоятельствамъ настоящаго случая, Второе Общее Собраніе Прав. Сената находитъ, что когда судно „Орто“, шедшее изъ Мессины въ Одессу съ грузомъ апельсиновъ и оливковаго масла, 12 января 1886 г. стало на мель близъ Одессы, противъ дачи Ланжеронъ, то шкиперомъ онаго, Ланью, сперва нанятъ былъ пароходъ Русскаго общества пароходства и торговли для снятія судна съ мели, но когда эта попытка не удалась, т. е. какъ только констатировано было состояніе судна, признаваемое закономъ крушеніемъ или гибелью онаго (ст. 478 Уст. Торг.), отряднымъ офицеромъ пограничной стражи, штабсъ-ротмистромъ Ганомъ, поставленъ былъ караулъ изъ подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ, какъ на самомъ суднѣ для охраненія товаровъ при ихъ выгрузкѣ, такъ и на баржахъ, нанятыхъ шкиперомъ для перевозки товаровъ, которыя такимъ образомъ охранялись пограничною стражею и

на пути слѣдованія въ таможню. Эти дѣйствія чиновъ стражи продолжались непрерывно съ момента начатія выгрузки товаровъ съ судна „Орто“ 13 января до окончательной гибели онаго въ ночь съ 16 на 17 того же января, причемъ, кромѣ всей партіи апельсиновъ, выгружено было и доставлено въ портъ подъ охраною означенныхъ чиновъ 708 бочекъ деревяннаго масла. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ со стороны пограничной стражи были въ точности исполнены тѣ обязанности, которыми ограждаются солидарные въ дѣлѣ охраненія спасаемыхъ товаровъ интересы казны и товарохозяина, а потому за участвовавшими въ семъ чинами стражи, согласно ст. 498 и 499 Уст. Торг., и должно быть признано право на полученіе денежной награды въ соотвѣтственномъ размѣрѣ. Правильность этого вывода находитъ себѣ подтвержденіе и въ опредѣленіи 3 Деп. Прав. Сената, изъясненномъ въ указѣ Министру Финансовъ отъ 11 іюня 1887 г., № 804, по дѣлу Ревельской бригады пограничной стражи съ торговымъ домомъ „Л. Кнопъ и К°“ о вознагражденіи за сбереженіе товаровъ, спасенныхъ съ парохода „Дерби“, въ каковомъ опредѣленіи Прав. Сенатъ за дѣйствія чиновъ пограничной стражи, совершенно однородныя съ имѣвшими мѣсто въ настоящемъ случаѣ, призналъ сихъ чиновъ имѣющими право на денежную награду въ суммѣ 14.684 р. 24 к. Посему и принимая во вниманіе, что собственно противъ размѣра слѣдующей въ этомъ случаѣ чинамъ пограничной стражи денежной награды возраженій никѣмъ не заявлено, Второе Общее Собраніе Прав. Сената рѣшеніе Одесскаго Ком. Суда отмѣнило и въ искѣ страховому обществу „Русскій Ллойдъ“ съ Одесской таможни 2.400 р., удержанныхъ въ обезпеченіе означенной награды, отказало (1890 г., № 75).

483|329. Для признанія права на вознагражденіе по ст. 498 за чинами отдѣльнаго корпуса пограничной стражи въ томъ случаѣ, если владѣлецъ товара былъ извѣстенъ и находился налицо, необходимо, чтобы ими установлено было, во 1-хъ, что содѣйствіе по охранѣ спасеннаго имущества предпринято было ими съ согласія товаровладѣльца; во 2-хъ, что такое содѣйствіе дѣйствительно оказано было, и въ 3-хъ, что дѣйствія ихъ по охранѣ имущества имѣли мѣсто исключительно въ интересахъ товаровладѣльца и выходили изъ круга ихъ служебныхъ обязанностей, не оплачиваемыхъ частными лицами (1886 г., № 1830).

О ВОЗНАГРАЖДЕНІИ МАКЛЕРА ПРИ НАЙМѢ КОРАБЛЯ.

484|330. Разрѣшенію Правительствующаго Сената подлежитъ вопросъ о томъ, правильно ли Одесскій Коммерческій Судъ призналъ подлежащимъ удовлетворенію искъ гофъ-маклера Павани о 2.100 р. куртажнаго вознагражденія, причитающагося ему, какъ корабельному маклеру, за совершеніе сдѣлки по найму двухъ пароходовъ отвѣтчика. Повѣренный отвѣтчика, опровергая искъ, указываетъ, что представленная истцомъ цертепартія не можетъ служить основаніемъ иска, такъ какъ въ ней не указано, что она совершена по приказу сторонъ, вступившихъ въ сдѣлку при посредствѣ истца, а утверждаетъ, что настоящая цертепартія была лишь явлена у Павани, какъ корабельнаго маклера, участіе котораго выразилось лишь засвидѣтельствованіемъ подписи сторонъ, заключившихъ цертепартію. Съ своей стороны повѣренный истца возражаетъ, что фактъ совершенія цертепартіи именно истцомъ, кромѣ прямого на то указанія въ сдѣланной имъ надписи, доказывается тѣмъ, что цертепартія была занесена въ книгу, выдаваемую маклерамъ для занесенія совершаемыхъ имъ сдѣлокъ, а также и написаніемъ настоящей цертепартіи на бланкѣ истца; при совершеніи же цертепартіи соблюдены всѣ требуемыя ст. 328 Уст. Торг. (изд. 1893 г.) правила. Обращаясь для правильнаго разрѣшенія спора сторонъ, а затѣмъ и требованій истца, къ разсмотрѣнію законоположеній о маклерахъ, какъ биржевыхъ, такъ и корабельныхъ, и правилъ о совершеніи цертепартій,— Прав. Сенатъ находитъ, что общія положенія о маклерахъ изложены въ гл. II разд. III, кн. 3 Уст. Торг.; болѣе подробныя правила, касающіяся маклеровъ, состоящихъ при Одесской биржѣ, изложены согласно ст. 51, прил. III къ ст. 595 Уст. Торг. (изд. 1893 г.) въ особой инструкціи, представленной къ настоящему дѣлу, которая, будучи утверждена въ установленномъ порядкѣ (ст. 51), является спеціальнымъ закономъ. Правила о заключеніи договоровъ найма кораблей, т. е. цертепартій, содержатся въ гл. 7, разд. II, кн. 2 Уст. Торг. При этомъ нельзя не указать, что при разсмотрѣніи настоящаго дѣла прежде всего должна имѣть примѣненіе инструкція для маклеровъ Одесской биржи, въ непредусмотрѣнныхъ же ею случаяхъ правила устава С.-Петербургской биржи (прил. III къ ст. 592 Уст. Торг. ст. 51); въ частности правила для биржевыхъ маклеровъ при отсутствіи спеціальныхъ постановленій относительно корабельныхъ маклеровъ. Съ этой точки зрѣнія, согласно ст. 628 Уст. Торг. и ст. 164, прил. I къ ст. 592, для посредничества при заключеніи торговъ, договоровъ и условій по дѣламъ, производимымъ на биржахъ, избираются биржевые маклера, къ числу коихъ принадлежатъ также и корабельные маклера. Послѣдніе опредѣляются собственно по части коммерческаго морского судоходства, являясь посредниками между кораблe-

хозяевами и нагрузителями, и совершаютъ сдѣлки по продажѣ и найму кораблей (ст. 165, прил. I къ ст. 592). Каждый маклеръ ежегодно получаетъ шнуровую книгу и обязанъ вносить въ нее всѣ заключаемыя чрезъ посредство его торговыя сдѣлки (ст. 628 Уст. Торг., § 6 инструкціи). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по точному смыслу ст. 334 Уст. Торг., въ ту же маклерскую книгу записываются и договоры о наймѣ кораблей, лишь являемые у маклера. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что для отличія цертепартій, содержащихъ условія сдѣлки найма корабля, заключенной при посредствѣ маклера, отъ цертепартій, лишь явленныхъ у маклера, онѣ должны отличаться по формѣ составленія. Въ этомъ отношеніи въ инструкціи для Одесской биржи указаній не имѣется, а въ уставѣ С.-Петербургской биржи „о корабельныхъ маклерахъ“ содержится лишь косвенное указаніе на то, что „маклеръ, получивъ порученіе отъ корабельщика“, обязанъ объявить ему послѣднія страховыя цѣны (ст. 174), обязанъ заключать цертепартіи во всемъ томъ, что при биржѣ исполняется, не иначе, какъ согласно во всей точности съ изложенными въ Уст. Торг. законами о торговомъ мореплаваніи и судоходствѣ (ст. 178). Въ виду этого, при заключеніи цертепартій корабельные маклеры обязаны руководствоваться общими правилами для биржевыхъ маклеровъ. Согласно же сему, маклеръ, заключивъ по приказу или порученію сдѣлку, выдаетъ договаривающимся сторонамъ торговыя записки, составленныя въ двухъ видахъ и утвержденныя подписями, съ точнымъ обозначеніемъ условій договаривающихся продавца и покупателя (ст. 634 и 638 Уст. Торг., прил. I къ ст. 592, ст. 93, 94, 95); записки вносятся въ книгу или отъ слова до слова (ст. 636), или въ книгу заносится каждая сдѣлка съ означеніемъ всѣхъ условій и отмѣткою, что записка установленной формы доставлена сторонамъ (ст. 636, 637; уст. Петерб. биржи ст. 100, 101). Изъ приведенныхъ статей Уст. Торг. вытекаетъ, что при заключеніи сдѣлки маклеръ составляемую имъ записку совершаетъ не отъ имени договаривающихся сторонъ, а отъ собственнаго имени съ точнымъ обозначеніемъ именъ сторонъ, съ указаніемъ, что сдѣлка заключена по приказу или порученію ихъ. Записки скрѣпляются подписями маклера, а затѣмъ договаривающихся сторонъ въ случаѣ утвержденія и выдаются каждой сторонѣ. Тотъ же порядокъ долженъ быть, слѣдовательно, соблюдаемъ и при совершеніи цертепартій. Правильность изложеннаго взгляда находитъ себѣ подтвержденіе и въ ст. 339 Уст. Торг., говорящей о заключеніи договоровъ найма кораблей безъ участія маклера, согласно которой цертепартіи все-таки должны быть составлены въ двухъ образцахъ за подписью сторонъ. Тѣмъ болѣе корабельный маклеръ, обязанный по ст. 178 прил. I къ ст. 592 соблюдать всѣ правила Уст. Торг. о мореходствѣ и водоходствѣ, обязанъ по должности придерживаться этого правила, какъ и правила ст. 328. Переходя къ разсмотрѣнію правилъ относительно цертепартій, представляемыхъ къ явкѣ маклеру, Прав. Сенатъ находитъ, что въ этихъ случаяхъ

по ст. 334 Уст. Торг. въ мѣстностяхъ, гдѣ введено въ дѣйствіе положеніе о нотар. части, маклерами соблюдаются правила сего положенія, т. е. засвидѣтельствованіе явочныхъ актовъ (разд. II, гл. 3, VII). По силѣ ст. 146 полож. о нотар. части засвидѣтельствованіе явки договоровъ дѣлается на самомъ актѣ, съ означеніемъ лицъ, его предъявившихъ, причемъ нотаріусъ обязанъ, по разсмотрѣніи условій или проекта, удостовѣриться въ самоличности лицъ предъявившихъ, законной правоспособности и доброй волѣ ихъ. Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ разсмотрѣнію настоящей цертепартіи, Прав. Сенатъ находитъ, что на основаніи формы составленія и содержанія не представляется возможнымъ признать, что сдѣлка, изложенная въ ней, заключена при посредствѣ истца. Прежде всего настоящая цертепартія составлена самими договаривающимися сторонами, а не отъ ихъ имени маклеромъ на основаніи порученія или приказа. Затѣмъ подписана только сторонами. Что же касается заявленія повѣреннаго истца, что эта форма установлена лишь для торговыхъ сдѣлокъ, то оно по приведеннымъ соображеніямъ не представляется основательнымъ, такъ же, какъ и указаніе на то, что фактъ занесенія цертепартіи въ книгу доказываетъ именно совершеніе ея маклеромъ, т. е. посредничество послѣдняго, какъ это кромѣ того удостовѣрено въ сдѣланной истцомъ надписи, ибо въ книгу маклеромъ, какъ это явствуетъ изъ вышеизложеннаго, одинаково должны быть вносимы какъ цертепартіи, заключенныя чрезъ маклера, такъ и такія цертепартіи, которыя представляются ему лишь для явки. Указаніе въ надписи на цертепартіи на совершеніе ея имъ, маклеромъ, и фактъ написанія самаго акта на бумагѣ съ бланкомъ истца могутъ быть понимаемы и свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что текстъ экземпляра цертепартіи былъ написанъ въ конторѣ истца, причемъ нельзя упустить изъ виду, что при явкѣ цертепартіи маклеръ исполняетъ обязанность нотаріуса, и засимъ стороны могли, согласно ст. 88 и 89 полож. о нотар. части, представить ему или готовый проектъ, или условія состоявшейся сдѣлки. Независимо отъ изложеннаго, нельзя не указать, что нигдѣ въ законѣ не содержится требованія, чтобы договоры, заключаемые черезъ маклеровъ, слѣдовательно и цертепартіи, подлежали, кромѣ того, явкѣ у маклера, между тѣмъ истецъ, утверждая, что настоящая сдѣлка заключена имъ, въ то же время въ учиненной имъ надписи свидѣтельствуетъ, что цертепартія явлена у него. По силѣ приведенныхъ соображеній, Прав. Сенатъ приходитъ къ выводу, что настоящая цертепартія не только сама по себѣ не можетъ служить доказательствомъ участія истца въ заключеніи изложенной въ ней сдѣлки въ качествѣ маклера посредника, но и того, что таковая была лишь явлена у него; при такомъ положеніи дѣла къ удовлетворенію его исковыхъ требованій правильныхъ основаній не усматривается. Правительствующій Сенатъ рѣшеніе Коммерческаго Суда отмѣнилъ и въ искѣ отказалъ (1904 г., № 500).

ДИСПАША.

485|331. Составленная присяжнымъ диспашеромъ и утвержденная его подписью диспаша воспринимаетъ полную вѣру внутри и внѣ государства, становится для участниковъ аваріи безусловно обязательною и позднѣйшему оспариванію подлежать не можетъ. Исправленіе диспаши въ виду новаго, небывшаго въ виду у диспашера обстоятельства.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Прав. Сенатъ находитъ, что предметъ онаго заключается въ требованіи, предъявленномъ шкиперомъ потерпѣвшаго аварію англійскаго парохода „Винчестеръ“, великобританскимъ подданнымъ Джономъ Вуллей, о взысканіи съ торговаго дома „Ферстеръ, Рутманъ и К°“, какъ адресата доставленнаго на означенномъ выше пароходѣ изъ Нью-Орлеана въ Севастополь груза хлопка, упадающихъ на его долю аварійныхъ убытковъ, въ суммѣ 186.664 р. 93 к., опредѣленныхъ въ этомъ размѣрѣ диспашею, составленною и утвержденною 7 марта 1889 г. диспашеромъ Одесскаго порта Яковомъ Джудиче, отъ добровольной уплаты каковыхъ убытковъ отвѣтчикъ уклоняется. Возраженія торговаго дома „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ противъ предъявленнаго къ нему Джономъ Вуллей иска, какъ при производствѣ сего дѣла въ Одесскомъ Ком. Судѣ, такъ и въ принесенной имъ апелляціонной Прав. Сенату жалобѣ на рѣшеніе сего суда, признавшаго искъ Джона Вуллей подлежащимъ удовлетворенію, сводятся къ тому, что разсчетъ аварійныхъ убытковъ произведенъ диспашеромъ Джудиче неправильно, такъ какъ въ дѣйствительности, по правильному разсчету, грузу не только не приходится доплачивать что-либо кораблю, но напротивъ того, еще грузъ имѣетъ получить съ корабля, что вслѣдствіе сего, за составленною Джудиче диспашею не можетъ быть признано доказательной силы и что поэтому, до составленія новой, правильной диспаши онъ не считаетъ себя обязаннымъ платить истцу Вуллей какіе-либо аварійные убытки. Обращаясь къ обсужденію силы и значенія этихъ доводовъ апеллятора, Прав. Сенатъ находитъ, что въ уставѣ Одесской биржи, изложенномъ въ приложеніи III къ ст. 592 Уст. Торг., не содержится подробныхъ правилъ о правахъ и обязанностяхъ состоящихъ при Одесской биржѣ диспашеровъ, равно какъ и о значеніи составляемыхъ ими актовъ аварійныхъ раскладокъ (диспашъ), а имѣется лишь въ главѣ VI „о маклерахъ“ одна общая статья 51, изъ которой, между прочимъ, видно, что число состоящихъ при этой биржѣ диспашеровъ, порядокъ ихъ выбора и назначенія, равно и увольненія, а

также права и обязанности ихъ опредѣляются примѣнительно къ правиламъ, постановленнымъ для С.-Петербургской биржи. Въ уставѣ же С.-Петербургской биржи, изложенномъ въ приложеніи I къ той же ст. 592 Уст. Торг. въ отдѣлѣ VI главы IV, озаглавленномъ „о диспашерахъ", имѣются слѣдующія, между прочимъ, постановленія: ст. 180. Присяжные диспашеры при портѣ или расцѣнщики вреда и убытковъ, назначаются для опредѣленія на основаніи изложенныхъ въ Уст. Торг. правилъ разряда аваріи, учета потери въ цѣломъ и разсчета ущерба каждаго лица, участвующаго въ аваріи. Ст. 188. Диспашеръ не иначе приступаетъ къ опредѣленію и расчисленію аваріи, какъ по сдѣланному ему о томъ отъ кораблехозяина, его корреспондента или корабельщика порученію. Когда же будетъ поручено диспашеру аварійное дѣло и онъ получитъ по оному слѣдующіе документы, то окончить всѣ разсчеты долженъ онъ непремѣнно въ теченіе шести недѣль. Ст. 187. Диспашеръ въ опредѣленіи разряда аваріи, учетѣ и разсчетѣ по оной слѣдуетъ въ точности правиламъ, изложеннымъ въ Уст. Торг. (ст. 391—465) и отнюдь отъ оныхъ не отступаетъ; если же встрѣтится обстоятельство, о которомъ въ означенныхъ правилахъ не упоминается, или если оно не можетъ быть примѣнено ни къ одной статьѣ сего законоположенія, то въ такомъ случаѣ дозволяется диспашеру поступать по русскому и иностранному коммерческому обычаю. Ст. 192. Всѣ документы, на основаніи которыхъ составляется диспаша, должны быть открыты для всѣхъ участвующихъ въ аваріи и, по требованію ихъ, диспашеръ долженъ давать съ оныхъ засвидѣтельствованныя записки. На случай справокъ по документамъ, на основаніи коихъ составляется диспаша, диспашеры могутъ оставлять ихъ у себя. Ст. 193. Если при расчисленіи аваріи диспашеръ встрѣтитъ отъ участвующихъ споръ или недоумѣніе, то къ ближайшей развязкѣ избирается со стороны диспашера и со сторонъ, споръ предъявившихъ, по одному изъ неучаствующихъ въ той аваріи опытныхъ людей, которые большинствомъ голосовъ избираютъ уже, для перевѣса, кого заблагоразсудятъ. Симъ способомъ прекращаются всякіе споры рѣшительно, и записки о такомъ разборѣ посредниковъ даются за свидѣтельствомъ нотаріусовъ. Ст. 183. Для утвержденія диспашей получаетъ диспашеръ пять печатей, на пяти языкахъ, съ изображеніемъ Государственнаго герба и съ надписью „Диспашеръ N С.-Петербургскаго порта". Ст. 191. Диспаши утверждаются подписью диспашера, съ приложеніемъ его печати. Ст. 186. Диспаши или акты диспашера, содержащіе опредѣленіе, учетъ и разсчетъ аваріи, имѣютъ полную вѣру внутри и внѣ государства и обязательную силу для участниковъ въ аваріи.—Тѣ же самыя постановленія, но въ нѣсколько иной редакціи, заключались и въ прежнихъ правилахъ для Одесской биржи, изложенныхъ въ прил. III къ ст. 592 Уст. Торг., изд. 1887 г. А именно, въ главѣ II этихъ правилъ, озаглавленной: „о маклерахъ и экспертахъ", въ ст. 27, между прочимъ, постановлено, что диспашеры при Одесскомъ портѣ руководствуются правилами, предписанными

для этихъ лицъ при С.-Петербургскомъ портѣ, въ главѣ VI устава С.-Петербургской биржи, за исключеніемъ статей 181—185, 191, 194, 196 и 198, замѣняемыхъ для Одесской биржи особо изложенными постановленіями. Слѣдовательно, изъ числа приведенныхъ выше статей устава С.-Петербургской биржи, дѣйствующихъ по новому уставу Одесской биржи въ отношеніи диспашеровъ сей послѣдней биржи, только ст. 183 и 191 изложены были по прежнимъ правиламъ Одесской биржи въ иной редакціи; а именно, ст. 183 изложена была такъ: Для утвержденія диспашей получаетъ диспашеръ отъ Ком. Суда печать, изображающую Государственный гербъ, съ русскою надписью: „Диспашеръ Одесскаго порта NN“. Что же касается ст. 191, то измѣненіе ея редакціи касалось лишь второй ея части, относительно права диспашеровъ писать диспаши на разныхъ иностранныхъ языкахъ. Изъ изложенныхъ законоположеній, опредѣляющихъ права и обязанности диспашеровъ и порядокъ совершенія ими диспашъ, равно какъ и значеніе этихъ актовъ, съ несомнѣнностью явствуетъ: 1) что диспашеръ въ дѣлѣ составленія диспаши дѣйствуетъ при содѣйствіи, буде они того пожелаютъ, самихъ же участниковъ въ аваріи; этимъ послѣднимъ открыты всѣ документы, на основаніи которыхъ составляется диспаша, и имъ предоставлено право слѣдить за всѣми дѣйствіями диспашера въ теченіе всего времени составленія имъ диспаши, и если только кто-либо изъ нихъ несогласенъ со взглядомъ или мнѣніемъ диспашера, касающимся опредѣленія разряда аваріи, или учета потери въ цѣломъ, или разсчета ущерба каждаго лица, то онъ вправѣ заявить о семъ споръ, который разрѣшается судомъ посредниковъ, избираемыхъ на сей предметъ указаннымъ въ законѣ способомъ, причемъ данное этими лицами заключеніе становится обязательнымъ какъ для самихъ заявившихъ споръ, такъ и для диспашера; „этимъ способомъ“, какъ сказано въ законѣ, т. е. надлежащимъ наблюденіемъ самихъ участниковъ въ аваріи за послѣдовательными дѣйствіями диспашера и разъясненіемъ сомнительныхъ вопросовъ посредническимъ судомъ, „прекращаются всѣ споры рѣшительно“; 2) что, такимъ образомъ, возбужденіе сторонами споровъ по диспашѣ можетъ имѣть мѣсто только во время составленія ея, до момента ея утвержденія диспашеромъ, причемъ споры эти разрѣшаются не обще-судебнымъ порядкомъ, а порядкомъ, спеціально на сей предметъ въ законѣ установленнымъ—судомъ посредническимъ, и 3) что если участники въ аваріи не воспользовались предоставленнымъ имъ закономъ правомъ наблюденія за ходомъ производства диспашеромъ аварійной раскладки и предоставили это на единоличное усмотрѣніе самого диспашера или же не заявляли во время составленія диспаши никакихъ споровъ, выразивъ тѣмъ самымъ полную солидарность своихъ взглядовъ со взглядами диспашера, и допустили послѣдняго, безъ всякихъ протестовъ, до утвержденія таковой своею подписью и печатью, то съ этого самаго момента составленная диспашеромъ и утвержденная имъ диспаша воспринимаетъ полную вѣру внутри и внѣ госу-

дарства и становится для участниковъ въ аваріи безусловно обязательною и позднѣйшему оспариванію подлежать не можетъ. Примѣняя эти соображенія къ настоящему дѣлу и имѣя въ виду, что положенная въ основаніе иска Джона Вуллей диспаша надлежащимъ образомъ утверждена подписью и печатью составившаго ее диспашера, Якова Джудиче, Прав. Сенатъ находитъ, что таковая воспріяла по отношенію къ отвѣтчику, торговому дому „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ обязательную силу и что посему за послѣднимъ въ настоящее время уже не можетъ быть признано право на оспариваніе этого оффиціальнаго акта. Что же касается ссылки апеллятора, въ доказательство права участниковъ въ аваріи оспаривать диспашу и послѣ ея утвержденія, на ст. 198 прил. I къ ст. 592 Уст. Торг. и на ст. 61 прежнихъ правилъ для Одесской биржи, содержащія въ себѣ постановленія о томъ, что всякія жалобы на диспашера приносятся таможнѣ, которою и обслѣдываются, а въ важныхъ случаяхъ представляются на разрѣшеніе Ком. Суда, то таковая ссылка представляется неосновательною, ибо прежде всего въ настоящемъ производствѣ торговый домъ „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ ограничился лишь предъявленіемъ возраженія на искъ Вуллей, доказывая неправильность положенной въ основаніе иска диспаши, а слѣдовательно никакого самостоятельнаго оспариванія этой диспаши, въ каковомъ смыслѣ только и можетъ быть понимаемо выраженіе „жалоба“, не заявилъ, а засимъ уже изъ самаго текста приводимыхъ апелляторомъ статей закона: „жалобы на диспашера приносятся“... и изъ предусмотрѣнныхъ въ этихъ же статьяхъ, а также и въ ст. 1341 и 1343 Улож. о Наказ., возможныхъ послѣдствій такихъ жалобъ— наложеніе на диспашера денежнаго штрафа и отрѣшеніе его отъ должности— несомнѣнно вытекаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ вовсе не о правѣ оспариванія диспашъ, а о правѣ жаловаться на самого диспашера по случаю превышенія имъ предоставленной ему закономъ власти или неисполненія имъ возложенныхъ на него закономъ обязанностей. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобнаго рода жалобы на диспашера, касающіяся собственно его дѣйствій по составленію диспашъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, могутъ быть приносимы и послѣ выдачи сторонамъ утвержденной диспаши и что такія жалобы, если только онѣ окажутся основательными, помимо прямого предусмотрѣннаго въ законѣ послѣдствія, касающагося лично диспашера (штрафъ, отрѣшеніе отъ должности) могутъ косвенно повліять и на силу и значеніе составленныхъ и утвержденныхъ имъ актовъ, въ виду того общаго проводимаго нашимъ законодательствомъ принципа, что сила и обязательность всѣхъ вообще оффиціальныхъ документовъ стоятъ въ прямой зависимости отъ законности ихъ совершенія. Между тѣмъ, хотя въ настоящемъ случаѣ, какъ видно изъ находившагося въ производствѣ Прав. Сената частнаго дѣла по жалобѣ торговыхъ домовъ „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ и „Л. Кнопъ и К°“ на Одесскій Ком. Судъ, отвѣтчикомъ по настоящему дѣлу и принесена была Одесской таможнѣ жалоба на диспашера

Джудиче по поводу неправильнаго, по его, жалобщика, мнѣнію, составленія имъ диспаши парохода „Винчестеръ“, каковая жалоба таможнею передана была на разрѣшеніе Одесскаго Ком. Суда, но жалоба эта оставлена была судомъ безъ уваженія, такъ какъ судъ въ дѣйствіяхъ Джудиче по составленію имъ диспаши парохода „Винчестеръ“ не усмотрѣлъ никакихъ неправильностей или правонарушеній, а Прав. Сенатъ принесенную на постановленное Одесскимъ Ком. Судомъ въ такомъ смыслѣ рѣшеніе частную жалобу торговыхъ домовъ „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ и „Л. Кнопъ и К°“ оставилъ безъ разсмотрѣнія по существу, признавъ, что означенное рѣшеніе должно быть признано окончательнымъ и не подлежащимъ обжалованію въ судебномъ порядкѣ подчиненности Ком. Судовъ Прав. Сенату. А потому и съ этой стороны сила и значеніе составленной и утвержденной диспашеромъ Джудиче пароходу „Винчестеръ“ диспаши не могутъ считаться въ чемъ либо поколебленными. Равнымъ образомъ не заслуживаетъ уваженія и указаніе апеллятора на то, что онъ лишенъ былъ возможности оспаривать диспашу во время ея составленія, такъ какъ диспашеръ не предъявилъ ему проекта таковой, какъ это обыкновенно дѣлается, и уклонялся отъ сообщенія документовъ, вслѣдствіе чего диспаша стала ему извѣстною лишь съ того момента, когда по ней послѣдовало требованіе со стороны шкипера Джона Вуллей объ уплатѣ денегъ,—ибо, во-первыхъ, въ законѣ не содержится постановленія, обязующаго диспашера предъявлять участникамъ въ аваріи проектъ составляемой имъ диспаши, а, напротивъ того, самимъ сторонамъ предоставлено право слѣдить за совершеніемъ диспаши, если же въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ указываетъ апелляторъ, и предъявлялись сторонамъ проекты диспашъ, какъ напримѣръ по пароходу „Ниніанъ Стюартъ“ и „Евгеній Р.“, то это дѣлалось диспашеромъ не въ силу лежащей на немъ обязанности, а, какъ видно изъ самыхъ диспашей этихъ пароходовъ, лишь въ виду того, что или адресатовъ было много, или же адресаты были иногородные, слѣдовательно, ради только того, чтобы облегчить имъ осуществленіе предоставленнаго имъ закономъ права слѣдить за составленіемъ диспаши, чего въ настоящемъ случаѣ, очевидно, не предстояло надобности дѣлать, такъ какъ адресатомъ парохода „Винчестеръ“ былъ одинъ торговый домъ „Ферстеръ, Рутманъ и К°“, притомъ же этотъ адресатъ былъ мѣстный, имѣющій въ Одессѣ свою контору; во-вторыхъ, торговому дому „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ не могло не быть извѣстнымъ, что пароходу „Винчестеръ“ составляется диспаша и что составленіе таковой поручено диспашеру Джудиче, такъ какъ самъ же означенный торговый домъ, въ лицѣ повѣреннаго своего Орнберга, въ виду согласія шкипера Вуллей выпустить арестованный въ таможнѣ грузъ хлопка безъ взноса на то особаго обезпеченія, далъ послѣднему 30 марта 1888 г. подписку, которою обязался подчиниться диспашѣ, какая имѣетъ быть совершена диспашеромъ Джудиче, и по востребованіи о томъ уплатить ту сумму, какая по означенной диспашѣ съ него причтется, и кромѣ того, какъ видно изъ имѣю-

щагося въ дѣлѣ приложеннаго къ диспашѣ парохода „Винчестеръ“ общаго счета аваріи, самъ же отвѣтчикъ представлялъ диспашеру Джудиче, во время составленія имъ означенной диспаши матеріалъ, въ видѣ разныхъ счетовъ, каковымъ матеріаломъ Джудиче и воспользовался; и, наконецъ, въ третьихъ, если бы диспашеръ дѣйствительно, вопреки требованіямъ просителя, уклонялся отъ сообщенія документовъ, то таковыя дѣйствія диспашера могли быть имъ своевременно обжалованы. Во всякомъ же случаѣ, въ виду той исключительной силы и значенія, вызываемыхъ самымъ свойствомъ ея, которыя придаетъ законъ (ст. 186 прил. I къ ст. 592 Уст. Торг.) именно одной только диспашѣ изъ числа всѣхъ прочихъ документовъ, относительно которыхъ подобныхъ изложеннымъ въ приведенной статьѣ постановленій не имѣется, какъ акту общеобязательному, оспариваніе основаннаго на такой диспашѣ иска могло бы быть допущено лишь по предварительномъ установленіи въ надлежащемъ порядкѣ неправильныхъ дѣйствій диспашера по составленію оной, чего, однако, въ данномъ случаѣ, какъ указано выше, не имѣется, напротивъ того, жалоба по сему предмету принесенная Одесскому Ком. Суду, между прочимъ и торговымъ домомъ „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ оставлена вошедшимъ въ законную силу рѣшеніемъ суда безъ послѣдствій, а потому, въ силу уже однихъ этихъ соображеній, заявленный въ настоящемъ дѣлѣ торговымъ домомъ „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ споръ по существу составляющей предметъ дѣла диспаши, а именно противъ правильности дѣйствій диспашера по исчисленію курса фунт. стерл., вычисленія процентовъ на капиталъ въ 80.570 руб. 80 коп. и неправильнаго установленія диспашеромъ разрядовъ аварій, вслѣдствіе чего получилось неправильное уменьшеніе частной аваріи парохода и въ соотвѣтственной степени неправильное увеличеніе по общей аваріи, долженъ быть оставленъ безъ уваженія. Но, не касаясь такимъ образомъ самаго существа принятыхъ диспашеромъ сообразно имѣвшимся у него даннымъ при составленіи имъ настоящей диспаши положеній, Прав. Сенатъ не можетъ, однако, не остановиться на слѣдующемъ обстоятельствѣ: изъ означенной диспаши, между прочимъ, усматривается, что въ ст. 59 общаго счета аваріи парохода „Винчестеръ“ диспашеръ, руководствуясь установившимся обычаемъ (въ подтвержденіе чего повѣреннымъ истца Вуллей, де-Антонини, представлено нѣсколько диспашей), исчислилъ простойныя деньги парохода „Винчестеръ“ въ размѣрѣ по 6 пенсовъ въ день, сообразно количеству 2199 регистровыхъ тоннъ брутто парохода. Между тѣмъ, въ настоящее время повѣренный „Ферстеръ, Рутманъ и К°“, оспаривая правильность этого разсчета, представилъ въ Прав. Сенатъ подлинную цертепартію парохода „Винчестеръ“ (не бывшую, однако, въ виду у диспашера), изъ коей усматривается, что, согласно оной, простойныя деньги подлежали исчисленію изъ разсчета 6 пенсовъ не съ тоннъ брутто, а съ тоннъ нетто парохода, количество коихъ на „Винчестерѣ“, какъ видно изъ самой диспаши, равняется 1435 тоннамъ. Принимая во вниманіе, что обстоятельство

это, какъ не бывшее въ виду у диспашера при составленіи имъ настоящей диспаши, очевидно не можетъ опорочить общую правильность составленія имъ таковой, и не подлежитъ сомнѣнію, что будь цертепартія парохода „Винчестеръ“ своевременно ему предъявлена, то онъ при исчисленіи платы за простойные дни не руководствовался бы уже обычаемъ, а условіями именно этой цертепартіи, и что хотя такое запоздалое представленіе цертепартіи, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ несоотвѣтствующее условіямъ ея исчисленіе количества простойныхъ денегъ, въ виду изложенныхъ выше общихъ соображеній, и должно быть всецѣло отнесено къ винѣ самого торговаго дома, силы же и значенія диспаши поколебать не можетъ,—Прав. Сенатъ признаетъ, однако, справедливымъ въ силу этого, не бывшаго въ виду у диспашера, новаго обстоятельства дѣйствительно на значительную сумму измѣняющаго аварійный разсчетъ простойныхъ денегъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и разсчетъ выведеннаго по диспашѣ долга груза массѣ, войти, съ своей стороны, въ обсужденіе на основаніи этихъ новыхъ данныхъ сего разсчета. Приступая къ этому разсчету, Прав. Сенатъ находитъ: въ диспашѣ простойныя деньги исчислены съ 2199 тоннъ брутто, а согласно цертепартіи ихъ слѣдовало считать лишь съ 1435 тоннъ нетто, и такимъ образомъ получается разница въ 764 тонны, излишне исчисленная за каковыя сумма должна подлежать исключенію изъ разсчета. Сумма эта, считая по 6 пенсовъ на тонну въ день за 156 дней на 764 тонны составитъ 2979 ф. ст. 12 ш., а по курсу 12 руб., 35.755 руб. 20 коп. Изъ этой суммы $^1/_4$ часть, равняющаяся 8.938 р. 80 к., идетъ, согласно диспашѣ, въ частную аварію парохода, а засимъ остальные 26.816 руб. 40 коп. должны идти въ общую аварію, въ которой въ свою очередь, участвуютъ и пароходъ и грузъ, соразмѣрно ихъ контрибуціонному капиталу. Принимая же за основаніе, что общій контрибуціонный капиталъ составляетъ 874.988 руб. 26 коп., капиталъ груза 592.554 руб. 56 коп., а капиталъ парохода 282.433 руб. 70 коп., получится, что въ означенныхъ 26.816 руб. 40 коп. грузъ участвуетъ по общей аваріи въ суммѣ $\left(\frac{592.554\text{ р. }56\text{ к.} \times 26.816\text{ р. }40\text{ к.}}{874.988\text{ р. }26\text{ к.}}\right) = 18.160$ руб. 45 коп., а пароходъ въ суммѣ $\left(\frac{282.433\text{ р. }70\text{ к.} \times 26.816\text{ р. }40\text{ к.}}{874.988\text{ р. }26\text{ к.}}\right) = 8.655$ руб. 95 коп. Измѣнивъ же, сообразно этимъ цифрамъ, соотвѣтствующія статьи разсчета диспашера (т. е. уменьшивъ статьи: „общей аваріи груза“ на 18.160 руб. 45 коп., „требованія парохода“ на 35.755 руб. 20 коп., „частной аваріи парохода“ на 8.938 руб. 80 коп. и „общія его аваріи“ на 8.655 руб. 95 коп.), окажется, что долгъ груза массѣ, взыскиваемый нынѣ шкиперомъ Вуллей съ торговаго дома „Ферстеръ, Рутманъ и К°“, выразится въ суммѣ 168.504 руб. 48 коп., т. е. на 18.160 руб. 40 коп. менѣе, чѣмъ выходитъ по разсчету диспашера и чѣмъ присуждено съ торговаго дома въ пользу Вуллей Одесскимъ Ком. Судомъ. Вслѣдствіе сего Прав. Сенатъ

въ измѣненіе рѣшенія Одесскаго Ком. Суда присудилъ съ торговаго дома „Ферстеръ, Рутманъ и К°“ въ пользу шкипера Вуллей 168.504 руб. 48 коп. съ % со дня предъявленія иска (1893 г., № 254) *).

486|332. Обязательное значеніе *диспаша* имѣетъ лишь при условіи компетенціи лица ее составившаго, которая принадлежитъ диспашерамъ даннаго порта лишь по отношенію къ судамъ, въ этотъ портъ прибывающимъ (1899 г., № 300).

487. Участіе Коммерческаго Суда въ производствѣ акта аварійнаго разсчета, закономъ совершенно не предусмотрѣно, почему производство диспаши въ качествѣ судебной экспертизы недопустимо.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что страховое товарищество „Саламандра“, Россійское транспортное и „Сѣверное страховое общество“, общества: „Германскій Ллойдъ“, „Агрипина“ и „Провиденція“ предъявили къ капитану Анастасьеву и Морскому Вѣдомству, въ лицѣ Главнаго Управленія кораблестроенія и снабженія Морского Министерства, искъ о 190.552 руб. 31 коп. убытковъ и расходовъ, понесенныхъ истцами по двумъ аваріямъ пароходовъ „Матильда“ (на рѣкѣ Бугѣ у мыса Шаблеръ), причемъ въ подтвержденіе сихъ требованій ходатайствовали предъ Коммерческимъ Судомъ о производствѣ при посредствѣ экспертовъ диспашъ по обѣимъ аваріямъ. На рѣшеніе Одесскаго Коммерческаго Суда отъ 5 мая 1909 г., отказавшаго въ искѣ по преждевременности, повѣреннымъ истца принесена Правительствующему Сенату апелляціонная жалоба. Въ этой апелляціонной жалобѣ къ отмѣнѣ обжалованнаго рѣшенія приводятся, главнымъ образомъ, слѣдующія соображенія: Одесскій Коммерческій Судъ неправильно уклонился отъ производства чрезъ экспертовъ аварійныхъ диспашъ; по утвержденію апеллятора во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда при общей аваріи въ жертву были принесены главнымъ образомъ грузы и когда при развертскѣ такой общей аваріи, болѣе значительная часть убытка должна пасть на судно и фрахтъ, въ силу чего составленіе диспаши для судохозяина невыгодно,—Коммерческій Судъ долженъ по требованію заинтересованныхъ лицъ поручить экспертамъ составленіе диспаши, на основаніи каковой диспаши и присудить истцу должную сумму. Съ этимъ доводомъ апеллятора Правительствующій Сенатъ не находитъ возможнымъ согласиться, ибо разсужденія апеллятора о производствѣ диспашъ чрезъ Коммерческій Судъ не имѣютъ подъ собою законной почвы: какъ правильно призналъ Одесскій Коммерческій Судъ, согласно точному смыслу закона (прил. къ ст. 592 Уст. Торг., изд.

*) Ср. Сборникъ т. I №№ 475, 514, 515.

1893 г. I ст. 1—198, ср. ст. 657 Уст. Торг., изд. 1903 г.), составленіе диспаши поручается особымъ должностнымъ лицамъ, присяжнымъ диспашерамъ; диспашеръ не иначе приступаетъ къ составленію диспаши, какъ по данному ему кораблехозяиномъ, корреспондентомъ или корабельщикомъ порученію (ст. 188); диспашеръ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ подчиняется таможнѣ и состоитъ подъ главнымъ завѣдываніемъ Департамента Торговли и Мануфактуръ (ст. 185); всякія жалобы на диспашера приносятся таможнѣ, въ важныхъ же случаяхъ представляются на разрѣшеніе Коммерческаго Суда, который можетъ подвергнуть диспашера денежному штрафу или отрѣшить отъ должности съ утвержденія Министра Финансовъ (ст. 198); иныхъ дѣйствій Коммерческаго Суда касательно диспаши законъ не предусматриваетъ и, такимъ образомъ, вопреки мнѣнію апеллятора, участіе Коммерческаго Суда въ производствѣ акта аварійнаго разсчета, закономъ совершенно не предусмотрѣно, почему Одесскій Коммерческій Судъ и имѣлъ полное основаніе отказать въ домогательствѣ истцовъ о производствѣ диспаши въ качествѣ судебной экспертизы. Дальнѣйшіе доводы апеллятора сводятся къ тому, что нынѣ производящееся составленіе диспашъ присяжнымъ диспашеромъ Спѣшневымъ, назначеннымъ для даннаго дѣла 27 апрѣля 1909 г. Россійскимъ Генеральнымъ консуломъ въ Константинополѣ, является неправильнымъ въ виду того, что между истцами по сему дѣлу и капитаномъ Анастасьевымъ 20 апрѣля—3 мая и 30 апрѣля—13 мая 1907 г. состоялся аварійный компромиссъ о производствѣ диспаши по Іоркъ-Антверпенскимъ правиламъ, каковому договору не соотвѣтствуетъ производство диспаши единоличнымъ диспашеромъ отъ Морского Вѣдомства; причемъ апелляторъ, не формулируя своихъ объясненій по сему предмету въ какое-либо опредѣленное ходатайство, объясняетъ Правительствующему Сенату, что постановленіе Россійскаго Генеральнаго консула о назначеніи диспашера—Спѣшнева имъ апелляторомъ уже обжаловано въ установленномъ порядкѣ—Министру Иностранныхъ Дѣлъ. Въ отношеніи сей части апелляціонной жалобы Правительствующій Сенатъ находитъ, что разсмотрѣніе вопроса о томъ: будетъ-ли имѣть доказательную силу диспаша, нынѣ еще не составленная—представляется преждевременнымъ. Признавая, въ виду изложеннаго, требованія истцовъ впредь до составленія диспаши или до представленія надлежащихъ доказательствъ убытковъ понесенныхъ истцами, преждевременнымъ, и, не усматривая основаній къ отмѣнѣ обжалованнаго рѣшенія Одесскаго Коммерческаго Суда, Правительствующій Сенатъ рѣшеніе суда оставилъ въ силѣ (1912 г., № 1419).

ПРЕДМЕТНЫЙ АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Аварія.

Убытки отъ столкновенія судовъ составляютъ аварію взаимнаго вреда, при каковой аваріи отыскивающій вознагражденіе обязанъ доказать не только виновность другого судна въ столкновеніи, но и то, что съ его стороны были соблюдены всѣ мѣры къ предотвращенію свалки—455, 456, 462.

Отвѣтственность за свалку при стоянкѣ судовъ на рейдѣ въ случаѣ недостаточнаго ошвартованія падаетъ на учинившее свалку судно, безотносительно того, были ли приняты какія либо мѣры на суднѣ потерпѣвшемъ—464, 468.

Условія, требуемыя для освобожденія отъ отвѣтственности за столкновеніе съ судномъ, стоящимъ на рейдѣ—465; ст. 478 Уст. Торг., изд. 1903 г. примѣнима ко всѣмъ случаямъ столкновенія движущагося судна съ судномъ, стоящимъ на рейдѣ—466; эта статья примѣнима къ свалкѣ корабля съ кораблемъ, но не примѣнима къ свалкѣ корабля съ пристанью—467.

Виновность судна въ столкновеніи: вслѣдствіе слишкомъ быстраго хода—455, 456; понятіе умѣреннаго хода—456; вслѣдствіе несвоевременной остановки машины и недостаточной бдительности команды—455; вслѣдствіе невыжиданія появленія разрѣшительнаго сигнала при входѣ въ Морской каналъ и не придерживанія курса правою стороною—457; ледоходъ, самъ по себѣ, не составляетъ непреодолимой силы—468.

О судахъ, проходящихъ морскимъ каналомъ и о военныхъ судахъ—458—461; если одно судно на свободной водѣ, а другое выходитъ изъ порта, то ст. 467 и сл. Уст. Торг. (903 г.) не примѣнимы—463.

Отступленіе отъ правилъ, ст. 421—442 Уст. Торг., изд. 93 г. можетъ быть допущено лишь при очевидной наличности особыхъ обстоятельствъ—462.

Ошибочное показаніе въ лоціи глубины, послужившее причиною крушенія, снимаетъ со шкипера отвѣтственность за оное—469.

Ст. 683, т. X, ч. I, установляющая сокращенный срокъ для возбужденія дѣлъ о вознагражденіи за смерть и увѣчье, не примѣнима къ дѣламъ о вознагражденіи за погибшій товаръ—469, 470.

Убытки отъ крушенія, вслѣдствіе непреодолимой силы, несетъ каждый на себѣ—423. Опредѣленіе убытковъ отъ потопленія судна въ размѣрѣ разницы между стоимостью его до и послѣ исправленія—456. Опредѣленіе стоимости погибшаго судна по типу его съ принятіемъ въ соображеніе количества лѣтъ его службы и затратъ на ремонтъ—468.

Статья 418 Уст. Торг. (93 г.) относится къ аварійнымъ расходамъ только хозяина судна поврежденнаго и его корабельщика—472; расходы по починкѣ судна, поврежденнаго при аваріи дѣйствіемъ непреодолимой силы, несетъ собственникъ судна, а не арендаторъ—471.

Агентъ.

Отличіе *агента* отъ *комиссіонера*—58, агентъ-посредникъ—59. Сдѣлка, заключенная черезъ агента—232. Отвѣтственность довѣрителя за своего

агента—24, отвѣтственность акціонерныхъ обществъ за дѣйствія своихъ агентовъ, въ предѣлахъ устава общества—60, 383. Отвѣтственность судохозяина за дѣйствія агента—393; агентъ—экспедиторъ—61.

Артель.

Артельное мѣсто: владѣльцемъ артельн. мѣста можетъ быть только дѣйствительный, фактическій членъ артели—220, 227; владѣніе арт. мѣстомъ не можетъ быть приравнено владѣнію паемъ въ товариществѣ—219, 221, мѣста исключенныхъ артельщиковъ продаются артелью и вырученныя деньги обращаются на пополненіе штрафа—197; артельщики по постановленію ихъ собранія могутъ отказаться отъ своего права продажи мѣста—224, владѣльцемъ артельнаго мѣста долженъ считаться тотъ, за кѣмъ оно по книгамъ артели значится—217; артель, принимая на себя продажу мѣста, можетъ продать его не ниже установленной ею же цѣны—219; искъ артельщика о суммѣ, вырученной артелью за проданное ею артельное мѣсто, не обращенной въ штрафъ и о дивидендѣ, подлежитъ разсмотрѣнію суда—218, споры объ артельномъ мѣстѣ—227, 228, 229; опредѣленіе стоимости артельнаго мѣста—229.

Артельщикъ, неучастіе его въ трудахъ артели не можетъ, *само по себѣ взятое,* служить основаніемъ къ невыдачѣ дивиденда—219; съ момента поступленія въ другую артель, онъ долженъ почитаться выбывшимъ изъ прежней; полученныя арт. до выбытія изъ артели отъ хозяевъ деньги подлежатъ представленію въ артель—203; принадлежность артельщика къ артели не зависитъ отъ взноса залога въ бирж. комитетъ—189, но должна быть подтверждена состоявшимся о немъ приговоромъ—211; выбытіе арт. изъ артели ранѣе постановленія приговора о его оштрафованіи не дѣлаетъ этого приговора для него необязательнымъ—188; удаленіе артельщика изъ артели безъ вывода и разсчета ни въ какой зависимости отъ исхода уголовнаго о немъ производства не стоитъ—186. Оправданіе уголовнымъ судомъ не снимаетъ съ артельщика отвѣтственности за недостачу денегъ и товара—187. Прекращеніе уголовнаго преслѣдованія не препятствуетъ постановленію приговора объ исключеніи изъ артели—185.

Артельное собраніе: дискреціонное право арт. собр. исключать неблагонадежныхъ артельщиковъ—190, 191; такое право должно быть признано за арт. собр. и въ томъ случаѣ, если артельщикъ оправданъ уголовнымъ судомъ во взведенномъ на него проступкѣ—184; арт. собр. вправѣ подвергать артельщика штрафу и пополнять таковой продажею арт. мѣста—197, но не вправѣ собственною властью взыскивать съ артельщика причиненные ей послѣднимъ убытки—204; заявленіе артели о томъ, что она слагаетъ съ себя отвѣтственность за дѣйствія артельщика—не имѣетъ значенія—205.

Биржевой комитетъ: б. ком—ту, по правиламъ Моск. бирж. артелей, не предоставлено права отмѣнять приговоры артели объ исключеніи артельщика—199; удостовѣренію бирж. комитета о числѣ мѣстъ артели должна быть придана полная вѣра—184; распоряженія биржевого комитета для артели обязательны—220; см. *староста.*

Вкупныя деньги не подлежатъ возвращенію выходящему артельщику—203.

Дрягили—230.

Отвѣтственность артели за цѣнности, не составляющія собственность лица, нанимавшаго артельщика—208, отвѣтственность артели за убытки наступаетъ при наличности *вины* артельщика—213, 214; за убытки, понесенные вслѣдствіе разбойнаго нападенія артель не отвѣтственна—213, отвѣтственность имущества умершаго артельщика за убытки, причиненные артели довѣреннымъ артельщика—222, 223.

Приговоръ арт. собр., постановленный съ нарушеніемъ правилъ о созывѣ собранія, недѣйствителенъ—182 и 194, ср. 183; постановленный артелью новый приговоръ при производствѣ дѣла о признаніи перваго приговора недѣйствительнымъ, не можетъ вліять на исходъ дѣла—189; судъ вправѣ

разсматривать вопросъ о дѣйствительности приговора лишь съ формальной стороны—190, 197; формою приговора нельзя считать одни только процессуальныя условія его постановленія; къ формѣ относится соотвѣтствіе приговора закону и отдѣльнымъ правиламъ—198 и 212; приговоръ арт. собр., постановленный за время бытности арт. членомъ артели, о порядкѣ удовлетворенія выходящихъ членовъ для него обязателенъ—225; постановленія объ удержаніи опредѣленныхъ суммъ съ выходящихъ артельщиковъ недѣйствительны—201; то обстоятельство, что приговоръ постановленъ въ общ. собраніи подписавшими оный артельщиками, опроверженію посредствомъ свидѣтелей не подлежитъ—192, 193, ср. № 194 и 196; новѣйшая практика по этому вопросу—195; подписаны ли приговоры артели въ собраніи или подписи отобраны внѣ собранія не имѣетъ значенія при разрѣшеніи вопроса о ихъ дѣйствительности—192, 193; ср. № 194; согласіе на принятіе новаго артельщика должно быть выражено въ письменномъ приговорѣ артели; право на дивидендъ—226; право артели на временную отписку артельщика въ случаѣ душевной болѣзни—202.

Староста артели понятіе—200; приговоры артели о старостахъ требуютъ утвержденія бирж. комитета—209, 210, 229.

Сторожъ: установленная правилами арт. половинная отвѣтственность ея, въ случаѣ учиненія похищенія сторожами, не распространяется на случаи похищенія артельщикомъ—215.

Хозяинъ, вещи котораго были похищены артельщикомъ и заложены, не предъявивъ къ залогодержателю требованія о возвратѣ ему вещей, не можетъ возлагать на артель отвѣтственность въ размѣрѣ суммы, подлежавшей внесенію для выкупа вещей—215; неисполненіе форм. требованій при заключеніи договора съ артелью влечетъ лишь лишеніе особыхъ правъ хозяина, но не лишаетъ контрагента артели права на предъявленіе къ ней иска въ судѣ—207, 216; прекращеніе въ уголовномъ порядкѣ дѣла по обвиненію артельщика въ растратѣ, не можетъ служить основаніемъ къ отказу хозяину въ искѣ съ артели—206, 207.

Б.

Банкирскія операціи.

Взносъ третьимъ лицомъ въ банкъ процентныхъ бумагъ за счетъ другого лица въ обезпеченіе открытаго послѣднему кредита никакихъ непосредственныхъ отношеній этого третьяго лица къ банку не устанавливаетъ—355.

Залогъ процентныхъ бумагъ—365, 367, 370; банкъ вправѣ покрывать свои претензіи къ кліенту зачетомъ суммы, принадлежащей кліенту и внесенной симъ послѣднимъ на текущій счетъ—366, 376.

Лицо, запродавшее по порученію купца тратты на иностранную валюту, не обязано сообщать имени лица, коему тратты запроданы; въ сдѣлкахъ о покупкѣ траттъ на мартъ-апрѣль регулировка, по обычаю, должна быть совершена по курсу послѣдняго апрѣльскаго биржевого дня—357.

Сдѣлка о поставкѣ траттъ къ извѣстному сроку по опредѣленному курсу не можетъ быть отнесена къ числу запрещенныхъ—359.

Отличительные признаки сдѣлокъ на разность—360, 361, 362.

Разсчетъ между банкомъ и заемщикомъ по выданной подъ залогъ бумагъ ссудѣ долженъ быть произведенъ по курсу на заложенныя бумаги въ ближайшій къ сроку залога биржевой день—356.

Обычай СПБ. биржи о срокѣ исполненія сдѣлокъ по продажѣ цѣнныхъ бумагъ—358.

Репортъ (по французскимъ законамъ)—363. *Реализація акцій*—364.

Реверсныя сдѣлки—377, 378, 379.

Чеки и переводы—371, 372, 373—375.

Биржа.

Биржевой комитетъ, см. артель и администрація въ 1 томѣ и въ уставахъ биржъ.

Биржевые маклеры—484; см. маклеръ и гофъ-маклеръ.
Бодмерея—432, 433; см. также сб. Носенко III т. № 133.
Бонификація, см. сб. Н. IV № 95.
Бюллетень биржи, см. текущій счетъ on call.
Бухгалтеръ. Необходимость письменнаго договора найма—3; см. также Н. I № 254.
Буксирные пароходы—390, 422.

В.

Вексель—см. I т.
Выкупъ и выводъ, см. артель.
Вкладчикъ, см. товарищество на вѣрѣ.
Вѣсы. Выраженіе „по вѣсу, опредѣленному желѣзною дорогою на станціи отправленія"—290.

Г.

Гофъ-маклеръ—298, 414, см. также продажа, поставка, on call.
Гамбургскія правила страхованія—434, 443, 449.

Д.

Диспаша.

Составленная прис. диспашеромъ и утвержденная его подписью и печатью диспаша безусловно обязательна для участниковъ аваріи; исправленіе д. въ виду вновь открывшихся обстоятельствъ—434, 485; компетенція составителя диспаши—486; производство диспаши въ качествѣ судебной экспертизы недопустимо—487.

Обжалованіе дѣйствій диспашера т. I—514, 515.

Договоръ.

Заключеніе договора между отсутствующими—231, 232, 286.
Недѣйствительность договора, заключеннаго въ ущербъ интересамъ города—287; въ обходъ закона относительно содержанія ссудныхъ кассъ—238, условія признанія скрытой сдѣлки недѣйствительной—234; условія признанія недѣйствит. сдѣлокъ, заключенныхъ опекунами отъ имени подопечныхъ—240.
Неисполненіе договора: въ случаѣ неисполненія однимъ контрагентомъ принятыхъ на себя по договору обязательствъ, другой контрагентъ не можетъ быть признанъ обязаннымъ съ своей стороны исполнять тѣ дѣйствія, которыя по содержанію договора могли быть лишь послѣдствіемъ исполненія первымъ изъ нихъ своихъ обязанностей—235, въ остальныхъ же случаяхъ неисполненіе договора одною стороною не открываетъ для другой права отступиться отъ его исполненія—269; значеніе добровольной отсрочки опредѣленнаго дѣйствія по договору—294; искъ о признаніи договора, срокъ котораго не миновалъ, обязательнымъ для отвѣтчика подлежитъ разсмотрѣнію суда по существу—239.
Неустойка—294.
Передача договора третьему лицу можетъ быть совершена лишь съ согласія другого контрагента; коль скоро сдѣлка оказалась неосуществимою, то стороны должны быть приведены въ первоначальное положеніе—233.
Проценты по договорамъ—380—382.

Довѣренность.

Понятіе о полной довѣренности—52.
Торговая довѣренность, выданная безъ означенія срока—недѣйствительна—50 (Гр. Кас. Д-тъ высказалъ противуположный взглядъ); лицо, дѣйствую-

щее въ торговомъ помѣщеніи въ качествѣ приказчика отъ имени владѣльца сего помѣщенія, тѣмъ самымъ по отношенію къ третьимъ лицамъ должно считаться законно уполномоченнымъ—51, ср. также—25; условія, при наличности которыхъ повѣренный можетъ считаться переступившимъ предѣлы полномочія—53.

„Del credere"—ручательство за платежеспособность покупателя—55, 79.

З.

Задатокъ.

Потеря права на обратное полученіе задатка въ случаѣ неосуществленія договорныхъ отношеній можетъ имѣть мѣсто лишь когда объ этомъ установлено въ самомъ договорѣ—233, 241, 242.

К.

Коносаментъ, см. *перевозка*.

Комиссія.

Вознагражденія ком—ра: право ком—ра на полученіе кромѣ вознагр. еще и разницы на курсѣ должно быть особо оговорено; расходы по складу товара подлежатъ возмѣщенію со стороны ком—та—70; коль скоро вознагражденіе опредѣлено съ „продажныхъ цѣнъ", то весь полученный противъ оныхъ излишекъ долженъ быть возвращенъ ком—ту—71, при предоставленіи ком—ру права продавать товаръ „не ниже" указанныхъ цѣнъ, плата за провозъ относится по обычаю, на счетъ ком—ра—72, несвоевременная высылка ком—ромъ товара не лишаетъ его права на полученіе вознагражденія—70.

Книги ком—ра: ихъ доказательная сила т. I,—310.

Комиссіонеръ: неуплата ком—томъ своего долга не даетъ ком—ру право бросать ввѣренный ему товаръ на произволъ судьбы—62; ком—ръ можетъ примѣнять свое право удержанія товаровъ ком—та только къ такому количеству оныхъ, которое необходимо для покрытія его требованій къ послѣднему—63; обязавшись продать товаръ по опредѣленной цѣнѣ, ком—ръ не вправѣ ставить на счетъ ком—та сдѣланныя покупателями скидки—64; утверждая, что ему дано право продать товаръ съ большими, чѣмъ признаетъ ком—тъ скидками, ком—ръ долженъ доказать это обстоятельство—66; ком—ръ не вправѣ измѣнять условія продажъ; расходы, необходимость коихъ ком—ръ не докажетъ, не подлежатъ возмѣщенію со стороны ком—та; принявъ къ исполненію порученную продажу, ком—ръ не вправѣ ссылаться на измѣненіе ком—томъ первоначальныхъ условій соглашенія—65; ком—ръ, не будучи въ состояніи продать товаръ по назначеннымъ цѣнамъ, вправѣ возвратить его ком—ту, отказавшись отъ ком—сіи—67; правила о наемныхъ приказчикахъ простираются только на такихъ ком—ровъ, которые уполномочены довѣренностью на производство торга; годичный срокъ на предъявленіе исковъ о разсчетахъ къ ком—рамъ непримѣнимъ—69, 75 и 78. Право ком—ра на полученіе % на выданные авансы—64; см. также *вознагражденіе*. Комиссіонеръ, выдавшій коммитенту подъ порученный ему послѣднимъ товаръ авансъ въ видѣ ссуды или расходовъ имѣетъ право удержанія и право заклада на товаръ коммитента—73. Необходимость экспертизы для установленія порчи товара и оправданія продажи его ниже установленной цѣны—74; страхованіе имущества обязательно лишь при желаніи коммитента—81; предѣлы отвѣтственности за гибель и поврежденіе—81, 82, 83.

Коммитентъ: принимая послѣдующіе счета ком—ра безъ опротестованія предыдущихъ и продолжая прежнія отношенія, ком—тъ долженъ почитаться одобрившимъ предыдущіе счеты—62; ком—тъ, поручившій продажу своего товара по опредѣленной цѣнѣ, включая въ оную всѣ расходы по

доставкѣ товара за границу, отвѣчаетъ за всѣ произведенные по сему предмету ком—ромъ расходы—64; ком—тъ до воспослѣдованія продажи его товаровъ ком—ромъ остается ихъ собственникомъ и несетъ рискъ по онымъ—67, 81 и можетъ во всякое время требовать возврата ему таковыхъ ком—ромъ—68; коммитентъ, собственникъ товара, самовольно заложеннаго комиссіонеромъ, имѣетъ право получить его обратно безъ взноса ссудодателю выданной комиссіонеру ссуды—76. Коммитентъ не вправѣ отыскивать съ комиссіонера стоимость товара, а обязанъ принять обратно непроданный товаръ—77. Коммитентъ хотя и можетъ требовать отъ комиссіонера отчета предварительно предъявленія опредѣленнаго иска, но можетъ и предъявить непосредственно искъ о томъ, что ему причитается съ комиссіонера—80.

Лимитъ, назначенный ком—томъ, безусловно обязателенъ для ком-ра—65.

Удержаніе ком—ромъ товаровъ ком—та: см. *ком—ръ*—63; при обыкновенныхъ комиссіонныхъ отношеніяхъ „del credere“ не предполагается—79.

Контокуррентъ и счетъ „on call“.

Давность при контокуррентныхъ отношеніяхъ—317.

Лицо, открывшее другому контокур. счетъ, обязано вносить въ кредитъ все то, что оно состоитъ должнымъ, а въ дебетъ все, что оно ему уплатило; вексель, выданный на себя, долженъ быть помѣщенъ въ дебетъ счета получателя—312, 322; *лицо, принявшее послѣдующія выписки* изъ тек. счета безъ опротестованія предыдущихъ, должно быть признано одобрившимъ эти послѣднія и лишившимся вслѣдствіе этого права въ послѣдствіи оспаривать таковыя—313—316; лицо получившее контокуррентъ вправѣ пользоваться статьями кредита счета, какъ признаніемъ своего контрагента и въ то же время отвергать статьи, поставленныя въ дебетъ—318.

Предметомъ иска, вытекающаго изъ контокур. отношеній, можетъ быть лишь взысканіе сальдо по оному, а не отдѣльныя статьи счета—316; смѣшеніе требованій недопустимо—321.

Понятіе контокуррентнаго договора—310, 327; для совершенія этого договора никакой формы не требуется—311.

Проценты: порядокъ начисленія и размѣръ—323, 324, 325, 326.

Торг. книги одной стороны по контокур. отношеніямъ не имѣютъ безусловной доказательной силы—316 (т. I № 303—318). Распредѣленіе тяжести доказательства записей контокуррента—319, 320.

Спеціальный текущій счетъ „on call“: обычаи, выработанные судебною практикою—328—354. Отличія отъ займа подъ залогъ % бумагъ—328. Покупка за счетъ кліента бумагъ на сумму, превышающую размѣръ свободнаго кредита—допустима—331, послѣ предъявленія кліенту требованія о взносѣ дополнит. обезпеченія отсрочка безъ согласія кліента недопустима—332, 335, 346; нарушеніе банкомъ устава при онкольныхъ операціяхъ—331. Реализація спец. текущаго счета не въ первый биржевой день послѣ полученія отъ кліента ордера, а позднѣе, по частямъ—333, 342. Неизвѣщеніе банкомъ кліента о продажахъ бумагъ—333; значеніе послѣдующаго одобренія дѣйствій банка—331; необходимость письменныхъ приказовъ—334, 348, при отказѣ кліента отъ взноса дополнит. обезпеченія, спец. тек. счетъ долженъ быть реализованъ и банкъ не вправѣ въ дальнѣйшемъ начислять проценты—336, 347; значеніе предувѣдомленія о необходимости урегулировать счетъ—339; значеніе требованія дополнительнаго обезпеченія—337, 340, 341; вексель, данный въ обезпеченіе, можетъ быть предъявленъ ко взысканію—343; права ссудодателя—344; при экзекуціонной продажѣ банкъ не имѣетъ права на комиссію—347; значеніе принятія выписки счета безъ возраженій—349, 351, 352.

Купля-продажа и поставка.

Заблужденіе относительно выгодности пріобрѣтеннаго предпріятія неизвинительно—278; значеніе заблужденія заказчика относительно сорта и цѣ-

ны товара при условіи недобросовѣстности поставщика—279; забл. относительно стоимости принятыхъ въ уплату цѣнностей (%% бумагъ) не влечетъ признанія договора необязательнымъ—271; забл. заказчика въ качествѣ образцовъ не служитъ основаніемъ къ признанію исполненнаго согласно этимъ образцамъ заказа недѣйствительнымъ—288.

Заказъ. Коль скоро заказъ выполненъ согласно условію, то поставщикъ не отвѣчаетъ за убытки, произошедшіе отъ неодобренія подлежащимъ начальствомъ системы устройства предмета заказа—289. Получивъ во исполненіе соглашенія заказъ на поставку извѣстнаго количества вещей и не будучи, по соглашенію, обязаннымъ выполнить его въ одинъ пріемъ, поставщикъ не можетъ сложить съ себя обязанность выполнить таковой условленными частями—269.

Заключеніе д. поставки возможно и посредствомъ переписки—286; возможность словеснаго соглашенія о поставкахъ—287.

Сдѣлка о продажѣ хлопка черезъ агента считается заключенною съ момента полученія покупщикомъ подтвердительнаго письма отъ агента; сдѣлка о продажѣ хлопка будущаго урожая не можетъ быть сдѣлкою по образцамъ—232.

Замедленіе въ принятіи товара покупщикомъ не даетъ продавцу права отступиться отъ договора; онъ можетъ въ такихъ случаяхъ сложить или продать товаръ за счетъ покупщика, по предварительномъ его о томъ увѣдомленіи—265.

Неизвѣщеніе продавцомъ покупщика о готовности своей къ сдачѣ товара въ конечный, условленный договоромъ, срокъ не даетъ покупщику права отказаться отъ принятія товара—264.

Неисполненіе договора поставки одною стороною не открываетъ для другой права отступиться отъ исполненія лежащихъ на ней обязанностей—269; отступленія отъ этого начала—270; ст. 1513 т. X, ч. I о послѣдствіяхъ неисполненія купли-продажи къ договорамъ поставки на срокъ товаровъ непримѣнима—277; воздѣйствіе непреодолимой силы должно быть точно доказано—296; взысканіе обусловленной неустойки за неплатежъ въ срокъ денегъ—294.

Отличіе договора купли-продажи отъ поставки—243.

Передача товара совершается не только конкретно, но и передачею коносамента, фактуръ, накладныхъ—267, условленная передача вещей въ извѣстный срокъ послѣ заключенія договора не лишаетъ послѣдній значенія дог. купли-продажи—360, 361.

Платежъ можетъ быть условленъ проц. бумагами и др. цѣнностями—271, неисправный платежъ—см. *неисполненіе*—269, терминъ „покупка за наличный расчетъ“ не доказательство факта платежа—247, квитанція въ принятіи товара безъ обозначенія цѣны не служитъ доказательствомъ долга—266.

Покупщикъ: право пок. отказаться отъ принятія несоотвѣтствующаго условіямъ товара—249, 252, 257, 260; но онъ не вправѣ устанавливать обязательную для продавца браковку товара единолично—254; непрекращеніе пользованія товаромъ лишаетъ покупщика права требовать обратнаго пріема купленнаго товара—255; за порчу товара, произошедшую послѣ сдачи, продавецъ отвѣчаетъ лишь если она произошла по его винѣ—258; послѣсрочная поставка товара для покупщика не обязательна—292, 293, по существ. въ Ревелѣ обычаю покупщикъ обязанъ хранить доставленный ему товаръ въ своихъ амбарахъ, хотя бы таковой былъ и низшаго противъ условленнаго качества; право покупщика на продажу товара съ публичнаго торга—259.

Право собственности въ тѣхъ случаяхъ, когда продаваемое имущество опредѣляется родомъ и качествомъ или когда продается часть извѣстной партіи товара,—переходитъ отъ прод. къ пок. лишь съ момента передачи имущества—244, если продана вся партія однороднаго товара, права собственности переходятъ со дня заключенія договора—245; тоже что и 244 при поставкѣ относительно предмета заказа—285.

Принятіе товара „на консигнацію“; значеніе этой сдѣлки—283.

Принятіе покупщикомъ проданной вещи можетъ служить поводомъ къ признанію послѣдующаго спора его о достоинствѣ вещи несвоевременнымъ лишь въ томъ случаѣ, если оно совершилось при условіяхъ, свидѣтельствующихъ объ одновременномъ одобреніи ея покупщикомъ—246, 248, 249, 250, 252, 281, 282, ср. 253, 256, фактъ передачи товара транспортному обществу не равносиленъ принятію его покупщикомъ—257, фактъ перевозки пок. товара съ платформы ж. дор. въ амбары не имѣетъ значенія одобренія и принятія его—259; коль скоро принятіе товара обусловлено предварительною визитировкою, то принявъ безоговорочно товаръ, покупщикъ не вправѣ впослѣдствіи ссылаться на несоотвѣтствіе его договору—246; постановленія арбитражной комиссіи, касающіяся опредѣленія качества товара обязательны для сторонъ—250.

Продавецъ: отвѣтственность прод. за количество товара оканчивается съ момента обусловленной договоромъ сдачи и пріемки товара; принявъ на себя отвѣтственность за качество товара по анализу въ Англіи, прод. долженъ подчиниться тому результату, который въ этомъ отношеніи будетъ тамъ установленъ—261; обязавшись поставлять товаръ партіями въ теченіе опредѣленнаго срока, прод. можетъ обвинить покупщика въ непринятіи всего товара лишь тогда, когда докажетъ, что товаръ въ условленные сроки имъ дѣйствительно поставлялся, но не былъ принятъ—292; сдача товара покупщику—268, значеніе выраженія о разсчетѣ „по вѣсу, опредѣленному желѣзною дорогою на станціи отправленія“—290, значеніе сдѣлки купли-продажи съ условіемъ „циф“—263; продажа имущества съ разсрочкою платежа—284.

Скидка при доставкѣ товара, не соотвѣтствующаго условію—251.

Срокъ—273, 277, см. послѣсрочная поставка—292, 293.

Счетъ: для признанія за счетомъ значенія обязательства достаточно одной подписи на ономъ должника—297.

Убытки: опредѣленіе ихъ въ случаѣ неисполненія договора въ размѣрѣ разницы между договоренною и биржевою въ день исполненія цѣною—273, 274, 275, 276, 296; другіе случаи требованія убытковъ—280, 281, 289, 291. Подъ убыткомъ при неисполненіи договора слѣдуетъ понимать и лишеніе той прибыли, которую предоставляло бы контрагенту исполненіе договора—360. Убытки отъ неисполненія сдѣлки купли-продажи % бумагъ опредѣляются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ убытки отъ неисполненія всякой иной сдѣлки купли-продажи движимости—272.

Крушеніе.

Состояніе крушенія по 478 ст. Уст. Торг. (93 г.)—476.

Судно, затертое льдомъ, получившее течь, находящееся не въ состояніи выбраться изъ своего положенія и покинутое экипажемъ, находится въ состояніи крушенія—475, гибель корабля и груза вслѣдствіе открывшейся течи подходитъ подъ понятіе крушенія—452. См. также 423.

Л.

Лоцманъ.

Отвѣтственность за убытки, причиненные дѣйствіями состоящихъ въ лоцманской командѣ Спб. Порта лоцмановъ, падаетъ на Морское Вѣдомство—430; лоцманъ отвѣчаетъ только за несчастія, произошедшія отъ опасности фарватера—431, 457.

М.

Маклеръ.

Вознагражденіе маклера за наемъ корабля—484.

Удостовѣреніе гофъ-макл. о цѣнахъ на товаръ, выданное на основаніи писемъ торгующихъ даннымъ товаромъ лицъ, имѣетъ силу законнаго удостовѣренія—298, 414.

Н.

Наемъ помѣщеній.

Коль скоро пользованіе предметомъ найма сдѣлается невозможнымъ, то дальнѣйшее дѣйствіе его должно прекратиться—299, 300, 301.

При добровольной отсрочкѣ домовладѣльцемъ даннаго срочнаго платежа онъ впослѣдствіи не вправѣ, основываясь на неисправности въ этомъ платежѣ наемщика, искать съ послѣдняго неустойку—300, 304; обратное взысканіе арендныхъ денегъ—302; несдача помѣщенія въ срокъ дѣлаетъ договоръ необязательнымъ для нанимателя—303. Допущеніе разсрочки платежа въ отдѣльномъ случаѣ не оправдываетъ отступленій отъ договора въ другихъ случаяхъ—305; признаніе судомъ договора найма уничтоженнымъ не лишаетъ нанимателя права взыскивать отдѣльно возможную прибыль—306.

О.

Обычай.

Обязанность доказать существованіе обычая, на которомъ основываетъ права свои тяжущійся, лежитъ на немъ самомъ; къ сдѣлкѣ, заключенной и подлежащей исполненію въ Россіи, можетъ быть примѣненъ лишь обычай, существующій въ Россіи—414.

При существованіи письменнаго соглашенія опредѣленіе взаимныхъ правъ и обязанностей сторонъ на основаніи *обычая* не можетъ имѣть мѣста—63, 71; см. также 414, 415.

Ссуда по торговому *обычаю*—298.

„On call"—см. контокуррентъ.

П.

Перевозка.

Грузовая роспись—см. ниже *коносаментъ*.

Замерзаніе: недоставка товара вслѣдствіе замерзанія порта назначенія не можетъ быть отнесена къ винѣ перевозчика—404; условіе „если ледъ будетъ мѣшать нагрузкѣ въ Николаевѣ" слѣдуетъ понимать въ смыслѣ появленія льда не только въ самомъ Николаевскомъ портѣ, но и на пути слѣдованія туда парохода—417; дни, въ которые пароходъ долженъ былъ простоять въ портѣ, вслѣдствіе его замерзанія, не могутъ быть причислены къ числу подлежащихъ оплатѣ штрафомъ сверхсталійныхъ дней—412.

Квитанціи: обязательность для сторонъ напечатанныхъ на квитанціяхъ условій перевозки—406.

Корабельщикъ: въ какихъ случаяхъ корабельщикъ (капитанъ судна) можетъ быть признанъ представителемъ судохозяина на судѣ—384; корабельщикъ отвѣчаетъ только за тотъ вредъ, который причиненъ его виною—422, 423, несоотвѣтствіе парохода техническимъ условіямъ не можетъ быть отнесено къ винѣ корабельщика; появленіе предостерегательныхъ сигналовъ на метеорологической станціи не обязываетъ корабельщика прекращать навигацію—423, ошибочное показаніе въ лоціи глубины освобождаетъ кораб. отъ отвѣтственности за происшедшее отъ сего крушеніе—469, присутствіе на суднѣ лоцмана не освобождаетъ кораб. отъ отвѣтственности за столкновеніе 431, 457; право корабельщика вчинать иски по дѣламъ, касающимся управляемаго имъ судна—387, 388.

Коносаментъ: свойство и значеніе его—393, 394, 398, 479; отвѣтственность корабельщика по коносаменту 393. Коносаменты для рѣчныхъ судовъ—395. Описаніе товара въ коносаментѣ—397; оговорки въ коносаментѣ о сложеніи отвѣтственности лишены значенія—398, ст. 683 т. X къ случаямъ порчи имущества во время перевозки грузовъ непримѣнима—402; условіе

коносамента о прекращеніи отвѣтственности перевозчика со времени выгрузки клади слагаетъ съ перевозчика отвѣтственность за *случайную* гибель груза, за вину же своихъ агентовъ онъ отвѣтственъ—402; отвѣтственность перевозчика, выдавшаго подъ товаръ ссуду, за количество груза, показаннаго въ коносаментѣ; правила, напечатанныя на коносаментѣ—408, 409.

Срочность перевозки должна быть особо выговорена—404.

Сталійные дни: разсчетъ сталійныхъ дней согласно правилу о правѣ фрахтователя грузить около 20 т. пуд. въ день—417, 418; день объявленія о готовности судна къ принятію груза въ разсчетъ при исчисленіи сталійныхъ дней, не принимается; дни нерабочіе подлежатъ исключенію изъ числа ст. дней—418; при измѣненіи по обоюдному соглашенію начала исчисленія сверхсталійныхъ дней условленнаго въ коносаментѣ, за начало ихъ исчисленія долженъ быть принятъ срокъ, установленный соглашеніемъ—419; требованіе уплаты сверхсталійныхъ денегъ, заявленное шкиперомъ въ то время, когда не истекли еще сталійные дни, открываетъ грузителю право отступиться отъ договора—418; при договорѣ „a la cueillette" число сталійныхъ дней не опредѣляется—412; дни, въ которые пароходъ былъ задержанъ вслѣдствіе замерзанія порта, не могутъ быть причислены къ подлежащимъ оплатѣ сверхсталійнымъ днямъ—412; вознагр. за проср. дни—420, убытки отъ несвоевременной нагрузки судна—416.

Судохозяинъ вправѣ продолжать или прекратить искъ, начатый въ его интересахъ корабельщикомъ—387; законъ, установляя отвѣтственность судохозяина лишь въ случаѣ несостоятельности корабельщика, имѣетъ въ виду только тѣ убытки, которые произошли по личной винѣ корабельщика; не принявъ зависѣвшихъ мѣръ, которыя обезпечивали бы безопасность доставки груза, судохоз. отвѣчаетъ за происшедшіе отъ сего для грузохозяина убытки—422; ср. 390 и 391.

Транспортныя конторы; условія перевозки грузовъ при ихъ посредствѣ—389.

Фрахтователь: согласившись начать и начавъ нагрузку парохода одновременно съ выгрузкой его грузитель не можетъ впослѣдствіи отзываться необязательностью для него такой нагрузки—412; фрахтователь обязанъ начать нагрузку съ. послѣдующаго за извѣщеніемъ о готовности судна дня—415. *См. сталійные дни.*

Фрахтовщикъ: обязанность фрахтовщика не только перевезти, но и охранять товаръ и, въ случаѣ спора, доказать, что товаръ былъ уже доставленъ къ перевозкѣ испорченнымъ—399; обязанность охраненія товара лежитъ на фрахтовщикѣ лишь до выполненія перевозки—404; обязанность фрахтовщика въ силу условій квитанцій страховать на складѣ перевезенный товаръ; опредѣленіе стоимости сгорѣвшаго товара—406; при недоказанности вины фрахтовщика въ произошедшемъ въ его складѣ пожарѣ онъ за понесенные отъ того товарохозяиномъ убытки не отвѣчаетъ—424, 425; значеніе событій, имѣвшихъ мѣсто въ Одессѣ въ 1905 г. въ отношеніи отвѣтственности за убытки—426; *обязанность фрахтовщика вознаградить фрахтовщика за убытки вслѣдствіе нарушенія договора*—387, 407; удержаніе фрахтовщикомъ въ обезпеченіе причитающихся ему отъ фрахтователя сравнительно незначительныхъ уплатъ всего груза неправильно—419; фрахтовщикъ, недоставившій груза, не имѣетъ права на полученіе опредѣленнаго за доставку онаго фрахта, хотя бы недоставка и произошла вслѣдствіе крушенія судна, если о томъ спеціально не постановлено въ договорѣ—427; невозможность выполненія перевозчикомъ принятыхъ по договору обязанностей по причинѣ непреодолимой силы освобождаетъ грузоотправителя отъ обязанности уплатить фрахтъ—428; условіе о вознагр. за предоставленіе груза—429; фрахтовщикъ, принявъ на себя обязанность доставить грузъ въ какую либо внутреннюю таможню, отвѣтственъ за убытки, понесенные грузополучателемъ вслѣдствіе несвоевременной перегрузки товара съ парохода на желѣзную дорогу—413; предѣлы отвѣтственности перевозчика, принявшаго на себя срочную доставку груза, въ случаѣ сложенія желѣзными дорогами отвѣтственности за срочную до-

ставку—405; грузохозянъ не вправѣ отказаться отъ принятія груза, хотя и испорченнаго пожаромъ, но не утратившаго всецѣло своей стоимости—425.

Фрахтовый договоръ: уполномочіе на заключеніе фр. договора объемлетъ и право корабельщика обязывать неустойкою—385; о неустойкѣ по фр. договорамъ, размѣрѣ и порядкѣ ея исчисленія—386; по договору перевозки, заключенному съ самимъ хозяиномъ судна или съ конторою пароходства, а не съ корабельщикомъ, искъ можетъ быть предъявленъ фрахтователемъ непосредственно къ фрахтовщику — 390. Допросъ свидѣтелей въ подтвержденіе существованія фр. договора недопустимъ—392; оговорки о качествѣ принятаго груза—399, 401. Фрахтовщикъ отвѣтственъ за убытки отъ порчи товара вслѣдствіе промедленія въ перевозкѣ—400; выраженіе „настоящимъ уступаемъ мѣсто на пароходѣ“ указываетъ на вполнѣ оформленное обязательство фрахтовщика—407; уступивъ мѣсто на пароходѣ „готовомъ грузить въ ноябрѣ“, отвѣтчикъ не можетъ ссылаться на то, что указанный имъ впослѣдствіи пароходъ „ожидавшійся прибытіемъ въ ноябрѣ“, потерпѣлъ аварію и тѣмъ освободиться отъ отвѣтственности за непредоставленіе парохода—410; недоставивъ къ извѣстному сроку мѣста на пароходѣ, безъ поименованія на какомъ именно, контрагентъ не можетъ впослѣдствіи голословно ссылаться на то, что имѣлся въ виду именно пароходъ, неуспѣвшій по независѣвшимъ причинамъ прибыть къ сроку—411; коль скоро лицо обязалась доставить полный грузъ пароходу, то оно одно только и является отвѣтственнымъ по сдѣлкѣ лицомъ, безразлично, чьимъ грузомъ долженъ былъ быть нагруженъ пароходъ—412; количество означаемыхъ въ цертепартіи регистровыхъ тоннъ не служитъ основаніемъ для опредѣленія количества груза, принимаемаго пароходомъ; пробѣлъ въ цертепартіи при обозначеніи количества тоннъ, котораго не долженъ превышать полный грузъ, обозначаетъ намѣреніе грузить столько, сколько пароходъ можетъ принять 415, толкованіе выраженій: „пароходъ, кот. ожидается быть готовымъ грузить черезъ *приблизительно* 10 дней“—387, „prompt shipment“—414; при зафрахтованіи парохода по частямъ, грузится по обычаю 335—500 тоннъ—415; нагрузка „a la cueillette“—412, условіе о льдѣ—417.

Храненіе груза; причитающееся въ пользу перевозчика вознагражденіе за полежалое ограничивается срокомъ, въ теченіе котораго перевозчикъ *обязанъ* былъ хранить грузъ—425.

Пограничная стража.

Для признанія за чинами пограничной стражи права на полученіе награды по дѣламъ о кораблекрушеніяхъ не требуется, чтобы дѣйствія ихъ предприняты были съ согласія и исключительно въ интересахъ хозяина, потерпѣвшаго крушеніе груза—482, ср. 483.

Поручительство.

Для признанія подписи даннаго лица на договорѣ поручительною необходимо, чтобы это именно было означено въ самой подписи—236.

Поставка, см. *купля-продажа*.

Представители. Понятіе 55—57; обязанности представителя торговаго дома заключаются не только въ продажѣ товаровъ его, но главнымъ образомъ въ распространеніи товара путемъ рекламъ или иными способами — 55—см. также 52.

Проценты—380—382.

Приказчики.

Давность исковая, *см. срокъ*.

Досрочное увольненіе, *см. увольненіе*.

Договоры личнаго найма въ отличіе отъ приказчичьяго договора—49.

Дѣйствія прик., совершенныя безъ разрѣшенія хозяина и на которыя не послѣдовало его позднѣйшаго одобренія, для хоз. не обязательны—25 и 16; хозяинъ, принявшій въ свою лавку купленный прик. товаръ и имъ воспользовавшійся, не вправѣ уклоняться отъ уплаты за него денегъ подъ тѣмъ предлогомъ, что прик. не былъ уполномоченъ, на покупку товаровъ въ кредитъ—23; дѣйствія лица, о коемъ оповѣщено въ циркуляхъ, какъ о представителѣ купца, обязательны для сего послѣдняго—52; общія положенія объ отвѣтственности хозяевъ за дѣйствія приказчиковъ—26, 27; признаніе дѣйствій одного лица, совершенныхъ по операціямъ другого, хотя и безъ письменнаго уполномочія, обязательными для послѣдняго—24.

Отчетъ: понятіе подотчетнаго приказчика—1, 2 и 31, 35, 44; для требованія судомъ отъ прик. отчета хозяинъ обязанъ доказать, что прик. состоялъ на отчетѣ—3; дача отчетовъ по востребованію не освобождаетъ отъ дачи общаго годичнаго отчета—28, 29 и 37; мѣсячный срокъ установленъ закономъ для добровольной дачи прик. отчета, а не для иска хоз. объ отчетѣ—34; прик., не давшій хоз. отчета, обвиняется во всемъ на него показанномъ и имъ доказательно не опровергнутомъ—30, 33; но правило это примѣнимо лишь при условіи, если отчета вовсе не дано—32.

Права приказчиковъ, дѣйствующихъ отъ имени хозяевъ безъ формальной довѣренности—25.

Прекращеніе договора найма: договоръ найма прекращается, коль скоро трудъ нанявшагося по независящимъ отъ нанимателя причинамъ сдѣлался хотя бы на нѣкоторое время невозможнымъ—6; ни открытіемъ несостоятельности, ни смертью хозяина договоръ найма приказчика не прекращается—7; но несостоятельностью приказчика договоръ найма прекращается—43; право приказчика отказаться отъ службы въ случаѣ понужденія его хозяиномъ къ совершенію незаконныхъ дѣйствій—20; невѣжливость и нетрезвость приказчика, какъ основаніе къ его увольненію—21.

Продолжатель дѣла—приказчикъ подчиняется всѣмъ правиламъ о приказчикахъ—12.

Разсчеты хоз. съ прик., см. срокъ.

Рядная плата: при отсутствіи прик. договора, прик. не вправѣ искать рядной платы—4 и 8; размѣръ рядной платы опредѣляется исключительно договоромъ, а не тѣмъ, сколько прик. фактически получалъ отъ хоз.—8; удовлетвореніе прик. ряд. платою не стоитъ въ зависимости отъ дачи прик. отчета—16; при участіи въ прибыляхъ приказчикъ вправѣ требовать представленія торговыхъ книгъ—9; значеніе циркуляровъ, опредѣляющихъ новыя условія службы—10.

Свидѣтели въ подтвержденіе размѣра жалованья—недопустимы—3 и 5.

Свидѣтельства, см. увольнительныя свидѣтельства.

Срокъ: при отсутствіи въ договорѣ условія о срокѣ служенія искъ объ убыткахъ за досрочное увольненіе не можетъ имѣть мѣста—13; выдача на извѣстный срокъ довѣренности не доказываетъ срочности найма—14; срокъ для разсчетовъ хоз. съ прик. годовой по минованіи срока служенія; если на каждый годъ былъ заключаемъ отдѣльный договоръ—то по минованіи срока каждому договору отдѣльно—42; годовой срокъ для разсчетовъ не примѣняется къ искамъ прик. о недополученномъ жалованьи—43, о срокѣ на дачу отчета, см. *отчетъ*, установленный въ ст. 29 Уст. Торг. мѣсячный срокъ непримѣнимъ къ требованію комиссіоннаго %-го вознагражденія—45. Отказъ отъ службы приказчику путемъ уничтоженія довѣренности не можетъ обусловливать теченіе давностнаго срока со дня уничт. довѣренности—46; послѣдствія досрочнаго увольненія приказчика нанимателемъ отъ службы—17, 49.

Предъявленіе гражданскаго иска въ уголовномъ судѣ прерываетъ теченіе сроковъ, установленныхъ въ 24 и 26 ст. Уст. Торг.—47; правило о годичномъ давн. срокѣ непримѣнимо къ разсчетамъ наслѣдниковъ съ лицами, назначенными для продолженія торговли—48.

Увольненіе: право хозяина на досрочное увольненіе вслѣдствіе неудовлетворенія нанявшимся возложеннымъ обязанностямъ—15, 18 и 21; тоже

вслѣдствіе нарушенія прик. договора 11 и 19; хозяинъ, уволившій прик. до срока безъ достаточныхъ къ тому основаній, обязанъ удовлетворить его неустойкою—16.

Увольнительныя свидѣтельства—38, 39, 40, 41.

С.

Спасеніе при кораблекрушеніи.

Подъ понятіе спасенія судна подходитъ и приводъ погибающаго судна въ гавань по просьбѣ хозяина его, если по сему предмету не было заключено особаго договора; опредѣленное въ ст. 501 Уст. Торг., изд. 93 г. вознагражденіе покрываетъ собою и всѣ расходы по спасенію—475, см. также *пограничная стража*—482, а также №№ 477, 478, 479, 483. О правѣ страхователя въ случаѣ крушенія судна заключать спасательный договоръ—480, 481.

Столкновеніе судовъ на рѣкѣ, см. аварія.

Страхованіе.

Лицо, пріобрѣвшее съ публичнаго торга пароходъ, застрахованный по договору, срокъ котораго еще не наступилъ, и заявившее затѣмъ о такомъ переходѣ страховому обществу, но не получившее на это заявленіе никакого отвѣта отъ общества, принявшаго такое заявленіе, имѣетъ право требовать съ общества страховое вознагражденіе—450.

Передача страхового полиса по бланковой надписи—453.

Двойное страхованіе: если первое страх. заключено третьимъ лицомъ безъ приказа и за чужой счетъ, то второе страх., заключенное самимъ страхователемъ, которому о первомъ страх. не было извѣстно, должно быть признано въ своей силѣ—451.

Доказательствомъ морского страхованія можетъ служить только полисъ или замѣняющій его документъ; при заключеніи страх. черезъ комиссіонера, сей послѣдній не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности какъ страховщикъ—438.

Заключеніе договора страхованія посредствомъ обмѣна телеграммъ—437.

Премія: неуплата преміи не лишаетъ страх. договоръ своей силы 437; присужденіе двойной преміи можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда страхователемъ были представлены страховщику своевременно всѣ необходимые для разсчета документы—434.

Проценты по искамъ о страховомъ вознагражденіи взыскиваются со дня подачи заявленія въ страховое общество—447.

Рефакція—въ какихъ случаяхъ грузоотправителю принадлежитъ на нее право—440.

Срокъ; установленіе, по обоюдному согласію, въ договорѣ страхованія годичнаго срока для предъявленія иска къ страховщику допустимо—435.

Страхователь: сокрытіе страхователемъ отъ страховщика факта принадлежности страхуемаго судна другому лицу, а равно умолчаніе о встрѣченныхъ послѣднимъ въ застрахованіи судна затрудненіяхъ, служатъ основаніемъ къ признанію договора для страховщика необязательнымъ—449.

Страховщикъ обязанъ убѣдиться въ благонадежности судна предварительно принятія на страхъ груза—423, страховщикъ, учинившій разсчетъ съ завѣдомо для него неправильнымъ держателемъ полиса, несетъ за это отвѣтственность—434; въ силу § 70 Гамб. общ. прав. м. стр. отсутствіе доказательствъ тому, что гибель судна произошла отъ чрезвычайныхъ случайностей, влечетъ признаніе убытковъ произошедшими отъ негодности судна къ плаванію, освобождающей страховщика отъ отвѣтственности за нихъ—449. Условія отвѣтственности страхового общества за внутреннее поврежденіе груза—441; при указаніи въ полисѣ, что отвѣтственность продол-

жается до принятія груза, то учиненіемъ разсчета по коносаменту отвѣтственность страховщика не прекращается—436; страховщикъ несетъ отвѣтственность какъ за самый грузъ, такъ и за пошлину, за него уплаченную—439; отвѣтственность страховщика въ случаѣ ограниченія ея „дѣйствительною стоимостью груза"—447; отвѣтственность страховщика, принявшаго на себя отвѣтственность „на случай полной гибели судна", при условіи отказа шкипера отъ судна (*абандонъ*)—448; отвѣтственность страховщика при задержаніи груза не воюющими сторонами—454.

Формула „свободенъ отъ поврежденія, кромѣ кораблекрушенія" не освобождаетъ страховщика отъ отвѣтственности за оптовую пропажу груза; понятіе этой послѣдней; отправитель груза не отвѣчаетъ за благонадежность судна, на которомъ перевозился застрахованный грузъ; грузоотправитель, заявившій страх. об-ву о томъ, что на судно нагружено большее, чѣмъ застраховано, количество товара, и уклонившійся отъ участія въ раздѣлѣ спасеннаго товара, не можетъ быть признанъ нарушившимъ ст. 551 Уст. Торг.—443, 452. При страхованіи „только за морскую опасность" страховщикъ отвѣчаетъ за гибель груза, произошедшую отъ дѣйствій воюющихъ сторонъ, хотя и по прекращеніи войны—444, 445, 446.

Убытокъ: доказательствомъ размѣра убытковъ при морскомъ страхованіи могутъ служить не одна только диспаша, но и другіе документы—434.

Ссуда.

Ссуда подъ закладъ товаровъ въ оборотѣ по торговому обычаю—298, подъ залогъ процентныхъ бумагъ, отличіе отъ счета on call—328; ссуда подъ залогъ товара, предназначеннаго къ перевозкѣ—396.

Т.

Товарные знаки (клейма, этикеты), право исключительнаго пользованія ими—93, 94; неправильное пользованіе знаками, сходными по внѣшнему виду при однородной торговлѣ—97, 100; товарные знаки не должны быть ложными—98, 99, 101; наименованіе товара словомъ производнымъ отъ фамиліи не даетъ права пользоваться этимъ этикетомъ въ качествѣ нарицательнаго—102; помѣщеніе на этикетахъ названія мѣстности—103; условія вознагражденія за пользованіе привилегіи—104.

Торговыя книги. Несогласіе записей въ счетахъ истца и отвѣтчика по книгамъ—307. Если послѣ заключенія и сообщенія сальдо отношенія прекратились, то отсутствіе возраженій принявшаго выписку согласія его съ нею не выражаетъ—308 и 314; книга биржевыхъ сдѣлокъ лишь вспомогательная—309, см. также I т. № 316; право передачи права иска по надписи на выпискѣ изъ книгъ—подъ № 309 (Гр. К. Д-та).

Товарищество.

Вкладчикъ: состояніе вкл. предполагаетъ наличность денежнаго вклада или денежной оцѣнки личнаго труда; участіе въ прибыляхъ не доказываетъ права на участіе въ имуществѣ тов-ства и въ его реализаціи—105; отвѣтственность вкл. въ предѣлахъ вклада установлена закономъ лишь въ отношеніи къ третьимъ лицамъ, между собою же товарищи отвѣчаютъ по условіямъ договора—134; во время существованія товарищества вкл. не вправѣ требовать возврата ему вклада—136; требованію вкл. о возвратѣ ему по прекращеніи товарищества вклада должно предшествовать производство разсчета и ликвидація дѣла—137, 139, 140, 147, 155; вкл., утверждая, что данное внесенное имъ въ товарищество имущество тѣмъ не менѣе составляетъ его личную собственность, долженъ доказать это обстоятельство—124, 157; вкладчикъ не имѣетъ права скупать паи вкладчиковъ—125 и 148; подъ причитающеюся товарищу при выдѣлѣ изъ това-

рищества частью складочнаго капитала нельзя понимать сумму внесеннаго имъ вклада, а ту часть изъ общаго капитала, которая можетъ ему причитаться по состоянію дѣла—133 и 148; при разрѣшеніи вопроса объ открытіи несост. товарищества на вѣрѣ не подлежитъ разрѣшенію вопросъ о томъ, является ли данное лицо вкладчикомъ или полнымъ товарищемъ—144; вкладчику принадлежитъ право требовать отъ полнаго товарища отчета—130.

Директоръ-распорядитель: нарушеніе дир.-расп. данной ему правленіемъ инструкціи не имѣетъ для третьяго, вступившаго съ нимъ въ сдѣлку, лица значенія—175. Дир.-расп. изъ постороннихъ лицъ—174; отношенія къ третьимъ лицамъ—176; въ т. 1 № 225.

Договоръ т-ва. Необходимость письменнаго договора при образованіи товариществъ, полнаго и на вѣрѣ; словесно могутъ быть заключаемы лишь договоры о совмѣстномъ производствѣ единичнаго, отдѣльнаго предпріятія (о сообществѣ)—105; существованія и условія этихъ послѣднихъ соглашеній могутъ быть доказываемы и свидѣтелями т. I, № 341—344. При наличности въ договорѣ т-ва отдѣльныхъ противныхъ закону условій судъ вправѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, ограничиться исключеніемъ противозаконныхъ условій, не уничтожая соглашенія—106.

Если общее торговое предпріятіе возникло помимо письменнаго договора, то участники предпріятія всетаки не лишены права требовать своей части въ силу самаго факта общности предпріятія—109. Юридическія отношенія сторонъ по общему торговому предпріятію возникшему безъ письменнаго договора—110. Договоръ товарищества становится обязательнымъ для лицъ, его заключившихъ со времени его подписанія, если другого срока не назначено—111, 136. Отказъ нѣсколькихъ лицъ отъ подписанія договора полнаго товарищества дѣлаетъ договоръ необязательнымъ и для лицъ, его подписавшихъ—107.

Высылка товарища изъ мѣста нахожденія товарищества влечетъ за собою прекращеніе товарищества и разсчетъ—112. Смерть товарища, не указавшаго преемника, прекращаетъ существованіе торговаго дома—113. Включеніе въ договоръ полнаго товарищества условія о томъ, что по смерти одного изъ товарищей его мѣсто заступаетъ второй товарищъ, который и управляетъ всѣмъ дѣломъ единолично, допустимо—114. Надпись полнаго товарища о прекращеніи его, сдѣланная въ ненормальномъ состояніи—ничтожна—120; утвержденіе въ правахъ наслѣдства къ имуществу умершаго лица, состоявшаго въ товариществѣ съ 3 лицомъ, само по себѣ взятое, не создаетъ для наслѣдника права участія въ товариществѣ при отсутствіи постановленія о томъ въ договорѣ—121. Торговля, производимая не на складочный, а на общій унаслѣдованный капиталъ, должна производиться независимо отъ того, заключенъ ли договоръ о полномъ товариществѣ—122. Выходъ одного изъ полныхъ товарищей не прекращаетъ существованія товарищества на вѣрѣ—125; если на прекращеніи товарищества настаиваютъ всѣ товарищи, кромѣ одного, то должна наступить ликвидація—138. Незаключеніе между торгующими подъ извѣстною фирмою лицами особаго тов. договора не снимаетъ съ нихъ отвѣтственности передъ третьими лицами, вступившими въ сдѣлку именно съ фирмою—162; коль скоро установленіе между наслѣдниками полнаго тов—ства опредѣлено принятымъ ими къ исполненію духовнымъ завѣщаніемъ, то въ особомъ учредительскомъ договорѣ нѣтъ надобности—162, 122; при наличности обоюднаго согласія между наслѣдниками умершаго товарища и оставшимся въ живыхъ тов—щемъ на продолженіе тов—ства во всемъ, согласно съ прежде дѣйствовавшимъ договоромъ, въ совершеніи между ними новаго по тому же предмету договора безусловной необходимости не представляется—167; см. также *циркуляръ*.

Имущество торг. дома представляется отдѣльнымъ отъ личнаго имущества товарища—164; торг. домъ можетъ являться должникомъ тов-ща и претензія послѣдняго къ торг. дому не можетъ быть признана погашенною вслѣдствіе сліянія въ одномъ лицѣ кредитора и должника—164.

Инвентарь: счетъ инвентаря, отдѣльно взятый, не можетъ служить основаніемъ къ опредѣленію причитающейся товарищу суммы—129.

Искъ товарища о разсчетахъ долженъ быть предъявленъ не къ товариществу, а къ отдѣльнымъ товарищамъ—160; предъявленіе иска по обязательству фирмы къ полному товарищу т. I—224; предъявленіе иска о признаніи товарищескаго договора въ товариществѣ на вѣрѣ нарушеннымъ къ полному товарищу—161.

Книги торговыя: если веденіе торг. книгъ должно было происходить подъ наблюденіемъ обоихъ товарищей, то товарищъ не можетъ ссылаться на необязательность для него этихъ книгъ въ виду неправильнаго ихъ веденія—129; книга, веденная лично самимъ товарищемъ, доказательной въ его пользу силы не имѣетъ—129.

Относительно доказат. силы книгъ по товариществу см. т. I—311, 312.

Ликвидація—115, 139, 140. Условія выдѣла участника въ товариществѣ—115; участникъ торговаго дома, фактически выбывшій изъ товарищества, не можетъ претендовать на производство ликвидаціи—116; ликвидаторами должны быть лица, избранныя всѣми товарищами для этой цѣли—139; отвѣтственность одного товарища предъ другимъ при ликвидаціи—141.

Общее имущество: завѣдываніе общ. им. со стороны участника въ ономъ не предполагается платнымъ—168. Договоръ товарищества предполагаетъ непремѣнно установленіе общности имущества (складчина)—145.

Оповѣщеніе купечества необходимо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда происходятъ измѣненія въ составѣ и размѣрѣ капитала тов—ства на вѣрѣ; до учиненія такого оповѣщенія, вкладчикъ не вправѣ получить обратно свой вкладъ—135; см. также *формальныя требованія*.

Отчетъ: для признанія за однимъ товарищемъ права на требованіе отъ другого отчета необходимо, чтобъ отношенія ихъ были таковы, что вызывали необходимость отчетности одного передъ другимъ—129 и 155, если веденіе дѣлъ тов—ства лежало одинаково на обоихъ товарищахъ, то ни одинъ изъ нихъ не вправѣ требовать отъ другого отчета—129, 156, веденіе общаго тов. дѣла предполагаетъ отчетность завѣдывающаго дѣломъ передъ другимъ—158; если товарищество подпало подъ администрацію, то вкладчикъ имѣетъ, однако, право требовать отчета—127; если по договору веденіе дѣла и отчетность лежатъ на 2 полныхъ товарищахъ, то вкладчикъ можетъ требовать отчета отъ обоихъ—128; если предъявленъ искъ объ отчетѣ, то не можетъ быть одновременно требованія о выдѣлѣ—117; товарищъ, обязанный отчетностью, долженъ допустить къ осмотру книгъ и дѣлъ не только своего компаніона, но и его повѣреннаго—131. Наслѣдникъ лица, состоявшаго фактическимъ участникомъ въ общей торговлѣ съ другими лицами, вправѣ требовать отъ сихъ послѣднихъ открытія торговыхъ книгъ и отчета—132.

Отвѣтственность: совершивъ договоръ о раздѣлѣ имущества, товарищи отвѣтственны за долги фирмы на основаніи условій договора—123, выйдя изъ товарищества на вѣрѣ съ полученіемъ вклада въ то время, когда долги товарищества превышали складочный капиталъ, вкладчикъ отвѣтственъ предъ кредиторами товарищества—125, 126 и 148; по векселямъ, выданнымъ послѣ извѣщенія купечества о выходѣ одного изъ участниковъ товарищества изъ полныхъ товарищей и переходѣ лишь во вкладчики, этотъ послѣдній не отвѣтственъ—143. Отвѣтственность товарищей по иску товарища, каждаго въ своей по числу товарищей части—160. Отвѣтственность компаніоновъ, не заключившихъ формальнаго договора т-ва, предполагается солидарною—119; въ силу факта вступленія въ товарищество, полный товарищъ отвѣтственъ предъ 3 лицами за всѣ долги товарищества—142. Отвѣтственность отдѣльныхъ членовъ полнаго товарищества наступаетъ при неуспѣшности взысканія съ товарищества—165, 166.

Прибыль: подъ понятіе прибыли тов—ва должна быть подведена и разница между первоначальною и оказавшеюся ко времени выдѣла тов—ща

стоимостью имущества; опредѣленіе такой прибыли по оцѣнкамъ городской управы—160.

Продолженіе товарищества при наличности соглашенія между наслѣдниками умершаго товарища и оставшимися въ живыхъ товарищами—167.

Разсчетъ: необходимость учиненія предварит. разсчета для установленія причитающейся каждому тов—щу части; одинъ фактъ производства общей торговли не создаетъ еще, самъ по себѣ, для одного изъ участниковъ безусловнаго права на какую-либо часть всякаго оказавшагося у другого соучастника по прекращеніи предпріятія имущества—105, 149.

Товарищъ: по учрежденіи тов—ства каждому тов—щу принадлежитъ лишь извѣстная, опредѣленная часть общаго имущества—108, произведенные тов—щемъ расходы не ставятъ его въ положеніе кредитора другого тов—ща въ этихъ расходахъ—137; отдѣльность личнаго имущ. тов—ща, см. *имущество*. Товарищъ, подписавшій балансъ по товар. предпріятію и получившій слѣдовавщую ему сумму, не вправѣ оспаривать означенный раздѣлъ—152 и 153; товарищъ, усилившій оборотныя средства товарищескаго предпріятія путемъ открытія ему кредита вправѣ начислять проценты лишь при согласіи другого товарища на производство самой операціи—118; товарищество въ построеніи, покупкѣ и содержаніи судовъ—169.

Акціонерныя общества и паевыя товарищества—170, 172, 174. Постановленія большинства общаго собранія объ учрежденіи посредствомъ отчисленія изъ чистой прибыли предпріятія подлежащей согласно уставу распредѣленію въ дивидендъ непредусмотрѣннаго уставомъ особаго резервнаго дивиденднаго фонда не обязательны для акціонера, съ этимъ несогласившагося—171; послѣдствія операцій, уставомъ не предусмотрѣнныхъ—180, 181. Общ. собр. акціонернаго общ. можетъ уволить члена правленія или директ. до срока, если его дѣятельность несоотвѣтствуетъ пользѣ дѣла—174, ср. 179. Образованіе акц. общества—177; купонъ, принадлежность акцій—178, 181а. Закрытіе акц. общества—178.

Третейскій судъ: обязательной подсудности тов. дѣлъ трет. суду нынѣ не существуетъ—159.

Формальныя требованія: несоблюденіе форм. треб. (ст. 67 и 68 Уст. Торг. изд. 93 года) при учрежденіи тов—ства не имѣетъ значенія по отношенію къ взаимнымъ правамъ и обязанностямъ товарищей—158, 159.

Циркуляръ: лицо, названное въ циркулярахъ товарищемъ, уполномоченнымъ подписываться фирмою, должно почитаться членомъ торг. дома, хотя бы особаго формальнаго договора заключено и не было—163; циркуляры о директ. распорядителяхъ—176.

Кредиторъ одного изъ участниковъ торговаго дома, несостоящій самъ членомъ его, не можетъ требовать ликвидаціи торговаго дома—151.

Ф.

Фирма.

Понятіе о фирмѣ—84; названія, не содержащія въ себѣ ничего индивидуально опредѣленнаго, отличающаго одно предпріятіе отъ другого, не могутъ быть признаны фирмою—95.

Право торговать подъ извѣстною фирмою можетъ быть предметомъ договора; право на безусловное и безсрочное пользованіе фирмою должно быть точно доказано—85 и 92; присоединеніе къ наименованію предпріятія фамиліи собственника однороднаго предпріятія составляетъ нарушеніе правъ на фирму сего послѣдняго—96; условія пріобрѣтенія правъ на фирму путемъ давностнаго владѣнія—96.

Предоставленіе права пользоваться фирмою не равносильно передачѣ права собственности на оную—87; ограниченія въ правѣ пользоваться фирмою—86, 89.

Пріобрѣтавшееся на основаніи срочныхъ договоровъ объ арендѣ торг. помѣщенія право пользованія его фирмою не установляетъ права собственно-

сти на фирму—88. Доказательствомъ права пользованія фирмою могутъ служить лишь документы, удостовѣряющіе пріобрѣтеніе правъ на фирму отъ перваго ея владѣльца—90.

Право на государственный гербъ и медали не можетъ быть предметомъ гражданскаго оборота и послѣ уничтоженія торговаго дома отдѣльнымъ участникамъ его лично не принадлежитъ—91 и 92.

Фрахтовый договоръ, см. *перевозка*.

Х и Э.

Храненіе—383.

Этикеты, см. товарные знаки.

Экспедиторъ—61.

ПОСТАТЕЙНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Уставъ Торговый.

№№ статей закона.		№№ сборника.
По изд. 1893 г.	По изд. 1903 г.	
1	1	2, 298.
3	3	25.
4	4	25.
5	5	25.
7	6	3, 4, 8, 16.
8	7	3, 4, 5, 8, 21.
9 прим.	8	25.
	11	21.
	12	
24	19	24, 25, 26, 365.
27	22	16, 28, 38.
28	23	39.
29	24	12, 34, 42, 46—48.
30	25	30, 32, 33.
31	26	12, 34, 42, 43, 45, 47, 69, 75.
33	28	38, 39, 49.
35	29	16.
43	36	25, 43, 50.
44	37	25, 50,
45	38	52, 43, 50.
46	39	43, 50.
47	40	
48	5 и 41	50.
49 и 50	42	50.
53	46	69, 75.
59	51	143.
60 и прим.	52	
63	55	105.

№№ статей закона.		№№ сборника.
По изд. 1893 г.	По изд. 1903 г.	
65	57	122.
66	58	
67	59	69, 105, 122, 135, 136, 142, 143, 158, 163, 165, 167.
68	60	69, 122, 128, 135, 136, 142, 143, 158, 163, 164, 165.
69	—	69, 135.
69 прим.	60 прим.	143.
71	62	114, 122, 138, 164, 165, 167.
72	63	105, 122.
73	64	114, 167.
74	65	122, 162.
77	68	122, 162, 164, 119, 141, 142, 165.
78	69	122.
79	70	122, 129, 160, 167, 115, 138, 165.
80	59	122, 162, 163, 167.
81	71	135.
82	72	105, 136, 142.
83	73	143, 105, 127, 135, 160, 106.
84	74	143.
85	75	105, 143, 134, 136, 116.
86	76	69, 135, 142.
87	77	217.
88	78	190, 197, 220, 221, 227.
89	79	213.
91	81	224, 198.
93	83	221.
94	84	227.
95	85	
96	86	184, 190, 221, 227, 198.
97	87	190, 197, 227.
	149	432.
	160	169.
	166	432.
	167	
216	205	431.
218	207	
227	215	423.
228	216	
229	217	
245	232	430, 431.
246	233	431.

№№ статей закона.		№№ сборника.
По изд. 1893 г.	По изд. 1903 г.	
246	233	
прим.	прим.	430.
247	234	387, 431.
253	240	390, 391, 422, 423, 431, 471.
255	242	390, 471.
262	249	122.
315 прим.	искл.	431.
320	„	430, 431.
321	„	431.
329	378	484.
330	379	386.
331	380	
332	381	407.
333	382	484.
334		
335	383	390, 393, 395, 399.
336	384	393, 395, 479.
337	385	393, 395, 398.
338	386	423.
339	387	399, 484.
341	389	399, 424.
342	390	427.
343	391	
344	392	
345	393	427, 472.
349	397	427.
350	398	390, 393, 395, 479.
351	399	399, 427.
355	403	427.
356	404	390.
361	408	387. (Гр. Касс. Деп.).
	432	433.
391	438	452, 485.
394	441	423.
396	443	
418	465	472.
419	466	455.
420	467 и прим.	463.
421	467 прим. и прил.	462.
422		
423		
432	—	455.
433	—	455, 456.

№№ статей закона.		№№ сборника.
По изд. 1893 г.	По изд. 1903 г.	
436	—	462.
438	—	431, 455, 462.
439, 440, 441	—	431, 457.
442	467 прим. и прил.	462.
443		456, 462.
444		462.
445		462.
446		462.
447	468	431.
451	472	431, 456, 457.
454	475	457, 462.
457	478	464, 468, 467.
478	499	452, 475, 476, 482, 479.
480	501	476.
488	508	482.
489	509	482.
498	518	475, 477, 482, 483.
499	519	482.
500	520	475, 476.
501	521	475.
504	524	482.
506	526	475.
	529	448.
	537	479.
	539	479.
	549	435.
538	558	438, 446.
542	561	452.
546	564	452.
550	568	438, 446.
551	569	438, 452.
553	571	436, 453.
555	573	452, 446.
561, 562	579, 580	436.
563	581	436, 452, 454.
	587	454.
573, 574	591, 592	452.
577	595	452.

№№ статей закона.		№№ сборника.
По изд. 1893 г.	По изд. 1903 г.	
	599	454.
	604	448.
587	605	436, 366.
588	606	452.
592 прил.		399.
ст. 51	не помѣщены.	484, 485.
„ 97		414 *).
„ 116		484.
„ 164		
185		
188		487.
198		
	625	467.
	657	487.
606	670	105.
614	678	122.
616	680	122.
617	681	3, 9, 69, 131.
618	682	69.
628	692	484.
634	698	484.
636	700	484.
637	701	484.
638	702	484.
640	704	362.
724	781	408.
728	785	298.
747	804	298. (Гр. Касс. Деп.).
757	814	162.

Уставъ о Векселяхъ (изд. 1887 г.).

№№ статей закона.	№№ сборника.
1 прил.	52
2	52, 371
7	
18	143
99	371

Уставъ о Векселяхъ (изд. 1903 г.).

8	375
87	375

*) *Примѣчаніе составителя.* Ст. 2506 XI т. 2 ч., по изд. 1857 г., соотвѣтствуетъ ст. 97 прил. I къ ст. 592 Уст. Торг., изд. 1893 г.

№№ статей закона.		№№ сборника.
По изд. 1893 г.	По изд. 1903 г.	

Уставъ Судопроизводства Торговаго.

45	42	105, 119.
49	46	238.
	82 прил.	201.
208	154 прим.	159.
164	158	42.
234	210	194.
249	225	162.
258	234	312.
259	235	312.
	260	219.
269	245	414.
270	246	414.
279	255	297.
284	260	297, 304, 227, 399, 195.
309	284	3, 5, 13.
327	302	338.
336	311	94.
352	327	377, 52.
424	отм.	7.
426		7.
459		7.
	364	391.
	365	
477 прим.	384	7.
493	400	164.
495	402	164.
570	477	151, 244, 166.

Законы Судопроизводства Гражд. т. XVI 2 ч.

№№ статей закона.	№№ сборника.
8	393.
26	162, 169.
27	
139	168.
142	50.
333	434.
365	381.
564	393.
634	376.
653	390.

Уставъ Гр. Суд. т. XVI ч. 1.

№№ статей закона.	№№ сборника.
8	214.
19	240.
26	142.
35	142.
82	301, 466.
332	214.
366	214.
409 } 410 }	195.
513 } 533 }	372, 251.
571 п. 3	122.
896 и слѣд.	457.

Уставъ Уголовн. Суд. т. XVI ч. 1.

27	214.

X т. 1 ч. Законы Гражданскіе.

368	202.
388	160.
401	433.
415	142.
420	228.
513	122.
514	122.
534	432.
543	162.
548	115.
565	122.
569	160, 21, 427, 407, 174, 233, 235, 265, 270, 269, 296, 366, 425.
570	233, 235, 269, 285, 296, 427, 407, 160, 17, 239, 366.
574	269, 393, 425, 471.
609	25.
641	382.
683	470, 469, 402.
684	232, 233, 265, 277, 296, 358, 378, 102, 375, 402, 406, 414, 422, 427, 387, 393, 63.
687	27.
690	228.

№№ статей закона.	№№ сборника.
691	171, 228.
692	435.
693	171, 265.
694	435.
698	142.
700	434.
919	107.
1013 прил. ст. 19	7.
1238 прил. п. 13, 14	167.
1238 прил. п. 18	122.
1259	127, 160, 167.
1384	244, 243.
1385	25.
1401[1]	361.
1509[2]—[5]	284.
1510	243, 244.
1511	25.
1513	277.
1514	249.
1515	244.
1516—1518	244, 249, 260, 250, 251.
1528	231, 232, 390, 240.
1529	237, 238, 331, 433.
1530	129, 271, 408, 435.
1533	387.
1536	28, 64, 235, 271, 390, 427.
1539	387, 414.
1544	7, 167.
1545	235, 304, 433.
1547	304.
1548	236, 160, 399.
1549	122.
1555	57.
1557	236.
1562	236.
1654	432.
1663	328, 432.
1664	215.
1666	215.
1667	377, 298.
1669	328.
1670, 1671	432.
1673	328, 377.

№№ статей закона.	№№ сборника.
1674[1]	331.
1676	298, 408, 376.
1677	355.
1679	243.
1686	241.
1690	176.
1691	299.
1705	304.
1708	471.
1737	285, 415.
1742	287, 176.
1744	285.
1907	471.
2014	272, 331.
2019	362.
2022	323.
2045	297.
2052	297.
2054	297.
2105	213.
2118	171.
2126	105.
2129	151, 167.
2130	127.
2132	105, 107, 160.
2133	129, 115, 167.
2134	151, 107, 165.
2135	136.
2136	115.
2139	364.
2140	105.
2153	171, 331.
2155	178.
2158	105.
2161	364.
2163	364.
2166	364.
2167	364.
2168	328.
2175	364.
2181	176.
2191 п. 10	171.
2199	437.
2200	178.
2228	174.

№№ статей закона.	№№ сборника.
2230	21.
2238	7, 223.
2326	131, 375.
2330	7.
2330 п. 5	43.

Уст. о Прям. Налог. 93 г.

37, 42	160.
74, 75, 289, 298	122.

Уст. Тамож. (904 г.).

361	394.
388	402.

Уст. Пут. Сообщ. XII т.

88	395.

Общ. Уст. Росс. ж. д.

53	405.
71	440.
102, 107	406, 447.
110	405.

Мѣстн. Зак. Губ. Прибалт.

802, 3217, 3257, 3260, 3271	259.
3545—3564	366.
4022	259.

Законъ 26 февр. 1896 г. о товарныхъ знакахъ.

(Уст. Пром. т. XI ч. 2 по Прод. 1906 г.).

161[1]—[21]	97, 100—103.
167 и слѣд.	104.

Гражд. код. Царства Польскаго.

1108 1133 1783 1921—1924 1927 1927 2928	383.

Торг. код. Царства Польскаго.

102	383.

Гамбургск. прав. страхованія.

434, 443, 449, 444, 445, 446, 480.

Томъ II.

Практика Прав. Сената по торгов. дѣламъ

1914 г.